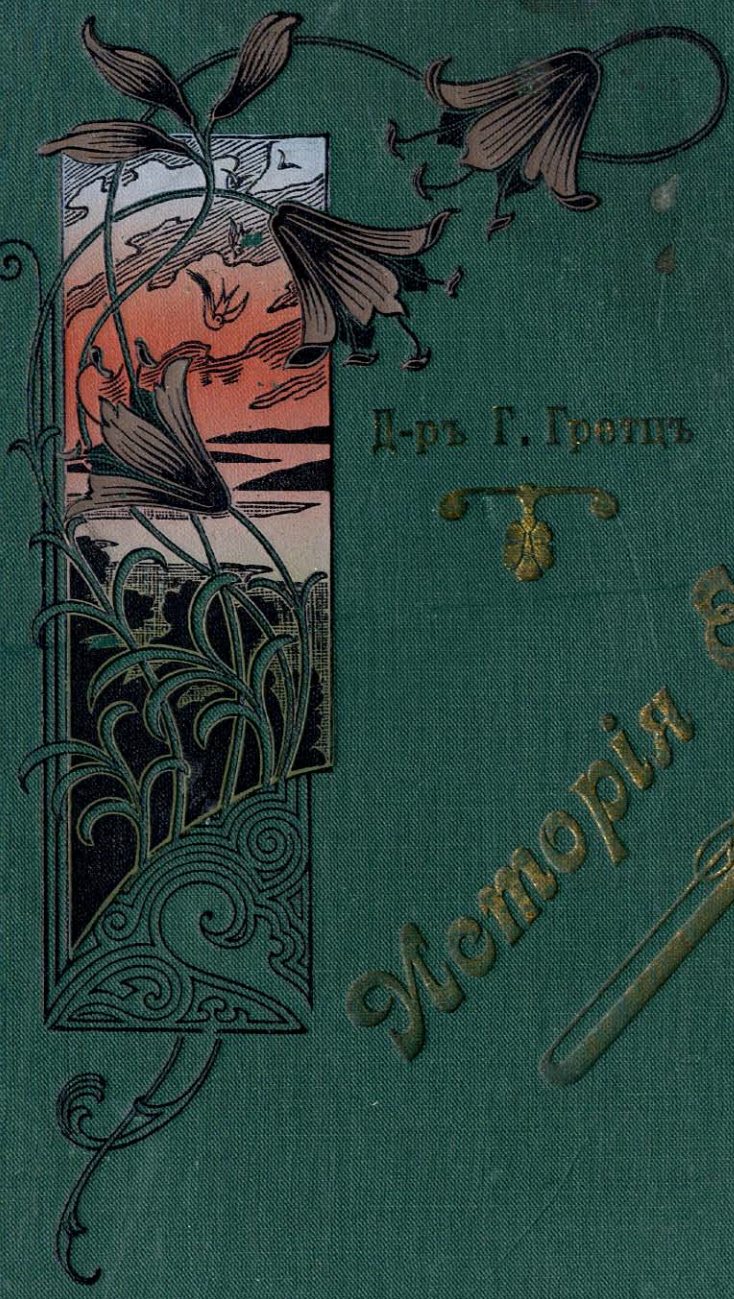


Д-ръ Г. Гретцъ

Исторія Евреевъ

Д-ръ ГЕНРИХЪ ГРЕТЦЪ.

ИСТОРІЯ ЕВРЕЕВЪ

ОТЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАСТОЯЩАГО

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

Д-ра П. Каменецкаго

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д-ра ВЕНІАМИНА ШЕРЕШЕВСКАГО.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Изданіе книжнаго магазина ШЕРМАНА.

ОДЕССА
Типографія „Издатель" Я. Х. Шермана, Троицкая 33.
1905 г.

55528/4

Дозволено цензурою. Одесса, 28 іюля 1905 г.

К-335/75/56561

Эпоха маккавеевъ и иродіанъ.

ГЛАВА I.

Іонатанъ.

Положеніе евреевъ послѣ смерти героя Іуды Маккавея. Партіи: хасидеи, эллинисты и хасмонеи. Іонатанъ, вождь Хасмонеевъ. Партизанская война противъ Бакхида. Смерть первосвященника Алкима. Перемиріе между Іонатаномъ и Бакхидомъ. Іонатанъ, вождь народа. Споръ изъ-за обладанія сирійскимъ престоломъ доставляетъ Іонатану санъ первосвященника. Его осторожная политика, плѣнъ и смерть.

(160—143).

Іуда Маккавей геройски окончилъ жизнь въ битвѣ при Элеазѣ. Весь народъ одѣлъ по немъ трауръ[1]), потому-что онъ дѣйствительно осиротѣлъ. Вспыхнувшее воодушевленіе, которое превратило робкихъ и терпѣливыхъ евреевъ въ героевъ, вызвало смѣлые подвиги, извѣстные подъ названіемъ „маккавеевскихъ“, и пробудило пламенныхъ поэтовъ, „пѣвшихъ Господу новыя пѣсни“, не могло продолжаться слишкомъ долго, именно потому, что оно было черезъ-чуръ сильнымъ, и въ результатѣ постепенно должна была наступить реакція. Цѣлый народъ, который главнымъ образомъ занимается земледѣліемъ и скотоводствомъ, не можетъ постоянно оставаться подъ оружіемъ, чтобы отражать каждый разъ возобновляющіяся нападенія враговъ. Возстаніе іудейскаго народа противъ тираническихъ требованій, которыя должны были замѣнить самыя дорогія духовныя блага, религію и нравственность, чужими ненавистными обычаями, оторвало земледѣльца отъ плуга, законоучителя отъ Св. писанія, священника отъ святилища, набожнаго отъ благочестивой жизни и отодвинуло на задній планъ всѣ интересы повседневной жизни. Такое состояніе не могло долго продолжаться. Кромѣ того, главное обстоятельство, которое побудило народъ къ мужественному сопротивленію, было устранено, побѣда въ извѣстномъ смыслѣ достигнута и упрочена. Далѣе, прекратились насильственныя требованія отказаться отъ Бога Израиля, приносить жертвы Зевсу и замѣнить еврейскую строгость нравовъ греческимъ легкомысліемъ. Дого-

[1]) I кн. Маккавеевъ **9**, 18—21.

воръ, заключенный Іудой Маккавеемъ съ несовершеннолѣтнимъ царемъ Антіохомъ Эвпаторомъ и его опекуномъ, полководцемъ Лизіемъ, въ Іерусалимѣ (163), обезпечилъ народу свободу совѣсти [1]); вступившій вслѣдъ за тѣмъ на сирійскій престолъ *Дмитрій I* не нарушилъ этого договора, не смотря на свою непріязнь къ евреямъ. Въ іерусалимскомъ храмѣ могли производиться обычныя жертвоприношенія, и, хотя назначенный Дмитріемъ первосвященникъ *Алкимъ* (Эліакимъ) не былъ любимцемъ народа, все-же онъ, въ противоположность своему предшественнику Менелаю, происходилъ изъ священническаго рода. Однако враждебная іудейству партія эллинистовъ владѣла еще крѣпостью Акрой въ Іерусалимѣ, откуда она угрожала гибелью благочестивымъ и осквернѣніемъ храму, и своими постоянными жалобами на патріотовъ побуждала сирійскаго царя послать войска противъ іудеевъ. Побѣдитель *Бакхидъ* доставилъ ей господствующее положеніе въ странѣ, и своей властью она злоупотребляла, желая сокрушить благочестивыхъ [2]). Но такія явленія, которыя подстрекаютъ благородные характеры къ отпору или самопожертвованію, для народа, любящаго больше всего покой, представляются недостаточно важными, чтобы поставить на карту себя, своихъ близкихъ и свое имущество, если только онъ не принуждается къ тому обладающей достаточнымъ авторитетомъ властью. И именно такой общепризнанной власти не было послѣ смерти Іуды Маккавея. Народные вожди разбились на партіи, и братья Хасмонеи, не смотря на то, что были любимцами народа, не имѣли достаточнаго вліянія, чтобы собрать подъ своими знаменами весь народъ; они имѣли значеніе только, какъ одна изъ партій.

Еще до смерти Іуды Маккавея можно различить три рѣзко выраженныхъ партіи; и вообще существованіе партій, которое является признакомъ жизнеспособности народа, ведетъ свое происхожденіе со временъ Маккавеевъ. Наиболѣе старая изъ этихъ партій, строго придерживающаяся закона, была партія *хасидеевъ*, благочестивыхъ.

Они самымъ строгимъ образомъ исполняли не только законы, находящіеся въ Пятикнижіи, но и добавленія, введенныя со временъ Эзры, а также и тѣ тягости, которыя были введены книжниками (соферимъ), чтобы служить защитой и оградой. Благочестивые налагали на себя тяжелыя лишенія и, какъ назарен, отказывались на время или на всю жизнь отъ вина. Эта хасидейская партія считала каждое нерегламентированное закономъ наслажденіе грѣхомъ. Вообще она разсматривала іудаизмъ, какъ религію аскетизма, которая постоянно требуетъ отреченія и лишеній и подчиняетъ закону всю человѣческую дѣятельность. Съ этимъ аскетическимъ направленіемъ часть хасидеевъ соединяла и теоретическое стремленіе углубиться въ изученіе писаннаго закона, вообще изслѣдовать недавно признанныя святыми книги и въ частности вѣрно сохранить и передать устныя опредѣленія и толкованія закона. Книжники и хасидеи составляли одно цѣлое, особый классъ, хотя одни, ученики *Іосе бенъ-Іоэзера*, придавали бо́льшее значеніе обученію и ученію, а другіе, сторонники *Іосе бенъ-Іоханана* изъ Іерусалима, главное вниманіе обращали на осуществленіе заповѣдей на практикѣ [1]). Книжники занимали мѣста судей и учителей, благодаря чему имѣли большое вліяніе на народъ и на учащуюся молодежь. Въ виду своего направленія, партія эта должна была являться сторонницей спокойствія и мира, что давало бы ей возможность исполнять требованія закона и изучать его, поэтому она не чувствовала никакой склонности къ политической дѣятельности. Изъ этого спокойствія могло вырвать ее только насильственное вмѣшательство сирійскихъ тирановъ въ самые святые интересы евреевъ; насилія сирійцевъ эта партія чувствовала еще больнѣе, чѣмъ всѣ прочія. Для хасидеевъ ничто не было болѣе ненавистно, нежели греческій образъ жизни, который какъ разъ заключался въ внѣшней мишурѣ и въ тѣлесныхъ наслажденіяхъ, въ то время какъ для первыхъ тѣло съ его требованіями представлялось мѣстопребываніемъ дьявола, заслуживающимъ презрѣнія. Между тѣмъ приказаніе сирійскаго царя требовало отъ нихъ, чтобы они отказались отъ своего образа жизни, приняли чужой и, мало этого, еще приносили жертвы языческому богу. Это невыносимое требованіе вывело ихъ изъ созерцательнаго образа жизни и заставило ихъ взяться за оружіе. Но послѣ первыхъ побѣдъ и освященія храма они вернулись къ своимъ прежнимъ занятіямъ, недовольные, повидимому, дѣятельностью Хасмонеевъ, и даже поддерживали первосвященника Алкима; они думали, что онъ, происходя изъ рода Арона, не причинитъ имъ ничего дурного. Хотя они обманулись въ своихъ ожиданіяхъ и стали жертвой своего легковѣрія, тѣмъ не менѣе нельзя замѣтить, чтобы во время Іуды или Іонатана они вновь взялись за оружіе. Хасидеи больше не вмѣшивались въ дѣла, но предоставили все волѣ божественнаго Провидѣнія, которая приведетъ все къ лучшему или пошлетъ тяжелыя испытанія для исправленія, какъ это показываетъ вышедшая изъ ихъ среды Книга Даніила.

Партіи хасидеевъ прямо противоположна была партія *эллинистовъ*. Такъ какъ іудаизмъ съ своею нравственностью и строгостью препятствовалъ ихъ распущенности, то они возненавидѣли его; такъ-какъ іудаизмъ былъ неразрывно связанъ съ еврейской національностью, то они стали ожесточенными врагами своего народа. Порвавши связь съ народомъ элли-

[1]) Маккавеи **6**, 59—61.

[2]) Т. же **9**, 25, **13**, 47.

[1]) Маккавеи **7**, 12—13.

нисты должны были примкнуть къ сирійскямъ правителямъ, чтобы съ ихъ помощью проводить свои извращенные взгляды, и такимъ образомъ стали изиѕмѣнниками какъ своему народу, такъ и ученію и обычаямъ отцовъ. О томъ презрѣніи и отвращеніи, которое питали къ нимъ, говорятъ тѣ прозвища, которыми ихъ заклеймили ихъ современники: *„отступники отъ священнаго союза, измѣнники союзу, преступники, беззаконники и безбожники“*. Однако они считали въ своихъ рядахъ служителей храма, священниковъ и представителей древнихъ аристократическихъ родовъ. Благодаря побѣдоносной борьбѣ Хасмонеевъ они были лишены своей власти и, послѣ смерти главнаго измѣнника Онія-Менелая(163)оставшись безъ вождя,были вынуждены искать спасенія отъ справедливаго народнаго гнѣва въ крѣпости Акрѣ. Отсюда они, желая отмстить всѣмъ, кто не раздѣлялъ съ ними ихъ измѣны, постоянно науськивали сирійскихъ правителей противъ своихъ соплеменниковъ. Со смертью Іуды господство снова перешло въ ихъ руки. Имена ихъ вождей остались неизвѣстными; возможно, что ими были *Одура*, его братья и сыны *Фазирона* [1]).

Третьей главной партіей въ короткое время стали *Хасмонеи;* ея вождями были оставшіеся въ живыхъ сыновья Маттаѳіи: *Іонатанъ, Симонъ* и *Іохананъ;* къ ней принадлежали ихъ родственники, друзья и сторонники. Сходясь съ хасидеями въ ихъ любви къ іудаизму и его святынямъ, Хасмонеи отличались отъ нихъ широтою своего кругозора, правильной оцѣнкой всего происходившаго и мужественною настойчивостью, благодаря которой они, не смотря на всѣ препятствія, никогда не уклонялись отъ разъ намѣченной цѣли. Эта партія, ставшая во главѣ движенія, благодаря своему религіозному энтузіазму, мужеству и умѣнью счастливо пользоваться обстоятельствами, не удовлетворилась тѣмъ, что избавила святыню отъ осквернения и заставила прекратить религіозныя гоненія; она хотѣла удалить причины, которыя вызвали эти печальныя событія.

Псалмопѣвецъ превосходно характеризуетъ поведеніе этой партіи въ слѣдующихъ словахъ: „Слова Господа на ихъ устахъ и острый мечъ въ ихъ рукахъ“. Она не могла примириться съ тѣмъ, чтобы Іудея еще долго стонала подъ ярмомъ ненавистныхъ грековъ и чтобы существованіе іудаизма зависѣло отъ настроенія сирійскаго деспота или отъ козней измѣнической партіи; она хотѣла укрѣпить въ Іудеѣ не только *религіозную свободу,* но и *политическую независимость* [2]). Къ этой именно цѣли стремился Іуда Маккавей, когда послѣ освященія храма онъ наказалъ идумеевъ, помогъ притѣсненнымъ въ Галилеѣ и по ту сторону Іордана, основалъ крѣпости и выпустилъ мечъ изъ рукъ лишь тогда, когда смерть вырвала

[1]) Маккавеи **9**, 66.

[2]) Т. же **8**, 18.

его. Но для такого труднаго предпріятія, какъ возстановленіе независимаго еврейскаго государства, казались Хасмонеямъ далеко не достаточными тѣ средства, которыя находились въ ихъ распоряженіи. Число ихъ вѣрныхъ, безумно-храбрыхъ сторонниковъ не превосходило трехъ тысячъ, ихъ войско было еще не обучено, только воодушевленіе заставило ихъ вступить въ ряды бойцовъ, не было достаточно оружія, не было конницы. Какъ могли они долго сопротивляться сирійскимъ войскамъ, хорошо обученнымъ македонскому военному искусству! Поэтому Хасмонеямъ пришлось прибѣгнуть къ дипломатіи, стараться воспользоваться слабыми сторонами сирійскаго царства и соединиться съ ихъ врагами.

Главными врагами сирійской династіи были Римляне, которые тогда были уже на вершинѣ своего могущества.

Кажется, что уже Іуда вступилъ въ переговоры съ этими повелителями міра, хотя представляется не совсѣмъ правдоподобнымъ извѣстіе о посольствѣ, которое онъ отправилъ въ Римъ съ цѣлью вступить въ число союзниковъ Римскаго народа. Точно также, какъ кажется, Хасмонеи вступили въ дипломатическія сношенія съ царемъ Парѳянъ Митридатомъ I, который приблизительно тогда же счастливо нападалъ на сирійскія владѣнія по ту сторону Евфрата. Такимъ образомъ могло-бы быть понятно преданіе, которое сообщаетъ, что Израиль т. е. Хасмонеи взирали на горы Востока и ждали помощи Персовъ. Однимъ словомъ, эта хасмонейская партія руководствовалась политическимъ искусствомъ и старалась восполнить недостаточность своихъ силъ чужеземною помощью. Но какъ разъ эта свѣтская политика Хасмонеевъ не нравилась ихъ союзникамъ, хасидеямъ. Послѣдніе, которые всю свою надежду возлагали на Бога, могли себѣ представить битвы и побѣды только по библейскому образцу: Богъ поразитъ враговъ чудеснымъ образомъ, какъ онъ уже поразилъ войско Сисеры у рѣки Кисона передъ Баракомъ, аммонитянъ и моавитянъ въ долинѣ Бераха передъ благочестивымъ царемъ Іосафатомъ, ассиріянъ при Санхеривѣ предъ Іерусалимомъ. Искать чужеземной помощи значило по ихъ мнѣнію не вѣрить во всемогущество Бога. „Лучше положиться на Бога, чѣмъ на людей; лучше положиться на Бога, чѣмъ на князей“ [1]). Поэтому одинъ изъ предводителей партіи хасидеевъ сдѣлалъ Хасмонеямъ упрекъ, что они ждутъ помощи отъ Персовъ. „Развѣ не сказано въ Писаніи,—говорилъ онъ,—что проклятъ человѣкъ, который полагается на помощь плоти и отвращаетъ отъ Бога свое сердце, и далѣе, что благословенъ человѣкъ, который полагается на Бога, тогда Господь будетъ его прибѣжищемъ“. Можно предполагать, что это недовольство было одной изъ причинъ, почему хасидеи отдѣлились отъ Хасмонеевъ, и такимъ образомъ было уменьшено число

[1]) Пс. **118**, 8.

бойцовъ; это обстоятельство, быть можетъ, вызвало смерть Іуды. Когда онъ былъ окруженъ сирійскимъвойскомъ, то во время этого бѣдствія ему остались вѣрными лишь 800 человѣкъ, которые сражались храбро, но несчастливо.

Изъ этихъ трехъ партій только Хасмонеи имѣли надежду достигнуть кормила правленія. Съ одной стороны эллинисты совершенно порвали всѣ связи съ народомъ, стали ему черезъ-чуръ ненавистны для того, чтобы они могли разсчитывать на какое нибудь будущее. Съ другой стороны хасидеи обладали черезчуръ узкимъ кругозоромъ, не обладали достаточнымъ пониманіемъ политическихъ обстоятельствъ, чтобы, умѣло пользуясь ими, водворить миръ и спокойствіе въ странѣ; они были недостаточно честолюбивы и слишкомъ любили покой, чтобы имѣть возможность замѣнить господствовавшее тогда состояніе анархіи порядкомъ. А анархія царила ужасная. Обѣ вооруженныя партіи: Хасмонеи и эллинисты враждовали и дрались всюду, гдѣ только встрѣчались; кровопролитія и рѣзня были обычнымъ явленіемъ; не было авторитета, который могъ-бы ихъ остановить. Кажется, что не было даже законной власти. Голодъ, по всей вѣроятности вызванный сирійскими войсками, разграбившими страну и уничтожившими посѣвы, еще увеличилъ эту анархію. Первая книга Маккавеевъ описываетъ это время въ слѣдующихъ словахъ: „это было великое горе во Израилѣ, какого не было съ тѣхъ поръ, какъ прекратились пророчества“. Во время этого бѣдствія народъ, прійдя въ отчаяніе, взиралъ съ надеждой на *Іонатана* Хафуса и ожидалъ отъ него, что онъ усмиритъ эллинистовъ, изгонитъ сирійцевъ изъ страны и возвратитъ странѣ миръ и спокойствіе. Но Іонатанъ не имѣлъ ни военныхъ способностей своего брата Іуды, ни находилъ поддержки во всемъ народѣ. Это былъ скорѣе политикъ, чѣмъ полководецъ и умѣлъ лучше воспользоваться слабыми сторонами врага на дипломатическомъ поприщѣ, чѣмъ на полѣ брани. Онъ былъ слишкомъ слабъ для наступательной войны противъ Бакхида и его войска, которое Дмитрій I послалъ въ Іудею; поэтому долженъ былъ ограничиваться обороной, когда на него нападали сирійцы. Сирійскій дворъ вполнѣ справедливо смотрѣлъ на Хасмонеевъ, какъ на бунтовщиковъ, которые стремились къ независимости отъ него, и преслѣдовалъ эту партію, какъ таковую. Отъ этихъ преслѣдованій Хасмонеи скрывались вблизи источника *Асфаръ,* въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ близъ Іордана, но не находились въ достаточной безопасности и вынуждены были отправить женъ и дѣтей къ племени наботеевъ по ту сторону Іордана, съ которыми находились въ дружескихъ отношеніяхъ. Однако по дорогѣ они вмѣстѣ со своимъ вождемъ, Іохананомъ Хасмонеемъ, подверглись нападенію враждебнаго племени Бне-Амри изъ города Медабы и всѣ перебиты. За это злодѣяніе Іонатанъ впослѣдствіи жестоко отплатилъ: онъ неожиданно напалъ на племя Амри, когда оно

праздновало свадьбу дѣвушки изъ виднаго дома, многихъ избилъ, а другихъ обратилъ въ бѣгство. Даже въ этихъ уголкахъ Іорданской долины не имѣли покоя Хасмонейскіе отряды. Бакхидъ искалъ ихъ также и здѣсь, нападалъ на нихъ по субботамъ, когда битва, хотя и не была воспрещена, но вслѣдствіе затрудненій, которыя ставилъ законъ, не могла вестись съ достаточной силой, и заставилъ ихъ спастись вплавь по ту сторону Іордана. Такимъ образомъ вся страна по сю сторону Іордана была открыта для врага, и Бакхидъ не упустилъ случая лишить Хасмонеевъ возможности предпринимать что нибудь. Съ этой цѣлью онъ возстановилъ разрушенныя крѣпости: *Іерихонъ* и *Бетъ-Элъ* на востокѣ, *Эммаусъ, Бетъ-Хоронъ* и *Таманъ* на западѣ, *Фаратонъ* или *Пиратонъ* въ горахъ *Эфраима* и *Нетофа* къ юго-западу отъ Іерусалима. Онъ еще сильнѣе укрѣпилъ *Акру, Бетъ-Цуръ* и *Хацоръ* и сложилъ тамъ военные припасы и провіантъ. Кромѣ того онъ обезпечилъ себѣ вѣрность народа тѣмъ, что держалъ въ Акрѣ въ качествѣ заложниковъ дѣтей лучшихъ семействъ. Такимъ образомъ Бакхиду удалось въ теченіе одного года (160—159) то, чего не могли сдѣлать многіе полководцы въ теченіе шести лѣтъ: совершенно сломить вооруженное сопротивленіе противъ сирійцевъ. Больно чувствовалось отсутствіе геройской руки Маккавея. Если бы цѣлью царя Дмитрія было насильственное вмѣшательство въ религіозныя отношенія еврейскаго народа и возведенія греческаго язычества на степень государственной религіи, то онъ не могъ бы найти болѣе благопріятнаго момента, какъ этотъ, когда силы народа были сломлены и его герои были обречены на бездѣятельность. Но второй преемникъ Антіоха Эпифана, преданный распутной жизни, не слѣдовалъ его политикѣ и ограничился утвержденіемъ своего господства надъ Іудеей для того, чтобы имѣть возможность получать ежегодную дань и завладѣть всѣми источниками доходовъ. Налоговыя требованія были чрезвычайно тяжелы. Дмитрій обращался съ Іудеей, какъ съ завоеванной страной, которая не заслуживаетъ никакой пощады. Онъ разсматривалъ землю и людей, какъ свою собственность. Для покрытія подушной подати и государственныхъ повинностей, которыя были уже раньше введены, земледѣльцы должны были доставить третью часть полевыхъ плодовъ и половину сбора съ оливковыхъ деревьевъ. Жители столицы, которые не занимались земледѣліемъ, должны были платить своего рода налогъ за предметы потребленія, а именно десятую часть съ съѣстныхъ припасовъ. Соль изъ Мертваго моря и изъ шахтъ, которыя тамошніе жители построили для добыванія соли, сирійскій царь требовалъ себѣ, и собиратели должны были доставлять въ казну третью часть собраннаго. Изъ доходовъ на поддержаніе храма Дмитрій бралъ себѣ ежегодно 5000 шекелей.

Сирійскій дворъ показалъ между тѣмъ послѣ смерти Алкима, что онъ вовсе не думаетъ о религіозныхъ преслѣдованіяхъ. Этотъ первосвященникъ, хотя и не любимый народомъ, во всякомъ случаѣ не принадлежалъ къ ярымъ эллинистамъ; по крайней мѣрѣ источники не указываютъ ни одной черты, по которой можно было-бы судить, что онъ стремился къ уничтоженію іудаизма. Его упрекаютъ только въ томъ, что онъ былъ возведенъ въ первосвященническій санъ Бакхидомъ, что былъ утвержденъ въ немъ давленіемъ сирійской власти и что былъ врагомъ Хасмонеевъ, противъ которыхъ онъ неустанно возбуждалъ гнѣвъ Дмитрія. Однако источники ничего не говорятъ о томъ, что онъ вводилъ языческія учрежденія или-же произвелъ какія нибудь существенныя нововведенія въ храмѣ. Это былъ только честолюбецъ, который ухватился за господствовавшую въ то время власть, чтобы утвердиться въ своемъ санѣ. То преступленіе, въ которомъ его упрекаютъ и которымъ, какъ полагаютъ, онъ навлекъ на себя гнѣвъ неба, при ближайшемъ разсмотрѣніи вовсе не оказывается оскорбленіемъ религіи. Между внутреннимъ и внѣшнимъ дворами храма находился своего рода палисадникъ, который носилъ имя Сорегъ (Хал. Soriga). Эта перегородка, считавшаяся „постройкой пророковъ“, служила границей, до которой могли проникнуть язычники и осквернение прикосновеніемъ къ трупу. 23-го мархешвана (ноябрь 159) принялся Алкимъ за срытіе этой внутренней стѣны, безъ сомнѣнія, съ намѣреніемъ открыть язычникамъ дальнѣйшій доступъ въ храмъ. Этотъ поступокъ такъ оскорбилъ благочестивыхъ, что, когда вскорѣ послѣ этого Алкимъ былъ разбитъ параличемъ съ потерей рѣчи и вслѣдствіе этого умеръ, они объясняли его смерть не иначе, какъ наказаніемъ съ неба за осквернение храма. День, когда былъ назначенъ проломъ этой стѣны, помѣстили въ число дней поминовенія, какъ дни освященія храма, смерти Антіоха Эпифана и побѣды надъ Никаноромъ. Если-бы Алкимъ совершилъ болѣе тяжкій поступокъ противъ іудаизма, то навѣрное исторія и преданіе не умолчали бы объ этомъ. Поэтому Алкимъ никакимъ образомъ не можетъ быть поставленъ на ряду съ Менелаемъ. Этотъ былъ вѣроотступникъ, который изъ ненависти стремился къ перевороту въ іудаизмѣ; Алкимъ-же стремился изъ честолюбія только къ тому, чтобы носить санъ первосвященника. Послѣ его смерти сирійскій дворъ оставилъ этотъ высшій въ іудейскомъ государствѣ постъ незамѣщеннымъ, потому что для него имѣло большое значеніе упразднить и эту послѣднюю тѣнь самостоятельности; семь лѣтъ оставался храмъ безъ первосвященника и страна безъ политическаго представителя. Вѣроятно въ теченіе этого времени исполнялъ обязанности первосвященника его замѣститель, носившій титулъ *саганъ* [1]). Относительно

[1]) Тракт. Іома, мишна 7, 1.

другого вмѣшательства сирійцевъ во внутреннія дѣла страны ничего не сообщается; разсказываютъ, наоборотъ, что Бакхидъ вскорѣ послѣ этого удалился, и евреи въ теченіе двухъ лѣтъ наслаждались покоемъ (159—157).

Этимъ покоемъ воспользовались предводители партіи Хасмонеевъ, Іонатанъ и Симонъ, чтобы увеличить свою силу для сопротивленія. Они укрѣпили въ іерихонской пустынѣ оазисъ у Бетаглы недалеко отъ Іордана, гдѣ находились тѣнистый лѣсъ и источникъ чистой, сладкой воды. Іорданъ по близости служилъ Хасмонеямъ защитой противъ нападенія съ тыла и какъ прибѣжище въ случаѣ возможнаго пораженія. Хотя Іонатанъ во время этой войны имѣлъ приблизительно видъ простого предводителя бедуиновъ, который отказываетъ въ перемиріи власти, господствовавшей въ странѣ, но такъ-какъ симпатіи народа были на его сторонѣ и такъ-какъ онъ поднялъ мечъ за святое дѣло, то онъ пользовался болѣе высокимъ авторитетомъ. Безъ сомнѣнія вредъ, который онъ со своими приверженцами наносилъ эллинистамъ, былъ достаточно великъ, и они жаловались сирійскому двору на задоръ Хасмонеевъ. Но такъ какъ Дмитрію въ его бездѣятельности и Бакхиду, благодаря сдѣланнымъ испытаніямъ, надоѣло вести партизанскую войну на неудобныхъ мѣстахъ съ регулярными войсками, то эллинисты выхлопотали себѣ разрѣшеніе тайно напасть на Іонатана и Симона и захватить ихъ въ плѣнъ. Уже была устроена засада тѣмъ двумъ вождямъ, отъ которыхъ зависѣло все будущее, какъ ихъ извѣстили объ этой хитрости, и они получили возможность принять необходимыя мѣры противъ этого. При этомъ пятьдесятъ эллинистовъ были схвачены и казнены. Бакхидъ, который ожидалъ скорой развязки, увидѣлъ себя принужденнымъ начать новую войну. Онъ осаждалъ долгое время Хасмонеевъ въ ихъ крѣпости Бетаглѣ, но Хасмонеи собрали достаточный отрядъ, такъ что могли его раздѣлить. Іонатанъ поручилъ своему брату Симону защиту крѣпости, а самъ, пробравшись по дорогѣ, за которой врагъ не слѣдилъ, разбилъ помогавшихъ Бакхиду эллинистовъ Одуру, его братьевъ и сыновей Фазирона и отрѣзалъ осаждающимъ подвозъ припасовъ. Симонъ и оставшійся съ нимъ отрядъ сожгли выстроенныя осадныя машины. Стѣсненный съ двухъ сторонъ и потерявъ часть войска, Бакхидъ вынужденъ былъ снять осаду; онъ утолилъ свой гнѣвъ по поводу неудачнаго похода на эллинистахъ, изъ которыхъ многіе, по его приказанію, были казнены.

Іонатанъ счелъ смущеніе сирійскаго полководца удобнымъ для начатія переговоровъ и въ дѣйствительности добился мира. Условія мира заключались въ томъ, что Іонатану предоставляется право безпрепятственно оставаться во всей странѣ, кромѣ Іерусалима, и въ обезпеченіе своихъ обѣщаній, которыя нынѣ не извѣстны, долженъ представить заложниковъ.

При этомъ они обмѣнялись плѣнниками. Бакхидъ удалился и оставилъ на произволъ судьбы эллинистовъ, союзниковъ Сиріи, которые ради сирійцевъ измѣнили отечеству, обычаямъ и религіи, которые подвергли опасности благосостояніе народа и свое собственное. Іонатанъ жилъ въ крѣпости *Михмасъ,* гдѣ нѣкогда имѣлъ свое мѣстопребываніе Саулъ; онъ былъ молча признанъ главой еврейскаго народа и съ врагами его обращался съ безпощадною строгостью. Это состояніе, „когда война во Израилѣ прекратилась“, продолжалось приблизительно лѣтъ пять (156—152). Едвали можно угадать, куда-бы привело это неопредѣленное положеніе вещей, можно однако съ увѣренностью сказать, что безъ помощи благопріятнаго случая мечта Хасмонеевъ врядъ ли бы осуществилась. Переворотъ въ сирійской имперіи оказалъ благопріятное дѣйствіе на Іудею и способствовалъ увеличенію могущества Іонатана и всего народа. Неизвѣстный юноша изъ Смирны, по имени *Александръ Баласъ,* былъ причиной этого переворота въ судьбѣ Іудеи. Вслѣдствіе того что этотъ Александръ былъ поразительно похожъ на сирійскаго царя Антіоха Эвпатора, то Атталъ, царь Пергама, воспользовался имъ, какъ противникомъ для ненавистнаго ему Дмитрія. Во время своего одиннадцатилѣтняго царствованія Дмитрій, благодаря своей распущенности и высокомѣрію, сталъ такъ ненавистенъ народу и войску и далъ столько поводовъ сосѣднимъ царямъ къ неудовольствію, что онъ не имѣлъ друзей ни въ своей странѣ, ни въ чужихъ. Поэтому, какъ только Александръ, которому Атталъ помогалъ деньгами и войскомъ, высадился у Птолеманды, то гарнизонъ сдался ему. Римскій сенатъ, желая воспользоваться всякимъ случаемъ, который могъ вызвать разстройство какъ въ сирійскомъ царствѣ, такъ и въ другихъ, хотя-бы и союзныхъ, государствахъ, призналъ Александра, какъ престолонаслѣдника и благопріятствовалъ его предпріятію. Эти происшествія пробудили Дмитрія изъ его бездѣятельности и заставили его искать союзниковъ. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на то, чтобы имѣть на своей сторонѣ Іонатана, который, если бы хотѣлъ вспомнить о враждебныхъ дѣйствіяхъ царя, могъ быть ему очень опасенъ, присоединившись къ его противнику. Въ любезномъ посланіи къ предводителю Хасмонеевъ онъ сдѣлалъ его своимъ союзникомъ, позволилъ ему собирать войско и запасаться оружіемъ и приказалъ, чтобы ему были выданы іудейскіе заложники. Іонатанъ не замедлилъ воспользоваться этимъ счастливымъ обстоятельствомъ, поспѣшилъ въ Іерусалимъ, овладѣлъ имъ, приказалъ исправить его стѣны и привелъ его въ оборонительное положеніе. Эллинисты должны были изъ опасенія попасть въ руки своего главнаго врага оставить іудейскую столицу и искать защиты въ крѣпости Бетъ-Цуръ. Но Александръ Баласъ, который съ своей стороны нуждался въ помощи, не менѣе добивался союза съ Іонатаномъ и сумѣлъ склонить его на свою сторону. Онъ назначилъ Іонатана первосвященникомъ, послалъ ему пурпуровую мантію и золотую корону, чѣмъ призналъ его сирійскимъ вассальнымъ княземъ и другомъ царя. Во время праздника Суккотъ (152) впервые Іонатанъ одѣлъ первосвященническую одежду и совершилъ въ храмѣ богослуженіе въ качествѣ законнаго первосвященника. Онъ былъ первый, который пріобрѣлъ этотъ санъ на долгое время для хасмонейскаго рода, потому что Маттаѳій, основатель его, никогда не былъ первосвященникомъ, а Іуда Маккавей былъ имъ только нѣкоторое время. Теперь священническая отрасль Іояда, изъ которой раньше выходили первосвященники, была отодвинута на задній планъ отраслью *Іоярива,* къ которой принадлежали Хасмонеи. Такимъ образомъ глубоко униженная, близкая къ гибели Іудея, благодаря геройству и самопожертвованію небольшой группы людей, вышла могучей и сильной послѣ почти двадцатилѣтней войны. Пассивная роль, которую она должна была играть до возстанія и которая сдѣлала ее яблокомъ раздора между двумя честолюбивыми дворами, перемѣнилась теперь въ активную. Іудея заняла видное положеніе и могла такимъ образомъ оказывать вліяніе на политическія отношенія въ передней Азіи.

Въ теченіи своего девятилѣтняго правленія (152—144) Іонатанъ значительно способствовалъ возвышенію могущества Іудеи. Онъ правильно рѣшилъ, на чью сторону онъ долженъ стать во время спора изъ-за сирійской короны. Онъ присоединился къ Александру, хотя Дмитрій, какъ человѣкъ, которому нечего терять, сдѣлалъ еврейскому народу блестящее предложеніе для того, чтобы поднять его противъ Іонатана и привлечь его на свою сторону. Какъ кажется, онъ обратился къ еврейскому народу, обойдя назначеннаго Александромъ первосвященника, съ обѣщаніемъ сложить съ нихъ большую часть налоговъ и податей, присоединить къ Іудеѣ три округа, которые отошли раньше къ Самаріи, признать Іерусалимъ, какъ убѣжище и даже передать въ руки іудеевъ важную крѣпость Акру. Далѣе онъ обѣщалъ участвовать въ покрытіи издержекъ по богослуженію въ храмѣ изъ царской казны и даже употребить для этого доходы съ города Птолеманды, который въ то время находился въ рукахъ врага. Войска должны быть набраны на счетъ царя, а содержаніе и жалованье они должны получать наравнѣ съ сирійскими войсками. Набранное войско, количествомъ въ 30,000 человѣкъ, разумѣется, должно было служить ему вспомогательнымъ войскомъ, чтобы сравнять его въ силѣ съ противникомъ. Далѣе, иностраннымъ іудеямъ, проживавшимъ въ то время въ Сиріи, Дмитрій обѣщалъ всевозможныя льготы и привиллегіи, чтобы сосѣди ихъ не притѣсняли и чтобы они во время субботъ и праздниковъ, а также три дня до и послѣ нихъ не могли быть вызываемы въ судъ. Однако народъ не желалъ от-

дѣлиться отъ Іонатана, не пошелъ на всѣ эти обѣщанія, а Іонатанъ зналъ Дмитрія черезъ-чуръ хорошо, чтобы довѣрять такимъ, сдѣланнымъ во время войны, обѣщаніямъ. Онъ оставался на сторонѣ Александра, поддерживалъ его, пока послѣдній не одержалъ верхъ надъ своимъ соперникомъ, и впослѣдствіи не имѣлъ основанія раскаиваться въ своемъ поступкѣ. Хотя Александръ и былъ простого происхожденія, однако онъ проявилъ истинно царское великодушіе и вѣрно сдержалъ данное своему союзнику слово; на злыя нашептыванія эллинистовъ, которые старались возбудить его, какъ и его предшественника противъ Іонатана и національной партіи, онъ не обращалъ никакого вниманія, даже напротивъ, онъ съ негодованіемъ отталкивалъ ихъ. Онъ осыпалъ его знаками отличія и ясно показывалъ, какъ онъ много благодаренъ ему за его помощь, оказанную въ критическую минуту. Когда онъ встрѣтился съ своимъ тестемъ, египетскимъ царемъ, Птоломеемъ VI Филометоромъ, въ Птолемаидѣ, куда тотъ привелъ ему свою дочь въ жены, то Александръ пригласилъ къ себѣ Іонатана и обращался съ нимъ какъ съ равнымъ. Какое удовлетвореніе долженъ былъ получить хасмонейскій первосвященникъ, стоя рядомъ съ двумя царями, предшественники которыхъ достаточно часто презрительно относились къ Іудеѣ и которые теперь вынуждены были смотрѣть на нее, какъ на довольно сильную державу! Въ теченіи продолжительнаго правленія Александра Баласа (152—146) Іудея могла залѣчить тѣ раны, которыя ей причинили измѣна и тиранія. Теперь она могла выставить въ поле 10,000 вооруженныхъ воиновъ.

Іонатанъ между тѣмъ отвѣчалъ на благодѣянія Александра непоколебимою вѣрностью. Когда *Дмитрій II,* который носилъ прозвище *Никатора,* сынъ Дмитрія I, выступилъ противъ самозванца Александра, какъ истинный наслѣдникъ сирійскаго престола, то Іонатанъ продолжалъ помогать Александру, хотя Египетъ и Римъ оставили его безъ поддержки. Сначала Іонатанъ вступилъ въ сраженіе съ полководцемъ Дмитрія *Аполлоніемъ Даосомъ* на берегу Средиземнаго моря и затѣмъ такъ долго осаждалъ его гарнизонъ въ городѣ Яффѣ, пока жители не открыли ему ворота, разрушилъ древній городъ филистимлянъ Аздотъ или Азотусъ, который принялъ сторону Аполлонія, и сжегъ храмъ языческаго бога Дагона. Аскалонъ покорился ему безъ сопротивленія, изъ одного только страха. Въ награду Іонатанъ получилъ отъ Александра городъ Аккаронъ (Экронъ) съ его областью, который съ тѣхъ поръ сталъ принадлежать Іудеѣ (147). Греческіе жители Аздода пожаловались за это на Іонатана египетскому царю Птоломею Филометору, который во время борьбы между двумя сирійскими претендентами принялъ на себя роль покровителя Сиріи. Они показали Птоломею, когда онъ проходилъ чрезъ ихъ городъ, на опустошенія, произведенныя

Іонатаномъ, и не упустили случая указать на то, что онъ разрушилъ даже храмъ Дагона, въ ожиданіи, что языческій царь отомститъ нападавшимъ іудеямъ за оскорбленныхъ единоплеменниковъ. Однако Птоломей либо изъ расположенія къ египетскимъ іудеямъ, которые оказали ему важныя услуги, либо просто изъ равнодушія вовсе не имѣлъ желанія принять разрушеніе языческаго храма за личное оскорбленіе, или разсматривать это какъ кощунство. Когда Іонатанъ во время его путешествія явился къ нему на встрѣчу, то Птоломей обращался съ нимъ самымъ любезнымъ и дружескимъ образомъ.

Іонатанъ, чтобы освободиться отъ эллинистовъ, пожелалъ воспользоваться той смутой, которая вскорѣ произошла въ Сиріи, когда одна часть народа и войска держала сторону Дмитрія II, а другая оставалась вѣрной дому Александра Баласа, даже послѣ того какъ этотъ послѣдній былъ убитъ измѣннически въ Набатеѣ, гдѣ онъ искалъ защиты; Іонатанъ осадилъ Акру, главную опору эллинистовъ, откуда послѣдніе все еще продолжали интриговать противъ національной партіи. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, эллинисты обратились къ новому сирійскому царю съ просьбой о помощи. Дмитрій II Никаторъ (146—138) уже намѣренъ былъ исполнить ихъ просьбу, даже выступилъ въ походъ противъ Іонатана и приказалъ послѣднему явиться къ нему для оправданія въ Птолемаиду. Когда же Іонатанъ явился къ нему съ богатыми дарами, и его помощь показалась полезной для стѣсненнаго врагами царя, то Дмитрій не только не наказалъ Іонатана за его предпріятіе противъ Акры, но утвердилъ его въ санѣ первосвященника и въ тѣхъ званіяхъ, которыя были ему пожалованы Александромъ. Тою нуждою въ деньгахъ, въ которой находился Дмитрій, подобно своимъ предшественникамъ, воспользовался Іонатанъ, чтобы добиться для Іудеи свободы отъ податей и увеличить Іудею на нѣсколько округовъ; всего этого онъ добился за 300 талантовъ. Округи *Лидда, Рамататмъ* (Аримаѳея) и *Эфраимъ,* которые до тѣхъ поръ принадлежали Самаріи, были возвращены Іудеѣ. Подати, которыя іудеи до тѣхъ поръ должны были платить сирійскому царю, были сложены. Дарованныя привиллегіи были собственноручно подписаны царемъ, и документъ этотъ хранился въ храмѣ. Однако, несмотря на торжественно данное обѣщаніе, Дмитрій скоро раскаялся въ томъ, что онъ отказался отъ притязаній на эти подати. Сирійскіе правители имѣли обыкновеніе нарушать свое слово и отказываться отъ данныхъ въ минуту нужды обѣщаній. Между тѣмъ вскорѣ іудейское войско праздновало неожиданный для него тріумфъ, а именно оно получило возможность отплатить сирійской столицѣ за тотъ позоръ, который столько разъ сирійцы наносили Іерусалиму. Дмитрій, который вызвалъ неудовольствіе антіохійцевъ, былъ въ буквальномъ

смыслѣ слова осажденъ ими въ своемъ дворцѣ; его солдаты не пожелали помочь ему въ виду того, что онъ недоплатилъ имъ жалованья, и Дмитрій увидѣлъ себя вынужденнымъ обратиться къ Іонатану съ просьбой послать іудейскія войска для его освобожденія. Трехтысячное іудейское вспомогательное войско, которое было послано Іонатаномъ въ Антіохію, сожгло часть сирійской столицы и заставило жителей ея и взбунтовавшихся солдатъ отказаться отъ осады царя и молить его о прощеніи. Но какъ только Дмитрій былъ освобожденъ отъ опасности, то онъ выказалъ черную неблагодарность по отношенію къ своему спасителю и сталъ враждебно къ нему относиться. Поэтому Іонатанъ не счелъ нужнымъ второй разъ избавить его отъ бѣды, когда полководецъ Александра Баласа, по имени *Діодотъ Трифонъ,* устроилъ противъ Дмитрія заговоръ, провозгласилъ царемъ еще очень молодого сына своего господина, по имени *Антіоха* VI и обратилъ Дмитрія въ бѣгство. Изъ благодарности къ Александру и изъ чувства злобы по отношенію къ вѣроломному Дмитрію, Іонатанъ помогалъ молодому царю и его регенту Трифону и за это получилъ утвержденіе въ санѣ первосвященника, ему было обезпечено господство надъ тѣми округами, которые были присоединены къ Іудеѣ, и онъ получилъ право носить золотую застежку, которая составляла отличительный признакъ свободнаго князя. Его братъ Симонъ былъ назначенъ сирійскимъ военачальникомъ надъ прибрежной страной у Средиземнаго моря, начиная отъ одной горы, такъ называемой лѣстницы Тира, въ двухъ часахъ пути къ сѣверу отъ Птолеманды до границъ Египта. Храбро сражались братья Хасмонеи за Антіоха, отъ прочности правленія котораго зависѣла свобода іудеевъ. Бѣжавшій Дмитрій II, который снова собралъ войско, объявилъ Іонатана лишеннымъ сана, и его полководцы стояли уже у сѣверной границы Іудеи въ Кадесѣ, чтобы произвести нападеніе. Благодаря засадѣ, которую войска Дмитрія устроили на вершинѣ одной галилейской горы, іудейское войско потерпѣло пораженіе при *Азорѣ,* которое было настолько значительно, что лишь два начальника, *Матаѳій* бенъ-*Авесаломъ* и *Іуда* бенъ-*Халфаи* оставались рядомъ съ Іонатаномъ, остальные же позорно бѣжали. Однако Іонатанъ снова собралъ ихъ, повелъ ихъ противъ врага и преслѣдовалъ его до Кадесъ-Нафтали. Во многихъ мѣстахъ братья Хасмонеи одержали рядъ побѣдъ. До Гамата (Аматитиса), къ сѣверу отъ Ливана проникъ Іонатанъ, чтобы напасть на полководцевъ Дмитрія, которые собирали для него войска, и эти послѣдніе не могли устоять противъ Іонатана. Затѣмъ онъ счастливо воевалъ противъ одного изъ набатейскихъ племенъ *Цабедеевъ,* которые, внѣ всякаго сомнѣнія, помогали сирійскимъ войскамъ; затѣмъ онъ вошелъ побѣдителемъ въ Дамаскъ и прошелъ, не будучи ни кѣмъ остановленъ, чрезъ всю страну. Еще раньше самый южный филистимскій го-

родъ *Газа,* который не хотѣлъ признать іудейскихъ полководцевъ и державъ сторону Дмитрія, вынужденъ былъ просить мира и дать заложниковъ въ обезпеченіе своего подчиненія. Крѣпость Бетъ-Цуръ, гдѣ нашли убѣжище эллинисты, была взята Симономъ; эллинисты оттуда изгнаны, и тамъ былъ поставленъ гарнизонъ изъ вѣрныхъ іудеевъ. Онъ держалъ въ своихъ рукахъ и приморскіе города и поставилъ въ Яффѣ еврейскій гарнизонъ для того, чтобы этотъ важный пунктъ не попалъ въ руки враговъ. Далѣе, Симонъ укрѣпилъ городъ *Адиду,* расположенный къ востоку отъ Лиды на Шефельской долинѣ. Но самымъ важнымъ хасмонеи считали сдѣлать Іерусалимъ неприступнымъ; поэтому они подняли стѣны, довели ихъ на востокѣ до кедронской долины, благодаря чему была защищена храмовая гора, и возвели посреди города противъ Акры высокій валъ, чтобы отрѣзать эллинистовъ отъ входа въ городъ. Они завалили ущелье, которое отдѣляло храмовую гору отъ города и черезъ которое былъ переброшенъ несовершенный мостъ, съ цѣлью соединить отдѣльныя части города; это ущелье носило названіе *Хафената.* Предпринять осаду Акры имъ казалось неудобнымъ, частью потому, что это могло дать поводъ сирійцамъ къ соблазну, частью потому, что войска не могли быть сконцентрированы на этомъ мѣстѣ, такъ-какъ полководцы низложеннаго Дмитрія занимали еще угрожающее положеніе. Іудея въ это время (144—143) могла выставить 40,000 отборныхъ воиновъ.

Послѣдствія съ достаточной ясностью показали, что предусмотрительность хасмонеевъ, съ которою они укрѣпляли страну и поддерживали достаточное количество войскъ, не была излишней и ихъ недовѣріе къ многочисленнымъ увѣреніямъ сирійцевъ въ дружбѣ было вполнѣ справедливо. Едва мятежный полководецъ Діодотъ Трифонъ увидѣлъ себя во главѣ Сиріи, какъ онъ сталъ преслѣдовать тотъ планъ, который онъ, вѣроятно, имѣлъ съ самаго начала, а именно, онъ рѣшилъ избавиться отъ Антіоха, власть котораго держалась только благодаря ему, и самому сѣсть на престолъ. По мнѣнію Трифона, Іонатанъ стоялъ ему поперекъ дороги, потому что онъ былъ дѣйствительно преданъ царю изъ благодарности къ испытанной дружбѣ покойнаго отца; кромѣ того во власти Іонатана была часть морского берега. Трифонъ понималъ, что Іонатанъ окажетъ цареубійцѣ самое жестокое сопротивленіе и, соединившись съ другими недовольными, лишитъ его возможности достигнуть желанной цѣли. Поэтому Трифонъ прежде всего старался избавиться отъ ставшаго могущественнымъ іудейскаго первосвященника и его смертью ослабить Іудею и вообще всѣхъ сторонниковъ молодого царя. Дѣйствовать открыто противъ Іонатана казалось ему вдвойнѣ опаснымъ; поэтому онъ рѣшилъ устроить Іонатану засаду, и въ дѣйствительности ему удалось обмануть самаго хитраго изъ

Хасмонеевъ и захватить его въ свои руки. Получивъ извѣстіе, что Трифонъ со своимъ войскомъ вступилъ въ Бетзанъ, Іонатанъ поспѣшилъ къ нему на встрѣчу съ 40,000-ымъ войскомъ; однако Трифонъ, благодаря подаркамъ, различнаго рода почестямъ и лести, достигъ того, что Іонатанъ попалъ въ засаду. Полагаясь на слова Трифона, онъ отпустилъ большую часть своего войска, такъ-какъ пораженіе Дмитрія дѣлало излишнимъ такое количество войска, и послѣдовалъ за Трифономъ въ сильную приморскую крѣпость Птолеманду (Акко), которая была ему обѣщана хитрецомъ. Изъ 3000 солдатъ, которыхъ Іонатанъ себѣ оставилъ, онъ отправилъ 2000 въ Галилею, и только 1000 человѣкъ сопровождало его въ Акко. Трифонъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы при своемъ въѣздѣ въ крѣпость Іонатанъ былъ схваченъ, а сопровождавшій его отрядъ изрубленъ. Трифонъ приказалъ преслѣдовать тѣ еврейскія войска, которыя должны были остаться въ Іезреельской долинѣ и въ Галилеѣ; однако они узнали о вѣроломномъ поступкѣ, вооружились и вынудили своихъ преслѣдователей къ отступленію.

Извѣстіе, которое принесли въ Іерусалимъ эти 2000 человѣкъ о вѣроломствѣ и злодѣяніи Трифона, распространило печаль и ужасъ; не могли предположить ничего иного кромѣ того, что Іонатанъ вмѣстѣ со своими спутниками умерщвленъ коварною рукою. Народъ чувствовалъ себя осиротѣлымъ и обезсиленнымъ безъ Іонатана, какъ послѣ смерти Іуды Маккавея. Казалось близкимъ и неизбѣжнымъ новое порабощеніе Іудеи Сирійцами со всѣми его печальными послѣдствіями; во всемъ этомъ предполагали тайное участіе со стороны эллинистовъ. И въ дѣйствительности существовалъ тайный союзъ между Трифономъ и остатками эллинистовъ; кажется, что Трифонъ обѣщалъ имъ придти на выручку, а они съ своей стороны обѣщали произвести нападеніе на столицу іудеевъ. Эту двойную опасность счастливо отразилъ Симонъ, послѣдній изъ братьевъ Хасмонеевъ. Хотя и достигшій уже почтеннаго возраста, онъ выказалъ столько юношеской смѣлости и такое сильное воодушевленіе, что во время одного собранія въ преддверіи храма онъ подалъ народу, пришедшему въ отчаяніе, надежду на побѣду. Когда онъ произнесъ слова: „я не лучше своихъ братьевъ, умершихъ за святыню и свободу“, то раздался одинъ общій крикъ среди собравшихся: „будь нашимъ предводителемъ, какъ Іуда и Іонатанъ, твои братья“. Поставленный во главѣ движенія благодаря довѣрію народа, Симонъ имѣлъ въ виду прежде всего защитить Іерусалимъ отъ нападенія извнутри и извнѣ и запереть Трифону входы въ страну. Онъ поставилъ въ Яффѣ, ближайшемъ къ Іерусалиму приморскомъ городѣ, еврейскій гарнизонъ подъ начальствомъ Іонатана бенъ-Авесалома, чтобы помѣшать высадкѣ здѣсь сирійскихъ войскъ; сторонники сирійцевъ были

изгнаны изъ Яффы. Самъ Симонъ пошелъ со своимъ войскомъ къ Адидѣ, чтобы быть обезпеченнымъ противъ нападенія сирійцевъ на прибрежную низменность. Въ дѣйствительности Трифонъ выступилъ изъ Акко и имѣлъ намѣреніе напасть на испуганную его злодѣяніями Іудею, прежде чѣмъ она соберется оказать ему сопротивленіе. Онъ велъ плѣнникомъ съ собою Іонатана, потому что онъ думалъ получить больше выгоды, если любимцу народа будетъ грозить смерть, нежели отъ самой смерти его, имѣя въ виду парализовать энергію еврейскихъ солдатъ. Когда Трифонъ услышалъ о томъ, что Іудея вооружилась противъ него и что во главѣ ея стоитъ такой храбрый полководецъ, какъ Симонъ, онъ хитро возобновилъ переговоры. Онъ указывалъ на то, что онъ захватилъ Іонатана въ плѣнъ лишь съ цѣлью заставить іудеевъ платить тѣ 100 талантовъ, которые они раньше платили въ царскую казну, а потомъ перестали. Онъ обѣщалъ отпустить Іонатана на свободу, если долгъ будетъ уплоченъ и два сына Іонатана будутъ даны въ качествѣ заложниковъ. Хотя Симонъ и догадывался о коварствѣ Трифона, однако онъ согласился на сдѣланное предложеніе для того, чтобы не подвергнуться упреку, будто онъ виновникъ смерти брата. Трифонъ принялъ требуемую сумму и заложниковъ, но, какъ и предполагалъ Симонъ, продолжалъ войну. Еврейское войско препятствовало Трифону идти прямымъ путемъ, и онъ долженъ былъ сдѣлать обходъ, чтобы съ юга, изъ идумейскаго города Адоры угрожать Іерусалиму. Однако счастье, на которое разсчитывалъ этотъ безсовѣстный честолюбецъ, оставило его. Сильный снѣгъ, который рѣдко бываетъ въ этихъ жаркихъ краяхъ, сдѣлалъ дорогу черезъ Іудейскія горы непроходимой и заставилъ Трифона перейти на другую сторону Іордана. Мстя за неудачу своихъ предпріятій, онъ приказалъ казнить Іонатана въ глухомъ мѣстѣ, Баскамѣ (143). Его трупъ впослѣдствіи былъ похороненъ Симономъ при общей скорби въ наслѣдственной гробницѣ Хасмонеевъ, въ Модимѣ. Такъ кончилъ свое существованіе четвертый изъ Хасмонеевъ, который успѣлъ совершить больше своихъ предшественниковъ и преемника, такъ какъ онъ поднялъ іудейскую республику изъ глубокой пропасти до того, что она могла уже легко продолжать возвышаться.

Іуда Маккавей совершилъ болѣе геройскіе поступки и оставилъ послѣ себя болѣе блестящую военную славу; Іонатанъ же доставилъ своему народу могущество и вліяніе и сдѣлалъ свой родъ, благодаря пріобрѣтенію первосвященническаго сана, самымъ виднымъ. Послѣ смерти Іуды распаденіе еврейскаго народа было почти такъ же значительно, какъ и во время кроваваго правленія Антіоха Эпифана, потому что тотъ не могъ создать ничего постояннаго и устойчиваго. Наоборотъ, послѣ смерти Іонатана, который былъ менѣе воинственнымъ, но болѣе предусмотрительнымъ,

былъ заложенъ для еврейскаго государства фундаментъ, на которомъ впослѣдствіи можно было кое-что создать. Іуда Маккавей напоминалъ собой тѣхъ героевъ временъ Судей въ первую эпоху еврейской исторіи, тѣхъ спасителей въ бѣдѣ, которые могли отвратить опасность на моментъ, но не могли воспрепятствовать ея возвращенію. Іонатанъ въ нѣкоторомъ отношеніи напоминалъ собою царя Саула, который сумѣлъ положить конецъ разсѣянности народа и создать нѣчто устойчивое. Какъ Саулъ соединилъ своею царскою короною разрозненныя племена въ одинъ сильный народъ, такъ и Іонатанъ соединилъ своею діадемою первосвященника разрозненныя партіи въ сознающую свое достоинство сильную націю. Смерть обоихъ, хотя и вызвала глубокую скорбь въ народѣ, не повлекла за собою гибели пріобрѣтеннаго единства и могущества, потому что и то и другое было создано не силами одной личности, а творчествомъ всего народа. Какъ Саулъ въ своемъ зятѣ Давидѣ, такъ Іонатанъ въ своемъ братѣ Симонѣ имѣли преемниковъ, которые могли продолжать ихъ дѣло и укрѣплять то, что они завоевали. Поэтому во второмъ періодѣ съ Симона, какъ въ первомъ періодѣ съ Давида, начинается новая эпоха.

Изъ дѣтей Іонатана осталась лишь одна дочь, которая была замужемъ за Маттаѳіемъ-бенъ-Симономъ Пселлосомъ; однимъ изъ ея потомковъ былъ еврейскій историкъ Іосифъ Флавій [1]). Одновременно съ тѣмъ, какъ еврейское государство развивалось въ политической борьбѣ, на другомъ мѣстѣ міровой сцены ученіе евреевъ достигло той самостоятельности, которая доставила ему вліяніе на развитіе всемірной культуры. Политическій ростъ іудаизма происходилъ въ Іудеѣ, теоретическій же—въ Египтѣ.

ГЛАВА II.

Евреи въ Александріи.

Еврейская колонія въ Египтѣ и Киренаикѣ. Эмиграція изъ Іудеи въ Египетъ. Внутреннее устройство александрійской общины. Царь Филометоръ, покровитель евреевъ. Еврейскіе полководцы Ониасъ и Досиѳей. Храмъ Ониаса. Переводъ Пятикнижія на греческій языкъ (septuaginta). Синагогальная проповѣдь. Еврейско-александрійская литература. Споръ іудеевъ и самаритянъ въ Александріи. Самаритянинъ Теодотъ и еврей Филонъ Старшій. Царь Птоломей VII. Фисконъ Эвергетъ II и евреи.

(160—143).

Чудесная страна Нила, которая нѣкогда была колыбелью и школой страданія израильскаго народа, стала въ это время школой мудрости для еврейской націи. Какъ при фараонахъ, такъ и при греческихъ повелите-

[1]) Іосифъ Флавій, vita c. 1.

ляхъ Египта переселеніе евреевъ встрѣчалось общимъ сочувствіемъ. Потому ли, что Александръ, завоеватель Азіи и Египта, строитель Александріи, создалъ еврейскую колонію въ Египтѣ; потому ли, что Птоломей I переселилъ туда много еврейскихъ плѣнниковъ, которымъ его преемники дали свободу; или, наконецъ, потому, что тамъ сохранился остатокъ еврейскихъ переселенцевъ, которые послѣ разрушенія храма при Невухаднецарѣ, бѣжали въ Египетъ,—во всякомъ случаѣ, количество евреевъ въ Египтѣ было достаточно велико. Еврейское населеніе было распространено по всей странѣ отъ Ливійской пустыни на сѣверѣ до границъ Эѳіопіи на югѣ. Подобно тому, какъ ихъ предки во время пребыванія въ Египтѣ, такъ и теперь увеличивались египетскіе евреи въ числѣ благодаря ихъ плодовитости и переселеніямъ изъ Палестины; вѣкомъ позже число ихъ уже достигало милліона. Киренаика, какъ и обитаемая часть Ливіи, имѣла въ городахъ значительное еврейское населеніе, происходившее отъ посланной туда Птоломеемъ I колоніи. Въ Египтѣ и Киренаикѣ евреи пользовались тѣми же правами, что и греческіе жители, потому что и тѣ и другіе почти въ одно время переселились туда; они даже пользовались нѣкоторыми привиллегіями сравнительно съ туземцами, которыхъ правители разсматривали какъ побѣжденныхъ. Этимъ равноправіемъ евреи такъ гордились, что хранили его, какъ зеницу ока. Дѣятельную роль стало играть еврейское населеніе Египта лишь тогда, когда столкновенія между египетскимъ и сирійскимъ дворами стали чаще и ожесточеннѣе, и для обоихъ было важно привлечь на свою сторону евреевъ, тѣмъ болѣе что дѣло шло также объ обладаніи Іудеей. Египетскіе евреи были всегда вѣрными сторонниками династіи Птоломеевъ и помогали ей, по мѣрѣ возможности. Поэтому Птоломей VI Филометоръ охотно принялъ бѣглецовъ изъ Іудеи, которые толпами покидали свою родину, спасаясь отъ тиранніи Антіоха Эпифана. Среди бѣглецовъ былъ сынъ первосвященника Ониаса III и другія лица изъ аристократическихъ семействъ, которымъ египетское правительство дало различныя привиллегіи и которыя впослѣдствіи сильно выдвинулись. Здравая политика египетскаго двора заключалась въ томъ, чтобы склонить на свою сторону недовольныхъ евреевъ, съ помощью которыхъ можно было бы вернуть потерянную Египтомъ при Антіохѣ Великомъ Палестину. Разумѣется, въ Египтѣ такъ же мало, какъ и въ Сиріи, предполагали, что борьба, которую вели противъ Сиріи еврейскіе патріоты, пріиметъ такой неожиданный оборотъ и приведетъ къ независимости Іудеи.

Болѣе всего сконцентрированы были евреи въ Александріи, которая была вторымъ городомъ послѣ Рима по торговлѣ и политическому значенію, а по искусствамъ и наукамъ вторымъ послѣ Аѳинъ. Изъ пяти квар-

таловъ Александріи, которые обозначались первыми пятью буквами греческаго алфавита, евреи занимали два. Кварталъ Дельты, прилегавшій къ морю, былъ исключительно заселенъ ими. Было ли отведенное для нихъ мѣсто на берегу особенной привиллегіей, какъ это можетъ показаться и какъ этимъ хвастали александрійскіе евреи, или же это должно было обозначать только пренебреженіе, чтобы ихъ, такъ сказать, выбросить за бортъ, какъ это утверждали впослѣдствіи ихъ противники? Во всякомъ случаѣ александрійскіе евреи имѣли впослѣдствіи извѣстный надзоръ надъ александрійскою гаванью и надъ плаваньемъ по морю и по рѣкѣ, надзоръ, который имъ былъ порученъ однимъ изъ египетскихъ правителей. Они пользовались, насколько могли, этимъ выгоднымъ положеніемъ, стали заниматься судоходствомъ и вывозной торговлей. Хлѣбные запасы, которые Римъ получалъ съ египетскихъ полей для своего населенія и своихъ легіоновъ, безъ сомнѣнія, грузились на еврейскихъ корабляхъ и привозились на рынокъ еврейскими купцами. Какъ нѣкогда ихъ предокъ Іосифъ, такъ и они снабжали бѣдныя хлѣбомъ страны египетской пшеницей. Благосостояніе и утонченный образъ жизни явились результатомъ этой дѣятельности. Однако торговля и промышленность ни находились исключительно въ ихъ рукахъ, ни составляли исключительнаго занятія ихъ. Благодаря своей любознательности и способностямъ, они скоро переняли у грековъ ихъ любовь къ искусству и научились превращать сырой матеріалъ въ красивые и изящные предметы. Среди александрійскихъ евреевъ было много ремесленниковъ и художниковъ, которые были организованы въ своего рода цехъ. Когда въ Палестинѣ нужны были мастера для храма, ихъ призывали изъ александрійской еврейской общины [1]), подобно тому какъ въ прежнее время ихъ выписывали изъ Финикіи. Далѣе, александрійскіе евреи освоились съ греческимъ военнымъ и политическимъ искусствомъ и даже съ мелодичною греческою рѣчью, несмотря на тѣ трудности, которыя представляло для нихъ, привыкшихъ къ еврейскимъ гортаннымъ звукамъ, произношеніе греческихъ словъ. Наконецъ, они углубились въ изученіе греческой науки и литературы настолько, что такъ же хорошо понимали Гомера и Платона, какъ и Моисея и Соломона. Благодаря своему богатству, своимъ занятіямъ и своему образованію, они отличались такимъ же сознаніемъ собственнаго достоинства и такой же гордостью, какъ въ позднѣйшее время отличались испанскіе евреи. Александрійская община считалась центромъ еврейской колоніи въ Египтѣ; иностранные евреи и даже иногда жители Іудеи смотрѣли на александрійскую общину, какъ на столпъ іудейства.

Александрійская община во всѣхъ частяхъ города имѣла молельни, которыя здѣсь носили имя прозеухи; среди нихъ выдѣлялась главная

[1]) Тр. Іома 38 а; тр. Эрахинъ 10 в.

синагога благодаря художественной постройкѣ, изяществу и богатству. Она была построена въ формѣ базилики съ двойной колонадой и была настолько обширна, что, какъ разсказываютъ съ явнымъ преувеличеніемъ, тамъ былъ особо назначенный служка, который давалъ знакъ флагомъ, когда община на благословеніе должна была отвѣтить словомъ „аминь“. Молельни были въ Александріи и, вѣроятно, во всемъ Египтѣ одновременно и школами; по субботамъ и праздникамъ тотъ, кто болѣе всего былъ начитанъ въ законѣ, послѣ прочтенія главы изъ Пятикнижія произносилъ соотвѣтственную проповѣдь.

Истинный блескъ получила александрійская еврейская община только благодаря выдающимся бѣглецамъ, которые прибыли въ Египетъ во время сирійской тираніи. Самымъ виднымъ изъ нихъ былъ Ониасъ, молодой сынъ послѣдняго законнаго первосвященника изъ дома Іошуа-бенъ-Іоцадака. Этотъ первосвященническій домъ защищалъ египетскіе интересы въ Палестинѣ противъ сыновей Товія и эллинистовъ, которые были на сторонѣ сирійцевъ; поэтому Ониасъ III былъ ненавистенъ Товіадамъ (сыновьямъ Товія). Когда этотъ послѣдній, который всѣмъ своимъ вліяніемъ противодѣйствовалъ новшествамъ эллинистовъ и поддерживалъ сношенія съ ихъ противникомъ Гирканомъ, былъ по ихъ винѣ коварно убитъ, тогда его молодой сынъ Ониасъ IV, не чувствуя себя въ безопасности у себя на родинѣ, искалъ защиты въ Египтѣ; неизвѣстно, вскорѣ ли послѣ смерти отца, или черезъ нѣсколько лѣтъ. Онъ былъ принятъ Птоломеемъ Филометоромъ самымъ благосклоннымъ образомъ, потому что онъ имѣлъ за собою большую партію, которая смотрѣла на него, какъ на единственнаго законнаго первосвященника. Птоломей VI, который питалъ еще надежду вернуть Келесирію и Іудею, думалъ опереться на эту партію и на вѣрныхъ ему евреевъ въ Сиріи. Когда незаконный первосвященникъ Менелай былъ убитъ, и Дмитрій, бѣжавшій изъ Рима, овладѣлъ Сиріей, то Ониасъ IV, пришедши уже въ зрѣлый возрастъ, льстилъ себя надеждой, что новый сирійскій царь вернетъ ему первосвященническій санъ, наслѣдство послѣ его отца. Филометоръ, его покровитель, былъ въ это время друженъ съ Дмитріемъ II и, вѣроятно, хлопоталъ за Ониаса. Когда же Алкимъ былъ назначенъ первосвященникомъ и поддерживаемъ сирійскимъ царемъ противъ Хасмонеевъ, то Ониасъ потерялъ надежду вернуть себѣ отцовскій санъ и остался надолго въ Египтѣ.

Ониасъ явился въ Египетъ не одинъ, а въ сопровожденіи многихъ соплеменниковъ, которые бѣжали изъ Іудеи во время бѣдствій при Антіохѣ Эпифанѣ и его преемникѣ. Одинъ изъ именитыхъ людей своего времени, Досиѳей, по всей вѣроятности, эмигрировалъ тогда же. Онъ и Ониасъ впослѣдствіи играли при Филометорѣ видную роль.

Случай къ этому представился во время вражды обоихъ египетскихъ царей, Филометора и его брата Эвергета II, чудовища въ физическомъ и духовномъ отношеніи, который вслѣдствіе своего безобразнаго тѣлосложенія получилъ прозвище пузатаго (Фисконъ) и вслѣдствіе своей дьявольской злости—злодѣя (Какергетесъ). Во время войны они были призваны къ управленію государствомъ вмѣстѣ съ сестрой ихъ Клеопатрой, женой старшаго брата; затѣмъ младшій братъ Фисконъ низложилъ старшаго и заставилъ его бѣжать въ Римъ, чтобы тамъ просить помощи у сената. Жадный до расширенія римскаго могущества, сенатъ, хотя призналъ за старшимъ братомъ право на царство, не упустилъ случая ослабить Египетъ благодаря распрѣ между братьями. Онъ постановилъ, чтобы Киренаика, расположенная къ западу отъ Египта, была отъ него отдѣлена, и изъ нея было образовано новое царство для Фискона. Такъ и случилось. Однако Фисконъ не удовлетворился этимъ и продолжалъ стремиться къ тому, чтобы снова прогнать Филометора; такъ какъ онъ надѣялся найти въ Римѣ расположенныхъ къ нему сенаторовъ, то онъ выступилъ съ обвиненіями противъ старшаго брата и въ то же время попытался возмутить населеніе противъ Филометора. Такимъ образомъ распря и война между братьями возобновилась. Филометоръ осмѣлился ослушаться Рима, который держалъ сторону Фискона. Но Филометоръ нуждался въ воинахъ, такъ какъ греческое населеніе Александріи, погрязшее въ порокахъ, отличалось малодушіемъ и непостоянствомъ; еще болѣе нуждался Филометоръ въ способныхъ полководцахъ. Находясь въ столь затруднительномъ положеніи, онъ поручилъ еврейскимъ переселенцамъ Оніасу и Досиѳею, которые, вѣроятно, уже раньше выдвинулись, веденіе войны противъ своего брата. Еврейское населеніе Египта, безъ сомнѣнія, стояло единодушно на сторонѣ Филометора. Благодаря искусству обоихъ еврейскихъ полководцевъ, Филометору удалось настолько ослабить своего брата, что онъ могъ бы навсегда сдѣлать его безвреднымъ. Однако изъ врожденной доброты и изъ уваженія къ Риму онъ оставилъ Фискону Киренаику и предоставилъ ему еще различныя другія привиллегіи. Съ тѣхъ поръ (153) Оніасъ и Досиѳей пользовались большимъ расположеніемъ Филометора и оставались предводителями всего его войска.

Само собою разумѣется, что Александрійскіе и, вѣроятно, вообще египетскіе евреи соединились вокругъ Оніаса, лишь только онъ заявилъ о своемъ рѣшеніи остаться въ Египтѣ и поступилъ на службу къ царю. Вѣдь онъ происходилъ изъ самаго знатнаго рода, изъ дома первосвященниковъ, и, вѣроятно, обладалъ различными достоинствами и качествами. Безъ сомнѣнія, во время своихъ споровъ они избирали его судьей; при несчастіи, которое выпадало кому либо изъ нихъ на долю, обращались къ нему за помощью, которую онъ могъ оказать, благодаря своему вліянію при

дворѣ. Въ религіозныхъ и нравственныхъ вопросахъ Оніасъ, какъ потомокъ первосвященниковъ и ученый, былъ ихъ руководителемъ и совѣтникомъ. Отдѣленные отъ туземнаго и отъ греческаго населенія своими обычаями и законами, евреи должны были считать за благо присутствіе во главѣ ихъ человѣка, обладавшаго достаточнымъ авторитетомъ, чтобы объединить ихъ и сдѣлать членами одного общества. Такимъ образомъ Оніасъ былъ признанъ начальникомъ или княземъ (этнархомъ, генархомъ); былъ ли онъ избранъ своими единоплеменниками и утвержденъ царемъ въ этомъ достоинствѣ, или же царь по своей волѣ даровалъ ему это званіе,—безразлично.

Съ теченіемъ времени оно пріобрѣло большое значеніе. Этнархъ имѣлъ право руководить внутренними дѣлами общины, быть судьей и наблюдать за правильнымъ исполненіемъ договоровъ. Онъ былъ представителемъ своихъ единоплеменниковъ по отношенію къ правительству; вѣроятно, черезъ него поступали налоги, которые они должны были платить государству, и царскія повелѣнія по этому поводу сообщались имъ этнархомъ. Правда, неизвѣстно, простирались ли его права на всѣхъ жившихъ въ Египтѣ іудеевъ, но весьма вѣроятно, что они, хотя и не были къ тому обязаны закономъ, однако добровольно подчинялись еврейскому князю, какъ и столицѣ; къ тому же они, жившіе разсѣянными по маленькимъ общинамъ, должны были считать себя счастливыми, имѣя во главѣ человѣка изъ своего племени, который могъ защитить ихъ отъ злобы сосѣдей и произвола чиновниковъ. Благодаря его поддержкѣ, они были увѣрены, что будутъ имѣть возможность выполнять всѣ обязанности, которыя на нихъ налагаетъ іудаизмъ, безъ всякихъ притѣсненій. Званіе этнарха, которое впервые получилъ Оніасъ, представляло для египетскихъ евреевъ слишкомъ много выгодъ, чтобы они замедлили признать его съ своей стороны.

Такимъ образомъ египетскіе евреи находились въ счастливомъ положеніи, имѣя во главѣ своего князя и образуя сильное единство. Это единство было укрѣплено еще инымъ образомъ. При всемъ томъ почетѣ, которымъ пользовался Оніасъ при дворѣ Филометора и среди своихъ единоплеменниковъ, онъ не могъ забыть того, что, благодаря событіямъ въ Іудеѣ, онъ потерялъ принадлежавшій ему по праву первосвященническій санъ.

Во время неопредѣленнаго положенія дѣлъ въ Іудеѣ, въ особенности послѣ того, какъ былъ назначенъ первосвященникомъ Алкимъ, помимо представителей законныхъ первосвященническихъ семействъ, и послѣ смерти Алкима, когда его мѣсто осталось незанятымъ, Оніасъ сталъ подумывать о томъ, чтобы вмѣсто поруганнаго храма въ Іерусалимѣ построить новый

въ Египтѣ, первосвященникомъ котораго онъ долженъ былъ быть. Чѣмъ онъ руководствовался при этомъ, религіознымъ ли чувствомъ или честолюбіемъ? Внутреннія душевныя побужденія остаются неизвѣстными для исторіи. Чтобы добиться сочувствія евреевъ, Ониасъ ссылался на слѣдующій стихъ въ пророчествахъ Іешаи (гл. XIX, стихъ XIX): „Въ тотъ день будетъ жертвенникъ Господу посреди земли египетской". Филометоръ, которому онъ доложилъ о своемъ желаніи, удовлетворилъ его просьбу въ благодарность за услуги, которыя Ониасъ оказалъ ему во время войны съ Фискономъ; съ этою цѣлью царь отвелъ Ониасу участокъ земли близъ Геліополиса, въ разстояніи 180 стадій ($4^1/_2$ геогр. мили) къ сѣверо-востоку отъ Мемфиса, въ странѣ Гошенъ, гдѣ нѣкогда жили потомки Якова до исхода изъ Египта. На развалинахъ языческаго храма, посвященнаго египетской богинѣ Бубастисъ, въ городкѣ Леонтополисъ, гдѣ нѣкогда приносились жертвы животнымъ, построилъ Ониасъ еврейское святилище. Зданіе снаружи не вполнѣ напоминало іерусалимскій храмъ, но было на подобіе башни выстроено изъ обожженныхъ камней. Внутри, наоборотъ, оно вполнѣ напоминало іерусалимскій храмъ, и утварь была сдѣлана по образцу іерусалимской, только вмѣсто стоячаго свѣтильника висѣла золотая люстра на золотой цѣпи. Въ этомъ храмѣ отправляли богослуженіе священники и левиты, которые бѣжали отъ преслѣдованій въ Іудеѣ. На нужды храма и священнослужителей царь великодушно назначилъ податной доходъ, поступавшій отъ геліопольскаго округа. Вся эта мѣстность, которая образовывала маленькое государство, носила названіе Ониондъ. Это было лишнее соединительное звено между египетскими евреями.

Хотя они смотрѣли на храмъ Ониаса, какъ на свой религіозный центръ, отправлялись туда во время праздниковъ и приносили тамъ жертву, однако они не думали поступить такъ, какъ поступили самаритяне, перестать почитать іерусалимскій храмъ и считать свой равнымъ ему или даже высшимъ. Наоборотъ, они продолжали почитать Іерусалимъ, какъ святой городъ, а его храмъ, какъ святилище, и какъ только послѣдній былъ вновь освященъ, они стали исполнять свои прежнія обязанности по отношенію къ нему, отправляли туда своихъ представителей и приносили жертвы. Но они гордились своимъ храмомъ, какъ исполнившимся пророчествомъ о томъ, что будетъ храмъ Богу въ землѣ египетской, и называли Геліополисъ городомъ праведныхъ (Иръ-Гацедекъ), примѣняя къ нему изреченіе того же пророка: „въ тотъ день будутъ въ землѣ египетской пять городовъ, клянущихся Господомъ Саваоѳомъ; одинъ будетъ названъ Иръ-Гагересъ"; они читали вмѣсто Гагересъ: Гацедекъ [1]). Въ Іудеѣ при другихъ условіяхъ, болѣе спокойныхъ и болѣе подходящихъ для развитія впе-

[1]) Septuaginta, Іешая **19**, 18.

чатлительности, храмъ Ониаса, какъ и храмъ на горѣ Гаризимъ, былъ бы проклятъ и его служители, подобно самаритянамъ, изгнаны изъ среды евреевъ. Но, когда въ Іудею пришло первое извѣстіе о постройкѣ египетскаго храма, общее разстройство въ дѣлахъ государства и храма было таково, что не было причины осуждать поступокъ, который былъ совершенъ съ самыми лучшими намѣреніями. Еще меньше поводовъ было къ неудовольствію благодаря тому, что основателемъ храма былъ потомокъ ряда законныхъ первосвященниковъ, родъ котораго велъ свое происхожденіе со временъ Давида и Соломона и участвовалъ въ возстановленіи храма по возвращеніи евреевъ изъ изгнанія, который считалъ въ числѣ своихъ предковъ Симона Праведнаго и отецъ котораго былъ благочестивый Ониасъ III. Однако впослѣдствіи, когда хасмонейскіе первосвященники возстановили богослуженіе во всей его чистотѣ, съ сожалѣніемъ смотрѣли на существованіе заграницей храма, который угрожалъ религіозному единству и святости еврейской земли; но тогда храмъ Ониаса, благодаря своему долголѣтнему существованію и благодаря тѣмъ услугамъ, которыя Ониасъ оказалъ еврейскому государству въ силу своего вліянія на Филометора, такъ сросся съ чувствами еврейскаго народа, что уже поздно было предавать его проклятію. Но благочестивые не могли не чувствовать нѣкоторой непріязни къ египетскому храму, который былъ построенъ съ нарушеніемъ религіозныхъ законовъ. Изъ этого двойственнаго отношенія къ храму Ониаса: уваженія къ его происхожденію и непріязни къ его незаконному существованію вытекаетъ и характеръ отношенія къ нему впослѣдствіи. Законы, касающіеся его, колеблются между признаніемъ и непризнаніемъ его. Одинъ, во всякомъ случаѣ позднѣйшій, законъ гласитъ, что, хотя первосвященникъ храма Ониаса не имѣетъ права служить въ іерусалимскомъ храмѣ, однако этимъ онъ не теряетъ своего сана и правъ, связанныхъ съ нимъ [1]).

Въ виду такого удивительнаго обстоятельства, какъ существованіе еврейскаго храма въ Египтѣ, въ позднѣйшее время, когда дѣйствительныя происшествія пришли въ забвеніе, преданіе стало либо украшать, либо чернить ихъ, смотря по взгляду разсказчика. Въ Александріи разсказывали слѣдующее: царь Филометоръ и царица Клеопатра въ отвѣтъ на просьбу Ониаса о разрѣшеніи построить храмъ написали будто-бы, что они удивляются, какъ можетъ быть Богу угодна постройка храма на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше приносились жертвы животнымъ; они успокоились только тогда, когда они грѣхъ этотъ перенесли на Ониаса, основывавшагося на пророчествѣ Іешаи. Въ Іудеѣ существовало два преданія объ основаніи

[1]) Тр. Менахотъ 109 а.

и значеніи египетскаго храма: одно дружелюбное, другое враждебное. Постройку связывали со свѣтскими воззрѣніями эллинистовъ, а именно того Ониаса, который подъ именемъ Менелая навлекъ на свою голову столько позора и котораго также принимали за потомка Симона Праведнаго. Болѣе снисходительное преданіе относится къ египетскому Ониасу болѣе благосклонно; оно дѣлало его и его младшаго брата Симона сыновьями Симона Праведнаго, который передалъ санъ первосвященника младшему сыну въ виду его достоинствъ; старшій же былъ сильно оскорбленъ этимъ обстоятельствомъ и хотѣлъ показать, какого направленія придерживается его младшій братъ; поэтому онъ его убѣдилъ показаться въ храмѣ одѣтымъ въ женское платье; преслѣдуемый за эту продѣлку, Ониасъ бѣжалъ въ Александрію и построилъ храмъ во славу Божію. Относившіеся враждебно къ египетскому храму смѣшивали Ониаса IV съ Ониасомъ-Менелаемъ. Разсказывали, будто-бы онъ при своемъ первомъ появленіи въ храмѣ, по дурному совѣту своего старшаго брата, отодвинутаго имъ на задній планъ, одѣлся въ женское платье; изгнанный народомъ вслѣдствіе этого недостойнаго поступка изъ Іерусалима, онъ построилъ языческій храмъ въ Египтѣ. Столь различное отношеніе къ себѣ долженъ былъ встрѣтить поступокъ, стоящій на серединѣ между благочестіемъ и отступничествомъ!

Въ области Ониѣ, гдѣ былъ построенъ новый храмъ, для охраны его Филометоръ разрѣшилъ построить крѣпость. Само собою разумѣется, что какъ эта крѣпость, такъ и защищавшіе ее еврейскіе воины находились подъ начальствомъ Ониаса. Онъ былъ въ то же время и командующимъ геліопольтанскаго военнаго округа, въ составъ котораго входила область Ониѣ и который назывался обыкновенно арабскимъ. Поэтому титулъ Ониаса былъ также: *арабархъ*, т. е. начальникъ арабскаго округа (въ измѣненномъ произношеніи *алабархъ*). Въ Александріи Ониасъ былъ начальникомъ еврейской общины и ея судьею (этнархомъ), въ области же Ониѣ или въ арабскомъ округѣ Египта онъ былъ начальникомъ надъ поселившимися тамъ воинственными евреями, съ помощью которыхъ онъ оказалъ Филометору весьма важныя услуги. Царь, должно быть, питалъ къ Ониасу и стоявшимъ подъ его начальствомъ его единоплеменникамъ столь неограниченное довѣріе, что онъ поручилъ ему еще одинъ чрезвычайно важный постъ. Морскіе порты и устье Нила являлись чрезвычайно важными пунктами въ дѣлѣ собиранія таможенныхъ пошлинъ; здѣсь взимались пошлины съ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ, благодаря которымъ Египетъ при Птоломеяхъ и впослѣдствіи при римлянахъ считался самой богатой страной. Надзоръ за моремъ и за Ниломъ Филометоръ точно также поручилъ арабарху, и весьма вѣроятно, что чиновники, надзиравшіе за взиманіемъ ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ, набирались изъ александрійскихъ евреевъ, которые жили вблизи моря.

Въ то же время случилось событіе, гораздо болѣе важное и игравшее во всемірной исторіи гораздо болѣе видную роль, нежели храмъ Ониаса, и встрѣтило столь-же разнорѣчивое сужденіе о себѣ, какъ и тотъ. Бѣглецы изъ Іудеи, которые изъ привязанности къ отцовскому закону пожертвовали отечествомъ и всѣми своими привычками, вѣроятно возбудили въ царѣ Филометорѣ, который былъ очень образованнымъ человѣкомъ и другомъ науки, желаніе познакомиться съ этимъ столь почитаемымъ закономъ; либо евреи, имѣвшіе доступъ къ царю, вызвали въ немъ интересъ къ презираемому его врагомъ Антіохомъ Эпифаномъ закону въ столь сильной степени, что онъ пожелалъ прочесть его въ греческомъ переводѣ. Одинъ изъ переселившихся изъ Іерусалима въ Александрію священниковъ, по имени *Іуда Аристовулъ*, какъ говорятъ, былъ учителемъ царя [1]). Возможно, что злой памфлетъ, приписываемый египетскому жрецу *Манефону*, направленный противъ евреевъ и встрѣченный греками, ихъ завистливыми врагами, съ радостью, точно также возбудилъ желаніе познакомиться по источникамъ съ происхожденіемъ и исторіей еврейскаго народа. Этотъ памфлетъ, быть можетъ, первый въ длинномъ рядѣ лживыхъ сказокъ о евреяхъ, сообщалъ, будто-бы пастухи, извѣстные подъ именемъ гиксовъ, сначала поработили Египетъ, затѣмъ были побѣждены, переселились въ Сирію и построили городъ *Іерусолима* изъ страха передъ могущественной тогда Ассиріей. Далѣе онъ распространялъ клевету, будто прокаженные были изгнаны изъ Египта и выбрали себѣ въ предводители геліопольтанскаго жреца, по имени Осарсифа, который ихъ училъ тому, чтобы не почитать боговъ, убивать и пожирать тѣхъ животныхъ, которыхъ египтяне почитали, и вступать въ брачную связь только между собою. Этотъ геліопольтанскій жрецъ между прокаженными былъ извѣстенъ подъ именемъ *Моисей*. Затѣмъ онъ призвалъ жившихъ въ Іерусалимѣ гиксовъ, чтобы въ союзѣ съ прокаженными завоевать Египетъ. Это удалось сдѣлать союзникамъ, и они въ теченіе долгихъ лѣтъ властвовали надъ страною и главнымъ образомъ оскверняли храмы и священныхъ животныхъ, пока бѣжавшій царь *Аменофисъ* не побѣдилъ ихъ съ помощью эѳіопянъ и не прогналъ ихъ обратно въ Сирію. Таково происхожденіе евреевъ: частью простые пастухи, частью прокаженные. Ихъ законодатель Моисей былъ первоначально египетскимъ жрецомъ, но впослѣдствіи, измѣнивъ своему происхожденію, свирѣпствовалъ противъ храмовъ, жрецовъ и боговъ и училъ народъ презирать все это. Прежде чѣмъ евреи привыкли къ такимъ лживымъ и враждебнымъ описаніямъ своего прошлаго, они должны были

[1]) Маккавеи II, 1, 10.

чувствовать себя глубоко оскорбленными и желать опровергнуть всѣ эти розсказни. Опровергнуть же можно было, только познакомивъ съ своею письменностью, съ Пятикнижіемъ, которое такъ подробно разсказываетъ о переселеніи евреевъ въ Египетъ, ихъ пребываніи тамъ и исходѣ оттуда. Имѣвшимъ доступъ ко двору евреямъ было чрезвычайно важно, чтобы благосклонно относившійся къ нимъ царь Филометоръ могъ познакомиться въ греческомъ переводѣ со столь презираемымъ съ одной стороны и столь почитаемымъ съ другой закономъ и убѣдиться въ достоинствахъ его и въ безукоризненномъ происхожденіи еврейскаго народа.

Если переселеніе Ониаса IV и многихъ евреевъ въ Египетъ при Филометорѣ имѣло большое значеніе для египетскихъ евреевъ, то, благодаря переводу Библіи, возникшему отъ него, оно пріобрѣло всемірно-историческое значеніе въ дѣлѣ распространенія и развитія іудаизма. Какъ былъ произведенъ этотъ переводъ, мы ближе не знаемъ. По всей вѣроятности, эта работа, чтобы сдѣлать ее болѣе легкой, была раздѣлена между пятью переводчиками такимъ образомъ, что каждая изъ *пяти* книгъ Пятикнижія имѣла своего особаго переводчика. Дѣйствительно, есть извѣстіе о *„пяти старцахъ“*, которые перевели Тору на греческій языкъ. Имѣющійся переводъ ясно показываетъ, хотя благодаря различнымъ измѣненіямъ онъ потерялъ свой первоначальный видъ, что онъ былъ произведенъ неравномѣрно во всѣхъ своихъ частяхъ и такимъ образомъ не можетъ исходить отъ одного переводчика. Можетъ быть исторически вѣренъ разсказъ о томъ, что пять переводчиковъ, чтобы совершить свою работу, удалились на островъ Фаросъ, недалеко отъ Александріи, чтобы имъ никто не могъ помѣшать, такъ какъ они смотрѣли на этотъ переводъ, какъ на дѣло совѣсти и чести. Въ переводѣ замѣтно стремленіе принести въ жертву чистому представленію о Богѣ точность дословнаго перевода, что необходимо должно было основываться на взаимномъ уговорѣ переводчиковъ, которые главнымъ образомъ работали для образованнаго царя; подобнымъ соображеніемъ они руководствовались при выборѣ того или другого слова, которое могло бы не понравиться царю. Слово ארנבת (заяцъ) въ спискѣ нечистыхъ и запрещенныхъ къ ѣдѣ животныхъ они перевели описательно, чтобы избѣжать слова *Лагосъ* (заяцъ по гречески), потому что основатель династіи Птоломеевъ назывался *Лагосомъ*. Переводъ былъ вѣроятно сдѣланъ нѣсколько времени послѣ постройки храма Ониаса (около 150); возможно, что между этими двумя событіями существовала внутренняя связь. Переводчики, вѣроятно, были, какъ и Ониасъ, переселенцами изъ Палестины, которые принесли съ собою оттуда знаніе еврейскаго языка, потому что прежде переселившіеся и уже эллинизированные египетскіе евреи, вѣроятно, не обладали достаточными знаніями еврейскаго языка, чтобы

взяться за это трудное предпріятіе. Переводъ Торы на греческій языкъ въ извѣстномъ смыслѣ былъ также храмомъ, сооруженнымъ во славу Божію на чужой землѣ.

Окончаніе этого труда возбудило сильнѣйшую радость среди евреевъ Александріи и Египта. Они гордились тѣмъ, что кичащіеся своею мудростью греки должны были наконецъ увидѣть, насколько іудаизмъ старше и выше греческой философіи. Ихъ самолюбію льстило, что они могли сказать: „посмотрите, Моисей выше Пиѳагора и Платона“. Радость должна была быть еще сильнѣе, потому что переводъ былъ сдѣланъ благодаря участію благосклонно относившагося къ евреямъ царя, и такимъ образомъ былъ проложенъ путь къ признанію іудаизма греками. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что день, когда переводъ былъ поднесенъ царю, евреи торжественно отпраздновали и что затѣмъ ежегодно повторяли празднество. Въ этотъ день они обыкновенно ѣздили въ Фаросъ, здѣсь приносили благодарственныя молитвы, затѣмъ, смотря по состоянію, либо въ палаткахъ, либо подъ открытымъ небомъ устраивали съ родными и друзьями торжественный обѣдъ. Отсюда произошелъ впослѣдствіи общій народный праздникъ, въ которомъ принимали участіе даже язычники изъ Александріи.

Совершенно иное впечатлѣніе долженъ былъ переводъ Торы на греческій языкъ произвести на благочестивцевъ въ Іудеѣ. Благодаря многимъ страданіямъ, которыя испытали народъ и святилище изъ-за грековъ, все греческое было имъ ненавистно, и они опасались, какъ бы истинный смыслъ ученія не былъ искаженъ благодаря переводу на греческій языкъ. Только еврейскій языкъ, на которомъ Господь далъ откровеніе на Синаѣ, казался достойнымъ, чтобы выразить божественное содержаніе Торы; имъ казалось, что на другомъ языкѣ ученіе іудаизма потеряетъ свою божественность. Поэтому въ Іудеѣ считали день перевода, который у египетскихъ евреевъ былъ праздникомъ, днемъ національнаго несчастія, подобно тому дню, когда евреи въ пустынѣ стали поклоняться золотому тельцу; кажется, этотъ день (8 Тебета) былъ днемъ поста. Столь противорѣчивую оцѣнку встрѣтило это событіе. Если обратить вниманіе на тѣ послѣдствія, которыя имѣлъ греческій переводъ, то окажется, что оба чувства—радость александрійскихъ и печаль палестинскихъ евреевъ—болѣе или менѣе справедливы. Благодаря греческому переложенію, іудаизмъ сталъ доступенъ и понятенъ носителямъ всемірной культуры, грекамъ; они мало по малу познакомились съ іудаизмомъ, и, какъ они ни мѣшали, по прошествіи полутысячелѣтія, его содержаніе уже было знакомо господствовавшимъ тогда народамъ. Греческій переводъ былъ первымъ апостоломъ, который іудаизмъ послалъ къ язычникамъ, чтобы исцѣлить ихъ отъ ихъ заблужденія; онъ былъ посредникомъ, который сблизилъ два противоположныхъ міросозерцанія:

эллинское и іудейское. Благодаря распространенію, которое получилъ онъ черезъ второго апостола іудаизма среди язычниковъ, христіанства, онъ глубоко проникъ въ мысли и языкъ народовъ, и нынѣ не существуетъ развитаго языка, который не перенялъ бы изъ іудейской письменности представленій и словъ посредствомъ этого перевода. Такимъ образомъ александрійскій переводъ ввелъ іудаизмъ во всеобщую литературу и сдѣлалъ его общедоступнымъ. Съ другой стороны этотъ переводъ невольно велъ къ измѣненію и извращенію еврейскаго ученія и былъ въ извѣстной степени ложнымъ пророкомъ, который проповѣдывалъ ложь во имя Бога. Если вообще трудно переводить съ еврейскаго на греческій, то въ то время ни еврейскій языкъ, ни содержаніе, ни истинное значеніе Торы не были достаточно знакомы, чтобы въ переводѣ могъ быть переданъ истинный смыслъ каждаго слова. Наконецъ, греческій текстъ не былъ настолько оберегаемъ, чтобы то или другое лицо не могло вносить поправокъ. Этотъ переводъ обыкновенно читался по субботамъ и праздникамъ, и было предоставлено вкусу, пониманію и даже произволу чтеца дѣлать въ немъ измѣненія. Какъ легко могъ чтецъ, въ обладаніи котораго находился одинъ экземпляръ, вносить измѣненія въ текстѣ! Въ дѣйствительности греческій текстъ изобилуетъ такими вставками и исправленіями, которыя впослѣдствіи, во время борьбы іудаизма съ христіанствомъ, стали настолько часты, что въ настоящее время не вездѣ можно узнать первоначальный переводъ. Тѣмъ не менѣе александрійскіе евреи такъ вѣрили въ превосходство этого перевода, что мало по малу стали считать еврейскій оригиналъ излишнимъ и ограничивались только греческимъ текстомъ. Всѣ ошибки, которыя попали въ греческую Библію благодаря незнанію, непониманію, ошибкамъ переводчиковъ и произвольнымъ вставкамъ, считали они откровеніемъ Бога, и такимъ образомъ впослѣдствіи они учили многому тому, что совершенно чуждо іудаизму. Однимъ словомъ, всѣми побѣдами, которыя іудаизмъ одержалъ надъ культурнымъ язычествомъ, и всѣмъ непониманіемъ его истиннаго смысла обязанъ онъ исключительно этому переводу.

Уваженіе, которымъ пользовался этотъ переводъ въ глазахъ евреевъ и также язычниковъ, вызвало желаніе сообщить ему высшую святость и непререкаемый авторитетъ, особенно въ виду того непочтенія и даже осужденія, которое переводъ встрѣтилъ въ Іудеѣ. Относительно времени и способа возникновенія перевода стали создаваться легенды, которыя съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе росли и долгое время принимались за историческую истину. Прежде всего преданіе сдѣлало этотъ переводъ старше, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, и отнесло его къ тому времени, когда въ іудаизмѣ не было еще раскола; далѣе оно старалось санкціонировать его

іудейскими авторитетами и, наконецъ, предположило чудо, чтобы онъ такимъ образомъ получилъ освященіе свыше. Разсказывали, что уже Птоломей II *Филадельфъ*, желая собрать какъ можно болѣе книгъ въ свою библіотеку, обратилъ вниманіе на книги Моисея благодаря хранителю библіотеки, *Дмитрію Фалерійскому*, указавшему на то, что они достойны занимать мѣсто въ царскомъ книгохранилищѣ, но должны быть переведены на греческій языкъ. Поэтому царь отправилъ двухъ пословъ, *Аристея* и *Андрея*, къ тогдашнему первосвященнику *Элеазару* съ богатыми подарками просить его о посылкѣ достойныхъ людей, которые владѣли бы еврейскимъ и греческимъ языками. Чтобы показать евреямъ свою благосклонность, онъ выкупилъ всѣхъ еврейскихъ рабовъ въ Египтѣ, которыхъ туда привелъ его отецъ Птоломей I и далъ имъ свободу. Первосвященникъ Элеазаръ, тронутый этимъ доказательствомъ царскаго расположенія, отправилъ въ Александрію 72 человѣка, выбравъ по шести человѣкъ изъ каждаго колѣна. Принятые очень благосклонно царемъ, эти семьдесятъ два человѣка въ 72 дня окончили переводъ Торы и прочли его царю и всѣмъ присутствовавшимъ евреямъ. Послѣ этого царь взялъ одинъ экземпляръ перевода въ свою библіотеку, а Дмитрій Фалерійскій побудилъ издать проклятіе противъ всякаго, который будетъ вносить какія бы то ни было измѣненія въ переводъ. На основаніи этой легенды, которая еще недавно считалась исторической истиной, переводъ получилъ названіе „перевода 72-хъ“ или короче „70-ти (septuaginta)“. Впослѣдствіи было сдѣлано, неизвѣстно только кѣмъ, христіанами ли или евреями, къ этой легендѣ прибавленіе чудеснаго элемента. Разсказывали, будто царь заключилъ каждаго изъ 70-ти въ отдѣльную комнату и лишилъ ихъ возможности сообщаться между собою; тѣмъ не менѣе всѣ переводы дословно сходились, такъ что царю и всѣмъ присутствовавшимъ стало яснымъ, что Богъ благословляетъ это предпріятіе [1]). Всѣ эти разсказы принадлежатъ только легендѣ.

Лишь только было сдѣлано начало, то желаніе познакомить греческихъ читателей съ памятниками еврейской письменности все болѣе и болѣе усиливалось, и мало по малу также историческія книги были переведены на греческій языкъ. Поэтическія книги пророковъ во всякомъ случаѣ не были переведены одновременно съ Пятикнижіемъ и историческими книгами. Еврейскій оригиналъ не былъ легко понятенъ, а греческій языкъ, обладающій совершенно иной конструкціей, чѣмъ еврейскій, былъ мало пригоденъ къ тому, чтобы передать мысли и поэтическія выраженія тѣхъ книгъ. Требовалось для этого необыкновенное знаніе языковъ, которымъ тогда египетскіе евреи не обладали. Эти книги навѣрное переведены вѣкомъ позже.

[1]) Тр. Мегилла 9 а.

Переводъ Пятикнижія на греческій языкъ создалъ въ египетскихъ общинахъ проповѣдь. Можетъ быть, въ Іудеѣ былъ обычай при чтеніи Торы не только переводить на разговорный языкъ (халдейскій или арамейскій) отдѣльныя главы, но и объяснять ихъ, и этотъ обычай перешелъ въ молитвенные дома египетскихъ евреевъ. Можетъ также быть, что этотъ обычай возникъ у нихъ, потому что еврейскій языкъ сталъ имъ чуждъ. Однако, было ли то подражаніемъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ обычай переводить и объяснять слушателямъ темныя или неясныя мѣста создалъ новую форму. Переводчики, пользуясь греческими образами и представленіями, не оставались въ предѣлахъ прочитаннаго, но добавляли разныя наблюденія, полезныя указанія, касающіяся настоящаго положенія вещей, и дѣлали всевозможныя предупрежденія и предостереженія. Такимъ образомъ изъ объясненія Священнаго Писанія выросла *проповѣдь*, которая мало по малу, благодаря греческому искусству, пріобрѣла красивую и изящную форму. Проповѣдь—дочь еврейской александрійской общины; здѣсь родилось и выросло церковное краснорѣчіе, которое впослѣдствіи служило образцомъ.

Та прелесть, которую находили говорившіе по-гречески евреи въ сдѣлавшейся для нихъ доступной Библіи, возбудила у болѣе образованныхъ желаніе самостоятельно обработать библейскій матеріалъ, популяризировать его, выяснить содержащіяся въ немъ ученія и сгладить кажущіяся противорѣчія. Такимъ образомъ произошла *еврейско-греческая литература,* которая современемъ пріобрѣла большое распространеніе и вліяніе на широкіе круги общества. Первые опыты этой литературы, гдѣ какъ бы братски сочетались эллинскій и іудейскій національный духъ, очень мало извѣстны. Кажется, что здѣсь также размѣренная рѣчь предшествовала простой прозѣ. Сохранились отрывки, въ которыхъ древне-еврейская исторія разсказывается въ стихахъ. Поводомъ для этихъ поэтическихъ сочиненій, кажется, послужила вражда евреевъ и самаритянъ.

Эти два сосѣдніе народа, сходящіеся въ признаніи Пятикнижія, почитаніи Единаго Бога и отвращеніи къ язычеству, во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ совершенно не сходные, ненавидѣли другъ друга, какъ и въ древности. Религіозныя притѣсненія при Антіохѣ Эпифанѣ, борьба Маккавеевъ и тѣ измѣненія, которыя явились слѣдствіемъ ея, не только не уменьшили этой взаимной вражды, но даже увеличили ее. Хотя самаритяне, которыхъ слуги Антіоха принуждали отказаться отъ почитанія Бога Израиля, неохотно подчинялись ему, однако они не вступили въ союзъ съ евреями, чтобы бороться съ общимъ врагомъ, а скорѣе стояли на его сторонѣ. Евреи обвиняли ихъ въ томъ, что во время преслѣдованій они отреклись отъ старой вѣры, добровольно посвятили свой храмъ на горѣ Гаризимъ греческому

Зевсу и утверждали, будто они вовсе не въ родствѣ съ іудеями, а по происхожденію сидонійцы, которые только по необходимости вынуждены праздновать субботу и соблюдать еврейскіе обычаи; но это было ложное обвиненіе. Самаритяне въ дѣйствительности продолжали служить Богу Израиля въ храмѣ на горѣ Гаризимъ и жить согласно предписаніямъ Торы. Во время религіозныхъ преслѣдованій они, кажется, переселились въ Египетъ и присоединились къ своимъ единоплеменникамъ, которые тамъ жили со временъ Александра. Подобно евреямъ, египетскіе самаритяне усвоили себѣ господствующій греческій языкъ и греческіе обычаи.

Вражда, существовавшая между поклонниками Іерусалима и Гаризима, слѣдовала за ними и за предѣлы Палестины, и они враждовали другъ съ другомъ съ такимъ же рвеніемъ, съ какимъ обыкновенно защищаютъ на чужбинѣ свою вѣру и свои традиціи. Переводъ Торы на греческій языкъ, подъ покровительствомъ царя Филометора, кажется, подлилъ масла въ огонь. Самаритяне должны были почувствовать себя сильно оскорбленными тѣмъ, что въ греческомъ переводѣ не оказалось стиха, на который они опирались: „ты долженъ воздвигнуть жертвенникъ на горѣ Гаризимъ“; такимъ образомъ ихъ храмъ терялъ доказательство своей святости. Поэтому александрійскіе самаритяне намѣревались протестовать противъ этого перевода или скорѣе всего противъ этого якобы искаженія текста; благодаря тому, что нѣкоторые изъ нихъ пользовались благосклонностью царя, они добились того, что Филометоръ приказалъ устроить диспутъ между двумя спорящими партіями, которымъ былъ бы рѣшенъ вопросъ о томъ, какой храмъ святѣе: самаритянскій или іерусалимскій. Это былъ первый религіозный диспутъ, устроенный свѣтскимъ правителемъ, диспутъ, который тѣмъ отличается отъ другихъ диспутовъ, бывшихъ въ теченіе еврейской исторіи, что третейскимъ судьею было лицо совершенно незаинтересованное, и поэтому сторонамъ была предоставлена полная свобода выражать открыто свои мнѣнія.

Эти двѣ партіи выбрали наиболѣе ученыхъ людей изъ своей среды, имена которыхъ дошли до насъ. Со стороны евреевъ выступилъ *Андроникъ,* сынъ Месалама. Самаритяне имѣли двухъ представителей: *Саббаи* и *Теодозія,* лица довольно извѣстныя въ исторіи самаритянъ; они пользовались у нихъ большимъ уваженіемъ, и Теодозій считался основателемъ самаритянской секты, взгляды которой приближаются къ іудаизму. Какимъ образомъ велся диспутъ и къ какимъ результатамъ онъ привелъ, невозможно теперь сказать, потому что извѣстія о немъ носятъ явно легендарный характеръ. Каждая партія приписывала себѣ побѣду, и объ преувеличивали достигнутые ею результаты; впрочемъ, никогда диспуты не приводили къ опредѣленному результату. Еврейскіе источники представляютъ дѣло въ

такомъ видѣ, будто условіе заключалось въ томъ, что царь казнитъ побѣжденныхъ въ спорѣ—очевидная неправда; когда Андроникъ указалъ на цѣлый рядъ первосвященниковъ, служившихъ начиная съ Арона въ Іерусалимскомъ храмѣ, и напомнилъ, что азіатскіе цари посылали подарки въ іерусалимскій храмъ, чѣмъ не могъ похвастать гаризимскій храмъ, тогда самаритяне были признаны побѣжденными и согласно условіямъ были убиты. Позднѣйшія и еще болѣе темныя самаритянскія версіи приписываютъ побѣду себѣ благодаря слѣдующему доказательству: невозможно, чтобы Моисей не указалъ мѣста богопочитанія (Kiblah); скорѣе нужно предположить, что онъ указалъ въ своемъ послѣднемъ благословеніи предъ смертью на гору въ колѣнѣ Іосифа, какъ гору благословенія, а именно Гаризимъ. Извѣстія другихъ еврейскихъ сочиненій недоказательны, такъ какъ они не священны, и ихъ авторовъ самаритяне не признаютъ пророками. Благодаря этимъ доказательствамъ, царь убѣдился въ святости гаризимскаго храма и по желанію самаритянъ приказалъ, чтобы евреи подъ страхомъ смертной казни не восходили на Гаризимъ.

Этотъ споръ о святости Іерусалима и Сихема обѣ партіи продолжали, повидимому, въ греческихъ стихахъ. Самаритянскій поэтъ *Теодотъ*, можетъ быть тотъ же Теодозій, о которомъ мы упомянули выше, прославлялъ плодородіе Сихема:

„Между двумя высокими обильными травою и лѣсомъ вершинами стоитъ величественный Сихемъ, священный городъ, построенный у подножія горы и окруженный стѣнами изъ гладкаго камня.“

Для того, чтобы указать на важность этого города, Теодотъ разсказывалъ исторію Якова, какъ онъ поселился у Сихема, какъ его дочь Дина была опозорена княземъ Сихема и какъ ея братья Симонъ и Леви отомстили за нее. Безъ сомнѣнія, въ поэмѣ Теодота описывалось построеніе храма на горѣ Гаризимъ и указывалось на его святость.

Еврейскій поэтъ *Филонъ* Старшій прославлялъ Іерусалимъ, воспѣвалъ плодородіе еврейской столицы и подземную воду, которая проводилась путемъ каналовъ изъ „источника первосвященника“. Этотъ поэтъ указывалъ на значеніе іерусалимскаго храма на горѣ Морія, разсказывая, что Авраамъ пожелалъ принести сына въ жертву на этой горѣ, которая благодаря этому стала для потомковъ Авраама священной. Онъ разсказывалъ также про Якова и Іосифа, желая украсить исторію Израиля.

Другой самаритянскій писатель, по имени *Эвполемъ*, описалъ древнѣйшую исторію израильскаго народа и, подобно Теодоту, указывалъ на большое значеніе храма на священной горѣ Гаризимъ. Названіе *„Аргаризимъ“* означаетъ „гора Всевышняго“. Въ городѣ у подножія этой горы правилъ, какъ царь и первосвященникъ, Мелхиседекъ, который принялъ Авраама послѣ побѣды его надъ арамейскимъ царемъ. Этотъ Самаритянинъ Эвполемъ, или какъ бы онъ тамъ ни назывался, былъ первымъ или однимъ изъ первыхъ, который сталъ вплетать чудесныя преданія въ древнѣйшую исторію Израиля, желая дать греческимъ читателямъ высокое понятіе о библейскихъ герояхъ. По его словамъ, не египтяне создали астрономію, а вавилоняне астрологію, но первымъ открывшимъ ихъ былъ Енохъ, который греками называется Атласомъ. Его сынъ, Маѳусаилъ, жившій очень долго, пріобрѣлъ науки отъ ангела и передалъ ихъ своимъ потомкамъ. Благодаря этому, Авраамъ, знавшій ихъ, превосходилъ благородствомъ и мудростью всѣхъ людей. Это онъ во время своего пребыванія въ Халдеѣ научилъ астрономіи вавилонянъ и финикіянъ, а въ Египтѣ—египтянъ. Испорченный греческими миѳами вкусъ не находилъ удовольствія въ разсказахъ о простотѣ и добродѣтеляхъ еврейскихъ патріарховъ. Они должны были, по духу греческихъ преданій, быть или достигающими неба героями или, по крайней мѣрѣ, создателями высоко цѣнившихся тогда наукъ. Среди происшедшихъ отъ смѣшенія различныхъ народовъ самаритянъ, головы которыхъ были полны разными суевѣрными представленіями, могли легче всего распространиться такія сказанія, въ свою очередь происшедшія отъ смѣшенія еврейской исторіи съ греческими миѳами. Скоро ихъ примѣру послѣдовали евреи. Это было время паденія литературнаго вкуса и научнаго образованія въ Александріи; разношерстный составъ населенія благопріятствовалъ подобному смѣшенію; представленіе о правдивомъ и оригинальномъ было потеряно въ этой обстановкѣ.

Между тѣмъ для евреевъ Александріи наступило тяжелое время; какъ и въ Іудеѣ, за счастливыми днями наступили несчастные. Вслѣдствіе смерти Іонатана вся Іудея была въ траурѣ; перемѣна правителей въ Египтѣ привела къ тому же результату. Птоломей VII, прозванный *Эвергетомъ II Фискономъ*, правившій нѣкоторое время съ Филометоромъ, затѣмъ добивавшійся его паденія и, наконецъ, вырвавшій у него Киренаику, послѣ его смерти сталъ добиваться его короны, хотя наслѣдникъ былъ на лицо. Легкомысленное и малодушное населеніе Александріи было уже готово признать царемъ безобразнаго и злого Фискона. Съ другой стороны вдова Филометора Клеопатра, которая правила государствомъ за малолѣтствомъ сына, имѣла также своихъ сторонниковъ. Дѣятельную помощь оказывалъ ей Оніасъ, который помогалъ ея мужу. Кажется, что дѣло дошло до войны между Клеопатрой и Фискономъ, въ которой участвовалъ Оніасъ со своими еврейскими солдатами. Наконецъ былъ заключенъ миръ, по которому Фисконъ долженъ былъ жениться на своей сестрѣ, и они должны были вмѣстѣ править (145). Этотъ бракъ былъ очень несчастливъ. Лишь только жестокій Фисконъ вступилъ въ Александрію, какъ онъ убилъ не только друзей

законнаго престолонаслѣдника, но и его самого въ день свадьбы его матери. Между царемъ и царицей, между братомъ и сестрой возникъ раздоръ. Фисконъ не только публично оказывалъ благоволеніе своей любовницѣ, но опозорилъ дочь своей жены, наполнилъ Александрію кровью и ужасомъ; жители разбѣжались въ страхѣ, и онъ правилъ надъ пустыми домами и улицами. Онъ не щадилъ даже тѣхъ, кто помогъ ему добиться престола. Какъ же могъ онъ щадить евреевъ, которые были сторонниками ненавистной ему жены и сестры? Когда онъ узналъ, что вѣрный другъ Клеопатры Оніасъ собираетъ войско, чтобы помочь ей противъ злодѣя, онъ отдалъ своимъ солдатамъ приказъ арестовать евреевъ Александріи съ женами и дѣтьми, связать и положить ихъ обнаженными на площадь, гдѣ слоны должны были растоптать ихъ. Чтобы усилить ярость слоновъ, Фисконъ приказалъ напоить ихъ виномъ. Однако произошло обстоятельство, принятое евреями за чудо. Опьяненныя животныя повернули въ ту сторону, гдѣ сидѣли царскіе слуги, желавшіе насладиться кровавымъ зрѣлищемъ, и многихъ изъ нихъ задавили. Такимъ образомъ евреи были спасены. Любовница Фискона Ирина дала ему почувствовать, сколь велико его злодѣяніе, и побудила его раскаяться и обѣщать, что подобное впредь не повторится. Александрійскіе евреи, спасенные отъ погибели, стали праздновать день своего спасенія въ память о немъ. Фисконъ съ того времени, кажется, оставилъ евреевъ въ покоѣ, потому что какъ разъ въ его правленіе сильно развилась среди евреевъ жажда научныхъ знаній, и писатели спокойно разрабатывали вопросы еврейской науки.

ГЛАВА III.

Симонъ.

Іудея становится независимой. Уничтоженіе дани и сирійскаго лѣтосчисленія въ Іудеѣ. Союзъ Симона съ римлянами. Разрушеніе Акры и уничтоженіе послѣднихъ эллинистовъ. Іудейскія монеты. Несогласіе между Симономъ и сирійскимъ царемъ. Полководецъ сирійскаго царя Кендебай побѣжденъ. Симонъ падаетъ жертвой коварнаго убійства.

(143—135).

Въ то время, какъ Іудейская община въ Александріи дѣлала быстрые успѣхи въ духовномъ отношеніи, еврейскій народъ въ своей родной странѣ достигъ такой политической высоты, что могъ съ чувствомъ гордости вспоминать время своего униженія. Какой шагъ впередъ онъ сдѣлалъ за правленіе Іонатана, показываетъ простое сравненіе положенія дѣлъ послѣ смерти послѣдняго и послѣ смерти Маккавея. Преемникъ Іуды могъ вначалѣ собрать вокругъ себя только горсть вѣрныхъ людей; самъ былъ вождемъ, не получившимъ оффиціально ни полномочій, ни титула, не обладалъ ни укрѣпленными позиціями, ни вспомогательными средствами для обороны или наступленія, съ помощью которыхъ предотвращаются тяжелыя пораженія и облегчаются побѣды, и, наконецъ, былъ жестоко тѣснимъ внѣшними и внутреннимъ врагами. Наоборотъ, преемникъ Іонатана, Симонъ, послѣдній изъ храбрыхъ сыновей Матаѳія, сталъ во главѣ вполнѣ окрѣпшаго и сознающаго свою силу народа, который съ полнымъ самоотверженіемъ готовъ былъ защищать и расширять свои владѣнія. Симонъ уже получилъ княжескій титулъ и санъ первосвященника, что давало ему возможность настойчиво добиваться исполненія своихъ распоряженій. Онъ нашелъ крѣпости, которыя могли служить оплотами противъ непріятельскихъ нападеній, и долженъ былъ бороться только съ однимъ врагомъ, который уже былъ ослабленъ его предшественникомъ. Поэтому смерть Іонатана не только не подѣйствовала угнетающе, а, наоборотъ, возбудила въ приверженцахъ рода Хасмонеевъ желаніе отомстить коварному убійцѣ за смерть благороднаго хасмонейскаго первосвященника. Симону только оставалось занять освободившееся мѣсто вождя. Симонъ, принявъ на себя предводительство, былъ близокъ къ старческому возрасту, но, несмотря на это, онъ обладалъ такой же юношеской смѣлостью и силой, какъ въ то время, когда его умирающій отецъ предложилъ обращаться къ нему за совѣтами въ предстоявшей борьбѣ противъ сирійскаго владычества. Такъ силенъ былъ родъ Хасмонеевъ, что только немногимъ изъ его членовъ можно было поставить въ упрекъ трусость и слабоуміе, бо́льшая же часть ихъ сохраняла юношескую силу и смѣлость до послѣдней минуты. У Симона было четыре сына: Іохананъ, Іуда, Матаѳій и одинъ неизвѣстный по имени, которые отъ участія въ непрерывныхъ бояхъ стали настоящими воинами. Обладая значительными вспомогательными средствами, онъ продолжалъ политику своего брата, стараясь истощить силы уже ослабѣвшаго врага, утвердиться въ странѣ и расширить владѣнія Іудеи; но ему удалось еще больше, чѣмъ онъ самъ предполагалъ. Онъ сдѣлалъ іудейскій народъ совершенно независимымъ отъ сирійскаго владычества и создалъ изъ Іудеи самостоятельное государство. Поэтому почти девятилѣтнее правленіе Симона можетъ съ правомъ быть названо блестящимъ; впродолженіе его въ полномъ смыслѣ слова „старцы могли спокойно доживать свой вѣкъ, молодежь—наслаждаться своей силой и каждый—безъ помѣхи сидѣтъ подъ своимъ виноградникомъ или подъ своей смоковницей“. Первый шагъ Симона былъ актомъ независимости: полу-

чивъ отъ народа санъ первосвященника, впервые онъ не домогался утвержденія сирійскимъ царемъ, чего требовалъ обычай, который самъ Іонатанъ не рѣшился уничтожить. Онъ воспользовался анархіей сирійскаго государства, которая тамъ царила благодаря Трифону, и отстранилъ вмѣшательство чужестранцевъ при назначеніи на эту должность, имѣвшую какъ религіозное, такъ и политическое значеніе. Діадема первосвященника не должна была болѣе быть пожалована языческимъ властелиномъ. Предвидя, что слѣдствіемъ этого шага будетъ борьба съ Сиріей, Симонъ сталъ укрѣплять крѣпости Іудеи, заготовлять съѣстные припасы и завелъ переговоры съ низвергнутымъ сирійскимъ царемъ Дмитріемъ II, хотя этотъ послѣдній съ черной неблагодарностью отплатилъ за помощь, оказанную ему Іонатаномъ (выше стр. 16). Симонъ разсчиталъ, что Дмитрій въ своей безпомощности признаетъ пріобрѣтенія Іудеи и даже исполнитъ еще больше, если Симонъ признаетъ его сирійскимъ царемъ. Поэтому Симонъ отправилъ къ нему торжественное посольство съ золотой короной въ знакъ признанія его царемъ и обѣщалъ помощь въ борьбѣ съ Трифономъ, подъ условіемъ освобожденія Іудеи отъ податей и признанія ея самостоятельности. Дмитрій охотно согласился на всѣ предложенія Симона, чтобы, начавъ войну съ Трифономъ, имѣть, вблизи своего потеряннаго государства, вѣрнаго союзника въ лицѣ Симона. Поэтому онъ даровалъ амнистію іудейскому народу за предшествовавшее возстаніе, освободилъ его отъ какихъ бы то ни было податей и утвердилъ всѣ дѣйствія Симона, которыя послужили во вредъ сирійской коронѣ. Онъ написалъ первосвященнику и „другу царя,“ старѣйшинамъ и еврейскому народу слѣдующее: „Золотую корону, которую вы послали, мы получили и готовы заключить съ вами продолжительный миръ и написать царскимъ управителямъ, что мы прощаемъ вамъ ваши долги. То, что мы говоримъ, будетъ свято исполнено. Крѣпости, которыя вы построили, пусть останутся за вами. Мы прощаемъ вамъ всѣ умышленныя и неумышленныя провинности противъ насъ до сегодняшняго дня, также освобождаемъ васъ отъ недоимокъ и податей, которыми обложенъ былъ Іерусалимъ. Если кто-нибудь изъ васъ годенъ для поступленія въ наше войско, то онъ будетъ принятъ. И да будетъ между нами миръ“.

День освобожденія отъ податей былъ такъ важенъ для народа, что онъ (27 Іяра, мая) сталъ считаться полупраздникомъ среди дней побѣды. Народъ разсматривалъ уступку Дмитрія, какъ начало полной независимости. Прекратилось лѣтосчисленіе по годамъ правленія сирійскихъ царей и началось по годамъ правленія Симона. Во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ въ этомъ году писали: „въ первый годъ правленія первосвященника, полководца и князя Симона“. Это былъ поступокъ народа, чувствующаго свою власть и мало заботящагося о томъ, въ правѣ ли онъ дать такой титулъ своему предводителю: вѣдь въ то время Симонъ не былъ еще утвержденъ ни сирійскимъ царемъ, ни выборомъ народа. Онъ самъ какъ будто не считалъ себя въ полной независимости, несмотря на сдѣланныя царемъ уступки, и началъ вести счетъ годамъ своего самостоятельнаго правленія гораздо позже, когда уже получилъ право чеканить монету.

Радость въ Іерусалимѣ по поводу достигнутой самостоятельности, которой недоставало со времени паденія еврейскаго государства при послѣднемъ царѣ Цидкіи, была такъ велика, что представители народа, старѣйшины или Синедріонъ, чувствовали необходимость сообщить объ этомъ египетскимъ іудеямъ. Но они должны были превозмочь при этомъ нѣкоторую неловкость. Тамъ жилъ Оніасъ, основатель храма Оніаса, потомокъ того священническаго рода, который со времени возвращенія изъ изгнанія игралъ первенствующую роль, но вслѣдствіе происшествій въ Іудеѣ былъ совершенно и безнадежно вытѣсненъ родомъ Хасмонеевъ. Хотя Оніасъ или его сыновья и потеряли надежду вновь добиться сана первосвященника, но все-таки было неудобно напоминать ему и приверженнымъ ему египетскимъ евреямъ, что семья, которая со времени царя Соломона занимала эту должность, на родинѣ отвергнута народомъ. Можно было заранѣе предугадать, что это сообщеніе болѣзненно отзоветея въ египетско-іудейскихъ кругахъ общества. Представители народа поэтому только сообщили, что долгое время были угнетены, но Богъ услышалъ ихъ молитвы, и теперь въ храмѣ, гдѣ врагъ неистовствовалъ и даже проливалъ невинную кровь, снова безпрепятственно будутъ совершать жертвоприношенія, зажигать лампады свѣтильника и возлагать освященный хлѣбъ *[1]). Это сообщеніе, въ которомъ избѣгалось все, что могло затронуть и уязвить, даже упоминаніе о занятіи сана первосвященника членомъ дома Іояривъ, повидимому, произвело хорошее впечатлѣніе среди египетскихъ евреевъ. И они также обрадовались вновь достигнутой независимости Іудеи и считали этотъ годъ, благодаря этому радостному событію, особенно важнымъ. Должно быть самъ Симонъ посовѣтовалъ умолчать о себѣ и о своемъ занятіи должности первосвященника, чтобы сохранить хорошія отношенія съ египетскими общинами.

Второе важное дѣяніе Симона состояло въ томъ, что онъ выгналъ остатокъ эллинистовъ, которые еще находились въ Акрѣ и въ крѣпостяхъ Газарѣ и Бетъ-Цурѣ, и уничтожилъ ихъ вліяніе. Сначала сдалась Газара. Симонъ предоставилъ сдавшимся свободный пропускъ и велѣлъ

*) *Ред.* (שמואל א׳ כא) לחם קדש=לחם הפנים

[1]) Макк. II, 1.

очистить ихъ дома отъ изображеній боговъ. Но эллинисты въ Акрѣ такъ прочно утвердились, что пришлось осадить крѣпость и голодомъ заставить жителей сдаться. Когда они, наконецъ, сдались, побѣдители съ торжественными гимнами вступили въ городъ. День взятія Акры (23 Іяра, мая 141) сталъ навѣки считаться радостнымъ днемъ. Изгнаніе эллинистовъ изъ Бетъ-Цура было, повидимому, достигнуто безъ большой трудности, такъ какъ объ этомъ упоминается мимоходомъ. Куда они направились, не сказано; какъ видно, одни бѣжали въ Египетъ, другіе оставили языческій образъ жизни и были приняты, какъ кающіеся, въ общину, упорствующіе же, наоборотъ, пали жертвами побѣдившихъ ихъ благочестивыхъ.—Двадцать второе Элула (сентября) считалось праздникомъ, потому что въ этотъ день были убиты упорствующіе эллинисты, послѣ трехъ дней срока, который имъ былъ данъ для размышленія. Такимъ образомъ была уничтожена враждебная партія, которая впродолженіи сорока лѣтъ подрывала основы іудейства, навлекла на еврейскій народъ всѣ страданія внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ и религіозныхъ преслѣдованій и едва не довела своего отечества до погибели. Объ эллинистахъ не осталось никакого воспоминанія, кромѣ глубокаго презрѣнія къ этой партіи, измѣнившей религіи, обычаямъ и отечеству. Для внутренняго развитія народа этотъ кризисъ имѣлъ благопріятныя послѣдствія. Іудейскій народъ пробудился изъ своей религіозной и политической спячки, напрягъ всѣ свои силы и научился жертвовать собой за свои святыни. Съ первыми мучениками, пролившими свою кровь на плахѣ и на полѣ брани за догматы іудаизма, это ученіе стало душой народа, который безъ него не могъ бы устоять. Весь народъ, запечатлѣвшій своей кровью отцовское наслѣдіе, сталъ живымъ носителемъ іудаизма. Еврейская исторія съ этого времени носитъ почти исключительно религіозный характеръ, такъ что и политическая жизнь проникнута имъ. Въ противоположность эллинистамъ, еврейская масса еще больше чувствовала себя Богомъ избраннымъ народомъ. Члены рода Хасмонеевъ были такъ любимы народомъ не потому, что были славными героями или искусными государственными дѣятелями, а только потому, что являлись охранителями религіи; какъ только они измѣнили этому назначенію, народъ отвернулся отъ нихъ и возненавидѣлъ ихъ. Крѣпости Бетъ-Цуръ и Газара, которыя Симонъ отвоевалъ у эллинистовъ, были имъ употреблены для защиты страны. Особенно важно было взятіе портоваго города Яффы. Симонъ укрѣпилъ его, чтобы сдерживать смѣшанное населеніе, состоявшее изъ туземцевъ и грековъ, и поддерживать сношенія съ моремъ и западомъ. Съ пріобрѣтеніемъ гавани Яффы значительно увеличились доходы еврейскаго государства, такъ какъ ввозныя и вывозныя пошлины на продукты и товары, введенныя сирійскими царями,

доставались теперь Іудеѣ. Что касается Акры, то она не должна была болѣе существовать, такъ какъ народъ ненавидѣлъ эту крѣпость, откуда эллинисты и македонскій гарнизонъ въ продолженіи многихъ лѣтъ дѣлали враждебныя нападенія на столицу и даже осквернили храмъ. Кромѣ того, эта крѣпость съ высокими башнями, построенными сирійцами для наблюденія за городомъ, превышала Храмовую гору, а этого не должно было быть въ виду извѣстнаго пророчества Іешаи. „Въ послѣдніе дни гора дома Господня будетъ утверждена на вершинѣ горъ и возвысится больше, чѣмъ холмы“. Это было истолковано въ томъ смыслѣ, что ни одна гора и ни одно зданіе не должны быть выше храма. Съ этими чувствами народа Симонъ долженъ былъ считаться, хотя самъ ихъ и не раздѣлялъ. Но съ другой стороны Акра была очень удобнымъ мѣстомъ для помѣщенія войска и арсенала, для чего она собственно и была построена. Поэтому было бы неразумно совершенно разрушить эту крѣпость. Симонъ и его совѣтники рѣшили башни и бастіоны снести (говорятъ, что народъ былъ занятъ этимъ разрушеніемъ три года), а стѣны и дворы оставить. Ненавистное имя Акра или Акрополь было выведено изъ употребленія и замѣнено старымъ именемъ Бира, введеннымъ еще Нехеміей. Сюда было помѣщено войско и арсеналъ. Симонъ также поселился въ Бирѣ среди своихъ воиновъ. Своего сына Іоханана или Іоанна онъ назначилъ военачальникомъ приморской области Газары.

Симонъ все еще долженъ былъ быть наготовѣ противъ непріятельскихъ нападеній, хотя его положеніе и было благопріятно, благодаря тому, что боролись другъ противъ друга два претендента на сирійскую корону и вслѣдствіе этого оставляли его въ покоѣ. Дмитрій II Никаторъ, который даровалъ Іудеѣ независимость, предпринялъ походъ на востокъ, въ Персію, не будучи господиномъ даже своей собственной страны. На его мѣстѣ правилъ государствомъ его братъ Антіохъ Сидетъ, который долженъ былъ бороться съ Діодотомъ Трифономъ, погубившимъ Іонатана и молодого Антіоха, сына Александра Баласа, и провозгласившимъ себя царемъ Сиріи. Симонъ былъ такимъ образомъ принужденъ изъ политическихъ соображеній ослабить злоумышленнаго и коварнаго врага и, наоборотъ, содѣйствовать его противнику. Поэтому онъ помогъ Антіоху Сидету и получилъ отъ него подтвержденіе всѣхъ льготъ, дарованныхъ еврейскому народу его братомъ, когда этотъ находился въ затруднительномъ положеніи. Кромѣ того, Антіохъ Сидетъ далъ Симону право чеканить монету, что являлось особеннымъ доказательствомъ полной самостоятельности Іудеи.

Тутъ, какъ это часто бываетъ, та же рука, что положила начало свободѣ, подточила ея основаніе. Не задумываясь о будущемъ, какъ это дѣлали въ прежнее время пророки, и только стараясь упрочить тяжело достав-

шуюся независимость Іудеи въ настоящемъ, Симонъ рѣшилъ стать подъ защиту того народа, который, въ своей ненасытной жаждѣ завоеваній, по всему своему направленію, былъ губителемъ свободы. Чтобы освободиться отъ постоянныхъ ссоръ мелкихъ сирійскихъ тирановъ, онъ ввѣрилъ благо своего народа могучему тирану—Риму, который умѣлъ въ своихъ дружескихъ объятьяхъ задушить подчинившіеся ему народы. Симонъ послалъ еврейскихъ выборныхъ, Нуменія, сына Антіоха, и Антипатра, сына Язона, съ тяжелымъ золотымъ щитомъ въ знакъ почтенія, чтобы заручиться благосклонностью римлянъ къ еврейскому народу. Римскій сенатъ вовсе не былъ намѣренъ отклонить союзничество даже съ самымъ незначительнымъ народомъ, будучи увѣренъ, что принятіемъ его подъ свое покровительство онъ дѣлаетъ первый шагъ къ подчиненію себѣ его. Римъ напоминалъ безчестнаго опекуна, который тщательно охраняетъ владѣнія имъ опекаемыхъ только для того, чтобы захватить какъ можно большее наслѣдство. Римскій сенатъ, передъ которымъ дрожали всѣ европейскіе и западно-азіатскіе народы, потому что какъ разъ въ это время наиболѣе могущественные враги Рима, Греція и Карѳагенъ, пали, объявилъ своимъ союзникамъ и подчиненнымъ, что отнынѣ Іудея также вступаетъ въ союзъ съ Римомъ, и сирійскимъ властителямъ запрещается оскорблять ее (140). Не прошло и двухъ столѣтій, какъ Римъ потребовалъ, чтобы почитали его безсовѣстнаго, кровожаднаго императора въ іерусалимскомъ храмѣ, и еще черезъ три десятилѣтія онъ совершенно сломилъ силу еврейскаго народа, убилъ его героевъ и воздвигъ гоненія на оставшихся въ живыхъ. Этихъ печальныхъ послѣдствій союза съ римлянами не предугадывалъ ни Симонъ, ни его современники; они, наоборотъ, радовались, что римляне признали ихъ своими друзьями, братьями и союзниками. Весь народъ былъ такъ благодаренъ за это своему вождю, что торжественнымъ образомъ провозгласилъ его власть надъ собой.

Едва ли можно найти въ древности подобный примѣръ сознательной передачи власти народомъ князю и мирнаго превращенія республиканскаго режима въ монархическій, какъ это сдѣлалъ тогда еврейскій народъ. Если до сихъ поръ первосвященники и были политическими представителями народа, то во всякомъ случаѣ ихъ кругъ дѣйствій, вращавшійся главнымъ образомъ около собиранія податей для тогдашнихъ властителей, былъ ограниченъ. Первосвященники походили на судей библейскаго періода, которые за оказанныя народу необыкновенныя услуги почитались, какъ представители народа, въ продолженіи своей жизни. Что санъ первосвященника переходилъ по наслѣдству въ родѣ Іоцадакъ, не можетъ быть принято во вниманіе, потому что это было случайное обстоятельство, нисколько не расширившее кругъ дѣйствій первосвященника.

Іуда и Іонатанъ были тоже только на время выбранными вождями, которые не могли нанести ущерба республиканскому образу правленія. Только съ Симона начинается переходъ еврейской республики въ наслѣдственную монархію, и историческое развитіе еврейскаго народа въ это время вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что происходило во время Давида. Предшественники Симона, какъ и Давида, обладали властью не наслѣдственной, составляя переходъ отъ временныхъ судей къ наслѣдственнымъ царямъ.

Фактъ передачи власти Симону сохранился въ одномъ документѣ и наиболѣе яснымъ образомъ доказываетъ всю благодарность, которую испытывалъ обновленный народъ къ Хасмонеямъ. 28-го Элула (сентября) 140 года, въ третій годъ занятія Симономъ должности первосвященника въ Израилѣ, собрались старѣйшины, представители отъ народа и все населеніе Іерусалима, по всей вѣроятности, на Храмовой горѣ и рѣшили, въ виду услугъ, которыя оказалъ народу и святынѣ весь родъ Хасмонеевъ и въ особенности Симонъ, признать его и его потомковъ первосвященниками и народными вождями (Насси), пока не появится истинный пророкъ. Симонъ долженъ былъ въ знакъ своего сана носить пурпурную мантію и золотой поясъ; отъ его имени должны были исходить всѣ оффиціальные документы; ему должно было принадлежать право войны и мира, назначать чиновниковъ, наблюдать за храмами и святынями и наказывать ослушниковъ. Это рѣшеніе народа было выгравировано на мѣдныхъ таблицахъ, которыя были помѣщены на столбахъ въ преддверіи храма на видномъ мѣстѣ, а также сохранено въ видѣ документа въ храмовомъ архивѣ. Отсюда видно, насколько переняли евреи, несмотря на нерасположеніе къ грекамъ, ихъ обычай увѣковѣчивать свои чувства и поступки на металлѣ и камнѣ, но доброжелательство евреевъ не было мимолетно, они сегодня не забрасывали камнями тѣхъ, кому вчера воздвигали памятники, а свято хранили въ сердцахъ вѣрность къ своимъ любимцамъ. Такимъ образомъ, Израиль опять получилъ законно избраннаго князя, въ которомъ нуждался со времени плѣненія царя Цидкіи. Съ Симона древне-еврейскія хроники начинаютъ считать продолжительность правленія династіи Хасмонеевъ и опредѣляютъ ее въ 103 года [1]) (отъ 140 до 37); время правленія Іонатана сюда не входитъ, должно быть потому, что это правленіе не было на вполнѣ законномъ основаніи. Достойно вниманія то обстоятельство, что народъ далъ Симону не царскій, а княжескій титулъ. Это можно скорѣе объяснить нежеланіемъ измѣнить воспоминаніямъ о родѣ Давида, чѣмъ стремленіемъ ограничить власть Симона. Настоящимъ царемъ могъ быть, по тогдашнимъ народнымъ воззрѣніямъ, только потомокъ царя Давида, который былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ ожидаемымъ Мессіей. По-

[1]) Seder Olam Rabba въ концѣ; tr. Aboda Sara 9 a.

этому въ народномъ постановленіи о передачѣ Симону княжеской власти было добавлено, что она должна продлиться лишь до появленія истиннаго пророка (Иліи), предтечи Мессіи. Только ставши полноправнымъ княземъ, Симонъ сталъ чеканить монету, хотя право на это ему далъ еще раньше Антіохъ Сидетъ. Это были первыя еврейскія монеты, и благодаря имъ извѣстіе объ отвоеваніи Іудеей независимости распространилось повсюду. Онѣ серебряныя, цѣлые шекели (стоимостью въ двѣ эгинскихъ драхмы или четыре позднѣйшихъ аттическихъ, въ четыре римскихъ динарія, приблизительно въ $2^3/_4$ марки) и полушекели; изъ нихъ нѣкоторые хорошо отлитые экземпляры сохранились еще до сихъ поръ. На нихъ значилась на одной сторонѣ ихъ стоимость съ надписью „шекель Израиля“, а на другой—надпись „святой градъ Іерусалимъ“. Годъ обозначался сокращенно двумя буквами*) надъ эмблемой; ею служили знаки отличія израильскихъ первосвященниковъ, съ одной стороны цвѣтущая вѣтка (Арона), съ другой родъ чаши, можетъ быть, жертвенной. Симонъ на этихъ монетахъ не назвалъ ни своего имени, ни своего достоинства, какъ князя или первосвященника. Надписи были древне-еврейскія или самаритянскія, либо потому, что ново-еврейскія или квадратныя письмена стали считаться священными съ тѣхъ поръ, какъ ихъ начали употреблять для священныхъ книгъ, и употребленіемъ для ежедневнаго обихода боялись ихъ осквернить, либо потому, что древне-еврейское письмо было извѣстно окружающимъ народамъ въ то время, какъ ново-еврейское имъ было непонятно. На этихъ монетахъ Симона начинается счетъ годамъ только съ четвертаго года его правленія, такъ какъ онъ не сейчасъ по вступленіи въ послѣднее, а лишь черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 139) сталъ чеканить монету.

Насколько предупредительнымъ по отношенію къ Симону былъ Антіохъ Сидетъ, когда у него было мало надежды побѣдить Трифона, настолько холодно онъ отнесся къ нему, когда съ помощью евреевъ почувствовалъ себя близко къ цѣли. Но этотъ Антіохъ не былъ такимъ несправедливымъ, какъ его предшественники, сыновья и внуки Антіоха Великаго; наоборотъ, какъ евреи, такъ и язычники изображаютъ его великодушнымъ и мягкимъ, не прибѣгающимъ къ жестокимъ мѣрамъ. Но необходимость заставила его быть неблагодарнымъ и не дать существовать независимости Іудеи насчетъ своего собственнаго государства. Сирія, которая прежде простиралась до Инда съ одной стороны и черезъ всю малую Азію до границъ Европы съ другой, благодаря неумѣлому правленію, сильно уменьшилась; государственная казна въ послѣднее время совершенно истощилась, а тутъ еще Іудея хотѣла освободиться отъ сирійскаго владычества.

*) *Ред.* Для перваго года שׁ׳א, для второго שׁ׳ב и т. д.

Для чего бы послужила Антіоху побѣда надъ Трифономъ, если ему нечѣмъ было наполнить свою опустѣвшую казну? Скорѣе стыдъ за свою неблагодарность, чѣмъ нерѣшительность, руководилъ Антіохомъ, когда онъ отказался отъ посланнаго Симономъ двухтысячнаго войска и денежной поддержки для осады города Доры, гдѣ находился Трифонъ. Сирійскій царь послалъ къ Симону своего полководца Кендебая съ упреками за то, что тотъ захватилъ не совсѣмъ еще уступленныя сирійцами владѣнія Яффу, Газару и Акру, не предложивъ за это никакого вознагражденія. Царь поэтому требовалъ, чтобы Симонъ либо возвратилъ захваченные города, либо уплатилъ за нихъ тысячу талантовъ серебра. Симону ничего другого не оставалось отвѣтить, какъ то, что онъ лишь вернулъ отцовское наслѣдіе. За Яффу и Газару онъ согласенъ былъ уплатить сто талантовъ. Такъ какъ дружески этотъ споръ не могъ быть разрѣшенъ, то покончилъ онъ былъ оружіемъ. Во время преслѣдованія бѣжавшаго изъ крѣпости Доры Трифона, Антіохъ послалъ пѣхоту и конницу подъ предводительствомъ полководца Кендебая изъ Гирканіи, чтобы вновь завоевать Іудею и подчинить ее сирійскому господству. Симонъ видѣлъ, что всѣмъ его завоеваніямъ грозитъ опасность, и приготовился къ тяжелой и упорной борьбѣ. Къ счастью въ его распоряженіи было войско въ двадцать тысячъ человѣкъ и даже конница, недостатокъ которой въ прежнія войны принесъ много вреда Іудеѣ. Такъ какъ самъ Симонъ былъ слишкомъ старъ, чтобы принять участіе въ войнѣ, то онъ назначилъ полководцами своихъ сыновей Іоханана и Іуду, и они двинулись изъ Газары навстрѣчу врагу. Между тѣмъ Кендебай вышелъ уже изъ Ямніи, гдѣ онъ высадилъ свои войска, проникъ въ страну до города Экрона, началъ войну грабежами и захватилъ въ плѣнъ жителей низменности. На равнинѣ между этимъ городомъ, который Кендебай укрѣпилъ, и Модимомъ произошло сраженіе, и побѣда осталась за евреями. Кендебай и его войско были отброшены и преслѣдованы до Азота, и этотъ городъ, оказавшій сопротивленіе, былъ сожженъ. Іохананъ, которому главнымъ образомъ принадлежала слава этой побѣды надъ гирканами, съ тѣхъ поръ сталъ называться Гирканомъ. Подъ этимъ именемъ его и знали всѣ народы, съ которыми онъ входилъ въ сношенія. Его младшій братъ Іуда былъ раненъ въ этой битвѣ. Это былъ при Симонѣ послѣдній военный подвигъ (137-136), который внушилъ ему надежду, что его сыновья смогутъ удержать могущество и власть Іудеи.

Пораженіе, которое потерпѣло войско Антіоха отъ Симона, еще больше озлобило перваго, но, чувствуя себя слишкомъ слабымъ для новаго нападенія, онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ хитрости. Онъ хотѣлъ уничтожить родъ Хасмонеевъ, который такъ упорно и съ такой удачей боролся съ его родомъ, чтобы Іудея, лишившись своихъ смѣлыхъ и предусмотрительныхъ

полководцевъ, снова сама собою подпала подъ его власть. Для этой цѣли онъ воспользовался услугами зятя Симона, возбудивъ въ немъ честолюбіе и алчность. Антіохъ, какъ видно, обѣщалъ сдѣлать его княземъ Іудеи, если онъ убьетъ Симона и его сыновей. Имя этого низкаго человѣка, котораго не удержало отъ этого гнуснаго преступленія ни уваженіе передъ старостью, ни любовь къ своему народу, ни родственная привязанность къ тестю, ни благодарность къ своему благодѣтелю, было Птоломей бенъ-Хабубъ. Симонъ далъ ему вмѣстѣ со своей дочерью большія богатства и сдѣлалъ его начальникомъ Іерихонской области; но все это не удовлетворяло этого высокомѣрнаго и честолюбиваго человѣка. Онъ хотѣлъ стать правителемъ Іудеи, хотя бы цѣной преступленія, и утвердиться въ своей власти при помощи сирійскаго царя: Птоломей былъ предшественникомъ Ирода. Какъ у царя Давида, у Симона выросъ врагъ въ его же собственномъ домѣ. Птоломею не трудно было привести свой планъ въ исполненіе. Симонъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, всегда самъ объѣзжалъ страну, чтобы собственными глазами убѣдиться, приводятся ли законы въ исполненіе и въ чемъ нуждается народъ. Въ одинъ изъ такихъ объѣздовъ, онъ очутился въ крѣпости Докъ (Дагонъ), недалеко отъ Іерихона, мѣстопребыванія Птоломея. Жена и два младшихъ сына, Іуда и Матаѳій, сопровождали Симона, а старшій Іохананъ остался въ Газарѣ. Птоломей устроилъ въ честь Симона торжественный пиръ, во время котораго онъ вмѣстѣ со своими рабами убилъ Симона и его сыновей (мѣсяцъ шебатъ, февраль 135). Совершивъ это преступленіе, убійца потребовалъ у сирійскаго царя войска, чтобы овладѣть страной. Одновременно онъ послалъ убійцъ въ Газару, чтобы убить Іоханана, и затѣмъ готовился овладѣть Іерусалимомъ. Но Іохананъ былъ предупрежденъ другомъ, и нанятые убійцы получили должное возмездіе. Іохананъ поспѣшилъ въ Іерусалимъ, гдѣ успѣлъ склонить народъ на свою сторону. Антіохъ не спѣшилъ прислать помощь Птоломею, и этому послѣднему ничего другого не оставалось, какъ укрѣпиться въ Докѣ, свою тещу держать заложницей и ждать нападенія Іоханана. Таковъ былъ конецъ братьевъ Хасмонеевъ, изъ которыхъ ни одинъ не умеръ спокойно, а всѣ отдали жизнь за свой народъ. Іуда и Элеазаръ умерли на полѣ брани, Іохананъ, Іонатанъ и Симонъ, менѣе счастливые, чѣмъ ихъ братья, погибли отъ коварства враговъ своего народа.

ГЛАВА IV.

Іоаннъ Гирканъ.

Высшій пунктъ могущества Іудеи. Борьба Гиркана противъ сирійскаго царя Антіоха Сидета. Осада Іерусалима. Миръ на невыгодныхъ условіяхъ. Война съ парянами. Гирканъ въ войскѣ Антіоха. Гирканъ пріобрѣтаетъ разныя преимущества. Счастливые походы противъ самаритянъ и идумеевъ. Расширеніе предѣловъ Іудеи. Идумеи вынуждены принять іудаизмъ. Разрушеніе самаритянскаго храма на горѣ Гаризимъ и Самаріи.

(135—106).

Царствованіе Гиркана было высшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поворотнымъ пунктомъ могущества Іудеи. Онъ не только продолжалъ, но и закончилъ дѣло своего отца. При его предшественникахъ Іудея ограничивалась узкой полосой земли, и даже внутри ея были провинціи, заселенныя враждебнымъ и иноземнымъ населеніемъ. Гирканъ расширилъ границы Іудеи на сѣверѣ и югѣ и такимъ образомъ освободилъ страну отъ стѣснявшихъ ее узъ. Достигъ онъ этого счастливаго результата столько же благодаря случайному стеченію обстоятельствъ, сколько и своимъ военнымъ талантамъ. Сирія, которая все еще изъявляла притязанія на владѣніе Іудеей и разсматривала ее, какъ оторванный кусокъ своей территоріи, была ослаблена и раздираема на части междоусобіями, причиной которыхъ были споры за обладаніе царскимъ престоломъ; съ египетской стороны, гдѣ полководцами были евреи, Гирканъ получалъ скорѣе помощь, нежели притѣсненія. Благопріятныя внѣшнія обстоятельства дали возможность упрочить религіозныя отношенія. Синедріонъ, который во время войны либо былъ окончательно распущенъ, либо имѣлъ лишь небольшое значеніе, пріобрѣлъ теперь высшій авторитетъ и положилъ твердыя основанія религіозной жизни. Различныя религіозныя воззрѣнія образовали партіи, являющіяся въ каждомъ обществѣ симптомомъ жизнеспособности его, потому что благодаря борьбѣ партій общество избавляется отъ застоя и разложенія. Гирканъ умѣлъ, благодаря своему уму и авторитету, удержать эти партіи отъ излишней горячности во взаимной борьбѣ, бывшей впослѣдствіи ихъ отличительной чертой. Поэтому онъ пользовался тою любовью, которую завоевала себѣ Хасмонейская династія; хотя онъ склонялся къ одной партіи, однако и другая не отказывалась признать его заслуги. Онъ достигъ того идеала, который объединяетъ въ себѣ три важнѣйшихъ сана у іудеевъ: князя, первосвященника и пророка. Если правленіе Гиркана по блеску своему напоминаетъ правленіе Соломона, то оно напоминаетъ его еще и въ другомъ отношеніи: начало и конецъ того и другого были неспокойны и бурны; періодъ блеска падаетъ на середину.

Какъ Соломонъ въ началѣ своего царствованія имѣлъ противника въ лицѣ своего брата Адоніи, котораго онъ долженъ былъ обезвредить, такъ и Гирканъ долженъ былъ вести борьбу противъ своихъ противниковъ. Однимъ изъ нихъ былъ его шуринъ Птоломей бенъ-Хабубъ, убійца его отца, покушавшійся на жизнь самого Іоанна. Птоломей, однако, былъ страшенъ только благодаря той помощи, которую оказывала ему Сирія, желавшая вернуть отпавшую Іудею. Хотя населеніе Іерусалима, при извѣстіи о коварномъ убійствѣ Симона, высказалось за Іоанна, признало его преемникомъ Симона и заставило Птоломея запереться въ своемъ замкѣ, однако Гирканъ принялъ свои мѣры противъ Птоломея какъ ради большей безопасности, такъ и изъ обязанности отомстить за смерть отца и не оставить безнаказаннымъ это безсовѣстное преступленіе. Онъ поспѣшилъ дѣйствовать прежде, чѣмъ союзникъ того Антіохъ успѣетъ явиться на помощь. Относительно осады крѣпости и результата ея не хватаетъ точныхъ данныхъ. Согласно одному, безусловно прикрашенному, разсказу, Гирканъ не могъ вести осады со всей энергіей, потому что Птоломей приказалъ пытать на стѣнахъ крѣпости мать Гиркана, которую Птоломей держалъ въ качествѣ заложницы; однако мать, какъ настоящая хасмонеянка, убѣждала своего сына не обращать вниманія на ея страданія, но достойно наказать убійцу; поэтому въ сердцѣ Гиркана происходила борьба между жаждою мести и состраданіемъ къ матери. Достовѣрно, что Гирканъ удалился, не окончивъ дѣла; одни объясняютъ это тѣмъ, что наступилъ субботній годъ, когда запрещено воевать, а другіе даютъ болѣе правдоподобное объясненіе, что приближался съ своимъ войскомъ сирійскій царь, желая воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Іудеи. Послѣ отступленія отъ крѣпости осаждавшей ее арміи Птоломей велѣлъ убить мать Гиркана, самъ бѣжалъ въ Филадельфію, какъ тогда называлась бывшая столица аммонитянъ Раббатъ-Аммонъ, и былъ тамъ дружелюбно принятъ властителемъ ея Зеноном Котиласомъ. О Птоломеѣ больше не упоминается.

Гораздо болѣе серьезная опасность грозила Гиркану со стороны Антіоха Сидета, который хотѣлъ отомстить за отпаденіе Іудеи отъ Сиріи и незадолго передъ тѣмъ испытанное пораженіе. Онъ вступилъ въ предѣлы Іудеи съ большимъ войскомъ; неизвѣстно только, двигался ли онъ съ сѣвера по сушѣ, или же прибылъ на корабляхъ; разрушая все на своемъ пути, онъ приближался къ столицѣ. Гирканъ чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ, чтобы выступить противъ него въ открытомъ полѣ; поэтому онъ заперся въ Іерусалимѣ, надѣясь на крѣпость его стѣнъ. Антіохъ предпринялъ правильную осаду: онъ окружилъ городъ семью лагерями, воздвигъ на сѣверѣ, гдѣ почва ровнѣе, сто трехэтажныхъ башенъ, откуда можно было громить стѣны, и приказалъ провести двойной ровъ,

чтобы затруднять вылазки осажденныхъ. Однако осажденные все же часто дѣлали вылазки и отбрасывали нападающихъ съ большою храбростью, такъ что осада затянулась. Къ тому же сирійское войско страдало отъ недостатка воды и, вѣроятно, также отъ болѣзней; съ своей стороны осажденные, хотя и не терпѣли недостатка въ водѣ, страдали вслѣдствіе недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, и Гирканъ вынужденъ былъ жестоко поступить съ неспособными носить оружіе, которыхъ для сохраненія припасовъ онъ приказалъ выгнать за городъ, быть можетъ, въ надеждѣ, что врагъ сжалится надъ ними; но враги рѣдко великодушны къ безоружнымъ. Осаждающее войско не позволило этимъ несчастнымъ перейти черезъ осадныя линіи и заставило ихъ оставаться подъ перекрестнымъ огнемъ враждующихъ сторонъ, которымъ и были уничтожены. Между тѣмъ прошло лѣто, а у сирійцевъ не прибавилось надежды на успѣшное разрушеніе стѣнъ. Приближеніе дождей и зимы не благопріятствовало сирійцамъ и заставило ихъ охотно идти на встрѣчу мирнымъ переговорамъ. Осажденные съ еще большей охотой шли имъ навстрѣчу въ виду недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и приближенія праздниковъ. Гирканъ сдѣлалъ первый шагъ и попросилъ семидневнаго перемирія на время праздника Кущей. Антіохъ не только согласился на эту просьбу, но велѣлъ прислать для іудейскаго храма золотые сосуды и жертвенныхъ животныхъ съ позолоченными рогами. Когда послѣ этого начались мирные переговоры, то совѣтники Антіоха побуждали его отнестись къ Гиркану съ крайнею строгостью и напоминали ему о правильной политикѣ Антіоха Эпифана, который не зналъ другого средства для уничтоженія „еврейскаго человѣконенавистничества“, какъ заставить ихъ отказаться отъ ихъ законовъ. Если бы Антіохъ Сидетъ послушался этихъ совѣтниковъ, которые въ еврейскихъ обычаяхъ видѣли только человѣконенавистничество, то, безъ сомнѣнія, вновь началась бы кровавая борьба для защиты закона и обычаевъ. Эти ограниченные совѣтники не знали другого выхода, кромѣ того, чтобы либо стереть евреевъ съ лица земли, либо принудить ихъ отказаться отъ своихъ обычаевъ. Къ счастью, Антіохъ не былъ ни настолько жестокъ, ни настолько могущественъ, чтобы осмѣлиться на это. Онъ поставилъ сравнительно пріемлемыя условія мира: евреи должны были выдать свое оружіе, платить дань за Іаффу, Газару и другія отобранныя у сирійцевъ крѣпости и принять въ Іерусалимъ сирійскій гарнизонъ. Гирканъ вынужденъ былъ принять первыя два условія, но на третье ни за что не соглашался, потому что близкое соприкосновеніе съ сирійцами въ святомъ городѣ непремѣнно должно было привести къ безпрестаннымъ ссорамъ и взаимной ненависти. Вмѣсто этого онъ предложилъ дать заложниковъ и сумму въ 500 талантовъ, на что сирійскій царь съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ согласил-

ся, что на эти средства онъ могъ вести войну противъ парѳянъ. Итакъ онъ принялъ заложниковъ, среди которыхъ находился братъ Гиркана, и первый взносъ въ 300 талантовъ, которые Гирканъ якобы досталъ изъ какого то клада, найденнаго въ гробницѣ Давида. Антіохъ ограничился тѣмъ, что приказалъ разрушить зубцы на крѣпостной стѣнѣ Іерусалима. Темное облако, которое угрожало независимости Іудеи, прошло, не причинивъ замѣтнаго вреда, и даже тѣ невыгоды, которыя были причинены еврейскому государству условіями мира, скоро совершенно сгладились.

Сирійскій царь былъ вскорѣ принужденъ дружелюбно относиться къ Гиркану. Именно, ему пришлось вести войну противъ парѳянъ, которые раньше были подвластны его предшественникамъ, а затѣмъ освободились отъ сирійской власти. Братъ царя Дмитрій Никаторъ предпринялъ туда походъ, но потерпѣлъ пораженіе и провелъ почти десять лѣтъ въ плѣну у парѳянъ. Антіохъ надѣялся быть счастливѣе своего брата. Онъ собралъ 80-ти тысячную армію и, разумѣется, не могъ обойтись безъ помощи евреевъ, какъ впрочемъ и другихъ сосѣдей. Поэтому онъ побуждалъ Гиркана отправиться вмѣстѣ съ нимъ на войну. Антіохъ разсчитывалъ при этомъ не только на ту помощь, которую могъ доставить Гирканъ, но и на ту поддержку, которую могли оказать ему евреи, жившіе по берегамъ Тигра и Евфрата. По его разсчетамъ, эта еврейская колонія въ Вавилоніи, которая была опытна въ военномъ дѣлѣ, если и не будетъ помогать ему, то, во всякомъ случаѣ, будетъ держаться нейтрально, когда увидитъ въ его войскѣ еврейскаго князя и еврейскій вспомогательный отрядъ. Поэтому сирійскій царь относился очень предупредительно къ еврейскимъ солдатамъ: по желанію Гиркана, послѣ побѣды на рѣкѣ Цабъ, былъ имъ данъ двухдневный отдыхъ по случаю субботы и слѣдовавшаго за нею праздника. Между тѣмъ счастье со временъ Антіоха Великаго повернулось противъ династіи Селевкидовъ. Антіохъ Сидетъ потерялъ жизнь во время этого похода. Его братъ, Дмитрій II Никаторъ, выпущенный парѳянскимъ царемъ изъ плѣна при нападеніи Антіоха на парѳянъ, во второй разъ правилъ лишь недолго (128-125). Ненавистный сирійцамъ вслѣдствіе своего долгаго плѣненія у парѳянъ, Дмитрій вынужденъ былъ бороться съ Александромъ Зебиной, котораго выставилъ противъ него Птоломей Фисконъ за то, что жена (она же и сестра) послѣдняго вступила въ связь съ Дмитріемъ. Побѣжденный и обращенный въ бѣгство, несчастный Дмитрій не былъ принятъ своею женою Клеопатрою въ Акко и бѣжалъ въ Тиръ, гдѣ былъ убитъ врагами. Еще большая смута наступила послѣ его смерти, когда Александръ Зебина, Антіохъ VIII, законный наслѣдникъ престола, и братъ послѣдняго съ материнской стороны Антіохъ IX стали спорить изъ-за сирійскаго престола. Смертельная ненависть членовъ династіи Селевкидовъ

другъ къ другу и взаимныя убійства наполняютъ послѣднія страницы сирійской исторіи. Клеопатра послѣ смерти своего мужа Димитрія приказала убить одного изъ своихъ сыновей, Селевка, а другому, Антіоху, она преподнесла кубокъ съ ядомъ, который онъ заставилъ ее же выпить.

Этимъ состояніемъ внутренней слабости Сиріи, которое продолжалось цѣлый рядъ лѣтъ, воспользовался Гирканъ, чтобы расширить Іудею до тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ она находилась въ счастливые дни. Вскорѣ послѣ смерти Антіоха Сидета Гирканъ отвергъ ту вассальную зависимость отъ Сиріи, въ которую онъ сталъ послѣ осады Іерусалима, и даже отказался отъ союза. Александръ Зебина удовлетворился тѣмъ, что Гирканъ призналъ его царемъ. Послѣ смерти Александра (123) Гирканъ счелъ для себя удобнымъ произвести нападеніе на Сирію. Прежде всего онъ рѣшилъ обезпечить за собою союзъ съ Римомъ. Какъ и его отецъ, онъ отправилъ посольство въ Римъ, состоявшее изъ трехъ человѣкъ: Симона, сына Досноея, Аполлонія, сына Александра, и Діодора, сына Язона, просить сенатъ возобновить съ еврейскимъ государствомъ ту дружбу, которую Римъ охотно дарилъ даже самымъ мелкимъ государствамъ; въ то же время онъ возбудилъ жалобу на то, что Антіохъ Сидетъ завладѣлъ важными крѣпостями: Яффой, Газарой и нѣкоторыми другими. Римъ обыкновенно принималъ сторону болѣе слабаго противъ болѣе сильнаго не изъ какихъ либо соображеній справедливости, а исключительно съ цѣлью ослабить другихъ. Ослабленіе сирійскихъ царей въ особенности было важно для римлянъ, потому что тѣ позволяли себѣ иногда протестовать противъ Рима. Еврейскіе послы были любезно приняты въ Римѣ, выслушаны со вниманіемъ, и имъ было сообщено рѣшеніе сената, что Антіохъ долженъ вернуть занятыя имъ мѣста и запретить своимъ войскамъ проходить черезъ Іудею и не долженъ обращаться съ евреями, какъ съ подданными. Тогда Гирканъ началъ военныя дѣйствія. Іудея была окружена съ трехъ сторонъ враждебнымъ населеніемъ. На югѣ жили идумеяне, область которыхъ глубоко вторгалась въ Іудею; посреди жили ненавистные самаритяне, которые мѣшали галилейскимъ евреямъ кратчайшимъ путемъ достигнуть Іерусалима; по ту сторону Іордана и на берегахъ этой рѣки жили греки, которые постоянно враждебно относились къ евреямъ. Гирканъ считалъ поэтому своею задачею вновь присоединить всѣ эти области къ Іудеѣ, а враждебное населеніе либо изгнать, либо ассимилировать. Пока эти области оставались нетронутыми, политической и религіозной независимости Іудеи всегда грозила опасность. Враждебное населеніе этихъ мѣстностей, не только оказывало помощь чужеземнымъ завоевателямъ, но даже нерѣдко мѣшало исполненію религіозныхъ требованій и вслѣдствіе этого вызывало кровавыя столкновенія. Такимъ образомъ Гирканъ вынужденъ былъ изъ

религіозныхъ и политическихъ соображеній уничтожить очагъ вражды и безпокойства. Чтобы достигнуть этой цѣли, онъ нуждался въ напряженіи всѣхъ силъ еврейскаго народа и въ такомъ количествѣ войскъ, которое не могли бы выставить одни евреи. Гирканъ поэтому, чтобы не обременять черезчуръ сильно населеніе, пригласилъ наемныя войска [1]). Деньги на уплату жалованья солдатамъ онъ доставалъ, по одному мнѣнію, изъ клада, найденнаго въ гробницѣ Давида, по другому же болѣе вѣроятному мнѣнію, изъ казны, собранной его предшественниками посредствомъ войнъ. Эти наемники помѣщались въ крѣпости Бирѣ.

Прежде всего Гирканъ направился на востокъ къ Іордану противъ Медабы. Хасмонеи давно уже были злы на этотъ городъ за то, что жители его подъ предводительствомъ Бне-Амри напали на одного изъ Хасмонеевъ, который хотѣлъ помѣстить въ безопасномъ мѣстѣ у набатеевъ женъ и дѣтей еврейскихъ солдатъ, и перебили его и порученныхъ ему людей. Медаба была такъ хорошо укрѣплена и жители ея такъ храбро сражались, что Гиркану потребовалось шесть мѣсяцевъ для того, чтобы взять и разрушить этотъ городъ. Затѣмъ войско направилось противъ расположеннаго на южномъ берегу Тиверіадскаго озера города Замеги (Кефаръ Цемахъ), который евреямъ казался чрезвычайно важнымъ. Далѣе пришла очередь за самаритянскими городами. Столица Сихемъ и храмъ на горѣ Гаризимъ, который у еврейскаго народа всегда былъ бѣльмомъ въ глазу, были разрушены (21 Кислева 125). Разрушеніе этого храма, простоявшаго триста лѣтъ, считалось у евреевъ особенно торжественнымъ событіемъ, и впослѣдствіи праздновалась годовщина его подъ названіемъ дня Гаризима (Iom ha-Garizim); въ этотъ день былъ воспрещенъ постъ и трауръ. Съ тѣхъ поръ самаритяне потеряли свое былое значеніе; хотя они сохранили свои особенности въ теченіе тысячелѣтій, сохранили свое существованіе до сихъ поръ и продолжаютъ приносить жертвы на горѣ Гаризимъ, но все же, не имѣя центра, они перестали играть какую бы то ни было роль. Разрушеніе гаризимскаго храма привело къ возбужденію еще большей ненависти между евреями и самаритянами, и послѣдніе всегда помогали тѣмъ народамъ, которые стремились къ порабощенію Іуден.

Послѣ побѣды надъ самаритянами Гирканъ направился противъ идумеевъ. Этотъ родственный по происхожденію евреямъ народъ, несмотря на то, что сильно пострадалъ отъ частой смѣны азіатскихъ и македонскихъ династій, и на то, что наботеи вытѣснили его изъ прежнихъ мѣстъ жительства, сохранилъ свою независимость и продолжалъ такъ же враждебно относиться къ евреямъ, какъ и въ былыя времена. Онъ занималъ южную часть Іуден до Хеврона, Мариссы (Марешн) и Адоры. Хотя Іуда Маккавей разбилъ идумеевъ,

[1]) Въ талмудической литературѣ называются אכסניא

отнялъ у нихъ Хевронъ и разрушилъ ихъ крѣпости, но въ скоромъ времени они вновь усилились и овладѣли южною частью Іуден. Гирканъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы сдѣлать ихъ безвредными, осадилъ ихъ крѣпости Адору и Марешу и, по взятіи ихъ, поставилъ имъ на выборъ или принять еврейскую вѣру, или выселиться изъ страны. Они предпочли первое, подверглись обрѣзанію и съ внѣшней стороны присоединились къ іудейству. Ихъ языческіе храмы были, разумѣется, разрушены, но священники тайно продолжали служить языческимъ богамъ. Такимъ образомъ Яковъ и Исавъ, болѣе чѣмъ тысячу лѣтъ враждовавшіе другъ съ другомъ, теперь были вновь соединены; старшій братъ служилъ младшему*). Впервые іудейство въ лицѣ своего князя Іоанна Гиркана показало нетерпимость къ другой вѣрѣ и сдѣлало попытку къ религіозному насилію; вскорѣ однако оно испытало на себѣ достаточно сильно и достаточно больно, какъ вредно доводить ревность къ вѣрѣ до религіознаго насилія. Симонъ своимъ союзомъ съ римлянами положилъ первое начало разрушенію еврейскаго государства; насильственнымъ обращеніемъ идумеевъ сынъ его проложилъ дальнѣйшій путь къ этому, и не прошло полустолѣтія, какъ этотъ поступокъ принесъ горькіе плоды не только еврейскому народу, но и хасмонейской династіи; соединеніе сыновъ Эдома съ сынами Якова принесло послѣднимъ только несчастія. Впрочемъ, какъ могли и князь и народъ, не наученные предостерегающимъ голосомъ пророковъ, видѣть опасность въ двухъ счастливыхъ событіяхъ: въ союзѣ съ Римомъ и въ побѣдѣ надъ старинными врагами, самаритянами и идумеями! Настоящее счастье ихъ вполнѣ удовлетворяло. Въ это счастливое время представители народа и Синедріонъ сдѣлали вторую попытку тѣснѣе сблизиться съ евреями, жившими въ Египтѣ. Отъ имени Іерусалима и Іуден они отправили къ нимъ дружественное письмо, въ которомъ приглашали ихъ праздновать дни побѣдъ Хасмонеевъ и освященія храма; другими словами, признать то, что произошло на старой родинѣ, и радоваться тому отъ всего сердца. Время было выбрано очень удачно. Тогда, когда палестинскіе евреи почувствовали себя свободными вслѣдствіе раздоровъ среди династіи Селевкидовъ, египетскимъ евреямъ грозила бѣда вслѣдствіе воцаренія Птоломея VII Фискона, о злодѣяніяхъ котораго упомянуто выше. Іерусалимскій Синедріонъ отправилъ свое письмо бывшему учителю Птоломея Филометора, Іудѣ Аристовулу, „который происходилъ изъ рода помазанниковъ - первосвященниковъ“ и въ то время стоялъ во главѣ александрійской общины. Письмо это начинается молитвою за евреевъ въ сосѣдней странѣ: „Богъ отцовъ нашихъ да дастъ вамъ миръ, да услышитъ ваши молитвы, да будетъ къ вамъ милостивъ

*) *Ред.* בראשית כה׳ 23

и да не оставитъ васъ въ тяжелое время". Далѣе говорится о страданіяхъ, испытанныхъ евреями во время религіозныхъ преслѣдованій при Антіохѣ Эпифанѣ, о помощи, оказанной имъ Богомъ, о возстановленіи храма во всей его святости и о позорной гибели богопротивнаго царя. Многократно призывая египетскихъ братьевъ къ празднованію дня освященія храма, письмо указываетъ на важность этого праздника и напоминаетъ о великихъ заслугахъ и геройскихъ подвигахъ Іуды Маккавея. Оно заканчивается выраженіемъ надежды, что „Богъ, Который спасъ Свой народъ и обѣщалъ всѣмъ его сынамъ могущество и священничество и святость, пошлетъ намъ скоро свою милость и изо всѣхъ странъ соберетъ насъ на святомъ мѣстѣ; ибо онъ избавилъ насъ отъ великихъ напастей и вновь освятилъ святое мѣсто". Мягкій тонъ этого посланія на еврейскомъ языкѣ кажется какъ бы исходящимъ изъ глубины библейскихъ временъ. Если Іошуа б.-Перахіа, который училъ: „Суди о всякомъ человѣкѣ съ лучшей стороны" [1]), тогда принадлежалъ къ числу членовъ Синедріона, то мягкій тонъ посланія, вѣроятно, обязанъ его вліянію. Въ посланіи нѣтъ даже намека на Гиркана: о немъ не могло быть и рѣчи, если хотѣли склонить на свою сторону александрійскую общину. Ничто не должно было напомнить потомкамъ Ониаса, что первосвященническій санъ и власть, которые по праву имъ принадлежали, находились въ рукахъ Хасмонеевъ.

Слѣдствіемъ завоеванія идумейской области и обращенія идумеевъ въ іудейство была новая война съ городомъ Самаріей, населеннымъ главнымъ образомъ македонянами и сирійцами. Гирканъ поселилъ недалеко отъ Самаріи идумеевъ, жившихъ раньше въ Мариссѣ. Ихъ новые сосѣди враждебно относились къ нимъ и дурно съ ними обращались, побуждаемые къ тому сирійскими царями; въ особенности Антіохъ IX, своею глупостью и своею расточительностью напоминавшій Антіоха Эпифана, выказалъ враждебное настроеніе противъ Гиркана, именно во время своего единовластія (113—112). Его полководцы дѣлали набѣги на Іудею, завладѣли нѣкоторыми укрѣпленными мѣстами вблизи берега и оставили въ Яффѣ гарнизонъ. Гирканъ возбудилъ вслѣдствіе этого жалобу предъ римскимъ сенатомъ, который еще раньше обѣщалъ поддержку въ присоединеніи къ іудеѣ Яффы и другихъ городовъ. Справедливость жалобы Гиркана защищали въ Римѣ пять пословъ; среди нихъ находился участвовавшій въ прежнемъ посольствѣ Аполлоній, сынъ Александра; всѣ послы владѣли хорошо греческою рѣчью. Римъ призналъ Гиркана правымъ. Сенатъ постановилъ: Антіохъ, сынъ Антіоха, не долженъ враждебно относиться къ союзникамъ Рима, евреямъ; онъ долженъ вернуть захваченныя крѣпости, га-

[1]) Тр. Аботъ 1, 6.

вани и области; евреи имѣютъ право свободно вывозить изъ своихъ портовъ товары; наконецъ, долженъ быть удаленъ изъ Яффы сирійскій гарнизонъ. Произвело ли приказаніе Рима впечатлѣніе на Антіоха или нѣтъ, —это безразлично; все же для Гиркана было чрезвычайно важно, что римскій сенатъ высказался въ его пользу. Онъ могъ теперь свободно укрѣплять свои силы и выступить противъ враговъ; Антіоха онъ, очевидно, сумѣлъ сдержать.

Когда Гирканъ хотѣлъ наказать Самарію за ея враждебное отношеніе къ сосѣдямъ и окружилъ этотъ городъ валами и рвами такъ, что прекратилъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ, и городу угрожалъ голодъ, то Антіохъ пошелъ на помощь Самаріи. Но онъ былъ разбитъ въ сраженіи Аристовуломъ, старшимъ сыномъ Гиркана, осаждавшимъ Самарію вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ, Антигономъ; Антіохъ вынужденъ былъ бѣжать въ Бетзанъ. Будучи слишкомъ слабымъ, чтобы самостоятельно нанести вредъ евреямъ, Антіохъ позвалъ на помощь египетскаго царя, Птоломея VIII Латура. Послѣдній изъ ненависти къ египетскимъ евреямъ легко согласился на это. Его мать Клеопатра, которой народъ навязалъ его въ соправители, вела противъ него тайную войну и по примѣру своихъ родителей благопріятствовала евреямъ. Два сына Ониаса IV, Хелькій и Ананій, какъ командующіе округомъ Оніонъ и какъ арабархи (стр. 28), стояли на ея сторонѣ. Раздраженный вслѣдствіе этого противъ евреевъ, Птоломей послѣдовалъ приглашенію Антіоха воевать съ Гирканомъ и заставить его отказаться отъ осады Самаріи; противъ воли своей матери онъ повелъ 6000 человѣкъ на помощь Антіоху. Слишкомъ слабый, чтобы дать бой еврейскому войску въ открытомъ полѣ, онъ долженъ былъ ограничиться опустошеніемъ страны въ надеждѣ, что этимъ помѣшаетъ осадѣ Самаріи. Евреи однако не сняли осады и своими нападеніями заставили врага оставить театръ военныхъ дѣйствій и удалиться въ Триполисъ. Разсказываютъ, что объ одной изъ побѣдъ своихъ сыновей надъ Антіохомъ Гирканъ узналъ въ моментъ одержанія ея, находясь во внутреннемъ святилищѣ (Святая святыхъ). Онъ услышалъ слова на арамейскомъ языкѣ: „молодые князья побѣдили Антіоха", когда онъ въ храмѣ сожигалъ благовонія. При своемъ выходѣ изъ храма онъ сообщилъ присутствующимъ объ услышанномъ. Впослѣдствіи выяснилось, что это случилось въ рѣшающій моментъ боя [1]). Полководцы, которымъ поручено было продолженіе военныхъ дѣйствій, Каллимандръ и Эпикратъ, не были счастливѣе; первый потерялъ жизнь въ одной битвѣ, а второй благодаря подкупу передалъ еврейскимъ князьямъ Бетзанъ и другіе города Іезреельской равнины до горы Кармелъ, принадлежавшіе до сихъ поръ грекамъ или сирійцамъ. Языческіе

[1]) Тосефта Сота 13. Бабли Сота 33а.

жители вновь завоеванныхъ городовъ были немедленно изгнаны. Дни завладѣнія Бетзаномъ и Іезреельской равниной считались у евреевъ днями побѣды. Жители Самаріи, лишенные помощи извнѣ и не имѣя силъ далѣе сопротивляться, капитулировали послѣ года осады. Побуждаемый чувствомъ мести, а можетъ быть изъ предусмотрительности, Гирканъ приказалъ разрушить Самарію до основанія и наводнить каналами, чтобы не осталось даже слѣда отъ нѣкогда могущественнаго города; съ тѣхъ поръ евреи стали называть Самарію городомъ каналовъ (Иръ-Небрехта); день взятія Самаріи (25 Мархешвана, Ноября 110) считался днемъ поминанія. Такимъ образомъ Гирканъ осуществилъ всѣ планы Хасмонеевъ и увѣнчалъ ихъ дѣло. Іудея стала независимой и равнозначущей сосѣднимъ странамъ. Враги, которые ей грозили со всѣхъ сторонъ: сирійцы, идумеи, самаритяне, были побѣждены, и Іудея была освобождена отъ всего, что могло мѣшать ея развитію. Счастливыя времена еврейскаго народа при Давидѣ и Соломонѣ, казалось, вернулись; чужія племена должны были подчиняться еврейскому повелителю; прежняя вражда между Іудеей и Идумеей прекратилась; Яковъ и Исавъ вновь стали братьями. Берега Іордана, морской берегъ, караванная дорога изъ Египта въ Сирію и Малую Азію находились теперь во власти Іудеи. Птоломей Латуръ точно также былъ уничтоженъ. Враждуя со своею матерью, онъ сталъ ей настолько ненавистенъ за то, что избивалъ друзей и сторонниковъ своихъ родителей, Филометора и Клеопатры (среди которыхъ были, безъ сомнѣнія, и евреи), что она возбудила противъ него народъ и изгнала его изъ Александріи. Когда онъ на кораблѣ бѣжалъ въ Кипръ, то Клеопатра послала вслѣдъ за нимъ войско, чтобы сдѣлать его безвреднымъ. Войска, посланныя для его преслѣдованія, перешли на его сторону; только еврейскій отрядъ изъ округа Ониона, во главѣ котораго стояли еврейскіе военачальники, Хелькій и Ананій (выше стр. 57), остались вѣрны царицѣ и старались прогнать Птоломея изъ Кипра. Въ Александріи евреи играли главную роль и работали въ союзѣ съ Іудеей, ведя борьбу съ общимъ врагомъ, съ Латуромъ и его союзникомъ Антіохомъ.

Само собою разумѣется, что Гирканъ чеканилъ еврейскія монеты и даже съ надписями на древне-еврейскомъ языкѣ, какъ показываютъ сохранившіяся мѣдныя монеты. Однако онъ не былъ такъ скроменъ, какъ отецъ: онъ приказалъ чеканить на нихъ свое имя: „Іохананъ первосвященникъ“. На нѣкоторыхъ изъ нихъ вслѣдъ за тѣмъ идутъ слова: „и еврейское государство“ (Cheber-ha-Iehudim), какъ будто онъ считалъ нужнымъ указать, что право чеканить монету принадлежитъ народу. Другія монеты Гиркана носятъ измѣненную надпись: „Іохананъ первосвященникъ и глава еврейскаго государства“ (Rosch Cheber-ha-Iehudim), какъ бы считая республиканскую форму правленія забытой, а себя единодержавнымъ

властелиномъ. Какъ символъ, онъ приказалъ чеканить не лилію, какъ его отецъ, а рогъ изобилія, по образцу монетъ македонскихъ царей.

Къ концу своего правленія Гирканъ все болѣе и болѣе склонялся къ свѣтскому направленію. Увеличеніе страны и возвышеніе своей власти стало его стремленіемъ. Кажется, что Гирканъ пожелалъ захватить обширную область, которая господствовала надъ дорогой въ Дамаскъ. Завоеваніе Итуреи, полосы земли къ востоку отъ горъ Хермона, которое закончилъ его преемникъ, было начато имъ; завершить это дѣло ему помѣшали происходившее въ іудействѣ движеніе, во главѣ котораго онъ не сумѣлъ стать, и смерть. Движеніе это, не замѣтное въ своемъ началѣ, приняло столь несчастный оборотъ, что поколебало зданіе, съ такимъ трудомъ воздвигнутое руками Хасмонеевъ. Во второй разъ оказалось, что еврейское государство, достигнувъ высшей степени своего могущества, не можетъ удержаться на ней.

ГЛАВА V.

Іоаннъ Гирканъ.

(продолженіе).

Внутреннее положеніе Іудеи. Литература. Образованіе партій; фарисеи, цадукеи и ессеи. Организація Великаго Синедріона. Предсѣдатели его: Іошуа бенъ-Перахія и Нитай изъ Арбелы. Функціи Великаго и Малаго Синедріона. Богослуженіе въ храмѣ. Приказанія Гиркана. Натянутыя отношенія между Гирканомъ и фарисеями. Смерть Гиркана.

(135—106).

Политическое движеніе при Іоаннѣ Гирканѣ и его предшественникахъ оказало вліяніе на весь строй народной жизни и въ особенности пробудило духовныя силы евреевъ. Благодаря происходившимъ въ теченіе полувѣка столкновеніямъ, побѣдамъ и пораженіямъ, дружескому и враждебному общенію съ различными народами и переходу отъ простого образа жизни къ нѣкоторому благосостоянію, еврейскій народъ достигъ большой зрѣлости. Независимость, добытая съ трудомъ, открыла ему глаза, научила хранить свое собственное, но въ то же время усваивать чужое, если оно совмѣстимо съ его обычаями и воззрѣніями. Если раньше благочестивцы вооружались противъ всего греческаго, то теперь многіе изъ нихъ пришли къ тому убѣжденію, что у грековъ есть много такого, что можетъ быть усвоено безъ всякаго вреда. Не только военному искусству, вооруженію, тактикѣ и постройкѣ крѣпостей научились Хасмонеи, не вызывая никакого протеста, у своихъ сосѣдей, но и мирнымъ искусствамъ, чеканкѣ монеты и архитектурѣ. Они приказали построить великолѣпный дворецъ, безъ со-

мнѣнія въ греческомъ стилѣ, на возвышенности къ западу отъ храмовой горы, на сѣверо-восточной сторонѣ верхняго города. Передъ дворцомъ было большое, просторное зданіе съ колонадами, называвшееся Xystos, служившее для народныхъ собраній и расположенное вблизи долины, отдѣлявшей верхній городъ отъ храма. Отъ Xystos'а велъ мостъ къ западнымъ воротамъ внѣшняго преддверія храма. Въ верхнемъ городѣ было построено въ греческомъ вкусѣ зданіе для архива и засѣданій Совѣта.

Іоаннъ Гирканъ воздвигъ великолѣпную фамильную гробницу семейства Хасмонеевъ въ Модимѣ. Это было высокое зданіе изъ бѣлаго полированнаго мрамора. Вокругъ него шла художественно исполненная колоннада; на колонахъ были высѣчены изображенія кораблей и различнаго оружія. Надъ всей постройкой возвышалось семь пирамидъ въ память родителей Хасмонеевъ и ихъ пяти сыновей-героевъ. Хасмонейскій мавзолей былъ такъ высокъ, что онъ былъ виденъ далеко съ моря. Изображенія кораблей на колоннахъ должны были означать, что Хасмонеи владѣютъ также флотомъ и гаванью Яффой. Въ этотъ періодъ еврейской исторіи замѣчается не только стремленіе перенимать чужое, но и желаніе усовершенствовать свое родное. Древне-еврейскій языкъ, который, со времени общенія съ азіатскими народами, былъ совершенно вытѣсненъ арамейскимъ языкомъ, снова возрождается и вторично становится народнымъ. Онъ дѣлается еще дороже народу, благодаря тому, что священные письменные памятники, которые евреи отвоевали и изъ которыхъ черпали воодушевленіе, были написаны на древне-еврейскомъ. Надписи на монетахъ, оффиціальные документы, даже народныя пѣсни составлялись на этомъ языкѣ, который, очевидно, дѣйствительно проникъ въ народъ. Еврейскій языкъ, при всей массѣ принятыхъ имъ арамейскихъ названій и греческихъ обозначеній, сумѣлъ изъ собственныхъ элементовъ выработать массу новыхъ словъ, а на чуждые ему элементы наложить свою печать. Въ этой новой формѣ еврейскій языкъ съ этого времени называютъ ново-еврейскимъ, который отличается отъ древне-еврейскаго ясностью и непринужденностью, но уступаетъ ему въ глубинѣ и поэтическомъ вдохновеніи. Представители общинъ и государственные дѣятели знали также и греческій, который былъ необходимъ представителямъ при сношеніяхъ съ сирійскими царями, а также посламъ, отправляемымъ къ нимъ и въ римскій сенатъ. Рядомъ съ еврейскими собственными именами встрѣчаются въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде, греческія.

Направленіе, которое принялъ возрожденный духъ еврейскаго народа, вполнѣ характеризуется литературой этого періода. Поэзія затихаетъ: нѣтъ и слѣда поэтическаго творчества въ это и все послѣдующее время. Литература этого періода не даетъ даже притчъ, въ которыхъ обыкновенно евреи выражали свой жизненный опытъ. Изреченія Сираха не нашли себѣ

подражателей. Народъ сталъ трезвымъ, разсудительнымъ; онъ не нуждался болѣе въ воспламеняющемъ воодушевленіи, которое возбуждала въ немъ лирика псалмовъ, и не имѣлъ болѣе случаевъ для элегическихъ изліяній печали. Нужный народу религіозный энтузіазмъ черпался изъ духовныхъ псалмовъ, а матеріаломъ для изученія служили имѣвшіеся въ изобиліи письменные памятники. Вмѣсто побѣдныхъ гимновъ народъ создалъ исторію, въ которой для будущихъ поколѣній отмѣчались подвиги и событія. Литература псалмовъ со времени первыхъ религіозныхъ преслѣдованій болѣе не обогащалась новыми произведеніями. Единственная отрасль литературы, которая стала развиваться съ этого времени, была исторія. Какъ ближайшее прошлое, такъ и настоящее представляли для нея богатый матеріалъ. Историки, имена которыхъ остались неизвѣстны, описывали великія событія съ начала войнъ за независимость Іудеи по образцу библейскихъ книгъ, но не сухимъ языкомъ хроникъ, хотя-бы съ точнымъ обозначеніемъ времени и мѣстъ, а плавнымъ разсказомъ и живымъ изображеніемъ дѣйствительности. Правленіе Гиркана было описано, правда уже не при его жизни, но не долго спустя, „въ лѣтописяхъ“ (Dibre-ha-Iomim); онѣ потеряны, за исключеніемъ небольшого отрывка. Это впрочемъ единственный остатокъ еврейской литературы этого періода.

Послѣ происшедшихъ политическихъ событій замѣчаются измѣненія не только въ нравахъ и литературѣ, но и въ религіи. Все, что со времени Іонатана было достигнуто, способствовало возвышенію религіи. Побѣды надъ сирійцами, изгнаніе эллинистовъ, подчиненіе идумеевъ, униженіе самаритянъ и разрушеніе ихъ храма на горѣ Гаризимъ—все это были побѣды іудаизма надъ его противниками; все это санкціонировалось представителями религіи и благодаря религіознымъ празднествамъ должно было навѣки запечатлѣться въ сердцахъ будущихъ поколѣній. Религія все еще являлась основной чертой всѣхъ движеній въ Іудеѣ, и злоупотребленіе ею выразилось въ принужденіи язычниковъ принять іудейство. Но мало по малу умственный кругозоръ евреевъ значительно расширился, и благодаря этому религіозное сознаніе просвѣтлѣло; выступленіе изъ тѣснаго круга традиціи увеличило дѣленіе ихъ на партіи. Строго религіозная партія хасидеевъ удалилась съ мѣста великихъ событій и, чтобы не имѣть соприкосновенія съ мірской жизнью, поселилась въ отдаленныхъ, пустынныхъ мѣстностяхъ, гдѣ могла безпрепятственно предаваться созерцанію. Хасидеи образовали свой собственный орденъ съ особыми обрядами и воззрѣніями и стали называться Эссеями. Но не всѣ благочестивые послѣдовали этому примѣру. Большинство считало своимъ долгомъ, рядомъ со строгимъ исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ, употребить свои силы на благо народа. Благодаря этому, въ средѣ благочестивыхъ произошелъ расколъ: отъ хасидейской или эссейской партіи

отдѣлилась національно-религіозная, которая отличалась отъ первой тѣмъ, что продолжала жить на мѣстахъ великихъ событій и старалась по мѣрѣ возможности быть полезной народному дѣлу. Эта партія получила названіе фарисеевъ (Парушимъ). Но и фарисеи, составлявшіе главную массу всего народа, требовали, чтобы всѣ оффиціальныя дѣла, политическія предпріятія, вся національная дѣятельность соотвѣтствовали религіознымъ требованіямъ. Но этимъ требованіямъ не могли или не хотѣли подчиниться тѣ, которые завѣдывали военными или дипломатическими дѣлами и понимали, что жизненныя обстоятельства не всегда можно подчинить религіознымъ предписаніямъ. Такимъ образомъ, въ Іудеѣ возникла третья партія цадукеевъ (Цадукимъ), которая по своему направленію, не измѣняя религіи, ставила на первомъ планѣ національные интересы. Изъ этихъ трехъ партій: эссейской, фарисейской и цадукейской только двѣ послѣднія имѣли сильное вліяніе на ходъ событій Іудеи и своими междоусобіями глубоко подорвали могущество еврейскаго государства. Эссеи же, не имѣвшіе въ общемъ никакого вліянія, стали дѣйствовать только къ концу этого періода. Вся послѣдующая исторія Іудеи остается непонятной, если не разъяснить основъ и особенностей каждой изъ этихъ партій, поскольку это извѣстно изъ имѣющихся источниковъ.

Когда началось столкновеніе этихъ партій, достовѣрно неизвѣстно, какъ вообще трудно уловить начало какого либо умственнаго движенія. По нѣкоторымъ извѣстіямъ можно заключить, что эти партіи обозначились уже при Іонатанѣ. Но окончательное ихъ выдѣленіе произошло лишь въ правленіе Гиркана. Фарисеи могли быть названы партіей только въ противоположность двумъ другимъ; большая часть народа была настроена фарисейски, но у фарисеевъ это настроеніе выражалось полнѣе. Свое названіе фарисеи, по всей вѣроятности, получили отъ своихъ противниковъ Цадукеевъ за то, что они особенно толковали писаніе, вслѣдствіе чего выводили новые законы. Фарисеи, знающіе законы, образовали классъ ученыхъ. Основнымъ принципомъ ихъ воззрѣній было, что сохраненіе іудаизма, т. е. законовъ и обычаевъ предковъ, должно было служить путеводной нитью какъ для всего государства, такъ и каждаго въ отдѣльности. Вѣдь за это было пролито столько благородной крови какъ на поляхъ битвъ, такъ и подъ топорами палачей. Малѣйшее отклоненіе отъ этого принципа казалось фарисеямъ осквернеміемъ всего святого и измѣной всему дорогому. Когда же ихъ противники Цадукеи доказывали имъ, что, благодаря религіозной мнительности, рушатся важные политическіе планы, фарисеи отвѣчали, что судьба государства, какъ и отдѣльныхъ людей, не зависитъ отъ человѣческой дѣятельности, а находится всецѣло въ рукахъ Промысла. Это достаточно показали недавнія войны Маккавеевъ,

когда были разбиты многочисленныя арміи маленькой кучкой людей, опытные воины неспособными къ войнѣ, нечестивцы праведниками. Не отъ человѣческой силы и ума, не отъ военнаго могущества зависитъ благо еврейскаго народа, а только отъ воли Божьей. Лишь нравственное поведеніе каждаго зависитъ отъ его свободной воли; результатъ и успѣхъ человѣческой дѣятельности въ рукахъ Божьихъ. Эти воззрѣнія фарисеевъ были отвергнуты цадукеями; эссеи же сильно ихъ преувеличили и довели до крайности. Другой взглядъ фарисеевъ былъ возраженіемъ цадукеямъ, которые задавали вопросъ: почему же судьба человѣка или народа не всегда соотвѣтствуетъ его нравственнымъ заслугамъ, и праведнику часто приходится бороться съ неудачами, въ то время, какъ нечестивецъ пользуется всѣми земными благами? На это фарисеи отвѣчали, что высшій законъ справедливости ненарушимъ, и потому праведники обрѣтутъ блаженство, если не при жизни, то послѣ смерти. Господь Богъ пробудитъ мертвыхъ изъ сна, чтобы вознаградить праведниковъ и наказать нечестивцевъ: „души праведниковъ воскреснутъ къ жизни вѣчной, души же грѣшниковъ для позора вѣчнаго“. Когда наступитъ этотъ день, и въ какомъ отношеніи находится къ нему ожидаемый Мессія,—было неясно. Эти воззрѣнія, которыя касались только внутреннихъ убѣжденій, не составляли такого рѣзкаго противорѣчія взглядамъ цадукеевъ, какъ третье ученіе фарисеевъ о расширеніи сферы религіи.

Въ народѣ, основой котораго являлась религія, стали соблюдаться наравнѣ съ писанными библейскими законами религіозные обычаи и правила, накопившіеся путемъ устнаго преданія. Если какой нибудь религіозный обрядъ не былъ точно указанъ въ писанномъ законѣ, то оправдывали первый предписаніемъ его великими учителями (Соферимъ) и Великимъ соборомъ (Kneset ha-gedola), которые послѣ возвращенія изъ вавилонскаго плѣна, имѣя во главѣ великаго ученаго Эзру, предохранили религію отъ паденія и довершили дѣло упроченія іудаизма. Такіе религіозные обычаи и обряды назывались „предписаніями учителей“ (Dibre Sopherim). Эти устныя преданія, которыя жили въ народѣ и выросли съ нимъ, достигли необычайнаго значенія послѣ перенесенныхъ опастностей и одержанныхъ побѣдъ. Благодаря издѣвательствамъ надъ іудаизмомъ со стороны эллинистовъ и сирійцевъ, родная религія стала евреямъ еще дороже, и стало считаться священнымъ то, что прежде было только проявленіемъ высшаго благочестія. Мученичество и оппозиція противъ измѣнниковъ-эллинистовъ усилили въ благочестивыхъ приверженность къ каждому обычаю, къ каждому обряду. Такъ, храмъ, который былъ такъ безпощадно оскверненъ и такъ чудесно вновь освященъ, сталъ зеницей ока народа и всѣми силами охранялся отъ осквернія. Такъ какъ это была

святыня, мѣсто откровенія, то съ ней и должны были обходиться съ особой осторожностью. Требованія левитской чистоты по отношенію къ храму были еще увеличены и доведены до необычайной строгости фарисеями.

Но это внѣшнее благочестіе не исключало внутренняго. Фарисеи или, во всякомъ случаѣ, ихъ вожди были людьми строго-нравственными и снисходительными ко всѣмъ. Они не стремились къ почестямъ и богатству и готовы были принести свое состояніе и даже жизнь въ жертву своимъ убѣжденіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не презирали ни жизнь, ни ея радости. Занимая должности судей, они были мягки и снисходительны и судили обвиняемыхъ, сообразуясь съ человѣческими слабостями. Одинъ изъ вождей фарисейской партіи Іошуа бенъ-Перахія, жившій, какъ и его товарищъ Матай (Нитай) изъ Арбелы, во времена Гиркана, составилъ слѣдующее изрѣченіе: „Достань себѣ учителя, пріобрѣтай себѣ товарища, и суди человѣка въ хорошую сторону“ [1]). Это изрѣченіе свидѣтельствуетъ о высоко-нравственныхъ воззрѣніяхъ его автора; но онъ слишкомъ строгъ былъ въ толкованіи законовъ левитской чистоты [2]). Благодаря строгому соблюденію закона съ одной стороны и снисходительности съ другой, весь народъ относился къ фарисеямъ съ глубокимъ уваженіемъ, готовъ былъ слѣдовать ихъ совѣтамъ и всѣми силами ихъ защищать. Эта партія состояла изъ священниковъ, толкователей закона и вообще духовныхъ и свѣтскихъ чиновниковъ. Все внутреннее управленіе государствомъ и храмомъ находилось въ ихъ рукахъ.

Фарисеи имѣли сильное вліяніе, благодаря ихъ глубокому знанію законовъ и примѣненію ихъ въ жизни, и они одни носили названіе „толкователей закона“ и „ученыхъ (Sopherim)“. Впослѣдствіи фарисеевъ ихъ враги стали называть ханжами и лицемѣрами, но они этого ни въ коемъ случаѣ не заслужили. Не будь они дѣйствительно достойными уваженія людьми, народъ не примкнулъ бы къ ихъ направленію, и позднѣйшіе властители не поручали бы имъ отвѣтственныхъ должностей. Да и вообще нелѣпо думать, что цѣлый классъ людей могъ состоять изъ лицемѣровъ. Если среди фарисеевъ стали попадаться ханжи и лицемѣры, которые подъ личиной набожности скрывали дурныя наклонности, то это не касается всей партіи, такъ какъ сами фарисеи съ негодованіемъ отвернулись отъ этихъ лицемѣровъ, называя ихъ „язвой фарисеевъ“. Такіе ханжи и святоши назывались въ народѣ „крашенными“ (Цевунимъ), и о нихъ сложилось изреченіе, что „они поступаютъ, какъ Зимри, а требуютъ себѣ награды, какъ Пинхасъ“ *). Очень несправедливо называть фарисеевъ вообще лицемѣрами; наоборотъ, они были строгими охранителями іудаизма и нравственности. Даже ихъ противники цадукеи говорили о нихъ, что „они изнуряются на землѣ и врядъ ли получатъ достойную награду на небѣ“.

[1]) Abot I, 6.

[2]) Tosefta Machschirin III, 4.

*) *Ред.* במדבר כ״ה

Эти ярые противники фарисеевъ преслѣдовали, какъ уже упомянуто, національно-политическія цѣли. Цадукеи составляли еврейскую аристократію; то были, главнымъ образомъ, военачальники, храбрые воины, государственные дѣятели, которые въ борьбѣ съ сирійцами и другими народами добились почестей и богатства, и послы, которые отправлялись къ иностраннымъ дворамъ и, благодаря сношеніямъ съ внѣшнимъ міромъ, пріобрѣли новыя, болѣе свѣтскія воззрѣнія на жизнь. Они были лучшими приверженцами и помощниками Хасмонеевъ во всѣхъ ихъ войнахъ и предпріятіяхъ. Къ цадукеямъ также принадлежали и эллинисты, которые раскаялись въ своей измѣнѣ іудаизму. Свое имя партія цадукеевъ, какъ предполагаютъ, получила отъ вождя Цадока. Цадукеи ставили интересы еврейскаго государства выше интересовъ религіи. Они были пламенными патріотами и благочестіе ставили на второмъ планѣ. Они понимали, что одной вѣрой въ Бога и строгимъ соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ еще нельзя сохранить независимость еврейскаго государства. Они выставили слѣдующія положенія: на защиту этой независимости каждый долженъ употребить всѣ свои физическія и духовныя силы; религіозными предразсудками не слѣдуетъ вредить политическимъ интересамъ страны; Богъ не вмѣшивается въ дѣла людей, и каждый человѣкъ можетъ совершенно свободно распоряжаться своей судьбой. Такимъ образомъ, отъ дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка зависитъ его благо, и было бы неразумно, сложивши руки, ждать отъ Бога измѣненія участи какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго государства; каждый поступокъ человѣка, дурной или хорошій, заключаетъ въ себѣ зародышъ награды или наказанія въ видѣ естественныхъ послѣдствій этого поступка. Цадукеи не чувствовали потребности вѣрить въ воскресенье послѣ смерти и загробное воздаяніе. Не вполнѣ отрицая безсмертье души, они совершенно отвергали полное воздаяніе послѣ смерти. Стѣсненные массой религіозныхъ обрядовъ, они заявили, что обязательны только законы, установленные Пятикнижіемъ, а другіе, накопившіеся путемъ устнаго преданія, имѣютъ второстепенное значеніе. Но, несмотря на это, цадукеи не могли не признать нѣкоторыхъ устныхъ законовъ. Вообще сомнительно, чтобы цадукеи въ своей первоначальной дѣятельности имѣли ясное понятіе о различіи между устными и писанными законами. Только впослѣдствіи, благодаря частымъ столкновеніямъ съ противниками, это понятіе у нихъ разъяснилось. Трудно предположить, чтобы еврейская знать, занятая военными и

дипломатическими дѣлами, настолько обладала знаніемъ законовъ, чтобы теоретически доказать свои принципы. Утвержденіе и проведеніе въ жизнь этихъ принциповъ поэтому приписываются появившимся гораздо позднѣе Боэтусамъ, получившимъ свое имя отъ нѣкоего Боэтуса.

Изъ многочисленныхъ отдѣльныхъ случаевъ, когда цадукеи расходились со своими противниками, можно замѣтить, въ чемъ состояли различія обѣихъ партій. Несогласія между ними обнаруживались въ судебныхъ и уголовныхъ дѣлахъ и особенно въ области храмовыхъ обрядовъ. Такъ, напримѣръ, цадукеи понимали библейскій законъ: „око за око, зубъ за зубъ“ буквально и потому стали извѣстны, какъ жестокіе блюстители закона, въ то время, какъ фарисеи, ссылаясь на традицію, въ такихъ случаяхъ примѣняли мягкость и снисходительность и замѣняли физическія увѣчья денежнымъ штрафомъ. Но цадукеи были снисходительнѣе фарисеевъ при осужденіи лжесвидѣтелей, которые своимъ показаніемъ побудили судей осудить человѣка на казнь; цадукеи считали нужнымъ наказывать ихъ только послѣ казни обвиняемаго, между тѣмъ какъ фарисеи готовы были наказать за одно лишь дурное намѣреніе. Затѣмъ цадукеи считали хозяина отвѣтственнымъ за увѣчья, причиненныя какъ своимъ рабомъ, такъ и скотомъ. Они примѣняли также особый законъ о наслѣдствѣ, по которому, за отсутствіемъ мужскихъ наслѣдниковъ, наслѣдовали дочери завѣщателя наравнѣ съ его внучками, дочерьми прежде умершаго сына.

Среди богослужебныхъ обрядовъ были многіе, которые служили поводомъ къ горячимъ спорамъ между цадукеями и фарисеями. Такъ, напримѣръ, цадукеи назначали всегда праздникъ „Недѣль“ (Шевуотъ) въ воскресный день, ведя счетъ недѣль отъ пасхальной субботы, а не отъ второго дня Пасхи; затѣмъ они отвергали торжество „возліянія воды“ въ храмѣ и хожденіе съ ивовыми вѣтками въ праздникъ Кущей. Они не признавали, что издержки на ежедневныя жертвоприношенія должны покрываться изъ храмовой казны, а не изъ доброхотныхъ даровъ. Предметомъ ожесточенныхъ споровъ былъ также вопросъ: курить ли ѳиміамъ до входа первосвященника во внутреннее святилище или послѣ. Въ этихъ и другихъ случаяхъ, цадукеи строго придерживались буквы писаннаго закона, такъ что ихъ толкованіе оказывалось нерѣдко болѣе стѣснительнымъ, чѣмъ толкованіе фарисеевъ. Но Цадукеи не гнушались, какъ фарисеи, прикасаться къ нечистымъ для левитовъ предметамъ и насмѣхались надъ фарисеями, говоря, что „они скоро захотятъ очистить солнце“.

Несмотря на тѣ облегченія, которыя велъ за собою цадукейскій взглядъ на религію, эта партія была мало любима въ народѣ. Она имѣла противъ себя настроеніе всей эпохи, благопріятствовавшей строгой религіозности. Народу не нравилось, что критически касаются предметовъ его

убѣжденія; ему оставалось дорого то, за что онъ заплатилъ своею кровью, хотя бы чисто человѣческое и временное происхожденіе этого было ему доказано. Вообще письменность была еще мало извѣстна и не настолько проникла въ сознаніе народа, чтобы онъ въ своемъ поведеніи могъ руководствоваться ею. Для него было достаточно исполнять то, что исполняли его предки и что считалось важнымъ учителями закона. Къ тому же цадукеи отталкивали народъ отъ себя своимъ гордымъ и высокомѣрнымъ обращеніемъ и строгостью на судѣ; поэтому они никогда не имѣли на своей сторонѣ общественнаго мнѣнія и могли проводить свои взгляды только силою. Цадукеи, какъ впослѣдствіи караимы, съ ихъ трезвымъ и чисто разсудочнымъ, выросшимъ на почвѣ свѣтской жизни, міровоззрѣніемъ не могли имѣть успѣха въ то время, когда глубокая религіозность господствовала надъ всѣмъ и отодвигала на задній планъ всѣ прочіе интересы, даже политическую самостоятельность. Религіозные интересы играли такую важную роль, что образовался даже своего рода религіозный орденъ, который своею строгостью превосходилъ даже фарисеевъ и въ связи съ другими элементами вызвалъ движеніе, имѣвшее всемірно-историческое значеніе. Этотъ орденъ были ессеи.

Происхожденіе этого замѣчательнаго, еще не достаточно оцѣненнаго, ордена ессеевъ, вызвавшаго удивленіе даже грековъ и римлянъ, принадлежитъ ко времени того великаго движенія, которое было вызвано сопротивленіемъ противъ сирійской тиранніи и религіозныхъ преслѣдованій. Ессеи не были политической партіей; наоборотъ, они избѣгали шумной общественной жизни. Они не составляли противоположности фарисеямъ; скорѣе ихъ ученіе было кульминаціоннымъ пунктомъ ученія фарисеевъ, съ которымъ оно первоначально совпадало. Безъ сомнѣнія, они вели свое происхожденіе отъ хасидеевъ, соблюдая подобно тѣмъ чрезвычайно строго субботу. По ихъ мнѣнію, даже перенесеніе сосуда съ одного мѣста на другое считалось осквернеіемъ субботняго дня. Далѣе они жили какъ назиреи, идеаломъ которыхъ было достигнуть высшей священнической святости. Пятикнижіе предоставляетъ волѣ каждаго вести аскетическій образъ жизни, если онъ этого пожелаетъ, но такое воздержаніе отъ мірской жизни и людскаго общества должно было быть только временнымъ. Такой назирей во время своего обѣта считался своего рода добровольнымъ священникомъ, который долженъ былъ самымъ строгимъ образомъ соблюдать законы о чистотѣ, предназначенные для левитовъ. Но по истеченіи извѣстнаго времени онъ могъ вернуться въ общество и участвовать въ удовольствіяхъ мірской жизни. Въ періодъ послѣ возвращенія изъ изгнанія не мало хасидеевъ стремились къ тому, чтобы не на время, а на всю жизнь оставаться назиреями (Nazir Olam) и достигнуть высшей степени

левитской чистоты, какъ она была предписана для служенія въ храмѣ. Внѣшнимъ соблюденіемъ этихъ предписаній они надѣялись достичь внутренней святости и чистоты, умертвить страсти и вести святой образъ жизни. Благодаря знакомству съ персидскими обычаями, предписанія о левитской чистотѣ дошли до такой степени, что всякое общеніе съ людьми и вещами могло осквернить человѣка, который могъ очиститься только омовеньями, а иногда и жертвами. Пожизненные назиреи или, что то же самое, ессеи вынуждены были избѣгать всякаго общенія съ людьми менѣе строгой жизни, дабы не осквернiться отъ нихъ. Такія воззрѣнія заставляли ихъ вращаться только въ средѣ единомышленниковъ, чтобы не испытать нарушенія своего положенія, и образовать особый орденъ, правила котораго заключались въ точномъ соблюденіи самыхъ строгихъ законовъ о чистотѣ. Только отъ единомышленниковъ могли ессеи получать ѣду, покупать платье, оружіе и другіе предметы, относительно которыхъ они могли быть увѣрены, что при изготовленіи ихъ соблюдены законы о чистотѣ. Поэтому они были вынуждены искать услугъ другъ у друга и нашли наиболѣе разумнымъ имѣть общія трапезы, чтобы избѣжать какой бы то ни было помощи отъ людей менѣе строгой жизни. При этомъ идеаломъ для нихъ служила пасхальная трапеза, которая совершалась только въ тѣсномъ кругу (Chabura), гдѣ извѣстная общность между участвующими считалась обязательной. Жить вмѣстѣ съ женщинами было для ессеевъ почти невозможнымъ, потому что трудно было соблюдать законы о чистотѣ при соприкосновеніи съ ними. Такимъ образомъ ессеи послѣдовательно дошли до отказа отъ брака. Какъ могли они утвердить свое строгое ученіе въ военное время? Не только язычники, но и вернувшіеся съ войны евреи, нечистые благодаря прикосновенію къ трупамъ, могли осквернить ихъ, несмотря на всю ихъ предусмотрительность. Это обстоятельство могло вызвать у ессеевъ мысль о необходимости удалиться въ уединенную мѣстность, чтобы имѣть возможность спокойно вести свой образъ жизни вдали отъ военнаго шума. Они выбрали для своего пребыванія пустыню къ западу отъ Мертваго моря, въ оазисѣ Энгади. Растущіе въ этой мѣстности финики служили имъ, въ виду простоты ихъ жизни, достаточной пищей. Надо отмѣтить, что не всѣ хасидеи примкнули къ ессейскому ученію, и не всѣ ессеи жили тамъ. Нѣкоторые не были членами ордена, но жили со своими семьями. Такіе ессеи вступали въ бракъ, но, въ виду строгаго соблюденія требованій о чистотѣ, имъ приходилось переносить не мало трудностей.

Такимъ образомъ возникли черты, сразу бросающіяся въ глаза и рѣзко отличающія членовъ ессейскаго ордена: общія трапезы и безбрачіе. Жизнь ессеевъ привела ихъ далѣе къ тому, что они отказывались отъ

своего имущества. Для чего нужна была ессею частная собственность? Вѣдь онъ не могъ пользоваться ею. Поэтому каждый передавалъ свое имущество въ общую кассу ордена, которая удовлетворяла всѣ потребности членовъ послѣдняго. Благодаря этому воззрѣнію, появилось изреченіе: „мое и твое“—говоритъ благочестивый—„принадлежитъ тебѣ (а не мнѣ“). Поэтому среди ессеевъ не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ; это отсутствіе всякихъ заботъ имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что мысль ессеевъ все болѣе забывала о земномъ и принимала мечтательное и идеалистическое направленіе. Ессеи отличались еще нѣкоторыми другими особенностями, правда мелкими, но очень характерными. Они постоянно носили бѣлыя льняныя одежды, вѣроятно, для того, чтобы такимъ образомъ напоминать о своемъ добровольномъ священничествѣ. Каждый носилъ съ собою, какъ евреи во время скитанія въ пустынѣ, маленькую лопатку, чтобы копать яму для естественной потребности и чтобы покрывать землею нечистое.*) Они хотѣли мѣсто своего пребыванія отмѣтить какъ святое, которое, подобно Скиніи Завѣта, не должно быть осквернено видомъ чего-либо животнаго. Они носили постоянно особый платокъ, который служилъ для вытиранія при ихъ постоянныхъ омовеніяхъ. Каждое утро они купались въ чистой ключевой водѣ, какъ священники передъ служеніемъ во храмѣ, чтобы устранить всякую, даже помимо ихъ вѣдома появившуюся, нечистоту. Благодаря этимъ ежедневнымъ купаньямъ они получили названіе „купающихся утромъ (Toblê Schacharit)“. Свое названіе ессеевъ они, какъ кажется, получили благодаря тому же обстоятельству, потому что слово Ассаи на халдейскомъ языкѣ означаетъ купающіеся, совершающіе омовеніе.

Всѣ эти внѣшнія отличія были только первою ступенью для достиженія высшаго благочестія, внутренняго общенія съ Богомъ, что, по воззрѣніямъ древнихъ, могло осуществиться только при условіи отреченія отъ міра и аскетическаго образа жизни. Простота въ пищѣ и одеждѣ, трезвость, нравственность (Zeniut), постоянная готовность къ самопожертвованію—всѣ эти добродѣтели украшали ессеевъ, какъ и фарисеевъ. Отличали первыхъ боязнь передъ клятвой, частая молитва и занятія своего рода тайнымъ искусствомъ. Передъ молитвой они не произносили ни одного посторонняго слова и, прочтя при первомъ сіяніи солнца „Шема“, они собирались тихо и благоговѣйно для настоящей молитвы, которая должна была свободно выливаться изъ души. Вообще въ то время еще не существовало готовыхъ молитвенныхъ формулъ.

Они смотрѣли на свои трапезы, какъ на своего рода богослуженіе, на обѣденный столъ, какъ на алтарь, а пищу, которую они принимали,

*) *Ред.* דברים כ"ג

сравнивали со святой жертвой, которую въ собраніи благоговѣйно поѣдаютъ. Ни одно свѣтское слово не выходило изъ ихъ устъ во время трапезы; обыкновенно находились тогда въ глубокомъ молчаніи. Это молчаніе производило на непосвященныхъ тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что истинное ученіе ессейскаго ордена оставалось совершенно неизвѣстнымъ для современниковъ и представлялось имъ какимъ-то страшнымъ и чудеснымъ.

Занятіе тайнымъ искусствомъ первоначально не входило въ намѣреніе ессеевъ; но ихъ аскетическій и мирный образъ жизни, который доставлялъ пищу для воображенія, отсутствіе заботъ о семьѣ, наконецъ ихъ религіозная мечтательность—все это приводило къ тому, что они стали искать въ іудаизмѣ другихъ истинъ, кромѣ тѣхъ, которыя представлялись безпристрастному наблюдателю. Прежде всего обратило на себя ихъ вниманіе имя Бога. Если имя Бога такъ свято, то, очевидно, даже въ буквахъ его находится что то таинственное. Ессеи, которые благодаря своей уединенной жизни имѣли достаточно свободнаго времени, старались постигнуть эту тайну. Имя Бога было для нихъ настолько священно, что они боялись клясться, такъ какъ при этомъ приходится произнести это имя. Вмѣсто этого они ограничивались въ своихъ утвержденіяхъ и показаніяхъ простымъ да или нѣтъ. Въ тѣсной связи съ таинственнымъ значеніемъ имени Бога стоитъ ученіе о значеніи именъ ангеловъ. Хотя вопросъ о самомъ существѣ ангеловъ, ихъ числѣ, именахъ и порядкѣ первоначально былъ чуждъ іудаизму и ведетъ свое происхожденіе изъ теологіи маговъ, но все же ученіе объ ангелахъ, благодаря тому, что они носили еврейскія имена: Гавріилъ, Михаилъ, Рафаилъ, Уріелъ и другія, получило въ іудаизмѣ право гражданства и, можно сказать, стало его существенною частью. Имена ангеловъ и разсказы объ ихъ значеніи и положеніи въ общей теософской системѣ ессеи добросовѣстно передавали своимъ ученикамъ. Какой богатый матеріалъ для размышленія доставляли праздной и направленной на все чудесное и таинственное фантазіи мистическое пониманіе имени Бога и ученіе объ ангелахъ! Когда они со своими новыми фантастическими идеями приступали къ изученію священнаго Писанія, какіе новые и чудные горизонты должны были представиться ихъ взору! Каждое слово, каждый оборотъ рѣчи скрывалъ особый смыслъ, котораго раньше не подозрѣвали; самые трудные вопросы о существѣ Бога, Его отношеніи къ небеснымъ силамъ и людямъ получали свое разрѣшеніе. Благодаря углубленію въ текстъ священнаго Писанія, ессеи пришли къ той обманчивой мысли, что мнѣнія, которыя они въ сущности только теперь вносили туда, изложены еще съ древнихъ временъ. Безъ сомнѣнія, ессеи были изобрѣтателями „Тайнъ ученія“ (Sitre Thora), какъ и еврейской мистики и христіанской гностики. Чуждаясь государственной, общественной и вообще мірской жизни, они ввели іудаизмъ, въ основѣ котораго лежитъ забота о національномъ благѣ, въ темную область мистическаго ученія.

Страннымъ казалось ихъ глубокое почитаніе пророковъ и законодателя Моисея. Правда, его память и его имя были дороги всѣмъ евреямъ въ Палестинѣ и внѣ ея предѣловъ; онъ считался величайшимъ изъ всѣхъ пророковъ; его именемъ клялись и не сравнивали его ни съ какимъ либо другимъ человѣкомъ; но ессеи довели это почитаніе до крайней степени, признавая Моисея чуть ли не божественнымъ существомъ. Кто хулилъ имя Моисея, тотъ въ ихъ глазахъ считался такимъ же преступникомъ достойнымъ смертной казни, какъ и богохульникъ. Кажется, съ именемъ Моисея ессеи связывали какое-то мистическое представленіе.

Главною цѣлью ессеевъ было, безъ сомнѣнія, стремленіе къ пророческому вдохновенію, чтобы этимъ оказаться достойными святого духа (Ruach ha-Kodesch). Голоса пророковъ уже очень давно умолкли, и народъ, оставленный безъ предостерегающаго слова пророковъ, не зналъ, что онъ долженъ дѣлать и какъ поступать. Ессеи думали, что, благодаря своему строгому образу жизни, они нашли средство разбудить давно умолкнувшій голосъ неба. А тогда, когда эта цѣль будетъ достигнута, когда будетъ возобновлено пророчество, когда зрѣлые люди и юноши вновь увидятъ небесные образы, когда они въ порывѣ вдохновенія будутъ въ состояніи сорвать покровъ съ будущаго, тогда приблизится царство Мессіи, наступитъ царство Божіе на землѣ (Malchut Schamajim) и однимъ ударомъ положитъ предѣлъ всѣмъ мученіямъ и всѣмъ трудамъ дѣйствительности. Не можетъ быть сомнѣнія, что такія мысли не были чужды ессеямъ; правда, сознавались онѣ одними болѣе ясно, а другими менѣе ясно. Однимъ изъ послѣднихъ членовъ ессейскаго ордена эти мысли были выражены въ слѣдующихъ короткихъ, но легко понятныхъ и недвусмысленныхъ словахъ: „Со ступени на ступень ведутъ ревность къ закону, тѣлесная чистота, воздержаніе къ ессейскому образу жизни (Chasidut), а этотъ послѣдній къ смиренію и боязни грѣха, что, въ свою очередь, ведетъ къ способности воспріятія святого духа, а это, наконецъ, къ воскресенью, что будетъ осуществлено Иліей, предшественникомъ Мессіи“.

Благодаря ихъ оригинальному образу жизни и мечтательному направленію ихъ мысли, ессеи у народа считались не только святыми, но и чудотворцами. Народъ прислушивался къ ихъ голосу и ожидалъ отъ нихъ отвращенія грозящаго зла. Нѣкоторые изъ ессеевъ славились искусствомъ предсказывать будущее и толковать сны. Боязливое почитаніе ессеевъ непосвященными увеличивалось еще тѣмъ, что первые удачно лечили, такъ называемыхъ, бѣсноватыхъ. Общеніе съ персами вызвало среди евреевъ не

только вѣру въ ангеловъ, но и вѣру въ существованіе злыхъ духовъ и демоновъ (Schedim, Masikin). На душевно-больного смотрѣли, какъ на одержимаго злымъ духомъ, владѣющимъ тѣломъ и душою больного и могущимъ быть изгнаннымъ только лицомъ, знакомымъ съ чарами. Всякая изъ ряда вонъ выходящая форма болѣзни, какъ упорный параличъ, проказа, постоянное маточное кровотеченіе, приписывалась дѣйствію злыхъ духовъ, и искали совѣта не у врача, а у заклинателя и знахаря. Такимъ вотъ леченіемъ и заклинаніями занимались ессеи и искали лечебныхъ средствъ въ книгѣ (Sefer Refuot), приписываемой царю Соломону, который считался у народа человѣкомъ, обладавшимъ силою изгонять злыхъ духовъ. Эти лечебныя средства состояли частью въ произносимыхъ шепотомъ заклинаніяхъ и стихахъ изъ священнаго Писанія (Lechischa), частью въ примѣненіи извѣстныхъ травъ и камней, имѣвшихъ якобы тайную, магическую силу, частью въ магнетическихъ манипуляціяхъ. Такимъ образомъ ессеи соединяли въ своемъ ученіи самое высокое и самое низкое, стремленіе къ благочестивой жизни и пророческому вдохновенію съ самымъ грубымъ суевѣріемъ. Чрезмѣрное воздержаніе и отсутствіе общества людей, придерживавшихся иного образа жизни, вызвали такіе наросты на ихъ ученіи.

Изъ-за этого трезво смотрѣвшіе на вещи фарисеи не относились къ ессеямъ съ уваженіемъ; наоборотъ, часто они смѣялись надъ „глупыми хасидами“. По поводу боязни ессеевъ произнести имя Бога безъ предварительнаго омовенія и очищенія, фарисеи замѣчали, что, будучи послѣдовательными, ессеи должны отказаться отъ всякаго призванія имени Бога, потому что оно не можетъ произойти безъ помощи тѣла, а тѣло-сосудъ полный нечистоты. Нѣкоторые фарисеи были также совершенно недовольны и ессейскими мистическими способами леченія, именно примѣненіемъ стиховъ священнаго Писанія для заклинаній и изгнанія злого духа. Хотя ученія фарисеевъ и ессеевъ возникли въ одно и то же время изъ одного и того же источника и преслѣдовали одну и ту же цѣль, однако по мѣрѣ развитія они пошли различными дорогами. Фарисеи стояли на уровнѣ требованій жизни, желали возвысить ее нравственностью и закономъ и преслѣдовали главнымъ образомъ практическія цѣли; ессеи избѣгали жизни съ ея радостями и страданіями и все болѣе и болѣе углублялись въ исключительно созерцательный образъ жизни, отталкивающій даже самую добродѣтель и превращающійся въ своего рода эгоизмъ. Фарисеи видѣли въ бракѣ святое учрежденіе, служащее на пользу человѣчества; ессеи разсматривали его только какъ препятствіе для праведной жизни. Фарисеи признавали за человѣкомъ свободу воли и дѣйствія, вслѣдствіе чего онъ отвѣчаетъ за свои поступки; ессеи же, проводившіе всю жизнь въ однообразной и узкой

дѣятельности, далекіе отъ воздѣйствій дѣйствительности, были сторонниками фатализма, который, по ихъ мнѣнію, управляетъ не только судьбой, но и дѣйствіями людей. Весьма вѣроятно, хотя это не можетъ быть со всей точностью подтверждено источниками, что фарисеи расходились съ ессеями по вопросу о безсмертіи души, о воздаяніи за гробомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Такимъ образомъ между фарисеями и ессеями существовало нѣкоторое несогласіе, которое увеличивалось по мѣрѣ того, какъ одни были увлечены потокомъ политической жизни, а другіе замкнулись въ узкій кругъ исключительно своихъ спеціальныхъ интересовъ. Это было своего рода предчувствіе того, что впослѣдствіи на болѣе широкой аренѣ они встрѣтятся жестокими врагами. Ессеи избѣгали даже посѣщать храмъ, вѣроятно потому, что служеніе въ храмѣ, которое совершалось согласно ученію фарисеевъ, не отвѣчало ихъ идеалу. Для исполненія обязанности жертвоприношеній ессеи ограничивались посылкой жертвъ въ храмъ, сами туда не являясь для этого. Національное чувство все болѣе и болѣе отступало у ессеевъ передъ приверженностью къ своему ордену, и они все болѣе и болѣе освобождались отъ связи съ народомъ. Въ ученіи ессеевъ таилась оппозиція противъ существовавшаго іудаизма, о которой не имѣли понятія ни сторонники, ни противники.

Ессеи не оказывали никакого вліянія на политическую жизнь, отъ которой они держались какъ можно дальше. Только одинъ ессей, насколько это извѣстно, былъ членомъ Синедріона, но и тотъ выступилъ оттуда, какъ бы чувствуя себя плохо въ этой атмосферѣ. Число ессеевъ было незначительно, и даже во время своего расцвѣта ихъ орденъ не насчитывалъ болѣе 4000 членовъ. Такъ какъ вслѣдствіе безбрачія они не могли разсчитывать на естественное пополненіе ордена, то они должны были, чтобы не исчезнуть, искать учениковъ и прозелитовъ. Поступавшихъ въ орденъ принимали съ особой торжественностью. Имъ подавали бѣлое платье, платокъ и лопатку, которые были символами принадлежности къ ессеямъ. Новообращенный не сразу становился полноправнымъ членомъ ордена, но достигалъ этого только путемъ все увеличивающагося воздержанія и строгаго соблюденія законовъ о чистотѣ. Три степени чего-то въ родѣ испытанія долженъ былъ пройти новообращенный, прежде чѣмъ его допускали до полнаго участія въ дѣлахъ ордена. При принятіи новопоступившій долженъ былъ дать клятву въ томъ, что онъ будетъ придерживаться ессейскаго образа жизни, будетъ добросовѣстно сохранять и передавать другимъ тайныя ученія ессеевъ, а именно тѣ, которыя касаются таинственнаго значенія имени Бога, ангеловъ, и, вѣроятно, также демоновъ. Недостойный исключался изъ ордена; однако неизвѣстно ни объ одномъ такомъ случаѣ.

Необходимо настаивать, въ виду распространенности ложныхъ взглядовъ по этому поводу, на томъ; что какъ названіе каждой изъ этихъ якобы сектъ не соотвѣтствуетъ ея сущности, такъ и для нихъ всѣхъ совершенно не подходитъ названіе секты вообще. Цадукеи не имѣли ничего общаго съ религіозной сектой; наоборотъ, они образовывали политическую партію; они хотѣли въ свѣтскихъ вопросахъ держаться какъ можно дальше отъ религіи, и только вслѣдствіе особаго характера еврейскаго народа ученіе ихъ приняло религіозную окраску. Фарисеи были только ихъ политическими противниками, правда исходя изъ религіознаго принципа, но обозначеніе ихъ, какъ секты, тѣмъ менѣе правильно, что они составляли народную массу. Въ крайнемъ лишь случаѣ можно было бы назвать ессеевъ религіозной сектой, потому что они держались вдали отъ общественной жизни, но и это было бы не совсѣмъ правильно, ибо ессеи первоначально ничѣмъ не отличались отъ фарисеевъ, а ихъ ученіе, какъ уже указано выше, представляетъ собою лишь доведенное до крайности ученіе фарисеевъ. Фарисеи никоимъ образомъ не должны быть разсматриваемы, какъ посредники между двумя крайними партіями, но ихъ должно считать основой всего народа, отъ которой удалились какъ цадукеи благодаря предпочтенію, которое они оказывали свѣтскимъ вопросамъ передъ религіозными, такъ и ессеи благодаря своему мечтательному образу жизни. Какъ мало могутъ ессеи и цадукеи считаться представителями національныхъ теченій, показываетъ то обстоятельство, что ни тѣ, ни другіе не могли создать самостоятельной литературы. Литературныя произведенія послѣдующаго времени носятъ на себѣ опредѣленный фарисейскій отпечатокъ. Относительно цадукеевъ можно съ увѣренностью сказать, что ни одинъ изъ извѣстныхъ нынѣ памятниковъ еврейской письменности не принадлежитъ имъ, что понятно въ виду ихъ стремленія защищать исключительно свѣтскіе интересы; ессеямъ принадлежитъ только одно литературное произведеніе, такъ называемый „хасидейскій свитокъ“ (Megillat Chassidim), откуда извѣстно только одно изреченіе: „если ты оставишь ее (Тору) на одинъ день, то она оставитъ тебя на два дня“.

Враждебное отношеніе между фарисеями и цадукеями еще не проявилось во время правленія Гиркана. Ихъ противоположные одинъ другому взгляды на извѣстные вопросы не вызвали еще столкновеній; ихъ взаимное недовольство еще не перешло во вражду. Гирканъ пользовался тѣми и другими сообразно съ ихъ способностями: цадукеями, какъ воинами и дипломатами, фарисеями же, какъ учителями закона, судьями и чиновниками. Одни уважали въ Гирканѣ князя и полководца, другіе—благочестиваго первосвященника, который заботился о религіи. Гирканъ, принадлежа по убѣжденіямъ къ фарисеямъ, во внутреннемъ управленіи придерживался

фарисейскихъ взглядовъ, и его предписанія ясно доказываютъ это. Во главѣ религіозныхъ учрежденій стоялъ Синедріонъ, который былъ реорганизованъ либо предшественниками Гиркана, либо имъ самимъ. Онъ сохранилъ свое старое названіе Великаго Судилища (Bet-Din-hagadol) или совѣта старѣйшинъ и состоялъ изъ 70-ти членовъ по примѣру совѣтовъ при Моисеѣ. Само собою разумѣется, что первосвященникъ, который со времени Симона имѣлъ въ своихъ рукахъ высшую свѣтскую и духовную власть, стоялъ во главѣ Синедріона [1]). Онъ былъ предсѣдателемъ (Nassi). Такъ какъ первосвященникъ, занятый политическими и военными дѣлами, не всегда могъ присутствовать на засѣданіяхъ, то, какъ кажется, назначался исполняющій обязанности предсѣдателя, который носилъ титулъ „отца судилища“ (Ab-Bet-Din). Во время совѣщанія члены Синедріона сидѣли полукругомъ, въ центрѣ котораго находился предсѣдатель.

Какія обязанности лежали на Синедріонѣ послѣ его реорганизаціи, нельзя сказать съ достовѣрностью. Уголовнымъ судомъ, вѣроятно, Синедріонъ не занимался; для этого въ каждомъ болѣе крупномъ городѣ были особые суды въ составѣ 23-хъ членовъ, которые, впрочемъ, назначались или утверждались Синедріономъ. Къ числу постоянныхъ занятій его принадлежало наблюденіе за чистотою при бракахъ священниковъ. Съ этою цѣлью велись особыя родословныя записи (Sepher Iochasin), которыя составлялись достойными довѣрія людьми и утверждались Синедріономъ. Изъ Египта, Вавилоніи и другихъ мѣстностей, гдѣ жили евреи, посылались въ Синедріонъ для утвержденія такіе списки съ именами родоначальниковъ и ихъ потомковъ и подписями свидѣтелей. [2]). Тѣ семейства, которыя добивались почестей, не вступали въ брачную связь съ лицами, которыя не могли доказать своего происхожденія отъ незапятнаннаго брака. Въ родословныхъ запискхъ указывались важнѣйшія событія въ жизни рода, въ особенности тѣ, которыя имѣли историческій интересъ, и этимъ создавались зачатки источниковъ еврейской исторіи [3]). Точно также къ числу занятій Синедріона принадлежало наблюденіе за календаремъ и въ особенности уравненіе луннаго года съ солнечнымъ путемъ вставленія одного мѣсяца; впослѣдствіи [4]) обыкновенно предсѣдатель поручалъ это дѣло комиссіи изъ нѣсколькихъ членовъ Синедріона.

Далѣе Синедріонъ долженъ былъ толковать писанный законъ и примѣнять его сообразно съ обстоятельствами; въ то же время онъ былъ хранилищемъ преданій, перешедшихъ изъ прошлыхъ временъ, и продолжалъ

[1]) Tosephta synhedr. VII, Chagiga II, jerus. Synh. I p. 19 b., Babli p. 88 b.
[2]) Middot конецъ.
[3]) Jebamot 49 b. Jerus. Taanit 68 a; Genes. Rabba 98.
[4]) Synhedrin 10 b.

цѣпь традиціи. Сомнительные случаи представлялись на его усмотрѣніе; но онъ назначалъ изъ своей среды двѣ комиссіи по 3 члена въ каждой [1]), которыя засѣдали на храмовой горѣ и въ преддверіи храма и вполнѣ самостоятельно выносили свои рѣшенія; только въ случаѣ разногласія въ комиссіяхъ, дѣло передавалось на разсмотрѣніе всего Синедріона. Необходимымъ условіемъ при этомъ было глубокое знаніе закона, а также знакомство съ традиціоннымъ толкованіемъ Писанія; такъ какъ одни представители фарисеевъ обладали такими знаніями, то само собою разумѣется, что они занимали всѣ эти мѣста. Синедріонъ засѣдалъ въ залѣ каменныхъ плитъ (Lischchat ha-gasit) [2]) храма, расположенной въ южной части его между святилищемъ и передней залой (Ulam) и имѣвшей выходы какъ въ святилище, такъ и въ доступный для всѣхъ дворъ, какъ бы напоминая этимъ о томъ, что Синедріонъ долженъ явиться посредникомъ между святыней и народомъ. Единство пониманія ученія соблюдалось и охранялось Синедріономъ; его рѣшенія и предписанія принимались и палестинскими, и иностранными евреями, какъ законъ [3]). Засѣданія Синедріона происходили ежедневно, за исключеніемъ субботнихъ и праздничныхъ дней, во время которыхъ члены его говорили проповѣди въ храмѣ. Хотя Синедріонъ состоялъ изъ 71-го члена, однако составъ считался законнымъ при наличности 23-хъ членовъ [4]). Пренія были публичныя. Синедріонъ самъ пополнялъ свой составъ людьми, которые раньше были судьями въ округахъ [5]).

Необходимыми условіями для судей были, кромѣ знанія закона, происхожденіе отъ еврейскихъ родителей въ законномъ бракѣ, любовь народа и кротость [6]); рожденные отъ прелюбодѣянія и прозелиты исключались [7]); однако изъ послѣднихъ допускались тѣ, мать которыхъ была прирожденная еврейка. Обращали также вниманіе на то, чтобы въ число судей не попадали старики и бездѣтные, потому что такіе люди, какъ предполагалось, болѣе склонны къ строгости, чѣмъ къ милосердію, а въ уголовномъ судѣ, согласно фарисейскимъ воззрѣніямъ, *милосердіе* должно занимать мѣсто впереди строгаго права; судьи должны были руководствоваться главнымъ образомъ соображеніями милосердія. Изъ этого принципа былъ сдѣланъ выводъ, доказывающій, какъ глубоко проникло снисходительное отношеніе къ людямъ въ фарисейское міровоззрѣніе: для оправданія

[1]) Tosefta a. a. O.
[2]) Middot.
[3]) Tosefta Synhedrin. c. 7. Chagiga.
[4]) Tosefta Schekalim кон. Chagiga II 9, Synhedrin VII.
[5]) Synhedrin 88 b.
[6]) Tosefta Chagiga.
[7]) Tosefta Sinhedrin.

требовалось простое большинство, для обвиненія же тринадцать голосовъ изъ двадцати трехъ [1]). Въ началѣ разбирательства дѣла предсѣдатель долженъ былъ указать свидѣтелямъ, выступавшимъ въ качествѣ обвинителей, какое большое значеніе имѣетъ человѣческая жизнь, и напомнить имъ, не упустили ли они какого нибудь обстоятельства, могущаго послужить на пользу подсудимаго [2]). Даже слушатели могли вмѣшиваться въ пренія, если они могли представить соображенія, клонящіяся къ оправданію обвиняемаго; тѣ судьи, которые во время дебатовъ высказались за оправданіе, не могли во время голосованія высказываться за осужденіе [3]), т. е. ихъ голосъ въ этомъ случаѣ не принимался во вниманіе. Голосованіе начиналось съ самаго младшаго члена суда для того, чтобы предсѣдатель, высказавшійся за обвиненіе, не могъ оказать вліянія въ этомъ смыслѣ на другихъ судей [4]). Такимъ образомъ были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы судьи скорѣе склонялись къ оправданію, чѣмъ къ обвиненію. Если преступникъ былъ приговоренъ къ смертной казни (она совершалась черезъ побіеніе камнями, сожженіе, удушеніе или убіеніе мечемъ), то передъ смертью ему давали выпить одурманивающее питье, чтобы лишить его сознанія своего несчастья; этотъ напитокъ приготовляли самыя благородныя женщины [5]), считавшія своимъ долгомъ облегчать послѣднія страданія несчастныхъ. Имущество казнимыхъ не конфисковалось, но переходило къ наслѣдникамъ [6]). Казнь разсматривалась не какъ наказаніе и не какъ возстановленіе поруганной нормы нравственности или религіи, но какъ искупленіе со стороны преступника, который вслѣдствіе потери жизни очищался и примирялся съ небомъ. Поэтому при исполненіи смертной казни всякая мысль о мести или о возмездіи была устранена. Только при одномъ преступленіи забывали о всякихъ соображеніяхъ милосердія—это при судѣ надъ лицомъ, желавшимъ склонить народъ къ отпаденію отъ іудаизма (Messiah). Для такого преступника не было снисхожденія [7]). Однако такихъ случаевъ вообще не было, такъ что строгое отношеніе соблюдалось только въ теоріи, а на практикѣ никогда не примѣнялось. Всѣ эти постановленія и законы, если не достигли при первыхъ хасмонеяхъ своего окончательнаго развитія, то, во всякомъ случаѣ, въ это время уже существовали.

Подобно судоустройству, и храмовыя учрежденія, вслѣдствіе возрожденія еврейскаго государства, пріобрѣли новый видъ. Хотя хасмонеи не преслѣдовали ничего иного, кромѣ возстановленія прежняго богослуженія во всей его чистотѣ, какимъ оно было до осквернения его эллинистами и си-

[1]) Synhedrin 32 a, 40 a.
[2]) Т. же 37 a.
[3]) Т. же 40 a.
[4]) Т. же 32 a.
[5]) Synhedrin 43 a.
[6]) Т. же 48 b.
[7]) Т. же 67 a.

рійцами, однако вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ пришлось кое-что измѣнить. Въ теченіе многихъ лѣтъ осквернепный храмъ не имѣлъ первосвященника; нити преданія были порваны. Какъ много, вѣроятно, было забыто изъ обычаевъ и обрядовъ до возстановленія храма! Поэтому тотъ видъ, который имѣло устройство храма въ послѣднія два столѣтія, можно считать относящимся ко времени первыхъ хасмонеевъ, причемъ буква священнаго Писанія и преданіе служили руководствомъ. Во главѣ культа стоялъ первосвященникъ. Если первосвященники послѣ возвращенія изъ вавилонскаго плѣна пріобрѣли большое значеніе, то еще большее имѣли принадлежавшіе къ дому хасмонеевъ. Изъ учрежденій древняго времени ничего не осталось, кромѣ священничества; все остальное исчезло. Раздѣленіе на колѣна было совершенно потеряно; даже различіе потомковъ Іуды и Веніамина, существовавшее еще послѣ возвращенія изъ вавилонскаго плѣна, совершенно сгладилось [1]). Правда, было еще нѣсколько семействъ, которыя гордились своимъ происхожденіемъ отъ Іуды или отъ Веніамина. Таковы сыны Пароша, сыны Заттуи, сыны Адина, сыны Пахатъ-Моава, происходившіе отъ Іуды и сыны Сенуи, происходившіе отъ Веніамина. Были даже потомки царя Давида, происходившіе отъ Зерубавеля [2]). Братья Симонъ, Менелай и Лизимахъ происходили отъ Веніамина. Но эти ничтожные остатки не могли сохранить въ силѣ прежняго дѣленія. Даже такъ называемые рабы Соломона (превращенные въ государственныхъ рабовъ потомки хананитянъ) исчезли. Кажется, что они пріобрѣли равноправіе съ евреями благодаря участію въ борьбѣ за независимость Іудеи. Только потомки рабовъ храма (гаваонитяне, т. н. Nethinim) различались въ то время лишь тѣмъ, что чисто еврейскія семьи не хотѣли вступать съ ними въ бракъ [3]); но ихъ обязанность доставлять дрова и воду для храма мало-по-малу прекратилась. Такимъ образомъ отъ древнихъ учрежденій сохранилось только священничество, во главѣ котораго стояли первосвященники изъ рода Іояривъ, которымъ храмъ и еврейство были обязаны своимъ новымъ блескомъ и которые пользовались высшими почестями. Первосвященникъ, который обязанъ былъ служить въ храмѣ только въ судный день, имѣлъ право, когда ему угодно было, принимать участіе въ богослуженіи. Въ такомъ случаѣ всѣ остальные священники смиренно помогали ему [4]). Обыкновенно обращались къ нему въ слѣдующихъ выраженіяхъ, указывающихъ на то почтеніе, которое къ нему питали: „мой господинъ первосвященникъ“ (Ischi Kohen Gadol [5]).

[1]) Въ кн. Эсопри Мардохай называется איש יהודי хотя принадлежалъ къ колѣну Веніаминову.

[2]) Taanit IV 5.

[3]) Iebamot 79 b. Ierus. Kiduschin 65.

[4]) Tamid 7,1—3.

[5]) Ioma 1,3;4,1. Tamid 6,3. Parah 3,8.

Когда въ судный день приходилось читать главу, говорящую объ этомъ праздникѣ, то высшіе чиновники храма по порядку самымъ торжественнымъ образомъ подавали первосвященнику свитокъ закона [1]). Какъ кажется, на первосвященника была возложена обязанность, которая по Пятикнижію возлагалась на царя, а именно: каждый седьмой годъ читать извѣстную часть Торы. Когда кончалось празднество по случаю субботняго года, то онъ съ особаго возвышенія во дворѣ храма читалъ собравшемуся народу законы и поученія слѣдовать имъ. По окончаніи служенія въ судный день толпа въ знакъ чести провожала его отъ храма домой. [2]) Когда онъ публично выступалъ, то передъ нимъ шествовалъ одинъ изъ высшихъ чиновниковъ храма, чтобы побуждать толпу разступиться передъ нимъ. Въ случаѣ траура онъ не сидѣлъ на землѣ, а на возвышеніи, въ то время какъ остальные въ знакъ своей скорби сидѣли на землѣ рядомъ съ нимъ [3]). Такимъ образомъ первосвященнику, какъ первому среди своего народа, постоянно оказывались высшія почести. Однако первосвященники изъ династіи хасмонеевъ, хотя носили княжескій, а впослѣдствіи и царскій титулъ, отвѣчали за свои дѣйствія. Въ случаѣ проступка ихъ призывали къ отвѣту, правда, не въ обыкновенномъ судѣ, но передъ Синедріономъ [4]).

При первосвященникѣ состояла коллегія священниковъ (Sikne Kehuna, Bet-din schel Kohanim), обязанности которой, правда, нигдѣ не обозначены, но, навѣрное, состояли въ надзорѣ за священниками и наблюденіи за правильнымъ ходомъ богослуженія; храмовые чиновники, которые располагались по различнымъ рангамъ, безъ сомнѣнія, были ея членами. Надзоръ за внѣшнимъ спокойствіемъ въ храмѣ принадлежалъ коменданту храма (Isch Har-Habait). Онъ наблюдалъ [5]) за 24-мя сторожевыми постами, которые были поставлены въ различныхъ мѣстахъ храмовой горы, поддерживалъ порядокъ въ храмѣ [6]), смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы никто не входилъ туда, куда входъ запрещенъ, однимъ словомъ, былъ начальникомъ храмовой полиціи. Каждую ночь комендантъ храма обходилъ всѣ посты, чтобы убѣдиться въ томъ, что караульные бодрствуютъ, и наказывалъ нерадивыхъ. Съ теченіемъ времени это званіе стало чрезвычайно важнымъ въ виду того, что на обязанности коменданта лежала защита храма. Тотъ, кто владѣлъ входами на храмовую гору, тотъ держалъ столицу въ своихъ рукахъ. Подобно коменданту храма, непосредственно за первосвященникомъ стояли два казначея [7]); они завѣдывали приходомъ и расходомъ храмовыхъ денегъ, которыя поступали отъ ежегодныхъ пожертвованій и податей.

[1]) Ioma 7, 1.

[2]) Ioma 7,4

[3]) Synhedrin 2,1

[4]) Synhedrin 2,1 и 1,1.

[5]) Midot 1,2.

[6]) Дѣянія апостоловъ 4,1;5,24.

[7]) Ierus. Schekalim. 5,3.

Имъ были подчинены другіе чиновники (Amarkelim), главная обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы присутствовать при открытіи и закрытіи воротъ, ревизовать храмовую казну и брать оттуда деньги, необходимыя для покрытія расходовъ. Всѣ они должны были присутствовать при открытіи [1]). Эти ключари стояли чиномъ выше пріемщиковъ (Gisbarim), которыхъ было трое; эти послѣдніе принимали жертвы и дары, продавали то, что оказывалось негоднымъ для жертвы, и передавали выручку казначеямъ. Кромѣ высшихъ былъ еще цѣлый рядъ низшихъ чиновниковъ, которымъ были поручены отдѣльныя отрасли управленія храмомъ и обязанности которыхъ переходили большею частью изъ рода въ родъ. Такъ одному было поручено храненіе священническихъ облаченій (al ha-Malbusch), другимъ приготовленіе курительныхъ веществъ (al ha-Ketoret), освященнаго хлѣба (al Lechem ha-Panim), надзоръ за различными музыкальными инструментами, за хорами левитовъ (al ha-Dukan, al ha-Zilzel, al ha-Schir), за водопроводами. Особый врачъ былъ назначенъ для совершающихъ богослуженіе священниковъ, которые, благодаря стоянью на каменномъ полу, часто простуживались [2]).

За порядкомъ ежедневнаго богослуженія наблюдалъ особый чиновникъ, который носилъ титулъ Мемуна [3]). Онъ долженъ былъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы все происходило по порядку, и распредѣлять обязанности между служившими священниками. Особый глашатай (Kerus) громкимъ голосомъ, по знаку Мемуны, созывалъ для служенія разсѣявшихся по обширнымъ помѣщеніямъ храма священниковъ [4]). Желаніе служить было у нихъ такъ велико, что иногда дѣло доходило до драки [5]). Поэтому впослѣдствіи обязанности распредѣлялись по жребію (Pijus).

Богослуженіе состояло не только въ принесеніи жертвъ и пѣніи псалмовъ, но и въ чтеніи молитвъ, которыя мало по малу вылились въ твердыя формулы. По окончаніи утренняго жертвоприношенія, служившіе священники, вѣроятно, вмѣстѣ со всѣми присутствующими отправлялись на молитву въ залу каменныхъ плитъ, мѣсто засѣданія Синедріона. Послѣ возженія куренія на алтарѣ раздавался рѣзкій звукъ магрефы (инструментъ особаго рода), и глашатай призывалъ: „Левиты, собирайтесь для пѣнія“; тогда пѣвцы собирались изъ всѣхъ помѣщеній обширнаго храма и образовывали хоръ [6]), который располагался на 15-ти ступеняхъ у входа изъ женскаго двора въ мужской. Въ то время, когда священники совершали возліяніе вина на алтарѣ, левиты начинали пѣть псалмы подъ аккомпаниментъ различнаго рода инструментовъ. На особомъ инструментѣ хормейстеръ (Menaẓeach) давалъ сигналъ къ началу пѣнія и музыки. На главныхъ праздникахъ, какъ напр. наканунѣ Пасхи, играли также на флейтахъ. Для того, чтобы получить гармонію высокихъ и низкихъ тоновъ, заставляли пѣть дѣтей левитовъ [1]). Каждый псалмъ пѣли въ три строфы съ паузами (Perek) между ними. При каждой паузѣ два священника трубили, и всѣ присутствующіе падали ницъ [2]).

Псалмы для ежедневнаго и праздничнаго богослуженія были опредѣлены только во время Хасмонеевъ; до тѣхъ поръ ихъ мѣняли сообразно настроенію народа Когда тяжкое горе давило народъ, тогда хоры левитовъ грустно звучали и пѣли элегическіе гимны; когда же народъ освобождался отъ гнета, тогда гремѣли побѣдныя пѣсни. До правленія Гиркана, какъ кажется, постоянными были жалобные псалмы, а именно 44-й, который былъ особенно любимъ въ эпоху религіозныхъ преслѣдованій, потому что онъ напоминалъ о различіи между прежнимъ величіемъ народа и его паденіемъ во время сирійскаго владычества. Народъ такъ привыкъ къ этимъ псалмамъ во время своего печальнаго положенія, что онъ охотно слушалъ ихъ и чувствовалъ при этомъ умиленіе, хотя наступило другое время. Гирканъ исключилъ изъ обряда богослуженія эти жалобные псалмы [3]) и замѣнилъ ихъ радостными гимнами. Народъ не долженъ былъ слышать отъ своего пѣвца такихъ словъ, какъ: „Возстань, что спишь, Господи? Душа наша низвержена въ прахъ, тѣло наше согнуто къ землѣ“. Псалмы, которые вплоть до разрушенія храма пѣлись во время богослуженія, въ значительной степени установлены Гирканомъ. По субботамъ служеніе было торжественнѣе и обширнѣе. Наряду съ субботнимъ псалмомъ пѣлся тотъ завѣтъ, который Моисей передъ своею смертью передалъ народу (Haasinu), раздѣленный на шесть частей; каждую субботу пѣлся одинъ отрывокъ, а при вечернемъ богослуженіи побѣдная пѣснь у Краснаго моря [4]). По праздничнымъ днямъ пѣли цѣлый рядъ псалмовъ, въ которыхъ разсказывалось о чудесномъ спасеніи евреевъ изъ Египта и о возвышеніи еврейскаго народа (Hallel); то же самое происходило во время празднованія освященія храма и совершенія пасхальной жертвы [5]). Эти гимны пѣлись подъ акомпаниментъ двухъ или нѣсколькихъ флейтъ [6]).

Богослуженіе внѣ храма, въ синагогахъ (Bet-Tefila, Bet-ha-Kneset, Moade-El), безъ сомнѣнія, въ эпоху Хасмонеевъ получило широкое распространеніе. Въ общемъ богослуженіе въ синагогахъ представляло собою заимствованіе изъ богослуженія въ храмѣ и считалось замѣняющимъ его;

[1]) Tosefta Schekalim c. 2.
[2]) Schekalim 5,1—3. Tosefta Schekalim c. 2.
[3]) Tamid 1, I; 2, 1; 3, 1. Ioma 2, 1.
[4]) Tamid 13, 4.
[5]) Ioma 22 a; 23 a.
[6]) Тамъ же.

[1]) Erachin 10, a.
[2]) Tamid 7, 3. Succa 5, 2.
[3]) Sota 48 a.
[4]) Rosch ha-Schana 31 a.
[5]) Tosefta Succa c. III; Babli Taanit 23 в; Pesachim 64 a; 117 a.
[6]) Erachin 10 a.

даже сельскіе жители по понедѣльникамъ, четвергамъ и праздничнымъ днямъ собирались въ близъ лежащія синагоги для богослуженія, которое заключалось въ чтеніи молитвъ и отрывковъ изъ закона [1]). По понедѣльникамъ и четвергамъ также были базары и суды. Пятикнижіе было раздѣлено на небольшія главы, которыя читались по субботамъ и праздничнымъ днямъ вмѣстѣ съ соотвѣтствующими мѣстами изъ пророковъ. Для того, чтобы имѣть вѣрные списки съ Пятикнижія для школъ и молитвенныхъ домовъ, хранили въ храмѣ образцовый свитокъ (Sepher-ha-Azarah). Вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій при Антіохѣ Эпифанѣ, служители котораго порвали и сожгли образцовый свитокъ, стали распространяться экземпляры, полные ошибокъ, переписанные частными лицами. Поэтому показалось высшимъ сановникамъ необходимымъ для исправленія и предупрежденія ошибокъ составить для храненія образцовый экземпляръ, который долженъ былъ служить писцамъ для исправленія другихъ списковъ. Тѣ, которымъ было поручено его составленіе, пользовались многими экземплярами; разсказываютъ, что они имѣли передъ собою три такихъ экземпляра, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляли между собою различія.

Каждая община въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ была совершенно независима; она имѣла право дѣлать обязательныя постановленія о мѣрахъ и вѣсахъ, о цѣнахъ на рынкѣ и о вознагражденіи рабочихъ [2]). Свобода передвиженія изъ одной общины въ другую была неограничена. Всякій прожившій въ одномъ мѣстѣ годъ или купившій недвижимое имущество, считался полноправнымъ гражданиномъ [3]). Община выбирала своихъ представителей для завѣдыванія синагогальными и городскими дѣлами и вопросами о помощи бѣднымъ; эти представители составляли коллегію изъ семи членовъ (Schiba Tobe Ir); они избирались изъ высшихъ круговъ общества; такъ какъ аронпды принадлежали къ самой древней знати, то ихъ туда постоянно избирали [4]). Представители общины исполняли также обязанности судей въ дѣлахъ о проступкахъ и преступленіяхъ, не влекущихъ за собою смертной казни.

Два указа, которые приписываются Гиркану, показываютъ, какое сильное вліяніе на внутреннія дѣла еврейскаго народа оказала смута, вызванная войнами съ сирійцами. Со времени проведенія въ жизнь при Эзрѣ, Нехеміи и соферимахъ законовъ, изложенныхъ въ Пятикнижіи, стали требоваться предписанныя подати въ пользу аронидовъ и левитовъ. Очень тягостнымъ было требованіе десятины. По древнему законодательству, ежегодно десятая часть урожаевъ назначалась левитамъ, а десятая часть этой

[1]) Megilla 2 a.
[2]) Baba batra 8 b,
[3]) Тамъ же.
[4]) Megilla 27 a.

послѣдней священникамъ, какъ своего рода святой даръ (Terumat Maasser [1]). Позднѣйшее законодательство (Второзаконіе) облегчило эту подать и предписало, что каждые два года десятина должна быть потреблена въ Іерусалимѣ землевладѣльцами совмѣстно съ неимущими, а только каждый третій годъ должна была распредѣляться между бѣдными [2]). При Нехеміи не обращали никакого вниманія на это разногласіе въ законахъ, а просто предписывалось, что десятина должна раздѣляться между всѣми поровну; при соферимахъ же было разъяснено, что надо понимать троякаго рода десятину: первая десятина (Maasser rischon) предназначалась для левитовъ и десятая ея часть аронидамъ; вторая десятина (M. scheni) для потребленія самими владѣльцами въ Іерусалимѣ; наконецъ третья десятина каждые три года раздавалась бѣднымъ (M. Ani). Но это было слишкомъ много. Неужели земледѣлецъ долженъ былъ каждый годъ лишаться пятой части своего урожая? Послѣ возвращенія изъ изгнанія евреи главнымъ образомъ занимались земледѣліемъ, скотоводство было распространено въ очень слабыхъ размѣрахъ, и благосостояніе всей страны зависѣло отъ вывоза хлѣба заграницу. И неужели даже въ неурожайные годы земледѣлецъ долженъ былъ терять пятую часть того немногаго, что успѣлъ собрать?

Слѣдствіемъ этого было то, что земледѣльцы почти совершенно не платили десятины со своего урожая. Во время сирійскаго владычества и безпрестанныхъ войнъ этотъ законъ пришелъ въ еще большее забвеніе. Нужда и нежеланіе привели къ этому. Неужели земледѣлецъ долженъ былъ кормить измѣнниковъ-священниковъ? Это пренебреженіе закономъ о десятинѣ продолжалось и при князьяхъ изъ династіи хасмонеевъ. Однако такимъ образомъ священники, честно исполнявшіе свои обязанности послѣ возстановленія храма, были лишены главнаго источника пропитанія. Это вызвало другое зло. Священники, имѣвшіе достаточно вліянія и дерзости, силой вымогали десятину у землевладѣльцевъ. Называютъ имена Элеазара и Іуды, сыновей Пахуры, прибѣгавшихъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ, нисколько не встрѣчая препятствія со стороны первосвященника Іоанна Гиркана. Разумѣется, это должно было вызвать сильное неудовольствіе. Необходимо было положить конецъ всѣмъ этимъ беззаконіямъ. Гирканъ дѣйствовалъ противъ этого съ одной стороны путемъ пробужденія религіознаго чувства, съ другой стороны путемъ предписаній государственной власти.

Исходя изъ фарисейскаго воззрѣнія, что потребленіе неоплаченнаго десятинной податью хлѣба (Tebel) является столь же грѣшнымъ, какъ и потребленіе той части, которая предназначалась для священниковъ [3]), Гирканъ

[1]) Numeri 18, 21.
[2]) Второзаконіе 14, 22.
[3]) Leviticus 22,10.

предписалъ служителямъ храма отказывать каждый третій годъ въ опредѣленной благодарственной молитвѣ (Widuj Maasser) тѣмъ лицамъ, кто не уплатитъ слѣдуемой съ него подати. Для благочестивыхъ, стремившихся къ исполненію закона, это запрещеніе было достаточнымъ. Для борьбы съ тѣми, кто изъ чисто мірскихъ разсчетовъ не хотѣлъ платить десятины, онъ назначилъ чиновниковъ, вѣроятно, левитовъ, которые должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы поступала по крайней мѣрѣ десятая часть десятины для аронидовъ, такъ какъ потребленіе этой части несвященниками считалось грѣхомъ. Относительно же поступленія тѣхъ частей, которыя предназначались для левитовъ и для бѣдныхъ, не принималось никакихъ принудительныхъ мѣръ: волѣ каждаго предоставлялось, потребить ли самому или отдать, куда слѣдуетъ. Послѣ этихъ мѣръ Гиркана даже самый благочестивый фарисей могъ покупать отъ каждаго хлѣбъ, не спрашивая, имѣетъ ли онъ право потреблять его.

Въ этомъ отношеніи, какъ и въ прочихъ, Гирканъ слѣдовалъ мнѣніямъ фарисеевъ. Въ виду того, что они (кажется, Іошуа, сынъ Перахіи, и Нитай изъ Арбелы) воспретили тяжелыя работы въ промежуточные дни праздниковъ Пасхи и Суккотъ, то онъ приказалъ пріостановить занятіе кузнечнымъ ремесломъ во время полупраздниковъ [1]).

При Гирканѣ вообще фарисейскій законъ получилъ свое развитіе, отчасти благодаря какъ распространительному, такъ и ограничительному толкованію законовъ Пятикнижія, отчасти благодаря новопзданнымъ постановленіямъ. Такъ женщины перестали допускаться къ свидѣтельству [2]); было воспрещено оскопленіе животныхъ и людей. При сѣченіи законъ Пятикнижія предписывалъ 40 ударовъ; но такъ какъ при этомъ были присоединены слова: „чтобы не относиться презрительно къ ближнему“, то фарисейскій законъ постановилъ, что надо наносить однимъ ударомъ меньше, изъ опасенія не нанести по невниманію однимъ ударомъ больше [3]). Неясныя предписанія закона: „ты долженъ хранить ученье въ знакъ памяти на своей рукѣ и между глазами“ были истолкованы въ томъ смыслѣ, что нѣкоторые стихи, говорящіе объ единствѣ Бога, о любви къ Нему, о Его милости къ народу и объ отвращеніи къ язычеству, должны быть переписаны и носимы на рукѣ и на головѣ (Thephillin). Приблизительно въ то же время былъ введенъ полезный обычай, чтобы помочь тому, кто потерялъ цѣнную вещь. Нашедшій какой нибудь предметъ долженъ былъ объявить о томъ въ Іерусалимѣ въ одинъ изъ трехъ главныхъ праздниковъ. Если собственникъ присутствовалъ при этомъ, то онъ отправился туда, гдѣ находился такъ называвшійся „камень для утерявшихъ“, указывалъ тамъ на признаки

[1]) Sota конецъ.

[2]) Scheßuot 4,1.

[3]) Maccot 3,10,

утерянной вещи, которая, если они были правильны, и возвращалась ему. Праздничныя собранія, которыя поддерживали въ народѣ чувство единства и братства, служили также и для оглашенія различныхъ вещей. Неясное постановленіе закона Пятикнижія о томъ, что въ первый день Суккотъ радость должна быть выражена при помощи вѣтвей и какого то плода, было фарисеями истолковано въ томъ смыслѣ, что во всѣ дни праздника при пѣніи псалмовъ надо взять въ руки вѣтви миртъ, пальмъ и ивъ, а также плодъ, особаго рода лимонъ [1]). Коротко сказать, Гирканъ былъ съ этой стороны благочестивый первосвященникъ, защитникъ и хранитель фарисейскаго іудаизма.

Съ другой стороны Гирканъ, какъ князь, не долженъ былъ портить своихъ отношеній съ цадукеями; они были его полководцами и совѣтниками. Ихъ предводитель Іонатанъ былъ другомъ князя и пользовался не меньшимъ вліяніемъ на него, чѣмъ члены Синедріона. Вплоть до своей старости Гирканъ умѣлъ счастливо разрѣшать трудную задачу сохраненія между двумя враждебными партіями сколько нибудь сносныхъ отношеній. Онъ умѣлъ добиться того, что ни одна партія не достигала первенства и не преслѣдовала другой; но при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ часто бываетъ, что одно слово, одно движеніе можетъ опрокинуть самые тонкіе разсчеты и уничтожить плоды многолѣтней работы; одно такое необдуманно сказанное слово превратило ревностнаго сторонника фарисеевъ въ ихъ ожесточеннаго противника. Въ послѣдніе годы своей жизни Гирканъ перешелъ на сторону цадукеевъ.

Поводомъ къ такой перемѣнѣ во взглядахъ, которая принесла еврейскому народу неисчислимыя бѣдствія и которая дала первый толчекъ къ разрушенію созданнаго хасмонеями еврейскаго государства, было сравнительно незначительное обстоятельство, но оно получило широкое распространеніе благодаря враждебному отношенію сторонъ. Какъ то Гирканъ вернулся въ Іерусалимъ послѣ одной блестящей побѣды надъ племенами, жившими къ сѣверо-востоку отъ Переи. Гордясь своими военными успѣхами и благоденствіемъ Іудеи, онъ устроилъ пиръ, на который пригласилъ предводителей цадукеевъ и фарисеевъ. На золотыхъ столахъ были разставлены различныя яства и среди нихъ находились также степныя растенія, напоминавшія о томъ несчастномъ времени, когда самые благородные изъ народа должны были скрываться въ степяхъ и пустыняхъ. Во время пира Гирканъ спросилъ у присутствующихъ фарисеевъ, не согрѣшилъ ли онъ чѣмъ нибудь противъ закона, и потребовалъ вполнѣ откровеннаго отвѣта, потому что онъ искренно желаетъ править только согласно закону. Не было ли это смиренное поведеніе Гиркана только хит-

[1]) Названія этихъ предметовъ въ талмудѣ: הדס ,לולב ,ערבה ,אתרוג

рымъ планомъ, созданнымъ съ цѣлью вывѣдать тайное настроеніе фарисеевъ? Одинъ источникъ утверждаетъ, что его цадукейскіе друзья возбудили въ немъ сомнѣніе въ преданности фарисеевъ и посовѣтовали ему такимъ путемъ удостовѣриться въ ней. Въ отвѣтъ на это приглашеніе всталъ Элеазаръ бенъ-Поира (или Пахура) и открыто заявилъ слѣдующее: Гирканъ долженъ ограничиться княжескимъ вѣнцомъ и передать санъ первосвященника болѣе достойному, потому что при одномъ нападеніи сирійцевъ на Модимъ, мѣстожительство хасмонеевъ, его мать до его рожденія была взята въ плѣнъ, и онъ, какъ сынъ военноплѣнной, не имѣетъ права быть вообще священникомъ, тѣмъ болѣе первосвященникомъ. По другому источнику, это было сдѣлано другимъ благочестивымъ—Іудой бенъ-Гедидимъ. Хотя оскорбленный въ душѣ такимъ позорящимъ его честь замѣчаніемъ, Гирканъ не возражалъ, а приказалъ произвести разслѣдованіе дѣла. Оказалось оно безъ фактическаго основанія. Еще болѣе Гирканъ былъ возбужденъ противъ фарисеевъ разсказами цадукеевъ и ихъ вождя Іонатана о томъ, что все это подстроено фарисеями съ цѣлью унизить князя въ глазахъ народа. Однако онъ хотѣлъ убѣдиться и въ этомъ и пожелалъ узнать, является ли сомнѣніе въ его правѣ на санъ первосвященника мнѣніемъ всей партіи или одного лишь человѣка. Онъ потребовалъ отъ представителей фарисеевъ наказанія клеветника по всей строгости закона и ожидалъ, что наказаніе будетъ соотвѣтствовать высокому положенію оскорбленнаго. Но фарисеи нашли, что нѣтъ особаго наказанія за оскорбленіе величества; фарисейскіе судьи приговорили виновнаго къ обычному наказанію въ 39 ударовъ. Глава цадукеевъ Іонатанъ воспользовался этимъ случаемъ и еще больше настроилъ князя противъ фарисеевъ. Іонатанъ увѣрилъ князя въ томъ, что мягкость приговора объясняется нелюбовью фарисеевъ къ княжескому достоинству, и убѣдилъ Гиркана прервать сношенія съ фарисеями и перейти на сторону цадукеевъ. Разсказъ одного изъ источниковъ о томъ, что Гирканъ приказалъ нарушить фарисейскія постановленія и преслѣдовать фарисеевъ, является преувеличеннымъ. Такъ далеко онъ не могъ идти, не навлекая на себя гнѣва всего народа и не вызывая его на возстаніе. Правильнѣе утвержденіе другого источника, что Гирканъ удалилъ фарисеевъ съ важнѣйшихъ должностей; храмъ, Синедріонъ и суды были наполнены цадукеями. Этотъ переворотъ имѣлъ самыя печальныя послѣдствія. Такимъ образомъ онъ не только примѣнилъ насиліе въ дѣлахъ вѣры, заставляя народъ имѣть своими представителями и толкователями закона цадукеевъ, но также лишилъ Синедріонъ его внутренней свободы и независимости и превратилъ власть, полученную хасмонеями благодаря свободному избранію, въ деспотическую. Синедріонъ, бывшій представителемъ народа и закона, на долгое время потерялъ свое

вліяніе, сталъ простымъ орудіемъ въ рукахъ князя, и вмѣсто закона сталъ господствовать произволъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что слѣдствіемъ этихъ событій была глубокая ненависть фарисеевъ и всего народа противъ дома хасмонеевъ, ненависть, бывшая одной изъ причинъ гражданской войны и ослабленія націи. Одного поступка было достаточно, чтобы лишить домъ хасмонеевъ его блестящей роли. Все это имѣло своимъ неотвратимымъ послѣдствіемъ то, что независимость еврейскаго народа стала падать. Гирканъ не долго прожилъ послѣ этого событія. Онъ умеръ на 31-мъ году своего правленія и на 60-мъ году своей жизни (106). Онъ оставилъ послѣ себя пять сыновей: Аристовула, Антигона, Александра, Авесалома и еще одного, имя котораго неизвѣстно. Еще въ одномъ отношеніи, какъ и въ прочихъ, Гирканъ напоминалъ собою Соломона: послѣ смерти обоихъ наступили внутреннія междоусобія.

ГЛАВА VI.

Преемники Гиркана: Аристовулъ I, Александръ Янай.

Характеръ Аристовула. Его любимый братъ Антигонъ. Завоеваніе въ Итуреѣ. Разсказы о причинѣ смерти Антигона. Характеръ Александра Яная и его страсть къ войнѣ. Его борьба съ приморскими городами и египетскимъ принцемъ Латуромъ. Египетская царица Клеопатра и еврейскіе полководцы Хелькій и Ананій. Завоеваніе Александра у Іордана и Средиземнаго моря. Отношеніе Александра къ фарисеямъ. Симонъ бенъ-Шетахъ. Разрывъ Александра съ фарисеями. Возстаніе противъ него. Его завоеваніе въ странѣ моавитянъ и галадитянъ и пораженіе въ борьбѣ съ царемъ набатеевъ. Возстаніе фарисеевъ. Измѣна. Жестокое отношеніе Александра къ фарисеямъ. Эмиграція фарисеевъ. Военныя дѣйствія Александра, его смерть и завѣщаніе.

(106—79)

Іоаннъ Гирканъ назначилъ свою жену царицей, а своего старшаго сына Іуду первосвященникомъ. Послѣдній гораздо болѣе извѣстенъ подъ своимъ греческимъ именемъ Аристовула; какъ онъ, такъ и его братья и преемники наряду съ еврейскими носили и греческія имена. Однако скоро оказалось, что греческій обычай назначать женщинъ во главѣ государства въ Іудеѣ не имѣетъ подъ собою никакой почвы. Многолѣтній обычай, что первосвященникъ является въ то же время свѣтскимъ вождемъ народа, былъ сильнѣе послѣдняго распоряженія Гиркана. Аристовулъ удалилъ свою мать отъ управленія, не вызывая возстанія въ народѣ. Онъ соединилъ въ своихъ рукахъ свѣтскую и духовную власть. По одному извѣстію, онъ былъ первымъ изъ хасмонеевъ, который принялъ титулъ царя. Но этотъ титулъ нисколько не увеличилъ ни его могущества, ни его вліянія. Этимъ онъ

только оскорбилъ народное воззрѣніе, согласно которому царскій санъ принадлежалъ по закону дому Давида и которое связывало это съ ожиданіемъ пришествія Мессіи. Принявъ царскій титулъ, этимъ самымъ Аристовулъ оскорбилъ народъ въ его надеждахъ на Мессію; вообще онъ былъ свѣтски настроенъ. Онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ греками, жившими по сосѣдству, и даже, вѣроятно, придерживался греческаго образа жизни, ненавистнаго для благочестивыхъ въ виду воспоминаній объ эллинистахъ. Поэтому греками онъ былъ названъ филэллиномъ (другъ эллиновъ). Однако на своихъ монетахъ Аристовулъ указывалъ не на свой царскій титулъ, а на званіе первосвященника. На монетахъ надпись: „Іуда первосвященникъ и еврейское государство“. Зерно междоусобій, посѣянное Гирканомъ, при его преемникахъ росло и мало-по-малу довело еврейское государство до полнаго паденія. Напрасно стремились преемники Гиркана поднять свое могущество на недосягаемую высоту; напрасно они окружали себя наемной стражей и совершали блестящіе военные подвиги; паденіе было неизбѣжно, и всѣ средства, которыя принимались для его отвращенія, только способствовали ему. Князь и народъ не составляли уже одного цѣлаго; политическое отдѣлилось отъ религіознаго. Оба пошли по различнымъ направленіямъ, что должно было еще болѣе увеличить пропасть между ними.

Царь Аристовулъ не только удалилъ свою мать съ престола, но заключилъ ее и своихъ трехъ братьевъ въ тюрьму. Онъ оставилъ у власти только своего брата Антигона, своего единомышленника, котораго онъ очень любилъ. Хотя вслѣдствіе непродолжительности его правленія сохранилось о немъ лишь немного отрывочныхъ извѣстій, однако надо думать, что онъ придерживался того же направленія, какъ и его отецъ въ послѣдніе годы своего царствованія, присоединился къ цадукеямъ и противился вліянію фарисеевъ. Какъ въ своемъ домѣ онъ имѣлъ мало друзей, такъ же мало онъ былъ любимъ и народомъ. Его приверженность къ греческому направленію была достаточнымъ обстоятельствомъ, чтобы сдѣлать его ненавистнымъ народной партіи. Ему приписывалось все дурное. Въ то время, какъ греки описываютъ его снисходительнымъ и скромнымъ, еврейскіе критики упрекаютъ его въ жестокости и безсердечіи. Его мать умерла въ заключеніи, вѣроятно, отъ старости; его противники подозрѣвали, будто онъ самъ уморилъ ее голодомъ. Его любимый братъ Антигонъ былъ коварно убитъ, вѣроятно, по винѣ враждебной хасмонейскому дому партіи; распространился слухъ, будто самъ царь былъ виновникомъ смерти брата, потому что онъ завидовалъ его славѣ. Легенда вообще сплела вокругъ имени Антигона цѣлую сѣть трагическихъ событій, чтобы тѣмъ сильнѣе указать на безбожное поведеніе царя Аристовула.

Вмѣстѣ съ воинственнымъ характеромъ своего отца Аристовулъ унаслѣдовалъ отъ него его широкіе планы о распространеніи еврейскаго владычества къ сѣверо-востоку, гдѣ находились въ извѣстномъ смыслѣ слова никому не принадлежащія земли. По странѣ къ востоку отъ южнаго отрога Хермона до сиро-арабской пустыни и къ сѣверу до дамаскихъ полей кочевали, какъ нѣкогда половина колѣна Манассіи и кедаряне, итуреи и трахонитяне, которые часто мѣняли мирное занятіе пастуховъ на военные набѣги. Эта страна, плодородная только въ оазисахъ, имѣла своими жителями людей прямо противоположныхъ склонностей: они были то пастухами, то разбойниками, то купцами, то воинами. Противъ этихъ полуарабскихъ племенъ, которые тогда носили имя итуреевъ, Аристовулъ предпринялъ походъ, бывшій, по всей вѣроятности, только продолженіемъ предпріятія его отца. Его братъ Антигонъ, стяжавшій вмѣстѣ съ нимъ свои первые лавры въ борьбѣ съ самаритянами и съ сирійцами, былъ и въ этой войнѣ его помощникомъ. Военное счастье благопріятствовало Аристовулу, какъ и его отцу; онъ увеличилъ предѣлы Іудеи и при этомъ слѣдовалъ системѣ своего отца, навязывая еврейскую религію побѣжденнымъ племенамъ. Если бы Іудея продолжала дѣлать завоеванія на томъ же пути и завладѣла бы караванной дорогой отъ береговъ Евфрата до Египта, такъ что торговля между средне-азіатскими странами и средиземнымъ моремъ перешла бы въ ея руки, то, благодаря мужеству своихъ жителей и силѣ своихъ крѣпостей, она пріобрѣла бы большое политическое значеніе. Но какъ будто было предначертано Провидѣніемъ, что Іудея такимъ путемъ не пріобрѣтетъ вліянія: Аристовулъ, серьезно заболѣвши, долженъ былъ прекратить свои завоеванія и вернуться въ Іерусалимъ. Нѣкоторое время продолжалъ войну съ успѣхомъ Антигонъ, но и онъ долженъ былъ вернуться въ Іерусалимъ въ виду приближенія праздниковъ; ни ему, ни его брату не было суждено вновь появиться на театрѣ военныхъ дѣйствій. Антигонъ, какъ уже упомянуто выше, былъ вѣроломно убитъ, а Аристовулъ, процарствовавъ лишь годъ, умеръ отъ болѣзни (106-105).

Послѣдовавшая одна за другой смерть братьевъ дала поводъ къ созданію слѣдующаго фантастическаго разсказа. Когда Антигонъ, вернувшись къ праздникамъ домой, торжественно выступалъ на храмовой площади и на улицахъ Іерусалима въ полномъ вооруженіи, обращая на себя всеобщее вниманіе своею юношескою красотой и силой, то его враги рѣшили возбудить зависть больного царя. Послѣднему передавали, будто Антигонъ замышляетъ противъ его жизни и престола. Аристовулъ, хотя и довѣрялъ брату, но послушался клеветы. Онъ пожелалъ лично съ нимъ говорить, чтобъ убѣдиться въ его виновности или въ невинности. Съ этой цѣлью онъ пригласилъ его къ себѣ и далъ ему знать, чтобы явился невоору-

женнымъ. Въ видахъ предосторожности царь поставилъ стражу въ проходѣ, который велъ изъ его комнаты во дворцѣ хасмонеевъ въ крѣпость Барисъ, и далъ приказъ убить Антигона, если послѣдній явится вооруженнымъ. Этимъ приказомъ царя воспользовалась ненавидѣвшая Антигона царица, чтобы погубить его. Она черезъ посланцевъ царя передала Антигону прямо противоположное распоряженіе, а именно явиться вооруженнымъ. Антигонъ послѣдовалъ этому распоряженію и былъ немедленно убитъ у темнаго прохода возлѣ Стратоновой башни тѣлохранителями царя. Извѣстіе о смерти брата потрясло Аристовула, его болѣзнь ухудшилась, потому что испугъ вызвалъ кровотеченіе. Слуга, несшій эту кровь въ чашкѣ, пролилъ ее на полъ, еще влажный отъ крови Антигона, такъ что кровь обоихъ братьевъ смѣшалась. Этотъ случай произвелъ на царя такое сильное впечатлѣніе, что онъ сталъ обвинять себя въ убійствѣ брата. Мученія совѣсти усилили болѣзнь, отъ которой Аристовулъ умеръ. О короткомъ правленіи Аристовула въ хроникѣ ничего не говорится; поэтому преданіе о немъ ничѣмъ не было стѣснено. Разсказывали еще, что одинъ ессей, умѣвшій предсказывать будущее, по имени Іуда, заранѣе предсказалъ насильственную смерть Антигона и даже указалъ на то, что это произойдетъ въ опредѣленный день въ Стратоновой башнѣ. Такъ какъ мѣстность, извѣстная подъ названіемъ Стратоновой башни (впослѣдствіи Цезарея), расположена отъ Іерусалима въ пятнадцати миляхъ, то ессей, увидя въ назначенный день Антигона въ Іерусалимѣ совершенно здоровымъ, усомнился въ своемъ предсказаніи; впослѣдствіи выяснилось, что Антигонъ въ тотъ же день былъ убитъ въ проходѣ у Стратоновой башни. Тотъ же сказочный характеръ носятъ разсказы о вступленіи на престолъ преемника Аристовула. Говорятъ, что Александръ, еврейское имя котораго было Янай (сокращ. Іонатанъ), не только своимъ братомъ былъ заключенъ въ тюрьму, но также былъ ненавистенъ своему отцу, который изгналъ его въ Галилею, потому что ему приснилось, будто его третій сынъ получитъ корону Іудеи. Вдова Аристовула освободила его изъ заключенія и одновременно съ престоломъ предложила ему свою руку. Но въ такомъ случаѣ Александръ, будучи первосвященникомъ, женился бы на вдовѣ, что было противозаконно, хотя бы это была жена его бездѣтнаго брата. Еще менѣе понятно, какъ впослѣдствіи Александръ могъ обращать такъ мало вниманія на ту, которой онъ былъ обязанъ свободой и властью. Поэтому надо весь этотъ разсказъ отнести въ область преданія. Скорѣе всего Александръ безъ помощи вдовы Аристовула немедленно послѣ смерти послѣдняго по праву вступилъ на тронъ Іудеи, такъ какъ его старшій братъ умеръ бездѣтнымъ; женился же онъ, соблюдая всѣ законы о бракѣ священниковъ, на *Саломеѣ*, когда она была еще дѣвушкой. Точно также неосновательно утвержденіе, будто

Александръ началъ свое правленіе умерщвленіемъ одного изъ своихъ братьевъ, бывшаго его товарищемъ по тюрьмѣ; этимъ поступкомъ онъ сталъ бы немедленно ненавистнымъ народу, а между тѣмъ онъ навлекъ на себя народное неудовольствіе только значительно позже, благодаря открытому исповѣданію цадукейскихъ воззрѣній. Скорѣе всего въ началѣ онъ старался угождать народу, и фарисеи, долгое время нелюбимые при дворѣ, опять подняли голову. Симонъ бенъ-Шетахъ, одинъ изъ представителей возрождавшагося фарисейства, былъ принятъ при дворѣ Александра, будучи братомъ царицы Саломеи. Вражды Александра съ фарисеями такимъ образомъ не существовало въ началѣ его правленія; она возникла много лѣтъ позже.

Достигши престола на двадцать третьемъ году своей жизни, Александръ Янай отличался воинственнымъ духомъ, свойственнымъ его роду. Однако онъ не обладалъ ни талантами полководца, ни умѣньемъ создать широкій планъ и взвѣсить всѣ необходимыя для его осуществленія средства. Онъ бросился съ безумной храбростью въ военныя предпріятія, даже счастливый исходъ которыхъ не могъ привести къ значительнымъ результатамъ; онъ только тратилъ народныя силы и не одинъ разъ доводилъ государство до крайне критическаго положенія. Его двадцатисемилѣтнее правленіе прошло во внутреннихъ и внѣшнихъ войнахъ и поэтому не могло поднять матеріальнаго благосостоянія еврейскаго народа. Его счастье было болѣе велико, чѣмъ его умъ, и не оставляло его даже тогда, когда онъ, казалось, самъ доводилъ себя чуть ли не до погибели. Этому счастью онъ обязанъ тѣмъ, что въ общемъ онъ расширилъ границы Іудеи. Какъ и его отецъ, онъ велъ войны съ помощью наемныхъ войскъ, которыя онъ набиралъ въ Писидіи и Киликіи; пользоваться услугами сирійцевъ онъ не рѣшался, потому что, въ виду взаимной вражды между этими народами, нельзя было разсчитывать на ихъ совмѣстную дѣятельность.

Главное вниманіе Александра было обращено на приморскіе города, которые во время междоусобицъ между Антіохомъ VIII и Антіохомъ IX стали независимыми. Птолеманда (Акко) и Газа объявили себя республиками, а расположенными между ними Стратоновой башней и Дорой овладѣлъ разбойничій предводитель Зоилъ, который сталъ ихъ тираномъ. Александръ понималъ значеніе этихъ городовъ для еврейскаго государства, вѣроятно, еще во время своего изгнанія въ Галилеѣ. Въ особенности онъ сильно желалъ присоединить къ Іудеѣ многолюдный, обладавшій превосходной гаванью и населенный евреями, городъ Птоломанду. Александръ, приказавъ своимъ войскамъ опустошить области Газы и городовъ, принадлежавшихъ Зоилу, самъ съ сильнымъ отрядомъ осадилъ Птоломанду. Жители поослѣдней призвали на помощь

Зоила, но въ виду того, что силы его были незначительны, обратились къ Птоломею Латуру, который, какъ упомянуто уже выше, находился въ открытой борьбѣ со своей матерью Клеопатрою и овладѣлъ островомъ Кипромъ. Латуръ былъ радъ воспользоваться случаемъ увеличить свои силы и въ то же время на сушѣ приблизиться къ Египту; онъ поэтому поспѣшилъ отправить къ еврейскому берегу 30,000 человѣкъ. Однако, прежде чѣмъ онъ успѣлъ достичь берега, жители Птоломаиды перемѣнили свое намѣреніе. По совѣту одного изъ видныхъ гражданъ, Демайнета, они предпочли подчиниться еврейскому повелителю, чѣмъ попасть во власть Латура и такимъ образомъ впутаться въ борьбу его съ матерью. Тѣмъ не менѣе Латуръ высадился недалеко отъ Акко (Птоломаиды), соединился съ войсками Зоила и жителями Газы и намѣревался противиться сдачѣ города. Александръ увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться отъ своего предпріятія противъ Птоломаиды и вступить въ дипломатическіе переговоры. Съ одной стороны онъ велъ тайные переговоры съ Латуромъ, обѣщая передать ему Зоила и его область за 400 талантовъ серебра. Съ другой стороны онъ велъ переговоры съ Клеопатрой, прося о присылкѣ войскъ для наказанія ея непокорнаго сына. Это двусмысленное поведеніе Александра не принесло ему пользы. Латуръ, готовый уже согласиться на предложенныя ему условія, во́ время узналъ о коварствѣ Александра, заставилъ его снять осаду съ Птоломаиды и сталъ наносить его войску пораженіе за пораженіемъ. Въ одну субботу онъ напалъ на еврейское войско, численностью доходившее до 50,000 человѣкъ, у Асохи (Сохо, Сихинъ), недалеко отъ Сепфоры и преслѣдовалъ его до Іордана, гдѣ у Асофона (Цафонъ) произошелъ такой страшный бой, что у бойцевъ устали руки и притупились мечи. Болѣе 30,000 воиновъ Александра пало въ этой битвѣ; много было взято въ плѣнъ, а остальные бѣжали. Латуръ прошелъ со своимъ войскомъ черезъ часть Іудеи, опустошая все и не щадя даже женщинъ и дѣтей. Онъ хотѣлъ отомстить не только Александру, но вообще всѣмъ евреямъ, потому что въ Египтѣ они были его противниками и даже довѣренными лицами его матери (стр. 57). Птоломаида попала въ его руки, а Газа подчинилась ему добровольно.

Это страшное пораженіе могло имѣть своимъ слѣдствіемъ порабощеніе Іудеи, если бы Клеопатра, обезпокоенная побѣдами и увеличеніемъ могущества ея сына, не поспѣшила лишить его плодовъ побѣды прежде, чѣмъ онъ воспользуется ими противъ нея самой. Она снарядила большое войско и сильный флотъ и отправила его противъ Латура въ Іудею и Сирію. Главное начальство принадлежало двумъ еврейскимъ полководцамъ Хелкію и Ананію, сыновьямъ Ониаса, которымъ Клеопатра была обязана своей короной. Хелкій умеръ во время этого похода противъ Латура, котораго онъ неутомимо преслѣдовалъ, когда тотъ, желая воспользоваться отсутствіемъ матери и ея войска, двинулся къ югу и хотѣлъ напасть на Египетъ. Благодаря смерти этого полководца походъ противъ Латура могъ бы окончиться неудачей, если бы его братъ не занялъ его мѣста въ войскѣ и въ совѣтѣ. Высокое положеніе Ананія имѣло въ то время огромное значеніе для его единоплеменниковъ въ Іудеѣ. Нѣкоторые совѣтники Клеопатры предложили ей послѣ того, какъ она укрѣпилась въ этой мѣстности и взяла Птоломаиду, овладѣть Іудеей, которая нуждалась въ ея помощи, низложить Александра и присоединить его страну къ Египту. Ананій энергично выступилъ противъ этого плана; онъ указалъ не только на его несправедливость, но и на тѣ печальныя послѣдствія, которыя могло повлечь за собой его осуществленіе. По словамъ Ананія, всѣ египетскіе евреи, которые считались опорой ея престола въ борьбѣ ея съ сыномъ, немедленно присоединились бы къ ея врагамъ, если бы узнали объ измѣнническомъ нападеніи на независимость Іудеи. Въ его словахъ звучала въ то же время и угроза, что онъ самъ, пользующійся большимъ политическимъ значеніемъ и отличающійся крупными талантами полководца, перестанетъ ей служить или даже перейдетъ на сторону ея враговъ. Эта рѣчь произвела впечатлѣніе на царицу, которая отказалась отъ коварнаго плана ея совѣтниковъ и въ Бетзанѣ заключила съ Александромъ наступательный и оборонительный союзъ (98). Такимъ образомъ горячая любовь къ своему народу вліятельнаго еврея спасла Іудею отъ большой опасности даже прежде, чѣмъ еврейскій царь узналъ объ этомъ.

Благодаря союзу съ Клеопатрой, Александръ былъ освобожденъ отъ грозившей ему опасности со стороны Латура, который вынужденъ былъ уйти изъ Іудеи и вернуться на Кипръ. Всѣ города, которые ему оказали поддержку, испытали на себѣ месть Александра. Онъ взялъ послѣ 10-тимѣсячной осады укрѣпленный городъ Гадару, а затѣмъ отнялъ городъ Аматъ на Іорданѣ у ея правителя Теодора, отецъ котораго Зенонъ пріютилъ у себя убійцу его дѣда Симона (стр. 50). Александръ по своей безпечности далъ побѣжденному врагу возможность напасть на его войско, выбить изъ строя 10,000 человѣкъ и захватить его обозъ. Послѣ этого пораженія Александръ двинулся изъ іорданской области къ морскому побережью и завоевалъ пограничный городъ Палестины на юго западѣ Рафію и расположенный къ сѣверу отъ нея Антедонъ. Чтобы взять Газу, онъ долженъ былъ вести 12-тимѣсячную осаду и завладѣлъ городомъ только благодаря измѣнѣ одного изъ предводителей, Лизимаха, завидовавшаго вліянію своего брата. Всю свою дикость Александръ проявилъ по отношенію къ побѣжденнымъ жителямъ Газы; онъ приказалъ виднѣйшихъ изъ нихъ казнить, и страхъ передъ нимъ былъ настолько силенъ, что многіе убивали

своихъ женъ и дѣтей, дабы тѣ не попали въ плѣнъ къ евреямъ (96).

Въ теченіе девяти лѣтъ, прошедшихъ со дня вступленія Александра на престолъ до взятія Газы, онъ, будучи занятъ войнами и вообще внѣшними дѣлами, не мѣшалъ внутреннему развитію страны. Въ спорѣ между фарисеями и цадукеями онъ, какъ кажется, соблюдалъ нейтралитетъ, потому что не имѣлъ времени заниматься этимъ вопросомъ. Большое вліяніе въ этомъ мирномъ отношеніи царя къ партіямъ имѣла царица Саломея, которая была горячей сторонницей фарисеевъ. Хотя самъ царь и не принадлежалъ къ этой партіи, но все же онъ ничего не дѣлалъ такого, что могло ее оскорбить и возбудить народъ, который ей симпатизировалъ. Какъ уже указано выше, Симонъ бенъ-Шетахъ, предводитель фарисеевъ, пользовался благосклонностью при дворѣ, потому что онъ былъ братомъ царицы. Какъ то разъ царь былъ возбужденъ противъ Симона; послѣдняго оклеветали передъ нимъ въ томъ, будто тотъ употребилъ какую то хитрость противъ царя; Симонъ вынужденъ былъ скрываться, а царица, знавшая его мѣстопребываніе, не выдала его. Случилось, что пареянскіе послы, явившіеся ко двору Александра и приглашенные имъ къ столу, замѣтили отсутствіе Симона, мудростью котораго они когда то наслаждались. Александръ захотѣлъ, чтобы доставить имъ удовольстіе, опять пригласить къ столу фарисейскаго мудреца и просилъ царицу позвать его. Царица сдѣлала это не раньше, чѣмъ ея супругъ далъ ей обѣщаніе не причинить никакого зла бѣглецу. Полагаясь на слова царицы, Симонъ вновь появился при дворѣ и усѣлся между царемъ и царицей. Когда Александръ удивился по поводу такого поведенія, Симонъ отвѣтилъ, что мудрость, которой онъ служитъ, даетъ ему право сидѣть рядомъ съ царями.

Какъ кажется, Александръ сдѣлалъ Симона посредникомъ между фарисеями, все еще отодвинутыми на задній планъ, и цадукеями, занимавшими высшія должности. Со времени отпаденія Гиркана отъ фарисеевъ Синедріонъ былъ наполненъ цадукеями и, пока существовало такое предпочтеніе одной партіи передъ другой, не могло быть и рѣчи о спокойствіи и примиреніи. Возможно, что царь былъ одушевленъ желаніемъ устранить споръ, распредѣливъ должности между обѣими партіями; но фарисеи отказывались служить вмѣстѣ со своими противниками и оказали ему сопротивленіе. Только Симонъ бенъ-Шетахъ согласился вступить въ коллегію, состоявшую изъ цадукеевъ, правда съ заднею мыслью постепенно вытѣснять изъ нея цадукейскихъ членовъ. Этой цѣли онъ достигъ тѣмъ, что запутывалъ цадукеевъ при разрѣшеніи извѣстныхъ вопросовъ такъ, что они попадали въ противорѣчіе со своими принципами. Опираясь на цадукейскій принципъ, признававшій силу только за тѣми законами, которые прямо обозначены въ Пятикнижіи, Симонъ спрашивалъ цадукеевъ, какъ

надо поступить въ случаѣ отсутствія ясно выраженнаго закона, надо ли обратиться къ обычаю, т. е. опять таки къ традиціи. Цадукеи не умѣли отвѣчать на подобные вопросы, и такимъ образомъ Симонъ, ставя цадукейскихъ предводителей въ неловкое положеніе въ присутствіи царя и царицы, добился того, что они мало по малу удалились. Освободившіяся мѣста Симонъ постепенно заполнилъ фарисеями, такъ что Синедріонъ снова сталъ органомъ для выраженія фарисейскихъ мнѣній. День 28 тевеса (января приблизительно 100 г.), когда Синедріонъ былъ окончательно очищенъ отъ цадукейскихъ членовъ, считался днемъ поминовенія.

Александръ держался нейтрально по отношенію къ партіямъ только до тѣхъ поръ, пока его опасное положеніе не позволило ему обращать вниманіе на внутреннія дѣла страны. Но когда онъ вернулся побѣдителемъ и завоевателемъ многихъ городовъ и областей и сталъ смотрѣть на себя, какъ на неограниченнаго господина и повелителя, то обстоятельства измѣнились. Мѣшали ли фарисеи своимъ вновь пріобрѣтеннымъ вліяніемъ его планамъ, желалъ ли онъ вознаградить полезныхъ во время войны цадукеевъ и привязать ихъ къ себѣ, убѣдилъ ли его въ правотѣ цадукеевъ его любимецъ, цадукей Діогенъ, совѣты котораго были одинаково вредны какъ для самаго царя, такъ и для народа,—какъ бы тамъ ни было, Александръ выступилъ внезапно ожесточеннымъ противникомъ фарисейскаго ученія и выказалъ это самымъ оскорбительнымъ образомъ. Когда онъ однажды во время праздниковъ Кущей служилъ въ качествѣ первосвященника, то онъ, слѣдуя старому обычаю, долженъ былъ вылить изъ серебряной чаши воду, какъ символъ плодородія, на алтарь. Для того, чтобы осмѣять этотъ принятый фарисеями обычай, онъ вылилъ воду на полъ. Больше не нужно было, чтобы вызвать крайнее неудовольствіе присутствовавшей въ храмѣ толпы. Молившіеся, возмущенные этимъ, стали бросать въ царя-отступника плодами (эсрогимъ), которые они, по случаю праздника (ст. 85), держали въ рукахъ, и стали поносить его бранными словами, какъ недостойнаго первосвященника и внука плѣнницы. Этотъ поступокъ стоилъ бы Александру жизни, если бы онъ быстро не позвалъ киликійскихъ и писидскихъ наемныхъ войскъ, чтобы они напали на возставшихъ; около 6000 человѣкъ было при этомъ убито въ храмѣ (95 г.). Во время схватки алтарь былъ поврежденъ, одна изъ его верхушекъ была сломана. Чтобы избѣжать на будущее время повторенія подобныхъ случаевъ, Александръ приказалъ поставить перегородку въ преддверіи храма, чтобы помѣшать народу входить въ то отдѣленіе, гдѣ находились священники и гдѣ стоялъ алтарь. Эти происшествія, въ которыхъ одинаково были виновны та и другая стороны, возбудили между царемъ и фарисеями непримиримую ненависть, которая стоила еврейскому народу много крови и такъ

ослабила его, что онъ не могъ уже отвѣтить на сильное нападеніе извнѣ такимъ же сильнымъ сопротивленіемъ. Такимъ образомъ, потомки хасмонеевъ уже въ третьемъ поколѣніи, благодаря своимъ слѣпымъ страстямъ, такъ расшатали зданіе, возведенное съ трудомъ ихъ предками, что кажется страннымъ, какъ оно еще долго могло устоять противъ повторявшихся нападеній. Раздвоеніе государства на Іуду и Израиль при Ровоамѣ и Іеровоамѣ повторилось въ распаденіи на двѣ непримиримыя партіи фарисеевъ и цадукеевъ.

Александръ не видѣлъ той пропасти, которую въ дѣтскомъ ослѣпленіи онъ самъ себѣ вырылъ. Онъ еще носился съ широкими завоевательными планами, желая расширить предѣлы страны и не понимая, что тогда, когда совмѣстная дѣятельность князя и народа ослабѣла, большіе размѣры государства могутъ скорѣе подавить его, чѣмъ укрѣпить. Александръ не имѣлъ ничего другого въ виду, кромѣ удовлетворенія своей страсти къ завоеванію; онъ направился въ заіорданскую область, къ востоку отъ Мертваго моря, которая все еще носила названіе страны моавитянъ, и къ юго-востоку отъ Тиверіадскаго озера, въ область, которая носила названіе страны Галадитянъ. Вся эта страна носила общее названіе Аравіи, и идумейско-аравійскіе цари Петры, бывшей столицы идумеевъ, изъявили на нее притязаніе. Въ странѣ галадитянъ онъ, между прочимъ, завоевалъ городъ Аматъ на Іорданѣ и отомстилъ за то пораженіе, которое онъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ потерпѣлъ здѣсь отъ Теодора. Но когда онъ захотѣлъ продолжать свои завоеванія, то набатейскій царь Обеда бросился ему навстрѣчу, заманулъ его въ неудобопроходимую мѣстность, гдѣ совершенно уничтожилъ войско Александра, который едва спасся, бѣжавъ въ Іерусалимъ. Здѣсь его встрѣтили ожесточенные фарисеи, которые возбудили народъ къ открытому возстанію. Шесть лѣтъ (94—89) продолжались кровопролитныя возстанія и междоусобицы, которыя обезсилили еврейскую страну. Всякое возмущеніе Александръ подавлялъ съ помощью наемныхъ войскъ. Но избіенія, которыя при этомъ происходили, каждый разъ давали поводъ къ новымъ возстаніямъ. Въ концѣ концовъ, утомившись всѣмъ этимъ и не имѣя возможности, при внутреннихъ безпорядкахъ, заниматься внѣшними дѣлами, Александръ увидѣлъ себя вынужденнымъ протянуть фарисеямъ руку мира. Фарисеи въ дикомъ ожесточеніи отказались принять миръ и такимъ образомъ совершили измѣну странѣ, оставшуюся навѣки чернымъ пятномъ на ихъ партіи. На вопросъ Александра, какія условія мира они выставляютъ, предводители фарисеевъ отвѣтили, что первымъ условіемъ продолжительнаго мира должна быть смерть Александра. Они даже вступили въ измѣнническіе переговоры съ тогдашнимъ сирійскимъ царемъ Эвкеромъ, четвертымъ изъ пяти сыновей, которыхъ оставилъ послѣ себя Антіохъ VIII, находившимся въ то время въ войнѣ со своимъ братомъ Филиппомъ и жившимъ въ Дамаскѣ. Они обѣщали присоединиться къ сирійскому войску, которое тотъ долженъ былъ послать въ Іудею, чтобы уничтожить Александра. При извѣстіи о вторженіи Эвкера въ Іудею съ сорока тысячами пѣхоты и тремя тысячами конницы, Александръ выступилъ къ Сихему съ 20,000 пѣхоты и 1000 конницы. Въ кровопролитной битвѣ при Сихемѣ сражались евреи противъ евреевъ и греки противъ грековъ, причемъ оба войска остались вѣрны своимъ предводителямъ. Кровавый бой окончился побѣдой Эвкера, Александръ потерялъ свои наемныя войска, самъ бѣжалъ и принужденъ былъ скитаться въ Эфраимовыхъ горахъ.

Печальное положеніе царя возбудило состраданье въ народѣ; 6000 фарисеевъ оставили сирійскій лагерь и перешли къ Александру, вслѣдствіе чего Эвкеръ вынужденъ былъ оставить Іудею. Непримиримые изъ партіи фарисеевъ продолжали тѣмъ не менѣе войну со своимъ врагомъ. Побѣжденные въ одной битвѣ, они бросились въ крѣпость Бетомъ, но были вынуждены сдать ее Александру. Движимый чувствомъ мести, онъ, по совѣту своего любимца, цадукея Діогена, приказалъ въ одинъ день распять на крестахъ 800 взятыхъ въ плѣнъ фарисеевъ. Преувеличеніемъ звучитъ разсказъ о томъ, что Александръ даже приказалъ убить на глазахъ приговоренныхъ къ казни ихъ женъ и дѣтей и самъ присутствовалъ при этомъ кровавомъ зрѣлищѣ на пиру, окруженный любовницами. Вовсе не нужно было такой чрезмѣрной жестокости, чтобы оправдать то прозвище „оракійца“, которымъ его заклеймилъ народъ. Распятіе 800 человѣкъ было достаточно для того, чтобы считать его безсердечнымъ убійцей; цадукеямъ, которые при этомъ испытали особую радость, оно принесло горькіе плоды. Непримиримая вражда между обѣими партіями нанесла народу тяжкія раны. Болѣе 50,000 человѣкъ съ обѣихъ сторонъ пало въ этой шестилѣтней междоусобной войнѣ. Болѣе всего потерпѣли при этомъ фарисеи, и они боялись оставаться въ странѣ. Въ ночь послѣ распятія 800 фарисеевъ, болѣе 8000 человѣкъ бѣжало заграницу, частью въ Сирію, частью въ Египетъ. Тѣ, которые бѣжали въ Сирію, а именно въ Селевкію и Бетъ-Забдай, терпѣли много несчастій, многіе изъ нихъ потеряли жизнь, и только незначительная часть ихъ спаслась. Тѣ же, которые искали прибѣжища въ Египтѣ, встрѣтили радушный пріемъ у своихъ Александрійскихъ единоплеменниковъ и оставались тамъ до смерти Александра. Среди нихъ былъ Іуда бенъ-Табай [1]), который впослѣдствіи достигъ большого вліянія и сталъ мстителемъ за своихъ избитыхъ товарищей. Гдѣ находился во время этихъ преслѣдованій Симонъ бенъ-Шетахъ, неизвѣстно. По одному, не вполнѣ досто-

[1]) Ierus. Chagiga 2,2.

вѣрному, извѣстію онъ въ изгнаніи испытывалъ такую нужду, что долженъ былъ взяться за льняной промыселъ. Разсказываютъ, что его ученики какъ то купили ему верблюда и, найдя у него на ошейникѣ драгоцѣнный камень, поздравляли его съ находкой. Онъ же приказалъ имъ вернуть драгоцѣнный камень арабу-купцу, какъ вещь, которая не имѣлась въ виду при покупкѣ [1]).

До какой слабости довелъ страну Александръ внутренними войнами, вскорѣ выяснилось, когда набатейскій и сирійскій цари, Арета и Антіохъ XII, самый младшій изъ пяти сыновей Антіоха VIII, сдѣлали Іудею театромъ своихъ военныхъ дѣйствій, а Александръ не могъ имъ помѣшать. Правда, съ этою цѣлью онъ возвелъ высокую стѣну съ башнями отъ Кафарсабы до Яффы и вырылъ глубокій ровъ, но Антіохъ наполнилъ ровъ, сжегъ стѣну и прошелъ черезъ всю ширину Іудеи. При этомъ Александръ вынужденъ былъ вести трудную борьбу съ набатейскимъ царемъ Аретой, который, вслѣдствіе междоусобицъ между послѣдними сирійскими царями, былъ приглашенъ жителями Дамаска на престолъ, освободившійся послѣ смерти его противника и на который въ то же время изъявлялъ притязанія тиранъ Птоломей. Арета былъ самымъ могущественнымъ княземъ арабовъ или набатеевъ. Онъ ввелъ въ своей странѣ греческій образъ жизни и на чеканенныхъ при немъ монетахъ называлъ себя „*филэллиномъ*“ (другомъ грековъ). Онъ украсилъ набатейскую столицу Петру по греческому образцу зданіями, театрами и ипподромомъ. Въ качествѣ повелителя Дамаска, онъ потребовалъ отъ Александра покорности и прошелъ войной черезъ Іудею. При Адидѣ Александръ потерпѣлъ пораженіе и вынужденъ былъ принять позорный миръ.

Между тѣмъ счастье не оставляло Александра. Въ Сиріи произошла новая перемѣна, которая помогла ему. Тигранъ, потомокъ побѣжденнаго Антіохомъ Эпифаномъ правителя Артаксіи, основалъ большое армянское царство, построилъ значительный городъ Тиграноцерту и населилъ ее греческими поселенцами. Послѣ того, какъ онъ велъ счастливыя войны противъ своихъ сосѣдей парѳянъ, онъ обратилъ свое вниманіе на ослабленное братоубійственной войной сирійское царство. Приглашенный населеніемъ принять въ свои руки власть, онъ прогналъ сирійскаго царя Антіоха Евсевія, сына Антіоха IX, удалилъ, вѣроятно, Арету изъ Дамаска и правилъ 14 лѣтъ надъ Сиріей и частью Малой Азіи до тѣхъ поръ, пока не вмѣшались римляне. Какъ кажется, Тигранъ благопріятствовалъ еврейскому царю Александру, чтобы имѣть противовѣсъ противъ Ареты. Такимъ образомъ Александръ вновь получилъ возможность удовлетворить свою любовь къ войнѣ и къ завоеваніямъ. Онъ овладѣлъ нѣкоторыми важными заіорданскими городами съ греческимъ населеніемъ, которые были под-

[1]) Т. же Baba Mezia 2,5. Deuteron. Rabba c. 3.

властны Аретѣ, Діосполисъ, Пеллу и Геразу, гдѣ его противникъ Теодоръ хранилъ свои сокровища. Отсюда онъ двинулся къ сѣверу, завоевалъ страну гауланитянъ съ городами Гамалой, Соганомъ и Селевкіей къ востоку отъ озера Мерома. Жителей всѣхъ этихъ городовъ онъ заставилъ принять іудейство и подвергнуться обрѣзанію. Городъ Пеллу, жители котораго противились этому, онъ приказалъ разрушить. Онъ вернулъ себѣ тѣ города къ востоку отъ Мертваго моря, которые отнялъ у него Арета. Іудея была увеличена цѣлымъ рядомъ городовъ, по ту сторону Іордана отъ Селевкіи на сѣверѣ до Цоара на югѣ отъ Мертваго моря и у Средиземнаго моря отъ Ринокруры и Рафіи на югѣ до горы Кармелъ на сѣверо-западѣ. Для своихъ греческихъ подданныхъ Александръ приказалъ чеканить монеты съ греческою надписью „царь Александръ“ и якоремъ на одной сторонѣ и еврейскою надписью „царь Іонатанъ“ (Iehonathan ha-Melech) на другой. Его монеты прежняго времени носили надпись „первосвященникъ Іонатанъ и еврейское государство“, какъ монеты его предшественниковъ. Послѣ трехлѣтняго похода за Іорданъ онъ вернулся обратно въ Іерусалимъ, и народъ привѣтствовалъ его, какъ побѣдителя. Онъ заставилъ отчасти забыть свои жестокости. Въ сѣверномъ Піорданьѣ, на горѣ Сартабѣ онъ построилъ сильную крѣпость, которая носила его имя Александріонъ, а свои завоеванія за Іорданомъ онъ обезпечилъ постройкой сильнаго укрѣпленія Махера (Machwar) въ очень благопріятномъ мѣстѣ, недалеко отъ Мертваго моря. Эти двѣ крѣпости и третья Гирканіонъ, которую Іоаннъ Гирканъ построилъ на западѣ, были такъ сильно укрѣплены природой и искусствомъ, что ихъ почти невозможно было взять.

Въ послѣдній годъ своего правленія, хотя онъ уже много лѣтъ страдалъ перемежающейся лихорадкой, причиненной, какъ полагали, пьянствомъ, онъ все же вновь предпринялъ походъ противъ незавоеванныхъ еще замковъ въ Заіорданьѣ. При осадѣ крѣпости Аргова онъ такъ сильно заболѣлъ, что сталъ готовиться къ смерти. Въ послѣднюю минуту онъ увидѣлъ свои поступки въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ прежде. Онъ понялъ съ ужасомъ, что онъ и неразумно и несправедливо поступалъ, преслѣдуя фарисеевъ и такимъ образомъ отчуждаясь отъ народа; поэтому онъ совѣтовалъ царицѣ, которую онъ назначилъ регентшей, какъ можно больше приблизиться къ фарисеямъ, окружить себя совѣтниками изъ ихъ среды и ничего не предпринимать безъ ихъ согласія. Онъ прибавилъ еще, чтобы царица скрывала его смерть до паденія крѣпости и затѣмъ передала его трупъ фарисеямъ, чтобы они либо удовлетворили свою месть, либо великодушно похоронили его. Однако это извѣстіе не совсѣмъ правдоподобно. По другимъ источникамъ, Александръ разсѣялъ печаль царицы по поводу вражды партій слѣдующими словами: „не бойся ни фарисеевъ, ни цадукеевъ, бойся только

лицемѣровъ, крашенныхъ, которые втайнѣ грѣшатъ какъ Зимри, а награды требуютъ какъ праведный Пинхасъ [1]). Александръ умеръ на 27-мъ году своего царствованія (79-мъ) и оставилъ двухъ сыновей: Гиркана и Аристовула. Фарисеи не великодушно считали день его смерти радостнымъ днемъ. Благодаря его жестокостямъ по отношенію къ фарисеямъ, не только онъ самъ, но и вся династія Хасмонеевъ стали народу настолько ненавистными, что въ лѣтописяхъ перестали обозначать годъ по году правленія первосвященника и употреблять обычное выраженіе: „въ годъ первосвященника Всевышняго“.

ГЛАВА VII.

Саломея-Александра.

Ея отношеніе къ враждующимъ партіямъ. Могущество фарисеевъ. Новый составъ Синедріона. Іуда бенъ-Табай и Симонъ бенъ-Шетахъ. Учрежденія и указы. Народное просвѣщеніе. Антицадукейскіе праздники. Храмовой налогъ и храмовая казна. Ненависть къ цадукеямъ. Казнь вліятельнаго предводителя цадукеевъ Діогена. Опасное изгнаніе цадукеевъ. Политическое спокойствіе. Болѣзнь и смерть Саломеи.

(79—69).

Для еврейскаго народа было счастьемъ, что женщина съ мягкою душою и истинною набожностью управляла государствомъ послѣ того, какъ бурное управленіе мужчины расшатало его. Она дѣйствовала, какъ благодатный дождь на высохшую и сожженную солнцемъ почву. Возбужденныя страсти и смертельная ненависть двухъ главнѣйшихъ партій въ теченіе ея правленія могли улечься, и государство могло возвыситься отъ узко-партійныхъ интересовъ до вопросовъ общенаціональнаго блага. Хотя царица Саломея-Александра всею душою была предана фарисеямъ и поручила имъ веденіе внутреннихъ дѣлъ, однако она защищала тѣхъ цадукеевъ, на которыхъ могла обрушиться вся строгость законовъ, и открыла имъ крѣпости страны въ качествѣ убѣжищъ. Ея власть импонировала сосѣднимъ князьямъ настолько, что они не осмѣливались воевать противъ Іудеи, и ея мудрость удержала могущественнаго завоевателя Тиграна, который овладѣлъ Сиріей, отъ границъ Іудеи. Само небо благословило страну плодородіемъ въ теченіе ея 9-тилѣтняго правленія. Въ теченіе долгаго времени хранили тѣ удивительно большія зерна пшеницы, которыя тогда собирались на поляхъ Іудеи [2]). Благосостояніе народа настолько поднялось, что стеклянные сосуды, которые тогда были предметомъ роскоши, красовались на столахъ у

[1]) Sota 22 b.

[2]) Sifra Bechukotaj 1.

всѣхъ [1]). Во время своего правленія она чеканила монеты, по образцу монетъ ея предшественника, съ еврейской и греческой надписью „царица Александра“ и изображеніемъ якоря. Въ общемъ ея правленіе прошло мирно и счастливо; законъ, до сихъ поръ страдавшій отъ партійныхъ страстей, получилъ равномѣрное примѣненіе, и если иногда онъ обрушивался всею своею тяжестью на голову привыкшихъ къ нарушенію закона цадукеевъ, то во всякомъ случаѣ эти послѣдніе не падали жертвою произвола. Тюрьмы, наполненныя при Александрѣ, открылись; бѣглецы-фарисеи вернулись изъ изгнанія, и ихъ узкій горизонтъ расширился благодаря полученному на чужбинѣ опыту. Саломея-Александра назначила первосвященникомъ своего старшаго сына Гиркана, слабаго человѣка, отличавшагося въ частной жизни большими добродѣтелями, но лишеннаго пониманія общественныхъ вопросовъ.

Какъ по своимъ личнымъ наклонностямъ, такъ и согласно послѣдней волѣ царя Александра, Саломея оказывала предпочтеніе преслѣдовавшейся до тѣхъ поръ партіи фарисеевъ, передавая ей важнѣйшія должности и почти все внутреннее управленіе. Главный представитель этой партіи Симонъ бенъ-Шетахъ былъ ея братомъ и пользовался большимъ расположеніемъ съ ея стороны. Его вліяніе было настолько велико, что фарисеи называли это время „днями Симона бенъ-Шетахъ и царицы Саломеи“. Царица передала фарисеямъ предсѣдательство въ Синедріонѣ, которое раньше принадлежало первосвященникамъ. Этотъ санъ былъ черезчуръ важенъ для законодательства и примѣненія закона, чтобы можно было оставить его въ рукахъ зачастую для этого неподходящаго первосвященника. Гирканъ, которому оно принадлежало по праву, былъ черезчуръ несамостоятеленъ или слабоволенъ, чтобы онъ могъ запротестовать противъ этой передачи. Съ тѣхъ поръ стало общимъ правиломъ, что самый уважаемый изъ фарисеевъ или учителей закона былъ предсѣдателемъ (Nasi) Синедріона. Само собою разумѣется, что этотъ санъ, отнятый у первосвященника, по праву долженъ былъ перейти къ Симону бенъ-Шетахъ. Этотъ послѣдній не былъ честолюбивъ и предложилъ санъ этотъ жившему въ Александріи Іудѣ бенъ-Табай, знанія и характеръ котораго казались ему настолько великими, что онъ рѣшилъ уступить ему первенство. Льстивое посланіе было отправлено къ Іудѣ бенъ-Табай съ приглашеніемъ вернуться. Оно было написано такимъ образомъ, какъ будто Іерусалимская община просила Александрійскую вернуть ей изгнаннаго супруга. „Отъ меня, Іерусалима, священнаго города, тебѣ, Александріи; мой супругъ у тебя, а я оставлена“. Вѣроятно александрійская община довѣрила этому знаменитому палестинскому учителю закона какую нибудь важную должность. Іуда бенъ-Табай

[1]) Ierus. Sabbat I.

поспѣшилъ принять приглашеніе; вмѣстѣ съ Симономъ бенъ-Шетахъ онъ реорганизовалъ Синедріонъ, улучшилъ судъ, возстановилъ уваженіе къ предписаніямъ религіи, расширилъ народное образованіе и вообще принялъ тѣ мѣры, которыя соотвѣтствовали потребностямъ времени. Эти два человѣка, благородство воззрѣній которыхъ ясно видно изъ ихъ дѣятельности, подобно Эзрѣ и Нехеміи, способствовали возрожденію строгаго іудаизма и если они, какъ и тѣ, часто прибѣгали къ суровымъ мѣрамъ, то это объясняется не личными ихъ наклонностями, а серьезнымъ положеніемъ вещей. Они были также безпощадно строги къ себѣ самимъ и къ своимъ близкимъ, когда дѣло шло о поднятіи уваженія къ закону. Съ Іудой бенъ-Табай и съ Симономъ бенъ-Шетахъ получилъ господство понимаемый въ фарисейскомъ смыслѣ іудаизмъ, который изъ поколѣнія въ поколѣніе расширялся и увеличивался. Ихъ поэтому называютъ возстановителями закона, которые „вернули вѣнцу закона его прежній блескъ“ [1]).

Ихъ дѣятельность началась съ очищенія Синедріона. Цадукеи, которые вслѣдствіе раздора между Александромъ и фарисеями получили тамъ мѣста, были удалены; уголовные законы, введенные ими въ дополненіе къ библейскимъ уголовнымъ законамъ, были отмѣнены и традиціонныя нормы возстановлены. Народу не приходилось жаловаться на эту перемѣну, потому что цадукейскіе уголовные законы, какъ именно законъ „око за око“, были ненавистны вслѣдствіе своей жестокости. 14-ое тамуза (іюля 78) стало считаться полупраздникомъ, какъ и другіе дни, когда были отмѣнены цадукейскіе законы, и тотъ день, въ который бѣжавшіе отъ преслѣдованій Александра фарисеи, „остатки знатоковъ Писанія“ (Pleṭaṭ saṗhṛaja), спаслись отъ грозившей имъ опасности (17 адара, марта). Во вновь собравшемся Синедріонѣ Іуда бенъ-Табай принялъ предсѣдательство, Симонъ бенъ-Шетахъ удовлетворился вторымъ мѣстомъ (Ab-beṭ-din [2]); остальныя мѣста, безъ сомнѣнія, были распредѣлены между вернувшимися изъ изгнанія учителями закона. Порядокъ судопроизводства былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что свидѣтелей стали спрашивать не только о мѣстѣ и времени происшествія, но и о прочихъ обстоятельствахъ для того, чтобы судья легче могъ судить о преступленіи и уличать свидѣтелей въ противорѣчіяхъ [3]). Эта мѣра была принята противъ доносовъ, которые, должно быть, были довольно часты въ особенности въ такое время, когда побѣжденные и побѣдители часто мѣнялись мѣстами. Симонъ поэтому вмѣнилъ судьямъ въ обязанность осмотрительно и подробно ставить вопросы для того, чтобы обвинитель не могъ изъ нечаянно сказанныхъ словъ судей

[1]) Kidduschin 66 a.

[2]) Ierus. Chagiga II, 77.

[3]) Synhedrin 40 a. Abot 1,9.

сплести свою сѣть лжи [1]). Противъ частыхъ разводовъ, допускавшихся цадукеями на основаніи буквальнаго толкованія Пятикнижія, они приняли соотвѣтствующія мѣры. Съ давнихъ поръ существовало постановленіе, изданное съ цѣлью противодѣйствія черезчуръ частымъ разводамъ, что мужъ въ случаѣ развода долженъ уплатить женѣ сумму, которой она могла бы въ нуждѣ прокормить себя: двѣ мины серебра (около 150 марокъ) дѣвушкѣ и половину этой суммы вдовѣ, вышедшимъ замужъ. Вдова, оставшаяся послѣ смерти мужа, имѣла право требовать такую же сумму изъ его наслѣдства. Синедріонъ по этому поводу издалъ постановленіе, что мужъ можетъ у себя оставить назначенную сумму и пользоваться ею для своихъ дѣлъ, но что онъ долженъ выдать своей женѣ росписку (Keṫuḃaḥ), по которой онъ отвѣчалъ всѣмъ своимъ имуществомъ за этотъ долгъ. Отсутствіе у народа, все богатство котораго заключалось въ землѣ, звонкой монеты вело къ тому, что это постановленіе во всякомъ случаѣ служило препятствіемъ къ разводамъ, потому что небогатому супругу часто трудно было взять изъ своего дѣла такую сумму, и онъ вынужденъ былъ трезво обдумать свой шагъ прежде, чѣмъ поддаться минутному раздраженію и гнѣву.

Другое предписаніе, относящееся къ тому же времени, авторомъ котораго былъ Симонъ бенъ-Шетахъ, преслѣдовало улучшеніе постановки народнаго образованія. Въ Іудеѣ не было школъ, а обученіе дѣтей согласно Библіи предоставлялось отцу. Правда въ Іерусалимѣ существовало своего рода высшее учебное заведеніе для образованія учителей закона, но оно было доступно только живущимъ по близости и богатымъ. Синедріонъ, чтобы помочь этой нуждѣ, учредилъ во всѣхъ болѣе крупныхъ городахъ, которые служили центрами для небольшихъ округовъ, высшія школы, въ которыхъ обучались бы взрослые юноши начиная отъ 16-ти лѣтъ. Преподаваніе ограничивалось обученіемъ священному Писанію, въ особенности Пятикнижію и Преданію. Такимъ образомъ іудаизмъ нашелъ мѣсто, гдѣ онъ могъ расти и гдѣ при постоянной смѣнѣ поколѣній могъ обновляться; это учрежденіе пережило всѣ остальныя и было самымъ могучимъ средствомъ для спасенія іудаизма во время грядущихъ бѣдствій.

Если Синедріонъ такимъ образомъ работалъ для будущаго, то онъ не забывалъ и настоящаго и старался обезпечить преобладаніе за фарисейскимъ направленіемъ. Всѣ тѣ постановленія закона, которыя во время долгаго господства цадукеевъ, отъ разрыва Гиркана съ фарисеями до воцаренія Саломеи, пришли въ забвеніе или въ пренебреженіе, были вновь установлены и введены въ жизнь. Вожди фариссевъ, когда приближалось время примѣненія спорныхъ законовъ, старались ввести ихъ въ дѣйствіе съ особенною торжественностью и дни, когда это случилось, назначили днями

[1]) Тамъ же.

поминовенія, въ которые не допускался общественный трауръ или общественный постъ. Обрядъ возліянія воды въ праздникъ Кущей, къ которому Александръ отнесся съ такимъ презрѣніемъ (стр. 95), былъ торжественно совершенъ и современемъ далъ начало народному празднику (Simchat Beth ha-Schoeba), о которомъ говорили, что тотъ, кто не присутствовалъ при этой радости, не видѣлъ блестящаго народнаго праздника. По ночамъ, начиная съ перваго дня праздника, храмовая гора была такъ ярко освѣщена, что городъ утопалъ въ морѣ огня, и ночь казалась днемъ. Народъ спѣшилъ на храмовую гору, чтобы полюбоваться зрѣлищемъ или принять въ немъ участіе. Самые серьезные люди веселились какъ можно лучше и принимали участіе въ факельцугахъ. Это веселье длилось всю ночь; никто не думалъ о снѣ. Для женщинъ была построена особая галлерея для того, чтобы онѣ отдѣльно отъ мужчинъ могли любоваться представлявшимся зрѣлищемъ.

Веселье смѣнялось торжественнымъ пѣніемъ псалмовъ. Всѣ присутствовавшіе въ Іерусалимѣ левиты наполняли тѣ 15 ступеней, которыя отдѣляли женскій дворъ отъ мужского. Вмѣстѣ съ хоромъ изъ мальчиковъ они пѣли 15 псалмовъ подъ аккомпаниментъ арфъ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ. Въ послѣднихъ изъ такъ называемыхъ „пѣсенъ восхожденія“ левиты приглашали весь присутствовавшій народъ вознести хвалу Господу. Слѣдующій псалмъ былъ сочиненъ съ этой цѣлью: „Благословите нынѣ Господа всѣ рабы Господни, стоящіе въ домѣ Господнемъ ночью. Подымите руки къ святилищу и благословите Господа. Благословитъ тебя съ Сіона Господь, создавшій небо и землю“. Послѣ этого выступалъ одинъ и слѣдующими словами приглашалъ присутствовавшихъ хвалить Бога изъ Сіона въ двухъ псалмахъ: „Аллилуія. Хвалите имя Господне, хвалите, рабы Господни, стоящіе въ домѣ Господнемъ, во дворахъ дома Бога нашего. Хвалите Господа, потому что благъ Господь; пойте имени его, потому что оно сладостно; потому что Господь избралъ себѣ Іакова и Израиля въ свою собственность“.

Первый изъ этихъ псалмовъ напоминаетъ о всемогуществѣ Бога и о Его чудесахъ для Израиля, сотворенныхъ Имъ прежде, чѣмъ Онъ далъ ему въ обладаніе святую землю. Псалмъ напоминаетъ о ничтожествѣ „языческихъ идоловъ, издѣлій рукъ человѣческихъ, которые имѣютъ уста, но не говорятъ, имѣютъ глаза, но не видятъ, имѣютъ уши, но не слышатъ“. Псалмъ заканчивается словами: „Домъ Израилевъ, благослови Господа. Домъ Ароновъ, благослови Господа. Домъ Левіинъ, благослови Господа. Боящіеся Господа, благословите Господа. Благословенъ Господь отъ Сіона, живущій въ Іерусалимѣ“. Присутствовавшіе послѣ каждой строфы повторяли стихъ: „Хвалите Господа, потому что благъ Господь; пойте имени Его, потому что оно сладостно“. Во второмъ псалмѣ говорится: „Аллилуія. Славьте Господа, потому что Онъ благъ, потому что милость Его вѣчна“. Точно также въ этомъ псалмѣ напоминалось о всемогуществѣ Бога и о Его чудесахъ для Израиля. Онъ заканчивался словами: „въ униженіи нашемъ вспомнилъ насъ; избавилъ насъ отъ враговъ; даетъ пищу всякой плоти; славьте Бога небесъ!“ Народъ повторялъ: „славьте Господа, потому что Онъ благъ, потому что милость Его вѣчна“.

Съ восходомъ солнца священники давали трубами сигналъ къ началу черпанія воды. При каждой остановкѣ раздавался трубный звукъ, пока весь народъ не достигалъ источника Силои, откуда вода для жертвы зачерпывалась золотымъ сосудомъ. Торжественно затѣмъ несли сосудъ съ водой къ западнымъ воротамъ внутренней храмовой стѣны. Изъ серебрянаго сосуда вода выливалась на алтарь, причемъ среди прочихъ инструментовъ звучала флейта, что бывало только въ особенно радостныхъ случаяхъ.

Подобное же торжество происходило и въ полупраздничный день приношенія дровъ 15-го Ава (августа), день, который въ особенности праздновали танцами и пѣніемъ молодыя дѣвушки. На площади между виноградниками собирались молодыя дѣвушки, всѣ одѣтыя въ бѣломъ, вели хороводы и пѣли пѣсни на священномъ языкѣ. Присутствовавшіе мужчины при этомъ случаѣ часто выбирали себѣ женъ. По всей вѣроятности, этотъ праздникъ точно также былъ демонстраціей противъ цадукеевъ, которые не признавали приношенія дровъ въ жертву на алтарь (Korban Ezim). Разсказываютъ слѣдующее: одинъ царь придерживавшійся цадукейскихъ воззрѣній, вѣроятно, Александръ Янай, какъ-то воспретилъ приношеніе дровъ и поставилъ стражей, которые должны были не допускать этого. Нѣсколько семействъ, которыя привыкли ежегодно въ извѣстный день жертвовать дрова, воспользовались хитростью, чтобы обмануть стражей, принеся во дворъ храма дрова въ видѣ лѣстницъ. За такую вѣрность эти семейства, потомки Салмаи изъ Виѳлеема, Нетофы, Гонбей-Эли и Коцей-Кіотъ, пользовались преимуществомъ, что первый огонь поддерживался ихъ дровами и что 15-е Ава, день ихъ жертвы, былъ признанъ полупраздникомъ. При религіозномъ характерѣ того времени даже почести носили религіозный характеръ, и честолюбіе удовлетворялось разрѣшеніемъ снабжать храмъ дарами.

Этой готовностью къ пожертвованіямъ Синедріонъ воспользовался для того, чтобы издать предписаніе, которое болѣе, чѣмъ всѣ прочія, должно было пробудить національное самосознаніе и въ то же время противодѣйствовать цадукейскимъ воззрѣніямъ. Цадукеи утверждали, что ежедневныя жертвы и вообще нужды храма не должны производиться на об-

щественный счетъ, а что покрытіе этихъ расходовъ должно было быть предоставлено благочестію каждаго отдѣльнаго человѣка. Синедріонъ при Саломеѣ-Александрѣ постановилъ, что каждый еврей, начиная съ двадцатилѣтняго возраста (включая прозелитовъ и вольноотпущенныхъ), долженъ ежегодно жертвовать въ храмовую казну по крайней мѣрѣ полшекеля (приблизительно $1^1/_4$ марки). Такимъ образомъ ежедневнымъ жертвоприношеніямъ былъ данъ національный характеръ, такъ какъ они совершались на средства всего народа. Этимъ вовсе не налагалось принужденіе на кого бы то ни было, потому что бо́льшая часть палестинскихъ и иностранныхъ евреевъ жертвовала это добровольно тѣмъ болѣе, что жертва стала считаться искупительнымъ средствомъ (Каррага). Иностранцы въ особенности отличались щедростью къ храму; но такъ какъ взносъ полушекеля считался религіозной обязанностью, то казначеямъ предоставлялось право взыскать съ имущества медлившихъ [1]). Въ различное время года производились три сбора денегъ, причемъ для Іудеи производился весной. 1-го Адара глашатаи давали знать по всей странѣ, что приближается время взноса храмовыхъ денегъ и 15-го того же мѣсяца начинался сборъ; онъ продолжался 10 дней. Кто къ тому времени не вносилъ слѣдуемой суммы, тотъ могъ передать ее только казначею храма [2]). Затѣмъ приходили пожертвованія изъ-заграницы: изъ Заіорданья, Египта, Сиріи, которыя поступали приблизительно къ празднику седьмицъ (Шебуотъ), и, наконецъ, изъ еще болѣе отдаленныхъ странъ: Вавилоніи, Мидіи, Малой Азіи еще позже, приблизительно къ празднику Кущей [3]). Послѣдній сборъ былъ самымъ богатымъ благодаря богатству и щедрости иностранныхъ евреевъ; вмѣсто серебряныхъ или мѣдныхъ шекелей и динаровъ иностранцы посылали золотые статиры и дарики (15 марокъ [4]). Въ каждой странѣ, гдѣ евреи жили въ большомъ количествѣ, они избирали центральные пункты, куда складывали всѣ взносы до ихъ отправленія въ Іерусалимъ. Самые уважаемые люди избирались для передачи этихъ суммъ въ храмъ и они носили имя священныхъ пословъ. Въ Месопотаміи и Вавилоніи, въ двухъ наиболѣе населенныхъ евреями городахъ Низибидѣ и Нагардеѣ на Евфратѣ находились казначейства для храмовыхъ денегъ, откуда ихъ подъ сильнымъ прикрытіемъ, въ виду разбойничьихъ нападеній парѳянъ и набатеевъ, отправляли въ Іерусалимъ. Мало-азіатскіе евреи имѣли своими сборными пунктами Апамею и Лаодикею во Фригіи, Пергамъ и Адрамитій въ Эолидѣ. Изъ этой мѣстности приблизительно черезъ 20 лѣтъ поступало около 200 фун. золота. Отсюда можно заключить, какихъ огромныхъ размѣровъ достигли доходы храма, и можно понять, что послѣ каждаго сбора можно было наполнить слишкомъ три корзины (Кира) вмѣстимости въ 3 сэа́ (около 13 литровъ [1]). Поэтому іерусалимскій храмъ считался богатѣйшимъ и часто бывалъ предметомъ зависти и жадности. Золото, собиравшееся въ трехъ корзинахъ, хранилось въ особомъ помѣщеніи (Lischcha) и служило для нуждъ богослуженія. Учителя, обучавшіе молодыхъ священниковъ богослужебнымъ обрядамъ, ветеринары, осматривавшіе животныхъ, предназначенныхъ въ жертву, переписчики книги закона, хранившейся въ архивѣ храма (стр. 82), заготовщики освященнаго хлѣба и курительныхъ веществъ, женщины, ткавшія занавѣсы,—всѣ они содержались на счетъ храма [2]). Излишекъ даяній, поступавшихъ въ храмъ (Schejare terumat ha-Lischcha), употреблялся на содержаніе города Іерусалима, его стѣнъ, башенъ и водопровода [3]). Но всѣ эти расходы не поглощали этихъ громадныхъ суммъ, которыя еще увеличивались добровольными пожертвованіями; такимъ образомъ изъ этихъ остатковъ создалось богатство храма, которое не разъ возбуждало алчность завоевателей. Перваго Нисана (апрѣля) начинали покупать жертвы изъ новыхъ даяній, хотя старыя еще далеко не были истощены. Какъ этотъ день, такъ и послѣдующіе семь дней считались полупраздниками, чтобы ежегодно напомнить о побѣдѣ надъ цадукеями. Казначей, который складывалъ собранныя деньги въ корзины, долженъ былъ исполнять при этомъ нѣкоторые торжественные обряды, чтобы показать цадукеямъ все значеніе этого акта. Отъ восьмого Нисана до конца Пасхи шли подобные праздники въ честь побѣды фарисейскаго взгляда о подвижности праздника седьмицъ надъ цадукейскимъ.

До сихъ поръ реставрація, вызванная Іудой бенъ-Табай и Симономъ бенъ-Шетахъ, носила мирный характеръ: они возобновили старые законы, создали новые и искали средствъ, чтобы запечатлѣть ихъ въ памяти народа. Царица Саломея-Александра подтвердила всѣ эти распоряженія и установленія фарисеевъ, созданныя хотя и не въ духѣ Моисеева ученія, но все же не противорѣчившія ему. Но въ такихъ умѣренныхъ границахъ реакція держаться не можетъ; она по своей природѣ склонна къ крайностямъ и преувеличеніямъ. Тѣ цадукеи, которые не хотѣли подчиниться фарисейскому толкованію законовъ, были привлечены къ суду и безпощадно осуждены. Желаніе придать возможно большее значеніе закону и сломить оппозицію цадукеевъ было такъ велико, что однажды Іуда бенъ-Табай присудилъ къ смерти лжесвидѣтеля для того, чтобы на дѣлѣ опровергнуть цадукейское воззрѣніе [4]). Онъ забылъ, что при этомъ поступилъ вопреки фарисейскому

[1]) Schekalim 1, 3.
[2]) Т. же 3, 1.
[3]) Т. же 6 в.
[4]) Tosefta Schekalim c. 2.

[1]) Schekalim 6 a.
[2]) Schekalim 6 a. Ketubot 106 b.
[3]) Schekalim 6 a.
[4]) Maccot 5 b.

закону, по которому лжесвидѣтелей наказывали только въ томъ случаѣ, если ихъ показанія побудили судей осудить человѣка на казнь; показанія же одного лишь свидѣтеля не могли привести къ этому. Однако оба представителя фарисеевъ были чисты нравственно. Симонъ бенъ-Шетахъ не постѣснялся сильно порицать своего товарища за эту непростительную поспѣшность, и Іуда бенъ-Табай сталъ испытывать такія сильныя угрызенія совѣсти за пролитую кровь невиннаго, что тотчасъ же сложилъ съ себя званіе предсѣдателя Синедріона и сталъ громко сокрушаться по поводу случившагося [1]). Онъ легъ на могилу осужденнаго, громко рыдая и моля Бога даровать ему смерть, чтобы хоть такимъ образомъ искупить свой грѣхъ. Вообще эти два человѣка, Іуда бенъ-Табай и Симонъ бенъ-Шетахъ, несмотря на свою строгость, вполнѣ подтверждали славу о фарисейской мягкости. Слѣдующее поученіе Іуды бенъ-Табай показываетъ кротость его: „Пока подсудимые стоятъ передъ тобой, ты можешь ихъ считать виновными, но какъ только они удаляются, они должны тебѣ казаться невинными“ [2]).

Симонъ бенъ-Шетахъ, занявшій мѣсто предсѣдателя Синедріона по уходѣ Іуды, былъ не менѣе строгъ по отношенію къ преступникамъ. При немъ разбиралось рѣдкое дѣло о колдовствѣ, и онъ велѣлъ распять восемьдесятъ женщинъ [3]). Со времени перваго еврейскаго царя Саула въ еврейской исторіи о колдовствѣ нѣтъ и рѣчи, и поэтому очень загадочно, какъ оно могло вновь появиться въ такое время, когда не было явленія, обыкновенно его вызывающаго—идолопоклонства, тѣсно связаннаго съ безнравственностью. Но весь этотъ процессъ затемненъ столькими легендами [4]), что нельзя прійти ни къ какому заключенію относительно состоянія нравственности въ эту эпоху. Благодаря своей безпощадной строгости, Симонъ бенъ-Шетахъ возбудилъ въ своихъ противникахъ страшную ненависть къ себѣ, и они рѣшили жестоко ему отомстить. Они подставили лжесвидѣтелей, которые обвинили его сына въ тяжеломъ преступленіи, и онъ былъ приговоренъ къ смерти. Но по дорогѣ къ мѣсту казни онъ такъ трогательно доказывалъ свою невиновность, что сами свидѣтели были тронуты и признались въ своей лжи. Когда судьи готовились освободить невинно-осужденнаго, онъ заявилъ имъ, что они, освобождая его, поступятъ противозаконно, такъ какъ, по еврейскому закону, свидѣтелямъ, взявшимъ свои показанія обратно, больше не довѣряютъ. „Если ты хочешь,“ обратился онъ къ отцу, „чтобы благо Израиля было укрѣплено твоей рукой, то смотри на меня, какъ на порогъ, который переступаютъ безъ сожалѣнія“ [5]). Отецъ и сынъ оказа-

[1]) Maccat 5 b.
[2]) Abot 1, 8.
[3]) Synhedrin. 46 a.
[4]) Ierus. Chagiga II p. 77 u Raschi къ Synhedrin 44 b.
[5]) Ierus. Synhedrin 5 p. 23 b.

лись достойными охранителями закона: одинъ пожертвовалъ своей жизнью, другой родительскимъ чувствомъ за сохраненіе закона. Симонъ, этотъ еврейскій Брутъ, не мѣшалъ суду надъ своимъ сыномъ, хотя, какъ и многіе изъ судей, былъ увѣренъ въ его невинности.

Строгость фарисейскаго суда распространялась и на вождей цадукеевъ; они даже пострадали отъ нея больше другихъ, такъ какъ ихъ считали подстрекателями Александра противъ фарисеевъ. Любимецъ Александра Діогенъ и многіе другіе цадукеи, посовѣтовавшіе царю предать жестокой казни 800 фарисеевъ, заплатили за это своей жизнью. Видя такое преслѣдованіе со стороны господствующей партіи, знатные цадукеи заволновались: за малѣйшій проступокъ противъ религіи ихъ ожидало суровое наказаніе. Въ страхѣ за свою жизнь, цадукеи обратились къ Аристовулу, второму сыну Саломеи. Аристовулъ покровительствовалъ имъ, такъ какъ для осуществленія своихъ военныхъ плановъ не могъ обойтись безъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ цадукеевъ. Поэтому онъ и заступился за нихъ передъ царицей. Къ Александрѣ явились вожди цадукеевъ и напомнили ей объ услугахъ, оказанныхъ ими покойному царю, и о томъ ужасѣ, который внушало одно ихъ имя врагамъ Іудеи. Наконецъ, они пригрозили, что предложатъ свои услуги арабскому царю Аретѣ или сирійскимъ властителямъ. Они просили дать имъ какую-нибудь крѣпость, гдѣ бы они могли скрыться отъ надзора фарисеевъ. Мягкосердечная Саломея смягчилась при видѣ слезъ этихъ посѣдѣвшихъ въ битвахъ воиновъ и предоставила наиболѣе заслуженнымъ изъ цадукеевъ должности начальниковъ почти всѣхъ крѣпостей въ провинціи. Только три крѣпости не были имъ переданы: Махеръ къ Востоку отъ мертваго моря, Гирканіонъ на Западѣ и Александріонъ на горѣ Сартаба. Въ этихъ трехъ крѣпостяхъ находился главный складъ оружія и богатствъ хасмонейскихъ царей, поэтому Александра не хотѣла передать ихъ въ руки ненадежныхъ цадукеевъ. Впослѣдствіи это недовѣріе царицы вполнѣ оправдалось.

Во время правленія Александры въ Іудеѣ не произошло никакихъ политическихъ перемѣнъ. При ней былъ предпринятъ одинъ только походъ противъ Птоломея, сына Менная, тетрарха или властителя Дамаска, который безпокоилъ пограничные города Іудеи. Предводителемъ войскъ, состоявшихъ изъ наемниковъ, она назначила своего младшаго сына Аристовула, который болѣе, чѣмъ его братъ Гирканъ, унаслѣдовалъ отцовскую воинственность. Походъ былъ неудаченъ, но не имѣлъ никакихъ дурныхъ послѣдствій для Іудеи, такъ какъ наступали послѣдніе дни самостоятельности Сиріи. Эта страна, которая не могла оправиться послѣ пораженія, нанесеннаго Антіоху Великому римлянами, и особенно послѣ неудачнаго правленія Антіоха Эпифана и впродолженіе цѣлаго столѣтія страдала отъ внутрен-

нихъ раздоровъ и междоусобій царей изъ-за престола, избрала, наконецъ, царемъ армянскаго властителя и вскорѣ послѣ этого стала добычей римлянъ. Тигранъ, царь Арменіи, во власти котораго находилась почти вся Сирія, захотѣлъ подчинить себѣ и тѣ страны, которыя раньше принадлежали Сиріи. Прежде всего онъ напалъ на Птоломаиду, жители которой были подданными послѣдней сирійской царицы Селины—Клеопатры. Царица была вполнѣ достойной дочерью чудовища Фискона. Она была женой двухъ братьевъ и сына одного изъ нихъ. Клеопатра льстила себя надеждой овладѣть для своего сына Антіоха Азіатика Сиріей и даже носилась съ мыслью захватить и Египетъ, для чего унижалась передъ римскимъ сенатомъ или тогдашними властителями. Ея ближайшія надежды были направлены на Птоломаиду, жители которой, по совѣту Селины, закрыли ворота при приближеніи Тиграна. И ему пришлось вести осаду этого важнаго портоваго города. Близость могущественнаго армянскаго царя сильно напугала царицу Александру и она старалась подарками и любезностью предотвратить возможность столкновенія. Тигранъ, правда, очень любезно принялъ еврейскаго посла съ подарками, но врядъ ли не напалъ бы онъ на Іудею, если бы не былъ принужденъ, благодаря враждебнымъ дѣйствіямъ римлянъ, прекратить осаду и позаботиться о своей собственной странѣ, на которую напалъ римскій полководецъ Лукуллъ (69). Такимъ образомъ, Іудея на время освободилась отъ грознаго присутствія могущественнаго завоевателя. Но зато другія опасности и несчастья потрясли ее до основанія.

Дѣло въ томъ, что Александра опасно заболѣла, и эта болѣзнь послужила причиной цѣлаго ряда грустныхъ событій. Честолюбивый Аристовулъ, предполагая, что мать назначила своимъ преемникомъ его старшаго брата Гиркана, тотчасъ же тайно покинулъ Іерусалимъ и направился къ галилейской крѣпости Габатѣ, начальникъ которой, цадукей Галайстъ, былъ ему преданъ. Дѣйствительно, Габата тотчасъ же перешла въ его руки. Въ 15 дней на его сторону перешли двадцать одна крѣпость, начальниками которыхъ были цадукеи. Пользуясь находившимися въ этихъ городахъ деньгами, онъ набралъ значительное войско изъ наемниковъ сирійскихъ, заіорданскихъ и трахонитскихъ. Напрасно молили царицу Гирканъ и знатнѣйшіе вельможи, къ которымъ присоединился и Симонъ бенъ-Шетахъ, предпринять что-нибудь рѣшительное, чтобы предотвратить гибельную междоусобную войну; Саломея указывала имъ на войска, на казну, на оставшіяся вѣрными крѣпости и предоставляла имъ позаботиться о благѣ государства, но сама ни во что вмѣшиваться не хотѣла. Вскорѣ послѣ этого она умерла (69), оставивъ страну въ самомъ разгарѣ гражданской войны, благодаря которой Іудея лишилась своей съ такимъ трудомъ отвоеванной независимости. Саломея правила всего девять лѣтъ, но умерла,

вѣроятно, въ глубокой старости. Она видѣла счастливые дни свободы своего народа, и на смертномъ одрѣ ея опечаленная душа уже предчувствовала скорое наступленіе рабства. Она была единственной царицей въ еврейской исторіи, о которой послѣдующія поколѣнія вспоминали съ глубокимъ уваженіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдней независимой повелительницей Іудеи.

ГЛАВА VIII.

Гирканъ II. Аристовулъ II.

Борьба братьевъ изъ-за престола. Мирный договоръ между враждующими братьями. Отношеніе Аристовула къ партіямъ. Идумей Антипатръ. Слабость Гиркана. Арабскій царь Арета осаждаетъ Іерусалимъ. Эссей Хоній (Оніасъ). Вмѣшательство римлянъ. Взятіе Іерусалима Помпеемъ. Уменьшеніе владѣній Іудеи. Евреи въ Римѣ; ихъ вліяніе. Обвиненіе пропретора Флака въ присвоеніи денегъ, пожертвованныхъ мало-азіатскими общинами храму. Рѣчь Цицерона противъ евреевъ. Ослабленіе власти Синедріона. Предсѣдатели Синедріона—Шемая и Авталіонъ. Насильственная смерть Аристовула и его сына Александра. Вліяніе Антипатра усиливается. Юлій Цезарь даруетъ евреямъ льготы. Сыновья Антипатра Фазаель и Иродъ. Иродъ передъ судомъ. Насильственныя мѣры Кассія въ Іудеѣ. Заговоръ противъ дома идумеевъ. Еврейскій полководецъ Малихъ. Отравленіе Антипатра. Месть Ирода. Пароляне въ Іудеѣ. Антигонъ становится царемъ. (69—40).

Когда государству судьбой предназначена гибель, то ничто такъ не ускоряетъ ея, какъ междоусобія изъ-за престола, потому что тогда лучшія силы государства уничтожаютъ другъ друга, и кончается тѣмъ, что страна подпадаетъ подъ иго чужестранцевъ. Такое иго тѣмъ тяжелѣе, что чужестранцы въ такихъ случаяхъ выступаютъ въ качествѣ благодѣтелей и миротворцевъ. Уменьшеніе населенія вслѣдствіе болѣзни можетъ быть устранено послѣдующимъ усиленіемъ рождаемости; опустошенія, произведенныя внѣшней войной, исправляются благодаря миру; но гражданская война, вызванная распрями между претендентами на престолъ, приноситъ непоправимыя несчастья—распаденіе и порчу нравовъ. Когда послѣдующія поколѣнія стали интересоваться причинами гибели еврейскаго государства, то они не нашли другой, кромѣ ненависти, существовавшей въ отношеніяхъ между двумя сыновьями Александра [1]) и принесшей очень много зла.

Вообще къ концу этого періода побудительной причиной всѣхъ событій является взаимная ненависть. Прежнее единодушіе еврейскаго народа замѣняется кровопролитными раздорами; любовь къ заговорамъ, пренебреженіе къ самому святому и самыя низкія страсти развиваются среди евре-

[1]) Iома 9 b.

евъ. Еврейская народность въ этотъ періодъ напоминаетъ великана, который противъ себя же направляетъ свой мечъ, ранитъ, ослабляетъ себя и привлекаетъ жадныхъ хищниковъ, которымъ онъ долженъ послужить пищей. Прошелъ прекрасный періодъ второго храма, и немногіе счастливые годы, которые пережилъ еще еврейскій народъ, кажутся блестящей вечерней зарей, предвѣщающей наступленіе ночной тьмы. Вполнѣ справедливо опредѣляетъ одинъ мудрецъ болѣе поздняго времени продолжительность правленія хасмонеевъ въ 70 лѣтъ [1]), считая отъ самостоятельнаго правленія Симона до смерти царицы Саломеи (142—69). Какъ вступленіе Симона на престолъ есть начало независимости, такъ смерть царицы Саломеи есть начало рабства Іудеи. Но, среди всѣхъ этихъ раздоровъ и кровопролитій, лучшіе люди еврейскаго государства увидѣли, что іудаизмъ покоится не на измѣнчивыхъ политическихъ обстоятельствахъ, не на утвержденіи внѣшней власти, не на пустомъ блескѣ, а на развитіи того ученія, которое должно было перейти отъ рода Якова ко всему роду человѣческому и составить его благо. Въ то время, какъ внѣшняя исторія еврейскаго народа дѣлается отталкивающей и ужасной, духъ народа возвышается, растетъ и стремится освободиться отъ оковъ, которыя налагаетъ на него государство: развалины государства способствуютъ его возрожденію.

Какъ сказано, со смертью царицы Саломеи началась кровопролитная борьба между братьями, которая раздѣлила государство на два враждебные лагеря. Гиркану II (который, какъ видно, носилъ и имя Іоаннъ), какъ старшему сыну, умирающая Саломея передала корону. Гирканъ, обладавшій лучшими добродѣтелями для скромной частной жизни, вслѣдствіе своей слабохарактерности и нерѣшительности, былъ бы и въ мирное время очень посредственнымъ правителемъ; онъ не былъ созданъ для того дурного времени и своимъ добродушіемъ причинилъ больше зла, чѣмъ другой самыми жестокими мѣрами. Младшій сынъ Саломеи—Аристовулъ былъ прямой противоположностью брату. Казалось, судьба нарочно надѣлила братьевъ противоположными свойствами, чтобы они скорѣе погубили еврейское государство. Трусость Гиркана составляла рѣзкій контрастъ съ неистовой храбростью Аристовула, которая поддерживала его въ самыхъ отчаянныхъ положеніяхъ, но иногда и доводила до безумно смѣлыхъ поступковъ; эту особенность онъ унаслѣдовалъ отъ своего отца Александра. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ безмѣрно честолюбивъ, и это честолюбіе, которое не оставило его на смертномъ одрѣ, довело его до ослѣпленія. Гирканъ былъ приверженцемъ фарисейства, Аристовулъ же стоялъ вдали отъ партій и не склонялся на сторону ни одной изъ нихъ. Его цѣлью было стать единоличнымъ властителемъ Іудеи и подчинить своей власти сосѣднія страны. Вслѣд-

[1]) R. Nathan, Synhedrin 97 b.

ствіе своего несдержаннаго характера, онъ не достигъ этой цѣли и, вмѣсто лавровъ, навлекъ стыдъ и позоръ на свою голову и на весь еврейскій народъ. Лишь только царица Саломея-Александра испустила духъ и Гирканъ вступилъ на престолъ, какъ Аристовулъ съ наемными войсками и цадукеями напалъ на Іерусалимъ, чтобы свергнуть брата съ престола. На сторонѣ Гиркана были фарисеи, народъ и войска, которыя состояли на жалованіи у Саломеи. Приверженцы Гиркана взяли жену и дѣтей Аристовула въ качествѣ заложниковъ и заключили ихъ въ крѣпость Барисъ, которая находилась къ сѣверо-западу отъ храма. При Іерихонѣ встрѣтились войска обоихъ братьевъ. Гирканъ потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ въ Іерусалимъ, въ крѣпость Барисъ, такъ какъ большая часть наемнаго войска перешла на сторону Аристовула. Послѣдній осадилъ и храмъ, гдѣ скрылись многіе изъ его противниковъ, и взялъ его. Такъ какъ онъ овладѣлъ столицей и храмомъ, то Гиркану пришлось сдаться. Братья заключили мирный договоръ, по которому Аристовулъ, какъ болѣе способный править государствомъ, получилъ корону, а Гирканъ—санъ первосвященника.

Такимъ образомъ, Гирканъ былъ свергнутъ съ престола (69) послѣ трехмѣсячнаго царствованія. Для упроченія этого союза, сынъ Аристовула Александръ женился на дочери Гиркана—Александрѣ, дѣтямъ и внукамъ которыхъ былъ предопредѣленъ трагическій конецъ.

Добившись престола насильственнымъ путемъ, Аристовулъ II не произвелъ измѣненій внутри государства, которыя могли бы возбудить противъ него фарисеевъ. За всю свою жизнь онъ не выказалъ себя истиннымъ цадукеемъ. Поэтому наступившій вскорѣ разрывъ въ еврейскомъ государствѣ нельзя считать продолженіемъ распри между фарисеями и цадукеями. Цадукеи, которые вообще никогда не были сильны въ теоретическихъ диспутахъ, уступили фарисеямъ религіозную дѣятельность. Боязнь передъ народомъ, который былъ всецѣло преданъ фарисеямъ, должно быть, заставила ихъ прекратить раздоры и подчиниться, хотя бы только и внѣшнимъ образомъ, своимъ противникамъ.

Борьба партій приняла совершенно иной характеръ и, можетъ быть, даже прекратилась бы, если бы не появился человѣкъ, отличавшійся безмѣрнымъ честолюбіемъ, побуждаемый личными интересами, ставшій вампиромъ еврейскаго народа и высосавшій его благороднѣйшую кровь. Этотъ человѣкъ былъ Антипатръ, потомокъ знатнаго идумейскаго рода, который, подобно всѣмъ идумеямъ, былъ насильственно обращенъ Іоанномъ-Гирканомъ въ іудейство. Никогда еще дурной поступокъ не былъ такъ быстро и тяжело наказанъ. Фанатизмъ Гиркана I погубилъ его семью и весь народъ. Антипатру, благодаря его богатству и дипломатическимъ способно-

стямъ, удалось занять мѣсто намѣстника Идумеи въ царствованіе Александра и его жены Саломеи и пріобрѣсти подарками и услужливостью любовь не только своихъ родичей, но и сосѣдей—набатеевъ и жителей Газы и Аскалона. Гирканъ II, благодаря своей ограниченности, нуждался въ руководителѣ. Антипатру удалось пріобрѣсти его довѣріе, и онъ сталъ имъ злоупотреблять со всей безсовѣстностью фаворита, преслѣдующаго исключительно личные интересы. Онъ не упускалъ случая, чтобы напомнить Гиркану объ его униженіи, о томъ, что будучи призванъ быть царемъ, онъ принужденъ былъ уступить престолъ младшему брату. Онъ доказывалъ слабохарактерному Гиркану, что Аристовулъ замышляетъ его убить, такъ какъ только со смертью законнаго царя онъ будетъ твердо сидѣть на престолѣ. Такими средствами Антипатръ добился того, что напуганный Гирканъ рѣшилъ стать клятво-преступникомъ и призвать въ Іудею чужестранцевъ для рѣшенія спора. Ловкій Антипатръ заранѣе обсудилъ всѣ обстоятельства съ набатейскимъ царемъ Аретой. Гирканъ долженъ былъ играть только пассивную роль. Однажды ночью Гирканъ бѣжалъ изъ Іерусалима вмѣстѣ съ Антипатромъ и съ большими трудностями достигъ столицы Петры, расположенной, подобно птичьему гнѣзду, на высокой горѣ. Арета готовъ былъ поддержать Гиркана, такъ какъ Антипатръ склонилъ его на свою сторону роскошными подарками, и, кромѣ того, Арета надѣялся послѣ побѣды захватить тѣ 12 городовъ къ востоку и юго-западу отъ Мертваго моря, завоеваніе которыхъ стоило столькихъ трудовъ Хасмонеямъ; изъ этихъ 12-ти городовъ наиболѣе извѣстными были: Медаба, Сибма, Бетъ-Харанъ, Цоаръ, Хоронаимъ и Маріисса. Арета двинулся на Іудею съ 50-титысячнымъ войскомъ, къ которому присоединились приверженцы Гиркана. Произошло сраженіе, Аристовулъ былъ разбитъ и долженъ былъ бѣжать въ Іерусалимъ (66). Такимъ образомъ, спокойствіе, которое царило въ Іудеѣ впродолженіи трехъ лѣтъ, было надолго нарушено, благодаря безпредѣльному честолюбію Антипатра и ограниченности Гиркана.

Арета осадилъ Іерусалимъ въ началѣ весны. Многіе знатные іерусалимцы, вѣроятно, и вожди фарисеевъ, бѣжали изъ города. Многіе изъ нихъ направились въ Египетъ въ храмъ Ониаса, чтобы тамъ отпраздновать Пасху. Осада продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ; крѣпкія стѣны Іерусалима помогли небольшому войску Аристовула. Но стало недоставать съѣстныхъ припасовъ и, что было еще ужаснѣе для благочестивыхъ, не хватило животныхъ для жертвоприношеній въ храмѣ, а какъ разъ приближалась Пасха.

Аристовулъ обратился къ осаждавшимъ евреямъ съ просьбой выдать осажденнымъ за извѣстное вознагражденіе жертвенныхъ животныхъ. Гирканъ или скорѣе Антипатръ, который былъ душой войска Гиркана, вначалѣ

ничего не имѣлъ противъ выдачи жертвенныхъ животныхъ, такъ какъ осажденные предлагали за штуку (что, по всей вѣроятности, преувеличено) по 1000 драхмъ. Ежедневно съ городской стѣны спускали корзины съ золотомъ, взамѣнъ котораго поднимали наверхъ барановъ. Но такъ какъ осада затянулась, и неизвѣстно было, когда она кончится, одинъ хитрый совѣтчикъ, по всей вѣроятности, Антипатръ, далъ совѣтъ воспользоваться отсутствіемъ жертвенныхъ животныхъ для ускоренія сдачи города. Однажды сторонники Гиркана положили въ корзину и послали наверхъ, вмѣсто требуемаго барана, свинью. Эта насмѣшка произвела такое сильное впечатлѣніе, что Синедріонъ впослѣдствіи запретилъ разведеніе свиней. Еще одну жестокость позволили себѣ сторонники Гиркана въ это время. Среди бѣжавшихъ изъ осажденнаго города находился одинъ набожный мужъ Ониасъ, который однажды во время засухи вымолилъ у Бога дождь. Во время осады жилъ онъ въ пустынной мѣстности возлѣ Іерусалима. Солдаты Гиркана извлекли его изъ его убѣжища и, надѣясь, что Небо и въ этотъ разъ услышитъ его молитвы, потребовали, чтобы онъ проклялъ Аристовула и его сторонниковъ. Но, вмѣсто проклятія, Ониасъ обратился со слѣдующей молитвой къ Богу: „О Господи, какъ осаждающіе, такъ и осаждаемые твой народъ; не сдѣлай того, что обѣ стороны желаютъ другъ другу“. Грубые солдаты не поняли всего величія души, обнаруженнаго этимъ человѣкомъ, и убили его, какъ преступника. Такимъ образомъ они хотѣли заглушить голосъ совѣсти еврейскаго народа, который громко возставалъ противъ этого сумасброднаго братоусобія. Предводители старались заглушить голосъ совѣсти, но все же народъ былъ оскорбленъ такими поступками и считалъ землетрясеніе, происшедшее въ это время въ Палестинѣ, и ураганъ, надломившій колосья на поляхъ, признакомъ Божьяго гнѣва за поруганіе святого и убіеніе праведниковъ.

Еще большее несчастье, чѣмъ землетрясеніе и ураганъ, обрушилось на Іудею. „Хищный звѣрь съ желѣзными зубами, мѣдными когтями и каменнымъ сердцемъ, все пожирающій, остатки же попирающій ногами“, напалъ на Іудею, чтобы высосать ея кровь и пожрать ея тѣло. Пробилъ часъ, когда на израильскую землю опустился римскій орелъ, нанесъ ей множество новыхъ ранъ и, наконецъ, превратилъ ее въ холодный трупъ. Въ то время Римъ неумолимо рѣшалъ судьбу всѣхъ передне-азіатскихъ народовъ, грабя и разрушая; Іудеѣ предстояла такая же участь. Хищникъ издали почуялъ добычу и поспѣшилъ потушить въ ней послѣднюю искру жизни. Впервые онъ появился въ образѣ легата Помпея, Скавра, который, будучи незначительнымъ лицомъ на родинѣ, отправился въ Азію, надѣясь тамъ выдвинуться. Скавръ искалъ богатствъ и славы для себя и Помпея въ Сиріи; но, видя, что Сирія занята другими

кровопійцами, направился въ Іудею, гдѣ враждующіе братья встрѣтили его какъ благодѣтеля, такъ какъ надѣялись, что онъ выведетъ ихъ изъ затрудненія. Оба отправили къ нему пословъ. Зная жадность римлянъ къ золоту, они понимали, что послы не должны явиться съ пустыми руками. Посолъ Аристовула привезъ 400 талантовъ (2,000,000 м.), а посолъ Гиркана или скорѣе Антипатра ограничился только обѣщаніями. Въ интересахъ Рима, которые на этотъ разъ не шли въ разрѣзъ съ алчностью Скавра, было, чтобы набатейскій царь, располагавшій большими владѣніями и значительной властью, не сталъ, благодаря вмѣшательству въ еврейскую гражданскую войну, еще болѣе могущественнымъ. Скавръ потребовалъ, чтобы Арета прекратилъ осаду Іерусалима; въ случаѣ неповиновенія, онъ угрожалъ Аретѣ гнѣвомъ Рима. Аретѣ пришлось повиноваться и удалиться со своимъ войскомъ. По дорогѣ на войско Ареты напало войско Аристовула и разбило его на голову при Капиронѣ (?). Арета потерялъ въ этомъ сраженіи шесть тысячъ человѣкъ, а Антипатръ—своего брата Фаліона (65). Аристовулъ могъ временно считать себя побѣдоноснымъ царемъ Іудеи. Ходъ римской политики и осторожныя дѣйствія полководца Помпея противъ Митридата поддерживали въ Аристовулѣ увѣренность, что продолжительность его правленія Іудеей обезпечена. Воинственный, какъ его отецъ, онъ дѣлалъ нападенія на сосѣднія страны и содержалъ разбойничьи корабли, чтобы захватывать добычу и на морѣ. Два года (65—63) тѣшилъ себя Аристовулъ этимъ самообманомъ и даже чеканилъ въ это время монету, чтобы показать свою независимость.

Когда дѣло касалось подкупа или дипломатическаго искусства, Антипатръ на много превосходилъ Аристовула. Онъ успѣлъ склонить Скавра на сторону Гиркана, и тотъ обѣщалъ хлопотать за послѣдняго у Помпея, который въ это время стяжалъ лавры въ Сиріи. Помпей рѣшилъ воспользоваться борьбой между братьями для завоеванія Іудеи и такимъ образомъ внести въ списокъ порабощенныхъ имъ народовъ еще одинъ. Хотя Аристовулъ и прислалъ ему роскошный подарокъ, который былъ имъ принятъ, споръ между братьями не былъ прекращенъ Помпеемъ. Подарокъ Аристовула состоялъ въ виноградномъ деревѣ изъ чистаго золота съ золотыми листьями и золотыми виноградными кистями, стоимостью въ 500 талантовъ (2,062,500 м.). Это дерево было, по всей вѣроятности, сдѣлано по заказу царя Александра для украшенія храма, и на немъ была надпись „отъ Александра, еврейскаго царя“. Это художественное произведеніе возбуждало всеобщій восторгъ, и поэтому Помпей поспѣшилъ отослать его въ Римъ, гдѣ золотое дерево украшало собой храмъ Юпитера въ Капитоліи. Благодаря пожертвованіямъ благочестивыхъ, было сдѣлано вновь золотое виноградное дерево, которое опять красовалось у входа въ храмъ [1]).

[1]) Middot 3, 8.

Хотя Помпей и былъ польщенъ роскошнымъ подаркомъ, онъ тѣмъ не менѣе не сталъ на сторону Аристовула. Съ безмѣрной наглостью потребовалъ онъ черезъ пословъ враждующихъ братьевъ, Антипатра и Никодима, чтобы братья самолично явились къ нему въ Дамаскъ, гдѣ онъ разсудитъ ихъ. Аристовулъ и Гирканъ были сильно оскорблены этимъ унизительнымъ требованіемъ, но тѣмъ не менѣе предстали передъ Помпеемъ и стали доказывать каждый свое право на престолъ. Одинъ ссылался на свое старшинство, другой—на свою способность къ управленію. Одновременно съ ними явились къ Помпею и послы отъ третьей партіи. Дѣло въ томъ, что, во время спора между братьями Хасмонеями, въ Іудеѣ образовалась республиканская партія, которая требовала отмѣны наслѣдственной власти. Неизвѣстно, изъ какихъ элементовъ состояла эта партія, но, безъ сомнѣнія, къ ней примыкали члены Синедріона. Республиканцы были недовольны, главнымъ образомъ, послѣдними Хасмонеями и обвиняли ихъ въ томъ, что они измѣнили еврейское государственное устройство: первосвященника превратили въ монарха, чтобы поработить народъ. Вотъ теперь то и выступила эта партія, которая впослѣдствіи стала могущественной, явилась выразительницей народнаго негодованія, партія, оказавшая сопротивленіе всемогуществу римлянъ и окружившая паденіе еврейскаго государства ореоломъ геройства.

Но Помпей не придалъ значенія ни жалобамъ республиканцевъ, ни доводамъ враждующихъ братьевъ; онъ вовсе не имѣлъ намѣренія прекратить споръ, а хотѣлъ подъ видомъ умиротворенія Іудеи подчинить ее власти Рима. Онъ отлично понималъ, что слабый Гирканъ, дѣйствующій по совѣтамъ хитраго интригана Антипатра, скорѣе согласится стать подъ защиту Рима, чѣмъ безумно смѣлый Аристовулъ, и потому склонялся на сторону Гиркана. Но Помпей боялся преждевременнымъ рѣшеніемъ впутаться въ долгую борьбу съ Аристовуломъ въ такой трудной для веденія войны странѣ, какъ Іудея, и тѣмъ замедлить свой тріумфальный въѣздъ въ Римъ и потому задерживалъ Аристовула различными обѣщаніями. Аристовулъ замѣтилъ разставленныя ему сѣти и хотѣлъ ихъ во время порвать; онъ укрѣпился въ крѣпости Александріонъ на горѣ Сартаба, чтобы помѣшать вступленію римлянъ въ Іудею. Скоро безмѣрная наглость римлянъ обнаружилась во всей наготѣ. Съ Аристовуломъ, который не былъ связанъ съ римлянами никакими обязательствами и имѣлъ полное право защищаться, римскій полководецъ позволилъ себѣ обращаться, какъ съ упрямымъ бунтовщикомъ. Помпей выступилъ противъ него, перешелъ при Бетзанѣ черезъ Іорданъ, потребовалъ отъ Аристовула, чтобы онъ подчинился ему, и лживыми обѣщаніями и серьезными угрозами довелъ царя до такого состоянія страха и нерѣшительности, при которомъ и болѣе осмотрительный человѣкъ, чѣмъ Аристовулъ, поступилъ бы во вредъ самому себѣ.

Несчастный Аристовулъ передалъ Помпею крѣпости, но скоро, раскаиваясь въ своей глупости, удалился въ Іерусалимъ, чтобы тамъ за крѣпкими стѣнами защищаться до тѣхъ поръ, пока онъ не добьется болѣе благопріятныхъ условій. Помпей двинулся вслѣдъ за нимъ и въ Іерихонѣ получилъ пріятное для него извѣстіе о самоубійствѣ опаснаго врага Рима, Митридата. Эта легкая побѣда надъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ наполнила душу Помпея чувствомъ большого удовлетворенія. Онъ хотѣлъ только одолѣть незначительное препятствіе, именно, сопротивленіе Аристовула, чтобы въ Римѣ насладиться плодами достигнутыхъ безъ большого труда успѣховъ. Въ этотъ моментъ побѣда ему казалась легкой, потому что Аристовулъ, уступая страху и раскаиваясь въ своемъ поступкѣ, вернулся къ Помпею, преподнесъ ему богатые дары и обѣщалъ передать въ его власть Іерусалимъ. Легатъ Помпея, Габиній, отправился, чтобы овладѣть столицей и взять еще больше денегъ; но еврейскіе патріоты рѣшили сопротивляться этому и закрыли передъ Габиніемъ ворота столицы. Послѣ этого Аристовулъ былъ оставленъ Помпеемъ въ качествѣ заложника.

Такимъ образомъ Іерусалимъ по прошествіи трехъ лѣтъ вновь долженъ былъ выдержать осаду. Помпей двинулся туда со своимъ войскомъ, и городъ былъ ему переданъ гирканистами и мирно настроенными жителями; патріоты же удалились на храмовую гору, сломали мостъ и стали защищаться оттуда съ удивительнымъ упорствомъ. Помпей вынужденъ былъ противъ своей воли приняться за правильную осаду, потому что храмовая гора была хорошо защищена скалами, ущельями, искуственными рвами и башнями. Помпей долженъ былъ послать въ Тиръ за осадными машинами, чтобы поколебать стѣны, и привезти изъ отдаленныхъ лѣсовъ дрова для заполненія рвовъ. Такимъ образомъ осада затянулась и, вѣроятно, продолжалась бы еще дольше, если бы сами осажденные не облегчили врагу завоеваніе черезчуръ тщательнымъ соблюденіемъ субботы. Согласно одному (неизвѣстно, фарисейскому ли или цадукейскому) толкованію закона, осажденные считали себя вправѣ по субботамъ отражать вооруженное нападеніе на людей, но не атаку на стѣны. Лишь только римляне узнали объ этомъ, они поспѣшили этимъ воспользоваться; по субботамъ они не прибѣгали къ оружію, а только громили стѣны. Въ одну изъ субботъ (мѣсяца сивана, іюня 63 г.) одна изъ башенъ храма была повалена, открылась брешь, черезъ которую римляне пробились въ храмъ. Легіоны и вспомогательныя войска бросились во дворъ храма и тамъ стали убивать священниковъ рядомъ съ жертвенными животными. Аронды не прерывали своего священнаго дѣла, но спокойно ожидали смерти. Многіе бросились со стѣнъ въ пропасти, другіе сами сжигали себя. Въ общемъ въ этотъ день пало около 12,000 евреевъ. Помпей воспользовался

случаемъ, чтобы проникнуть во внутренность храма и этимъ удовлетворить свое любопытство относительно особенностей еврейскаго богослуженія, о которомъ шло много толковъ среди язычниковъ. Побѣдитель былъ не мало удивленъ, не найдя въ еврейскомъ святилищѣ ослиной головы и не видя тамъ вообще никакого изображенія божества. Это печальное событіе имѣло однако ту хорошую сторону, что разрушило тѣ суевѣрія и сказки, которыя распространяли о іудаизмѣ злонамѣренные александрійскіе памфлетисты и Антіохъ Эпифанъ. Произвело ли на Помпея такое сильное впечатлѣніе отсутствіе всякаго изображенія божества и величіе храма, или это была простая предосторожность, чтобы не быть обвиненнымъ своими врагами въ грабежѣ храма, во всякомъ случаѣ, замѣчательно то, что Помпей, поборовъ свою жадность, сохранилъ нетронутой казну храма, содержавшую около 2,000 талантовъ. Той случайности, что римскій завоеватель Іерусалима не принадлежалъ къ числу самыхъ жестокихъ, Іудея обязана была тѣмъ, что случившееся явилось только прологомъ къ разрушенію храма и что она сохранила еще тѣнь самостоятельности. Но независимость Іудеи съ этого дня погибла; черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ Маккавеи одержали верхъ надъ сирійской тираніей, ихъ потомки способствовали распространенію римской тиранін надъ Іудеей.

Что же выигралъ Гирканъ отъ того, что онъ призвалъ римскаго полководца въ судьи? Помпей отнялъ у него царскій титулъ, сохранивъ за нимъ только санъ первосвященника съ прибавкой двусмысленнаго титула этнарха, причемъ поставилъ его подъ опеку Антипатра, который былъ назначенъ блюстителемъ страны. Извѣстную власть и титулъ долженъ былъ Помпей ему оставить, чтобы онъ былъ въ состоянін бороться съ возмущеніемъ патріотовъ противъ подчиненія Іудеи, ибо при извѣстіи о завоеваніи Іерусалима извнутри страны пришло большое количество людей, желавшихъ съ оружіемъ въ рукахъ выразить свой протестъ противъ насилія. Это недовольство Гирканъ долженъ былъ побороть. Стѣны Іерусалима были разрушены, и Іудея стала разсматриваться какъ покоренная страна, хотя она еще не была превращена въ римскую провинцію. Іерусалимъ и вся Іудея вновь должны были платить чужой и враждебной державѣ подать, отъ которой едва освободились вѣкомъ раньше.

Въ чемъ же заключалась эта подать? Объявилъ ли побѣдитель по римскому обычаю поля, виноградники и луга собственностью государства и предоставилъ прежнимъ собственникамъ только пользованіе ими на правахъ арендаторовъ, при чемъ часть урожая они должны были платить римлянамъ въ качествѣ арендной платы? Или же земля побѣжденныхъ либо умершихъ въ борьбѣ съ римлянами, либо попавшихъ въ плѣнъ была отдана другимъ арендаторамъ? Точно ничего неизвѣстно. Римская жадность

заставляетъ предполагать самое жестокое отношеніе. Кромѣ того Іудея была ограничена болѣе узкими предѣлами и стала занимать лишь такое пространство, какое занимала до Хасмонеевъ. Всѣ приморскіе города и другія мѣстности, расположенныя на морскомъ берегу и населенныя греками: Газу, Азотъ, Аретузу, Ямнію, Яффу, Стратонову башню и Дору Помпей объявилъ вольными городами. Точно также Іудея потеряла тѣ внутренніе и заіорданскіе города, которые Гирканъ первый и Александръ послѣ тяжелыхъ трудовъ присоединили къ Іудеѣ. Самарія, Скитополись (Бетзанъ) и другіе города въ Изреельской равнинѣ, далѣе Гадара, Гиппосъ, Пелла, Діонъ, Филадельфія и другіе были вновь оторваны отъ Іудеи, частью превращены въ вольные города и подчинены римскому намѣстнику Сиріи. Свобода большей части этихъ городовъ ведетъ свое происхожденіе отъ Помпея, завоевателя Іерусалима. Десять городовъ, въ особенности заіорданскіе, заключили между собою оборонительный и наступательный союзъ (Декаполисъ). Изъ военноплѣнныхъ Помпей приказалъ казнить виновныхъ, т. е. пламенныхъ патріотовъ, остальныхъ же отправить въ Римъ. Плѣнные еврейскіе князья Аристовулъ, его сынъ Антигонъ, двѣ дочери, дядя и тесть Авесаломъ должны были отправиться въ Римъ и тамъ шествовать среди прочихъ побѣжденныхъ царей Азіи передъ тріумфальной колесницей Помпея (61). Въ то время, какъ Сіонъ покрылъ главу свою печалью, Римъ наслаждался торжествомъ побѣды; но приведенные въ Римъ еврейскіе плѣнные положили начало той общинѣ, которая въ другой формѣ вела войну съ римскими учрежденіями и отчасти ихъ побѣдила.

Безъ сомнѣнія, еще до вмѣшательства Помпея въ дѣла Іудеи евреи жили въ Римѣ и другихъ итальянскихъ городахъ. Они, вѣроятно, переселились туда изъ Египта и Малой Азіи. Первыми римскими евреями были не плѣнные, а купцы, которые, благодаря перевозу хлѣба и податей изъ Египта и Малой Азіи, находились въ связи съ римлянами. Эти переселенцы не составляли правильной общины, потому что у нихъ не было учителей закона. Между плѣнными, которыхъ Помпей привелъ въ Римъ, навѣрное находились люди знакомые съ закономъ, которыхъ богатые единоплеменники выкупали и побуждали остаться въ Римѣ. Потомки плѣнныхъ по римскому закону сохранили впослѣдствіи имя вольноотпущенныхъ (libertini). Еврейскій кварталъ въ Римѣ былъ расположенъ на правомъ берегу Тибра, на склонѣ Ватиканскаго холма либо потому, что этотъ кварталъ былъ предназначенъ для иностранцевъ, либо потому, что первые еврейскіе переселенцы въ Римѣ искали мѣста, удобнаго для грузки товаровъ. Мостъ черезъ Тибръ къ Ватикану еще долгое время носилъ имя еврейскаго моста (Pons Iudaeorum). Одинъ изъ жившихъ въ Римѣ евреевъ, по имени Ѳеодосій, ввелъ въ римской общинѣ обычай замѣнять пасхальнаго агнца,

котораго нельзя было ѣсть внѣ Іерусалима, чѣмъ то другимъ, потому что это стало излюбленной привычкой. Этимъ въ Іерусалимѣ были очень недовольны, такъ какъ это имѣло видъ, какъ будто заграницей приносятъ жертвы. Изъ Іерусалима отправили къ Ѳеодосію грозное посланіе слѣдующаго содержанія: „Если бы ты не былъ Ѳеодосіемъ, мы предали бы тебя проклятію“ [1]).

Римскіе евреи остались не безъ вліянія на ходъ политическихъ дѣлъ въ Римѣ. Изъ нихъ какъ прежніе поселенцы, такъ и выкупленные плѣнные имѣли право голоса въ народныхъ собраніяхъ и, благодаря тому, что они дѣйствовали по общему плану, благодаря ихъ трезвому, безпристрастному и разумному пониманію вещей, они пользовались иногда сильнымъ вліяніемъ при принятіи рѣшеній. Насколько было значительно ихъ тайное вліяніе, показываетъ то обстоятельство, что Цицеронъ, который научился ненависти къ евреямъ у своего учителя Аполлонія Моло, когда ему пришлось говорить противъ евреевъ, боялся громко высказать свои враждебныя евреямъ убѣжденія, чтобы не возбудить ихъ противъ себя. Ему пришлось защищать неправое дѣло претора Флакка, обвинявшагося въ неоднократныхъ вымогательствахъ, которыя онъ совершалъ во время управленія малоазіатской провинціей. Между прочимъ Флаккъ захватилъ пожертвованія на храмъ (Aurum Iudaeorum) еврейскихъ общинъ Малой Азіи, которыя составляли сумму около 200 фунтовъ золота и были собраны въ городахъ Апамеѣ, Лаодикеѣ, Адрамитіи и Пергамѣ (62). Онъ ссылался при этомъ на постановленіе сената, согласно которому былъ воспрещенъ вывозъ денегъ изъ римскихъ провинцій, а Іудея, хотя и покоренная, еще не имѣла чести считаться въ числѣ римскихъ провинцій. Римскіе евреи принимали самое горячее участіе въ процессѣ Флакка (59) и присутствовали на немъ среди прочей публики. Цицеронъ такъ сильно боялся ихъ, что онъ охотно говорилъ бы болѣе тихимъ голосомъ, чтобы быть услышаннымъ только судьями, но не евреями. Въ своей защитительной рѣчи онъ употребилъ мелкіе софистическіе извороты, которые могли бы произвести впечатлѣніе на грубыхъ римлянъ, но не на людей съ болѣе тонкимъ пониманіемъ вещей. Между прочимъ онъ высказалъ слѣдующее: „Чрезвычайно важно выступить противъ варварскихъ суевѣрій евреевъ и въ интересахъ римскаго государства показать презрѣніе евреямъ, дѣятельно работающимъ въ народныхъ собраніяхъ. Если Помпей не воспользовался своими правами побѣдителя и оставилъ нетронутыми сокровища храма, то онъ это сдѣлалъ не изъ уваженія къ еврейскимъ святилищамъ, а изъ благоразумія, чтобы не дать повода подозрительной и клеветнической части еврейскаго народа къ жалобамъ и обвиненіямъ, иначе врядъ ли онъ пощадилъ бы чужія, да еще еврейскія

[1]) Pesachim 53 a.

святилища. Когда еще Іерусалимъ не былъ покоренъ и евреи жили въ мирѣ съ нами, они выказывали глубокое отвращеніе къ блеску римской имперіи, къ славѣ римскаго имени, къ законамъ нашихъ предковъ, и въ послѣдней войнѣ еврейскій народъ показалъ, какими враждебными чувствами онъ воодушевленъ по отношенію къ намъ. Какъ мало любимъ этотъ народъ безсмертными богами, видно изъ того, что ихъ страна завоевана и опустошена". Какое впечатлѣніе произвела эта рѣчь и каковъ былъ приговоръ по дѣлу Флакка, неизвѣстно. Годомъ позже Цицеронъ былъ изгнанъ и не имѣлъ права находиться въ окружности 80 миль отъ Рима; его домъ и его виллы были сравнены съ землей.

Положеніе раздробленной Іудеи послѣ удаленія Помпея стало еще тяжелѣе, потому что страна осталась не то въ положеніи завоеванной провинціи, не то въ положеніи самостоятельной страны. Если бы она была превращена въ римскую провинцію, то, по крайней мѣрѣ, она могла бы пользоваться выгодами этого положенія; но неопредѣленность ея отношеній къ Риму дѣлала ее зависимой отъ настроенія и произвола римскихъ чиновниковъ, потому что въ сенатѣ мало думали о Іудеѣ. Произвольное управленіе сирійскихъ проконсуловъ, которые постоянно позволяли себѣ злоупотребленія, не находило въ Римѣ обвинителей. Могущественный министръ Гиркана содѣйствовалъ тому, чтобы это состояніе было болѣе продолжительно и болѣе тягостно; съ большими жертвами онъ поддерживалъ связь съ Римомъ, служившей ему опорой противъ нелюбви народа, который смотрѣлъ на него, какъ на убійцу свободы. Потомъ Іудеи поддерживалъ Антипатръ римскаго полководца Скавра, который предпринялъ походъ изъ Іудеи противъ набатейскаго царя Ареты. Старшій сынъ Аристовула, Александръ II, который бѣжалъ изъ плѣна и достигъ Іудеи, призвалъ къ себѣ патріотовъ, вооружилъ 10,000 человѣкъ пѣхоты и 1500 конницы и повелъ это войско противъ Іерусалима. Гирканъ или, правильнѣе, хозяйничавшій тогда Антипатръ не могъ держаться противъ него и оставилъ столицу, которую Александръ приказалъ укрѣпить. Чтобы обезпечить себя, онъ приказалъ укрѣпить также главныя крѣпости Александріонъ, Гирканіонъ по сю сторону и Махеръ по ту сторону (59–58). Бывшій тогда проконсуломъ и намѣстникомъ Сиріи Лентулъ Марцеллинъ долженъ былъ вести войну съ хитрымъ и воинственнымъ Аретой, вслѣдствіе чего не обращалъ вниманія на событія въ Іудеѣ; можетъ быть, Александръ деньгами склонилъ его къ этому. За деньги римскіе сановники помогали то одной, то другой партіи. Александръ чувствовалъ себя настолько безопаснымъ, что приказалъ чеканить монеты съ греческо-еврейской надписью: „царь Александръ и первосвященникъ Іонатанъ".

Между тѣмъ намѣстникомъ въ Сиріи явился Авлъ Габиній, сторонникъ Помпея и самый безсовѣстный изъ всѣхъ римскихъ чиновниковъ. Антипатръ, который его еще раньше подкупилъ, поспѣшилъ къ нему и сообщилъ о своемъ горѣ; тотъ былъ немедленно готовъ воевать съ Александромъ. Съ римскими легіонами и еврейскими войсками, которыми командовали еврейскіе полководцы Питолай и Малихъ, имѣвшіе впослѣдствіи достаточно основаній раскаиваться въ своей помощи римлянамъ, разбилъ онъ Александра при Іерусалимѣ и заставилъ его бѣжать въ Александріонъ. Эту крѣпость Габиній осаждалъ до тѣхъ поръ, пока Александръ не вынужденъ былъ просить мира. Смертную казнь, которая грозила Александру, отвратила отъ него съ трудомъ его мать, которая, обнимая колѣна римлянина, молила его о милости. Три крѣпости, которыми Александръ пользовался какъ убѣжищемъ, были срыты до основанія.

Два поступка Габинія послѣ его побѣды надъ Александромъ, оказавшіе одинъ преходящее, другой сильное вліяніе, показываютъ, что коварная политика римлянъ „властвовать, раздѣляя" стала у нихъ руководящимъ инстинктомъ, и они примѣняли ее даже тамъ, гдѣ они встрѣчали только слабое сопротивленіе. Чтобы лишить Іудею возможности расширить свои границы и увеличить свое могущество, Габиній побудилъ ставшіе независимыми пограничные города исправить свои разрушенныя укрѣпленія. На основаніи этого позволенія, которое напоминало собой приказаніе, были вновь укрѣплены нѣкоторые, прежде принадлежавшіе къ Іудеѣ, города; среди прочихъ были укрѣплены расположенные на берегу моря Рафія, Антедонъ, Газа, Азотъ и Дора и внутри страны Самарія и Бетзанъ; послѣдній въ честь своего благодѣтеля былъ названъ Габиніополисъ. Эти города впослѣдствіи показали непримиримую ненависть къ Іудеѣ. Слабохарактерный Гирканъ лишился даже своей ограниченной власти этнарха. Онъ былъ терпимъ только какъ первосвященникъ; но даже то единство, которое представлялъ онъ и Синедріонъ, должно было быть уничтожено. Іудея не должна была больше образовать единаго государственнаго тѣла для управленія и законодательства; Габиній раздѣлилъ Іудею на пять округовъ (57), во главѣ каждаго стоялъ особый совѣтъ. Этотъ совѣтъ получилъ имя Синедріона и имѣлъ свое мѣстопребываніе въ главномъ городѣ. Южная часть страны или собственно Іудея была раздѣлена на четыре округа съ 4-мя главными городами: Іерусалимомъ, Газарой, Эммаусомъ и Іерихономъ; Галилея, которая не была густо населена евреями, имѣла только одинъ главный городъ Сепфорисъ. Во главѣ пяти Синедріоновъ были поставлены дружественныя римлянамъ лица изъ священнической аристократіи, въ интересахъ которой было хранить дружбу съ Римомъ.

Хотя этотъ поступокъ Габинія показываетъ, что онъ ясно понималъ важное значеніе Синедріона для еврейскаго народа, однако онъ ошибался

относительно дѣйствительности его мѣры. Такъ какъ это учрежденіе было вызвано къ жизни самимъ народомъ и не являлось чѣмъ то навязаннымъ извнѣ, то нелегко было уничтожить его централизующее вліяніе. Съ отъѣздомъ Габиніи изъ страны это раздѣленіе Іудеи на пять округовъ исчезло, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда. Іерусалимскій Синедріонъ такъ же, какъ и раньше, являлся сердцемъ всего народа, и только его власть была уменьшена. Кажется, что съ этого времени появилось названіе „Синедріонъ“; въ отличіе отъ остальныхъ іерусалимскій Синедріонъ получилъ названіе „Великаго“. Политическимъ вліяніемъ онъ уже, правда, не обладалъ, потому что римляне захватили всю власть въ свои руки, но онъ пользовался еще очень большимъ духовнымъ авторитетомъ. Его двумя предсѣдателями послѣ смерти Симона бенъ-Шетахъ были лучшіе ученики послѣдняго Шемая (Sameas) и Авталіонъ (Pollion). Въ тѣхъ изреченіяхъ, которыя сохранились отъ нихъ, отражается все безнадежное настроеніе эпохи. Шемая твердилъ ученикамъ: „люби трудъ, бѣги отъ господства и не сближайся со свѣтскими властями“[1]). Авталіонъ со своей стороны говорилъ учителямъ закона: „будьте осторожны въ своихъ словахъ, чтобы не навлечь на себя изгнанія изъ страны; ваши ученики послѣдовали бы тогда за вами въ страну полную обольщеній и не выдержали бы искушеній, и такимъ образомъ было бы осквернено имя Бога“[2]). На основаніи одного плохо понятаго выраженія *) предполагали, что Шемая и Авталіонъ оба были прозелитами и, по преданію, происходили отъ ассирійскаго царя; но трудно предположить, чтобы знаніе закона въ то время на столько упало, что прозелиты въ немъ превосходили коренныхъ евреевъ; да и вообще прозелитовъ не допускали къ высшимъ должностямъ (стр. 76). Но кажется, что они были александрійцами или, по крайней мѣрѣ, долго жили въ изгнаніи въ Александріи, можетъ быть, со своимъ учителемъ Іудою бенъ-Табай. Въ теченіи своей 25-лѣтней дѣятельности (60—35), когда политическое вліяніе Синедріона все болѣе и болѣе исчезало, они обратили все свое вниманіе на внутреннее развитіе народа. Они собирали вокругъ себя любознательныхъ учениковъ, которымъ они передавали свои знанія закона, его толкованія и его примѣненія. Благодаря своему глубокому знанію устныхъ законовъ, они пользовались впослѣдствіи такимъ общепризнаннымъ авторитетомъ, что указаніе на принадлежность Шемаѣ и Авталіону какого нибудь толкованія считалось достаточнымъ доказательствомъ [3]). Вообще они являются почти единственными учителями закона, на изреченія и рѣшенія которыхъ ссылались въ позднѣйшее время,

[1]) Abot 1, 20.

[2]) Т. же 11.

[3]) Pesachim 66 a; Iom-tob (или Bezah. *Red.*) 25 a; Iebamot 67 a; Adojot 1, 3.

*) Въ Ieruschalmi. *Red.*

потому что они больше, чѣмъ ихъ предшественники, занимались теоретическою переработкой переданнаго имъ законодательнаго матеріала. Одинъ изъ ихъ самыхъ крупныхъ и благодарныхъ учениковъ назвалъ ихъ „столпами своего времени“ (gedolê ha-Dor [1]). Съ Шемаей и Авталіономъ начинается то направленіе въ фарисействѣ, которое чуждалось свѣтскихъ интересовъ и погружалось въ изслѣдованія закона, охватывая современемъ все болѣе и болѣе широкіе круги и становясь, наконецъ, единственнымъ утѣшеніемъ народа. Шемаю и Авталіона считали не только мудрецами, но и великими толкователями Писанія (Darschanim). Возможно, что лучшее знакомство съ Писаніемъ они вывезли въ Іудею изъ Александріи, гдѣ серьезно занимались грамматикой. До какой степени доходила ихъ душевная сила, покажетъ случай, разсказанный ниже; онъ также дастъ представленіе о той потерѣ чувства собственнаго достоинства, которое замѣчалось въ народѣ вслѣдствіе владычества чужеземцевъ и слабоумія Гиркана.

Внѣшняя исторія Іудеи въ теченіи нѣкотораго времени представляла собой только рядъ возстаній противъ римскихъ насилій и ихъ несчастныя послѣдствія: угнетеніе народа, грабежи, осквернение храма, которыя римскіе начальники и ихъ приспѣшники сдѣлали обычнымъ явленіемъ. Въ это бѣдственное время, какъ кажется, былъ введенъ обычай читать во время праздника Пуримъ въ молитвенныхъ домахъ книгу Эсѳирь, и этотъ праздникъ сталъ религіозно-обязательнымъ. Это чтеніе должно было напоминать народу, что въ прежнее время Богъ помогалъ ему въ нуждѣ, даже не прибѣгая къ чудесамъ, и что Онъ не оставитъ его и въ это время. Объ успѣшномъ возстаніи противъ Рима не могло быть и рѣчи. Аристовулу удалось со своимъ сыномъ Антигономъ бѣжать изъ Рима—въ чемъ ему, вѣроятно, помогли римскіе единоплеменники и сенаторы, враждебные Помпею—и явиться въ Іудею. Римское иго было такъ тягостно, что Аристовулъ, далеко не бывшій раньше любимцемъ народа, былъ теперь встрѣченъ съ воодушевленіемъ и принятъ какъ спаситель въ бѣдѣ. Каждый предлагалъ ему свои услуги, такъ что не хватало оружія, чтобы превратить всѣхъ добровольцевъ въ воиновъ. Еврейскій полководецъ Питолай, который раньше стоялъ на сторонѣ Гиркана и помогалъ ему бороться съ Аристовуломъ, перешелъ теперь на сторону послѣдняго. Аристовулъ имѣлъ такимъ образомъ восьмитысячное войско, съ помощью котораго онъ прежде всего хотѣлъ возстановить крѣпость Александріонъ и вести оттуда партизанскую войну противъ римлянъ. Но его горячій темпераментъ заставилъ его вступить въ открытый бой съ римлянами, причемъ большая часть ето войска была убита, а другая была разсѣяна. Все еще не желая подчиниться, бросился Аристовулъ въ крѣпость Махеръ, которую онъ поспѣшилъ приве-

[1]) Pesachim 66 a.

сти въ оборонительное состояніе. Римляне подступили со своими осадными машинами, и послѣ двухдневной осады Аристовулъ долженъ былъ сдаться и вторично въ оковахъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ отправиться въ Римъ (56). Также печально окончилось возстаніе, поднятое его сыномъ Александромъ, освобожденнымъ сенатомъ по просьбѣ Габинія. Сдѣлавшійся ненавистнымъ своими грабежами намѣстникъ Сиріи такъ тяжко угнеталъ страну, что жители въ отчаяніи схватились за оружіе, чтобы помочь Александру въ его борьбѣ противъ римлянъ. Онъ могъ выставить болѣе 30,000 воиновъ. Онъ началъ съ того, что истреблялъ всѣхъ римлянъ, которые встрѣчались у него на пути, и осадилъ тѣхъ, которые бѣжали на гору Гаризимъ. Габиній не имѣлъ достаточно войска, чтобы выступить противъ него въ походъ и долженъ былъ воспользоваться услугами хитраго Антипатра, чтобы отвлечь часть войска отъ Александра. Съ оставшимся войскомъ Александръ выступилъ противъ Габинія, собравшаго тѣмъ временемъ свою армію, необдуманно вступилъ съ нимъ въ бой при горѣ Таворѣ (Mt. Tabor) и потерпѣлъ страшное пораженіе (55). Габиній, по совѣту и указанію Антипатра, сталъ вводить новыя учрежденія въ Іерусалимѣ.

Между тѣмъ три наиболѣе вліятельныхъ человѣка въ Римѣ, изъ которыхъ Юлій Цезарь отличался своею мудростью, Помпей—военной славой и Крассъ—богатствомъ, соединились и заключили союзъ для того, чтобы сломить силу сената и оптиматовъ и направлять государственныя дѣла по своему желанію (56). Тріумвиры распредѣлили между собою лучшія страны въ качествѣ провинцій, каждымъ изъ нихъ самостоятельно управляемыхъ. Крассъ, несмотря на все свое сказочное богатство, жадный къ деньгамъ, получилъ Сирію, къ которой была причислена и Іудея. Во время своего похода противъ парѳянъ онъ, привлекаемый богатствами храма, по дорогѣ завернулъ въ Іерусалимъ. Сокровища храма увеличивались благодаря жертвоприношеніямъ, дарамъ, которые евреи, жившіе въ странахъ разсѣянія, ежегодно посылали въ Іерусалимъ, и приношеніямъ, которыя дѣлались язычниками, признававшими іудаизмъ и ставшими почитателями Бога Израиля (полупрозелитами). Крассъ нисколько не скрывалъ, что онъ хочетъ взять тѣ 2000 талантовъ, которые Помпей оставилъ нетронутыми. Чтобы удовлетворить его жадности къ деньгамъ, благочестивый казначей храма Элеазаръ преподнесъ ему золотое бревно (вѣсомъ въ 300 минъ), которое, благодаря своему деревянному покрову, оставалось неизвѣстнымъ остальнымъ священникамъ. Крассъ торжественно поклялся пощадить сокровища храма. Но что значила для римлянина данная евреямъ клятва? Крассъ взялъ золотое бревно, 2000 талантовъ и, кромѣ того, золотые священные сосуды, которые стоили около 8000 талантовъ (54). Нагруженный похищенными здѣсь и въ другихъ

мѣстахъ сокровищами, Крассъ отправился противъ парѳянъ. Но о силы этого народа постоянно разбивалось римское могущество. Ненасытный Крассъ былъ убитъ и его войско изрублено, такъ что его легатъ Кассій Лонгинъ изъ стотысячнаго войска привелъ обратно въ Сирію едва $^1/_{10}$ часть (53). Парѳяне преслѣдовали ослабленное римское войско, и потерявшіе терпѣніе сирійцы тайно помогали имъ противъ римлянъ. Этотъ моментъ казался еврейскому народу благопріятнымъ для сверженія римскаго ига; такъ какъ на лицо не было никого изъ еврейскихъ князей и Гирканъ все еще былъ безсиленъ, находясь подъ вліяніемъ Антипатра, то Питолай, который спасся изъ крѣпости Махеръ, собралъ большое войско, чтобы вести его противъ Кассія. Но счастье оставляло еврейское оружіе всякій разъ, какъ оно сталкивалось съ римскимъ. Войско, которое было заперто въ Тарихеѣ (Магдалѣ) на Тиверіадскомъ озерѣ, должно было сдаться. По настоянію Антипатра, Питолай былъ приговоренъ Кассіемъ къ смертной казни, а 30,000 еврейскихъ воиновъ были проданы въ рабство (52).

Еще разъ плѣнному Аристовулу блеснула надежда вновь занять престолъ своихъ отцовъ, а измѣнника Антипатра, который навлекъ столько бѣдъ на еврейскій народъ и на домъ хасмонеевъ, обратить въ его прежнее ничтожество. Юлій Цезарь, величайшій человѣкъ, котораго породилъ Римъ, вступилъ въ борьбу съ сенатомъ и объявилъ войну своему бывшему союзнику Помпею. Страшная война между двумя повелителями Рима разбросила огонь по самымъ отдаленнымъ частямъ римскаго государства. Чтобы ослабить власть Помпея, Цезарь освободилъ жившаго въ Римѣ Аристовула и далъ ему два легіона для того, чтобы онъ дѣйствовалъ въ его пользу въ Сиріи и Іудеѣ. Но сторонники Помпея помѣшали этому шагу, отравивъ еврейскаго князя. Друзья послѣдняго положили трупъ его въ медъ до тѣхъ поръ, пока не привезли его въ Іудею и не похоронили въ семейной гробницѣ хасмонеевъ. Несчастная судьба царила надъ этой семьей, такъ что только немногіе умерли своею смертью. Старшій сынъ Аристовула, Александръ, въ это же время, по приказанію Помпея, былъ обезглавленъ помпеянцемъ Сципіономъ въ Антіохіи (49). Остальные члены несчастной семьи Аристовула, его жена и сынъ Антигонъ, нашли убѣжище у князя Халкиды, у Ливанскихъ горъ, по имени Птоломея, сынъ котораго Филиппіонъ влюбился въ дочь Аристовула Александру и увезъ ее. Его отецъ Птоломей, изъ любви къ своей невѣсткѣ, приказалъ умертвить своего сына и женился на его вдовѣ. Такова была несчастная судьба хасмонеевъ, что они не стыдились вступать въ бракъ съ язычниками и доходили даже до кровосмѣшенія.

Во время гигантской борьбы между могущественными врагами за владычество не были пощажены и евреи, не только жившіе на родинѣ, но

и разсѣянные по римской имперіи. Однако обстоятельства сложились лучше, чѣмъ можно было ожидать. Въ малой Азіи жило многочисленное еврейское населеніе, въ особенности въ Эфесѣ, главномъ городѣ Азіи въ римское время, въ Сардахъ, бывшей столицѣ лидійскаго царства, въ Пергамѣ и въ другихъ мѣстахъ. Когда Юлій Цезарь овладѣлъ Римомъ, консулъ Люцій Корнелій Лентулъ былъ назначенъ (апрѣль 49) въ эту провинцію, чтобы набрать войска для Помпея. Евреи этой провинціи должны были также отбыть воинскую повинность. Для нихъ это было невыносимо; они должны были биться или быть битыми за Помпея, который былъ врагомъ ихъ народа, который повергъ Іудею въ рабство и былъ виновникомъ смерти двухъ князей изъ династіи Хасмонеевъ. Во время войны они должны были нарушать свои религіозные законы, браться за оружіе по субботамъ и ѣсть недозволенныя кушанья. Жившіе въ Эфесѣ вліятельные евреи сумѣли, впрочемъ, избавить своихъ единовѣрцевъ отъ этого.

Когда римскіе военные трибуны хотѣли взять на военную службу еврейскихъ юношей и мущинъ въ Эфесѣ, гдѣ находилась главная квартира консула Лентула, то выступилъ ораторъ Досиѳей, сынъ Клеопатрида изъ Александріи, по всей вѣроятности еврей, и указалъ, что евреи, которые были римскими гражданами и которымъ съ давнихъ поръ было обезпечено соблюденіе ихъ религіозныхъ законовъ, не могутъ быть привлекаемы къ военной службѣ. За освобожденіе евреевъ отъ воинской повинности съ изумительнымъ рвеніемъ ратовалъ Титъ Амній Бальбъ, который былъ назначенъ легатомъ и которому былъ порученъ наборъ войска. Онъ побудилъ консула высказаться за освобожденіе малоазійскихъ евреевъ и опубликовать свое рѣшеніе (19 сентября 49). Этотъ другъ евреевъ постарался о томъ, чтобы эдиктъ сталъ немедленно извѣстенъ всѣмъ. Такимъ образомъ были избавлены отъ воинской повинности евреи въ Сардахъ и на островѣ Делосѣ (май 48). Еврейская община въ Сардахъ получила отъ квестора и проконсула Люція Антонія эдиктъ, которымъ подтверждались ея старыя права созывать религіозныя собранія и судиться по своимъ законамъ.

Антипатръ, который сталъ силою благодаря Помпею, послалъ ему на помощь еврейское войско на театръ военныхъ дѣйствій къ Фарсалѣ, гдѣ (августъ 48) долженъ былъ рѣшиться вопросъ, кто будетъ повелителемъ римскаго міра, Помпей или Цезарь. Лишь только счастье повернулось спиною къ Помпею, и онъ позорно умеръ въ Египтѣ, то коварный идумей со спокойной совѣстью сталъ помогать Цезарю противъ помпеянцевъ. Въ томъ опасномъ положеніи, въ которомъ находился Цезарь въ Египтѣ безъ достаточнаго количества войскъ, не имѣя извѣстій изъ Рима, среди враждебнаго населенія (октябрь 48—мартъ 47), Антипатръ дѣятельно помогалъ ему, что не осталось впослѣдствіи безъ награды. Онъ снабдилъ вспомогательное войско, которое велъ къ Цезарю пергамскій царь Митридатъ, всѣмъ необходимымъ, присоединилъ къ нему трехтысячный еврейскій отрядъ, помогъ ему завоевать Пелузій, поколебалъ вѣрность египетскихъ еврейскихъ войскъ, стоявшихъ въ Оніонѣ, противъ ихъ царя, послѣдняго изъ Птоломеевъ, показавъ имъ письма отъ Гиркана, въ которыхъ послѣдній побуждалъ ихъ помогать Цезарю, и вообще всячески содѣйствовалъ его побѣдѣ (48). За это всемогущій Цезарь наградилъ его римскимъ гражданствомъ, свободою отъ податей для его семьи и званіемъ намѣстника Іудеи. Теперь Антипатръ не нуждался въ милости Гиркана и скорѣе могъ разсматриваться какъ его покровитель. Напрасно оставшійся въ живыхъ сынъ Аристовула Антигонъ напоминалъ Цезарю о вѣрности ему своего отца и брата, которые погибли на его службѣ въ то время, какъ Гирканъ и Антипатръ служили его врагу Помпею. Въ отвѣтъ на это Антипатръ показалъ Цезарю тѣ раны, которыя онъ получилъ, сражаясь за него, и одержалъ верхъ надъ Антигономъ. Глубокій знатокъ людей Цезарь такъ цѣнилъ услуги и энергію Антипатра, что не могъ поддержать притязанія Антигона. Изъ любезности къ Антипатру Цезарь утвердилъ Гиркана первосвященникомъ и этнархомъ (47). Іудея также получила нѣкоторыя облегченія; разрѣшено было возстановить стѣны Іерусалима. Области, принадлежавшія раньше къ Іудеѣ, а именно нѣкоторые города въ изреельской долинѣ и Лидда были присоединены къ ней. Цезарь освободилъ евреевъ отъ военныхъ повинностей, а именно отъ очень тягостнаго расквартировыванія римскихъ легіоновъ на зиму; однако землевладѣльцы каждый второй годъ должны были отвозить въ Сидонъ на содержаніе войскъ четвертую часть урожая. Только въ субботній годъ они освобождались отъ этой натуральной повинности, потому что поля не обрабатывались. Впрочемъ, это не была единственная подать, наложенная на землевладѣльцевъ; десятину съ урожая долженъ былъ получать Гирканъ, доходъ, который утвердилъ за нимъ Цезарь, прибавивъ ему еще на содержаніе двора доходы съ города Яффы.

Умный Антипатръ не хотѣлъ сдѣлать свое положеніе зависимымъ исключительно отъ счастья Цезаря. Вѣдь могущественный диктаторъ, противъ котораго соединили всѣ свои силы республиканцы и помпеянцы, могъ быть побѣжденнымъ или умереть. Постановленія римскаго сената и народнаго собранія должны были на вѣчныя времена укрѣпить власть, внѣшнимъ образомъ дарованную Гиркану, но въ дѣйствительности принадлежавшую ему. Диктаторъ можетъ исчезнуть, но сенатское постановленіе, подкрѣпленное къ тому же народнымъ рѣшеніемъ, долговѣчно.

Онъ могъ разсчитывать на благосклонность Цезаря и на легкость для послѣдняго добиться такого постановленія. Но какъ можно было за-

ставить могущественнаго повелителя, занятаго исправленіемъ расшатавшагося государственнаго зданія, уничтоженіемъ своихъ враговъ и медленнымъ превращеніемъ республиканскаго устройства въ монархическое, заняться еще еврейскими дѣлами? Поэтому надо было склонить на свою сторону друзей Цезаря. Антипатръ побудилъ Гиркана послать много денегъ въ Римъ. Подарки, которые передали друзьямъ Цезаря посланцы Гиркана, были переданы имъ отъ имени Антипатра. Эти друзья Цезаря искали лишь удобнаго случая, чтобы выказать благосклонность къ евреямъ. Римскій сенатъ, само собою разумѣется, утверждалъ все, что ему предлагали и что Цезарь одобрилъ; онъ постановилъ: во 1), евреи должны считаться друзьями и союзниками римскаго народа; во 2), Гирканъ еще раньше и въ особенности во время затруднительнаго положенія оказалъ важныя услуги; въ 3), за нимъ и за его потомками долженъ быть сохраненъ санъ первосвященника, и онъ въ то же время долженъ быть признанъ этнархомъ Іудеи даже за ея предѣлами; въ 4), если въ какой либо римской провинціи евреямъ будетъ нанесена обида, Гирканъ вправѣ ихъ защищать и рѣшать вопросъ о томъ, что относится къ дарованной имъ религіозной свободѣ; въ 5), онъ, его потомки и его послы должны быть принимаемы съ честью въ Римѣ, и имъ должно отводиться почетное мѣсто на цирковыхъ зрѣлищахъ; въ 6), присоединенныя къ Іудеѣ области остаются за нею; въ 7), она освобождается отъ набора войскъ, вымогательства денегъ и обязанности предоставлять зимнія квартиры римскимъ полководцамъ; въ 8), всѣ эти права и привиллегіи должны быть написаны на доскѣ на греческомъ и на латинскомъ языкѣ, на Капитоліи и въ храмахъ Сидона, Тира и Аскалона; и, наконецъ, въ 9), еврейскимъ посламъ въ Римѣ должны быть поднесены подарки.

Постановленіе сената, благопріятствовавшее евреямъ, было съ такою же легкостью подтверждено народнымъ собраніемъ, ибо это согласовалось съ желаніемъ Цезаря. Но всѣ права и привиллегіи, предоставленныя Іудеѣ и Гиркану, въ дѣйствительности были на пользу Антипатру, и только евреи, жившіе въ римскихъ провинціяхъ, получили выгоду отъ расположенія Цезаря.

Относившійся вообще чрезвычайно благосклонно къ евреямъ, Цезарь хотѣлъ ихъ имѣть на своей сторонѣ въ гречес. провинціяхъ, гдѣ на нихъ можно было скорѣе положиться, чѣмъ на лживыхъ и легкомысленныхъ грековъ. За александрійскими евреями, въ награду за оказанныя ими услуги, онъ подтвердилъ равноправіе съ греками, которымъ они издавна пользовались, равно какъ и всѣ ихъ привиллегіи, среди которыхъ было право быть управляемыми и судимыми единоплеменнымъ княземъ и начальникомъ (этнархомъ, арабархомъ). Эти привиллегіи для памяти онъ приказалъ выгравировать на одной колонѣ. Особымъ

постановленіемъ онъ разрѣшилъ вывозъ пожертвованій въ пользу храма, что оспаривалось въ теченіе многихъ лѣтъ (стр. 121). Малоазіатскимъ евреямъ, у которыхъ греческіе сограждане оспаривали религіозную свободу, Цезарь подтвердилъ право не быть вызываемыми къ суду по субботамъ, устраивать собранія, что было особенно строго воспрещено изъ опасенія мятежей, строить синагоги и вообще свободно отправлять свои религіозные обряды (47—44).

Если дурно расположенные къ евреямъ малоазіатскіе греки мѣшали имъ въ отправленіи своихъ религіозныхъ обычаевъ, и они не могли найти защиты у римскаго проконсула или претора, то они обращались съ жалобами къ назначенному ихъ защитникомъ этнарху Гиркану; послѣдній черезъ своихъ пословъ обращался съ письмомъ къ римскому намѣстнику, который, ссылаясь на Цезаря или на постановленіе римскаго сената, заставлялъ враждебный евреямъ городъ предоставить имъ религіозную свободу. Вслѣдствіе такого посольства одинъ проконсулъ приказалъ жителямъ Лаодикеи въ Великой Фригіи и Траллеса въ Каріи не мѣшать еврейскимъ согражданамъ соблюдать празднованіе субботы и другіе религіозные законы. Греки Милета и Парія (городъ въ Мизіи) прибѣгали въ отношеніи къ евреямъ даже къ насилію въ дѣлахъ вѣры, стѣсняя ихъ въ празднованіи субботы и въ устройствѣ собраній съ религіозной цѣлью. Строгое слово римскаго намѣстника, который зналъ, что Цезарь серьезно расположенъ къ евреямъ, было достаточно, чтобы положить конецъ этой нетерпимости. Въ нѣкоторыхъ городахъ не нужно было прибѣгать къ увѣщеваніямъ или принужденіямъ; достаточно было указанія со стороны евреевъ на Цезаря и на сенатское постановленіе, чтобы смягчить гражданъ. Такъ городъ Сарды постановилъ отвести имъ мѣсто для постройки синагоги, и рыночные смотрители были обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы евреи находили тѣ средства пропитанія, которыя имъ предписывались закономъ ихъ вѣры. Гирканъ, бывшій на родинѣ только тѣнью правителя, являлся для своихъ единовѣрцевъ на чужбинѣ сильной защитой.

Цезарь, по всей вѣроятности, оказалъ благодѣяніе и римско-еврейской общинѣ, потому что она показала глубокую привязанность къ его памяти. Несмотря на то, что онъ запрещалъ гражданамъ всякія собранія изъ опасенія возстаній и возмущеній противъ той монархической власти, къ которой онъ стремился, онъ разрѣшилъ евреямъ устройство религіозныхъ собраній. Но все это оставляло еврейскій народъ, какъ таковой, совершенно холоднымъ именно потому, что все это были только знаки расположенія. Внѣпалестинскіе евреи могли благословлять Цезаря, какъ своего благодѣтеля, но для палестинскихъ онъ былъ только римлянином, покровителемъ ненавистнаго идумея. Ничѣмъ не привѣтствовали

они провозглашеніе дарованныхъ имъ правъ, ни одинъ поступокъ, ни одинъ праздникъ не свидѣтельствовали о радости народа по поводу этихъ подачекъ. Народъ такъ угрюмо и мрачно смотрѣлъ на все происходившее, что Антипатръ вынужденъ былъ грозить недовольнымъ своимъ собственнымъ гнѣвомъ, а также гнѣвомъ Гиркана и Цезаря, покорнымъ же обѣщать большія награды. Уцѣлѣвшій отрядъ разсѣявшагося войска Аристовула подъ предводительствомъ Іезекіи укрѣпился въ галилейскихъ горахъ, причинялъ римлянамъ и сирійцамъ много вреда и ждалъ только удобнаго случая, чтобы поднять знамя возстанія противъ Рима. Римляне называли этотъ отрядъ шайкой разбойниковъ, а Іезекію разбойничьимъ атаманомъ; но евреи смотрѣли на нихъ, какъ на мстителей за честь и свободу. Народъ почувствовалъ себя еще болѣе оскорбленнымъ, когда Антипатръ поручилъ управленіе страной своимъ сыновьямъ и не думалъ ни о чемъ другомъ, какъ объ увеличеніи могущества своего дома. Изъ четырехъ сыновей, которыхъ онъ имѣлъ отъ аравитянки Кипарисы, онъ назначилъ старшаго, Фазаеля, намѣстникомъ Іерусалима и Іудеи, а второго, двадцатипятилѣтняго Ирода, намѣстникомъ Галилеи.

Этотъ молодой человѣкъ былъ злымъ духомъ для еврейскаго народа и, повидимому, былъ призванъ для того, чтобы, связавъ его и сломивъ его упорство, передать его римлянамъ. Подобно грозной, приносящей бѣду тучѣ, при своемъ появленіи Иродъ бросаетъ густую тѣнь на жизнь всего народа, и мракъ увеличивается до тѣхъ поръ, пока все не покрывается тьмой, всякій блескъ исчезаетъ и въ дикой смутѣ все падаетъ и валится. Вѣрный коварной политикѣ своего отца, Иродъ началъ съ того, что льстилъ и пресмыкался передъ римлянами и оскорблялъ духъ еврейскаго народа. Чтобы достигнуть расположенія чужеземцевъ и въ то же время обезопасить свою семью, Иродъ предпринялъ походъ противъ вольнаго отряда Іезекіи, взялъ его въ плѣнъ и приказалъ безъ всякаго суда и слѣдствія обезглавить его и его товарищей. Сирійцы и римляне не находили словъ для выраженія своей благодарности „побѣдителю разбойниковъ“, какъ они называли Ирода. Секстъ Цезарь, родственникъ римскаго диктатора, назначенный имъ сирійскимъ намѣстникомъ (отъ іюля 47 до весны 46), за этотъ поступокъ осыпалъ Ирода знаками своего расположенія. Патріоты были опечалены; они съ ужасомъ видѣли, что выползаетъ изъ дома Антипатра ядовитая змѣя, что сыновья превосходятъ дерзостью даже своего отца. Они предчувствовали, что, если потомкамъ Антипатра дана будетъ свобода дѣйствій, они доведутъ націю до гибели. Идумеяне распоряжались національными имуществами, какъ своимъ собственнымъ, и тратили его на то, чтобы обезпечить себѣ расположеніе римлянъ. Печаль по поводу того глубокаго униженія, которому идумейскій домъ подвергъ Гиркана и еврейскій народъ, дала нѣкоторымъ уважаемымъ людямъ мужество обратить вниманіе слабоумнаго царя на его печальное положеніе. Они указывали ему на то, что его санъ сталъ пустымъ звукомъ, что вся власть въ рукахъ Антипатра и его сыновей и что они будутъ ему самому предписывать законы. Они ссылались на казнь Іезекіи и его товарищей, какъ на поступокъ, являющійся пренебреженіемъ къ законамъ. Безъ царскаго повелѣнія, по своему единоличному усмотрѣнію, Иродъ вторгнулся въ права Синедріона или царя и привелъ въ исполненіе смертный приговоръ. Эти слова не произвели бы на слабаго Гиркана никакого впечатлѣнія, если бы матери убитыхъ не преслѣдовали его своимъ плачемъ. Лишь только онъ показывался въ храмѣ, онѣ бросались предъ нимъ ницъ и заклинали его не оставить неотомщенной смерть ихъ сыновей.

Слабое сердце Гиркана не могло устоять противъ такихъ настойчивыхъ требованій, и онъ далъ разрѣшеніе призвать Ирода къ суду. Членами суда были бо́льшею частью обвинители Ирода предъ Гирканомъ, которые и побудили послѣдняго заставить высокомѣрнаго идумея въ опредѣленный срокъ явиться и оправдаться въ казни Іезекіи и его приверженцевъ. Антипатръ указалъ своему сыну на ненависть, которую къ нему питали, и предупредилъ его, чтобы онъ не являлся въ Іерусалимъ безъ вѣрнаго конвоя, но чтобы онъ не бралъ съ собою слишкомъ много войска изъ опасенія возбудить подозрѣнія въ Гирканѣ. Иродъ въ назначенный срокъ явился, но въ сопровожденіи вооруженной свиты и съ письмомъ отъ Секста Цезаря къ Гиркану, въ которомъ тотъ дѣлалъ этнарха отвѣтственнымъ за жизнь Ирода. Приближался день суда, котораго весь Іерусалимъ ждалъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ; отъ его исхода зависѣло очень многое. Когда члены суда, среди которыхъ находился также Гирканъ, заняли свои мѣста, то явился съ вызывающимъ видомъ обвиняемый въ пурпуровомъ одѣяніи, вооруженный и окруженный вооруженными тѣлохранителями. При видѣ его у многихъ пало мужество. Они чувствовали уже холодный мечъ на своей шеѣ и даже тѣ, кто выказалъ наибольшее ожесточеніе противъ Ирода, опустили глаза. Самъ Гирканъ былъ смущенъ. Наступило тяжелое молчаніе; всѣ затаили дыханіе. Одинъ только Шемая нашелъ слова, чтобы спасти попираемое достоинство суда; совершенно спокойно онъ сказалъ слѣдующее: „Не стоитъ ли передъ нами обвиняемый, чтобы въ случаѣ осужденія его обречь насъ самихъ на смерть? Но я его менѣе порицаю, чѣмъ царя и васъ, терпящихъ такое издѣвательство надъ правосудіемъ. Такъ знайте же, что тотъ, предъ кѣмъ вы теперь дрожите, когда нибудь предастъ васъ въ руки палача“. Эти слова пробудили мужество и совѣсть у судей и черезъ мгновеніе они стали такъ же гнѣвны,

какъ они раньше были трусливы. Гирканъ однако испугался этого возгорѣвшагося гнѣва и приказалъ отложить засѣданіе. По совѣту Гиркана, Иродъ въ виду враждебнаго противъ него настроенія, удалился изъ Іерусалима и вернулся въ Дамаскъ, гдѣ его Секстъ Цезарь принялъ съ распростертыми объятіями и назначилъ намѣстникомъ Келесиріи (46). Осыпанный почестями, Иродъ намѣревался отомстить своему господину и судьямъ за тотъ позоръ, который они ему причинили, призвавъ его къ отвѣту за его поступки. Только съ трудомъ удалось его отцу и его болѣе мягкому брату Фазаелю отговорить его отъ этого шага. Онъ глубоко затаилъ месть въ душѣ, чтобы потомъ привести ее въ исполненіе.

Страшное потрясеніе въ римскомъ государствѣ, которое повлекло за собою смерть Цезаря (Мартъ 44), принесло Іудеѣ только новыя бѣдствія, и правы были римскіе евреи, когда они послѣ убійства Цезаря въ теченіе многихъ ночей неутѣшно оплакивали его у его костра. Кровавыя войны и проскрипціи были для Рима только тѣми страданіями, которыя неизбѣжны при появленіи на свѣтъ новаго порядка вещей, для Іудеи же, которая точно также испытывала на себѣ ихъ послѣдствія, были уже новымъ признакомъ ея дальнѣйшаго ослабленія. Какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ римской имперіи, такъ и въ Іудеѣ республиканскіе чиновники преслѣдовали цезаріанцевъ, чтобы впослѣдствіи въ свою очередь очистить имъ мѣсто. Республиканецъ Кассій Лонгинъ явился въ Сирію (осенью 44), чтобы собрать тамъ деньги и войско. Онъ явился и въ Іудею, потому что было извѣстно, что египетскіе легіоны, преданные Цезарю, толпами являлись въ эту страну, чтобы отомстить убійцамъ героя. Главнымъ образомъ Кассія интересовала контрибуція; онъ считалъ Іудею золотымъ дномъ; вѣдь онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Крассъ забралъ изъ іерусалимскаго храма невѣроятныя суммы.

Правда, Кассій забылъ принять во вниманіе, что идумейскіе опекуны научились у римлянъ забирать и тратить сокровища. Поэтому нелегко было добыть при тогдашнихъ обстоятельствахъ тѣ 700 талантовъ, которые Кассій приказалъ доставить въ самое короткое время. Антипатръ долженъ былъ, чтобы сохранить хорошія отношенія съ побѣдителями, распредѣлить сборъ назначенной суммы между своими сыновьями, друзьями и вѣрнымъ другомъ Гиркана, Малихомъ. Первые, въ особенности Иродъ, съ удивительнымъ рвеніемъ выжимали изъ жителей подчиненныхъ имъ областей требуемыя деньги, такъ что скоро передали ихъ Кассію. Иродъ такъ же ревностно добивался милостей республиканцевъ, какъ раньше и позже добивался расположенія ихъ противниковъ. Малихъ, который слишкомъ поздно понялъ, какъ много зла принесла Іудеѣ рабская податливость Риму, медлилъ исполненіемъ порученнаго ему дѣла, отчасти чтобы пощадить жителей,

отчасти чтобы ожидать перемѣны обстоятельствъ. Но Кассій спѣшилъ; каждая минута могла вырвать у него ту власть, которую онъ имѣлъ въ Сиріи. Поэтому онъ приказалъ жителей четырехъ городовъ на югѣ Іудеи, Гофны, Эммауса, Лиды и Тамны, связать, продать въ рабство и конфисковать ихъ имущество. Повторились печальныя сцены временъ слабыхъ израильскихъ царей. Свободные сыны Іуды должны были нести ярмо рабства въ Антіохіи и финикійскихъ городахъ Тирѣ, Сидонѣ и Арадѣ. Кассій далъ бы почувствовать свой гнѣвъ медлительному Малиху, если бы Гирканъ не выступилъ посредникомъ и не заплатилъ выкупа за Малиха изъ собственныхъ средствъ, потому что Малихъ былъ единственный вѣрный ему человѣкъ.

Мягокъ и добръ былъ этотъ послѣдній изъ хасмонейскихъ князей и, гдѣ только онъ могъ, онъ стремился помочь въ это бѣдственное время своимъ единовѣрцамъ. Въ гражданской войнѣ, которая возникла послѣ смерти Цезаря между его убійцами и его приверженцами, принимали весьма видное участіе провинціи Сирія и Малой Азіи, гдѣ Публій Долабелла собиралъ войска. Въ малоазійскихъ городахъ евреи должны были точно также принимать участіе въ войнѣ. Тогда Гирканъ отправилъ къ нему посла, Александра, сына Ѳеодора, (навѣрное, со значительными суммами) съ просьбой освободить евреевъ отъ воинской повинности, потому что они не могутъ исполнять ее безъ нарушенія законовъ своей религіи. Долабелла удовлетворилъ просьбу и отправилъ въ малоазійскіе города, гдѣ жили евреи, посланіе, въ которомъ они освобождались отъ воинскаго дѣла (мартъ 43). Да, мягокъ и благороденъ былъ Гирканъ, но слишкомъ слабъ относительно тѣхъ, кто его окружалъ и кто стремился вырвать изъ его рукъ даже ту слабую власть, которую онъ имѣлъ.

Наконецъ даже этому близорукому подобію царя стало ясно, что подъ видомъ преданности идумеи скрываютъ только свою собственную жадность. Поэтому онъ началъ подозрительно къ нимъ относиться и, такъ какъ онъ всегда нуждался въ опорѣ, сталъ искать поддержки въ Малихѣ. Все же Гирканъ ничего не подозрѣвалъ о дьявольскомъ замыслѣ, который въ то время имѣли идумейскіе выскочки; но Малихъ зналъ о немъ и рѣшилъ ему противодѣйствовать. Между Кассіемъ и Иродомъ существовалъ тайный планъ низложить Гиркана съ престола, признать Ирода царемъ Іудеи, а въ случаѣ возмущенія дать послѣднему возможность опереться на римскіе легіоны. Какъ бы ни скрывали этотъ планъ, все же Малихъ узналъ о немъ; не имѣя возможности открыто выступить противъ него, онъ тоже долженъ былъ прибѣгнуть къ тайному заговору. Онъ во время пира, который Гирканъ далъ своимъ друзьямъ, подсыпалъ Антипатру въ чашу яда, отъ котораго тотъ и умеръ (мартъ 43 г.). Малихъ считалъ,

что со смертью стараго хитреца уничтоженъ будетъ корень зла, но онъ обманывался въ этомъ. Иродъ превосходилъ еще своего отца рѣшительностью и наглостью и умѣньемъ притворяться. Какъ бы Малихъ ни притворялся, чтобы очиститься отъ подозрѣнія въ отравленіи, сколько слезъ печали онъ ни пролилъ изъ-за смерти „благодѣтеля“ еврейскаго народа, сыновья Антипатра, сдѣлавъ видъ, что они вѣрятъ его словамъ, искали только удобнаго случая для умерщвленія его, чтобы отомстить за смерть отца и устранить препятствіе своимъ честолюбивымъ планамъ.

Пылкій Иродъ хотѣлъ однимъ ударомъ покончить съ Малихомъ и царемъ. Несмотря на предостереженіе своего старшаго, болѣе осмотрительнаго, брата, онъ думалъ съ вооруженнымъ отрядомъ проникнуть въ Іерусалимъ и овладѣть столицей. Кассій довѣрилъ ему значительныя силы, передалъ ему набранную пѣхоту и конницу, доставилъ ему военные корабли и назначилъ его начальникомъ Келесиріи. Часть этихъ войскъ Иродъ повелъ противъ Іерусалима. По совѣту Малиха, Гирканъ запретилъ ему вступленіе въ городъ, но не строгимъ приказаніемъ господина, но подъ предлогомъ, что неприлично при предстоящемъ праздникѣ Пасхи ввести въ городъ языческія войска, такъ какъ такимъ образомъ могутъ быть осквернены жертвы и нарушено жертвоприношеніе. Иродъ очень мало заботился обо всемъ этомъ, проникъ ночью въ Іерусалимъ и думалъ было привести въ исполненіе свой планъ. Должно быть, онъ опасался сопротивленія со стороны собравшагося для праздника народа и тѣлохранителей, которыми Малихъ себя окружилъ; поэтому онъ не предпринялъ въ это время ничего враждебнаго.

Всѣ части римской имперіи были въ большомъ возбужденіи отъ начавшейся тогда новой гражданской войны. Каждая страна и каждый князь разсчитывали извлечь выгоду для себя отъ одной изъ враждебныхъ партій.

Противъ Кассія, покровителя сыновей Антипатра, вступилъ въ Сирію союзникъ цезаріанцевъ, Долабелла, у котораго Гирканъ добился освобожденія малоазійскихъ евреевъ отъ воинской повинности (стр. 135). На него разсчитывалъ, если не близорукій Гирканъ, то Малихъ. Если бы онъ побѣдилъ, то Иродъ, какъ сторонникъ Кассія, погибъ бы. Знаменитая египетская царица Клеопатра послала Долабеллѣ въ Сирію вспомогательныя войска, которыя, вѣроятно, прошли черезъ Іудею, гдѣ могли соединиться съ ними всѣ способные носить оружіе. Гиркана нечего было опасаться, но Малихъ былъ въ состояніи поднять Іудею на помощь цезаріанцамъ. Поэтому не только Иродъ, но и побѣдоносный вождь республиканцевъ Кассій, осаждавшій Долабеллу въ Лаодикеѣ, боялись его. Оба они сговорились силою или хитростью убить этого патріота и вѣрнаго друга Гиркана.

Во время одного пира въ Тирѣ, куда Малихъ явился для освобожденія своего сына, по приказанію Ирода напали на Малиха римскіе легіонеры и убили его. Гирканъ, который при извѣстіи о смерти Малиха упалъ въ обморокъ, далъ себя уговорить Ироду, что убійство совершено по приказанію Кассія. Этотъ несчастный князь былъ настолько трусливъ, что, хотя въ душѣ онъ оплакивалъ Малиха, какъ своего вѣрнаго друга, публично онъ заклеймилъ его, какъ измѣнника отечеству, который заслужилъ смерть.

Какъ уже сказано выше, гигантская борьба въ римской имперіи изъ-за того, существовать ли республикѣ или монархіи, причинила евреямъ много несчастій и страданій. Въ римскихъ провинціяхъ чередовались начальники то изъ одной партіи, то изъ другой, и всѣ они со страшной жестокостью требовали денегъ и людей для веденія войны.

Республиканецъ Брутъ въ Малой Азіи не былъ снисходительнѣе цезаріанца Долабеллы или Кассія въ Іудеѣ. Евреи въ малоазіатскихъ городахъ находились въ тѣмъ болѣе печальномъ положеніи, что порочные греки пользовались разстройствомъ государственнаго порядка, чтобы притѣснять ихъ и даже мѣшать въ исполненіи ихъ религіозныхъ обязанностей. Забыты были изданные относительно религіозной свободы евреевъ декреты Лентула, Цезаря и Долабеллы, едва послѣдній удалился изъ страны. Евреи главнаго города Эфеса, которымъ городской совѣтъ вновь воспретилъ празднованіе субботы и на которыхъ онъ даже наложилъ штрафъ за соблюденіе религіозныхъ обрядовъ, обратились къ находившемуся тогда въ Малой Азіи Бруту и добились у него разрѣшенія жить по своимъ законамъ (42). Брутъ не былъ нечувствителенъ къ подаркамъ, въ особенности когда они были достаточно богаты. Но этотъ новый декретъ соблюдался лишь до тѣхъ поръ, пока Брутъ не соединился съ Кассіемъ, чтобы вести рѣшительную войну противъ цезаріанцевъ.

Послѣ удаленія Кассія изъ Сиріи для этой войны, еврейскіе патріоты ревностно стремились къ тому, чтобы лишить братьевъ идумеевъ ихъ власти, такъ какъ ихъ покровитель не въ состояніи былъ имъ помочь. Братъ Малиха началъ враждебныя дѣйствія противъ нихъ и овладѣлъ не безъ вѣдома Гиркана нѣкоторыми крѣпостями. Какой то Феликсъ, который командовалъ отрядомъ чужеземныхъ солдатъ, напалъ съ помощью еврейскихъ воиновъ на Фазаеля въ Іерусалимѣ. Съ другой стороны вмѣшался въ дѣло родственникъ Хасмонеевъ, халкидскій князь Птоломей, который былъ женатъ на дочери несчастнаго Аристовула (стр. 127). Онъ задумалъ заставить провозгласить царемъ Іудеи своего шурина Антигона, сына Аристовула. Для этого онъ склонилъ на свою сторону римскаго намѣстника въ Сиріи Фабія и одного изъ городскихъ чиновниковъ, котораго Кассій посадилъ, чтобы уничтожить мѣстные союзы въ Сиріи и Финикіи. Этотъ такъ называемый тиранъ Тира, по имени Маріонъ, тѣмъ охотнѣе перешелъ на сторону

Птоломея, что онъ самъ ненавидѣлъ Ирода. Этотъ союзъ противъ идумеевъ обѣщалъ успѣхъ тѣмъ болѣе, что Иродъ какъ разъ въ это время заболѣлъ. Маріонъ овладѣлъ тремя крѣпостями въ Галилеѣ, чтобы оттуда начать борьбу. Но едва Иродъ выздоровѣлъ, какъ весь планъ разлетѣлся, какъ мыльный пузырь. Идумеи побѣдили своихъ враговъ, и Гирканъ долженъ былъ поднести Ироду, во время въѣзда его въ Іерусалимъ, пальму побѣды. Для того, чтобы освободиться отъ страха передъ этимъ могущественнымъ человѣкомъ, Гирканъ хотѣлъ привязать его къ своему дому и рѣшилъ выдать за него замужъ свою внучку, знаменитую своею красотою и впослѣдствіи столь несчастную, Маріамну. Жертва должна была быть соединена съ палачемъ узами брака. Объ этомъ союзѣ, который впослѣдствіи принесъ столько слезъ, хлопотала ея мать, Александра, несмотря на то, что отецъ невѣсты, Александръ, благодаря кознямъ отца жениха, окончилъ жизнь на плахѣ. Счастье идумеевъ было настолько велико, что всѣ измѣненія въ тогдашнемъ политическомъ мірѣ, хотя они по внѣшнему виду должны были принести имъ только вредъ, въ дѣйствительности только увеличили ихъ силу. Республиканское войско было окончательно разбито при Филиппахъ (42), предводители Брутъ и Кассій покончили съ собой, римскій міръ лежалъ у ногъ второго триумвирата, которые заключили между собою племянникъ Цезаря Октавіанъ, Антоній и Лепидъ. Какъ дрожали Иродъ и Фазаель передъ послѣдствіями этого переворота! Вѣдь они съ особымъ рвеніемъ помогали противникамъ тріумвирата и въ особенности Кассію. Кромѣ того еврейскіе вельможи поспѣшили въ Вифинію къ Антонію, чтобы жаловаться на идумейскихъ братьевъ за превышеніе власти. Но Иродъ скоро сумѣлъ разсѣять тучи. Онъ явился передъ Антоніемъ со льстивою рѣчью и богатыми подарками, и вслѣдствіе этого Антоній вспомнилъ, что онъ когда-то пользовался гостепріимствомъ Антипатра. Наибольшее вліяніе на благопріятное для Ирода рѣшеніе Антонія оказали ловкость и расторопность перваго. Антоній отправилъ жалобщиковъ ни съ чѣмъ, Ирода же отпустилъ со знаками почета. Гирканъ же не осмѣлился жаловаться на Ирода и своимъ приношеніемъ золотой короны Антонію черезъ посредство трехъ пословъ, Лизимаха, сына Павзанія, Іосифа, сына Меннея, и Александра, сына Ѳеодора, достигъ лишь того, что проданные Кассіемъ въ рабство евреи были освобождены и имъ возвращены ихъ земли (41). Голосъ народа, который неоднократно раздавался въ посольствахъ, остался неуслышаннымъ. Посольство изъ ста человѣкъ, явившееся къ Антонію въ Дафны, близъ Антіохіи, было едва услышано этимъ послѣднимъ, который приказалъ 15 человѣкъ изъ него бросить въ тюрьму, такъ какъ присутствовавшій въ то время Гирканъ на вопросъ Антонія отвѣтилъ, что только идумейскіе братья способны управлять государствомъ. Еще одно, болѣе многочисленное, посольство изъ 1000 уважаемыхъ людей,

которые не могли успокоиться, что народъ отданъ во власть идумеямъ, отправилось въ Тиръ, чтобы представиться Антонію; но его оно не нашло, а лишь его представителя, а также Гиркана и Ирода; одна часть посольства была убита римлянами, другая же закована. Антоній приказалъ закованныхъ казнить, Фазаеля же и Ирода онъ назначилъ правителями Іудеи съ титуломъ тетрарховъ (41).

Еще разъ показалось, что счастье повернулось спиной къ идумейскимъ братьямъ и хотѣло вновь поднять павшій Хасмонейскій домъ. Парѳяне, возбужденные бѣжавшимъ римскимъ республиканцемъ Лабіеномъ, подъ предводительствомъ царскаго сына Пакора и военачальника Барцафарна произвели счастливый набѣгъ на Сирію и Малую Азію въ то время, какъ Маркъ Антоній проводилъ время въ обществѣ обольстительной царицы Египта, Клеопатры. Парѳяне сами по себѣ были настроены противъ Ирода и Фазаеля, какъ союзниковъ римлянъ, но ихъ еще болѣе возбудилъ противъ идумейцевъ Лизаній, сынъ породнившагося съ хасмонейскимъ домомъ Птоломея. Онъ обѣщалъ предводителямъ парѳянъ большія деньги, если они устранятъ ненавистныхъ братьевъ, низложатъ Гиркана и посадятъ на престолъ послѣдняго представителя хасмонейскаго дома, Антигона. Парѳяне согласились и двумя отрядами по морскому берегу и по внутреннимъ областямъ двинулись къ Іерусалиму. У горы Кармелъ къ парѳянскому войску присоединились много еврейскихъ воиновъ въ качествѣ борцовъ за освобожденіе Іудеи отъ идумейскаго ига. Еврейскій отрядъ росъ съ каждой минутой; такъ какъ наступленіе парѳянъ казалось имъ слишкомъ медленнымъ, то они опередили его, поспѣшили къ Іерусалиму и, соединившись со многими іерусалимцами, осадили дворецъ хасмонеевъ. Иродъ, который тогда находился въ столицѣ, вмѣстѣ съ Фазаелемъ прогналъ ихъ оттуда. Они бросились на храмовую гору, и іерусалимская чернь, хотя и не вооруженная, помогала борцамъ за Антигона. Между тѣмъ приближался праздникъ седьмицъ, и со всѣхъ частей Іудеи стекался въ столицу народъ, который держалъ сторону Антигона. Эта партія овладѣла городомъ, идумейская же сохранила за собою дворецъ и крѣпость. Между тѣмъ Пакоръ вступилъ въ Іерусалимъ, но еще не сказалъ послѣдняго слова и велъ мирные переговоры съ идумейскими братьями. Онъ уговорилъ Гиркана и Фазаеля отправиться послами къ Барцафарну, чтобы поговорить о спорныхъ вопросахъ; Ирода же онъ не выпускалъ изъ виду. Когда послы явились къ парѳянскому полководцу въ Экдиппѣ (Кезибѣ), они немедленно были брошены въ оковы; Фазаель самъ лишилъ себя жизни, а Гирканъ былъ задержанъ въ качествѣ военноплѣннаго послѣ того, какъ ему обрѣзали уши, чтобы сдѣлать его негоднымъ къ исправленію должности первосвященника. Иродъ точно также долженъ былъ быть пойманъ хитростью,

но, извѣщенный заблаговременно своимъ братомъ, онъ избѣгъ плѣна, бѣжавъ въ темную ночь. Онъ взялъ съ собою женскихъ членовъ своей семьи и свою невѣсту Маріамну и поспѣшилъ въ крѣпость Масаду, гдѣ онъ оставилъ женщинъ подъ присмотромъ своего брата Іосифа, чтобы оттуда отправиться далѣе. Проклятіе народа слѣдовало за нимъ. Антигонъ былъ немедленно провозглашенъ царемъ, Гиркана парѳяне отвезли въ Вавилонію. Антигонъ, еврейское имя котораго Маттаѳій, почувствовалъ себя царемъ; онъ приказалъ чеканить монеты со своимъ еврейскимъ и греческимъ именемъ: „Маттаѳій, первосвященникъ, и еврейское государство“ и „царь Антигонъ“; символомъ былъ расцвѣтающій стебель или рогъ изобилія. Парѳянскія вспомогательныя войска удалились, римскіе гарнизоны, которые находились въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ, уничтожилъ Антигонъ. Такимъ образомъ Іудея была очищена отъ иноземныхъ войскъ и на мгновеніе могла предаваться сладкой мечтѣ о возстановленной независимости послѣ почти 30-ти лѣтъ междоусобицъ и кровавыхъ войнъ.

ГЛАВА IX.

Антигонъ и Иродъ

Слабохарактерность Антигона и энергія Ирода. Трехлѣтняя война за обладаніе престоломъ. Взятіе Іерусалима Иродомъ и Созіемъ. Иродъ—царь. Проскрипціи и конфискаціи. Ходъ иродіанской политики. Прекращеніе наслѣдственности сана первосвященника. Смерть первосвященника Аристовула. Дворцовыя интриги. Война съ Набатеями. Землетрясеніе. Смерть послѣдняго хасмонея. Гилелъ-предсѣдатель Синедріона. Его традиціонная система. Ессей Менахемъ и суровый фарисей Шамай. Школа Гилела и школа Шамая. Счастье Ирода. Казнь Маріамны. Любовь Ирода къ роскоши и строительству. Постройка храма. Семейное несчастье Ирода. Казнь его сыновей: Александра и Аристовула. Интриги Антипатра. Фарисеи при Иродѣ. Разрушеніе римскаго орла. Книга Когелетъ. Казнь Антипатра и смерть Ирода.

(40—3).

Іудея была обязана своимъ величіемъ, своею независимостью не столько военному искусству первыхъ хасмонеевъ, сколько ихъ умѣнью пользоваться благопріятными обстоятельствами; ея униженіе и порабощеніе были слѣдствіемъ близорукости послѣдняго хасмонейскаго царя, который не умѣлъ воспользоваться тѣми выгодами, которыя ему представлялись. Положеніе вещей было для Антигона чрезвычайно благопріятнымъ для достиженія извѣстнаго могущества. Римскіе властители находились другъ съ другомъ во враждѣ и войнѣ. Октавіанъ совсѣмъ не интересовался востокомъ, а для Антонія, которому онъ достался, онъ былъ скорѣе излюбленнымъ мѣстомъ роскоши и пустого блеска, чѣмъ театромъ военной славы. Мягкія объятія

Клеопатры сдѣлали для него ненавистнымъ суровое ложе богини войны. Парѳяне, противъ страны которыхъ была направлена жадность Рима, храбро отразили нападеніе. Если бы Антигонъ сумѣлъ поддерживать въ народѣ воспылавшій гнѣвъ противъ идумеянъ и римлянъ, если бы онъ обладалъ предпріимчивымъ духомъ своего дѣда Александра, то сами римляне вмѣсто того, чтобы смотрѣть на него какъ на врага, сдѣлали бы изъ него друга или союзника, чтобы съ его помощью бороться съ парѳянами. Ихъ расположеніе къ Ироду, которое покоилось только на выгодѣ, не было бы препятствіемъ; они сдѣлали бы его тѣмъ же ничтожествомъ, какимъ онъ былъ раньше, если бы они могли ожидать отъ Антигона такихъ же услугъ. Легатъ Антонія, Вентидій, которому была поручена война съ парѳянами, появился передъ Іерусалимомъ только, чтобы взять контрибуцію, и вовсе не предпринималъ осады. Антигонъ легко могъ переманить его на свою сторону, какъ онъ переманилъ его подчиненнаго, Силона, оставленнаго въ Іудеѣ. Горные жители Галилеи высказались за Антигона и стояли за него со свойственнымъ этимъ племенамъ постоянствомъ. Сепфорисъ въ Галилеѣ былъ превращенъ приверженцами Антигона въ сборный пунктъ. Гарнизонъ Яффы точно также былъ на сторонѣ Антигона. Вольные отряды, находившіе пріютъ въ пещерахъ Арбелы, хотя не были годны для открытой войны, могли быть опасны для врага съ тыла. Антигонъ былъ ничтоженъ, какъ государственный человѣкъ, и также ничтоженъ, какъ полководецъ. Онъ не умѣлъ окончательно воспользоваться тѣми вспомогательными силами, которыя въ такомъ большомъ количествѣ находились у него подъ руками; онъ не сумѣлъ даже установить связь между обоими центральными мѣстами театра военныхъ дѣйствій, галилейскимъ сѣверомъ и іудейскимъ югомъ, для взаимной поддержки. Вся его дѣятельность растрачивалась на мелкія цѣли, его главною страстью было чувство мести къ Ироду и его братьямъ, что только уменьшало его силу вмѣсто того, чтобы увеличивать ее. Онъ не умѣлъ подняться до той истинно-королевской высоты, съ которой онъ могъ бы смотрѣть на идумейскихъ выскочекъ скорѣе съ презрѣніемъ, чѣмъ съ ненавистью. Въ теченіе своего почти 4-лѣтняго правленія (40—37) онъ не предпринялъ ничего великаго, рѣшительнаго. Въ первый годъ своего правленія онъ не нашелъ другого врага, кромѣ младшаго брата Ирода, Іосифа; послѣдній въ общемъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всего 800 человѣкъ, которые къ тому же заперлись въ крѣпости Масадѣ. Антигонъ не сумѣлъ даже взять эту крѣпость, чтобы такимъ образомъ лишить своего противника послѣдней опоры.

Внутри страны Антигонъ не понималъ, какъ склонить на свою сторону вліятельныхъ людей, чтобы они считали его интересы своими собственными и были бы способны стоять и падать вмѣстѣ съ нимъ. Далѣе

вожди Синедріона, Шемая и Авталіонъ, хотя и не любили Ирода за его чрезмѣрную дерзость, все же были настроены противъ Антигона, и благодаря имъ стоявшій за ними народъ сталъ равнодушенъ къ царю. Трудно опредѣлить причину недовольства послѣднимъ хасмонейскимъ царемъ. Можетъ быть, Антигонъ придерживался цадукейскихъ воззрѣній, или же существовала личная непріязнь между представителемъ царской власти и представителями закона. Точнаго ничего не извѣстно. Слѣдующій незначительный случай заставляетъ предполагать непріязненное отношеніе между тѣми и другими. Однажды въ день Всепрощенія народъ, согласно обычаю, тѣсно сомкнувшись, провожалъ по окончаніи богослуженія царственнаго первосвященника изъ храма въ его жилище. По дорогѣ толпа, замѣтивъ проходившихъ Шемаю и Авталіона, оставила первосвященника, чтобы послѣдовать за любимыми учителями. Антигонъ, оскорбленный этимъ пренебреженіемъ, высказалъ свое недовольство въ прописческомъ привѣтствіи обоихъ членовъ Синедріона, которые отвѣтили царю также оскорбительно. Этотъ разрывъ съ вліятельными людьми, въ добавокъ къ его неопытности въ военномъ дѣлѣ и политикѣ, принесъ много несчастій ему самому, его дому и всему народу.

Совершенно инымъ человѣкомъ, нежели Антигонъ, былъ его соперникъ Иродъ, который обладалъ всѣмъ, чего у того не было. Иродъ постоянно заставлялъ счастье, когда оно поворачивалось къ нему спиной, снова возвращаться къ нему. Его положеніе послѣ ночного бѣгства (стр. 140) изъ Іерусалима было такое отчаянное, что онъ, на котораго къ тому же жители Іудеи произвели нападеніе, намѣренъ былъ покончить съ собою. Его попытка склонить на свою сторону набатейскаго царя Малихоса, съ которымъ онъ находился въ родственныхъ и дружескихъ отношеніяхъ и у котораго онъ оставилъ сокровище своей семьи, не удалась. Набатейскій царь запретилъ ему являться въ его область, потому что онъ не хотѣлъ возбудить противъ себя парѳянъ, посадившихъ Антигона на царство. Такимъ образомъ Иродъ одинъ безъ денегъ блуждалъ по іудейско-идумейской пустынѣ, но все же не оставлялъ своихъ обширныхъ плановъ. Онъ отправился въ Египетъ. Предложеніе поступить на египетскую службу въ качествѣ военачальника, которое ему сдѣлала египетская царица Клеопатра, было имъ отклонено; онъ мечталъ о іудейской коронѣ. На кораблѣ онъ отправился въ Римъ и, испытавъ въ дорогѣ бурю, явился туда какъ разъ въ тотъ благопріятный моментъ, когда Октавіанъ и Антоній заключили союзный договоръ въ Бриндизи. Ему было нетрудно убѣдить Антонія въ томъ, что его услуги могутъ быть чрезвычайно полезны въ борьбѣ съ парѳянами и что Антигонъ, посаженный парѳянами на престолъ, останется всегда непримиримымъ врагомъ римлянъ. Антоній вообще былъ очарованъ ловкостью и умомъ Ирода; поэтому онъ замолвилъ за него

слово Октавіану, которому неудобно было оттолкнуть Ирода. Быть можетъ, послѣднему удалось склонить на свою сторону нѣкоторыхъ вліятельныхъ римскихъ евреевъ, чтобы тѣ похлопотали за него передъ повелителями. Такимъ образомъ онъ добился того, что въ теченіе семи дней онъ былъ торжественно признанъ сенатомъ царемъ Іудеи, а Антигонъ объявленъ врагомъ Рима (40). Это былъ второй смертельный ударъ, который нанесъ Римъ еврейскому народу, отдавши его во власть иностранцу, полуеврею, идумею, который хотѣлъ отомстить за личныя оскорбленія. Сверхъ того Іудея должна была платить дань Риму.

Увидѣвъ, что его честолюбіе увѣнчалось самымъ блестящимъ успѣхомъ, Иродъ, несмотря на тѣ знаки вниманія, которые ему оказывалъ Антоній въ Римѣ, удалился оттуда, чтобы осуществить на дѣлѣ только что добытый имъ титулъ іудейскаго царя. Онъ оставилъ Римъ и высадился въ Акко (39); друзья его, которыхъ онъ сумѣлъ пріобрѣсти, снабжали его необходимыми для претендента деньгами, въ особенности помогалъ ему богатѣйшій еврей въ Антіохіи *Сарамалла,* который питалъ особенное расположеніе къ сыновьямъ Антипатра. На эти деньги онъ нанялъ войска, покорилъ большую часть Галилеи (весною 39) и отправился на югъ, чтобы освободить крѣпость Масаду, гдѣ его брата Іосифа сильно тѣснили приверженцы Антигона. Римскія войска подъ предводительствомъ Силона, которыя послалъ Вентидій во время своего похода противъ парѳянъ, мало помогали Ироду либо потому, что Силонъ былъ подкупленъ Антигономъ, либо потому, что онъ получилъ указанія не ссориться ни съ однимъ изъ претендентовъ, но дать имъ возможность истреблять другъ друга. Римляне не помогали Ироду при осадѣ Іерусалима; Иродъ долженъ былъ удалиться съ юга и перенести войну въ Галилею, гдѣ онъ взялъ Сепфорисъ и разсѣялъ вольные отряды въ пещерахъ Арбелы (зимою 39—38). Какимъ духомъ отличались эти послѣдніе, показалъ одинъ старикъ среди нихъ. Послѣ того, какъ всѣ, скрывавшіеся въ пещерахъ, добровольцы нашли смерть отъ огня или мечей нападавшихъ, этотъ старикъ убилъ собственною рукою своихъ семерыхъ сыновей, поносилъ Ирода за то, что этотъ послѣдній, будучи низкаго происхожденія, добивается царской короны и—хотя ему Иродъ обѣщалъ прощеніе—бросился у входа въ пещеру въ пропасть. Это было начало массовыхъ самоубійствъ патріотовъ, чтобы избѣжать рабства.

При нежеланіи римлянъ принимать дѣятельное участіе въ войнѣ, она затянулась; второй полководецъ, *Махерасъ*, котораго Вентидій для вида послалъ Ироду на помощь въ Іудею (38), не предпринималъ ничего серьезнаго. Иродъ увидѣлъ себя вынужденнымъ лично отправиться въ лагерь Антонія, который тогда осаждалъ Самосату. Благодаря услугамъ, ока-

заннымъ ему Иродомъ, и ораторскимъ способностямъ послѣдняго, Антоній поручилъ одному изъ своихъ полководцевъ, Созію, съ двумя легіонами вести серьезную войну противъ Антигона и посадить на престолъ царя, избраннаго римлянами. Подкрѣпленный этими войсками, Иродъ вернулся въ Галилею, но здѣсь положеніе вещей совершенно измѣнилось. Его братъ Іосифъ, которому онъ оставилъ войско, приказавъ ему ничего самостоятельно не предпринимать, а только укрѣплять крѣпости, вступилъ въ бой съ Антигономъ при Іерихонѣ и въ этомъ сраженіи потерялъ свою жизнь. Войско Ирода было разсѣяно, галилеяне въ полномъ возстаніи, а римскій полководецъ Махерасъ относился ко всему довольно безучастно. Иродъ долженъ былъ начать снова завоеваніе страны, и ему удалось, несмотря на снѣжную зиму, мѣшавшую походу (38-37), очистить всю страну до Іерусалима отъ сторонниковъ Антигона и отомстить за смерть своего брата Пафусу, который отрубилъ тому голову Горя желаньемъ отомстить, Иродъ велъ эту войну съ страшною жестокостью; онъ приказалъ сжечь пять городовъ возлѣ Іерихона съ ихъ жителями числомъ около 2000, которые держали сторону Антигона. Съ приближеніемъ весны (37) онъ приступилъ къ осадѣ Іерусалима, но передъ тѣмъ отпраздновалъ въ Самаріи, среди кровопролитія, свой бракъ съ помолвленной съ нимъ уже давно Маріамной, противъ дяди которой онъ велъ кровавую войну. Новобрачная могла предчувствовать, что тотъ, кто теперь пылаетъ местью къ остатку хасмонеевъ, скоро станетъ для нея и ея семьи ангеломъ-истребителемъ. Иродъ, не обращая ни на что вниманія, оставилъ свою первую жену, идумеянку Дориду, которая ему родила сына Антипатра.

Лишь только Созій съ многочисленнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ римской пѣхоты, конницы и сирійскихъ вспомогательныхъ войскъ, вступилъ въ Іудею, началась серьезная осада Іерусалима, хотя была еще суровая зима, и подвозу съѣстныхъ припасовъ римлянамъ мѣшали дикія шайки, которыя обыкновенно появляются во время гражданскихъ войнъ и дѣйствіямъ которыхъ благопріятствуетъ горная мѣстность. Войско Созія состояло приблизительно изъ 100,000 человѣкъ; оно заняло ту же позицію, которую занималъ Помпей 27-ью годами раньше, къ сѣверу отъ Іерусалима, напротивъ храмовой горы. Это войско строило валы, заполняло рвы и ставило стѣнобитныя машины. Съ началомъ весны, когда, благодаря теплой погодѣ, въ короткое время созрѣли посѣвы, осада стала непрерывной. Осажденные, хотя терпѣли недостатокъ во всемъ, однако защищались съ львинымъ мужествомъ и ждали чуда, которое спасло бы городъ и храмъ отъ рукъ язычниковъ и ненавистнаго Ирода. Они часто дѣлали вылазки, прогоняли рабочихъ, разрушали начатыя осадныя работы, построили новую стѣну и настолько затруднили работу осаждавшихъ, что, по прошествіи мѣсяца, осада почти не подвинулась впередъ. Вожди Синедріона, Шемая и Авталіонъ, высказались противъ сопротивленія и совѣтовали открыть Ироду ворота. По ихъ религіозному воззрѣнію, Иродъ посланъ въ качествѣ бича Божія, чтобы наказать народъ за его грѣхи. Повидимому, Антигонъ не имѣлъ достаточно мужества, чтобы наказать бунтующихся. Не всѣ вліятельные фарисеи раздѣляли это воззрѣніе, значительная часть ихъ подъ предводительствомъ Бней-Баба, происходившихъ изъ стараго аристократическаго семейства, пользовавшагося за свое благочестіе вліяніемъ въ народѣ, была искренне предана Антигону и сопротивлялась совѣту сдать городъ врагу. Эти внутреннія несогласія, связанныя съ нападеніями извнѣ, привели къ тому, что наружная сѣверная стѣна черезъ 40 дней рухнула подъ напоромъ стѣнобитныхъ машинъ. Осаждавшіе ворвались во внутренній городъ, осажденные съ царемъ укрѣпились въ верхнемъ городѣ и на храмовой горѣ. Около двухъ недѣль нападали римляне на внутреннюю стѣну, но все время снабжали храмъ жертвенными животными. Іерусалимцы сражались со львинымъ мужествомъ. Въ одну субботу, когда еврейскіе воины не ждали никакого нападенія, рухнула часть второй стѣны, и римляне какъ бѣшеные ворвались въ городъ и храмъ. Они не щадили никого, не разбирая ни пола, ни возраста, избивая священниковъ наряду съ жертвенными животными. Іерусалимъ былъ взятъ въ тотъ же день, когда 27-ью годами раньше Помпей завладѣлъ храмомъ (Сиванъ, Іюнь 37). Едва удалось Ироду удержать римскихъ солдатъ отъ разграбленія и осквернения храма, и, только благодаря богатымъ подаркамъ каждому отдѣльному солдату, онъ отвратилъ полное разрушеніе Іерусалима, чтобы не царствовать надъ развалинами. Антигонъ попалъ въ плѣнъ. Враги его, не довольствуясь испытаннымъ имъ несчастьемъ, клеветнически разсказывали, будто онъ, прося за свою жизнь, бросился къ ногамъ Созія, но тотъ съ презрѣніемъ назвалъ его женскимъ именемъ Антигоной. Антигона упрекали также въ томъ, что онъ сжегъ одну колонаду въ храмѣ и обѣщалъ своимъ покровителямъ, парѳянамъ, 500 дѣвушекъ въ награду за ихъ услуги. Эти разсказы, очевидно, только клевета, цѣль распространенія которой была превратить Антигона въ глазахъ народа въ недостойнаго. Созій отправилъ плѣннаго царя къ Антонію, который, по настоятельнымъ просьбамъ Ирода, противъ обычая приказалъ бичевать Антигона и затѣмъ отрубить ему голову; такая позорная смерть вызвала негодованіе даже среди римлянъ. Антигонъ былъ послѣднимъ изъ 8-ми князей-первосвященниковъ изъ династіи хасмонеевъ, которая правила Іудеей болѣе, чѣмъ цѣлый вѣкъ, и принесла ей первоначально величіе и блескъ, затѣмъ же униженіе и несчастіе.

Иродъ, или, какъ народъ его называлъ, идумейскій рабъ достигъ цѣли своихъ стремленій; правда, его тронъ покоился на развалинахъ и

на трупахъ, но онъ чувствовалъ себя въ силахъ утвердить его на этомъ основаніи и даже, если нужно, окружить широкимъ потокомъ крови. Ненависть еврейскаго народа, которому онъ былъ навязанъ въ качествѣ повелителя безъ всякихъ заслугъ и безъ права, была для него ничѣмъ сравнительно съ расположеніемъ Рима и дружеской улыбкой Антонія, обѣщавшей ему легіоны; эти неоцѣнимыя блага замѣняли ему то, что отказывали ему его еврейскіе подданные. Ему казалось нетруднымъ добиться народной любви такъ же насильственно, какъ онъ добился короны. Ходъ его политики представлялся ему яснымъ и былъ ему въ извѣстномъ смыслѣ указанъ обстоятельствами: сблизиться во что бы то ни стало съ повелителями Рима, чтобы имѣть сильную опору противъ народнаго недовольства; мало по малу смягчить это недовольство пустыми уступками или же безпощадною суровостью сдѣлать его безвреднымъ. Этой политики держался Иродъ съ первой минуты своей побѣды въ теченіе всего своего 34-лѣтняго правленія съ неумолимою послѣдовательностью, холодный и безсердечный, какъ сама судьба. Даже въ первомъ замѣшательствѣ послѣ взятія храмовой горы онъ не потерялъ своего хладнокровія и приказалъ своему тѣлохранителю, идумейцу *Костобару*, поставить стражу у всѣхъ выходовъ изъ Іерусалима и поймать всѣхъ бѣглецовъ. Цѣлыми кучами избивались приверженцы Антигона, среди нихъ 45 изъ самыхъ знатныхъ семействъ. При этомъ Иродъ не забылъ своего стараго гнѣва; онъ приказалъ казнить всѣхъ членовъ Синедріона, которые 12-тью годами раньше, возбужденные смѣлой рѣчью Шеман, рѣшили осудить его за его убійство (стр. 133); онъ сдѣлалъ исключеніе только для Шеман и Авталіона, потому что они были противниками Антигона. Семья Бней-Баба пока также спаслась отъ его мести. Самъ Костобаръ защитилъ ихъ, потому что, будучи честолюбивъ, какъ и его господинъ, и мечтая о низложеніи послѣдняго когда нибудь съ престола, онъ хотѣлъ имѣть связи въ народѣ, благодаря вліянію тѣхъ, кто былъ бы ему обязанъ своею жизнью. Одного законоучителя, *Бабу бенъ-Бута*, который, можетъ быть, принадлежалъ къ той же семьѣ, Иродъ приказалъ ослѣпить [1]). Имущество всѣхъ осужденныхъ и казненныхъ онъ конфисковалъ въ свою пользу; онъ отъ своихъ учителей, римлянъ, научился понимать выгоды проскрипцій и конфискацій. Собирая много сокровищъ, онъ могъ постоянно поддерживать расположеніе Антонія, у котораго никогда не хватало достаточно средствъ для своей расточительной жизни и жадности Клеопатры. Всѣ эти насилія народъ переносилъ терпѣливо; онъ усталъ отъ постоянныхъ возстаній и войнъ, которыя съ незначительными перерывами продолжались 33 года отъ смерти царицы Саломеи и уничтожили его благосостояніе. Всѣ жаждали покоя и были

[1]) Baba batra 4 a.

рады тому, что ими, по крайней мѣрѣ, управляетъ царь, который хоть внѣшнимъ образомъ придерживается іудаизма и, какъ надѣялись, оставитъ неизмѣненными обычаи отцовъ. Не мало было и такихъ, которые, преклоняясь предъ ловкостью и силою Ирода, побѣждавшими всѣ препятствія, были ему искренне преданы, и онъ не преминулъ богато наградить ихъ за ихъ преданность. Въ общемъ онъ питалъ къ туземцамъ мало довѣрія; онъ чувствовалъ, что ему не удалось совершенно искоренить недовольство, вызванное какъ тѣмъ способомъ, которымъ онъ достигъ власти, такъ и тѣмъ, какъ онъ ее утвердилъ; поэтому онъ отдавалъ предпочтеніе иноземнымъ евреямъ.

Первосвященникомъ онъ назначилъ, обойдя хасмонейскій домъ, нѣкоего *Ананеля*, который происходилъ изъ рода ааронидовъ, но не изъ династіи хасмонеевъ и не изъ какой бы то ни было знатной священнической семьи. Чтобы не возбудить народа, который былъ очень чувствителенъ относительно всего, что касалось религіи, въ частности же храма и первосвященническаго сана, Иродъ выдавалъ Ананеля за выходца изъ Вавилоніи, потому что тогда въ Палестинѣ считали вавилонскихъ евреевъ принадлежащими къ высшей знати въ предположеніи, что они никогда не запятнали себя смѣшанными браками. Сомнительно, чтобы вавилонское происхожденіе этого Ананеля было правильно. Достойный довѣрія источникъ выводитъ этого первосвященника изъ Египта [1]). Иродъ выдавалъ свой родъ за древне-еврейскій, который переселился изъ Вавилоніи; онъ хотѣлъ такимъ образомъ смыть съ себя позорное пятно происхожденія отъ насильственно обращенныхъ въ іудейство идумеевъ. Если даже этому не вѣрили туземцы, которые хорошо помнили объ его истинномъ происхожденіи, то ему все-таки удалось обмануть иностранныхъ евреевъ и язычниковъ. Его довѣренный другъ, историкъ *Николай Дамасскій*, разсказывалъ эту сказку, которую онъ слышалъ отъ самого Ирода. Но, такъ какъ его происхожденіе, если бы это была правда, могло быть доказаннымъ генеалогическими таблицами, которыя хранились въ архивѣ Синедріона, то онъ приказалъ сжечь ихъ. Подобно тому, какъ онъ пригласилъ для первосвященническаго сана иностранца, онъ сдѣлалъ то же самое относительно Синедріона. Послѣ смерти Шеман и Авталіона онъ пригласилъ туда въ качествѣ предсѣдателей иностранцевъ, какъ кажется, вавилонянъ, изъ семьи *бней-Батира*, которая пользовалась его расположеніемъ. Впослѣдствіи онъ отвелъ этой семьѣ небольшую область въ Батанеѣ, гдѣ она подъ предводительствомъ своего главы *Замариса* построила городъ подъ именемъ Батиры; бней-Батира оставались всегда вѣрны ему и его потомству.

[1]) Рага 3, 5: הנמאל המצרי

Два человѣка могли еще повредить власти Ирода, одинъ старикъ и одинъ юноша: Гирканъ, который носилъ царскую корону и діадему первосвященника, и его внукъ Аристовулъ, который имѣлъ право на то и другое. Пока они не были еще сдѣланы безвредными, Иродъ не могъ предаваться спокойному наслажденію своими пріобрѣтеніями. Правда, Гирканъ попалъ въ плѣнъ къ парѳянамъ и къ тому же былъ обезображенъ, т. е. не способенъ къ исполненію должности первосвященника; но парѳяне были достаточно великодушны, чтобы подарить ему свободу, а вавилонскіе евреи, желая дать возможность несчастному царю забыть о своихъ страданіяхъ, окружили его чрезвычайнымъ почетомъ и уваженіемъ и, вѣроятно, сдѣлали его резиденціей населенный евреями городъ Нагардею. Несмотря на это, Гирканъ тосковалъ по своей родинѣ, и Иродъ боялся, что онъ или вавилонскіе евреи склонятъ на свою сторону парѳянъ и побудятъ ихъ вернуть ему престолъ, съ котораго они же его низложили. Не могла ли такая перемѣна очень легко произойти? Походъ Антонія противъ парѳянскаго царя *Фраата* (36) прошелъ несчастливо. Развѣ побѣдители не могли во второй разъ вторгнуться въ Сирію и привести съ собой Гиркана, хотя бы только для того, чтобы отомстить царю, посаженному римлянами, за ту помощь, которую онъ оказывалъ имъ противъ парѳянъ? Иродъ боялся этого и хотѣлъ предупредить опасность. Онъ хотѣлъ удалить Гиркана отъ парѳянскаго вліянія и имѣть его вблизи, чтобы наблюдать за всѣми его поступками. Со свойственнымъ ему притворствомъ Иродъ черезъ посредство своего друга, Сарамаллы, самаго виднаго изъ сирійскихъ евреевъ, при помощи подарковъ добился того, что Гирканъ былъ отпущенъ парѳянами, и пригласилъ послѣдняго вернуться въ Іерусалимъ, раздѣлить съ нимъ тронъ и принять его благодарность за оказанныя ему благодѣянія. Напрасно вавилонскіе евреи предупреждали легковѣрнаго Гиркана, чтобы онъ вторично не вмѣшивался въ политическую жизнь; тотъ спѣшилъ навстрѣчу своей гибели. Явившись въ Іерусалимъ (36), онъ былъ принятъ самымъ любезнымъ образомъ Иродомъ, который называлъ его отцомъ, далъ ему почетное мѣсто при столѣ и въ совѣтѣ; эта предупредительность такъ обманула слабаго Гиркана, что онъ не замѣчалъ того, какъ за нимъ слѣдилъ Иродъ.

Такимъ образомъ Гирканъ былъ обезоруженъ, сдѣланъ безвреднымъ, какъ бы очутившись въ золотой клѣткѣ. Гораздо опаснѣе казался Ироду внукъ Гиркана, 16-тилѣтній Аристовулъ, который, благодаря своему происхожденію, своей молодости и своей, вызывавшей всеобщее удивленіе, красотѣ, пріобрѣлъ всеобщую любовь. Иродъ думалъ лишить его всякаго вліянія, отнявъ у него принадлежавшій ему по праву санъ первосвященника и передавъ его чужому, хотя Аристовулъ былъ его шуриномъ. Теща Ирода,

Александра, которая была такъ же искусна въ интригахъ, какъ и ея зять, сумѣла склонить на свою сторону Антонія. Она представила ему изображеніе своихъ дѣтей, Маріамны и Аристовула, какъ самыхъ красивыхъ во всемъ народѣ, убѣжденная, что лучшій способъ добиться расположенія Антонія—это возбудить его чувственность. Деллій, вѣрный другъ Антонія, былъ посредникомъ и въ этомъ дѣлѣ; онъ думалъ, пользуясь дивной красотой хасмонеевъ, вырвать своего друга изъ объятій Клеопатры. Антоній, пораженный красотой изображенія, пожелалъ видѣть юношу, и Иродъ долженъ былъ, чтобы удержать его вдали отъ повелителя, назначить его первосвященникомъ (вначалѣ 35). Само собою разумѣется, что Ананель противъ закона и обычая былъ лишенъ своего сана. Это возвышеніе ея сына не удовлетворило честолюбивую Александру; она втайнѣ мечтала о томъ, чтобы доставить ему и корону, которую носили его отцы. Съ этой цѣлью она сговорилась съ враждебной Ироду египетской царицей, Клеопатрой, и заказала два гроба, въ которые должны были вложить ее и ея сына, чтобы, не возбуждая подозрѣнія, оставить городъ и отправиться въ Египетъ. Но Иродъ, которому было донесено объ этой интригѣ, поймалъ мать и сына въ гробахъ и помѣшалъ ихъ бѣгству. Тѣмъ ревностнѣе онъ долженъ былъ думать о томъ, какъ бы избавиться отъ этого опаснаго юноши. Между тѣмъ Аристовулъ добился народнаго расположенія; лишь только онъ появлялся въ храмѣ, какъ глаза всѣхъ обращались на его красивую, стройную фигуру, и въ глазахъ можно было прочесть желаніе видѣть этого послѣдняго представителя династіи хасмонеевъ на царскомъ тронѣ. Силою Иродъ ничего не могъ сдѣлать съ этимъ соперникомъ, потому что всемогущая Клеопатра была покровительницей юноши. Поэтому Иродъ прибѣгъ къ хитрости. Онъ пригласилъ его въ Іерихонъ, свое излюбленное мѣстопребываніе, и отдалъ своимъ слугамъ приказъ покончить съ нимъ, какъ бы играя во время купанья, что тѣ и исполнили (осенью 35). Съ 18-ти лѣтнимъ Аристовуломъ III умеръ послѣдній представитель хасмонейскаго дома. Ананель былъ назначенъ во второй разъ первосвященникомъ. Напрасно Иродъ притворялся глубоко опечаленнымъ смертью своего молодого шурина; напрасно тратилъ онъ благовонія на его трупъ. Родственники и друзья хасмонеевъ обвиняли его въ убійствѣ, но не осмѣливались раскрыть уста, чтобы громко выразить свою мысль.

Это злодѣяніе имѣло для него самыя печальныя послѣдствія и сдѣлало его на всю его жизнь глубоко несчастнымъ. Правда, оно не вызвало въ немъ угрызенія совѣсти и раскаянія, но было причиной роста недовольства въ его домѣ, которое заставило его принести въ жертву самыхъ дорогихъ его сердцу людей и причинило ему много горя. Рѣдко бываетъ, что виновникъ преступленія такъ тяжело наказывается за него, какъ Иродъ.

Но то, что въ менѣе жестокомъ человѣкѣ могло быть причиною душевнаго перелома, для Ирода стало только поводомъ къ тому, чтобы громоздить преступленіе на преступленіе, избивать своихъ близкихъ и дѣтей и являть собою ужасающій примѣръ некающагося грѣшника. Александра, которая все свое честолюбіе сосредоточила на возвышеніи своего сына, обманутая въ своихъ надеждахъ, обвинила Ирода предъ Клеопатрой въ убійствѣ. Жадная египетская царица, которая уже обратила свои взоры на владѣнія Ирода, воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать его ненавистнымъ въ глазахъ Антонія. Послѣдній призвалъ Ирода къ себѣ въ Лаодикею для оправданія. Дрожа за свою жизнь, отправился Иродъ туда, но сумѣлъ богатыми подарками и краснорѣчіемъ добиться того, что Антоній не только не обвинилъ его въ смерти Аристовула, но и осыпалъ его почестями (весною 34). Радостно вернулся Иродъ въ свою столицу: онъ избѣгъ большой опасности. Правда, онъ поплатился за это драгоцѣнною жемчужиной въ своей коронѣ. Знаменитая своимъ бальзамомъ и своими пальмами іерихонская область была у него отнята и подарена Антоніемъ Клеопатрѣ, которой онъ отдалъ также все прибрежье Средиземнаго моря. Иродъ долженъ былъ арендовать у нея эту мѣстность за 200 талантовъ. Но эта выкупная сумма не можетъ идти въ сравненіе съ тѣми потерями, которыя ему грозили; онъ могъ быть доволенъ.

У порога его дворца ждалъ его демонъ раздора, чтобы наполнить его душу отчаяніемъ. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ поручилъ свою супругу, Маріамну, мужу своей сестры Саломеи, *Іосифу*, съ тайнымъ приказомъ убить ее и ея мать, если онъ попадетъ въ немилость къ Антонію и сложитъ тамъ свою голову. Нежеланіе, чтобы его прекрасная жена досталась кому-либо другому и ненависть къ хасмонеянкамъ, которыя радовались бы его гибели, внушили ему эту діавольскую мысль. Изъ желанія ли убѣдить Маріамну въ страстной любви къ ней ея мужа, или изъ злобы, которую питали другъ къ другу члены этой семьи, Іосифъ открылъ царицѣ тайный приказъ, который вонзилъ новое жало въ сердце несчастной. Когда въ Іерусалимѣ распространился ложный слухъ о смерти Ирода, Маріамна вмѣстѣ съ матерью хотѣла искать защиты у римлянъ. Этимъ воспользовалась сестра Ирода, Саломея, одинаково ненавидѣвшая и своего мужа Іосифа, и Маріамну, которая изъ гордости не хотѣла вступить въ дружескія сношенія съ семьей своего мужа; она оклеветала обоихъ передъ своимъ братомъ и даже обвинила ихъ въ преступной связи. Иродъ, вначалѣ недовѣрчиво относившійся къ этой клеветѣ, повѣрилъ ей, когда оказалось, что Маріамна знаетъ о существованіи тайнаго приказа. Его гнѣвъ не имѣлъ границъ; онъ приказалъ обезглавить Іосифа, заточить Александру и приговорилъ бы къ смерти Маріамну, если бы любовь къ ней не была

сильнѣе его гнѣва. Начиная съ этого времени (34), недовѣріе и ненависть росли въ тѣсномъ кругѣ его семьи, такъ что члены ея одинъ за другимъ истреблялись имъ.

Съ внѣшней стороны Иродъ продолжалъ пользоваться успѣхомъ, и счастье помогало ему при самыхъ печальныхъ обстоятельствахъ. Не прошель еще шестой годъ со дня его вступленія на престолъ, какъ вокругъ его головы собрались грозныя тучи, которыя погубили бы менѣе сильнаго человѣка. Находившаяся еще въ живыхъ сестра царя Антигона стала мстительницей за своего брата и за свой родъ, собрала войска и, неизвѣстно какимъ образомъ, овладѣла крѣпостью Гирканіономъ (32). Едва Иродъ побѣдилъ ее, какъ ему стала грозить другая, гораздо болѣе серьезная, опасность. Клеопатра, вообще враждебно относившаяся къ евреямъ такъ, что во время одного голода она отказалась помочь имъ хлѣбомъ наравнѣ съ другими жителями Александріи, была особенно сильно возбуждена противъ Ирода и приложила всѣ усилія къ тому, чтобы погубить его, пользуясь своимъ вліяніемъ на Антонія. Она, заставившая своими интригами обезглавить Лизанія, сына родственника хасмонеевъ, сирійскаго князя Птоломея, готовила подобную же судьбу Ироду и набатейскому царю. Она неустанно интриговала противъ Ирода и, во время своего путешествія по Іудеѣ, старалась при помощи своей обольстительной красоты заставить Ирода сдѣлать что нибудь такое, что могло бы сильнѣйшимъ образомъ возбудить гнѣвъ Антонія; но эта попытка разбилась о разсчетливость и обдуманность Ирода. Изъ страха передъ ней и передъ народомъ, который ненавидѣлъ его и желалъ его погибели, онъ чувствовалъ себя вынужденнымъ искать убѣжища въ укрѣпленномъ мѣстѣ, гдѣ онъ, по крайней мѣрѣ, былъ бы въ состояніи долго защищать свою жизнь. Онъ еще сильнѣе укрѣпилъ горную крѣпость Масаду, которая была доступна только съ двухъ сторонъ, со стороны Мертваго моря и съ противоположной стороны, и то только по узкимъ и опаснымъ тропинкамъ. Вершину горы, имѣвшую въ окружности 7 стадій, онъ снабдилъ высокими и крѣпкими стѣнами, 37 башнями и жилищами. Онъ возвелъ для себя въ Масадѣ великолѣпный дворецъ съ колоннадами, банями и мозаикой и защитилъ его башнями. Онъ устроилъ большое водохранилище, чтобы имѣть всегда подъ рукою запасъ воды, а свободное мѣсто должно было служить для воздѣлыванія хлѣба. Въ случаѣ полной неудачи, эта крутая крѣпость у Мертваго моря должна была служить ему защитой противъ его враговъ, даже если бы ихъ было много. Клеопатра имѣла въ виду другой планъ, чтобы погубить его безъ большого напряженія силъ. Она сдѣлала Ирода поручителемъ за слѣдуемые ей отъ одной части набатейской области доходы для того, чтобы вовлечь его въ войну съ набатейскимъ царемъ Малихосомъ. Ея намѣреніе

было натравить другъ на друга, одинаково ненавистныхъ ей, обоихъ сосѣдей. Это ей отчасти удалось. Такъ какъ Малихъ прекратилъ правильное поступленіе денегъ, то Иродъ вступилъ съ нимъ въ борьбу. Но лишь только Иродъ одержалъ надъ нимъ двѣ побѣды (у Діума и Каната), то Клеопатра послала своего полководца Антеніона на помощь набатейскому царю, и еврейское войско потерпѣло такое пораженіе, что Иродъ долженъ былъ перейти обратно черезъ Іорданъ и даже здѣсь не чувствовалъ себя въ полной безопасности. Къ этому присоединилось еще страшное землетрясеніе, которое было особенно сильнымъ въ Саронской долинѣ (восточной части Изреельской); дома обрушились и погребли подъ своими развалинами много тысячъ человѣкъ (весною 31). Со времени этого землетрясенія первосвященники имѣли обыкновеніе въ день Всепрощенія молиться о томъ, чтобы дома жителей Саронской долины не стали ихъ гробами [1]). Пораженіе въ войнѣ съ набатейскимъ царемъ и землетрясеніе сдѣлали еврейское войско такимъ малодушнымъ, а врага такимъ самонадѣяннымъ, что надо было ожидать самаго худшаго; и однако Иродъ съ новымъ мужествомъ вступилъ въ борьбу, набатеи были разбиты при Филадельфіи и признали Ирода своимъ сюзереномъ (31).

Едва съ этой стороны для него настало спокойствіе, какъ поднялась буря, взволновавшая весь римскій міръ и грозившая гибелью любимцу римскаго повелителя. Съ тѣхъ поръ, какъ Римъ и подчиненные ему народы лежали у ногъ тріумвировъ, *Октавіана Цезаря, Марка Антонія и Эмилія Лепида,* которые ненавидѣли другъ друга и желали другъ друга уничтожить, чтобы добиться единодержавія, политическая атмосфера была полна грозными тучами, готовыми каждую минуту разразиться. Къ этому присоединилось и то неслыханное дѣло, что одинъ изъ этихъ повелителей находился въ подчиненіи у развратной царицы Клеопатры, которая пользовалась своимъ обаяніемъ для того, чтобы стать госпожею Рима, причемъ цѣлыя страны и города гибли въ пламени. Въ это глубоко тревожное время одинъ еврейскій поэтъ въ прекрасныхъ греческихъ стихахъ въ формѣ сивиллиныхъ предсказаній пророчилъ гибель грѣшнаго греческо-римскаго міра и наступленіе чуднаго утра пришествія Мессіи. Страшные дни возвѣщалъ этотъ іудейско-греческій провидецъ, дни, когда *Беліаръ* (Беліалъ), Антимессія, совратитъ и погубитъ людей. „Если нѣкогда Римъ будетъ владычествовать надъ Египтомъ, то среди людей появится величайшее царство безсмертнаго Царя. И прійдетъ святой князь, который будетъ повелѣвать надъ всѣми странами земли во всѣ времена. И возникнетъ тогда немилосердная ярость среди латинскихъ племенъ: трое уничтожатъ тогда Римъ страшною судьбою, и въ собственныхъ домахъ погибнутъ всѣ люди.... Горе

[1]) Ierus. Iota 42.

тебѣ, несчастному, горе, когда прійдетъ день суда безсмертнаго Бога, могущественнаго Царя. Но прійдетъ нѣкогда Беліаръ. Онъ поставитъ вершины горъ, онъ остановитъ теченіе моря, блестящую луну и великое пылающее солнце; онъ пробудитъ умершихъ и совершитъ много знаменій среди людей. Но въ немъ не совершенство, а обманъ, и много людей обольститъ онъ, избранныхъ евреевъ и другихъ, не имѣющихъ закона или познанія Бога. Если же наступитъ гроза Всемогущаго, и пылающая сила распространится на землю, то онъ сожжетъ Беліара и всѣхъ людей, которые высокомѣрно довѣрились ему. И міръ будетъ тогда въ рукахъ *одной женщины*, и будетъ она повелѣвать ему, и всѣ будутъ ей повиноваться. Когда же будетъ владычествовать надъ всей землей *вдова*, бросая въ могучій потокъ золото и серебро, тогда будетъ судъ великаго Бога надъ міромъ на долгое время".

Дѣйствительно наступило время несчастій, явился и своего рода Беліаръ, полуіудей, Иродъ; но не было только радостнаго пришествія Мессіи. Война между Октавіаномъ и Антоніемъ была войной римскаго запада съ востокомъ, Европы съ Азіей; это была война народовъ, какой не видалъ міръ со временъ Александра Македонскаго. Она скоро окончилась пораженіемъ Антонія въ битвѣ при Акціумѣ (2 сент. 31 г.). Пораженіе Антонія грозило гибелью Ироду. Послѣдній, какъ и его враги, не сомнѣвался въ томъ, что паденіе его покровителя будетъ и его паденіемъ. Вѣдь онъ былъ самымъ вѣрнымъ союзникомъ Антонія. Въ честь его Иродъ назвалъ Антоніей расположенную къ сѣверо-западу отъ храма повыше его крѣпость Биру или Барисъ или Акру, которую снабдилъ стѣнами и высокими башнями и гарнизономъ для наблюденія за движеніемъ въ храмѣ. Далѣе, Иродъ помогалъ Антонію провіантомъ въ войнѣ противъ Октавіана. Онъ ожидалъ самаго худшаго; но его злое сердце не хотѣло, чтобы его пережили послѣдніе представители хасмонеевъ, его жена Маріамна, ея мать Александра и 80-лѣтній Гирканъ. Онъ обвинилъ послѣдняго въ преступныхъ переговорахъ съ набатейскимъ царемъ Малихосомъ, въ доказательство чего представилъ его переписку съ врагомъ. Немедленно послѣ побѣды Октавіана онъ перешелъ на его сторону и помогъ ему уничтожить большой отрядъ дикихъ гладіаторовъ Антонія, которые пытались пробиться черезъ Сирію и Палестину въ Египетъ, чтобы помочь своему господину. Однако онъ не могъ надѣяться на то, что побѣдитель будетъ высоко цѣнить этотъ переходъ на его сторону и забудетъ о его преданности побѣжденному. По его приказанію, трусливый Синедріонъ (быть можетъ, подъ вліяніемъ сыновей Батиры) присудилъ къ смертной казни Гиркана, единственная вина котораго заключалась въ безпримѣрной податливости убійцѣ и притѣснителю народа. Этому хасмонейскому царю не досталось на долю

даже почетное погребеніе. Иродъ, намѣреваясь отправиться къ побѣдителю Октавіану Цезарю, отослалъ Маріамну съ матерью въ крѣпость Александріонъ подъ наблюденіемъ итурейца *Соема*, отдавъ ему приказаніе казнить ихъ, лишь только прійдетъ извѣстіе о его смерти. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ вынужденъ былъ допустить перемѣну лицъ въ Синедріонѣ, на которую онъ при другихъ условіяхъ наврядъ ли согласился бы. Благодаря этой перемѣнѣ, руководителемъ Синедріона сталъ неизвѣстный дотолѣ вавилонянинъ *Гилелъ*, давшій іудаизму направленіе, послѣдствія котораго ощущаются до настоящаго времени. Въ эту полную ненависти эпоху *Гилелъ* своимъ мягкимъ и мирнымъ характеромъ дѣйствовалъ успокоительно подобно маслу при волненіи моря.

Гилелъ (род. около 75 г. до Хр. э. ум. въ 5 г. послѣ Хр. э.) ведетъ свое происхожденіе съ материнской стороны отъ царя Давида [1]); предки его остались послѣ изгнанія въ Вавилоніи. Не смотря на знатное происхожденіе, онъ жилъ въ крайней нуждѣ и пользовался помощью своего богатаго брата, *Шебны* [2]). Переселившись, вѣроятно, изъ Вавилоніи въ Іерусалимъ съ Гирканомъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ слушателей Шемані и Авталіона, толкованія которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе передавать съ дословною точностью [3]). При этомъ ему приходилось бороться съ тяжелой нуждою и половину своего ежедневнаго заработка въ полъ динара онъ тратилъ на себя, а другую половину онъ платилъ привратнику, чтобы получить доступъ на лекціи. Однажды, такъ разсказываетъ преданіе, когда онъ мало заработалъ и не могъ заплатить привратнику, въ зимній день онъ взобрался на плоскую крышу, чтобы подслушать лекцію законоучителей. Погрузившись въ слушаніе, онъ не замѣтилъ, какъ мало по малу падавшій снѣгъ покрывалъ его, и онъ окоченѣлъ. На слѣдующій день, въ субботу, его нашли въ этомъ состояніи подъ толстымъ слоемъ снѣга и съ трудомъ привели въ чувство [4]). Это преданіе хочетъ указать на рвеніе Гилела къ изученію закона. Свое образованіе онъ получилъ въ школѣ Шемані и Авталіона, отъ которыхъ онъ получилъ знаніе устныхъ законовъ [5]). Выдающійся характеръ Гилела отличался голубиной кротостью, которая ни на минуту не даетъ гнѣву овладѣть душою человѣка, глубокой любовью къ людямъ, которая происходитъ изъ смиренія и снисходительнаго отношенія къ другимъ, наконецъ, тѣмъ спокойствіемъ, которое вытекаетъ изъ глубокой вѣры въ Бога и непоколебимо даже въ минуту несчастья. Позд-

[1]) Ierus. Taanit IV p. 68.
[2]) Sota 21 a.
[3]) Adujot 1, 3.
[4]) Ioma 35 b.
[5]) Pesachim 66 a; jerus. Pes. 33 a.

нѣйшее время не знало болѣе высокаго идеала кротости и скромности, нежели вавилонянинъ Гилелъ [1]), и преданіе съ особенною любовью разрабатывало эти черты. Разсказываютъ, что два человѣка пошли въ пари о томъ, удастся ли имъ разсердить Гилела; одинъ изъ нихъ, утверждавшій это, неоднократно приставалъ съ пустыми вопросами къ Гилелу, который уже занялъ высокое положеніе. Гилелъ отвѣчалъ ему съ удивительною кротостью и не обращалъ вниманія на его дерзкія выходки. Преданіе разсказываетъ и о томъ, какъ къ Гилелу обращались язычники, желавшіе стать прозелитами на невозможныхъ условіяхъ. Одинъ хотѣлъ изучить весь іудаизмъ въ то время, пока онъ будетъ стоять на одной ногѣ; другой заявилъ, что онъ хочетъ исповѣдывать только писанный законъ, а не устный; третій хотѣлъ принять іудейство только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы его назначили первосвященникомъ. Гилелъ далъ имъ всѣмъ кроткій отвѣтъ и сумѣлъ такъ подѣйствовать на нихъ, что они отказались отъ своихъ условій. Тому, кто хотѣлъ постигнуть весь іудаизмъ въ одномъ положеніи, Гилелъ сказалъ: „не дѣлай другому того, что тебѣ самому непріятно; это главная заповѣдь, все остальное лишь объясненіе ея“ [2]). Этотъ принципъ благородной любви къ ближнему, который язычники приняли за новое откровеніе, несомнѣнно принадлежитъ Гилелу, такъ какъ непосредственно вытекаетъ изъ его мягкости и человѣколюбія и подтверждается многими его изреченіями.

Особенно проявлялось миролюбіе Гилела въ тѣхъ случаяхъ, когда его мнѣніе встрѣчало противорѣчіе [3]); теоретически очень послѣдовательный, онъ на практикѣ былъ уступчивъ даже по отношенію къ младшимъ. Его благотворительность была безгранична, и при этомъ онъ поступалъ съ такой деликатностью, что старался не оскорбить своими даяніями, а почтить поддерживаемаго сообразно съ его общественнымъ положеніемъ. О немъ разсказываютъ, что онъ однажды оказалъ такую помощь одному раззорившемуся члену знатной семьи, что тотъ не только имѣлъ все необходимое, но могъ жить соотвѣтственно своему положенію; Гилелъ купилъ ему раба для услуженія и даже лошадь для ѣзды [4]). Его упованіе на Бога было выше всякаго страха, и онъ это внушилъ своей семьѣ, такъ что однажды, входя въ городъ и слыша отчаянные крики, онъ сказалъ: „Я увѣренъ, что эти вопли отчаянія раздаются не изъ моего дома“ [5]). Такимъ же духомъ проникнуты и изреченія Гилела, которыя отличаются еще болѣе выразительной краткостью, чѣмъ изреченія его пред-

[1]) Sabbat 30 b.
[2]) T. же דעלך כני לחברך לא תעבד זוהי כל התורה כולה
[3]) Tosefta Chagiga 2. Babli Beza 20 a.
[4]) Tos. Pea конецъ.
[5]) Berachot 60 a. Jerus. Berachot c. I p. 14 b.

шественниковъ. Вотъ образцы его изреченій: „Если не я за себя (свою душу), то кто же за меня? Если я только за себя, то что я значу? Если не теперь, то когда же?“ „Будь ученикомъ Арона, люби миръ и водворяй его вездѣ, люби людей и такимъ образомъ ты приблизишь ихъ къ закону Божьему [1]). Проникнутый увѣренностью въ высокомъ назначеніи Израиля сохранить и распространить истинное познаніе Бога, онъ обыкновенно заявлялъ во время праздника возліянія воды въ храмѣ: „Если я (Израиль) здѣсь, то все здѣсь; если я буду отсутствовать, то кто же окажется? [2]) Ученіе іудаизма онъ ставилъ очень высоко и возмущался, когда видѣлъ, что имъ пользуются, какъ средствомъ для удовлетворенія честолюбія или тщеславія: „Кто старается прославить свое имя, теряетъ его; кто не занимается ученіемъ, не достоинъ жить; кто не пріобрѣтаетъ новыхъ познаній, теряетъ и прежнія; кто пользуется вѣнцомъ знанія, погибнетъ“ [3]).

Благодаря своимъ высокимъ добродѣтелямъ, онъ сталъ идеаломъ для будущихъ поколѣній и явился однимъ изъ величайшихъ творцовъ іудаизма; онъ считается, подобно Эзрѣ, возстановителемъ ученія [4]), которое онъ вывелъ изъ состоянія упадка. Въ двухъ направленіяхъ онъ дѣйствовалъ освѣжающе и оживляюще: матеріалъ для устнаго ученія, который онъ заимствовалъ отъ Шемаи и Авталіона, онъ обогатилъ древними толкованіями, которыя въ Вавилоніи стали извѣстны, благодаря изгнанникамъ; но гораздо важнѣе было формальное усовершенствованіе системы дополнительныхъ законовъ. Онъ ихъ свелъ къ общимъ принципамъ и, такимъ образомъ, вывелъ изъ узкаго круга привычекъ и обычаевъ и возвысилъ ихъ на степень цѣльнаго ученія. Преданіе, по воззрѣніямъ Гилела, содержитъ въ себѣ основаніе для своего оправданія и не должно исключительно ссылаться на авторитетъ. Онъ отчасти проложилъ дорогу для примиренія фарисейства съ цадукействомъ тѣмъ, что предложилъ общіе принципы, съ которыми не могла не согласиться какъ одна партія, такъ и другая, и хотѣлъ, такимъ образомъ, положить конецъ страстной ненависти между этими партіями. Съ этихъ поръ не должно было быть, по его понятію, никакого разногласія, никакого спора относительно обязательности дополнительныхъ законовъ. Гилелъ, съ одной стороны, призналъ цадукейскій принципъ, что законъ только тогда имѣетъ силу, когда находитъ себѣ оправданіе въ св. Писаніи, но, съ другой стороны, онъ утверждалъ, что это оправданіе лежитъ не только въ мертвыхъ буквахъ, но и въ общихъ началахъ, на которыя указываетъ св. Писаніе. Посредствомъ семи методовъ толкованія закона (Scheba Midot) можно произвести изъ Писанія устный законъ, который получатъ такое же обязательное значеніе, какъ и писанный. Благодаря этимъ семи методамъ, устное законодательство предстало въ новомъ свѣтѣ; оно не носило болѣе произвольнаго характера, а стало общепризнаннымъ, подходящимъ для всѣхъ, и могло считаться вытекающимъ изъ св. Писанія. Эти методы не должны были служить только для оправданія уже существовавшаго содержанія устнаго ученія, но и для дальнѣйшей выработки законовъ и ихъ примѣненія въ непредвидѣнныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, Синедріонъ получилъ мѣрило для руководства въ своей законодательной дѣятельности, а разсудокъ — обширное поле для остроумныхъ комбинацій. Методы Гилела, которые были впослѣдствіи значительно расширены, положили начало той системѣ остроумныхъ умозаключеній, которую называютъ Талмудомъ.

Эти методы толкованія закона, которые отчасти исходятъ отъ великихъ изслѣдователей закона Шемаи и Авталіона, учителей Гилела, но которые были систематически изложены только послѣднимъ, въ началѣ, повидимому, не пользовались успѣхомъ. Извѣстно, что Гилелъ примѣнилъ ихъ въ своемъ изложеніи передъ Синедріономъ [1]), но послѣдній не обратилъ на нихъ вниманія либо потому, что не понялъ ихъ, либо потому, что оспаривалъ ихъ примѣнимость. Это, впрочемъ, было не въ первый и не въ послѣдній разъ, что истина при первомъ своемъ появленіи не встрѣтила сочувствія у посредственности. Между тѣмъ Гилелъ имѣлъ случай примѣнить свой методъ истолкованія закона при возбужденіи одного вопроса, рѣшеніе котораго весь народъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ, и, благодаря этому случаю, онъ сталъ предсѣдателемъ Синедріона. Канунъ праздника, когда долженъ былъ быть принесенъ въ жертву пасхальный агнецъ, пришелся, что было очень рѣдкимъ случаемъ, въ субботу, и Синедріонъ не могъ никакъ рѣшить, можно ли принести жертву въ субботу. Гилелъ, на котораго уже обратили вниманіе наиболѣе проницательные члены Синедріона, вмѣшался въ споръ и доказалъ, что по правиламъ равенства, умозаключенія и аналогіи, пасхальная жертва, какъ всякая общая жертва, вытѣсняетъ собой субботу. Споръ былъ особенно горячъ потому, что рѣшеніемъ его былъ заинтересованъ собравшійся для празднованія народъ; во время этого спора дѣлались въ народѣ громкія замѣчанія, одни ободрявшія Гилела, другія порицавшія его. Одни кричали: „отъ вавилонянина ожидаемъ мы лучшаго рѣшенія“. Другіе иронически замѣчали: „что намъ хорошаго ожидать отъ вавилонянина“ [2]). Такъ какъ Синедріонъ не соглашался съ его доказательствами, то Гилелъ сослался на высказанное Ше-

[1]) Abot I, 12, 14.
[2]) Succa 53 a.
[3]) Abot I, 13.
[4]) Succa 10 a.

[1]) Tosefta Synhedrin c. 7.
[2]) Jerus. Pesachim c. VI p. 33 a; Babli 66 a.

маей и Авталіономъ положеніе, которое подтверждало его рѣшеніе. Съ этого дня имя Гилела стало настолько популярнымъ, что члены Синедріона изъ дома Бней-Батира отреклись отъ своихъ должностей— неизвѣстно, добровольно ли или по требованію народа—и передали Гилелу власть предсѣдателя (30). Гилелъ не только не возгордился этимъ, но былъ очень недоволенъ и сталъ попрекать членовъ Синедріона: „кто виноватъ въ томъ, что я, незначительный вавилонянинъ, сталъ предсѣдателемъ Синедріона? Въ этомъ виновато только ваше пренебрежительное отношеніе къ поученіямъ Шеман и Авталіона“ [1]). Иродъ ничего не имѣлъ противъ этого выбора отчасти потому, что, боясь за свою корону и свою голову въ виду встрѣчи съ Октавіаномъ, онъ не хотѣлъ возбуждать противъ себя народъ, отчасти потому, что Гилелъ, какъ вавилонянинъ и провозгласитель миролюбиваго ученія, не былъ ему непріятенъ. Такимъ образомъ, слѣдствіемъ этой незначительной причины было то, что во главѣ Синедріона сталъ человѣкъ, который имѣлъ сильное вліяніе на развитіе іудаизма и потомки котораго впродолженіе четырехъ столѣтій были достойными его представителями.

Изъ установленій Гилела особенно замѣчательны два, которыя показываютъ, насколько вѣрны были его понятія о требованіяхъ жизни и насколько онъ съ ними считался. Долговыя обязательства теряли свою силу съ наступленіемъ каждаго седьмого, т. н. субботняго, года. Но это мудрое, преслѣдовавшее уравненіе имуществъ, правило, созданное для республиканскаго государства, основой котораго была высокая нравственность, стало приносить большой вредъ въ то время, когда капиталъ пріобрѣлъ сильную власть, потому что состоятельные люди стали воздерживаться отъ ссуды денегъ нуждающимся. Поэтому Гилелъ, не уничтожая значенія субботняго года, постановилъ, чтобы передъ его наступленіемъ заимодавецъ передавалъ право на полученіе долга суду [2]), который и могъ взыскивать, и, такимъ образомъ, заимодавецъ не переступалъ закона. Это постановленіе Гилела, одинаково выгодное какъ для заимодавцевъ, такъ и для должниковъ, называлось греческимъ словомъ „просбулъ“ (передача), потому что долгъ передавался суду. Какъ сильно долженъ былъ проникнуть греческій духъ въ среду еврейскаго народа во время Ирода, если вавилонянинъ Гилелъ могъ воспользоваться греческимъ словомъ для обозначенія новаго закона. Второе установленіе Гилела касалось уплаты за проданный въ огороженномъ городѣ домъ. По библейскому закону, впродолженіе одного года продавецъ можетъ расторгнуть договоръ продажи, и, только по истеченіи этого времени, домъ остается за покупателемъ. Этимъ злоупотребляли многіе покупатели и скрывались въ послѣдній день года, чтобы сохранить за собой покупку. Гилелъ постановилъ, что продавецъ въ такомъ случаѣ можетъ передать деньги, полученныя отъ покупателя, казначею храма и силой занять свой домъ [1]).

[1]) Pesachim т. же
[2]) Schebiit 9, 3-4.

Второе мѣсто послѣ Гилела въ Синедріонѣ, какъ товарищъ предсѣдателя, занималъ, по настоятельному требованію Ирода, эссей Менахемъ [2]), къ которому царь былъ очень расположенъ. Причину этой симпатіи Ирода къ эссею объясняли слѣдующимъ образомъ. Менахемъ будто бы предсказалъ въ дѣтствѣ Ирода, что послѣдній станетъ царемъ Іерусалима, что правленіе его будетъ блестяще, но что онъ будетъ грѣшить противъ справедливости и благочестія. Иродъ вспомнилъ объ этомъ предсказаніи. Онъ призвалъ къ себѣ прорицателя, милостиво разговаривалъ съ нимъ и, наконецъ, спросилъ о продолжительности своего царствованія. Менахемъ упорно молчалъ; тогда Иродъ сталъ спрашивать, будетъ ли онъ править десять, двадцать или тридцать лѣтъ, и, такъ какъ Менахемъ не отрицалъ, то Иродъ принялъ это за хорошее предзнаменованіе въ пользу того, что онъ будетъ царствовать не меньше тридцати лѣтъ. Между тѣмъ, Менахему не была по душѣ его новая должность, и онъ вскорѣ удалился; по одному мнѣнію, для поступленія на придворную службу, куда за нимъ послѣдовали многіе законоучители, которые примкнули къ Ироду и были за это щедро награждены; по другому же, болѣе вѣроятному, мнѣнію, для уединенной жизни по обычаю эссеевъ [3]). Его замѣстителемъ былъ Шамай [4]), который вполнѣ дополнялъ Гилела, хотя и былъ прямой его противоположностью. О жизни Шамая почти ничего не извѣстно; онъ, навѣрное, былъ палестинцемъ и потому участвовалъ во всѣхъ политическихъ и религіозныхъ дѣлахъ своей родины. Его религіозныя воззрѣнія отличались чрезмѣрной строгостью. Такъ, когда его сынъ былъ еще ребенкомъ, Шамай хотѣлъ его подвергнуть посту въ Судный день, и его друзьямъ пришлось заставить его пощадить слабое здоровье ребенка [5]). Когда его невѣстка родила мальчика въ праздникъ Кущей, Шамай разрушилъ потолокъ въ комнатѣ роженицы и устроилъ такимъ образомъ праздничный шатеръ, чтобы его новорожденный внукъ съ первой минуты своей жизни слѣдовалъ предписанію закона [6]). Но онъ, во всякомъ случаѣ, не былъ такимъ суровымъ человѣконенавистникомъ, какимъ его изображали послѣдующія поколѣнія, дѣлая заключеніе о его характерѣ по его суровому ученію и представляя его себѣ не иначе,

[1]) Eracbin 31 в.
[2]) Chagiga 2, 2.
[3]) Ierus. Chagiga 2, p. 87 b: Babli 16 b.
[4]) Chagiga т. же.
[5]) Tosefta Ioma c. 4. Babli Ioma c. 10.
[6]) Succa 2, 9.

какъ съ палкой въ рукѣ [1]). Напротивъ, онъ скорѣе относился дружелюбно ко всѣмъ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее его изреченіе: „Первымъ дѣломъ займись изученіемъ Торы, говори мало, но дѣлай много и будь ласковъ со всѣми“ [2]). Эти оба члена Синедріона, Гилелъ и Шамай, создали двѣ различныя школы (Bet-Hillel, Bet-Shammai), которыя расходились въ рѣшеніи многихъ религіозныхъ, нравственныхъ и правовыхъ вопросовъ и впослѣдствіи во время войны имѣли сильное вліяніе на ходъ историческихъ событій, причемъ дѣйствовали въ противоположныхъ направленіяхъ. Иродъ и не подозрѣвалъ, какіе непримиримые враги его рода воспитывались въ уединеніи скромныхъ школъ.

Сильно встревоженный, отправился Иродъ въ Родосъ, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться съ Октавіаномъ Августомъ, который, послѣ побѣды надъ Антоніемъ при Акціумѣ, сталъ единовластнымъ повелителемъ римской имперіи. Надменный на родинѣ, Иродъ предсталъ предъ могущественнымъ Октавіаномъ смиренно, безъ украшеній, но не безъ мужественной рѣшимости. Въ бесѣдѣ съ Октавіаномъ онъ не утаилъ своихъ дружескихъ отношеній къ Антонію; но онъ могъ сослаться на то, что послѣ битвы при Акціумѣ отвернулся отъ него; и указалъ, какъ полезна можетъ быть его услужливость и преданность, которую онъ готовъ былъ перенести съ побѣжденнаго на побѣдителя. Октавіанъ не былъ ни настолько благороденъ, чтобы презирать продажныхъ людей, ни настолько увѣренъ въ своемъ могуществѣ, чтобы отказаться отъ ихъ помощи. Поэтому онъ милостиво принялъ Ирода, приказалъ ему снова надѣть діадему и отпустилъ его домой, осыпавъ почестями. Иродъ, умѣвшій приноравливаться къ обстоятельствамъ, оказался такимъ же вѣрнымъ сторонникомъ Октавіана, какимъ былъ впродолженіе двѣнадцати лѣтъ по отношенію къ Антонію. Во время похода Октавіана въ Египетъ, Иродъ выступилъ къ нему навстрѣчу въ Акко съ роскошными подарками, снабдилъ его войско виномъ и водой во время его пребыванія въ безводной странѣ, и Антоній могъ убѣдиться еще до своего самоубійства, что преданность Ирода не была особенно сильна. Иродъ злорадствовалъ, когда его упорному врагу, Клеопатрѣ, не удалось обворожить побѣдителя своей красотой, и ей ничего другого не оставалось, какъ покончить съ собой. Александрійскіе евреи раздѣляли его радость; они также не мало пострадали отъ ея ненависти. Незадолго до смерти эта ужасная женщина страстно хотѣла собственными руками убить всѣхъ евреевъ, жившихъ въ Египетской столицѣ, за то, что они были на сторонѣ Октавіана. За свою приверженность къ Октавіану, египетскіе евреи получили отъ него подтвержденіе своего равноправія. Какъ велико было довѣріе къ нимъ, до-

[1]) Baba-batra 133 b. Sabbat 31 a.

[2]) Abot 1, 15.

казываетъ то, что онъ оставилъ за еврейскими арабархами надзоръ за взиманіемъ пошлины на Нилѣ и у моря, надзоръ, предоставленный имъ египетскими царями. Это былъ тѣмъ большій признакъ довѣрія, что для перваго императора владѣніе Египтомъ, какъ житницей Рима, и особенно Александріей, какъ гаванью, было такъ важно, что ни одинъ сенаторъ не имѣлъ права отправиться туда безъ разрѣшенія императора. Когда умеръ тогдашній арабархъ, Октавіанъ разрѣшилъ избрать ему преемника изъ Александрійскихъ евреевъ и сохранить за новымъ арабархомъ, Никаноромъ, всѣ права его предшественниковъ. Октавіанъ даровалъ евреямъ еще большія льготы. Въ то время, какъ онъ сильно стѣснялъ александрійскихъ грековъ за ихъ испорченность, непостоянство и наклонность къ возстаніямъ, не далъ имъ никакой судебной власти и заставлялъ подчиняться рѣшеніямъ назначенныхъ имъ судей, онъ самъ созвалъ еврейскій совѣтъ, который долженъ былъ помогать арабарху или этнарху. Послѣдній управлялъ еврейской общиной вполнѣ самостоятельно, разрѣшалъ споры и слѣдилъ за исполненіемъ царскихъ приказаній и договоровъ.

Многочисленнымъ евреямъ, переселившимся въ Римъ, первый императоръ даровалъ, если не милости, то, во всякомъ случаѣ, право исповѣдовать свою религію и совершенно безпрепятственно совершать свои религіозные обряды, и его примѣру послѣдовали его преемники. Евреямъ было разрѣшено имѣть свои молельни и собираться для богослуженій, хотя въ Римѣ на всевозможныя собранія и сборища смотрѣли косо; далѣе, они могли ежегодно посылать свои даянія въ храмъ въ Іерусалимъ, хотя отсылка крупныхъ суммъ изъ Рима заграницу была запрещена. Римскіе евреи получали свою часть при раздачѣ хлѣба народу. Если раздача хлѣба приходилась въ субботу, то имъ хлѣбъ раздавался на слѣдующій день. Таковъ былъ приказъ перваго императора.

Еврейскому царю Октавіанъ подарилъ гвардію Клеопатры, которая состояла изъ четырехъ сотенъ галловъ (или кельтовъ), и отдалъ ему много отнятыхъ у Іудеи приморскихъ городовъ (стр. 120) и также Іерихонскую область. Самарія, Гадара и Гиппосъ по ту сторону Іордана тоже были присоединены къ Іудеѣ. Владѣнія Іуден стали такъ же обширны, какъ и до войны братьевъ хасмонеевъ и вмѣшательства римлянъ, но какъ измѣнились обстоятельства! Преувеличенъ разсказъ о томъ, что первый императоръ Октавіанъ Августъ будто бы назначилъ въ пользу храма извѣстную сумму денегъ для ежедневнаго жертвоприношенія. Достовѣрно только то, что съ этого времени въ храмѣ дѣлались жертвоприношенія за благо римскихъ цезарей, вѣроятно по причинѣ безграничнаго низкопоклонничества Ирода. Августъ и его супруга пожертвовали храму золотые кубки.

Иродъ достигъ апогея своего могущества; бѣда не только была устранена, но еще способствовала его возвышенію. Однако онъ не наслаждался счастьемъ; кара за его преступленія преслѣдовала его по пятамъ и превращала всякую радость въ страданіе. Въ узкомъ кругу его семьи произошла трагедія, которую никакая фантазія поэта не могла бы сочинить и которая причинила ему тяжелое горе. Маріамна, которая со своей матерью во время отсутствія Ирода содержалась, какъ плѣнница, узнала отъ своего тюремщика Соема о тайномъ приказѣ, который Иродъ отдалъ во второй разъ, не дать Маріамнѣ пережить его смерти. Когда ея мужъ вернулся, она не стала скрывать своей ненависти къ нему и, когда онъ говорилъ ей о своей любви, напомнила ему объ убійствѣ дѣда, брата и другихъ родственниковъ. Иродъ былъ терзаемъ то любовью къ этой прекрасной женщинѣ, обладаніе которой удовлетворяло его сердце и льстило его честолюбію, то ненавистью къ этому врагу своей личности и власти. Будучи очень мрачно настроенъ, онъ сталъ прислушиваться къ злобнымъ нашептываніямъ своей сестры Саломеи, которая увѣряла брата, что Маріамна хотѣла его отравить при содѣйствіи царскаго виночерпія. При допросѣ, послѣдовавшемъ вслѣдствіе этого, оказалось, что Маріамна узнала о тайномъ приказѣ Ирода отъ Соема; эта измѣна его преданнѣйшаго слуги еще болѣе возбудила ревность Ирода и вызвала въ его груди цѣлую бурю дикихъ страстей. Соемъ былъ немедленно обезглавленъ. Потрясенный этими мучительными ощущеніями, Иродъ предалъ Маріамну суду и обвинилъ ее въ супружеской невѣрности и покушеніи на убійство. Судьи думали исполнить желаніе царя и приговорили ее къ смертной казни. Иродъ хотѣлъ отложить казнь, но Саломея убѣдила брата, что народъ поднимете возстаніе для освобожденія Маріамны. И вотъ красивѣйшая женщина Іудеи, хасмонейская царица, гордость всего еврейскаго народа, была казнена въ самую цвѣтущую пору жизни. Она приняла смерть съ необыкновенной стойкостью, не обнаруживъ ни страха, ни женской слабости, какъ достойный потомокъ своихъ великихъ предковъ (29). Маріамна была олицетвореніемъ Іудеи, которая погибла изъ-за коварныхъ козней и дикихъ страстей.

Смерть Маріамны не обуздала ярости Ирода, а, наоборотъ, еще болѣе возбудила ее. Онъ не могъ помириться съ мыслью о смерти жены и впалъ въ состояніе болѣзненнаго бѣшенства. Онъ приказалъ набальзамировать ея трупъ [1]), въ рыданіяхъ выкрикивалъ ея имя, заставлялъ своихъ слугъ говорить о ней, какъ будто она была жива, и, такъ какъ его дикая ярость могла быть успокоена только новыми кровопролитіями, то онъ велѣлъ убить всѣхъ судей, приговорившихъ Маріамну къ смерти, хотя это были его преданнѣйшіе друзья. Эта мучительная душевная тревога причинила царю тяжкую болѣзнь. Его положеніе было настолько опасно, что врачи боялись за его жизнь. Этимъ случаемъ хотѣла воспользоваться Александра, замышляя завладѣть Іерусалимомъ и лишить своего смертельнаго врага престола. Она стала уговаривать начальника города и надсмотрщика храма помочь ей. Ослѣпленная боязнью смерти и жаждой мести, она забыла, что одинъ изъ нихъ, Ахіабъ, былъ близкимъ родственникомъ Ирода. Онъ выдалъ царю ея безумный планъ. Близость опасности оживила Ирода. Это былъ случай освободиться отъ послѣдней женщины изъ рода хасмонеевъ. Иродъ ей никогда не довѣрялъ, хотя она всегда скрывала свое лицемѣріе; послѣднее она довела до того, что дѣлала своей дочери, Маріамнѣ, передъ ея смертью упреки въ неблагодарности къ Ироду, чтобы царь не заподозрилъ ее въ соучастіи въ преступленіи, въ которомъ обвиняли ея дочь. Александра также была казнена (29 или 28). Такъ погибъ послѣдній отпрыскъ хасмонейскаго рода. Александра была свидѣтельницей позорной смерти своего тестя, Аристовула II, своего мужа, Александра, своего зятя, Антигона, своего сына, Аристовула III, своего отца, Гиркана II и своей дочери, Маріамны. Она не избѣгла судьбы своей семьи, изъ которой только два члена умерли своей смертью. Вскорѣ послѣ этого были казнены остальные родственники Хасмонеевъ по боковой линіи, бней-Баба, и такимъ образомъ впослѣдствіи можно было съ достовѣрностью утверждать, что человѣкъ, называвшій себя потомкомъ Хасмонеевъ, выдавалъ этимъ свое неблагородное происхожденіе отъ идумейскаго раба Ирода [1]). Идумей Костобаръ, довѣренное лицо Ирода, скрывалъ много лѣтъ бней-Баба, чтобы съ ихъ помощью поднять возстаніе. Цѣлью этого возстанія было вернуть идумеевъ къ язычеству; жрецами одного изъ идумейскихъ идоловъ, Коце, были предки Костобара. Саломея, мужемъ которой, послѣ казни ея перваго мужа Іосифа, сталъ Костобаръ, любила разнообразіе въ бракѣ и видѣла въ своемъ положеніи при дворѣ благопріятный случай для новыхъ интригъ. Она развелась со своимъ вторымъ мужемъ, послалъ ему, вопреки обычаю, письменное заявленіе о разводѣ, и, чтобы его погубить, она сообщила своему брату о томъ, что Костобаръ спасъ бней-Баба. Тогда Иродъ велѣлъ казнить Костобара и его сообщниковъ, помощниковъ и друзей: Лизимаха, Гадія-Антипатра, Досѳея и бней-Баба (26).

Остальныя двѣ трети правленія Ирода прошли въ низкопоклонствѣ передъ Августомъ и Римомъ, постройкѣ великолѣпныхъ зданій, страшной распущенности нравовъ, неудачныхъ заговорахъ и дворцовыхъ интригахъ, слѣдствіями которыхъ были новыя злодѣянія и казни. Чтобы сохранить благоволеніе всемогущаго Августа, Иродъ устраивалъ въ Іерусалимѣ каж-

[1]) Baba-batra 3 b.

[1]) Baba-batra 9 b.

дые четыре года (2-ое сентября) публичныя игры (акціады), въ воспоминаніе о побѣдѣ Августа надъ своимъ соперникомъ, построилъ театръ и ристалище, устраивалъ разныя состязанія и бои съ атлетами и дикими звѣрями. Эти нововведенія возбудили порицаніе со стороны благочестивыхъ евреевъ, которые видѣли въ этихъ забавахъ признакъ перехода іудаизма въ язычество, а на присутствіе римскихъ трофеевъ и орловъ въ театрѣ они смотрѣли, какъ на введеніе римскаго богопочитанія. Десять смѣльчаковъ, горя желаніемъ отомстить Ироду, составили заговоръ и рѣшили его убить въ театрѣ; къ нимъ присоединился слѣпой, который рѣшилъ пожертвовать своей жалкой жизнью для убійства тирана и развратителя. Заговоръ былъ открытъ, и заговорщики, которые хвастали своимъ предпріятіемъ, погибли мучительной смертью; но народъ растерзалъ доносчика въ клочки и бросилъ ихъ на съѣденіе собакамъ. Въ другой разъ неудовольствіе народа было возбуждено тѣмъ, что Иродъ не только украсилъ великолѣпными постройками Самарію, которую евреи ненавидѣли еще съ давнихъ поръ, но далъ понять, что хочетъ ее сдѣлать столицей Іудеи, чему особенно благопріятствовало ея мѣстоположеніе. Такимъ образомъ, Самарія могла соперничать съ Іерусалимомъ и отнять у него его святость и значеніе. Въ Самаріи былъ также построенъ храмъ. Новоотстроенную Самарію Иродъ переименовалъ въ честь Августа [1]) въ Себасту, какъ прежде въ честь Антонія назвалъ Антоніей крѣпость Барисъ, главный складъ оружія Хасмонеевъ, расположенную на сѣверо-западъ отъ храма. Многимъ городамъ и памятникамъ онъ давалъ имена своихъ римскихъ покровителей или своей семьи. Приморской городокъ Стратонову Башню онъ превратилъ въ большой городъ и первостепенную гавань подъ именемъ Цезареи (Kisrin). Одну изъ башенъ этого города онъ назвалъ по имени пасынка Августа, Друза. Иродъ не постѣснялся построить римскій храмъ на святой землѣ. Цезарея была украшена двумя колоссами, изъ которыхъ одинъ изображалъ Августа въ образѣ Юпитера олимпійскаго, а другой—городъ Римъ въ образѣ Юноны Аргосской. При освященіи Цезареи, постройка которой продолжалась почти двѣнадцать лѣтъ (24—12), евреямъ казалось, что они въ языческомъ городѣ, и стали называть ее малымъ Римомъ. Цезарея стала впослѣдствіи резиденціей римскихъ намѣстниковъ, сначала соперницей Іерусалима, наконецъ же его побѣдительницей. Когда Цезарея ликовала, Іерусалимъ скорбѣлъ. Гавань при Цезареѣ мало по малу превратилась въ самостоятельный городъ. Иродъ назвалъ ее Себастосъ. Два крыла своего дворца, который Иродъ построилъ въ верхней части города, на мѣстѣ прежняго Сіона, и украсилъ великолѣпными украшеніями, онъ назвалъ по имени Цезаря и Агриппы. Чтобы почтить послѣдняго, бывшаго правой рукой Августа, Иродъ назвалъ новопостроенный приморской городъ Антедонъ Агриппіей. Чтобы увѣковѣчить имя отца, Иродъ переименовалъ мѣстечко Кафарзаба въ Антипатрисъ. По имени своей матери онъ назвалъ новый городъ, построенный имъ при Іерихонѣ, Кипариса. Въ воспоминаніе о братѣ, онъ назвалъ постройки къ сѣверо-востоку отъ Іерихона Фазаелисъ и одну изъ башенъ внутренней крѣпости Іерусалима Фазаель; себя онъ увѣковѣчилъ постройкой крѣпости Иродіонъ къ юго-западу отъ Іерусалима, гдѣ онъ одержалъ побѣду надъ толпой черни, преслѣдовавшей его послѣ его бѣгства. На возвышенности онъ построилъ великолѣпный дворецъ съ высокими башнями, который отличался необыкновенной роскошью и удобствомъ. Двѣсти ступеней изъ бѣлаго мрамора вели наверхъ, былъ устроенъ, цѣной огромныхъ затратъ, водопроводъ, снабжавшій Иродіонъ водой. Несомнѣнно, Иродъ украсилъ Іудею, но такъ, какъ украшаютъ жертву прежде, чѣмъ ее предать смерти.

[1]) По гречески Sebastos.

Всѣми этими великолѣпными постройками была удовлетворена его страсть къ роскоши, но не его безмѣрное тщеславіе. Отказавшись отъ любви своего народа, Иродъ хотѣлъ возбудить удивленіе къ себѣ другихъ народовъ и сдѣлать свое имя общеизвѣстнымъ. Онъ истощилъ податями еврейскій народъ, увеличилъ притѣсненія и вымогательства, бралъ сокровища изъ царскихъ гробницъ, продавалъ за границу въ рабство обвиненныхъ въ воровствѣ и тратилъ всѣ эти доходы на украшеніе сирійскихъ, мало-азіатскихъ и греческихъ городовъ. Трудно себѣ представить, какія огромныя суммы Иродъ отнялъ такимъ образомъ у своей страны. Онъ построилъ гимназіи въ Триполи и Дамаскѣ, валы вокругъ Библоса, театры, площади, храмы въ Сидонѣ, водопроводы въ Лаодикіи, бани и колоннады въ Аскалонѣ. Онъ велѣлъ вымостить улицы Антіохіи мраморомъ и окружить галлереями, возстановить храмъ Аполлона, флотъ родосцевъ и разрушившіяся колоннады хіосцевъ; поддерживалъ лидійцевъ, самосцевъ, іонянъ, даже спартанцевъ и аѳинянъ; покрылъ издержки при постройкѣ основаннаго въ воспоминаніе побѣды надъ Антоніемъ при Акціумѣ новаго города Никополя. Онъ назначилъ призы побѣдителямъ въ пришедшихъ въ упадокъ олимпійскихъ играхъ, чтобы вновь возстановить ихъ померкнувшій блескъ. За все это легкомысленные сирійцы и греки превозносили его до небесъ. Августъ былъ имъ доволенъ и заявилъ: „Иродъ достоинъ быть царемъ Сиріи и Египта“. Этой преданностью онъ добился того, что Августъ подарилъ ему Батанію (Басанъ), возвышенность Гауранъ, вулканическій, дикій Трахонитъ, сѣвернѣе Гаурана, и, вѣроятно, также Итурію къ Востоку отъ Хермона и Ливана (24—23). Августъ сдѣлалъ это потому, что эти страны кишѣли разбойниками, и никто, кромѣ Ирода, не въ силахъ былъ ихъ усмирить. Это не былъ пріятный подарокъ, такъ какъ Ироду долго пришлось бороться съ населеніемъ этихъ странъ, которое жило подобно дикимъ звѣрямъ, и онъ

долженъ былъ для его усмиренія послать въ Трахонитъ 3000 идумеевъ. Даже впослѣдствіи, незадолго до смерти, Иродъ долженъ былъ принять мѣры, чтобы сдерживать разбойничьи нападенія трахонитянъ. Одного вавилоно-еврейскаго вождя, Замариса, который перешелъ Евфратъ съ 100 членами семьи и 500 конными и вооруженными провожатыми, чтобы поселиться у Улата къ сѣверу отъ озера Меромъ, Иродъ уговорилъ утвердиться въ Батанеѣ, чтобы сдерживать дикихъ трахонитянъ. Смѣлымъ воинамъ Замариса эта задача оказалась по плечу, и они основали въ этой странѣ крѣпости и городъ Батиру. Они также служили для прикрытія и защиты пожертвованій въ храмъ, которыя ежегодно отвозились изъ Вавилона въ Іерусалимъ. Иродъ, всѣ стремленія котораго были направлены на то, чтобы угодить чужестранцамъ, добиться доброжелательства римлянъ и любви грековъ, окружилъ себя въ своемъ дворцѣ исключительно иноземцами, особенно греками. Николай Дамасскій, знаменитый въ свое время ораторъ и историкъ, былъ его вторымъ я, часто за него заступался и защищалъ передъ Октавіаномъ Августомъ. Его братъ, Птоломей, былъ совѣтникомъ Ирода и правителемъ страны. Грекъ Андромахъ и римлянинъ Гемелъ были воспитателями его сыновей отъ Маріамны, которые чувствовали къ этимъ воспитателямъ больше довѣрія, чѣмъ къ отцу.

Иродъ добился восхищенія и любви со стороны грековъ, римлянъ и евреевъ, жившихъ внѣ Іудеи, которымъ было полезно расположеніе къ нему всемогущаго Августа; но жители Іудеи ничего, кромѣ отвращенія, не чувствовали къ надменному выскочкѣ, нарушавшему обычаи предковъ. Хотя во время голода, который способствовалъ распространенію заразныхъ болѣзней, Иродъ и выказалъ себя щедрымъ благотворителемъ, но все его поведеніе было таково, что благодѣянія были скоро забыты, и народъ видѣлъ въ немъ только убійцу Хасмонеевъ, притѣснителя свободы и похитителя престола.

Онъ осквернилъ одну за другой власть царя, первосвященника и Синедріона. Первую онъ присвоилъ себѣ; вторую, которая до его правленія была за рѣдкими исключеніями наслѣдственной, онъ жаловалъ по своему благоусмотрѣнію; третью онъ настолько ограничилъ, что Синедріону осталось лишь незначительное поле дѣятельности. Первосвященникомъ послѣ Хананеля онъ назначилъ Іошую изъ рода Фіаби; но скоро онъ смѣстилъ Іошую и передалъ его санъ какому-то неизвѣстному священнику Симону, потому что влюбился въ его красавицу дочь, Маріамну, и хотѣлъ дать отцу своей возлюбленной болѣе высокое общественное положеніе, чтобы сдѣлать бракъ съ нею болѣе приличнымъ (24). Этотъ первосвященникъ Симонъ былъ сынъ того Боэтоса изъ Александріи, который положилъ начало величію рода Боэтоса, давшаго нѣсколько первосвященниковъ. Этотъ александріецъ, какъ видно, и

есть основатель той секты Боэтусовъ, которые признавали цадукейское ученіе и умѣли его доказывать лучше самихъ цадукеевъ, съ присущей александрійцамъ находчивостью. Такое безпощадное нарушеніе обычаевъ евреевъ со стороны Ирода не могло способствовать любви народа къ нему. Онъ зналъ о недовольствѣ народа, но, не будучи въ силахъ его подавить, рѣшилъ сдѣлать его, по крайней мѣрѣ, безвреднымъ. Поэтому онъ заставилъ народъ присягнуть ему въ вѣрности (20) и жестоко наказывалъ тѣхъ, кто отказывался это сдѣлать. Онъ освободилъ отъ присяги только ессеевъ, которые считали ее злоупотребленіемъ святого имени Господа, ему нечего было бояться этихъ миролюбивыхъ, погруженныхъ въ созерцаніе людей; ему были желательны такіе подданные, которые бы терпѣливо переносили всѣ несправедливости. Изъ фарисеевъ отказались присягать приверженцы какъ строгаго Шамая, такъ и миролюбиваго Гилела. Но ради всѣми любимаго Гилела, Иродъ освободилъ ихъ отъ этой присяги. Другіе же подданные Ирода, отказавшіеся присягнуть, были казнены.

Но, несмотря на всѣ эти предосторожности, Иродъ не довѣрялъ своему народу и содержалъ поэтому цѣлую армію шпіоновъ, которые подслушивали, что говорили въ народѣ. Онъ самъ часто переодѣтый прокрадывался къ мѣстамъ, гдѣ собирался народъ, и горе тому, кто выражалъ свое неудовольствіе; его тотчасъ же схватывали, отправляли въ крѣпость Гирканіонъ и скоро избавлялись отъ него. Но любовь народа такъ пріятна, что даже тиранъ ощущаетъ ея отсутствіе; Иродъ же особенно стремился къ ней, такъ какъ хотѣлъ прослыть любимцемъ народа въ глазахъ римлянъ и особенно Августа, съ которымъ онъ встрѣтился въ Сиріи и который подарилъ ему тогда область по ту сторону Іордана. Для того, чтобы привлечь къ себѣ любовь народа, Иродъ освободилъ его отъ третьей части податей, подъ предлогомъ, что въ этотъ годъ страна пострадала отъ засухи. Для той же цѣли и для удовлетворенія своей страсти къ постройкамъ, онъ рѣшилъ перестроить храмъ, построенный пять столѣтій тому назадъ. Представители народа, которымъ онъ объявилъ о своемъ намѣреніи перестроить храмъ, пришли въ ужасъ; они боялись, что Иродъ или думаетъ лишь снести старинный храмъ, или затянетъ постройку, и такъ или иначе они лишатся своей святыни. Но Иродъ успокаивалъ ихъ тѣмъ, что не возьмется за перестройку храма прежде, чѣмъ не будетъ привезено достаточное количество строительнаго матеріала и не будутъ наняты рабочіе. Вскорѣ тысячи повозокъ стали доставлять плитняки и мраморъ къ мѣсту постройки. Десять тысячъ рабочихъ, опытныхъ въ своемъ дѣлѣ, оказались на лицо. На восемнадцатомъ году своего царствованія (января 19) Иродъ началъ перестройку, и отдѣлка внутреннихъ частей храма была окончена черезъ полтора года. Постройка стѣнъ, галлерей, колоннадъ про-

должалась еще восемь лѣтъ, и послѣ этого, не задолго до разрушенія храма, были еще сооружены придѣлы и пристройки храма. Сохранилось извѣстіе, что, во время перестройки внутреннихъ частей храма, дождь никогда не шелъ днемъ, а только ночью, и работа такимъ образомъ не прерывалась [1]). Обновленный храмъ былъ такъ великолѣпенъ, что возбуждалъ всеобщее удивленіе и восхищеніе. Онъ былъ больше и великолѣпнѣе храма Зерубавеля. Все пространство Храмовой Горы (Har Haḇajit), которая была окружена высокой и крѣпкой стѣной, вмѣстѣ съ прилегавшей крѣпостью Антоніей, составляло восемь стадій ($1^1/_8$ километра). Благодаря этому положенію святилище было видно издалека и производило очень сильное впечатлѣніе. Вдоль всей внѣшней стѣны съ внутренней стороны были обширныя, крытыя кедромъ и мощенныя цвѣтными камнями, галлереи и колоннады, съ трехъ сторонъ двойныя, а съ южной стороны, гдѣ промежутокъ былъ больше, тройныя; послѣднія назывались царскими. Первый дворъ, окруженный колоннадами, называвшійся на еврейско-греческомъ жаргонѣ Istawaanit [2]) (stoa), служилъ для народныхъ собраній, гдѣ рѣшались важнѣйшія дѣла. Язычники и нечистые могли находиться только здѣсь; поэтому Иродъ приказалъ помѣстить на колоннахъ греческія и латинскія надписи, предостерегавшія язычниковъ отъ дальнѣйшаго проникновенія въ храмъ. Ихъ не пускали потому, что они, какъ не подчиненные правиламъ о левитской чистотѣ, считались нечистыми. Надпись на колоннахъ была написана въ семи строчкахъ большими, бросающимися въ глаза, буквами и гласила слѣдующее: „Ни одинъ чужеземецъ не долженъ идти внутрь за рѣшеткой вокругъ святилища; кто это сдѣлаетъ, тотъ самъ будетъ причиной своей смерти“. Второй дворъ (Chel), который раньше отдѣлялся отъ перваго рѣшетчатой деревянной стѣной (Soreg), при Иродѣ получилъ невысокую, но глухую стѣну.

Помѣщенія храма были мало измѣнены и состояли, какъ и въ старомъ храмѣ, построенномъ Зерубавелемъ, изъ трехъ открытыхъ дворовъ (azarah) и изъ крытаго святилища. Послѣднее имѣло такіе же размѣры, какъ и старое: помѣщеніе для подсвѣчниковъ, стола для освященныхъ хлѣбовъ и золотого алтаря имѣло 40 локтей въ длину и 20 въ ширину, а Святая святыхъ на крайнемъ западѣ—20 локтей въ квадратѣ. Съ внѣшней стороны однако святилище имѣло гораздо бо́льшіе размѣры, 100 локтей въ вышину и столько же въ длину, считая съ востока на западъ, въ томъ числѣ и преддверіе на востокѣ, и только 70 локтей въ ширину съ сѣвера на югъ. У этого преддверія по обѣимъ сторонамъ были закрытыя пристройки по 15 локтей, благодаря чему ширина точно также дохо-

[1]) Taanit 33 b.

[2]) Pesachim 13 a.

дила до 100 локтей. Стѣны святилища были изъ блестящаго бѣлаго мрамора и, такъ какъ онѣ были построены на самой вершинѣ храмовой горы, выдаваясь надъ передними постройками, то они представляли издали со всѣхъ сторонъ величественное зрѣлище. Размѣръ толщины ихъ въ 30 локтей былъ лишь кажущійся, потому что въ нихъ заключались проходы и комнатки. Обширное помѣщеніе передъ святилищемъ распадалось на отдѣленія для женщинъ, мірянъ, священниковъ и для жертвоприношенія. Внутри и снаружи внутренняго двора были открытыя и закрытыя залы, служившія для различныхъ цѣлей, между прочимъ и для казначейства. Вдоль южной и сѣверной стѣны были крытыя колоннады съ каменными сидѣніями (exedrae), куда могли во время дождя или жары удаляться служившіе священники. Помѣщеніе для женщинъ, которыя стали принимать болѣе ревностное участіе въ посѣщеніи храма, было совершенно отдѣлено, и извнѣ въ женскомъ дворѣ были въ трехъ направленіяхъ построены балконы, чтобы оттуда смотрѣть на торжества.

Большимъ великолѣпіемъ отличались двустворчатыя двери и косяки у воротъ. Въ женское помѣщеніе съ востока на западъ вели ворота, сдѣланныя изъ блестящей коринѳской бронзы, которыя были пожертвованы богатымъ и благочестивымъ александрійцемъ, по всей вѣроятности, тогдашнимъ арабархомъ *Никаноромъ* и носили названіе воротъ Никанора. Оттуда 15 ступеней вели въ помѣщеніе для мірянъ черезъ дверь, которая носила названіе высокихъ воротъ. Преддверіе (Ulam) не закрывалось двустворчатыми дверьми, но оттуда вели ворота къ святилищу, болѣе высокія и болѣе широкія, чѣмъ остальныя, и снабженныя двустворчатыми дверьми снаружи и извнутри, покрытыми золотомъ. Они носили названіе великихъ воротъ или просто храмовыхъ (Schaar ha-Gadol, Pitcho schel Hechal). Вслѣдствіе вышины и тяжести этихъ воротъ ихъ трудно было открывать и закрывать. Нѣсколько левитовъ должны были при этомъ напрягать свои силы, и при открываніи ихъ происходилъ шумъ, который былъ слышенъ во всѣхъ помѣщеніяхъ храма. Наружное святилище отдѣлялось отъ внутренняго (Святая святыхъ) не дверью, но двойной занавѣсью, сотканной изъ виссона, голубого, краснаго и темно-краснаго вавилонскаго пурпура и представлявшей собой прекрасный видъ. Ворота, которыя съ сѣвера и юга вели въ храмъ, по три или четыре съ каждой стороны, имѣли тонкія рѣзныя украшенія. Высокая крыша была снабжена позолоченными заостренными палками, которыя должны были мѣшать воронамъ и другимъ птицамъ свивать гнѣзда. Эти палки придавали зданію особенный блескъ, когда оно освѣщалось солнцемъ и, между прочимъ, служили громоотводами [1]), хотя строители этого, вѣроятно, и не подозрѣвали.

[1]) Middot 4, 6.

Торжество освященія храма, построеннаго по приказанію Ирода, превзошло все, что Соломонъ устроилъ по окончаніи постройки своего храма. Цѣлыя гекатомбы приносились въ жертву, и народъ угощался. Храмъ былъ освященъ какъ разъ въ тотъ день, когда 20 годами раньше Иродъ среди кровопролитія овладѣлъ Іерусалимомъ (іюнь 18); это было несчастное воспоминаніе. Рука, выстроившая храмъ, подожгла факелъ, разрушившій его. Иродъ поставилъ храмъ подъ покровительство Рима. Золотой орелъ, символъ римскаго могущества, былъ поставленъ наверху главнаго входа, несмотря на крайнее недовольство благочестивыхъ. Отъ настроенія римскихъ побѣдителей зависѣло, какъ долго должно существовать іудейское святилище. Иродъ приказалъ вырыть подземный ходъ изъ крѣпости Антоніи, которая была назначена для наблюденія за храмомъ, къ восточнымъ воротамъ, чтобы отсюда также наблюдать за происходящимъ въ святилищѣ и имѣть возможность сразу подавить всякое направленное противъ него движеніе. Недовѣріе къ порабощенному имъ народу наполняло душу Ирода.

Постройка храма была единственнымъ дѣломъ Ирода, за которое народъ былъ ему благодаренъ, хотя не любилъ его. Правленіе Ирода было выгодно только иностраннымъ евреямъ. Малоазійскіе греки не переставали досаждать своею нетерпимостью жившимъ тамъ евреямъ, несмотря на полученное отъ римскихъ повелителей указаніе не мѣшать евреямъ въ исполненіи ихъ религіозныхъ обычаевъ. Греки даже добивались уничтоженія равноправія евреевъ. Въ особенности къ нимъ враждебно относился главный городъ Эфесъ, который заставлялъ ихъ являться по субботамъ и праздникамъ къ суду, исполнять воинскую повинность, принимать на себя тяжелыя и дорого стоившія обязанности и запретилъ имъ отправлять въ Іерусалимъ собранныя для храма пожертвованія, желая ихъ употребить на городскія надобности, вѣроятно, на праздничныя игры. Характерно, что малоазійскіе евреи съ просьбой о помощи и съ жалобами на религіозныя преслѣдованія обратились не къ Ироду; кажется, они не довѣряли ему, такъ какъ онъ постоянно благопріятствовалъ грекамъ. Все же онъ имъ помогъ. Онъ находился въ такихъ же хорошихъ отношеніяхъ, какъ къ императору, къ Марку Агриппѣ, зятю Августа. Говорили, что Иродъ милѣе всѣхъ Августу послѣ Агриппы и точно также Агриппѣ послѣ Августа. Во время путешествія Агриппы Иродъ пригласилъ его посѣтить Іерусалимъ, принялъ его съ самой изысканной любезностью (осень 15) и проводилъ его въ его обратномъ путешествіи въ Малую Азію. Этимъ случаемъ воспользовались тамошніе евреи, чтобы принести Агриппѣ въ присутствіи Ирода жалобу на враждебныхъ имъ грековъ. Послѣдній вынужденъ былъ выступить ихъ защитникомъ и поручилъ своему другу, Николаю Дамасскому, произнести рѣчь въ ихъ пользу. Малоазійскіе іонійцы вовсе не оспаривали того, что они причинили непріятности евреямъ, вообще не признавая за ними права жительства въ странѣ; по ихъ мнѣнію, евреи безправные чужеземцы, хотя они жили тамъ уже столѣтіями. Агриппа въ публичномъ засѣданіи заявилъ, что онъ изъ дружбы къ Ироду сдѣлаетъ по меньшей мѣрѣ одно: подтвердитъ религіозную свободу евреевъ и запретитъ грекамъ оскорблять ихъ. Агриппа отправилъ строгое посланіе къ эфесскимъ начальствующимъ лицамъ, чтобы они не трогали собранныхъ евреями для храма денегъ, что это будетъ разсматриваться какъ оскверненіе храма, и предписалъ претору не призывать евреевъ по субботамъ къ суду.

Малоазійцы однако не успокоились, но продолжали враждебно относиться къ евреямъ. Послѣдніе отправили посольство къ самому Августу, чтобы принести жалобу. Августъ издалъ эдиктъ, которымъ подтверждались и признавались неприкосновенными привиллегіи евреевъ, которые всегда были вѣрными сторонниками Цезаря и которымъ римскимъ сенатомъ и народомъ была дарована религіозная свобода. Ихъ нельзя было призывать къ суду по субботамъ и даже наканунѣ, начиная съ послѣобѣденнаго времени; за ними было признано право собирать пожертвованія для храма и отправлять ихъ въ Іерусалимъ; кто коснется этихъ суммъ или похититъ ихъ священныя книги изъ кивота, долженъ быть разсматриваемъ какъ осквернитель святилища. Августъ постановилъ, что этотъ эдиктъ долженъ быть опубликованъ на видномъ мѣстѣ для руководства. Онъ предписалъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не нарушались привиллегіи евреевъ, проконсулу Азіи, Норбану Флакку, который сдѣлалъ въ указанномъ смыслѣ предписаніе гражданамъ Эфеса и Сардъ. Но Эфесцы были такъ упорны во враждѣ къ своимъ еврейскимъ согражданамъ, что послѣдніе нѣсколько лѣтъ спустя должы были жаловаться на это проконсулу Юлію Антонію (сыну тріумвира Антонія), который издалъ чрезвычайно строгій указъ; неизвѣстно, оказалъ ли онъ дѣйствіе.

Въ то же время евреи въ Киренаикѣ, въ Африкѣ, гдѣ они поселились при первыхъ Птоломеяхъ, также имѣли поводъ жаловаться на непріязненное отношеніе со стороны грековъ. Въ этой мѣстности они составляли значительную часть населенія и пользовались самоуправленіемъ. При Суллѣ они подняли возстаніе, неизвѣстно, при какихъ обстоятельствахъ и съ какою цѣлью. Римскій полководецъ Лукуллъ былъ посланъ туда для возстановленія порядка. Въ главномъ городѣ *Береникѣ* они стояли подъ начальствомъ архонта изъ единоплеменниковъ. Когда римляне завладѣли этою областью, они сохранили за евреями ихъ политическое равноправіе и ихъ привиллегіи. Послѣднія оспаривались греками; они также не хотѣли допу-

стить отсылку собранныхъ денегъ въ іерусалимскій храмъ. Несмотря на то, что предписаніе Августа о правѣ евреевъ жить согласно своимъ религіознымъ законамъ было послано и туда, они захватили назначенныя для святилища деньги. Когда еврейскіе послы явились къ Агриппѣ и принесли свои жалобы на это, то онъ воспретилъ эти злоупотребленія и предписалъ вернуть евреямъ взятыя у нихъ деньги. Можетъ быть, послѣдствіемъ признанной Августомъ и Агриппой религіозной свободы евреевъ было то обстоятельство, что намѣстникъ Киренаики, *Маркъ Титтій*, чрезвычайно благосклонно относился къ евреямъ. Еврейскіе архонты въ Береникѣ, въ благодарность за его доброе отношеніе къ общинѣ и къ каждому отдѣльному лицу, постановили поднести ему оливковый вѣнецъ и благословлять его по субботамъ и новолуніямъ. Они поставили на видномъ мѣстѣ, въ амфитеатрѣ колонну изъ парійскаго мрамора съ краткимъ изложеніемъ этого постановленія.

Когда Иродъ вернулся со своего свиданія съ Агриппой, онъ созвалъ народное собраніе, гдѣ указалъ на то, какихъ льготъ онъ добился для малоазійскихъ евреевъ отъ Агриппы. Онъ также освободилъ отъ взноса четвертой части причитавшихся податей тѣхъ, кто ихъ еще не внесъ за прошлый годъ. При этомъ случаѣ народъ примирился съ нимъ и привѣтствовалъ его. Но когда онъ думалъ, что будетъ имѣть возможность пользоваться благосклонностью народа, то духъ мести отравилъ ему эту короткую радость.

Послѣдняя треть правленія Ирода представляла собой рядъ несчастій, которыя привели 60-лѣтняго царя въ то состояніе дикаго отчаянія, гдѣ прекращается человѣкъ и начинается звѣрь. Тѣни невинно убитыхъ вставали передъ нимъ какъ привидѣнія, преслѣдовали его во снѣ и на яву и превратили его жизнь въ адъ. Напрасно онъ искалъ любящее сердце или вѣрную душу, которая могла бы утѣшить и успокоить его. Его плоть и кровь, сестра Саломея и братъ Фероръ, которыхъ онъ поставилъ такъ высоко, даже его дѣти были его врагами и составляли заговоры противъ его спокойствія и жизни. Это мучительное существованіе сдѣлало его еще безпощаднѣе и кровожаднѣе противъ всѣхъ, кто приближался къ нему. Главная причина его несчастій была смерть Маріамны. Она оставила послѣ себя двухъ сыновей, Александра и Аристовула (и двухъ дочерей), которые, прійдя въ зрѣлость, близко къ сердцу приняли смерть своей невинной матери и не питали никакого родственнаго чувства къ своему отцу. Иродъ назначилъ ихъ своими наслѣдниками, такъ какъ они съ материнской стороны происходили изъ семейства хасмонеевъ, и послалъ ихъ для образованія въ Римъ, чтобы они съ раннихъ лѣтъ пользовались расположеніемъ Августа и привыкли къ римскому образу жизни. Онъ женилъ старшаго сына, Александра, на *Глафирѣ*, дочери кападокійскаго царя, *Архелая* (которая гордилась происхожденіемъ изъ персидскаго царскаго дома, но была дочерью распутной женщины), а младшаго, Аристовула, на дочери Саломеи, *Вероникѣ*. Онъ имѣлъ при этомъ въ виду возстановить единство между членами своей семьи. Но этому помѣшала ненависть мстительной Саломеи и брата царя, Ферора, къ хасмонеянкѣ Маріамнѣ и къ ея сыновьямъ, хотя одинъ изъ нихъ былъ зятемъ Саломеи. Они довели Ирода до того, что онъ призвалъ къ себѣ сына отъ своего перваго брака съ Доридой, который, во время женитьбы отца на Маріамнѣ, вмѣстѣ съ матерью былъ отвергнутъ, и призналъ его равноправнымъ членомъ царской семьи. Этотъ сынъ, *Антипатръ*, отличался свойственными идумейскому роду коварствомъ, безсердечіемъ и искусствомъ притворяться, и обратилъ свою злобу противъ отца и братьевъ. Эти трое, Саломея, Фероръ и Антипатръ, не смотря на свою взаимную вражду, соединились въ ненависти къ сыновьямъ Маріамны. Чѣмъ больше отецъ оказывалъ имъ предпочтенія, чѣмъ болѣе они пользовались, благодаря своему происхожденію по матери отъ хасмонеевъ, любовью народа, тѣмъ болѣе они дѣлались для тѣхъ предметомъ страха и ненависти. Антипатръ обвинилъ Аристовула и Александра въ томъ, что они хотятъ отомстить виновнику смерти своей матери. Пустыя выраженія, сказанныя въ минуту гнѣва, послужили поводомъ къ этому подозрѣнію. Подозрительный Иродъ охотно повѣрилъ клеветѣ. Онъ сталъ ненавидѣть этихъ сыновей и, чтобы наказать ихъ, предоставилъ Антипатру одинаковое съ ними право на престолонаслѣдіе, что еще болѣе вооружило ихъ, и они стали позволять себѣ дѣлать неосторожные отзывы объ отцѣ. Эти ихъ слова были переданы, раздуты и превращены въ заговоръ противъ жизни отца. Антипатръ позаботился о томъ, чтобы найти доказательства этого заговора. Напрасно царь Кападокіи и самъ Августъ хлопотали объ оправданіи братьевъ. Антипатръ сумѣлъ подъ видомъ любви къ братьямъ строить противъ нихъ новыя козни. Иродъ приказалъ пытать ихъ слугъ и друзей, которые во время пытки сказали все, что отъ нихъ потребовали. По ихъ оговору, Александръ и Аристовулъ были обвинены судомъ изъ 150-ти друзей Ирода въ Беритѣ. Иродъ поспѣшилъ съ ихъ казнью, приказалъ отправить ихъ въ Самарію и здѣсь, гдѣ 30-ью годами раньше ихъ отецъ праздновалъ свадьбу съ ихъ матерью, они были обезглавлены (7), а ихъ трупы отправлены въ Александріонъ.

Ихъ смерть не положила конца интригамъ противъ Ирода, а, наоборотъ, дала имъ новую пищу. Иродъ назначилъ Антипатра своимъ наслѣдникомъ, но послѣднему казалось, что престолъ за нимъ не обезпеченъ при жизни отца и что отецъ жилъ слишкомъ долго. Онъ вступилъ поэтому въ заговоръ съ Фероромъ противъ жизни своего отца и благодѣтеля. Фероръ находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ своимъ братомъ, потому

что послѣдній порицалъ его женитьбу на рабынѣ. Саломея отдѣлилась отъ нихъ и предостерегала Ирода отъ ихъ козней и происковъ, которые она хорошо знала. Но Иродъ на этотъ разъ такъ ошибался, что не повѣрилъ предостереженіямъ; онъ не видѣлъ той сѣти заговоровъ, которую сплели въ его непосредственной близости. Четыре женщины, которыя находились въ постоянномъ общеніи съ Антипатромъ и Фероромъ, замышляли противъ жизни Ирода: мать Антипатра, Дорида, которая вновь находилась во дворцѣ, жена Ферора, ея мать и сестра. Всѣ они собирались тайкомъ; имъ удалось переманить на свою сторону евнуха Ирода, Багоаса, и красиваго юношу, Кара, съ которымъ царь находился въ противоестественной связи. Эти четыре женщины соединились съ суровыми фарисеями, которые ненавидѣли царя за нарушеніе законовъ іудаизма и осквернеіе его. Неизвѣстно точно, пригласили ли онѣ противниковъ Ирода, или онѣ были приглашены ими. Когда имъ и ихъ сторонникамъ было предписано присягнуть на вѣрность царю, то они отказались, и, когда они должны были заплатить за этотъ отказъ высокій штрафъ, его заплатила жена Ферора. Ихъ было болѣе 6000 человѣкъ, вѣроятно, изъ школы Шамая, которые питали сильную ненависть противъ идумейскаго царя. Чтобы низвергнуть его, фанатики среди нихъ объявили тайно женѣ Ферора, что гибелъ дома Ирода рѣшена самимъ Богомъ, и господство перейдетъ къ ея потомкамъ. Евнуху объявили они, что онъ призванъ быть отцомъ и благодѣтелемъ еврейскаго народа и онъ не только будетъ господствовать какъ царь, но получитъ чудеснымъ образомъ способность производить дѣтей. Повѣрившіе ихъ предсказаніямъ старались ускорить смерть Ирода.

Самъ царь ничего не зналъ объ этихъ интригахъ, и его сестра должна была ему ихъ открыть. Разумѣется, что онъ не пощадилъ заговорщиковъ. Фарисеи, которые были замѣшаны въ этомъ дѣлѣ, евнухъ, его любимецъ Каръ и всѣ родственники, которые содѣйствовали распространенію предсказанія фарисеевъ, должны были заплатить за это своей жизнью. Онъ охотно приговорилъ бы къ смерти и жену Ферора, но онъ отличался непонятной слабостью къ своему брату и даже не могъ его заставить разойтись съ ней. Только относительно главнаго виновника, своего сына Антипатра, Иродъ оставался въ ослѣпленіи, но все же, воспретивъ ему общеніе съ Фероромъ и сообщницами, сослалъ его въ его область, полученную имъ, благодаря хлопотамъ Ирода, отъ Августа подъ названіемъ тетрархіи Перен. Чтобы находиться въ безопасности и избѣгнуть народной ненависти, Антипатръ побудилъ отца отправить его въ Римъ, чтобы добиться отъ Августа утвержденія наслѣдникомъ престола. Изъ Рима онъ продолжалъ интриговать противъ своихъ, еще оставшихся въ живыхъ, братьевъ. Но, наконецъ, его діавольская игра обнаружилась. Фероръ, послѣдній братъ Ирода, внезапно скончался, и, такъ какъ въ его смерти обвиняли его жену, на которую онъ женился противъ воли Ирода, то противъ нея возбуждено было слѣдствіе. Слѣдствіе это открыло другую неожиданную тайну. Эта женщина призналась въ томъ, что Фероръ и Антипатръ рѣшили отравить царя. Ядъ былъ уже приготовленъ, но Фероръ, тронутый посѣщеніями своего брата во время болѣзни, приказалъ его вылить; остатокъ яда эта женщина показала въ доказательство справедливости своихъ словъ. Свидѣтели и еще другія обстоятельства ясно обнаружили планъ Антипатра отравить отца. Это открытіе было тяжкимъ ударомъ для Ирода. Какъ разъ тотъ сынъ, котораго онъ поднялъ изъ ничтожества, котораго онъ предназначалъ въ цари, изъ-за котораго онъ приказалъ казнить сыновей все еще не забытой Маріамны, былъ его смертельнымъ врагомъ. Его волненіе было безгранично, и все же онъ сумѣлъ притвориться и хитростью заставить Антипатра вернуться въ Іерусалимъ. Лишь только Антипатръ явился въ Іерусалимъ, отецъ осыпалъ его упреками, представилъ его въ судъ, гдѣ предсѣдательствовалъ римскій намѣстникъ, *Квинтилій Варъ*, и обвинилъ его въ братоубійствѣ и въ покушеніи на отцеубійство. Такъ какъ злодѣй увѣрялъ въ своей невинности, то другъ Ирода, Николай Дамасскій, выступилъ его обвинителемъ. Судъ приговорилъ Антипатра къ смерти, и Иродъ просилъ Августа утвердить приговоръ. Въ этомъ дѣлѣ была замѣшана одна изъ женъ Ирода, вторая Маріамна, сынъ которой *Иродъ* былъ назначенъ наслѣдникомъ на тотъ случай, если бы Антипатръ умеръ раньше отца. Послѣ этого вторая Маріамна была отослана, ея сынъ вычеркнутъ изъ завѣщанія, а ея отецъ, первосвященникъ Симонъ бенъ-Боэтосъ, былъ лишенъ своего сана. Его преемникомъ былъ *Маттаѳій*, сынъ Теофила (4). При этомъ первосвященникѣ случилось, что въ день Всепрощенія долженъ былъ служить другой [1]), а именно его родственникъ *Іосифъ бенъ-Эллемъ* изъ Сепфориса, потому что самъ первосвященникъ сталъ ночью во снѣ на время нечистымъ. Съ тѣхъ поръ былъ введенъ обычай, что каждому первосвященнику назначается на этотъ день замѣститель, который за недѣлю до того долженъ подвергаться тѣмъ же приготовленіямъ, какъ и первосвященникъ. Были приняты мѣры къ тому, чтобы первосвященникъ бодрствовалъ въ ночь этого дня [2]).

Эти сильныя душевныя потрясенія довели почти семидесятилѣтняго Ирода до болѣзни. Всѣ его надежды были разрушены. Дѣло, стоившее столько трудовъ, столько преступленій и столько крови, стало ему самому противнымъ, такъ какъ оно должно было перейти къ его сыновьямъ, ко-

[1]) Tosefta Ioma c. I, 4. Jerus. Ioma p. 38 b. Babli Ioma 12 b.

[2]) Mischna Ioma I, 1; 4.

торыхъ онъ считалъ своими врагами. Кому изъ нихъ онъ теперь долженъ довѣрять? Въ третій разъ онъ измѣнилъ престолонаслѣдіе и предназначалъ престолъ своему младшему сыну *Антипѣ*, потому что всѣхъ старшихъ онъ считалъ своими врагами. Однако настроеніе духа, которое въ другихъ возбуждаетъ кротость и снисходительность, сдѣлало его еще болѣе жестокимъ и суровымъ. Ничтожный проступокъ пламенныхъ юношей онъ въ состояніи душевной тоски наказалъ, находясь уже одной ногой въ гробу, съ тою же суровостью и безсердечностью, какъ и въ то время, когда смѣлыя мечты волновали его грудь. Фарисеи не были его друзьями, а именно тѣ, которые были послѣдователями строгой школы Шамая въ особенности послѣ того, какъ онъ приказалъ многихъ изъ нихъ казнить (стр. 174). Оставшіеся въ живыхъ въ своихъ школахъ возбуждали юношей противъ идумея и сторонника римлянъ. Они могли это безопасно дѣлать въ аллегорической формѣ, примѣняя всѣ пророчанія пророковъ противъ идумейскаго народа къ Ироду и его дому. Такъ какъ для нихъ одинаково ненавистны были идумеи и римляне, то согласились все ненавистное, сказанное объ идумеяхъ въ Священномъ Писаніи, переносить на римлянъ. Такимъ образомъ еврейскіе учителя имѣли цѣлый рядъ выраженій, чтобы заклеймить національныхъ враговъ, незамѣтно для этихъ послѣднихъ; эти рѣчи дѣйствовали на слушателей тѣмъ сильнѣе, что перенесеніе библейскихъ выраженій на современныя обстоятельства и лица дѣлалось чрезвычайно остроумно и имѣло особую прелесть. Необходимость скрывать враждебныя Ироду и Риму мнѣнія вызвало къ жизни своеобразный способъ изложенія, полный тонкихъ замѣчаній и загадочныхъ намековъ, который называютъ *Агадой*. Въ видѣ толкованія Священнаго Писанія учителя могли излагать свои свободныя и истинныя убѣжденія. Агада, которая, если не ведетъ свое происхожденіе, то, во всякомъ случаѣ, свое развитіе съ этого времени, была острымъ оружіемъ въ рукахъ фарисеевъ противъ національныхъ враговъ.

Среди враждебныхъ Ироду и римлянамъ фарисеевъ особенно выдѣлялись своимъ рвеніемъ и своею строгостью двое: *Іуда бенъ-Сарифаи* и *Матѳіи бенъ-Маргалотъ*, которые за это были очень любимы. Лишь только они услышали о тяжелой болѣзни Ирода, какъ стали возбуждать своихъ слушателей положить конецъ осквернѣнію храма и уничтожить тамъ изображеніе римскаго орла надъ порталомъ. Распространившійся въ Іерусалимѣ слухъ о смерти Ирода благопріятствовалъ смѣлому предпріятію. Немедленно много юношей бросились съ топорами къ порталу храма, поднялись на веревкахъ вверхъ и сбросили орла. При извѣстіи объ этомъ, одинъ изъ начальниковъ войскъ Ирода выступилъ противъ нихъ, сталъ преслѣдовать разрушителей орла и захватилъ сорокъ изъ нихъ

вмѣстѣ съ ихъ двумя предводителями. Иродъ встрепенулся при видѣ жертвъ, которыя попались ему въ руки. Во время слѣдствія ему пришлось слышать слова, которыя доказали ему, что онъ еще черезчуръ слабъ, чтобы сломить упрямую волю народа. Схваченные мятежники безъ страха признались въ своемъ поступкѣ, даже хвалились имъ и на вопросъ, кто побудилъ ихъ къ этому, отвѣтили: „законъ“. Онъ приказалъ всѣхъ виновниковъ сжечь живьемъ, какъ осквернителей храма и даже сдѣлалъ видъ, что будетъ продолжать преслѣдованіе, отъ котораго его удержалъ скорѣе страхъ, чѣмъ снисходительность. Первосвященникъ Маттаѳіи, который какимъ то образомъ былъ замѣшанъ въ разрушеніи орла, былъ смѣщенъ, и на его мѣсто былъ поставленъ настроенный дружелюбно къ римлянамъ первосвященникъ *Іоазаръ*, сынъ Симона, изъ рода Боэтоса, шестой первосвященникъ за время правленія Ирода.

Какъ бы Иродъ ни хотѣлъ заткнуть глотку тѣмъ, кто его упрекалъ въ злодѣяніяхъ, и громко о нихъ заявлявшихъ предавалъ пламени, все же онъ не могъ помѣшать тому, что одинъ изъ его современниковъ оставилъ потомству изображеніе его злодѣяній и его тяжелаго душевнаго состоянія. Это изображеніе, хотя съ осторожностью нарисованное, все же настолько жизненно, что, если бы Иродъ познакомился съ нимъ и понялъ бы его, то онъ погибъ бы отъ ужаса при видѣ такой испорченности своей. Это былъ великій художникъ, который нарисовалъ это изображеніе, помѣстивъ его въ рамкахъ той эпохи со всею бѣдою, характеризующею ее и принесенною всѣмъ классамъ еврейскаго народа этимъ царемъ по милости римлянъ. Этотъ художникъ въ своемъ изображеніи не забылъ и тѣхъ искаженій народной жизни, которыя вызвало правленіе Ирода, полное лжи и крови. Если бы онъ передалъ всѣ свои часто поразительныя мысли въ послѣдовательной связи и въ законченной формѣ, то, безъ сомнѣнія, онъ создалъ бы образцовое художественное произведеніе. Онъ однако свои наблюденія и указанія относительно порчи своего времени передалъ въ отрывистой формѣ безо всякихъ переходовъ, часто загадочнымъ языкомъ, иногда въ насмѣшливомъ и ироническомъ тонѣ, иногда въ возгласахъ полныхъ страданія. *Когелетъ* названіе этого художника и его своеобразной книги, которая содержитъ все вышеуказанное и еще много другого, возбуждающаго мысль. Но Когелетъ—это имя царя, въ уста котораго неизвѣстный авторъ влагаетъ соображенія объ извращеніяхъ своего времени. Онъ заставляетъ царя, стремившагося такъ высоко и такъ далеко и въ ожиданіи скораго конца съ такимъ отчаяніемъ смотрѣвшаго на жизнь, бичевать самого себя и дѣлать изъ себя примѣръ для предостереженія другихъ. Онъ заставляетъ его, уставшаго отъ жизни, признать: „суета суетъ, все суета“.

Но Когелетъ не только сатира на царя, на его неудачное правленіе,

на неудачу всѣхъ его стремленій, на ложное направленіе того времени, но въ то же время и философское увѣщеваніе не дать себя подавить безнадежными явленіями своей эпохи и потерять хладнокровіе. Книга при этомъ исходитъ изъ своеобразнаго религіознаго воззрѣнія, которое отличалось не только отъ современнаго ей, но и отъ присущаго всѣмъ временамъ. Изображенное тамъ благочестіе не носитъ на себѣ печати суровой задумчивости и печали о злѣ міра, но здоровую вѣру въ руководителя его, что онъ все создалъ къ лучшему. При всѣхъ тѣхъ несчастіяхъ, которыя Иродъ принесъ еврейскому народу, при всемъ томъ разложеніи, которое онъ причинилъ, въ народѣ еще осталось достаточно силы духа, чтобы создать такое продуманное литературное произведеніе, вѣроятно, послѣднее въ эпоху послѣ изгнанія.

Послѣ короткаго и живого введенія о вѣчной сущности міра при безпрерывномъ теченіи явленій, книга вводитъ царя Когелета, какъ онъ пришелъ къ сознанію тщетности всѣхъ своихъ стремленій. „Я, Когелетъ, былъ царемъ надъ Израилемъ въ Іерусалимѣ. И рѣшился я въ сердцѣ своемъ изслѣдовать и испытать разумомъ все, что дѣлается подъ небомъ—это тяжелое занятіе далъ Богъ сынамъ человѣческимъ, чтобы мучили себя имъ. Видѣлъ я всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ: и вотъ, все суета и затѣи вѣтряныя". Признаніе царя объ испытанномъ имъ разочарованіи идетъ еще дальше. „Говорилъ я съ сердцемъ своимъ такъ: вотъ, я развивалъ и умножалъ въ себѣ знаніе больше всѣхъ, которые были прежде меня надъ Іерусалимомъ. Дай, испытаю я тебя веселіемъ, и наслаждись добромъ. Вздумалъ я въ сердцѣ своемъ услаждать виномъ тѣло мое. Предпринялъ я великія дѣла; настроилъ себѣ домы, насадилъ себѣ виноградники устроилъ себѣ сады и рощи, и насадилъ въ нихъ всякія плодовыя деревья. Пріобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ, и домочадцы были у меня; также крупнаго и мелкаго скота было у меня больше, нежели у всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ. Собралъ себѣ серебра, и золота, и драгоцѣнностей отъ царей и областей; завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ, и наслажденія сыновъ человѣческихъ. Чего бы глаза мои ни потребовали, я не отказывалъ имъ, потому что сердце мое радовалось о всѣхъ трудахъ моихъ. Взглянулъ я на всѣ дѣла мои, которыя сдѣлали руки мои: и вотъ, все суета и затѣи вѣтряныя, и нѣтъ отъ нихъ выгоды подъ солнцемъ. И возненавидѣлъ я жизнь, потому что противны мнѣ дѣла, совершающіяся подъ солнцемъ. И возненавидѣлъ я весь трудъ мой; такъ какъ я оставлю его другому, кто будетъ послѣ меня. И кто знаетъ, мудръ ли будетъ или невѣжда тотъ, кто завладѣетъ всей моей работой? И это суета"[1]).

[1]) Kohelet 1 и 2 главы.

Еще чаще заставляетъ авторъ царя дѣлать мрачныя предсказанія о будущемъ. „Есть человѣкъ одинокій, и другого никого нѣтъ у него, ни сына, ни брата нѣтъ у него; а между тѣмъ нѣтъ конца всѣмъ трудамъ его. Для кого же я тружусь и лишаю душу мою удовольствія? И это суета и недоброе дѣло"[1]). Если бы по всѣмъ этимъ описаніямъ еще не узнали Ирода, то желанную ясность должны были принести болѣе рѣзкія указанія на его извращенное правленіе, какъ онъ погубилъ знатныхъ и какъ онъ высоко поставилъ всякій сбродъ: „Невѣжество поставляется на большой высотѣ, а богатые сидятъ низко. Видѣлъ я рабовъ на коняхъ, а князей ходящихъ, подобно рабамъ, пѣшкомъ"[2]). И еще яснѣе: „Горе тебѣ, страна, у которой царь рабъ, и князья которой уже утромъ пируютъ! Счастлива ты, страна, когда царь у тебя изъ благороднаго рода и князья твои принимаются за ѣду во время, для подкрѣпленія, а не для пированія"[3]).—„Лучше отрокъ бѣдный, но умный, чѣмъ царь старый, но глупый, который не можетъ уже научиться"[4]). Какая иронія въ томъ, что самъ царь прибиваетъ къ позорному столбу такого царя или самого себя! Но, такъ какъ авторъ боялся стать жертвой своей сатиры, то онъ внезапно прерываетъ себя всякій разъ, когда онъ бросаетъ на царя яркое освѣщеніе, и говоритъ о другихъ предметахъ самымъ безобиднымъ образомъ.

Онъ могъ свободнѣе излагать свои мысли, когда онъ говорилъ о нечестіи и развратѣ своего времени. „Еще видѣлъ я подъ солнцемъ: мѣсто суда, а тамъ беззаконіе; мѣсто правды, а тамъ неправда[5]).—Опять видѣлъ я всякія угнетенія, какія совершаются подъ солнцемъ, и вотъ слезы угнетенныхъ, а утѣшителя у нихъ нѣтъ; и отъ руки угнетающихъ ихъ насиліе, а утѣшителя у нихъ нѣтъ. И почелъ я мертвыхъ, которые давно умерли, счастливѣе живыхъ, которые еще живутъ; а счастливѣе ихъ обоихъ тотъ, кто еще не существовалъ, кто не видалъ худыхъ дѣлъ, какія совершаются подъ солнцемъ"[6]). Авторъ заставляетъ царя иронически замѣчать: „Если притѣсненіе бѣдному и нарушеніе суда и правды увидишь ты въ какой землѣ, то не удивляйся этому; потому что высшій надъ высшимъ наблюдаетъ, а надъ ними высочайшіе"[7]). Шпіонство и доносы, отъ которыхъ въ правленіе Ирода погибло такъ много людей въ мрачныхъ темницахъ и отъ тайной смерти, авторъ не оставляетъ безъ строгаго осужденія: „Даже среди своихъ знакомыхъ не злословь царя, и въ спальномъ покоѣ твоемъ не брани богатаго; по-

[1]) Kohelet гл. 4.
[2]) Т. же гл. 10.
[3]) Т. же.
[4]) Т. же гл. 4.
[5]) Т. же гл. 3.
[6]) Т. же гл. 4.
[7]) Т. же гл. 5.

тому что птица небесная можетъ перенесть слово твое и „крылатый“ [1])-пересказать рѣчь твою“ [2]).

Такъ какъ задача автора вовсе не заключалась единственно въ томъ, чтобы написать сатиру на царя, но главнымъ образомъ въ томъ, чтобы исцѣлить то зло, которое принесло его злосчастное правленіе, то естественно онъ долженъ былъ обратить свое вниманіе и на другую сторону и назвать ее ея настоящимъ именемъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при созерцаніи внутренняго разстройства еврейскаго государства стало распространяться мрачное и тоскливое настроеніе. Что будетъ изъ Іуден и изъ іудейства, когда чужеземецъ, слуга римлянъ, держитъ въ рукахъ всю власть не только для того, чтобы поработить народъ, но и для того, чтобы сдѣлать самого себя чужимъ, нарушать законъ, осквернять первосвященническій санъ и заставлять патріотовъ еще приносить ему присягу въ вѣрности и этимъ самымъ подать ему руку въ его развратѣ. Горе тому, кто это переживетъ! Таково было настроеніе всѣхъ, кто любилъ свой народъ и ученіе. Всякая радость исчезла изъ Іуден, молчаливо шли рядомъ люди, чтобы какъ нибудь не выразить своего недовольства и тѣмъ привести себя и другого къ несчастью. Сторонники школы Шамая, которые, по своему суровому пониманію жизни и религіи, еще мрачнѣе смотрѣли на все, выразили это горестное настроеніе въ словахъ: „Для человѣка было бы лучше, если бы онъ вовсе не родился на свѣтъ“ [3]). Смерть казалась многимъ, въ особенности воспитанному въ школахъ юношеству, желанной. Противъ этого презрительнаго отношенія къ жизни, которое парализуетъ всякую дѣятельность, такъ что оно чрезвычайно опасно для будущаго, авторъ Когелета велъ горячую борьбу, и ей посвящена большая часть книги. Въ одномъ мѣстѣ онъ приводитъ рѣчи представителей этого мрачнаго воззрѣнія, чтобы осмѣять ихъ: „Доброе имя лучше хорошаго елея, и день смерти лучше дня рожденія. Лучше ходить въ домъ плача объ умершемъ, нежели ходить въ домъ пированья; ибо то (смерть) конецъ всякаго человѣка, и живой приметъ это къ сердцу своему. Сѣтованіе лучше смѣха, потому что при печали лица улучшается сердце. Сердце мудрыхъ въ домѣ плача, а сердце невѣждъ въ домѣ веселья. Лучше слушать выговоръ отъ мудраго, нежели слушать пѣсни глупцовъ, потому что треску терноваго хвороста подъ горшкомъ подобенъ смѣхъ глупца“ [4]). На это авторъ отвѣчаетъ своимъ обычнымъ выраженіемъ: „И это суета“ и слѣдующими словами: „Конецъ дѣла лучше начала; терпѣливый лучше высокомѣрнаго“. „Не спѣши въ духѣ своемъ раздражаться, потому что раздраженіе живетъ въ груди невѣждъ. Не говори: отчего это прежніе дни были лучше теперешнихъ? Потому что не отъ мудрости ты спрашиваешь объ этомъ. Смотри на дѣло Божье; ибо кто можетъ выпрямить то, что Онъ искривилъ? Во время счастья пользуйся счастьемъ, а во время несчастья выжидай: и то, и другое устроилъ Богъ“ [1]). Это была философія автора, по всей вѣроятности, цадукея, которому были не по душѣ чрезмѣрное благочестіе и мрачное міровоззрѣніе фарисеевъ и ессеевъ. Онъ приглашаетъ, при видѣ преступленія и зла, не отчаиваться и не призывать смерти. Все отъ Бога, и зло также необходимо. Все Богъ создалъ прекраснымъ въ свое время, потому что для всего есть свое время: „Время рождать, и время умирать; время насаждать, и время вырывать насажденное; время убивать, и время лечить; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смѣяться; время любить, и время ненавидѣть; время войнѣ, и время миру“ [2]). Такъ какъ Богъ въ свое время все создалъ хорошимъ и правильнымъ, то человѣкъ не долженъ ломать себѣ голову надъ вопросами „какъ“ и „почему“. Ибо онъ не можетъ исправить испорченнаго и заполнить недостающаго. Только не мудрствовать! „Ибо при многой мудрости много раздражительности, и кто умножаетъ познанія, умножаетъ огорченіе [3]). Человѣкъ не можетъ узнать причины всѣхъ вещей. Богъ умышленно вложилъ въ сердце человѣка незнаніе, чтобы онъ не могъ найти того, что Богъ сдѣлалъ, отъ начала и до конца. Какъ бы человѣкъ ни старался искать его, онъ его не найдетъ, и если даже мудрецъ говоритъ, что онъ это знаетъ, то и онъ не можетъ этого найти. „Какъ ты не знаешь путей вѣтра и какъ образуются кости во чревѣ беременной, такъ ты не можешь знать дѣло Бога, Который дѣлаетъ все“ [4]).

Откуда это берется, что прежнія времена были лучше? „Что было, то и будетъ; и что дѣлалось, то и будетъ дѣлаться; и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ. Бываетъ нѣчто, о чемъ говорятъ: смотри, это новость; но это было уже въ вѣки, бывшіе прежде насъ. Нѣтъ памяти о прежнихъ людяхъ; да и о послѣдующихъ, которые будутъ, не останется памяти у тѣхъ, которые будутъ послѣ“ [5]). Такъ какъ міръ всегда одинъ и тотъ же, „одно поколѣніе отходитъ, другое поколѣніе приходитъ, а земля во вѣки пребываетъ, восходитъ солнце и заходитъ солнце, кружится, кружится на ходу своемъ вѣтеръ и на круги свои возвращается, всѣ рѣки текутъ въ море, но море не переполняется“ [6]); то въ несчастіи нечего отчаиваться, печалиться и желать себѣ смерти; нѣтъ причины тосковать и умерщвлять

[1]) בעל כנפים: ессей, носящій платокъ (стр. 69) на подобіе крыльевъ.
[2]) Т. же гл. 10.
[3]) Erubin 13 a.
[4]) Kohelet гл. 7.

[1]) Kohelet гл. 7.
[2]) Т. же гл. 3.
[3]) Т. же гл. 1.
[4]) Т. же гл. 11.
[5]) Т. же гл. 1.
[6]) Т же.

свою плоть. Жизнь, которая отъ Бога, имѣетъ свою цѣну. „Кто находится между живыми, тому остается еще надежда, такъ какъ и псу живому лучше, нежели мертвому льву. Вѣдь живые знаютъ, что умрутъ, а мертвые ничего не знаютъ“ [1]). Рѣзко высказываетя авторъ противъ тѣхъ, для которыхъ день смерти является болѣе желаннымъ, чѣмъ день рожденія. „Пріятенъ свѣтъ и хорошо для глазъ видѣть солнце. Хотя бы человѣкъ прожилъ и много лѣтъ, то пусть во всѣ оныя веселится онъ и пусть помнитъ о дняхъ темныхъ, которыхъ будетъ много. Веселись, юноша, въ молодости твоей“ — такъ обращается авторъ къ молодежи — „пусть сердце твое вкушаетъ радости въ юности твоей. Прогоняй печаль отъ сердца твоего и удаляй непріятное отъ тѣла твоего; потому что дѣтство и юность скоро проходятъ“ [2]).

Противъ презиравшихъ жизнь и умерщвлявшихъ плоть авторъ высказывается въ рѣзко цадукейскомъ смыслѣ. „Нѣтъ иного блага для человѣка, какъ ѣсть и пить и позволять душѣ своей наслаждаться отъ труда своего. И это отъ руки Божіей“ [3]), и поэтому нечего презирать жизнь. „Иди, ѣшь съ веселіемъ хлѣбъ твой и пей въ радости сердца вино твое, коль скоро Богъ благоволитъ къ дѣламъ твоимъ. Наслаждайся жизнью съ женою, которую любишь, во все время суетной жизни твоей“ [4]). Какъ должно было развиться удаленіе отъ свѣта и воздержаніе отъ брака, чтобы проповѣдникъ нравственности счелъ своею обязанностью напоминать современникамъ о необходимости наслаждаться радостями жизни!

Удивительно, почему этотъ учитель нравственности боролся противъ вѣры въ безсмертіе; можетъ быть, потому что эта вѣра вызвала презрѣніе къ жизни. „Что можетъ рука твоя дѣлать, то по силамъ дѣлай; потому что ни работѣ, ни разуму, ни знанію, ни мудрости нѣтъ мѣста въ могилѣ, куда ты пойдешь“ [5]). Смѣло отвергаетъ онъ безсмертіе души, составляющее нынѣ исходный пунктъ господствующаго религіознаго воззрѣнія. „Участь сыновъ человѣческихъ и участь скотовъ одинаковая участь: какъ тѣ умираютъ, такъ умираютъ и эти, и преимущества у человѣка предъ скотомъ нѣтъ; потому что все суета. Все идетъ въ одно мѣсто, все произошло изъ праха, и все превратится въ прахъ. Кто знаетъ, духъ сыновъ человѣческихъ восходитъ ли кверху и духъ скотовъ сходитъ ли внизъ въ землю? Итакъ я вижу, что нѣтъ ничего лучше, какъ наслаждаться человѣку дѣлами своими; ибо кто приведетъ его посмотрѣть на то, что будетъ послѣ него“ [6]). Это, очевидно, острыя стрѣлы, которыя направлены противъ одной или нѣсколькихъ религіозныхъ партій, либо противъ фарисеевъ, либо противъ ессеевъ. Ханжамъ онъ, вообще, говоритъ непріятныя вещи.

[1]) Kohelet гл. 9.
[2]) Т. же гл. 11.
[3]) Т. же гл. 2.
[4]) Т. же гл. 9.
[5]) Т. же.
[6]) Т, же гл. 3.

„Одна участь праведному и нечестивому, доброму, приносящему жертву и тому, кто не приноситъ жертвы, какъ клянущемуся, такъ и боящемуся клятвы“ [1]). Послѣднее выраженіе направлено противъ ессеевъ. „Не будь слишкомъ правдивъ и не мудрствуй слишкомъ: зачѣмъ тебѣ приводить себя въ смущеніе? Вѣдь нѣтъ человѣка праведнаго на землѣ, который дѣлалъ бы добро и не грѣшилъ“ [2]). Когелетъ бичуетъ всѣ наросты, выросшіе на тѣлѣ еврейскаго народа отъ преступнаго правленія Ирода.

Вѣчная справедливость наказала Ирода чувствительнѣе, чѣмъ какой бы то ни было раздраженный и суровый земной судъ. Даже та радость, которую она ему доставила прежде, чѣмъ онъ погибъ отъ своей отвратительной болѣзни, была тяжкимъ наказаніемъ. Отъ Августа было получено разрѣшеніе по своему благоусмотрѣнію наказать нечестиваго Антипатра. Радость, которую онъ почувствовалъ, получивъ возможность отомстить своему сыну, на мгновеніе уменьшила его страданія; но черезъ минуту они одолѣли его, и онъ былъ близокъ къ тому, чтобы зарѣзаться. Его родственникъ Ахіабъ вырвалъ у него ножъ; но крики, которые поднялись вслѣдствіе этого случая въ іерихонскомъ дворцѣ, дошли до ушей заключеннаго въ томъ же дворцѣ Антипатра. Послѣдній вновь получилъ надежду сохранить жизнь и сталъ заклинать своего тюремщика освободить его, потому что послѣ смерти отца власть будетъ принадлежать ему. Тюремщикъ, который не хотѣлъ изъ-за своего легковѣрія рисковать жизнью, поспѣшилъ въ помѣщеніе царя, чтобы лично удостовѣриться о его жизни или смерти. Лишь только Иродъ узналъ отъ него, что Антипатръ надѣется пережить отца, онъ тотчасъ приказалъ своимъ тѣлохранителямъ безъ промедленія убить сына, что и было приведено въ исполненіе. Хотя Антипатръ вполнѣ заслужилъ смерти, все же всѣ были возмущены тѣмъ, что отецъ приговариваетъ къ смертной казни уже третьяго сына и приводитъ въ исполненіе. Августъ, который самъ былъ враждебно настроенъ противъ своей дочери Юліи, при извѣстіи о казни Антипатра, замѣтилъ, что гораздо лучше быть свиньею Ирода, чѣмъ его сыномъ. Позднѣйшій источникъ направляетъ ярость Ирода противъ всѣхъ находившихся въ Виѳлеемѣ и его окрестностяхъ дѣтей моложе 2-хъ лѣтъ, которыхъ онъ велѣлъ перебить, потому что слышалъ, что здѣсь въ родѣ Давида родился Мессія. По крайней мѣрѣ, въ этомъ избіеніи дѣтей великій преступникъ долженъ считаться совершенно неповиннымъ. Послѣднія мысли Ирода были заняты еще повелѣніемъ объ убійствѣ. Онъ заманилъ знатнѣйшихъ гражданъ Іуден къ себѣ въ Іерихонъ, гдѣ заперъ ихъ въ циркѣ, и поручилъ своей сестрѣ Саломеѣ и ея третьему мужу Алексу послѣ его смерти

[1]) Kohelet гл. 9.
[2]) Т. же гл. 7.

приказать его тѣлохранителямъ перебить ихъ всѣхъ, чтобы весь народъ и каждая семья горевали о смерти любимыхъ людей и не имѣли возможности радоваться гибели своего царя. Мысли объ убійствѣ наполняли душу Ирода, со времени его выступленія на общественное поприще до его послѣдняго издыханія. Четыре дня послѣ казни Антипатра Иродъ умеръ (4 до Р. Хр.) на 69 году своей жизни и на 37 году своего царствованія, 34 года послѣ низверженія послѣдняго хасмонейскаго правителя. Его льстецы называли его Иродомъ Великимъ; народъ же называлъ его не иначе, какъ рабомъ хасмонеевъ. Въ то время, какъ его трупъ везли съ большой торжественностью въ склепъ въ Иродіонъ подъ конвоемъ фракійскихъ, германскихъ и галльскихъ тѣлохранителей, народъ торжественно праздновалъ день его смерти, какъ полупраздникъ.

ГЛАВА X.

Архелай и первые римскіе намѣстники.

Семья Ирода. Раздѣленіе Іудеи. Возстаніе противъ Архелая. Сабинъ и Варъ. Предводители-удальцы. Іуда Галилеянинъ. Утвержденіе завѣщанія Ирода. Архелай дѣлается этнархомъ. Его краткое правленіе. Его изгнаніе. Іудея становится римской провинціей. Намѣстники. Возмущеніе противъ ценза. Школы Гилела и Шамая. Іуда Галилеянинъ основатель партіи зелотовъ. Тяжесть податей. Новыя враждебныя дѣйствія самаритянъ. Изгнаніе евреевъ изъ Рима при Тиверіи. Тетрархи. Постройка города Тиверіады. Враждебное отношеніе намѣстника Понтія Пилата и благосклонное—Вителлія.

(1 г. до Р. Х.—37 по Р. Х.)

Какъ бы несчастно ни было правленіе Ирода, тѣмъ не менѣе, по сравненію съ послѣдующими, оно могло еще считаться счастливымъ. Оно, по крайней мѣрѣ, отличалось ослѣпительною внѣшностью и нѣкоторымъ величіемъ. Границы Іудеи при Иродѣ были гораздо шире, чѣмъ въ самое счастливое время правленія Хасмонеевъ. Области по ту сторону Іордана и Хермона, изъ-за обладанія которыми хасмонеи Аристовулъ I и Александръ I вели многолѣтнія войны и которыя они лишь отчасти завоевали, Иродъ получилъ благодаря одному лишь росчерку пера; правда, подаренное менѣе пріятно, нежели добытое тяжелымъ трудомъ. Города Іудеи встали въ новомъ блескѣ; они были снабжены всѣмъ, что греческое строительное искусство выработало съ точки зрѣнія красоты; правда, они служили болѣе славѣ римскихъ властителей и фамиліи Ирода, чѣмъ народу. Порты на морскомъ берегу, въ особенности Кесарея, были полны кораблей и оживляли торговлю; правда, они увеличивали только получаемые оттуда доходы, но не народныя богатства. Храмъ сіялъ новой красотой и могъ напоминать о возвращеніи эпохи Соломона; правда, священники были вынуждены приносить жертвы за благо тѣхъ, кого они въ душѣ проклинали. Страна пользовалась даже нѣкоторою независимостью, потому что римскія оковы были незамѣтны для поверхностнаго наблюдателя. Вся эта иллюзія, именно потому, что это была только иллюзія, разсѣялась послѣ смерти того, кто умѣлъ ее создать. Лишь только смерть вырвала изъ его рукъ возжи, какъ наступилъ безпорядокъ въ общественной жизни, который былъ предвѣстникомъ новыхъ и безпрестанныхъ несчастій. Государственное зданіе постепенно рушилось и, наконецъ, рухнуло, похоронивъ подъ своими развалинами все, что еще осталось отъ свободы и національности въ Іудеѣ.

Отъ своихъ десяти женъ Иродъ оставилъ въ живыхъ шесть сыновей и нѣсколько дочерей, изъ которыхъ одни числились въ его завѣщаніи между наслѣдниками, а другіе не числились. Какъ мало значило для него величіе Іудеи и какъ всюду онъ думалъ только о себѣ, показало открытіе завѣщанія, которое было поручено Птоломею, брату знаменитаго историка Николая Дамасскаго. Вмѣсто того, чтобы сохранить Іудею въ своемъ единствѣ, онъ раздробилъ ее, чтобы удѣлить части своимъ тремъ сыновьямъ; объ остальныхъ: *Иродѣ*, его сынѣ отъ второй Маріамны, второмъ *Иродѣ*, сынѣ жительницы Іерусалима Клеопатры, и *Фазаэлѣ*, сынѣ отъ *Паллады*, онъ совсѣмъ не подумалъ. Своему сыну отъ самаритянки *Малтаки*, *Архелаю*, онъ оставилъ Іудею и Самарію, его брату, *Антипѣ*, области Галилею и Перею, *Филиппу* другую, главнымъ образомъ населенную дикими племенами, область Гауланитянъ, Ботанеевъ, Трахонитянъ, Ауранитянъ и расположенную у источниковъ Іордана Панію. Своей сестрѣ, Саломеѣ, въ награду за ея вѣрность, Иродъ оставилъ доходы съ городовъ Ямніи, Азота и Фазаэлиса (къ сѣв. отъ Іерихона). Иродъ свое завѣщаніе оставилъ только въ видѣ пожеланія, предоставляя императору Августу утвердить его или же какъ либо иначе распорядиться относительно страны и его наслѣдниковъ. Братья-наслѣдники, рожденные и воспитанные безъ любви, точно также не были связаны узами братской любви. Каждый завидовалъ другому; въ особенности Антипа завидовалъ Архелаю, получившему большія области и царскій титулъ, который по прежнему завѣщанію долженъ былъ получить Антипа. Могущественная Саломея точно такъ же ненавидѣла Архелая и замышляла сдѣлать спорнымъ наслѣдіе его. Раздоръ, существовавшій въ семьѣ Ирода, перешелъ на дѣтей и на внуковъ. Такъ какъ утвержденіе распоряженія Ирода зависѣло отъ высшей воли, то заинтересованныя лица старались добиться расположенія народа, чтобы въ его лицѣ имѣть заступника передъ Августомъ. Саломея и ея мужъ, Алексъ, даже оставили безъ исполненія повелѣніе Ирода объ убійствѣ задержанныхъ знатнѣйшихъ гражданъ Іудеи (стр. 183). Они сумѣли убѣдить на-

чальниковъ тѣлохранителей Ирода, что послѣдній самъ отказался отъ приведенія въ исполненіе своей угрозы.

Архелай, который имѣлъ еще больше основаній искать благосклонности народа, по окончаніи траура, во дворѣ храма, стоя на особаго рода тронѣ, обѣщалъ отмѣнить тѣ мѣры, отъ которыхъ страдалъ народъ при его отцѣ, и устроить все наилучшимъ образомъ. Народная масса, ободренная этой уступчивостью, не удовлетворилась пустыми царскими обѣщаніями, но формулировала свои жалобы въ ясныхъ пунктахъ и потребовала скорой и вѣрной помощи. Особенно упорно народъ настаивалъ на пяти пунктахъ: уменьшеніи тяжелыхъ и постоянныхъ ежегодныхъ налоговъ, отмѣнѣ пошлинъ на общественныя продажи, освобожденіи томившихся много лѣтъ въ тюрьмахъ, наказаніи совѣтниковъ, высказавшихся за сожженіе разрушителей орла, и, наконецъ, на низложеніи нелюбимаго первосвященника Іоазара и назначеніи на его мѣсто болѣе достойнаго. Эти требованія сводились такимъ образомъ къ тому, чтобы ввести новую систему правленія, сообразную съ желаніями народа, и публично заклеймить тиранію Ирода.

Архелай, хотя и не придавалъ большого значенія доброму имени своего отца, былъ однако не въ состояніи согласиться на эти требованія. Чтобы не возбудить народа, онъ все обѣщалъ, но отложилъ исполненіе до утвержденія завѣщанія. Толпа, состоявшая изъ многихъ тысячъ съѣхавшихся наканунѣ Пасхи къ празднику изъ всѣхъ частей Іудеи въ Іерусалимъ и возбужденная фарисеями, напоминавшими о мученической смерти разрушителей орла, Іуды, Матоіи и ихъ учениковъ, не хотѣла отступить, но дерзко выступила впередъ. Что она предприняла, неизвѣстно; Архелай долженъ былъ опасаться возстанія и, чтобы предупредить его, онъ послалъ отрядъ солдатъ разогнать сборище. Солдаты были встрѣчены камнями и обращены въ бѣгство. Между тѣмъ приближалось послѣобѣденное время, и народъ, занятый пасхальной жертвой, на время оставилъ свой гнѣвъ и не думалъ ни о нападеніи, ни о сопротивленіи. Тогда Архелай приказалъ всей, находившейся въ Іерусалимѣ пѣхотѣ внезапно напасть на толпу и избить ее; конница стояла на равнинѣ, чтобы преслѣдовать бѣгущихъ. 3000 человѣкъ погибли въ этотъ день на храмовой горѣ и въ прилежащихъ частяхъ города. Послѣ этого глашатаи объявили, что Архелай воспрещаетъ на этотъ годъ (4) празднованіе Пасхи. Каждый долженъ былъ держаться подальше отъ храма. Таково было начало царствованія Архелая. Къ его извиненію можетъ служить то, что онъ былъ вызванъ къ пролитію крови требованіями народа, которыя онъ не былъ въ состояніи выполнить, не желая подвергнуться подозрѣнію, что онъ присваиваетъ себѣ царскія полномочія прежде, чѣмъ Августъ выскажетъ свое рѣшеніе.

Хотя родные Архелая на его мѣстѣ не поступили бы мягче, но все

же они порицали его жестокость и воспользовались ею какъ оружіемъ, чтобы выступить противъ него предъ Августомъ въ качествѣ обвинителей и оспорить переходъ престола. Вся родня отправилась въ Римъ, чтобы сложить къ ногамъ императора Іудею и вымолить у него измѣненіе или утвержденіе завѣщанія. Во время ихъ отсутствія произошли событія, которыя едва ли не передали результаты ихъ стараній въ другія руки. Іудея напоминала собою арену, на которой боролись ожесточенные враги. Вожаки въ различныхъ частяхъ ея провозгласили себя царями или князьями и сражались за или противъ свободы. Кровь убитыхъ борцовъ, стонъ беззащитныхъ и угнетенныхъ, пепелъ сожженныхъ городовъ наполняли ужасомъ каждое сердце и предвѣщали гибель Іудеи. Трагическія событія во время перваго года послѣ смерти Ирода хроника опредѣляетъ какъ войну съ Варомъ, сирійскимъ намѣстникомъ, извѣстнымъ своимъ позднѣйшимъ пораженіемъ въ войнѣ съ германцами. Бѣдствія, которыя были слѣдствіемъ вторженія Вара въ Іудею, не находились ни въ какомъ отношеніи съ продолжительностью возстанія и борьбы. Квинтилій Варъ, по приглашенію Архелая, послѣ отъѣзда семейства Ирода, остался въ Іерусалимѣ, чтобы въ зародышѣ подавить начало возстанія. Работа оказалась нетрудной, потому что враждебные продіанамъ патріоты дѣйствовали безъ опредѣленнаго плана, не были достаточно вооружены, но проявляли свою ненависть въ пустыхъ демонстраціяхъ. Варъ счелъ свое присутствіе въ столицѣ Іудеи излишнимъ и удалился въ Антіохію, оставивъ достаточный отрядъ войскъ, чтобы подавить всякую попытку къ возстанію. Едва удалился намѣстникъ, какъ явился въ Іерусалимъ казначей Августа *Сабинъ*, котораго послалъ его господинъ описать сокровища Ирода и, вѣроятно, также храмовыя, какъ будто бы императоръ былъ законнымъ наслѣдникомъ Ирода. Сабинъ должно быть не замышлялъ ничего хорошаго, потому что, несмотря на обѣщаніе, данное имъ Вару остаться въ Кесаріи до рѣшенія вопроса о завѣщаніи Ирода, онъ поспѣшилъ въ Іерусалимъ. Не встрѣтивъ услужливости со стороны поставленныхъ Архелаемъ хранителей сокровищъ, онъ буквально возбудилъ толпу къ возстанію, чтобы имѣть поводъ къ вмѣшательству.

Между тѣмъ приблизились дни праздника седьмицъ, на которые снова собралось въ Іерусалимъ много народа изъ всѣхъ частей Іудеи по ту и по сю сторону Іордана; большинство пришло съ мыслью о борьбѣ противъ римлянъ и продіанъ. Борьба началась; народъ, найдя себѣ предводителей, взялъ храмовую гору и ипподромъ и сталъ угрожать римлянамъ, находившимся во дворцѣ Ирода въ верхнемъ городѣ. Сабинъ считалъ себя потеряннымъ, но, съ одной стороны, съ высоты башни Фазаэль, куда онъ удалился для безопасности, побуждалъ римлянъ къ нападенію на храмъ, а, съ другой, послалъ гонцовъ къ Вару съ просьбой о присылкѣ подкрѣпле-

ній. Нападавшіе остались бы побѣдителями, благодаря камнямъ, которые они бросали съ храмовой стѣны, если бы враги не стали бросать на крышу колоннады зажигальные матеріалы, отъ которыхъ та загорѣлась. Огонь распространился съ такою скоростью, что борцы не имѣли времени спастись и погибли частью въ огнѣ, частью отъ мечей римлянъ, частью отъ отчаянья покончили самоубійствомъ. Лишь только храмъ былъ оставленъ защитниками, какъ туда бросились римляне, привлекаемые сокровищами. Говорятъ, что Сабинъ присвоилъ себѣ 400 талантовъ. Объ остальныхъ опустошеніяхъ, которыя римляне произвели въ храмѣ, имѣется въ источникахъ только намеки. Грабежъ храма, осквернение святилища и разрушеніе нѣкоторыхъ помѣщеній храма, случившееся едва спустя десять лѣтъ послѣ его окончанія, возбудили къ новымъ мужественнымъ нападеніямъ противъ Сабина. Даже большая часть войскъ Ирода перешла на сторону недовольныхъ и помогала бороться съ римлянами. Только *Гратъ*, начальникъ пѣхоты Ирода, и *Руфъ*, начальникъ конницы, командовавшіе оба тремя тысячами солдатъ, остались вѣрны римлянамъ. Возставшіе осадили дворецъ Ирода, приняли мѣры, чтобы разрушить башни, и угрожали римлянамъ самымъ худшимъ, если они немедленно не удалятся. Сабинъ колебался между страхомъ быть побѣжденнымъ евреями и надеждой подавить возстаніе по полученіи отъ Вара подкрѣпленій и держался въ цитадели дворца.

Эти происшествія явились повсемѣстно въ Іудеѣ источникомъ полной анархіи, которая могла бы рѣшить споръ иродіанъ о престолѣ совершенно инымъ образомъ, чѣмъ они ожидали, если бы во главѣ стали проницательные вожди, способные наэлектризовать весь народъ. Но господствовавшія въ странѣ возбужденіе и ожесточеніе стали орудіемъ въ рукахъ отдѣльныхъ искателей приключеній, вслѣдствіе чего принесли больше вреда самому народу, нежели врагамъ. 2000 солдатъ (вѣроятно, идумеевъ), отпущенныхъ Иродомъ отъ службы незадолго до его смерти, безпокоили югъ. Нѣкій Симонъ, бывшій рабъ Ирода, производившій внушительное впечатлѣніе своею наружностью и красотой, собралъ вокругъ себя шайку недовольныхъ, которые признали его царемъ, и сжегъ царскій дворецъ въ Іерихонѣ и другія царскія крѣпости. Какой то неизвѣстный изъ Переи со своею шайкою сжегъ царскій дворецъ въ Бетрамтѣ на Іорданѣ. Третій искатель приключеній, пастухъ по имени *Атронгъ*, отличавшійся богатырскимъ тѣлосложеніемъ, при поддержкѣ четырехъ подобныхъ ему братьевъ, одѣлъ на себя корону, вступилъ въ борьбу съ римлянами, отрѣзалъ подвозъ припасовъ и боролся такъ храбро, что борьба съ нимъ и вызванными имъ безпорядками длилась всего дольше. Только одинъ предводитель имѣлъ передъ собою опредѣленную цѣль и могъ бы болѣе всего повредить римлянамъ и иродіанамъ, если бы ему помогли единомышленники и сопутствовало счастье. Это былъ Іуда, по имени Галилеянинъ, уроженецъ Гамалы, сынъ того Іезекіи, на которомъ Иродъ впервые показалъ свою жестокость (стр. 132). Вмѣстѣ съ молокомъ матери Іуда всосалъ ненависть къ Риму и къ дому Ирода и любовь къ своему народу; благодаря ему была вызвана къ жизни партія, которая впослѣдствіи господствовала надъ всѣмъ народомъ и причинила римлянамъ больше заботъ, чѣмъ галлы и германцы; это была партія ревнителей *(зелотовъ)*. Іуда былъ тогда въ зрѣломъ возрастѣ (род. около 50 г. до Хр. эры). Своею энергіей и горячей ненавистью къ римлянамъ онъ возбудилъ умы и пріобрѣлъ довольно значительное число сторонниковъ среди крѣпкихъ тѣломъ и духомъ галилеянъ. Со своимъ отрядомъ онъ напалъ на арсеналъ галилейской столицы Сепфорисъ, вооружилъ своихъ людей, заплатилъ имъ жалованье найденными тамъ деньгами и сталъ предметомъ ужаса для приверженцевъ римлянъ.

То, что происходило вблизи Сиріи, напоминало настойчивѣе, чѣмъ самъ Сабинъ, намѣстнику о необходимости выступить противъ возстанія и поспѣшить на помощь находившимся въ опасности римскимъ войскамъ. Какъ напугало Вара возстаніе евреевъ, показываетъ то обстоятельство, что онъ не только приказалъ выступить всѣмъ, имѣвшимся на лицо, римскимъ войскамъ (2 легіона пѣхоты и 4 эскадрона кавалеріи, въ общемъ свыше 20,000 человѣкъ), но и призвалъ подъ оружіе вспомогательныя войска сосѣднихъ князей. Набатейскій царь Арета, радуясь возможности отомстить евреямъ за нанесенное ему Иродомъ пораженіе, добровольно предоставилъ въ распоряженіе римскаго полководца свои войска, которыя, составляя авангардъ римскаго войска, опустошили города и села грабежами и пожарами. Для борьбы съ Іудой Галилеяниномъ Варъ отправилъ часть войска въ Галилею. Борьба за обладаніе Сепфорисомъ, кажется, была очень горяча, потому что Варъ сжегъ городъ и продалъ жителей въ рабство; однако Іудѣ удалось счастливо избѣжать опасности. То же самое произошло съ городомъ Эммаусомъ на западѣ, мѣстопребываніемъ Атронга, жители котораго спаслись бѣгствомъ. Прійдя въ Іерусалимъ, Варъ нашелъ легкую работу, потому что осаждавшіе Сабина, испугавшись наступавшихъ войскъ, отказались отъ борьбы. Тѣмъ не менѣе Варъ приказалъ преслѣдовать виновныхъ и распять около 2000 плѣнныхъ на крестахъ. Это было концомъ возстанія, которое было обязано своимъ происхожденіемъ вспыхнувшему гнѣву, но которое не велось съ достаточной осмотрительностью. Оно привело Іудею къ еще болѣе позорной зависимости отъ Рима; одинъ легіонъ былъ оставленъ для наблюденія надъ Іерусалимомъ. Въ это время иродіане старались выхлопотать у Августа престолъ Іудеи и своимъ низпоклонствомъ и взаимными обвиненіями убѣдили его, что они всѣ оди-

наково недостойны короны. Прежде чѣмъ Августъ вынесъ свое рѣшеніе, явилось, по наущенію Вара, еврейское посольство, состоявшее изъ 50-ти именитыхъ гражданъ, съ жалобами на правленіе продіанъ и съ просьбой объ объявленіи Іудеи римской провинціей, связанной съ Сиріей, но съ предоставленіемъ еврейскому народу автономіи во всемъ, что касалось его внутреннихъ дѣлъ. Такъ какъ желаніе посольства было поддержано 8000 римскихъ евреевъ, то Августъ долженъ былъ его выслушать. Послы въ своихъ жалобахъ на Ирода указали на то, что онъ убилъ лучшихъ людей, растратилъ богатства на подарки чужеземнымъ городамъ и довелъ страну до нищеты. Выслушавъ посольство, Августъ въ общемъ утвердилъ завѣщаніе Ирода съ тѣмъ только ограниченіемъ, что Архелай не получитъ царскаго титула, а только титулъ князя (этнарха); Августъ обѣщалъ однако, что, если Архелай окажется достойнымъ, то получитъ и царскій титулъ. Изъ уваженія къ князю, который ревностно и преданно служилъ римлянамъ и къ которому Августъ относился какъ къ другу, онъ долженъ былъ утвердить его послѣднее распоряженіе. Императорская казна ничего не потеряла отъ того, что Іудея была сдѣлана зависимой отъ римлянъ съ титуломъ этнархіи, а не провинціи.

Правленіе Архелая было коротко и незначительно (отъ 4 до Хр. эры до 6 по). Изъ качествъ Ирода на его дѣтей и внуковъ перешли только его любовь къ постройкамъ и низкопоклонничество по отношенію къ римлянамъ; во всемъ остальномъ это были слабые люди, и даже ихъ тиранніи имѣла какой то мелкій и жалкій характеръ. Первоначально Архелай хотѣлъ успокоить то возбужденіе, которое существовало противъ него въ народѣ за бойню во дворѣ храма. Онъ уступилъ общественному мнѣнію, смѣнилъ нелюбимаго первосвященника *Іоазара* и назначилъ на его мѣсто его брата *Елеазара*, который однако долго не держался на этомъ мѣстѣ и имѣлъ своимъ преемникомъ *Іошуу* изъ дома Сіэ или Сетъ. Послѣдній долженъ былъ, въ свою очередь, уступить мѣсто Іоазару; въ теченіе девяти лѣтъ смѣнились три первосвященника. Чтобы, подобно своему отцу, увѣковѣчить свое имя на постройкѣ, Архелай выстроилъ городъ *Архелаиду*, возобновилъ сожженный іерихонскій дворецъ и для снабженія водой пальмовыхъ садовъ въ Іерихонѣ провелъ въ этотъ городъ водопроводъ изъ Наары. Его доходы съ половины страны достигали 600 талантовъ. Онъ велъ войну только противъ Атронга, который, послѣ смерти своихъ четырехъ братьевъ, сумѣлъ еще долго продержаться, но Архелаю не удалось побѣдить этого оставшагося безъ сторонниковъ искателя приключеній, который подчинился лишь на условіяхъ, имъ самимъ поставленныхъ. Благочестивыхъ Архелай оскорбилъ своей женитьбой на Глафирѣ, вдовѣ его казненнаго брата Александра. Эта дочь каппадокійскаго царя имѣла двухъ

сыновей; младшій, *Тигранъ*, и сынъ старшаго, носившій то же имя, были впослѣдствіи поставлены царями великой и малой Арменіи. Не тронутая трагическою судьбою своего мужа, она, послѣ его смерти, вышла замужъ за нумидійскаго царя *Юбу* и, послѣ развода съ этимъ послѣднимъ, вступила въ третій бракъ съ Архелаемъ, братомъ ея перваго мужа, запрещенный еврейскимъ закономъ. По поводу этого брака существуетъ легенда, будто незадолго до ея смерти во снѣ къ ней явился Александръ, который сталъ ей дѣлать упреки въ невѣрности и предсказалъ ей, что они скоро вновь соединятся. Вообще о жизни Архелая извѣстно очень мало. Обвиненный евреями и самаритянами въ тираническомъ правленіи, онъ былъ призванъ Августомъ къ отвѣту, низложенъ и отправленъ въ ссылку въ Галлію, въ городъ Віенну въ странѣ аллоброговъ (6 по Х. эр.). По всей вѣроятности, поступки Архелая были не такъ страшны, не страшнѣе дѣяній его отца. Августу нужно было только замѣнить двусмысленное отношеніе Іудеи къ Риму, какъ вассальнаго государства, простымъ отношеніемъ, какъ провинціи. Онъ принялъ во вниманіе жалобы на Архелая, чтобы низложить его и присоединить къ Риму области Іудеи и Самаріи. Княжества Ирода-Антипы и Филиппа остались однако въ ихъ прежнемъ отношеніи; только города, принадлежавшіе Саломеѣ, перешли въ частную собственность Августа, потому что Саломея передъ своею смертью (10 по Х. эр.) завѣщала ихъ императрицѣ Ливіи.

Итакъ Іудея, въ теченіе 150 лѣтъ пользовавшаяся подъ управленіемъ своихъ князей дѣйствительной или только кажущейся независимостью, была окончательно поставлена подъ непосредственную власть Рима и присоединена къ сирійскому намѣстничеству; въ этомъ отношеніи къ Риму Іудея находилась все время до послѣдняго возстанія за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ. Представитель императора въ Іудеѣ, носившій титулъ прокуратора, имѣлъ свое мѣстопребываніе въ приморскомъ городѣ Кесареѣ, которая съ тѣхъ поръ стала ненавистной соперницей Іерусалима. Прокураторъ долженъ былъ наблюдать за спокойствіемъ и порядкомъ въ странѣ, слѣдить за поступленіемъ податей всякаго рода и даже имѣлъ право приговаривать къ смертной казни и вообще имѣлъ надзоръ за отправленіемъ еврейскими судилищами уголовнаго суда [1]). Этимъ было ограничено вліяніе Синедріона, и его политическое значеніе, которое сильно уменьшилось уже въ правленіе Ирода, сошло на нѣтъ. Римляне вмѣшивались не только въ дѣла Синедріона, но и въ дѣла первосвященниковъ. Прокураторъ съ тѣхъ поръ назначалъ первосвященниковъ и смѣнялъ ихъ, смотря по тому, были ли они полезны или вредны для римскихъ интересовъ, держалъ подъ ключемъ первосвященническое облаченіе и выдавалъ его толь-

[1]) Еванг. Матоія XXVII.

ко къ тремъ главнымъ праздникамъ и ко дню Всепрощенія. Первосвященническое одѣяніе находилось въ замкѣ Антоніи, въ особомъ помѣщеніи подъ замкомъ, который передъ праздникомъ открывался храмовыми чиновниками и вновь закрывался по возвращеніи одѣянія подъ наблюденіемъ римскаго надсмотрщика. Передъ ящикомъ, гдѣ лежало облаченіе, всегда горѣлъ свѣтъ. Первымъ прокураторомъ, назначеннымъ Августомъ въ Іудею, былъ начальникъ конницы *Копоній*. Одновременно съ нимъ прибылъ и сирійскій намѣстникъ Квиринъ (6-7), чтобы описать конфискованное частное имущество Архелая и ввести римскій цензъ, т. е. народную перепись съ оцѣнкой имущества, для того, чтобы сообразовать съ ней обложеніе страны податями. Съ каждаго человѣка взималась поголовная подать (Tributum capitis), даже съ женщинъ и рабовъ; только дѣвочки моложе 12-ти лѣтъ, мальчики моложе 14-ти и старики были освобождены отъ нея. Кромѣ того былъ введенъ подоходный налогъ, и отъ скотоводовъ требовалась часть стада. Поземельные налоги (tributum agri) должны были уплачиваться изъ урожая (annona). Это требованіе одинаково возмутило всѣ классы населенія, потому что каждый видѣлъ въ немъ не только вмѣшательство въ государственныя дѣла, но и въ частныя, какъ будто бы головы, земля и имущества были собственностью римскаго повелителя, которыми онъ можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. Нельзя обвинять евреевъ, незнакомыхъ съ римскимъ государственнымъ устройствомъ, если они видѣли въ цензѣ особый видъ рабства и со страхомъ ожидали изгнанія, подобнаго вавилонскому. Эта, хотя и преувеличенная, но все же не безосновательная, оцѣнка значенія ценза, вызвала во всей странѣ болѣе глубокое возбужденіе, нежели какая бы то ни была другая мѣра, и породила новыя партіи, которыя отодвинули далеко на задній планъ старое раздѣленіе на фарисеевъ и цадукеевъ. Новыя чувства, новые лозунги были на очереди. Вопросъ о томъ, надлежитъ ли признавать за устнымъ закономъ такое же значеніе, какъ и за писаннымъ, или нѣтъ, уступилъ мѣсто острому вопросу о томъ, нужно ли покориться римлянамъ, или отвѣтить имъ энергичнымъ сопротивленіемъ; отвѣтъ на этотъ вопросъ раздѣлилъ самихъ фарисеевъ на два лагеря. Возникшія благодаря цензу новыя партіи имѣли своимъ источникомъ Синедріонъ; онѣ связаны съ именами Гилела, Шамая и Іуды Галилеянина.

Гилелъ и Шамай врядъ ли пережили катастрофу, которая превратила Іудею въ римскую провинцію. Извѣстіе о томъ, что первый въ теченіи 40 лѣтъ былъ предсѣдателемъ Синедріона [1]), лишено исторической достовѣрности. Смерть Гилела распространила печаль въ широкихъ кругахъ еврейскаго народа; рѣчь на его могилѣ началась такъ: „о благоче-

[1]) Sifri конецъ.

стивый, о кроткій, о достойный ученикъ Эзры!“ [1]). Привязанность народа къ нему перешла на его потомковъ; съ тѣхъ поръ предсѣдательство въ Синедріонѣ стало наслѣдственнымъ въ его семействѣ, и этотъ обычай оставался въ силѣ слишкомъ четыре столѣтія. О сынѣ и преемникѣ Гилела, Симонѣ I [2]), ничего неизвѣстно; большое значеніе пріобрѣла основанная Гилеломъ школа, которая унаслѣдовала духъ своего основателя и вѣрно передала его потомству. Ея сторонники показали въ общественной жизни то же миролюбіе, ту же кротость и ту же уступчивость, какъ ихъ учитель [3]), и сохранили этотъ характеръ во время всѣхъ бурь, которыя разразились надъ Іудеей. Изъ учениковъ Гилела, самыхъ близкихъ къ нему, которыхъ называютъ старшими послѣдователями школы Гилела (sikne beth Hillel) и насчитываютъ около 80-ти [4]), извѣстны по имени только двое: *Іонатанъ*, сынъ *Узіеля*, и *Іохананъ бенъ-га-Хоранитъ*. Первому приписывается безъ особаго основанія халдейскій переводъ пророковъ. Разсказываютъ, что его отецъ Узіель лишилъ его наслѣдства, которое онъ завѣщалъ Шамаю, вѣроятно, потому, что онъ былъ недоволенъ присоединеніемъ своего сына къ школѣ Гилела. Іохананъ получилъ свое прозвище отъ своей матери, гауранитянки, которая его, вѣроятно, родила въ бракѣ съ язычникомъ.

Несчастье никогда не приходитъ одно, и къ бѣдствіямъ отъ чужеземнаго владычества присоединился раздоръ внутри Синедріона, который долженъ былъ бы представлять единство. На ряду съ школой Гилела образовалась школа Шамая, которая явилась клиномъ, разъединившимъ до тѣхъ поръ единое ученіе о толкованіи и примѣненіи закона. Это разъединеніе, которое росло въ теченіе столѣтій, было приписано тому обстоятельству, что ученики обѣихъ школъ, не обративъ полнаго вниманія на ученіе своихъ учителей [5]), занялись политикой и борьбой съ продіанами, которыхъ они глубоко ненавидѣли и презирали.

Какъ послѣдователи Гилела своимъ руководящимъ принципомъ сдѣлали кротость своего учителя, такъ школа Шамая слѣдовала за своимъ учителемъ въ строгости и даже преувеличивала ее, ибо, вообще, строгость можетъ быть доведена до крайнихъ предѣловъ, кротость же не можетъ. Какъ будто религіозныя предписанія были недостаточны и границы запрещеннаго религіей не были достаточно обширны, послѣдователи Шамая при толкованіи законовъ создавали лишь запрещенія за немногими отмѣченными исключеніями [6]). По ихъ мнѣнію, нельзя передъ субботой начинать какую бы то ни было работу, которая могла бы быть окончена

[1]) Sota 48 b.
[2]) Sabbat 15 a. Seder Tanaim.
[3]) Erubin 13 b.
[4]) Succa 28 a.
[5]) Tosefta Chagiga 235. Synhedrin 425.
[6]) Adojot c. 4-5.

въ субботу даже безъ содѣйствія еврея [1]). По субботамъ нельзя откладывать деньги на благотворительныя цѣли, вести переговоры объ обрученіи или воспитаніи дѣтей, посѣщать больныхъ, утѣшать страждущихъ [2]). Что касается предписаній относительно сохраненія левитской чистоты людей, сосудовъ и платьевъ, то шаманты доводили ихъ до крайностей, близкихъ къ воззрѣніямъ ессеевъ [3]). Точно также тягостны были ихъ законы о бракѣ; разводъ допускался ими лишь въ случаяхъ безнравственнаго поведенія жены [4]). Всякую мелочь въ вопросѣ о соблюденіи религіозныхъ законовъ они сдѣлали общимъ правиломъ. Желаніе Великаго Собора поставить ограду вокругъ закона они преувеличивали въ своемъ рвеніи, создавали законы вокругъ законовъ и воспрещали разрѣшенное только для предупрежденія нарушенія закона. При этомъ они мучились угрызеніями совѣсти какъ бы нечаянно не согрѣшить. Одинъ ученикъ Шамая изъ знатной семьи, Баба бенъ-Бута, ежедневно приносилъ жертву для искупленія какого-нибудь неумышленно совершеннаго нарушенія [5]). Послѣдователи Шамая довели до крайнихъ послѣдствій фарисейскій принципъ и, будучи многочисленны въ Синедріонѣ, въ большинствѣ случаевъ проводили свои мнѣнія противъ болѣе умѣренныхъ взглядовъ гилелитовъ. Во время дебатовъ шаманты вели себя бурно, не уважая чужого мнѣнія, часто даже оскорбляя старика Гилела и никогда не уступая, въ то время, какъ ихъ противники выступали скромно и отличались уступчивостью [6]). Относительно гилелитовъ часто разсказывается, что они признавали себя побѣжденными, относительно же шамантовъ никогда. Послѣдніе всегда настаивали на своемъ мнѣніи. Единственно мягкой уступчивости школы Гилела нужно приписать то обстоятельство, что слѣдствіемъ разногласій между школами не явилось нарушеніе внутренняго мира [7]), и между сторонниками обѣихъ школъ, различавшимися по многимъ основаніямъ, сохранились дружескія отношенія. Какъ шаманты были строги въ толкованіи закона, такъ суровы были они въ личной жизни и отталкивали прозелитовъ, желавшихъ принять іудейство. Если язычникъ приходилъ къ шаманту, чтобы быть принятымъ въ іудейство, то онъ могъ ожидать очень недружелюбнаго пріема. Школа Шамая не любила прозелитовъ; она имѣла въ продіанахъ печальный примѣръ того, какъ могутъ быть вредны полуіуден. Какъ бы строги ни были шаманты въ толкованіи закона, все же они освобождали отъ своихъ строгихъ предписаній войско, которое должно было бороться съ національными врагами. Если раньше сомнѣвались, можно ли въ

[1]) Sabbat 17 b.
[2]) Т. же 12.
[3]) Т. же 13.
[4]) Gittin конецъ.
[5]) Keritot VI, 3.
[6]) Jom-tob 20 a. Erubin 13 b.
[7]) Jebamot 13 a.

субботу отражать нападеніе на крѣпость, то шаманты безусловно высказались въ пользу этого; если начата осада враждебнаго города до субботы, то она можетъ продолжаться съ нарушеніемъ всѣхъ предписаній относительно субботы до окончательнаго паденія крѣпости [1]). Это толкованіе исходитъ отъ самого Шамая, у котораго ненависть къ язычникамъ пересилила его религіозную строгость. Шаманты имѣли въ народѣ такое же большое количество сторонниковъ, какъ и въ Синедріонѣ; ихъ строгость и ненависть къ язычникамъ встрѣчала больше сочувствія, нежели трезвость и миролюбіе гилелитовъ; поэтому они всюду составляли большинство и могли проводить свои постановленія. Въ духовномъ родствѣ съ ними была партія зелотовъ, основанная Іудой Галилеяниномъ (стр. 189), отличавшимся фанатическою ненавистью къ римлянамъ; эти ревнители (каппаіи) называли себя также по имени основателя партіи галилеянами. Лозунгъ, выставленный Іудой и горячо принятый однимъ шамантомъ *Цадокомъ*, заключался въ томъ, что подчиняющійся римскимъ повелителямъ оскорбляетъ божескій законъ; Богу одному принадлежитъ владычество, и только Онъ одинъ можетъ требовать повиновенія. Поэтому съ крайнимъ напряженіемъ силъ, съ пожертвованіемъ имущества, семьи и жизни нужно сопротивляться тѣмъ, которые, ставя себя на мѣсто Бога, дерзновенно требуютъ подчиненія отъ евреевъ. Въ качествѣ образца ревнителя былъ выставленъ Пинхасъ, который одинъ, на виду у всего народа, забывшаго свой долгъ, рѣшился убить князя Зимри, развратничавшаго съ мидіанитками. Устройство еврейскаго государства должно быть республиканскимъ; его главой долженъ быть Богъ и конституціей Его законъ. Такіе принципы, которые были понятны каждому, должны были встрѣтить тѣмъ большее сочувствіе въ народѣ, чѣмъ сильнѣе чувствовался римскій гнетъ. Цѣль достиженія свободы электризовала юношей и мужей. Въ началѣ зелоты встрѣчали поддержку только со стороны шамантовъ; впослѣдствіи, съ усиленіемъ римскаго гнета, ихъ число увеличилось.

Какъ только Квиринъ отдалъ приказъ, чтобы каждый заявлялъ о числѣ членовъ своей семьи, своихъ земель и своемъ имуществѣ, предводители зелотовъ, Цадокъ и Іуда, находившійся тогда въ Іерусалимѣ, дали сигналъ къ энергичному сопротивленію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ кажется, дѣло дошло до столкновенія. Умѣренные и священникъ Іоазаръ старались успокоить умы и подавить возбужденіе, вѣроятно, указывая народу на то, что цензъ вовсе не означаетъ порабощенія и конфискаціи имущества, а долженъ только контролировать правильное поступленіе податей. Все же цензъ остался настолько ненавистнымъ, что даже это слово получило непріятное значеніе; имъ обозначался каждый денежный штрафъ

[1]) Tosefta Erubin c. 3. Sabbat 19 a.

(Census, Kenas). Хотя умѣренные и старались помѣшать столкновеніямъ, но все же они были не менѣе, чѣмъ другіе, возмущены вмѣшательствомъ римлянъ. Да и какъ они могли спокойно смотрѣть на римскія притязанія, когда теперь стали требовать налоги съ каждой головы (Golgolet), отъ полевыхъ плодовъ и съ домовъ и, наконецъ, ввозныя и вывозныя пошлины (Meches). Гилелиты точно также считали эти требованія настолько несправедливыми, что, несмотря на всю свою добросовѣстность, они разрѣшали пользоваться всякимъ средствомъ для избавленія отъ нихъ [1]). Насколько ненавистна была римская налоговая система, показываетъ то обстоятельство, что каждый, кто принималъ участіе во взиманіи податей, какъ откупщикъ (Moches) или какъ мытарь (GaBBai), считался безчестнымъ, не допускался въ приличное общество, и не придавалось вѣры его свидѣтельству [2]). Только тѣ, кто изъ корыстолюбія или изъ легкомыслія вели нечестивый образъ жизни, рѣшались заниматься этимъ дѣломъ; мытарь и нарушитель закона стали поэтому равнозначущими бранными словами [3]). Еще одно слѣдствіе явилось результатомъ римскаго захвата Іудеи; съ тѣхъ поръ въ оффиціальныхъ документахъ и даже въ разводныхъ письмахъ стали обозначаться годы по годамъ правленія императора. Зелоты были къ этому очень чувствительны и бросали умѣреннымъ фарисеямъ, которые оказались уступчивыми, упрекъ въ равнодушіи къ религіи: „Какъ можно совершить такое кощунство и въ разводномъ письмѣ формулу „по закону Моисея и Израиля“ ставить рядомъ съ именемъ языческаго повелителя, равняя такимъ образомъ святое имя великаго пророка съ именемъ императора“ [4]). Чтобы хотя немного ослабить враждебное настроеніе въ народѣ, вызванное цензомъ, Квиринъ долженъ былъ сдѣлать уступку. Онъ смѣнилъ нелюбимаго первосвященника Іоазара и назначилъ на его мѣсто *Анана* изъ семейства Сетъ. Послѣдній положилъ основаніе уважаемой семьѣ священниковъ, *„дому Анана“*, откуда произошло пять первосвященниковъ.

Потеря послѣднихъ остатковъ независимости послѣ смерти Ирода рикошетомъ отразилась на внутренней жизни народа. Во время анархіи искавшіе покоя удалялись въ сосѣднія страны, Сирію, Малую Азію, и на берега Евфрата; первые переселенцы приглашали другихъ, и эмиграція грозила оставить Святую Землю безлюдной. Представители іудаизма рѣшили бороться съ этимъ зломъ. Въ это время было только одно средство заставить принять какую-либо мѣру, угроза потерей левитской чистоты. Храмъ и жертвоприношенія цѣнились выше всего прочаго и, какъ зѣница ока, охранялись отъ всякаго осквернѣнія. Быть лишеннымъ права посѣще-

[1]) Nedarim 27 b. 28.
[2]) Synhedrin 25.
[3]) Еванг. Матѳея **9**, 10.
[4]) Jadaim IV, 8.

нія храма или недопущеннымъ къ жертвоприношеніямъ изъ-за нарушенія левитской чистоты было наказаніемъ, которому никто не рѣшался подвергнуться. Этимъ настроеніемъ воспользовались руководители народа, шаманиты и гилелиты, чтобы воспрепятствовать выселенію изъ Палестины. Они объявили, что тотъ, кто сдѣлалъ хотя бы одинъ шагъ за границей, долженъ считаться нечистымъ и онъ можетъ быть допущенъ къ жертвоприношенію лишь послѣ соотвѣтственнаго очищенія. Эта мѣра, которая первоначально была направлена только противъ аронидовъ, могла уменьшить, но не могла окончательно прекратить эмиграцію. Малая Азія, эта богатая провинція, гдѣ много богатыхъ и уважаемыхъ единовѣрцевъ жило спокойно послѣ декретовъ Августа (стр. 171), имѣла особую притягивающую силу. Эмиграція въ Малую Азію вызвала религіозныя замѣшательства. Мужья оставляли своихъ женъ въ Палестинѣ, или же эти послѣднія не хотѣли вмѣстѣ съ первыми переселиться, къ чему онѣ не могли быть по закону принуждены [1]). Слѣдствіемъ этого были разводы; но законы объ изготовленіи разводныхъ писемъ отличались такою тягостною педантичностью, что явились сомнѣнія въ законности разводныхъ писемъ, изготовленныхъ въ Малой Азіи. Законодатели въ Іерусалимѣ постановили поэтому, что приносящій женѣ разводное письмо отъ мужа изъ Малой Азіи долженъ въ присутствіи свидѣтелей заявить, что письмо изготовлено согласно съ закономъ [2]).

Вслѣдствіе чрезмѣрнаго рвенія шаманитовъ и уступчивости гилелитовъ іудаизмъ получилъ совершенно иной, мрачный характеръ; онъ сталъ религіей, которая учила и рекомендовала бѣгство отъ міра. Перестали спрашивать о томъ, что разрѣшаетъ или что запрещаетъ Пятикнижіе Моисея (Тора), но спрашивали о томъ, чему учитъ „домъ Шамая“ или „домъ Гилела“.

Эта педантичная религіозность вызвала къ жизни имѣвшее впослѣдствіи большой успѣхъ сочиненіе, которое должно было помочь осилить это направленіе. Въ то время, рядомъ съ высокочтимымъ Пятикнижіемъ Моисея и близко стоящимъ къ нему писаніемъ девятнадцати пророковъ, откуда обыкновенно читали въ синагогахъ, былъ еще цѣлый рядъ другихъ сочиненій возвышеннаго содержанія, которыя не вели своего происхожденія отъ пророковъ, не подлежали публичному чтенію, и разсматривались какъ

[1]) Ketubot конецъ.
[2]) המביא גט צריך שיאמר בפני נכתב ובפני נחתם. Обязанность такого заявленія установлена собственно для заморскихъ мѣстностей מדינת הים, какъ западная Малая Азія (Gittin, начало). Основаніе указано въ Ierus. Gittin, а именно: въ этихъ мѣстностяхъ не знакомы съ обрядностями развода שאין בקיאין בדקדוקי גיטין.

писанія низшаго рода. Это были: сочиненные въ разныя времена, начиная отъ древности и кончая Маккавеями, Псалмы, часть которыхъ пѣлась въ храмѣ хорами левитовъ ежедневно и въ разныхъ, то радостныхъ, то грустныхъ, случаяхъ; книга *Притчей*, приписываемая царю Соломону и содержащая мудрые совѣты и указанія; далѣе, глубокомысленная книга *Іова*, въ которой впервые была сдѣлана попытка въ поэтической формѣ разрѣшить загадку человѣческой жизни. Къ нимъ также принадлежали: *Плачъ Іереміи* при паденіи Іерусалима и началѣ вавилонскаго плѣна; книга *Руѳь*, прекрасная идиллія, относящаяся ко времени послѣ возвращенія изъ плѣна и говорящая въ пользу браковъ съ чужими племенами, желающими пріобщиться къ еврейству; три книги *Хроникъ*, книги *Эзры и Нехеміи*, въ которыхъ описываются событія по возвращеніи изъ изгнанія. Далѣе, *Пѣснь пѣсней*, также приписываемая Соломону, сочиненная въ мирное время, предшествовавшее бурной эпохѣ; двѣ книги *Даніила и Эсѳири*, сочиненныя во время маккавейскихъ войнъ для утѣшенія и ободренія; наконецъ, книга *Когелетъ*, описывающая печальное время Ирода (стр. 177). Всѣ эти книги, не имѣвшія никакого священнаго характера, служили частнымъ лицамъ для чтенія и для другого употребленія: кожами, на которыхъ онѣ были написаны, пользовались для осѣданія лошадей или для другихъ цѣлей.

Синедріонъ, состоявшій изъ представителей обѣихъ школъ, Шамая и Гилела, возмущался профанаціей этихъ книгъ, которыя были написаны на священномъ языкѣ и въ которыхъ, за исключеніемъ книги Эсѳири, упоминалось святое имя Бога. Какъ положить конецъ этому безобразію? И еще разъ помогла строгость законовъ о левитской чистотѣ. Эти книги находились большею частью въ рукахъ священниковъ (аронидовъ), которые жили главнымъ образомъ съ жертвъ въ ихъ пользу. Обѣ школы въ одинъ голосъ заявили, что тотъ, кто коснется священной книги, долженъ считаться нечистымъ и до тѣхъ поръ не можетъ дотрагиваться до жертвы, пока не выкупается. Это было слишкомъ тягостно, и предпочли поэтому какъ можно рѣже имѣть дѣло съ книгами. Достаточно страннымъ казалось предписаніе, что священныя книги дѣлаютъ человѣка нечистымъ! Фарисеи, которые ввели эту мѣру, въ дѣйствительности были осмѣяны своими противниками садукеями. Послѣдніе острили: кто коснется священныхъ книгъ, нечистъ, кто же будетъ читать листки съ ежедневными новостями (Hemeras), чистъ. Но насмѣшка никогда не бываетъ сильнѣе религіознаго рвенія. Эта мѣра, принятая обѣими школами, сохраняла силу до тѣхъ поръ, пока законы о чистотѣ и нечистотѣ пришли въ забвеніе.

Какъ бы ни странной казалась эта мѣра, все же она имѣла ту хорошую сторону, что спасла отъ гибели эти книги. Съ тѣхъ поръ библейскія книги раздѣлились по святости на три разряда: къ первому принадлежало Пятикнижіе Моисея, ко второму *Пророки*, а къ третьему вышеназванныя книги. Послѣднія просто назывались *священными книгами* (Kithe Kodesch, гагіографы). Правило (канонъ), какія писанія къ нимъ принадлежатъ, первоначально не было выставлено; древность или религіозное содержаніе ихъ служили основаніемъ къ принятію ихъ въ сборникъ гагіографовъ. Вѣроятно, притчи Сираха, которыя еще сильнѣе, нежели притчи Соломона, указываютъ на высокое значеніе закона, занимали мѣсто въ этомъ сборникѣ. Для признанія древности книгособиратели обращали вниманіе на заглавіе. Только двѣ книги вызвали сомнѣніе, придать ли имъ характеръ святости: Пѣснь пѣсней, которая, хотя и носитъ имя Соломона, представляетъ собой чисто свѣтскую любовную пѣснь, и Когелетъ, авторъ котораго, якобы тотъ же царь, доходилъ до сомнѣнія въ безсмертіи души и въ справедливомъ управленіи міромъ. Школа Шамая поэтому противилась включенію этихъ книгъ въ сборникъ гагіографовъ, и, какъ кажется, ея мнѣніе одержало верхъ, потому что впослѣдствіи вновь былъ возбужденъ вопросъ объ ихъ допущеніи туда. Расположеніе, которымъ эти двѣ книги пользовались у гилелитовъ, спасло ихъ отъ гибели, хотя онѣ носятъ совершенно другой характеръ, нежели прочія библейскія писанія.

Изъ гагіографовъ наиболѣе любимы были *Псалмы* и книга *Даніила*. Псалмы приписывались въ большей своей части царю пѣснопѣвцу Давиду и ставились почти наряду съ книгами Пророковъ. Читатели искали и находили въ нихъ указанія на различныя историческія обстоятельства въ жизни народа, какъ будто пѣснопѣвецъ своимъ пророческимъ взоромъ предвидѣлъ ихъ и для печальнаго времени подавалъ утѣшеніе и надежду. Священники и левиты, фарисейски настроенные и принадлежавшіе къ одной или другой школѣ, избирали для пѣнія по извѣстнымъ днямъ тѣ псалмы, которые были полны жалобъ и просьбъ и какъ бы отражали печальное положеніе во время римскаго владычества; это, по ихъ мнѣнію, предвидѣлъ псалмопѣвецъ, который обѣщаетъ избавленіе милостью Божіей. Мистическая книга Даніила разсматривалась въ такомъ же освѣщеніи, и ея мистика примѣнялась къ современности. Все попирающій ногами „*четвертый звѣрь*“, аллегорія четвертаго царства, которое наступитъ послѣ вавилонскаго, мидо-персидскаго и греческо-македонскаго, и извергающій хуленія на Бога „*малый рогъ*“ (также аллегорія въ этой книгѣ) относились къ порабощающему народы Риму, скорое паденіе котораго предсказывалось книгой.

При *Копоніи*, который послѣ удаленія Квирина остался намѣстникомъ, вновь воскресла старая вражда между евреями и самаритянами. Послѣ того, какъ Гирканъ побѣдилъ послѣднихъ, сравнилъ ихъ столицу съ землею, сжегъ ихъ храмъ на горѣ Гаризимъ (стр. 54), казалось, что это полу-

еврейское племя съ его отличнымъ отъ іудейскаго культомъ и его протестомъ противъ святости іерусалимскаго храма окончательно предано забвенію. Но Иродъ пробудилъ самаритянъ отъ сна и возбудилъ старыя страсти. Онъ возстановилъ ихъ городъ Самарію подъ именемъ *Себасты* и, безъ сомнѣнія, всячески благопріятствовалъ имъ за ихъ отношеніе къ іудаизму, которое напоминало его собственное. Одна изъ его женъ, Малтака, была самаритянкой; ея сынъ, Архелай, былъ его преемникомъ. Самаритяне могли думать, что близко то время, когда они будутъ имѣть возможность поступить съ іерусалимскимъ храмомъ такъ же, какъ хасмонеи съ гаризимскимъ, и что римляне, если и не окажутъ помощи, то все же будутъ смотрѣть на это сквозь пальцы. Когда приближалась Пасха, нѣсколько самаритянъ, воспользовавшись тѣмъ, что въ эти дни ворота храма были открыты уже въ полночь изъ-за многочисленныхъ жертвоприношеній, прокрались въ первый дворъ храма и разбросали по колоннадамъ человѣческія кости, чѣмъ храмъ былъ осквернень (10). Были ли брошены кости и внутрь святилища и послужило ли это препятствіемъ служенію въ храмѣ въ тотъ день, нельзя съ увѣренностью сказать по неясности источниковъ. Слѣдствіемъ этого было то, что ненависть вновь возгорѣлась между обоими народами, и была усилена стража вокругъ храма, лежавшая на обязанности левитовъ. Вскорѣ послѣ этого событія Копоній былъ отозванъ, на его мѣсто былъ назначенъ *Маркъ Амбивій*, котораго очень скоро смѣнилъ *Анній Руфъ*,—въ теченіе семи лѣтъ три намѣстника (7—14), что, во всякомъ случаѣ, для народа было зломъ, такъ какъ каждый изъ нихъ стремился къ обогащенію себя и высасывалъ всѣ соки.

Смерть Августа (14) ничего не измѣнила въ положеніи Іудеи, которая среди прочихъ странъ перешла въ наслѣдство къ *Тиверію*. Провинціямъ во время правленія Тиверія жилось недурно, потому что, уничтожая римскую аристократію, онъ относился довольно справедливо къ народу. Онъ облегчилъ подати въ виду жалобъ евреевъ на невыносимую тягость ихъ и отправилъ туда другого намѣстника *Валерія Грата*, занимавшаго эту должность одиннадцать лѣтъ (15—26). Но Тиверій относился къ іудейству еще болѣе враждебно, чѣмъ его предшественникъ и пріемный отецъ, какъ будто римскіе цезари предчувствовали, что римскому обществу и римской религіи будетъ данъ іудействомъ смертельный ударъ. Хотя Августъ такъ любезно относился къ евреямъ, что онъ и его жена, Ливія, посылали подарки въ іерусалимскій храмъ и приказывали приносить за себя жертвы тамъ, все же императоръ непріязненно относился къ еврейской религіи. Онъ поэтому хвалилъ своего внука, *Кая Цезаря*, за то, что послѣдній, во время своей поѣздки по востоку послѣ смерти Ирода, не посѣтилъ Іудеи и не принесъ жертвы въ іерусалимскомъ

храмѣ. Это недружелюбное отношеніе еще болѣе усилилось, когда римляне и въ особенности римскія женщины стали склоняться къ іудаизму. Горячая привязанность евреевъ къ своей вѣрѣ и храму составляла рѣзкую противоположность равнодушному отношенію римлянъ, какъ жрецовъ, такъ и мірянъ, къ ихъ національной религіи. Этотъ религіозный энтузіазмъ не преминулъ вызвать изъ числа язычниковъ жаждущихъ вѣры людей и сдѣлать изъ нихъ прозелитовъ. Гибель свободы въ монархическомъ Римѣ уничтожила тѣ идеалы, которые свѣтили возвышеннымъ душамъ, и сдѣлала жизнь непривлекательной, такъ что глубоко чувствующія натуры тосковали по какомъ нибудь идеалѣ. При Тиверіи среди римлянъ было довольно много прозелитовъ, которые, удовлетворяя своей религіозной потребности, отправляли дары въ іерусалимскій храмъ. Надо однако признать, что суевѣріе играло въ склонности римлянъ и римлянокъ къ еврейской религіи такую же роль, какъ и внутреннее убѣжденіе. Культъ Изиды имѣлъ въ Римѣ столько же сторонниковъ, какъ и іудаизмъ. Все неизвѣстное, чужое, мистическое имѣло для римлянъ особую притягательную силу. Римскіе прозелиты вызвали въ Тиверіи особенное неудовольствіе въ особенности, когда жрецы Изиды, злоупотребляя своимъ культомъ, соблазнили одну римскую матрону, а четыре еврея обманули одну римскую прозелитку. Тиверій счелъ моментъ удобнымъ, чтобы выступить противъ еврейскаго и египетскаго культа въ Римѣ. Эта прозелитка была *Фульвія*, жена уважаемаго сенатора *Сатурнина*. Когда Фульвія приняла іудейство, она черезъ посредство своихъ еврейскихъ учителей послала въ храмъ подарки, которые тѣ себѣ присвоили. Лишь только Тиверій узналъ объ этомъ обманѣ, онъ предложилъ законъ противъ евреевъ сенату, который постановилъ, что всѣ евреи и прозелиты въ Римѣ подъ угрозой вѣчнаго рабства должны оставить городъ, если въ извѣстный срокъ не отрекутся отъ іудейства. Къ изданію этого закона побуждалъ Тиверія его жестокій министръ *Сеянъ*. Тысячи еврейскихъ юношей были сосланы на островъ Сардинію, чтобы сражаться тамъ противъ разбойничьихъ шаекъ (19). Можно было предвидѣть, что сосланные погибнутъ въ непривычномъ для нихъ суровомъ климатѣ; но это не могло служить причиной для жестокосердыхъ сенаторовъ и Тиверія, чтобы мягче поступать съ ними. Евреи во всей Италіи подъ угрозой изгнанія должны были отказаться отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ. Въ особенности юноши и зрѣлые мужи принуждались носить оружіе по субботамъ въ войскѣ, и, если они отказывались отъ этого изъ религіозныхъ соображеній, ихъ строго наказывали[1]). Это было

[1]) Относящіеся сюда четыре источника не совсѣмъ совпадаютъ и нуждаются въ согласованіи. Іосифъ Флавій (Древности XVIII 3, 4-5) говоритъ о ссылкѣ 4000 іуде-

первое религіозное преслѣдованіе евреевъ въ Римѣ и ихъ первое мученичество на западѣ, которое было предвѣстникомъ безконечнаго числа другихъ. Новый, назначенный Тиверіемъ намѣстникъ, *Гратъ*, подобно своимъ предшественникамъ, вмѣшивался во внутреннія дѣла Іудеи. Въ теченіе своего одиннадцатилѣтняго управленія онъ смѣнилъ не менѣе, чѣмъ пять первосвященниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые занимали свою должность только годъ. Иногда побудительной причиной для смѣны первосвященника была любовь или нелюбовь къ нему, чаще подкупъ и произволъ. Первый выборъ палъ послѣ низложенія Анана (стр. 196) на первосвященника *Измаила* изъ семейства *Фіаби* или *Фаби*[1]), котораго называютъ достойнымъ потомкомъ праведнаго священника Пинхаса и котораго себѣ желалъ народъ. О немъ говорили, что самъ храмъ пожелалъ, чтобы наконецъ Измаилъ занялъ должность первосвященника. Но именно потому, что онъ пользовался симпатіями народа, его не могъ терпѣть римскій намѣстникъ и спустя короткое время назначилъ на его мѣсто *Элеазара*, сына Анана[2]) изъ семейства *Сетъ*. Годъ спустя былъ назначенъ *Симонъ* изъ семейства *Камитъ*: онъ оставался въ должности одинъ годъ и былъ замѣненъ *Іосифомъ Каяфой* или *Каифой*, который занималъ свою должность долгое время (приблизительно отъ 19—36). Пристрастные источники изображаютъ его строгимъ и кровожаднымъ фарисеемъ.

Въ то время, какъ Іудея съ принадлежащими къ ней областями Самаріей и Идумеей управлялась римскими намѣстниками, остальные удѣлы: *Галилея* и *Пирея* тетрарха Ирода Антипы и Ботанея съ другими областями тетрарха Филиппа пользовались тѣнью независимости; но эти области были такъ рѣзко отдѣлены отъ Іудеи, что они являлись для нея почти чужою страною. Давность владѣнія въ одной области не имѣла юридическаго значенія для тѣхъ, кто жилъ въ другой области[3]). Вслѣдствіе враждебнаго отношенія самаритянъ, страна которыхъ врѣзывалась клиномъ между Іудеей и Галилеей, сообщеніе между этими двумя областями было еще болѣе затруднено, и посѣтители храма, приходившіе съ сѣвера, должны были дѣлать большой обходъ или подвергаться непріятностямъ, если

евъ въ Сардинію и о наказаніи многихъ, не пожелавшихъ воевать въ субботу. Тацитъ (Анн. II, 85) говоритъ также о сосланныхъ въ Сардинію 4000, но не объ однихъ іудеяхъ, а также объ египтянахъ. Sueton пишетъ неопредѣленно о ссылкѣ іудейскихъ юношей и объ изгнаніи всѣхъ изъ Рима (Tiberius 36). Четвертымъ источникомъ является рефератъ въ legatio ad Cajum (Филонъ посл. къ Каю § 24. M. II. 569) объ отмѣнѣ эдикта Тиверіемъ, послѣ смерти Сеяна, и повелѣніи императора: успокоить въ городахъ іудеевъ, заявивъ имъ, что преслѣдованіе относится не ко всѣмъ, лишь къ немногимъ виновнымъ, и что обряды не подлежатъ измѣненію.

[1]) Древности Іосифа Флавія XVII. 2, 2.
[2]) Т. же XVIII. 2, 2.
[3]) Baba batra 38.

хотѣли попасть въ Іерусалимъ чрезъ Самарію[1]). Оба князя, Антипа и Филиппъ, не отличались ничѣмъ, кромѣ страсти къ постройкамъ и преданности римлянамъ. Антипа сначала сдѣлалъ столицей своей тетрархіи Сепфорисъ, а затѣмъ, когда Тиверій сталъ императоромъ, онъ, несмотря на то, что получалъ дохода только 200 талантовъ[2]), построилъ новый городъ въ прелестной долинѣ у Геннисаретскаго озера, назвалъ его *Тиверіадой* и сдѣлалъ его своей резиденціей (24—26). Благочестивые евреи однако боялись жить въ этомъ городѣ, потому что тамъ находили человѣческія кости, оставшіяся въ землѣ, вѣроятно, послѣ какого то сраженія; вслѣдствіе этого обстоятельства жители должны были отказаться отъ посѣщенія храма и отъ другихъ дѣйствій, требовавшихъ левитской чистоты, если не хотѣли подвергаться семидневнымъ очищеніямъ. Поэтому Антипа долженъ былъ всякими обѣщаніями и даже принужденіемъ доставать жителей для Тиверіады[3]), и все же въ теченіе цѣлаго вѣка набожные избѣгали ея. Городъ *Бетъ-Рамта* (Bet Haram), находившійся въ одинаковомъ положеніи съ Іерихономъ и подобно ему замѣчательный своимъ бальзамомъ[4]), Антипа въ честь супруги Августа назвалъ *Ливіей*[5]). Филиппъ, который получалъ только 100 талантовъ дохода[6]), точно также построилъ два города: одинъ въ прелестной мѣстности у источниковъ Іордана онъ назвалъ *Кесаріей*, которая въ отличіе отъ одноименнаго города на морскомъ берегу получила имя *Кесаріи Филиппійской*; другой городъ къ сѣверо-востоку отъ Геннисаретскаго озера, который раньше назывался *Бетъ-Саидой* (Зайданъ), Филиппъ назвалъ *Юліей*[7]) въ честь дочери Августа. Семейство Цезаря имѣло въ римѣ не больше памятниковъ, чѣмъ въ Іудеѣ. Филиппъ отличался кроткимъ характеромъ, былъ свободенъ отъ сильныхъ страстей и спокойно управлялъ своимъ княжествомъ тридцать семь лѣтъ (4 передъ Х. эр.—34 послѣ Х. эр.). Антипа же имѣлъ кое что отъ отцовской склонности къ распутству и жестокости.

Преемникъ Грата, *Понтій Пилатъ*, получившій, благодаря случившемуся во время его 10-лѣтняго правленія (26-36) событію, всемірно-историческую извѣстность, немедленно по своемъ вступленіи на должность показалъ, что еврейскій народъ испыталъ еще недостаточно униженій и что онъ долженъ испить чашу страданій до дна. Для характеристики Пилата достаточно сказать, что онъ занялъ свой постъ въ то время, когда ко-

[1]) Chagiga 35 a. Древности Флавія XX 6, 1.
[2]) Т. же XVIII 2, 1.
[3]) Т. же XVII. 11, 4.
[4]) Т. же XVIII 2, 3.
[5]) Т. же XVII 11, 4.
[6]) Sabbat 26 a.
[7]) Т. же 4, 6.

варный министръ Сеянъ заставилъ дрожать императора и сенатъ; Пилатъ, слѣдовательно, былъ креатурой Сеяна и имъ отправленъ въ Іудею. Пилатъ не отсталъ отъ своего покровителя. Онъ попытался сдѣлать то, чего не осмѣлился сдѣлать ни одинъ намѣстникъ до него. Онъ оскорблялъ еврейскій народъ въ самыхъ дорогихъ для него чувствахъ; онъ хотѣлъ пріучить евреевъ поклоняться императорскимъ изображеніямъ. До тѣхъ поръ начальники римскихъ войскъ настолько считались съ отвращеніемъ евреевъ къ изображеніямъ, что при своемъ вступленіи въ Іерусалимъ они обыкновенно снимали послѣднія. Иродъ и его сыновья щадили эту чувствительность; они не могли чеканить на своихъ монетахъ изображеній Августа или Тиверія, какъ бы охотно они этого не сдѣлали изъ подобострастія. Только тетрархъ Филиппъ сдѣлалъ исключеніе; на его монетахъ встрѣчаются изображенія обоихъ императоровъ, потому что въ его княжествѣ жило больше язычниковъ, чѣмъ евреевъ. Все это Пилатъ хорошо зналъ и зналъ также, что до тѣхъ поръ считались съ нелюбовью евреевъ къ изображеніямъ. Онъ же рѣшилъ оскорбить евреевъ. Сдѣлалъ ли онъ это на основаніи тайнаго порученія Сеяна оскорблять и возбуждать евреевъ, или онъ это сдѣлалъ по собственному побужденію, чтобы получить богатую взятку,—неизвѣстно. Онъ приказалъ тайно доставить изображенія въ Іерусалимъ и выставить ихъ тамъ. Это выставленіе обожествляемыхъ императорскихъ изображеній вызвало сильное волненіе сначала въ Іерусалимѣ, а, когда распространилось объ этомъ извѣстіе, то во всей странѣ. Депутаты отъ народа поспѣшили къ намѣстнику въ Кесарію просить объ удаленіи изображеній. Къ нимъ даже присоединились находившіеся въ живыхъ члены династіи Ирода. Пять дней оставались просители передъ дворцомъ намѣстника, умоляя его; на шестой день Пилатъ думалъ испугать ихъ своими легіонами и угрожалъ, что онъ ихъ всѣхъ перебьетъ, если они не перестанутъ просить. Но, въ виду стойкости евреевъ, ихъ рѣшимости жертвовать жизнью ради своихъ религіозныхъ убѣжденій и, можетъ быть, изъ опасенія отвѣтственности за то, что онъ безъ вѣдома Тиверія сдѣлалъ это, Пилатъ далъ приказъ объ удаленіи изображеній.

Во второй разъ онъ возбудилъ населеніе Іерусалима слѣдующимъ образомъ: подъ предлогомъ провести водопроводъ отъ удаленнаго въ двухъ стахъ стадіяхъ (36 километровъ) источника, онъ взялъ храмовыя сокровища (Korban) въ залогъ. Такъ какъ онъ самъ тогда находился въ Іерусалимѣ, то толпа осадила его и осыпала проклятіями. Онъ не осмѣлился пустить въ ходъ легіоны, но приказалъ солдатамъ, чтобы они, переодѣвшись въ еврейскую одежду, смѣшались съ толпой и губили протестующихъ. Много евреевъ при этомъ было ранено и убито, остальные разсѣялись.

ГЛАВА XI.

Мессіанскія ожиданія и начало христіанства.

Мессіанское напряженіе въ умахъ. Различныя представленія объ ожидаемомъ Мессіи. Царство небесное ессеевъ. Іоаннъ, его дѣятельность, заключеніе въ темницу. Іисусъ продолжаетъ дѣло Іоанна. Исторія его рожденія. Его дѣятельность, отношеніе къ іудаизму и партіямъ. Его чудесное исцѣленіе больныхъ и изгнаніе имъ демоновъ. Его тайное выступленіе въ качествѣ Мессіи. Путешествіе въ Іудею. Обвиненіе и осужденіе. Первая христіанская община и ея представители; эбіониты. Удаленіе Пилата изъ Іудеи. Намѣстникъ Сиріи, Вителій, доброжелательно настроенъ къ Іудеямъ.

(28—37).

Въ то время, какъ Іудея еще съ трепетомъ ожидала со стороны намѣстника Понтія Пилата какого-нибудь насильственнаго акта, который могъ бы повлечь за собой новое волненіе и новыя страданія, въ жизни выдвинулось явленіе, въ началѣ столь незначительное, что при своемъ возникновеніи оно было едва замѣчено; но постепенно, благодаря своеобразному выступленію и благопріятнымъ обстоятельствамъ, оно такъ мощно разрослось и пріобрѣло такую огромную силу, что предначертало міровой исторіи новые пути. Наступило время, когда основныя истины іудаизма, до того связанныя и лишь болѣе глубоко-мыслящими людьми познанныя въ истинномъ значеніи, должны были освободиться отъ оковъ и свободно выступить для того, чтобы народы земли проникались ими. Обиліе возвышенныхъ идей о Богѣ и святой жизни, какъ для отдѣльнаго лица, такъ и для государства, что составляетъ основное ядро іудаизма, должно было заполнить собой пустоту другихъ народовъ и доставить имъ богатое содержаніе. Израилю предстояло серьезно взяться за *осуществленіе своей задачи*— сдѣлаться учителемъ народовъ. Древнее ученіе о Богѣ и о нравственно-божеской жизни человѣка должно было проникнуть въ безбожный и безнравственный языческій міръ. Но для того, чтобы умы и сердца сдѣлались воспріимчивы къ этому ученію, оно должно было принять новыя имена и новыя формы, ибо іудаизмъ въ его рѣзко опредѣлившейся сущности со старымъ именемъ былъ вообще непопуляренъ среди язычниковъ. И вотъ этому-то новому явленію, всплывшему во время намѣстничества Пилата, суждено было вызвать болѣе живыя и сердечныя симпатіи языческаго міра къ ученію іудаизма. Воспринявъ, однако, чужіе элементы и удалившись отъ своего источника, оно скоро стало въ рѣзкое противорѣчіе къ послѣднему. Эти роды іудейской религіи не могли доставить ей материнскихъ радостей, ибо дочь скоро непривѣтливо отвернулась отъ своей родительницы и пошла по пути, которымъ та не могла слѣдовать. Если іудаизмъ не хотѣлъ отказаться отъ своего специфическаго характера

и измѣнить своимъ старымъ убѣжденіямъ, онъ долженъ былъ стать въ рѣзкое противорѣчіе къ собственному своему дѣтищу. Поэтому легкіе безболѣзненные роды сохраненнаго для великихъ дѣлъ младенца принесли іудаизму впослѣдствіи обильныя страданія и бѣдствія, отъ которыхъ онъ продолжительное время почти-что чахъ. Это новое явленіе, это старое ученіе въ новомъ одѣяніи, или, вѣрнѣе, разбавленное чужими элементами ученіе ессеевъ есть *христіанство*, возникновеніе и первые шаги котораго лежатъ въ предѣлахъ этой эпохи еврейской исторіи.

Христіанство обязано своимъ возникновеніемъ тому подавляющему мрачному настроенію, которое овладѣло высшими слоями іудейской націи и съ каждымъ днемъ становилось все болѣе могучимъ по мѣрѣ того, какъ политическое положеніе со всѣми своими послѣдствіями дѣлалось для тогдашняго поколѣнія все болѣе гнетущимъ и нестерпимымъ. Накопившіяся, каждый день возобновлявшіяся страданія, вызванныя безпощадностью римскаго владычества, безстыдствомъ іродіанскихъ князей, трусостью и пресмыкательствомъ іудейской аристократіи, самоуничиженіемъ первосвященническихъ семействъ и враждой партій, въ такой степени усилили томленіе по обѣщанномъ въ пророческихъ возвѣщеніяхъ спасителѣ, по *Мессіи*, что каждому болѣе одаренному человѣку легко могло удаться найти мессіянски-вѣрующихъ приверженцевъ, если только онъ своимъ внѣшнимъ видомъ или нравственно-религіознымъ образомъ жизни способенъ былъ привлечь на свою сторону. Ибо болѣе глубокіе умы и безъ того привыкли разсматривать все политическое состояніе послѣ вавилонскаго изгнанія, какъ нѣчто преходящее, подготовительное, пока не появится истинный пророкъ, вернется Илія, чтобы примирить сердца отцовъ и дѣтей и возстановить колѣна Израиля [1]). Когда народъ торжественно избралъ себѣ княземъ хасмонея Симона (стр. 45), онъ опредѣлилъ господство послѣдняго и его потомковъ лишь на время, до появленія вѣрнаго пророка, который передастъ царское достоинство тому, кому оно принадлежитъ, а принадлежитъ оно по праву, согласно изреченію пророковъ, роду *Помазанника* (Maschiach) Давида. Когда въ римской имперіи произошло огромное потрясеніе, когда три своевольныхъ властелина, Октавій, Антоній и Лепидъ, съ виду наказывая убійцъ Цезаря, въ сущности же хотѣли ввести въ Римѣ новый государственный строй и каждый себя провозгласить самодержцемъ, когда кровопролитныя войны заставили три части свѣта биться въ конвульсіяхъ, одинъ іудейскій поэтъ-мечтатель въ Египтѣ ожидалъ совсѣмъ иного переворота, гибели всего языческаго міра и наступленія *„царства Божія“*. Въ этомъ царствѣ будетъ управлять священный царь, *Мессія*.

[1]) Malachi **3**, 23—24; тракт. Adojot конецъ; Мато. **11**, 14; **17**, 10.

„Если нѣкогда Римъ будетъ властвовать надъ Египтомъ, то появится среди людей величайшее царство безсмертнаго Царя.

И прійдетъ святой царь, который будетъ господствовать надъ всѣми странами земли во всѣ времена“.

Эта съ такой опредѣленностью ожидаемая мессіянская эпоха должна была установить совсѣмъ новый строй, создать нѣкоторымъ образомъ „новое небо и новую землю“. Съ появленіемъ Иліи, который долженъ былъ быть предтечей Мессіи, наступитъ воскресеніе мертвыхъ и будетъ созданъ будущій міръ. Гномическій поэтъ Сирахъ воспѣвалъ Ѳесвитянина*): „Счастливы тѣ, кто видѣли тебя и почили; ибо и мы будемъ жить (вѣчной) жизнью“ [1]).

Такимъ образомъ напряженная мессіянская вѣра владѣла умами среднихъ слоевъ націи, за исключеніемъ аристократовъ и сторонниковъ римлянъ, которые были довольны существующимъ положеніемъ вещей и отъ его измѣненія могли скорѣе ждать несчастья, чѣмъ блага. Поэтому въ теченіе короткаго тридцати-лѣтняго періода и выступилъ цѣлый рядъ энтузіастовъ, которые хотѣли — не съ намѣреніемъ обмануть, а слѣдуя лишь внутреннему побужденію — освободить націю отъ гнета страданій, выдавали себя за Мессію и находили вѣрующихъ, оставшихся имъ преданными до самой смерти. Найти мессіянски-вѣрующихъ приверженцевъ было очень легко, но тѣмъ труднѣе было сдѣлаться и остаться избранникомъ цѣлой націи. Сознаніе, благодаря многочисленнымъ преніямъ и углубленію въ священныя книги, было слишкомъ пробуждено, народъ былъ слишкомъ раздробленъ на партіи, изъ которыхъ каждая ставила иныя требованія будущему спасителю, чтобы одна личность, выступающая подъ знаменемъ Мессіи, могла удовлетворить всю націю. *Республиканскіе зелоты*, ученики Іуды Галилеянина, ожидали, что Мессія дуновеніемъ однимъ побѣдитъ враговъ Израиля, положитъ конецъ римской имперіи и возстановитъ золотую эпоху царствованія Давида. *Шамаиты* хотѣли бы прибавить къ этому еще крайне педантичную религіозность и глубочайшую нравственную чистоту. *Гилелиты*, меньшіе политики и меньшіе фанатики, представляли себѣ Мессію княземъ-миротворцемъ, который устранитъ

*) אליהו התשבי. *Ред.*

[1]) Мнѣніе Штрауса о томъ, что мессіянство Іисуса разработано въ Евангеліяхъ по теоріи, существовавшей у евреевъ далеко раньше появленія Христа, опровергается Бруно Бауэромъ въ его „Kritik der ewangel. Geschichte“ (I. стр. 391 и сл.), указывающимъ на то, что мессіянская идея развилась послѣ, а именно вслѣдствіе возникновенія христіанства. Гольцманъ подтверждаетъ это мнѣніе цѣлымъ рядомъ доводовъ. Шюреръ пытается проводить противоположный взглядъ, но соображенія его не совсѣмъ убѣдительны. До-христіанская эпоха появленія Psalterium Salomonis и Henoch, въ которыхъ имѣются указанія на мессіянство, далеко не установлена. Philo говоритъ объ избавленіи Израиля, но не о Мессіи.

внутренніе и внѣшніе раздоры. Но всѣ они сходились въ томъ, что Мессія долженъ происходить изъ рода Давида; съ теченіемъ времени выраженіе „сынъ Давида“ (ben-David) сдѣлалось даже равнозначущимъ Мессіи. Осуществленіе мессіанскаго идеала должно было также — такъ вѣрили тогда всюду — проявиться въ томъ, что разсѣянныя по всѣмъ концамъ земли колѣна Израиля вернутся домой, щедро осыпанныя дарами народовъ, какъ искупленіе за причиненныя имъ долгія страданія. Даже просвѣщенные люди, которыхъ уже коснулся греческій духъ и главнымъ представителемъ конхъ можетъ служить іудейскій приверженецъ платонизма Филонъ, наполняли чудесами время грядущаго великолѣпія. Нѣчто сверхчеловѣческое, видимое только благочестивымъ, вернетъ изгнанныхъ и раскаявшихся потомковъ Израиля изъ греческихъ и варварскихъ странъ домой[1]). Мессіанское время застанетъ, по мнѣнію просвѣщенныхъ людей, еврейскую націю внутренне подготовленной, живущей святой, старо-патріархальной жизнью съ возвышеннымъ сознаніемъ, которое не допуститъ впасть снова въ старую грѣховность, и пользующейся Божьей милостью. Тогда изъ вѣчнаго источника снова польются милости былого счастья, возстанутъ опустошенные города, пустыня превратится въ плодородную страну, и молитва живыхъ будетъ обладать силой воскресить усопшихъ. [2])

Наиболѣе идеально рисовали себѣ Мессію и блаженную мессіанскую эпоху ессеи, вся аскетическая жизнь конхъ была направлена къ тому, чтобы приблизить небесное царство (Malchuť Schamajim) и грядущую эпоху (Olam ha-Ba). Мессія, желавшій пріобрѣсти симпатіи ессеевъ, долженъ былъ вести безгрѣшный образъ жизни, отречься отъ міра и его суетности, показать, что онъ преисполненъ Святого Духа (Ruach ha-Kodesch), имѣть власть надъ демонами и установить такой порядокъ общинной собственности, при которомъ Мамона*) не имѣла бы никакого значенія, бѣдность же и нищета были бы украшеніемъ людей.

Ессеи въ то время первые и провозгласили, что Мессія долженъ скоро появиться, что „небесное царство близко“. Но тотъ, кто возвысилъ свой слабый голосъ сначала въ пустынѣ, и не помышлялъ о томъ, что этотъ голосъ прогремитъ въ отдаленнѣйшихъ странахъ, и народы земли соберутся подъ знамя Мессіи. Онъ возвѣщалъ небесное царство только для того, чтобы призвать грѣшниковъ еврейскаго народа къ раскаянію и исправленію. Онъ, вѣроятно, вѣрилъ, что если Израиль совершитъ этотъ первый шагъ, Богъ пошлетъ сына Давида — хотя и не пришедшаго, но, вѣдь, существующаго — для того, чтобы принести народу мессіанское

[1]) Филонъ, de execrationibus 8-9 ed. Mangey т. II, стр. 435.

[2]) Филонъ, т. же.

*) Богатство. *Ред.*

счастье и пробудить мертвыхъ. Ессей, провозгласившій этотъ призывъ, былъ *Іоаннъ Креститель**) (никто иной, конечно, какъ ессей, т. е. ежедневно очищавшій въ водѣ тѣло и душу). До насъ дошли лишь немногія свѣдѣнія о Іоаннѣ [1]). Исторія его юности, свѣдѣнія о томъ, будто онъ былъ сыномъ стараго священника Захаріи и его уже пожилой жены *Елисаветы*, **) что онъ происходилъ изъ священническаго рода Авіева ***), и всѣ чудеса, какъ предшествовавшія его рожденію, такъ и послѣдовавшія за нимъ,—все это является измышленіемъ позднѣйшаго времени; единственно достовѣрно въ этомъ изложеніи, что Іоаннъ велъ назирейскій образъ жизни, т. е. принадлежалъ къ ессеямъ. Онъ жилъ, дѣйствительно, совсѣмъ на ессейскій ладъ. Питался онъ саранчей и дикимъ медомъ и носилъ одежду древнихъ пророковъ — платье изъ верблюжьей шерсти и кожаный поясъ. Іоанна, очевидно, воодушевляло убѣжденіе, что, только когда весь іудейскій народъ совершитъ, покаявшись въ своихъ грѣхахъ, омовеніе въ Іорданѣ, т. е. приметъ ессейскій образъ жизни, обѣщанная мессіанская эпоха не замедлитъ наступить. Поэтому онъ приглашалъ народъ совершить въ Іорданѣ крещеніе, освободиться отъ грѣховъ, покаявшись въ нихъ, и быть готовымъ къ скорому приближенію небеснаго царства.

Возможно, что Іоаннъ вмѣстѣ съ другими ессеями постоянно находился въ пустынѣ, вблизи Мертваго моря, для того, чтобы имѣть возможность во всякое время поучать желающихъ въ глубокомъ нравственномъ значеніи крещенія водой. Съ этимъ, несомнѣнно, былъ связанъ пріемъ въ орденъ ессеевъ, быть можетъ, съ освобожденіемъ отъ суровыхъ правилъ воздержанія отъ всего нечистаго и безъ участія въ общинномъ владѣніи. Къ Іоанну стекалось не мало глубокихъ и мечтательныхъ натуръ, возмущенныхъ гнусностями настоящаго. Кому бы не хотѣлось способствовать великому дѣлу избавленія и приближенія Царства Божія, если этого можно было достигнуть, не выходя изъ общепринятаго и привычнаго! Вернулась ли масса съ крещенія въ Іорданѣ исправившейся, и оставилъ ли этотъ символическій актъ глубокое нравственное впечатлѣніе? У насъ, правда, нѣтъ свѣдѣній по этому вопросу, но отвѣтъ на него легко найти въ тогдашнихъ условіяхъ. Еврейскій народъ, именно его средній классъ, классъ горожанъ, вообще не нуждался въ такой встряскѣ для своего внутренняго исправленія; онъ вовсе не былъ такимъ порочнымъ, вырождающимся, и тѣхъ средствъ, которыя ему доставляла установившаяся форма его религіи, было достаточно для того, чтобы сохранить его на пути добра. Никогда еще готовность массъ къ жертвамъ не была такъ велика, какъ тогда, а это предполагаетъ живое чувство и твердыя убѣжденія. Если

[1]) Матѳей 3, 4; 11, 18.

*) יוחנן המטבל. **) אלישבע. ***) אביה. *Ред.*

страстность и доводила того или другого до проступковъ или преступленій, то, вѣдь, это все человѣческія слабости. Призывъ Іоанна къ раскаянью могъ бы благотворно повліять лишь на верхи и на низы, на испорченныхъ римлянами іудейскихъ аристократовъ и богачей и на одичавшее отъ многообразной борьбы сельское населеніе. Но великіе міра сего, вѣроятно, осмѣяли добродушнаго фантазера, думавшаго крещеніемъ въ Іорданѣ вызвать чудо мессіянскаго времени; а сыны земли (Am-ha-Arez) были слишкомъ тупоумны, чтобы послѣдовать призыву къ исправленію.

Призывъ Іоанна былъ слишкомъ безобиденъ и выходилъ слишкомъ мало изъ круга обычныхъ представленій, чтобы возбудить противъ себя господствующую партію фарисеевъ. Ученики, которые тѣсно примкнули къ нему и слѣдовали образу жизни ихъ учителя, соблюдали законы во всей ихъ строгости и даже подчинялись внѣшнимъ предписаніямъ поста [1]). Если фарисеи, т. е. въ то время гилелиты и шаматы, и не очень-то увлекались ессейскими фантазіями и преувеличеніями, то они все же не находились во враждѣ съ крестителями. Такъ что врядъ ли Іоаннъ задѣлъ носителей религіи, называя ихъ „змѣинымъ отродьемъ, которому грозитъ гнѣвъ Страшнаго Суда“ [2]). Съ этой стороны Іоаннъ не встрѣчалъ препятствій для своей дѣятельности; но продіане недовѣрчиво относились къ человѣку, который привлекалъ такія большія массы народа и могъ ихъ повести на всякое дѣло посредствомъ лозунговъ, глубоко проникавшихъ въ сердца. Иродъ Антипа, въ области котораго пребывалъ Іоаннъ, послалъ своихъ тѣлохранителей, чтобы схватить его и заключить въ темницу [3]). Пробылъ ли онъ тамъ долго и дожилъ ли, какъ впослѣдствіи разсказывали, еще до того времени, когда одинъ изъ его учениковъ былъ принятъ за Мессію,—все это очень сомнительно въ виду ненадежности источниковъ. Несомнѣнно, однако, что Антипа приказалъ его обезглавить. Преданіе, имѣющее цѣлью разукрасить смерть Крестителя и сдѣлать ее еще болѣе трагической и интересной, добавляетъ, что Антипа подвергъ его смерти противъ своей воли, но слабости уступая лишь своей супругѣ Иродіадѣ, которая ненавидѣла суроваго обличителя ея беззаконнаго брака съ шуриномъ. Иродіада уговорила свою дочь въ день рожденія отца, когда тотъ захочетъ исполнить ея желаніе, выпросить у него голову Іоанна; дѣвушка потомъ подала матери на блюдѣ окровавленную голову Крестителя. Все это легенда.

Послѣ заключенія въ темницу Іоанна нѣкоторые изъ учениковъ продолжали его дѣло [4]); но никто изъ нихъ не имѣлъ такого огромнаго успѣха, какъ Іисусъ изъ Галилеи. Ученикъ скоро превзошелъ учителя и

[1]) Матѳей **9**, 14; **11**, 18.
[2]) Т. же **3**, 7—12.
[3]) Т. же **4**, 12.
[4]) Т. **9**, 14; **11**, 2; **14**, 12.

далъ первый толчокъ движенію, которое придало иной обликъ всей міровой исторіи и тысячью сцѣпленій вызвало глубочайшія измѣненія въ мысляхъ и нравахъ, искусствѣ и наукѣ, въ отношеніяхъ какъ между отдѣльными людьми, такъ и въ широкихъ государственныхъ кругахъ. Никогда еще простой смертный не пользовался такимъ восторженнымъ, божескимъ почитаніемъ въ теченіи тысячелѣтій. Онъ затмилъ своимъ блескомъ завоевателей и основателей великихъ государствъ; болѣе того, эти завоеватели и основатели, герои и геніи смиренно склонили предъ нимъ свою голову. Двумъ галилеянамъ, Іудѣ и Іешуѣ, предстояло направить по новому пути два способныхъ къ развитію ученія, одному — фарисейство, другому — ессейство.

Іешуа*) (Ieschua, Ieschu, Іисусъ, род. около 4 до Х. эр.) изъ Назарета **[1]), городка въ нижней Галилеѣ южнѣе Сепфориса, былъ первенцемъ совершенно неизвѣстнаго плотника Іосифа отъ его жены, Маріями ***) или Маріи, которая, кромѣ Іешуи, родила еще четырехъ сыновей, Якова, Іосія, Симона, Іуду, и нѣсколько дочерей [2]). Происходили ли Іосифъ, отецъ Іешуи, или его мать изъ рода Давида, исторически совсѣмъ не доказано; хотя его еврейскіе приверженцы впослѣдствіи и дали себѣ трудъ установить его родословную, доведя ее до Давида, но ихъ свѣдѣнія о происхожденіи Іешуи и Іосифа, лишенныя надежной основы, очень противорѣчивы. Они даже потрудились установить мѣстомъ рожденія Іешуи городъ Виѳлеемъ колѣна Іудина, мѣстожительство фамиліи Давида; но все напрасно, ибо и это противорѣчитъ другимъ свѣдѣніямъ. Объ отрочествѣ Іешуи намъ ровно ничего неизвѣстно; только сомнительный источникъ утверждаетъ, будто уже въ возрастѣ 12 лѣтъ онъ, при посѣщеніи его родителями храма, имѣлъ бесѣду съ учителями народа, глубокомысленность которой всѣхъ поразила.

О степени его познаній можно нѣкоторымъ образомъ судить лишь по общему состоянію образованія въ его родинѣ Галилеѣ. Галилеяне, находившіеся вдали отъ столицы и храма, частому посѣщенію которыхъ имъ мѣшала промежуточная область Самарія, стояли далеко позади жителей Іуден [3]) въ отношеніи знаній и освѣдомленности въ законахъ. Живой обмѣнъ религіозныхъ мыслей и споры о законахъ, сдѣлавшіе ихъ общимъ достояніемъ посѣтителей храма, въ Галилеѣ совершенно отсутствовали. Страна, которой предстояло позже обладать великими школами Уши, Сепфориса и Тиверіады и способствовать послѣднему расцвѣту палестинскаго законодательства, была до разрушенія храма бѣдна учебными учрежденіями. Но за-

[1]) Мато. **2**, 23; **21**, 11; Лука **2**, 39; Іоаннъ **1**, 46.
[2]) Мато. **13**, 55; Маркъ **6**, 3; Лука **4**, 22; Іоаннъ **6**, 42.
[3]) Nedarim 18 b.
*) ישוע **) נצרת ***) מרים *Ред.*

то галилеяне строго и упорно соблюдали свои нравы и обычаи; никакими мудрствованіями нельзя было побудить ихъ отказаться отъ самой малости. Галилеяне не позволяли себѣ даже того, что считалось разрѣшеннымъ въ Іудеѣ. Строгость Галилейскихъ нравовъ не разрѣшала помолвленнымъ дружескихъ свиданій и иныхъ вольностей, которыя въ Іудеѣ можно было безпрепятственно совершать [1]). Здѣсь разрѣшалось работать до обѣда кануна праздника Пасхи; галилеяне же праздновали уже съ утра [2]). О нихъ ходила худая молва, что они вспыльчивы и упрямы [3]). Отъ сосѣднихъ язычниковъ-сирійцевъ они переняли всяческія суевѣрія. Въ Галилеѣ было множество бѣсноватыхъ, мучимыхъ злыми духами, именно потому, что галилейская ограниченность всякую болѣзнь приписывала вліянію демона. Вслѣдствіе сосѣдства съ Сиріей галилейскій діалектъ былъ испорченъ и сильно перемѣшанъ арамейскими элементами. Галилеяне не могли чисто говорить по-еврейски и такъ непонятно выговаривали гортанные звуки, что часто вызывали насмѣшки жителей Іудеи, которые придавали большое значеніе правильному произношенію. Галилеянина узнавали по первому же слову и потому неохотно допускали къ совершенію богослуженія, ибо его дикое произношеніе возбуждало смѣхъ [4]). Мѣсто рожденія Іешуи, Назаретъ, не представляло ничего особеннаго; это былъ маленькій городокъ въ горахъ, нисколько не плодороднѣе другихъ частей Галилеи и не выдерживавшій никакого сравненія съ богатымъ источниками Сихемомъ. Вблизи находится холмикъ, откуда можно видѣть близлежащія горныя вершины, но ни въ коемъ случаѣ не море или Іорданъ.

По своему галилейскому происхожденію, Іешуа не могъ стоять на той высотѣ знанія законовъ, какая была обычна въ Іудеѣ, благодаря школамъ Шамая и Гилела. Обладая незначительными познаніями и владѣя варварскимъ полуарамейскимъ языкомъ своей родины, онъ могъ дѣйствовать только въ Галилеѣ. Однако то, что ему не доставало въ познаніяхъ, восполняло его чувство. Онъ отличался глубоко-нравственной серьезностью и святостью въ жизни. Это видно какъ изъ всѣхъ его изреченій, которыя можно считать достовѣрными, такъ и изъ изуродованныхъ ученій, вложенныхъ въ его уста приверженцами. Его смиреніе и кротость напоминаютъ Гилела, который вообще служилъ ему, очевидно, образцомъ и чье золотое слово (стр. 155): „Не дѣлай другому того, что ты не хочешь, чтобы дѣлали тебѣ“, онъ положилъ въ основу своихъ ученій. [5]) Подобно Гилелу, Іешуа

[1]) Ketubot 12a; Tosefta Ketubot c. I. [2]) Pesachim III, 4. [3]) Nedarim 48a.

[4]) Матѳ. **26**, 73; Маркъ **14**, 70; Erubin 53; Megilla. 24 b.

[5]) О любви къ ближнему, признанной въ Евангеліяхъ (Мат. **7**, 12, **22**, 39 *) и апостольскихъ посланіяхъ (къ Галат. **5**, 14 **) краеугольнымъ камнемъ ученія Христа, пропо-

*) Лука **6**, 31; Маркъ **12**, 31; Іоаннъ **13**, 34, **15**, 12. *Ред.*

) Къ Рим. **13, 9; къ Ефес. **5**, 2; къ Ѳесс. **4**, 9. *Ред.*

считалъ величайшей добродѣтелью миролюбіе и незлобивость. У него, несомнѣнно, никогда не сорвалось проклятіе противъ его враговъ, и усердствующіе почитатели поступили несправедливо, влагая въ его уста проклятія и даже приписывая ему жестокія слова по адресу его матери. Онъ достигъ, очевидно, идеала, установленнаго іудаизмомъ, даже фарисейскимъ: „причисляй себя къ угнетеннымъ, а не къ угнетателямъ, выслушивай издѣвательства и не отвѣчай, дѣлай все изъ любви къ Богу и радуйся страданіямъ“ [1]). Іешуа, повидимому, обладалъ симпатичной наружностью, привлекавшей всѣ сердца, вслѣдствіе чего его слово производило очень глубокое впечатлѣніе.

Весь душевный складъ Іешуи, ненавидѣвшаго насиліе, свѣтскія стремленія и партійную вражду, долженъ былъ увлечь его къ ессеямъ, которые вели созерцательный образъ жизни и были чужды міру и его тщеславію. Поэтому, когда Іоаннъ призвалъ къ крещенію въ Іорданѣ, раскаянью и ускоренію Царства Божія, Іешуа направился къ нему и былъ имъ крещенъ. Преданіе гласитъ: при этомъ актѣ отверзлось небо, и Святой Духъ въ образѣ голубя снизошелъ на Іешуу и открылъ ему его призваніе [2]). Хотя и невозможно доказать, что Іешуа формально былъ принятъ въ ессейскій орденъ, но многое изъ его жизни можетъ быть объяснено только при допущеніи, что онъ воспринялъ ессейскіе принципы. Подобно ессеямъ, Іешуа высоко ставилъ добровольную бѣдность и презиралъ богатство, Мамону. Ему приписываются изреченія, которыя кажутся достовѣрными: „Блаженны неимущіе, ибо ихъ Царство Божье“ [3]).—„Легче верблюду пройти черезъ игольное ушко, чѣмъ богатому попасть на небо“ [4]).—„Нельзя служить двумъ господамъ, Богу и Мамонѣ“ [5]).—„Не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ; но собирайте себѣ сокровища въ небѣ“ *). Восторженно преувеличивая презрѣніе къ земному, Іешуа предостерегалъ своихъ учениковъ: „Не заботьтесь, что ѣсть, что пить, во что одѣться. Птицы небесныя не сѣютъ и не жнутъ, лиліи полевыя не прядутъ. Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ, ищите же Царства Божія“ [6]). Іешуа раздѣлялъ съ ессеями отвращеніе къ браку: „Не хорошо вступать въ бракъ“. Онъ хвалилъ тѣхъ, кто ради неба сами себя оскопляютъ [7]). Общность имущества, бывшая отличительной чертой ессеевъ, тоже, очевидно, не только признавалась Іешуей, но даже рекомендовалась.

вѣдывалъ раньше Гилель, провозгласивъ правило: что тебѣ непріятно, другому не причиняй כּוֹח דְּעָלָךְ סְנֵי לְחַבְרָךְ לָא תַּעֲבֵד. Это правило называется въ Талмудѣ іерусалимскомъ (Nedarim 7, 4) „главнымъ“ כְּלַל גָּדוֹל.

[1]) Sabbat 88 b; Ioma 23 a; Gittin 36 b.

[2]) Матѳ. **3**, 13, и слѣд.

[3]) Лука **6**, 20.

[4]) Матѳ. **19**, 23-24.

*) Т. же **6**, 19-20. *Ред.*

[5]) Т. же **6**, 24.

[6]) Т. же **6**, 25 и слѣд.

[7]) Матѳ. **19**, 10—12 **).

) Пос. къ Кор. **7, 7, 8. *Ред.*

Ибо его непосредственные ученики имѣли общую кассу и жили въ общинномъ владѣніи [1]). Далѣе, онъ точно такъ, какъ ессеи, внушалъ отвращеніе ко всякой присягѣ. „Не клянитесь вообще, училъ Іешуа, ни небомъ, ни землей, ни вашей головой; но ваше да пусть будетъ да, и ваше нѣтъ пусть будетъ нѣтъ“ [2]). Врядъ ли слѣдуетъ еще отмѣтить, что чудесныя исцѣленія, приписываемыя Іешуѣ, а именно изгнаніе демоновъ изъ бѣсноватыхъ заговорами были обычны въ ессейскихъ кругахъ. Его приверженцамъ не казалось особеннымъ чудомъ, что онъ могъ заклинать бѣсовъ; отмѣчается только, что онъ дѣлалъ все, что другіе дѣлали; слѣдовательно, не отставалъ отъ ессейскихъ заклинателей. Изъ того обстоятельства также, что люди, близкіе къ Іешуѣ, почитали ессейство, позволительно сдѣлать заключеніе относительно его самого. Дѣло въ томъ, что о его братѣ или родственникѣ Яковѣ разсказываютъ: онъ велъ назирейскій образъ жизни, не пилъ вина, не ѣлъ мяса животныхъ, не стригъ волосъ, не употреблялъ маселъ и носилъ всегда льняную одежду. Но, очевидно, Іешуа воспринялъ лишь существенныя черты ессейства: склонность къ бѣдности, презрѣніе къ богатству и собственности, общность имущества, безбрачіе, отвращеніе къ присягѣ и леченіе бѣсноватыхъ, лунатиковъ и иныхъ страдающихъ. Отъ несущественныхъ же пунктовъ, какъ-то: строгой левитской чистоты, частыхъ омовеній, ношенія платка и т. п., онъ, повидимому, отказался. Даже крещенію онъ, очевидно, не придавалъ никакого значенія, ибо нигдѣ не разсказывается, что Іешуа совершилъ или рекомендовалъ этотъ обрядъ.

Когда продіанскій князь, Антипа, заключилъ въ темницу Іоанна, какъ опаснаго государству, Іешуа думалъ просто продолжать дѣло своего учителя. Онъ возвѣстилъ, какъ и тотъ: „Покайтесь, ибо близко Царство Божье“ [3]), быть можетъ, и не помышляя о томъ, что онъ въ этомъ Божьемъ Царствѣ, т. е. въ предстоящую мессіанскую эпоху, будетъ играть главную роль. Однако, Іешуа, очевидно, понялъ, что для того, чтобы его призывъ не остался, подобно воззванію Іоанна, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а оказалъ дѣйствіе, онъ долженъ былъ обращаться не къ еврейскому народу вообще, а къ опредѣленному народному классу. Еврейское среднее сословіе, жители малыхъ и большихъ городовъ, было большей частью благочестиво, набожно и сносной нравственности, такъ что требованіе освободиться отъ грѣховъ, покаявшись въ нихъ, не имѣло для него никакого смысла. Слова, сказанныя Іешуѣ юношей, искавшимъ вѣчной жизни: „отъ юности моей я соблюдалъ заповѣди Божьи, не убивалъ, не прелюбодѣйствовалъ, не кралъ, не давалъ ложнаго свидѣтельства, почиталъ отца и мать, любилъ ближняго, какъ самого себя“ [4])—эти слова могутъ служить общей

[1]) Дѣянія апостоловъ **2**, 44; **4**, 32; **5**, 2.
[2]) Посл. Іак. **5**, 12; Мато. **5**, 34—37
[3]) Мато. **4**, 12, 17.
[4]) Т. же **19**, 16—20.

характеристикой нравственнаго поведенія еврейскаго средняго сословія того времени. Позднѣйшія описанія испорченности еврейскаго народа и развратности фарисеевъ въ эпоху Іешуи просто выдуманы и не соотвѣтствуютъ тогдашней дѣйствительности. Ученики Шамая и Гилела, приверженцы ревнителя Іуды, ожесточенные враги продіанъ и римлянъ не были нравственно больны и во всякомъ случаѣ не нуждались во врачѣ. Они были только слишкомъ самоотверженны. Іешуа совершенно справедливо не думалъ исправлять ихъ, но точно также онъ вовсе не думалъ стать исправителемъ богатыхъ и знатныхъ, друзей римлянъ и продіанъ. Они осмѣяли бы необразованнаго учителя нравственности, если бы онъ упрекалъ ихъ въ высокомѣріи, продажности и безпринципности. Іешуа совершенно правильно рѣшилъ обратиться къ тѣмъ, кого отталкивало и чуть ли не клеймило еврейское общество. Въ еврейской странѣ были люди, которые не имѣли понятія о спасительныхъ истинахъ іудаизма, о законахъ, о древней блестящей исторіи и о будущемъ его. Это были нарушители закона (Abrianim) или, какъ ихъ тогда называли, грѣшники, которые, будучи исключены изъ общины изъ-за религіозныхъ проступковъ, не находили или не хотѣли найти дороги къ возвращенію. Это были откупщики и мытари, которые, служа римскимъ интересамъ, были отвергнуты патріотами, не обращали вниманія на законъ и вели совершенно дикій образъ жизни, не заботясь ни о прошломъ, ни о будущемъ. Это были невѣжественные люди, грубые ремесленники и рабы (Am ha-Arez), которые рѣдко находили случай побывать въ столицѣ Іуден, полюбоваться возвышающей красотой храма или поучиться іудаизму; если они о немъ и слышали, то не понимали его. Для нихъ не пылалъ Синай, не говорили пророки; учители закона, занятые болѣе выработкой ученія, чѣмъ поученіемъ, дѣлали для нихъ непонятными законъ и пророковъ и не знакомили ихъ съ міровоззрѣніемъ послѣднихъ.

Къ этимъ классамъ хотѣлъ обратиться Іешуа, чтобы вырвать ихъ изъ ихъ невѣжества, изъ грязи ихъ грѣховъ, изъ ихъ удаленія отъ Бога и его закона. Онъ чувствовалъ въ себѣ призваніе „спасти погибшихъ овецъ дома Израилева“. „Не здоровые, т. е. знающіе законъ, имѣютъ нужду во врачѣ“—такъ говорилъ онъ откровенно—„а больные, чтобы никто даже изъ самыхъ малыхъ не пропалъ“ [1]); это, разумѣется, благородное и высокое призваніе! Ограничивая свою дѣятельность опредѣленнымъ кругомъ, Іешуа могъ скорѣе разсчитывать на успѣхъ, чѣмъ Іоаннъ, который проповѣдывалъ въ пустынѣ. Еще въ другомъ отношеніи отличалась дѣятельность Іешуи отъ дѣятельности Іоанна. Въ то время, какъ послѣдній призывалъ къ себѣ народъ и предоставлялъ каждому послѣдовать зову или

[1]) Матѳей **9**, 12; **10**, 6; **15**, 24; **18**, 11—14; **21**, 31.

нѣтъ, Іешуа ходилъ въ народъ, чтобы привлечь къ себѣ нуждающихся въ исправленіи и словомъ и примѣромъ сдѣлать ихъ воспріимчивыми къ пониманію тѣхъ истинъ, которыя онъ проповѣдывалъ.

Воодушевленный высокой задачей пробудить къ раскаянію и приготовить къ близкому пришествію Мессіи грубый, невѣжественный, не имѣвшій понятія ни о законѣ, ни о Богѣ народъ, грѣшниковъ, мытарей и блудницъ, привлекая ихъ полуессейскимъ образомъ жизни, Іешуа выступилъ впервые со своею проповѣдью въ родномъ городѣ Назаретѣ [1]). Но здѣсь, гдѣ его знали съ дѣтскихъ лѣтъ и гдѣ, вѣроятно, считали сына плотника равнымъ себѣ по набожности и ниже себя по образованію, онъ встрѣтилъ лишь насмѣшливое презрѣніе. Когда онъ въ синагогѣ въ субботу заговорилъ о раскаяніи, то слушатели стали спрашивать: „не сынъ ли онъ плотника Іосифа? Его мать и сестры не между нами ли онѣ?“ Ему кричали слова: „врачъ, исцѣли Самого Себя“ и не слушали его. Согласно одному недостовѣрному извѣстію, жители Назарета даже выгнали его изъ города и даже угрожали сбросить его въ пропасть съ вершины горы, на которой построенъ городъ [2]). Это позорное обращеніе въ родномъ городѣ дало ему поводъ изречь: „Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ“ [3]). Онъ оставилъ Назаретъ, чтобы болѣе туда не возвращаться.

Лучшій и болѣе блестящій результатъ имѣла дѣятельность Іешуи въ городѣ, расположенномъ на сѣверо-западномъ берегу Тиверіадскаго озера, *Капернаумъ* (Kefar Nachum). Жители этого города, расположеннаго въ райской мѣстности, отличавшейся поразительнымъ плодородіемъ, настолько же отличались отъ жителей Назарета, насколько мягкій прибрежный климатъ отъ суроваго горнаго. Лучшая пшеница въ Галилеѣ росла у Капернаума и у близъ лежавшаго *Хоразина*. Вѣроятно въ Капернаумѣ было больше изнѣженныхъ, погрязшихъ въ порокахъ людей и большая противоположность между богатствомъ и бѣдностью. Этотъ городъ представлялъ болѣе обширное поле для дѣятельности Іешуи. Его убѣдительная, серьезная и исходившая изъ глубокаго чувства проповѣдь встрѣтила здѣсь болѣе благопріятную почву. Нашлись для него слушатели изъ низшаго класса, которые присоединились къ нему и послѣдовали за нимъ. Къ числу его первыхъ приверженцевъ изъ Капернаума принадлежали *Симонъ*, прозванный *Кефасомъ* или *Петромъ* (скалой), и его братъ *Андрей*, сыновья Іоны, оба рыбаки, первый почти нарушитель закона [4]), который то

*) Придерживаюсь въ данномъ случаѣ Евангелія отъ Луки, (**4**, 16; **4**, 31) по которому Іисусъ сперва выступилъ въ Назаретѣ, затѣмъ лишь въ Капернаумѣ. И у Матѳея говорится: „И, оставивъ Назаретъ, пришелъ и поселился въ Капернаумѣ приморскомъ“ (**4**, 13).

[1]) Лука, **4**, 29.

[2]) Матѳей **13**, 57.

[3]) Мато. **4**, **18**; Маркъ **3**, 17.

[4]) Къ Галатамъ **2**, 12-13.

и дѣло не соблюдалъ законовъ о пищѣ; далѣе два сына Зеведея, *) по имени *Яковъ и Іоаннъ*, ревностные сторонники, прозванные сынами грома (Boanerges **), Bene R'aasch [1]). Также послѣдователемъ былъ богатый мытарь, котораго источники называютъ то *Матѳеемъ*, то *Леви* [2]) и въ домѣ котораго Іешуа постоянно жилъ и вращался съ товарищами изъ самаго презрѣннаго класса. Къ его послѣдователямъ [3]) принадлежали и женщины сомнительной репутаціи, изъ которыхъ наиболѣе извѣстна *Марія Магдалина* (изъ города Магдалы—Тарихеи близъ Тиверіады), изъ которой изгналъ семь бѣсовъ, т. е., слѣдуя тогдашнему словоупотребленію, семь грѣховъ [4]). Іешуа сдѣлалъ изъ этихъ отвергнутыхъ грѣшницъ кающихся. Это было нѣчто неслыханное для того времени, что еврейскій учитель вращается въ обществѣ женщинъ, да еще такой сомнительной славы.

Іешуа сумѣлъ словомъ и примѣромъ возвысить до себя этихъ грѣшниковъ и мытарей, этихъ безнравственныхъ людей, оставленныхъ всѣми въ пренебреженіи, наполнить ихъ душу любовью къ Богу, „чтобы они стали достойными дѣтьми Небеснаго Отца“, облагородить ихъ сердца искренностью и святостью, улучшить ихъ образъ жизни надеждой „войти въ царство небесное“. Это было величайшее чудо, которое онъ сотворилъ; это были тѣ глухіе, которыхъ онъ научилъ слышать, тѣ слѣпые, которымъ онъ открылъ глаза, тѣ больные, которыхъ онъ исцѣлилъ, тѣ мертвые, которыхъ онъ воскресилъ. Просвѣтитель людей несомнѣнно выше чудотворца. Іешуа училъ своихъ учениковъ, мужчинъ и женщинъ, ессейскимъ добродѣтелямъ, самоотверженію, смиренію, презрѣнію къ богатству, уживчивости и миролюбію. Своимъ приверженцамъ онъ приказывалъ не брать съ собой ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы свои, ни двухъ одеждъ, ни обуви [5]). Онъ выставлялъ имъ въ качествѣ образца дѣтей и призывалъ ихъ стать такими же чистыми отъ грѣха, какъ тѣ, и духовно воскреснуть [6]), чтобы стать участниками грядущаго царства Мессіи. Заповѣдь любви къ ближнему и миролюбія онъ довелъ до полнаго самоотреченія. „Кто ударилъ тебя въ правую щеку, подставь лѣвую и кто захочетъ взять у тебя верхнюю одежду, отдай ему и рубаху“ [7]). Бѣдныхъ училъ онъ не заботиться ни о ѣдѣ, ни о питьѣ, ни объ одеждѣ; онъ указывалъ на птицъ небесныхъ и на полевыя лиліи, которыя растутъ и одѣваются безъ заботъ. Богатыхъ училъ онъ творить милостыню, „чтобы лѣвая рука не знала, что

*) זבדי. **) בני רגש. *Ред.*

[1]) Мато. **4**, **18**; Маркъ **3**, 17.

[2]) Мато. **9**, 9. Маркъ **2**, 14. Лука 5, 27.

[3]) Мато. **21**, 31; **27**, 55, 56.

[4]) Маркъ **16**. 9; Лука **8**, 2.

[5]) Мат. **10**, 9-10.

[6]) Мато. **18**, 3-4; **19**, 14.

[7]) Т. же **39**, 40 *).

*) Точнѣе у Луки **6**, 29. *Ред.*

дѣлаетъ правая“ [1]). Онъ далъ для молитвы формулу (Отче нашъ), которая, вѣроятно, была въ употребленіи у ессеевъ [2]).

Іешуа вовсе не касался существующаго іудаизма и не думалъ исправлять и улучшать его или вообще создавать нѣчто новое, а думалъ только учить грѣшниковъ, что и они сыны Божіи, и сдѣлать ихъ достойными царства Мессіи. Онъ настойчиво указывалъ на Единство Бога и даже въ отдаленной степени не хотѣлъ ничего измѣнять въ еврейскомъ понятіи о Богѣ или ослабить его. Когда одинъ изъ книжниковъ спросилъ его, въ чемъ сущность іудаизма, онъ отвѣтилъ: „Слушай, Израиль, Господь Богъ нашъ есть Господь Единый“ и „Люби ближняго, какъ самого себя“: вотъ главныя заповѣди іудаизма [3]). Когда кто-то обратился къ нему со словами „учитель благій“, то Іешуа рѣшительно отвергъ подобное обращеніе и замѣтилъ: „Не называй меня благимъ; никто не благъ, какъ только одинъ Богъ“ [4]). Ученики его, оставшіеся вѣрными іудаизму, передаютъ его признаніе: „Я не пришелъ нарушить законъ, но исполнить. Доколѣ не прейдетъ небо и земля, ни одна іота или ни одна черта не прейдетъ изъ закона“ [5]). Надо полагать, что онъ свято придерживался празднованія субботы, потому что его ученики, оставшіеся вѣрными іудаизму, строго соблюдали ее, чего бы они не дѣлали, если бы учитель высказался противъ. Іешуа высказывался только противъ строгаго толкованія Шамая, согласно которому нельзя было лечить въ субботу, и говорилъ, что по закону разрѣшается дѣлать въ субботу добро [6]). Іешуа ничего не имѣлъ противъ современныхъ ему жертвоприношеній и требовалъ только, какъ этому впрочемъ учили и фарисеи, чтобы примиреніе съ людьми предшествовало примиренію съ Богомъ [7]). Іешуа даже не отвергалъ совершенно поста, если только онъ совершался безъ показной и чисто внѣшней святости [8]). Онъ даже носилъ на своей одеждѣ установленныя кисти (Zizit [9]). Онъ еще стоялъ такъ глубоко на почвѣ іудаизма, что даже раздѣлялъ предубѣжденія того времени и презиралъ язычниковъ, подъ которыми тогда понимали поработителей-римлянъ и ихъ еще худшихъ помощниковъ, восточныхъ грековъ и сирійцевъ. „Не бросайте святого передъ собаками, не мечите бисера передъ свиньями, да не попрутъ его ногами и не уничтожатъ его“ [10]). Когда хананеянка, или сиро-гречанка изъ Финикіи, просила его объ исцѣленіи ея бѣсноватой дочери, онъ сурово ей отвѣтилъ: „Я посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, и нехорошо взять хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ“ [1]). Своимъ ученикамъ онъ указывалъ: „На путь къ язычникамъ не ходите и въ городъ самарянскій не входите“ [2]). Оставаясь такъ строго внутри іудаизма, Іисусъ вовсе не хотѣлъ принести новаго откровенія, создать новый союзъ, [3]) но, собственно говоря, только разсѣять сѣмена религіи и нравственности по тѣмъ сердцамъ, которыхъ до тѣхъ поръ не коснулось ученіе. Іисусъ не училъ даже чистому *безсмертію* души, т. е. жизни въ небесномъ блаженствѣ послѣ отпаденія земного покрова, а, какъ и прочіе учители іудаизма въ то время, училъ только *воскресенью тѣла* въ опредѣленный срокъ [4]). Воскресенье благочестивыхъ и праведныхъ произойдетъ на землѣ, и возникнетъ новый порядокъ вещей, будущій міръ (Olam ha-Ba). Послѣдній Іешуа, какъ и фарисеи и ессеи, представляли себѣ въ связи съ пришествіемъ Мессіи, съ наступленіемъ царства Божія. Для некающихся грѣшниковъ онъ предполагалъ существованіе геенны огненной (Gehinam) [5]) Его неоцѣнимая заслуга заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ усугубилъ предписанія іудаизма, понялъ ихъ сердцемъ и душой, настойчиво указывалъ на отношеніе евреевъ къ Богу, какъ дѣтей къ своему отцу, рѣзко выдвинулъ впередъ ученіе о братствѣ людей, сумѣлъ выставить на первый планъ законы нравственности и, наконецъ, сдѣлалъ доступнымъ это ученіе о благости и святости Бога существамъ, лишеннымъ какого бы то ни было понятія о нравственности.

Однимъ лишь ученіемъ Іешуа врядъ ли бы пріобрѣлъ такихъ преданныхъ приверженцевъ и проявилъ такую успѣшную дѣятельность, если бы онъ не сумѣлъ вызвать удивленіе и воодушевленіе чѣмъ-то необыкновеннымъ. Его внѣшность, его мечтательный видъ, его нравственное величіе, его проникновенное ученіе, которое онъ передавалъ въ короткихъ изреченіяхъ или длинныхъ притчахъ, дѣлавшихъ въ своей простой и доступной формѣ понятнымъ для массы все возвышенное,—всѣ эти обстоятельства должны были произвести сильное впечатлѣніе. Но для того, чтобы вызвать въ грубыхъ и равнодушныхъ къ идеалу массахъ продолжительное воодушевленіе и непоколебимую вѣру, чтобы почитаться ими какъ сверхъестественное существо, необходимо было какое-нибудь необыкновенное происшествіе, дѣйствующее на воображеніе массъ. Источни-

[1]) Матѳ. 6, 3.

[2]) Отголоски молитвы „Отче нашъ“ встрѣчаются и въ еврейскихъ молитвахъ, какъ это доказываютъ многіе.

[3]) Въ Маркѣ 12, 28—33 единобожіе особенно подчеркивается, чего нѣтъ однакожъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ Матѳея (22, 37) и Луки (10, 27).

[4]) Матѳ. 19, 16—17. [5]) Матѳ. 5, 17—19.

[6]) Матѳ. 12, 10—12. [7]) Т. же 5, 23, 24.

[8]) Т. же. 6, 16. [9]) Слѣдуетъ изъ Матѳ. 9, 20; 15, 36. [10]) Матѳ. 7, 6.

[1]) Матѳ. 15, 22—26; 10, 5. [2]) Т. же 10, 5.

[3]) Подлинность нагорной проповѣди (Матѳ. гл. 5—7), въ которой Іисусъ противоставитъ свое ученіе „закону“, подлежитъ большому сомнѣнію, что подтверждается разницей и неполнотой передачи этой проповѣди другими апостолами, какъ Маркъ и Лука.

[4]) Матѳ. 22, 23—32.

[5]) Т. же. 5, 22.

ки полны разсказовъ въ разныхъ видахъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ. Если даже многое въ этихъ разсказахъ нужно отнести насчетъ преувеличивающаго преданія, превозносящаго стремленія къ почитанію, главнымъ образомъ образующагося миоа, то все же зерно исторической правды есть въ этихъ разсказахъ. Чудесное исцѣленіе въ особенности бѣсноватыхъ играетъ въ дѣятельности Іисуса такую видную роль, что его преемники болѣе гордились этою силою, нежели святымъ образомъ жизни. Ученикъ Іешуи впослѣдствіи узнавался благодаря тому, что онъ умѣлъ изгонять злыхъ духовъ и исцѣлять отъ болѣзней заклинаніями во имя Іешуи [1]). Если вѣрить источникамъ, то толпа болѣе удивлялась власти Іешуи надъ демонами и сатаной, чѣмъ нравственному его величію. Находилась ли медицина у евреевъ еще въ такомъ младенческомъ состояніи, что каждый знахарь считался высшимъ существомъ, или болѣзни, которыя Іешуа лѣчилъ, были душевныя, коренящіяся въ воображеніи, и онъ могъ уничтожить ихъ, дѣйствуя на фантазію, или сильная воля высоконравственной личности можетъ имѣть сильное вліяніе и на органическіе процессы въ человѣкѣ и уничтожить причину болѣзни психическимъ путемъ?—какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно, что въ одномъ или нѣсколькихъ случаяхъ число ихъ безразлично—Іешуа прикосновеніемъ, заклинаніемъ или какимъ-либо другимъ способомъ исцѣлилъ отъ болѣзни, которую называли бѣсноватостью. Этимъ онъ вызвалъ сильное удивленіе толпы. Только благодаря этому, онъ показался необразованнымъ людямъ сверхъестественнымъ существомъ. Въ ихъ глазахъ пророкъ изъ Назарета имѣлъ власть надъ злыми духами, которые вредятъ людямъ, надъ сатаной, который отвращаетъ дѣтей Израиля отъ Бога, надъ адомъ, откуда происходятъ эти сыны мрака. Онъ имъ казался Божьимъ человѣкомъ, одно слово котораго оказываетъ магическое дѣйствіе и для котораго творить чудеса самое пустое дѣло. И, такъ какъ Іешуа не отталкивалъ отъ себя этихъ темныхъ людей, но снисходилъ до нихъ, довѣрчиво вращался среди нихъ, училъ ихъ понятнымъ для нихъ языкомъ и хотѣлъ воспитать изъ нихъ участниковъ царства Божія, то естественно, что онъ привязалъ ихъ къ себѣ, и они стали его вѣрными и преданными сторонниками.

Іешуа, ободренный успѣхомъ въ Капернаумѣ, гдѣ онъ впервые нашелъ кружокъ учениковъ, сталъ путешествовать по галилейскимъ городамъ, прожилъ довольно долго во второй столицѣ Галилеи *Бетсаидѣ* (Юліи), въ *Магдалѣ* и въ *Хоразинѣ* и пріобрѣталъ тамъ приверженцевъ. Онъ перешелъ черезъ Тиверіадское озеро на восточный берегъ въ мѣстность *Гадару,* но не надолго удалился изъ Галилеи. Вѣроятно, его по-

[1]) Мато. **10**, 8; Маркъ **9**, 38; Лука **9**, 49.

явленіе въ Бетсаидѣ и Хоразинѣ не оставило сильнаго впечатлѣнія, такъ какъ ему въ уста вкладывается проклятіе этимъ городамъ за ихъ непослушаніе и сопротивленіе. Они были прокляты подобно Содому и Гоморѣ [1]) Но его вѣрные ученики, мужчины и женщины, которые всюду слѣдовали за нимъ, подчиняясь сильному вліянію его личности, дѣлали все, что онъ имъ ни предписывалъ. Какъ они отвыкли отъ своей прежней безнравственной и неблагочестивой жизни, такъ они отказались и отъ своего имущества [2]), чтобы жить, придерживаясь общности имущества. Общность въ ѣдѣ и питьѣ, заимствованная у ессеевъ, была внѣшней связью, которая объединяла послѣдователей Іешуи. Благодаря участію богатыхъ мытарей, бѣдные сторонники его были освобождены отъ заботъ о пропитаніи, что еще болѣе привязывало ихъ къ нему.

Изъ своихъ послѣдователей Іешуа выбралъ себѣ въ качествѣ особенно довѣренныхъ лицъ тѣхъ, кто казался ему, благодаря своей воспріимчивости или своему сильному характеру, пригоднымъ для преслѣдованія его цѣли. Число этихъ довѣренныхъ учениковъ уже не было извѣстно самимъ источникамъ; преданіе сводитъ ихъ къ двѣнадцати и называетъ ихъ двѣнадцатью апостолами (послами), которые представляли собою двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ. „Двѣнадцать учениковъ будутъ судить двѣнадцать колѣнъ“ [3]). Но, во всякомъ случаѣ, ихъ было больше[4]). Замѣчательно, что среди нихъ былъ одинъ зелотъ, ученикъ Іуды Галилеянина, по имени *Симонъ* (Кананитъ), который присоединился къ послѣдователямъ Іешуи и былъ имъ принятъ въ тѣсный кругъ учениковъ. Это доказываетъ, что онъ думалъ достигнуть той же цѣли, пользуясь предлагаемыми Іешуой средствами, какъ и проповѣдуемымъ основателемъ партіи зелотовъ, Іудой, насильственнымъ освобожденіемъ отъ римскаго ига.

Свою цѣль, средоточіе всѣхъ своихъ мыслей, тайну, которую онъ скрывалъ въ своей груди, однажды Іешуа открылъ тѣсному кругу своихъ учениковъ. Онъ повелъ ихъ въ отдаленную мѣстность у подножія горы Хермонъ, недалеко отъ Кесаріи Филиппійской, столицы тетрарха Филиппа, туда, гдѣ Іорданъ вытекаетъ изъ горъ; въ этой уединенной обстановкѣ онъ хотѣлъ открыть имъ свою самую сокровенную мысль. Но онъ устроилъ это такимъ образомъ, что ученики въ извѣстной степени вырвали у него ту мысль, что онъ самъ ожидаемый Мессія. Онъ спросилъ, за кого его почитаютъ его сторонники. Одни говорили, что за Илью, непосредственнаго предшественника Мессіи, другіе—за пророка, о которомъ предсказалъ

[1]) Мато. **11**, 20—22. [2]) Т. же **19**, 27. [3]) Т. же. 28.

[4]) Исторически недоказанно, чтобъ апостоловъ было 12. Для достиженія такого числа Матѳей (**10**, 3) отождествляетъ нѣсколько именъ. Вообще, число это произвольно, какъ встрѣчаемое у Луки число 70 старшинъ.

Моисей. Въ отвѣтъ на это Іешуа спросилъ ихъ: „а *вы* за кого почитаете меня?“ Симонъ-Петръ отвѣтилъ: „*Ты самъ* Мессія (Христосъ)“. Іешуа похвалилъ проницательность Петра, признался въ своемъ мессіанствѣ, но запретилъ ученикамъ открыть это и вообще говорить въ то время объ этомъ [1]). Это былъ день, когда въ таинственномъ мракѣ родилось христіанство. Когда нѣсколько дней спустя его довѣренные ученики, Петръ и сыны Зеведеевы, Яковъ и Іоаннъ, робко сдѣлали замѣчаніе, что Мессіи долженъ предшествовать въ качествѣ его предтечи Илья, то Іешуа указалъ, что Илья появился въ Іоаннѣ Крестителѣ, хотя его и не узнали[2]). Питалъ ли Іешуа эту мысль въ глубинѣ души уже съ самаго начала своего выступленія или только впослѣдствіи явилась у него эта мысль, когда, благодаря счастливому успѣху въ пріобрѣтеніи послѣдователей, онъ почувствовалъ возможность осуществленія ея?—это загадка, которая, вѣроятно, никогда не будетъ рѣшена. Хотя Іешуа здѣсь впервые объявилъ себя Мессіей передъ своими учениками и позволилъ привѣтствовать себя въ качествѣ такового, но все же онъ самъ никогда не называлъ себя Мессіей, а употреблялъ вмѣсто того другія выраженія, которыя, безъ сомнѣнія, были въ ходу въ ессейскихъ кругахъ. Онъ называлъ себя *сыномъ человѣческимъ* (Bar Nasch[3]), намекая на стихъ въ книгѣ Даніила (7, 13): „Вотъ, въ облакахъ небесныхъ шелъ какъ бы сынъ человѣческій, пришелъ къ Предвѣчному“—стихъ, который, хотя и относится ко всему народу Мессіи, но въ это время, несмотря на то, что такое толкованіе противорѣчитъ смыслу, относился къ Мессіи. Еще другое названіе употреблялъ Іешуа для обозначенія своего мессіанства, а именно роковое слово „*сынъ Божій*“, намекая на слова псалмопѣвца (2, 7): „Богъ сказалъ мнѣ: ты Мой сынъ, Я въ сей день родилъ тебя“, которыя въ еврейскихъ кругахъ точно также относились къ Мессіи [4]). Употреблялъ ли Іешуа это выраженіе только иносказательно для Мессіи, или же понималъ его въ буквальномъ смыслѣ слова? Яснѣе онъ объ этомъ никогда не говорилъ, даже впослѣдствіи, когда онъ изъ-за этого былъ призванъ къ суду и осужденъ. Сами его послѣдователи въ позднѣйшее время не соглашались относительно значенія этого слова, и различное его пониманіе раздѣлило ихъ на двѣ партіи.

Какъ Іешуа думалъ выполнить мессіанскія ожиданія, едва указывается. Достовѣрно только то, что онъ думалъ лишь объ Израилѣ, котораго избавить отъ грѣховъ и освободить отъ тяжелаго римскаго ига онъ считалъ себя въ силахъ [5]). Іешуа въ качествѣ Мессіи думалъ такъ же

[1]) Матѳ. 16, 13—20
[2]) Т. же 17, 10—13.
[3]) Т. же 8, 20; 9, 6.
[4]) Sukka 52 a.
[5]) Лука 24, 21.

мало объ язычникахъ, какъ прежде въ качествѣ ученика Іоанна. Безъ сомнѣнія, онъ себѣ представлялъ избавленіе Израиля слѣдующимъ образомъ: еврейскій народъ силою любви къ Богу и къ людямъ, самоотверженіемъ и добровольной бѣдностью подъ его руководствомъ достигнетъ высшей жизни; тогда Богъ, со своей стороны, въ извѣстномъ смыслѣ ожидающій, что Его дѣти пойдутъ на встрѣчу Его желаніямъ, изъ любви къ своему народу произведетъ всѣ чудеса, какъ освобожденіе отъ иноземнаго владычества, возвращеніе разсѣянныхъ, возстановленіе Давидова блеска.

Когда Іешуа признался своимъ ученикамъ въ мессіанствѣ, онъ, какъ упомянуто выше, совѣтовалъ имъ соблюденіе тайны. Было ли это сдѣлано изъ страха, что Иродъ-Антипа, въ странѣ котораго онъ жилъ и училъ, подвергнетъ его участи Іоанна Крестителя, или же онъ хотѣлъ сначала пріобрѣсти бо́льшій кругъ сторонниковъ и послѣдователей, чтобы тогда съ большимъ торжествомъ выступить въ качествѣ Мессіи,—невозможно рѣшить. Своихъ учениковъ онъ утѣшалъ, что еще не настало, но скоро настанетъ время, когда „то, что услышали въ темнотѣ, сообщать во свѣтѣ, и что говорили на ухо, провозгласятъ на кровляхъ“ [1]). Но, въ дѣйствительности, произошло прямо противоположное тому, что ожидали Іешуа и его ученики. Лишь только стало извѣстнымъ—ученики, вѣроятно, не соблюдали тайны—что Іешуа изъ Назарета не только приготовляетъ небесное царство, но самъ ожидаемый Мессія, общественное мнѣніе было возбуждено противъ него. Отъ него ожидали знаменій и доказательствъ его мессіанства, которыхъ онъ не могъ дать, и онъ старался избѣжать вопросовъ [2]). Многіе изъ его приверженцевъ почувствовали досаду при извѣстіи о его мессіанствѣ, отпали отъ него и „не ходили больше его путемъ“ [3]). Если онъ не хотѣлъ скомпрометировать себя передъ своими учениками, то онъ долженъ былъ совершить что-нибудь, чтобы довести свое дѣло до конца, или погибнуть. Они прежде всего ожидали отъ него, что выступитъ въ качествѣ Мессіи въ столицѣ страны передъ глазами всего народа, который собирается въ храмѣ на Пасху. Разсказывается, что его братья заклинали его идти въ Іудею, „чтобы и ученики твои видѣли дѣла, которыя ты дѣлаешь; ибо никто не дѣлаетъ чего-нибудь въ тайнѣ и ищетъ извѣстности; если ты творишь такія дѣла, то яви себя міру“ [4]). Такимъ образомъ Іешуа долженъ былъ, наконецъ, рѣшаться вступить на опасный путь. И безъ того онъ не былъ въ безопасности въ Галилеѣ и, какъ кажется, преслѣдуемый сыщиками тетрарха Ирода Антипы, долженъ былъ скитаться съ мѣста на мѣсто. Кто-то хотѣлъ присоединиться къ нему въ то время, когда онъ находился въ столь затруднительномъ

[1]) Матѳ. 10, 27; Лука 12, 2.
[2]) Матѳ. 12, 38; 16, 1.
[3]) Іоаннъ 6, 66.
[4]) Іоаннъ 7, 3—5.

положеніи: но онъ высказался противъ этого: „Лисицы имѣютъ норы и птицы небесныя гнѣзда, а сынъ человѣческій не имѣетъ, гдѣ приклонить голову“ [1]). Какъ долго онъ училъ въ Галилеѣ, неизвѣстно; главные источники указываютъ, что вся его дѣятельность продолжалась только годъ; настолько у нихъ испарилось воспоминаніе о происшедшемъ; другой, не болѣе вѣрный, источникъ указываетъ на трехлѣтній срокъ.

Какъ мало Іешуа думалъ порвать съ существующимъ іудаизмомъ, показываетъ то, что онъ, сообразно обычаю всѣхъ ѣдущихъ на праздники, избѣгалъ Самаріи, враждебной іудеямъ и въ особенности пилигриммамъ, и сдѣлалъ обходъ черезъ заіорданскую сторону [2]), чтобы не имѣть дѣла съ самаритянской сектой. Для уничтоженія всякихъ подозрѣній, будто онъ отмѣняетъ законъ, онъ отвѣтилъ одному фарисею, который хотѣлъ присоединиться къ нему и спрашивалъ объ условіяхъ: „Если хочешь войти въ жизнь вѣчную, соблюдай законъ, продай свое имѣніе и роздай его бѣднымъ“, т. е. раздѣли это съ моими угнетенными бѣдностью послѣдователями [3]). Прошедши черезъ Іерихонъ, онъ пришелъ къ Іерусалиму, но остановился не въ центрѣ города, а вблизи сѣверной горы, въ селѣ Виоаніи, на Масличной горѣ, гдѣ тогда жили прокаженные, которые должны были избѣгать священнаго города. Въ домѣ одного такого прокаженнаго, по имени Симона, который со своими товарищами по несчастью присоединился къ нему, онъ нашелъ убѣжище [4]). Остальные приверженцы, которыхъ онъ нашелъ въ Виоаніи, точно также принадлежали къ низшему классу: *Лазарь* и его сестры, *Марія* и *Марѳа*. Только объ одномъ богатомъ и уважаемомъ жителѣ Іерусалима, *Іосифѣ Аримаѳейскомъ*, источники разсказываютъ, что онъ сталъ послѣдователемъ Іешуи.

Въѣздъ Іешуи въ Іерусалимъ и вступленіе его въ храмъ мало достовѣрная легенда окружила ореоломъ славы. Народъ будто бы съ тріумфомъ при крикахъ „Осанна“*) провожалъ его въ Іерусалимъ; но тотъ же самый народъ нѣсколько дней спустя требовалъ его смерти. [5]) И тотъ и другой разсказъ одинаково сочинены. Первый для того, чтобы представить признаніе Іешуи народомъ въ качествѣ Мессіи, другой для того, чтобы взвалить вину въ его казни на весь израильскій народъ. Также не исторически достовѣренъ и поступокъ Іешуи, будто бы онъ насильственно выступилъ въ храмѣ, опрокинулъ столы мѣнялъ и выгналъ изъ храма продавцовъ голубей. Такое событіе, возбуждающее вниманіе, было бы навѣрное упомянуто въ другихъ современныхъ источникахъ. Точно также неправильно, что продавцы голубей и мѣнялы имѣли свои лавки *внутри храма*. Базаръ для жертвенныхъ птицъ находился внѣ города, въ Виоаніи на

[1]) Матѳ .8, 20. [2]) Матѳ. **19**, 1; Маркъ **10**, 1. [3]) Матѳ. **19**, 16—21.
[4]) Т. же **26**, 6. [5]) Матѳ. **21**, 9; ср. **27**, 23. *) הושע־נא *Ред.*

Масличной горѣ, на сѣверѣ подъ кедромъ. На Храмовой горѣ выдавались только масло, вино и мука для безкровныхъ жертвъ, но не за деньги, а за опредѣленныя марки, потому что знать мѣру для такихъ жертвъ не было дѣломъ каждаго. Во всякомъ случаѣ, вблизи храмовой горы были выставлены мѣнялы для тѣхъ, кто пропуститъ время—мѣсяцъ до праздника Пасхи—уплатить приношеніе въ пользу храма [1]). Вѣроятно, Іешуа, ненавистникъ денегъ, высказался съ порицаніемъ противъ обычая собирать деньги вблизи храма. Это въ изображеніи легенды носитъ характеръ насильственнаго вступленія въ храмъ и очищенія его.

Вообще, какъ разъ самая важная часть его жизни, занятое имъ положеніе въ Іерусалимѣ относительно народа и партій, вопросъ о томъ, объявилъ ли онъ себя публично Мессіей, и какъ это было принято,—все это описано въ источникахъ такъ неясно, что совершенно невозможно отличить историческое зерно отъ легендарныхъ украшеній и сочиненій. Вѣроятно, противъ него въ столицѣ существовало предубѣжденіе. Образованная часть народа менѣе всего ожидала избавленія отъ неученаго Галилеянина; вообще, появленіе Мессіи изъ Галилеи столкнулось съ существовавшими въ теченіе столѣтій представленіями, согласно которымъ Мессію ожидали изъ Виѳлеема и изъ дома Давида [2]). Поговорка: „изъ Назарета можетъ ли быть что доброе?“ [3]), вѣроятно, создалась тогда же. Благочестивые досадовали на то, что онъ вращался въ обществѣ грѣшниковъ, мытарей и блудницъ, ѣлъ съ ними и пилъ. Даже ученики Іоанна, т. е. ессеи, были недовольны его отступленіями отъ правилъ [4]).

Шамаитовъ, вѣроятно, оскорбили произведенныя имъ въ субботу исцѣленія. Они не могли себѣ представить Мессіи, нарушающаго святость субботы. Іешуа, вѣроятно, тамъ и сямъ съ порицаніемъ выразился о толкованіи фарисеевъ и тѣхъ слѣдствій, какія они выводили. Напримѣръ, по поводу того, что сыну въ силу даннаго имъ обѣта запрещено удѣлять своимъ родителямъ изъ своего имущества и что поэтому остается безъ осуществленія заповѣдь о почитаніи родителей [5]). Подобныя замѣчанія могли дойти до ихъ ушей и возбудить ихъ противъ него. Зелоты не могли ожидать отъ Іешуи ничего великаго, такъ какъ онъ проповѣдывалъ миролюбіе и не наполнялъ сердца своихъ приверженцевъ горячею ненавистью къ римлянамъ. Всѣ эти бросающіяся въ глаза особенности, которыхъ не могли согласовать съ предсгавленіемъ о Мессіи, заставили среднее сословіе и въ особенности наиболѣе уважаемыхъ людей, книжниковъ, холодно отнестись къ нему, и онъ не встрѣтилъ дружелюбнаго пріема въ Іерусалимѣ. Но всѣ эти факты, послужившіе поводами къ досадѣ, не были еще до-

[1]) Schekalim начало. [2]) Іоан. **7**, 41-42, 52.
[3]) Т. же **1**, 46. [4]) Матѳ. **11**, 2—19. [5]) Т. же **15**, 3; Nedarim IX, I.

статочной причиной къ обвиненію, и противъ него ничего нельзя было имѣть. Благодаря частымъ дебатамъ между школой Гилела и школой Шамая, свободный обмѣнъ мнѣній настолько вошелъ въ привычку, что нелегко было преслѣдовать кого-либо за отступленіе отъ какого-нибудь религіознаго воззрѣнія, если только онъ не нарушилъ общепринятыхъ религіозныхъ законовъ или не отвергъ понятія іудаизма о Богѣ.

Именно въ этомъ пунктѣ Іешуа представлялъ слабую сторону для нападеній. Вѣроятно распространился слухъ, что онъ называетъ себя „Сыномъ Божьимъ“; такое названіе, будучи понято въ буквальномъ смыслѣ, слишкомъ идетъ въ разрѣзъ съ религіозными убѣжденіями еврейскаго народа, чтобы представители его могли равнодушно смотрѣть на это. Но какъ могъ судъ удостовѣриться въ томъ, что онъ дѣйствительно выдаетъ себя за такового и какое значеніе онъ придаетъ этому слову? Слишкомъ щедро Іешуа не употреблялъ его, но, вѣроятно, пользовался имъ только въ тѣсномъ кругу своихъ учениковъ. Какъ можно было узнать то, что было тайной этого круга и какъ это должно быть понято? Для этого нуждались въ предателѣ именно изъ этого круга, и такой былъ найденъ въ лицѣ *Іуды Искаріота**), который, какъ разсказываютъ, охваченный жадностью, предалъ суду того, кого онъ до тѣхъ поръ почиталъ какъ Мессію. Источникъ, по всему своему виду достаточно древній и достовѣрный, выясняетъ, для чего воспользовались этимъ предателемъ. Чтобы обвинить Іешуу, какъ лжепророка, или соблазнителя народа (Messit), судъ нуждался въ двухъ свидѣтеляхъ, которые бы изъ его устъ слышали опасныя слова. Предатель долженъ былъ побудить его къ разговору, чтобы два свидѣтеля, которые въ скрытомъ мѣстѣ подслушивали, могли ясно услышать каждое его слово; такой способъ, вѣроятно, былъ примѣненъ тогда впервые и впослѣдствіи сталъ закономъ при производствѣ дѣлъ о соблазнителяхъ народа.

По христіанскимъ источникамъ, измѣна Іуды заключалась только въ томъ, чтобы, поцѣловать его[1]), и тѣмъ указать сыщикамъ и сопровождавшей ихъ толпѣ на Іешуу посреди его учениковъ, какъ будто тотъ, кто съ тріумфомъ вступилъ въ Іерусалимъ и публично проповѣдывалъ въ синагогѣ, не былъ извѣстенъ всѣмъ! Лишь только сыщики его схватили, всѣ ученики оставили его и искали спасенія въ бѣгствѣ; только Симонъ Петръ издали слѣдовалъ за нимъ[2]). Когда наступилъ день 14-го нисана, т. е. канунъ Пасхи, Іисусъ былъ приведенъ въ Синедріонъ, но не въ Великій, а въ малый, состоявшій изъ 23-хъ членовъ, гдѣ предсѣдательствовалъ первосвященникъ *Іосифъ Каіафа*[3]). Слѣдствіе заключалось въ

*) יהודה איש־קריות *Ред.*

[1]) Матѳ. **26**, 48.

[2]) Т. же **26**, 56—58.

[3]) Т. же **26**, 57.

томъ, что судъ хотѣлъ удостовѣриться, дѣйствительно ли Іешуа выдавалъ себя за сына Божія, какъ указывали свидѣтели. Совершенно неправдоподобно извѣстіе, что процессъ вызванъ былъ его заявленіемъ, будто онъ можетъ разрушить храмъ и въ три дня возстановить его[1]). Такое заявленіе, если бы оно имъ даже и было сдѣлано, не могло быть предметомъ обвиненія. Скорѣе обвиненіе говорило о *богохульствѣ* (Giddif), выражавшемся въ томъ, что онъ выдаетъ себя за сына Божія[2]). На поставленный въ этомъ смыслѣ вопросъ Іешуа молчалъ и не далъ никакого отвѣта. Когда предсѣдатель спросилъ его вторично, сынъ ли онъ Божій, то, какъ передаютъ, онъ отвѣтилъ: „Ты сказалъ это“[3]), да прибавилъ: „скоро узрите Сына Человѣческаго, сидящаго *одесную**) престола Божія и грядущаго на облакахъ небесныхъ“. Изъ такого заявленія, если онъ его дѣйствительно сдѣлалъ, судьи могли заключить, что онъ себя считалъ сыномъ Божьимъ. Послѣ этого первосвященникъ разодралъ свои одежды въ виду услышаннаго имъ богохульства, и судъ приговорилъ Іешуу къ смерти, какъ богохульника. Изъ разсказовъ христіанскихъ источниковъ нельзя видѣть, чтобы судьи несправедливо приговорили его по тогдашнимъ уголовнымъ законамъ. Внѣшнія данныя были противъ него. Утвержденіе смертнаго приговора, или, правильнѣе, разрѣшеніе для казни Синедріонъ получилъ отъ намѣстника Понтія Пилата, который какъ разъ во время праздника присутствовалъ въ Іерусалимѣ.

Пилатъ, къ которому былъ приведенъ Іешуа, спросилъ его о политической сторонѣ его выступленія, не выдаетъ ли онъ себя въ качествѣ Мессіи за царя іудейскаго, и, когда Іешуа далъ двусмысленный отвѣтъ: „Ты говоришь это“, намѣстникъ утвердилъ смертный приговоръ. Баснословенъ разсказъ, будто Пилатъ нашелъ его невиннымъ и хотѣлъ спасти его, но евреи настаивали на его смерти. Если надъ Іешуей насмѣхались и заставили его нести терновый вѣнецъ въ видѣ насмѣшки надъ его царскимъ достоинствомъ, то эта жестокость исходила не отъ евреевъ, а отъ римскихъ солдатъ, которые, вѣроятно, рады были въ его лицѣ насмѣхаться надъ еврейскимъ народомъ. Наоборотъ, среди еврейскихъ судей такъ мало господствовала страстная ненависть противъ него, что ему, какъ каждому

[1]) Матѳ. **26**, 61.

[2]) Матѳ. 25, 63. Страннымъ является указаніе евангелистовъ на заявленіе ложныхъ свидѣтелей, въ то время, какъ ими же подтверждается признаніе Іисусомъ всѣхъ приписывающихся ему этими свидѣтелями дѣяній.

[3]) У евангелистовъ замѣчается разнорѣчіе относительно отвѣта, даннаго Іисусомъ судилищу. По Матѳею (**26**, 64) отвѣтъ этотъ гласитъ: „ты сказалъ“, что можетъ быть истолкуемо въ одно и то же время, какъ отрицаніе и подтвержденіе; по Лукѣ же (**22**, 70)—„вы говорите, что Я“; а по Марку (**14**, 62)—„Я“.

*) Справа *Ред.*

приговоренному, дали кубокъ съ виномъ и съ ладаномъ, чтобы оглушить и уменьшить его смертныя муки [1]). Іешуа передъ смертью былъ подвергнутъ бичеванію, слѣдовательно, Пилатъ обращался съ нимъ согласно римскому уголовному закону, такъ какъ по еврейскимъ законамъ приговоренному къ смерти никогда не назначалось бичеваніе. Римскіе палачи (ликторы) съ удовольствіемъ бичевали плетьми или розгами называющаго себя царемъ іудейскимъ [2]). Это били они, по приказанію Пилата, пригвоздившіе его къ кресту и примѣнившіе къ нему позорную смерть, по римскимъ законамъ. Ибо съ момента произнесенія смертнаго приговора римскимъ чиновникомъ, распоряжавшимся жизнью и смертью, приговоренный не принадлежалъ болѣе своему народу, но подпадалъ подъ дѣйствіе римской государственной власти. Не еврейскій Синедріонъ, а Пилатъ приказалъ казнить Іешуу, какъ бунтовщика и государственнаго преступника. Христіанскіе источники указываютъ, что онъ былъ живьемъ распятъ въ девять часовъ утра и испустилъ духъ только въ три часа пополудни (около 30? 35?). Его послѣдними словами были слова псалма *) на арамейскомъ языкѣ: „Боже мой, Боже мой! почто Ты оставилъ меня“? (Eli, eli, lema schebaktani). Въ видѣ насмѣшки римскіе солдаты прибили къ кресту надпись: „Іисусъ изъ Назарета, царь іудейскій“. Распятіе и, вѣроятно, выносъ тѣла совершилось внѣ города въ мѣстности, предназначенной для погребенія приговоренныхъ и называемой *Голгоѳа* (лобное мѣсто). Таковъ былъ конецъ человѣка, который работалъ надъ нравственнымъ улучшеніемъ народа и, можетъ быть, палъ жертвой недоразумѣнія. Его смерть была причиной, хотя и невинно, безчисленныхъ страданій и многочисленныхъ смертей сыновей его народа. Милліоны разбитыхъ сердецъ и потухшихъ глазъ еще не искупили его смерти. Можно безъ преувеличенія сказать, что это единственный, рожденный отъ женщины, который своею смертью сдѣлалъ больше, чѣмъ своею жизнью. Лобное мѣсто Голгоѳа стало для всего историческаго міра новымъ Синаемъ. Впрочемъ, эти столь важныя для всего христіанскаго міра событія въ свое время вызвали въ Іерусалимѣ такъ мало вниманія, что еврейскіе историки, *Юстъ* изъ Тиверіады и *Іосифъ Флавій*, вовсе не упоминаютъ объ Іешуѣ и его казни, хотя Іосифъ разсказываетъ о самыхъ незначительныхъ происшествіяхъ при Пилатѣ и даже не пропускаетъ одного самаритянскаго пророка, который обѣщалъ своему народу передать скрытыя Моисеемъ на горѣ Гаризимѣ священные сосуды.

[1]) Мато, 27, 34. По Талмуду (Synhedrin 43 a), этотъ напитокъ подавался передъ казнью изъ состраданія. Евангелисты же разсматриваютъ это, какъ особую жестокость противъ Іисуса. Маркъ полагаетъ, какъ это утверждаетъ и Талмудъ, что напитокъ состоялъ изъ вина и мирры, Матѳей же говоритъ объ уксусѣ, смѣшанномъ съ желчью.

[2]) Мато. 27, 26. То обстоятельство, что Іисусъ былъ битъ передъ распятіемъ и долженъ былъ нести свой крестъ доказываетъ, что Іисусъ судился римлянами по донесенію конечно Синедріона, какъ государственный преступникъ, назвавшій себя царемъ іудейскимъ.

*) Псал. 22. *Ред.*

Когда прошелъ первый страхъ послѣ взятія и распятія Іешуи, заставившій его учениковъ разбѣжаться, они вновь собрались, чтобы вмѣстѣ оплакивать смерть своего любимаго учителя. Все число учениковъ Іешуи, которые тогда находились въ Іерусалимѣ, не превосходило 120-ти человѣкъ; а если причислить тѣхъ, кто вѣрилъ въ него въ Галилеѣ, то ихъ было не болѣе 500 [1]). Здѣсь стало яснымъ, какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное Іешуей на массы, большею частью невѣжественныя. Далекіе отъ того, чтобы отказаться отъ своей вѣры въ него, какъ отъ мечты, они все болѣе и болѣе восхищались имъ; ихъ почитаніе Іешуи дошло до экстаза. Единственное препятствіе заключалось въ томъ, что Мессія, который долженъ былъ освободить Израиля и принести великолѣпіе небеснаго царства, умеръ позорною смертью. Какъ могъ Мессія подвергнуться страданіямъ? Страдающій Мессія (Christos pathetos) представлялъ для нихъ предметъ значительныхъ сомнѣній. Это препятствіе должно было быть устранено прежде, чѣмъ его сторонники предались полной вѣрѣ въ его мессіанство. Тогда, вѣроятно, одинъ книжникъ успокоилъ ихъ тѣмъ, что, согласно одному пророчеству Іешаи*) (которое евреями также относилось къ Мессіи), Мессія долженъ былъ отъ Бога терпѣть страданія, чтобы тѣмъ искупить грѣхи народа: „Онъ отрѣзанъ отъ земли живыхъ; за грѣхи народа Моего онъ принялъ язвы“. Одинъ вѣрующій фарисей оказалъ отчаявшейся, безпомощной и небольшой толпѣ учениковъ величайшую услугу тѣмъ, что путемъ толкованія Писанія сдѣлалъ старымъ и согласнымъ съ Писаніемъ новое и чудесное, и такимъ образомъ далъ точку опоры христіанству, которому съ самаго начала грозило распаденіе. Толкованіе Писанія въ то время было силой, которая дѣлала пріемлемымъ самое безсмысленное и необходимымъ самое невѣроятное. Безъ какого нибудь, хотя бы и слабаго, доказательства изъ священнаго Писанія: Пятикнижія, Пророковъ, Псалмовъ и Даніила ничто новое не могло встрѣтить сочувствія и утвердиться. Фарисейское толкованіе закона, часто извращающее дословный смыслъ и общую связь, дало жизнеспособность вѣрѣ въ мессіанство Іешуи послѣ его смерти. Этимъ была рѣшена загадка; все должно было такъ произойти. Даже то, что Іисусъ былъ казненъ какъ преступникъ, казалось полнымъ значенія для буквальнаго исполненія пророчества о Мессіи. Развѣ не было еще раньше предсказано, что онъ будетъ причисленъ къ злодѣямъ? [2]). Ученики припомнили, будто они слышали отъ

[1]) Дѣянія ап. 1, 15; 1-е пос. къ кор. 15, 6.

[2]) Мат. 26, 54, Маркъ 15, 28. *) LIII. *Ред.*

Іешуи при его жизни, что онъ идетъ навстрѣчу преслѣдованіямъ и даже смерти. Такимъ образомъ, страданія и смерть представлялись доказательствомъ его мессіанства. Его послѣдователи просмотрѣли всю его жизнь и находили въ каждомъ незначительномъ событіи высокій мессіанскій смыслъ; даже то, что онъ родился не въ Виѳлеемѣ, а въ Назаретѣ случилось для исполненія пророчества „онъ наречется Назареемъ (Назиреемъ?)“. Такимъ образомъ, его послѣдователи были убѣждены, что Іешуа Назарей—истинный Мессія. Разъ чувство вѣрующихъ съ этой стороны было успокоено, то не трудно было встрѣтиться съ другимъ вопросомъ: когда наступитъ обѣщанное небесное царство, если носитель и исполнитель его умеръ на крестѣ? Надежда дала на это отвѣтъ: „Мессія прійдетъ во славѣ съ ангелами, и тогда воздастъ каждому по дѣламъ его“. Они вѣрили: „нѣкоторые изъ стоявшихъ тамъ, которые не вкусятъ смерти, увидятъ Сына Человѣческаго, грядущаго въ царствіи своемъ“ (Parusie [1]). Каждую минуту вѣрующіе ожидали поэтому возвращенія Іешуи и въ этомъ отношеніи отличались отъ евреевъ только тѣмъ, что относили мессіанство на извѣстное лицо. Послѣ своего возвращенія, *Іешуа оснуетъ*, по прошествіи шести тысячъ лѣтъ съ сотворенія міра, *тысячелѣтнее царство*, субботнее тысячелѣтіе, которое доставитъ вѣрующимъ всѣ блага мира и всякое земное счастье (Chiliasmus). Чтобы поддержать эту вѣру, Іешуа не долженъ былъ подпасть подъ дѣйствіе смерти, но воскреснуть. Быть можетъ, примыкая къ библейскому разсказу о пророкѣ Іонѣ, который провелъ три дня во чревѣ кита, создалась легенда, что *Іешуа* пролежалъ три дня въ могилѣ и затѣмъ вновь возсталъ, а его гробъ былъ найденъ пустымъ. Многіе послѣдователи его будто бы видѣли его то здѣсь, то тамъ, говорили съ нимъ, касались его ранъ и даже ѣли съ нимъ рыбу и медъ. Довѣрчивость не находила никакой причины сомнѣваться въ его мессіанствѣ.

Между тѣмъ, какъ бы первые вѣрующіе ни почитали *Іешуу* и какъ бы они передъ нимъ ни преклонялись, все же они не выводили его изъ человѣческой сферы: ихъ воодушевленіе не шло такъ далеко, чтобы признать его Богомъ. Они считали его только свыше одареннымъ *человѣкомъ*, который только былъ найденъ Богомъ достойнымъ стать Мессіей, потому что онъ исполнялъ законъ такъ, какъ никто до него. Поэтому, они не отступали отъ предписаній іудаизма, соблюдали субботу, обрѣзаніе, законы о пищѣ и считали священными Іерусалимъ и іерусалимскій храмъ. Врядъ ли они соблюдали бы законы, если бы Іешуа прямо высказался объ ихъ отмѣнѣ или если бы они увидѣли его уклоняющимся отъ нихъ. Все же, наряду съ вѣрой въ только что появившагося Мессію, они отличались еще нѣкоторыми особенностями отъ остальныхъ евреевъ. Добровольная бѣдность, которую проповѣдывалъ Іешуа, была отличающей ихъ чертой. Они ссылались на его изреченіе, которое онъ внушалъ ученикамъ: „Не берите съ собой ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха“ [1]). Отъ этой добровольной бѣдности они получили имя *эбіонитовъ* (бѣдныхъ)—прозвище, которое они либо сами себѣ дали, либо получили отъ постороннихъ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого была совмѣстная жизнь при условіи общности имущества, такъ что каждый вступавшій въ общину продавалъ свое имущество и выручку передавалъ въ общую кассу. Съ этой стороны первые христіане, или іудео-христіане, или, какъ ихъ евреи называли, назарен, назареняне, вовсе не удалялись отъ своего источника, ессейства. Для завѣдыванія деньгами и приготовленій общихъ обѣдовъ они избирали, какъ былъ обычай въ еврейскихъ общинахъ, *семь* управителей. Ессейскій образъ жизни первыхъ послѣдователей Іешуи сказывается въ ихъ воздержаніи отъ мяса и вина, въ безбрачной жизни, отказѣ отъ натиранія масломъ и излишнихъ одеждъ; они считали достаточной только бѣлую льняную одежду. О Якобѣ, братѣ Іешуи, который въ виду своего родства былъ избранъ предсѣдателемъ первой іудео-христіанской общины и служилъ ей образцомъ, разсказывается, что онъ не пилъ ни вина, ни вообще чего либо возбуждающаго, не ѣлъ мяса, никогда не стригся, никогда не носилъ шерстянаго платья, а только льняное и вообще имѣлъ только *одно* платье. Благодаря этой образцовой жизни, онъ получилъ почетное прозваніе *праведнаго* (Oblias, Oz-li-Am). Онъ строго жилъ сообразно съ закономъ и сильно противился тому, что іудео-христіане позволяли себѣ отступленіе отъ него. Рядомъ съ нимъ во главѣ первой эбіонитской общины стояли *Симонъ Кефасъ* *) или *Петръ*, сынъ Іоны, и *Іоаннъ*, сынъ Зеведея. Эти излюбленные ученики были названы столпами христіанства. Симонъ Петръ былъ самымъ дѣятельнымъ изъ всѣхъ учениковъ Іешуи; онъ старался пріобрѣсти послѣдователей вѣры въ Іешуу и христіанскаго образа жизни. Впрочемъ онъ описывается человѣкомъ слабаго характера. Христіанскіе источники разсказываютъ о немъ, что при взятіи Іешуи онъ трижды отрекся отъ него, и его учитель самъ назвалъ его маловѣрнымъ [2]). Его противникъ сообщаетъ о немъ: „Петръ, не обращая на законъ о пищѣ вниманія, ѣлъ вмѣстѣ съ язычниками; но когда пришли люди отъ Якова, то изъ страха сталъ уклоняться отъ языческихъ трапезъ. Онъ, какъ и другіе ученики Іисуса, думалъ, что имъ поручено идти къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, чтобы сдѣлать ихъ участниками общаго братства въ цар-

[1]) Матѳ. **16**, 27, 28.

[1]) Мат. **10**, 9, 10.

[2]) Матѳ. **26**, 69.

*) Кифа *Ред.*

ствѣ Божьемъ; они должны были, подобно Іисусу и Іоанну Предтечѣ, провозглашать небесное царство; едва появившись на свѣтъ, христіанство стало искать прозелитовъ и стремиться къ завоеваніямъ. Ученики Іешуи утверждали, что они получили отъ него даръ исцѣлять больныхъ, воскрешать мертвыхъ, изгонять бѣсовъ [1]). Заклинаніе бѣсовъ, которое было у Іешуи лишь случайнымъ дѣломъ, они сдѣлали своей постоянной обязанностью и распространяли принесенную изъ Галилеи вѣру въ могущество и злыхъ духовъ. Внутри іудаизма вѣра въ бѣсовъ носила совершенно невинный характеръ безо всякаго религіознаго значенія; только въ христіанствѣ она стала догматомъ вѣры, которому были принесены въ жертву гекатомбы людей. Первые христіане употребляли имя Іисуса или скорѣе злоупотребляли имъ для всевозможныхъ заклинаній и изгнаній; всякій, кто увѣровалъ въ Іешуу, приписывалъ себѣ силу именемъ его изгонять злыхъ духовъ, заклинать змѣй, исцѣлять своимъ прикосновеніемъ больныхъ и оставаться невредимымъ, если онъ выпьетъ что нибудь смертоносное. Изгнаніе злыхъ духовъ (Exorcismus) стало мало по малу постояннымъ занятіемъ христіанскихъ начальниковъ; принятію новаго члена предшествовало заклинаніе бѣсовъ, какъ будто бы тотъ до этого времени былъ одержимъ злымъ духомъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что евреи смотрѣли на назареевъ и язычниковъ на христіанъ какъ на маговъ и заклинателей бѣсовъ. Однако въ теченіе первыхъ десятилѣтій послѣ смерти Іешуи въ еврейскихъ кругахъ на нихъ обращали мало вниманія. Принадлежа къ низшему сословію, они не возбуждали интереса. Они образовали особую секту и, вѣроятно, причислялись къ ессеямъ, съ которыми у нихъ было много точекъ соприкосновенія. Они вообще погибли бы для исторіи, если бы впослѣдствіи не нашелся человѣкъ, распространившій эту секту и поднявшій ее на высоту, которая ей обѣщала всемірное владычество.

Несчастная звѣзда стояла надъ еврейскимъ народомъ въ теченіе столѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ братоубійственная война послѣднихъ хасмонеевъ привела къ римскому владычеству надъ Іудеей. Каждое вновое событіе было причиной бо́льшаго несчастья. Утѣшеніе Когелета, что нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ, оказалось тщетнымъ. Прежде парившій въ туманныхъ и фантастическихъ очертаніяхъ, нынѣ же ставшій осязаемымъ, образъ Мессіи былъ чѣмъ то новымъ, чего до сихъ поръ не существовало, и это должно было нанести еврейскому народу тяжелыя раны. Секта почитателей Мессіи изъ Назарета вышла изъ нѣдръ ессейской секты; такъ какъ послѣдняя была недовольна фарисейскимъ строемъ жизни, то первая унаслѣдовала это недовольство, которое еще увеличилось вслѣдствіе смерти ея основателя. Росту этой вражды значительно способствовалъ намѣстникъ Понтій Пилатъ. Онъ приговорилъ къ смерти, позору и поруганію ихъ Мессію, онъ бичевалъ его, распялъ какъ жалкаго раба и, насмѣхаясь надъ „Царемъ Іудейскимъ“, одѣлъ на него терновый вѣнецъ. Этотъ образъ истекающаго кровью Іешуи въ терновомъ вѣнцѣ виталъ предъ глазами его послѣдователей и внушалъ имъ мысли о мести. Однако вмѣсто того, чтобы обратить свой гнѣвъ на жестокій и кровожадный Римъ, они сдѣлали отвѣтственными за все представителей еврейскаго народа и, наконецъ, весь народъ. Они заставили себя забыть или дѣйствительно со временемъ забыли, что Пилатъ былъ убійцей ихъ учителя, и обратили вину на голову еврейскаго народа.

[1]) Матѳ. **10**, 8.

Если нужно довѣрять извѣстію, что послѣ паденія Сеяна, Тиверій сталъ оказывать извѣстное благоволеніе къ евреямъ—хотя это благоволеніе можетъ также хорошо объясняться капризнымъ настроеніемъ императора—то тогда не трудно объяснить бросающуюся въ глаза мягкость, съ которою стали относиться въ это время къ еврейскому народу. Евреи нашли защитницу при дворѣ въ лицѣ невѣстки Тиверія, *Антоніи*, которая сообщила ему о заговорѣ Сеяна противъ него и которая находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ со знатными евреями. Вслѣдствіе этого Тиверій отмѣнилъ свое прежнее распоряженіе о римскихъ евреяхъ. Вителлій, намѣстникъ Сиріи, оказался очень расположеннымъ къ евреямъ, не только шелъ на встрѣчу ихъ жалобамъ, но и помогалъ имъ и щадилъ съ несвойственною римлянамъ чуткостью ихъ чувствительность. Въ отвѣтъ на жалобы, возбужденныя передъ нимъ евреями и самаритянами на намѣстника Понтія Пилата, онъ безъ дальнихъ разговоровъ отправилъ его въ Римъ, чтобы онъ тамъ оправдывался передъ императоромъ. Такъ какъ Вителлій при этомъ случаѣ прибылъ на праздникъ Пасхи въ Іерусалимъ (36), чтобы лично познакомиться съ положеніемъ вещей, то онъ показалъ себя склоннымъ смягчить, насколько это возможно, римское иго. Онъ освободилъ жителей Іерусалима отъ пошлинъ съ продаваемыхъ на рынкѣ плодовъ, потому что столица потребляла главнымъ образомъ привозимые на рынокъ плоды, и эта пошлина чувствовалась очень тяжело. Онъ освободилъ далѣе первосвященническое облаченіе отъ заключенія его въ крѣпости Антоніи и передалъ его для сохраненія коллегіи священниковъ, въ рукахъ которыхъ оно находилось нѣкоторое время. Но отъ права назначать первосвященника Вителлій не отказался. Это было слишкомъ важно для римскихъ интересовъ. Онъ самъ воспользовался этимъ правомъ, назначивъ на мѣсто Іосифа Каіафы *Іонатана*, сына Анана. Каіафа исправлялъ свои обязанности во все время управленія Пилата, которому, повидимому, угождалъ; поэтому, какъ кажется, онъ былъ нелюбимъ народомъ. Всѣ эти знаки вниманія къ евреямъ Вителлій оказывалъ безъ прямого

предписанія императора и лишь на основаніи общихъ указаній, касавшихся направленія политики къ евреямъ. Онъ получилъ отъ императора опредѣленное предписаніе помогать всѣмъ находившимся въ его распоряженіи римскимъ войскомъ еврейскому князю Ироду Антипѣ въ неправой войнѣ его противъ набатейскаго царя Ареты. Антипа былъ женатъ на дочери *Ареты*; тѣмъ не менѣе онъ влюбился въ *Иродіаду*, жену своего брата Ирода, который, будучи лишенъ наслѣдства своимъ отцомъ Иродомъ I, жилъ въ качествѣ частнаго человѣка, вѣроятно, въ Кесаріи. Онъ познакомился съ ней во время путешествія въ Римъ, и честолюбивая Иродіада, которая чувствовала себя несчастной, будучи женой частнаго лица, вѣроломно оставила своего мужа, отъ котораго она уже имѣла дочь, и вступила въ противозаконный бракъ съ его братомъ. Первая, набатейская жена Антипы, справедливо возмущенная этимъ нарушеніемъ вѣрности, бѣжала къ своему отцу Аретѣ и возбуждала его къ войнѣ противъ мужа. Пограничныя столкновенія по поводу раздѣленія области Галадитиды (Gilad) послужили предлогомъ къ войнѣ, которая первоначально велась въ незначительныхъ размѣрахъ. Наконецъ Антипа потерпѣлъ большое пораженіе. Лишь только онъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія императора, тотъ немедленно отдалъ приказъ Вителлію помочь Антипѣ противъ набатейскаго царя. Когда Вителлій намѣренъ былъ пройти съ двумя легіонами черезъ Іудею, евреи снова выразили недовольство по поводу изображеній императора, находившихся на знаменахъ, съ которыми легіоны должны были пройти черезъ Іудею и Іерусалимъ. Римскій полководецъ былъ настолько любезенъ, что приказалъ войску пройти по ту сторону Іордана, а не черезъ Іудею. Въ то время, какъ войско направлялось въ Петру, Вителлій направился къ Антипѣ на праздникъ Пасхи въ Іерусалимъ, былъ принятъ самымъ предупредительнымъ образомъ и принесъ тамъ жертву. Но прежде, чѣмъ онъ хотѣлъ отправиться дальше, онъ получилъ извѣстіе о смерти Тиверія (16 марта 37 г.) и отложилъ походъ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій новаго императора. Вителлій былъ безспорно наилучшимъ изъ намѣстниковъ Іудеи, и народъ сохранилъ о немъ хорошую память. Произведенное имъ смѣщеніе священника Іонатана и назначеніе на его мѣсто его брата *Теофила* произведено было имъ, вѣроятно, не противъ желанія народа.

ГЛАВА XII.

Агриппа I. Иродъ II.

Характеръ, жизнь и положеніе Агриппы. Зависть александрійскихъ грековъ къ евреямъ. Враждебная евреямъ литература. Врагъ евреевъ Аніонъ. Возстаніе грековъ въ Александріи противъ евреевъ. Намѣстникъ Флаккъ. Споръ изъ-за равноправія евреевъ въ Александріи. Третья книга Маккавеевъ. Еврейское посольство. Филонъ. Обращеніе Калигулы съ еврейскимъ посольствомъ. Приказаніе Калигулы поставить его изображеніе въ храмѣ. Смерть Калигулы освобождаетъ евреевъ отъ опасности. Могущество Агриппы при Клавдіи. Его правленіе. Гамаліилъ Старшій и его предписанія. Литература. Смерть Агриппы. Намѣстники. Иродъ II. Лжемессія Ѳевда. Тиверій Александръ. Смерть Ирода II.

(37—49).

Когда римскій императоръ Тиверій былъ задушенъ, и сенатъ на мгновеніе сталъ мечтать о возстановленіи древней свободы, Римъ не подозрѣвалъ, что въ лицѣ едва готовой христіанской общины въ Іерусалимѣ родился врагъ, который нѣкогда измѣнитъ его строй, низвергнетъ его боговъ, сломитъ его могущество и, наконецъ, доведетъ его до медленнаго угасанія и полнаго разрушенія. Мысль, возникшая у одного изъ сыновей еврейскаго народа и вынесенная имъ на свѣтъ, развитая презираемымъ классомъ людей, должна была стереть въ прахъ римское могущество и великолѣпіе. Третій римскій императоръ, *Кай Калигула*, самъ способствовалъ тому, чтобы предать еще большему презрѣнію римское язычество, главную опору римской имперіи. Вслѣдъ за мрачнымъ человѣконенавистничествомъ на тронъ цезарей послѣдовали безуміе и трусливая жестокость. Ни одинъ изъ порабощенныхъ Римомъ народовъ не испытывалъ перемѣны престола въ Римѣ чувствительнѣе, чѣмъ еврейскій; каждая перемѣна въ высшихъ римскихъ кругахъ производила на Іудею иногда благопріятное-большею частью неблагопріятное дѣйствіе. Въ первое время послѣ воцаренія Калигулы казалось, что направленіе политики будетъ благопріятнымъ для евреевъ. Калигула осыпалъ одного изъ лучшихъ еврейскихъ князей, *Агриппу*, выраженіями своего расположенія, которыя подавали надежду на нѣкоторыя облегченія отъ римскаго гнета. Вскорѣ однако оказалось, что это расположеніе и эта благосклонность зависятъ отъ минутнаго настроенія императора, и оно уступило мѣсто другому, кровожадному, которое вызвало страхъ и ужасъ среди евреевъ, жившихъ въ римской имперіи.

Агриппа (род. около 10 г. до Р. Х., ум. въ 44 послѣ Р. Х.) былъ сынъ казненнаго Иродомъ Аристовула и внукъ хасмонеянки Маріамны; онъ принадлежалъ такимъ образомъ къ хасмонейскому и идумейскому семействамъ, и эти два элемента враждовали въ его душѣ до тѣхъ поръ, пока болѣе благородный не одержалъ побѣды. Воспитанный въ Римѣ и выросшій въ обществѣ сына Тиверія, Друза, Агриппа сначала проявилъ проді-

анскія черты своего характера. Онъ былъ слугой римлянъ, тратилъ свое состояніе на то, чтобы покупать ихъ расположеніе, и унаслѣдованное отъ своей бабки Маріамны благородство служило только для того, чтобы увеличить его расточительность. Послѣ того, какъ онъ истратилъ состояніе своей матери Вероники, онъ попалъ въ долги. Когда онъ послѣ смерти своего друга Друза (23 по Р. Х.) долженъ былъ оставить Римъ и вернуться въ Іудею, онъ попалъ въ такую нужду, что долженъ былъ жить въ глухомъ углу Идумеи, послѣ того, какъ онъ привыкъ жить на широкую ногу и вращаться въ обществѣ сыновей цезаря. Находясь въ такой нуждѣ, онъ носился съ мыслью о самоубійствѣ, которое могло бы принести ему избавленіе. Его великодушная супруга *Кифариса*, внучка брата Ирода I, Фазаэля, хлопотала за него, чтобы вырвать его изъ отчаянія, передъ своей сестрой Иродіадой, княгиней Галилеи, которая, хотя и не была расположена къ своему брату, все же побудила своего мужа Антипу изъ фамильныхъ соображеній доставить Агриппѣ средства къ жизни. Агриппа былъ назначенъ надсмотрщикомъ надъ рынкомъ въ Тиверіадѣ. Получивъ однажды отъ Антипы указаніе на свою зависимость отъ него, Агриппа оставилъ его и жилъ на хлѣбахъ у сирійскаго намѣстника Флакка. Иродіане дошли до того, что они чуть ли не должны были просить, какъ милостыни, хлѣба. Они заслужили это своею испорченностью, дошедшею до уничтоженія всякаго чувства кровнаго родства. Изъ двусмысленнаго положенія друга сирійскаго намѣстника Агриппа былъ вытѣсненъ своимъ братомъ Аристовуломъ, который завидовалъ ему въ расположеніи римлянина. Оставленный своими, враждебно къ нему относившимися, Агриппа рѣшилъ снова искать счастья въ Римѣ; съ трудомъ онъ избѣгалъ долговой тюрьмы, куда приказалъ его посадить управляющій императорскими имѣніями въ Ямніи за то, что онъ долженъ былъ императорской казнѣ 300,000 драхмъ. Самый богатый и уважаемый еврей въ александрійской общинѣ, арабархъ *Александръ Лизимахъ*, у котораго онъ искалъ помощи, снабдилъ его необходимыми средствами для путешествія. Это былъ одинъ изъ самыхъ благородныхъ евреевъ своего времени; онъ управлялъ имѣніями молодой Антоніи, дочери тріумвира Антонія отъ его перваго брака съ сестрой Августа, которыя послѣдній оставилъ ей изъ наслѣдства ея отца въ Египтѣ. Арабархъ оказалъ такъ много услугъ императорской фамиліи, что былъ усыновленъ послѣдней; поэтому онъ получилъ право присоединить къ своему имени имя императорскаго дома: Тиверій Юлій Александръ. Безъ сомнѣнія, онъ обладалъ утонченнымъ греческимъ образованіемъ своего времени, его братъ Филонъ принадлежалъ къ числу самыхъ блестящихъ знатоковъ греческаго образованія. Тѣмъ не менѣе арабархъ Александръ питалъ глубокую привязанность къ своимъ единоплеменникамъ и къ храму. На его средства

были покрыты чистымъ золотомъ всѣ ворота храма, которыя вели изъ внѣшняго двора во внутренній, за исключеніемъ воротъ Никанора (стр. 169).

Этотъ Александръ не хотѣлъ допустить Агриппу до гибели, но, не довѣряя ему въ виду его безконечныхъ долговъ, онъ побудилъ жену его поручиться за него. Пріѣхавъ въ Римъ, Агриппа началъ новую жизнь искателя приключеній. Первоначально дружелюбно принятый императоромъ Тиверіемъ на островѣ Капри изъ воспоминанія о дружбѣ Агриппы съ умершимъ сыномъ его, Агриппа немедленно попалъ въ немилость, когда императоръ узналъ, какую сумму онъ долженъ императорской казнѣ. Изъ этого затруднительнаго положенія помогла ему выйти Антонія, невѣстка императора (стр. 233), помнившая о матери Агриппы Вероникѣ, которая жила въ Римѣ для воспитанія своего сына. Благодаря ея посредничеству, этотъ князь, искатель приключеній, снова попалъ въ честь и сталъ довѣреннымъ другомъ наслѣдника престола, Кая Калигулы. Какъ будто для того, чтобы все испытать, Агриппа былъ вырванъ изъ общества будущаго императора и брошенъ въ тюрьму за то, что онъ однажды, льстя Калигулѣ, высказалъ желаніе: „Вотъ если бы Тиверій скоро умеръ и оставилъ имперію болѣе достойному“. Одинъ изъ его рабовъ донесъ императору объ этомъ необдуманномъ замѣчаніи. Въ тюрьмѣ Агриппа оставался шесть мѣсяцевъ (съ окт. 36 до марта 37) до смерти Тиверія. Съ восшествіемъ на престолъ его друга Калигулы для Агриппы взошла счастливая звѣзда. Новый императоръ освободилъ его изъ тюрьмы, подарилъ ему на память о вынесенныхъ имъ страданіяхъ золотую цѣпь вмѣсто желѣзной, которую онъ долженъ былъ носить, одѣлъ на него діадему, принадлежность царскаго титула, передалъ ему тетрархію Филиппа, которая раньше досталась Риму, и часть граничившаго съ ней княжества Лизанія, называемую Абила Лизанія ($3\frac{3}{5}$ мил. къ сѣв.-вост. отъ Дамаска). Римскій сенатъ даровалъ ему титулъ претора. Насколько императоръ Калигула, первоначально обѣщавшій быть хорошимъ правителемъ, былъ привязанъ къ Агриппѣ, показываетъ то обстоятельство, что онъ отпустилъ его только черезъ годъ и взялъ съ него обѣщаніе скоро возвратиться.

Когда Агриппа появился, какъ царь и любимецъ императора, въ Іудеѣ, которую онъ оставилъ почти нищій, погрязши въ долгахъ, перемѣна въ его судьбѣ возбудила зависть его сестры Иродіады, которая, снѣдаемая честолюбіемъ, стала побуждать своего супруга точно также отправиться въ Римъ и выпросить у щедраго молодого императора по крайней мѣрѣ царство. Здѣсь во всей своей наготѣ проявилось то отсутствіе взаимной любви, которымъ отличались иродіане. Изъ страха, что Антипа замѣнитъ его въ милости Калигулы, или изъ мести за перенесенное оскорбленіе, Агриппа оклеветалъ его въ письмѣ слѣдующаго содержанія:

Антипа носится съ измѣнническими планами; онъ принималъ участіе въ заговорѣ Сеяна противъ Тиверія; онъ поддерживаетъ сношенія съ парѳянами, врагами римлянъ; онъ собралъ въ своей столицѣ столько оружія, что можно вооружить войско въ 70000 человѣкъ. Антипа, спрошенный объ этомъ императоромъ во время одной аудіенціи, признался въ наличности оружія, и былъ немедленно приговоренъ къ потерѣ своего княжества и къ изгнанію въ Ліонъ, въ Галлію (39), куда за нимъ послѣдовала его жена. Антипа, послѣдній сынъ Ирода, и Иродіада, его внучка, умерли въ изгнаніи. Ихъ наслѣдство императоръ передалъ своему другу Агриппѣ, который, послѣ присоединенія княжествъ Галилеи и Пирен (39), сталъ властителемъ значительной области.

Расположеніе, которое оказалъ Калигула обѣднѣвшему Агриппѣ и которое, какъ можно было предположить, должно было перейти и на единовѣрцевъ царя, возбудило зависть въ язычникахъ и дало поводъ проявиться безпочвенной ненависти, которую издавна таили александрійскіе греки противъ евреевъ. Вообще, евреи имѣли во всей римской имперіи явныхъ и тайныхъ враговъ. Это была смѣсь слѣпой расовой ненависти и скрытой боязни, что презрѣнный и все же столь гордый народъ нѣкогда пріобрѣтетъ господство, и этотъ страхъ владѣлъ римлянами и греками. Но это враждебное настроеніе нигдѣ не достигло столь высокой степени, какъ среди безпокойнаго, безнравственнаго, празднаго и ищущаго только развлеченій греческаго населенія Александріи. Оно завистливо смотрѣло на производительную дѣятельность и на благосостояніе своихъ еврейскихъ сосѣдей, превосходившихъ его въ этомъ отношеніи и не уступавшихъ ему ни въ эстетическомъ, ни въ философскомъ образованіи, которыми они всего болѣе гордились. Эта ненависть ведетъ свое происхожденіе еще съ того времени, когда египетская царица поручила еврейскимъ военачальникамъ завѣдываніе внѣшними дѣлами страны (стр. 58, 92), и усилилась вслѣдствіе предпочтенія, которое оказывали евреямъ первые римскіе императоры: послѣдніе питали больше довѣрія къ надежнымъ евреямъ, чѣмъ къ легкомысленнымъ грекамъ. Нѣкоторые писатели воспитывали эту ненависть и, чтобы унизить евреевъ, искажали ихъ исторію, которой тѣ такъ гордились.

Такъ какъ Египетъ былъ колыбелью еврейскаго народа, то эти писатели отыскали якобы старинныя египетскія писанія, главной темой которыхъ было слѣдующее: евреи были изгнаны изъ Египта изъ-за проказы; гнѣвъ египетскихъ боговъ поразилъ ихъ; они долго бродили въ пустынѣ, потому что египтяне ихъ отталкивали; Моисей училъ презрѣнію къ богамъ и враждѣ къ чужеземцамъ. Эти клеветническія писанія, якобы написанныя египетскимъ жрецомъ Манеѳономъ (стр. 29), противъ еврейской древности были источниками, откуда греческіе писатели черпали доказательства для своихъ юдофобскихъ сочиненій. Чѣмъ болѣе евреи гордились своею религіею, которую они устно и письменно противопоставляли грубому язычеству, тѣмъ болѣе было важно для греческихъ писателей унизить іудаизмъ и поставить его глубоко ниже язычества. Они называли евреевъ то безбожниками, потому что тѣ не почитали изображеній боговъ, то человѣконенавистниками, потому что не могли ѣсть за однимъ столомъ съ язычниками, то трусами, то забіяками [1]), смотря по тому, что имъ нужно было. Главными представителями этой враждебной евреямъ литературы были два александрійца, одинъ сирійскій грекъ и одинъ родосецъ, почерпнувшій у сирійца тотъ ядъ, который онъ изливалъ на евреевъ. Старѣйшій изъ этихъ памфлетистовъ былъ стоикъ Посидоній изъ сирійской Апамеи (род. 135, ум. 51 до Р. Х.); его лживыя сказки настроили противъ еврейскаго народа грековъ и римлянъ, и отзвукъ ихъ слышится даже въ наше время. Онъ былъ свидѣтелемъ расцвѣта еврейскаго народа при хасмонеяхъ: Гирканѣ I, Александрѣ I и царицѣ Александрѣ и одновременно свидѣтелемъ паденія сирійскаго царства, которое такъ долго порабощало евреевъ. Это наблюденіе затронуло Посидонія и наполнило его душу ненавистью къ евреямъ. Онъ поэтому выдумалъ небылицы объ ихъ происхожденіи и богопочитаніи или же сталъ распространять тѣ, которыя выдумали льстецы Антіоха Эпифана, чтобы оправдать нечестивые поступки этого царя по отношенію къ еврейскому святилищу. Въ своихъ разсказахъ Посидоній принялъ ложь объ изгнаніи предковъ еврейскаго народа изъ Египта вслѣдствіе проказы и о томъ, что законодательство Моисея учитъ ненависти ко всѣмъ народамъ. Лживую и злую сказку о томъ, что евреи во внутреннемъ святилищѣ (Святая святыхъ) храма почитаютъ осла и ежегодно вскармливаютъ грека, чтобы изъ ненависти къ грекамъ въ опредѣленный день убить его, Посидоній, если не выдумалъ, то пустилъ въ обращеніе среди грековъ и римлянъ и возбуждалъ весь міръ противъ еврейскаго народа. Онъ пережилъ еще время, когда Помпей послѣ завоеванія Іерусалима проникъ въ храмъ и былъ крайне удивленъ, не найдя тамъ никакого изображенія. Однако неизвѣстно, чтобы Посидоній, который былъ друженъ съ Помпеемъ, опровергъ свои сказки.

Лживый разсказъ о почитаніи осла и клеветническое обвиненіе въ убійствѣ грека въ храмѣ и въ человѣконенавистническомъ отношеніи ко всѣмъ народамъ и въ особенности къ грекамъ принялъ какъ доказанную истину и сталъ распространять со своей стороны младшій современникъ Посидонія, жившій съ нимъ на островѣ Родосѣ, ораторъ *Аполлоній Моло*. Но въ то время, какъ первый касался этого разсказа только попутно, излагая

[1]) Іосифъ Флавій contra Apionem.

исторію сирійско-македонскихъ царей, послѣдній сдѣлалъ его исходнымъ пунктомъ для обвиненія евреевъ въ ихъ развращенности. Моло прошелъ черезъ всю древнюю исторію евреевъ (въ греческомъ переложеніи), сообщилъ объ изгнаніи евреевъ изъ-за какого то порока и очернилъ Моисея, этого законодателя чистой нравственности, какъ волшебника, давшаго законы, не побуждающіе къ какой бы то ни было добродѣтели и полные зла. Сказку о почитаніи осла и объ убійствѣ грека въ качествѣ жертвы Моло, разумѣется, принялъ, какъ правду. Онъ сдѣлалъ отсюда выводъ, что евреи богохульники и человѣконенавистники, упрекнулъ ихъ одновременно въ трусости и безумной дерзости и опредѣлилъ ихъ какъ самый неспособный народъ среди варваровъ, который не далъ никакого изобрѣтенія для общей пользы. Отъ этихъ обоихъ родосскихъ писателей Цицеронъ, жившій въ ихъ обществѣ, заимствовалъ свои недостойныя выходки противъ еврейскаго народа и еврейскаго закона (стр. 121). Юлій Цезарь, который точно также былъ знакомъ съ Посидоніемъ и Моло, остался однако свободенъ отъ этихъ предразсудковъ противъ евреевъ.

Александрійскіе греки жадно ухватились за эти памфлеты, преувеличили находившуюся тамъ брань и дали имъ еще болѣе широкое распространеніе и очень непріятное для евреевъ того времени примѣненіе. Одинъ изъ нихъ, по имени *Херемонъ* (50 до Р. Х.), который возстановилъ древне-египетскую исторію на основаніи преданій, ограничился тѣмъ, что попытался запятнать происхожденіе еврейскаго народа. Въ одномъ сочиненіи онъ передаетъ, что евреи были изгнаны изъ Египта за нечистоту подъ предводительствомъ книжника Іосифа, современникомъ котораго былъ священникъ Моисей. Оба они были египтяне, первый носилъ имя *Петесефъ*, а второй *Тизиѳъ*. Написалъ-ли Херемонъ еще другія лживыя сказки о евреяхъ, неизвѣстно. Ядовитѣе, чѣмъ онъ, описываетъ евреевъ его младшій современникъ *Лизимахъ* (30 до Р. Х.). Въ своемъ сочиненіи объ египетской исторіи онъ не только принялъ сказку объ изгнаніи евреевъ изъ Египта изъ-за проказы, именно при царѣ Бокхорѣ, но прибавилъ еще, что ихъ законодатель Моисей приказалъ имъ не дѣлать ничего хорошаго людямъ и посовѣтовалъ разрушать храмы и алтари другихъ народовъ. Это они исполнили безъ всякаго снисхожденія, и поэтому Іерусалимъ носилъ первоначально имя *Гіеросила*, что значитъ разрушительница святилищъ. Ненавистническія вылазки родосскаго оратора Аполлонія Моло были также приняты Лизимахомъ, и онъ сообщалъ, что законы евреевъ неправедны, несправедливы и полны человѣконенавистничества.

Эти авторы, писавшіе по-гречески, не были единственными, которые изъ злобы и расовой ненависти пытались опозорить и запятнать

прошлое евреевъ, ихъ законы и ихъ великаго законодателя Моисея. Одинъ изъ нихъ выдумалъ слѣдующую небылицу: евреи послѣ изгнанія изъ Египта изъ-за проказы долго блуждали по пустынѣ и были близки къ гибели вслѣдствіе недостатка воды; тогда ихъ предводитель Моисей посовѣтовалъ имъ послѣдовать за стадомъ дикихъ ословъ, потому что эти послѣдніе ищутъ обильныхъ водой мѣстъ. Евреи дѣйствительно нашли воду и утолили свою жажду; послѣ шести-дневнаго блужданія они пришли въ страну, гдѣ построили столицу и храмъ; вслѣдствіе этихъ происшествій они празднуютъ седьмой день, когда они нашли покой, и приносятъ божеское поклоненіе осламъ.

Какая масса брани выливалась на бѣдный еврейскій народъ, который далекъ былъ отъ того, чтобы вести войну для уничтоженія сосѣдей и думалъ лишь о своей защитѣ! Только немногіе греческіе писатели, говорившіе о евреяхъ, воздержались отъ того, чтобы клеветать на нихъ. Извѣстны только одинъ, который благопріятно отзывался объ ихъ происхожденіи и богопочитаніи, и два, которые не написали ничего неблагопріятнаго о нихъ.

Корнелій Александръ изъ Милета, прозванный *Полигисторомъ* за то, что онъ обладалъ большою начитанностью въ исторіи и писалъ по исторіи и географіи (82—50 до Р. Х.), заимствовалъ извѣстія о древней исторіи евреевъ у еврейскихъ писателей, которые ему были извѣстны, изъ сказочной переработки древне-еврейской исторіи на греческомъ языкѣ Дмитрія, Эвполема и Артапана, изъ драмы объ исходѣ изъ Египта трагическаго писателя *Іезекіиля* и изъ сочиненія Теодота о значеніи Сихема. Александръ зналъ не только пасквили о евреяхъ Манеѳона, но и Аполлонія Моло или Молона, и у перваго ничего не заимствовалъ, у второго же только то, что не содержало въ себѣ брани. Это былъ лишенный таланта собиратель, но ему дѣлаетъ честь то, что онъ былъ свободенъ отъ брани грековъ и отъ расовой ненависти своихъ современниковъ. *Николай Дамасскій* (род. 64 до Р. Х.—ум. въ нач. Хр. эры) въ своихъ историческихъ книгахъ не писалъ ничего дурного объ евреяхъ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ довѣреннымъ лицомъ царя Ирода, по желанію котораго велъ защиту іонійскихъ евреевъ противъ враждебныхъ имъ грековъ передъ правой рукой Августа, Маркомъ Агриппой, и добился того, что они не были ограничены въ своихъ гражданскихъ правахъ и въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ (стр. 171). Его младшій современникъ *Страбонъ* (род. 66 до Р. Х., ум. 24 по—), самый значительный географъ древности, въ своемъ географическомъ, перемѣшанномъ съ исторіей, трудѣ посвятилъ еврейству прекрасныя страницы. Хотя онъ считалъ евреевъ происходящими изъ Египта, но онъ не повторялъ навѣрное из-

вѣстной ему сказки объ ихъ изгнаніи изъ за нечистоты и проказы. Онъ представляетъ скорѣе исходъ въ такомъ свѣтѣ, что Моисей во главѣ еврейскаго народа оставилъ страну Нила потому, что ему былъ ненавистенъ образъ жизни египтянъ и ихъ многобожіе. При разсказѣ о Моисеѣ Страбонъ съ очевиднымъ одобреніемъ говоритъ объ единствѣ Бога сравнительно съ многобожіемъ и о лишенномъ изображеній богопочитаніи, которому училъ Моисей, сравнительно съ почитаніемъ животныхъ у египтянъ и уподобленіемъ божества человѣческому тѣлу у грековъ. „Какъ можетъ разумный человѣкъ осмѣлиться выдумать какое бы то ни было человѣческое изображеніе божества?“ — восклицаетъ онъ [1]). Противъ воззрѣнія іудаизма Посидоніемъ, Моло, Херемономъ, Лизимахомъ и другими греками Страбонъ выставляетъ это ученіе какъ способствующее добродѣтели. Оно обѣщаетъ благо отъ божества тому, кто живетъ добродѣтельно и согласно со справедливостью [2]). Страбонъ разсказываетъ, что преемники Моисея нѣкоторое время держались опредѣленныхъ имъ законовъ праведной дѣятельности и страха Божія. Только позднѣйшіе правители, злоупотреблявшіе властью, и въ особенности священники ввели новые своеобразные законы, каковы отказъ отъ нѣкоторой пищи, обрѣзаніе и т. п., что Страбонъ опредѣляетъ какъ суевѣріе. О іерусалимскомъ святилищѣ Страбонъ говоритъ съ извѣстнымъ почтеніемъ. Хотя правители, какъ отступники отъ чистаго закона Моисея, дурно обращались съ народомъ, однако за столицей Іудеи осталось извѣстное достоинство, въ силу котораго не смотрѣли на нее какъ на мѣстопребываніе угнетателей, а, наоборотъ, считали ее священной и уважали, какъ храмъ Божій [3]). Страбонъ провелъ нѣкоторое время въ Александріи и, какъ кажется, вращался въ обществѣ образованныхъ евреевъ, бывалъ въ домѣ тогдашняго арабарха, разсматривавшагося, по его словамъ, почти какъ князь независимаго еврейскаго государства, члены котораго населяютъ значительную часть Александріи [4]).

Эта дарованная римскими императорами евреямъ въ египетской столицѣ самостоятельность, какой не пользовались тамошніе греки, раздражала этихъ послѣднихъ въ высшей степени. Расовая ненависть между греками и евреями достигала поэтому въ Александріи высшей степени, и ею воспользовался одинъ безстыдный негодяй, который превзошелъ всѣхъ іудофобскихъ писателей дерзостью своей клеветы. Это былъ египтянинъ *Апіонъ*, который получилъ въ Александріи право гражданства и былъ полонъ злобной зависти противъ благопріятнаго положенія евреевъ. Онъ возродилъ сказки своихъ предшественниковъ, выдумалъ новыя

[1]) Страбонъ XVI 2, 35.
[2]) Т. же [3]) Т. же 2, 37. [4]) У Флавія Древн. XIV 7, 2.

и дурачилъ толпу своимъ увлекательнымъ слогомъ и шарлатанствомъ. Апіонъ былъ одинъ изъ тѣхъ шарлатановъ, которые живутъ сообразно съ принципомъ: люди хотятъ, чтобы ихъ обманывали, поэтому они должны быть обмануты. Какъ толкователь гомеровскихъ пѣсенъ, онъ объѣхалъ всю Грецію и Малую Азію и умѣлъ разсказывать грекамъ такія лестныя для нихъ сказки, что они носили его на рукахъ. Все онъ будто бы видѣлъ своими глазами или слышалъ отъ достойныхъ довѣрія людей; онъ будто бы даже вызвалъ духъ Гомера, который сообщилъ ему, въ какомъ городѣ Греціи онъ родился; только Апіонъ не можетъ раскрыть этой тайны. При этомъ Апіонъ отличался такимъ пустымъ тщеславіемъ, что его называли „трубящимъ о собственной славѣ“. Апіонъ считалъ александрійцевъ счастливыми, потому что они его имѣютъ своимъ согражданиномъ. Что же удивительнаго въ томъ, что такой хвастунъ и лгунъ воспользовался ненавистью александрійцевъ къ евреямъ, чтобы сплести новую сѣть лжи о прошломъ и о характерѣ еврейства. По его словамъ, Моисей былъ жрецомъ въ Геліополисѣ; еврейскій народъ вовсе не такъ старъ и возникъ только во время постройки Карѳагена. Въ качествѣ доказательства онъ приводитъ то, что древніе историки ничего не знаютъ о евреяхъ. Тѣ 120.000 евреевъ, которые были изгнаны изъ Египта изъ-за проказы, имѣли язвы на срамныхъ мѣстахъ и только послѣ шестидневнаго тяжелаго странствованія по пустынѣ нашли покой въ Іудеѣ. Они праздновали субботу, потому что по-египетски эта гнусная болѣзнь называется саббатозисъ; такъ Апіонъ истолковывалъ по своему значеніе субботы. Онъ собралъ сочиненныя Антіохомъ Эпифаномъ или его льстецами, для оправданія его злодѣйскихъ поступковъ по отношенію къ евреямъ, сказки о почитаніи осла и о вскармливаніи въ храмѣ назначеннаго для умерщвленія грека. Въ сочиненіи, которое онъ направилъ противъ евреевъ, онъ дѣлалъ злобныя замѣчанія о тѣхъ изъ нихъ, которые занимали въ Александріи высокое положеніе, и напоминалъ о ненависти послѣдней Клеопатры къ евреямъ. Апіонъ былъ первымъ систематическимъ юдофобомъ изъ язычниковъ.

Это враждебное настроеніе александрійцевъ къ евреямъ, выросшее, подобно господствовавшему въ средніе вѣка, на почвѣ зависти и ненависти, какъ религіозной, такъ и національной, должно было сдерживаться при Августѣ и Тиверіи, потому что императорскіе намѣстники въ Египтѣ не допускали никакихъ нарушеній спокойствія. При Калигулѣ обстоятельства измѣнились; александрійскіе язычники знали, что намѣстникъ Флаккъ, другъ Тиверія и сторонникъ его внука, умерщвленнаго Калигулой, былъ подозрителенъ императору, который охотно слушалъ бы всякія обвиненія противъ намѣстника. Флаккъ такъ боялся привлечь на себя вниманіе мстительнаго

императора и быть оклеветаннымъ передъ нимъ, что онъ далъ себя напугать александрійской черни. Онъ поэтому смотрѣлъ сквозь пальцы на насильственныя дѣйствія ея, пользовавшейся имъ какъ простымъ орудіемъ. При извѣстіи, что Агриппа получилъ царскую діадему, александрійскіе язычники были этимъ такъ раздражены, какъ будто у нихъ вырвали принадлежавшее имъ царство. Торжество александрійскихъ евреевъ, съ которыми Агриппа былъ связанъ черезъ посредство ихъ арабарха Александра, еще болѣе возбудило ихъ языческихъ согражданъ, такъ что послѣдніе стали употреблять насиліе. Виновниками и руководителями враждебныхъ евреямъ демонстрацій были два недостойныхъ человѣка: подкупный историкъ *Исидоръ*, котораго народъ называлъ „кровавымъ перомъ“ за то, что своимъ перомъ онъ стоилъ многимъ жизни, и *Лампо*, одинъ изъ тѣхъ безсовѣстныхъ развратниковъ, которые появляются среди безнравственнаго города въ жаркомъ климатѣ. Эти проныры съ одной стороны господствовали надъ ставшимъ безвольнымъ намѣстникомъ и съ другой стороны руководили чернью, которая по одному ихъ движенію готова была удовлетворить свою ненависть къ евреямъ.

Къ несчастью, Агриппа, въ судьбѣ котораго произошла перемѣна, возбудившая недовольство александрійскихъ грековъ, во время своего путешествія изъ Рима въ Іудею (іюль 38) проѣхалъ черезъ Александрію. Хотѣлъ ли онъ, какъ говорили его защитники, только привѣтствовать своихъ друзей, или, какъ утверждаютъ его враги, только удовлетворить своему тщеславію, красуясь въ царской діадемѣ во второмъ римскомъ и еврейскомъ городѣ,—какъ бы тамъ ни было, его появленіе дало поводъ и пищу къ столкновеніямъ враждебному евреямъ направленію. Намѣстникъ, который чувствовалъ себя отодвинутымъ Агриппой на второй планъ, внутренно радовался этому. Столкновенія начались шуткой и окончились для евреевъ кровью. Прежде всего Агриппа и еврен были осмѣяны чувствительнымъ образомъ. Толпа одѣла на невиннаго дурачка *Карабаса*, служившаго игрушкой александрійской уличной черни, корону изъ папируса, нацѣпила на него цыновку вмѣсто мантіи, дала ему въ руки кнутъ вмѣсто скипетра, поставила его на самомъ высшемъ мѣстѣ гимназіи и привѣтствовала его съ комическимъ почтеніемъ какъ царя и обращалась къ нему по-халдейски „маранъ“ (нашъ господинъ). На слѣдующій день возбужденная чернь ворвалась въ синагоги (прозеухи) и поставила тамъ статуи императора подъ предлогомъ, что она желаетъ ихъ посвятить Калигулѣ. По настоянію юдофобовъ, Флаккъ отнялъ у еврейскихъ жителей Александріи ихъ многовѣковыя, подтвержденныя первыми императорами гражданскія права и объявилъ ихъ безправными чужеземцами. Это былъ чувствительный ударъ для гордыхъ своимъ равноправіемъ александрійскихъ евреевъ, которые увеличили такъ же, какъ и греческіе жители, славу столицы наукой, искусствомъ, промышленностью и мореплаваньемъ. Этимъ Флаккъ вышелъ изъ роли равнодушнаго зрителя и самъ сталъ принимать участіе въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ противъ евреевъ.

Евреи были изгнаны изъ четырехъ кварталовъ Александріи и скучены въ населенный ими кварталъ или дельту у гавани. Въ оставленные ими дома и мастерскія ворвалась жадная до грабежа толпа, грабила, разрушала, уничтожала все то, что скоплялось въ теченіе столѣтій. Больше 400 еврейскихъ домовъ было разрушено. Богатѣйшіе евреи, среди которыхъ три уважаемыхъ человѣка, члены еврейскаго совѣта, *Энудій*, *Трифонъ и Андронъ*, потерявшіе вслѣдствіе разрушенія ихъ домовъ все свое имущество, попали въ нищету. Чернь осадила дельту, чтобы никого не выпускать, и думала голодомъ и жарой извести скученное на небольшомъ пространствѣ еврейское населеніе. Если недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ заставлялъ нѣкоторыхъ выйти изъ осажденнаго квартала, то съ ними поступали самымъ жестокимъ образомъ, мучили, бросали безъ всякаго сожалѣнія въ огонь или распинали на крестахъ. Это бѣдственное состояніе продолжалось больше мѣсяца. Внезапно намѣстникъ приказалъ схватить 38 членовъ Верховнаго Совѣта въ ихъ жилищахъ и среди нихъ трехъ вышеназванныхъ, бросить въ оковы, потащить въ театръ и тамъ бичевать ихъ въ присутствіи всей черни (31 авг. 38 г.). Это насиліе было тѣмъ чувствительнѣе, что александрійскіе евреи императорскими привилегіями были избавлены отъ позорящихъ наказаній. Кромѣ того, бичеваніе было произведено въ день рожденія императора, когда даже преступникамъ обыкновенно откладывалось наказаніе. Нѣкоторые члены Совѣта, вѣроятно, вслѣдствіе старости испустили духъ отъ страданій; другіе еще впослѣдствіи страдали отъ нихъ. Даже женщинъ оскорбляли и били. Лишь только встрѣчали еврейскихъ женщинъ и дѣвушекъ, ихъ заставляли ѣсть свинное мясо и, когда онѣ отказывались, ихъ нещадно пытали. Недовольный еще этимъ, Флаккъ приказалъ центуріону съ солдатами напасть на дома евреевъ въ Дельтѣ и обыскать, нѣтъ ли тамъ оружія; даже комнаты стыдливыхъ дѣвицъ не были избавлены отъ обыска. Эти бѣдствія продолжались до половины сентября; тогда внезапно явился императорскій чиновникъ, чтобы смѣстить Флакка и отправить въ Римъ, но не изъ-за его возмутительныхъ поступковъ, а только потому, что онъ былъ ненавистенъ императору. На праздникъ Кущей несчастные, согнанные въ одинъ уголокъ, получили радостное извѣстіе о смѣщеніи Флакка. Впослѣдствіи онъ былъ приговоренъ къ изгнанію и убитъ.

Его преемникъ, *Бассъ*, возстановилъ порядокъ и защитилъ евреевъ

отъ новыхъ вспышекъ народной ярости, но трагедія еще не была окончена. Вопросъ о равноправіи евреевъ былъ предметомъ горячаго спора. При этомъ случаѣ глава юдофобовъ, Апіонъ, въ особомъ сочиненіи, путемъ всевозможныхъ ухищреній, доказывалъ, что евреи явились въ Александрію лишь какъ плѣнники [1]), и что имъ изъ-за ихъ испорченности отвели худшую часть города, ближайшую къ морю. Пропустивъ египетскихъ правителей, Эвергета I, Филометора VI, его жену и дочь Клеопатру, которые относились къ евреямъ чрезвычайно благосклонно, и осыпавъ бранью еврейскихъ великихъ людей, способствовавшихъ процвѣтанію египетскаго царства, Оніаса и Досиѳея, Апіонъ говорилъ только о враждебныхъ евреямъ правителяхъ, о Птоломеѣ Фисконѣ и послѣдней Клеопатрѣ, изъ которыхъ первый приказалъ растоптать евреевъ Александріи слонами (стр. 38), а послѣдняя во время голода отказалась помочь имъ хлѣбомъ (стр. 151).

Споръ о гражданскихъ правахъ могъ разрѣшить только императоръ, но онъ находился тогда въ Германіи и Галліи, празднуя дѣтскія побѣды и собирая раковины на британскомъ берегу для своего будущаго тріумфа. Вернувшись въ Римъ, онъ напалъ на безумную мысль объявить себя сначала полубогомъ, затѣмъ богомъ, приказалъ строить себѣ храмы, гдѣ бы поклонялись его изображенію. Тогда греки думали, что они выиграли дѣло противъ евреевъ. Они вновь насильственно поставили изображенія императора въ александрійскихъ синагогахъ, убѣжденные, что евреи будутъ этому сопротивляться и этимъ навлекутъ на себя гнѣвъ императора. Это дало поводъ къ новому спору, въ который вмѣшался египетскій намѣстникъ, чтобы добиться расположенія императора. Онъ хотѣлъ навязать евреямъ поклоненіе изображеніямъ императора и, когда они ссылались на свои религіозные законы, онъ хотѣлъ воспретить празднованіе субботы, въ которомъ онъ видѣлъ центральный пунктъ іудаизма. Знатнѣйшимъ евреямъ онъ сказалъ слѣдующее: „Какъ! Если бы случилось внезапное нападеніе враговъ, сильное наводненіе, жестокій пожаръ, голодъ, чума, землетрясеніе, неужели и тогда вы соблюдали бы строго субботу, сидѣли бы сложа руки и ничего не предпринимали бы для своего спасенія? Неужели и тогда вы сидѣли бы праздно въ своихъ синагогахъ, читая законъ и разъясняя въ длинныхъ рѣчахъ темныя мѣста? Или вы бросили бы все и стали бы работать для спасенія вашихъ родителей и дѣтей, вашего имущества и вашей жизни? Теперь смотрите, я буду для васъ всѣмъ этимъ: нападеніемъ враговъ, сильнымъ наводненіемъ, жестокимъ пожаромъ, голодомъ, чумою, землетрясеніемъ, живымъ изображеніемъ неумолимой судьбы, если вы не исполните моего приказанія.“ Но ни знатные, которыхъ

[1]) Іосифъ Флавій, противъ Апіона II. 2—6.

онъ хотѣлъ напугать своими угрозами, ни народъ не дали себя совратить, они остались вѣрны своей религіи и готовы были перенести самыя жестокія бѣдствія. Въ это время нѣкоторые изъ страха или изъ честолюбія перешли въ язычество. Еврейскій философъ Филонъ разсказываетъ объ отступникахъ своего времени и описываетъ ихъ легкомысленными, безнравственными и низкими людьми. Сынъ арабарха Александра, по имени *Тиверій Юлій Александръ*, также оставилъ іудаизмъ и впослѣдствіи достигъ высокихъ почестей въ римской имперіи. Равнодушіе къ іудаизму также имѣло вліяніе на это отпаденіе отдѣльныхъ лицъ. Высшее философское образованіе, которое съ ранняго времени распространилось среди александрійскихъ евреевъ, побудило ихъ обдумывать весь іудаизмъ и отдѣльные законы его, и они признали, что нѣкоторые законы имѣютъ лишь символическое значеніе, чтобы вызывать извѣстныя мысли и настроенія. Послѣ усвоенія этихъ идей и настроеній является совершенно лишнимъ соблюденіе религіозныхъ законовъ субботы, праздниковъ, обрѣзанія и обрядовъ. Этотъ образъ мыслей дѣлалъ нѣкоторыхъ равнодушными къ практикѣ іудаизма, и нѣкоторые изъ получившихъ современное образованіе не могли поэтому выдержать тяжелаго испытанія.

Чтобы противодѣйствовать дурному примѣру отпаденія, одинъ александрійскій еврей написалъ на греческомъ языкѣ сочиненіе, которое не могло не производить сильнаго впечатлѣнія. Оставшійся неизвѣстнымъ авторъ хотѣлъ, съ одной стороны, побудить народъ указаніемъ на божественную помощь остаться вѣрнымъ іудаизму и, съ другой стороны, заклеймить измѣну закону отцовъ. Эти мысли онъ одѣлъ въ историческую форму, причемъ пользовался то правдой, то вымысломъ, смотря потому, чѣмъ ему казалось удобнѣе дѣйствовать. Краски были взяты у суровой современности и въ исторической формѣ перенесены на прошлое. Это сочиненіе, которое сохранилось подъ именемъ третьей книги Маккавеевъ, широко освѣщаетъ исторію страданій александрійской общины. Оно разсказываетъ слѣдующее: египетскій царь Филопаторъ послѣ одной побѣды вступилъ въ храмъ, несмотря на просьбы еврейскаго народа. По молитвѣ первосвященника Симона, чтобы спасти храмъ отъ осквернія, Богъ поразилъ Филопатора безпамятствомъ. Послѣ своего возвращенія въ Александрію Филопаторъ хотѣлъ за это отомстить евреямъ этого города и приказалъ, чтобы тѣ, кто не хочетъ приносить жертвы языческимъ богамъ, потеряли свои гражданскія права, были причислены къ низшему классу, были, какъ рабы царя, заклеймены на тѣлѣ изображеніемъ плюща, символомъ Вакха; наоборотъ, тѣ, которые подчинятся приказанію, сохраняли бы свои права. Большая часть евреевъ остались вѣрны Богу и пожертвовали своимъ имуществомъ, чтобы выкупиться отъ позорной записи въ число

плебеевъ. Тѣ же, которые отпали, свыше 300 человѣкъ, были исключены родными и знакомыми изъ своего общества. Юдофобы стали провозглашать, что евреи, отказываясь почитать языческихъ боговъ и принимать участіе въ языческихъ нрахъ, являются врагами царей и всѣхъ людей. Расположенные къ евреямъ греки почувствовали состраданіе къ нимъ, не имѣя, однако, возможности помочь имъ въ виду тираническаго образа правленія. Послѣ этого царь въ своемъ гнѣвѣ приказалъ привести скованными всѣхъ евреевъ съ ихъ женами и дѣтьми въ Александрію, чтобы здѣсь предать ихъ смерти. Кто изъ сострадавія будетъ защищать еврея, подвергнется мучительной смерти. Такимъ образомъ всѣ евреи Египта, какъ закованные звѣри, на корабляхъ были доставлены на ипподромъ за городомъ и, такъ какъ александрійскіе евреи обнаружили состраданіе къ своимъ несчастнымъ братьямъ, то они были приговорены къ тому же наказанію. Для бо́льшаго мученія осужденныхъ страхомъ смерти, было предписано, чтобы каждый изъ нихъ поименно былъ внесенъ въ особый регистръ. Въ виду многочисленности ихъ запись продолжалась сорокъ дней отъ іюля до августа. Затѣмъ царь приказалъ пустить на евреевъ раздраженныхъ слоновъ. Уже собирались зрители, какъ кровавое зрѣлище было отложено на три дня. Въ первый день царь проспалъ, на другой забылъ о своемъ злодѣйскомъ приказаніи, а на третій слоны, гонимые ангелами, вмѣсто того, чтобы броситься на евреевъ, бросились на зрителей. Царь, увидя это, раскаялся въ своемъ поступкѣ, вернулъ евреямъ свое расположеніе и позволилъ имъ поступить по своему усмотрѣнію съ вѣроотступниками. 300 человѣкъ отступниковъ были убиты евреями. Основаніемъ этого разсказа послужили происшествія при Птоломеѣ Фисконѣ (стр. 38), преднамѣренно отнесенныя къ болѣе раннему періоду. Книга заканчивается ободрительными словами: „Благословенъ Тотъ, Кто всегда спасаетъ Израиля“. Эта неправильно названная третья книга Маккавеевъ должна была имѣть хорошее вліяніе на колеблющихся среди александрійскихъ евреевъ. Она вѣрно отражала настоящее и подавала надежду на болѣе свѣтлое будущее. На греческомъ языкѣ было написано и другое сочиненіе въ это печальное время однимъ еврейскимъ мыслителемъ для поддержанія въ египетскихъ евреяхъ ихъ святой вѣры въ единаго Бога; это была „Премудрость Соломонова“.

Между тѣмъ, александрійскіе евреи рѣшили отправить посольство къ императору, чтобы выйти изъ своего отчаяннаго положенія (зимой 40 г.). Посольство состояло изъ трехъ человѣкъ (по другимъ источникамъ, изъ пяти), которые по своему положенію и образованію являлись достойными представителями александрійскихъ евреевъ. Однимъ изъ пословъ былъ еврейскій философъ Филонъ, который своимъ происхожденіемъ,

общественнымъ положеніемъ, глубокой образованностью и блестящимъ краснорѣчіемъ настолько выдвигался впередъ, что лучшаго защитника праваго дѣла нельзя было найти. Филонъ, благодаря своимъ сочиненіямъ, имѣлъ сильное вліяніе не только на евреевъ и своихъ современниковъ, но и на послѣдующія поколѣнія; поэтому нельзя не сообщить тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя извѣстны изъ его жизни.

Какъ братъ арабарха Александра, Филонъ (родился за 10 лѣтъ до Р. Х., умеръ въ 60 г. по Р. Х.) принадлежалъ къ наиболѣе видной и богатой семьѣ александрійской общины. Въ молодости Филонъ получилъ то образованіе, которое въ то время знатные родители считали необходимымъ давать своимъ сыновьямъ. Будучи необыкновенно любознательнымъ, онъ вполнѣ усвоилъ то, чему его учили. Филонъ самъ разсказываетъ, что въ ранней молодости онъ прошелъ всю лѣстницу свободныхъ наукъ, и хотя каждая изъ нихъ, подобно прекрасной рабынѣ, притягивала его къ себѣ, онъ не увлекался, чтобы имѣть возможность не пренебречь ихъ повелительницей философіей [1]). Влеченіе къ метафизическимъ изслѣдованіямъ пробудилось въ душѣ Филона очень рано, и мечтательная любовь къ метафизикѣ заставила его неутомимо заниматься ею и ни въ чемъ другомъ не находить удовлетворенія. Одушевленный жаждой знанія, онъ, по его собственному выраженію, не чувствовалъ никакого стремленія къ богатству, почестямъ, чувственнымъ наслажденіямъ. Ему казалось, что онъ витаетъ гдѣ-то въ міровомъ пространствѣ вмѣстѣ съ солнцемъ, луной и звѣздами [2]). Филонъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ избранникамъ, которые не пресмыкаются по землѣ, а умѣютъ освободиться отъ всего земного и высоко вознестись на крыльяхъ духа. Онъ былъ счастливъ тѣмъ, что чувствовалъ себя выше низменныхъ заботъ и интересовъ. Хотя Филонъ и преклонялся передъ философіей, онъ ставилъ іудаизмъ, который онъ называлъ истинной премудростью, еще выше. Собирая на богатой нивѣ греческой философіи прекрасные цвѣты мысли, онъ плелъ изъ нихъ вѣнокъ, которымъ хотѣлъ украсить іудаизмъ. Онъ совершенно углубился въ богатую еврейскую литературу, но знакомиться съ ней ему приходилось изъ вторыхъ рукъ по греческимъ переводамъ. Хотя еврейскій языкъ и былъ ему знакомъ, но, какъ всѣ александрійскіе евреи, онъ не настолько владѣлъ имъ, чтобы понимать св. Писаніе. Такой созерцательной жизнью Филонъ прожилъ довольно продолжительное время, но одно событіе бросило его, какъ онъ съ горечью замѣчаетъ, въ самый водоворотъ политической дѣятельности [3]). Изъ этихъ его словъ можно предположить, что ему былъ предложенъ какой-то постъ; можетъ быть, онъ

[1]) Филонъ de congressu querendae eruditionis gratia 14, M. I. 530.
[2]) Т. же de specialibus legibus 4. II. 299. [3]) Т. же.

былъ избранъ членомъ совѣта и, какъ братъ арабарха, не могъ отказаться отъ этого предложенія. Можно также предположить, что тяжелое положеніе его единовѣрцевъ и единоплеменниковъ вырвало его изъ созерцательной жизни. Съ глубокимъ сожалѣніемъ вспоминалъ онъ впослѣдствіи о своихъ прежнихъ занятіяхъ и жаловался на то, что практическая жизнь затуманила его ясный взоръ въ царство духа, остановила высокій полетъ его мысли; но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что въ душѣ его сохранилось еще столько энергіи, чтобы въ минуты покоя высоко поднять голову. Онъ приноситъ Богу искреннюю благодарность за то, что Онъ не далъ его духу погибнуть подъ наплывомъ повседневныхъ заботъ, озарилъ его свѣтомъ мудрости и не далъ ему прозябать во тьмѣ [1]).

Философскія исканія Филона не только дали пищу его уму, но внушили ему необыкновенно благородный образъ мыслей и сдѣлали его однимъ изъ тѣхъ высоко нравственныхъ людей, которымъ глупость, порокъ и низость людей кажутся неразрѣшимыми загадками. Его жена гордилась имъ и, стараясь слѣдовать его примѣру, вела такую же простую, незатѣйливую жизнь, какъ и онъ. Когда любившія наряжаться женщины спрашивали ее, почему она, будучи богатой, отказывается носить золотыя украшенія, она отвѣчала имъ: „Добродѣтель супруга достаточное украшеніе для женщины“. Такая высоко-талантливая личность, какъ Филонъ, должна была имѣть сильное вліяніе на своихъ современниковъ, и это вліяніе было особенно сильно благодаря тому, что его рѣчи и сочиненія отличались какимъ-то необыкновенно чарующимъ и вмѣстѣ энергичнымъ краснорѣчіемъ. Его современники восхищались его слогомъ, который настолько напоминалъ платоновскій поэтическій языкъ, что они говорили: „Платонъ пишетъ, какъ Филонъ, или Филонъ, какъ Платонъ“. Главнымъ стремленіемъ Филона было примирить философію своего времени съ іудаизмомъ или, вѣрнѣе, доказать, что іудаизмъ есть истинная философія. Эта задача была для него не матеріалъ для умственныхъ упражненій, а святое и важное дѣло. Его душа была такъ полна этими размышленіями, что онъ, какъ онъ самъ разсказываетъ, часто впадалъ въ какой-то экстазъ и испытывалъ внутреннія откровенія, и тогда ему становилось ясно то, чего въ обыкновенное время онъ не могъ уразумѣть [2]). Бо́льшую часть своихъ философскихъ сочиненій и наиболѣе значительныя изъ нихъ, которыя излагаютъ сущность іудаизма, Филонъ написалъ только послѣ своего участія въ посольствѣ.

Таковъ былъ человѣкъ, котораго александрійская община избрала своимъ ходатаемъ передъ императоромъ. Находился ли въ посольствѣ и братъ Филона Александръ, не упоминается, но то можно смѣло предполо-

[1]) Т. же.

[2]) Филонъ de Cherubim 9, M. I. 43.

жить, такъ какъ тогда Калигула въ гнѣвѣ своемъ велѣлъ его бросить въ тюрьму. Языческое населеніе Александріи также снарядило посольство къ императору, чтобы помѣшать уравненію евреевъ въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ. Во главѣ этого посольства стоялъ Апіонъ [1]), самый ярый врагъ евреевъ, составитель памфлета противъ александрійскихъ евреевъ. Злобный Исидоръ также входилъ въ составъ этого посольства. Оно старалось не только о лишеніи привилегій одной части общества, но и о рѣшеніи вопроса: относиться ли терпимо къ евреямъ или преслѣдовать ихъ. Впервые іудаизмъ и язычество выступаютъ другъ противъ друга, имѣя своими представителями двухъ людей, которые оба воспитывались на греческой культурѣ. Если бы обѣ эти религіи и культуры оцѣнивать по ихъ представителямъ, то рѣшеніе было бы несомнѣнно въ пользу іудаизма. Филонъ, полный достоинства и глубокой серьезности, представлялъ собой олицетвореніе стремленія къ правдѣ и нравственному идеалу. Апіонъ, полный легкомыслія и злословія, представлялъ олицетвореніе болтливой хвастливости и тщеславнаго самодовольства пришедшаго въ упадокъ эллинизма. Филонъ настолько презиралъ своего соперника, болтливаго Апіона, что въ своемъ докладѣ объ этомъ посольствѣ онъ совсѣмъ не упоминаетъ его имени. Этотъ докладъ былъ изложенъ въ пяти книгахъ, изъ которыхъ до насъ дошелъ только отрывокъ „Противъ Флакка“ и передѣлка подъ заглавіемъ „Посольство къ Каю“.

Исходъ этого спора между александрійскими язычниками и евреями не установленъ. Калигула, который долженъ былъ быть судьей этихъ двухъ враждующихъ партій, самъ былъ сильно пристрастенъ къ одной изъ нихъ. Онъ ненавидѣлъ евреевъ за то, что они не захотѣли признать его богомъ и воздавать ему божескія почести, въ то время, какъ остальные подвластные ему народы поклонялись ему, какъ богу. Калигулу подстрекали (если это еще вообще нужно было для этой страстно себя обожающей натуры) два человѣка низкаго происхожденія: египтянинъ Геликонъ и Апелесъ изъ Аскалона, развратничавшіе вмѣстѣ съ нимъ и глубоко ненавидѣвшіе евреевъ. Апелесъ, извѣстный артистъ-трагикъ своего времени, принесъ въ Римъ ненависть къ евреямъ изъ своей родины Аскалона, а Геликонъ принесъ ее изъ Египта ко двору императора. Такъ какъ они были его постоянными спутниками, то онъ прислушивался къ ихъ нашептываніямъ, и имъ не трудно было внушить ему страшную ненависть къ евреямъ [2]). Получивъ, наконецъ, аудіенцію, еврейскіе послы едва имѣли возможность сказать то, что хотѣли. Калигула принялъ ихъ въ то время, когда осматривалъ свои лѣтнія резиденціи и высказывался о достоинствахъ и недостаткахъ послѣднихъ. Иногда

[1]) Флавій. Древности XVIII. 8, 1.

[2]) Филонъ. Посольство къ Каю 20, M. II. 570.

онъ задавалъ посламъ какой-нибудь шутливый вопросъ и, не дождавшись отвѣта, переходилъ къ другому заинтересовавшему его предмету съ необычайной, лихорадочной поспѣшностью. Его первое обращеніе къ еврейскому посольству было крайне насмѣшливо: „Такъ это вы богоотступники, не захотѣвшіе признать меня богомъ и упорно почитающіе какого-то неизвѣстнаго Бога въ то время, какъ всѣ, кромѣ васъ, воздаютъ мнѣ божескія почести?“ Послѣ этого, поднявъ руки, онъ разразился такимъ страшнымъ богохульствомъ противъ Бога Израиля, что историкъ (Филонъ) не посмѣлъ записать его. Исидоръ еще болѣе возбудилъ гнѣвъ императора противъ евреевъ замѣчаніемъ, что всѣ подвластные ему народы, за исключеніемъ евреевъ, принесли въ его честь жертвы; тогда еврейское посольство стало утверждать, что за благо императора были ими принесены благодарственныя жертвы по случаю трехъ радостныхъ событій: его восшествія на престолъ, выздоровленія послѣ тяжелой болѣзни и побѣды надъ германцами. Тутъ Калигула перебилъ ихъ и сказалъ: „Хорошо, предположимъ, что вы и приносили въ честь меня жертву, но вѣдь эти жертвы приносились *не мнѣ?*“ И, не выслушавъ возраженія еврейскихъ пословъ, онъ продолжалъ осмотръ своихъ лѣтнихъ резиденцій. Затѣмъ онъ въ третій разъ обратился къ еврейскому посольству съ вопросомъ: „Почему вы не ѣдите свинины?“ къ величайшему удовольствію присутствовавшихъ при этомъ язычниковъ, которыхъ Калигула потѣшалъ и другими остротами. Затѣмъ онъ спросилъ посольство: „На какомъ основаніи вы требуете равноправія?“ и, опять не выслушавъ, удалился. При прощаніи съ посольствомъ онъ сказалъ: „Людей, не признающихъ меня богомъ, я считаю скорѣе глупыми, чѣмъ дурными“ [1]). По другому достовѣрному источнику извѣстно, что Калигула отпустилъ ихъ страшно разсерженный, и Филонъ, который ничего хорошаго не предчувствовалъ, уговаривалъ остальныхъ пословъ предоставить отнынѣ ихъ правое дѣло волѣ Божьей [2]). Какое рѣшеніе относительно евреевъ принялъ императоръ, неизвѣстно; извѣстно только то, что арабархъ Александръ былъ брошенъ въ тюрьму [3]).

Въ то время, какъ еврейскіе послы отправились за безумнымъ императоромъ изъ Рима въ Дикеархію, слѣдуя за нимъ по пятамъ и все надѣясь снова получить аудіенцію, они были ошеломлены страшнымъ извѣстіемъ. Какой-то еврей бросился къ нимъ однажды и, рыдая, сообщилъ: „Нашъ храмъ въ опасности, Калигула хочетъ его осквернить“. Безумный императоръ былъ настроенъ противъ евреевъ Іудеи однимъ чиновникомъ

[1]) Филонъ т. же 43—45 М. II. 597—99.
[2]) Флавій. Древности XVIII. 8, 1.
[3]) Т. же. XIX. 5, 1.

по имени Капито, собиравшимъ для императора подати въ Ямніи, наслѣдственномъ владѣніи императорскаго дома. Жители этого города были большей частью евреи. Тѣмъ не менѣе, пришлые греки разыгрывали роль господъ, всячески оскорбляли евреевъ и насмѣхались надъ еврейскими религіозными обрядами. Какъ только язычники-ямниты узнали о томъ, что Калигула обожествляетъ себя, они воздвигли алтарь для принесенія ему жертвъ, чтобы этимъ оскорбить евреевъ. Послѣдніе собрались и разрушили его. Объ этомъ происшествіи и сообщилъ Капито императору, но сильно преувеличилъ, доказывая, что это осквернение храма и оскорбленіе величества.

Гнѣвъ Калигулы при извѣстіи о томъ, что евреи, къ которымъ онъ до этого времени относился очень благосклонно, отказались признать его богомъ, не имѣлъ границъ. Онъ велѣлъ поставить свои статуи не только въ синагогахъ, но и въ іерусалимскомъ храмѣ и велѣлъ въ случаѣ сопротивленія употребить военную силу. Правителю Сиріи, *Петронію*, былъ отданъ приказъ двинуться со своими легіонами въ Іудею и превратить еврейскую святыню въ языческій храмъ. Можно себѣ представить ужасъ еврейскаго населенія при этомъ извѣстіи. Это было самое тяжелое требованіе въ глазахъ евреевъ; это значило — лишить жизни весь еврейскій народъ. Объ уступкѣ не могло быть и рѣчи, и всѣмъ рисовались ужасныя картины надвигающихся событій. Это извѣстіе пришло въ Іерусалимъ наканунѣ праздника Кущей (окт. 40 г.), и всеобщее праздничное настроеніе смѣнилось страшнымъ унынiемъ. Одинъ священникъ (впослѣдствіи первосвященникъ) *Симонъ*, высоко уважаемый за свое благочестіе, успокаивалъ народъ, увѣряя, что храмъ не будетъ осквернен. Между тѣмъ Петроній съ двумя легіонами вступилъ въ предѣлы Іудеи у Акко; такъ какъ предстоялъ періодъ осеннихъ дождей, и Петроній ждалъ отчаяннаго сопротивленія со стороны евреевъ, то онъ рѣшилъ зимовать въ Акко, надѣясь исполнить приказъ Калигулы весной съ большей настойчивостью. Тысячи евреевъ направились къ Петронію, заявляя ему, что скорѣе перенесутъ какой угодно родъ смерти, чѣмъ осквернение храма. Петроній былъ въ большомъ затрудненіи, какъ привести въ исполненіе приказъ, который казался ему самому безумнымъ. Онъ совѣщался съ совѣтниками царя Агриппы, прося ихъ склонить народъ къ уступкѣ. Для этой цѣли онъ и отправился въ столицу Агриппы, Тиверіаду. И сюда къ намѣстнику стекались тысячи евреевъ, безъ враждебныхъ намѣреній, только съ цѣлью умилостивить его. Они неоднократно повторяли, что весь народъ скорѣе согласенъ умереть, чѣмъ присутствовать при осквернении храма. Насколько серьезны были намѣренія евреевъ, доказываетъ то обстоятельство, что они впродолженіи 40 дней не воздѣлывали своихъ по-

лей [1]). Еврейская аристократія была на этотъ разъ за одно съ народомъ; даже братъ Агриппы, *Аристовулъ*, и *Хелкій*, находившійся въ родствѣ съ Агриппой, были въ ужасѣ отъ этого предложенія. По этому факту видно, какъ глубоко вкоренился іудаизмъ, благодаря стараніямъ фарисеевъ. Два вѣка назадъ, при подобномъ же требованіи Антіоха Эпифана, сами члены рода первосвященниковъ совершили это оскверненіе и, такимъ образомъ, измѣнили законамъ своей религіи, а теперь противились этому даже наполовину чужіе продіане. По совѣту іудейскихъ старѣйшинъ, Петроній изложилъ положеніе вещей императору, надѣясь умилостивить его. Народъ онъ успоконлъ тѣмъ, что обѣщалъ ничего не предпринимать, пока не прибудутъ новые приказы, и уговаривалъ его подумать о воздѣлываніи полей, чтобы предотвратить голодный годъ. Хроники считаютъ знаменательнымъ то обстоятельство, что сейчасъ же послѣ успокоительной рѣчи Петронія начались дожди, въ то время, какъ до этого была страшная засуха [2]), и предстоялъ неурожай.

Прежде, чѣмъ письмо Петронія попало въ руки императора, Калигула, благодаря вліянію Агриппы, измѣнилъ свой планъ примѣнить принудительныя мѣры относительно евреевъ. Еврейскій царь имѣлъ очень сильное вліяніе на Калигулу, и римляне даже думали, что Агриппа и Антіохъ Коммагенскій внушили императору деспотизмъ [3]). Агриппа въ это время находился опять вблизи императора; онъ, какъ видно, посѣтилъ Калигулу въ Галліи [4]), гдѣ послѣдній тѣшился дѣтски-легкими побѣдами. Онъ также проводилъ императора въ Римъ, чтобы быть свидѣтелемъ его тріумфа. Требованіе безумнаго императора, чтобы ему воздавались божескія почести, и особенно его приказаніе поставить его статую въ Іерусалимскій храмъ были далеко не безразличны Агриппѣ, но онъ былъ слишкомъ ловкимъ царедворцемъ, чтобы выразить свое порицаніе по поводу этой новой безумной затѣи императора. Онъ, наоборотъ, сдѣлалъ видъ, что не обращаетъ никакого вниманія на вопль отчаянія своихъ единовѣрцевъ, устроилъ роскошный пиръ для Калигулы и его любимцевъ и угостилъ ихъ лучшими яствами. Выказывая безразличіе къ своимъ единовѣрцамъ, онъ достигъ своей цѣли. Калигула, подкупленный такимъ вниманіемъ со стороны Агриппы, предложилъ ему просить какой угодно милости, обѣщая охотно исполнить все, чего бы тотъ не пожелалъ. Считая Агриппу крайне легкомысленнымъ человѣкомъ, Калигула былъ увѣренъ, что Агриппа попроситъ новыхъ владѣній и расширенія своего царства. Каково же было его удивленіе, когда Агриппа ничего другого, кромѣ отмѣны эдикта о постановкѣ статуи въ Іерусалимскомъ храмѣ, не пожелалъ. Калигула ни-

[1]) Флавій. Древности XVIII. 8. 2—4.
[2]) Dio Cassius 59, 24.
[3]) Т. же 8, 5—6.
[4]) Т. же.

когда не ожидалъ отъ услужливаго и льстиваго Агриппы такой набожности и безкорыстія. Хитраго Калигулу перехитрили. Взять свое слово обратно онъ, какъ императоръ, не могъ и потому отправилъ (ноябрь-декабрь 40) Петронію слѣдующій приказъ: „Если статуя императора въ Іерусалимскомъ храмѣ еще не стоитъ, то оставить дѣло въ прежнемъ положеніи“. Между тѣмъ, онъ получилъ письмо Петронія, въ которомъ тотъ говорилъ о своихъ колебаніяхъ и о трудности приведенія въ исполненіе императорскаго эдикта. Больше не нужно было, чтобы возбудить страшный гнѣвъ въ упрямомъ Калигулѣ. Намѣстникъ смѣлъ говорить императору о трудностяхъ исполненія его приказа. Евреи, по всей вѣроятности, подкупили Петронія; Калигула не могъ иначе себѣ это представить. Былъ отданъ новый грозный приказъ о томъ, чтобы непослушный намѣстникъ покончилъ съ собой; это должно было служить устрашающимъ примѣромъ для другихъ. Но прежде, чѣмъ Петроній получилъ этотъ, одинаково грозный какъ для него, такъ для евреевъ, приказъ, пришло извѣстіе о томъ, что Калигула палъ отъ руки трибуна преторіанцевъ Херея (24 января 41 года [1]). Это извѣстіе, что „Кай Калигула убитъ, и его приказанія уничтожаются“, пришло 22-го шебата (марта 41 г.). Понятно, что этотъ день, который принесъ неожиданное избавленіе отъ неминуемой гибели, былъ радостно отпразднованъ.

Преемникъ Калигулы на тронѣ цезарей былъ *Клавдій*, въ которомъ тупоуміе совмѣщалось съ педантизмомъ ученаго. Клавдій сталъ императоромъ, благодаря случаю и дипломатическому посредничеству царя Агриппы, который уговорилъ этого труса принять предложеніе преторіанцевъ стать императоромъ и убѣдилъ сенатъ согласиться съ этимъ. Какъ палъ Римъ, если еврейскій царь, котораго гордые патриціи во время республики еле удостанвали бы взглядомъ, могъ говорить и разсуждать въ сенатской куріи и нѣкоторымъ образомъ даже дать Риму правителя! [2]) Клавдій не былъ неблагодаренъ по отношенію къ еврейскому царю. Онъ расхваливалъ его на засѣданіяхъ сената, даровалъ ему званіе консула и сдѣлалъ его царемъ всей Палестины, присоединивъ къ его царству Іудею и Самарію [3]), и подарилъ ему еще полосу земли, называемую Абиленой. Въ память о дарованіи земель и повышеніи титула, императоръ, педантично подражая древнимъ, велѣлъ отмѣтить это событіе на мѣдныхъ таблицахъ и монетѣ, на которой съ одной стороны были изображены двѣ сплетающіяся руки и надпись: „Дружба и союзъ царя Агриппы съ сенатомъ и римскимъ наро-

[1]) Флавій. Древности XVIII. 8, 7-9.
[2]) Т. же XIX. 4, 2—6. Dio Cassius 60, 8.
[3]) Флавій. Древности 5, 1. Dio Cassius т. же.

домъ", а съ другой—императоръ между двумя фигурами и надпись: „Царь Агриппа, другъ императора".

Такимъ образомъ, въ царствованіе Агриппы, пространство, занимаемое Іудеей, стало такимъ же, какъ прежде, и даже больше, чѣмъ при хасмонейскихъ царяхъ и Иродѣ I; вообще, 4-хлѣтнее царствованіе Агриппы (41—44)—блестящая вечерняя заря въ исторіи еврейскаго государства.

Иродъ II, братъ и зять царя Агриппы, женившійся на его дочери, прекрасной Вероникѣ, послѣ того, какъ умеръ ея женихъ Маркъ, сынъ арабарха Александра, получилъ отъ Клавдія санъ претора и сдѣланъ имъ царемъ Халкиды въ Ливанѣ. Переворотъ въ Римѣ послѣ смерти Калигулы отразился и на александрійскихъ евреяхъ. Императоръ Клавдій, который былъ въ дружбѣ съ арабархомъ Александромъ, освободилъ его изъ тюрьмы, куда его заключилъ Калигула, и уладилъ споръ въ Александріи въ пользу евреевъ. Прежде чѣмъ извѣстіе о перемѣнѣ императора достигло египетской столицы, александрійскіе евреи взялись за оружіе, чтобы положить конецъ своимъ страданіямъ и позору. Ненависть къ нимъ Калигулы заставила ихъ прибѣгнуть къ самозащитѣ, такъ какъ ихъ сила еще не была сломлена. Послѣ этого, новый императоръ обнародовалъ указъ о дарованіи равноправія и различныхъ привилегій александрійской общинѣ и возстановилъ спокойствіе, которое было такъ долго нарушено [1]). Императоръ снова возстановилъ всѣ права и преимущества, которыми евреи пользовались при Птоломеяхъ и первыхъ римскихъ императорахъ, а также должность арабарха, которой александрійскіе и египетскіе евреи очень дорожили, потому что, благодаря ей, они были независимы отъ римскихъ чиновниковъ и были подчинены только начальнику изъ своихъ же единовѣрцевъ. Подъ вліяніемъ Агриппы, императоръ предоставилъ евреямъ во всемъ своемъ государствѣ свободу вѣроисповѣданія, и, такимъ образомъ, ихъ сосѣди-язычники не имѣли права мѣшать имъ исполнять свои обряды [2]). Одинъ источникъ даже сообщаетъ, будто Клавдій настолько интересовался Филономъ и восхищался его блестящимъ греческимъ краснорѣчіемъ, что предложилъ ему прочесть въ сенатѣ докладъ о бѣдственномъ положеніи евреевъ при Флаккѣ и о ихъ посольствѣ къ Калигулѣ.

Когда Агриппа, осыпанный милостями, былъ наконецъ отпущенъ императоромъ и вернулся изъ Рима въ Іудею, чтобы взяться за управленіе своимъ государствомъ, по его поступкамъ стало замѣтно, что въ немъ произошла сильная перемѣна. Государственный переворотъ, слѣдствіемъ котораго было паденіе надменнаго императора и возвышеніе слабохарактернаго и безвольнаго, произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Легкомысленный Агриппа превратился въ серьезнаго человѣка, царедворецъ—въ патріота, добросовѣстнаго правителя, сознающаго свой долгъ относительно своего народа. Хасмонейская кровь въ немъ побѣдила продіанскую. При кратковременномъ правленіи Агриппы Іудея въ послѣдній разъ наслаждалась безоблачнымъ счастьемъ. Онъ дѣйствовалъ за-одно съ народомъ, подвергаясь опасности лишиться благоволенія римлянъ, и даже самые ожесточенные враги царя стали его друзьями. Онъ освободилъ іерусалимскихъ домовладѣльцевъ отъ налога на дома [1]), потому что они обязаны были безплатно предоставлять свои жилища паломникамъ и въ виду этого не получали наемныхъ денегъ отъ своихъ домовъ [2]); столица считалась собственностью всего народа.

Хроники не могутъ нахвалиться привязанностью Агриппы къ іудаизму [3]); онъ какъ бы хотѣлъ исправить зло, которое сдѣлалъ его предокъ Иродъ. Въ народѣ чувствовался послѣ насильственной смерти Калигулы сильный подъемъ духа. Еврейскій народъ сразу избавился отъ двухъ страшныхъ опасностей: либо отрѣшиться отъ своей миссіи охранителя истинной вѣры въ единаго Бога противъ язычества, либо, въ случаѣ сопротивленія, погибнуть. Надежды ихъ злѣйшихъ враговъ рухнули. Въ этомъ году евреи и отпраздновали свои праздники съ радостнымъ сердцемъ и чувствомъ глубокой благодарности.

Праздникъ первосборныхъ плодовъ, который до этого времени проходилъ совершенно не торжественно, въ этотъ годъ праздновался цѣлое лѣто съ особой торжественностью. Садовладѣльцы городовъ и деревень съ фруктами въ красивыхъ корзинахъ—богатые въ золотыхъ и серебряныхъ—собирались въ назначенномъ мѣстѣ. Предводитель кричалъ собравшейся толпѣ: „Впередъ! Пойдемъ въ Сіонъ, въ храмъ нашего Господа". При звукахъ флейтъ они направлялись въ Іерусалимъ. Каждую такую торжественную процессію у воротъ Іерусалима встрѣчали знатные іерусалимцы и провожали ее до храма. Въ то время, какъ садовладѣльцы передавали священникамъ свои, украшенныя вѣнками, корзины съ фруктами и приносили при этомъ благодарность Богу за то, что онъ освободилъ ихъ предковъ изъ египетскаго плѣна и даровалъ имъ святую землю, хоры левитовъ пѣли благодарственный псаломъ (30), въ которомъ воспѣвалось освобожденіе отъ гибели.

„Превозношу Тебя, Господь; ибо выручилъ Ты меня, и не далъ врагамъ моимъ радоваться обо мнѣ!"

Царь Агриппа, наравнѣ со всѣми, входилъ въ храмъ съ корзинкой плодовъ на плечахъ и приносилъ благодарность Богу. Та-

[1]) Флавій. Древности XIX, 5—3. [2]) Т. же 5, 2.

[1]) Флавій. Древности XIX. 6, 3.
[2]) Tosefta Maaser Scheni c. 1.
[3]) Флавій. Т. же. 6, 1, 2; 7, 2; Pesachim 88 b. 107. Ketubot 17 a.

кимъ образомъ, въ стѣнахъ Іерусалима собиралась большая часть еврейскаго народа, принося въ сердцахъ горячую благодарность за спасеніе. Александрійскій философъ и защитникъ своей общины передъ Калигулой, испытавшій глубокую печаль за свой народъ и бывшій свидѣтелемъ счастливой перемѣны, находился въ это время въ Іерусалимѣ и плѣнительными красками описалъ этотъ праздникъ [1]).

Въ слѣдующемъ (осенью 42) году радостно былъ отпразднованъ другой праздникъ. На исходѣ субботняго года и праздника Кущей, по библейскому предписанію, царь публично читалъ установленныя главы изъ Второзаконія; этотъ обычай со времени Маккавеевъ не исполнялся. Идумей-узурпаторъ Иродъ не могъ играть этой роли, такъ какъ онъ не могъ прочесть стихъ: „Изъ среды братьевъ своихъ поставь надъ собой царя“, не обвиняя этимъ самого себя. Агриппа же скорѣе имѣлъ право это сдѣлать, и онъ возстановилъ этотъ почти забытый обрядъ. Стоя въ храмѣ на возвышеніи, онъ прочелъ народу изъ свитка Торы, который ему почтительно передалъ первосвященникъ, установленныя главы. При чтеніи стиха о выборѣ царя изъ своего народа, онъ вспомнилъ, что, будучи идумейскаго происхожденія, онъ не достоинъ быть еврейскимъ царемъ, и зарыдалъ. Но всѣ присутствующіе, въ томъ числѣ и фарисеи, были очень тронуты и воскликнули: „Ты братъ нашъ, ты братъ нашъ!“ [2])

Агриппа съ пользой употребилъ свое право избирать первосвященника. Онъ избралъ вмѣсто Ѳеофила, котораго назначилъ еще Вителлій, *Симона Кантераса;* его стали называть *Симономъ Благочестивымъ*, какъ того Симона, который правилъ за три столѣтія до Маккавеевъ. Это былъ тотъ священникъ, который успокоивалъ народъ при печальномъ извѣстіи о приказѣ Калигулы осквернить храмъ (стр. 253).

Только одинъ знатный фарисей, Симонъ, безъ сомнѣнія принадлежавшій къ строгой школѣ Шамая, не могъ забыть идумейскаго происхожденія Агриппы и попытался дѣйствовать противъ него, утверждая, что онъ недостоинъ быть еврейскимъ царемъ, недостоинъ переступить порогъ храма. Агриппа какъ разъ находился въ Цезареѣ, когда начальникъ города Силасъ донесъ ему, что Симонъ возбуждаетъ народъ противъ царя. Тогда Агриппа призвалъ къ себѣ непримиримаго Симона, усадилъ его рядомъ съ собою, сталъ разспрашивать о причинахъ его неудовольствія и такъ обезоружилъ своей добротой строгаго фарисея, что тотъ сталъ просить прощенія у царя. Агриппа отпустилъ его, щедро наградивъ [3]). Такую же кротость

[1]) Филонъ de festo corpini изд. Рихтера т. V. стр. 48 и слѣд.

[2]) Sota Mischna 7.

[3]) Флавій. Древн. XIX 7, 4.

проявилъ онъ по отношенію къ Силасу; этотъ человѣкъ сталъ, благодаря Агриппѣ, начальникомъ конницы и начальникомъ города, но, несмотря на это, онъ не переставалъ напоминать царю о непріятныхъ для него обстоятельствахъ его прежней жизни. Онъ такъ раздражалъ Агриппу, что тотъ, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія, лишилъ Силаса его должности и велѣлъ заключить въ тюрьму. Но вскорѣ воспоминанія объ услугахъ, оказанныхъ Силасомъ ему, одержали верхъ, и онъ хотѣлъ освободить и снова приблизить къ себѣ Силаса. Но этотъ грубый человѣкъ не былъ тронутъ добротою царя и возобновилъ свои упреки, такъ что Агриппа принужденъ былъ оставить его въ тюрьмѣ [1]). На его мѣсто царь назначилъ своего друга, еврея *Хелькію*. Странно было поведеніе царя при выборѣ первосвященниковъ. За три года своего царствованія онъ смѣнилъ трехъ, т. е. ежегодно назначалъ новаго; Смѣнивъ всѣми уважаемаго Симона Кантераса, онъ назначилъ на его мѣсто *Іонатана бенъ-Анана*, который уже раньше былъ первосвященникомъ (стр. 233). Но Іонатанъ отказался отъ сана первосвященника и просилъ передать его своему брату *Матѳею,* который не запятналъ себя никакими проступками; Агриппа согласился на это. Почему онъ впослѣдствіи его смѣнилъ и назначилъ первосвященникомъ *Эліоная,* сына Кантераса, неизвѣстно. Какъ видно, Агриппа, какъ и его предшественники, не хотѣлъ продолжительное время довѣрить этотъ важный постъ одному и тому же лицу.

Разумное правленіе Агриппы стало замѣтно во всей еврейской общинѣ. Синедріонъ, безъ сомнѣнія, снова получилъ отъ него право руководить внутренними дѣлами сообразно съ закономъ. Предсѣдателемъ Синедріона былъ при Агриппѣ достойный внукъ Гилела, *Гамаліилъ I* или *старшій,* сынъ Симона I, о личной жизни котораго ничего неизвѣстно. При Гамаліилѣ должность предсѣдателя Синедріона пріобрѣла большее значеніе, такъ какъ Синедріонъ, при новомъ политическомъ строѣ, пріобрѣлъ болѣе монархическій характеръ. Високосный годъ могъ теперь быть установленъ только съ согласія предсѣдателя Синедріона; во время отсутствія Гамаліила члены Синедріона назначили однажды високосный годъ, но все же ждали утвержденія его предсѣдателемъ Синедріона [2]). Посланія близкимъ и дальнимъ общинамъ исходили отъ него. Образецъ этихъ посланій, сохранившійся до сихъ поръ, очень интересенъ, какъ по содержанію, такъ и по формѣ; онъ доказываетъ, что какъ чужестранныя, такъ и еврейскія общины признавали Синедріонъ съ его предсѣдателемъ высшимъ авторитетомъ. Гамаліилъ пишетъ черезъ своего секретаря *Іоханана*: „Нашимъ братьямъ въ верхней и нижней Галилеѣ привѣтъ. Мы объявляемъ вамъ, что наступило время удѣлить десятую

[1]) Т. же. 7, 1.

[2]) Synhedrin 11 b. Adujot 7, 7.

часть вашего запаса оливковаго масла. Нашимъ братьямъ-изгнанникамъ въ Вавилоніи, Мидіи, Греціи (Іоніи) и всѣмъ прочимъ изгнанникамъ-евреямъ привѣтъ. Объявляемъ вамъ, что барашки еще слишкомъ слабы, голуби не оперившіеся и, вообще, весна въ этомъ году поздняя; поэтому мнѣ и моимъ товарищамъ угодно было увеличить текущій годъ на 30 дней[1]).

Отъ этого Гамаліила исходитъ много полезныхъ постановленій; большей частью они направлены противъ злоупотребленій или преслѣдуютъ благо общества (Tikkun ha-Olam). Прежде, мужъ, пославшій женѣ письмо съ извѣщеніемъ о разводѣ, могъ въ первомъ попавшемся судѣ отречься отъ него; Гамаліилъ же запретилъ это, въ виду возможности злоупотребленій. Многіе евреи, переселившіеся въ Малую Азію, давали себѣ и еврейскія, и греческія имена: Рувинъ-Руфъ, Іосифъ-Юстъ, Веніаминъ-Александръ, и это производило путаницу при разводахъ; Гамаліилъ постановилъ перечислять въ разводныхъ письмахъ всѣ имена мужа и жены, чтобы не могло быть сомнѣнія относительно ихъ личности, причемъ подписи свидѣтелей должны быть отчетливо написаны. До этого времени смерть одного изъ супруговъ подтверждалась показаніями двухъ свидѣтелей; Гамаліилъ же рѣшилъ, что достаточно показанія одного свидѣтеля, чтобы признать супругу вдовой [2]). Другимъ постановленіемъ Гамаліилъ оградилъ вдовъ отъ произвола жадныхъ наслѣдниковъ, которые захватывали назначенную вдовѣ сумму (Ketuba) подъ тѣмъ предлогомъ, что она получена вдовой еще при жизни супруга. По всей вѣроятности, еще многія другія установленія, которыя имѣли цѣлью благо общества и поддержаніе мира, исходятъ отъ Гамаліила, хотя его имя и не упоминается; такъ, напримѣръ, постановленіе, чтобы за краденный строительный матеріалъ, который уже употребили на постройку, уплачивалась его стоимость. Послѣдователи школы Шамая доводили до такой строгости законъ о возвращеніи украденнаго, что домовладѣлецъ долженъ былъ разрушить свой домъ, чтобы вернуть украденный предметъ въ его первоначальномъ видѣ. Совершенно въ миролюбивомъ и человѣколюбивомъ духѣ Гилела составлены законы объ отношеніи къ язычникамъ, авторомъ которыхъ, безъ сомнѣнія, также является Гамаліилъ. Законъ требовалъ, чтобы бѣднякамъ-язычникамъ не запрещать дожинать послѣдки, собирать оставленные владѣльцами на краяхъ полей колосья и, вообще, относиться къ нимъ такъ же, какъ и къ бѣднякамъ-евреямъ; далѣе, законъ гласилъ, чтобы евреи привѣтствовали язычниковъ въ дни языческихъ праздниковъ, когда тѣ совершали богослуженіе. Благодаря этому законодательству, выработались человѣколюбивыя отношенія, и въ городахъ со смѣшаннымъ населеніемъ благотворительность распространялась какъ на евреевъ, такъ и на язычниковъ; за

[1]) Synhedrin Tosefta c. Jerus. Synhedrin I. 1, 18 b.
[2]) Gittin 32 a. 34 b. 59 a. Jebamot конецъ.

ихъ больными ухаживали, умирающимъ отдавались послѣднія почести[1]). Возможно, что въ это время Синедріонъ съ рабби Гамаліиломъ во главѣ издалъ еще дальше идущій законъ, повелѣвающій не смотрѣть на язычниковъ какъ на идолопоклонниковъ и обращаться съ ними почти такъ же, какъ съ евреями, если они возьмутъ на себя нѣкоторыя религіозныя и нравственныя обязанности, а именно: воздержаніе отъ идолопоклонства, кровосмѣшенія,*) убійства, мяса живыхъ животныхъ, хулы противъ Бога Израиля и признаніе судебной власти. Эти семь установленій названы *законами Ноя*, потому что въ разсказѣ объ Адамѣ и Ноѣ въ книгѣ Бытія было найдено, что Ной вмѣнилъ ихъ въ обязанность своимъ потомкамъ [2]). На этомъ снисходительномъ для язычниковъ законодательствѣ замѣтно было вліяніе Агриппы. Римъ и Іудея на время забыли взаимную ненависть и проявили другъ къ другу благосклонное отношеніе. Предупредительность Рима къ евреямъ была такъ велика, что, когда нѣсколько легкомысленныхъ юношей изъ города Доры въ своей заносчивости и ненависти къ евреямъ, поощряемые толпой, поставили въ синагогѣ статую императора, намѣстникъ Петроній на жалобы Агриппы заявилъ, что будетъ энергично противодѣйствовать такому безчинству и оскорбленію религіи [3]). Какъ измѣнились времена! Съ другой стороны, Агриппа изъ благодарности украсилъ финикійскій городъ Беритъ, построилъ въ немъ роскошные театры, бани, колоннады [4]), не вызывая этимъ неудовольствія даже наиболѣе благочестивыхъ евреевъ.

Послѣ окончанія построекъ, онъ устроилъ для жителей бои гладіаторовъ, для чего выбралъ 1400 приговоренныхъ къ смерти преступниковъ; они должны были бороться другъ съ другомъ до тѣхъ поръ, пока всѣ не оставались на мѣстѣ. Такія кровавыя, ужасныя игры, введенныя безжалостнымъ Римомъ, являлись любимымъ увеселеніемъ народа, чего Агриппа не могъ его лишить, если только хотѣлъ быть имъ любимымъ. Онъ самъ привыкъ къ такимъ играмъ, такъ какъ часто присутствовалъ на нихъ въ Римѣ и другихъ мѣстахъ и не былъ особенно чувствителенъ къ этому, вызывающему ужасъ, зрѣлищу. Менѣе, чѣмъ черезъ три десятилѣтія, его побѣжденные единовѣрцы должны были въ томъ же городѣ, въ имъ же построенномъ театрѣ такимъ же образомъ избивать другъ друга.

Агриппа унаслѣдовалъ отъ своего дѣда Ирода стремленіе нравиться грекамъ. Какъ Иродъ посылалъ подарки въ Аѳины и другіе греческіе и іоническіе города, такъ и его внукъ оказалъ этому городу, пришедшему въ упадокъ, но бывшему прежде центромъ наукъ и искусствъ, благодѣяніе, о которомъ жители этого города не скоро забыли. Жителямъ Цеза-

[1]) Gittin 59 b. Jerus. Gittin 5, конецъ. *) грабежа, *Ред.*
[2]) Tosefta Aboda Sara II. [3]) Флавій, Древн. XIX. 6, 3. [4]) Т. же. 7, 5.

реи, изъ которой Иродъ сдѣлалъ соперницу Іерусалиму, и жителямъ приморскаго города *Себасты* Агриппа оказалъ благодѣянія, и они всякими способами старались выказать свою благодарность. Жители Себасты поставили статуи его трехъ дочерей и въ честь его выбили монеты съ его изображеніемъ и надписью: *„Великій царь Агриппа, другъ императора“* на одной сторонѣ, а на другой сторонѣ изображеніе богини счастья, держащей въ одной рукѣ весло, а въ другой рогъ изобилія съ надписью: *„Цезарея при гавани Себасты“*. Эта благодарность была однако непродолжительна. Приморскимъ городамъ Антедону и Газѣ онъ, вѣроятно, также оказывалъ милости, потому что они въ честь его также вычеканили монеты. „Сыны чужеземцевъ“, вѣроятно, привѣтствовали Агриппу, какъ нѣкогда царя Давида, не совсѣмъ искренно. Дикіе Ауранитяне и Трахонитяне также увѣковѣчили его имя въ своихъ надписяхъ. Послѣ его возвращенія изъ Рима, гдѣ онъ содѣйствовалъ восшествію Клавдія на престолъ, жители одного города благодарили Зевса *за спасеніе царя Агриппы и его возвращеніе“*. Всѣ называли его *„Великимъ Царемъ“*, правда, съ прибавкой: *„другомъ императора и другомъ римлянъ“*.

Хотя Агриппа находился въ дружескихъ отношеніяхъ со многими князьями, которые, подобно ему, получили свой блескъ и свое могущество отъ Рима или отъ того созданія, которое считалось императоромъ и олицетворяло Римъ и римскую имперію, все же ему не пришло въ голову выдать своихъ дочерей за кого нибудь изъ нихъ, пока они были язычниками. Онъ предпочиталъ породниться съ домомъ александрійскихъ арабарховъ. Свою старшую дочь *Веронику*, извѣстную своею красотою и своею трагическою судьбой (род. 28, ум. между 81—93), онъ обручилъ съ *Маркомъ*, сыномъ арабарха Александра Лизимаха (стр. 236), которому онъ былъ обязанъ благодарностью и который, подобно ему, былъ принятъ въ императорскую фамилію. Еврейскій арабархъ, благодаря своему богатству, вліянію и уваженію, которымъ онъ пользовался, занималъ столь высокое положеніе, что царь не испытывалъ никакихъ сомнѣній, выдавая замужъ свою дочь за сына его. Маркъ умеръ женихомъ; тогда Агриппа выдалъ ее замужъ за своего брата, Ирода II, царя Халкиды [1]). Свою вторую дочь, *Маріамну* (род. 34), онъ обѣщалъ *Юлію Архелаю*, сыну Хелькіи, носившаго прозваніе Великаго [2]). Когда она выросла, она вышла за него замужъ, но развелась съ нимъ и вышла замужъ за арабарха [3]). Свою младшую дочь, прекрасную *Друзиллу* (род. 38), Агриппа обручилъ съ языческимъ княземъ, сыномъ его друга, *Антіоха*

[1]) Флавій, Древн. XIX 5, 1; 9, 1.

[2]) Т. же. 8, 1.

[3]) Т. же. XX. 7, 3.

Комагенскаго. Но женихъ, по имени *Эпифанъ*, долженъ былъ обѣщать перейти въ іудейство и подвергнуться обрѣзанію [1]).

Послѣдніе годы правленія Агриппы были счастливы для евреевъ, какъ живущихъ въ Іудеѣ, такъ и внѣ ея, были блестящей зарницей предъ приближеніемъ грозной тьмы. Они напоминали времена царя Іосіи въ древнѣйшей исторіи миромъ внутри и внѣ Іудеи, извѣстною независимостью и духовнымъ ростомъ; въ характерѣ Агриппы были сходныя черты съ характеромъ Іосіи: оба первоначально отдали дань испорченности своего времени, впослѣдствіи исправились и стали образцовыми правителями. Евреи, жившіе внѣ Палестины, разбросанные по всему пространству Римской имперіи, наслаждались милостью, которою пользовался Агриппа у императора Клавдія. Они имѣли право, не препятствуемые никѣмъ, соблюдать привычный образъ жизни, слѣдовать своей религіи и хранить свои особенности.

Особенно счастливыми чувствовали себя египетскіе и въ частности александрійскіе евреи, которые при Калигулѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подвергались поруганіямъ и мучительствамъ. Клавдій подтвердилъ ихъ равноправіе съ греческими жителями и предписалъ намѣстнику слѣдить за тѣмъ, чтобы имъ не было причинено никакой обиды. Ихъ глава, арабархъ Александръ Лизимахъ, освобожденный этимъ императоромъ изъ тюрьмы (стр. 256), вновь занялъ свой высокій постъ и могъ дѣятельно помогать своимъ единоплеменникамъ. Его братъ *Филонъ*, только начиная съ этого времени при Клавдіи, сталъ распространять въ широкихъ кругахъ сокровища своей мысли и явился высшимъ пунктомъ іудейско-эллинскаго образованія. Эллински образованные евреи много писали до тѣхъ поръ на греческомъ языкѣ частью для отраженія враждебныхъ нападеній на ихъ происхожденіе и ученіе, частью для собственнаго поученія и для укрѣпленія своихъ убѣжденій. Но какого бы то ни было серьезнаго значенія, насколько можно судить по сохранившимся остаткамъ, эта литература не имѣла. Вслѣдъ за поэтическими произведеніями (стран. 34) послѣдовали историческія, частью подъ чужимъ именемъ, частью подъ собственнымъ. Какой-то *Дмитрій* составилъ исторію или хронологію евреевъ, начиная со временъ патріарховъ, можетъ быть, до вавилонскаго изгнанія, съ точнымъ счетомъ лѣтъ отъ Адама до переселенія въ Египетъ и опредѣлилъ, сколько лѣтъ прошло отъ изгнанія десяти колѣнъ и вавилонскаго плѣна до царя Птоломея. Другой писатель, по имени Эвполемъ, составилъ сильно прикрашенную исторію царей и пророковъ; въ особенности восхвалялся Соломонъ, причемъ сочинена переписка его съ царями Египта и Тира. Книга Эвполема восхваляла мудрость Моисея, не только

[1]) Флавій. Древности XIX. 9, 1. XX. 7, 1.

сообщившаго евреямъ законы, но и научившаго ихъ алфавиту, который заимствовали отъ нихъ финикійцы, а отъ этихъ послѣднихъ греки.

Еврейско-александрійскій писатель, извѣстный подъ именемъ *Артапана*, который вложилъ въ уста египетскаго жреца исторію еврейскаго племени, смѣшалъ всякія сказки о Іосифѣ и Моисеѣ. Такъ какъ греческіе памфлетисты говорили о послѣднемъ съ презрѣніемъ (стр. 239), то авторъ—назовемъ его Артапаномъ—превозносилъ его свыше мѣръ. Онъ, собственно говоря, будто бы назывался *Мойзосомъ* и является тѣмъ же лицомъ, котораго греки высоко почитали подъ именемъ *Музея*, учителя Орфея. Онъ будто бы высоко чтился жрецами, какъ *Гермесъ*, въ качествѣ толкователя священныхъ книгъ египтянъ. Этотъ Мойзосъ будто бы ввелъ много полезныхъ изобрѣтеній, также училъ философіи, былъ выдающимся воиномъ и совершилъ походъ противъ эѳіопянъ. Еще больше сказокъ разсказалъ Артапанъ о жизни Моисея. Поэтъ *Іезекіиль* (Феодектъ?) обработалъ исторію Моисея и исхода изъ Египта въ драму, дѣйствующія лица которой: Моисей, его жена Сепфора, его тесть Рагуилъ и самъ Богъ говорятъ греческими стихами. Это эллинизированіе еврейской древнѣйшей исторіи вызвало въ нѣкоторыхъ кругахъ недовольство, какъ будто этимъ осквернена святыня. Когда Іезекіиль ослѣпъ вслѣдствіе болѣзни, на это смотрѣли какъ на наказанье. Эта драма носила названіе „Исходъ“ и, подобно всей древнѣйшей еврейско-греческой литературѣ, сохранилась только въ отрывкахъ. Совершенно незначительные фрагменты сохранились отъ произведеній нѣкоего *Теофила* о дарѣ Соломона тирскому царю Хираму и *Аристея* о происхожденіи многострадальнаго Іова. Эти отрывки настолько незначительны, что нельзя сдѣлать никакого заключенія о содержаніи и характерѣ ихъ.

Наряду съ этими сочиненіями появились переводы отдѣльныхъ книгъ священнаго Писанія на греческій языкъ. Младшій *Сирахъ*, внукъ Іешуи Сираха, который переселился при Птоломеѣ Фисконѣ, перевелъ на греческій языкъ изреченія своего дѣда. Книга Эсѳирь, которая была написана во времена бѣдствій при Маккавеяхъ, была по крайней мѣрѣ два раза переведена на греческій языкъ съ различными прикрасами, прибавками и разсказами о чудесахъ. Въ особенности переводчики желали показать дѣйствіе руки Господней при спасеніи народа и (чего оригиналъ не дѣлаетъ) вплели въ этотъ простой и трезвый разсказъ сказанія о чудесахъ и сочинили сонъ Мардохея, въ которомъ ему были предсказаны страданія и избавленіе отъ нихъ.

Вѣроятно жившій въ Александріи, еврейско-греческій писатель, который, чтобы убѣдить грековъ въ превосходствѣ еврейскаго ученія, писалъ подъ именемъ греческаго историка *Гекатея* изъ Абдеры, также

занимался древней исторіей и оставилъ сочиненіе объ Авраамѣ. Въ особенности ему важно было сообщить о тѣхъ происшествіяхъ, которыя случились съ евреями при греческо-македонскомъ владычествѣ. Псевдо-Гекатей сообщалъ, что евреи переселились добровольно въ Египетъ не только при Александрѣ Великомъ, но и при первомъ Птоломеѣ, причемъ македонскіе властители оказывали евреямъ большое расположеніе. Это должно было служить опроверженіемъ памфлетовъ греческихъ юдофобовъ, которые утверждали, что евреи въ Египтѣ принадлежали къ низшему сословію. Въ сочиненіи Псевдо-Гекатея образованный и краснорѣчивый священникъ, по имени *Эзехій*, который переселился въ Египетъ, говоритъ, что евреи стойко соблюдаютъ свои законы и предпочитаютъ страданія и даже смерть ихъ нарушенію; другой еврей, по имени *Мосоламъ*, приводитъ дѣйствительныя доказательства ничтожности вѣры грековъ въ значеніе полета птицъ; какъ опытный стрѣлокъ, онъ застрѣлилъ птицу, на которую блуждавшіе въ пустынѣ греки возлагали надежду, что она имъ покажетъ истинный путь своимъ полетомъ, и такимъ образомъ доказалъ глупость этой вѣры. Изъ сочиненій еврейскаго Гекатея сохранились лишь отрывки.

Вполнѣ сохранилась исторія Маккавеевъ на греческомъ языкѣ, украшенная многими легендами и разсказами о чудесахъ, которую авторъ извлекъ изъ объемистаго сочиненія нѣкоего *Язона Киренскаго* (2 кн. Мак.), и другое сочиненіе, написанное во время гоненій на александрійскихъ евреевъ, при Калигулѣ, чтобы ободрить страдающихъ (3 кн. Мак. см. стр. 248).

Всѣ эти самостоятельныя и полусамостоятельныя сочиненія, болѣе или менѣе плохо написанныя, не имѣютъ значенія ни съ точки зрѣнія содержанія, ни съ точки зрѣнія искусства. Какъ разъ они далеко не являются лучшимъ доказательствомъ значенія еврейско-греческой литературы. Классическая эпоха ея развитія принадлежитъ ко времени жизни знаменитаго Филона, современника царя Агриппы. Только тутъ обнаруживается у говорящихъ по-гречески евреевъ широкое міросозерцаніе и высота мысли. Это было время зарожденія еврейской міровой мудрости. Только въ это время, когда сильно интересовались философіей, можно было предпринять трудъ перевода художественной книги Іова на греческій языкъ. Предшествовавшая эпоха не дала возможности заняться такимъ труднымъ для мысли переводомъ. Преданіе разсказываетъ: однажды глава Синедріона *Гамаліилъ*, внукъ Гилела, сидѣлъ на храмовой горѣ; въ это время ему былъ врученъ переводъ книги Іова (безъ сомнѣнія, на греческомъ языкѣ), какъ нѣчто совершенно новое; онъ однако не выразилъ при этомъ никакого удовольствія, но, наоборотъ, тотчасъ отдалъ приказаніе положить переданный ему списокъ въ еще строившуюся внѣшнюю стѣну храма.

Гамаліилъ считалъ вреднымъ переводъ всякой книги, не принадлежавшей къ книгамъ Торы или Пророковъ.

Счастливое время правленія Агриппы было непродолжительнымъ. Хотя императоръ Клавдій вполнѣ довѣрялъ Агриппѣ, но его слуги заподозрѣвали каждый шагъ еврейскаго царя и видѣли въ немъ признакъ отпаденія. Ловкость, независимость и національное направленіе Агриппы казались римлянамъ, имѣвшимъ возможность наблюдать его вблизи, угрожающими римскимъ интересамъ. Въ дѣйствительности они не ошибались. Какъ Агриппа ни любезничалъ съ Римомъ, все же онъ стремился къ тому, чтобы поставить Іудею въ возможность вступить въ борьбу съ Римомъ, которая казалась ему неизбѣжной. Вѣдь расположеніе или нерасположеніе Рима зависѣло отъ случайностей, отъ того, кто стоитъ во главѣ всемірной имперіи, и даже лучшій изъ повелителей былъ безсиленъ противъ предразсудковъ и соперничества окружавшихъ его римскихъ вельможъ. Агриппа, всей душою ставшій истинно-еврейскимъ царемъ, не хотѣлъ оставить свой народъ зависимымъ отъ настроенія духа одного человѣка; поэтому онъ приказалъ привозить въ Іудею много строительныхъ матеріаловъ и принялся за укрѣпленіе высокими и крѣпкими стѣнами предмѣстья на холмѣ *Бецетъ,* къ сѣверо-востоку отъ города, къ сѣверу отъ крѣпости Антоніи. Эта часть города возникла съ увеличеніемъ населенія; здѣсь были рынки для торговцевъ шерстью, кузнецовъ, торговцевъ одеждою и скотомъ. При нападеніи на Іерусалимъ опасность прежде всего грозила предмѣстью и сосѣдней съ нимъ Антоніи. Поэтому Агриппа выхлопоталъ отъ императора Клавдія, который не могъ ему ни въ чемъ отказать, разрѣшенія на укрѣпленіе этого предмѣстья; согласіе придворныхъ онъ получилъ благодаря подаркамъ. Это предмѣстье, будучи открыто, не обладало святостью Іерусалима. Поэтому начали обводить его стѣнами; для этого употреблялись каменныя плиты въ двадцать локтей длины и въ десять локтей ширины; толщина стѣнъ достигала десяти локтей. Стѣны начинались отъ башни Гиппикосъ на западѣ, дѣлали широкій кругъ на сѣверъ и доходили до Кедронской долины на востокъ отъ храма. Лишь только они достигли извѣстной высоты, это предмѣстье было торжественно освящено. Царь, Великій Синедріонъ, хоры левитовъ и, вѣроятно, первосвященникъ и за ними народъ обошли процессіей вокругъ стѣнъ. Въ храмѣ хоры левитовъ пѣли псаломъ (30), который говоритъ о возвышеніи народа изъ униженнаго состоянія (стр. 257). Этимъ Бецета была объявлена частью Святого города. Окончанію стѣнъ помѣшалъ тогдашній намѣстникъ Сиріи, *Вибій Марсъ.* Онъ понялъ планъ, который Агриппа преслѣдовалъ укрѣпленіемъ стѣнъ, описалъ императору опасности, которыя могли отсюда проистечь для Рима, и добился того,

что Агриппѣ былъ отданъ приказъ прекратить постройку [1]). Агриппа долженъ былъ повиноваться, потому что онъ не былъ въ состояніи оказать сопротивленіе. Но онъ намѣренъ былъ ослабить силу Рима въ Іудеѣ и соединился съ сосѣдними и родственными князьями, чтобы принять независимое положеніе относительно Рима. Онъ пригласилъ этихъ князей для переговоровъ въ Тиверіаду подъ предлогомъ невинныхъ развлеченій. Въ Галилейской столицѣ собрались: единомышленникъ еврейскаго царя, *Антіохъ,* царь Коммагены, сынъ котораго Эпифанъ былъ обрученъ съ младшею дочерью Агриппы; *Самсигерамъ,* царь Эмезы, дочь котораго *Іотапа* была замужемъ за братомъ Агриппы *Аристовуломъ* [2]); *Котисъ,* царь малой Арменіи; *Полимонъ,* князь Киликіи; наконецъ, *Иродъ,* братъ Агриппы, царь Халкиды. Всѣ эти князья были назначены Клавдіемъ и должны были опасаться потерять свой санъ при перемѣнѣ императора или вслѣдствіе интригъ вліятельныхъ лицъ при дворѣ. Марсу однако показалась подозрительной эта встрѣча дружественно настроенныхъ князей, онъ явился внезапно въ Тиверіаду, и съ древне-римской гордостью приказалъ имъ немедленно разъѣхаться по домамъ [3]). Римъ былъ настолько страшенъ, что эти князья разошлись по одному слову императорскаго слуги.

Вѣроятно предпріимчивость и настойчивость Агриппы избавили бы Іудею отъ новыхъ униженій и доставили бы ей безопасность, если бы его не похитила неожиданно смерть (весною? 44) въ возрастѣ 54-хъ лѣтъ, когда онъ присутствовалъ въ Цезареѣ на играхъ въ честь Клавдія по возвращеніи его послѣ завоеванія Британіи. Внезапная смерть Агриппы дала поводъ къ различнымъ толкамъ. По словамъ однихъ, онъ въ концѣ согрѣшилъ, разрѣшивъ льстецамъ оказывать ему божественное поклоненіе. По словамъ другихъ, онъ слышалъ голосъ зловѣщаго филина, и ему нѣкогда, когда онъ еще сидѣлъ въ темницѣ, одинъ германскій солдатъ предсказалъ, что этотъ голосъ будетъ для него похоронною пѣснью [4]). Христіане вѣрили, что внезапная смерть постигла его въ наказаніе за преслѣдованіе ихъ [5]). Боли въ животѣ, которыя внезапно его поразили и вызвали его смерть, заставляютъ предполагать другую причину. Съ Агриппой закатилась послѣдняя звѣзда Іудеи. Онъ умеръ за четверть вѣка до гибели государства, какъ Іосія, послѣдній благородный царь предъ изгнаніемъ.

Послѣ смерти Агриппы выяснилось, съ какою злобой жившіе въ Палестинѣ греки смотрѣли на могущество этого царя. Сирійцы и греки въ Цезареѣ и въ Себастѣ, забывъ объ оказанныхъ имъ Агриппой благодѣяніяхъ, поносили умершаго и во время пировъ приносили жертву Харону, который

[1]) Флавій, Древн. XIX. 7, 2. [2]) Т. же. XVIII. 5, 4.
[3]) Т. же. XIX. 8, 1. [4]) Т. же. 8. 2. [5]) Дѣянія апостоловъ 12, 1—23

увезъ Агриппу. Римскіе солдаты, стоявшіе въ Цезареѣ, въ особенности набранные среди населенія и носившіе имя *августинянъ и цезарей-цевъ*, присоединились къ нимъ, потащили изображенія дочерей Агриппы въ непотребные дома и осквернили ихъ тамъ. Когда Клавдій получилъ извѣстіе о поношеніи памяти его умершаго друга, онъ не остался къ этому равнодушнымъ и даже хотѣлъ назначить царемъ его 17-лѣтняго сына, Агриппу II, воспитывавшагося въ то время въ Римѣ; но его любимцы, вольноотпущенники Палласъ и Нарцисъ, поработившіе волю императора, сумѣли отговорить его. По ихъ словамъ, молодой Агриппа не въ состояніи былъ управлять такой трудной для правленія страной, какъ Іудея. Послѣ этого Іудея вновь была объявлена римской провинціей и осталась въ такомъ положеніи до конца.

Первымъ намѣстникомъ былъ назначенъ *Куспій Фадъ*, которому императоръ изъ дружескаго воспоминанія о покойномъ еврейскомъ царѣ предоставилъ довольно независимое положеніе по отношенію къ сирійскому намѣстнику Вибію Марсу, враждебно относившемуся къ Агриппѣ и евреямъ. Фаду императоръ поручилъ наказать дерзкихъ солдатъ, оскорбившихъ память Агриппы и перевести ихъ въ Понтъ. Однако это не было исполнено въ виду ихъ усиленныхъ просьбъ о прощеніи. Эти солдаты, исполненные ненависти къ евреямъ, остались такимъ образомъ въ Іудеѣ и не мало способствовали ожесточенію патріотовъ [1]).

Враждебное евреямъ настроеніе язычниковъ побуждало евреевъ къ репрессаліямъ; образовались снова, какъ послѣ смерти Ирода, вольные отряды подъ предводительствомъ смѣлыхъ вожаковъ, которые причиняли много непріятностей языческимъ жителямъ Палестины. Такимъ предводителемъ былъ *Толомаи,* жившій въ Идумеѣ и приносившій много вреда сосѣдней землѣ набатеевъ. Фадъ считалъ своею задачей не допустить роста подобнаго бунта, выступилъ противъ этихъ отрядовъ въ походъ и разсѣялъ ихъ. Толомаи былъ взятъ въ плѣнъ и, по всей вѣроятности, обезглавленъ [2]). Споръ евреевъ въ Переѣ съ языческими жителями Филадельфіи (Rabbat Ammon) изъ за не далеко отъ этого города расположенной области Міа окончился также неудачей для евреевъ. Еврейскаго предводителя *Амрама*, который воспользовался этимъ споромъ, чтобы предпринять освобожденіе евреевъ отъ римскаго ига, и его товарищей Аннибала и Элеазара Фадъ приказалъ частью обезглавить, частью изгнать изъ страны. Фадъ намѣревался придать римскому владычеству въ Іудеѣ тѣ же размѣры, какіе оно имѣло до Агриппы при первыхъ намѣстникахъ; онъ пытался поставить въ зависимость отъ себя выборъ первосвященника и храненіе первосвященническаго облаченія въ крѣпости Антоніи.

[1]) Флавій, Древности IX, 9, 2.

[2]) Т. же. XX. 1, 1.

Противъ этого возвысили свой голосъ первосвященническіе роды и даже братъ Агриппы, Иродъ II. Кажется, что это вызвало въ Іерусалимѣ такое возбужденіе, что не только Фадъ, но и намѣстникъ Сиріи, *Кай Кассій Лонгинъ,* вступили туда съ войсками. Когда знатные Іудеи, Иродъ и его братъ Аристовулъ, просили объ отсрочкѣ и о посылкѣ депутаціи къ императору, оба высшихъ римскихъ чиновника позволили это только подъ условіемъ полученія заложниковъ за спокойствіе. Такимъ образомъ было отправлено посольство въ Римъ изъ четырехъ человѣкъ: *Корнелія,* сына Кирона(?), *Трифона*, сына Θевдія, *Дороѳея,* сына Натаніеля, и *Іоанна.* Прибывъ въ Римъ, они были представлены императору, который изъ расположенія къ иродіанамъ удовлетворилъ просьбу евреевъ жить собразно со своими собственными законами (лѣто 45 г. [1]). Иродъ получилъ право назначать первосвященника; онъ немедленно воспользовался своимъ правомъ, смѣнивъ назначеннаго его братомъ первосвященника Эліоная (стр. 259) и назначивъ *Іосифа* изъ дома *Камитъ.* Какъ бы боясь оставить первосвященника долгое время въ этой должности, онъ скоро смѣнилъ его и назначилъ *Ананію бенъ-Набедаи* или *Іоханана бенъ-Набедаи*, прославившагося лишь своимъ обжорствомъ: о немъ разсказывали, что въ его время ничего не оставалось отъ жертвъ.

Иродъ II въ извѣстномъ смыслѣ могъ разсматриваться какъ царь Іудеи; только на ходъ политическихъ событій онъ не оказывалъ никакого вліянія. Сохранившіяся отъ его времени монеты имѣютъ отношеніе только къ Халкидѣ. Политическая и судебная власть находилась въ рукахъ намѣстниковъ. Синедріонъ, пріобрѣвшій при Агриппѣ и Гамаліилѣ свое прежнее значеніе, потерялъ его снова.

Въ теченіе своего управленія Фадъ долженъ былъ подавить мессіанскій мятежъ. Нѣкто *Θевда* [2]) выступилъ какъ пророкъ или Мессія и нашелъ до 400 вѣрующихъ; настолько сильно народъ тосковалъ по Мессіи. Θевда врядъ ли былъ обманщикомъ, но, слѣдуя влеченію сердца, вѣроятно пытался осуществить свои мечты. Онъ обѣщалъ своимъ послѣдователямъ въ знакъ своего мессіанства разсѣчь Іорданъ и провести ихъ черезъ него по сушѣ. Когда его послѣдователи со всѣмъ своимъ имуществомъ приблизились къ Іордану, то посланный Фадомъ отрядъ конницы напалъ на нихъ, многихъ убилъ, другихъ взялъ въ плѣнъ, а мечтателю отрубилъ голову, которая была доставлена въ Іерусалимъ [3]) (46). Черезъ нѣкоторое время Фадъ былъ отозванъ, и на его мѣсто былъ назначенъ перешедшій въ язычество *Тиверій Юлій Александръ*, сынъ арабарха Александра и племянникъ еврейскаго философа Филона. Тиверій только

[1]) Флавій. Древн. 1, 1-2.

[2]) Дѣянія апостоловъ 5, 36.

[3]) Тацитъ Анналы 15, 28.

что получилъ званіе римскаго всадника. Императоръ навѣрное полагалъ, что назначеніемъ коренного еврея изъ знатнаго дома намѣстникомъ онъ покажетъ еврейскому народу знакъ своего расположенія и вознаградитъ его за потерю самоуправленія. Онъ не зналъ, что наиболѣе чуткіе элементы болѣе всего должны были быть оскорблены управленіемъ вѣроотступника. Какъ кажется, народъ плохо чувствовалъ себя во время управленія Александра; зелоты вновь подняли голову и возбуждали къ возстанію. Они имѣли предводителей въ лицѣ сыновей родоначальника зелотовъ Іуды Галилеянина (стр. 189, 195), *Якова* и *Симона,* которыхъ отецъ воспиталъ въ своихъ убѣжденіяхъ. По суровому наказанію, которому ихъ подвергъ намѣстникъ, можно судить о серьезности возстанія. Онъ приказалъ распять обоихъ братьевъ на крестѣ, что по римскимъ законамъ было самымъ позорнымъ наказаніемъ.

Какъ бы въ вознагражденіе за причиненныя еврейскому народу вѣроотступникомъ униженія народъ съ гордостью смотрѣлъ въ это время, какъ языческая царица, перешедшая въ іудейство, стала его благодѣтельницей и во время голода заботилась о нуждающихся съ чисто царскою щедростью (47-48). Но объ этомъ далѣе.

Послѣдніе годы Іерусалима.

ГЛАВА XIII.

Распространеніе еврейскаго племени и еврейскаго ученія.

Распространеніе евреевъ въ римской имперіи и въ Парѳіи. Еврейское разбойничье государство въ Нагардеѣ. Предубѣжденія язычниковъ противъ еврейства. Нападки еврейскихъ писателей на язычество. Еврейскія Сивиллины книги. Противоязыческая литература. Книга Аристея. Книга Премудрости. Аллегористы. Направленіе и философская система Филона. Прозелиты. Адіабенскій царскій домъ. Елена, царица-прозелитка. Апостолъ Павелъ.

(40—49).

Ни одному народу на землѣ не была, подобно еврейскому, уже у самой колыбели пропѣта пѣснь безконечнаго скитанія и разсѣянія, и эта зловѣщая колыбельная пѣснь выполнилась съ ужасающей точностью. Не было почти уголка въ обѣихъ господствовавшихъ въ то время имперіяхъ римской и парѳянской, гдѣ не жили бы евреи [1]), гдѣ они не слились бы, въ религіозную общину. Побережье великаго бассейна Средиземнаго моря и устья всѣхъ важнѣйшихъ рѣкъ стараго міра: Нила, Евфрата, Тигра, Дуная были населены евреями. Какъ бы неумолимый рокъ гналъ сыновъ Израиля все дальше отъ ихъ центральнаго пункта. Но и это разсѣяніе

[1]) Флавій, Древн. XIV. 7, 3.

было благодатью и дѣломъ Провидѣнія. Этимъ обезпечена была неразрушимость и безсмертіе еврейскаго племени. Потерпѣвъ преслѣдованія, гоненія, притѣсненія въ одной странѣ, собиралось оно въ другой и основывало убѣжища для становившагося все болѣе дорогимъ ученія. Это были разсыпанныя сѣмена, предназначенныя повсюду приносить болѣе ясное познаніе Бога и болѣе чистую нравственность. Какъ колонизація грековъ способствовала пробужденію среди различныхъ народовъ любви къ искусству и наукамъ, а поселенія римлянъ содѣйствовали развитію во многихъ странахъ одного правопорядка, такъ еще больше разсѣяніе старѣйшаго культурнаго народа, еврейскаго, имѣло передъ собой грандіозную цѣль бороться съ заблужденіями и животными пороками язычества. Какъ ни сильно разобщено было еврейское племя, однако члены его не были оторваны другъ отъ друга; пунктомъ объединенія для нихъ служилъ Іерусалимскій храмъ и Синедріонъ, которымъ разсѣянные евреи были преданы всей душой. Туда направлялись взоры всѣхъ, туда всѣ посылали свои приношенія, желая, по крайней мѣрѣ, такимъ путемъ принимать участіе въ культѣ жертвоприношенія [1]). Синедріонъ устанавливалъ для нихъ законодательныя нормы, которымъ они тѣмъ охотнѣе подчинялись, что они не были принудительно наложены. Время отъ времени Синедріонъ посылалъ избранныхъ людей во всѣ общины, чтобы познакомить послѣднія съ важнѣйшими его постановленіями [2]).

Посѣщеніе чужеземными евреями храма укрѣпляло въ нихъ сознаніе единства; посѣщенія эти должны были быть очень частыми, такъ какъ иноземные евреи имѣли въ Іерусалимѣ свои собственныя синагоги, гдѣ они собирались для молитвъ. Въ столицѣ были синагоги *александрійскихъ, киренскихъ, либертинскихъ, элимейскихъ и азіатскихъ* евреевъ [3]). Указанное [4]) число синагогъ въ Іерусалимѣ (480) не должно казаться слишкомъ преувеличеннымъ. О громадномъ числѣ евреевъ въ то время можно составить себѣ понятіе, если вспомнить, что въ одномъ Египтѣ, отъ Средиземнаго моря до границъ Эѳіопіи, жило до милліона евреевъ [5]). Въ сосѣдней странѣ *Киренаикѣ* жило очень много евреевъ, частью высланныхъ туда изъ Египта, частью добровольно туда переселившихся (стр. 171). Въ Сиріи, особенно въ столицѣ ея Антіохіи, евреи составляли значительную часть населенія. Слѣдовавшіе послѣ Антіоха Эпифана сирійскіе цари, особенно Александръ Баласъ и Димитрій Никаторъ,

[1]) Филонъ de Monarchia § 1; in Flaccum 7; legatio ad Cajum 7, 29; 36, 7,
[2]) Ср. Дѣянія апостоловъ, **28,** 21.
[3]) Т. же. **6,** 9. Tosefta Megilla c. 2. Jerus. Megilla III 75 b.
[4]) Т. же. III. Ketubot XIII; Midrasch Threni *) איכה *Ред.*
[5]) Филонъ in Flaccum.

возвратили имъ всѣ права, отнятыя у нихъ полупомѣшаннымъ Эпифаномъ, и возстановили равноправіе. Одинъ изъ этихъ царей даже передалъ имъ похищенную изъ храма утварь, которую они и хранили въ своей синагогѣ [1]). Въ *Дамаскѣ* жило до десяти тысячъ евреевъ, и набатейскій царь, *Арета Филомедъ*, поставилъ извѣстное лицо изъ ихъ среды во главѣ общины, подобно александрійскому *этнарху* [2]). Въ столицѣ міра, Римѣ, сборномъ пунктѣ для честолюбцевъ, ищущихъ наживы, мечтателей и недовольныхъ, собралась, послѣ своего изгнанія при Тиверіи (стр. 201), такая масса еврейскаго населенія, что, когда императоръ Клавдій по неизвѣстному поводу рѣшилъ ихъ изгнать, онъ не осмѣлился привести въ исполненіе свое рѣшеніе вслѣдствіе ихъ многочисленности. Онъ все-таки запретилъ имъ религіозныя собранія [3]). Только къ концу своего правленія Клавдій изъ-за волненія, поднятаго однимъ христіанскимъ апостоломъ, *Хрестусомъ*, изгналъ ихъ, конечно только частью, изъ Рима [4]). Несмотря на это въ Римѣ продолжала существовать еврейская община. Она имѣла признанное устройство, съ высшими лицами во главѣ, которыя именовались архонтами и герузіархами. У нея было много синагогъ съ духовнымъ главой, архисинагогомъ, а также особое мѣсто для погребенія умершихъ. На памятникахъ были большей частью греческія надписи (такъ какъ члены этой общины происходили первоначально изъ странъ съ греческимъ языкомъ, изъ Александріи, Малой Азіи) съ именемъ умершаго и эпитафіей „Миръ“ или „Мирно спи“. Могильныя колонны, въ видѣ символа, часто имѣли семилампадные свѣтильники. Изъ Рима еврейскія общины распространились въ сѣверной Италіи (Болонья) и Южной (Капуя) почти до Неаполя, сохраняя устройство и обычаи главной общины.

Еще многочисленнѣе, чѣмъ въ Европѣ, Сиріи и Африкѣ, было населеніе евреевъ въ парѳянскихъ странахъ, которое состояло изъ остатковъ древнихъ изгнанниковъ, занимавшихъ цѣлыя полосы внутри Месопотаміи и Вавилоніи. Двое еврейскихъ юношей изъ Нааарды (Нагардея на Евфратѣ), по имени *Азинай* (Chasinai) и Анилай (Chanilai), основали даже вблизи этого города разбойничье государство, которое наводило страхъ на сосѣднія страны (30). Азинай и Анилай были по ремеслу ткачами; однажды они были наказаны своимъ хозяиномъ и убѣжали отъ него, собрали вокругъ себя толпу недовольныхъ и стали грабить пастуховъ. Съ каждымъ днемъ росло число нагардейскихъ разбойниковъ, и

[1]) Флавій. Іуд. войны VII. 3, 3.
[2]) Т. же II. 20, Второе посл. къ Корине. **11**, 32.
[3]) Діонъ Кассій 60, 6. Орозій. 7, 6.
[4]) Свѣтонъ Клавдій 25.

они, владѣя хорошо оружіемъ, могли смѣло совершать далекія экскурсіи и воинственные набѣги. Парѳянское правительство было настолько слабо, что король *Артабанъ II* вошелъ съ нимя въ соглашеніе и формально призналъ ихъ правителями независимой области. Просуществовавъ пятнадцать лѣтъ, это оригинальное еврейское государство погибло вслѣдствіе чрезмѣрной наглости ея жителей и внутреннихъ раздоровъ. Анилай, влюбившись въ красивую языческую плѣнницу, взялъ ее себѣ въ жены и позволилъ ей въ своемъ домѣ отправлять культъ боговъ ея родины. Это очень разсердило набожную толпу и старшаго брата, и они стали явно выражать свое недовольство противъ предводителя. Разладъ привелъ къ тому, что Азинай былъ отравленъ своей языческой невѣсткой. Со смертью Азиная пало это государство. На Анилая и его шайку напалъ Митридатъ, зять парѳянскаго царя, желая отомстить за позоръ, который онъ раньше перетерпѣлъ въ плѣну у евреевъ. Нагардейцы были разсѣяны и могли держаться только разбойничьими набѣгами на язычниковъ-вавилонянъ. Раздраженные противъ евреевъ вавилоняне напали однажды внезапно на Анилая и уничтожили его вмѣстѣ съ шайкой. Затѣмъ они обратились противъ вавилонскихъ евреевъ, жившихъ въ неукрѣпленныхъ городахъ, чтобы отомстить имъ за всѣ грабежи, учиненные Анилаемъ. Многіе вавилонскіе евреи искали убѣжища въ Селевкіи, на западной сторонѣ Тигра; но и сюда проникла ненависть противъ евреевъ. Населеніе Селевкіи состояло изъ евреевъ, грековъ и сирійцевъ. Послѣдніе жили до прибытія евреевъ въ постоянныхъ раздорахъ между собою, послѣ же они соединились, напали внезапно на евреевъ и убили пять тысячъ изъ нихъ (около 41 г.); остальные искали спасенія въ столицѣ Парѳіи Ктезифонѣ. Возникшая между евреями и язычниками вражда не окончилась этимъ и принудила первыхъ искать безопасности въ двухъ укрѣпленныхъ и населенныхъ ихъ единовѣрцами городахъ — Нагардеѣ и Низибѣ [1]).

Въ странахъ, расположенныхъ по другую сторону Тигра, въ Персіи и Мидіи, также существовали еврейскія общины, и глава Синедріона Гамаліилъ отправилъ и къ нимъ посланіе (стр. 260). Многіе переселились изъ мѣстностей, прилежащихъ къ Тигру и Евфрату, въ Арменію еще до того, какъ Тигранъ привелъ съ собой плѣнныхъ изъ Іудеи. Какъ Нагардея и Низибисъ были центральными пунктами мѣстностей, прилежа-

[1]) Флавій. Древн. XVIII. 9, 1—9. Время этого событія невозможно точно опредѣлить. Такъ какъ во всемъ этомъ видную роль игралъ парѳянскій царь, а онъ умеръ въ 41 году, то эта исторія должна быть отнесена къ болѣе раннему времени. Флавій относитъ заключительную катастрофу, преслѣдованіе евреевъ въ Селевкіи, хронологически ко времени смерти Калигулы—41 г. Въ § 5 онъ опредѣляетъ продолжительность счастливаго состоянія нагардейскаго разбойничьяго государства 15 годами.

щихъ къ Евфрату, такъ и въ каждой странѣ образовывались такіе центры, изъ которыхъ еврейское населеніе распространялось по всѣмъ сосѣднимъ странамъ. Малая Азія, напримѣръ, была тѣмъ центральнымъ пунктомъ, изъ котораго съ одной стороны евреи распространялись по побережью Чернаго моря, съ другой стороны проникали въ Грецію и на острова. Еврейскія общины были въ Аѳинахъ, Коринѳѣ, Ѳессалоніи и Филиппахъ. Римъ навѣрно высылалъ еврейскія колоніи на западъ въ Южную Францію и Южную Испанію, хотя въ этихъ странахъ нельзя указать никакихъ вѣрныхъ слѣдовъ ихъ существованія до разрушенія храма.

Евреи сразу произвели на язычниковъ отталкивающее впечатлѣніе; ихъ своеобразная жизнь, одежда и религіозныя воззрѣнія казались язычникамъ странными, загадочными и таинственными; все это было имъ непонятно и вызывало въ нихъ то глубокій страхъ, то насмѣшки. Противоположность между іудаизмомъ и язычествомъ была настолько рѣзкой, что она проявлялась во всемъ. Все, что считалось священнымъ для язычниковъ, было въ глазахъ евреевъ предметомъ омерзенія, и, наоборотъ, то, что было для первыхъ безразличнымъ, служило для евреевъ религіозной святыней. То, что евреи отдѣлялись отъ общаго стола, боялись браковъ съ язычниками, не ѣли свинины и горячей пищи по субботамъ, язычники приписывали ихъ превратному уму, а то, что они ограничивались общеніемъ только со своими единовѣрцами,—ихъ человѣконенавистничеству [1]).

„Всѣ страны, всѣ моря наполнены тобою,
„Все враждебно тебѣ за твои обычаи“ [2]).

Особенно предметомъ удивленія и насмѣшекъ служило для язычниковъ еврейское обрѣзаніе. Даже серьезность евреевъ, не принимавшихъ участія въ дѣтскихъ развлеченіяхъ, въ разныхъ состязаніяхъ, казалась язычникамъ порожденіемъ ихъ мрачнаго характера, неспособнаго наслаждаться красотою. Поэтому поверхностные умы разсматривали іудаизмъ какъ варварское изувѣрство, которое проповѣдуетъ ненависть къ человѣческому роду [3]). Зато болѣе глубокіе умы удивлялись чистому, отвлеченному почитанію единаго Бога, привязанности и участливому отношенію евреевъ другъ къ другу, ихъ непорочности, умѣренности и постоянству [4]).

Гораздо болѣе темныхъ сторонъ представляло острому взору евреевъ язычество съ его безнравственной жизнью. Грубое идолопоклонство съ

[1]) Флавій противъ Аніона II. 8-14. Тацитъ Historiae 5, 4-5. Филонъ de circumcisione § 1 M. II 210. Светонъ, Августъ 76.

[2]) Сивиллины кн. III. 271—72.

[3]) Cicero pro Flacco 28.

[4]) Tacitus т. же. Dio Cassius 37, 17.

его сказочной миѳологіей, представлявшей боговъ съ болѣе низменной природой, чѣмъ у людей; безсмысленный обычай приносить жертвы царямъ, какъ богамъ; увеличивавшаяся развращенность вслѣдствіе упадка Греціи и соприкосновенія римлянъ съ испорченными народами; ежедневныя проявленія прелюбодѣйной жизни и противоестественаго порока; вакханическое умопомраченіе отъ суевѣрія, невѣрія и озвѣрѣнія—все это заставляло евреевъ еще болѣе гордиться своимъ духовнымъ достояніемъ и еще болѣе цѣнить преимущества своего чистаго познанія Бога передъ языческой религіей. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ греческій языкъ облегчилъ обмѣнъ мыслей, какъ въ Египтѣ, Сиріи, Малой Азіи и Греціи, доходило дѣло до умственныхъ состязаній между евреями и язычниками. Іудаизмъ какъ бы привлекалъ язычество къ суду истины и противопоставлялъ свою возвышенность низменному языческому образу мыслей.

Убѣжденность, жившая въ груди евреевъ, заставляла ихъ искать средства сообщить ее также и людямъ темнымъ, ослѣпленнымъ. Но такъ какъ другіе народы ненавидѣли еврейство, то образованные евреи прибѣгли къ своего рода невинному обману, къ проповѣди о величіи іудаизма отъ имени самихъ языческихъ поэтовъ и мудрецовъ; они влагали въ уста пѣвца *Орѳея*, существованіе котораго покрыто туманомъ преданія, и трагическаго поэта *Софокла*, изображавшаго всемогущество боговъ, стихи, которые открывали смыслъ еврейскаго ученія и противоположность его язычеству.

„Единъ во истину, единъ Господь,
Создавшій небо и ширь земную,
Пѣнящіяся волны морскія и мощные потоки.
Мы же, смертные, сердцемъ обманутые,
Дѣлаемъ себѣ утѣшенье въ страданьяхъ и нуждѣ
Мѣдныя и каменныя изваянья боговъ,
Дѣлаемъ ихъ также изъ слоновой кости и золота.
Имъ мы жертвы приносимъ, посвящаемъ собранья,
И это мы принимаемъ за благоговѣйное почитанье боговъ“ [1]).

Лишь только начала распространяться римская культура и съ ней миѳъ о предсказательницѣ Сивиллѣ, еврейскіе поэты поспѣшили вложить въ ея уста то, чего они не осмѣливались высказать отъ своего имени, или на что иначе никто не обратилъ бы вниманія. Въ формѣ предсказаній Сивилла выражаетъ всю глубину содержанія іудаизма, потрясаетъ души картиной страшныхъ послѣдствій забвенія боговъ, предлагаетъ народамъ, находящимся въ кровавой борьбѣ, пальму мира и согласія, если они обратятся къ безсмертному богу іудеевъ, и открываетъ имъ великолѣпную перспективу болѣе счастливыхъ временъ, о которыхъ предсказы-

[1]) Clemens Alexandrinus Strom. V. 14, 114 изъ Псевдо-Гекатея.

вали пророки. Примѣромъ могутъ послужить слѣдующіе стихи Сивиллы. Во вступленіи она обращается къ языческимъ народамъ:

„Смертные люди, похотливо настроенныя и ничтожныя существа!
Какъ вы превозносите себя и не обращаете вниманія на конецъ жизни?
Неужели вы не дрожите, не боитесь Бога, Высочайшаго Вашего
Повелителя, который, создатель, все вскормилъ, который во всѣхъ
Сладкій духъ вселилъ, чтобы господствовать надъ всѣми людьми?
Богъ существуетъ, единый Богъ, безконечный и вѣчный
Властитель всего, невидимый, самъ же все зрящій.
Но смертнымъ его самого увидѣть нельзя.
Да, вы получите достойное возмездіе за глупость,
Потому что почитать истиннаго и вѣчнаго Бога, какъ надо,
Вы перестали; вмѣсто того, чтобы жертвовать Ему священныя гекатомбы,
Демонамъ въ жертву вы ихъ приносили, духамъ Анда.
Вы грядете во мракѣ и лжи; съ ровнаго, прямого
Пути свернувъ, вы идете по тернистымъ дорогамъ,
Блуждаете по камнямъ. Остановитесь же смертные, глупцы,
На ощупь бродящіе ночью, въ безпросвѣтномъ мракѣ“ [1]).

Затѣмъ Сивилла обращается къ Греціи, какъ представительницѣ язычества:

„Но, Эллада, почему ты увѣровала въ смертныхъ властителей,
Которые не могутъ избѣгнуть смерти?
И почему ты напрасно приносишь мертвымъ дары,
Жертвуешь идоламъ? Кто вложилъ это заблужденіе въ душу
Твою, что такъ поступаешь и покинула великаго Бога?
Почитай имя Отца вселенной, и никогда да не скроется Онъ отъ тебя.
Тысяча лѣтъ ужъ прошло и другихъ еще пятьсотъ годовъ протекло
Съ тѣхъ поръ, какъ въ Греціи господствовали высокомѣрные государи,
Которые впервые злу научили смертныхъ людей:
Которые сдѣлали много статуй въ честь тѣхъ, что погибли,
Изъ-за нихъ они вамъ указали чтить преходящее.
Но когда разразиться гнѣвъ всемогущаго Господа,
Тогда вы познаете ликъ великаго Бога.
Сразу вздохнутъ съ отчаяньемъ души людей всѣхъ
И подымутъ руки, молясь, всѣ къ великому небу.
И начнутъ звать великаго Царя на помощь,
Въ защиту отъ страшнаго гнѣва“ [2]).

Сивилла выдвигаетъ слѣдующимъ образомъ преимущества іудаизма предъ язычествомъ:

„Есть въ Азіи городъ съ широкими улицами,
Вышелъ изъ него родъ справедливыхъ людей,
Которые всегда помышляютъ о добрѣ и прекрасныхъ поступкахъ.
Ибо не круговое движенье солнца или мѣсяца,
Или же страшныя явленія на землѣ ихъ занимаютъ;

[1]) Сивиллины кн. по перев. Фридлиба, первый фрагментъ стр. 3. ст. 1—4. 19—26.
[2]) Т. же. 3, стих. 546—561.

А думаютъ только о справедливости и добродѣтели.
Нѣтъ у нихъ также сребролюбія, доставляющаго людямъ
Тысячи бѣдствій, войну и страшный голодъ.
У нихъ вѣрныя мѣры въ городахъ и деревняхъ,
Ночью они не обкрадываютъ другъ друга,
Не угоняютъ стада быковъ, овецъ и козъ,
Сосѣдъ не захватываетъ границу владѣній сосѣда,
Богатый бѣднаго не оскорбляетъ,
Не обижаетъ вдовъ, напротивъ, онъ всегда оказываетъ помощь,
Помогаетъ въ нуждѣ хлѣбомъ, виномъ и масломъ
И всегда щедръ къ бѣдному люду.
Онъ даже удѣляетъ бѣднякамъ часть своей жатвы,
Исполняя этимъ завѣтъ великаго Господа и слово закона:
Всѣмъ вѣдь Господь землю далъ сообща“ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ Сивилла восхваляетъ превосходныя качества Израиля:

„Ибо Господь даровалъ разумъ
Имъ однимъ, вѣрность, и превосходное сердце;
Они не почитаютъ въ суетномъ самообманѣ изображенья
Людей, золотыя или желѣзныя, серебряныя или слоновой кости,
Не поклоняются преходящимъ изваяньямъ идоловъ, деревяннымъ,
Каменнымъ или же глинянымъ, крашеннымъ охрой,
Не почитаютъ звѣроподобныхъ изображеній, какъ
Люди всегда поступаютъ по своему ничтожному уму;
Но они подымаютъ къ небу чистыя руки,
Рано вставши съ постели и начисто вымывши водой ихъ;
Они почитаютъ Господа, вѣчно всемогущее Божество,
Безсмертное, затѣмъ своихъ родителей,
Затѣмъ думаютъ о тѣхъ, которыхъ ложе еще цѣломудренно;
Они также не имѣютъ грѣховныхъ сношеній съ мальчиками,
Какъ это дѣлаютъ финикіяне, египтяне, латиняне,
Какъ это водится въ Греціи и у многихъ
Другихъ народовъ, у персовъ, галатовъ и въ Азіи,
Которые нарушаютъ святой законъ безсмертнаго Бога и презираютъ его“ [2]).

Сивилла прорицаетъ счастливую будущность мессіанскому государству, въ которомъ будутъ имѣть мѣсто всѣ народы земли:

„Перестань же, жалкая Эллада, гордо возвышаться.
Моли Всевышняго, Великодушнаго, и берегись.
Пошли въ тотъ самый городъ потерявшій смыслъ народъ,
Происходящій изъ святой земли великаго Бога,
Поклонись великому Богу, чтобъ и ты нѣкогда получила свою долю,
Когда этому строю будетъ конецъ, и вожделѣнный день
Наступитъ для добрыхъ по Божьему велѣнію.
Смертному тогда дастъ въ изобиліи земля-кормилица

[1]) Тамъ же ст. 2182—49.
[2]) Т. же ст. 584—600.

Прекраснѣйшія произведенія: пшеницы, вина и оливокъ,
Также сладкій напитокъ пріятнаго меда съ небесъ,
Деревья, плоды съ деревьевъ и откормленныхъ овецъ,
Быковъ, барашковъ и козловъ,
Ключи молока, сладкаго и бѣлаго;
Разнымъ добромъ наполнятся города;
И земля будетъ плодородна, ни войнъ не будетъ, ни шума сраженій,
Больше уже не будетъ земля, тяжко стеная, колебаться,
Не будетъ впредь ни войнъ, ни засухъ на землѣ,
Ни голода, ни града, разрушающаго плоды.
Но будетъ царствовать на всей землѣ великій миръ,
И до окончанія времени царь будетъ царю другомъ;
По одному закону будетъ безсмертный Господь
Съ звѣзднаго неба людьми управлять на всей землѣ.
Будетъ одинъ законъ, о которомъ всегда пеклись жалкіе люди.
Ибо онъ самъ единый Господь, и нѣтъ другого.
И огнемъ Онъ спалитъ ужасныхъ мужей"[1]).

Этотъ вдохновенный еврейскій пѣвецъ, стремившійся въ формѣ предсказаній выяснить языческимъ народамъ суть іудейства, тотъ самый, который во времена послѣдней египетской царицы Клеопатры и второго римскаго тріумвирата предсказалъ пришествіе Мессіи во всемъ его великолѣпіи (стр. 152).

Другой еврейскій поэтъ подъ именемъ греческаго составителя эпиграммъ Фокилида разсказалъ грекамъ и римлянамъ нравственныя истины іудаизма. Подобно пѣвцу Сивиллы, онъ переложилъ эти истины въ удобный греческій шестистопный размѣръ, благодаря чему онѣ легче могли запечатлѣваться въ памяти. Этотъ Псевдо-Фокилидъ, жившій, должно быть, во время первыхъ императоровъ, замѣтилъ недугъ, которымъ были заражены оба культурныхъ народа того времени: это противоестественный порокъ и жестокость нравовъ, отъ которыхъ они должны погибнуть, если только не спохватятся и не исправятся. Для исправленія онъ предлагаетъ имъ бальзамъ высшей нравственности, изложенной въ Моисеевомъ ученіи и другихъ книгахъ. „Это секретныя средства справедливости. Кто живетъ по нимъ, будетъ жить счастливо до глубокой старости"—говорилъ имъ Фокилидъ. Чтобы обезпечить этимъ ученіямъ нравственности и нѣжной любви къ людямъ доступъ и вліяніе въ обществѣ, онъ преднамѣренно скрылъ ихъ іудейское происхожденіе и свою принадлежность къ еврейству. Это удалось ему, такъ что онъ не былъ узнанъ, и его нравственныя эпиграммы разучивались въ школахъ, какъ если бы онѣ принадлежали греческому поэту.

Прежде всего Фокилидъ предостерегалъ отъ развратной любви и противоестественнаго порока, чѣмъ греки и римляне разслаблялись и приближали свою гибель.

[1]) Тамъ же ст. 732—760.

„Эросъ не божество, только несчастье всѣмъ онъ приноситъ"

Въ какомъ противорѣчіи съ міромъ, основаннымъ на войнѣ и убійствахъ, стояло ученіе о любви къ врагамъ!

„Не опоясывайся мечомъ противъ врага, развѣ только для защиты.
Лучше бы тебѣ совсѣмъ не пользоваться имъ, будь то для праваго дѣла, или неправаго.
Ибо если ты уложишь врага, руки твои будутъ запятнаны кровью".

Еще гораздо больше стиховъ посвящено любви къ врагамъ, любви, которую іудейство проповѣдывало съ самаго начала. Равенство всѣхъ людей, равноправіе чужеземцевъ и мѣстныхъ жителей, состраданіе къ бѣднымъ и несчастнымъ—вотъ что старается вложить въ сердца своихъ читателей этотъ еврейскій эпиграмматистъ. Онъ выступаетъ противъ безнравственнаго обычая грековъ и римлянъ уничтожать плодъ во чревѣ матери и выкидывать новорожденныхъ, если они казались слабыми, обычая, который рекомендовалъ даже цвѣтъ эллинской мудрости въ лицѣ Платона.

„Мать не должна убивать ребенка въ собственномъ чревѣ,
И новорожденныхъ выкидывать псамъ и коршунамъ въ пищу".

Онъ также нападаетъ на жестокость, съ которой римляне обращались со своими рабами и которая доходила до того, что они имъ выжигали каленымъ желѣзомъ знаки на тѣлѣ. Если Псевдо-Фокилидъ и скрылъ намѣренно родину своего ученія, какъ царица Эсѳирь свое происхожденіе, то это потому, что у римлянъ и грековъ господствовало предубѣжденіе противъ евреевъ и іудейства. Но все таки онъ указываетъ корень, изъ котораго могъ вырасти благородный плодъ человѣчности и просвѣщенной любви къ людямъ; этотъ корень есть познаніе единаго Бога. Устами пророка Іереміи онъ говоритъ въ двухъ греческихъ стихахъ:

„Не гордись мудростью, ни силой, ни богатствомъ;
Богъ одинъ премудръ, всемогущъ и блаженъ вполнѣ".

Греки же были горды своей мудростью, а римляне своимъ могуществомъ и богатствомъ. Поэтому они презрительно взирали на Іудею и іудейство, отрицали его высокое значеніе и вдались въ заблужденіе. Вотъ почему появился цѣлый рядъ прозаическихъ произведеній еврейско-греческой или эллинистической школы, имѣвшихъ цѣлью, съ одной стороны обнаружить всю несостоятельность язычества, съ другой выставить въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ іудейство. Ихъ составители били прямо на то, чтобы возбудить язычниковъ къ переходу въ іудейство. Они выставляютъ, какъ примѣръ, языческихъ царей, пришедшихъ къ убѣжденію, что язычество пусто и ничтожно, іудейство же содержитъ спаси-

тельную истину. На ряду съ этимъ они горячо защищаютъ свой народъ и опровергаютъ обвиненія, выдвинутыя языческими писателями противъ евреевъ и еврейства. Доказательствомъ превосходства іудаизма и полной безвредности евреевъ они выставляютъ свидѣтельства персидскихъ царей *Дарія и Артаксеркса*, греческаго царя *Птоломея Филадельфа* и даже нечестиваго *Антіоха Епифана*. Чтобы усилить впечатлѣніе, эти одновременно оборонительныя и наступательныя сочиненія пускались въ оборотъ подъ вымышленными именами.

Произведеніемъ собственно оборонительнаго содержанія является такъ называемое „Письмо Аристея“ или „Посланіе Аристея къ своему брату Филократу“, которое одно время считалось подлиннымъ и касается происхожденія греческаго перевода Пятикнижія. Авторъ этого „Письма“ жилъ во всякомъ случаѣ въ Александріи, но не во времена Птоломея Филадельфа, а, что гораздо болѣе вѣроятно, въ царствованіе Тиверія. Онъ не обладалъ еще вполнѣ ловкостью и изяществомъ греческихъ оборотовъ рѣчи и старался возмѣстить этотъ недостатокъ жеманностью и вычурностью слога. Непризнаніе іудаизма и особенно книги законовъ Моисея, которые для него были выше всего на свѣтѣ, терзало его до глубины души. Поэтому онъ постарался представить ихъ греческимъ читателямъ въ наиболѣе выгодномъ свѣтѣ.

Чудесное происхожденіе перевода 70 толковниковъ доставило ему матеріалъ для изукрашеній. Самъ второй изъ Птоломеевъ, Филадельфъ, впервые составившій большую библіотеку, не могъ удержаться отъ выраженій изумленія предъ іудаизмомъ, что для даннаго сочиненія и было самымъ важнымъ. Содержаніе этого недостовѣрнаго произведенія слѣдующее: Аристей, важный чиновникъ египетскаго царя, описываетъ своему философски образованному брату Филократу обстоятельства, сопутствовавшія переводу Пятикнижія на греческій языкъ, причемъ пересыпаетъ разсказъ разсужденіями о превосходствѣ еврейскаго ученія, мимоходомъ опровергая возводимыя на евреевъ обвиненія. Царь Филадельфъ, всегда стремящійся къ увеличенію своей библіотеки, узнаетъ отъ ея предполагаемаго смотрителя, Димитрія Фалерійскаго, что у евреевъ есть книга законовъ, достойная быть принятой въ библіотеку, такъ какъ она „божественнаго происхожденія и философскаго содержанія“. Тогда царь рѣшаетъ послать къ набожному священнику Элеазару двухъ пословъ, Аристея и Андрея, съ богатыми дарами для храма и проситъ у него 72 толковниковъ. Желая оказать ему любезность, онъ даруетъ свободу еврейскимъ плѣнникамъ, которыхъ его отецъ переселилъ въ Египетъ и обратилъ въ рабство, и платитъ выкупъ ихъ владѣльцамъ. Первосвященникъ радушно принимаетъ пословъ, показываетъ имъ достопримѣчательности столицы и храма и выбираетъ 72

переводчиковъ, по 6 отъ каждаго изъ 12 колѣнъ, которыхъ онъ и рекомендуетъ милостивому вниманію царя. Элеазаръ даетъ посламъ разъясненія по поводу нѣкоторыхъ странныхъ еврейскихъ законовъ, именно о причинахъ запрета вкушать нѣкоторыя блюда и нечистыхъ животныхъ. Исходя изъ того положенія, что общество развратныхъ людей влечетъ за собой порочность, какъ общеніе съ добрыми—добродѣтель, законъ имѣетъ въ виду такими постановленіями удержать преданныхъ познаванію Бога и чистой нравственности евреевъ отъ общенія съ идолопоклонниками и порочными людьми. Вѣдь почитаютъ же греки изваянья изъ камня и дерева, а египтяне даже животныхъ и пресмыкающихся! Поэтому-то еврейскій законодатель и предписалъ почитателямъ истиннаго Бога чуждаться другихъ и какъ бы „несокрушимыми стѣнами и желѣзными валами“ удерживалъ ихъ отъ развращающаго общества. Но запрещеніе употреблять въ пищу мясо нѣкоторыхъ животныхъ имѣетъ еще, кромѣ того, глубокій нравственный смыслъ. Разрѣшенныя въ пищу птицы—домашнія и питаются растительными веществами; тѣ же, мясо которыхъ запрещено закономъ,—дикія, питаются мясомъ и нападаютъ даже на людей. Этими запрещеніями божественное законодательство имѣло въ виду пріучить человѣка къ умѣренности и справедливости. Точно также разрѣшеніе употреблять въ пищу мясо животныхъ съ раздвоенными копытами и жвачныхъ имѣетъ символическое значеніе. Раздвоенность копытъ обозначаетъ различеніе и разборчивость въ наслажденіи, чтобы воздерживаться отъ разврата язычниковъ, которые оскверняются сношеніями съ мальчиками и собственными дочерьми. Отрыжка жвачныхъ символически обозначаетъ воспоминаніе, чтобы евреи не забывали чудеснаго руководительства Божія. Тотъ же смыслъ имѣютъ надписи (Mesusa) на дверяхъ домовъ и городскихъ воротахъ, а также возложеніе филактерій на руку; они напоминаютъ, что во всякой дѣятельности должно имѣть въ виду Бога. Все это первосвященникъ Элеазаръ объяснилъ посламъ царя.

Когда переводчики прибыли въ Египетъ, царь принялъ ихъ весьма милостиво и хорошо угостилъ; онъ приказалъ своему слугѣ, чтобы еврейскимъ мудрецамъ подавалась „только та пища, которая разрѣшена имъ закономъ“. Во время пира царь обращался къ каждому изъ нихъ съ вопросомъ философскаго содержанія. Они отвѣчали такъ умно и скоро, что удивили этимъ даже присутствовавшихъ греческихъ философовъ.

Царь былъ такъ пораженъ глубиной содержанія еврейскаго законодательства, что не могъ понять, почему это ни одинъ греческій историкъ или поэтъ не упоминалъ о немъ. Димитрій разъяснилъ ему: это законодательство считается столь священнымъ и божественнымъ, что люди, пользовавшіеся имъ для несвященныхъ цѣлей, карались Божественнымъ Про-

мысломъ; Θеопемптъ, желавшій удѣлить мѣсто еврейскому законодателю Моисею въ своемъ историческомъ трудѣ, впалъ въ безуміе; подобная же участь постигла трагика Θеодекта (Iезекіиля, стр. 264) за то, что онъ помѣстилъ нѣкоторыя мѣста изъ этой книги въ своей драмѣ; онъ ослѣпъ, что продолжалось, пока не примирился съ небомъ. Пятикнижіе представляется столь священнымъ въ глазахъ автора „Письма Аристея“, что злоупотребленіе имъ влечетъ небесную кару. Не только подлинникъ, но и переводы его являются священными предметами. Поэтому авторъ влагаетъ въ уста язычника Димитрія Фалерійскаго проклятіе всякому, кто бы осмѣлился какими бы то ни было прибавками и пропусками измѣнить переводъ. По словамъ автора, самъ царь Птоломей Филадельфъ повелѣлъ хранить переводъ самымъ тщательнымъ образомъ, какъ нѣчто священное. Это произведеніе содержитъ и много заслуживающаго вниманія наряду со многими нелѣпостями.

Гораздо болѣе рѣшительный вызовъ, чѣмъ Сивиллины стихи, Псевдо-Фокилидъ и Письмо Аристея, бросаетъ язычеству книга *„Премудрость Соломонова“*. Неизвѣстный авторъ выставляетъ въ поэтической оболочкѣ и съ философской остротой анализа всю несостоятельность идолопоклонства, усматриваетъ въ немъ причину безнравственности и разврата и выдвигаетъ тѣмъ болѣе рельефно блескъ іудаизма среди мрачныхъ тѣней язычества. Сама еврейская мудрость, олицетворенная въ фигурѣ царя Соломона, выставляетъ этотъ взглядъ, во имя его обращается къ царямъ земнымъ (къ римскимъ владѣтелямъ) и бичуетъ ихъ безстыдное самообожаніе. „Любите справедливость, вы, судьи земные“, восклицаетъ мудрость Соломонова, „познайте Господа въ добротѣ Его и въ простотѣ души своей ищите Его [1]). По мнѣнію автора, начало разврату положило изобрѣтеніе идоловъ, и оно же ведетъ къ гибели. Съ самаго начала не существовало поклоненія идоламъ, и оно не будетъ существовать вѣчно. Идолопоклонство обязано человѣческой суетности своимъ появленіемъ и не продлится на землѣ. Какой-то отецъ, въ жестокой скорби по своемъ внезапно умершемъ ребенкѣ, сдѣлалъ его изображеніе, началъ затѣмъ почитать мертвое изображеніе, какъ Бога, и велѣлъ своимъ подданнымъ производить въ его честь церемоніи и таинства. Со временемъ этотъ безбожный обычай пріобрѣлъ силу закона, и по приказанію тирановъ люди стали поклоняться статуямъ. Когда за дальностью разстоянія люди не могли поклоняться царю лично, они дѣлали его изображеніе, чтобы усердно льстить отсутствующему, какъ если бы онъ присутствовалъ. Тщеславіе художника побуждало необразованную толпу къ распространенію идолопоклонства; ибо, желая выслужиться передъ царемъ, онъ напрягалъ все свое искусство, чтобы сдѣлать возможно лучшее изображеніе, и толпа,

[1]) Премудрость Соломона **1**, 1.

ослѣпленная красотой произведенія, оказывала божескія почести тому, кого она раньше чтила только какъ человѣка. И это превратилось въ ловушку, такъ какъ порабощенные несчастьемъ или тиранніей люди перенесли непередаваемое имя Господне на камень и дерево. Мало того, что они заблуждаются въ познаваніи Бога, они еще по невѣдѣнію живутъ въ безпрестанной борьбѣ другъ съ другомъ и все таки зовутъ это зло глубокимъ миромъ. У нихъ царятъ нравы, допускающіе дѣтоубійство, празднуются таинственныя мистеріи, у нихъ происходятъ дикія оргіи, и не существуетъ цѣломудрія браковъ, одинъ выслѣживаетъ другого или оскорбляетъ друга, оскверняя его супружеское ложе. Ибо всѣ безъ исключенія запятнаны кровью, убійствомъ, воровствомъ, хитростью, испорченностью, невѣрностью, клятвопреступленіемъ, неблагодарностью, осквернѣніемъ души, подмѣномъ новорожденныхъ, дикимъ нарушеніемъ супружеской вѣрности и безстыдствомъ. Потому что почитаніе бездушныхъ идоловъ есть начало, причина и цѣль всякаго зла[1]). У больного они просятъ здоровья, у мертваго—жизни, у безпомощнаго—поддержки [2]).

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Премудрость Соломонова ополчается противъ поклоненія императорамъ, поклоненія, до крайности доведшаго безумства язычества. „И я (Соломонъ), хотя и царь, смертный человѣкъ, равный другимъ, сынъ рожденнаго отъ земли перваго человѣка. Мать, 10 мѣсяцевъ носившая меня во чревѣ, родила меня, состоящаго изъ мяса и крови. Появившись на свѣтъ, я дышалъ общимъ воздухомъ и плакалъ такимъ же голосомъ, какъ и всѣ другіе. И у царя нѣтъ иного способа появленія на свѣтъ. У всѣхъ одинъ способъ вступать въ жизнь и выходить изъ нея“ [3]). Поэтически и философски образованный авторъ этого сочиненія жилъ во времена императора Калигулы и, очевидно, намекаетъ на безумно дерзкій приказъ почитать его, какъ Бога.

Раздѣлавши такимъ образомъ язычество, авторъ рисуетъ міросозерцаніе іудаизма. Нѣтъ Бога, кромѣ Того, Котораго почитаютъ іудеи, Который создалъ міръ изъ безформеннаго хаоса, Который имъ справедливо управляетъ, все содержитъ въ порядкѣ по мѣрамъ, вѣсу и числу и возмѣщаетъ мѣру за мѣру [4]). Отъ Него исходитъ истинная мудрость, она—дыханіе Его всемогущества, безпорочное зеркало Его величія, изліяніе Его чистаго великолѣпія, излученіе вѣчнаго свѣта, образъ божественной доброты. Мудрость одна способна на все; въ каждомъ поколѣніи она переходитъ въ святыя души и осѣняетъ друзей Господа и пророковъ [5]). Богъ создалъ человѣка для безсмертной жизни и сотворилъ

[1]) Премудр. Солом. **14**, 12—28.
[2]) Т. же **13**. 17.
[3]) Т. же **7**, 1—6.
[4]) Т. же II, 16, 17, 20.
[5]) Т. же **7**, 22 и слѣд.

его по образу Своему [1]). Смерти Господь не создавалъ, не въ Его помыслахъ гибель всего живущаго; ибо Онъ все сотворилъ съ тѣмъ, чтобы оно и далѣе существовало. Благо несутъ произведенія земли, нѣтъ въ нихъ яда смерти, и царству сатаны нѣтъ мѣста на землѣ [2]). Мудрость охраняла перворожденнаго человѣка, спасла праведнаго (Ноя) отъ потопа, праведнаго (Авраама) сохранила безпорочнымъ предъ лицомъ Господа, избавила святое сѣмя (іудейскій народъ) отъ притѣсненій другихъ народовъ, вошла въ душу слуги Господня (Моисея), и онъ со страшными предзнаменованіями и чудесами предсталъ предъ царями. Она даровала святымъ награду за то, что они преодолѣли трудности, чудесными путями вела ихъ, стала для нихъ путеводителемъ въ теченіе дня и свѣтомъ въ ночи, провела ихъ черезъ Чермное море и вывела изъ пучины. Израиль есть тотъ праведникъ, котораго избралъ Господь, онъ позналъ Господа и можетъ называть себя „*Сыномъ Господнимъ*“, ибо ликъ Его обращенъ къ нему въ милости [3]). Эти праведники живутъ вѣчно; награда ихъ въ Господѣ, и Онъ заботится о нихъ. Вотъ почему рука Господня имъ вручила царство свѣта и діадему красоты; ибо десницей Своей Онъ ихъ сохраняетъ и рукой Своей защищаетъ ихъ [4]). Когда земные властители преслѣдуютъ праведнаго (Израиль), ибо пути его различны съ ихъ путями, и онъ порицаетъ ихъ безбожную жизнь, отвергаетъ ихъ, какъ нечистыхъ и Господа зоветъ отцомъ своимъ [5]), когда народы земли строятъ праведному козни, пытаютъ его и грозятъ позорною смертью,— все это только испытанія, налагаемыя Господомъ на своего избранника, чтобы онъ оказался достойнымъ Его. Онъ испытываетъ его, какъ испытываютъ въ горнилѣ золото, и какъ чистую жертву принимаетъ его. Онъ будетъ нѣкогда судить народы, повелѣвать племенами, а надъ нимъ будетъ въ вѣчности править Господь [6]). Тогда праведники смѣло явятся предъ лицомъ своихъ притѣснителей, ужасъ охватитъ ихъ, они изумятся его свѣтлому счастью и скажутъ съ раскаяніемъ: „Такъ вотъ онъ, дававшій пищу нашему смѣху и насмѣшливымъ словамъ презрѣнія! По невѣжеству своему мы считали жизнь его безуміемъ и конецъ его позорнымъ. Какъ, онъ теперь находится въ числѣ сыновъ Господнихъ, и участь его одна со святыми! Мы уклонились съ пути истины, лучъ праведности не свѣтилъ намъ [7]). Черезъ народъ израильскій Богъ далъ всему міру свѣтъ закона [8]). Во всемъ Богъ сдѣлалъ свой народъ великимъ и прекраснымъ; Онъ никогда

[1]) Т. же **2**, 23.
[2]) Т. же **1**, 13-14; **2**, 23.
[3]) Т. же **2**, 13: **4**, 9; **10**, 1—20.
[4]) Т. же **5**, 15 и сл.
[5]) Т. же **2**, 14.
[6]) Т. же **3**, 1—9.
[7]) Т. же **5**, 1—6.
[8]) Т. же 18, 4.

не покидалъ его, но всегда и вездѣ охранялъ его [1]). Подобно вавил. Іешаѣ, еврейскій мудрецъ изъ Александріи выставлялъ Израиля какъ идеалъ, который предназначенъ осуществить высокую миссію и въ будущемъ достигнуть великолѣпія.

Въ этой сферѣ мыслей вращается „Премудрость Соломонова“, стараясь выставить свѣтлыя стороны еврейской и темныя стороны языческой религіи. Она не заключаетъ въ себѣ философскаго міросозерцанія іудаизма, но стремится къ нему, причемъ замѣняетъ строгое аналитическое мышленіе богатымъ картиннымъ изображеніемъ. Изложеніе ея заканчивается слѣдующими словами: „Во всемъ, Господь, Ты сдѣлалъ Свой народъ великимъ и прекраснымъ и никогда и нигдѣ не забывалъ его [2]).

Углубляясь въ литературу и философское міросозерцаніе грековъ и пользуясь звучностью греческаго языка, какъ оружіемъ противъ языческаго культа и его грубыхъ нравовъ, говорящіе по гречески евреи упустили въ то же время изъ виду цѣль, которую они себѣ поставили. Они первоначально задались мыслью сдѣлать доступнымъ для образованныхъ грековъ знакомство съ іудаизмомъ, съ его древнимъ происхожденіемъ и и съ сущностью; однако постепенно эта цѣль утерялась. Ихъ мышленіе настолько проникло греческими представленіями, что въ концѣ концовъ они стали видѣть въ іудаизмѣ не что иное, какъ ходячія мысли греческаго міросозерцанія. Но унаслѣдованное ученіе было настолько дорого ихъ сердцу, что они стали поддаваться самообману. Увлекаясь философіей греческихъ мыслителей, они увѣряли себя, что она не греческаго происхожденія, но заимствована у евреевъ, такъ какъ послѣдніе гораздо старше по происхожденію. Въ этомъ предубѣжденіи они однако только внѣшнимъ образомъ бредили о іудаизмѣ, въ которомъ, по ихъ мнѣнію, содержатся наиболѣе возвышенныя ученія всѣхъ философовъ, и не замѣчали, что этимъ самымъ они преклонялись предъ греческимъ духомъ. Но это мнѣніе успокоивало ихъ совѣсть, и получалось обширное поле для нахожденія философскихъ мыслей въ священной письменности. Хотя библейская письменность не представляла такъ много точекъ опоры, чтобы можно было по нимъ пріискать для каждаго философскаго положенія соотвѣтствующую фразу въ ней, но іудейски-эллинскіе мыслители умѣли найти исходъ и изъ этого затрудненія.

Іудейскіе мыслители поступали съ своей основной книгой, священнымъ Писаніемъ, точно такъ же, какъ и греческіе мыслители, находившіе или толковавшіе свое собственное міровоззрѣніе въ стихахъ Гомера, упо-

[1]) Т. же 19, конецъ.
[2]) Премудрость Соломонова **19**, 21.

требляя особенное игривое искусство объясненія, аллегоріи [1]), т. е. придавая прямому буквальному значенію другое, какъ бы высшее. Исходя изъ предположенія, что не все, въ священномъ Писаніи находящееся, можно или должно быть понято буквально, во избѣжаніе нанесенія ущерба возвышенности Бога или умаленія и униженія величія божественныхъ мужей въ библіи, они и съ своей стороны стали прибѣгать къ тонкостямъ аллегорическаго и тропологическаго объясненія и толкованія. Не только въ каждомъ неясномъ выраженіи они искали скрытаго высшаго значенія, но объясняли аллегоріями даже простѣйшіе историческіе факты и вполнѣ ясные законы, чтобы извлекать философскія общія мѣста [2]). Такимъ образомъ они учинили надъ писаніемъ величайшее насиліе и толковали простыя слова такъ долго, пока не вплели философскаго смысла. Греческій переводъ св. Писанія, которымъ они пользовались, содѣйствовалъ ихъ искаженіямъ, такъ какъ въ немъ очень часто первоначальный смыслъ изгладился, и текстъ говоритъ нѣчто совершенно иное. Богатый матеріалъ для аллегорій давали имъ въ особенности еврейскія слова библейскихъ собственныхъ именъ. Приводя ихъ плохо или хорошо къ ихъ корнямъ, они всяческими способами истолковывали ихъ и производили надъ ними эту насильственную операцію до тѣхъ поръ, пока они не выкапывали изъ нихъ желательнаго смысла. *Авраамъ* означалъ для аллегористовъ не сильное историческое явленіе, которое впервые привело міръ къ познанію истиннаго Бога, но казался имъ символомъ. Они видѣли въ этомъ имени нелѣпую аллегорію „ревностнаго ума“ [3]). Соотвѣтственно съ этимъ имя *Сара,* въ значеніи „владычица“, было символомъ добродѣтели, и, исходя изъ этого, они плели искусственную нить положеній, имѣвшихъ философскій видъ. Простой библейскій разсказъ о *Яковѣ*, о томъ, какъ онъ пришелъ въ одно мѣсто, когда солнце зашло, аллегористы толковали слѣдующимъ образомъ: „Солнце означаетъ *„познаніе“,* мѣсто— *божественную сущность,* а Яковъ—мудрость, добытую внѣшними упражненіями. Посредствомъ этой игры съ значеніями словъ они выводили

[1]) Срав. Составленіе аллегорическихъ объясненій у грековъ, Ц. Зигфридъ Филонъ изъ Александріи 1875 стр. 9.

2) Слѣдъ извѣстнаго тропологическаго объясненія до Филона находится только въ письмѣ Аристея именно толкованіе о раздвоенныхъ копытахъ. Книга Премудрость Соломона и IV книга Маккав. не содержатъ никакого аллегорическаго объясненія; эти произведенія не старше Филона; Псевдо-Аристовулъ еще моложе. Самъ Филонъ приводитъ частью старшихъ, частью современныхъ аллегориковъ (de somniis II. § 20; de Abrahamo § 20; de Ioseph 26); о раціонализирующихъ толкователяхъ священнаго писанія de Decalogo 4. О различномъ толкованіи обрѣзанія de circumcisione § 1 и въ заключеніи § 2.

[3]) Филонъ de Abrahamo. § 20.

слѣдующее положеніе: человѣкъ можетъ только тогда познать божественное, когда его природный умъ исчезъ, когда онъ сомнѣвается въ своемъ ограниченномъ познаніи [1]).

Эта манера находить во всемъ аллегорію оказалась такъ заразительной и настолько овладѣла умами, что даже толпа не находила болѣе прелести въ простыхъ разсказахъ, возвышенныхъ ученіяхъ и законахъ св. Писанія, но забавлялась самыми замысловатыми толкованіями. Набожные мужи, имѣвшіе обыкновеніе по субботамъ толковать св. Писаніе [2]), должны были подчиниться увлеченію времени и согласиться на аллегорическое толкованіе исторіи и ученія. Одинъ изъ такихъ набожныхъ проповѣдниковъ далъ совершенно понятному и ясному закону аллегорическое истолкованіе, которое нагляднѣйшимъ образомъ характеризуетъ болѣзненную манеру аллегористовъ. Законъ, по которому безстыдная женщина должна быть наказана, если она, помогая мужу во время ссоры, схватитъ противника за половые органы, получилъ символическое значеніе; душа имѣетъ мужскую и женскую сторону; первая направлена на божественное, вторая на земное, и законъ имѣетъ въ виду въ данномъ случаѣ показать, что стремленіе души ко всему бренному должно быть подавлено [3]). Результатомъ этого аллегорическаго толкованія было указанное выше (стр. 247) явленіе, что образованные александрійскіе евреи сдѣлались равнодушными къ родной религіи. Аллегорія разрушила крѣпкіе устои закона. Если законы представляютъ собой не что иное, какъ извѣстный способъ выраженія философскихъ идей, если суббота означаетъ только „власть несотвореннаго божественнаго“, обрѣзаніе—„ограниченіе страстей“, то достаточно ихъ себѣ усвоить, знать ихъ теоретически, къ чему же еще практическое примѣненіе? [4]). Отъ равнодушія передъ закономъ къ полному отпаденію отъ іудаизма былъ только одинъ шагъ, и вполнѣ понятно, такимъ образомъ то явленіе что нѣкоторые не выдерживали испытанія сильныхъ бѣдствій и переходили въ язычество. Въ Александріи впервые проявился въ іудаизмѣ разладъ между знаніемъ и вѣрой, который не могъ быть улаженъ и приведенъ къ примиренію.

Этому равнодушію къ законамъ еврейской религіи сильно противились тѣ, которые еще не попали въ сѣти греческаго образованія.

Къ нимъ особенно принадлежитъ Филонъ, величайшій умъ, какой только создало александрійское еврейство. Своимъ возвышеннымъ, вдохновеннымъ языкомъ говорилъ онъ о неизмѣнной обязанности закона и снова

[1]) Т. же de somniis I. 19

[2]) Т. же de Mose III. 28.

[3]) Т. же de specialibus legibus II. 32. м, II. 329.

[4]) Т. же de migratione Abrahami § 16, м. 450.

вливалъ въ души своихъ современниковъ любовь къ нему. Филонъ, котораго личныя обстоятельства и горячая дѣятельность на благо соплеменниковъ упомянуты выше (стр. 249), раздѣлялъ ошибки и заблужденія своихъ современниковъ; однако своимъ яснымъ умомъ онъ возвышался надъ тьмой, царившей въ то время.

Онъ широко пользовался аллегорическимъ способомъ толкованія своихъ предшественниковъ, соглашаясь съ ними въ томъ, что всѣ части Пятикнижія или, по крайней мѣрѣ, большая часть его, какъ историческіе, такъ и законодательные отдѣлы, должны толковаться аллегорически[1]). Чтобы провести этотъ методъ, онъ впадаетъ въ игру съ символическими числами, выясняетъ еврейскія слова посредствомъ греческихъ и изъ одного и того же мѣста выводитъ самый разнообразный и даже противоположный смыслъ. Для Филона аллегорическое толкованіе было, такъ сказать, настоятельной потребностью, и онъ, навѣрно, изобрѣлъ бы его, если бы не засталъ уже въ готовомъ видѣ. Ему хотѣлось найти въ св. Писаніи источникъ и оправданіе тому богатому обилію мыслей, которыя онъ частью самъ создавалъ, частью заимствовалъ изъ философскихъ школъ академіи, стоиковъ и неопиѳагорейцевъ. Заимствованныя и собственныя идеи имѣли въ его глазахъ только въ томъ случаѣ печать истины, если онѣ находили себѣ прямое или косвенное подтвержденіе со стороны божественнаго законодателя. Помѣщенное въ Пятикнижіи божественное слово служило для него самымъ вѣрнымъ пробнымъ камнемъ истинности философской мысли, которому, по его мнѣнію, слѣдовало болѣе довѣрять, чѣмъ логикѣ или діалектикѣ. Общія науки, грамматика, музыка, геометрія, ораторское искусство вмѣстѣ съ діалектикой, занимали въ его глазахъ только служебное положеніе по отношенію къ божественной мудрости и находились къ ней въ такихъ же отношеніяхъ, какъ Агарь (чужая) къ Саррѣ, дѣйствительной госпожѣ[2]).

Метафизическая спекулятивная философія Гераклита, Платона, Зенона не могла, по его мнѣнію, не быть въ Пятикнижіи, она должна поэтому найти себѣ доказательство въ какомъ нибудь мѣстѣ его, и аллегорія открывала путь для этого. Филонъ придавалъ тѣмъ бо́льшую цѣну своему способу толкованія, что видѣлъ въ немъ не простое искусство, но божественное вдохновеніе и даже какъ бы откровеніе въ состояніи сильнаго душевнаго напряженія и восторженности. Безъ хвастливости, но скорѣе съ извѣстной торжественностью разсказываетъ онъ о томъ, какъ его душа часто вдохновлялась Богомъ и пророчески проникала въ такія толкованія библейскихъ мѣстъ, о которыхъ раньше, въ обыденномъ состояніи, она ничего не знала[1]). Кромѣ того, самое св. Писаніе, по его мнѣнію, требовало болѣе возвышеннаго толкованія по двумъ соображеніямъ. Многія выраженія въ св. Писаніи, говорящія о Богѣ какъ о человѣкѣ, приписывая Ему переходъ изъ мѣста на мѣсто или человѣческіе члены и чувства, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть понимаемы въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ само Писаніе говоритъ: Богъ не подобенъ людямъ. Поэтому такія выраженія должны считаться результатомъ приспособленія къ человѣческой слабости и требуютъ само собою отъ посвященныхъ, чтобы они искали скрытый въ нихъ, болѣе возвышенный смыслъ[2]). Второе соображеніе вытекало изъ совершенства св. Писанія. Такъ какъ оно божественнаго происхожденія, и въ немъ тщательно взвѣшено словоупотребленіе, то не должно быть ни одного лишняго предложенія, лишняго слова или оборота; все, кажущееся лишнимъ, должно скорѣе имѣть болѣе глубокій смыслъ[3]). Такимъ образомъ, какъ разъ возвышенное, чрезмѣрное почитаніе, которое Филонъ испытывалъ къ письменнымъ источникамъ іудаизма, внушило ему тотъ способъ толкованія ихъ, который, по теперешнимъ воззрѣніямъ, невыносимо ихъ искажаетъ.

Какъ ни сильно раздѣлялъ Филонъ заблужденія аллегористовъ и даже превосходилъ ихъ, однако онъ расходился съ ними какъ разъ въ самомъ существенномъ пунктѣ относительно важности неизмѣннаго примѣненія законовъ,—и въ этомъ, главнымъ образомъ, его значеніе. Рѣшительно и строго высказывается онъ о тѣхъ, которые довольствуются отысканнымъ въ законѣ возвышеннымъ смысломъ и не обращаютъ никакого вниманія на самый законъ; онъ называетъ ихъ легкомысленными и поверхностными. „Какъ будто они существуютъ одни, живутъ въ пустынѣ или суть безплотныя существа, не зная ни города, ни деревни, ни дома, ни вообще сношеній съ людьми, они презираютъ то, что принято народной массой, и ищутъ неприкрытой истины. Но св. Писаніе учитъ, что хорошо заниматься возвышеннымъ мышленіемъ, однако не слѣдуетъ и отступать отъ обрядовъ, которые введены были Богомъ вдохновенными и болѣе великими мужами, чѣмъ мы. Должны ли мы пренебрегать предписаніями относительно субботы только потому, что мы знаемъ ея духовный смыслъ?“— „Должны ли мы, такимъ образомъ“, восклицаетъ онъ: „въ субботу расхаживать съ огнемъ, обрабатывать землю, носить тяжести, привлекать къ суду и постановлять рѣшенія, взыскивать долги и вообще исполнять всѣ дѣла? Должны ли мы отвергнуть святость праздниковъ потому, что праздничное время есть символъ душевной радости и благодарности къ Богу?

[1]) Т. же legum allegoriae § 44, II. § 6.

[2]) Филонъ de Congressu quaerendae eruditionis gratia § 3.

[1]) Т. же de Cherubim 9 M. I. 143.

[2]) Т. же de mundi opificio 23.

[3]) Т. же de migratione Abrahami § 16. M. I. 450.

Или потому, что мы знаемъ символическое значеніе обрѣзанія, мы должны отказаться отъ этого закона? Такимъ образомъ мы должны были бы также отказаться отъ признаванія святости храма и другихъ религіозныхъ обрядовъ, еслибы мы хотѣли признавать только духовное ихъ значеніе. Нѣтъ, скорѣе слѣдуетъ одинаково уважать и то, и другое, высшую истину закона и самый законъ, первое какъ душу, второе какъ тѣло. Какъ мы заботимся о тѣлѣ, мѣстопребываніи души, такъ мы должны обращать вниманіе и на букву закона. Именно посредствомъ соблюденія закона мы можемъ лучше понять его болѣе глубокій смыслъ и въ то же время избѣжать нареканій и обвиненій толпы“ [1]).

Съ особеннымъ выраженіемъ говоритъ Филонъ о божественности, святости, ненарушимости еврейскаго закона и, хотя онъ мѣстами утверждаетъ, что только десять заповѣдей, какъ основные принципы іудаизма, непосредственно даны были Богомъ, остальныя же законодательныя постановленія, напротивъ, исходили отъ Моисея, однако онъ не упускаетъ случая прибавить, что самъ Богъ избралъ Моисея толкователемъ закона и что поэтому все, данное имъ, должно считаться божественнымъ [2]). „Поэтому въ то время, какъ законы другихъ народовъ измѣняются, законы еврейской религіи стоятъ крѣпко, твердо и ненарушимо съ того дня, какъ они были даны, до сегодняшняго дня, и, навѣрно, они будутъ существовать вѣчно, пока будутъ существовать солнце, луна и міръ. Сколько ни испытывалъ еврейскій народъ счастья и несчастья, однако онъ не отказался ни отъ малѣйшей части закона, такъ какъ онъ почитаетъ его какъ святой и божественный законъ. Ни голодъ, ни чума, ни война, ни угрозы тирана не могли заставить уничтожить законъ, какъ же можно не чтить его и не предпочитать всему?“ [3]). Филонъ былъ того убѣжденія, что десять заповѣдей, данныя путемъ откровенія Богомъ, были восприняты всѣмъ народомъ, мужчинами и женщинами. „Такъ Богъ, значитъ, воспользовался голосомъ? Ни въ какомъ случаѣ этого нельзя думать. Богъ не нуждается, подобно человѣку, въ устной рѣчи. Но мнѣ кажется, что тогда произошло нѣчто чудесное и божественное, и Богъ создалъ въ воздухѣ *невидимый звонъ*, пріятнѣе всякой гармоніи“ [4]). Такъ представлялъ себѣ Филонъ синайское откровеніе.

Въ литературныхъ памятникахъ іудаизма содержится, по взгляду Филона, глубочайшая мудрость. То, чему учитъ самая убѣдительная философія своихъ учениковъ, черпаютъ евреи изъ своихъ законовъ и обычаевъ

[1]) Филонъ de profugis §. 10.
[2]) Т. же de decalogo 4.
[3]) Т. же de Mose 2, 3
[4]) Т. же de decalogo 9, также II. и de praemiis 1.

а именно, признаніе вѣчнаго Бога, отрицаніе тлѣнныхъ боговъ, кротость и гуманность ко всѣмъ созданіямъ. „Развѣ не достойны высшаго почитанія“, восклицаетъ онъ: „законы, которые учатъ богатыхъ удѣлять изъ своего богатства нуждающимся, утѣшаютъ бѣдныхъ тѣмъ, что настаетъ для нихъ время, когда они не должны выпрашивать милостыню у дверей богатыхъ, но получаютъ обратно отнятую у нихъ собственность? Съ наступленіемъ седьмого года снова сразу надѣляются вдовы, сироты и всѣ, лишенные наслѣдства [1]). Въ отвѣтъ на враждебныя нападки на еврейство со стороны Лизимаха, Аніона и всей ихъ компаніи Филонъ съ гордостью указываетъ на то, что еврейскіе законы проникнуты духомъ гуманности, которую они проявляютъ даже къ животнымъ и растеніямъ. „И жалкіе сикофанты*) объявляютъ еврейство человѣконенавистническимъ ученіемъ, тогда какъ оно какъ-разъ основано на любви“ [2]).

Насколько велико было уваженіе Филона къ буквѣ св. Писанія, выясняется изъ одного его сообщенія, которое въ то же время проливаетъ свѣтъ на настроеніе александрійскихъ евреевъ. Какой-то насмѣшникъ острилъ на счетъ измѣненія именъ, которому, согласно св. Писанію, подверглись Авраамъ и Сара, и сказалъ при этомъ: „Какіе блестящіе подарки сдѣлалъ Господь патріарху и его женѣ! Перваго одарилъ онъ буквой alpha, вторую буквой rho (по гречески Sarrha)!“ Когда позже этотъ насмѣшникъ удавился, Филонъ увидѣлъ въ этомъ карающую руку Неба за ироническое сужденіе о возвышенности св. Писанія [3]). Высокое свое почитаніе закона онъ засвидѣтельствовалъ также тѣмъ робкимъ смиреніемъ, съ которымъ онъ приступалъ къ его толкованію, при чемъ онъ благодарилъ Создателя за то, что онъ удостоилъ его быть толкователемъ закона, призваннымъ выяснять толпѣ непонятное ей [4]).

Чтобы внушить насмѣшникамъ и отрицателямъ закона среди своихъ соплеменниковъ и грековъ, которые имѣли совершенно ложное представленіе объ іудаизмѣ, лучшее мнѣніе относительно письменныхъ источниковъ послѣдняго, Филонъ написалъ свои сочиненія, которыя составляютъ особаго рода философскій комментарій къ Пятикнижію, первую попытку въ этомъ родѣ. Онъ раздѣлилъ свои сочиненія на двѣ части: одну „о сотвореніи міра“, которая въ то же время заключаетъ въ себѣ всю историческую часть книги Бытія до Авраама, и другую „о законахъ“, въ которой онъ разсказываетъ исторію трехъ патріарховъ, а также Іосифа

[1]) Т. же de Septenario 12.
*) доносчики. Ред.
[2]) Т. же de humanitate § 99 M. II. 399.
[3]) Т. же de nominum mutatione 8.
[4]) Т. же de specialibus legibus, начало.

и Моисея, жизнь которыхъ онъ разсматривалъ какъ неписанный, до извѣстной степени получившій личное бытіе законъ [1]).

Если въ первой части, о сотвореніи міра, онъ совершенно предается крайностямъ аллегорическаго толкованія, то, напротивъ, во второй части, о законахъ, онъ остается трезвымъ и осторожнымъ. Онъ старался указать въ законодательствѣ Пятикнижія на все разумное, нравственное, вѣчно истинное, противопоставлялъ этимъ свѣтлымъ его сторонамъ темныя стороны другихъ законодательствъ, для чего богатый матеріалъ давала ему начитанность, и могъ такимъ образомъ еще ярче выставить преимущества іудаизма. Только въ рѣдкихъ случаяхъ останавливается онъ на критикѣ буквы закона, съ цѣлью придать ему аллегорическое толкованіе [2]). Въ большинствѣ же случаевъ онъ оставляетъ неприкосновеннымъ буквальный смыслъ закона; только законамъ о религіозныхъ обрядахъ онъ придаетъ символическое значеніе, такъ какъ цѣль ихъ, по его мнѣнію, наглядно выражать возвышенныя истины. Какъ на доказательство превосходства еврейскихъ законовъ Филонъ указываетъ на то, что нѣкоторые изъ нихъ, напр. отдыхъ на седьмой день, приняты всѣми народами на землѣ [3]). Другіе законы, напр. постъ въ Судный день, воздержаніе отъ всѣхъ земныхъ наслажденій, обусловливающее возвышеніе до духовнаго существованія, вызываютъ удивленіе всѣхъ народовъ [4]).

Философское толкованіе законовъ тѣсно связано у Филона съ его взглядомъ на идеальное значеніе еврейской націи. Хотя небо и земля суть творенія Бога, однако изъ всего человѣческаго рода избралъ Онъ народъ израильскій, *людей въ истинномъ смыслѣ слова*, удостоилъ его Своими особыми заботами о немъ, и предназначилъ для служенія, являющагося вѣчнымъ источникомъ всѣхъ добродѣтелей [5]). Израильтяне, по взгляду Филона, получили миссію служить для всего человѣчества жрецами и пророками, внушать ему истину и, въ особенности, чистое познаніе Бога. Поэтому также народъ еврейскій можетъ пользоваться особой милостью Божьей, которая никогда его не покинетъ и не оставитъ. По сравненію съ другими народами, еврейская нація кажется какъ бы сиротой. Остальные народы помогаютъ другъ другу, еврейскій же, напротивъ, обособленный своими собственными законами, никогда не можетъ разсчитывать на чужую помощь. Ибо крайняя строгость еврейскихъ законовъ, которая такъ необходима для достиженія высшей степени добродѣтели, отталкиваетъ другіе народы, которые, по большей части, посвящаютъ свою

[1]) Т. же de Abrahamo, начало.
[2]) Т. же de Somniis I. § 16.
[3]) Т. же de sacrificantibus II. 13.
[4]) Т. же de Mose II. 4.
[5]) Т. же de Septenario 13.

жизнь наслажденіямъ. Но въ силу этого именно сиротства еврейскаго народа, онъ можетъ тѣмъ скорѣе разсчитывать на милосердіе Божіе [1]). Филонъ былъ проникнутъ вѣрой, что разсѣянные по землѣ, страдающіе израильтяне когда-нибудь, съ появленіемъ Мессіи, снова будутъ собраны и возвращены на родину, гдѣ снова надъ ними засіяетъ мысль Божья и вознаградитъ ихъ за ихъ неисчислимыя страданія и за непоколебимую твердость, (стр. 208). Эмблемой народа священниковъ служитъ цвѣтущій миндальный жезлъ Арона, обозначающій, что народъ этотъ всегда будетъ цвѣсти и наслаждаться вѣчной весной [2]).

Если Филонъ, съ одной стороны, стоялъ всецѣло на еврейской почвѣ, считалъ письменные памятники іудаизма достойными высшаго уваженія, а законы его священными, разумными и ненарушимыми и всецѣло раздѣлялъ надежды на будущее пришествіе Мессіи, то, съ другой стороны, онъ не менѣе былъ проникнутъ и противными еврейству доктринами греческихъ философскихъ школъ. Еврейскій и греческій духъ одинаково сильно господствовали надъ нимъ и вступали между собой въ борьбу изъ-за преобладанія. Напрасно силился онъ привести ихъ къ примиренію; нельзя было примирить эти, въ самомъ корнѣ враждебныя другъ другу, ученія. Отсюда противорѣчія, въ которыя впадаетъ его мышленіе; отсюда то явленіе, что онъ то болѣе склонялся къ еврейскому ученію, то къ философскому. Ряды мыслей, встрѣчающіеся въ его сочиненіяхъ, яснѣйшимъ образомъ обнаруживаютъ это колебаніе; самъ онъ, однако, совершенно не сознавалъ этого противорѣчія. Онъ твердо былъ убѣжденъ, что философскія ученія грековъ содержатся въ еврейской литературѣ. Въ этомъ его слабая сторона. Какъ ни удачно обошелъ онъ заблужденія своихъ современниковъ, однако онъ не дошелъ до истинной оцѣнки іудаизма или, вѣрнѣе, оставался при поверхностномъ отношеніи къ нему; онъ не проникъ въ истинную его сущность. Общее міровоззрѣніе Филона, о которомъ можно составить представленіе по отдѣльнымъ мыслямъ, разбросаннымъ въ его сочиненіяхъ, явно носитъ отпечатокъ полу-еврейскаго, полу-эллинскаго духа.

Система Филона прежде всего насквозь проникнута *религіознымъ* духомъ, и въ этомъ сильнѣе всего сказывается вліяніе іудаизма на область его мыслей. Одинъ только Богъ олицетворялъ для него доброе, совершенное, истинное; матерія, изъ которой состоитъ міръ, конечна, имѣетъ только видимое существованіе и является источникомъ зла. Богъ, какъ безконечный и несотворенный, не можетъ быть сравниваемъ ни съ чѣмъ сущимъ. Онъ не имѣетъ никакого сходства съ твореніями, превыше времени, пространства и человѣческихъ страстей; онъ самодовлѣющъ.

[1]) Т. же de justitia II. sive de creatione principum § 6 M. II. 365.
[2]) Т. же de Mose III. 22.

Онъ прекраснѣе, чѣмъ добродѣтель и знаніе, прекраснѣе, чѣмъ красота и доброта (идеалъ греческой мудрости), проще, чѣмъ число одинъ, блаженнѣе всякаго блаженства. Поэтому, именно, Богу нельзя приписывать никакихъ свойствъ, кромѣ отрицательныхъ; слѣдуетъ поэтому говорить, что Богъ лишенъ свойствъ. По той же причинѣ никакое имя не можетъ выразить божественной сущности; о Немъ можно только сказать, что онъ есть Сущій или Бытіе во всемъ. Это философское понятіе евреи обозначаютъ четырехбуквеннымъ именемъ Бога (tetragrammaton *), которое можетъ быть произносимо только въ святилищѣ и можетъ быть услышано только тѣми, умъ и языкъ которыхъ просвѣтлены мудростью [1]). Поэтому Богъ не можетъ быть постигнутъ ограниченнымъ разумомъ; человѣкъ можетъ только знать, что Богъ есть, но что онъ есть—это остается для смертнаго тайной. Чтобы, однако, Богъ мыслился какъ личность, система Филона должна была отчасти отступить отъ ученія объ *отсутствіи свойствъ* и приписать Богу высшую *дѣятельность*. Ему также присуща безконечная *дѣятельность*, какъ и стиинное *бытіе*. Дѣятельность столь же свойственна Богу, какъ горѣніе огню, какъ холодъ снѣгу, ибо Богъ является основой всего, что дѣятельно. Богъ дѣйствуетъ непрерывно, и въ этой дѣятельности и состоитъ сущность его совершенства и истинности. Въ этой божественной дѣятельности можно, по мнѣнію Филона, различить двѣ стороны: могущество и доброту, обозначаемыя въ Библіи двумя именами божьими: Adonai и Elohim. Могущество есть *царственное, законодательное, карающее*, доброта же—*благодѣтельное, всемилостивое, всемилосердное* свойство Божье.

Въ силу своей безконечной дѣятельности и всемогущества, Богъ долженъ мыслиться какъ творящее начало, но въ силу возвышенности и совершенства, Онъ не можетъ приходить въ соприкосновеніе съ матеріей, заключающей въ себѣ зло. Поэтому система Филона принимаетъ нѣчто среднее между Богомъ и міромъ. Сначала Богъ сотворилъ *духовный міръ идей*, которыя предназначены были служить не просто первообразами будущихъ вещей, но сдѣлались въ то же время дѣятельными силами и причинами, сопровождающими Бога, какъ свита служителей. Чрезъ эти духовныя силы Богъ оказываетъ посредственное дѣйствіе на міръ. Онѣ являются Его намѣстниками и вѣстниками, распорядителями міра, неразрывными цѣпями, которыми Богъ оковалъ вселенную, опорой, на которой Онъ ее утвердилъ, онѣ суть чистые духи, которыхъ *греки* обозначаютъ какъ *добрыхъ демоновъ, Моисей* же называетъ ихъ *ангелами*. При описаніи этихъ силъ у Филона замѣчалось колебаніе; то онъ допу-

[1]) T. Vita Mosis III. 11, 14. M. II. 152, 155. *) יהוה *Ред.*

скаетъ, что онѣ представляютъ собой *неразрывную часть Бога*, то онѣ дѣйствуютъ, какъ самостоятельныя, имѣющія отдѣльное бытіе существа, смотря по тому, беретъ ли верхъ въ его мышленіи философское или еврейское вліяніе. Относительно того, какъ Богъ создалъ на свѣтъ эти силы, филонова система даетъ весьма неточныя свѣдѣнія. То въ ней заявляется, что это духовное сотвореніе явилось результатомъ расширенія и напряженія божественной сущности, то результатомъ проникновенія Бога въ міръ.

Понятіе, обозначающее эти духовныя силы, это среднее между Богомъ и міромъ, есть, по мнѣнію Филона, *Логосъ*, или *дѣятельный божественный разумъ*, божественная мудрость, божественный духъ, сила надъ всѣми силами. Логосъ, по изображенію Филона, болѣе фантастическому, чѣмъ философскому, есть *первородный сынъ божій*, который стоитъ между безконечнымъ и конечнымъ, связывая и раздѣляя ихъ въ одно и то же время. Онъ ни несотворенъ подобно Богу, ни созданъ подобно конечнымъ вещамъ. Логосъ есть *первообразъ міра, намѣстникъ Бога*, передающій міру Его приказанія, *толкователь*, возвѣщающій міру Его волю, *исполнитель*, осуществляющій тотчасъ же ее, *архангелъ*, передающій людямъ дѣйствія и откровенія Бога, *первосвященникъ*, который возноситъ къ Богу молитвы за міръ. Греческая философія установила понятіе мірового разума, неизмѣннаго закона, которымъ поддерживается порядокъ въ мірѣ, а стоическая школа ввела для этого имя *„Логосъ“*. Но это понятіе не носило, въ глазахъ Филона, характера истины, пока онъ не отыскалъ его въ св. Писаніи. Это удалось ему въ состояніи глубокой восторженности, и впослѣдствіи онъ съ чувствомъ восхищенія вспоминалъ объ этомъ внутреннемъ откровеніи, выпавшемъ на его долю. Онъ отыскалъ въ св. Писаніи Логоса, его значеніе и дѣятельность подъ видомъ *пламеннаго меча*, который рядомъ съ обоими херувимами, символами двухъ основныхъ силъ Бога, охраняетъ Эдемъ [1]). Филонъ, однако, не доходилъ до того, чтобы Логосъ называть въ извѣстномъ смыслѣ *вторымъ Богомъ*. Итакъ, если говорятъ: Богъ сотворилъ міръ, то, по воззрѣнію Филона, это надо понимать такъ: Богъ сотворилъ Логоса, какъ первообразъ міра, самое же сотвореніе міра было выполнено не непосредственно Богомъ, но посредствомъ Логоса. Міръ есть отраженіе Логоса, который привелъ его въ надлежащій видъ и поддерживаетъ въ немъ порядокъ; онъ представляетъ собой душу вселенной, движущую ее силу, господствующій надъ ней законъ. Онъ является также историческимъ провидѣніемъ, которое на обыденномъ языкѣ называется счастьемъ; онъ обусловливаетъ возрожденіе и гибель народовъ и государствъ [2]).

[1]) T. же de Cherubim § 9. [2]) T. quod Deus immutabilis § 36.

Филонъ представлялъ себѣ міръ сотвореннымъ, и онъ особенно выдѣляетъ эту мысль, какъ ученіе іудаизма, въ противоположность тому воззрѣнію, которое приписываетъ міру безначальность, но это сотвореніе міра было, по его взгляду, скорѣе *организованіемъ міра*, такъ какъ божественная мудрость, Логосъ, оживила мертвую матерію, разложила ее и привела въ порядокъ. Человѣкъ своей духовной стороной, подобно высшимъ существамъ, или ангеламъ, является произведеніемъ Логоса, и благодаря послѣднему заключаетъ въ себѣ часть божественнаго или, въ библейскомъ смыслѣ, сотворенъ по подобію Божіему. Поэтому человѣкъ обладаетъ, какъ божественнымъ даромъ, способностью мышленія и свободой воли. Въ силу соединенія тѣла съ душой, происходящей отъ Бога, человѣкъ стоитъ на границѣ вѣчнаго и преходящаго. Онъ представляетъ собой міръ въ малыхъ размѣрахъ, благороднѣйшее изъ земныхъ твореній, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ниже безтѣлесныхъ существъ. Безсмертіе души не нуждалось въ глазахъ Филона въ особомъ доказательствѣ; такъ какъ душа божественнаго происхожденія, то она уже въ силу одного этого должна быть нетлѣнной. Со смертью человѣка душа его отдѣляется отъ тѣла для того, чтобы вернуться къ своему источнику, на свою родину, освободившись изъ земной темницы, откуда она, подобно евреямъ изъ Египта, стремится уйти еще при жизни. Но пока душа связана съ тѣломъ, она подавлена и не свободна отъ грѣха: тѣло побуждаетъ душу къ чувственному.

Жизненной цѣлью души, совершеннаго человѣка, мудреца и высшимъ благомъ является поэтому *подавленіе чувственности* и всѣхъ земныхъ страстей и стремленіе къ *чистой нравственности* или *святости*. Въ этомъ пунктѣ Филонъ могъ объединить ученіе стоической школы съ іудаизмомъ. Всю нравственность можно, по мнѣнію Филона, выразить въ *двухъ обязанностяхъ:* въ *почитаніи Бога* и въ *любви и справедливости ко всѣмъ людямъ*. Но человѣкъ не въ состояніи, полагаясь только на свои собственныя силы, отказаться отъ чувственнаго и стремиться къ возвышенному; онъ нуждается при этомъ въ всемилостивомъ содѣйствіи Бога. Поэтому, если онъ желаетъ вести добродѣтельную жизнь, онъ долженъ всегда находиться въ связи съ Богомъ: истинная мудрость есть страхъ передъ Богомъ. Мудрый долженъ, поэтому, посвятить себя исключительно размышленію о Богѣ. Даже философія, являющаяся божественнымъ даромъ, имѣетъ одну только цѣль облегчить душѣ путь къ Богу. Однако ея одной недостаточно для созданія возвышенной жизни. Какъ только человѣкъ достигаетъ самопознанія, онъ узнаетъ недостаточность своего разума. Поэтому, если онъ хочетъ достигнуть поставленной человѣку высшей цѣли, онъ долженъ отказаться

отъ познанія путемъ своего разума и всецѣло погрузиться въ Бога. Человѣческій свѣтъ долженъ угаснуть предъ божественнымъ. Человѣкъ долженъ перейти въ состояніе экстаза, *божественнаго безумія;* ибо лишь только засіяетъ божественный свѣтъ, исчезаетъ человѣческій, и такъ же наоборотъ. Это возвышенно настроенное, восторженное душевное состояніе было особенностью пророковъ, у которыхъ человѣческое мышленіе совершенно исчезало предъ божественнымъ духомъ. Пророческій духъ нисходитъ на человѣка, находящагося въ состояніи экстаза, и онъ тогда въ состояніи познать истинную сущность божественнаго и вступить съ нимъ въ общеніе. Пророки должны разсматриваться какъ органы Божества, черезъ которые Оно сообщаетъ свою волю. Ибо истинный пророкъ не сообщаетъ своихъ собственныхъ мыслей, и даже часто самъ не понимаетъ сообщеннаго имъ, но онъ чувствуетъ, что какое-то существо, находящееся внѣ и надъ нимъ, невидимо побуждаетъ его откликнуться на его внушеніе. Поэтому ни одинъ порочный человѣкъ не можетъ сдѣлаться пророкомъ, но только истинный мудрецъ достоинъ служить органомъ Божества [1]). Такъ какъ Моисей, величайшій изъ пророковъ, былъ другомъ и любимцемъ Бога, то онъ особенно былъ удостоенъ воспринять *откровеніе и волю Бога*. Это откровеніе изложено теперь въ написанныхъ Моисеемъ книгахъ о сотвореніи міра, объ исторіи, о законахъ, и потому эти книги носятъ на себѣ печать божественнаго [2]).

Такой цѣпью мыслей думалъ Филонъ привести къ примиренію іудаизмъ и греческое міросозерцаніе. Однако это примиреніе совсѣмъ не было столь глубокимъ, чтобы могло устранить столкновеніе; несовмѣстимость того и другого была такимъ способомъ только прикрыта, но не уничтожена. Во времена Филона еще невозможно было во всей тонкости познать основы іудаизма и столь же мало сущность греческаго духа; поэтому принимались въ соображеніе только выдающіяся стороны того и другого, остальныя же, не менѣе важныя, совсѣмъ оставлялись безъ вниманія. Въ силу этого филонова система представляется недостаточной и неустойчивой. Несмотря, однако, на всю эту недостаточность и неустойчивость, въ ней заключено такое обиліе остроумныхъ и глубокихъ мыслей, что она давала послѣдующимъ мыслителямъ богатый матеріалъ. Нѣкоторыя представленія филоновой системы, въ силу своей новизны и оригинальности получили признаніе и распространеніе въ широкихъ кругахъ, въ особенности ученіе о посредствующемъ между Богомъ и міромъ первообразѣ всего сотвореннаго (Логосъ), о сверхміровомъ Богѣ и о способѣ познанія путемъ экстаза. Ученіемъ о Логосѣ воспользовалось юное

[1]) T. quis rerum divinarum haeres 53; de monarchia 1; de specialibus legibus 8.
[2]) T. же de decalogo 5.

христіанство, дабы придать своимъ основамъ философскій отпечатокъ. Послѣдній отпрыскъ греческой философіи, неоплатонизмъ, представляетъ новую систему, построенную на нѣсколькихъ мысляхъ, заимствованныхъ у Филона. Такимъ образомъ Филонъ, безъ всякаго желанія съ его стороны, сдѣлался родоначальникомъ мистическаго міросозерцанія, которое всякими обходами и извилинами возвратилось къ іудаизму и путемъ различныхъ превращеній создало Каббалу.

Филонъ, какъ бы желая всѣми силами протестовать противъ мистическихъ заблужденій, къ которымъ могли привести отдѣльныя его сужденія, уже во введеніи къ своему философскому комментарію недвусмысленно и до извѣстной степени трезво составилъ перечень основныхъ положеній іудаизма. При изображеніи сотворенія міра Моисей установилъ пять превосходныхъ тезисовъ: прежде всего, что Богъ существуетъ (вопреки сомнѣвающимся и богоотступникамъ); затѣмъ, что Богъ единъ (вопреки тѣмъ, которые земные раздоры переносятъ и на небо); далѣе, что міръ сотворенъ былъ этимъ Богомъ; что только этотъ единый міръ существуетъ; наконецъ, что божественный Промыселъ руководитъ и управляетъ міромъ [1]). Тѣмъ не менѣе послѣдующія поколѣнія, и особенно христіанство, пренебрегли здоровой духовной пищей, предложенной Филономъ, и набросились какъ-разъ на неудобоваримыя приправы, которыя онъ создалъ въ угоду испорченному вкусу времени.

Энергичнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ боролся этотъ княжескій александрійскій философъ изъ дома арабарховъ съ греческимъ и римскимъ язычествомъ, озвѣрѣвшимъ и погрязшимъ въ порокахъ. Все его толкованіе законовъ еврейской религіи имѣло въ сущности цѣлью при свѣтѣ послѣднихъ ярче оттѣнить темныя стороны язычества и выставить извращенія половой жизни, душевную пустоту и гниль греко-римскаго міра. Тѣмъ не менѣе Филонъ, въ виду участившихся въ его время лживыхъ нападокъ на еврейство, считалъ необходимымъ встать въ его защиту и простымъ изложеніемъ его основъ доказать его возвышенность. Главныя его сочиненія были написаны прежде всего для его соплеменниковъ и единовѣрцевъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ серьезно побесѣдовать и съ тѣми, кто стоялъ вдали отъ него.

Легкомысленные и злобные болтуны, сикофанты, какъ ихъ называетъ Филонъ: *Лизимахъ* изъ Александріи или Киренъ и лжецъ Апіонъ называли законодателя Моисея фокусникомъ и плутомъ, а законы его объявляли человѣконенавистническими и недостойными. Противъ этихъ клеветниковъ Филонъ написалъ особое сочиненіе, чтобы опровергнуть ихъ обвиненія противъ еврейства, внушенныя злобой. Немного-

[1]) T. de opificio mundi, конецъ.

численнымъ проявленіямъ гуманности, которыми издавна гордились греки, какъ напр. обычаямъ не отказывать никому въ огнѣ, показывать заблудившемуся дорогу, Филонъ противопоставилъ цѣлый рядъ законовъ, проникнутыхъ состраданіемъ, которые отчасти были ясно выражены въ книгѣ Моисея, отчасти передавались въ видѣ неписаннаго закона изъ устъ въ уста. Главнымъ изъ неписанныхъ законовъ Филонъ считалъ золотыя слова Гилела: „Не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь“ (стр. 155). Іудаизмъ повелѣваетъ доставлять бѣднымъ и слабымъ средства къ жизни; онъ запрещаетъ держать у себя неправильные вѣсы, мѣры и фальшивыя деньги; онъ запрещаетъ отдѣлять дѣтей отъ родителей, жену отъ мужа, хотя бы они и были законно пріобрѣтены, какъ рабы; также по отношенію къ животнымъ онъ повелѣваетъ относиться съ жалостью. „Что же представляютъ собой по сравненію съ еврейскими законами ваши немногіе законы“, обращается онъ къ грекамъ: „которые вы такъ превозносите за то, что они древняго происхожденія?“ Въ заключеніе Филонъ восхваляетъ значеніе субботняго отдыха и седьмого юбилейнаго года. Благодаря первому, евреи получаютъ возможность въ этотъ день знакомиться со своими законами путемъ чтенія и толкованія, чтобы такимъ образомъ избѣгнуть невѣжества; мужъ можетъ обучать жену, отецъ—дѣтей, господинъ — рабовъ, такъ что всѣ имѣютъ возможность знакомить съ законами. Субботній годъ служитъ не только для того, чтобы укрѣплять почву періодическимъ отдыхомъ, но также для того, чтобы доставить неимущимъ средства къ жизни, такъ какъ каждый можетъ свободно собирать полевые плоды, и право частной собственности въ этомъ году прекращается. Злобнымъ хулителямъ законодателя Филонъ отвѣчалъ насмѣшливымъ тономъ: Да, Моисей, должно быть, воспользовался волшебствомъ, такъ какъ онъ не только съ излишкомъ прокормилъ цѣлый народъ, страдавшій отъ голода и жажды, не знавшій пути, но также сдѣлалъ его необыкновенно податливымъ, несмотря на существовавшій въ средѣ его раздоръ и непокорность даже ему самому.

Изъ трехъ корифеевъ нравственности, послѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ теченіе столѣтія: вавилонянина Гилела, Іисуса изъ Назарета и александрійца Филона, послѣдній наиболѣе прославилъ іудаизмъ въ цѣломъ и въ частностяхъ и взялъ его подъ защиту противъ всякой клеветы; вообще онъ не только далеко превосходилъ первыхъ двухъ искусной формой выраженія, но также обиліемъ мыслей, и не уступалъ имъ въ силѣ убѣжденности. Первые два только положили начало, и ужъ ихъ ученики распространили въ широкихъ кругахъ основы ихъ ученія, причемъ произвели не мало измѣненій. У Филона, вѣроятно, также были

ученики, но они цѣплялись только за верхушки его системы, аллегорическое толкованіе св. Писанія, изложенное въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ [1]). Филонъ же сильнѣе всего дѣйствовалъ своими искусно обработанными сочиненіями, которыя вѣроятно читались образованными язычниками еще болѣе, чѣмъ евреями, и передавали читателямъ теплоту чувства, съ которой онъ писалъ о Богѣ, о законодателѣ Моисеѣ и о духѣ законовъ. Годъ смерти Филона остался такъ же неизвѣстнымъ, какъ и Гилела и Іисуса; ихъ приверженцы и современники не оставили будущимъ поколѣніямъ свѣдѣній объ ихъ жизни.

Такимъ образомъ іудаизмъ въ его александрійской формѣ духовно побѣдилъ и ниспровергъ образованное и утонченное язычество. Александрійскіе мудрецы счастливо продолжали въ этомъ отношеніи дѣло великихъ пророковъ Іешаи, Аввакума, Іереміи и наглядно представили самымъ близорукимъ неразумность, неосновательность, превратность и безнравственность языческой религіи. Прозрачно ясный эѳиръ, которымъ въ глазахъ грековъ и римлянъ окруженъ былъ Олимпъ, они превратили въ туманъ и мракъ. Нѣкоторые изъ грековъ и римлянъ, надѣленные глубоко чуткой и нравственной душой, стали призадумываться и отвращались съ презрѣніемъ отъ религіи, которая, наряду съ недостойнымъ представленіемъ о божествѣ, освящала порочную жизнь, приписывая ее и богамъ. Эти стремившіеся къ истинѣ и нравственности язычники, въ силу присущей вообще народамъ древняго міра потребности въ религіи, примыкали къ іудаизму, сущность котораго все болѣе открывалась передъ ними, благодаря общенію съ образованными евреями, греческому переводу еврейскихъ религіозныхъ источниковъ и греко-александрійской литературѣ. Въ послѣднія десятилѣтія передъ гибелью еврейскаго государства появилось прозелитовъ больше, чѣмъ когда бы то ни было раньше [2]). Не ради внѣшнихъ выгодъ, не для того, чтобы имѣть возможность жениться на еврейскихъ женщинахъ или чтобы добиться милости еврейскихъ повелителей [обращенныхъ при такихъ условіяхъ въ насмѣшку называли прозелитами царскаго стола (Gere Schulchan Melachim) [3])], а изъ чистаго убѣжденія многіе переходили въ іудейство. Они находили въ немъ успокоеніе для своихъ сомнѣній и пищу для ума и сердца. Филонъ передаетъ въ видѣ опыта изъ жизни, что язычники, перешедшіе на его родинѣ въ іудейство, измѣняли также свой образъ жизни и вели жизнь, украшенную добродѣтелями: умѣренностью, кротостью и гуманностью [4]). „Эти люди,

[1]) Такъ называемые Quaestiones.
[2]) Флавій противъ Аніона II. 10; Іуд. войны II. 18, 2; VII. 3, 3.
[3]) Jerus. Kidduschin c. 4, 65 b.
[4]) Филонъ de poenitentia къ концу.

убѣдившіеся въ ложности и пустотѣ нравовъ, въ которыхъ они воспитывались, и отказавшіеся отъ нихъ, становились настоящими почитателями истины и искренно набожными людьми“ [1]). Особенно увлекались простымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышеннымъ библейскимъ разсказомъ женщины, нѣжная душа которыхъ оскорблялась безстыдствомъ миѳологическихъ разсказовъ. Для женщинъ было еще и потому легче вступать въ еврейскій союзъ, что имъ не приходилось подвергаться болѣзненной операціи. Въ Дамаскѣ большая часть женщинъ перешла въ іудейство [2]). Нѣкоторые, чувствовавшіе отвращеніе къ языческому культу, хотя увлекательному съ художественной стороны, но губительному съ нравственной, не пристава, однако, къ еврейской общинѣ и продолжали придерживаться своего образа жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ почитали только единаго Бога Израиля, посылали дары въ іерусалимскій храмъ, а иные также праздновали субботу. Эти назывались *„почитателями Бога“*; они были *полупрозелиты*. Въ Аѳинахъ также были такіе [3]). Мягкій взглядъ Гилела, что не слѣдуетъ сурово отталкивать язычниковъ, которые чувствовали влеченіе къ іудейству, послужилъ руководствомъ. Въ самомъ Іерусалимѣ обходились съ язычниками съ трогательнымъ вниманіемъ. Одной прозелитской семьѣ *Агаѳобулъ*, которая тамъ поселилась и хотѣла вслѣдствіе обѣднѣнія снова выѣхать, выдана была изъ храмовыхъ денегъ не малая сумма для поддержки жизни. Нѣкоторые евреи ужъ слишкомъ ревностно стремились распространять іудейство, обращая язычниковъ, какъ это показываетъ исторія съ упомянутой римской патриціанкой Фульвіей (стр. 201). Благодаря такому усердному обращенію, еврейское ученіе проникло въ одинъ азіатскій царскій дворъ, члены котораго въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній оставались вѣрными приверженцами іудейства. Въ *Адіабенѣ*, главной странѣ старинной Ассиріи, вассальномъ государствѣ Пароіи, лежавшемъ на берегахъ Тигра, царствовали *Монобазъ* и жена его *Елена*. Они были, повидимому, греко-македонскаго происхожденія; за это говоритъ не только греческое имя Елена, но и въ особенности то обстоятельство, что эти супруги, по македонскому скверному обычаю, были въ то же время братъ и сестра [4]). Это маленькое, но не слабое государство, тревожимое великими имперіями, римской и пароянской, умѣло однако отстаивать свою независимость и держалось много столѣтій. Между дѣтьми, которыхъ Монобазъ, по прозванію *Базай*, имѣлъ частью отъ Елены, частью отъ другихъ женъ, *Изатъ* (род. 1 г., ум.— 55 г.) былъ любимцемъ родителей, хотя былъ самымъ младшимъ изъ братьевъ.

[1]) Т. же de Sacrificantibus.
[2]) Флавій. Іуд. войны II. 20, 2.
[3]) Флавій, Древности XIV. 7, 2; Іуд. войны II. 18, 2.
[4]) Флавій. Древн. XX. 2, 1.

Чтобы онъ не палъ изъ-за этого предпочтенія жертвой зависти со стороны старшихъ братьевъ отъ другихъ женъ, Монобазъ послалъ его ко двору одного дружественнаго царя, страна котораго находилась тамъ, гдѣ оба рукава Тигра (Пазитигръ) сливаются до самаго своего впаденія въ Персидскій заливъ. Страна эта называлась *Месена* (средняя страна) или также *Аракена* по названію столицы *Аракс-Спазину*, которая была построена первымъ царемъ *Гіаспазиномъ* и съ теченіемъ времени сдѣлалась центральнымъ пунктомъ всемірной торговли. Одинъ изъ его преемниковъ, по имени *Абинерглъ (Абеннериг)*, почувствовалъ такое расположеніе къ ввѣренному ему молодому принцу *Изату*, что выдалъ за него свою дочь. Во дворецъ этого царя обыкновенно приходилъ одинъ еврейскій купецъ, по имени *Ананія*, знакомившій принцессъ какъ со своими товарами, такъ и съ еврейской религіей, которая и понравилась имъ. Изатъ, жена котораго *Самахъ* также принадлежала къ обращеннымъ, обратилъ вниманіе на Ананія, пустился съ нимъ въ разговоры и почувствовалъ такую привязанность къ іудейству, что сталъ исповѣдывать эту религію и рѣшилъ приблизить къ себѣ человѣка, который открылъ ему ее. Еще и другіе язычники въ Месенѣ, частью уроженцы, частью прибывшіе сюда изъ города Пальмиры, привлеченные оживленными торговыми сношеніями, перешли въ іудейство. Также мать Изата, царица Елена, была обращена въ іудейство другимъ еврейскимъ миссіонеромъ, при чемъ сынъ объ этомъ не зналъ. Какое высоко-нравственное вліяніе оказало іудейство на новообращенныхъ лицъ царскаго дома, обнаружилось при ближайшей перемѣнѣ правителя. Умирающій Монобазъ назначилъ своимъ преемникомъ, минуя старшихъ сыновей, своего любимца Изата. Когда Елена сообщила адіабенскимъ старѣйшинамъ послѣднюю волю своего супруга, они посовѣтовали ей прибѣгнуть къ злодѣйству, довольно часто практиковавшемуся при пароянскихъ и азіатскихъ дворахъ. Для безопасности государства, чтобы братья Изата не могли изъ зависти и ненависти начать противъ него братоубійственную войну, царица должна была умертвить ихъ. Но Елена, на которую принятіе іудейства оказало смягчающее вліяніе, вознегодовала на такую варварскую политику, отвергла этотъ кровавый совѣтъ и ограничилась тѣмъ, что содержала царскихъ братьевъ подъ стражей; только ея старшій сынъ, Монобазъ II, оказался пощаженнымъ, и ему ввѣрено было регентство. Когда Изатъ прибылъ въ адіабенскую столицу и принялъ корону изъ его рукъ (22 г.) согласно послѣдней волѣ отца, онъ счелъ жестокимъ даже заставлять братьевъ ради собственной безопасности всю жизнь томиться въ тюрьмѣ. Онъ, говорятъ, отправилъ ихъ въ качествѣ заложниковъ частью въ Римъ, частью въ столицу Пароіи, что считалось своего рода почетнымъ изгнаніемъ.

Вступивъ на престолъ, Изатъ рѣшилъ серьезно обратиться въ іудейство и даже подвергнуться обрѣзанію. Но его мать и самъ учитель его Ананія энергичнѣйшимъ образомъ отсовѣтовали ему этотъ рѣшительный шагъ, который могъ привести къ возстанію противъ него языческихъ подданныхъ. Ананія, эллинскій еврей, старался скорѣе убѣдить его въ томъ, что обрѣзаніе для него несущественно. Изатъ сначала успокоился на этомъ, пока позже не пришелъ къ его двору одинъ галилейскій еврей, по имени *Элеазаръ*, который былъ строгимъ законникомъ и внушилъ царю другой взглядъ. Элеазаръ засталъ однажды царя за чтеніемъ Пятикнижія (несомнѣнно въ греческомъ переводѣ) и не могъ удержаться, чтобы не замѣтить, что для исповѣдыванія іудейства недостаточно читать законы, нужно ихъ также исполнять. Тогда Изатъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, и его старшій братъ Монобазъ подверглись тайно обрѣзанію [1]). Мрачныя предчувствія, которыя волновали его мать на тотъ случай, если поддаными сдѣлается извѣстнымъ окончательный переходъ въ іудейство адіабенскаго царя, не скоро выполнились. Правленіе Изата не вызвало возмущенія, и онъ настолько пріобрѣлъ уваженіе, что могъ выступить посредникомъ между пароянскимъ царемъ *Артабаномъ* и мятежной знатью, за что онъ въ видѣ вознагражденія получилъ провинцію и городъ Низибисъ, гдѣ была многочисленная еврейская община. Но позже, когда всѣ родственники царя открыто перешли въ іудейство, нѣкоторые адіабенскіе знатные лица устроили противъ него заговоръ и тайно подстрекали аравійскаго царя *Абію*, повелителя области Эдессы, затѣять войну съ Изатомъ. Абіа поддался подстреканіямъ и сдѣлалъ нападеніе на Адіабену. Многіе адіабенскіе воины въ рѣшительную минуту перешли на его сторону. Однако его войско было побѣждено, и онъ лишилъ себя съ отчаянія жизни. Позже адіабенская знать побудила пароянскаго царя Вологеза къ войнѣ противъ царя, отступившаго отъ религіи отцовъ. Эта война могла бы оказаться гибельной для Изата, если бы Вологезъ передъ самымъ сраженіемъ не получилъ внезапно извѣстія, что нѣсколько дикихъ ордъ, *Даги* и *Саки* (скиѳы), осадили его страну, и не былъ принужденъ такимъ образомъ прекратить войну. Съ этого времени правленіе Изата, продолжавшееся слишкомъ тридцать лѣтъ, оставалось безмятежнымъ [2]). Перешли ли въ іудейство по примѣру царя нѣкоторые изъ его подданныхъ, остается неизвѣстнымъ.

Насколько сильна была привязанность адіабенскаго царскаго дома къ іудейству, доказываетъ то обстоятельство, что Елена страстно желала увидѣть Іерусалимъ; получивъ поддержку отъ сына, она отправилась въ

[1]) Флавій т. 2, 2—4; Genesis * Rabba 46. * בראשית *Ред.*

[2]) Флавій т. 2, 3—4; 4, 1—2.

далекое путешествіе (43 г.). Изатъ отправилъ также въ Іерусалимъ пятерыхъ изъ своихъ многочисленныхъ сыновей, чтобы дать имъ возможность познакомиться съ еврейской религіей и научиться еврейскому языку [1]). Какой восторгъ должны были почувствовать іерусалимцы, когда они увидѣли въѣзжавшую царицу, прибывшую изъ далекаго востока, чтобы съ искреннимъ сердцемъ признать ихъ Бога и его законъ! Развѣ не исполнилось на ихъ глазахъ пророческое слово, что второй храмъ будетъ еще болѣе великимъ, чѣмъ первый, такъ какъ въ немъ язычники будутъ поклоняться единому Богу! Вскорѣ представился Еленѣ случай показать себя благодѣтельницей народа. Во время ея пребыванія въ странѣ случился тяжелый голодъ, отъ котораго особенно жестоко страдали низшіе классы. Одинъ асаронъ муки (приблиз. 4 литра) стоилъ до 4 драхмъ (около 1 р. 50 к.). Въ храмѣ было недостаточно муки для жертвоприношеній, и голодающіе священники не хотѣли воспользоваться для себя и крошкой изъ той части, которая предназначена была для огня алтаря. Многіе изъ бѣдныхъ классовъ погибли отъ нужды. Царица Елена приказала закупить цѣлые корабли хлѣба изъ Александріи и фиников изъ Кипра и раздѣлила все между нуждающимися (48 г.). Изатъ доставлялъ ей богатыя средства, чтобы удовлетворить ея склонность къ щедрости [2]). Она по царски одарила храмъ золотымъ раковинообразнымъ кругомъ для вратъ внутренняго святилища; кругъ этотъ, отражая первые падающіе на него лучи утренняго солнца, сіялъ отъ свѣта и возвѣщалъ дежурнымъ-священникамъ наступленіе дня [3]). Она подарила также храму золотую доску, чтобы выгравировать на ней тотъ отдѣлъ закона, который примѣнялся при судѣ надъ женщиной, подозрѣвавшейся въ прелюбодѣяніи [4]). Этотъ подарокъ представлялъ собой совсѣмъ не утѣшительный признакъ; онъ доказываетъ, что подъ вліяніемъ римлянъ и иродіанскаго дома были частые случаи прелюбодѣянія или подозрѣнія противъ вѣрности еврейскихъ женъ. Нѣсколько десятилѣтій позже пришлось совсѣмъ прекратить процессы противъ женъ, подозрѣваемыхъ въ прелюбодѣяніи, вслѣдствіе ихъ многочисленности. Народъ сохранялъ благодарную память о прозелиткѣ Еленѣ за ея благочестіе и благотворительность [5]). Она еще пережила своего сына Изата, который умеръ въ возрастѣ 55 лѣтъ (55 г.) и, какъ говорятъ, оставилъ помимо двадцати четырехъ сыновей столько же дочерей. Послѣ него вступилъ на адіабенскій престолъ его старшій братъ Монобазъ II, который обнаруживалъ не менѣе искреннюю привязанность къ іудейству. Когда и Елена умерла, Монобазъ приказалъ перенести ея

[1]) Флавій т. же 3, 5; 3, 4.
[2]) Т. же 2, 5; 5, 2,
[3]) Mischna Joma III. 10.
[4]) Joma т. же.
[5]) Т. же.

и своего брата останки въ Іерусалимъ и похоронить ихъ тамъ въ великолѣпной гробницѣ, которую царица во время своего пребыванія тамъ велѣла выстроить. Этотъ мавзолей Елены, на 3 стадіи (570 метровъ) сѣвернѣе Іерусалима, считался произведеніемъ искусства, и его можно было распознать по тремъ пирамидамъ или колоннамъ изъ бѣлаго прозрачнаго мрамора [1]).

Самый склепъ былъ построенъ подъ землей изъ камней, такъ же была построена входная дверь, которая, говорятъ, посредствомъ искуснаго механизма разъ въ годъ въ опредѣленный часъ сама по себѣ открывалась и затѣмъ снова закрывалась [2]). Эта умная царица, какъ будто предчувствуя, что Іерусалимъ попадетъ въ руки безпощаднаго врага, хотѣла, затруднивъ доступъ, охранить останки своей семьи. Развалины памятника сохранились и до настоящаго времени, но подъ невѣрнымъ названіемъ „Гробницы царя“. Можно видѣть углубленіе въ скалѣ съ многочисленными подземными помѣщеніями, залами и нишами со слѣдами саркофаговъ, колоннъ и красивыхъ изображеній винограда, цвѣтовъ и вѣнковъ, пощаженными всеразрушающимъ временемъ. Эти развалины гробницы являются почти двухтысячелѣтними свидѣтелями притягательной силы, которую іудейство имѣло на высокопоставленныхъ язычниковъ. Адіабенскій царскій родъ засвидѣтельствовалъ свою приверженность къ Іерусалиму постройками и дарами. Елена приказала выстроить дворецъ въ нижней части города, а ея внучка, принцесса Граита, другой въ части города Офла. [3]) Монобазъ, который также имѣлъ въ Іерусалимѣ дворецъ, [4]) приказалъ приготовить изъ золота храмовые сосуды, которые употреблялись въ Судный день [5]). Адіабенцы сохраняли вѣрность еврейскому народу и сильно поддерживали его въ нуждѣ.

Это стремленіе религіозно настроенныхъ язычниковъ къ іудаизму, нашедшее себѣ отраженіе въ разсказѣ о томъ, что эѳіопянинъ, казначей эѳіопской царицы Кандакіи (вѣроятно, Елены?), сидя въ колесницѣ, читалъ пророка Ісаію [6]), пришлось какъ разъ кстати юному назарейству. Пользуясь этимъ стремленіемъ и еще болѣе усиливая его, оно положило начало своему міровому господству. Два еврея изъ мѣстностей съ греческимъ языкомъ, *Саулъ* или *Савлъ* изъ Тарса (извѣстный подъ именемъ *Павла*) и *Іосій Варнава* изъ Кипра, левитъ, ставя своей цѣлью привлекать прозелитовъ среди язычниковъ, именно поэтому настолько расширили маленькую христіанскую общину, что назарейство изъ простой еврейской секты воз-

[1]) Флавій. Древн. XX. 4, 3.
[2]) Павзаній VIII, 16.
[3]) Флавій. Іуд. войны V. 9. 11; IV. 6, 1; VI. 6. 3.
[4]) Т. же V, 6. 1.
[5]) Joma 3, 10.
[6]) Дѣянія апостоловъ 8, 27—30.

высилось до особенной религіи, но въ силу этого же она измѣнила свой первоначальный характеръ. За короткое десятилѣтіе со времени смерти своего основателя эта малочисленная община пріобрѣла приверженцевъ изъ двухъ круговъ, *ессеевъ и евреевъ изъ греческихъ странъ*. Первые, до сихъ поръ витавшіе на небесахъ, ожидавшіе наступленія чудомъ царства небеснаго, видѣли, можетъ быть, въ Іисусѣ осуществленіе своихъ мечтаній. Какъ только эти мистически настроенные люди примирились съ мыслію о страдающемъ Мессіи, претерпѣвающемъ смерть на крестѣ вмѣсто того, чтобы явиться освободителемъ и избавителемъ, они сдѣлались горячими приверженцами кружка, который состоялъ изъ непосредственныхъ учениковъ Іисуса, и обратили на него весь свой пылъ. Ессеи, которые не могли, какъ безсемейные, размножаться сами по себѣ и должны были искать и вербовать новыхъ членовъ своими мистическими проповѣдями, продолжали свою пропаганду уже въ качествѣ увѣровавшихъ учениковъ Іисуса и привлекали новыхъ членовъ изъ нижнихъ слоевъ народа, которые вожаками фарисеевъ оставлялись безъ вниманія. Они заражали своей дѣятельностью и агитаціоннымъ пыломъ всю первоначальную христіанскую общину, которая въ своемъ простодушіи вовсе не надѣялась на приращеніе вѣрующихъ, но ожидала возвращенія Іисуса во всемъ великолѣпіи на небесныхъ облакахъ. Вскорѣ изъ ея среды, главное мѣстопребываніе которой было въ Іерусалимѣ, стали выходить посланцы (апостолы) для распространенія среди большого числа лицъ вѣры въ то, что Іисусъ былъ истиннымъ Мессіей.

Для вербованія очень большого числа вѣрующихъ нужно было прежде всего умѣнье говорить, которымъ меньше всего обладали простоватые галилейскіе рыбаки и ремесленники. Тутъ кстати пришлось для назарейской общины вступленіе въ нее говорящихъ по-гречески евреевъ. Изъ Сиріи, Малой Азіи, Египта, Киренаики и острововъ Крита и Кипра устремлялись евреи ежегодно на праздники въ Іерусалимъ и оставались тамъ продолжительное время; среди нихъ, наряду съ искренними людьми и мечтателями, попадались и авантюристы, искатели приключеній и нищій сбродъ. Многіе изъ нихъ тѣмъ охотнѣе набрасывались на преподносимое имъ новое ученіе, что они въ общемъ были невѣжественны въ св. Писаніи и законахъ, и не поражались совершенно превратнымъ примѣненіемъ стиховъ изъ пророковъ къ Іисусу (стр. 229), но, напротивъ, принимали его за единственно вѣрное. Общность имуществъ и пищи, сохраненная эбіонитско-христіанской общиной какъ слѣдъ ея ессейскаго происхожденія, особенно нравилась этимъ іудео-греческимъ бездомнымъ людямъ и авантюристамъ. Всякій, обладавшій какимъ-нибудь имуществомъ, продавалъ его и вырученныя деньги вкладывалъ въ кассу ордена, а кто ничего не имѣлъ, беззаботно жилъ въ общинѣ [1]). Эти греческіе евреи, пріобрѣвшіе отъ своихъ сосѣдей-язычниковъ искусство говорить обо всемъ и придавать даже самому пустому содержанію внушительную форму, дали новой религіи необходимый способъ выраженія: они „говорили на языкахъ“ [2]). Они сдѣлались проповѣдниками молодой общины и больше всего подходили къ роли миссіонеровъ. Сами только что обращенные, они набрасывались на обращеніе другихъ. Правда, эти чужестранцы не всегда ладили съ мѣстными жителями, часто жаловались на то, что ихъ отодвигаютъ на задній планъ, и добились того, что и изъ ихъ среды избиралось семь управителей [3]) общественными трапезами для того, чтобы они не были въ обидѣ. Въ короткое время галилейскіе, эбіонитскіе и ессейскіе элементы были подавлены въ этой смѣси греческими.

Говорящіе по-гречески евреи, или эллинисты, незнакомые съ развитіемъ закона въ іерусалимскихъ школахъ и вообще невѣжественные въ законовѣдѣніи, совершали проступки противъ законовъ по незнанію или просто потому, что законы эти казались имъ неразумными. Когда ихъ уличили въ этомъ и привлекли къ отвѣтственности, они, считая себя всегда правыми и питая страсть къ спорамъ, оправдались въ своихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ своею вѣрою въ мессіанство Іисуса, якобы также преступавшаго законы. Но въ Іерусалимѣ, который считался священнымъ городомъ, очень строго относились ко всякому обычаю и закону. Въ городѣ стали возбуждаться подозрѣнія относительно „говорящихъ на языкахъ“ назареянъ, что они имѣютъ намѣренія вводить новшества и издѣваться надъ законами. Не только власти, но и благочестивые люди, видѣвшіе благо въ существующихъ учрежденіяхъ, начали наблюдать за приверженцами Іисуса и прислушиваться къ ихъ рѣчамъ въ синагогахъ, на базарахъ и площадяхъ. Наиболѣе фанатически настроенъ былъ противъ склонныхъ къ новшествамъ назареянъ Савлъ изъ Тарса, такъ какъ онъ былъ ярымъ приверженцемъ фарисейскаго ученія и считалъ законъ, какъ устный, такъ и писанный, неприкосновеннымъ въ полномъ его объемѣ [4]). Умѣя говорить по-гречески, онъ въ состояніи былъ оцѣнить все значеніе проповѣдей іудео-христіанскихъ эллинистовъ въ Іерусалимѣ, и былъ возмущенъ этимъ. Одинъ изъ нихъ, по имени *Стефанъ*, позволялъ себѣ больше всѣхъ и безъ всякаго уваженія говорилъ противъ святости законовъ и храма. Саулъ, кажется, выдалъ его какъ богохульника, и Стефанъ — неизвѣстно, по приговору ли суда или толпы—былъ побитъ камнями [5]). Съ тѣхъ поръ назареяне попали въ еще большее подозрѣніе и привлекались къ отвѣт-

[1]) Дѣянія апостоловъ 2, 44: 4, 34.
[2]) Т. же 2. 4.
[3]) Т. же 6. 1.
[4]) Пос. къ Галатамъ 1, 14.
[5]) Дѣянія апостоловъ 7, 57; 8, 1; 22, 20.

ственности; тотъ же Саулъ ходилъ въ дома говорящихъ по-гречески единовѣрцевъ, подслушивалъ, доносилъ на нихъ и старался о привлеченіи ихъ къ суду. Обвиняемыхъ заключали въ тюрьму. Оказавшіеся на допросѣ виновными въ томъ, что они, ссылаясь на мессіанство Іисуса, дѣйствовали или говорили противъ закона, подвергались не смертной казни, а бичеванію. Испуганные этими строгостями, чужеземные назареяне бѣжали изъ Іерусалима, устремляясь преимущественно въ греческіе города съ еврейскими общинами съ тѣмъ, чтобы тамъ продолжать пропаганду [1]). Но преслѣдованію подвергались только эллинистическіе приверженцы Іисуса, мѣстные же, которые несмотря на новую вѣру, не отрицали неизмѣнной святости законовъ, оставались нетронутыми. Ихъ три главаря: *Яковъ*, братъ или родственникъ Іисуса, *Кифа* или *Петръ*, *Іоаннъ* Зеведеевъ постоянно жили въ Іерусалимѣ, не подвергаясь преслѣдованіямъ. Патріархъ Гамаліилъ I, какъ говорятъ, высказался даже противъ наказанія болтливыхъ и возбуждающихъ толпу назареянъ. Тѣмъ, которые стояли за строгія наказанія, онъ, говорятъ, возразилъ слѣдующее: „Отстаньте отъ людей сихъ и оставьте ихъ: ибо если это предпріятіе и это дѣло отъ людей, то оно разрушится; а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его“. Но это извѣстіе должно быть отнесено къ области преданій.

Между тѣмъ бѣжавшіе назареяне продолжали свою агитацію и миссіонерскую дѣятельность въ другихъ мѣстахъ. Какъ люди бездомные, они стремились только создать себѣ кружокъ приверженцевъ и ввести въ немъ общность имущества, чтобы такимъ образомъ беззаботно жить изо дня въ день. Два города особенно притягивали ихъ, Антіохія и Дамаскъ, въ которыхъ были многочисленныя общины, состоявшія изъ говорящихъ по-гречески евреевъ, и много прозелитокъ (стр. 301); здѣсь они имѣли большое поприще для своей миссіонерской дѣятельности. Полуневѣжественная или совершенно невѣжественная толпа прислушивалась къ словамъ миссіонеровъ, которые возвѣщали имъ приближеніе блаженнаго небеснаго царства, куда попадутъ вѣрующіе въ Іисуса, какъ въ Мессію, явившагося, распятаго и воскресшаго, и принявшіе крещеніе. Вскорѣ въ стѣнахъ обоихъ городовъ возникли назарейскія общины, члены которыхъ считались евреями, вели еврейскій образъ жизни, молились, пѣли псалмы и въ концѣ молитвъ произносили обычное аминь [2]), но все-таки нѣкоторыми особенностями проявляли свою принадлежность къ новой сектѣ. Они сходились къ общей трапезѣ, которую они называли *Господней трапезой* или *трапезой любви*, совершали благословеніе надъ виномъ, пили другъ послѣ друга изъ одной чаши, разламывали хлѣбъ въ воспоминаніе о послѣднемъ часѣ Іисуса и обмѣнивались поцѣлуями, муж-

[1]) Т. же **8**, 4; **11**, 19-20. [2]) Перв. пос. къ Коринѳ. **14**, 15 и слѣд.

чины и женщины безъ различія[1]). При этомъ нѣкоторые выступали и въ состояніи экстаза предсказывали будущее. Нѣкоторые говорили на иныхъ языкахъ. Другіе же производили чудесныя излѣченія именемъ Іисуса или хвастали своимъ чудотворствомъ[2]). Въ этомъ эллинистическо-назарейскомъ кругѣ господствовала такая неестественная возбужденность и мечтательность, что онъ со временемъ долженъ былъ подвергнуться насмѣшкамъ и, сдѣлавшись смѣшнымъ, погибнуть. Еще менѣе могло бы утвердиться іудейское назарейство, представленное въ Іерусалимѣ тремя людьми: Петромъ, Яковомъ и Іоанномъ, потому что оно упорно придерживалось стараго обычая и не могло бы плодотворно развить то новое, что заключалось въ выступленіи Іисуса, хотя неудачномъ, въ роли Мессіи. Словомъ, молодое христіанство при своей фантастичности не устояло бы, какъ другія мессіанскія затѣи, при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью, и погибло бы безславно, если бы Савлъ изъ Тарса не далъ ему новаго направленія, не открылъ предъ нимъ новыхъ горизонтовъ, и этимъ не придалъ ему жизнеспособности и подъема духа. Конечно, безъ Іисуса тарсіянинъ не имѣлъ бы случая привлечь къ себѣ столько душъ; но еще менѣе сумѣло бы христіанство утвердиться безъ него.

Савлъ (род. въ Тарсѣ въ Киликіи въ началѣ христіанской эры, ум. въ 64 г.?), родомъ изъ колѣна Веніаминова, обладалъ своеобразнымъ характеромъ. Слабый тѣломъ и болѣзненный, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обладалъ настойчивостью, которую никакія препятствія не могли сокрушить. Раздражительный и рѣзкій въ своихъ настроеніяхъ, онъ былъ безгранично односторонень, упрямъ, угловатъ, и страстно преслѣдовалъ тѣхъ, кто не раздѣлялъ его убѣжденій или позволялъ себѣ хотя бы незначительныя отступленія отъ нихъ. Онъ имѣлъ ничтожныя познанія въ еврейской литературѣ и только по греческому переводу былъ знакомъ съ священнымъ Писаніемъ. Онъ ни въ коемъ случаѣ не сидѣлъ у ногъ*) Гамаліила, иначе былъ бы лучше ознакомленъ съ законами и болѣе милосерденъ, а вѣроятно обучался въ Тарсѣ у мѣстныхъ ученыхъ. Его кругозоръ былъ такъ же ограниченъ, какъ и его познанія. Склонный къ мечтательности, онъ былъ одержимъ страстью фантазировать, принималъ свои фантазіи за дѣйствительныя происшествія и руководствовался ими. Словомъ, Савлъ былъ одновременно болѣзненной и непоколебимой личностью, будто нарочно созданной, чтобы создавать новое и осуществлять съ перваго взгляда невозможное. Онъ преслѣдовалъ эллинистическихъ назареянъ, съ упорной яростью отыскивалъ ихъ въ ихъ убѣжищахъ, чтобы предать суду, потому что они отступили

[1]) Т. же **10**, 26 и слѣд.; **11**, 20 и слѣд.; **16**, 20. Пос. къ Рим. **16**, 16.

[2]) Пер. посл. къ Коринѳ. **12**, 8 и слѣд.; 28 и слѣд., Пос. къ Рим. **12**, 6. Пос. къ Ефес. **4**. 11.

*) Слушалъ лекціи. *Ред.*

отъ фарисейскаго іудаизма, который онъ считалъ единственно вѣрнымъ и справедливымъ. Но это его не удовлетворило. Лишь только тарсійскій ревнитель вѣры узналъ, что много назареянъ переѣхало въ Дамаскъ, онъ отправился вслѣдъ за ними, либо по своей волѣ, либо по порученію, чтобы немилосердными преслѣдованіями и тамъ разрушить ихъ общину. Но онъ внезапно перемѣнилъ свои убѣжденія. Въ Дамаскѣ много язычниковъ, главнымъ образомъ, женщинъ, перешло въ іудейство. (стр. 301). Обращеніе адіабенской царской семьи въ іудейство обратило на себя всеобщее вниманіе. Савлъ, вѣроятно, былъ при томъ, какъ царица Елена съ адіабенскими принцами и свитой совершала свое вступленіе въ Іерусалимъ, представлявшее тріумфъ іудаизма (стр. 304). По пути она навѣрное посѣтила Дамаскъ, гдѣ была принята съ почетомъ еврейскимъ и новообращеннымъ населеніемъ города. Должно быть, эти происшествія произвели на него глубокое впечатлѣніе и затронули въ немъ вопросъ, не наступило ли то время, о которомъ предсказывали пророки, время, когда всѣ народы признаютъ открывшагося Израилю Бога, когда всѣ преклонятъ предъ нимъ колѣна, и всякъ языкъ будетъ давать клятву во имя Его. Если онъ заинтересовался этимъ вопросомъ, то пришлось разрѣшить и связанныя съ нимъ сомнѣнія. Окажется ли возможнымъ, не смотря на склонность многихъ язычниковъ къ іудаизму, обратить въ эту религію весь языческій міръ, если ея законы сохранятъ для нихъ обязательную силу, если на нихъ возложатъ обязанность соблюдать субботу и праздники, законы о пищѣ, отличать чистое отъ нечистаго, и даже подвергнуться обрѣзанію? Прійдется ли принуждать язычниковъ къ исполненію даже фарисейскихъ строгихъ предписаній. Тогда пріобщеніе народовъ къ общей съ іудействомъ жизни не могло бы произойти ни подъ какимъ видомъ. Съ другой стороны, должно ли отмѣнить ради язычниковъ законъ, учить ихъ только познанію Бога и высшей нравственности? Вѣдь все законодательство ведетъ свое начало отъ Бога, который открылъ его людямъ и настоятельно предписалъ слѣдовать ему? Какъ же можно отмѣнить его? Тогда Савлъ вспомнилъ, должно быть, слова своихъ учителей, будто законы имѣютъ воспитательное значеніе и цѣнность только до пришествія Мессіи, но какъ только явится Избавитель, то ихъ обязательность должна пасть сама по себѣ [1]). Если Мессія появится или уже появился, то препятствіе къ обращенію язычниковъ устранено. Быть можетъ, онъ уже появился? Быть можетъ, Іисусъ былъ въ самомъ дѣлѣ Мессіей? Эти мысли глубоко занимали Савла. Его нервное, болѣзненное состояніе, его склонность къ фантазированію помогли ему преодолѣть сомнѣнія. Онъ разъ навсегда увѣровалъ, что Іисусъ явился ему [1]). Много позже онъ говорилъ по поводу бывшаго ему видѣнія: „Было ли это явленіемъ во плоти или оно было безтѣлеснымъ—не знаю: Богъ это знаетъ; я же былъ восхищенъ до третьяго неба“ [2]); это не особенно достовѣрное свидѣтельство для дѣйствительнаго происшествія. Въ позднѣйшее время этому явленію сумѣли придать болѣе правдоподобную окраску. Сказаніе достодолжно изукрасило это столь богатое для христіанства послѣдствіями обращеніе: „Когда Савлъ шелъ и приближался къ Дамаску, внезапно осіялъ его свѣтъ съ неба. Онъ упалъ на землю и услышалъ голосъ, говорящій ему: Савлъ, Савлъ, что ты гонишь Меня?“ Онъ достигъ Дамаска, ослѣпленный этимъ видѣніемъ, и только во время бесѣды съ христіанином, совѣтовавшимъ ему принять крещеніе, какъ бы чешуя отпала отъ глазъ его [3]).

Савлъ, увѣровавъ въ то, что онъ дѣйствительно узрѣлъ Іисуса, покончилъ со вторымъ сомнѣніемъ; для него открылся цѣлый новый кругозоръ. Если Іисусъ умеръ или былъ распятъ и, всетаки, явился ему, то, слѣдовательно, онъ воскресъ изъ мертвыхъ; сверхъ того, онъ былъ первымъ воскресшимъ, доказалъ этимъ неизбѣжность воскресенія, представлявшаго еще предметъ академическихъ споровъ, и этимъ указалъ на приближеніе царствія небеснаго, съ наступленіемъ котораго, по предсказанію пророка Даніила, произойдетъ возстаніе изъ мертвыхъ. Такимъ образомъ, для бывшаго фарисея изъ Тарса три истины стали несомнѣнными: Іисусъ возсталъ изъ мертвыхъ, онъ истинный предреченный Мессія. Царствіе небесное, грядущее время съ возстаніемъ изъ мертвыхъ, приближается, и настоящее поколѣніе или, вѣрнѣе, увѣровавшіе въ Іисуса, вскорѣ увидятъ его наступленіе [4]). Вѣра эта привела его къ дальнѣйшимъ выводамъ: если Мессія появился или если Іисусъ есть дѣйствительно Христосъ, то законодательство пало само собой, и язычники, не соблюдая его, могутъ пріобщиться къ Авраамову благословенію. Это пришпорило его стремленіе къ дѣятельности. Онъ почувствовалъ себя призваннымъ, чтобы обратить павшій языческій міръ, чтобы чрезъ Христа привести ихъ къ познанію Отца. Савлъ увѣровалъ, что уже въ чревѣ матери онъ былъ намѣченъ въ проповѣдники среди язычниковъ. Для человѣка съ такимъ пламеннымъ духомъ не существовало разницы между словомъ и дѣломъ. Подъ именемъ *Павла* онъ примкнулъ въ Дамаскѣ къ назареянамъ, которые были очень удивлены тѣмъ, что ихъ преслѣдо-

[1]) Nidda 61 b. מצוות בטלות לעתיד לבא; Midrasch къ Mischlè 9: שכל המועדים יהיו בטלין (לעולם הבא) ויבוי הפורים לא יעברו. ר׳ אומר אף יום הכפורים אינו בטל לעולם

[1]) 1-е пос. къ Коринѳ. **9**, 1, **15**, 8.

[2]) 2-е пос. къ Коринѳ. **12**, 2.

[3]) Дѣянія апостоловъ **9**, 3 и слѣд.; **22**, 6 и слѣд.; **26**, 13 и слѣд.

[4]) Пос. къ Рим. **6**, 5; **8**, 11. Перв. пос. къ Коринѳ. **6**, 14; **15**, 12 и слѣд. Вт. пос. къ Коринѳ. **4**, 14.

ватель вдругъ сталъ единомышленникомъ, распространителемъ ихъ ученія.

Въ Дамаскѣ онъ могъ разсчитывать на успѣхъ, такъ какъ тамъ было много сочувствующихъ іудейству, къ которому не примкнули лишь вслѣдствіе требующихся имъ жертвъ. Новообращенный апостолъ могъ имъ облегчить обращеніе, освобождая отъ обязанностей закона вѣрою въ Іисуса. Но, какъ кажется, онъ со своимъ замысловатымъ толкованіемъ вѣры не встрѣтилъ сочувствія даже среди единовѣрцевъ. Его теорія уничтоженія силы закона, какъ нѣчто совершенно новое, казалась имъ не безопасной. Кромѣ того, они, какъ видно, чувствовали недовѣріе къ своему прежнему преслѣдователю. Однимъ словомъ, Савлъ-Павелъ не могъ болѣе оставаться въ Дамаскѣ и удалился въ Аравію [1]), т. е. въ Ауранитскую область, гдѣ также были еврейскія общины. Когда же онъ вторично вернулся въ Дамаскъ, его единовѣрцы стали питать къ нему больше довѣрія, дѣйствовали съ нимъ заодно, и онъ могъ съ рвеніемъ заняться дѣломъ обращенія. Однако, своей несдержанностью, безпощадностью и своимъ утвержденіемъ, что законъ уничтоженъ, онъ возбудилъ противъ себя еврейскую общину въ Дамаскѣ. Еврейскій этнархъ этого города, назначенный или утвержденный *Аретой Филодемомъ* (стр. 272) рѣшилъ захватить его въ плѣнъ. Его товарищи спасли его, спустивъ въ корзинѣ изъ окна въ стѣнѣ[2]). Такимъ образомъ, онъ спасся изъ рукъ тѣхъ, которые съ правомъ считали его разрушителемъ іудаизма. Куда направился тогда Павелъ, неизвѣстно. Въ Іерусалимъ онъ вернулся только черезъ три года послѣ своего обращенія въ христіанство вмѣсто того, чтобы немедленно освѣдомиться у непосредственныхъ учениковъ Іисуса, что Іисусъ сдѣлалъ, чему училъ и что намѣренъ былъ дѣлать дальше. Онъ, правда, чувствовалъ, что между нимъ и христіанскими галилеями цѣлая пропасть, и что онъ съ ними будетъ расходиться во мнѣніяхъ. Павелъ былъ проникнутъ одной мыслью: благодать всего человѣчества или обѣщаніе, данное Богомъ Аврааму, что онъ станетъ отцомъ многихъ народовъ, включая язычниковъ[3]), наконецъ, наступитъ, и онъ призванъ исполнить эту миссію. Онъ хотѣлъ уничтожить разницу между евреями и греками или язычниками, между рабами и свободными, всѣхъ сдѣлать братьями въ союзѣ Авраама, присоединить къ сѣмени Авраама[4]). Это была радостная вѣсть, которую онъ хотѣлъ сообщить народамъ. Несомнѣнно, это былъ широкій замыселъ, но его не поняли ни іерусалимскіе эбіониты, ни такъ называемые апостолы-столпы *).

[1]) Пос. къ Галат. **1**, 17.
[2]) Вт. пос. къ Корино. **11**, 32; Дѣян. Апост. **9**, 25.
[3]) Къ Рим. **4**, 17; **11**, 25. Къ Галат. **3**, 14; **18**, 20.
[4]) Къ Галат. **3**, 28. *) Стр. 231. *Ред.*

Послѣ короткаго пребыванія въ Іерусалимѣ, Павелъ началъ свое путешествіе, цѣлью котораго было обращеніе въ христіанство, въ сопровожденіи кипрянина *Іосіи Варнавы**). Изъ Антіохіи, гдѣ было много обращенныхъ въ еврейство[1]) и гдѣ оба апостола имѣли случай обратить въ христіанство какъ ихъ, такъ и грековъ-язычниковъ, они направились въ Киликію, родину Павла, прошли Малую Азію, Македонію, переправились въ Грецію (Ахаію); стремленія Павла были увѣнчаны поразительнымъ успѣхомъ. Онъ основалъ во многихъ мѣстахъ греко-христіанскія общины, особенно въ Галатіи (въ Антіохіи, Иконіи, Листрѣ, Дербѣ), въ Ефесѣ, Филиппахъ, Ѳессалоніи и въ городѣ Коринѳѣ. Отчасти этотъ успѣхъ могъ быть приписанъ іудаизму, такъ какъ, когда Павелъ хотѣлъ привлечь на свою сторону язычниковъ, онъ долженъ былъ развернуть передъ ними часть блестящаго прошлаго еврейскаго народа, чтобы дойти до Іисуса[2]). Далѣе, онъ долженъ былъ противопоставить чистое понятіе о Богѣ мутному язычеству. Среди язычниковъ онъ встрѣтилъ сочувствіе къ чистому ученію іудаизма. Многіе язычники, какъ было уже сказано, почувствовали отвращеніе къ миѳологическимъ разсказамъ о богахъ и человѣкообожанію. Еще свѣжо было въ памяти воспоминаніе о томъ, какъ всѣ народы римской имперіи въ своей безпримѣрной приниженности воздвигали алтари чудовищу Калигулѣ, признавали его богомъ и молились ему. Чистыя души въ отчаяніи искали Бога, къ которому они могли бы подняться, и не находили его. И вотъ явился Павелъ и далъ имъ такого Бога, украшеннаго чудесными легендами, который, благодаря этой миѳологической окраскѣ, еще болѣе нравился имъ: „Сынъ Божій“ былъ понятнѣе для язычниковъ, чѣмъ „Мессія-освободитель“. Сильно распространившаяся нравственная болѣзнь, которая не должна была скрываться въ Греціи и другихъ странахъ римскаго государства, такъ какъ она сидѣла на самомъ римскомъ тронѣ, а именно: распутство женщинъ, сладострастіе мужчинъ, противоестественный порокъ—все это помогло Павлу рекомендовать еврейское ученіе. То, что доказывали писанія александрійскихъ евреевъ: Сивиллины стихи, „Премудрость Соломона“, Филонъ, а именно, что причина одичанія язычниковъ лежитъ въ многобожіи, Павелъ изображалъ въ зажигательныхъ рѣчахъ своимъ языческимъ слушателямъ: „Славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному человѣку, и птицамъ, и четвероногимъ, и пресмыкающимся; и предалъ ихъ Богъ въ похотяхъ сердецъ ихъ нечистотѣ, такъ что они осквернили сами свои тѣла“ [3]).

[1]) Флавій. Іуд. войны VII. 3, 3. *) בר-נבא *Ред.*
[2]) Дѣянія Апост. **17**, 22—33.
[3]) Къ Рим. **1**, 23 и слѣд.

Такія рѣчи, произнесенныя съ жаромъ человѣкомъ, вкладывающимъ въ нихъ всю свою душу, не могли не произвести впечатлѣнія на лучшую часть язычниковъ. Къ тому же присоединился таинственный страхъ того времени, что близокъ конецъ свѣта и этотъ страхъ Павелъ своей твердой вѣрой въ предстоящее воскресеніе и появленіе Іисуса превратилъ въ надежду, что мертвые воскреснутъ, когда раздастся трубный гласъ, а живые вознесутся на облакѣ къ небесамъ [1]). Такъ овладѣлъ Павелъ воображеніемъ многихъ язычниковъ во время своего апостольскаго странствованія отъ Іерусалима до Иллиріи [2]). Сначала онъ привлекъ на свою сторону этой радостной вѣстью людей низшаго класса: необразованныхъ, рабовъ и особенно женщинъ [3]). Христіанство, которое проповѣдывалъ Павелъ и которое онъ основывалъ исключительно на воскресеніи Іисуса, казалось образованнымъ грекамъ достойной насмѣшки глупостью [4]). Евреямъ оно было досадно [5]). При обращеніи язычниковъ Павелъ бралъ исходнымъ пунктомъ еврейскій народъ, еврейскую литературу и еврейское ученіе; безъ этого его проповѣди о Мессіи и вѣрѣ въ спасеніе были совершенно безсодержательны. Даже греки, къ которымъ онъ обращался, должны были кое-что знать объ Израилѣ и Іерусалимѣ, иначе его проповѣди встрѣчали бы мало сочувствія. Поэтому онъ могъ проповѣдывать только въ такихъ городахъ, гдѣ были еврейскія общины, отъ которыхъ сосѣди-язычники заимствовали хоть малѣйшее понятіе о возникновеніи и ученіи іудаизма.

Но Павелъ дѣйствовалъ такъ, чтобы порвать всякую связь между іудаизмомъ и христіанствомъ. Такъ какъ законъ мѣшалъ ему принимать новообращенныхъ язычниковъ, то онъ сильно уменьшилъ значеніе этого закона. Онъ заявилъ, что считаетъ его стѣснительнымъ и вреднымъ, т. к. онъ мѣшаетъ достиженію высшей святости и добродѣтели. Павелъ считалъ препятствіемъ при достиженіи благодати не только законы относительно обрядовъ іудаизма, но и законы касающіеся нравовъ. Безъ закона люди не понимали бы пожеланій; только запрещеніе: „Не пожелай“ пробудило въ нихъ всякое пожеланіе; только съ закономъ явилось сознаніе грѣха [6]). Человѣкъ созданъ изъ плоти и склоненъ къ грѣху, плоть слаба и дѣйствуетъ наперекоръ закону [7]). Павелъ основалъ новое ученіе. Человѣкъ сталъ слабъ и грѣшенъ, потому что первый человѣкъ согрѣшилъ; преступленіе Адама положило начало

[1]) Къ Рим. **13**, 11; Пер. пос. къ Корино. **7**, 29; **15**, 35 и слѣд. Перв. пос. къ Оесс. **4**, 16-17.
[2]) Къ Рим. **15**, 19.
[3]) Перв. пос. къ Корино. **1**, 25; **7**, 22
[4]) Т. же **1**, 22-23.
[5]) Т. же.
[6]) Пос. къ Рим. **3**, 20 и слѣд.; **7**, 7 и слѣд.
[7]) Т. же **7**, 14 и слѣд.

неистребимому грѣху всего человѣчества и принесло людямъ смерть. Законъ не въ силахъ побѣдить врожденный людямъ грѣхъ. Чтобы уничтожить грѣхъ и смерть, Богъ употребилъ слѣдующій пріемъ [1]). Онъ предалъ смерти своего сына, Мессію, потомъ воскресилъ его, и онъ сталъ вторымъ Адамомъ, который уничтожилъ наслѣдственный грѣхъ, побѣдилъ смерть и принесъ вѣчную жизнь. Кто вѣритъ въ Христа, того ждетъ эта вѣчная жизнь, и онъ защищенъ отъ грѣха, искушенія и вожделѣнія; Іисусъ или Христосъ есть цѣль закона, кто вѣритъ въ него, тотъ уже праведный. Христосъ принесъ, вмѣсто освобожденія отъ ига народовъ, освобожденіе отъ грѣха [2]).

Павелъ смотрѣлъ на христіанство, какъ на прямую противоположность іудаизму. Іудаизмъ основанъ на законѣ и принужденіи, христіанство, наоборотъ, на свободѣ и милосердіи. По ученію іудаизма, человѣкъ получаетъ оправданіе (Sechut), слѣдуя буквѣ закона, по ученію же христіанства, вѣря въ воскресеніе Мессіи [3]). Іисусъ или христіанство принесли обѣщанное пророками искупленіе. Древнее прошло, теперь все новое [4]); старый завѣтъ долженъ уступить мѣсто новому. Авраамъ былъ признанъ праведникомъ не потому, что слѣдовалъ предписаніямъ закона, а благодаря своей вѣрѣ [5]); такъ, мудрствуя, объяснялъ Павелъ слова Писанія. Въ своемъ толкованіи онъ шелъ еще дальше. Онъ выводилъ изъ Писанія, будто бы, кто подчиненъ закону и не вполнѣ слѣдуетъ его предписаніямъ, тотъ проклятъ. Евреи, подчиняющіеся закону Синая, слѣдовательно, прокляты. Заслуга Іисуса состоитъ въ томъ, что онъ освободилъ всѣхъ отъ проклятія, уничтоживъ этотъ законъ [6]).

Интересно то, что Павелъ употребилъ при этомъ агадскій (гомилетическій) методъ толкованія, что доказываетъ, насколько этотъ методъ былъ распространенъ. Какъ только онъ хотѣлъ отнести къ Іисусу обѣщанія, данныя Богомъ Аврааму, онъ примѣнялъ агадскій методъ толкованія: не сказано „и потомкамъ твоимъ“, какъ бы о многихъ, но какъ объ одномъ „и сѣмени твоему“, которое есть Христосъ [7]). Когда Павелъ хотѣлъ доказать устарѣлость іудаизма вслѣдствіе появившагося христіанства, онъ снова примѣнялъ агадскій методъ толкованія. Онъ говорилъ: Авраамъ имѣлъ двухъ сыновъ, одного (Измаила) отъ рабы (Агари), рожденнаго по плоти,

[1]) Посл. къ Рим. **5**, 12 и слѣд.; перв. пос. къ Корино. **15**, 20 и слѣд.
[2]) Къ Рим. **10**, 4 и слѣд.; **3**, 23-24.
[3]) Къ Рим. **3**, 25; **6**, 18; **9**, 30 и слѣд.; **10**, 3; **11**, 6 и слѣд.; къ Гал. **5**, 1
[4]) Вт. пос. къ Корине. **5**, 17.
[5]) Къ Рим. **4**, 1 и слѣд.; къ Гал. **3**, 6 и слѣд.
[6]) Къ Галат. **3**, 10 и слѣд.
[7]) Т. же **4**, 22. 31; ср. **3**, 13.

а другого (Исаака) отъ свободной (Сары), рожденнаго по обѣтованію; оба являются образцами двухъ завѣтовъ: ветхаго отъ горы Синайской, Агари, ибо гора Синай въ Аравіи (Набатеѣ) называется Агарь (Chagra); это означаетъ современный Іерусалимъ съ его рабской подчиненностью закону; наоборотъ, новый завѣтъ и вышній Іерусалимъ свободны, и Писаніе присовокупляетъ: „Изгони рабу и ея сына, ибо сынъ рабы не будетъ наслѣдникомъ вмѣстѣ съ сыномъ свободной“; о свободной же сказано у Исаіи: „Возвеселись, неплодная, потому что у оставленной гораздо болѣе дѣтей, нежели у имѣющей мужа“ [1]).

Развѣ евреи могли терпѣливо переносить и слушать эти непріятности, это открытое презрѣніе къ ихъ закону, за который ихъ предки вытерпѣли самыя разнообразныя казни и только недавно при Калигулѣ готовы были положить за него жизнь? неудивительно, что вездѣ они были возбуждены противъ этого человѣка, презирающаго законъ, и, гдѣ могли, преслѣдовали его. Однако, когда Павелъ попалъ въ ихъ руки, они не угрожали ему смертью, а наказали ударами бича; какъ онъ самъ разсказываетъ, отъ іудеевъ пять разъ дано ему было по сорока ударовъ безъ одного [2]). Между тѣмъ, противъ его софистическаго ученія о безполезности святого закона выступилъ съ каѳедры ловкій проповѣдникъ. Въ эллинской общинѣ одного большого города (должно быть Антіохіи), гдѣ среди евреевъ царило греческое образованіе и греческій вкусъ, одинъ проповѣдникъ убѣждалъ своихъ слушателей въ противоположномъ, а именно, что разумная воля, воспитанная и утверждавшаяся ученіемъ іудаизма, въ силахъ *побѣдить влеченія и страсти*. Вооруженный искусствомъ греческаго краснорѣчія и пылающій огнемъ глубокой вѣры въ силу „закона“, этотъ проповѣдникъ растолковывалъ свои взгляды то сухими доказательствами трезваго разсудка, то восторженными рѣчами и всегда возвращался къ своему исходному пункту, всесильному значенію разумной воли. Онъ для этого, какъ видно, воспользовался праздникомъ Освященія храма (Хануки), и примѣромъ геройской смерти старца Элеазара и матери съ ея семью сыновьями во времена Маккавеевъ доказывалъ, что разумная воля, внимая божественному закону, въ состояніи преодолѣвать муки смерти, а тѣмъ болѣе чувственныя побужденія. Господь далъ созданному Имъ человѣку способность рѣчи и свободу воли, а также душевныя настроенія и влеченія, но выше всего Онъ поставилъ разумъ, который управляетъ чувственными побужденіями. Онъ также далъ законъ человѣку, который, если слѣдуетъ этому закону, пріобрѣтаетъ обдуманную, справедливую, хорошую и сильную власть [3]). Въ противополож-

[1]) Втор. пос. къ Коринѳ. **11**, 24.
[2]) Т. же **3**, 16.
[3]) IV кн. Маккав. 3.

ность ученію Павла о томъ, что запрещеніе предаваться своимъ страстямъ разжигаетъ эти страсти, проповѣдь утверждаетъ [1]): „Нашъ законъ гласитъ: не желай жены ближняго твоего, ничего, что у ближняго твоего; значитъ, существуетъ увѣренность, что разумная воля въ состояніи сдержать страсти, какъ и вообще всѣ дурныя влеченія“.—„Какъ мы вѣримъ, что Господь далъ намъ законъ, такъ мы знаемъ, что законодатель приноровилъ его къ нашей природѣ“ [2]). Изъ разсказа о мученической смерти семи сыновей и ихъ матери за законъ проповѣдь дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Если женщина и особенно пожилая, мать семерыхъ дѣтей, могла остаться непоколебимой при пыткѣ своихъ любимцевъ, то нужно признать, что разумная, религіозная воля можетъ господствовать надъ страстями“ [3]). Въ концѣ проповѣдникъ восклицаетъ къ своей общинѣ, въ которой многіе стали склоняться къ измѣнѣ закону подъ вліяніемъ заманчиваго ученія Павла: „О вы, потомки Авраама, слѣдуйте закону и всячески почитайте его, сознавая, что разумная воля властвуетъ надъ страстями“ [4]). Эта проповѣдь подъ названіемъ „Четвертая книга Маккавеевъ“ служила опроверженіемъ слишкомъ заманчивому ученію: Духъ бодръ, плоть же немощна [5]).

Не только евреи, но и назареяне были возбуждены противъ Павла за то, что онъ отвергалъ законъ, и вслѣдствіе этого произошелъ расколъ (схизма) въ средѣ молодого христіанства. Петръ или Кифа, который проповѣдывалъ только евреямъ, поучалъ другому христіанству, чѣмъ Павелъ, другіе же апостолы, которые занялись обращеніемъ язычниковъ: *Аполлосъ* изъ Александріи и нѣкій *Хрестосъ* проповѣдывали опять иначе [6]). Павелъ не придавалъ большого значенія крещенію, потому что это вѣдь тоже законъ [7]). Аполлосъ же придавалъ ему большое значеніе и ставилъ въ зависимость отъ него небесное блаженство [8]). Евреи, принявшіе христіанство, со страхомъ смотрѣли на то, какіе плоды приносила проповѣдуемая Павломъ евангельская свобода. Въ основанныхъ имъ общинахъ, Ефесѣ и Коринѳѣ, многіе, вмѣстѣ съ закономъ, отбросили всякій стыдъ, распутничали, пьянствовали; одинъ изъ нихъ жилъ съ женой своего отца [9]). Апостолы-евреи ѣздили слѣдомъ за Павломъ и разъясняли, что его ученіе—заблужденіе и поддѣлка истиннаго ученія, что еврейскіе законы обязательны и для христіанъ, такъ какъ животныя страсти побѣждаются только законами. Особенно вопросъ объ обязательности обрѣзанія

[1]) IV кн. Маккав. 3.
[2]) Т. же 5.
[3]) Т. же 16.
[4]) Т. же 17, конецъ.
[5]) Мато. **26**, 41.
[6]) Перв. пос. къ Коринѳ. **1**. 12; **3**, 4, 22; **4**, 6.
[7]) Т. же **1**, 14—17.
[8]) Дѣянія апостоловъ **18**, 24 и слѣд.
[9]) Перв. пос. къ Коринѳ. **5**, 1, 9, 11; **6**, 9; **7**, 2; 10, 8; къ Еф. **5**, 3 и слѣд.

служилъ поводомъ къ рѣзкимъ столкновеніямъ между этими апостолами и Павломъ. Павелъ самъ когда то, обращая язычниковъ, вводилъ ихъ въ союзъ Авраама. Когда же онъ, благодаря возникновенію многихъ языческо-христіанскихъ общинъ, почувствовалъ себя болѣе независимымъ отъ первой общины, іерусалимской, онъ уничтожилъ обрѣзаніе и привелъ однажды одного ученика, Тита, не подвергшагося обрѣзанію, въ Іерусалимъ, куда онъ вторично пріѣхалъ изъ-за явившагося ему откровенія, вѣроятно, для того, чтобы провести окончательное уничтоженіе закона. Такъ какъ онъ привезъ бѣдствовавшей іерусалимской общинѣ собранныя имъ деньги, то начальники молчали, хотя на его дѣйствія смотрѣли, какъ на преступленіе. Послѣ его отъѣзда въ Антіохію, они пріободрились и послали ему вслѣдъ людей, которые должны были проклясть его ученіе. Въ Антіохіи произошелъ горячій споръ между Павломъ и апостолами изъ евреевъ. Петръ, не признававшій до тѣхъ поръ законовъ, касающихся ѣды, и ѣвшій за однимъ столомъ съ язычниками, принявшими христіанство, получилъ предостереженіе отъ представителей строгой партіи Якова, явившихся для надзора въ Антіохію, и долженъ былъ прекратить это нарушеніе закона и высказаться противъ Павла. Послѣдній упрекнулъ его въ большомъ собраніи въ лицемѣріи. Между тѣмъ, вліяніе строгихъ, преданныхъ закону апостоловъ изъ евреевъ было такъ сильно, что не только многіе христіане изъ евреевъ перестали ѣсть за однимъ столомъ съ христіанами изъ язычниковъ, но даже Варнава, спутникъ и сотрудникъ Павла [1]). Изъ-за этого въ средѣ христіанъ произошелъ сильный расколъ. Христіане изъ евреевъ и христіане изъ язычниковъ стали враждебными другъ другу партіями. Расовая ненависть еще способствовала усиленію этого раскола. Греческіе христіане презирали еврейскихъ христіанъ и смотрѣли на нихъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ [2]), какъ эллины на евреевъ. Павелъ, никѣмъ не поддерживаемый, по упрямству и страстности своего характера, еще болѣе озлобился противъ христіанъ изъ евреевъ, съ презрѣніемъ говорилъ о такъ называемыхъ столпахъ іерусалимской общины, называлъ апостоловъ, признающихъ законъ, невѣрными братьями, поддѣлывающими Евангеліе изъ зависти и борьбы, и обвинялъ ихъ въ томъ, что они ищутъ своей пользы, а не того, что угодно Іисусу [3]). Онъ писалъ гнѣвныя письма противъ приверженцевъ закона и проклялъ всѣхъ, проповѣдывавшихъ не такъ, какъ онъ [4]). Вѣрные закону христіане, въ свою очередь, не щадили его, называли измѣнникомъ, лжеучителемъ и разсказывали о немъ, что первоначально онъ былъ язычникомъ, изъ любви къ дочери первосвященника перешелъ въ іудейство и,

[1]) Пос. къ Галат. 2, 1—4, 11—14.
[2]) Къ Рим, 11, 16 и слѣд.
[3]) Къ Гал. 2. 4, 6; къ Филип. 1, 17; 2, 20.
[4]) Къ Гал. 1, 8-9.

такъ какъ его отвергли, изъ гнѣва сталъ проповѣдывать противъ обрѣзанія, субботы и закона [1]). Они сослались на самого основателя христіанства, чтобы доказать обязательность закона, и примѣнили къ отвергающему законъ апостолу слова Іисуса: „Кто нарушитъ одну изъ заповѣдей сихъ малѣйшихъ, и научитъ такъ людей, тотъ малѣйшимъ наречется въ царствѣ небесномъ [2]). Другое изреченіе изъ сравненій и притчъ, приписываемыхъ Іисусу христіанами изъ евреевъ, гласитъ: „Царство небесное подобно человѣку, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ. Но пришелъ его врагъ и посѣялъ между пшеницею плевелы. Когда взошла зелень и показался плодъ, тогда явились и плевелы. Рабы спрашиваютъ: откуда на полѣ плевелы? Хозяинъ же имъ сказалъ: Это сдѣлалъ врагъ". Врагъ здѣсь означаетъ Павла, который ввелъ въ христіанство недостойныхъ. Христіане изъ язычниковъ не оставались въ долгу передъ назареянами и вложили въ уста Іисусу изреченіе, осуждающее связь христіанства съ іудействомъ: „Никто къ ветхой одеждѣ не приставляетъ заплаты изъ небѣленной ткани. Не вливаютъ также вина молодого въ мѣхи ветхіе". Такъ христіанство раскололось, менѣе чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти его основателя, на двѣ секты: еврейско-христіанскую и языческо-христіанскую. Еврейскіе христіане остались на почвѣ іудаизма, заставляли перешедшихъ въ христіанство язычниковъ подчиняться закону и почитали Іерусалимъ, откуда ждали появленія Мессіи. Языческіе же христіане, наоборотъ, все болѣе удалялись отъ іудаизма и враждебно относились къ нему.

ГЛАВА XIV.

Агриппа II и начало войны.

Возбужденное настроеніе. Распространеніе упадка нравовъ. Агриппа II. Его характеръ. Послѣдніе первосвященники. Зелоты и сикаріи. Элеазаръ бенъ-Динай. Споръ съ самаритянами. Столкновенія въ Цезареѣ. Намѣстники. Безмѣрная дерзость Флора. Возстаніе въ Цезареѣ. Кровавая баня въ Іерусалимѣ. Мирная и революціонная партіи. Предводитель зелотовъ Элеазаръ бенъ-Хананія. Вождь сикаріевъ Менахемъ. Возстаніе и побѣда. Рѣзня между евреями и язычниками. Второе пораженіе римлянъ. Настроеніе въ Іерусалимѣ и Іудеѣ. Синедріонъ и его предсѣдатель Симонъ бенъ-Гамалінлъ. Избраніе намѣстниковъ и полководцевъ. Поведеніе Синедріона.

(49—66).

Несмотря на громадный успѣхъ іудаизма, проявившійся въ массовомъ обращеніи язычниковъ какъ въ него, такъ и въ христіанство, не

[1]) Irenaeus contra Haereses 1, 26; Евсевій. Исторія церкви 3, 29; Эпифаній Haereses 30, 10.
[2]) Мато. 5, 19.

смотря на то, что, повидимому, разгоралась заря того прекраснаго дня, о которомъ говорили пророки, когда всѣ народы обратятъ свои взоры на Сіонъ, и оттуда свѣтъ распространится на все человѣчество, еврейскій народъ чувствовалъ въ родной странѣ и особенно въ Іерусалимѣ тяжелыя оковы римскаго владычества, которое со смертью Агриппы I сгановилось все болѣе невыносимымъ. Плачевное и тяжелое состояніе въ настоящемъ заглушало радостное чувство по поводу тѣхъ знаменательныхъ событій, которыя могли проложить іудаизму путь къ всемірному владычеству въ будущемъ. Мрачная, траурная дымка окружала послѣдніе двадцать лѣтъ исторіи еврейскаго государства; за все это время не было ни одного мгновенія радостнаго настроенія. Царитъ такая грусть, что даже наблюдатель не въ силахъ остаться равнодушнымъ, и его невольно охватываетъ такое же настроеніе. Въ послѣднія десятилѣтія еврейскій народъ напоминалъ собой связаннаго плѣнника, котораго тюремщики безпрестанно мучатъ, раздражаютъ и заставляютъ отчаянно потрясать своими оковами, пока онѣ не разрываются. Кровавая борьба между Римомъ и Іудеей, изъ которыхъ первый привыкъ къ побѣдамъ, благодаря неисчерпаемымъ военнымъ средствамъ и уловкамъ, а другая была слаба внѣшними средствами, и сильна только своей волей, вызываетъ тѣмъ большій интересъ, что слабая дочь Сіона побѣдила бы, несмотря на несоразмѣрность средствъ обѣихъ партій, если бы ее не раздирали внутренніе раздоры, если бы она не была окружена измѣной и если бы выждала болѣе благопріятнаго момента, то есть не была бы обречена Промысломъ на погибель.

Эта гигантская борьба, подобныхъ которой есть не много во всемірной исторіи, велась не только за свободу, какъ вели противъ Рима также галлы, германцы и британцы, а носила религіозный характеръ; религіозное чувство еврейскаго народа ежедневно оскорблялось произволомъ Рима, и онъ стремился отвоевать себѣ независимость съ цѣлью безпрепятственнаго исповѣданія своей религіи. Поэтому стремленіе къ освобожденію не ослабѣвало, несмотря на частыя неудачи при борьбѣ; наоборотъ, оно усиливалось съ каждымъ днемъ и дошло до того, что въ самыхъ пустячныхъ случаяхъ усматривалось оскорбленіе святѣйшихъ убѣжденій. Римъ, собственно, рѣдко угрожалъ іудаизму, какъ при Калигулѣ; наоборотъ, онъ скорѣе щадилъ религіозную щепетильность евреевъ, но невольно оскорблялъ ихъ своимъ суровымъ господствомъ и бдительнымъ надзоромъ. Кромѣ того, Римъ совратилъ лучшую часть націи и сдѣлалъ ее глухой къ долгу и убѣжденіямъ. Наиболѣе проницательные не даромъ боялись, что это омертвѣніе благороднѣйшихъ членовъ скоро охватитъ все тѣло.

Дѣйствительно, въ аристократическихъ семьяхъ царила такая глубокая безнравственность, что ея пагубное вліяніе не могло не отразиться и

на среднихъ классахъ. Дурной примѣръ исходилъ отъ послѣднихъ членовъ дома Ирода, которые росли въ Римѣ или при небольшихъ дворахъ вассальныхъ князей и переняли испорченность римлянъ. *Агриппа II* (род. въ 27 г., умеръ 91—93 г.), сынъ послѣдняго благороднаго еврейскаго царя Агриппы I, 17-тилѣтній юноша, дышалъ послѣ смерти отца зараженнымъ воздухомъ римскаго двора, гдѣ Мессалины и Агриппины не стѣснялись самаго отвратительнаго разврата. Послѣ смерти Ирода II, обладателя титуломъ царя, имѣвшаго право смѣщать и назначать первосвященниковъ (стр. 269), Клавдій передалъ Агриппѣ II это право и вскорѣ послѣ этого наградилъ его крошечнымъ халкидскимъ княжествомъ (49-50), правителемъ котораго былъ Иродъ II [1]). Тайкомъ поговаривали, что этотъ отпрыскъ хасмонейскаго и иродіанскаго дома жилъ въ связи со своей сестрой, бывшей только на годъ моложе его, извѣстной красавицей *Вероникой,* которая осталась вдовой послѣ смерти своего супруга Ирода II [2]). Слухъ этотъ, очевидно, имѣлъ основаніе, такъ какъ Агриппа сдѣлалъ все возможное, чтобы онъ прекратился. Онъ выдалъ свою сестру замужъ за киликійскаго царя *Полемона* который соблазнился ея богатствами еще болѣе, чѣмъ красотой, и перешелъ изъ-за нея въ еврейство; но вскорѣ она разошлась съ Полемономъ по своему непостоянству и снова предалась легкомысленной жизни. Вторая сестра Агриппы, *Маріамна II* (род. въ 34 г.), была обѣщана ея отцомъ одному еврею *Юлію Архелаю,* сыну его друга Хелькія (стр. 262), и, дѣйствительно, вышла за него замужъ; но скоро развелась, хотя у нея и родилась отъ него дочь, и вышла замужъ за еврейскаго арабарха *Дмитрія* изъ Александріи, по всей вѣроятности, сына арабарха Александра и брата вѣроотступника Тиверія Александра. Еще распущеннѣе была младшая сестра, красивая *Друзилла* (род. въ 38 г.). Отецъ обѣщалъ выдать ее замужъ за Эпифана, сына своего друга Антіоха Комагена, подъ условіемъ, что тотъ станетъ евреемъ. Но такъ какъ Эпифанъ, послѣ смерти Агриппы, не захотѣлъ цѣной пріобрѣтенія красивой жены перейти въ еврейство, то младшій Агриппа выдалъ свою сестру замужъ за царя Эмезы, Ацица, который согласился перейти въ еврейство. Несмотря на это, Друзилла была настолько легкомысленна по отношенію къ своему супругу, что покинула его, вышла замужъ за язычника-римлянина, намѣстника *Феликса,* ему въ угоду измѣнила еврейству и стала язычницей. Лжепророкъ по имени *Симонъ* изъ Кипра игралъ при этомъ роль сводника. Зависть Вероники къ красотѣ младшей сестры, говорятъ, послужила причиной расторженія брака и перемѣны религіи Друзиллы [3]). Хотя въ началѣ Агриппа II былъ только княземъ Халкидскимъ,

[1]) Флавій, Древн. XX. 5, 2.
[2]) Т. же XX. 7, 3.
[3]) Т. же. XIX, 9, 1.

онъ все же считался и еврейскимъ царемъ. Римъ оставилъ ему титулъ, но отнялъ у него власть и пользовался имъ, какъ орудіемъ для надзора за народомъ. Агриппа былъ очень преданъ императорскому дому и назвалъ себя „другомъ императора“. Слабый въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было ограничить дерзость римлянъ, онъ былъ силенъ, когда дѣло касалось усмиренія освободительныхъ движеній въ средѣ его народа. Такими были всѣ члены этого дома до самыхъ дальнихъ родственниковъ, изъ которыхъ два брата, *Костобаръ* и *Саулъ*, и *Антипатръ* были хищны, безнравственны, ненавидѣли народъ[1]). Единственная власть, которую императоръ Клавдій или скорѣе его совѣтники оставили номинальному царю, было завѣдываніе храмомъ и назначеніе первосвященниковъ [2]). Болѣе преданнаго чиновника Римъ избрать не могъ. При назначеніи первосвященника, Агриппа руководствовался не его религіозными и нравственными достоинствами, а только его отношеніемъ къ Риму. Отдавалось предпочтеніе тому, кто шелъ дальше всѣхъ въ низкопоклонничествѣ и отрицаніи національнаго чувства, или же тому, который предлагалъ большую сумму. За двадцать лѣтъ Агриппа смѣстилъ, по крайней мѣрѣ, семь первосвященниковъ, изъ которыхъ Хананія (сынъ Элеазара?), унаслѣдовавшій или нажившій огромное состояніе, подкупалъ взяточниковъ и, благодаря этому, позволялъ себѣ беззаконія и насилія [3]).

Съ тѣхъ поръ, какъ санъ первосвященника былъ такъ униженъ Иродомъ, что его можно было получить подкупами и низкимъ образомъ мыслей, слѣдующія семьи присвоили себѣ нѣкоторое право на него: *Боэтусъ, Кантерасъ, Фіаби* [4]), *Камитъ* и *Ананъ;* рѣдко падалъ выборъ на кого-нибудь, не принадлежащаго къ одному изъ этихъ семействъ. Между этими семьями замѣчалось соревнованіе въ низости и дурномъ образѣ мыслей; часто доходило до столкновеній, и на улицахъ Іерусалима члены враждебныхъ домовъ забрасывали другъ друга камнями [5]). Каждый назначенный первосвященникъ старался за время занятія имъ этой должности извлечь какъ можно больше доходовъ, доставлялъ своимъ родственникамъ и друзьямъ доходныя мѣста въ храмѣ, причемъ обращалось мало вниманія на достоинства человѣка. Съ какой дерзостью поступали первосвященники, стоявшіе у кормила правленія, видно изъ того, что они посылали вооруженныхъ рабовъ въ гумна, чтобы силой взять десятую часть доходовъ, которую собственно каждый могъ распредѣлять по желанію. Слѣдствіемъ этого было то, что тѣ священники, которые не имѣли счастья принадлежать къ роду первосвященника, были лишены своего источника

[1]) Флавій. 9. 4; Іуд. войны II. 17, 4; 20, 1. [2]) Т. же Древности XX. 9, 7.
[3]) Т. же 6. 2; 9, 2—4. [4]) Tosephta Menachot XIII и b. Pesachim 57 a.
[5]) Флавій, Древн. XX. 8, 8; 9, 4.

пропитанія и терпѣли тяжелую нужду [1]). Алчность, властолюбіе, низкій образъ мыслей руководили дѣйствіями тѣхъ, которые были призваны для того, чтобы осуществить идеалъ нравственности [2]); храмъ былъ осквернен его служителями прежде, чѣмъ врагъ ворвался туда со смертоноснымъ оружіемъ въ рукахъ. Съ этого времени, говорятъ, въ храмѣ прекратились видимые знаки Божьей милости. Свѣча, горѣвшая всю ночь въ святилищѣ въ священномъ подсвѣчникѣ, стала потухать до разсвѣта. Красная полоса на шеѣ козла отпущенія въ день прощенія, принимавшая въ знакъ отпущенія грѣховъ цвѣтъ невинности, стала сохранять красный цвѣтъ, цвѣтъ грѣха [3]). Съ этого же времени священники при благословеніи въ храмѣ перестали произносить святое имя Божье*); они считали себя и свое время недостойными этого. Первосвященники, священной обязанностью которыхъ было вести службу въ храмѣ въ день прощенія и просить Бога объ отпущеніи грѣховъ, произносили это имя такъ тихо, что окружающіе едва его слышали. Ихъ повидимому принудили къ этому строгіе фарисеи, за которыхъ стоялъ народъ. Произнесеніе четырехбуквеннаго имени Божьяго въ обыкновенной жизни, внѣ храма, раньше еще вышло изъ употребленія. Вмѣсто него было введено имя „господинъ“ (Adonai). Святое имя казалось благочестивымъ неподходящимъ для безнравственнаго іродіанскаго времени.

Подобно раковому пораженію, распространялась безнравственность царскаго двора и первосвященническихъ родовъ все дальше и дальше и дала въ другихъ классахъ общества отвратительные ростки, которые одинъ современникъ описываетъ мрачными красками. Судьи были въ зависимости отъ римлянъ и вліятельныхъ людей съ тѣхъ поръ, какъ они должны были судить во имя императора. „Своекорыстіе, взяточничество, малодушіе, доносы все увеличиваются“, горько жалуется современникъ: „они сбрасываютъ съ себя небесное ярмо и надѣваютъ человѣческое, приговоры изрекаются несправедливые, и дѣйствія выходятъ неправильныя. Люди съ низкими помыслами возвышаются, а благородные падаютъ, и общество опускается все ниже. Узкосердечіе, зависть, насиліе одерживаютъ верхъ, чванство увеличивается, и дочери Израиля хотятъ выходить замужъ только за знатныхъ, потому что въ наше время обращаютъ вниманіе только на внѣшность“ [4]). Легкомысліе женщинъ и искусство мужчинъ соблазнять ихъ были до того въ ходу, что самый видный законоучитель этого времени, *Іохананъ бенъ-Заккай*, былъ принужденъ отмѣнить обрядъ, примѣнявшійся въ случаѣ подозрѣнія въ супружеской невѣрности [5]). Люди съ

[1]) Флавія, Древн. 8, 8; 9, 2.
[2]) Флавій, Іуд. войны VII. 8, 1.
[3]) Ioma 39 в.
*) Стр. 294. *Ред.*
[4]) Sota 47 b. Tosefta Sota 14.
[5]) Sota 47 a.

благороднымъ образомъ мыслей съ глубокой грустью говорили о состояніи общества, когда оно внѣшнее благочестіе ставило выше нравственности, и болѣе возмущалось осквернеміемъ храма, чѣмъ убійствомъ [1]). Въ низшихъ классахъ общества замѣчался другой, не менѣе ужасный порокъ. Съ того дня, когда Римъ сталъ обращаться съ Іудеей, какъ съ побѣжденной провинціей, начались частыя безуспѣшныя возстанія подъ предводительствомъ зелотовъ, порождавшія отряды добровольцевъ, которые бродили по странѣ, смѣшивая свободу съ необузданностью, попирая ногами правила и законы. Они жили въ горныхъ расщелинахъ и гротахъ, которыми такъ богаты горы Іудеи, и часто дѣлали оттуда набѣги, чтобы удовлетворить свое стремленіе къ свободѣ и добыть необходимые жизненные припасы. Нѣсколько такихъ отрядовъ, предводителями которыхъ были *Элеазаръ бенъ-Динай* и *Александръ,* дѣйствовали изъ благороднаго, національнаго чувства (они поклялись приносить римлянамъ смерть и разрушеніе), но распространяли свою ненависть и на тѣхъ евреевъ, которые были за одно съ римлянами. Они не признавали ихъ евреями и не считали несправедливостью лишить ихъ имущества и жизни. Приверженцы римлянъ, по взглядамъ зелотовъ, были внѣ закона, и зелоты даже слишкомъ добросовѣстно держали свою клятву. Они нападали на знатныхъ, когда тѣ попадались имъ на дорогѣ, разрушали ихъ жилища и всячески приносили имъ вредъ [2]). Если нужно было отомстить за несправедливость, совершенную врагами, они первые предлагали свой мечъ, чтобы отомстить за оскорбленіе національнаго чувства. Элеазаръ бенъ-Динай и его товарищи не были ни разбойниками, ни убійцами, какъ ихъ изображали римляне и приспѣшники римлянъ. Они были всецѣло поглощены мыслью Іуды Галилеянина и хотѣли вернуть своему народу свободу или отомстить за нее; но, вслѣдствіе того, что они дѣйствовали не во время и примѣняли дурныя средства, они вмѣсто освобожденія принесли еще большія несчастія своему народу.

Другой отрядъ зелотовъ до того одичалъ, что забылъ благородную цѣль освободить родину и изъ нападеній на враговъ сдѣлалъ ремесло. Этихъ зелотовъ называли *сикаріями,* отъ короткаго кинжала (Sica), которымъ они были вооружены и который носили спрятаннымъ подъ одеждой, чтобы открыто и тайно убивать враговъ. Сикаріи были подонки партіи зелотовъ; предводителями ихъ стали впослѣдствіи внуки Іуды Галилейскаго, *Менахемъ* и *Элеазаръ бенъ-Яиръ*. Въ началѣ эпохи эти отряды не подчинялись никакой дисциплинѣ, а безцѣльно блуждали, предлагая свой мечъ тому, кто платилъ имъ за это или давалъ случай утолить ихъ

[1]) Ioma 23 a.

[2]) Флавій, Древн. XX. 6, 1; Іуд. войны II, 12, 4; 13, 6; VII. 8, 1.

жажду мести. Со своими кинжалами они смѣшивались съ толпой, обыкновенно въ колоннадахъ храмовой горы, въ праздничное время, когда толпы народа шли взадъ и впередъ, и незамѣтно убивали того, кого намѣчали своей жертвой. Эти убійства они совершали съ такой быстротой и ловкостью, что виновники этого дѣла долгое время были неизвѣстны; именно эта неизвѣстность внушала особенный страхъ [1]). Каждый думалъ, что онъ окруженъ врагами, и не радъ былъ жизни; другъ не вѣрилъ другу, господинъ—самому вѣрному слугѣ. Убійства были такъ часты, что законоучители съ Іохананомъ бенъ-Заккай во главѣ отмѣнили искупительную жертву за невинноиролитую кровь [2]): было бы слишкомъ много жертвъ. Въ это время Синедріонъ, видя все усиливающійся развратъ и болѣя за то душой, пріостановилъ свои функціи и, желая отложить засѣданія на другое время, перенесъ ихъ изъ Плитняковой залы храма въ Купеческія (Chanujot) въ Виѳаніи.

Среди все растущаго смятенія лучшіе люди въ народѣ, державшіеся вдали отъ смуты, съ большой любовью ополчились на защиту духовнаго достоянія іудаизма. Спасти вѣроученіе стало для нихъ величайшей жизненной задачей. Ихъ представителемъ можно считать Р. *Іоханана бенъ-Заккай*. Онъ былъ, наряду съ предсѣдателемъ Синедріона, *Симономъ бенъ-Гамаліилъ*, изъ рода Гилела и самымъ знаменитымъ законоучителемъ своего времени. Самъ Гилелъ (младшимъ ученикомъ котораго онъ не былъ во всякомъ случаѣ) называлъ его „отцомъ премудрости и носителемъ будущности". Вслѣдствіе своего глубокаго знанія законовъ и уваженія, которымъ онъ пользовался, Іохананъ бенъ-Заккай сталъ замѣстителемъ президента Синедріона. Въ этой должности онъ добился отмѣны тѣхъ законовъ, которые оказались непримѣнимыми въ это бурное время. Но главнымъ его занятіемъ была учительская дѣятельность. Онъ возсѣдалъ въ прохладной тѣни храмовыхъ стѣнъ, окруженный своими учениками, передавалъ имъ доставшіеся въ наслѣдство отъ предковъ законы и толкованія священнаго Писанія [3]).

Къ бѣдствіямъ анархіи прибавилось еще одно, которое, хотя и невинно, увеличило кровопролитіе и скорбь. Чѣмъ безнадежнѣе становилось положеніе дѣлъ, тѣмъ болѣе росло въ сердцѣ вѣрующихъ желаніе увидѣть ожидаемаго избавителя и носителя мира. Мессіанскія надежды еще болѣе, чѣмъ во времена первыхъ управителей, волновали души и выдвигали мечтателей, которые выдавали себя за пророковъ и Мессій и которымъ народъ вѣрилъ [4]). Всѣ эти мечтатели выставляли конечной цѣлью своихъ начинаній освобожденіе отъ римскаго ига; слѣдовательно, ихъ

[1]) Флавій. Іуд. войны II. 13, 3.

[2]) Sota 47a.

[3]) Pesachim 26 a. Ierus. Nedarim 6, 39 в.

[4]) Флавій. Древности XX. 8, 6.

также нужно причислить къ зелотамъ, отъ которыхъ они отличались только по своимъ средствамъ борьбы. То, чего приверженцы Іуды*) думали добиться силою оружія, преемники Θевды**) разсчитывали совершить при помощи знаменій и чудесъ [1]). Они не были обманщиками, но сами твердо вѣрили въ свое назначеніе совершить дѣло освобожденія; лишь вслѣдствіе несчастнаго исхода предпріятія, они были заклеймены именемъ лже-Мессій и получили прозвище волхвовъ. Какъ такой Мессія выступалъ и *Симонъ кипрянинъ*[2] ***).

Одинъ египетскій еврей, выдававшій себя за пророка, также нашелъ увѣровавшихъ въ него до 3000, по другимъ источникамъ, до 4000 человѣкъ, созвалъ ихъ на Масличную гору и предсказалъ имъ чудо, какъ своимъ дыханіемъ разрушитъ стѣны Іерусалима и одолѣетъ римскихъ солдатъ [3]). Если упоминается о немъ лишь одномъ, то, все таки, онъ не былъ единственнымъ человѣкомъ, который, подъ вліяніемъ энтузіазма, предсказывалъ наступленіе лучшихъ временъ. И почему бы онъ не могъ находить довѣрія? Народъ съ такимъ богатымъ прошлымъ и столь блестящей перспективой лучшаго будущаго слишкомъ охотно поддается прекрасной мечтѣ, чтобы забывать жалкое настоящее или даже мириться съ нимъ.

Печальное значеніе свое эти невинныя происшествія пріобрѣли лишь вслѣдствіе усердія, съ которымъ къ нимъ относились управители. Народъ ревниво относился къ своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, усматривалъ, по своей болѣзненной впечатлительности, въ ничтожнѣйшемъ оскорбленіи ихъ какимъ нибудь римлянниномъ умаленіе іудаизма и считалъ отвѣтственнымъ за это намѣстника, императора и римскій сенатъ; императорскіе уполномоченные въ Іудеѣ, въ свою очередь, были не менѣе чувствительны, смотрѣли на самое незначительное народное движеніе какъ на оскорбленіе величія императора, и съ равной жестокостью преслѣдовали виновныхъ и невинныхъ. Тщетно императоръ Клавдій, а послѣ него Неронъ выказывали самое благожелательное отношеніе къ народу; управители постоянно переступали границы своихъ полномочій и изъ жадности и властолюбія вели себя какъ тираны. Іудея имѣла несчастіе получать въ управители почти исключительно испорченныхъ людей, обязанныхъ своимъ назначеніемъ господствовавшимъ при дворѣ пустымъ фаворитамъ и женщинамъ. Они соперничали другъ съ другомъ въ испорченности, сребролюбіи и кровожадности, увеличивали этимъ недовольство народа и доводили его до крайней степени раздраженія.

[1]) Флавій Іуд. в. II. 13, 4. *) Галилеянина.
[2]) Древности XX. 7, 2. ***) Стр. 321 *Ред.* **) Стр. 269.
[3]) Т. же XX. 8, 6; Іуд. войны II. 13, 5; Дѣянія апостоловъ 21, 38.

Куманъ (48—52), преемникъ Тиверія Александра, открылъ собою рядъ изъ пяти намѣстниковъ, высасывавшихъ деньги и кровь. Тиверій занималъ свой постъ около двухъ лѣтъ (47—48). Возможно, что еврейскіе вельможи обратили вниманіе императора на раздраженіе, которое вызывалъ въ народѣ управитель-вѣроотступникъ. Какъ бы то ни было, Тиверій былъ отозванъ, хотя и былъ въ большой милости у императорской семьи. Онъ занималъ все болѣе и болѣе высокія должности, позже сталъ даже намѣстникомъ Египта и пользовался рѣшительнымъ вліяніемъ при одномъ выборѣ императора. Вмѣсто него былъ присланъ въ качествѣ управителя Куманъ, но, повидимому, подъ его управленіемъ состояли только области Іудея и Самарія, Галилею же Клавдій предоставилъ брату своего любимца, вольноотпущенника *Палласа*, казначея императора, по имени *Феликсу*, который пользовался расположеніемъ императрицы Агриппины. Куманъ и Феликсъ были смертельными врагами. Управитель Іудеи первый затронулъ народную раздражительность. Согласно съ подозрительнымъ отношеніемъ ко всякой сходкѣ въ храмѣ, которое въ средѣ римскихъ управителей установилось со времени возстанія противъ ценза, Куманъ во время Пасхи помѣстилъ въ колоннадахъ храма вооруженную когорту для наблюденія за многочисленной толпой. При этомъ одинъ воинъ со свойственной римскимъ солдатамъ безтактностью позволилъ себѣ неприличное по отношенію къ святилищу тѣлодвиженіе, въ которомъ народъ усмотрѣлъ осквернение храма и богохульство. Евреи, охваченные яростью, начали бросать камни въ солдатъ и ругать управителя, какъ будто это пренебрежительное обращеніе со святыней произошло съ его вѣдома. Вслѣдствіе этого возникло смятеніе, грозившее перейти въ возстаніе. Куманъ велѣлъ привести новыя войска, занялъ крѣпость Антонію и принялъ угрожающее положеніе; это настолько перепугало народъ на Храмовой горѣ, что каждый старался поскорѣй выбраться оттуда. У выходовъ произошла страшная давка, такъ что, какъ передаютъ, было задавлено или растоптано 10 или даже 20 тысячъ человѣкъ [1]).

Подобное происшествіе чуть было не привело къ тѣмъ же результатамъ, если бы на этотъ разъ Куманъ не былъ достаточно благоразуменъ, чтобы удовлетворить желаніе народа. Шайка сикаріевъ напала по дорогѣ близъ Бетъ-Харана на императорскаго чиновника и ограбила его. За это, по приказу Кумана, жестоко поплатились деревни, расположенныя вблизи мѣста происшествія; онѣ были ограблены и опустошены солдатами. Разъяренный нападеніемъ на римлянина, кто-то изъ солдатъ разорвалъ попавшуюся подъ руки священную книгу законовъ и куски побросалъ въ

[1]) Флавій. Древн. XX. 5, 3; Іуд. войны II. 12 1.

огонь. Это послужило новымъ поводомъ къ возбужденію въ народѣ и вызвало новыя жалобы на осквернения святынь. Огромными толпами народъ стекался къ Куману въ его столицу Цезарею, снова раздавались крики о богохульствѣ; „они скорѣе могли бы перенести свою гибель, нежели осквернение священнаго Писанія“, говорили они, и требовали смертной казни для виновника. На этотъ разъ управитель внялъ совѣту своихъ друзей и велѣлъ казнить солдата въ присутствіи пострадавшихъ [1]).

Третій инцидентъ во время управленія Кумана носилъ болѣе серьезный характеръ и привелъ къ кровавымъ столкновеніямъ. Нѣсколько галилеянъ, отправлявшихся черезъ Самарію въ Іерусалимъ на праздники, было убито въ городѣ Гинеѣ (у юго-восточнаго края равнины Іезреель) враждебными самарянами въ рукопашномъ бою. Было ли это убійство случайнымъ, или же оно произошло вслѣдствіе постоянной вражды, господствовавшей между евреями и самаритянами,—во всякомъ случаѣ представители галилейскихъ общинъ имѣли право требовать отъ управителя строгаго суда надъ убійцами. Но Куманъ повелъ дѣло съ неслыханной небрежностью и вынудилъ евреевъ къ самопомощи. Предводители зелотовъ, Элеазаръ бенъ-Диная и Александръ, подстрекаемые галилеянами и даже управителемъ Галилеи, Феликсомъ, взялись за это дѣло, напали со своей шайкой на заселенную самаритянами область Акрабатену, и немилосердно и безпощадно убивали, опустошали. Когда самаритяне пожаловались на нарушеніе порядка въ странѣ, Куманъ разрѣшилъ имъ вооружиться и прислалъ на помощь римскія войска, въ числѣ ихъ и враждебно относившихся къ евреямъ себастянъ (стр. 267), которые, въ свою очередь, произвели избіеніе зелотовъ.

Такая явная пристрастность императорскаго чиновника настолько возмутила жителей Іерусалима, что они, подстрекаемые видным человѣкомъ *Дортомъ* и другими, чуть было не напали на войска Кумана и не вызвали этимъ осложненій, которыя могли бы, пожалуй, ускорить катастрофу на двадцать лѣтъ; но наиболѣе уважаемые люди въ Іерусалимѣ, опасаясь всѣхъ возможныхъ послѣдствій подобнаго сопротивленія римскому оружію, постарались предотвратить войну. Облеченные въ траурныя одежды, они заклинали возбужденный народъ не терять изъ виду будущаго, говоря, что лучше переносить несправедливости, нежели самимъ накликать на себя неизбѣжную гибель государства и храма. Народъ послѣ этого сложилъ оружіе. Но ни евреи, ни самаритяне не успокоились по поводу убійства своихъ братьевъ; обѣ стороны отправили уполномоченныхъ къ сирійскому намѣстнику *Уммидію Квадрату*, жаловались другъ на друга и просили его разсмотрѣть ихъ дѣло. Для этого

[1]) Т. же Древн. 5, 4; Іуд. войны II. 12, 2.

Квадратъ отправился въ Самарію, но поступалъ пристрастно и велѣлъ распять на крестѣ захваченныхъ евреевъ. Тогда только онъ устроилъ судилище въ городѣ Лиддѣ и пригласилъ туда обѣ стороны. Но споръ изъ-за вызванныхъ имъ послѣдствій (причемъ Феликсъ сталъ на сторону галилеянъ противъ самаритянъ) оказался настолько запутаннымъ, что Квадратъ не смогъ разрѣшить его и приказалъ обѣимъ сторонамъ отправить уполномоченныхъ къ императору и подчиниться его рѣшенію. Отъ евреевъ въ Римъ отправился бывшій первосвященникъ *Іонатанъ*, начальникъ храма *Ананъ*, сынъ первосвященника Ананіи, и еще нѣсколько человѣкъ. Куманъ, по распоряженію Квадрата, долженъ былъ покинуть свой постъ и также явиться въ Римъ дать отчетъ.

Этотъ процессъ привелъ въ Римѣ въ движеніе весь механизмъ дворцовыхъ интригъ; тѣмъ, что самъ управитель былъ замѣшанъ въ него въ качествѣ обвиняемаго, онъ получилъ болѣе захватывающій интересъ. Съ одной стороны, Куманъ старался повліять на фаворитовъ Клавдія, чтобы они расположили императора въ его пользу; съ другой стороны, еврейскіе уполномоченные, Іонатанъ и царь Агриппа II, все еще проживавшій въ Римѣ и пользовавшійся благорасположеніемъ Клавдія, работали изо всѣхъ силъ, чтобы настроить его въ пользу евреевъ. Императоръ назначилъ судебное засѣданіе для этого процесса; но рѣшеніе вынесъ не онъ, а стоявшая за нимъ развратная супруга его, извѣстная *Агриппина*, любовникомъ которой былъ Палласъ, братъ Феликса. Самъ Феликсъ былъ вызванъ въ судъ. Еврейскіе уполномоченные и Палласъ условились уже заранѣе, что они, лишь только Куманъ будетъ признанъ виновнымъ, станутъ просить императора назначить вмѣсто него управителемъ Іудеи Феликса. Вотъ почему императоръ рѣшилъ дѣло въ пользу евреевъ, а совсѣмъ не потому, что онъ призналъ самаритянъ зачинщиками. Нѣсколько признанныхъ виновными самаритянъ были казнены, и Куманъ былъ отправленъ въ изгнаніе [1]). Въ это же время Агриппа, вѣроятно по просьбѣ императрицы, получилъ королевство въ сѣверовосточной Іудеѣ, составленное изъ областей, нѣкогда принадлежавшихъ къ тетрархіи Филиппа: Батанейской, Гауланитской, Ауранитской, Трахонитской и Панеи съ Абиленой (53 [2]); но онъ утратилъ свое княжество Халкиду, которое ему нѣкогда было отдано въ ленное владѣніе. Но собственно Іудею Римъ такъ крѣпко держалъ въ своихъ лапахъ, что не могъ бы потерпѣть во главѣ ея еврейскаго правителя, какъ бы укрощенъ и опутанъ онъ ни былъ.

Происшествія, имѣвшія мѣсто въ управленіе Кумана, и вызванное ими сильное озлобленіе самаритянъ противъ еврейскаго государства выну-

[1]) Флавій XX. 6, 3; Тацитъ, Анналы 12, 54.

[2]) Флавій т. же 7, 1; Іуд. войны II. 12, 8.

дили Синедріонъ предпринять коренныя измѣненія въ способѣ публикованія праздничныхъ дней. Главные праздники: Пасха въ началѣ весны, Пятидесятница*) спустя пятьдесятъ дней и три праздника къ концу лѣта (праздникъ трубъ, праздн. прощенія и праздникъ кущей) были подвижные и зависимы отъ новолунія. Дѣло въ томъ, что евреи вели лѣтосчисленіе по луннымъ годамъ и только въ томъ случаѣ, если весна запаздывала, прибавлялся мѣсяцъ, чтобы лунный годъ сравнять съ солнечнымъ. Мѣсяцъ долженъ былъ начаться съ появленіемъ начала новолунія. Это появленіе констатировалось свидѣтелями и провѣрялось строгимъ допросомъ предъ лицомъ Синедріона или его предсѣдателя. Когда день новолунія былъ установленъ, то вечеромъ это при помощи огней, разведенныхъ на вершинахъ горъ, сообщалось по всей странѣ и даже за ея границы. Съ вершины на вершину размахивали длинными, покрытыми горящимъ матеріаломъ, кедровыми шестами, пока на сосѣдней вершинѣ не замѣчали сигнала и не передавали его дальше. Такимъ образомъ передавались огненные сигналы съ Масличной горы близъ Іерусалима на горную вершину *Сартаба* (Александріонъ), оттуда на *Таборъ*, затѣмъ на возвышенность Груфина, далѣе по ту сторону Іордана по галеадской горной цѣпи *Махерусъ* на югѣ до *Гадары* на сѣверѣ. Отсюда огонь замѣчался на высокомъ плоскогорьи *Ауранъ* и передавался на ближайшую возвышенность *Бетъ-Бельтинъ* (Байрамъ), расположенную вблизи Евфрата. Такимъ образомъ, вавилонскія общины обыкновенно узнавали о началѣ мѣсяца одновременно съ палестинскими и, въ свою очередь, передавали это извѣстіе изъ города въ городъ посредствомъ яркихъ факельныхъ огней. Отъ этого, возвѣщеннаго огнями, начала мѣсяца общины Іудеи, Вавилоніи и, быть можетъ, Сиріи считали до извѣстнаго дня, когда долженъ былъ наступить праздникъ. Эти указанія для праздничнаго календаря, которыхъ евреи всегда съ нетерпѣніемъ ожидали между концомъ стараго мѣсяца и началомъ новаго, самаритяне въ то время разстраивали вслѣдствіе своего враждебнаго отношенія къ евреямъ. Чтобы пакостить своимъ врагамъ, они зажигали огни на своихъ горахъ не во время и этимъ приводили въ заблужденіе жившія къ сѣверу отъ ихъ страны общины.

Чтобы предупредить на будущее время такой обманъ и путаницу, Синедріонъ подъ предсѣдательствомъ Р. Гамаліила отмѣнилъ систему сообщеній путемъ огней, разложенныхъ на вершинахъ горъ, и замѣнилъ ихъ гонцами, которые должны были возвѣщать одной общинѣ за другой наступленіе новаго мѣсяца. Это былъ очень затруднительный способъ и къ тому же онъ не всегда достигалъ цѣли, въ томъ случаѣ, напримѣръ, если посланцы не успѣвали прибыть въ мѣсто назначенія до начала праздника.

*) Праздникъ седьмицъ. *Ред.*

Отдаленныя общины, до которыхъ извѣщеніе не могло дойти во время, пріучились въ виду сомнѣній праздновать два дня подъ рядъ. Но, чтобы дать гонцамъ возможность достичь даже самыхъ отдаленныхъ мѣстностей, ихъ приходилось высылать съ извѣщеніемъ еще въ тотъ вечеръ, въ который по астрономическимъ наблюденіямъ должно было наступить новолуніе. Съ того времени стали обращать большее вниманіе на астрономическое вычисленіе начала мѣсяца, чѣмъ на показаніе очевидцевъ, что они видѣли лунный серпъ; послѣднее требовалось только ради обычая. Астрономическое вычисленіе лунныхъ фазъ было научной спеціальностью въ патріаршей семьѣ Гилела, который, вѣроятно, пріобрѣлъ ее въ Вавилоніи, гдѣ она издавна была извѣстна и примѣнялась. Такимъ образомъ, пристрастность управителя Кумана или вражда его съ Феликсомъ имѣла для будущаго времени, наряду съ измѣненіемъ системы сообщеній, еще то послѣдствіе, что галилеянамъ, отправлявшимся на праздникъ Пасхи въ Іерусалимъ, приходилось избѣгать области Самаріи и дѣлать обходъ по ту сторону Іордана, чтобы не подвергнуться истязаніямъ.

Преемникомъ Кумана на посту управителя Іудеи былъ братъ всемогущаго тогда при римскомъ дворѣ фаворита Палласа, Феликсъ, котораго выпросилъ у императора бывшій первосвященникъ Іонатанъ. Раньше уже упомянуто, что еврейская принцесса Друзилла, прекрасная сестра Агриппы II, вышла замужъ за Феликса, причемъ мечтатель Симонъ игралъ роль посредника и что она, благодаря этому прелюбодѣйному браку, перешла въ язычество. Феликсъ во время своего многолѣтняго управленія (53—59) превзошелъ въ самонадѣянности и наглости своего предшественника. Эта рабская натура думала только о томъ, чтобы обогатиться и удовлетворять своимъ страстямъ. Кровопролитія участились при Феликсѣ, такъ какъ онъ, опираясь на вліяніе своего брата при дворѣ, могъ позволять себѣ безнаказанно всякія преступленія [1]). Эту возможность вредить онъ сумѣлъ сохранить и послѣ смерти Клавдія (54). Ибо, хотя молодой императоръ Неронъ (или мать его Агриппина) былъ такъ же расположенъ къ дому Ирода, какъ Клавдій, хотя онъ и назначилъ *Аристовула,* сына Ирода Халкидскаго, царемъ Малой-Арменіи и прибавилъ къ владѣніямъ Агриппы четыре значительныхъ города съ округами, а именно, важную Тиверію съ Тарихеей въ Галилеѣ и Юлію съ Абилой въ Южной Переѣ (56 [2]), однако Іудею онъ охотно оставилъ подъ управленіемъ кровопійцы. Феликсъ дѣлалъ видъ, будто онъ преслѣдуетъ только нарушающихъ общественное спокойствіе и агитаторовъ; какъ мало истины было въ этомъ, онъ доказалъ уже тѣмъ, что вступилъ въ сношенія даже

[1]) Тацитъ, анналы 12, 54. Historiae 5, 9.

[2]) Флавій. Древн. XX. 8, 4; Іуд. войны II. 13, 2.

со свирѣпыми сикаріями, чтобы при ихъ помощи избавляться отъ порицавшихъ его людей. Правда, въ его управленіе зелоты Элеазара бенъ-Динай были разсѣяны, уничтожены, и самъ вождь ихъ хитростью взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Римъ, гдѣ онъ, безъ сомнѣнія, поплатился жизнью за свою необузданную любовь къ свободѣ, послѣ того, какъ онъ цѣлый рядъ годовъ велъ полную приключеній гверильяскую войну [1]). Феликсъ преслѣдовалъ также пророковъ и Мессій; приверженцы египетскаго пророка были частью казнены, частью изловлены, но вождь ихъ благополучно скрылся [2]). Вотъ почему, когда впослѣдствіи апостолъ язычниковъ Павелъ при своемъ выступленіи въ Іерусалимѣ былъ обвиненъ малоазійскими евреями въ нарушеніи законовъ и переданъ римскому офицеру, то тотъ принялъ его за скрывшагося египетскаго мечтателя [3]). Но Феликсъ преслѣдовалъ только зелотовъ и мечтателей, сикаріямъ же онъ покровительствовалъ. Сколько невинныхъ онъ, должно быть, казнилъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они враги Рима и агитаторы, если самъ бывшій первосвященникъ Іонатанъ, который выпросилъ его у императора, осмѣлился строго осуждать его поступки! За это управитель велѣлъ убить его коварнымъ образомъ и воспользовался для этого нанятыми сикаріями, которые произвели нападеніе среди бѣла дня [4]). Агриппа назначилъ вторично первосвященникомъ *Измаила II* изъ рода Фіаби (59). При немъ усилилось наглое самоуправство первосвященническихъ родовъ, которые съ нанятыми босяками отбирали въ свою личную пользу десятину съ землевладѣльцевъ, вслѣдствіе чего низшіе священники, лишенные своихъ доходовъ, погибали съ голода [5]). Подкупленный Феликсъ закрывалъ глаза на эти насилія.

Безпощадныя мѣропріятія, къ которымъ управители обыкновенно прибѣгали, не могли не оказать вліянія на поведеніе чужого населенія, особенно сильно представленнаго въ прибрежныхъ городахъ. Поселившіеся въ Іудеѣ сирійцы, греки и римляне имѣли возможность открыто выказывать свой враждебный по отношенію къ согражданамъ-евреямъ образъ мыслей и позволяли себѣ играть роль господъ въ странѣ. Черта изъ страшной картины проклятій великаго пророка*): „Пришлецъ, который среди тебя, будетъ возвышаться надъ тобою выше и выше, а ты опускаться будешь ниже и ниже“ почти дословно исполнилась. Особенно далеко зашли въ своей наглости по отношенію къ евреямъ греческіе сирійцы Цезареи, оспаривая ихъ равноправіе въ дѣлѣ управленія городомъ. Чтобы придать своимъ притязаніямъ хотя бы кажущееся правовое основаніе, они ссылались на то, что въ Цезареѣ, въ первое

[1]) Флавій. Древн. XX. 8, 5; Іуд. в. II. 13, 2.
[2]) Т. же Древн. 8, 6; Іуд. в. II. 13, 4-5.
[3]) Дѣянія апост. 21, 38.
[4]) Флавій. Древн. XX. 8, 5.
[5]) Т. же 8, 8.
*) דברים כ"ח *Ред.*

время послѣ того, какъ она была выстроена царемъ Иродомъ, не было ни одного еврейскаго жителя, и что строитель предназначилъ ее для жителей-язычниковъ, для которыхъ и воздвигъ въ ней языческіе храмы и статуи. Но евреи, поселившіеся тамъ вѣроятно во времена Агриппы I и далеко превосходившіе по своему трудолюбію, благосостоянію и воинской отвагѣ своихъ языческихъ гражданъ, не хотѣли дать себя безъ сопротивленія лишить гражданскихъ правъ; вслѣдствіе этого происходили чуть ли не ежедневно столкновенія и уличныя побоища. Однажды, во время кровавой расправы еврейской молодежи съ нанесшими оскорбленіе сирійцами, управитель Феликсъ вмѣшался въ дѣло и велѣлъ собравшимся евреямъ расходиться; когда они воспротивились его требованію, онъ выдвинулъ военную силу, которая частью состояла изъ природныхъ грековъ и сирійцевъ, всѣмъ сердцемъ сочувствовавшихъ своимъ соплеменникамъ. Приэтомъ погибло много евреевъ, другіе попали въ плѣнъ; дома богачей были ограблены и разрушены. При видѣ избіенія и грабежа, наиболѣе видные евреи Цезареи, опасаясь за цѣлость своего имущества, поспѣшили выразить свою покорность управителю; послѣ этого онъ велѣлъ убрать войска [1]). Этимъ настоящая причина спора не была устранена, обѣ стороны еще болѣе были озлоблены пролитой кровью, и послали уполномоченныхъ въ Римъ, чтобы просить императора Нерона разсудить ихъ. Такъ какъ цезарейскіе сирійцы сумѣли путемъ подкупа расположить въ свою пользу секретаря императора, *Бурра*, то императоръ рѣшилъ дѣло не въ пользу евреевъ, и они утратили свое равноправіе [2]). Это несправедливое рѣшеніе увеличило раздраженіе народа противъ Рима и вызвало позднѣе первую вспышку возстанія противъ римскаго владычества. Феликсъ, однако, былъ отозванъ за пристрастное вмѣшательство въ споры цезареянъ (59).

Управленіе *Феста*, преемника Феликса, продолжалось только короткое время (59—61). Положеніе не измѣнилось, кое-гдѣ даже ухудшилось. Сикаріи продолжали свои злодѣянія, и новому управителю пришлось вести съ ними войну. Новый мессіанскій мечтатель возбудилъ надежду на освобожденіе, собиралъ приверженцевъ и раздѣлилъ участь своихъ предшественниковъ [3]). Подозрительность съ обѣихъ сторонъ все болѣе возростала. Царь Агриппа II, перенесшій, наконецъ, свою столицу въ Іерусалимъ, возвысилъ расположенный противъ храма дворецъ Хасмонеевъ, чтобы съ этого возвышеннаго пункта имѣть возможность свободно слѣдить за всѣмъ, что происходитъ въ преддверіяхъ храма и наблюдать за всякимъ движеніемъ. Этотъ правитель предчувствовалъ, должно быть, что завяжется заговоръ, очагомъ котораго явится храмъ, и

[1]) Флавій. Древн. XX. 8, 7; Іуд. войны II. 13, 7.
[2]) Т. же Древн. 8, 9.
[3]) Т. же XX. 8, 10.

не хотѣлъ быть захваченнымъ врасплохъ. Но представители храма жаловались, что Агриппа позволяетъ себѣ узурпировать храмовыя привиллегіи; никому-де изъ мірянъ недозволено во всякое время засматривать въ храмовыя залы. Поэтому они велѣли воздвигнуть съ западной стороны высокую стѣну, чтобы закрыть видъ изъ дворца. Этимъ, въ свою очередь, остались недовольны Агриппа и управитель, и хотѣли отдать приказъ развалить только что сооруженную стѣну; дѣло дошло до ожесточенныхъ споровъ; обѣ стороны благоразумно предоставили разрѣшеніе вопроса на усмотрѣніе императора. Съ этой цѣлью въ Римъ было послано 12 уполномоченныхъ, въ томъ числѣ первосвященникъ Измаилъ и казначей *Хелькія*. Но не императоръ Неронъ разрѣшилъ этотъ споръ, а его любовница *Поппея Сабина*. Эта, столь же безстыдная, какъ красивая, женщина питала, непонятно почему, симпатіи къ іудаизму и, такъ какъ при дворѣ Нерона всѣ государственныя дѣла разрѣшались посредствомъ интригъ, то еврейскіе уполномоченные воспользовались этой счастливой случайностью, чтобы настроить главу государства въ свою пользу. Возвратившіеся десять уполномоченныхъ привезли указъ прекратить недовѣрчивый надзоръ за храмомъ [1]).

По желанію Поппеи, двое изъ уполномоченныхъ, Измаилъ и Хелькія, остались въ Римѣ. Преемникомъ перваго Агриппа назначилъ (ок. 60) сына Симона *Каби* (Камитъ), *Іосифа* [2]), котораго замѣнилъ вскорѣ *Ананомъ* младшимъ изъ рода *Анана бенъ-Сетъ* [3]). Нѣсколько лѣтъ спустя, Поппея вторично заступилась за двухъ евреевъ, присланныхъ въ Римъ управителемъ Феликсомъ въ качествѣ преступниковъ; они вели такой благочестивый образъ жизни, что въ тюрьмѣ не желали ѣсть ничего, кромѣ плодовъ, подобно Даніилу и друзьямъ его. По желанію ставшей уже императрицей Поппеи, Неронъ даровалъ имъ свободу (63 [4]).

Когда послѣ почти двухлѣтняго правленія управитель Фестъ умеръ, Неронъ назначилъ его преемникомъ *Альбина*, который, по сравненію со своими преемниками и предшественниками, можетъ показаться справедливымъ. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ прибыть въ свою провинцію, тогдашній первосвященникъ Ананъ задался цѣлью воскресить полупогибшее садукейство.

Приверженцы этой секты, со времени гибели сочувствовавшихъ ей маккавейскихъ князей, отошли на заднiй планъ. Такъ какъ въ народѣ у нихъ совершенно не было приверженцевъ, то они всецѣло подчинялись толкованіямъ фарисеевъ въ вопросахъ религіи и права, и даже должностныя лица изъ нихъ не осмѣливались оказывать противодѣйствіе.

[1]) Флавій. Древности XX, 8, 11.
[2]) Т. же.
[3]) Т. же.
[4]) Т. же Vita 3.

Только первосвященникъ Ананъ отважился оказать фарисеямъ противодѣйствіе и безстрашно приводилъ въ исполненіе предписанія садукейскаго ученія. Въ день прощенія, вскорѣ послѣ своего избранія, онъ осмѣлился произвести богослуженіе въ храмѣ по садукейскому обряду и хвасталъ передъ своими приверженцами своей вызывающей самостоятельностью. Такимъ образомъ, старый споръ о толкованіяхъ предписаній закона, вызвавшій, къ несчастію, вмѣшательство римлянъ въ еврейскія государственныя дѣла и управленіе Ирода, снова возгорѣлся. Но на этотъ разъ онъ не привелъ къ такимъ несчастнымъ послѣдствіямъ. Несогласія въ вопросахъ объ обрядностяхъ и наслѣдственномъ правѣ, вродѣ слѣдующихъ: нужно ли праздновать Пятидесятницу всегда въ воскресенье, или же просто спустя семь недѣль послѣ Пасхи, какъ зажигать въ день прощенія кадила съ благовоніями въ святилищѣ, каковы обряды очищенія для левитовъ и права наслѣдованія дочерей—несогласія по этимъ и другимъ пунктамъ рѣшались научнымъ образомъ. Ананъ и стоявшіе за него ученые книжники-садукеи оправдывали свои взгляды, опираясь на писанное ученіе или на другіе доводы; опровергалъ ихъ Іоханан бенъ-Заккай, самый видный законоучитель среди фарисеевъ. Но когда, еще до прибытія управителя, Ананъ устроилъ судилище, обвинявшее невинныхъ людей въ нарушеніи законовъ и осуждавшее ихъ [1]), то фарисеи были такъ возмущены этимъ незаконнымъ синедріономъ и его строгими приговорами, что потребовали отъ царя Агриппы смѣнить первосвященника.

Нѣкоторые изъ нихъ выѣхали даже навстрѣчу находившемуся въ пути управителю Альбину, чтобы обвинить Анана въ узурпаціи принадлежавшаго римлянамъ права наказаній, и повели дѣло такъ, что садукейскій первосвященникъ былъ отставленъ; его самонадѣянное правленіе длилось только не болѣе трехъ мѣсяцевъ [2]). Преемникомъ его былъ *Іошуа бенъ-Дамнай* (61—63), которому вскорѣ пришлось уступить свое мѣсто *Іошуѣ бенъ-Гамала* (Гамалівлъ, 63-64 [3]). Эти первосвященники должны были передъ тѣмъ, какъ приступить къ исполненію своихъ обязанностей въ храмѣ въ день прощенія, принести клятву въ томъ, что они не будутъ отступать въ садукейскомъ духѣ отъ древнихъ обычаевъ. Какъ они, такъ и ихъ преемникъ клялись Господомъ, Который приказалъ начертать имя свое на храмѣ, что они не сочувствуютъ, подобно Анану, садукейскому вѣроученію [4]). Бенъ-Гамала былъ женатъ на извѣстной своимъ богатствомъ вдовѣ *Марѳѣ*, женщинѣ изъ первосвященническаго рода Боэтосъ, которая, какъ передаютъ, при помощи двухъ мѣръ динаріевъ такъ повліяла на царя Агриппу II, что онъ предоставилъ

[1]) Флавій, Древн. XX. 9, 1,
[2]) Т. же XX. 9, 1.
[3]) Т. же XX. 9, 4.
[4]) Mischna Ioma 1, 4. Tosefta 1, 8.

ея супругу санъ первосвященника[1]). Этотъ торгъ святыней разрушилъ уваженіе народа и къ царской власти, и къ первосвященству, и онъ, захвативъ власть въ свои руки, съ презрѣніемъ отвернулся отъ берущаго взятки царя и дающихъ ихъ первосвященниковъ. Сановники сами вызвали къ себѣ презрѣніе. Іошуа бенъ-Дамнай и его преемникъ такъ враждовали между собой, что ихъ люди на улицахъ сыпали другъ на друга ругательства и камни [2]).

Удивительно, что многіе первосвященники не были даже въ состояніи читать священное Писаніе. Къ послѣднимъ изъ нихъ передъ паденіемъ храма былъ приставленъ чтецъ, читавшій имъ вслухъ всю ночь передъ днемъ прощенія, чтобы они не засыпали. Чтецъ этотъ, *Захарія б.-Кабутаръ*, читалъ обыкновенно по апокалипсису изъ книги Даніила и толковалъ прочитанное, ибо тамъ находили указанія на то, что злодѣйское четвертое государство, Римъ, такъ же обречено на гибель, какъ и предшествовавшія [3]). Такимъ образомъ предупреждали первосвященниковъ, чтобы они не опирались на Римъ. Это былъ намекъ со стороны партіи зелотовъ.

Впрочемъ, Іошуа бенъ-Гамала не принадлежалъ къ числу худшихъ первосвященниковъ. Улучшенія въ постановкѣ народнаго образованія, исходившія отъ него, доказываютъ, что онъ заботился объ общеполезныхъ учрежденіяхъ. До него существовали только введенныя Симономъ бенъ-Шетахъ школы для взрослыхъ юношей старше шестнадцати лѣтъ (стр. 103); дѣтскія же школы для мальчиковъ, начиная съ пятилѣтняго возраста, во всѣхъ городахъ ввелъ бенъ-Гамала, котораго потомки за это вспоминали съ благодарностью. Бенъ-Гамала также не долго пробылъ на своей должности, онъ долженъ былъ передать ее *Матѳію бенъ-Ѳеофилъ* (65), послѣднему изъ двадцати восьми первосвященниковъ, назначенныхъ римлянами или иродіанами [4]). Паденіе уваженія къ первосвященническому сану побудило подчиненныхъ священникамъ левитовъ потребовать извѣстнаго уравненія въ правахъ съ ними. Изъ трехъ классовъ левитовъ: *пѣвцовъ* (Meschorrerim), *привратниковъ* (Schoarim) и *прислужниковъ* (Mescharetim), первые пользовались преимуществомъ, такъ какъ, благодаря своему музыкальному искусству, выдѣлялись какъ передъ священниками, такъ и передъ левитами другихъ классовъ и исполняли наиболѣе пріятную часть богослуженія. По древнему обычаю, каждый классъ левитовъ долженъ былъ исполнять перешедшія къ нему по наслѣдству функціи и не имѣлъ права брать на себя функціи другого класса. Но въ это время классъ пѣвцовъ потребовалъ разрѣшенія носить при богослуженіяхъ, подобно священникамъ, полотняныя одѣянія; часть же класса помощниковъ добивалась своего допущенія въ хоръ. Агриппа разрѣшилъ споръ въ пользу просителей, быть можетъ, сердясь на первосвященническіе роды, которые своей жалобой римскому двору помѣшали ему слѣдить за храмомъ. Арониды сочли себя глубоко оскорбленными этой милостью по отношенію къ левитамъ, потому что могло показаться, будто они совершенно сравнялись съ ними. Священническая знать, кажется, отомстила левитамъ за это, лишивъ ихъ слѣдуемой имъ десятины [1]). Въ способахъ къ насилію у нея недостатка не было.

[1]) Jebamot 61 a.
[2]) Флавій т. же.
[3]) Baba-batra 21 a.
[4]) Флавій т. же 9, 7.

Управитель Альбинъ, властвовавшій около трехъ лѣтъ (61—64), особенно усердно занимался тѣмъ, что истреблялъ зелотскихъ сикаріевъ; онъ высылалъ противъ нихъ свои когорты, чтобы цѣлые отряды ихъ истреблять или забирать въ плѣнъ. Но ему не удалось уничтожить эти отважные вольные отряды. Переодѣтыми они въ праздники пробирались среди огромнаго стеченія народа въ Іерусалимъ и смѣлыми нападеніями освобождали своихъ арестованныхъ товарищей. Альбинъ раздражалъ народъ несноснымъ бременемъ налоговъ, часть которыхъ попадала въ его карманы [2]). Когда онъ узналъ, что ему уже назначили преемника, онъ велѣлъ казнить сикаріевъ, задержанныхъ за тяжелыя преступленія, а обвиняемыхъ въ болѣе легкихъ онъ за деньги выпустилъ на волю [3]). Выпущенные изъ тюрьмы сикаріи позже оказали вліяніе на народное возстаніе и запятнали святое дѣло своими жестокостями. Послѣдній управитель, *Гессій Флоръ*, родомъ изъ Клазоменъ, благодаря Поппеѣ назначенный на эту должность, ускорилъ своей безстыдной несправедливостью, сребролюбіемъ и кровожадностью приведеніе въ исполненіе давно уже лелѣемаго недовольными замысла свергнуть иго римской тиранніи. Флоръ былъ однимъ изъ тѣхъ безнравственныхъ существъ, для которыхъ не существуетъ ничего святого, и которые не считаютъ себя связанными даже клятвенными обѣщаніями. То, что его предшественники совершали тайно или съ соблюденіемъ законныхъ формъ, онъ дѣлалъ на глазахъ у всѣхъ, нагло издѣваясь надъ законами. Будучи лишенъ чувства милосердія, онъ оказывалъ снисхожденіе сикаріямъ, удѣлявшимъ ему часть награбленнаго [4]). Недоставало только, чтобы онъ оффиціально объявилъ всякаго рода насилія допустимыми, если только доля добычи пойдетъ въ пользу управителя. Многіе города въ его управленіе (64—66) были совершенно разграблены, потому что сикаріи безнаказанно могли заниматься своимъ ремесломъ [5]). Многіе, опасаясь за свою жизнь и имущество, выселялись и

[1]) Флавій т. же 9, 6.
[2]) Флавій. Іуд. войны II, 14, 1.
[3]) Флавій. Древн. XX. 9, 5.
[4]) Т. же 11, 1; Іуд. войны II. 14, 2.
[5]) Т. же.

искали спокойнаго мѣста пребыванія на чужбинѣ, потому что они были лишены возможности найти его на родинѣ [1]). Такъ боялись жадности управителя, что даже храмовая казна не считалась обезпеченной, и рѣшено было поэтому лучше съ пользой истратить ее. Когда, по окончаніи всѣхъ работъ по постройкѣ храма, были отпущены 18,000 рабочихъ, народъ потребовалъ отъ Агриппы, чтобы была предпринята новая постройка у восточной колоннады, а именно, чтобы ее продолжили до Кидронской долины; народъ въ своемъ требованіи руководствовался также чувствомъ состраданія къ лишившимся хлѣба рабочимъ. Агриппа не исполнилъ этого пожеланія, но позволилъ, чтобы на эти деньги улицы Іерусалима были вымощены мраморомъ [2]). Флоръ внушалъ такой страхъ, что никто не осмѣливался жаловаться на него его начальнику, намѣстнику Сиріи, *Цестію Галлу* [3]).

Положеніе стало до того несноснымъ, что даже у трусливаго народа лопнуло бы терпѣніе, а мужество еврейскаго народа, не смотря на тысячи бѣдствій, не смотря на тяжелое иго и на ежедневно повторяющіеся и учащающіеся случаи насилія, не было еще сломлено; онъ еще чувствовалъ въ себѣ достаточно силы, и отчаяніе удваивало ее, чтобы положить конецъ непрерывнымъ бѣдствіямъ. Едва ли оставался еще иной исходъ. Развѣ они должны были черезъ уполномоченныхъ умолять о милосердіи императора Нерона, этого губителя людей и матереубійцу, поджигателя и безумнаго развратника, который былъ въ состояніи расчувствоваться только въ томъ случаѣ, если его жалкій актерскій талантъ вызывалъ страхомъ вынужденные аплодисменты? Римъ походилъ тогда на сумашедшій или публичный домъ, гдѣ императоръ совершалъ одну нелѣпость за другой и преступленіе за преступленіемъ въ глубокой увѣренности, что сенатъ и народъ не откажутъ ему въ одобреніи. Развѣ должны были они, пережившъ столько тяжелыхъ испытаній, обратиться за посредничествомъ къ своему номинальному царю Агриппѣ, который старался исчерпать всю лесть передъ Нерономъ, назвалъ только что отстроенный вновь блестящій городъ Цезарею Филиппа *Нероніей* и, подобно своему предку Ироду, потомъ своихъ подданныхъ украшалъ иноземные города и дарилъ имъ языческія статуи! [4]). Вѣдь онъ былъ такъ трусливъ, что дрожалъ передъ Флоромъ, и такъ мало сочувствовалъ страданіямъ своего народа, что заступался за этого систематическаго кровопійцу! Итакъ, не было иного исхода, кромѣ самопомощи; это сознавали всѣ лучшіе люди, всѣ тѣ, кто еще не продался Риму, въ ослѣпленіи ложнымъ блескомъ его и подъ давленіемъ его могущества. Отважные люди уже тогда подумывали о возстаніи. Они даже сдѣлали уже нѣкоторыя приготовленія къ этому и вошли въ сношенія со своими единоплеменниками въ Вавилоніи и фанатически привязаннымъ къ еврейству адіабенскимъ царскимъ домомъ, чтобы тѣ прислали имъ подкрѣпленія, если возгорится война за освобожденіе [1]). Намѣстникъ, Цестій Галлъ, получилъ тѣмъ временемъ свѣдѣнія о напряженномъ состояніи и броженіи въ средѣ еврейскаго народа, должно быть, отъ Агриппы и другихъ продіанъ. Онъ сообщилъ двору объ этомъ и неустанно предупреждалъ, что Іудея замышляетъ возстать и отпасть и что возможно, что парояне при посредничествѣ іудейско-адіабенскаго царскаго дома прійдутъ къ нимъ на помощь. Но на его донесенія не обратили вниманія. Нерону некогда было заниматься подобными пустяками; онъ долженъ былъ играть на цитрѣ, устраивать спектакли, оргіи и подписывать смертные приговоры. Императрицы Поппеи, покровительницы евреевъ, уже не было въ живыхъ; супругъ ударомъ ноги лишилъ ее жизни (65). Придворные фавориты, префектъ Тигеллинъ, грубый и черствый сластолюбецъ Аникетъ, Нимфидій, всѣ они походили на безчеловѣчнаго Гессія Флора, презирали евреевъ и, должно быть, подсмѣивались надъ страхомъ Галла передъ призракомъ возстанія.

Тогда послѣдній придумалъ способъ показать римскому двору, какъ многочисленно населеніе Іудеи и что нельзя пренебрижительно относиться къ нему. По уговору съ Агриппой и тогдашнимъ первосвященникомъ Матѳіемъ, на праздникъ Пасхи должна была состояться грандіозная, хотя и мирная, народная демонстрація путемъ своеобразнаго способа исчисленія народа [2]). Въ іудейскія и заграничныя общины было отправлено, вѣроятно, отъ имени предсѣдателя Синедріона, *Симона II,* сына Гамаліила, и первосвященника посланіе съ предложеніемъ въ возможно большемъ числѣ собраться на предстоящіе праздники; рѣчь шла о томъ, чтобы облегчить римское иго и избавиться отъ чудовища Флора. Въ отвѣтъ на это, на Пасху (весна 66) устремилась такая небывалая масса народа въ Іерусалимъ изъ всѣхъ городовъ и деревень Іудеи, изъ Сиріи, изъ странъ по Евфрату и Египта, что городъ еле вмѣстилъ всѣхъ. Въ толпѣ, направлявшейся на храмовую гору, произошла давка, причемъ были убитые, и этотъ праздникъ былъ названъ *„Пасхой давки“*. При исчисленіи народа былъ примѣненъ слѣдующій способъ: отъ каждой пасхальной жертвы жрецамъ удѣлялась одна почка, полученныя почки были подсчитаны, причемъ принималось, что на каждую овцу, которую можно было съѣсть только въ обществѣ, приходилось по десяти сотрапезниковъ. Оказалось, что въ Іерусалимѣ тогда было почти три милліона чело-

[1]) Флавій. Древн. XX 11, 1; Іуд. войны II. 14, 2.
[2]) Іуд. войны II. 14, 3.
[3]) Т. же. Древн. 9, 7.
[4]) Древн. XX. 9, 4.

[1]) Флавій. Вступл. въ Іуд. войны. 2; Іуд. войны II. 16, 4.
[2]) Т. же VI. 9, 3; II. 14, 3.

вѣкъ. Цестій Галлъ лично явился въ Іерусалимъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Посѣтители умоляли его сжалиться надъ ихъ невыразимыми страданіями и освободить ихъ отъ „чумы страны“. Присутствовавшій при этомъ Флоръ только улыбался. Правда, намѣстникъ обѣщалъ смягчить отношеніе управителя къ народу. Должно быть, онъ далъ знать въ Римъ объ огромной и далеко не заслуживающей пренебреженія массѣ народа, которую онъ видѣлъ своими глазами. Но онъ рѣшительно заблуждался въ оцѣнкѣ вліянія предпринятаго имъ исчисленія народа и жалобы на Флора. Неронъ былъ тогда въ апогеѣ своей раздутой славы и самоувѣренности! *Тиридатъ*, гордый потомокъ Арсакидовъ, братъ парѳянскаго царя Вологеза, недавно еще заставлявшаго трепетать Римъ, съ востока явился въ Римъ, преклонилъ колѣна передъ Нерономъ, назвалъ себя его рабомъ и принялъ отъ него корону Арменіи. Въ свитѣ его находились сыновья іудейско-адіабенскаго царя *Монобаза* [1]), который сильно поддерживалъ парѳянъ въ ихъ стремленіи одолѣть Римъ. И онъ долженъ былъ смириться передъ мощью Рима, гдѣ владычествовалъ развратный трусъ Неронъ. Ему ли, тріумфъ котораго превосходилъ, казалось, тріумфы Помпея, Цезаря и Августа, было бояться евреевъ? Неронъ, должно быть, даже не читалъ донесенія Цестія Галла о стеченіи народа на Пасху въ Іерусалимъ, а если и читалъ, то пропустилъ мимо ушей.

Молодежь и люди дѣла въ Іудеѣ и, особенно, въ ея столицѣ съ каждымъ днемъ все сильнѣе жаждали разорвать стѣснительныя оковы Рима. Терпѣніе было истощено [2]). Они ждали только благопріятнаго момента, который бы предвозвѣстилъ успѣхъ ихъ отважному предпріятію. Отъ ничтожнаго происшествія или, вѣрнѣе, проявившагося при этомъ безпримѣрнаго нахальства управителя Флора терпѣніе лопнуло, и благоразумію не было уже мѣста.

Происшествіе, заставившее весь народъ какъ въ опьяненіи броситься къ оружію и поднять знамя возстанія, было ничтожно по сравненію съ трагическимъ его исходомъ; это были новыя столкновенія между евреями и греками въ Цезареѣ. Первые не могли забыть, что Неронъ безъ повода и безъ всякаго на то права лишилъ ихъ равноправія, а вторые, возгордившись вслѣдствіе одержанной побѣды, давали евреямъ чувствовать понесенное пораженіе. Но всѣ эти столкновенія, часто происходившія въ городахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, потому достигли такихъ размѣровъ, что подъ ихъ наружностью таилась глубокая взаимная религіозная вражда и закоренѣлая расовая ненависть, которыя малѣйшій поводъ могъ заставить разбушеваться подобно злымъ духамъ. Чтобы имѣть возможность наносить евреямъ оскорбленіе за оскорбленіемъ, кто-то

[1]) Діонъ Кассій 63, 1. [2]) Tacitus historiae V. 10.

изъ жителей Цезареи, язычникъ, велѣлъ такъ застроить мастерскими принадлежащее ему мѣсто передъ синагогой, что остался только узкій проходъ къ ней. Пылкая еврейская молодежь пыталась помѣшать работамъ, Флоръ вмѣшался въ дѣло, но за крупную сумму денегъ согласился не препятствовать евреямъ. Управитель удалился въ Самарію, чтобы не быть свидѣтелемъ будущихъ происшествій и предоставилъ обѣ озлобленныя другъ на друга стороны всей ярости ихъ взаимной ненависти. Маловѣроятно, чтобы евреи пострадали первыми, какъ указываетъ источникъ; ибо тогда они бы совершенно напрасно платили бы Флору за то, что онъ сквозь пальцы смотрѣлъ на ихъ затѣю. Навѣрно, они сами первые вызвали своихъ враговъ, которые отвѣтили имъ задѣвшимъ ихъ святѣйшія чувства оскорбленіемъ. Въ одну субботу (Іяръ, Май 66), въ то время, какъ у евреевъ происходило богослуженіе, какой-то грекъ поставилъ на мѣстѣ, принадлежавшемъ синагогѣ, сосудъ и приносилъ на немъ въ жертву птицъ; это должно было обозначать, что евреи происходятъ отъ изгнанныхъ прокаженныхъ *). Еврейская молодежь не стерпѣла такого оскорбительнаго отзыва о происхожденіи евреевъ, впервые появившагося у египетскаго историка Псевдо-Манеѳона и распространяемаго враждебными евреямъ писателями (стр. 239); она взялась за оружіе и напала на издѣвавшихся надъ ней враговъ. Тщетно замѣщавшій управителя начальникъ кавалеріи *Юкундъ* пытался остановить побоище; обѣ стороны продолжали уличный бой до тѣхъ поръ, пока евреи не были побѣждены. Тогда всѣ они въ субботу покинули городъ, забравъ съ собой священныя книги, отправились въ сосѣдній городъ *Нарбату* и послали къ Флору въ Самарію депутацію изъ 12 человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и богатый откупщикъ податей *Іонатанъ*. Посланные напомнили ему о полученныхъ имъ деньгахъ и его обѣщаніи защитить ихъ за это. Вмѣсто того, чтобы выслушать, управитель рѣзко обрушился на нихъ, ставилъ имъ въ вину то обстоятельство, что они унесли изъ Цезареи священныя книги, и велѣлъ заключить ихъ въ тюрьму [1]).

Все населеніе Іерусалима пришло въ смятеніе, когда вѣсть объ этомъ новомъ насиліи достигла города. Но прежде, чѣмъ они успѣли прійти къ какому нибудь рѣшенію, Флоръ бросилъ имъ въ лицо новый вызовъ, какъ будто онъ спеціально стремился къ тому, чтобы довести народъ до крайности. Онъ прислалъ старшинамъ храма приказъ выдать ему семнадцать талантовъ изъ священной казны, въ которыхъ онъ нуждается якобы для поддержки интересовъ императора. Этотъ приказъ,

*) По предписанію Моисея (Левитъ 14), исцѣлившійся отъ проказы приноситъ въ жертву птицъ. *Ред.*

[1]) Флавій, Іуд. войны II. 14. 4-5.

конечную цѣль котораго жители Іерусалима хорошо поняли, заставилъ ихъ собраться на храмовой площади, какъ еслибы они намѣрены были защищать подвергающуюся опасности святыню. Малодушные разразились жалобами, а рѣшительные люди поносили имя римскаго намѣстника и обносили кружку, какъ будто они хотѣли произвести сборъ въ пользу бѣднаго Флора. Послѣдній лично прибылъ въ Іерусалимъ, предвидя, что ему представится возможность удовлетворить свое сребролюбіе и кровожадность, и своимъ присутствіемъ еще болѣе разжигалъ огонь. День его прибытія народъ тихо провелъ по домамъ, въ страхѣ выжидая, что произойдетъ. На другой день Флоръ устроилъ судъ передъ дворцомъ Ирода въ верхнемъ городѣ, пригласилъ туда первосвященника и наиболѣе видныхъ гражданъ и потребовалъ, чтобы они выдали ему людей, осмѣлившихся оскорбить его. Когда тѣ, дрожа, пытались оправдать вчерашнія происшествія и просили прощенія, онъ отдалъ солдатамъ приказъ разграбить Верхній рынокъ, мѣстожительство богачей. Одичавшіе солдаты, какъ дьяволы, бросились на площадь и прилегавшія къ ней улицы, рубили всѣхъ, попадавшихся имъ по дорогѣ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, разрушали дома и уносили ограбленное добро. Въ этотъ день (16 Іяра) погибло больше 3600 человѣкъ; Флоръ велѣлъ бичевать и распять на крестахъ плѣнниковъ, хотя между ними и попадалось много носившихъ званіе римскаго всадника и неподлежавшихъ, какъ таковые, унизительнымъ наказаніямъ. Тщетно обнимала принцесса и королева Вероника колѣни Флора (она какъ разъ тогда прибыла въ Іерусалимъ, чтобы исполнить назирейскій обѣтъ) и умоляла его остановить убійства и грабежъ; Флоръ не слушался. Она подверглась даже опасности быть оскорбленной и была вынуждена искать убѣжища въ своемъ дворцѣ [1]).

На другой день громадная толпа собралась въ полуразрушенномъ Верхнемъ городѣ (Ціонъ), оплакивала убитыхъ, произносила ругательныя рѣчи противъ убійцы Флора и съ трудомъ только видимъ гражданамъ удалось умѣрить ихъ недовольство. Флоръ же еще усугубилъ свою наглость, потребовавъ, чтобы, въ доказательство своихъ мирныхъ намѣреній, знатные люди и народъ вышли навстрѣчу вступавшимъ войскамъ и радушно привѣтствовали ихъ. Старѣйшинамъ святилища стоило большого труда склонить къ этому толпу, потому что патріоты предостерегали отъ этого новаго униженія и многимъ сумѣли внушить свое мнѣніе [2]). Однако первосвященнику Матѳію и бывшимъ первосвященникамъ, которые, посыпавъ пепломъ головы и разодравъ одежды, появились вмѣстѣ съ другими священниками, несшими священные сосуды храма, въ сопровожденіи левитовъ-пѣвцовъ съ ихъ цитрами и арфами, и заклинали народъ его святы-

[1]) Флавій, Іуд. войны **14**, 6—9; **15**, 1. [2]) Т. же **15**, 2-3.

ней, удалось предотвратить окончательный разрывъ съ Римомъ и заставить народъ радушно встрѣтить римскія когорты. Но вскорѣ обнаружился коварный планъ управителя. Встрѣчавшіе принесли тяжелую жертву: они съ вынужденнымъ радушіемъ привѣтствовали вступавшихъ солдатъ. Но послѣдніе, по заранѣе отданному Флоромъ приказу, мрачно глядѣли на нихъ и не отвѣчали на привѣтствія. Лишь только римскіе воины услышали звукъ ропота, какъ они аттаковали толпу и погнали ее передъ собой, а всадники давили бѣгущихъ. У воротъ произошла страшная давка, такъ какъ каждый торопился искать въ городѣ убѣжища отъ обезумѣвшихъ солдатъ. Дорога въ городѣ до предмѣстья Бецета была усѣяна растоптанными, раздавленными и убитыми, которыхъ никто не отваживался поднять и похоронить. Когда болѣе осторожные замѣтили, что солдаты направляютъ свой путь на цитадель Антонію и на храмъ, они не могли не догадаться, что Флоръ вызвалъ подкрѣпленія, питая замыслы относительно храмовой казны; они поспѣшили предупредить его намѣренія. Они бросали въ солдатъ камни съ крышъ и не давали имъ пройти черезъ узкіе переулки. Они разрушили галлереи и колоннады, соединявшія храмъ съ цитаделью Антоніей (17 Іяра), и заставили управителя обмануться въ надеждѣ стать вторымъ Крассомъ [1] *). Такимъ образомъ, жители Іерусалима, незамѣтно для самихъ себя, начали возстаніе.

Мужество покинуло Флора, лишь только онъ увидѣлъ народъ въ твердой рѣшимости; онъ объявилъ представителямъ города, что для возстановленія порядка онъ намѣренъ уйти изъ Іерусалима съ большой частью войскъ, оставивъ только маленькій гарнизонъ. На ихъ представленіе, что большинство войскъ стало ненавистнымъ вслѣдствіе своего безчеловѣчнаго поведенія, онъ предоставилъ имъ выбрать тѣхъ изъ нихъ, которые меньше всего были причастны къ рѣзнѣ. Представители евреевъ отдали предпочтеніе воинамъ *Метилія*, такъ какъ слабохарактерность его имъ казалась залогомъ того, что онъ не будетъ продолжать смуты [2]). По уходѣ Флора безформенное броженіе перешло въ ясныя и твердыя рѣшенія. Населеніе Іерусалима распалось на революціонную и мирную партіи. Первая состояла по большей части изъ молодыхъ, крѣпкихъ мужчинъ, сочувственно относившихся къ принципамъ учредителя зелотовъ: они желали, жертвуя своей жизнью, сбросить, наконецъ, иго языческаго и деспотическаго Рима и завоевать наново утерянную свободу. Ихъ не страшило непреодолимое могущество Рима, они возлагали свои упованія на Бога Израиля, который такъ часто спасалъ уже чудеснымъ образомъ еврейскую націю въ бѣдствіяхъ и опасностяхъ. Они думали воспламенить всю націю огнемъ своей энергіи, устранить всякія сомнѣнія и слабости

[1]) Флавій. **15**, 4—6. *) Стр. 126. *Ред.* [2]) Т. же **15**, 6,

указаніемъ на прекрасную цѣль ихъ предпріятія, они хотѣли каждаго мужчину превратить въ воина, каждаго воина—въ героя. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта революціонная партія не была лишена политической предусмотрительности, она уже завязала сношенія съ адіабенскимъ княжескимъ домомъ, такъ горячо преданнымъ іудаизму, и успѣли заинтересовать въ своемъ справедливомъ начинаніи парѳянско-вавилонскія общины. Помощь, обѣщанная отсюда, позволяла разсчитывать на значительную матеріальную поддержку. Можетъ статься, что многіе желали сверженія существовавшаго порядка изъ неблаговидныхъ побужденій, но совершенно нелѣпо смѣшивать революціонную партію зелотовъ со своевольными сикаріями и представлять первыхъ сплошь какъ честолюбцевъ, жадныхъ людей и разбойниковъ. Уже та теплая симпатія, которую народъ питалъ къ этой партіи, доказываетъ, если здѣсь вообще нужны доказательства, что такое описаніе является слѣдствіемъ излишка партійности. Наоборотъ, большая часть партіи состояла, какъ это выяснится впослѣдствіи, изъ великодушныхъ, самоотверженныхъ людей, взиравшихъ презрительно на узкосердечнаго обыденнаго человѣка, изъ людей идеала и дѣла, которые не могутъ достичь удовлетворенія раньше, чѣмъ не наложатъ отпечатка своего идеала на дѣйствительность. Они дали торжественную клятву скорѣй умереть, чѣмъ сдаться римлянамъ, и сдержали эту клятву въ шумномъ разгарѣ битвъ, подъ градомъ снарядовъ, въ пыткахъ и на аренѣ звѣринца [1]). Если стремленіе зелотовъ учредить одухотворенное іудаизмомъ республиканское государство, главой котораго бы являлся Богъ, и поддерживалось, быть можетъ, самообманомъ, то оно, тѣмъ не менѣе, имѣло свое основаніе. Душой революціонной партіи въ Іерусалимѣ былъ *Элеазаръ бенъ-Ананія* изъ рода первосвященниковъ. Личная жизнь его малоизвѣстна; но онъ, должно быть, рано проявилъ свой зрѣлый, мужественный характеръ, потому что его еще въ молодыхъ лѣтахъ назначили начальникомъ храма [2]), и такимъ образомъ ему поручили одну изъ наиболѣе важныхъ должностей. Отецъ его, Ананія, какъ кажется, сынъ Элеазара изъ рода *Гаронъ* пользовался, благодаря своему необыкновенному богатству, высокому положенію и разсудительности, большимъ вліяніемъ, какъ на народъ, такъ и на царя Агриппу и управителей [3]); но онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Езекіей былъ другомъ римлянъ, или, по крайней мѣрѣ, противникомъ повстанческаго движенія. Элеазаръ былъ свѣдущъ въ законахъ и принадлежалъ къ строгой шамаитской школѣ, большая часть которой склонялась на сторону зелотовъ. Въ какой степени онъ долженъ былъ пользоваться довѣріемъ партіи зелотовъ, если они не судили о немъ по взглядамъ его

[1]) Ср. Іуд. войны VI. 6, 3; VII. 10, 1.
[2]) Т. же II. 17, 2. Древн. XX. 9, 3.
[3]) Т. же Древн. XX. 9, 2—4.

отца! Пламенная энергія Элеазара настойчиво влекла народъ къ революціи и вызвала первыя вооруженныя столкновенія съ римлянами.

За миръ стояли: люди разсудительные и опытные, которые предвидѣли печальный исходъ возстанія, сознавая ничтожество Іудеи по сравненію съ исполинской мощью Рима; гилелиты, принципіально отрицавшіе войну и желавшіе предотвратить кровопролитіе; знатные, блиставшіе въ лучахъ Римской славы; богачи, опасавшіеся за судьбу своего имущества во время такого переворота [1]). Всѣ они желали сохраненія подчиненности римскому владычеству, но это не уменьшало ихъ ненависти къ наглому Флору. Но честные сторонники мира не могли уразумѣть, что зло, отъ котораго страдала еврейская государственная жизнь, зависѣло не отъ отдѣльныхъ личностей, а отъ общей системы опеканія и эксплоатаціи, отъ кореннаго различія между господствующимъ чужимъ классомъ и подчиненнымъ туземнымъ. Даже самые лучшіе управители, желая самымъ серьезнымъ образомъ установить порядокъ въ странѣ и гарантировать ея правовое положеніе, не сумѣли бы избѣгнуть того, чтобы не затронуть возбужденной впечатлительности народа (впечатлительности, коренившейся въ его приверженности къ религіи) и не возбудить столкновеній. Смѣна лицъ безъ измѣненія системы мало смогла бы сдѣлать для смягченія обоюднаго ожесточенія, а безъ революціи не было возможности принудить императора измѣнить эту систему. Вотъ почему не меньшую роль, чѣмъ въ революціонной, самообманъ игралъ въ партіи мира, если она полагала, что съ удаленіемъ Флора наступятъ спокойствіе и лучшія времена.

Во главѣ партіи мира стояли царь Агриппа, родственники его дома, продіане Костобаръ, Саулъ и Антипа и, наконецъ, знатные изъ первосвященническихъ родовъ, которые всячески старались не придавать разрыву непоправимаго характера. Такъ какъ народъ, несмотря на свое глубокое озлобленіе, еще не принялъ окончательнаго рѣшенія, по крайней мѣрѣ не сдѣлалъ послѣдняго шага, то обѣ партіи старались привлечь его каждая на свою сторону. Сторонники мира изо всѣхъ силъ старались умѣрить, съ одной стороны, недовольство народа по поводу послѣднихъ событій и, съ другой стороны, выставить сопротивленіе, оказанное народомъ Флору, въ истинномъ свѣтѣ передъ намѣстникомъ Цестіемъ, возлагая на правителя отвѣтственность за возникшіе безпорядки. Они поспѣшили извѣстить обо всемъ Цестія и просили его пріѣхать въ Іерусалимъ, чтобы лично осмотрѣть произошедшія по винѣ управителя опустошенія и убѣдиться въ мирномъ настроеніи народа. Цестій, лѣнясь лично изслѣдовать предметъ спора, послалъ вмѣсто себя военнаго трибуна Неаполитана [2]). Тѣмъ временемъ вожди революціонной партіи повели дѣло такъ, что прекратился

[1]) Т. же Іуд. войны II. 16, 2.
[2]) Т. же.

платежъ податей Риму, и народъ все болѣе сталъ помышлять объ отпаденіи отъ Рима. Царь Агриппа изо всѣхъ силъ старался противодѣйствовать этому настроенію. Самъ онъ во время происходившей въ Іерусалимѣ рѣзни былъ въ Египтѣ [1]), чтобы поздравить ренегата Тиверія Александра съ назначеніемъ его Нерономъ въ намѣстники. Этотъ вѣроотступникъ, сынъ арабарховъ, былъ слѣпо преданъ Риму и императорамъ, за что его награждали почестями и высшими должностями. Клавдій назначилъ его на постъ управителя Іудеи, Неронъ возвелъ его въ санъ римскаго всадника, сдѣлалъ управляющимъ гражданской частью при полководцѣ Корбулонѣ въ походѣ противъ Парѳянъ и довѣрилъ ему, наконецъ, чрезвычайно важный постъ намѣстника въ Египтѣ [2]). Царь Агриппа поспѣшилъ въ Александрію, чтобы поздравить его съ этой почетной должностью; онъ былъ близкимъ другомъ какъ его, такъ и всей семьи арабарховъ. Тиверію Юлію Александру предназначено было играть видную роль въ драмѣ еврейской революціи. На обратномъ пути Агриппа встрѣтился съ Неаполитаномъ, и они вмѣстѣ вступили въ Іерусалимъ. Но кажущееся спокойствіе населенія, введшее римскаго уполномоченнаго въ обманъ, казалось царю такимъ ненадежнымъ, что онъ велѣлъ созвать народъ, желая ему открыть глаза предъ опасностями, на которыя онъ съ минуты на минуту могъ обречь себя. Онъ обратился къ народу съ рѣчью съ вышины галлереи (ксистусъ), лежавшей противъ храма; принцесса Вероника, такъ горячо вступившаяся за обиженныхъ, была по близости, чтобы защищать его своей популярностью.

Въ своей рѣчи Агриппа разсмотрѣлъ всѣ раціональные и софистическіе доводы, какіе только можно было привести противъ войны съ Римомъ. Сначала онъ старался, чтобы народъ отдавалъ себѣ отчетъ въ обуревавшихъ его ощущеніяхъ, и тѣмъ лишить его возможности ссылаться на притѣсненія управителей въ оправданіе своего поведенія. Если управители преступали границы своихъ полномочій, то въ этомъ нельзя винить ни римлянъ вообще, ни императора, который не можетъ быть всюду лично. Теперь вообще, по его мнѣнію, поздно пытаться сбросить иго. Нужно было отстаивать свободу тогда еще, когда впервые Помпей наложилъ на народъ свою руку; но то, чего болѣе могущественные предки съ большими средствами не могли добиться, еще менѣе можетъ удасться болѣе слабому и лишенному всего необходимаго поколѣнію. Впрочемъ, нѣтъ ничего позорнаго въ службѣ римлянамъ. Болѣе могущественныя, мудрыя и благородныя народности охотно мирятся съ римскимъ владычествомъ; такъ поступаютъ аѳиняне и спартанцы, македонцы, азіаты, британцы, арабы, галлы, германцы и еще многое множество

[1]) Флавій. **15**, 1. [2]) Тацитъ Анналы **15**, 8.

другихъ народовъ. Вожди революціонеровъ не должны обращать свои взоры на ту сторону Евфрата и разсчитывать на помощь единовѣрцевъ оттуда. Парѳяне, живущіе съ Римомъ въ мирѣ, не допустятъ набѣга на союзниковъ. Еще менѣе можно разсчитывать на помощь со стороны неба, потому что оно явно приняло сторону римлянъ; противъ воли Господа, римляне никогда не могли бы достичь такого могущества. Кромѣ того, еврейская нація еще болѣе возбудила бы противъ себя гнѣвъ неба, ибо не была бы тогда въ состояніи соблюдать субботъ и остальныхъ предписаній закона. „Необходимо, друзья мои“, закончилъ онъ свою рѣчь: „необходимо умѣть предугадывать наступленіе бури, пока судно еще въ гавани и не разбито волнами“. Римляне, справившись съ возстаніемъ, не только разрушатъ священный городъ, но и уничтожатъ все еврейское племя вообще для примѣра въ назиданіе остальнымъ народамъ. Пережившіе же это пораженіе не смогутъ найти нигдѣ пристанища, ибо большая часть земли принадлежитъ либо римлянамъ, либо дружески расположеннымъ къ Риму народамъ. Агриппа въ слезахъ заклиналъ, наконецъ, народъ сжалиться надъ женщинами и дѣтьми, надъ священнымъ городомъ и храмомъ, который римляне во второй разъ уже не пощадятъ. Онъ храмомъ и „святыми ангелами“ клялся, что сдѣлаетъ все, чтобы подержать справедливые иски [1]).

Рѣчь Агриппы, сопровождавшаяся слезами его и его сестры, не замедлила произвести глубокое впечатлѣніе на слушателей. Они по большей части кричали, что у нихъ нѣтъ никакихъ враждебныхъ римлянамъ замысловъ, что они желаютъ только сбыть съ рукъ Флора. Послѣ этого Агриппа убѣдилъ народъ, чтобы онъ, если только у него дѣйствительно мирныя намѣренія, возстановилъ разрушенныя галлереи и уплатилъ императору задержанныя подати въ размѣрѣ 40 талантовъ, такъ какъ ни то, ни другое не представляетъ собственности Флора. На время показалось, будто все останется по старому. Было приступлено къ исправленію разрушенныхъ галлерей, и были отправлены люди въ близлежащія деревни и города для сбора податей. Агриппа, увидя свое вліяніе усилившимся, сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ; онъ предложилъ народу повиноваться Флору, пока не будетъ назначенъ новый управитель. Но это предложеніе все испортило. Въ общественномъ мнѣніи перевѣсъ снова взяла революціонная партія; въ Агриппу полетѣли камни, и ему пришлось покинуть Іерусалимъ [2]). Такъ часто уже обманутый народъ опасался быть наново обманутымъ этимъ заступникомъ Флора, имя котораго было синонимомъ всякой несправедливости и безстыдства, и сдѣлаться игрушкой интригъ. Само собой разумѣется, послѣ отъѣзда Агриппы не могло быть и рѣчи о

[1]) Т. же II. **16**, 3-4. [2]) Т. же **16**, 5; **17**. 1.

платежѣ налоговъ. Всякій радъ былъ избавиться отъ тяжелыхъ налоговъ; сборщики податей не осмѣливались въ смутное время силой взыскивать подати. День, въ который откупщики податей были устранены, праздновался какъ побѣда (25 Siwan, Іюнь). Тѣмъ временемъ зашевелились сикаріи. Для нихъ наступило время выступить активно въ какой нибудь роли. Они собрались подъ предводительствомъ Менахема, родственника Іуды Галилеянина, напали на крѣпость Мазаду, перебили ея римскій гарнизонъ, присвоили все оружіе и явились хорошо вооруженными на поле битвы [1]). Предводитель зелотовъ, Элеазаръ, не далъ возможности разсѣяться революціонному настроенію въ народѣ, но поддерживалъ его до полнаго разрыва съ Римомъ. Онъ заставлялъ состоявшихъ подъ его присмотромъ священниковъ не принимать отнынѣ никакихъ даровъ или жертвъ отъ язычниковъ. Этотъ мужественный человѣкъ пользовался такимъ вліяніемъ, что исправлявшіе службу священники согласились немедленно прекратить ежедневныя жертвоприношенія за здоровье Нерона. Это послужило поворотнымъ пунктомъ въ возстаніи; этимъ они отказались повиноваться императору. Партія мира тоже хорошо понимала всю огромность значенія этого акта и сражалась во что бы то ни стало не допустить его. Видные законоучители (вѣроятно изъ школы Гилела) объясняли предъ большимъ народнымъ собраніемъ, происходившимъ во внутреннемъ дворѣ передъ воротами Никанора, что лишать язычниковъ права приносить святынѣ жертвы—беззаконно. Престарѣлые священники передавали, что обычай принимать жертвенные дары отъ язычниковъ существуетъ издревле. Въ высшихъ кругахъ Іерусалима царило, должно быть, лихорадочное возбужденіе прежде, чѣмъ былъ сдѣланъ послѣдній шагъ къ разрыву. Священнику изъ строгой шаманской школы по имени *Захарію бенъ-Амфикалосъ* (Абкалосъ) было предложено высказать свое мнѣніе по этому поводу; такъ какъ онъ не высказался противъ опаснаго предложенія Элеазара, то священники, не обращая вниманія на предупрежденія миролюбивыхъ людей, отказались приносить жертвы за императора Нерона и, такимъ образомъ, безъ оглядки бросились въ пучину возстанія. Позже, когда этотъ первый шагъ вызвалъ самыя печальныя послѣдствія, гилелиты объявили виновникомъ несчастія этого священника, Захарію [2]). Отнынѣ храмъ повиновался вождю Элеазару, который былъ его начальникомъ, и сдѣлался раскаленнымъ очагомъ возстанія.

Партія мира съ болью взирала на подъемъ воинственнаго духа и хотѣла умѣрить пламя мятежа, прежде чѣмъ оно губительно вспыхнетъ; но мѣры, предпринятыя ею для умиротворенія, еще болѣе разожгли пламя. Они послали делегатовъ къ Флору и Агриппѣ и настоятельно просили

[1]) Т. Іуд. войны II. 17, 2; 8.

[2]) Т. же 17, 2.

ихъ выслать немедленно достаточное число войскъ въ Іерусалимъ. Первый не согласился на это предложеніе изъ трусости или, быть можетъ, изъ желанія дать ненавистнымъ ему евреямъ запутаться еще болѣе. Агриппа же выслалъ партіи мира на помощь три тысячи всадниковъ, ауранитянъ, батанеевъ и дикихъ трахонитянъ, подъ начальствомъ *Филиппа* изъ Батиры и начальника кавалеріи *Дарія*. Когда эти войска прибыли, оказалось, что зелоты успѣли уже занять Храмовую гору и Нижній городъ; имъ остались еще только цитадель Антонія и кварталъ знати—Верхній городъ. Между партіями завязался жаркій бой, въ которомъ приняли участіе оставленныя въ Іерусалимѣ войска римскія и царскій отрядъ. Ожесточенная борьба продолжалась семь дней (8—14 Ава, Августъ); на сторонѣ однихъ было военное искусство, на сторонѣ другихъ мужество энтузіазма. Бой былъ нерѣшителенъ. Въ день праздника дровъ (15 Ава) положеніе измѣнилось [1]). Зелоты запретили мирно настроеннымъ посѣщать храмъ, привлекли на свою сторону толпу, явившуюся съ жертвами на праздникъ, приняли также сикаріевъ, прокравшихся сюда въ толпѣ народа. Усиленные этими подкрѣпленіями, они вытѣснили противниковъ и овладѣли Верхнимъ городомъ. Народъ выместилъ свою ярость на сторонникахъ Рима, сжегъ дворцы царя Агриппы и принцессы Вероники, въ Верхнемъ городѣ спалилъ домъ богатаго священника Ананіи и, наконецъ, архивъ, въ которомъ сохранялись долговыя росписки. Чувство мести низшаго слоя народа нашло себѣ выходъ въ неистовствахъ противъ знатныхъ и богатыхъ. Перепуганные сторонники Рима залѣзли частью въ водосточныя трубы, частью заперлись вмѣстѣ съ войсками въ восточномъ дворцѣ Ирода. На другой день зелоты осадили римскіе посты въ Антоніи [2]), и послѣ двухдневныхъ усилій одолѣли ихъ (17 Ава). Послѣ этого они аттаковали находившіяся въ дворцѣ Ирода римскія и агриппины войска. Но дворецъ былъ укрѣпленъ, а гарнизонъ его прилагалъ все свое военное искусство, чтобы утомить осаждающихъ; поэтому имъ удалось добиться успѣха только тогда, когда съ ними соединилась сикарійская шайка Менахема. Гарнизонъ сдался послѣ восемнадцатидневной изнурительной осады, во время которой бой ни днемъ, ни ночью не прекращался. Еврейскимъ войскамъ, подъ командой Филиппа, было разрѣшено свободно отступить, римляне же, которымъ чувство стыда не позволяло просить пощады, покинули дворецъ и искали спасенія въ трехъ стѣнныхъ башняхъ: Гиппикосъ, Фазаель и Маріамна. Сикаріи, проникшіе въ лагерь послѣ ухода оттуда римлянъ, убили всѣхъ, кто не успѣлъ спастись бѣгствомъ (6 Элула, Августъ или Сентябрь [3]).

[1]) Т. же 17, 4—6.

[2]) Т. же 17, 7.

[3]) Т. же II. 17, 7-8.

Патріотическіе зелоты, руководимые Элеазаромъ, вскорѣ замѣтили, насколько невыгоднымъ для нихъ могъ бы сдѣлаться союзъ съ дикими сикаріями; святому дѣлу, за которое первые поднялись съ оружіемъ въ рукахъ, грозила опасность быть запятнаннымъ вторыми. Менахемъ и его спутники, гордые своей побѣдой надъ войсками Агриппы, которые сложили передъ ними оружіе, вели себя съ возмутительной безчеловѣчностью. Они убили Ананію и Езекію, которые отважились выйти изъ своего убѣжища въ клоакахъ [1]), хотя или, быть можетъ, потому, что они были въ близкомъ родствѣ съ Элеазаромъ. Менахемъ хотѣлъ казнить и Филиппа, начальника агриппинаго отряда, не смотря на условія сдачи; но вавилонскіе зелоты, состоявшіе въ родствѣ съ Филиппомъ, воспротивились этому злодѣйству, такъ что ему удалось благополучно покинуть Іерусалимъ. Кромѣ того, Менахемъ, какъ ловкій военачальникъ, требовалъ, чтобы ему было передано начальство и, вообще, велъ себя оскорбительно-высокомѣрно. Послѣ побѣды онъ вошелъ въ храмъ въ царской одеждѣ и съ гордой осанкой. Онъ, кажется, выдавалъ себя за Мессію и какъ таковой требовалъ себѣ почестей и послушанія; причиной этому послужило то, что имя его по тогдашнимъ мистическимъ толкованіямъ (Менахемъ-утѣшитель) указываетъ на высокое его предназначеніе. Дѣло дошло до спора между Элеазаромъ и Менахемомъ; первый упрекалъ Менахема въ высокомѣріи и заявилъ, что не стоитъ бороться за свободу, если можно оказаться вынужденнымъ повиноваться человѣку вродѣ предводителя сикаріевъ. Споръ перешелъ въ сраженіе. Сикаріи понесли пораженіе; Менахемъ, бѣжавшій въ кварталъ Офлу (къ югу отъ храмовой площади), былъ настигнутъ и казненъ; незначительная часть сикаріевъ подъ предводительствомъ *Элеазара бенъ-Яиръ,* потомка Іуды Галилеянина, успѣла бѣжать въ крѣпость Мазаду, занятую ихъ товарищами [2]).

Послѣ этого кроваваго инцидента, который былъ предвѣстникомъ подобныхъ происшествій въ дальнѣйшемъ, зелоты, руководимые Элеазаромъ, приступили къ осадѣ римскихъ войскъ. Начальникъ ихъ, Метилій, былъ въ концѣ-концовъ, вынужденъ просить пощады. Еврейскіе уполномоченные: *Горіонъ бенъ-Никомедъ* (или Никодемъ), *Ананія бенъ-Цадукъ* и *Іуда бенъ-Іонатанъ,* ведшіе съ нимъ переговоры, гарантировали ему свободное отступленіе по сдачѣ оружія и багажа. Но, какъ только они сложили оружіе, шайка Элеазара, движимая чувствомъ ненависти къ римлянамъ, напала на нихъ и всѣхъ перебила. Пощадили одного только Метилія, потому что онъ изъ страха смерти обѣщался перейти въ іудейство [3]). Онъ являлся живымъ трофеемъ побѣды евреевъ надъ римлянами. Какое ликованіе должно было подняться въ Іерусалимѣ, когда исчезли римляне, одинъ видъ которыхъ такъ долго внушалъ жителямъ страхъ и одновременно вызывалъ затаенный гнѣвъ! Вотъ почему день, когда Іерусалимъ былъ очищенъ отъ римлянъ (17 Элула), былъ причисленъ къ днямъ побѣды. Умѣренность, которую Элеазаръ и его партія соблюдали послѣ своей побѣды, указываетъ, какъ нельзя лучше, на благородство ихъ стремленій. Городъ былъ въ ихъ рукахъ, противники были беззащитны и, несмотря на это, даже пристрастный источникъ не можетъ указать никакихъ слѣдовъ преслѣдованій съ ихъ стороны. Чтобы уничтожить само воспоминаніе о римлянахъ, курсировавшія монеты съ именемъ ненавистнаго императора Нерона были изъяты изъ обращенія, и вмѣсто нихъ введены собственныя деньги съ древне-еврейской надписью и съ именемъ *Іерусалимъ.* На нихъ обозначалось время по новому лѣтосчисленію: *„Первый годъ освобожденія Израиля“.* Праздникъ Кущей приближался, и поэтому на новой монетѣ изображались символы этого радостнаго праздника: на одной сторонѣ праздничный букетъ, какимъ машутъ на эти праздники во время хвалебныхъ гимновъ (пальмовая вѣтвь съ миртовой и ивовой и красивый плодъ эсрогъ, похожій на лимонъ), а на другой сторонѣ красиво построенная праздничная куща въ видѣ портика съ четырьмя колоннами и другими украшеніями.

[1]) Т. же 17, 9.
[2]) Т. же II. 17, 10
[3]) Т. же Іуд. войны II. 17, 9; VII. 8, 1.

До сихъ поръ возстаніе ограничивалось своимъ очагомъ — Іерусалимомъ; остальная же Іудея оставалась спокойной во время происшествій въ столицѣ, хотя и была не мало возбуждена, и ожидала послѣдствій, которыя могли бы быть вызваны ими. Но Флоръ, тоже спокойно сидѣвшій въ Цезареѣ, позаботился, чтобы революція съ разрушительной силой, подобно огненному потоку, распространилась по всей странѣ и перешла ея границы. Услыхавъ о боѣ зелотовъ съ римской когортой въ Іерусалимѣ, цезарейскіе греки и сирійцы, безъ сомнѣнія, по указанію управителя, напали на евреевъ, которые успѣли опять вернуться туда. Произошло, повидимому, ужасающее побоище, потому что погибло больше 20,000 человѣкъ, а они едва ли дали рѣзать себя безъ сопротивленія. Въ Цезареѣ не осталось ни одного еврея. Бѣглецовъ Флоръ велѣлъ изловить, заковать въ кандалы и распредѣлить по кораблямъ въ качествѣ галерныхъ рабовъ [1]). И на этотъ разъ этотъ городъ послужилъ примѣромъ того, что ожидаетъ столицу. Эта безпримѣрная рѣзня вызвала ликорадочное возбуженіе во всемъ населеніи Іудеи и довела до безумія ненависть къ язычникамъ. Всюду, какъ по взаимному уговору, возникали партизанскіе отряды, которые нападали на языческихъ жителей, и убивали ихъ, жгли ихъ дома и разрушали ихъ имущество [2]). Эти кровавые набѣги

[1]) Флавій Іуд. войны II. 18, 1.
[2]) Т. же.

вызвали, въ свою очередь, самозащиту и месть со стороны язычниковъ. Еврейскіе юноши производили изъ Тиверіады набѣги на сосѣдніе города: Гадару, Гиппосъ и другіе, принадлежавшіе къ Декаполису, убивали грековъ, которые попадались имъ въ руки, жгли деревни и добирались, пылая жаждой мщенія, до Скиѳополиса [1]). Язычники, въ свою очередь, точно также нападали на своихъ еврейскихъ согражданъ тамъ, гдѣ они были въ меньшинствѣ, и убивали ихъ. Вслѣдствіе этого многіе сирійскіе и еврейскіе города раздѣлились на двѣ партіи, которыя днемъ ожесточенно сражались, а ночью подозрительно слѣдили одна за другой. Склонные къ іудаизму (іудействующіе) тоже стали подозрительны врагамъ. Во многихъ городахъ трупы скоплялись кучами и оставались непогребенными [2]). Это была религіозная война, и древній міръ не знаетъ другой, по размѣрамъ походящей на эту. Добыча, которую греческая или сирійская чернь понатаскала изъ еврейскихъ домовъ, возбуждала жадность ея къ новымъ грабежамъ. Евреи Аскалона, Птолеманды и перейскихъ городовъ Гадары и Гиппоса были ограблены, убиты или обращены въ рабство. Но въ Сидонѣ, Апамеѣ и Антіохіи язычники оставили своихъ еврейскихъ согражданъ въ покоѣ, ибо здѣсь значительно подавляли ихъ своей численностью, такъ что имъ нечего было опасаться.

Однако, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ сирійской столицѣ, одинъ еврейскій ренегатъ, по имени *Антіохъ*, возбудилъ въ язычникахъ вражду противъ своихъ соплеменниковъ. Антіохъ былъ сынъ главы антіохійской общины и послѣ своего отпаденія отъ іудаизма возненавидѣлъ своихъ соплеменниковъ и даже собственнаго отца. Онъ созвалъ народъ въ театръ и обманулъ его, заявивъ, будто отецъ его и всѣ евреи замышляютъ поджечь городъ. Развѣ язычники могли не повѣрить обвиненію, возбужденному евреемъ противъ своихъ же единовѣрцевъ? Возбудивъ народъ противъ евреевъ, онъ уговорилъ его смотрѣть, какъ на враговъ, на тѣхъ, кто не станетъ приносить жертвъ языческимъ богамъ. Только немногіе согласились приносить жертвы, остальные же, не взирая на грозившую имъ смерть, были непоколебимы, и многіе изъ нихъ жизнью заплатили за свою стойкость. Съ жестокостью ренегата Антіохъ заставилъ спасшихся отъ смерти работать по субботамъ; онъ выступалъ противъ празднованія субботы и въ окрестностяхъ [3]). Въ городѣ Бетзанѣ произошла вслѣдствіе расовой борьбы сцена, начавшая собой рядъ ужаснѣйшихъ самоубійствъ, которыми такъ богата исторія разрушенія храма. Языческіе жители этого города заключили со своими еврейскими согражданами союзъ и обѣщали сохранять мирныя отношенія, если тѣ помогутъ отбивать нападенія еврейскихъ партизанскихъ отрядовъ. Евреи Бетзана честно выполнили это условіе, безпощадно сражались со своими братьями и прогнали ихъ изъ окрестностей города. Особенно выдѣлялся при этомъ еврей гигантской силы и чрезвычайно мужественный, по имени *Симонъ бенъ-Саулъ*. Но какъ только язычники успокоились по этому поводу, они ночью напали на безпечныхъ евреевъ и произвели страшное кровопролитіе, убили около 13,000 тыс. чел. Оставался еще только Симонъ съ семьей; онъ своимъ отчаяннымъ видомъ и обнаженнымъ мечемъ привелъ въ ужасъ враговъ, когда они приблизились къ нему. Онъ мучился угрызеніями совѣсти вслѣдствіе того, что сражался противъ своихъ единоплеменниковъ за язычниковъ, и хотѣлъ умереть только отъ своей руки. Онъ убилъ своихъ престарѣлыхъ родителей, свою жену и дѣтей, вонзилъ послѣ этого мечъ себѣ въ грудь и упалъ на трупы своихъ близкихъ [1]).

Возгорѣвшаяся между евреями и язычниками вражда, начало которой было положено въ Цезареѣ, распространилась до Александріи [2]), гдѣ вызвала избіеніе евреевъ, тѣмъ болѣе печальное, что оно произошло по приказу ренегата. Александрійскіе греки, завистъ которыхъ къ ихъ еврейскимъ согражданамъ не угасла, хотѣли просить императора Нерона лишить евреевъ равноправія, хотя Клавдій подтвердилъ его имъ за своею печатью. Поэтому они собрались въ амфитеатрѣ города съ цѣлью выбрать депутацію. Возбужденная толпа замѣтила нѣсколькихъ евреевъ, которые пробрались въ собраніе, чтобы имѣть свѣдѣнія о рѣшеніи, столь близко касающемся ихъ интересовъ; она напала на нихъ, ругала ихъ шпіонами и трехъ изъ нихъ поволокла по улицамъ съ тѣмъ, чтобы сжечь ихъ живьемъ. Возмущенные до глубины души истязаніями своихъ братьевъ, евреи приготовились къ защитѣ, и, держа факелы, грозили поджечь амфитеатръ, въ которомъ греки еще засѣдали. Но, когда они сдѣлали видъ, будто хотятъ привести въ исполненіе это намѣреніе, то въ дѣло вмѣшался намѣстникъ, Тиверій Александръ, чтобы остановить распространеніе разрушительной гражданской войны. Но онъ только подлилъ масла въ огонь; александрійскіе евреи ненавидѣли его, какъ вѣроотступника, и упрекнули его въ его отступничествѣ. Тогда Тиверій Александръ настолько потерялъ самообладаніе, что выпустилъ свои легіоны на еврейскій кварталъ, предоставляя свободу ихъ дикости. Немедленно солдаты, жаждавшіе крови и грабежей, подобно дикимъ звѣрямъ, наводнили красивый кварталъ Дельты, убивали всѣхъ, кто попадался имъ на пути, жгли дома и наполнили площади кровью и трупами. Въ этой бойнѣ погибло 50,000 евреевъ; а человѣкъ, отдавшій этотъ приказъ убивать, приходился племянникомъ восторженно относившемуся къ своей національности еврейскому мудрецу, Филону.

[1]) Vita 9, 12, 66, 74.
[2]) Іуд. войны II. 18, 1-2. 5.
[3]) Т. же VII. 3, 3.
[1]) Т. же II. 18, 3.
[2]) Т. же 18, 7-8.

Такимъ образомъ, движеніе, возбужденное предводителемъ зелотовъ, Элеазаромъ бенъ-Ананія, получило весьма ужасающее распространеніе; революція отвѣдала крови, это гнало ее впередъ, она захватывала самыхъ равнодушныхъ людей и почти всю націю превратила въ зелотовъ. Со дня на день увеличивалось число мужественныхъ бойцовъ, подошли ожидаемыя подкрѣпленія изъ Адіабены и Вавилоніи. Члены адіабенскаго царскаго дома, братья и сыновья царя Изата, частью воспитанные въ Іерусалимѣ, изъ которыхъ извѣстны своими именами двое: *Монобазъ* и *Кеннедай* [1]), предложили свои услуги и держались до послѣдней минуты. Въ Іерусалимъ прибыло три богатыря, которые втроемъ стоили цѣлой арміи: Нигеръ изъ заіорданской области, *Сила* изъ Вавилоніи и *Симонъ баръ-Гіора* [2]), пламенный патріотъ, который былъ страшенъ римлянамъ съ начала войны до конца. Между тѣмъ вожаки революціи послѣ побѣды надъ римлянами и своими противниками не предпринимали ничего особеннаго. Достоинъ упоминанія только тотъ фактъ, что они напали на устроенную Иродомъ недалеко отъ Іерихона крѣпость *Кипросъ*, уничтожили гарнизонъ и разрушили городъ. Въ это же время римскій гарнизонъ покинулъ сильную крѣпость Махерусъ, такъ какъ этотъ пунктъ былъ лишенъ возможности получить помощь [3]). Махерусъ оставался въ рукахъ зелотовъ въ продолженіи шести лѣтъ.

Намѣстникъ Сиріи, Цестій Галлъ, на обязанности котораго лежало поддерживать честь римскаго оружія и охранять господство римлянъ надъ ввѣренными ему странами, не могъ болѣе спокойно смотрѣть на распространеніе возстанія. Поэтому онъ собралъ свои легіоны и воспомогательные отряды сосѣднихъ правителей, которые охотно предоставили въ его распоряженіе свои отряды для борьбы съ евреями. Одинъ Агриппа присоединилъ къ римской арміи 3000 пѣхотинцевъ и 2000 всадниковъ и предложилъ себя въ проводники по мѣстности, опасной своими горами и ущельями. Цестій повелъ изъ Антіохіи противъ Іудеи свыше 30,000 опытныхъ воиновъ и не сомнѣвался въ томъ, что ему удастся однимъ ударомъ уничтожить еврейскихъ повстанцевъ. По всему своему пути вдоль морского берега онъ оставлялъ во всѣхъ городахъ кровавые слѣды и пожарища. Красивый городъ *Хабулонъ* сдѣлался жертвой пламени. Въ *Іоппе* было перебито свыше 8000 евреевъ, а городъ былъ сожженъ; такъ же было поступлено съ жителями города *Нарбаты*, лежавшаго недалеко отъ Кесареи, и съ жителями *Антипатриды*. *Лидду* римское войско застало совершенно опустѣлой, такъ какъ населеніе ея частью отправилось на праздникъ Кущей въ Іерусалимъ, частью присоединилось

[1]) Т. же **19**, 2; VI. **6**, 4.
[2]) Т. же II. **19**, 2.
[3]) Т. же I. **18**, 6.

къ борцамъ за свободу. Городъ былъ тотчасъ же подожженъ, а оставшіеся тамъ пятьдесятъ безоружныхъ и стариковъ были убиты. Сопротивленіе встрѣтилъ только одинъ отрядъ главнаго войска подъ начальствомъ Галла, бродившій по одной части Галилеи. Сепфорисъ, главный городъ въ этой странѣ, принялъ римскіе отряды съ радостными кликами; населеніе все время выказывало себя дружелюбнымъ къ римлянамъ. Между тѣмъ еврейскіе вольные отряды Галилеи собрались на горѣ *Азамонъ* (?), противъ Сепфориса, оказали упорное сопротивленіе римскому нападенію и убили двѣсти римскихъ солдатъ. Но будучи окружены со всѣхъ сторонъ и преслѣдуемы конницей, они оставили на мѣстѣ битвы 2000 человѣкъ [1]).

Какъ только іерусалимскіе зелоты получили извѣстіе о приближеніи римскаго войска, они, несмотря на субботу, схватились за оружіе и этимъ показали, что они не боятся римскихъ легіоновъ, и что субботнія постановленія не могутъ ихъ стѣснять во время войны. На разстояніи мили отъ Іерусалима, у *Габаота*, Цестій сдѣлалъ остановку, ожидая, вѣроятно, изъявленія раскаянія и покорности. Но зелоты съ такимъ одушевленіемъ напали на римское войско, что прорвали его ряды и при первомъ же натискѣ убили свыше 500 враговъ, сами потерявъ при этомъ только двадцать два человѣка (26 Тишри, Октябрь). Въ этой первой удачѣ отличились адіабенскіе князья. Если бы римская конница не пришла на помощь пѣшимъ отрядамъ, то послѣдніе были бы въ этотъ день истреблены [2]). Цестій долженъ былъ приказать своимъ отрядамъ отступить на Бетъ-Хоронъ. Симонъ Баръ-Гіора напалъ съ тылу на римлянъ, разбилъ аррієргардный отрядъ, прикрывавшій тылъ, и доставилъ въ Іерусалимъ добычу. Въ то время, какъ побѣдители затянули пѣсню Осанну, Цестій оставался въ бездѣйствіи въ лагерѣ и не рѣшался двинуться впередъ. Двое мужей, посланныхъ Агриппой къ жителямъ Іерусалима съ предложеніемъ сложить оружіе, были встрѣчены выстрѣлами; одинъ изъ нихъ былъ убитъ, другой тяжело раненъ.

На слѣдующій день римское войско снова приблизилось къ столицѣ, но въ теченіе трехъ дней не начинало нападенія. Зелоты покинули внѣшнія части города, не представлявшія достаточной защиты, и удалились внутрь защищеннаго крѣпкими стѣнами города и къ храму. Наконецъ, римляне двинулись, разрушили первое предмѣстье Бецету, Новый городъ и такъ называемый Дровяной рынокъ, затѣмъ они направились дальше до западнаго пункта, который лежалъ противъ дворца Ирода (на Сіонѣ), и здѣсь расположились лагеремъ (30 Тишри). Но это не испугало зелотовъ, они сбросили со стѣнъ измѣнниковъ, которые, по совѣту *Анана*

[1]) Іуд. войны 18, 9—11; 19, 1.
[2]) Т. же 19, 1-2.

бенъ-Іонатанъ, хотѣли открыть ворота врагу, и приготовились къ защитѣ занятыхъ мѣстъ. Пять дней подрядъ римляне вели штурмъ противъ стѣнъ, но каждый разъ принуждались выстрѣлами евреевъ къ отступленію. Только на шестой день имъ удалось отчасти подорвать сѣверную стѣну противъ храма [1]). Но Цестій не использовалъ достигнутаго успѣха; онъ считалъ безполезнымъ продолжать борьбу съ воодушевленными героями, такъ какъ походъ затянулся бы на долгое время. Дождливое, осеннее время приближалось или уже наступило и препятствовало подвозу съѣстныхъ припасовъ. При продолжительной осадѣ римскому войску грозила опасность въ этой гористой мѣстности со всѣхъ сторонъ подвергаться нападеніямъ отдѣльныхъ стрѣлковъ, которые могли по частямъ уничтожить его. Поэтому, должно быть, Цестій счелъ болѣе разумнымъ начать отступленіе [2]). Врядъ-ли трусость внушила ему это рѣшеніе.

Какъ только жители Іерусалима замѣтили это неожиданное отступленіе римлянъ, они бросились за ними въ погоню, нападали на нихъ съ горныхъ хребтовъ съ тылу и съ фланговъ, такъ какъ римское войско могло двигаться только по дорогамъ, проложеннымъ въ долинахъ и тѣснинахъ. Большое число убитыхъ римлянъ покрыло дороги; между убитыми были даже высокопоставленные начальники. Когда войско достигло лагеря въ Габаотѣ, оно увидѣло себя окруженнымъ многочисленными еврейскими отрядами; Цестій увидѣлъ себя въ опасности, сталъ ускорять отступленіе и покинулъ тяжелый багажъ. Въ узкомъ ущельѣ Бетъ-Хорона римскому войску пришлось еще гораздо хуже; подвергаясь со всѣхъ сторонъ нападеніямъ, оно пришло въ разстройство и не могло защищаться вслѣдствіе крутизны горъ, съ которыхъ евреи дождемъ пускали въ нихъ стрѣлы. Въ безпорядочномъ бѣгствѣ поспѣшили римляне къ Бетъ-Хорону и были бы почти всѣ истреблены, если бы наступившая ночь не защитила ихъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія [3]). Чтобы съ наступающимъ днемъ не подвергнуться снова тѣмъ же гибельнымъ схваткамъ, Цестій пустилъ въ ходъ военную хитрость, чтобы обмануть евреевъ, осаждавшихъ всю ночь Бетъ-Хоронъ. Онъ оставилъ 400 храбрѣйшихъ воиновъ въ лагерѣ, а всему войску приказалъ двигаться дальше, такъ что съ наступленіемъ дня, когда замѣтили эту хитрость, оно было уже далеко впереди. Евреи перебили 400 оставленныхъ воиновъ, долго державшихся, и преслѣдовали римское войско до Антипатриса, не догнавъ его однако. Зато они нашли богатую добычу оружія и осадныхъ орудій, которыя они и доставили въ видѣ трофея въ Іерусалимъ и которыми они позже воспользовались противъ своихъ враговъ. Военная касса Цестія, попавшая въ ихъ руки, увеличила храмовую казну. Войско Цестія потеряло въ этомъ первомъ походѣ противъ презрѣнныхъ евреевъ 6000 римлянъ и союзниковъ, а легіонъ, приведенный Цестіемъ изъ Антіохіи противъ Іерусалима, составлявшій зерно войска, потерялъ свое знамя, что считалось у римлянъ величайшимъ позоромъ и сравнивалось съ постыднымъ пораженіемъ [1]).

[1]) Т. же 19. 2—6.
[2]) Т. же 19, 7.
[3]) Т. же 19, 8.

Съ громкими военными пѣснями возвратились зелоты въ Іерусалимъ (8 Marcheschwan, Октябрь), и радостныя надежды на свободу и самостоятельность наполняли ихъ грудь. Казалось, вернулось счастливое время хасмонеевъ, и еще въ болѣе блестящемъ видѣ. Развѣ не было разбито наводящее страхъ на всю землю римское войско и не принуждено было къ позорному бѣгству? Какая перемѣна въ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ (отъ 17 Іяра до 8 Мархешвана)! До того все еще трепетало предъ трусливымъ Флоромъ и его малочисленнымъ отрядомъ, теперь же римляне бѣжали! Развѣ помощь Божья не проявилась во всей милости надъ ними, какъ нѣкогда надъ ихъ предками? И въ сердцѣ зелотовъ не прокрадывалась никакая боязнь за будущее. „Какъ мы разбили двухъ полководцевъ [2]) (Метилія и Цестія), такъ мы побѣдимъ и ихъ преемниковъ“. Эта увѣренность въ себѣ воодушевляла ихъ на предстоящую борьбу. Зелоты считали себя вправѣ разсматривать тѣхъ, которые еще говорили о переговорахъ съ римлянами и о покорности имъ, какъ измѣнниковъ отечеству, какъ враговъ еврейства. Партія мира потеряла въ этотъ моментъ подъ собой почву, весь народъ, опьяненный удивительной побѣдой, былъ всей душой преданъ вожакамъ зелотовъ, а сторонники римлянъ не осмѣливались громко высказывать свои убѣжденія. Многіе изъ нихъ тайно покинули Іерусалимъ, другіе притворно раздѣляли ненависть зелотовъ къ Риму и любовь къ свободѣ [3]). Между тѣмъ братья-иродіане, Костобаръ и Саулъ, покинувшіе Іерусалимъ уже послѣ первой побѣды зелотовъ, отправились по предложенію Цестія въ Грецію къ Нерону, чтобы оправдать возникновеніе возстанія, свалить вину за него на Флора и увѣрить императора въ вѣрной преданности ему всего еврейскаго народа, за исключеніемъ нѣсколькихъ горячихъ головъ. Въ то-же время восторгавшіеся побѣдой зелоты вычеканили въ честь ея новыя монеты съ надписью: „*Первый годъ освобожденія Израиля*“ надъ именемъ „*Элеазаръ, священникъ*“; это, вѣроятно, Элеазаръ бенъ-Симонъ, который былъ казначеемъ храма и считался главою зелотовъ.

Это освободительное движеніе отъ чужеземнаго владычества было настолько сильно и увлекательно, что даже нѣкоторые мирные, боящіеся

[1]) Т. же 19, 9. Sueton Vesp. 4.
[2]) Флавій Vita 6; Іуд. войны III. 2, 1.
[3]) Іуд. войны II. 20, 1. 3; Vita 6.

крови ессеи не могли устоять противъ него, и, преодолѣвая свою набожность, вступали въ ряды борцовъ [1]). Даже самаритяне забыли свою старую вражду къ евреямъ, и ненависть къ римлянамъ объединила ихъ въ общемъ дѣлѣ съ ихъ вчерашними врагами [2]). Только іудео-христіане уже настолько были чужды національнаго дѣла, что іерусалимская община, ссылаясь на свое болѣе высокое призваніе, покинула Іерусалимъ и переселилась въ языческій городъ Пеллу по другую сторону Іордана [3]).

Въ столицѣ наступило оживленіе, придававшее ей необычный видъ. Повсюду можно было видѣть военныя приготовленія на случай новаго нападенія. Стѣны Іерусалима были настолько укрѣплены, что они могли оказать долгое время сопротивленіе врагу, въ особенности, сѣверныя стѣны и предмѣстье Бецета, укрѣпленіе которыхъ Агриппой I осталось неоконченнымъ. Юноши ежедневно занимались военными упражненіями [4]), и воодушевленіе замѣняло недостатокъ въ военной опытности. Во всѣхъ частяхъ Іудеи враги римлянъ и патріоты подняли головы и стали образовывать временные комитеты для приготовленій къ колоссальной борьбѣ. Иноземные евреи принимали горячее участіе въ этомъ возстаніи.

Относительно внутреннихъ учрежденій, введенныхъ какъ слѣдствіе могучаго подъема духа и побѣды надъ Цестіемъ, существуютъ самыя неопредѣленныя указанія. Дружественный римлянамъ историкъ, который старается очернить отпаденіе отъ Рима, не охотно говоритъ объ этихъ учрежденіяхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, великій Синедріонъ снова получилъ свою неограниченную власть и пріобрѣлъ право рѣшенія въ политическихъ и военныхъ вопросахъ [5]). Во главѣ высокаго совѣта стоялъ *Симонъ бенъ-Гамаліилъ,* изъ дома Гилела, человѣкъ, даже по описанію его противника, проницательный и энергичный, который привелъ бы задуманное возстаніе къ успѣшному концу, если бы всегда слѣдовали его совѣтамъ [6]). Свое благоразуміе онъ рекомендовалъ и своимъ приверженцамъ въ слѣдующемъ изреченіи: „Я всегда росъ среди мудрыхъ людей и пришелъ къ заключенію, что нѣтъ ничего полезнѣе молчанія, и кто много говоритъ, тотъ впадаетъ въ грѣхъ“. Относительно тѣхъ фарисейскихъ учителей обѣихъ школъ, которые всѣ труды свои посвящали толкованію буквы закона, выводили изъ нихъ новыя постановленія и ставили себѣ это въ заслугу, Симонъ бенъ-Гамаліилъ замѣтилъ: „Не толкованіе является главной добродѣтелью, а исполненіе“ [7]). Хотя онъ не принадлежалъ къ крайнимъ зелотамъ, однако онъ стоялъ за энергичныя мѣры къ веденію

[1]) Іуд. войны II. 8, 10; 20, 4; 2, 1.
[2]) Т. же III. 7, 32; Vita 52.
[3]) Евсевій, Исторія церкви III. 5, 3.
[4]) Іуд. войны II. 22, 1.
[5]) Т. же II. 20, 5.
[6]) Флавій Vita 38.
[7]) Трактатъ Abot I, 17.

войны и поддерживалъ со всей силой своего авторитета тѣхъ, которые искренно стремились къ революціи [1]). На монетахъ, выпущенныхъ въ первый и второй годъ достигнутой самостоятельности имѣется надпись: „*Симонъ, князь* (первоприсутствующій) *израильскій*“, которая, весьма вѣроятно, имѣетъ въ виду патріарха Симона, сына Гамаліила. Само собой понятно, что уголовный судъ снова неограниченно перешелъ въ руки еврейскаго трибунала; имѣется также примѣръ тому, что Синедріонъ наказывалъ, какъ до вмѣшательства римлянъ, преступниковъ. Распутная дочь одного священника, согласно предписанію закона, была предана смертной казни черезъ сожженіе. Въ это же время, кажется, глубокая ненависть язычниковъ въ Палестинѣ и Сиріи къ евреямъ вызвала со стороны послѣднихъ строгія мѣры, которыя были введены въ самомъ строгомъ духѣ шамаитами и крайними зелотами.

Послѣ пораженія Цестія еще болѣе усилилось ожесточеніе язычниковъ противъ ихъ еврейскихъ сосѣдей. Желая ли предупредить нападеніе со стороны евреевъ или же изъ мести за нанесенное римлянамъ пораженіе, язычники соединялись вмѣстѣ и безпощадно перебивали въ своихъ городахъ евреевъ съ ихъ женами и дѣтьми [2]). Жители Дамаска опасались разглашать свое намѣреніе напасть на евреевъ, такъ какъ почти всѣ женщины Дамаска принадлежали къ іудейству. Поэтому они заманили евреевъ въ зданіе гимназіи и убили въ этомъ замкнутомъ мѣстѣ за одинъ разъ 10.000 изъ нихъ [3]). Эти кровополитія должны были тѣмъ сильнѣе наполнять душу патріотовъ ужасомъ, что ярость чаще всего направлялась противъ совершенно неповинныхъ общинъ, которыя не принимали даже отдаленнѣйшаго участія въ возстаніи. Само собой разумѣется, евреи отплачивали тѣмъ же, насколько позволяли ихъ силы, сосѣднимъ язычникамъ. Это мщеніе въ свою очередь снова вызывало мщеніе со стороны язычниковъ. Такимъ образомъ увеличивалась расовая вражда между евреями съ одной стороны и римлянами и греками съ другой, которая выходила далеко за узкіе предѣлы Палестины. А такъ какъ всѣ народы, жившіе въ области Іудеи: сирійцы, греки, римляне, александрійцы считали интересы римскаго царя своими собственными интересами, то крайніе зелоты считали себя вправѣ переносить свою вражду противъ Рима на всѣхъ язычниковъ. Вслѣдствіе этого, повидимому, приверженцы шамаитской школы внесли въ синодъ предложеніе установить преграду между евреями и язычниками, исключить всякое общеніе, не допускать никакихъ сношеній съ ними. Уже задолго до этого запрещено было пользоваться масломъ, добытымъ у язычниковъ. Теперь это обособленіе еще обострилось. Евреи

[1]) Флавій Vita 38-39.
[2]) Т. же 6.
[3]) Іуд. войны II. 20, 2.

не должны были впредь покупать у язычниковъ ни вина, ни хлѣба, ни другихъ видовъ пищи, не должны были принимать отъ нихъ приношеній для храма, не говорить на ихъ языкѣ, не ставить ихъ въ свидѣтели и вообще не входить съ ними ни въ какія сношенія. Эти постановленія извѣстны подъ названіемъ *„восемнадцати“*. Религіозная строгость и политическій зелотизмъ шли рука объ руку въ тѣ смутныя времена. Вся сильная любовь къ свободѣ имѣла источникомъ глубочайшую религіозность. Умѣренные въ вопросахъ политики и религіи гилелиты не соглашались съ этими мѣрами обособленія, врывавшимися въ самыя частныя отношенія. Они, вѣроятно, имѣли въ виду отчасти трудность ихъ проведенія, отчасти положеніе иноземныхъ евреевъ, которые вслѣдствіе этихъ мѣръ рисковали подвергнуться всѣмъ ужасамъ враждебнаго къ нимъ отношенія. Они были поэтому недовольны этимъ предложеніемъ, но должны были покориться большинству Синода, состоявшему изъ шамаитовъ. При созывѣ Синода все происходило дѣйствительно по-зелотски. Элеазаръ бенъ-Ананія—вѣроятно, вождь зелотовъ — который самъ былъ законоучителемъ, собралъ приверженцевъ обѣихъ школъ въ своемъ домѣ. Вооруженная стража стояла у входа и получила приказаніе впускать каждаго, но не выпускать никого. Многіе гилелиты, должно быть, нашли себѣ смерть во время горячихъ споровъ. День, въ который шамаиты провели свои постановленія (9 Адара, февр.), считался поэтому впослѣдствіи днемъ несчастья, вслѣдствіе насильственнаго характера этого синода. Еще многія другія ограниченія, предложенныя шамаитами, получили въ этомъ синодѣ силу закона.

Тотъ же Элеазаръ бенъ-Ананія, по иниціативѣ котораго осуществлены были эти постановленія, въ это же время пустилъ въ ходъ еще другія средства, чтобы наэлектризовать народъ пламеннымъ, самоотверженнымъ патріотизмомъ. Онъ приказалъ собрать исторію Хасмонеевъ, которая была въ обращеніи только по частямъ, свести ее въ одно цѣлое и передалъ народу для подражанія подвигамъ этихъ героевъ (Megillat Bet-Chaschmonaim). Болѣе блестящаго образца нельзя было представить народу. Дошедшая до насъ первая книга Маккавеевъ, повидимому, произошла изъ этого сборника и была обогащена дополненіями изъ того времени. Слова, вложенныя въ уста умирающаго главы рода Хасмонеевъ, Матаѳіи: „Итакъ, дѣти, *ревностно охраняйте* законъ и отдавайте вашу жизнь за завѣтъ вашихъ отцовъ“ являются явнымъ отраженіемъ пламеннаго рвенія зелотовъ. „Пинхасъ, нашъ отецъ, *ревностно охраняя* законы, получилъ завѣтъ вѣчнаго священства. Илія *ревностно охранялъ* законъ, и былъ зато вознесенъ до небесъ“. *Ревностное охраненіе* закона отъ язычниковъ признается въ этой книгѣ высшей

добродѣтелью. Элеазаръ бенъ-Ананія велѣлъ составить на халдейскомъ языкѣ въ видѣ короткихъ, удобныхъ для запоминанія фразъ списокъ всѣхъ дней поминовенія отъ древнѣйшаго времени до послѣдняго возстанія (Свитокъ постовъ, Megillat Ta'anit). Народъ долженъ былъ вспоминать о дняхъ побѣды, о томъ, что онъ не разъ попадалъ въ большую опасность, но Богъ Израиля всегда чудеснымъ образомъ спасалъ его на краю гибели. Исторія должна была вызвать и поддерживать пламя воодушевленія. Какъ кажется, въ это время еще разъ заговорили о канонѣ св. Писанія. Двѣ книги, въ которыхъ не проявляется настоящій еврейскій духъ: „Пѣснь пѣсней“ и „Когелетъ“, святость которыхъ подвергалась сомнѣнію уже раньше, должны были быть, по предложенію шамаитовъ, изъяты изъ обращенія. Книга пророка *Іезекіиля* должна была быть исключенной изъ числа св. писаній, такъ какъ въ ней нѣкоторыя законодательныя постановленія противорѣчатъ Торѣ. Элеазаръ бенъ-Ананія постарался спасти эту книгу и—хорошо или плохо—устранить противорѣчія. Такимъ образомъ Книга Іезекіиля удержалась какъ канонически священная.

Воинственная дѣятельность, которая шла рука объ руку съ внутреннимъ движеніемъ, не прекращалась ни на одну минуту. Прежде всего подумали о томъ, чтобы выбрать военачальниковъ и намѣстниковъ для предстоящей войны. Какъ кажется, выборы исходили отъ самого народа, который собирался на Храмовой горѣ и подавалъ свои голоса. Однако что-нибудь должно было произойти, что вызвало голосованіе, неблагопріятное для крайнихъ зелотовъ. Элеазаръ бенъ-Ананія, давшій первый толчекъ къ могущественному движенію, былъ поставленъ только намѣстникомъ совершенно неважной страны Идумеи и при этомъ еще долженъ былъ раздѣлять свои полномочія съ другимъ лицомъ, *Іошуа бенъ-Сапфія*. Въ дальнѣйшемъ ходѣ войны о немъ больше не будетъ говориться. Крайній зелотъ, *Элеазаръ бенъ-Симонъ*, былъ совершенно проваленъ при выборахъ, хотя онъ былъ благороднаго происхожденія и имѣлъ надзоръ за храмовой казной. Въ глазахъ тѣхъ, которые присвоили себѣ правленіе, онъ былъ слишкомъ ревностнымъ другомъ свободы. За то получили премущество умѣренные люди, даже такіе, которые раньше были друзьями римлянъ. *Іосифъ бенъ-Горіонъ* и *Ананъ*, сынъ Анана, который короткое время былъ первосвященникомъ (стр. 335), получили очень важныя назначенія, а именно, надзоръ за Іерусалимомъ и укрѣпленіемъ его. Кромѣ нихъ, были назначены еще пять намѣстниковъ надъ различными частями страны: *Іосифъ бенъ-Симонъ* надъ областью Іерихона; *Манассія* надъ Переей; ессей *Іоаннъ* надъ страной Ѳамна, къ которой принадлежали Лидда, Эммаусъ и Іоппе; *Іоаннъ бенъ-Ананія* надъ Гофнитидой и Акрабатаной, на сѣверо-востокъ отъ Іерусалима; са-

мый важный постъ достался *Іосифу бенъ-Матѳіи* [1]). Народъ былъ еще ослѣпленъ обаяніемъ знатныхъ фамилій и не могъ рѣшиться поставить во главѣ отважныхъ и преданныхъ мужей неизвѣстнаго происхожденія. Онъ жестоко поплатился за свое довѣріе къ лицемѣрной священнической знати. Намѣстники были надѣлены во ввѣренныхъ имъ странахъ неограниченными полномочіями, однако они были отвѣтственны передъ центральнымъ правленіемъ. Центръ тяжести правленія лежалъ въ большомъ Синедріонѣ, а слѣдовательно въ рукахъ его предсѣдателя, Симона бенъ-Гамаліилъ, и его совѣтниковъ, Анана и Іосифа бенъ-Горіонъ. Хотя Симонъ былъ главою фарисеевъ, а бывшій первосвященникъ Ананъ не скрывалъ своихъ цадукейскихъ убѣжденій (стр. 334), однако это религіозное разногласіе не мѣшало имъ идти рука объ руку другъ съ другомъ [2]). Любовь къ отечеству брала верхъ надъ партійными раздорами. Однако единеніе было только обманчивое, такъ какъ высокая знать, тайные друзья римлянъ засѣдали и имѣли право голоса въ Синедріонѣ, и своимъ разногласіемъ во мнѣніяхъ вызывали неустойчивость сужденій. Вслѣдствіе этого же разногласія во взглядахъ проистекала половинчатость мѣръ, парализовавшая всякую энергію. Кромѣ того, Синедріонъ очень часто подпадалъ вліянію измѣнчиваго народнаго мнѣнія, всегда во время революціи пріобрѣтающаго значеніе. Такъ правилъ Синедріонъ безъ всякой энергіи почти два года, пока ему не пришлось, вслѣдствіе собственной несостоятельности, передать бразды въ руки крайнихъ зелотовъ.

[1]) Іуд. войны II. 20, 3-4.

[2]) Флавій, Vita 38-39, 44, 60

ГЛАВА XV.

Галилейская война.

Свойства почвы и населеніе Галилеи. Возстаніе въ Галилеѣ. Іоаннъ изъ Гисхалы и Юстъ изъ Тиверіады. Іосифъ Флавій, его юность и характеръ. Его дѣятельность въ качествѣ правителя Галилеи. Начало галилейской войны. Разрушеніе Габары. Битвы и гибель Іотапаты. Іосифъ переходитъ къ римлянамъ. Паденіе Тарихеи. Безчеловѣчное отношеніе Веспасіана къ іудейскимъ плѣннымъ. Осада и паденіе Гамалы и взятіе горы Таворъ. Сдача Гисхалы. Іоаннъ изъ Гисхалы убѣгаетъ въ Іерусалимъ.

(66—67).

Страна, для защиты которой назначенъ былъ намѣстникъ Іосифъ бенъ-Матѳіи, была послѣ столицы самымъ важнымъ пунктомъ, благодаря своему мѣстоположенію, удивительному плодородію, обильнымъ средствамъ пропитанія и крѣпкому населенію; она служила передовымъ укрѣпленіемъ

Іерусалима. Горная страна Галилея, съ площадью приблизительно въ 675 километровъ, граничила на сѣверной сторонѣ съ финикійцами и сирійцами, на югѣ же простиралась до края равнины Іезреель (такъ называемая Великая равнина); на сѣверѣ она подымалась террасами до основанія колоссальнаго нагорья Антиливанонъ (Хермонъ). На востокѣ Галилея круто спадаетъ къ долинѣ Іордана и двумъ прѣснымъ озерамъ Меромъ и Генисаретъ (Тиверіадское озеро), а на западѣ идетъ покато къ Средиземному морю. Благодаря этой смѣнѣ возвышенностей и просторныхъ равнинъ, страна эта въ то время, когда усердно обрабатывалась, отличалась почти сказочнымъ плодородіемъ и райской красотой. Это была въ буквальномъ смыслѣ страна, „гдѣ текутъ молоко и медъ“, богатая хлѣбомъ и древесными растеніями [1]), въ особенности область *Тиверіады* и *Сепфориса* [2]). Въ Галилеѣ было такое богатство растительнаго масла, что оно питало сирійцевъ и финикійцевъ и составляло обильный источникъ дохода для жителей [3]). Особенно извѣстна была своими многочисленными масличными растеніями область города Гисхалы, которая и получила свое названіе отъ жирной почвы (Gusch-Chaleb [4]). Побережье *Генисаретскаго* озера было самымъ плодороднымъ мѣстомъ. Вслѣдствіе его жаркаго климата деревья круглый годъ покрыты были листвой; нѣжнѣйшіе фрукты поспѣвали въ Генисаретѣ на мѣсяцъ раньше, чѣмъ въ остальныхъ странахъ. Генисаретскія произведенія: пальмы, финиковыя пальмы, лимонныя, оливковыя деревья, миндаль и дыни считались самыми вкусными во всей Палестинѣ [5]). *Хоразинъ* и *Капернаумъ* на западномъ берегу озера давали превосходнѣйшую пшеницу [6]). Мѣстность вокругъ *Сихина* Азохисъ) вблизи Сепфориса и *Кефаръ-Ханины* доставляла чистую глину, изъ которой приготовлялась крѣпкая утварь [7]). Всегда ясная гладь Генисаретскаго озера доставляла въ изобиліи рѣдкихъ рыбъ, а на поверхности его постоянно шныряли лодки, которыми сообщались между собою жители противоположныхъ береговъ [8]). Теплый источникъ *Эммауса* (Chamtan) вблизи Тиверіады привлекалъ многихъ своими лѣчебными свойствами и возвращалъ многимъ больнымъ здоровье.

Изъ всѣхъ областей Палестины Галилея имѣла самое богатое и густое населеніе, въ ней было поразительное число городовъ и деревень, доходившее до 200, при чемъ самый маленькій городъ, вѣроятно, имѣлъ 15,000 жителей [9]). Слѣдовательно, все населеніе Галилеи превосходило

[1]) Флавій, Іуд. войны III. 3, 2-3.

[2]) Megilla 6 a.

[3]) Іуд. войны II. 21, 2.

[4]) Sabbat 120 b. Baba mezia 74 b. Genesis Rabba 86, ст. 97 b.

[5]) Іуд. войны II. 21, 8; III. 10, 7.

[6]) Т. же Vita 45; Іуд. войны. III. 3, 3.

[7]) Menachot 85 b. Sifri къ Ha-asinu № 316.

[8]) Флавій. Іуд. войны III. 10, 8.

[9]) Menachot 85 a. Ср. стр. 216.

три милліона, такъ что на одну квадратную милю приходилось свыше 60,000 человѣкъ. На возвышенностяхъ и горныхъ склонахъ красовались города, изъ которыхъ иные искони были укрѣплены, такъ какъ сама природа образовала для нихъ валы, и человѣческой рукѣ мало приходилось помогать природѣ. Два города считались центральными пунктами Галилеи: *Сепфорисъ* (Циппори) на горной плоскости и *Тиверіада* на озерѣ того же имени; оба они украшены и увеличены были продіанскими правителями (стр. 203). Вблизи Тиверіады по котловинѣ Генисаретскаго озера, невдалекѣ отъ берега, лежалъ рядъ городовъ, частью въ долинѣ, частью по горнымъ склонамъ. Совсѣмъ вблизи Тиверіады находился городокъ *Бетъ-Маонъ* [2]). На разстояніи мили на сѣверъ отъ Тиверіады лежала *Магдала-Тарихея,* а недалеко отъ нея *Арбела,* извѣстная своими многочисленными гротами, въ которыхъ всегда находили себѣ вѣрное убѣжище вольные отряды. Далѣе на сѣверѣ лежали два города, извѣстные своими богатыми урожаями пшеницы: *Капернаумъ* и *Хоразинъ*. Совсѣмъ на сѣверѣ лежала *Бетзайда,* которую продіанскій правитель Антипа назвалъ *Юліей*. Недалеко отъ юго-восточнаго берега озера лежала *Гамала;* жители ея, говорятъ, обнаружили во время галилейской войны изумительную храбрость. Крайними сѣверными городами Галилеи были: *Габара,* самый значительный послѣ Сепфориса и Тиверіады городъ Галилеи, далѣе *Іотапата* и *Гисхала;* два послѣднихъ города считались старыми крѣпостями. Только до этихъ поръ простирались границы Галилеи; лежавшая сѣвернѣе страна Кезибъ (Экдиппа) считалась во всѣхъ отношеніяхъ иностранной [3]). Галилея дѣлилась на Верхнюю и Нижнюю (Galil eljon, Galil tachton) [4]), но границу между ними нельзя вполнѣ точно установить. Какъ кажется, граница эта проходила отъ конца Тиверіадскаго озера до Птоломаиды (Акко).

Жители Галилеи были прилежны и трудолюбивы и умѣли пользоваться плодородіемъ ихъ благословенной страны. Это были сильные, воинственные, упорные люди [5]), которые съ непоколебимымъ упрямствомъ привязывались къ хорошимъ и дурнымъ нравамъ, вѣрѣ и суевѣрію и готовы были жертвовать за нихъ своимъ добромъ и кровью. Этотъ именно грубый, неповоротливый, мужицкій характеръ дѣлалъ галилеянъ тѣмъ болѣе приверженными къ возстанію, что оно было поднято во имя религіи въ защиту святынь. Съ этимъ населеніемъ, изъ среды котораго вышли Іисусъ изъ Назарета, первые христіанскіе апостолы и Іуда, основатель партіи зелотовъ, какой-нибудь смѣлый, проницательный и послѣдовательный полководецъ могъ бы сдѣлать чудеса; въ его распоряженіи были бы богатства почвы, крѣпкіе,

[1]) Флавій, Vita 12. Ierus. Erubin 5, 1, 22 b. [2]) Gittin 7 b.
[3]) Флавій, Іуд. войны III. 3, 1. Schebiit 9, 2. [4]) Флавій, b. 3, 2.

способные къ сопротивленію города, цвѣтущее юношеское населеніе и неисчерпаемое воодушевленіе.

Эта страна, населенная отважными людьми, не осталась спокойной при извѣстіи о возстаніи въ Іерусалимѣ и пораженіи Цестія. Напротивъ она поддалась обаянію свободы съ такой безграничной готовностью, которая исключаетъ всякое размышленіе. Да и какъ же могли галилеяне оставаться равнодушными? Они вѣдь видѣли, какъ въ непосредственной близи отъ нихъ язычники избивали ихъ братьевъ. Ежедневно приходили въ ихъ города несчастные еврейскіе бѣглецы и искали тамъ защиты. И сами они должны были каждый день опасаться самаго сквернаго со стороны своихъ языческихъ сосѣдей. Поэтому большинство мелкихъ и крупныхъ городовъ вооружались, чтобы быть готовыми на случай нападенія, и ожидали распоряженій отъ высокаго Совѣта въ Іерусалимѣ. Въ Галилеѣ образовалось три очага революціи: *Гисхала* на крайнемъ сѣверѣ, *Тиверіада* на югѣ и *Гамала* напротивъ Тиверіады на восточномъ берегу озера. Іудейскіе жители Гисхалы были въ извѣстной степени вызваны къ возстанію; языческое населеніе сосѣднихъ городовъ—тирійцы, зоганы и другіе—собрались вмѣстѣ, напали на Гисхалу, частью уничтожили ее пожаромъ и разрушили до основанія. Тогда во главѣ разъяренныхъ гисхалцевъ сталъ мужъ, который призванъ былъ вести до послѣдняго часа войну противъ римлянъ и вмѣстѣ съ Симономъ баръ-Гіора наводилъ ужасъ на нихъ. *Іоаннъ бенъ-Леви* изъ Гисхалы началъ свою карьеру съ того, что собралъ подъ свои знамена недовольныхъ евреевъ изъ Верхней Галилеи и привлекъ къ себѣ бѣглецовъ изъ сирійскихъ городовъ, чтобы съ ними напасть на языческое населеніе сосѣднихъ городовъ и наказать его за разбойничьи набѣги. Іоаннъ изъ Гисхалы былъ совершенно бѣденъ и слабъ здоровьемъ [1]), но онъ принадлежалъ къ тѣмъ характерамъ съ пламенной душой, которые берутъ верхъ надъ тягостными условіями жизни и тѣлесными оковами и заставляютъ обстоятельства служить ихъ планамъ. Дѣла, совершенныя имъ, сами говорятъ о его смѣлости, непоколебимости, преданности дѣлу родины и независимости. За благородный образъ мыслей Іоанна ручается искренняя дружба, которая связывала его съ главой Синедріона, Симономъ бенъ-Гамаліилъ [2]). Что касается изображенія его интриганомъ, лицемѣрнымъ, своекорыстнымъ, кровожаднымъ [3]), то оно принадлежитъ его злѣйшему врагу, который въ своей страстной раздражительности не зналъ мѣры, стараясь оклеветать своего политическаго и личнаго противника даже за гробомъ. Въ началѣ галилейскаго возстанія единственное честолюбіе Іоанна изъ Гисхалы состояло

[1]) Флавій, Vita 16; Іуд. войны II. 21, 1-2, 6. [2]) Т. же Vita 38.
[3]) Т. же Іуд. войны II 21, 1; VII. 8, 1.

въ томъ, чтобы укрѣпить стѣны своего родного города, сдѣлать его очагомъ возстанія, чтобы отбить охоту у враждебныхъ сосѣдей къ новымъ нападеніямъ и чтобы противопоставить вторженію римлянъ однимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ больше. Когда Іоаннъ позже заработалъ значительныя суммы на маслѣ, которое онъ продавалъ евреямъ въ Сиріи и Кесареѣ-Филиппахъ, такъ какъ тѣ не хотѣли пользоваться языческимъ масломъ, то онъ эти деньги употребилъ только на то, чтобы нанять патріотическіе вольные отряды. Онъ уже собралъ вокругъ себя свыше четырехъ тысячъ [1]) человѣкъ, частью галилеянъ, частью бѣглецовъ изъ Сиріи, число которыхъ все болѣе возрастало. Значительная Габара, которая слѣдовала вліянію виднаго борца, Симона, друга Іоанна, сильно поддерживала послѣдняго [2]).

Въ Тиверіадѣ, второмъ очагѣ движенія, революціонной партіи приходилось сильно бороться съ расположенными къ римлянамъ противниками, и отсюда проистекали печальныя столкновенія. Красивый городъ на озерѣ, принадлежавшій уже много лѣтъ царю Агриппѣ, пользовался подъ его правленіемъ сноснымъ положеніемъ и мало могъ жаловаться на притѣсненіе. Несмотря на это, большая часть населенія Тиверіады была настроена по-зелотски и спѣшила освободиться отъ Агриппы [3]). Душой возстанія былъ *Юстъ*, сынъ Писта, знатнаго происхожденія, который получилъ греческое образованіе и впослѣдствіи написалъ на греческомъ языкѣ исторію своего народа. Юстъ обладалъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, благодаря которому онъ умѣлъ склонять народъ къ своимъ планамъ [4]); но его вліяніе ограничивалось только состоятельными классами. Ему оказывалъ помощь одинъ зелотъ, по имени *Іошуа бенъ-Сапфія*, который держалъ въ рукахъ низшіе классы народа, рыбаковъ и сносчиковъ изъ Тиверіады [5]). Противъ нихъ выступала аристократическая партія, которая сохраняла вѣрность царю Агриппѣ и римлянамъ; представителями ея являлись: *Юлій Капеллъ*, *Иродъ бенъ-Міаръ*, *Иродъ бенъ-Гамала* и *Компзе бенъ-Компзе* [6]). Однако мирная партія не имѣла опоры въ народѣ и должна была терпѣть, что Тиверіада все глубже погружалась въ революцію. Какъ только жители Тиверіады услыхали о пораженіи Цестія, они предприняли, подъ предводительствомъ Юста и Іошуи бенъ-Сапфія, походъ съ цѣлью отомстить язычникамъ тѣхъ городовъ, которые такимъ безчеловѣчнымъ образомъ перебили своихъ еврейскихъ согражданъ. Гамала, важнѣйшій городъ на юго-восточномъ берегу озера, вслѣдствіе своего возвышеннаго положенія и неудобнаго доступа легкій

[1]) Іуд. войны 21, 1.
[2]) Т. же Vita 25; 45.
[3]) Т. же 9, 65.
[4]) Т. же 9.
[5]) Т. же, 12, 27—9.
[6]) Т. же 9, 12.

для защиты и трудный для завоеванія, былъ явно побужденъ къ возстанію юдофобствомъ сосѣднихъ сирійцевъ.

Вблизи Гамалы жило іудейско-вавилонское племя, которое, какъ выше было упомянуто (стр. 166), переселилось при Иродѣ I въ Батанею, гдѣ и выстроило много мелкихъ городовъ и крѣпость *Батиру*. Вавилоняне (такъ называли эту колонію) были вѣрными приверженцами дома Ирода, и Филиппъ, внукъ Замариса, перваго основателя колоніи, былъ предводителемъ агриппиныхъ отрядовъ, которые боролись съ зелотами въ Іерусалимѣ. Когда они должны были сдаться, ихъ предводитель, вопреки намѣренію Менахема, былъ спасенъ вавилонянами, находившимися въ рядахъ зелотовъ, такъ какъ онъ обѣщалъ, что присоединится къ ихъ борьбѣ противъ Рима. Между тѣмъ Филиппу удалось переодѣтымъ бѣжать изъ Іерусалима и добраться до своихъ. Его прибытіе было очень непріятно намѣстнику *Вару*, котораго Агриппа поставилъ въ Кесареѣ (Неронiадѣ) на время своего отсутствія. Дѣло въ томъ, что Варъ, родственникъ царя *Согема* изъ Эмезы, льстилъ себя надеждой быть преемникомъ Агриппы, на котораго сторонники Рима старались навлечь подозрѣніе въ томъ, что онъ тайно участвовалъ въ революціи. Чтобы привести въ исполненіе свои планы, Варъ побудилъ сирійцевъ въ Кесареѣ-Филиппахъ коварно убить евреевъ, чтобы не было свидѣтелей его предпріятія, которые бы открыли его Агриппѣ. Но онъ боялся вавилонянъ и въ особенности Филиппа, такъ какъ они были вѣрны царю, и кромѣ того онъ опасался, чтобы они не вздумали мстить за избіеніе ихъ соплеменниковъ. Поэтому онъ старался заманить Филиппа къ себѣ, чтобы устранить его; но послѣдній, къ счастью, лежалъ въ страшной лихорадкѣ, которую онъ схватилъ вслѣдствіе перенесенныхъ въ Іерусалимѣ опасностей и во время бѣгства. Однако Вару удалось заманить къ себѣ семьдесятъ самыхъ уважаемыхъ вавилонянъ, и большинство изъ нихъ было умерщвлено. Ужасъ охватилъ вавилонянъ при этомъ извѣстіи въ ихъ городахъ, гдѣ они не чувствовали себя въ безопасности. Они поспѣшно спасались въ Гамалу и пылали местью не только противъ Вара, но также противъ сирійцевъ, которые оказали ему помощь. Филиппъ также бѣжалъ въ эту горную крѣпость, но старался удержать своихъ людей отъ мести [1]). Но даже послѣ того, какъ Агриппа удалилъ Вара (наказать его онъ не посмѣлъ изъ боязни передъ Согемомъ), батанейскіе вавилоняне были такъ возбуждены и склонны пристать къ врагамъ римлянъ, что царь принужденъ былъ приказать Филиппу удалить ихъ изъ Гамалы и увести въ Батанею. Вслѣдствіе этого въ городѣ возникло такое броженіе, что жители враждебно отнеслись къ уходившимъ вавилонянамъ, причемъ погибъ род-

[1]) Флавій, Іуд. войны II. 18, 6; Vita 11.

ственникъ Филиппа, *Харесъ*. *Іосифъ*, сынъ одной акушерки, пламенно призывалъ молодежь Гамалы къ отпаденію отъ Агриппы и завоеванію свободы [1]). Верхняя Гауланская область съ предмѣстьемъ *Согано* и городъ *Селейкія* на Меромскомъ озерѣ тоже отпали отъ Агриппы [2]). Такимъ образомъ вулканъ революціи пробилъ себѣ въ Галилеѣ во многихъ пунктахъ отверствія, въ другихъ онъ былъ близокъ къ изверженію, еще до того, какъ Іосифъ бенъ-Матѳій принялъ, въ качествѣ депутата Высокаго Синедріона, управленіе. Только Сепфорисъ—самый большой городъ, собственно столица Галилеи—остался вѣренъ римлянамъ и сумѣлъ держаться вдали отъ возстанія. Причина этого поражающаго доброжелательства къ римлянамъ со стороны іудейскаго города кроется въ томъ обстоятельствѣ, что Сепфорисъ, послѣ того, какъ намѣстникъ, Квинтилій Варъ, разрушилъ его, а туземныхъ жителей-іудеевъ, бывшихъ послѣдователями вождя зелотовъ Іуды, продалъ въ рабство, былъ населенъ преимущественно пришлымъ элементомъ (стр. 189). Во всей Галилеѣ господствовало глубокое ожесточеніе противъ Сепфориса; особенно же завидовали ему тиверіадцы, такъ какъ онъ превзошелъ рангомъ ихъ городъ и при Агриппѣ II былъ объявленъ столицей [3]). Задача намѣстника Галилеи состояла въ томъ, чтобы вызвать примиреніе и привлечь къ возстанію жителей Сепфориса. Такимъ образомъ, на плечахъ этого человѣка лежала тяжелая отвѣтственность; ибо отъ его поведенія зависѣло, достигнетъ ли предпринятая съ такимъ судорожнымъ напряженіемъ революція желаемой цѣли или же получитъ трагическую развязку. Къ несчастью, Іосифъ былъ не тѣмъ человѣкомъ, который могъ бы счастливо разрѣшить грандіозную задачу, и своимъ поведеніемъ онъ значительно способствовалъ паденію іудейскаго государства.

Іосифъ бенъ-Матѳій, болѣе извѣстный подъ именемъ *Іосифа Флавія* изъ Іерусалима (род. 37-38, ум., вѣроятно, въ 95 г.), происходилъ изъ знатной священнической фамиліи и, будто бы, по женской линіи находился въ родствѣ съ хасмонейскимъ домомъ [4]). Онъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Матѳіемъ получилъ тщательное образованіе и пріобрѣлъ, благодаря общенію съ законоучителями, знанія закона [5]), которыя, однако, не были очень велики. Три года онъ былъ ученикомъ отшельника *Бана*, который жилъ въ пустынѣ, питался полевыми плодами и ежедневно купался въ холодной водѣ, по образцу ессеевъ [6]). Жажда знаній побудила Іосифа заняться изученіемъ также и греческой образованности. Однако, онъ лишь съ большими трудностями изучилъ греческій языкъ; произношеніе послѣдняго было такъ для него трудно, что онъ, даже послѣ многолѣт-

[1]) Vita 35-36. [2]) Т. же 37, ср. Іуд. войны IV 1,1. [3]) Т. же Vita 8-9.
[4]) Т. же Vita 1; Древн. XVI. 7, 1. [5]) Vita 1. [6]) Т. же.

нихъ занятій, не могъ его усвоить [1]). На 27 году Іосифъ имѣлъ случай отправиться въ Римъ для того, чтобы ходатайствовать за двухъ фарисеевъ, посланныхъ туда въ качествѣ плѣнныхъ. Будучи введенъ іудейскимъ актеромъ, *Алитиромъ*, къ императрицѣ Поппеѣ, онъ сумѣлъ добиться освобожденія этихъ плѣнныхъ [2]). Императрица, дружелюбно настроенная по отношенію къ евреямъ, къ тому же щедро одарила его. Пребываніе въ Римѣ было рѣшающимъ моментомъ въ выработкѣ характера Іосифа. Блескъ двора Нерона, жизнь мірового города, грандіозность государственныхъ учрежденій настолько ослѣпили его, что онъ считалъ римскую власть созданной на вѣчныя времена и особенно покровительствуемой божественнымъ Провидѣніемъ. Онъ подъ пурпуромъ и золотомъ не видѣлъ гнойныхъ нарывовъ, которыми какъ разъ въ то время болѣлъ Римъ. Съ того момента Іосифъ благоговѣлъ передъ всѣмъ римскимъ.

Флавію, полному чрезмѣрнаго восхищенія Римомъ, по возвращеніи въ Іерусалимъ, положеніе вещей въ Іудеѣ должно было казаться жалкимъ и ничтожнымъ. Какъ онъ долженъ былъ смѣяться надъ поведеніемъ неистовыхъ зелотовъ, которые только объ одномъ мечтали— изгнать римлянъ изъ Іудеи! Они ему казались безумцами. Онъ попытался поэтому, пользуясь своимъ накопленнымъ опытомъ, разстроить зарождавшіеся революціонные планы [3]). Имѣя едва 30 лѣтъ отъ роду, онъ считалъ себя самымъ умнымъ своей націи; вѣдь онъ и превосходилъ знаніемъ греческаго языка своихъ земляковъ, „которые“, какъ онъ презрительно о нихъ говоритъ: „издѣваются надъ греческой литературой, придавая цѣнность лишь знанію своихъ законовъ и святого Писанія“ [4]). Когда же онъ увидѣлъ, что народъ серьезно взялся за оружіе и выступилъ въ борьбу противъ римлянъ, онъ укрылся съ нѣкоторыми единомышленниками въ храмѣ и не посмѣлъ выйти оттуда раньше, чѣмъ узналъ, что у кормила стояли умѣренные зелоты съ Элеазаромъ бенъ-Ананія во главѣ [5]). Изъ боязни возбудить гнѣвъ зелотовъ своимъ всѣмъ извѣстнымъ доброжелательствомъ по отношенію къ римлянамъ, Іосифъ лицемѣрно выражалъ симпатіи свободѣ, а втайнѣ радовался тому, что Цестій придетъ со всей своей ратью и положитъ конецъ освободительному угару [6]). Успѣхъ обманулъ, однако, его ожиданія. Цестій отступилъ въ безпорядкѣ.

Какъ это случилось, что приверженецъ Рима, Іосифъ, получилъ въ управленіе самую важную часть страны, Галилею, непонятно. Можетъ быть, ему помогъ его другъ, бывшій первосвященникъ, Іошуа бенъ-Гамала, имѣвшій большое вліяніе въ совѣтѣ. Неужели онъ въ своемъ

[1]) Т. же Древности, конецъ. [4]) Т. же Древности, конецъ.
[2]) Т. же Vita 5. [5]) Т. же Vita 3.
[3]) Т. же. [6]) Т. же.

притворствѣ дошелъ до того, что выдавалъ себя за зелота? Во всякомъ случаѣ, лицемѣріе и безпринципность наряду съ тщеславіемъ были основными чертами характера Іосифа. Онъ злоупотреблялъ и религіею, прикрывая ею свои слабости, и, подъ видомъ набожности, затѣвалъ самыя скверныя дѣла. Какъ все въ этомъ человѣкѣ было мелочно и жалко, такъ и въ его притворствѣ не было ничего великаго; это была, скорѣе, хитрость ограниченнаго человѣка, который умѣетъ, не считаясь со своимъ достоинствомъ, ловко выпутываться изъ затруднительнаго положенія и даже извлекаетъ изъ него выгоду [1]). Геройская рѣшимость, съ которой была проведена революція въ Іерусалимѣ, и побѣда надъ войскомъ Цестія произвели, очевидно, на Іосифа, какъ и на другихъ трезвыхъ и будничныхъ людей, страшное впечатлѣніе. Правда, полное отпаденіе отъ всемогущаго Рима казалось ему сумасброднымъ планомъ. Но онъ, вѣроятно, надѣялся, что римскій дворъ сдѣлаетъ нѣкоторыя уступки упорно сопротивлявшимся іудеямъ, передавъ управленіе Іудеей царю Агриппѣ и предоставивъ ему положеніе, полученное его отцомъ отъ Клавдія и его дѣдомъ отъ Августа. Іосифъ лишь дѣйствовалъ въ пользу Агриппы и въ этомъ отношеніи онъ поступалъ не совсѣмъ безчестно и измѣнически. Самому Агриппѣ революція вовсе не была нежелательна; онъ также надѣялся извлечь изъ нея пользу въ смыслѣ увеличенія своей власти. Шаги, которыхъ онъ, какъ вассалъ Рима, не могъ предпринять, онъ дѣлалъ чрезъ посредство Іосифа, съ которымъ онъ состоялъ въ тѣсной дружбѣ.

Синедріонъ далъ въ помощь Іосифу двухъ свѣдущихъ въ законѣ мужей, *Іоазара* и *Іуду*, которыхъ Флавій называетъ то превосходными людьми, то продажными тварями [2]). Но они были совсѣмъ незначительными людьми и скоро исчезли изъ арены или-же были побуждены Іосифомъ къ возвращенію на родину. Если бы онъ обладалъ хотя бы истиннымъ честолюбіемъ, то онъ долженъ былъ бы чувствовать себя удовлетвореннымъ тѣмъ величайшимъ довѣріемъ, которое оказали ему представители націи, и считать долгомъ своей чести заслужить его. Онъ долженъ былъ отречься отъ своихъ личныхъ убѣжденій и дѣйствовать лишь согласно взглядамъ своихъ вѣрителей. Но онъ былъ не честолюбивъ, а только тщеславенъ.

Въ первое время, когда Іосифъ выступилъ на арену своей дѣятельности, казалось, будто онъ серьезно желаетъ для великой цѣли поддержать революціонный пылъ галилеянъ. Онъ приказалъ созвать нѣчто вродѣ Синедріона изъ семидесяти знатныхъ мужей, по образцу Высокаго совѣта въ Іерусалимѣ [3]), быть можетъ, для того, чтобы дѣйствовать независимо

[1]) Т. же 41.
[2]) Флавій Vita 7, ср. 12-13.
[3]) Іуд. войны II. 20, 5; Vita 14.

отъ послѣдняго. Для уголовнаго судопроизводства онъ назначилъ чиновниковъ для отдѣльныхъ частей Галилеи и выбралъ въ каждомъ городѣ семь человѣкъ для внутренняго управленія. Онъ набралъ войска, численность коихъ, говорятъ, доходила до изумительной цифры, до 100 тысячъ воиновъ, далъ имъ оружіе, обучалъ ихъ правиламъ римскаго военнаго искусства, пріучалъ ихъ къ порядку, дисциплинѣ и разнымъ формальностямъ, которыя необходимы въ воинственной націи, но менѣе для народа, воодушевленнаго свободой. Онъ создалъ даже и конный отрядъ и нанялъ въ свое услуженіе вольныя дружины (численностью около 5000 чел.), которымъ онъ далъ указаніе взяться за оружіе лишь по его приказу и оставить грабежи. Онъ окружилъ себя личной охраной, состоявшей изъ 500 атлетовъ-тѣлохранителей, которые должны были подчиняться его указаніямъ [1]). Онъ началъ укрѣплять рядъ городовъ въ Верхней и Нижней Галилеѣ и приказалъ накопить тамъ жизненные припасы. Такимъ образомъ онъ вначалѣ очень серьезно отнесся къ дѣлу защиты страны. Тотчасъ же по прибытіи въ Галилею, Іосифъ, по своей ли собственной волѣ или по порученію Синедріона, зашелъ такъ далеко въ своемъ усердіи, что приказалъ разрушить дворецъ въ Тиверіадѣ, построенный Антипой и принадлежавшій царю Агриппѣ, за то, что тамъ были выставлены, противно еврейскому закону, изображенія животныхъ [2]). Для этой цѣли онъ собралъ наиболѣе видныхъ жителей Тиверіады въ близъ лежащій Бетъ-Маонъ и старался переубѣдить тѣхъ изъ нихъ, кто были монархически настроены, не противиться разрушенію дворца. Въ то время, однако, какъ Іосифъ находился еще въ переговорахъ по этому вопросу съ Капелломъ и его товарищами, Іошуа бенъ-Саффіа предупредилъ его. Со своими приверженцами изъ лодочниковъ Іошуа сжегъ дворецъ и раздѣлилъ между ними добычу. Это не понравилось Іосифу; ибо онъ не хотѣлъ портить своихъ отношеній къ Агриппѣ. Поэтому онъ поспѣшилъ въ Тиверіаду, чтобы перехватить найденныя во дворцѣ сокровища и передать ихъ въ вѣрныя руки, дабы онѣ не пропали для царя Агриппы [3]). Несмотря на отвѣтственность, которую Іосифъ взялъ на себя, онъ всегда велъ двойную игру: предъ народомъ онъ притворялся зелотомъ, друзьямъ же римлянъ онъ выдавалъ себя за ихъ тайнаго единомышленника. Этимъ двусмысленнымъ поведеніемъ онъ парализовалъ движеніе вмѣсто того, чтобы придать ему силу.

Особенно ненавистенъ былъ ему Іоаннъ изъ Гисхалы, неустанная бодрость и духовное превосходство коего возбудили его зависть; сначала Іоаннъ подчинился Іосифу, какъ депутату Высокаго совѣта. Іосифъ ста-

[1]) Т. же Іуд. войны II. 20. 5, 7-8.
[2]) Vita 12-13.
[3]) Т. же 20, 6.—Vita 37.

рался создавать Іоанну, какъ и всѣмъ патріотамъ, всяческія препятствія. Когда послѣдній просилъ разрѣшенія продать царскій хлѣбъ въ деревняхъ Верхней Галилеи, собранный, несомнѣнно, изъ податей натурой, для того, чтобы на вырученныя деньги возвести стѣны вокругъ города, Іосифъ отказалъ ему въ этомъ, такъ какъ хотѣлъ, по его собственному разсказу, сохранить хлѣбъ для римлянъ или же для собственнаго употребленія. Только благодаря посредничеству двухъ совѣтниковъ Іосифа, Іоазара и Іуды, Іоаннъ добился разрѣшенія употребить хлѣбъ въ интересахъ очечества [1]). При этомъ обстоятельствѣ Іоаннъ сразу постигъ лицемѣріе намѣстника и старался обезвредить его. То, что Іоанну сдѣлалось сразу яснымъ, открылось позже при другомъ случаѣ и самымъ близоруким людямъ: отъ Іосифа можно было ожидать скорѣе несчастья, чѣмъ помощи.

Нѣсколько юношей изъ города Дабаритта, у подошвы горы Таборъ, напали на жену повѣреннаго Вереники и Агриппы, отважившуюся совершить поѣздку по мѣстности, жители коей клялись въ ненависти къ царю Агриппѣ, какъ римскому ставленнику, и, отнявъ у нея много благороднаго металла и драгоцѣнныхъ одеждъ, отдали всю эту богатую добычу Іосифу, тогда находившемуся въ Тарихеѣ. Изъ чрезмѣрнаго расположенія къ царю, Іосифъ позаботился о томъ, чтобы вернуть послѣднему все отобранное, между тѣмъ, какъ юношамъ налгалъ, будто отошлетъ добычу въ Іерусалимъ, въ національную кассу. Жители Дабаритта разгадали его замыслы и распространили въ окрестностяхъ молву, что Іосифъ измѣнникъ и хочетъ предать страну римлянамъ. Немедленно, съ наступленіемъ утра, въ Тарихею стеклись окрестные жители, ожесточенные противъ Іосифа. Іошуа бенъ-Саффіа еще болѣе подзадоривалъ народъ; онъ взялъ въ руки священное Писаніе и заклиналъ толпу, если не ради самихъ себя, то во имя Святой книги, не оставлять безнаказаннымъ измѣнника. Ожесточеніе противъ Іосифа было такое всеобщее, что даже его личная охрана, за исключеніемъ немногихъ, покинула его. Онъ бы безвозвратно погибъ, ибо толпа приблизилась уже къ его дому, чтобы поджечь его, если бы ему не удалось спастись благодаря хитрости и лжи. Онъ одѣлъ траурное облаченіе, повѣсилъ на шею мечъ и появился съ умоляющимъ видомъ въ тарихейскій ипподромъ, чтобы вызвать къ себѣ состраданіе. Какъ только получилъ слово, онъ, съ безстыднымъ лукавствомъ, убѣдилъ тарихейцевъ въ томъ, что онъ будто не сохраняетъ добычи ни для Агриппы, ни для Іерусалима, а намѣренъ употребить ее на укрѣпленіе стѣнъ ихъ города. Легковѣрные тарихейцы приняли это оправданіе, сулившее имъ выгоду, объявили себя его сторонникамя и даже вступили съ жителями другихъ

[1]) Vita 13.

городовъ въ горячій споръ; въ это время Іосифъ пробрался въ свой домъ. Изъ возбужденной толпы, теперь успокоившейся и разсѣявшейся, осталось, однако, нѣсколько сотенъ людей, которые не дали себя одурачить красивыми фразами Іосифа; они приблизились къ его дому и сдѣлали приготовленія, чтобы поджечь его. Іосифъ сумѣлъ, однако, завлечь къ себѣ въ домъ вожака, приказалъ его высѣчь до крови, отрубить ему руку, которая была ему повѣшена на шею, и выбросилъ изуродованнаго на улицу къ его друзьямъ, которые послѣ этого въ ужасѣ удалились [1]). Съ этого момента исчезла надежда на мужественную защиту Галилеи. Іосифъ былъ подобенъ демону раздора, которому выпала задача подрывать единодушіе. Онъ началъ съ мелочныхъ дрязгъ и раздоровъ то съ Іоанномъ изъ Гисхалы, то съ жителями Тиверіады, а кончилъ кровавыми распрями со своими противниками. Онъ раскололъ Галилею на двѣ партіи, изъ которыхъ одна группировалась вокругъ него, другая—вокругъ Іоанна.

Къ Іоанну примыкали пламенные патріоты, которые не сомнѣвались ужъ болѣе въ лицемѣріи Іосифа; особенно были на его сторонѣ жители Габары; остальные же жители Галилеи были частью приверженцами Іосифа. Ограниченные галилеяне не были въ состояніи постигнуть двусмысленность его роли. Оба партійныхъ вожака смертельно ненавидѣли другъ друга, но не уступали другъ другу въ хитрости и притворствѣ. Іоаннъ прибылъ со своими приверженцами въ Тиверіаду подъ лживымъ, какъ разсказываетъ Іосифъ, предлогомъ леченія своего недуга въ горячихъ источникахъ Тиверіады, въ дѣйствительности же съ цѣлью, сообща съ Іустомъ, его отцомъ Пистомъ и Іошуей бенъ-Саффія, убѣдить тиверіадцевъ не принимать болѣе приказовъ Іосифа. Послѣдній, однако, провѣдалъ о происках противъ него, поспѣшилъ изъ Каны въ Тиверіаду и застигнулъ врасплохъ своихъ противниковъ, не ожидавшихъ его появленія. Но ожесточеніе противъ него было такъ велико, что нѣкоторые изъ тѣлохранителей Іоанна приблизились къ нему, чтобы убить его; онъ спасся лишь быстрымъ бѣгствомъ на корабль, который привезъ его въ дружественную ему Тарихею. Іосифъ такъ подзадорилъ жителей этого города противъ тиверіадцевъ, что первые клялись уничтожить Тиверіаду, и ему стоило усилій нѣсколько умѣрить ихъ гнѣвъ [2]). Такъ Галилея была расколота измѣнической двойственностью Іосифа на два лагеря.

Когда Іоаннъ убѣдился, что большинство галилеянъ было ослѣплено обманомъ, будто Іосифъ—преданный и надежный патріотъ, и поддерживало его всѣми силами, онъ послалъ своего брата Симона и сто другихъ депутатовъ къ Синедріону въ Іерусалимъ, чтобы обжаловать превратныя

[1]) Т. же Іуд. войны II. 21, 3—5; Vita 26—30.

[2]) Флавій. Vita 18-19. Іуд. войны т. же 21, 6-7.

дѣйствія Іосифа и побудить Высокій Совѣтъ лишить его полномочій и отозвать. Президентъ Синедріона, Симонъ бенъ-Гамаліилъ, бывшій другомъ Іоанна и не очень довѣрявшій Іосифу, а также Ананъ, бывшій первосвященникъ [1]), поддержали это предложеніе и добились того, что въ Галилею были посланы четыре депутата, которымъ было поручено всѣми средствами принудить Іосифа къ сложенію съ себя своихъ обязанностей и живымъ или мертвымъ доставить его въ Іерусалимъ. Болѣе крупныя общины Тиверіады, Сепфориса и Габары получили синедріальныя посланія слѣдующаго содержанія: Іосифъ—врагъ отечества; общины не должны оказывать ему защиты, а, наоборотъ, поддерживать Іоанна. Надъ головой Іосифа витала большая опасность. Онъ проявилъ, однако, при этомъ такую необычайную хитрость и дѣятельность, что разстроилъ изданный противъ него приказъ. Съ одной стороны онъ не хотѣлъ оставлять полюбившейся ему должности, съ другой же стороны онъ не желалъ проявлять неповиновенія Синедріону; поэтому онъ прибѣгнулъ къ ловкой хитрости. Какъ только онъ узналъ отъ своего отца (которому выдалъ все членъ Синедріона Іошуа бенъ-Гамала) о враждебныхъ противъ него дѣйствіяхъ Синедріона, онъ принялъ свои мѣры. Онъ сдѣлалъ видъ, будто занятъ подготовленіемъ войны противъ римлянъ, которые намѣревались вторгнуться въ Галилею изъ Птолеманды, и давалъ депутатамъ, требовавшимъ его отъѣзда, каждый разъ уклончивые отвѣты, всегда съ такимъ смиреннымъ видомъ, точно онъ охотно желалъ сложить съ себя свои обязанности. Особенно онъ старался возстановить галилейскія массы противъ депутатовъ. Депутаты Синедріона переходили такимъ образомъ изъ одного города въ другой, не достигая своей цѣли, и подвергались нѣсколько разъ опасности быть избитыми приверженцами Іосифа, которыхъ онъ подстрекалъ противъ нихъ [2]).

Утомленные переѣздами, депутаты, по совѣту Іоанна, рѣшили тайно разослать по всей Галилеѣ пословъ съ извѣщеніемъ о томъ, что Іосифъ подвергнутъ опалѣ, и всякій освобождается отъ повиновенія ему. Какой-то измѣнникъ сообщилъ, однако, Іосифу это рѣшеніе. Съ быстротой, достойной лучшаго дѣла, Іосифъ приказалъ своимъ тѣлохранителямъ занять проходы, которые вели отъ Габары, мѣстопребыванія депутатовъ, къ близлежащимъ галилейскимъ городамъ и Іерусалиму, перехватить пословъ съ письмами и доставить ему ихъ. Затѣмъ онъ призвалъ къ оружію всѣхъ своихъ приверженцевъ изъ малыхъ городовъ и деревень, собралъ ихъ вокругъ себя и выставилъ себя роковой жертвой демонической злобы. Вся эта хитрая ложь настолько ожесточила массу противъ депутатовъ, что она готова была растерзать послѣднихъ, какъ только она ихъ замѣчала.

[1]) Іуд. войны т. же 21, 7. Vita 38. [2]) Vita 40 - 45.

Іосифу же представился случай проявить свое миролюбіе и великодушіе, удерживая имъ же самимъ вызванную бурю. Чтобы ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе и привлечь его на свою сторону, онъ избралъ изъ многихъ городовъ простодушныхъ людей, которые отправились въ Іерусалимъ, чтобы до небесъ превозносить управленіе Іосифа и просить Синедріонъ оставить его въ Галилеѣ и отозвать депутатовъ, Іонатана и его друзей [1]).

Между тѣмъ послѣдніе, увидѣвъ, что въ Верхней Галилеѣ они ничего добиться не могутъ, удалились оттуда и направились въ Тиверіаду, надѣясь найти тутъ болѣе сильную поддержку. Іосифъ слѣдовалъ, однако, по пятамъ за ними и умѣлъ своимъ пронырствомъ разрушать всѣ ихъ планы. Потерявшіеся депутаты Синедріона, между прочимъ, рѣшили устроить день всеобщаго поста и покаянья, чтобы молить Бога о помощи, безъ чего оружіе безсильно [2]). Весь народъ устремился въ большую прозеуху *) Тиверіады, вмѣщавшую много тысячъ людей. Хотя всѣ должны были явиться невооруженными, Іосифъ и его тѣлохранители не преминули захватить оружіе, которое они носили подъ верхнимъ платьемъ. Какъ только послѣ молитвы перешли къ обсужденію дѣлъ, и противники Іосифа напали на него, друзья его бросились на нападавшихъ съ оружіемъ въ рукахъ, народъ принялъ его сторону, и такимъ образомъ онъ снова счастливо избѣгнулъ грозившей ему опасности [3]).

Тѣмъ временемъ посланные Іосифомъ въ Іерусалимъ депутаты галилейскихъ городовъ и его друзья въ столицѣ создали благопріятное ему настроеніе. Народъ будто былъ ожесточенъ противъ Симона бенъ-Гамаліилъ и Анана бенъ-Ананъ за то, что они, безъ предварительнаго совѣщанія со всѣми членами Синедріона, подвергли преслѣдованію этакого превосходнаго намѣстника, которымъ галилеяне не могутъ достаточно нахвалиться; толпа даже будто бы хотѣла ворваться въ домъ Симона бенъ-Гамаліилъ. Послѣ этого изданъ былъ приказъ Синедріона Іонатану и его друзьямъ покинуть Галилею, а Іосифъ былъ снова утвержденъ въ своей должности [4]). Такъ какъ Іонатанъ и одинъ изъ его друзей, *Ананія бенъ-Цадукъ*, хотѣли отправиться въ столицу, чтобы объяснить истинное положеніе дѣлъ въ Галилеѣ, то Іосифъ приказалъ ихъ подстеречь, захватить въ плѣнъ и заковать въ цѣпи. Третій депутатъ Синедріона, *Симонъ*, попалъ, благодаря обману, въ руки Іосифа; а противъ четвертаго, *Іоазара бенъ-Номиносъ*, оставшагося въ Тиверіадѣ, онъ предпринялъ настоящій военный походъ. Дошло до стычки между приверженцами Іосифа и тиве-

[1]) Vita 46—53. [2]) Т. же 55-56. [3]) Т. же 56-59. [4]) Т. же 60.

*) Стр. 22. *Ред.*

ріадцами. Послѣдніе были побѣждены; побѣдители вторгнулись въ городъ, подожгли нѣсколько домовъ и грабили, точно они имѣли дѣло съ непріятелемъ. Благодаря подобнымъ пріемамъ, Іосифъ остался любимцемъ Галилеи; издѣваясь надъ Синедріономъ, онъ отослалъ его депутатовъ въ оковахъ въ Іерусалимъ [1]).

Такими уловками, при которыхъ Іосифъ сумѣлъ сохранить маску пламеннаго патріотизма, онъ довелъ жителей Тиверіады до такого отчаянія, что они письменно выразили царю Агриппѣ желаніе раскаяться и подчиниться. Іосифъ такимъ образомъ попалъ въ сѣти своихъ собственныхъ интригъ. Внутренно онъ радовался прекращенію революціоннаго пожара и проявленію миролюбиваго настроенія въ пользу Агриппы. Но изъ-за галилеянъ, поставившихъ его во главѣ и защищавшихъ только лишь за его притворную ненависть къ царю, онъ долженъ былъ враждебно выступить противъ измѣнившей Тиверіады. Путемъ военной хитрости онъ овладѣлъ виднѣйшими жителями этого города, также Іустомъ и его отцомъ, заключилъ ихъ въ темницу въ Тарихеѣ и приказалъ зачинщику предполагавшагося отпаденія, по имени *Клейту*, на котораго тиверіадцы свалили вину, самому отрубить себѣ руку [2]). Іосифъ утверждаетъ, что, освободивъ заключенныхъ и пригласивъ ихъ къ обѣду, онъ открылъ имъ свои внутреннія убѣжденія, совѣтовалъ имъ выждать болѣе благопріятнаго времени для отпаденія и довѣрять ему [3]). Эта снисходительность еще болѣе ободрила тиверіадцевъ въ ихъ намѣреніи сдаться Агриппѣ. Они во второй разъ написали ему, прося принять въ свою власть ихъ городъ. Даже Іустъ изъ Тиверіады, главный виновникъ галилейской революціи, перешелъ на сторону Агриппы, такъ какъ Іосифъ клялся убить его. Онъ не отличался презрѣніемъ къ смерти и преодолѣвающей всѣ препятствія выдержкой Іоанна изъ Гисхалы. Извѣстіе о намѣреніи Тиверіады отпасть отъ революціи привело Іосифа въ сильное смущеніе. Одураченные имъ галилеяне настойчиво требовали, чтобы онъ повелъ ихъ противъ измѣнившаго города; отпаденіе послѣдняго соотвѣтствовало, правда, желаньямъ Іосифа, но онъ не долженъ былъ проявлять этого. Но онъ все же сумѣлъ переубѣдить массы и смягчить ихъ гнѣвъ; тайно же оказывалъ большія услуги настроеннымъ въ пользу царя людямъ. Посреднику Криспу, котораго Агриппа послалъ съ письмами къ тиверіадцамъ, а Іосифъ захватилъ въ плѣнъ и заключилъ въ темницу, онъ позволилъ тайкомъ убѣжать къ царю [4]). Побѣдивъ депутатовъ, онъ ослабилъ также и партію Іоанна. Черезъ герольдовъ онъ потребовалъ, подъ угрозой тяжкихъ наказаній, чтобы приверженцы Іоанна сложили оружіе и поки-

[1]) Т. же 61—63.
[2]) Т. же 32—34; Іуд. войны II. 21, 8—10.
[3]) Vita 35-36.
[4]) Т. же 68—70.

нули его. Три тысячи приверженцевъ изъ страха повиновались, и только двѣ тысячи сирійскихъ бѣглецовъ, которымъ нечего было терять, остались у Іоанна [1]). Іосифъ сдѣлалъ враждебное нападеніе на оставшуюся вѣрной Іоанну Гисхалу и предалъ ее своимъ тѣлохранителямъ на разграбленіе [2]). Напротивъ, Іосифъ необычайно снисходительно отнесся къ дружественному Риму Сепфорису. Въ виду важности этого города, Цестій Галлъ обезпечилъ вѣрность его тѣмъ, что онъ отобралъ у знатныхъ іудейскихъ фамилій заложниковъ и послалъ ихъ въ Дору. Если вѣрить Іосифу, онъ позволилъ жителямъ Сепфориса находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ихъ родственниками въ Дорѣ. Онъ даже укрѣпилъ Сепфорисъ или же позволилъ жителямъ укрѣпить его на собственный счетъ, вмѣсто того, чтобы, согласно взятому на себя порученію, овладѣть имъ и помѣстить туда гарнизонъ [3]).

Въ то время, какъ Іосифъ своимъ лицемѣріемъ и мелочнымъ тщеславіемъ довелъ Галилею до гражданской войны, издѣвался надъ Синедріономъ, ослабилъ патріотовъ и толкнулъ важнѣйшій городъ, Тиверіаду, къ отпаденію, столица Галилеи, Сепфорисъ, дружественно настроенная по отношенію къ римлянамъ, имѣла время вести переговоры съ послѣдними. Жители писали Цестію, прося прислать имъ римскій гарнизонъ въ защиту отъ нападенія враждебныхъ имъ галилеянъ. Однажды Іосифъ все же былъ вынужденъ народомъ пойти войной на Сепфорисъ за измѣнническое поведеніе. Городъ былъ взятъ, и народъ былъ близокъ къ тому, чтобы сравнять его съ землей. Однако, Іосифъ такъ старался пощадить его, что приказалъ галилейскимъ воинамъ отступить, забивъ ложную тревогу, будто римляне наступаютъ; онъ самъ тоже удалился, предоставивъ жителямъ Сепфориса свободу еще настоятельнѣе хлопотать о римскомъ гарнизонѣ. Вскорѣ послѣ этого въ галилейскую столицу, дѣйствительно, вступили римскія войска, не встрѣчая нигдѣ препятствій; а Іосифъ не имѣлъ ни военныхъ способностей, ни доброй воли прогнать ихъ оттуда. Предпринятая имъ попытка взять Сепфорисъ приступомъ не удалась. Днемъ позже его войска, которыя онъ пріучилъ сражаться лишь съ ихъ же единовѣрцами, были, при вылазкѣ римлянъ, разбиты на голову и разсѣяны [4]). Другой походъ, предпринятый имъ противъ отряда царя Агриппы подъ предводительствомъ Силаса, тоже не доставилъ ему лавровъ [5]), и можно съ правомъ подозрѣвать, не обрадовало ли его это пораженіе болѣе, чѣмъ обрадовала бы побѣда. Іосифа покроетъ вѣчный позоръ за то, что онъ своею неумѣлостью, себялюбіемъ и неуживчивостью

[1]) Т. же Іуд. войны II. 21. 7; Vita 66.
[2]) Т. же Іуд. войны II. 21, 10.
[3]) Vita 8.
[4]) Т. же Vita 67, 71. Ср. т. же 12, 15. 22.
[5]) Т. же 72-73.

или ложной политикой раздробилъ и обезсилилъ крѣпкій оплотъ Іудеи, сильную воинственную Галилею. Правда, онъ вооружилъ нѣсколько крѣпостей [1]), то есть, не препятствовалъ жителямъ укрѣпляться, но, когда вторгнулись римляне, они не встрѣтили на пути ни войскъ, ни народа. Каждая крѣпость была предоставлена самой себѣ; недовѣріе и истощеніе сдѣлали галилеянъ себялюбцами, хотя и не трусами. Трудно было бы повѣрить этимъ гнусностямъ и коварству намѣстника Іосифа Флавія, если бы онъ самъ съ безпримѣрнымъ безстыдствомъ не повѣдалъ объ этомъ. Все, что было достигнуто четырехмѣсячнымъ возстаніемъ въ Іерусалимѣ, было уничтожено пятимѣсячнымъ управленіемъ Іосифа Галилеей, прежде еще, чѣмъ непріятель увидѣлъ страну (отъ ноября 66 г. до марта 67 г.).

Въ теченіе этихъ девяти мѣсяцевъ римляне, имѣвъ лишь нѣсколько стычекъ у Птолемаиды и занявъ Сепфорисъ отрядомъ Плацида, очень мало совершили противъ Іудеи, не изъ равнодушія или презрѣнія къ крошечной Іудеѣ, а изъ боязливой осторожности, такъ какъ они придавали іудейскому возстанію большое значеніе. Императоръ Неронъ былъ какъ разъ тогда въ Греціи, чтобы ѣздой въ колесницѣ, игрой на цитрѣ и пѣніемъ вызвать у грековъ похвалы, которыя его римскіе подданные, нечувствительные къ искусству, не столь щедро расточали. Какъ молнія поразила его вѣсть о возстаніи іудеевъ и о пораженіи римскаго войска подъ предводительствомъ Цестія. Неронъ трепеталъ; революція въ Іудеѣ могла далеко распространиться, вовлечь страны Евфрата и парѳянъ и подать примѣръ возстанія прочимъ римскимъ провинціямъ [2]). Къ этому присоединилось еще извѣстіе о томъ, что Цестія Галла постигла смерть; причемъ не знали, умеръ ли онъ естественной смертью или же испустилъ духъ съ горя по поводу пораженій, нанесенныхъ ему іудеями [3]). Поэтому Неронъ поручилъ веденіе войны противъ Іудеи лучшему полководцу своего времени, *Флавію Веспасіану,* который, въ войнѣ съ британами, завоевалъ себѣ лавры и тріумфы. Страхъ передъ іудейскимъ возстаніемъ и его возможными послѣдствіями былъ настолько великъ, что для Сиріи былъ назначенъ особый намѣстникъ, *Лициній Муціанъ,* для того, чтобы можно было устранить опасность со стороны Парѳіи [4]). Веспасіанъ былъ даже тогда въ немилости, такъ какъ онъ однажды дошелъ до того, что задремалъ во время представленія, даннаго Нерономъ. Поэтому Нерону не легко пришлось ввѣрить большую военную силу тому, кого онъ считалъ своимъ врагомъ. Однако, ему не оставалось иного выбора; для подавленія безпорядковъ въ Іудеѣ необходима была сильная рука. Зимой (67 г.) Веспасіанъ отправился изъ Греціи къ театру военныхъ дѣйствій и въ

[1]) Т. же 37; Іуд. войны II. 20, 6.
[2]) Т. же Іуд. войны, введеніе 2; III. 1, 1.
[3]) Tacitus historiae 5, 10.
[4]) Т. же 1, 10.

Птолемаидѣ сдѣлалъ всѣ приготовленія къ походу. Его сынъ, Титъ, заслужившій первое отличіе въ войнѣ противъ Іудеи, привелъ изъ Александріи два легіона, пятый и десятый, тѣхъ дикихъ *декуманъ,* жестокость которыхъ испытали александрійскіе евреи и должны были еще испытать палестинскіе. Въ Птолемаиду стеклись всѣ окрестные князья: *Малхъ,* царь набатеевъ со своими стрѣлками; *Антіохъ,* царь коммагенскій; *Согемъ,* царь Эмезы; и Агриппа со своей сестрой Вереникой, которые выразили покорность римскому полководцу и доставили ему войска, чтобы этимъ проявить дружественное къ римлянамъ отношеніе [1]). Агриппа былъ нѣкоторымъ образомъ принужденъ проявить свое отвращеніе къ революціи и свою преданность Риму; ибо тирійцы донесли на него Веспасіану, что онъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ возставшими іудеями. Его непосредственнаго помощника, Филиппа, обвиняли въ томъ, что онъ содѣйствовалъ возстанію въ Іерусалимѣ и своей измѣной повиненъ въ гибели римскаго войска подъ предводительствомъ Метилія. Обвинители намекнули на то, что Филиппъ дѣйствовалъ по порученію Агриппы. Но Веспасіанъ, очевидно, не отнесся съ довѣріемъ къ этимъ доносчикамъ, хотя и послалъ Филиппа въ Римъ для оправданія. Іустъ изъ Тиверіады, который тоже тамъ очутился и подвергся самымъ ожесточеннымъ нападкамъ со стороны жителей Гиппоса и Гадары, долженъ былъ быть обезглавленъ; но Вереника ходатайствовала за него и спасла ему жизнь [2]). Поэтому именно Агриппа проявилъ такое усердіе въ пользу римлянъ, чтобы изгнать всякое подозрѣніе. Его сестра къ этому времени вступила въ любовную связь съ Титомъ, продолжавшуюся много лѣтъ, хотя она была много старше сына полководца; ея красота не поддавалась времени.

Войско, посредствомъ котораго Веспасіанъ хотѣлъ подавить іудейскую революцію, состояло изъ собственно римскихъ и союзныхъ отрядовъ и превышало численностью 50.000 человѣкъ; за нимъ слѣдовалъ огромный обозъ. Лишь весной были закончены всѣ приготовленія, и походъ начался отсылкой небольшихъ военныхъ отрядовъ, которые должны были очистить отъ іудейскихъ повстанцевъ дороги къ крѣпостямъ Галилеи. Веспасіанъ, болѣе осторожный, чѣмъ Цестій, велъ войну не съ буйной порывистостью, а отъ начала до конца съ медлительной осторожностью, которая стремится отвоевывать у непріятеля почву шагъ за шагомъ. Онъ приказалъ сначала занять оставшійся вѣрнымъ Риму городъ Сепфорисъ, а оттуда передовой конный отрядъ подъ предводительствомъ *Плацида* разъѣзжалъ по окрестностямъ, разрушалъ города и наполнялъ пожарами всю мѣстность. Іосифъ со своими отрядами не могъ устоять и отступалъ

[1]) Флавій. Іуд. войны III. 4, 2.
[2]) Vita 74, 65.

все дальше и дальше. Гдѣ онъ принималъ битву, тамъ онъ терпѣлъ позорныя пораженія, ибо его войску недоставала увѣренность, которую можетъ внушить лишь самоотверженный полководецъ. Его войско поэтому разсѣевалось при первомъ же появленіи непріятеля [1]). Совсѣмъ инымъ духомъ были преисполнены тѣ галилеяне, которыхъ воспламенилъ Іоаннъ изъ Гисхалы. Какъ только Плацидъ приблизился къ Іотапатѣ, жители этого города напали на него съ бурной стремительностью и, хотя они не сумѣли прорвать сомкнутые ряды римлянъ, они все же сражались такъ храбро, что обратили въ бѣгство римскій авангардъ [2]). На что была бы способна Галилея, если бы она могла выставить столько воиновъ, сколько юношей и мужчинъ въ ней было, и если бы ими управлялъ опытный, мужественный и самоотверженный полководецъ! Но она была раздѣлена, ослаблена, приведена въ уныніе и въ концѣ концовъ должна была сдѣлаться добычей побѣдителя.

По плану Веспасіана, сперва должна была быть подчинена Галилея, чтобы при походѣ на Іудею, противъ ея столицы, не имѣть въ тылу опаснаго врага. Римское войско направилось поэтому къ крѣпостямъ Сѣверной Галилеи, а именно къ *Габарѣ* и *Іотапатѣ*. Первая, лишенная гарнизона, была скоро взята и сожжена. Веспасіанъ приказалъ перекололть все населеніе Габары въ качествѣ искупительной жертвы за пораженіе римлянъ подъ Іерусалимомъ [3]). Подобная участь постигла и всѣ маленькіе города и деревни окрестности: жители были перерѣзаны или проданы въ рабство [4]). Война съ самаго начала приняла характеръ мести. Іосифъ же въ это время держался вдали отъ театра военныхъ дѣйствій, въ Тиверіадѣ, которую его бѣгство наполнило ужасомъ. Онъ уже тогда думалъ о томъ, чтобы перейти къ врагамъ, будучи твердо убѣжденъ, что нисколько при этомъ не пострадаетъ. Какое-то чувство стыда удержало его, однако, отъ совершенія такого позорнаго шага уже въ самомъ началѣ войны. Онъ поэтому рисовалъ Синедріону положеніе дѣлъ, требовалъ инструкціи о томъ, долженъ ли онъ вступить въ переговоры съ непріятелемъ или же продолжать войну, и въ послѣднемъ случаѣ просилъ подкрѣпленій [5]). Галилея, которая была еще болѣе густо населена, чѣмъ Іудея, и имѣла болѣе трехъ милліоновъ жителей, уже теперь нуждалась въ подкрѣпленіяхъ; такъ была она ослаблена преступной дѣятельностью Іосифа.

Отъ Габары Веспасіанъ направился къ Іотапатѣ; римскому войску приходилось, однако, съ большимъ трудомъ пробивать себѣ путь; ибо

[1]) Флавій, Іуд. войны III. 4, 1; 6, 1—3.
[2]) Т. же 6, 1.
[3]) Т. же 7, 1.
[4]) Т. же.
[5]) Т. же 7, 2.

іудеи устроили препятствія въ ущельяхъ и долинахъ и сдѣлали пути непроходимыми. Скала, на которой была построена Іотапата, была окружена круглыми и высокими холмами, отдѣленными отъ города глубокими пропастями. Только съ сѣвера былъ доступный отлогій скатъ; жители Іотапаты укрѣпили его, возведя на немъ валъ и башни. На этомъ валу были собраны глыбы скалъ, метательныя орудія, снаряды, стрѣлы и всякаго рода средства обороны, которыми долженъ былъ быть встрѣченъ непріятель. Съ этой то болѣе или менѣе доступной стороны и начали римляне свое нападеніе; поставивъ шестьдесятъ осадныхъ орудій, они безпрестанно метали въ крѣпость копья, камни и бревна, снабженные горючими веществами. Осажденные сражались, однако, съ такимъ ожесточеніемъ и презрѣніемъ къ смерти, что утомили римлянъ. Они многократно отбивали приступы, разрушали осадныя орудія и дѣлали хорошо задуманныя и удачныя вылазки. Іудейскій воинъ, Элеазаръ бенъ-Самеа изъ Сааба, одинъ прыгнулъ со стѣны, разрушилъ направленный противъ нея таранъ и хотѣлъ было уже снова взобраться по стѣнѣ, но, пораженный стрѣлами непріятеля, замертво свалился.

Два другихъ юноши, два брата *Нетира* и *Филиппъ* изъ Румы, тоже прыгнули со стѣны и съ такимъ пыломъ напали на отрядъ римлянъ, что привели послѣднихъ въ замѣшательство [1]). Были моменты, когда Веспасіанъ оказывался осажденнымъ, а іудеи—осаждавшими. Когда однажды отрядъ нападавшихъ римлянъ уже почти добрался до верхушки стѣнъ, іотапатане вылили на нихъ кипящее масло и принудили ихъ къ отступленію. Но безпримѣрное сопротивленіе было тщетно. У осажденныхъ чувствовался недостатокъ въ водѣ для питья, и они изнемогали отъ истощающихъ напряженій днемъ и ночью. Осада длилась болѣе сорока дней [2]). (17 Іяра—1 Тамуза, Май—Іюнь); и все же іотапатяне не были побѣждены; ихъ крѣпость была взята только благодаря измѣнѣ одного перебѣжчика, открывшаго врагу плохо защищенное мѣсто. До разсвѣта римляне приблизились къ этому пункту, напали на утомленныхъ и спавшихъ воиновъ и перебили всѣхъ. Многіе іудеи мечомъ или прыжкомъ со стѣны сами положили конецъ своей жизни. Сорокъ тысячъ іудеевъ погибло во время этой осады; болѣе тысячи женщинъ и дѣтей было взято въ плѣнъ и продано въ рабство, крѣпость была снесена [3]) (1 Тамуза—Іюнь 67 г.). Іотапата дала всей странѣ примѣръ, какъ она должна погибнуть съ честью, окруженная ореоломъ геронзма. Нѣсколькими днями раньше пала *Яфа* (Яфія), недалеко отъ Назарета, желавшая дѣйствовать въ тылу у римлянъ. Титъ приказалъ перебить мужское населеніе Яфы, юношей и

[1]) Т. же 7, 21.
[2]) Т. же 7, 3, 36, 33; 8, 9.
[3]) Т. же 7, 3—30, 33—35.

старцевъ, а женщинъ и дѣтей продать въ рабство (25 Сивана, май или іюнь [1]).

Черезъ два дня наступила очередь и за самаритянами. Упорное и геройское сопротивленіе, которое оказали іотапатане римскимъ осаднымъ машинамъ и военному искусству, воодушевило самаритянъ, какъ и жителей Яфы, и заставило ихъ сплотиться и затруднять римлянамъ завоеваніе страны. Кутяне *), забывъ старую свою вражду къ іудеямъ, дѣйствовали сообща, и, по данному сигналу, собрались на священной для нихъ горѣ Гаризимъ. Веспасіанъ, получившій свѣдѣнія объ этомъ, сразу почуялъ опасность для успѣховъ римскаго оружія и послалъ, для покоренія самаритянъ, *Цереаля,* трибуна пятаго легіона, съ 3,000 пѣхотинцами и 600 всадниками. Цереаль осадилъ сначала гору и отрѣзалъ всякое сообщеніе. Благодаря этому, у осажденныхъ самаритянъ, какъ и у іотапатанъ, оказался недостатокъ въ водѣ; и не мало ихъ погибло отъ томительной жажды. Но только трусы перешли къ римлянамъ, большинство же, 11.600 человѣкъ, не смотря на жажду, не поддавались на приманки римлянъ, обѣщавшихъ имъ амнистію, и были по приказанію Цереаля, велѣвшаго напасть на истощенныхъ самаритянъ, всѣ перебиты (27 Сивана, май—іюнь [2]).

Іосифъ до осады Іотапаты прибылъ въ городъ и сначала руководилъ сопротивленіемъ. Когда же онъ увидѣлъ безуспѣшность борьбы, онъ хотѣлъ оставить городъ, но жители помѣшали ему сдѣлать это. При внезапномъ вторженіи въ крѣпость, онъ спрятался въ цистернѣ, которая была соединена съ пещерой, гдѣ онъ встрѣтилъ сорокъ воиновъ, тоже укрывшихся тамъ. Однако, ихъ пребываніе было открыто, и римляне потребовали, чтобы Іосифъ сдался. Послѣдній, безъ долгихъ колебаній, былъ готовъ подняться къ своему другу *Никанору,* обѣщавшему отъ имени римскаго полководца оставить его въ живыхъ; но его спутники обнажили свои мечи и угрожали ему смертью, если онъ осмѣлится такой трусостью опозорить іудеевъ. Іосифъ принужденъ былъ подчиниться большинству, которое рѣшило умереть. Бѣглецы клялись выполнить это рѣшеніе и сдержали свою клятву. Они пали, убивая одинъ другого. И только Іосифъ, тоже клявшійся умереть, измѣнилъ мертвымъ, какъ онъ раньше измѣнялъ живымъ. Онъ и еще одинъ остались до конца, и тогда Іосифъ уговорами и силой обезоружилъ своего спутника и сдался римлянамъ [3]). Наконецъ, онъ оказался тамъ, куда онъ уже давно томительно стремился. Веспасіанъ отнесся къ нему очень снисходительно, точно онъ съ самаго начала не видѣлъ въ немъ врага; быть можетъ, прекрасная Вереника заступилась за него у своего обожателя Тита, какъ она раньше защитила Іуста

[1]) Т. же 7, 31.
*) Самаритяне. *Ред.*
[2]) Т. же 7, 32.
[3]) Т. же 8, 1—7.

изъ Тиверіады. Сначала онъ долженъ былъ быть присланъ Нерону для какого-нибудь тріумфальнаго шествія, но Веспасіанъ освободилъ его отъ этого. Правда, Іосифъ былъ въ оковахъ и подъ надзоромъ; но это была только формальность. Ибо Веспасіанъ позволилъ ему отыскать себѣ среди плѣненныхъ дѣвушекъ жену и носить драгоцѣнное платье, щедро одарилъ его, оставилъ при себѣ и далъ своему сыну, Титу, въ качествѣ постояннаго спутника. Исключеніе, сдѣланное въ пользу Іосифа, не бросаетъ на него благопріятнаго свѣта. Съ переходящимъ всякія границы самохвальствомъ Іосифъ разсказываетъ о себѣ, будто своимъ помилованіемъ онъ обязанъ своему предсказанію Веспасіану, что послѣдній сдѣлается преемникомъ Нерона и владыкой римской имперіи. Онъ будто-бы даже предсказалъ, что осада Іотапаты будетъ длиться ровно столько-то времени и что изъ всѣхъ воиновъ онъ одинъ останется въ живыхъ [1]). Послѣднее было нетрудно предсказать.

Послѣ разрушенія Яфы и Іотапаты очередь дошла и до морского города Іоппе. Здѣсь собралось множество зелотовъ-бѣглецовъ, которые начали возстановлять разрушенный Цестіемъ городъ и на корабляхъ отправлялись въ море, чтобы отрѣзать подвозъ изъ Египта въ Цезарею. Веспасіанъ, бывшій въ Цезареѣ, послалъ войска для покоренія города. Ночью городъ былъ взятъ; іудеи же спаслись на своихъ суднахъ. Но на морѣ поднялась неистовая буря, которая, точно вступивъ въ союзъ съ римлянами, разсѣяла корабли, бросила ихъ на могучіе, выступавшіе изъ моря, утесы и въ водоворотъ, и довершила гибель іудейскихъ патріотовъ. Не имѣя никакой надежды достигнуть одной изъ занятыхъ римлянами гаваней, многіе погибли отъ кораблекрушенія, другіе покончили самоубійствомъ [2]). Спустя короткое время, во власти римлянъ оказалась и Тиверіада, жители которой, павши духомъ отъ нескончаемыхъ распрей съ Іосифомъ, открыли, не оказывая никакого сопротивленія, ворота врагу [3]). Зелоты во главѣ съ *Іошуа бенъ-Сафатъ* бросились въ сосѣднюю Тарихею и храбро боролись съ римлянами на стѣнахъ и съ озера на лодкахъ. Но образовавшійся внутри расколъ благопріятствовалъ завоеванію города. Патріоты поплатились жизнью. Больше десяти тысячъ плѣнныхъ было отправлено въ Тиверіаду; сначала имъ была оставлена надежда на жизнь. Шесть тысячъ наиболѣе сильныхъ юношей, попавшихъ въ плѣнъ во время галилейской войны, были посланы въ Грецію къ Нерону, для участія въ работахъ по прорытію Коринѳскаго перешейка; болѣе тридцати тысячъ было продано въ рабство, а двѣнадцать тысячъ старцевъ и неспособныхъ къ труду Веспасіанъ съ трибуны хладнокровно приказалъ

[1]) Т. же 8, 8-9; IV. 10, 7; Vita 75.
[2]) Т. же Іуд. войны 9, 2-3.
[3]) Т. же 9, 7-8; ср. Vita 65.

умертвить (8 Элула, Августъ [1]). Годъ спустя послѣ возстанія въ Іерусалимѣ, большая часть Галилеи, возставшей со всѣмъ пыломъ любви къ родинѣ, стремленія къ свободѣ и приверженности къ религіи отцовъ, была разграблена, опустошена и еще болѣе, чѣмъ прежде, порабощена. Агриппа показалъ при этомъ, что онъ не только изъ политики и изъ страха предъ римлянами дѣйствовалъ враждебно противъ своего народа. Веспасіанъ предоставилъ ему въ свободное распоряженіе плѣнныхъ изъ его областей. Онъ могъ ихъ освободить или наказать. Онъ же продалъ ихъ въ рабство и этимъ доказалъ, что онъ былъ болѣе похожъ на своего предка Ирода, чѣмъ на своего отца Агриппу.

Въ рукахъ галилейскихъ зелотовъ оставались еще три укрѣпленныхъ пункта: *Гамала,* гора *Таборъ* и *Гисхала* на крайнемъ сѣверѣ. Гамала была привлечена къ возстанію усиліями двухъ предводителей зелотовъ, *Іосифа изъ Гамалы* и *Хареса*. Осада, начатая полководцемъ царя Агриппы и длившаяся нѣсколько мѣсяцевъ, не привела ни къ чему; зелоты стойко держались. Тогда Веспасіанъ двинулъ свои войска къ этому городу, лежавшему высоко, насупротивъ Тарихеи (24 Элула). Бой у Гамалы былъ однимъ изъ самыхъ героическихъ за всю войну. Преимущества, которыя доставляло іудеямъ мѣстоположеніе Гамалы, уравновѣшивало то обстоятельство, что въ крѣпости находились всего около 9,000 воиновъ, которымъ къ тому же сильно мѣшали всевозможные бѣглецы, старики, женщины и дѣти, сбѣгавшіеся сюда, вслѣдствіе безчеловѣчнаго обращенія римлянъ, со всѣхъ окрестныхъ областей. Городъ лежалъ на скалѣ, имѣвшей видъ верблюжьяго горба; отсюда и имя Гамалы. Эта естественная крѣпость была еще защищена валами и башнями. Дома были построены, въ видѣ террасъ, на утесахъ горнаго хребта.

Долго боролись гамаляне на внѣшнихъ укрѣпленіяхъ съ энергіей, достойной ихъ земляка, перваго зелота, Іуды. Агриппа, убѣждавшій ихъ сдаться, получилъ въ отвѣтъ ударъ камнемъ, которымъ онъ былъ раненъ въ руку. Однако, когда осадныя машины римлянъ достигли высоты валовъ, осажденные отступили во внутреннюю часть города и своими тѣлами образовали новый валъ. Послѣ трехнедѣльной осады, машины пробили въ стѣнѣ узкое отверстіе, чрезъ которое въ городъ проникла часть римскихъ воиновъ. Осажденные отступили къ болѣе возвышеннымъ мѣстамъ, римляне же, слѣдуя за ними по пятамъ, запутались въ тѣсныхъ переулкахъ, были атакованы съ крышъ и отброшены. Тогда римляне, не выдержавъ яростныхъ нападеній, попытались спастись на крышахъ болѣе низко расположенныхъ домовъ, но крыши не выдержали такой тяжести и обрушились, похоронивъ подъ собой часть римскихъ солдатъ. Гамаляне бро-

[1]) Т. же 10, 1—6; 9-10.

сали огромные глыбы гранита, бросали, такъ сказать, весь городъ на головы убѣгавшихъ римлянъ, которымъ едва удалось отступить. Это былъ счастливый день для Гамалы, день побѣды (въ праздникъ Кущей), но онъ былъ купленъ дорогой цѣной. Груды римскихъ труповъ покрывали павшихъ іудейскихъ бойцовъ, потеря которыхъ не могла быть замѣнена. Харесъ, одинъ изъ предводителей, былъ смертельно раненъ. Днемъ позже римляне завлекли іудейскихъ воиновъ на башню, для защиты ея; подъ послѣднюю былъ уже, однако, раньше подведенъ подкопъ, и башня со страшнымъ трескомъ рушилась, похоронивъ подъ собой героевъ, между ними и послѣдняго предводителя, Іосифа, сына акушерки. О продолженіи защиты нечего было и думать. Римляне вторглись въ городъ и передушили около 4.000 человѣкъ, которыхъ они застали въ живыхъ, около пяти тысячъ покончили самоубійствомъ. Изъ всего населенія Гамалы остались въ живыхъ двѣ дѣвушки, которыя нѣсколько дней скрывались; такъ какъ онѣ приходились родственницами вавилонянину Филиппу, имъ была дарована побѣдителемъ жизнь. Гамала пала 33 Тишри (октябрь [1]), почти годъ спустя послѣ пораженія Цестія.

Тѣмъ временемъ Плацидомъ была взята, посредствомъ военной хитрости, также и крѣпость горы Таборъ (ΤαΒύγιον). Городъ Таборъ лежалъ на высокой горѣ почти въ 1.600 футовъ, одиноко высившейся надъ долиной Іезреель. Но Плацидъ сумѣлъ кажущимся бѣгствомъ увлечь за собой іудеевъ, оставившихъ крѣпость, потомъ онъ приказалъ своимъ всадникамъ повернуть обратно и перебить преслѣдователей; остальные, отчаявшись въ успѣхѣ сопротивленія, бѣжали съ противоположной стороны въ Іерусалимъ, и слабое населеніе сдалось, изъ за недостатка въ водѣ для питья [2]).

Маленькій городъ, Гисхала, защитой котораго руководилъ Іоаннъ, насчитывалъ лишь немного защитниковъ, въ большинствѣ своемъ бывшихъ земледѣльцами, и потому не могъ держаться. Когда Титъ съ огромной военной силой приблизился къ городу и потребовалъ отъ гарнизона сдаться, Іоаннъ просилъ однодневнаго перемирія, ибо тогда была какъ разъ суббота; этой уловкой онъ воспользовался для того, чтобы, вмѣстѣ съ нѣсколькими тысячами іудеевъ, покинуть городъ. Днемъ позже Гисхала сдалась, и стѣны ея были срыты. Титъ приказалъ погнаться за Іоанномъ, но этотъ уже былъ далеко и благополучно прибылъ въ Іерусалимъ. Остальные же настигнутые бѣглецы, безъ различія возраста и пола, были перебиты римскими солдатами [3]). Это былъ послѣдній предсмертный день побѣжденной Галилеи. Римляне, однако, были такъ утомлены отъ этихъ

[1]) Т. же IV. 1, 1—7; 9-10.
[2]) Т. же 1, 8.
[3]) Т. же 2, 1—5.

кровавыхъ столкновеній и понесли такой тяжелый уронъ, что Веспасіанъ принужденъ былъ дать отдохнуть своему войску и пополнить ряды [1]).

ГЛАВА XVI.

Паденіе іудейскаго государства.

Галилейскіе бѣглецы въ Іерусалимѣ. Столица, ея населеніе и укрѣпленіе. Броженіе. Терроръ. Идумеи. Вожди Элеазаръ бенъ-Симонъ, Іоаннъ изъ Гисхалы и Симонъ баръ-Гіора. Раздоры между вождями. Покореніе Іудеи послѣ трехъ походовъ. Цареубійство въ римской имперіи. Веспасіанъ провозглашается съ помощью іудеевъ императоромъ. Титъ осаждаетъ Іерусалимъ. Упорное сопротивленіе. Голодъ. Паденіе замка Антоніи. Пожаръ въ храмѣ. Разрушеніе города. Число павшихъ.

(67—70).

Іерусалимъ былъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ галилейскихъ бѣглецовъ. Іоаннъ изъ Гисхалы привелъ съ собой въ Іерусалимъ нѣсколько тысячъ галилеянъ, а изъ Тиверіады прибыло 2000 бѣглецовъ [2]). Стремленіе къ свободѣ, любовь къ родинѣ, честолюбіе, месть и отчаяніе послали своихъ представителей въ Іерусалимъ, гдѣ должна была произойти послѣдняя рѣшительная схватка. Галилейскіе зелоты описывали геройскую, несмотря на всѣ препятствія, борьбу галилейскихъ городовъ и бойню, совершенную римлянами надъ беззащитными и слабыми; и всѣ эти описанія волновали кровь іерусалимскихъ воиновъ и усиливали лихорадочную напряженность. Въ этой раскаленной отъ фанатизма атмосферѣ зелотовъ малодушный преисполнялся мужества, мужественный же дѣлался отважнымъ. Эта, съ каждымъ днемъ возраставшая, группа защитниковъ отечества, изъ которыхъ многіе уже проявили свое геройство и презрѣніе къ смерти, считала себя непреодолимой. Когда же зелоты смотрѣли на укрѣпленія столицы, у нихъ исчезала и послѣдняя тѣнь сомнѣнія. Римляне должны имѣть крылья, говорили они другъ другу, чтобы овладѣть этими бастіонами, стѣнами, башнями, которыя будутъ защищаемы со стальными сердцами. Если взятіе незначительныхъ крѣпостей Галилеи стоило римлянамъ столькихъ напряженій и усилій, чего же бояться столь сильно укрѣпленной столицѣ [3]). Это приподнятое настроеніе поддерживалось еще твердой надеждой на то, что близко время великаго избавленія, возвѣщенное пророками, и что скоро придетъ такъ долго ожидаемый Мессія и доставитъ народу Израиля господство надъ всѣми народами земли [4]). Мало смущаясь потерей Галилеи и столькихъ храбрыхъ борцовъ, они отчеканили въ Іерусалимѣ монеты „перваго и втораго года избавленія, и освобожденія Израиля“. Зелоты были слишкомъ увѣрены въ себѣ, и эта увѣренность принесла не менѣе вреда, чѣмъ измѣна Іосифа и потеря Галилеи. Правое дѣло, во имя котораго они возстали, огромное число защитниковъ, готовыхъ умереть въ борьбѣ, и оборонительныя средства столицы настолько ослѣпляли ихъ, что они слишкомъ презирали превосходившаго ихъ врага и не вели борьбы съ необходимой осмотрительностью. Съ цѣлью доставить побѣду своимъ принципамъ, они прибѣгли къ ложнымъ средствамъ и были отъ этого болѣе ослаблены, чѣмъ отъ военнаго искусства непріятеля.

Никогда еще Іерусалимъ не имѣлъ такого многочисленнаго населенія, не былъ такъ красивъ и укрѣпленъ, какъ именно въ то время, когда онъ былъ обреченъ на гибель; точно на іудейской столицѣ должно было оправдаться, что внѣшняя сила и внѣшній блескъ приносятъ очень мало пользы. Іерусалимъ, заключенный въ окружавшихъ его стѣнахъ [1]), съ предмѣстіями Верхней и Нижней Бецетой, занималъ пространство почти въ семь километровъ (33 стадіи); сюда же относились и деревня *Бетанія* (Bet-Hine) и *Бетфаге*, которыя давали пріютъ гостямъ, пріѣзжавшимъ на праздники. Тогдашнее населеніе Іерусалима не можетъ быть точно установлено. По одному источнику, оно достигло 600,000 человѣкъ [2]); сюда необходимо еще присчитать всѣ массы, которыя стекались отовсюду. Іерусалимъ былъ раздѣленъ на нѣсколько частей. Верхній городъ или Сіонъ былъ аристократическимъ кварталомъ; тутъ красовались дворцы Ирода и Агриппы; эти зданія, однако, сдѣлались уже въ самомъ началѣ революціи добычей пламени. Къ сѣверу отъ промежуточной долины расположенъ былъ Нижній городъ (Акра), построенный въ формѣ полумѣсяца. Тутъ находились дворецъ Хасмонеевъ, второй дворецъ Ирода, театръ, дворецъ царицы Елены, ратуша и архивъ, тоже поврежденный при первой вспышкѣ революціи. Къ сѣверу отъ нижняго города находились предмѣстья, Верхняя и Нижняя Бецета, которыя Агриппа I началъ укрѣплять; изъ зависти римлянъ работы были прерваны, и матеріалы остались лежать, покуда зелоты не воспользовались ими для окончанія укрѣпленій [3]). Въ этихъ предмѣстьяхъ жили мелкіе торговцы и ремесленники, тамъ были рынки, на которыхъ продавались шерстяные товары, металлическіе сосуды, платье, дрова и, вѣроятно, также скотъ [4]). Храмъ и граничившій съ нимъ на сѣверо-западѣ укрѣпленный замокъ, Антонія, составляли особую часть города; Антонія была съ сѣвера отдѣлена отъ Бецеты глубокимъ рвомъ. Къ югу отъ храма лежала часть города Офла, гдѣ находился дворецъ адіабенской княгини Граптъ. Большая часть улицъ и пло-

[1]) Т. же.
[2]) Флавій, Іуд. войны IV. 9, 10; Vita 65.
[3]) Т. же Іуд. войны IV. 3, 1.
[4]) Т. же VI. 5, 1.

[1]) Т. же V. 4, 3.
[2]) Тацитъ, Historiae 5, 13.
[3]) Флавій, т. же V. 4, 2.
[4]) Т. же 8, 1.

щадей въ Іерусалимѣ была въ послѣднее время вымощена мраморомъ [1]).

Однако, какъ ни былъ красивъ Іерусалимъ въ архитектурномъ отношеніи, онъ все же былъ лишенъ освѣжающей красы садовъ. Кромѣ одного сада розъ, въ Іерусалимѣ не было никакой зелени, плодовые и другіе сады лежали внѣ города [2]). Укрѣпленія дѣлали Іерусалимъ нѣсколько угрюмымъ, но за то почти непреодолимымъ. Холмъ, на которомъ былъ построенъ городъ, былъ съ трехъ сторонъ, съ юга, востока и запада, благодаря оврагамъ и крутымъ скаламъ, недоступенъ, да и къ тому еще защищенъ валомъ. Сѣверная сторона, представлявшая меньше препятствій для нападенія, была защищена тройными окопами. Валъ предмѣстій Бецетъ имѣлъ 25 локтей въ вышину, 10 локтей въ ширину; на немъ были 90 высокихъ, крѣпкихъ башенъ, между которыми самой высокой и самой укрѣпленной была башня Псефиносъ; вышина послѣдней достигала 70 локтей. При восходѣ солнца можно было ее видѣть въ большомъ отдаленіи, по ту сторону Іордана и съ моря. Башня *Псефиносъ* была построена въ сѣверозападномъ углу стѣны. Другая башня въ серединѣ этой стѣны называлась *Женской башней* (Weiberthurm). Эта крайняя стѣна была построена не по прямой линіи, а зигзагами для того, чтобы съ каждаго пункта можно было слѣдить за непріятелемъ. Вторая стѣна, окружавшая нижній городъ, была снабжена 14 башнями, а внутренняя, самая древняя, прочная и высокая, имѣла 60 башенъ; между ними находились и 3 знаменитыхъ башни, построенныя Иродомъ I: *Гиппикосъ* на сѣверѣ, *Маріамна* въ серединѣ и *Фазаэль* въ направленіи храма. Башня Гиппикосъ имѣла вмѣстѣ съ брустверами 80 локтей, а Фазаэль—100 локтей въ вышину. Въ башняхъ были устроены жилища и цистерны для собиранія дождевой воды [3]). Храмъ самъ по себѣ былъ сильной крѣпостью, стоившей Помпею и Созію тяжкихъ жертвъ. Укрѣпленный такимъ образомъ Іерусалимъ сопротивлялся въ теченіе пяти мѣсяцевъ римскимъ легіонамъ съ ихъ колоссальными осадными машинами; и если бы внутренній расколъ и голодъ не уменьшили числа бойцевъ, кто знаетъ, какъ долго должны были бы римляне вести осаду и не предпочли ли бы они вступить въ переговоры. Несмотря на потерю Галилеи, населеніе Іерусалима не унывало и надѣялось довести возстаніе до счастливаго конца. Снова были отчеканены монеты съ именемъ „Симонъ“ и съ надписью: *„Второй годъ свободы Израиля“*. Ко времени праздника Кущей на этихъ монетахъ были изображены букетъ и куща.

Въ Іерусалимѣ сконцентрировалась, послѣ обезоруженія Галилеи, вся Іудея, подобно тому, какъ всѣ жизненныя силы разлагающагося орга-

[1]) Флавій, Древн. XX. 9, 7.
[2]) Т. же Іуд. войны VI. 1, 1. Tosephta Negaim c. 6; Baba Kama 82 b.
[3]) Т. же Іуд. войны V. 4, 1—4; ср. Tacitus historiae 5, 11.

низма скопляются въ одномъ пунктѣ. Зелотамъ не удалось, во время галилейскаго похода, удержать за собой отдѣльныя части Іудеи. Три храбрыхъ вождя: ессей *Іоаннъ, Сила* изъ Переи и вавилонянинъ *Нигеръ* повели противъ Аскалона отрядъ въ 10.000 человѣкъ, но потерпѣли при этомъ пораженіе. Римскій комендантъ Аскалона, *Антоній*, два раза завлекъ ихъ въ засаду и уничтожилъ ихъ своей кавалеріей. Весь отрядъ погибъ, въ томъ числѣ Іоаннъ и Сила, и только Нигеръ спасся какимъ то чудомъ. Онъ прыгнулъ съ высокой башни, осажденной римлянами, укрылся въ пещерѣ и, покрытый ранами, вернулся въ Іерусалимъ [1]). Римское войско Веспасіана могло поэтому, не встрѣчая сопротивленія, приблизиться къ Іерусалиму вдоль берега. *Ямнія* и *Ацотъ* перешли, послѣ короткаго боя, въ руки римлянъ [2]). Іудея и Перея еще были въ неприкосновенности. Іудея состояла изъ одиннадцати округовъ, изъ которыхъ только Ямнія и Іоппе были покорены. Остальные же: Іерусалимъ съ окрестностями, *Гофника* и *Акробатене* (на границѣ съ Самаріей) на сѣверѣ, *Тамна, Лидда, Эммаусъ* (Гимзо) на западѣ, на востокѣ *Іерихонъ*, а на югѣ *Виѳлеемъ, Иродія* и *Энгади* (у Мертваго моря), какъ и *Идумея*, не видѣли еще врага. Перея, тоже еще пощаженная, имѣла свою опору въ *Язерѣ* (Ящерѣ [3]). Жители всѣхъ этихъ мѣстъ пылали отъ патріотическаго воодушевленія и рвались на защиту свободы и святыни отъ наглаго вторженія римлянъ. Но вожди революціи, очевидно, не очень то заботились объ этихъ городахъ и не пытались превратить ихъ въ стѣну, которая и могла бы стать на пути движенія римлянъ. Что стало съ избранными для этого намѣстниками (стр. 361), неизвѣстно; ессей Іоаннъ, на котораго была возложена защита западныхъ округовъ, нашелъ свою смерть въ другомъ мѣстѣ, у Аскалона. Слишкомъ самонадѣянные зелоты въ Іерусалимѣ, очевидно, ничего не дѣлали въ этихъ городахъ хотя бы для того, чтобы воспламенить къ борьбѣ сторонниковъ мира или обезвредить ихъ. Состоятельные и хитрые люди, не ожидавшіе ничего хорошаго отъ продолженія борьбы, были склонны къ подчиненію, и только молодежь и немущіе поддерживали все время революціонное пламя. Въ каждой семьѣ, въ каждой общинѣ происходили столкновенія между сторонниками мира и воинственно настроенными элементами, но, такъ какъ послѣдніе не имѣли никакой опоры въ открытыхъ городахъ, то они всѣ перекочевали въ Іерусалимъ, увеличивая ряды зелотовъ [4]). И только крѣпость *Мазада*, которой командовалъ Элеазаръ бенъ-Яиръ, была очагомъ непримиримой революціи; это былъ Іерусалимъ сикаріевъ. Отрядъ сикаріевъ получилъ подкрѣпленіе отъ Симона бенъ-Гіора. Послѣдній, которому предстояло

[1]) Іуд. войны III. 2, 1—3.
[2]) Т. же IV 3, 2.
[3]) Т. же IV 7, 3.
[4]) Т. же 3, 2.

играть главную роль въ этой войнѣ, былъ родомъ изъ города Геразы. Онъ отличался физической силой и безумной отвагой, которую онъ сохранилъ до послѣдняго издыханія. При бѣгствѣ римскаго войска Цестія, онъ былъ первымъ, по пятамъ преслѣдовавшимъ непріятеля. Потомъ онъ собралъ вокругъ себя отрядъ и велъ жизнь мародера въ окрестности Мертваго моря, называвшейся Акрабаттина [1]). Когда жители этой мѣстности пожаловались на него въ Іерусалимѣ, требуя охраненія своей безопасности, партія умѣренныхъ зелотовъ вызвала противъ него войска и принудила его укрыться въ Мазадѣ. Отсюда онъ предпринималъ вмѣстѣ съ сикаріями набѣги на Идумею, чтобы достать съѣстные припасы для гарнизона [2]). Ихъ грабежи вызвали однако отпоръ среди идумеевъ, и скоро образовался идумейскій отрядъ въ 90.000 человѣкъ, со своими вождями: Іоанномъ и Яковомъ бенъ-Соза, Симономъ бенъ-Катла и Пинхасомъ бенъ-Клузотъ [3]). Идумейскія банды походили на сикаріевъ патріотизмомъ, дикостью и безпощадностью.

Потокъ борцовъ за свободу, ежедневно изливавшійся въ Іерусалимъ, вызвалъ скоро возбужденное настроеніе и насильственныя движенія. Измѣнническая игра Іосифа и переходъ его къ римлянамъ дали извѣстнымъ образомъ толчекъ этому. Пока въ Іерусалимѣ думали, что Іосифъ погребенъ подъ развалинами Іотапаты, о немъ искренно скорбѣли, но едва распространилась вѣсть о томъ, что онъ въ римскомъ лагерѣ, и что римскій полководецъ снисходительно обходится съ нимъ, какъ чувство сожалѣнія перешло въ злобную ненависть къ нему. Самые снисходительные люди называли его поведеніе трусостью, болѣе же строгіе—прямо измѣной [4]). Недовѣрчивость и подозрительность прокрались въ души ультразелотовъ; они смотрѣли на всѣхъ, кто не былъ за самыя крайнія мѣропріятія, какъ на измѣнниковъ. Они вспоминали, какъ ихъ обходили при выборѣ начальниковъ для отдѣльныхъ областей, какъ самые важные посты замѣщались людьми, двусмысленное поведеніе которыхъ теперь уже слишкомъ ясно. Элеазаръ бенъ-Симонъ, человѣкъ проницательный и энергичный, теперь вождь зелотовъ [5]), имѣвшій вдобавокъ въ своихъ рукахъ государственную казну, питалъ особенно глубокую вражду къ Синедріону, который обрекъ его, мужественнаго, неустаннаго патріота, на бездѣятельность. Кто засѣдалъ въ Синедріонѣ? Единомышленникъ и другъ Іосифа, Іошуа бенъ-Гамала, ничего не сдѣлавшій для увольненія депутата для Галилеи, когда его интриги были внѣ всякаго сомнѣнія [6]). Кто былъ казначеемъ? Антипа, продіаннинъ, близкій родственникъ царя Агриппы. Антипа

[1]) Т. же II. 22, 2; IV. 9, 3.
[2]) Т. же Іуд. войны IV 9, 3.
[3]) Т. же IV 4, 2.
[4]) Т. же III. 9, 5-6.
[5]) Т. же. 20, 3; IV 4, 1.
[6]) Т. же Vita 38, 41.

и его родственники, Левія и Софа, съ трудомъ лишь скрывали свои симпатіи къ римлянамъ [1]). Не откроютъ ли Синедріонъ и продіане, при приближеніи римлянъ, городскіе ворота, не падутъ ли имъ въ ноги, моля о прощеніи, не выдадутъ ли врагу для расправы виновниковъ войны? Таково было преобладающее настроеніе у зелотовъ, и они считали себя достаточно сильными, чтобы вырвать правленіе изъ рукъ умѣренныхъ или тайныхъ приверженцевъ римлянъ и съ судорожнымъ напряженіемъ безпрепятственно продолжать войну. Не слѣдуетъ забывать, что эти зелоты не были убійцами или поджигателями, а насчитывали въ своихъ рядахъ почетныхъ гражданъ и членовъ духовнаго дворянства. Вождь Элеазаръ бенъ-Симонъ имѣлъ коллегу въ лицѣ Захаріи бенъ-Амфикалосъ (или Абкалосъ), тоже изъ знатнаго священническаго дома, изъ строгой школы Шамая. Къ нимъ примыкали *Іуда бенъ-Хелкія, Симонъ бенъ-Эцронъ* и *Эзекія бенъ-Хабронъ,* всѣ знатнаго происхожденія [2]).

Напряженіе между іерусалимскими зелотами и умѣренной партіей Синедріона усиливалось съ каждымъ днемъ и вызвало ужасы, которые не могли не появиться въ такой войнѣ не на жизнь, а на смерть, когда политическій и религіозный фанатизмъ питается подозрительностью. Зелоты рѣшились на шагъ, который повлекъ за собой кровавый расколъ. Они напали на тѣхъ лицъ, которыхъ они считали, по родственнымъ отношеніямъ къ царской фамиліи или по ихъ сомнительнымъ убѣжденіямъ, тайными заговорщиками противъ свободы. Антипа, Левія и Софа бенъ-Рагуэль были схвачены, брошены въ темницу и скоро затѣмъ казнены. Зелоты затѣмъ объявили, что они устранили измѣнниковъ и враговъ свободы, замышлявшихъ предать Іерусалимъ непріятелю [3]). Насколько справедливы были эти обвиненія, нельзя установить. Зелоты не остановились на этомъ. Ненависть къ первосвященническимъ фамиліямъ, служившимъ раньше въ рукахъ римлянъ орудіемъ противъ свободы, толкнула зелотовъ на то, чтобы лишить ихъ опозореннаго первосвященническаго сана и должностей въ храмѣ, которыя до сихъ поръ принадлежали исключительно имъ. Они слѣдили за сокровищами храма, за доходами и расходами, за священными сосудами, за драгоцѣнностями, за великолѣпными и драгоцѣнными завѣсами, за священническими облаченіями, за необходимыми для жертвенника виномъ, масломъ, солью и дровами. Одинъ изъ ихъ среды руководилъ богослуженіемъ и жертвоприношеніемъ въ храмѣ, и его приказу должны были повиноваться простые священники и левиты (Мешпаh). Зелоты рѣшились, наконецъ, свергнуть этотъ режимъ, противорѣчившій ихъ демократическимъ убѣжденіямъ, отставили отъ должностей

[1]) Іуд. войны IV 3, 4.
[2]) Іуд. войны V 1, 2.
[3]) Т. же IV 3, 4-5.

всѣ аристократическія священническія фамиліи, назначивъ на ихъ мѣста священниковъ низшаго сословія. Аристократы, возмущенные уже первымъ шагомъ зелотовъ, пришли буквально въ бѣшенство, когда зелоты совершили второй шагъ. Послѣдніе отставили выбраннаго Агриппой первосвященника, *Матѳія бенъ-Теофилъ,* питавшаго скрытыя симпатіи къ римлянамъ, созвали часть священниковъ *Яхинъ* (или Эльяхинъ), которые тогда несли службу въ храмѣ, и предложили имъ выбрать жребіемъ первосвященника. Жребій палъ на одного священника, до тѣхъ поръ неизвѣстнаго, *Пинхаса бенъ-Самуэль* изъ городка *Афты.* Одни въ насмѣшку разсказывали, что онъ до того былъ каменотесомъ, другіе—что онъ былъ земледѣльцемъ. Пинхасъ былъ торжественно привезенъ чиновниками храма, украшенъ первосвященническимъ облаченіемъ [1]), и, въ виду его бѣдности, были собраны для него деньги для того, чтобы онъ могъ быть достойнымъ представителемъ своего сословія. Этотъ шагъ вывелъ изъ терпѣнія партію Синедріона, нѣкоторые вожди которой были первосвященниками; они считали эти выборы опозореніемъ священнаго сана, профанаціей святыни. Не только Ананъ и Іошуа бенъ-Гамала, бывшіе первосвященники, но и предсѣдатель Синедріона, Симонъ бенъ-Гамаліилъ, громко выражали свое негодованіе. Ананъ, благодаря смѣлости и богатству имѣвшій за собой большинство въ совѣтѣ и сумѣвшій своимъ краснорѣчіемъ привлечь на свою сторону противниковъ или обезвредить ихъ [2]), возбуждалъ умѣренныхъ гражданъ Іерусалима, убѣждая ихъ не сносить молча совершеннаго обезчещенія первосвященническаго сана и съ оружіемъ въ рукахъ бороться съ зелотами [3]). Ананъ вызвалъ гражданскую войну. Его искренній или ханжескій революціонный пылъ погасъ; изъ осторожности или разсчета онъ работалъ въ пользу заключенія мира съ римлянами. Со всей присущей ему энергіей онъ наусьничалъ всюду противъ воинственныхъ зелотовъ и вызвалъ гражданскую войну.

Руководимые Ананомъ, многіе іерусалимцы вступили въ борьбу съ зелотами и тѣмъ положили начало кровавому внутреннему расколу. Умѣренные, превосходившіе количествомъ своихъ противниковъ, вытѣснили ихъ шагъ за шагомъ изъ всѣхъ частей города къ храмовой горѣ и вынудили ихъ укрѣпиться въ храмѣ за второй стѣной (Chel). Кровь лилась на порогѣ храма; но совершить нападеніе въ самой святынѣ побѣдители не рѣшались и потому они днемъ и ночью окружали своихъ противниковъ, желая принудить послѣднихъ къ сложенію оружія и къ сдачѣ храма. Между тѣмъ, въ Іерусалимѣ распространился слухъ, будто Ананъ и его единомышленники замышляютъ призвать римлянъ, и этотъ слухъ (справедливый или ложный—безразлично) побудилъ и Іоанна изъ Гисхалы, пользовавшагося довѣріемъ партіи аристократовъ, вызвать скорую помощь осажденнымъ въ храмѣ единомышленникамъ. Онъ условился съ ними письменно пригласить идумеевъ помочь столицѣ, находящейся въ опасности и преданной въ руки измѣнниковъ. 20.000 идумеевъ, съ радостью ухватившіеся за случай удовлетворить свои дикіе воинственные инстинкты, были тотчасъ же готовы и подступили подъ предводительствомъ четырехъ вождей: *Іоанна, Симона, Пинхаса* и *Якова* къ Іерусалиму. Но Ананъ провѣдалъ объ этомъ и приказалъ закрыть и сильно охранять ворота. Со стѣнъ обратился къ нимъ съ рѣчью Іошуа бенъ-Гамала, заклиная ихъ отступить и не увеличивать своимъ появленіемъ внутренней сумятицы. Симонъ бенъ-Катла, вождь идумеевъ, отвѣтилъ на это, что побѣдившая партія не имѣетъ права закрыть входъ іудеямъ въ столицу, принадлежащую имъ всѣмъ, что она тиранизируетъ побѣжденныхъ и, принуждая сложить оружіе пришедшихъ своей жизнью защищать свободу и святой городъ, подкрѣпляетъ только подозрѣніе въ томъ, что она желаетъ торжественно открыть римлянамъ ворота. Симонъ бенъ-Катла закончилъ свою рѣчь заявленіемъ, что идумеи намѣрены стоять у воротъ, чтобы отпугать наступающихъ римлянъ и принудить умѣренныхъ къ измѣненію своихъ взглядовъ. Они сдержали слово и расположились у входа въ столицу.

Одна ночь была ужасна для партіи Анана. Небесныя стихіи бушевали съ необузданной яростью, буря и раскаты грома смѣняли другъ друга, оглушая людей и наполняя ихъ ужасомъ. Ослѣпляющія молніи сверкали безпрестанно, разразился ливень. Закаленные идумеи не двигались. Но въ городѣ многіе ушли со своихъ постовъ и укрылись въ домахъ. Самъ Ананъ не проявилъ на этотъ разъ присущей ему неустанной бдительности. Тогда зелоты приблизились во тьмѣ и перепилили желѣзную рѣшетку неохраненныхъ воротъ; звуки пилъ не были слышны изъ-за раскатовъ грома и стона бури. Идумеямъ былъ открыть входъ. Они сдѣлали нападеніе съ одной стороны, а зелоты, врасплохъ потѣснившіе стражу и обратившіе ее въ бѣгство, съ другой; граждане были призваны къ оружію, и завязался страшный бой, соперничавшій съ ужасами стихій. Скоро умѣренные покорно сложили свое оружіе, и идумеи, пылая мщеніемъ, разсыпались по всѣмъ частямъ города и умерщвляли всѣхъ, которыхъ они не признавали своими единомышленниками. Восходящее солнце освѣтило кровавое поле, усѣянное трупами. Говорятъ, что найдено ихъ въ городѣ слишкомъ 8.000 (Адаръ=Февр.—Мартъ 68 [1]). Зелоты остались побѣдителями. На другой день начались засѣданія кроваваго судилища террора. Всѣ, подозрѣвавшіеся въ участіи въ заговорѣ и

[1]) Т. же 3, 7. Древн. XX. 10, 1. Tos. Joma I. Sifra in Levit. 21, 10.
[2]) Т. же Іуд. войны. IV 5, 2. [3]) Т. же IV 3, 9—11.

[1]) Т. же 3, 12—14; 4, 1—6; 5, 1.

принимавшіе участіе въ борьбѣ, были разысканы и казнены, вѣроятно, не безъ предварительнаго допроса. Въ числѣ первыхъ казнены были Ананъ и Іошуа бенъ-Гамала. Особенно раздражены были зелоты противъ перваго, и вполнѣ основательно, такъ какъ онъ призвалъ къ оружію іерусалимцевъ и возбудилъ гражданскую войну. Іошуа бенъ-Гамала былъ давно подъ подозрѣніемъ, такъ какъ онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ Іосифомъ и подъ конецъ заперъ ворота Іерусалима передъ идумеями. Озлобленіе противъ этихъ двухъ недостойныхъ первосвященниковъ было такъ велико, что тѣла ихъ оставлены непогребенными на съѣденіе псамъ. Садукейскій первосвященникъ Ананъ, который нѣсколько лѣтъ до этого самъ занимался безпощадными преслѣдованіями (стр. 335), нашелъ, въ свою очередь, безпощадныхъ судей.

Со смертью этихъ двухъ членовъ Совѣта и, вѣроятно, ихъ единомышленниковъ, распался составленный при началѣ революціи Синедріонъ. Зелоты составили, кажется, новый Синедріонъ уже не изъ аристократическихъ и первосвященническихъ элементовъ, но изъ демократическихъ. Новый Синедріонъ также насчитывалъ до семидесяти членовъ [1]). Неизвѣстно, какая участь постигла главу и руководителя стараго Синедріона, Симона бенъ-Гамалiилъ. Вѣроятно, онъ былъ лишенъ своего сана, такъ какъ его причисляли къ аристократической партіи, и онъ неодобрительно отозвался относительно выборовъ демократическаго первосвященника (стр. 392). Онъ, несомнѣнно, не былъ приговоренъ зелотами къ смерти, ибо, въ противномъ случаѣ, историкъ Іосифъ, собиравшій обвиненія противъ нихъ, не умолчалъ бы объ этомъ кровавомъ преступленіи. По одному извѣстію, не находящему себѣ подтвержденія, онъ казненъ былъ Веспасіаномъ. Но Симонъ бенъ-Гамалiилъ, кажется, умеръ еще до прибытія Веспасіана подъ стѣны Іерусалима. Говорятъ, двѣнадцать тысячъ іерусалимцевъ погибло отъ рукъ зелотовъ и идумеевъ, но это число, въ виду того, что оно сообщено врагомъ зелотовъ, Іосифомъ, намѣренно преувеличено. Существуютъ доказательства, что зелоты не расправлялись съ подозрительными лицами безъ формальнаго обвиненія ихъ передъ трибуналомъ. Пользовавшійся общимъ уваженіемъ гражданинъ, *Захарія бенъ-Барухъ,* былъ заподозренъ въ томъ, что онъ устроилъ заговоръ и отправилъ гонцовъ къ Веспасіану съ обѣщаніемъ сдать ему городъ. Тогда зелоты велѣли привести его для допроса въ храмъ предъ Синедріономъ изъ 70 членовъ. Обвиняемый отрицалъ этотъ фактъ и при этомъ дѣлалъ горькіе упреки революціоннымъ дѣятелямъ. Трибуналъ объявилъ его свободнымъ отъ обвиненія за отсутствіемъ доказательствъ. Однако два фанатическихъ зелота напали на него

[1]) Іуд. войны IV. 5, 4.

и убили его въ храмѣ. А члены судилища послѣ этого были съ насмѣшками разогнаны [1]).

Но зелотамъ идумеи были такъ же непріятны, какъ и умѣренные. Поэтому они старались мирно убѣдить ихъ покинуть городъ. Многіе изъ идумеевъ удалились, оставшіеся же ближе примкнули къ мирнымъ гражданамъ, нежели къ зелотамъ [2]). Послѣдніе продолжали управлять посредствомъ террора. Всѣ тѣ, которые подняли противъ нихъ оружіе, были обречены на смерть; между ними видный гражданинъ *Горіонъ* (вѣроятно, Іосифъ бенъ-Горіонъ, начальникъ города) и перейскій богатырь *Нигеръ*, должно быть, за то, что онъ поддерживалъ аристократическую партію въ Синедріонѣ. И здѣсь оправдался печальный опытъ, что каждая революція поглощаетъ своихъ первоначальныхъ вдохновителей. Нигеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые съ самаго начала всѣ свои силы отдали возстанію. Поэтому смерть его остается пятномъ позора на зелотахъ. Чтобы прекратить анархію, господствовавшую послѣ паденія Синедріона, Іоаннъ изъ Гисхалы взялъ на себя предводительство и былъ поддержанъ многочисленными бѣглецами изъ Галилеи [3]). Своимъ геройскимъ духомъ, обитавшимъ въ болѣзненномъ тѣлѣ, онъ привлекалъ пылкихъ юношей и мужей, и они были такъ же преданы ему, какъ и галилеяне. Равный остальнымъ вожакамъ по смѣлости и презрѣнію къ смерти, Іоаннъ превосходилъ ихъ проницательностью и изобрѣтательностью; онъ рожденъ былъ властвовать. Это превосходство возбудило зависть въ вождяхъ зелотовъ; они боялись, чтобы онъ не захватилъ въ свои руки неограниченную власть, чтобы чужеземецъ не предписывалъ кореннымъ жителямъ законы. Несмотря на это, сначала галилейскіе зелоты, или іоанниты, шли рука объ руку съ іерусалимскими и строго преслѣдовали предателей и умѣренныхъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что много невинныхъ пали жертвами фанатизма зелотовъ, хотя преувеличенія въ описаніи ужасныхъ сценъ грабежа, убійства и насилія надъ женщинами должны быть отнесены на счетъ ожесточенія противъ зелотовъ историка Іосифа. Много состоятельныхъ и мирныхъ гражданъ покидали городъ и вызвали строгую бдительность зелотскихъ предводителей, чтобы предупредить бѣгство и дезертирство. Несмотря на это, многимъ удалось бѣжать въ лагерь Веспасіана, и эти бѣглецы рисовали состояніе Іерусалима въ мрачныхъ краскахъ или для того, чтобы пріукрасить свое бѣгство, или чтобы увѣрить римлянъ въ томъ, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ злодѣевъ и честолюбцевъ, народъ жаждетъ вступленія римлянъ въ городъ. Лживый историкъ Іосифъ изъ ненависти

[1]) Т. же 5, 2—4. Матоей 23, 35 намекаетъ на это.
[2]) Т. же 5, 5; 6, 1.
[3]) Т. же IV. 9, 10.

къ зелотамъ и, особенно, къ Іоанну изъ Гисхалы увѣковѣчилъ эту невѣрную или, во всякомъ случаѣ, преувеличенную картину террора и заклеймилъ геройскихъ защитниковъ отечества какъ безстыдную шайку разбойниковъ [1]).

Тѣмъ временемъ римляне ничего не предпринимали. Осторожный Веспасіанъ не осмѣливался напасть на львовъ въ ихъ берлогѣ, какъ ни сильно побуждали его перебѣжчики сдѣлать нападеніе на Іерусалимъ и какъ ни старались убѣдить его, что это ему легко удастся. Онъ предпочелъ выжидать до того времени, когда междоусобная война ослабитъ борцовъ [2]). Всю зиму (67-68) онъ спокойно продержалъ свое войско въ зимнихъ квартирахъ. Только съ наступленіемъ весны онъ повелъ его въ бой, но не на Іерусалимъ, а на Перею, еврейскіе жители которой только теперь взялись за оружіе [3]). Судьба пожелала, чтобы эти повстанцы выступили разрозненно и не нашли себѣ способнаго предводителя, который бы сумѣлъ направить столько самоотверженныхъ и мужественныхъ людей къ одной цѣли и яростно напасть на римлянъ со всѣхъ сторонъ. Разрозненность имѣла то послѣдствіе, что число павшихъ жертвъ было неимовѣрно велико. Походъ противъ Переи начался съ крѣпости Язеръ, которая тогда составляла центръ Перейской области. Здѣсь собрались отважные, жаждавшіе боя граждане, чтобы предпринять походъ противъ римлянъ. Но тамъ была также настроенная въ пользу римлянъ мирная партія изъ богачей и видныхъ гражданъ, которою руководилъ глава еврейскаго населенія, по имени *Долезъ*. Эта партія тайно отправила къ Веспасіану посольство, которое умоляло его о скорѣйшемъ вступленіи въ возставшій городъ. Прежде, чѣмъ язерскіе зелоты узнали объ этомъ, римляне уже стояли передъ городомъ. Имъ осталось ровно столько времени, чтобы отомстить приверженцамъ Рима и бѣжать. Веспасіанъ безъ боя вступилъ въ Язеръ (4 Adar, Мартъ 68 г.). Расположенные къ Риму евреи сами разрушили крѣпостныя сооруженія, чтобы этимъ доказать свое миролюбіе. Послѣ этого бѣглые зелоты были преслѣдуемы Плацидомъ и спаслись въ укрѣпленномъ, расположенномъ приблизительно въ 3 миляхъ къ западу отъ Язера, городкѣ *Бетъ-Нимринъ*. Жители его примкнули къ нимъ и двинулись на встрѣчу наступавшимъ римлянамъ, но не могли удержаться противъ нихъ. Бетъ-Нимринъ былъ взятъ и сожженъ, беззащитные жители его были умерщвлены, а остатокъ бойцевъ принужденъ былъ снова бѣжать. Большинство изъ нихъ погибло въ стычкахъ съ римлянами или въ разлившихся водахъ Іордана, куда ихъ загналъ непріятель. Больше двухъ тысячъ человѣкъ попало въ плѣнъ, 15.000

[1]) Іосифъ contra Apionem I, 9.
[2]) Т. же Іуд. войны IV. 7, 3.
[3]) Т. же 7, 3—5.

пало отъ меча, и безчисленные трупы унесены были Іорданомъ въ Мертвое море. Плацидъ побѣдилъ также зелотовъ въ *Абилѣ* [1]), *Ливіи* и *Безимотѣ* (Bet-Jeschimot), которые также приняли воинственное положеніе. Затѣмъ онъ со своими войсками, которыя онъ для скорости передвиженія велѣлъ переправить на лодкахъ черезъ Мертвое море, преслѣдовалъ бѣглецовъ, искавшихъ убѣжища въ крутыхъ и изрѣзанныхъ берегахъ этого моря. Только крѣпкій, расположенный на горѣ, городъ *Махеръ* римляне не могли взять.

Между тѣмъ Веспасіанъ самъ покорилъ другія области Іудеи. Извѣстіе, что испанскіе и галльскіе легіоны отказались отъ позорнаго императора Нерона и провозгласили его преемникомъ Гальбу (Апрѣль 68), заставило Веспасіана отказаться отъ медлительнаго образа дѣйствій, такъ какъ онъ хотѣлъ покончить съ Іудеей, чтобы имѣть возможность играть роль въ ожидаемомъ новомъ бурномъ положеніи вещей [2]). Однако онъ все еще не рѣшался двинуться на Іерусалимъ, но окружилъ его издали съ запада и юга. Ему нетрудно было со столькими легіонами и вспомогательными войсками покорять маленькіе города и огнемъ и мечомъ уничтожать сопротивлявшихся отъ Антипатриса до Виѳлеема. Только Эммаусъ Веспасіанъ не могъ окончательно покорить и оставилъ здѣсь пятый легіонъ для охраны проходовъ [3]). Въ Идумеѣ онъ также, должно быть, встрѣтилъ энергичное сопротивленіе, такъ какъ при взятіи двухъ укрѣпленныхъ мѣстъ, *Бетъ-Губринъ* (Betaris) и *Кафертаба,* его войска перебили больше 10.000 человѣкъ, взяли въ плѣнъ больше 1000 и разогнали всѣхъ жителей [4]). Веспасіанъ не осмѣлился напасть на центральную и восточную части Идумеи, которыя были опасны вслѣдствіе гористой мѣстности и партизанскихъ отрядовъ; онъ свернулъ съ половины пути, обогнулъ область Акрабатену, которая ему казалась не легко одолимой, и пошелъ черезъ Самарію мимо Сихема (Neapolis), чтобы спуститься на востокъ въ долину Іордана и оттуда напасть на *Іерихонъ* (3 Siwan, Май 68). Этотъ важный городъ, для завоеванія котораго Веспасіанъ предпринялъ далекій обходъ, оказался пустымъ: вооруженные жители отступили въ расположенныя на западѣ горы, а беззащитная толпа была перебита римскими убійцами, которые оставили за собой кровь и трупы въ Переѣ и по Мертвому морю [5]). Для охраны этой мѣстности римскій полководецъ приказалъ разбить одинъ лагерь около Іерихона и другой около Адиды на востокѣ и поставить тамъ гарнизоны [6]). Онъ покорилъ затѣмъ двѣ остальныя области, гористые округа Гофны и Акрабатены, причемъ,

[1]) Т. же 7, 6.
[2]) Т. же Іуд. войны IV. 8, 1.
[3]) Т. же.
[4]) Т. же IV. 8, 1.
[5]) Т. же Іуд. войны 8, 1-2.
[6]) Т. же 9, 1.

разумѣется, погибло много евреевъ и много попало въ плѣнъ. Въ городахъ *Бетель* и *Эфраимъ* онъ оставилъ гарнизоны [1]). Такимъ образомъ почти вся мѣстность вокругъ Іерусалима была покорена, и для римлянъ открылся свободный доступъ къ столицѣ съ трехъ сторонъ.

Послѣ этихъ подвиговъ Веспасіанъ отступилъ въ Кесарею и почти на два года оставилъ Іерусалимъ въ покоѣ. Почему же послѣ такой поспѣшности наступило внезапное затишье? Слѣдующія событія побудили его къ этому: возгорѣвшаяся снова въ Іерусалимѣ междоусобная война, смерть Нерона и вступленіе въ Римъ новаго императора, провозглашеннаго испанскими и галльскими легіонами. Необузданный Симонъ бенъ-Гіора вызвалъ гражданскую войну въ еврейской столицѣ. Въ Мазадѣ, гдѣ онъ былъ принятъ сикаріями, онъ не могъ успокоиться. Онъ былъ честолюбивъ и жаждалъ подвиговъ. Онъ покинулъ эту крѣпость послѣ смерти враждебнаго ему Анана (стр. 394) и распаденія аристократическаго Синедріона [2]). Чтобы собрать отрядъ, онъ привлекалъ къ себѣ рабовъ, обѣщая имъ свободу, и всякаго рода падшихъ людей. Съ каждымъ днемъ число приверженцевъ его росло, такъ какъ онъ честно дѣлился добычей съ своими людьми, къ нему примкнули даже граждане, и отрядъ его, какъ говорятъ, доходилъ до 20.000 вооруженныхъ людей [3]). Съ ними ему удалось пройти не только черезъ всю область Акрабатины на западѣ Мертваго моря, изъ которой онъ раньше былъ вытѣсненъ (стр. 390), но и проникнуть дальше на сѣверъ до мѣстности, именуемой *Великой Идумеей*. Въ этой мѣстности Баръ-Гіора заложилъ крѣпость вблизи мѣстечка Аинъ [4]) къ югу отъ Хеврона. Такъ какъ его люди не вмѣщались въ этой крѣпости, то онъ помѣстилъ ихъ невдалекѣ оттуда въ пещерахъ около ущелья *Фарана*, гдѣ онъ также пряталъ награбленныя имъ сокровища.

Всѣ помыслы Баръ-Гіоры были однако направлены на то, чтобы проникнуть въ Іерусалимъ, играть тамъ роль властителя; онъ также имѣлъ въ виду устрашать римлянъ своей отвагой и дисциплиной подчиненныхъ ему войскъ. Но, чтобы попасть туда изъ крѣпости Аинъ черезъ Хевронъ, ему пришлось проходить черезъ владѣнія идумеевъ, которые тамъ обитали. Преодолѣть ихъ было ему трудно, такъ какъ они были такъ же смѣлы и такъ же яростно сражались, какъ и его люди. Но, благодаря измѣнѣ одного идумейскаго предводителя, ему удалось разбить идумейскій отрядъ и овладѣть имъ и ихъ обиталищемъ. Также Хевронъ попалъ въ его власть, и онъ со своими отрядами рыскалъ въ окрестностяхъ Іерусалима. Однако зелоты въ столицѣ боялись его близости и раздумывали о томъ, какъ бы сдѣлать его безвреднымъ. Завязывать съ нимъ сраженіе

[1]) Т. же 9, 9.
[2]) Т. 9, 3.
[3]) Т. же 9, 5.
[4]) Т. же 9, 4.

они не рѣшались, такъ какъ одинъ разъ уже потерпѣли пораженіе. Однажды они подстерегли его и взяли въ плѣнъ его жену и часть его свиты, надѣясь, что онъ такимъ образомъ покорится. Но Симонъ баръ-Гіора былъ закаленъ противъ мягкосердечія; вмѣсто покорной мольбы о возвращеніи ему супруги, онъ, говорятъ, жестоко расправился съ іерусалимцами, вышедшими изъ воротъ города, чтобы раздобыть жизненные припасы и дрова. Эта жестокая расправа съ безоружными побудила іерусалимцевъ отпустить жену Баръ-Гіоры изъ плѣна [1]); это нѣсколько смягчило его, но все-таки не заставило его отказаться отъ его плана играть роль въ Іерусалимѣ. День и ночь караулилъ Баръ-Гіора у воротъ столицы, стремясь найти туда доступъ. Случай для этого дала ему партія знати.

Съ гибелью своихъ главарей партія эта не исчезла окончательно, она только нѣкоторое время пребывала въ бездѣятельномъ состояніи, втайнѣ же готовилась вырвать власть изъ рукъ вождей зелотовъ. Во главѣ ея стоялъ первосвященникъ Матѳій, сынъ Теофила, изъ дома Боэтусъ, и другіе мужи изъ первосвященническихъ родовъ [2]). Они сумѣли привлечь на свою сторону часть народа, состоятельныхъ лицъ, которые вслѣдствіе наступленія войны находились въ большомъ страхѣ и не могли удрать, и соединились съ находившимися въ Іерусалимѣ идумеями, которые хорошо владѣли оружіемъ и были неустрашимы. По предварительному уговору враждебная зелотамъ партія и идумеи внезапно напали на неожидавшихъ нападенія зелотовъ и іоаннитовъ, убили многихъ изъ нихъ, остальные же спаслись сначала во дворцѣ адіабенской принцессы Граптъ, гдѣ жилъ Іоаннъ, а оттуда перешли въ передній дворъ храма. Жадные къ добычѣ идумеи тотчасъ же бросились на дворецъ, чтобы овладѣть сокровищами, которыя, по слухамъ, хранилъ тамъ галилейскій предводитель зелотовъ. Между тѣмъ разсѣянные по всѣмъ частямъ города зелоты оправились отъ перваго страха, схватились за оружіе, собрались на Храмовой горѣ и приготовились отомстить своимъ противникамъ за кровавое нападеніе. Послѣдніе смутились, собрались вмѣстѣ на совѣщаніе и рѣшили призвать Симона баръ-Гіору и направить его съ его солдатами противъ зелотовъ. Отставленный отъ должности первосвященникъ Матѳій отправился къ нему, пригласилъ его въ городъ и такимъ образомъ развилъ междоусобіе въ стѣнахъ Іерусалима. Баръ-Гіора, говорятъ, принялъ его немедленно и далъ ему понять, что если онъ вступитъ какъ спаситель въ Іерусалимъ, то онъ намѣренъ и играть тамъ роль господина.

[1]) Т. же Іуд. войны IV. 9, 8. 10.
[2]) Т. же 9, 11.

Съ его вступленіемъ въ городъ (Nissan, Апрѣль 68 [1]) началась самая отвратительная гражданская война. Баръ-Гіора поспѣшилъ со своимъ отрядомъ и съ примкнувшими къ нему идумеями къ площади передъ храмомъ, куда собрались всѣ зелоты. Съ этого возвышеннаго пункта зелоты могли съ галлерей и стѣнныхъ зубцовъ не только отражать выстрѣлами изъ луковъ и пращей натискъ враговъ, но и принудить ихъ къ отступленію. Несмотря на свою необузданную храбрость, Баръ-Гіора долженъ былъ отступить со своими людьми, чтобы въ какомъ-нибудь прикрытомъ пунктѣ города отыскать болѣе безопасную позицію [2]).

Эти раздоры въ столицѣ сообщены были Веспасіану перебѣжчиками, изобразившими ихъ въ преувеличенномъ видѣ, и побудили его снова держаться подальше отъ нея, въ надеждѣ, что побѣжденная партія призоветъ его на помощь, откроетъ ему ворота и создастъ ему такимъ образомъ легкую побѣду. Онъ только занялъ и опустошилъ области на сѣверѣ и на западѣ отъ Іерусалима, а его помощникъ, *Цереаль,* покорилъ и опустошилъ остатки Идумеи, взялъ силою городъ Хевронъ, сжегъ его и перекололъ мужей и юношей, попавшихъ въ плѣнъ [3]). Въ этомъ древнѣйшемъ городѣ еврейскіе поборники свободы, состоявшіе изъ приверженцевъ Баръ-Гіоры и идумеевъ, несомнѣнно, оказали такое отчаянное сопротивленіе и нанесли такъ много вреда римлянамъ, что Цереаль предпочелъ выгодѣ отъ выкупа плѣнныхъ удовлетвореніе своего чувства мести. Но ни Цереаль, ни Веспасіанъ не пускались дальше для завоеванія укрѣпленныхъ мѣстъ: Іерусалима, Геродіума, Масады по эту сторону Іордана и Махера по другую его сторону. Важныя событія въ Римѣ, Италіи и въ провинціяхъ, сдѣлавшихся театромъ кровавыхъ раздоровъ, заставили Веспасіана не предпринимать, повидимому, трудной и продолжительной осады, чтобы быть свободнымъ для вмѣшательства въ переворотъ. Неронъ такъ же позорно умеръ (9 Іюня 68 г.), какъ и проводилъ жизнь. *Гальба* былъ провозглашенъ императоромъ и взялъ въ Римѣ въ свои старчески дрожащія руки бразды правленія. Онъ былъ старъ и бездѣтенъ и долженъ былъ поэтому подумывать о томъ, чтобы избрать себѣ преемника. Въ это критическое время, когда каждый день могъ принести чреватую событіями новость, Веспасіанъ считалъ невыгоднымъ пускаться въ осаду Іерусалима, онъ занялъ, напротивъ, выжидающее положеніе и послалъ своего сына Тита съ царемъ Агриппой въ Римъ, чтобы привѣтствовать новаго императора, который могъ бы его усыновить. Но, когда Титъ узналъ въ Коринѳѣ, что Гальба убитъ (5 Янв. 69 г.), и избраны два императора, *Оттонъ* въ Римѣ и *Вителлій* въ Нижней Германіи, легіонами, онъ

[1]) Т. же 9, 3.
[2]) Т. же 9, 9.
[3]) Т. же Іуд. войны IV. 9, 12.

возвратился съ обманутыми надеждами. Еще другой магнитъ притягивалъ его въ Іудею, прелести еврейской принцессы Вереники, которая, несмотря на свою строгую жизнь по обрядамъ іудейства, поддерживала преступную любовную связь съ язычникомъ Титомъ [1]). Онъ настолько находился подъ властью ея чаръ и былъ такъ искренно привязанъ къ еврейскому царскому дому, что поручилъ Агриппѣ отправиться изъ Греціи въ Римъ, чтобы имѣть черезъ него вѣрныя свѣдѣнія о событіяхъ [2]) въ Римѣ. Агриппѣ вскорѣ представился случай сообщить въ высшей степени важныя извѣстія. Оттонъ оставался императоромъ едва сто дней: ему тотчасъ же пришлось бороться съ новымъ императоромъ, котораго подняли на своихъ щитахъ германскіе легіоны, чтобы доказать испанскимъ, что они лучше сумѣютъ избрать и поддержать императора. Обнаружилось больное мѣсто колоссальнаго римскаго тѣла: Цезарь Августъ могъ быть избранъ не только въ Римѣ преторіанской гвардіей, но и въ провинціяхъ легіонами. Войско Вителлія одержало верхъ надъ войскомъ Оттона; послѣдній умеръ геройской смертью отъ собственной руки (16 Апрѣля 69 г.), а рабски трусливый сенатъ, выражавшій одобреніе безумствамъ и преступленіямъ Нерона, поспѣшилъ привѣтствовать развратнаго Вителлія императоромъ такъ же, какъ привѣтствовалъ его двухъ предшественниковъ. Если бы сила еврейскаго народа не была уже тогда сломлена, если бы безстрашные еврейскіе воины, павшіе уже въ бояхъ, могли какъ одинъ человѣкъ возстать противъ анархическаго Рима, если бы Агриппа сталъ во главѣ движенія и, подобно своему отцу, заключилъ союзъ съ азіатскими народами, кто знаетъ, не былъ ли бы уже тогда низвергнутъ римскій колоссъ. Но провидѣніе судило, чтобы Іудея потеряла свой государственный характеръ, а Римъ еще четыре столѣтія порабощалъ народы.

Въ то время, когда исходъ войны между Оттономъ и Вителліемъ былъ еще сомнителенъ, Веспасіанъ уже подумывалъ о томъ, не надѣть ли ему самому на себя оскверненную императорскую мантію, но онъ былъ въ нерѣшительности, привести ли въ исполненіе задуманное. Онъ хотѣлъ быть къ тому побужденнымъ. Прежде всего онъ боялся своего соперника, *Лициніа Муціана*, намѣстника Сиріи, съ которымъ онъ жилъ несогласно, и который имѣлъ въ своемъ распоряженіи много легіоновъ. Если бы этотъ послѣдній выступилъ противъ него, то быстро улетучилась бы его мечта объ императорскомъ престолѣ, а жизнь его подверглась бы опасности. Между тѣмъ Муціана привлекъ на свою сторону сынъ Веспасіана Титъ, который не скрывалъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Онъ успѣлъ въ томъ, что Муціанъ настоятельно побудилъ Веспасіана позволить провозгласить себя императоромъ. Однако необходимо было привлечь на свою

[1]) Tacitus hist. 2, 1-2.
[2]) Т. же 2, 81.

сторону еще второго могущественнаго союзника, Александра Тиверія, сына арабарха, который былъ намѣстникомъ важнѣйшей провинціи, Египта. Женская рука завязала эту петлю въ сѣти, которая должна была поймать въ видѣ дичи Римъ. Принцесса Вереника была въ дружественныхъ отношеніяхъ съ египетскимъ намѣстникомъ; она была раньше обручена съ его братомъ (стр. 262). Она хлопотала объ избраніи императора, какъ о сердечномъ дѣлѣ. Любовь Тита къ ней была настолько очевидна, что окружающіе не сомнѣвались въ томъ, что онъ обѣщалъ жениться на ней [1]). Не должна ли была она пустить въ ходъ для достиженія этой цѣли всѣ средства, которыя давала въ ея распоряженіе ея красота и женская хитрость? Какая блестящая будущность открывалась передъ ней! Она, жена Тита, могла бы и должна была бы сдѣлаться, по человѣческимъ разсчетамъ, римской императрицей. Она могла бы также быть необыкновенно полезной своему народу и своей вѣрѣ, которой она была предана всей душой. Она могла бы добиться примиренія между Іудеей и Римомъ и отвлечь гибель отъ еврейскаго государства. Титъ въ своей безграничной любви къ ней не могъ ей ни въ чемъ отказать. Важнѣйшимъ шагомъ для всего этого было привлечь Тиверія Александра къ партіи Веспасіана, и это ей вполнѣ удалось. Намѣстникъ Египта поспѣшилъ заставить свои отряды присягнуть на вѣрность императору Веспасіану (1 Іюля 69). Это было настолько рѣшительнымъ моментомъ для новаго императорскаго дома, что онъ считалъ начало своего правленія съ этого дня. Лишь нѣсколькими днями позже присягнули легіоны, стоявшіе въ Іудеѣ, а еще позже сирійскіе легіоны подъ начальствомъ Муціана; послѣднее окончательно ободрило Веспасіана [2]). Благодаря Египту, онъ имѣлъ ключъ къ столицѣ римской имперіи. Если бы преторіанцы и сенатъ отказали ему въ признаніи, онъ могъ бы заморить Римъ голодомъ, задержавъ доставку египетскаго хлѣба. Послѣдствіемъ достиженія императорскаго достоинства было то, что Іудея отступила для Веспасіана на второй планъ; покореніе ея, конечно, казалось необходимымъ, чтобы имѣть возможность добиться тріумфальнаго шествія, но значеніе его отступало передъ заботой о томъ, чтобы побѣдить легіоны Вителлія, а его самого лишить трона. Поэтому Веспасіанъ и его сынъ Титъ отправились въ Египетъ и оставались тамъ до тѣхъ поръ, пока не пришло извѣстіе о смерти Вителлія, которая наступила при позорныхъ обстоятельствахъ (21 или 22 дек. 61 г.) послѣ того, какъ полководцы и легіоны Веспасіана наполнили улицы Рима кровью и трупами.

[1]) Sueton, Titus 7. Tacitus, Hist. 2, 81.

[2]) Tacitus т. же 2, 79; Sueton, Vespasian 6. Флавій, Іуд. войны IV. 10, 5-6.

Что же дѣлалъ между тѣмъ Іерусалимъ въ теченіе почти двухлѣтняго отдыха, который далъ ему Веспасіанъ, отчасти изъ страха потерять свою славу въ борьбѣ противъ дошедшихъ до отчаянія защитниковъ родины, отчасти вслѣдствіе занятій приготовленіями и мѣрами для утвержденія достигнутаго императорскаго достоинства? Что же дѣлалъ Іерусалимъ въ это время? Историкъ, предавшійся римлянамъ, разсказываетъ: партіи день и ночь подготовляли другъ для друга гибель и смерть, совершали самыя мерзкія злодѣйства, обращались съ безоружнымъ народомъ, какъ съ убойнымъ скотомъ, расхаживали по кучамъ труповъ и у самаго алтаря убивали своими стрѣлами приносившихъ жертвы [1]). Но вырвавшееся у него невольно заявленіе, что въ теченіе этого времени многіе иноземные евреи устремлялись въ Іерусалимъ для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей и, въ особенности, для празднованія тамъ Пасхи (69 [2]), обнаруживаетъ ложность его мрачныхъ описаній и клеймитъ ихъ какъ наглую клевету. Развѣ иноземные евреи захотѣли бы подвергаться опасности, если бы въ Іерусалимѣ господствовала дикая кровавая анархія, или развѣ стали бы они посѣщать осквернённый и запятнанный храмъ? Много также евреевъ пріѣзжало изъ римскихъ провинцій и изъ странъ по Евфрату, чтобы пожертвовать своей жизнью, сражаясь съ наглыми римлянами для защиты священнаго города [3]). Населеніе Іерусалима въ то время, когда ему угрожалъ непріятель, доходило до полумилліона; всѣ, кто способенъ былъ носить оружіе, дѣйствительно носили его и умѣли съ нимъ обращаться [4]). Если даже только десятая часть населенія была вооружена, то вожаки партій и ихъ отряды, какъ бы дики и кровожадны они ни были, не осмѣлились бы обращаться съ народомъ, какъ съ убойнымъ скотомъ. Вожаки занимались тѣмъ, что укрѣпляли высокими башнями внѣшнія стѣны храма, который они думали особенно энергично защищать. Іоаннъ изъ Гисхалы воспользовался для возведенія башенъ кедровыми балками, которыя царь Агриппа незадолго до начала войны велѣлъ привезти въ Іерусалимъ, чтобы возвысить внутреннія строенія святилища, и которыя остались безъ примѣненія [5]). Развѣ мыслимо, что такая постройка была предпринята и два года подрядъ производилась при безпрерывныхъ столкновеніяхъ между партіями и обоюдныхъ нападеніяхъ? Такая работа требовала какъ времени, такъ и спокойствія и безопасности для рабочихъ.

Первоначально въ городѣ существовало *четыре* партіи, если не считать умѣренныхъ. Какъ передаютъ, іерусалимскіе зелоты, подъ предво-

[1]) Флавій Іуд. войны V. 2—5; 4, 1; 9, 4.

[2]) Т. же 1, 3; ср. т. VI. 9, 3.

[3]) Dio Cassius 66, 4.

[4]) Tacitus Historiae 5, 13.

[5]) Флавій т. же IV. 9, 12; V. 1, 5.

дительствомъ *Элеазара бенъ-Симонъ* и *Симона бенъ-Эцронъ,* насчитывали въ своихъ рядахъ не болѣе 2.400 членовъ. Въ началѣ они были расположены на храмовой горѣ. Число галилейскихъ зелотовъ, подъ начальствомъ *Іоанна,* доходило до 6.000 вооруженныхъ человѣкъ. Сначала ихъ главная квартира помѣщалась въ Офлѣ, къ югу отъ храма, во дворцѣ адіабенской принцессы Грапты; впослѣдствіи они устроились также на храмовой горѣ либо потому, что элеазариты уступили имъ часть ея, либо потому, что они захватили ее хитростью. Симониты съ сикаріями превосходили остальныхъ своею численностью (10.000 человѣкъ). Они занимали большую часть города: Верхній городъ (Сіонъ), часть Нижняго города (Акру) и всю сѣверо-западную часть города. Квартира ихъ вождя, Баръ-Гіоры, помѣщалась въ обширной башнѣ Фазаэль. Идумеевъ, подъ начальствомъ Якова бенъ-Зоза и Симона бенъ-Катла, было 5.000 человѣкъ [1]). Двадцать четыре тысячи отважныхъ до безумія героевъ! Какія чудеса храбрости могли бы они совершить въ открытомъ бою, если бы дѣйствовали единодушно! Но каждая изъ партій требовала главенства надъ остальными не только изъ честолюбія, но и преувеличенной оцѣнки своего собственнаго значенія. Ни одинъ изъ главныхъ вождей не обладалъ добродѣтелью самоотверженнаго подчиненія. Элеазариты потребовали главенства, такъ какъ они были іерусалимцы и дали первый толчокъ къ движенію. Іоаннъ чувствовалъ себя выше остальныхъ вождей по своему дару находчивости и ловкости. Симонъ замышлялъ месть противъ зелотовъ за то, что они осмѣлились ему мѣшать въ его неистовствахъ. Іерусалимскіе зелоты держались ближе къ Іоанну, идумеи же ближе къ Симону [2]). Вначалѣ, по вторженіи Баръ-Гіоры въ Іерусалимъ, партіи, вѣроятно, окопались въ занятыхъ ими частяхъ города и предпринимали вылазки другъ противъ друга. Хуже всего хозяйничали, должно быть, приверженцы Баръ-Гіоры, потому что они, набранные изъ всякаго сброда, привыкли къ разбойничьей жизни и были исполнены мстительнымъ чувствомъ. Эти раздоры дали непріятелю время превратить всѣ области Іудеи и окрестности столицы въ пустыню, потому что ни одна партія не рѣшалась произвести вылазки противъ римлянъ, не изъ трусости, но изъ опасенія оставить столицу въ единственномъ распоряженіи противниковъ, которые бы не впустили ихъ болѣе туда. Во время этихъ раздоровъ зданія и кварталы подвергались разрушенію, и, что хуже всего, сгорали склады, содержавшіе запасы на много лѣтъ [3]). Разсказывали, что три богача, члены совѣта, *Бенъ-Цицитъ Га-Кессетъ, Бенъ-Кальба-Сабуа* и *Никодемъ* (или *Никомедъ*) *бенъ-Горіонъ,* собрали запасы пшеницы, ячменя, соли, масла

[1]) Т, же V. 1, 2-3; 6, 1,
[2]) Т, же V. 3, 1; 6, 1.
[3]) Т· же V. 1, 4. Tacitus hist. 5, 22.

и дровъ на много лѣтъ, но магазины ихъ во время стычекъ сдѣлались жертвою пламени. Если эти три богача дѣйствительно были сторонниками мира, какъ на это прямо указываетъ одинъ источникъ [1]), то это истребленіе запасовъ легко объяснимо. Эти сторонники мира, должно быть, возбуждали въ Баръ-Гіорѣ ненависть противъ зелотовъ и Іоанна съ той же цѣлью, съ какой ихъ единомышленники призвали его въ Іерусалимъ, а именно, чтобы путемъ отчаянныхъ междоусобицъ и самоуничтоженія сторонниковъ войны облегчить римлянамъ взятіе Іерусалима. И зелоты, озлобленные противъ подстрекателей, могли сжечь ихъ зданія и запасы, собранные послѣдними навѣрное ужъ не для поддержки борцовъ. Партійные раздоры, вызвавшіе опустошеніе внутри города и бездѣятельность внѣ его, были во всякомъ случаѣ дѣломъ рукъ знати и богачей, которые, какъ это часто бываетъ во время революцій, примѣняли въ цѣляхъ реакціи всѣ средства, чтобы усилить переворотъ, довести его до крайности и вызвать путемъ междоусобной войны анархію. Они воспользовались необузданнымъ Баръ-Гіорой, чтобы уничтожить зелотовъ, а тотъ, въ свою очередь, воспользовался ими, чтобы удовлетворить своему непомѣрному честолюбію; а вмѣстѣ они навлекли ужасающее бѣдствіе на священный городъ.

Какъ бы кратковременны ни были эти внутренніе раздоры [2]), они были все-таки болѣе яркимъ предзнаменованіемъ гибели, чѣмъ тѣ знаменія, которыя создавала себѣ возбужденная фантазія. Надъ Іерусалимомъ появилась звѣзда въ формѣ меча; яркій свѣтъ по ночамъ озарялъ храмъ и алтарь; огненная колесница со всадникомъ двигалась по воздуху. Боязливые люди видѣли все это и усматривали въ этомъ предзнаменованіе грядущей гибели. Передавали, что нѣкоторые священники, зайдя ночью во внутреннія части храма, услыхали тамъ необычный шумъ, какъ отъ большой толпы народа, и различили слова: „Выселимся отсюда!“ Самыя большія и тяжелыя ворота съ очень крѣпкимъ затворомъ однажды ночью сами собою открылись. Особенный ужасъ наводилъ на жителей предсказатель бѣдствій *Іошуа бенъ-Ананъ,* который нѣсколько лѣтъ подъ рядъ бѣжалъ во время праздниковъ Кущей днемъ и ночью по улицамъ города и грубымъ и мрачнымъ голосомъ кричалъ: „Гласъ съ востока, гласъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, гласъ надъ Іерусалимомъ и храмомъ, гласъ надъ женихомъ и невѣстой, гласъ надъ всѣмъ народомъ!“ Угрозы и наказанія не дѣйствовали на этого зловѣщаго прорицателя, онъ продолжалъ кричать: „Горе, горе Іерусалиму“. Напрасно старались правители заставить его молчать ударами кнута. Это былъ, вѣроятно, тотъ самый, кототорый про-

[1]) Gittin 56a; Midrasch Threni 1, 5 и Midrasch Kohelet 7, 11.
[2]) Флавій Іуд. войны V. 3, 4.

возглашалъ „горе, горе“ всѣмъ забывшимъ обязанности первосвященническимъ фамиліямъ, которыя захватили для себя и своихъ родныхъ всѣ должности и вынуждали, при посредствѣ своихъ вооруженныхъ дубинами рабовъ, къ платежу десятины въ свою пользу. Во время *осады* метательное копье попало въ этого зловѣщаго прорицателя [1]).

Защитники Іерусалима и вѣрующее населеніе были однако воодушевлены непоколебимымъ убѣжденіемъ въ томъ, что Іерусалимъ не можетъ попасть въ руки врага, что храмъ не можетъ погибнуть; это была такая же вѣра, какъ во времена Невухаднецара, когда казалось невозможнымъ, чтобы врагъ проникъ въ ворота Іерусалима. Простые воодушевленные мужи заявляли: Храмъ не можетъ пасть, Небо дастъ совершиться въ защиту своего находящагося въ опасности города и своей святыни чуду, которое разрушитъ всѣ попытки врага [2]). Казалось, что эти предсказанія исполняются, когда Веспасіанъ такое долгое время держался вдали отъ Іерусалима. А тутъ онъ и его сынъ, Титъ, покинули театръ военныхъ дѣйствій. Развѣ могла суевѣрная и экзальтированная толпа не увидѣть въ этомъ дѣло неба и не предаться мечтѣ, что ни одинъ римлянинъ не войдетъ въ священный городъ?

Наконецъ, прибылъ въ Іудею въ качествѣ полководца провозглашенный наслѣдникомъ престола Титъ (февр., мартъ 70). Іерусалимъ долженъ былъ быть всѣми средствами приведенъ къ подчиненію; это казалось полководцу настоятельной необходимостью. Для Рима было позорнымъ, что этотъ мятежный городъ могъ держаться четыре года подрядъ. Уваженіе къ новому императорскому дому также зависѣло отъ паденія Іерусалима. При дальнѣйшемъ сопротивленіи Іерусалима становились бы сомнительными военныя способности Веспасіана и его сына [3]).

Хотя Титъ спѣшилъ покончить съ покореніемъ Іудеи, чтобы удовлетворить своей жаждѣ къ наслажденіямъ, однако онъ не могъ до начала весны окончить приготовленія къ осадѣ. Было стянуто войско не меньше, чѣмъ въ 80.000 человѣкъ изъ различнаго рода отрядовъ, и было доставлено такое количество осадныхъ орудій, какого не потребовала ни одна война до сихъ поръ. Въ этой трудной работѣ Титу помогали три еврейскихъ измѣнника: царь Агриппа, который выставлялъ отряды и переговорами смущалъ жителей Іерусалима; Тиверій Александръ, который участіемъ въ борьбѣ противъ своего народа запечатлѣлъ свое отпаденіе отъ еврейства; и Іосифъ, который повсюду сопровождалъ Тита послѣ того, какъ онъ изъ плѣнника сдѣлался проводникомъ по извѣстной ему землѣ.

[1]) Флавій Іуд. войны VI. 5, 3.
[2]) Т. же 5, 2.
[3]) Tacitus hist. 5, 10.

Не безпокоясь о мучительныхъ конвульсіяхъ своего народа, онъ дважды вступилъ въ бракъ послѣ своего перехода къ римлянамъ; онъ искалъ удобствъ жизни и радостей брака. Въ первый разъ Іосифъ женился, разумѣется, съ разрѣшенія Веспасіана, на дѣвицѣ изъ находившихся въ Кесареѣ плѣнныхъ. Послѣдній, послѣ своего избранія въ императоры, велѣлъ освободить его отъ оковъ, будто за его предсказаніе этого избранія, и взялъ его съ собой въ Александрію. Что могъ дѣлать Іосифъ въ этой второй еврейской столицѣ? Конечно, онъ и тутъ могъ дѣйствовать среди своихъ соплеменниковъ въ интересахъ римлянъ. Въ это же время его покинула жена, взятая имъ изъ плѣнницъ, должно быть, изъ презрѣнія къ нему за его безчувственное отношеніе къ отечеству. Тогда Іосифъ взялъ себѣ въ Александріи другую жену и сопровождалъ Тита, когда тотъ отправился въ Іудею для осады Іерусалима [1]). Тиверій Юлій Александръ, который однажды уже произвелъ избіеніе своихъ соотечественниковъ (стр. 353), долженъ былъ продолжать это дѣло въ Іудеѣ. Титъ еще не былъ достаточно опытенъ въ военномъ дѣлѣ, и, такимъ образомъ, еврейскій ренегатъ долженъ былъ помогать ему въ качествѣ полководца. Онъ былъ назначенъ на высшую должность, начальникомъ гвардіи (praefectus praetorio [2]).

При приближеніи опасности въ Іерусалимѣ произошло сближеніе между враждовавшими партіями. Іерусалимскіе зелоты и іоанниты помирились съ Баръ-Гіорой [3]). Пока доступъ въ Іерусалимъ былъ открытъ, много народа какъ изъ Іудеи, такъ и изъ заграницы продолжало стекаться туда къ празднику Пасхи, чтобы защищать священный городъ [4]). Вожди отправили гонцовъ къ своимъ единоплеменникамъ, жившимъ по Евфрату, съ просьбой выслать отряды, и просьба эта не осталась безъ успѣха [5]). Стѣны Іерусалима были еще болѣе укрѣплены, такъ что могли оказать сопротивленіе ударамъ осадныхъ машинъ.

Наконецъ, Титъ стянулъ отовсюду римскія войска и расположился съ ними близъ Скопа (Zophim, 7 стадій, 1.300 метровъ къ сѣверу отъ Іерусалима). Прежде, чѣмъ приступить къ осадѣ Іерусалима, онъ предложилъ жителямъ добровольно отворить ворота. Онъ требовалъ только изъявленія покорности, признанія римскаго господства и уплаты дани, какъ и до возстанія [6]). Два обстоятельства побуждали его снисходительно относиться къ евреямъ и даже дѣлать имъ уступки. Онъ спѣшилъ вернуться въ Римъ, который онъ покинулъ, какъ частный человѣкъ, и который онъ долженъ былъ снова увидѣть, какъ будущій Цезарь. Туда манили его

[1]) Флавій, Іуд. войны IV. 10; 7, 5; Vita 75.
[2]) Т. же Іуд. войны V. 1, 6; 12, 2; VI. 4, 3.
[3]) Т. же V. 2, 4.
[4]) Т. же VI. 9, 3.
[5]) Т. же VI. 6, 2.
[6]) Т. же и V. 3, 3; 9, 4. Dio Cassius 66, 4

наслажденія и власть, которую онъ намѣренъ былъ вскорѣ захватить [1]). Кромѣ того, онъ изъ любви къ еврейской принцессѣ, которая, несмотря на свою грѣховную жизнь, чувствовала привязанность къ священному городу, не хотѣлъ предавать его разрушенію. Но мужественные борцы отвергли всѣ сдѣланныя черезъ пословъ предложенія. Они поклялись своей кровью защищать городъ и не хотѣли слышать о сдачѣ [2]). Такъ какъ предложенія мирныя остались безрезультатными, то римляне серьезно принялись за штурмъ города. Всѣ сады и насажденія на сѣверѣ и и западѣ Іерусалима, откуда должно было произойти нападеніе, были безпощадно уничтожены [3]). Титъ съ нѣсколькими спутниками приблизился къ сѣверной стѣнѣ, чтобы произвести развѣдки, и, не видя ни одного воина, ни даже стражи на стѣнѣ, онъ предположилъ было, что защитники Іерусалима устрашены и легко сдадутся. Внезапно изъ какихъ-то воротъ устремились евреи, отрѣзали Тита отъ его свиты и чуть было не взяли его въ плѣнъ, если бы чувство стыда передъ тѣмъ, чтобы сдѣлаться посмѣшищемъ евреевъ, не удвоило его силъ, и если бы его спутники не приложили всѣхъ стараній для прикрытія его [4]). Первая стычка іерусалимцевъ съ римлянами представляла благопріятное предзнаменованіе. На другой день десятый легіонъ, занятый укрѣпленіемъ лагеря на Масличной горѣ, былъ захваченъ врасплохъ еврейскими воинами и приведенъ въ такой ужасъ, что бросилъ работу и отступилъ [5]). Между тѣмъ эти стычки оставались безрезультатными. Евреи постоянно должны были отступать къ крѣпости, но эти смѣлыя вылазки показывали римлянамъ, какую тяжелую борьбу имъ предстоитъ выдержать. Несмотря на это, имъ удалось расположиться лагеремъ съ трехъ сторонъ и выставить машины противъ внѣшней стѣны. Осадныя работы начались какъ разъ на Пасху (мартъ или апрѣль 70 [6]), такъ какъ Титъ думалъ, что евреи изъ религіозныхъ воззрѣній не будутъ имъ препятствовать. Осадныя машины были поставлены на высокихъ земляныхъ валахъ и платформахъ, возведенныхъ на высоту стѣны. Отсюда враги метали стрѣлы, камни изъ пращей, сбрасывали тяжелые деревянные обрубки и камни на защитниковъ стѣны и въ городъ; желѣзные тараны дѣйствовали въ трехъ мѣстахъ противъ стѣны, чтобы ее сокрушить. Но какъ только римляне поставили осадныя машины, евреи, какъ демоны, устремились изъ города, уничтожили ихъ, прогнали работниковъ и, внеся ужасъ и смятеніе въ ряды враговъ, отступили за стѣну [7]). Не только зелоты, но и всѣ, кто только въ состояніи были носить оружіе,

[1]) Tacitus hist. 5, 10.
[2]) Флавій, Іуд. войны VI. 6, 3 и 7, 2.
[3]) Т. же V. 3. 2.
[4]) Т. же V. 2, 2.
[5]) Т. же 2, 4-5.
[6]) Т. же V. Конецъ.
[7]) Флавій, Іуд. войны VI. 5, 6.

принимали участіе въ бояхъ. Даже женщины наравнѣ съ мужчинами выказывали безпримѣрное презрѣніе къ смерти [1]). Осажденные сбрасывали осколки скалъ на враговъ и лили кипящее масло на ихъ головы; мало по малу они научились обращаться съ тяжелыми орудіями и возвращали достававшіеся имъ снаряды ихъ бывшимъ владѣльцамъ. Между тѣмъ римляне постоянно исправляли поврежденія и, послѣ пятнадцатидневной осады, вынудили осажденныхъ покинуть внѣшнюю стѣну (7 Іяра, май [2]). Послѣ этого начался ожесточенный бой за обладаніе промежуточной стѣной, которую защитники построили за первой. Когда римляне было уже взяли ее, евреи ихъ снова прогнали. Только спустя нѣсколько дней римлянамъ удалось овладѣть ею и вмѣстѣ съ ней предмѣстьемъ Бецетой [3]).

Этимъ сраженія далеко еще не прекратились, и повторялись ежедневно съ новымъ ожесточеніемъ. Послѣ семнадцатидневныхъ усилій римляне воздвигли насыпи противъ Антоніи и второй стѣны и собирались приступить къ ихъ разрушенію, какъ вдругъ Іоаннъ со своимъ отрядомъ бросился черезъ подземный ходъ и сжегъ сооруженія противъ Антоніи. Два дня спустя три мужественныхъ человѣка изъ партіи Баръ-Гіоры, *Тефтай, Мегасаръ* и адіабенецъ *Хагира,* сынъ Набатая, подожгли, находясь подъ градомъ снарядовъ [4]), остальныя сооруженія. Съ приближеніемъ опасности увеличивалось мужество защитниковъ. Вся сила доводовъ, пущенная въ ходъ Іосифомъ, который былъ назначенъ Титомъ для переговоровъ, осталась безрезультатной. Имъ не оставалось другого исхода, какъ побѣда или смерть. Уже съ самаго начала осады обнаружилось, чего они могутъ ожидать отъ римлянъ. Плѣнныхъ, даже тѣхъ, которые намѣренно давали себя схватить, чтобы избѣжать наступающаго голода, Титъ, „утѣха рода человѣческаго“, приказалъ распинать на крестахъ, иногда по 500 человѣкъ въ день, чтобы показать стойкимъ защитникамъ, что предстояло имъ. Не хватало мѣста для крестовъ и крестовъ для жертвъ. Иногда онъ отсылалъ ихъ обратно въ городъ съ отсѣченными руками [5]).

Титъ долженъ былъ отказаться отъ надежды скоро покончить съ войной и рѣшиться на продолжительную осаду. Голодъ долженъ былъ сдѣлаться его союзникомъ. Чтобы закрыть осажденнымъ тайные выходы изъ города, онъ приказалъ провести вокругъ него валъ, который имѣлъ протяженіе почти въ 7 километровъ [6]). Всѣ сады и поля вокругъ Іерусалима были опустошены, и вся окружная область, на протяженіи большемъ 15 километровъ, была обращена въ пустыню. Жизненные припасы

[1]) Tacitus hist. 5, 13.
[2]) Флавій, Іуд. войны V. 7, 2.
[3]) Т. же 7, 3-4; 9, 1.
[4]) Т. же II, 4-5.
[5]) Флавій т. же V. II, 1.
[6]) Т. же 12, 2.

вслѣдствіе переполненія города людьми убывали съ каждымъ днемъ все болѣе, а такъ какъ потайныя дороги, которыми и можно было, хотя бы съ опасностью для жизни, добывать извнѣ припасы, были отрѣзаны, то появился самый отчаянный голодъ и похищалъ массу жертвъ. Онъ захватилъ прежде всего бѣднѣйшіе классы, незначительные запасы которыхъ вскорѣ были съѣдены. Голодъ заставилъ умолкнуть чувство сожалѣнія и притупилъ отцовское и материнское чувство. Дома и улицы наполнялись трупами, которые не хоронились даже родственниками; они должны были отвозиться на общественный счетъ. Живые съ распухшими тѣлами съ трудомъ тащились, какъ тѣни. Возмутительно ханжеское негодованіе Іосифа на то, что Іоаннъ изъ Гисхалы дѣлилъ между своими людьми [1]) приготовленные для жертвоприношеній запасы вина и масла, какъ будто въ самомъ законѣ не было позволено защищаться такимъ путемъ отъ голода.

Опасность смерти отъ голода заставила, наконецъ, многихъ перейти къ римлянамъ, гдѣ ихъ ожидала, однако, другого рода смерть. Римляне вскорѣ замѣтили, что перебѣжчики проглатывали золотыя монеты, чтобы продолжить свою скудную жизнь въ плѣну. Тогда они каннибальски распарывали имъ животы, чтобы найти спрятанныя золотыя монеты [2]). Вслѣдствіе этого былъ изданъ законъ, запрещавшій проглатывать золотыя монеты [3]). Вслѣдствіе увеличенія числа перебѣжчиковъ зелоты стали все строже относиться къ подозрительнымъ лицамъ; они требовали, чтобы всякій былъ на высотѣ любви къ отечеству и смотрѣлъ смерти прямо въ глаза. Баръ-Гіора открылъ среди начальствующихъ лицъ въ своемъ войскѣ заговоръ о переходѣ къ римлянамъ и безпощадно наказалъ виновныхъ [4]). Также *Матаѳій,* сынъ *Теофила,* бывшій первосвященникъ, призвавшій въ Іерусалимъ вмѣстѣ съ другими лицами изъ священнической знати Симона баръ-Гіора, понесъ наказаніе за свою предательскую игру. По приказанію Баръ-Гіоры, онъ былъ на виду у римлянъ обезглавленъ вмѣстѣ со своими тремя сыновьями и другими двумя знатными лицами и пятнадцатью изъ народа [5]). Казнь послѣдовала не изъ любви къ убійствамъ, но вслѣдствіе обнаруженной или подозрѣвавшейся измѣны. Не тронули же ни зелоты, ни Іоаннъ, ни Баръ-Гіора родителей Іосифа, несмотря на то, что у нихъ было достаточно основанія для озлобленія противъ этихъ явныхъ сторонниковъ римлянъ. Мать его была оставлена совершенно въ покоѣ, отецъ же его, Матѳій, содержался подъ стражей, и никто не долженъ былъ имѣть съ нимъ сношенія, чтобы не было измѣны

[1]) Т. же 13, 6.
[2]) Т. же 13, 4-5.
[3]) Tosephta Gittin II. אין מבלעין דנרי זהב במלחמה מפני סכנת נפשות:
[4]) Флавій, Іуд. войны V. 13, 2,
[5]) Т. же 13, 1.

съ его стороны [1]). Если бы вожаки въ Іерусалимѣ были дѣйствительно такъ кровожадны, какъ ихъ неустанно рисуетъ Іосифъ, то они менѣе всего пощадили бы родителей послѣдняго.

Какъ ни строга была бдительность зелотовъ, однако они не могли предупредить всѣхъ хитростей, какими пользовались измѣнники. Замаскированные друзья римлянъ въ городѣ втыкали въ стрѣлы записки, которыя они посылали въ римскій лагерь, и доставляли такимъ образомъ врагу свѣдѣнія обо всемъ, что происходило въ Іерусалимѣ.

Между тѣмъ зелоты всѣхъ партій, несмотря на голодъ и измѣну, безъ устали препятствовали римлянамъ въ ихъ работѣ, и послѣднимъ только послѣ двадцатиоднодневнаго труда удалось при упорныхъ стычкахъ возвести новую насыпь противъ Антоніи. Вылазка, произведенная Іоанномъ съ цѣлью поджечь это сооруженіе, не удалась, и такимъ образомъ стѣна Антоніи подъ сильными ударами извнѣ рухнула (1 Tammus, Іюнь). Но въ какой ужасъ пришли римляне, когда они позади этой стѣны снова увидали другую! Напрасно пытались они взять ее штурмомъ. Евреи отбили ночное нападеніе, и бой продолжался до слѣдующаго утра [2]). Однако Антонія осталась во власти римлянъ, и Титъ приказалъ ее разрушить. Въ это время (17 Tammus) прекратились вслѣдствіе недостатка въ животныхъ ежедневныя жертвоприношенія [3]). Снова приказалъ Титъ предложить городу сдаться и торжественно обѣщалъ пощадить храмъ; но онъ все выбиралъ посредника, появленіе котораго только болѣе ожесточало сражающихся. Іоаннъ на это предложеніе отвѣтилъ: градъ Господень не можетъ погибнуть, и конецъ его зависитъ отъ Бога [4]). Однако нѣкоторые малодушные снова дали себя убѣдить перебѣжать къ врагамъ; это были сыновья и родственники первосвященническихъ родовъ, между ними три сына первосвященника *Измаиля бенъ-Фіаби.* Титъ приказалъ подъ стражей доставить этихъ перебѣжчиковъ въ городъ Гофну [5]).

Осажденные послѣ паденія Антоніи стали защищать храмъ. Римскій отрядъ, завязавшій ночью снова сраженіе, былъ отбитъ храбрѣйшими изъ храбрыхъ воиновъ: *Іудой бенъ-Мертонъ, Симономъ бенъ Іосія, Яковомъ* и *Симономъ бенъ-Катла,* идумеемъ *Яковомъ бенъ-Соза, Гифтаемъ, Алексомъ* и *Симономъ бенъ-Яиръ.* Тогда римляне направили свои осадныя орудія противъ стѣнъ храма, и евреи принуждены были разрушить крытую галлерею, которая соединяла Антонію съ храмомъ. Они пускали въ ходъ всякія хитрости, чтобы утомить римлянъ; они подожгли нѣкоторыя галлереи храма и показывали видъ, будто обра-

[1]) Т. же 13, 1 и 3.
[2]) Т. же VI. 1, 1–6.
[3]) Т. же 2, 1; Taanit 3, 7.
[4]) Флавій т. же 2, 1.
[5]) Т. же 2, 2-3.

щаются въ бѣгство. Тогда многіе римляне влѣзли въ эти галлереи и погибли частью отъ еврейскихъ мечей, частью отъ огня. Но пожаръ распространился на всю западную часть, и красивыя галлереи сдѣлались добычей огня (21—28 Tammus). Днемъ позже римляне сожгли сѣверныя и часть западныхъ галлерей [1]).

Между тѣмъ ангелъ смерти въ видѣ голода шествовалъ среди населенія Іерусалима, съ жадностью высасывалъ всѣ жизненные соки, уничтожилъ различіе между бѣдными и богатыми и открылъ доступъ самымъ низменнымъ страстямъ. Деньги потеряли свою цѣнность, такъ какъ на нихъ нельзя было купить и куска хлѣба. Изголодавшіеся люди дрались между собой изъ-за клочка соломы, изъ-за куска кожи и еще болѣе противныхъ вещей, вырывая ихъ другъ у друга. Супруга первосвященника Іошуи бенъ-Гамала, богатая Марта, которая, по разсказамъ, нѣкогда шла изъ своего дома въ храмъ по коврамъ, искала теперь наравнѣ со всѣми нищими по улицамъ какой-нибудь мерзкой пищи, чтобы хоть на минуту успокоить мучительный голодъ. Произошла ужасная сцена, исполнившая страхомъ даже враговъ, какъ бы спеціально для того, чтобы не ускользнула ни одна черточка изъ ужасной картины наказаній, нарисованной великимъ пророкомъ*). Одна женщина, по имени Миріамъ, бѣжавшая изъ Перен въ столицу, заколола своего маленькаго ребенка и съѣла его мясо [2]). Непогребенные трупы, быстро разлагавшіеся вслѣдствіе жаркаго времени, распространяли дурной запахъ и вызывали эпидеміи, которыя наряду съ войной и голодомъ косили жителей. Но воины съ непоколебимымъ мужествомъ переносили всѣ эти тягости; съ пустыми желудками, окруженные самыми мрачными картинами смерти, они бросались въ бой такъ же неистово, какъ и въ первые дни осады. Сами римляне были поражены непоколебимымъ, полнымъ презрѣнія къ смерти мужествомъ зелотовъ и ихъ преданностью святынѣ и народному дѣлу. Такъ какъ римляне ежедневно имѣли случай убѣждаться, что еврейскіе воины, несмотря на мучительный голодъ, все съ новымъ мужествомъ бросались въ бой, они стали считать ихъ непобѣдимыми, а душевную силу ихъ въ несчастіи неистощимой. Отдѣльные римляне покидали свои знамена и вѣру и переходили въ іудейство. Они также были глубоко убѣждены, что священный городъ никогда не попадетъ въ руки враговъ. Жители Іерусалима такъ гордились этимъ искреннимъ обращеніемъ нѣкоторыхъ римлянъ въ минуты величайшей опасности, что и во время голода заботились о томъ, чтобы тѣ не вынуждены были голодать [3]).

[1]) Т. же 2, 5—9; 3, 1.

[2]) Т. же VI. 3, 3-4. Ср. Gittin 56 a. Midrasch Threni 67, 68.

[3]) Dio Cassius historia 66, 5.

*) Второзаконіе 28, 53. *Ред.*

Между тѣмъ римляне поставили осадныя машины противъ внѣшнихъ сооруженій храма и дѣйствовали ими въ теченіе шести дней (2—8 Ава), но безуспѣшно. Евреи отразили попытку враговъ взобраться по лѣстницамъ на стѣну и сбросили съ вышины стѣны въ пропасть успѣвшихъ взобраться. Тогда Титъ отказался отъ своего намѣренія пощадить храмъ и велѣлъ разложить у воротъ внѣшней стѣны огонь, пылавшій цѣлый день и цѣлую ночь. Послѣ этого онъ велѣлъ потушить пожаръ, проложить удобный путь для своихъ легіоновъ и созвалъ въ то же время военный совѣтъ, чтобы рѣшить вопросъ, какъ поступить со святыней. Совѣтъ состоялъ изъ шести высшихъ предводителей: *Тиберія Александра,* верховнаго начальника, *Секста Цереаля,* получившаго за свои подвиги въ Іудеѣ начальство надъ пятымъ легіономъ (Macedonica), *Ларція Лепида,* начальника десятаго легіона (Fretensis), *Титія Фруги,* начальника пятнадцатаго легіона (Apollinaris), *Гатерна Фронтона,* начальника части двѣнадцатаго легіона (Fulminata), наконецъ, *Марка Антонія Юліана,* назначеннаго правителемъ Іудеи, и изъ еще нѣсколькихъ трибуновъ и офицеровъ. Нѣкоторые были того мнѣнія, что слѣдуетъ разрушить храмъ, такъ какъ онъ всегда будетъ очагомъ возстанія. Титъ, напротивъ, высказывался за его сохраненіе. Устами его говорила принцесса Вереника, которой онъ хотѣлъ угодить. Такъ какъ Александръ, Цереаль и Фронтонъ также высказались за сохраненіе храма, то рѣшено было завоевать его, но не разрушать. Безъ сомнѣнія, Агриппа также оказалъ вліяніе на это рѣшеніе, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду, при сохраненіи храма, сдѣлаться, благодаря своимъ связямъ съ новымъ императоромъ, царемъ реставрированнаго еврейскаго государства. На другой день (9 Ава) евреи произвели снова отважную вылазку, но вслѣдствіе численнаго превосходства враговъ принуждены были отступить. Наконецъ, пробилъ послѣдній часъ гибели, наложившій печальный трауръ въ памяти евреевъ на тысячелѣтія. 10 Ава (Августъ) осажденные произвели новую вылазку противъ римлянъ, но были отброшены и подверглись преслѣдованію. Во время этого смятенія одинъ римлянинъ схватилъ горящее полѣно, велѣлъ товарищу приподнять себя и черезъ такъ называемое Золотое окно бросилъ огонь въ храмъ. Деревянныя части храмовыхъ залъ воспламенились, съ быстротой вѣтра перенесли пожаръ въ сосѣднія помѣщенія, и пламя вырвалось вверхъ. Самые мужественные люди поддались при этомъ зрѣлищѣ. Титъ поспѣшилъ сюда съ войсками, сопротивленіе прекратилось. Онъ приказываетъ тушить пожаръ, голосъ его не слышенъ. Ожесточенные солдаты разсыпались съ цѣлью грабежа по храмовымъ покоямъ, подожгли ихъ во многихъ мѣстахъ и перебили всѣхъ, кто не успѣлъ спастись бѣгствомъ во время смятенія. Самъ Титъ, охваченный лю-

бопытствомъ, проникъ во внутреннее святилище (Святая святыхъ) и наслаждался видомъ его до тѣхъ поръ, пока удушливый дымъ не заставилъ его уйти оттуда. Враждебная ему молва говоритъ, что онъ тамъ развратничалъ на священномъ свиткѣ Торы съ любовницей (Вереникой [1]). Вдругъ еврейскіе воины снова прорвались впередъ; на мѣстѣ пожарища загорѣлся новый бой. Побѣдные клики римлянъ, стоны евреевъ при видѣ опустошенія, трескъ пламени потрясали воздухъ, эхо разносило до горъ траурную вѣсть о гибели храма, и море огня давало окружнымъ жителямъ знаменіе того, что погибла всякая надежда [2]). Многіе евреи въ отчаяніи бросались въ пламя, они не хотѣли пережить храмъ. Другіе же, много тысячъ мужей, женъ и дѣтей, оставались въ южныхъ галлереяхъ, несмотря на подступающихъ враговъ и огненные языки. Мечтатели-пророки велѣли имъ ждать чуда: какъ разъ въ моментъ сожженія храма Господь пошлетъ имъ неожиданную помощь. Однако римляне бросились на легковѣрныхъ и перебили ихъ всѣхъ, до 6.000 человѣкъ [3]). Весь храмъ сгорѣлъ, и только фундаментъ и остовы стѣнъ на западной сторонѣ выдѣлялись на мѣстѣ пожарища, какъ огромные призраки. Нѣсколькихъ священниковъ, спасшихся на стѣнахъ и державшихся тамъ нѣсколько дней, несмотря на голодъ и жажду, и, наконецъ, вынужденныхъ умолять о пощадѣ, Титъ приказалъ казнить. „Священники должны“, сказалъ этотъ извергъ: „погибнуть вмѣстѣ съ храмомъ“ [4]). При этомъ онъ принималъ на себя такой видъ, какъ будто онъ является только мстителемъ за пролитую зелотами кровь. Побѣдные легіоны приносили жертвы своимъ богамъ на мѣстѣ храма, водрузили тамъ свои знамена и провозгласили Тита императоромъ [5]). Второй храмъ роковымъ образомъ погибъ въ тотъ же самый день, какъ и первый (10 Ава—Августъ 70 [6]). Освобожденный вслѣдствіе сожженія храма отъ необходимости принять во вниманіе просьбы Вереники, Титъ, ничѣмъ болѣе не сдерживаемый, отдалъ приказъ сжечь части города, Акру и Офлу, занятыя римлянами [7]).

Однако этимъ борьба не закончилась. Вожаки революціи съ оставшимися отрядами отступили въ Верхній Городъ. Тамъ они завели переговоры съ Титомъ. Іоаннъ и Симонъ, поклявшіеся скорѣе умереть, чѣмъ сдать оружіе, требовали, чтобы имъ предоставленъ былъ свободный уходъ съ оружіемъ; на этомъ условіи они соглашались передать Верхній Городъ. Титъ же настаивалъ на томъ, чтобы они сдались на его милость, и такимъ образомъ снова возгорѣлся бой. 20 Ава (Августъ) римляне начали

[1]) Cittin 56 b.
[2]) Флавій, Іуд. войны VI. 4, 7-8; 5, 1.
[3]) Т. же5, 1-2.
[4]) Т. же 6, 1.
[5]) Т. же.
[6]) Т. же VI. 4, 8. Таанit 29 a.
[7]) Флавій, т. же 6, 3; 7, 2.

работы по возведенію новой насыпи противъ стѣнъ Верхняго Города и закончили ихъ только на восемнадцатый день (7 Elul, Сентябрь). Твердость и тутъ не покинула зелотовъ. Идумеи, тайно завязавшіе сношенія съ Титомъ, были частью убиты, частью брошены въ тюрьму [1]). Но еврейскіе борцы, истощенные напряженіемъ силъ и голодомъ, не могли болѣе отбить штурма. Наконецъ, римляне достигли вершины стѣнъ, захватили башни и проникли, убивая все по пути, въ Верхній городъ. На слѣдующій день (8 Elul) они сожгли эту послѣднюю часть города (Ціонъ). Стѣны были совершенно разрушены; только три башни, *Гиппикосъ*, *Маріамну* и *Фазаель*, Титъ приказалъ оставить въ цѣлости, чтобы они оставались свидѣтелями его удивительной побѣды; весь же остальной городъ былъ разрушенъ до основанія [2]). Подъ развалинами Іерусалима и храма были похоронены послѣдніе остатки государственной самостоятельности Іудеи. Во время осады погибло, должно быть, болѣе милліона людей [3]). Если причислить сюда павшихъ въ Галилеѣ, Переѣ и іудейскихъ городахъ, то можно смѣло принять, что еврейское племя на его родной землѣ было по большей части уничтожено. Снова сидѣлъ Сіонъ на пожарищѣ и плакалъ, сыны его пали, дочери уведены были въ позорное рабство или отданы солдатамъ для удовлетворенія ихъ страстей [4]). Онъ былъ теперь еще гораздо несчастнѣе, чѣмъ послѣ перваго разрушенія, такъ какъ у него теперь не было пророка, который возвѣстилъ бы конецъ вдовства и траура.

ГЛАВА VII.

Печальныя послѣдствія войны.

Плѣнные и ихъ страданія. Бои звѣрей. Безчеловѣчность Тита. Ненависть къ евреямъ со стороны антіохійцевъ. Тріумфъ императора по случаю паденія Іудеи. Конецъ Симона баръ-Гіора и Іоанна изъ Гисхалы. Монеты по случаю побѣды надъ Іудеей. Тріумфальная арка Тита. Іудейскій фискъ. Паденіе послѣднихъ крѣпостей: Геродіума, Мазады и Махера. Возстанія зелотовъ въ Александріи и Киренахъ. Конецъ Оніасова храма. Послѣдній зелотъ. Конецъ Вереники и Агриппы. Іосифъ Флавій и его сочиненія.

(70—73).

Кто въ состояніи изобразить страданія, перенесенныя евреями, попавшими въ плѣнъ къ римлянамъ! Свыше 900.000 человѣкъ стали плѣнными во время этой войны. Плѣнниковъ изъ Іерусалима Титъ приказалъ всѣхъ помѣстить на мѣстѣ, гдѣ стоялъ храмъ, надзоръ за ними поручилъ одному вольноотпущеннику, распоряженіе же ими передалъ своему другу

[1]) Т. же 8, 2.
[2]) Т. же VII. 1, 1.
[3]) Т. VI. 10, 1.
[4]) Т. же VI. 8. 7.

Фронтону [1]). Только адіабенскихъ принцевъ Титъ пощадилъ и велѣлъ отправить ихъ въ оковахъ въ Римъ [2]), чтобы имѣть въ ихъ лицѣ заложниковъ въ обезпеченіе вѣрности адіабенскаго царя. Также два храмовыхъ служителя, несмотря на то, что они были схвачены съ оружіемъ въ рукахъ, были пощажены въ награду за то, что они выдали храмовую утварь, первосвященническое облаченіе и курительныя вещества [3]). Фронтонъ приказалъ тутъ же на мѣстѣ распять на крестахъ всѣхъ тѣхъ, въ комъ узнали или подозрѣвали борцевъ. Остальные завидовали ихъ скорому концу; многія тысячи изъ нихъ погибали отъ голода, такъ какъ надсмотрщики худо кормили ихъ. Часть плѣнныхъ отказалась принимать что-либо отъ римлянъ и охотнѣе томилась голодомъ. Изъ числа оставшихся въ живыхъ Фронтонъ выбралъ самыхъ красивыхъ и сильныхъ юношей для участія въ тріумфѣ, часть лицъ, достигшихъ семнадцатилѣтняго возраста, была послана въ египетскіе рудники, чтобы тамъ въ продолженіе всей жизни служить рабочими силами для римлянъ, какъ передъ тѣмъ галилейскіе плѣнные были предназначены для наемной работы на Коринѳскомъ перешейкѣ. Большинство юношей было раздарено по провинціямъ, чтобы употреблять ихъ для звѣриныхъ боевъ. Остальные, не достигшіе семнадцати лѣтъ, и женщины были проданы съ публичнаго торга; вслѣдствіе своей многочисленности они были уступлены рабовладѣльцамъ за безцѣнокъ. Изъ числа тѣхъ, которые къ концу осады перебѣжали къ римлянамъ, были пощажены не всѣ, а только сорокъ тысячъ человѣкъ [4]). Также Іосифъ получилъ въ видѣ милости или вознагражденія за свою измѣну позволеніе выбрать себѣ плѣнныхъ. Прежде всего онъ освободилъ своего брата и пятьдесятъ друзей, затѣмъ онъ отобралъ себѣ сто девяносто человѣкъ изъ сыновей и дочерей своихъ знакомыхъ, которымъ онъ, какъ онъ самъ съ гордостью заявляетъ, подарилъ безъ выкупа свободу. Онъ также спасъ свитки св. Писанія и взялъ ихъ къ себѣ во владѣніе [5]). Такъ были разбросаны въ качествѣ плѣнныхъ по всей римской имперіи сыновья и дочери Сіона. Какъ много печальныхъ сценъ должны были перенести эти несчастные! Образцомъ можетъ служить одна сцена, сохранившаяся въ памяти для позднѣйшихъ поколѣній. Юноша и дѣвица, благороднаго происхожденія, были проданы въ видѣ рабовъ двумъ господамъ. Такъ какъ оба они отличались замѣчательной красотой, то ихъ собственники рѣшили ихъ сочетать бракомъ. Ночью, сведенные въ одну камеру, юноша и дѣвица плакали въ тиши надъ своей печальной судьбой, такъ какъ они, благороднаго происхожденія евреи, должны были вступить въ рабскій бракъ. Когда

[1]) Іуд. войны VI. 9; 2—3.
[2]) Т. же 6, 4.
[3]) Т. же 8, 3.
[4]) Т. же VI. 8, 2; 9, 2.
[5]) Vita 75.

стало свѣтать, они узнали другъ въ другѣ брата и сестру, упали другъ другу въ объятія и отъ радости и печали скончались [1]). Сколько такихъ душу раздирающихъ сценъ не нашли пера, которое сохранило бы ихъ для потомства! Для несчастныхъ являлось еще утѣшеніемъ быть проданными въ такой городъ, гдѣ существовала іудейская община. Тогда они могли съ увѣренностью разсчитывать на то, что ихъ единовѣрцы выкупятъ ихъ за какую угодно цѣну и примутъ въ нихъ братское участіе.

Когда Титъ покинулъ театръ разрушенія, тамъ остался десятый легіонъ со своимъ начальникомъ, какъ кажется, Секстомъ Цереалемъ, опустошителемъ Сихема и Идумеи [2]). Для надзора за страной или, вѣрнѣе, за незначительными остатками евреевъ, долженъ былъ быть заложенъ лагерь для выслужившихся солдатъ. Сначала для этого была предназначена *Текоа*, затѣмъ было выбрано для этого мѣсто, отстоявшее отъ Іерусалима на шестьдесятъ стадій (12 километровъ), *Аммозъ* (ha-Moza). Тамъ были помѣщены восемьсотъ выслужившихся солдатъ. Городокъ получилъ римское гражданское право, и былъ названъ *Колоніей* (теперь Кулонія) [3]). Веспасіанъ объявилъ всю Іудею своей частной собственностью и приказалъ римскимъ чиновникамъ продавать ее по частямъ съ публичнаго торга [4]). Да почему и нѣтъ? Онъ вѣдь удобрилъ ее кровью. Къ тому же эта продажа была прибыльна, а Веспасіанъ былъ еще болѣе жаденъ къ деньгамъ, чѣмъ къ славѣ. Однако насколько болѣе низкимъ является римскій завоеватель по сравненію съ халдейскимъ. Невухаднецаръ только немногихъ плѣнниковъ велѣлъ умертвить, многихъ же оставилъ въ странѣ, предоставилъ имъ страну для воздѣлыванія и поставилъ надъ ними еврейскаго правителя; съ плѣнными, которыхъ онъ перевелъ въ Вавилонію, онъ обращался мягко. Какъ же поступилъ милостивый Титъ, приказавшій тысячи людей казнить, тысячи продать въ рабство? По пути въ Сирію за нимъ слѣдовали въ оковахъ наиболѣе сильные еврейскіе юноши. Въ Кесареѣ онъ зажилъ по-царски и предоставилъ своимъ друзьямъ увеселенія въ римскомъ вкусѣ. Дикіе звѣри были заключены въ закрытомъ помѣщеніи, и еврейскіе плѣнники должны были до тѣхъ поръ съ ними бороться, пока не были ими побѣждены и растерзаны. Иногда зрѣлище разнообразилось тѣмъ, что еврейскіе плѣнники должны были нападать другъ на друга, стараясь проколоть другъ друга насквозь. Такимъ образомъ погибло въ Кесареѣ во время праздника по случаю дня рожденія его брата, милаго *Домиціана*, до 2.500 еврейскихъ юношей въ цвѣтѣ силъ (24 Октября). Отсюда онъ отправился въ другую Кесарею

[1]) Gittin 58 a.
[2]) Іуд. войны VII. 6, 1. Срав. Vita 75.
[3]) Vita 75; Іуд. в. VII. 6, 6. Succa 45: מקום היה למטה מירושלם ונקרא מוצא קלניא היה
[4]) Флавій, Іуд. войны VI. 6, 6.

(Филиппы), что у горы Хермонъ, резиденцію еврейскаго царя Агриппы, и здѣсь также устроилъ звѣриные бои и единоборства, во время которыхъ на глазахъ у Агриппы и Вереники снова погибла масса евреевъ. Въ Бейрутѣ Титъ ко дню рожденія своего отца (17 Ноября) устроилъ блестящій праздникъ; при этомъ, конечно, не обошлось безъ звѣриныхъ боевъ, и масса евреевъ снова окрасила своей кровью песокъ цирковой арены [1]). Во всѣхъ городахъ Титъ доставлялъ сирійцамъ случай злорадно насладиться предсмертнымъ хрипѣніемъ несчастныхъ. Такова была мягкость и гуманность Тита.

Какъ мало нужно было, чтобы всѣ евреи Римской имперіи, особенно жившіе въ Сиріи, Малой Азіи, Александріи и Римѣ, раздѣлили печальную участь своихъ братьевъ въ Іудеѣ! Языческое населеніе, вслѣдствіе іудейско-римской войны, было глубоко озлоблено противъ сыновъ Іакова, вражда его къ евреямъ дошла до фанатизма [2]), и оно не скрывало, что полное уничтоженіе іудеевъ является его сокровеннѣйшимъ желаніемъ. Самъ Титъ не сталъ бы противиться этому. Случайно ли или по волѣ Провидѣнія въ сердцѣ его царилъ образъ Вереники и заставлялъ его быть гуманнымъ по отношенію къ ея соплеменникамъ? Въ тотъ моментъ печальной исторіи евреевъ она являлась защитницей своего народа. Этой защитой воспользовались, во-первыхъ, евреи сирійской столицы Антіохіи, гдѣ безсовѣстный еврей-отступникъ еще увеличивалъ пламя ненависти къ евреямъ. *Антіохъ*, сынъ главы еврейской общины въ Антіохіи, изъ какихъ то побужденій или просто по испорченности ставшій врагомъ своей вѣры и своихъ единовѣрцевъ, обвинилъ въ большомъ народномъ собраніи (это произошло къ началу похода Веспасіана въ Галилею) ихъ и даже своего отца въ томъ, что они составили тайный заговоръ съ цѣлью поджечь городъ ночью (стр. 352). Нѣсколько времени спустя, когда Муціанъ отправился въ Римъ, чтобы поддержать интересы Веспасіана противъ Вителлія, и часть Антіохіи погибла въ пламени, ренегатъ вторично обвинилъ евреевъ въ поджогѣ, и съ трудомъ только удалось замѣстителю намѣстника, *Коллегѣ,* сдержать ярость антіохійцевъ. Разслѣдованіе выяснило невиновность евреевъ [3]); тѣмъ не менѣе, въ Антіохіи установилась фанатическая вражда къ нимъ.

Вотъ почему, когда Титъ приблизился къ этому городу, все населеніе вышло ему на встрѣчу и въ льстивыхъ выраженіяхъ изъявило желаніе ни болѣе, не менѣе, какъ изгнать евреевъ изъ ихъ среды. Такъ какъ онъ не далъ на это никакого отвѣта и, не останавливаясь, прослѣдовалъ дальше, чтобы принять привѣтствіе отъ парѳянскаго царя, то евреи остались въ страхѣ. По его возвращеніи, народъ и городской совѣтъ вторично попросили объ изгнаніи евреевъ изъ Антіохіи. Но Титъ отвѣтилъ: „Было бы несправедливо изгнать ихъ; вѣдь у нихъ нѣтъ родины, которая бы могла ихъ принять“. Онъ не согласился даже на просьбу антіохійцевъ лишить евреевъ, по крайней мѣрѣ, равноправія и разрѣшить разбить мѣдныя доски, на которыхъ были начертаны ихъ права [1]). Эта благосклонность его къ евреямъ была внушена ему, должно быть, любовью къ Вереникѣ. Точно также и александрійцы напрасно требовали отъ Тита, чтобы онъ лишилъ ихъ согражданъ-евреевъ свободы и равноправія [2])

Въ Египтѣ Титъ держалъ себя какъ самостоятельный властелинъ и во время одного празднества въ честь Аписа носилъ корону. Такъ какъ участвовавшіе при взятіи Іерусалима легіоны чуть не съ угрозами требовали, чтобы онъ остался съ ними, то распространился слухъ, будто онъ задумалъ облечься въ императорскую мантію и лишить своего отца престола. Веспасіанъ трепеталъ. Но Титъ внезапно явился въ Римъ и успокоительно замѣтилъ: „Я здѣсь, отецъ, я здѣсь!“ [3]). Онъ ничего не терялъ при этомъ; ибо фактически онъ былъ властелиномъ и являлся опекуномъ престарѣлаго императора [4]). Вѣдь легіоны привѣтствовали его какъ императора наравнѣ съ отцомъ. Вотъ почему онъ раздѣлялъ этотъ титулъ съ нимъ. Его вступленіе въ Римъ должно было быть отпраздновано тріумфомъ надъ Іудеей. Съ этой цѣлью семьсотъ красивыхъ плѣнниковъ и оба предводителя зелотовъ, Іоаннъ изъ Гисхалы и Симонъ баръ-Гіора, были посланы впередъ [5]). Первый, болѣзненный и измученный голодомъ, сдался римлянамъ вмѣстѣ со своими братьями [6]); Симонъ же съ нѣсколькими приверженцами удалился въ подземные ходы Іерусалима и надѣялся съ помощью бывшихъ съ нимъ инструментовъ пробиться на свободу, чтобы въ другомъ мѣстѣ сражаться съ римлянами. Но эти зелоты наткнулись на твердую скалу, о которую всѣ ихъ усилія разбились. Небольшой запасъ пищи у нихъ вышелъ, и Баръ-Гіора рѣшилъ погибнуть смертью героя. Въ бѣломъ одѣяніи и пурпуровой мантіи сверху, онъ внезапно явился изъ-подъ земли на мѣстѣ бывшаго храма и своимъ внезапнымъ появленіемъ привелъ въ ужасъ римскихъ часовыхъ. Когда они опомнились и освѣдомились, кто онъ, онъ отвѣтилъ: „Ведите меня къ вашему начальнику“. Тотъ, по имени Руфъ, былъ вызванъ, вождь зелотовъ заявилъ: „Я Симонъ баръ-Гіора“, и тотчасъ былъ закованъ въ кандалы [7]). Онъ зналъ участь, которая предстояла ему, и спокойно ожи-

[1]) Т. же 2, 1; 3, 1; 5, 1.
[2]) Т. же 3, 3.
[3]) Т. же 3, 3-4.
[1]) Т. же 5, 1. Древн. XII. 3, 2.
[2]) Древности т. же.
[3]) Sueton, Titus 6.
[4]) Т. же.
[5]) Флавій, Іуд. войны VII. 5. 3.
[6]) Т. же VI. 9, 4.
[7]) Т. же VII. 2, 2.

далъ ее. Какая судьба постигла третьяго вождя зелотовъ, Элеазара бенъ-Симонъ, неизвѣстно, должно быть, онъ геройски окончилъ въ какомъ-нибудь бою свою жизнь, и злобный историкъ не удостоилъ его безсмертія. Эти оба героя, Іоаннъ и Баръ-Гіора, должны были украсить собой вступленіе Тита въ Римъ.

Тріумфъ надъ Іудеей справлялъ отецъ съ двумя сыновьями, Титомъ и Домиціаномъ. Мимо нихъ проносили храмовые сосуды, золотой свѣтильникъ, золотой столъ и свитокъ законовъ, добытый, вѣроятно, въ храмѣ; вели плѣнниковъ въ оковахъ, жадной до зрѣлищъ толпѣ показывали изображенія битвъ и разрушенія храма. Симона баръ-Гіора влекли на веревкѣ по улицамъ и, по римскому обычаю, требовавшему человѣческихъ жертвъ, свергли съ Тарпейской скалы. Іоаннъ изъ Гисхалы умеръ въ тюрьмѣ [1]). Александръ Тиверій, истинный побѣдитель своихъ единоплеменниковъ, участвовалъ въ тріумфѣ, и статуя его была помѣщена на форумѣ [2]). Іосифъ игралъ во всемъ этомъ только роль зрителя. Великолѣпный тріумфъ, какого давно уже не видѣлъ Римъ, показываетъ, какъ римляне были рады побѣдѣ надъ Іудеей. Римскіе легіоны давно уже не побѣждали такого упорнаго врага. Во время осады Титомъ Іерусалима, галлы, германцы и батавы также пытались возстать противъ римлянъ и завоевать себѣ свободу. Но достаточно было появленія одного римскаго полководца и Домиціана въ очагахъ возстанія, чтобы эти, считавшіяся воинственными, племена разсѣялись [3]). А кучка еврейскихъ борцовъ за свободу задала римлянамъ работу на цѣлыхъ четыре года. Какъ могли они не устроить блестящій тріумфъ? Веспасіанъ получилъ возможность закрыть, наконецъ, храмъ Януса послѣ перерыва чуть не въ сто лѣтъ; онъ повелѣлъ выстроить храмъ мира. Ликованіе по поводу побѣды надъ Іудеей было такъ велико, что нѣсколько лѣтъ чеканились золотыя, серебряныя и мѣдныя монеты въ память этого событія. Эти монеты представляютъ несчастную Іудею въ видѣ убитой горемъ женщины подъ пальмою, то сидящей на землѣ въ позѣ отчаянія, то стоящей со связанными руками. Нѣкоторыя монеты представляютъ также еврейскаго воина со щитомъ и со связанными руками. Надписи на монетахъ гласятъ „*побѣжденная*“ или „*плѣненная Іудея*“ (Iudaea devicta, Iudaea capta). Позже была воздвигнута тріумфальная арка въ честь Тита, на которой еще теперь можно видѣть награбленные храмовые сосуды (Arco di Tito). Говорятъ, что римскіе евреи долго обходили это мѣсто, чтобы миновать арку. Однако ни Веспасіанъ, ни Титъ не включили имени Іудеи въ свой титулъ, потому

[1]) Т. же 5, 4—6.
[2]) Слѣдуетъ изъ сатиры Ювенала l. 124—131.
[3]) Т. же 7, 2. Tacitus historiae 4, 54.

что тогда это имя имѣло у римлянъ оскорбительное значеніе [1]). Храмовая добыча долго стояла въ Римѣ, въ храмѣ мира, а свитокъ въ императорскомъ дворцѣ [2]). Впослѣдствіи, когда Риму пришлось расплачиваться за свои тяжкіе грѣхи, эти остатки еврейской святыни были растащены по разнымъ странамъ.

Но Іудея не была еще окончательно покорена; три крѣпости еще держались: Геродіумъ, Махерусъ и Мазада. Управитель Бассъ, присланный въ Іудею Веспасіаномъ, имѣлъ порученіе взять ихъ [3]). Гарнизонъ Геродіума, состоявшій изъ приверженцевъ Симона и идумеевъ, сдался по первому требованію [4]). Завоеваніе Махеруса стоило Бассу больше труда. Это горное укрѣпленіе, заложенное Александромъ Яннаемъ и усиленное Иродомъ въ борьбѣ съ набатеями, было неприступно, такъ какъ со всѣхъ сторонъ оно было окружено глубокими и широкими ущельями и крутыми подступами. Еврейскій гарнизонъ его былъ снабженъ съѣстными припасами и водой, которую въ изобиліи доставляли горные ключи. Въ одной пещерѣ было два ключа, одинъ съ холодной, другой съ теплой водой. Зелоты подъ начальствомъ храбраго юноши *Элеазара* чувствовали себя, благодаря природнымъ и естественнымъ укрѣпленіямъ, настолько сильными, что предпринимали вылазки противъ осаждавшихъ римлянъ и разрушали ихъ сооруженія. Но однажды, когда Элеазаръ, отступая послѣ вылазки, упорно оставался вблизи враговъ, кто-то изъ римлянъ схватилъ его и связалъ. Бассъ велѣлъ пытать его и сдѣлалъ видъ, будто хочетъ распять его. Это зрѣлище такъ тронуло осажденныхъ, что они согласились сдаться, если ихъ предводитель будетъ пощаженъ. Такъ, изъ-за неосторожности, Махерусъ попалъ въ руки римлянъ. Правда, Бассъ сдержалъ слово по отношенію къ тѣмъ, съ которыми онъ заключилъ договоръ о сдачѣ; но изъ тѣхъ, которые жили въ ниже расположенной части горы и не были включены въ договоръ, онъ велѣлъ убить 1700 мужчинъ и юношей, а женщинъ и дѣтей продалъ въ рабство.

Три тысячи зелотовъ, подъ начальствомъ *Іуды бенъ-Яира*, которому болѣе посчастливилось, чѣмъ Баръ-Гіорѣ, воспользоваться подземнымъ ходомъ, устроили убѣжище въ лѣсу вблизи Іордана и соединились съ бѣглецами изъ Махеруса. Здѣсь они были окружены римлянами и всѣ погибли послѣ жаркаго боя [5]). Смерть помѣшала Бассу занять Мазаду; эта трудная задача выпала на долю его преемника, *Сильвы*. Эта крѣпость у Мертваго моря, заложенная маккавеемъ Іонатаномъ и также укрѣпленная Иродомъ, была еще болѣе неприступна, чѣмъ Махерусъ. Она стояла на отвѣсной скалѣ съ

[1]) Dio Cassius 66, 7.
[2]) Флавій, Іуд. войны VII. 5, 7.
[3]) Т. же 6, 1.
[4]) Т. же 6, 1—5.
[5]) Т. же VII. 6, 5.

двумя тропинками, по которымъ можно было взбираться только съ опасностью жизни. Гарнизонъ, состоявшій изъ тысячи зелотовъ съ женами и дѣтьми, начальство надъ которымъ принадлежало *Элеазару бенъ-Яиръ*, потомку основателя партіи зелотовъ, Іуды, былъ въ изобиліи снабженъ съѣстными припасами, водой и оружіемъ. Гарнизонъ сражался съ презрѣніемъ къ смерти, свойственнымъ этимъ войскамъ. Но римское осадное искусство сокрушило одну стѣну; другая деревянная стѣна, выстроенная самимъ гарнизономъ, сгорѣла отъ зажигательныхъ снарядовъ, которые римляне бросали въ нее. Безнадежность сопротивленія врагу съ такимъ ничтожнымъ гарнизономъ внушила Элеазару мысль уговорить воиновъ покончить съ собой, чтобы не попасть въ руки римлянъ. Всѣ охотно согласились на это, и въ первый день Пасхи (73) мужчины убили своихъ женъ и дѣтей, а затѣмъ себя. Римлянъ, которые приготовились къ бою, встрѣтила при ихъ вступленіи въ Масаду жуткая и мертвая тишина, на ихъ зовъ вышли только двѣ женщины и пять мальчиковъ. Таковъ былъ конецъ послѣднихъ зелотовъ въ Іудеѣ [1]).

Веспасіанъ жестоко отомстилъ евреямъ, которые осмѣлились сбросить римское иго. Онъ присвоилъ себѣ на правахъ частной собственности всю Іудею и продавалъ тамъ земли (стр. 417). Оставшіеся въ живыхъ помилованные евреи должны были путемъ покупки пріобрѣтать наслѣдіе предковъ. Только своему любимцу, Іосифу, онъ безплатно подарилъ земли въ долинѣ Сарона [2]). Не только жители Іудеи, но и всѣ евреи Римской имперіи стали отвѣтственными за возстаніе, и были наказаны. Имъ было приказано отдавать капитолійскому Юпитеру тѣ двѣ драхмы (2 денара, почти $1^1/_2$ марки), которыя они ежегодно жертвовали на святилище; то, что раньше было добровольнымъ даромъ набожности, стало теперь вынужденнымъ приношеніемъ, вызывавшимъ угрызенія совѣсти. Жадный Веспасіанъ присваивалъ эти деньги въ свое личное владѣніе; этотъ *впервые* введенный имъ *налогъ на евреевъ* былъ названъ „еврейскимъ сборомъ“ (fiscus judaïcus [3]). Своихъ еврейскихъ друзей и помощниковъ Веспасіанъ осыпалъ богатствами и почестями. На Веренику, раньше набожную до того, что во исполненіе одного назирейскаго обѣта она велѣла остричь свои волосы, смотрѣли какъ на будущую императрицу; она жила во дворцѣ Тита, какъ если бы она была уже его супругой [4]). Онъ такъ ревновалъ къ ней, что велѣлъ задушить своего собутыльника, римскаго консулярія *Цецину*, такъ какъ подозрѣвалъ его въ тайной любовной связи съ Вероникой. Чтобы польстить Титу, ареопагъ, совѣтъ

[1]) Т. же VII. 8, 1; 9, 1-2.
[2]) Іуд. войны VII. 6, 6. Dio Cassius 66, 7. Sueton, Domitian 12.
[3]) Dio Cassius 66, 15.
[4]) Флавій Vita 76.

шестисотъ и народъ аѳинскій рѣшили воздвигнуть Вереникѣ статую съ напыщенной надписью, въ которой называли ее *„великой царицей, дочерью великаго царя, Юлія Агриппы“*. Кажется, что Титъ серьезно думалъ жениться на ней. Но ненависть римлянъ къ іудеямъ не могла допустить подобнаго брака. Народъ громко выражалъ свое неодобреніе этой затѣи, и, повидимому, Веспасіанъ также былъ недоволенъ ею. Титъ вынужденъ былъ отпустить ее; быть можетъ, онъ далъ ей совѣтъ покинуть Римъ до болѣе благопріятнаго времени [1]). Когда Веспасіанъ умеръ, и Титъ сталъ править одинъ (79), Вереника вторично прибыла въ Римъ и напомнила ему его обѣщаніе; но она пріѣхала или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно. Титъ какъ-разъ тогда началъ разыгрывать изъ себя добродѣтельнаго человѣка и хотѣлъ показать римлянамъ, что онъ порвалъ со своимъ прошедшимъ и думаетъ прекратить свои старыя любовныя связи. Онъ велѣлъ отправить ее изъ Рима, и, какъ шопотомъ передавали въ высшихъ кругахъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ [2]). Судьба Вереники является олицетвореніемъ отношенія Рима къ Іудеѣ. Сначала онъ любезничалъ съ Іудеей, а затѣмъ отправилъ ее въ ссылку. Куда отправилась послѣдняя еврейская царица со своимъ горемъ и гдѣ она умерла—объ этомъ нигдѣ не повѣствуется (умерла она, вѣроятно, до 93 г.). Кажется, что не лучшая участь постигла ея брата, Агриппу. Уважаемый Веспасіаномъ, одаренный и отличенный передъ всѣми, онъ сначала также жилъ въ Римѣ и получилъ должность претора, вѣроятно и съ областью Галилеею, или частью ея. Но немилость Тита къ его сестрѣ распространилась и на него, и онъ, должно быть, удалился въ свое сомнительное царство.

Іосифъ былъ счастливѣе ихъ обоихъ. Веспасіанъ и Титъ относились къ нему съ такимъ вниманіемъ, будто хотѣли вознаградить его за оказанныя услуги. Титъ разрѣшилъ ему отыскать въ числѣ плѣнныхъ родственниковъ и друзей и освободить ихъ. Онъ сопровождалъ Тита во время его тріумфа въ Римѣ, съ возмутительнымъ спокойствіемъ взиралъ на униженіе своего народа, и злорадное чувство охватывало его, когда позорной смертью гибли его герои. Веспасіанъ не только одарилъ его обширными землями въ Іудеѣ, но отдалъ собственный дворецъ въ Римѣ подъ его квартиру и даровалъ ему званіе римскаго гражданина [3]). Іосифъ женился въ третій разъ, разведшись предварительно со второй женой, и, какъ онъ хвастливо подчеркиваетъ, новая жена происходила изъ одного изъ наиболѣе знатныхъ еврейскихъ семействъ на островѣ Критѣ. Онъ пользовался такимъ расположеніемъ императорскаго дома Флавіевъ, что

[1]) Dio Cassius т. же.
[2]) Т. же 66, 18.
[3]) Флавій, Vita 75-76.

принялъ ихъ фамилію и сталъ извѣстенъ потомкамъ подъ именемъ *Іосифа Флавія*. Но зато еврейскіе патріоты ненавидѣли его съ такой яростью, что старались не дать ему возможности спокойно наслаждаться жизнью. Напрасно пытался онъ увѣковѣчить свою память среди евреевъ описаніемъ борьбы съ Римомъ на еврейскомъ языкѣ [1]). Его еврейское сочиненіе было забыто; имя его не встрѣчается въ еврейской національной литературѣ.

Борьба съ зелотами не кончилась еще занятіемъ послѣднихъ крѣпостей въ Іудеѣ. Они перенесли свою ненависть къ римлянамъ въ тѣ страны, куда они попали. Счастливцы, которымъ удалось подземными ходами выбраться изъ горящаго Іерусалима въ открытое поле, разсѣялись и искали убѣжища у своихъ братьевъ въ области Евфрата, въ Аравіи, Египтѣ и Киренаикѣ. Зелоты, которымъ удалось бѣжать въ Александрію, убѣдили своихъ единоплеменниковъ произвести здѣсь возстаніе противъ римлянъ и, такъ какъ александрійскимъ евреямъ еще памятна была кровавая баня, которую за нѣсколько лѣтъ до этого произвели между ними римскіе легіонеры, то они охотно согласились на это. Только богачи и члены совѣта противились этой безумной затѣѣ; но, такъ какъ они не могли успокоить возбужденную толпу, то они предприняли облаву на нее. Было поймано 600 зелотовъ; они были выданы намѣстнику, *Лупусу*, и казнены. Остальные разбрелись по Египту до Θивъ. Мало по малу ихъ перехватали и пытали, пока они не признаютъ императора своимъ господиномъ. Но они переносили мучительнѣйшія пытки, какъ мужчины, такъ и мальчики, не измѣняя своимъ зелотскимъ убѣжденіямъ, и умирали подъ пытками. Веспасіанъ, опасаясь, что Египетъ станетъ новымъ очагомъ для мятежей евреевъ, велѣлъ запереть храмъ Оніаса, чтобы лишить ихъ, такимъ образомъ, религіознаго центра. Священные дары изъ храма Оніаса перекочевали, подобно сокровищамъ іерусалимскаго святилища, въ императорскую сокровищницу, а геліопольское святилище, просуществовавъ 243 года, закрылось навсегда (73-74 [2]).

Тѣ изъ зелотовъ, которые бѣжали въ города Киренаики, также возбудили возстаніе среди тамошнихъ евреевъ и нашли не лучшій конецъ. Одинъ зелотъ, *Іонатанъ*, собралъ вокругъ себя много киренаикскихъ евреевъ, повелъ ихъ въ Ливійскую пустыню и здѣсь являлъ имъ чудесныя знаменія. И здѣсь знатные евреи донесли римскому намѣстнику, *Катуллу*, о попыткѣ къ возстанію; онъ велѣлъ изловить возставшихъ и частью предалъ ихъ смерти. Іонатанъ только послѣ большихъ трудовъ попалъ въ руки римлянъ и отомстилъ богатымъ киренаикскимъ евреямъ тѣмъ, что указалъ на нихъ какъ на соучастниковъ возмущенія. Катуллъ казнилъ

[1]) Т. же Іуд. войны, введеніе 1.

[2]) Т. же VII. 10, 1—4.

3.000 (?) изъ нихъ, въ томъ числѣ самаго знатнаго, *Александра*, и его супругу, *Веренику;* имущество же ихъ онъ конфисковалъ и предоставилъ въ распоряженіе императора. Іонатанъ и его товарищи по плѣну были въ оковахъ перевезены въ Римъ и изъ чувства мести хотѣли притянуть къ своему преступленію Іосифа и нѣкоторыхъ римскихъ евреевъ; но Титъ слишкомъ хорошо зналъ вѣрноподданническія чувства Іосифа, чтобы повѣрить этому обвиненію, вступился за него, и онъ и его товарищи по обвиненію были оправданы. Іонатанъ былъ подвергнутъ бичеванію и затѣмъ сожженъ живьемъ [1]). Таковъ былъ конецъ зелотскаго движенія, которое бѣдствіями отозвалось на большей части евреевъ римской имперіи. Возстаніе зелотовъ въ Іудеѣ не удалось вслѣдствіе измѣны сторонниковъ Рима, вслѣдствіе раздоровъ и недостатка разсудительности въ вожакахъ, которые вызвали революцію, но не сумѣли довести ее до конца. Счастливѣе всѣхъ были зелоты, которымъ удалось бѣжать въ сѣверную Аравію въ область Ятрибъ (Медина). Имъ удалось основать тамъ собственное, государство и отстоять его до седьмого вѣка. Въ другое время они сыграли значительную роль.

Упорная борьба съ Римомъ возбудила въ римскомъ мірѣ вниманіе настолько, что нѣсколько писателей взялись описывать ее. Не удивительно, что языческіе писатели предвзято смотрѣли на дѣло и, желая польстить побѣдителямъ, умаляли героизмъ евреевъ. Но эта предубѣжденность возмутила Іосифа, какъ бы онъ ни былъ сторонникомъ Рима; остатки его патріотическаго духа не давали ему возможности спокойно смотрѣть на то, какъ его народъ обвиняютъ въ трусости. Поэтому онъ собралъ въ памяти все пережитое имъ и описалъ еврейскую войну съ предшествовавшими событіями въ семи книгахъ (75—79). Но и его изложеніе не могло быть безпристрастнымъ, онъ самъ слишкомъ былъ заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ; какъ намѣстникъ Галилеи онъ оказался довольно неопрятной личностью и, кромѣ того, онъ находился подъ вліяніемъ императорскаго дома. Онъ преподнесъ свою исторію императорамъ, и Титъ разрѣшилъ опубликовать ее; значитъ, она была разсчитана на то, чтобы они ее читали и одобрили [2]). *Юстъ изъ Тиверіады* уже за нѣсколько лѣтъ до этого составилъ исторію еврейской войны (73); въ ней онъ выставляетъ Іосифа врагомъ Рима, возлагаетъ на него отвѣтственность за возстаніе въ Галилеѣ и называетъ ложью его утвержденіе о своемъ происхожденіи отъ семьи Хасмонеевъ [3]). Оба предводителя враждебныхъ партій продолжали чернильную войну по окончаніи настоящей. Юстъ также не можетъ служить образцомъ добродѣтели. Послѣ того, какъ онъ ру-

[1]) Т. же 11, 1—3; Vita 76.

[2]) Vita 65; contra Apionem I. 9.

[3]) Т. же.

ководилъ революціей въ Галилеѣ и произвелъ изъ мести набѣгъ на со сѣднихъ грековъ, онъ перешелъ къ Агриппѣ (стр. 376). Помилованный имъ по представленію Вереники и даже щедро одаренный, онъ поступилъ къ нему на службу, но дважды былъ заключенъ въ темницу и изгнанъ. Между Агриппой и Юстомъ существовала, повидимому, какая то невыясненная и необъяснимая связь. Царь послѣ того, какъ былъ разсерженъ на него такъ, что отдалъ приказъ казнить его, и помиловалъ только послѣ многократныхъ просьбъ Вереники, назначилъ его все-таки своимъ секретаремъ, потомъ же вторично прогналъ его отъ себя [1]). Юстъ получилъ основательное греческое образованіе; это признавалъ даже его врагъ Іосифъ [2]). Онъ обладалъ изъ ряда вонъ выходящими познаніями въ греческой литературѣ. На греческомъ же языкѣ онъ написалъ исторію еврейскихъ князей, носившихъ корону; къ сожалѣнію, эта исторія затерялась. Онъ началъ съ Моисея и довелъ разсказъ до третьяго года царствованія Траяна (100), въ которомъ онъ и умеръ. Юстъ двадцать лѣтъ не опубликовывалъ своей исторіи еврейской войны [3]) и выступилъ съ ней только тогда, когда увидѣлъ съ чувствомъ патріотическаго озлобленія, что врагъ его, Іосифъ, по смерти Тита вошелъ въ милость у преемника его, испорченнаго *Домиціана,* и не менѣе развратной императрицы, *Домиціи.*

Іосифъ занялся на досугѣ, которымъ онъ наслаждался въ царствованіе Тита и Домиціана, обширнымъ трудомъ по еврейской исторіи отъ начала ея до періода, предшествовавшаго войнѣ. Другъ его, *Эпафродитъ,* питавшій слабость къ іудаизму, человѣкъ талантливый и съ познаніями, подбадривалъ его въ этомъ дѣлѣ и помогалъ ему, исправляя его греческій слогъ [4]). Только въ тринадцатый годъ царствованія Домиціана (93) Іосифъ закончилъ этотъ трудъ въ двадцати томахъ подъ заглавіемъ: „Древности“, который по истинѣ обезсмертилъ его. Онъ очень прилежно и съ большими затратами собиралъ нееврейскіе источники и пользовался ими, приводилъ ихъ въ соотвѣтствіе съ историческими повѣствованіями священнаго Писанія и создалъ національный памятникъ, который ознакомилъ цивилизованные народы съ исторіей и образомъ мыслей еврейскаго народа. Вскорѣ послѣ этого онъ воздвигъ себѣ памятникъ позора. Въ это время появилась исторія еврейской войны Юста и вызвала въ немъ страстное возбужденіе. Она не только затрагивала его честь, но и угрожала его жизни. Для него дѣйствительно представляло большую опасность быть обвиненнымъ въ ненависти къ римлянамъ. Какъ мало нужно было подозрительному тирану Домиціану, чтобы низвергнуть человѣка съ высочайшихъ ступеней своего благорасположенія въ бездну по-

[1]) Т. же 65.
[2]) Т. же 9.
[3]) Т. же 65.
[4]) Флавій contra Apionem I. 9.

зорной гибели! Евреи, которые до глубины души ненавидѣли его, какъ перебѣжчика, часто пытались обвинить его передъ Домиціаномъ и погубить его. Его собственный рабъ, воспитатель его сына, выступилъ противъ него въ качествѣ обвинителя [1]). Но до сихъ поръ Іосифу всегда удавалось, Богъ знаетъ какими хитрыми средствами, не только оправдываться, но и видѣть своихъ обвинителей наказанными. И вотъ теперь Юстъ выступилъ съ сочиненіемъ, въ которомъ изображаетъ его, какъ замаскированнаго врага Рима, какъ человѣка, споспѣшествовавшаго борьбѣ съ римлянами. Чтобы оправдаться въ обвиненіяхъ, возводимыхъ на него Юстомъ изъ Тиверіады, онъ изложилъ въ приложеніи къ своимъ „Древностямъ“ свою собственную *„Жизнь“* и свое поведеніе во время войны. Желая оправдаться отъ подозрѣнія, будто онъ изъ личныхъ побужденій дѣйствовалъ противъ римлянъ, онъ выставилъ себя еще въ болѣе невыгодномъ свѣтѣ: выходило, что онъ съ самаго начала, какъ предатель, стоялъ на сторонѣ Рима. Но кое-что онъ загладилъ своимъ четвертымъ и послѣднимъ трудомъ. Это *„возраженіе грекамъ“,* которые поносили іудаизмъ и еврейскій народъ и отрицали его глубокую древность; этимъ Іосифъ заслужилъ благодарность своихъ единоплеменниковъ. Онъ очень свободно и съ горячей убѣдительностью въ двухъ томахъ опровергаетъ лживыя обвиненія и выдвигаетъ нравственныя и религіозныя преимущества іудаизма. Если бы Іосифъ оставилъ по себѣ только „Древности“ и сочиненіе противъ *грековъ* или противъ *Аріона,* то онъ, подобно Филону, пользовался бы глубокимъ почтеніемъ. Какъ писатель, онъ, во всякомъ случаѣ, достоинъ лавроваго вѣнка, но онъ утратилъ право на гражданскій вѣнецъ патріота. Іеремія, плачущій на развалинахъ Іерусалима, знаменуетъ собой конецъ перваго періода; конецъ второго періода представляетъ Іосифъ, въ пріятномъ спокойствіи составляющій исторію своего народа, возсѣдая въ палатахъ Цезарей.

[1]) Т. же Vita, конецъ.

Эта выноска относится къ 413 стр. 4-й стр. снизу.

Я не могу согласиться съ мнѣніемъ Якова Берная, который, вопреки описанію Іосифа (Іуд. войны VI. 4, 3), всецѣло основываясь на разсказѣ монаха Сульпиція Севера, приписываетъ инициативу разрушенія храма самому Титу (Программа Бреславльской Евр. Теол. Семинаріи 1861 г.) Основаніе, которое Сульпиціи приводитъ въ пользу своего мнѣнія, звучитъ по-*монашески*, а никакъ не по-*тацитовски:* „Чтобы вмѣстѣ съ разрушеніемъ храма уничтожена была и вѣра въ Христа. Вѣдь обѣ эти религіи, при всей ихъ противоположности и даже враждебности, исходятъ изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ. Христіане вышли изъ рядовъ евреевъ. Если же уничтожить корень (евреевъ), то само собой погибнетъ и стволъ (христіанство)" „Alii et Titus ipse evertendum templum imprimis censebant, quo plenius Judaeorum et Christianorum religio tolleretur. Quippe has religiones, licet contrarias sibi, iisdem tamen auctoribus profectas; radice sublata, stirpem facile perituram" И все это должно было оказать рѣшающее вліяніе на Тита, того самаго, которому ничтожная христіанская община была едва знакома по имени! Достаточно взглянуть на эти слова, чтобы сейчасъ же узнать въ нихъ разсужденія монаха. Ничего подобнаго Титъ не могъ сказать, и Тацитъ едва ли могъ написать объ этомъ. Уже одинъ изъ старѣйшихъ издателей С. Севера сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: Hoc cum vero non convenit... auctor ex ingenio finxit. Если бы Титъ дѣйствительно рѣшилъ разрушить храмъ, то ему нечего было бы стѣсняться передъ римлянами, которые вообще не были расположены къ евреямъ. Наоборотъ, онъ былъ заинтересованъ въ его сохраненіи, такъ какъ онъ этимъ желалъ угодить своей возлюбленной, набожной еврейской принцессѣ Вереникѣ. Къ тому же *Леонъ Ренье* путемъ остроумныхъ толкованій доказалъ, что перечисленіе членовъ военнаго совѣта, состоявшагося подъ предсѣдательствомъ Тита, сдѣланное Іосифомъ по степенямъ ихъ ранга, въ высшей степени точно и достовѣрно. Слѣдовательно, Іосифъ не изобрѣлъ этого происшествія. Затѣмъ самъ Веспасіанъ и Титъ написали *„Воспоминанія"* о іудейской войнѣ (Vita 65 bis; contra Apionem I. 10). Въ нихъ тоже должно было бы встрѣтиться что-нибудь о сожженіи храма. Но если бы Титъ въ нихъ говорилъ о томъ, что онъ желалъ разрушенія храма, то немыслимо, чтобы Іосифъ влагалъ въ его уста противоположное желаніе, тѣмъ болѣе, въ сочиненіи, которое онъ давалъ читать Титу, (тамъ же). De Saulcy также считаетъ указанія Сульпиція Севера исторически невѣрными (Les derniers jours de Jerusalem стр. 374). Онъ справедливо возражаетъ, что, если бы это мѣсто даже и принадлежало Тациту, то свидѣтельство человѣка, писавшаго почти тридцать лѣтъ послѣ событій, заслуживаетъ меньше довѣрія, чѣмъ разсказъ очевидца Іосифа, который писалъ объ этомъ въ Римѣ еще при жизни всѣхъ тѣхъ генераловъ, мнѣнія которыхъ по вопросу о разрушеніи храма онъ приводитъ, и которые могли бы его изобличить (Имъ также онъ передалъ свою книгу). Словомъ, если Іосифъ въ иныхъ мѣстахъ и изображаетъ изъ угодливости невѣрно факты, то это сообщеніе должно считать исторически достовѣрнымъ.

Примѣчанія.

1.

Хроника постовъ или Megillat-Ta'anit, какъ достовѣрный источникъ.

Знатоки исторіи часто сожалѣли, что въ отношеніи маккавейскаго и послѣмаккавейскаго періода мы можемъ ссылаться только на первую и вторую книги Маккавеевъ и на Флавія и не имѣемъ другого источника, чтобы путемъ сравненія удостовѣриться въ вѣрности сообщаемыхъ ими фактовъ. Болѣе того, мы можемъ говорить объ одномъ только, собственно, источникѣ; потому что, строго говоря, Флавій повторяетъ въ своихъ „Древностяхъ" лишь то, что имѣется въ первой книгѣ Маккавеевъ, не внося ничего существеннаго. Только по смерти Симона начинается самостоятельная работа Флавія; затѣмъ, не только въ „Древностяхъ" его, но и въ 1 книгѣ Маккавеевъ замѣтно, что въ основѣ ихъ лежатъ болѣе древніе источники. Черезъ чье посредничество прошли эти источники? Переданы ли они вполнѣ точно? Станемъ ли мы на достаточно прочную почву, если довѣримся этимъ источникамъ? До тѣхъ поръ, пока достовѣрность фактовъ покоится на одномъ только этомъ свидѣтельствѣ, изслѣдователя время отъ времени будетъ брать сомнѣніе, не является ли въ концѣ концовъ, какъ самая сущность фактовъ, такъ и прагматическая связь ихъ, выраженіемъ субъективныхъ взглядовъ, лишенныхъ фактическаго основанія. Къ этому присоединяется еще другое обстоятельство. Какъ извѣстно, партійная жизнь играетъ въ послѣмаккавейское время первенствующую роль. Другъ противъ друга выступаютъ хасидеи и эллинисты, фарисеи и саддукеи, націоналисты и иродіанцы, зелоты и сторонники Рима. Не является ли изображеніе фактовъ, если они и не миѳическаго происхожденія, все-таки искаженнымъ отраженіемъ партійныхъ взглядовъ? И если даже отрѣшиться отъ такой щепетильности, то развѣ не желательно наряду съ однимъ историческимъ источникомъ имѣть другой, могущій служить коррективомъ первому? Къ счастью, у насъ есть другой источникъ, независимый отъ главнаго—*Хроника постовъ* (Megillat-Ta'anit), захватывающій главныя событія этого періода, разрушающій всякія сомнѣнія, дающій, къ тому же, возможность еще лучше разсмотрѣть внутренній ходъ событій. Но, какъ ни важно Megillat-Ta'anit для исторіи того времени, въ общемъ оно еще недостаточно привлекаетъ къ себѣ вниманія, потому что еще недостаточно изслѣдовано. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы выяснимъ, какой богатый историческій матеріалъ представляетъ эта находящаяся въ пренебреженіи Хроника.

Этотъ источникъ носитъ такой своеобразный характеръ, что его нельзя сравнивать ни съ какими историческими письменными памятниками и поэтому трудно подобрать для него соотвѣтственное названіе. По своему происхожденію Megillat-Ta'anit—настоящій „monumentum aere perennius“ „...памятникъ, долговѣчнѣе мѣди...“ Время, этотъ разрушитель памятниковъ, дѣлается, такъ сказать, ихъ стражемъ и въ вѣчномъ своемъ самообновленіи, обновляетъ въ памяти людей историческіе факты. *Тридцать пять* радостныхъ событій, касающихся или всего народа или его представителей увѣковѣчены *днями воспоминанія*. Для такихъ дней былъ установленъ общій постъ, для нѣкоторыхъ и всеобщій трауръ. Самъ народъ, совершившій подвиги или пережившій радостныя событія, является, благодаря соблюденію дней воспоминанія, лицомъ, передающимъ сказанія о нихъ. Лишь незадолго до разрушенія храма эти дни воспоминанія были перечислены письменно, лаконически и на арамейскомъ языкѣ. Къ этому ядру были сдѣланы добавленія, частью въ талмудическое, частью послѣ-талмудическое время, въ видѣ разъясненій къ почти загадочному тексту. По внѣшности эти разъясненія отличаются своими еврейскими оборотами отъ халдейскихъ надписей. Изданное Megillat-Ta'anit заключаетъ въ себѣ, такимъ образомъ, три составныя части: 1) *текстъ*, 2) *схоліи*, частью перешедшія еще изъ талмудическаго времени 3) *глоссы*, прибавленныя, повидимому, только во время гаонидовъ. Обо всѣхъ этихъ побѣдныхъ, радостныхъ и полупраздничныхъ дняхъ упоминается, кромѣ Талмуда, еще въ книгѣ Юдиѳи (8, 6). Юдиѳь во время своего вдовства постилась каждый день, за исключеніемъ предсубботнихъ дней, субботъ, дней новолунія, праздничныхъ и *радостныхъ дней дома Израиля*. Авторъ, безъ сомнѣнія, подразумѣваетъ подъ этимъ дни, въ которые нельзя было постить: יומיא דלא להתענאה בהון.

Въ настоящее время можно считать доказаннымъ, что первоначальный сборникъ содержалъ одни только заглавія и что, вообще, цитируемое въ Талмудѣ Megillat-Ta'anit не имѣло своего настоящаго вида. Доказательства этому на рукахъ. Такъ, въ Талмудѣ (Ta'anit 17 b), оба первые полупраздника мѣсяца Нисана приводятся изъ Megillat-Ta'anit какъ одно цѣлое, въ то время какъ въ нашихъ изданіяхъ они прерываются длинной мотивировкой и разсужденіями (с. 1), Во вторую главу попали пренія, которыя даже не относятся къ мотивировкѣ, а просто на память заимствованы изъ Талмуда (Chulin 129 b). Въ гл. 3 попала мотивировка, которую только Р. Аббагу приводитъ какъ свое личное мнѣніе, а именно: онъ говоритъ, будто Мигдалъ-Шуръ все равно, что Цезарея. Стоитъ сравнить мѣсто въ Талмудѣ (Megillat 6 a) съ изложеніемъ М.-Т., чтобы убѣдиться, что мотивировки первоначально не существовало. אמר ר' אבהו עקרון תעקר זו קסרי בת אדום — שהיא היתה יתד תקועה בימי יונים וכשגברו מלכות בית חשמונאים ונצחום היו קורין אותה אחידת מגדל שור: Въ М.-Т. это утвержденіе принимается безъ дальнѣйшихъ комментаріевъ. אחידת מגדל ש ר זו קסרי בת אדום וכו'. Въ концѣ главы 5-ой вставлено мѣсто изъ Jerusal. Baba Batra p. 17 a, но тамъ оно приводится совсѣмъ не какъ цитата изъ М.-Т.—Въ главѣ 6-й (въ началѣ и концѣ ея) приведены въ качествѣ мотивировки мѣста изъ Талмуда, которыя совсѣмъ не относятся сюда. Въ главѣ 9-й соединено при описаніи праздника Ханука нѣсколько главъ Борайта, и то, что въ Талмудѣ разсказано (Sabbat 21 b) въ видѣ вопроса: מאי הנוכה, здѣсь принимается въ качествѣ мотивировки и находится, къ тому же, въ противорѣчіи съ послѣдующей мотивировкой. Конецъ

совсѣмъ не соотвѣтствуетъ темѣ. Въ гл. 11-ой или 12-ой (Cod. Halberstamm) встрѣчается цѣлый трактатъ о разницѣ между полупраздничными и главными праздничными днями. Въ началѣ гл. 12-ой можно отличить позднѣйшія прибавленія уже по способу выраженія. Прибавлено замѣчаніе, что упомянутые тамъ дни воспоминанія расположены не въ хронологическомъ порядкѣ, а важные дни перечислены одинъ за другимъ по мѣсяцамъ; это не должно обозначать, что раньше названный день дѣйствительно хронологически предшествовалъ позже упомянутому. ולא כל הכתוב בטוגיתה דואת ראשון הוא ראשון, שני הוא שני, שלישי הוא שלישי, אלא תפכו להם הודש ראשון וכל שיש בו Не нужно терять изъ виду то, что оборотъ: תפכו להם заставляетъ думать, что ему предшествовала схолія. Въ той же главѣ причины празднованія дней Трояна и Никанора приведены въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ Талмудѣ, или же имъ предшествуетъ вопросъ: מאי נקנור? מאי טריגום? (Ta'anit 18 b.); это опять таки заставляетъ предполагать, что эти мотивы не были приведены въ сборникѣ М.-Т., который, какъ извѣстно, былъ у всякаго подъ рукой и приводился въ цитатахъ подобно стихамъ изъ священнаго Писанія. Упоминаніе объ аморе́ѣ Р. Хидкѣ оказывается добавленіемъ такъ же, какъ длинный разсказъ Choni ha-Maagal, излагаемый въ Борайтѣ, и неудачная этимологія Акры (הקרא) = הקראיב. Замѣчательно, что въ Талмудѣ (Ta'anit 12 a) идетъ споръ о томъ, должно ли писать по просту: ייכר или ייסר בצלו, въ то время какъ нашъ сборникъ Megillat-T. с. 12 придерживается послѣдняго мнѣнія. Кромѣ того, въ добавленіяхъ попадаются грубыя ошибки и ихъ отличительнымъ признакомъ являются нѣкоторые часто встрѣчающіеся обороты, какъ то: ולא היו יכולין לצאת ביום אלא בלילה.

Изъ трехъ составныхъ частей нашего М.-Т. для историческихъ цѣлей представляютъ цѣнность только халдейскія надписи. Мотивировку же нужно разсматривать, какъ схоліи, вѣрность которыхъ зависитъ отъ того, угадываютъ ли онѣ смыслъ надписи и текста или нѣтъ. Часто мотивировка схолій совершенно ошибочна, иногда же въ нихъ приводятся факты, которыхъ мы не имѣемъ подъ руками и которые, какъ кажется, заимствованы изъ болѣе старыхъ источниковъ. Примѣчанія заслуживаютъ вниманія только въ томъ случаѣ, если они могутъ устоять передъ филологической критикой или критикой по существу, въ противномъ же случаѣ нужно самостоятельно толковать текстъ. Моей задачей на будущее время является самостоятельное критическое разъясненіе невѣрно понятыхъ надписей, и при этомъ выяснится много интересныхъ подробностей изъ исторіи періода послѣ изгнанія, которыя могутъ послужить дополненіемъ и оправданіемъ для Флавія.

Слѣдующимъ событіямъ придается особое значеніе.

А. День воспоминанія, относящійся къ до-маккавейскому періоду.

Въ память освященія стѣнъ Іерусалима установлено, какъ объ этомъ отмѣчаютъ схоліи за №№ 3 и 13, два дня воспоминаній. Въ схоліи при этомъ отмѣчается, что одинъ относится къ освященію стѣнъ Неэміей, а другой—къ возстановленію разрушенныхъ греками стѣнъ. Весьма вѣроятно, что одинъ изъ нихъ относится къ другому періоду. Правда, неизвѣстно, чтобы Хасмонеи

устраивали торжество по поводу исправленія стѣнъ, но схолія очень вѣрно указываетъ, что этотъ день воспоминанія относится къ увеличенію города валомъ. Соотвѣтственно этому первый праздникъ можетъ относиться ко времени Нехеміи, и это также могло бы соотвѣтствовать истинѣ. Нехемія закончилъ стѣны къ 25 Элула, но освященіе ихъ должно было произойти позже, такъ какъ сначала нужно было заселить городъ. Тутъ, конечно, могло пройти полгода отъ Элула до Іяра, но едва ли прошелъ цѣлый годъ, —отъ Элула до Элула.

B. Дни воспоминанія, относящіеся къ періоду Хасмонеевъ.

Эти полупраздничные дни установлены частью въ память побѣдъ надъ сирійцами или эллинистами, частью въ воспоминаніе о счастливыхъ событіяхъ, вызванныхъ ими, наконецъ, въ память о начинаніяхъ, иниціатива которыхъ принадлежала Хасмонеямъ.

I. Времена Іуды Маккавея.

1) Приготовленіе къ освященію храма и удаленіе языческихъ статуй—третьяго Кислева (20). Книга Маккавеевъ рѣзко отграничиваетъ *нечестивые* камни отъ *осквернênныхъ* камней алтаря. Сначала состоялось совѣщаніе относительно того, что дѣлать съ послѣдними. Было рѣшено не выбрасывать ихъ подобно тѣмъ камнямъ въ нечистое мѣсто, но хранить ихъ, пока не явится пророкъ (Илія), который и рѣшитъ этотъ вопросъ. Нечестивые камни были ничто иное, какъ каменныя статуи, воздвигнутыя въ предверіи храма по приказу сирійскихъ властей.

2) Освященіе храма (23). О немъ ничего нельзя замѣтить кромѣ того, что компилятивный характеръ схоліи въ данномъ случаѣ прямо бросается въ глаза. Она представляетъ совокупность всего того, что можно найти относительно этого полупраздника въ галахѣ и агадѣ, въ исторіи и сказаніяхъ. Основательное сообщеніе, будто торжество освященія храма потому длилось 8 дней, что церемонія освященія потребовала столько дней, доказываетъ, что схолія пользовалась хорошимъ источникомъ. ומה ראו לעשות הנוכה זו ח׳ ימים? אלא בימי מלכות יון נכנסו בית חשמונאי למקדש ולא מצאו בו אלא שמן אחד שהיה מונח בכהן גדול ולא היה בו כדי להדליק אלא יום אחד בלבד ונעשה בו נס והדליקו ממנו שמונה ימים שנה אחרת קבעום ועשאום ימים טובים בהלל והודאה. Она даже не подозрѣваетъ, что эта мотивировка противорѣчитъ приведенному тутъ же сказанію о чудесномъ масляномъ кувшинчикѣ, содержимое котораго хватило на 8 дней.

3) День смерти Антіоха Эпифана—28 Шебата (27). Схолія приводитъ здѣсь совершенно вѣрное объясненіе, будто день смерти этого тирана достоинъ воспоминанія потому, что онъ погибъ вдали отъ своей страны שמע שמועות רעות והלך לו ונפל במקומו. Это относится къ походу Антіоха противъ парѳянъ, во время котораго онъ самымъ позорнымъ образомъ погибъ. Этотъ источникъ, хотя въ общемъ очень сомнителенъ, не приводитъ однако легенды, по которой Антіохъ раскаивается въ своей жестокости по отношенію къ евреямъ и богохульствѣ и даетъ обѣщаніе обратиться въ іудейство—легенды, которую такъ риторически изукрасила вторая книга Маккавеевъ (с. 9). Первая книга Маккавеевъ также знакома съ этой легендой о раскаяніи Антіоха, но указываетъ на нее только, какъ на опровергнутую, (6, 12-13). За то, она еще не знаетъ посланія жителей Іерусалима къ александрійцамъ, а также четвертой книги Маккавеевъ.

4) День Никанора—13-е Адара (30). Какъ извѣстно, этотъ день воспоминанія упомянутъ въ обѣихъ книгахъ Маккавеевъ. День этотъ установленъ непосредственно для празднованія. Изображеніе сторонніхъ обстоятельствъ, напримѣръ, о томъ, какъ побѣдители поступили съ трупомъ Никанора, послужило основаніемъ для многочисленныхъ разукрашиваній, чѣмъ особенно отличается вторая книга Маккавеевъ и схолія къ Megillat-Ta'anit. Проще всего объ этомъ повѣствуетъ первая книга Маккавеевъ и оба Талмуда: голова и рука Никанора (или части ихъ) были выставлены около Іерусалима или на воротахъ его.

II. Времена Іонаѳана.

5) Исправленіе внутренней стѣны храма, разрушенной первосвященникомъ Алкимомъ—23 Мархешвонъ (17).

III. Времена Симона.

6) Завоеваніе Акры и изгнаніе эллинистовъ—23 Іяръ (5). Мѣсяцъ и день этого важнаго событія подтверждаются первой книгой Маккавеевъ (13, 51), точно также какъ и то, что день былъ установленъ правильно.

7) Занятіе крѣпости Бетъ-Цуръ—17 Сивана (7).

8) Истребленіе эллинистовъ—22 Элула (15).

9) Прекращеніе уплаты податей сирійскимъ царямъ—27 Іяра (6).

IV. Времена Іоанна Гиркана.

10) Разрушеніе самаритянскаго храма на горѣ Гаризимѣ—21 Кислева (22). Изъ прибавленнаго примѣчанія, что день Гаризима не можетъ быть днемъ общественнаго траура, слѣдуетъ, что побѣдѣ надъ конкурировавшимъ самаритянскимъ храмомъ придавалось очень важное значеніе. Самъ фактъ передается Флавіемъ (Древности XIII. 9, 1) такъ: Талмудъ (Іома 69 а) относитъ разрушеніе самаритянскаго храма и связанный съ этимъ день Александра ко временамъ Александра Великаго. Но такъ какъ достовѣрно извѣстно, что храмъ на горѣ Гаризимѣ стоялъ до временъ Гиркана, то это объясненіе оказывается сомнительнымъ.

11) Занятіе и разрушеніе Самаріи—25 Мархешвона (18).

12) Присоединеніе города Бетъ-Шеанъ и равнины Іезреель къ Іудеѣ—15 и 16 Сивана (8).

C. Дни воспоминанія о борьбѣ съ саддукеями.

Послѣ того, какъ независимость Іудеи была гарантирована отъ внѣшнихъ враговъ, внутри ея начался рядъ столкновеній между фарисеями и саддукеями, длившійся до смерти Александра. Фарисейское ученіе уже побѣдило въ царствованіе Саломеи-Александры и во всѣ дни, на которые падаютъ побѣды фарисеевъ надъ ихъ противниками или иныя счастливыя событія, были установлены новые праздники побѣды.

Но кажется, что въ позднѣйшее время, незадолго до начала революціи, были установлены дни воспоминанія о борьбѣ съ саддукеями, послѣ того, какъ саддукейскій первосвященникъ Анонъ бенъ-Анонъ успѣлъ на короткое время провести въ жизнь саддукейское ученіе и былъ устраненъ.

13) Пополненіе синедріона фарисейскими сочленами и изгнаніе изъ него саддукеевъ,—28 Тебета (24). Схолія даетъ для этого дня воспоминанія историческое, вѣрное въ главныхъ чертахъ, объясненіе. Она повѣствуетъ: до тѣхъ поръ синедріонъ былъ составленъ изъ однихъ саддукейскихъ сочленовъ, ибо ни одинъ фарисей не желалъ исполнять своихъ обязанностей вмѣстѣ съ саддукеями. Только Симонъ бенъ-Шетахъ былъ настолько не щепетиленъ, что согласился вступить въ члены его. Частыми ссылками на саддукейскій принципъ—признаніе исключительно библейскихъ установленій—Симонъ такъ стѣснилъ саддукеевъ, что они мало-по-малу стушевались. Царь Яннай и царица Саломея присутствовали на засѣданіяхъ. День, въ который синедріонъ былъ окончательно очищенъ отъ саддукейскихъ сочленовъ, былъ назначенъ днемъ воспоминанія. Этотъ разсказъ навѣрно не вымышленъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ названію дня. Отсюда слѣдуетъ, что фарисеи уже во времена Янная образовали синедріонъ, и что этотъ царь былъ нѣкогда въ хорошихъ отношеніяхъ съ ними.

14) Отмѣна саддукейскаго уложенія о наказаніяхъ,—14 Тамуза (10). Это одинъ изъ важныхъ дней воспоминанія. Схолія утверждаетъ это, какъ кажется, по свѣдѣніямъ изъ хорошаго источника. Саддукеи, для опредѣленія размѣровъ наказанія, пользовались, на ряду съ установленными Моисеемъ наказаніями, собственнымъ уложеніемъ, которое фарисеи послѣ своей побѣды отвергли, исходя изъ того, что традиціи не могутъ излагаться письменно.

15) День воспоминанія, установленный въ память фарисейскаго постановленія, въ силу котораго расходы по общиннымъ жертвоприношеніямъ должны были покрываться изъ государственной казны и такимъ образомъ носили государственный характеръ,—1—8 Нисонъ (1). Схолія даетъ въ отношеніи этого дня воспоминанія чрезвычайно важное разъясненіе, котораго нѣтъ въ соотвѣтсвующемъ мѣстѣ Талмуда (Менахотъ 65 a), а именно, будто правильные сборы пожертвованій на храмъ для образованія храмовой казны, изъ которой должны были погашаться расходы по общественнымъ жертвоприношеніямъ, *введены только вслѣдствіе побѣды фарисейскаго ученія надъ саддукейскимъ*. Это распоряженіе относится, судя по этому, только ко времени послѣ первой побѣды надъ саддукеями, т. е. ко времени царствованія Саломеи-Александры. Иниціаторами его были внѣ сомнѣнія Іуда бенъ-Тоббай и Симонъ бенъ-Шетахъ. Наряду съ этой ссылкой на хорошій источникъ въ схоліи приведено разъясненіе субъективнаго харатера, основанное на заблужденіи. Она объясняетъ продолжительность этого восьмидневнаго полупраздника тѣмъ, что побѣда надъ саддукеями была одержана только послѣ восьмидневныхъ преній. Нѣтъ ничего болѣе невѣрнаго. Восьмидневный срокъ празднества объясняется только чрезвычайной важностью одержанной побѣды, точно также, какъ и восьмидневное праздованіе освященія храма и празднованіе побѣды надъ саддукейскимъ ученіемъ о Пятидесятницѣ. Что можетъ быть важнѣе восторжествовавшаго, наконецъ, національнаго принципа?

16) День воспоминанія, установленный въ память одержанной надъ саддукеями побѣды въ вопросѣ о пищевыхъ жертвоприношеніяхъ, какъ приданѣ къ добровольнымъ пожергвованіямъ животными,—27 Мархешвона (19).

17) День воспоминанія, установленный по поводу недѣльнаго праздника отъ 8 Нисана до Пасхи (2), т. е. въ теченіе шести дней. Кажется, что этотъ день воспоминанія или, вѣрнѣе, эти дни воспоминанія установлены только во времена рабби Іоханана бенъ-Заккая.

18) День воспоминанія о неожиданномъ спасеньѣ преслѣдуемыхъ фарисейскихъ вѣроучителей—17 Адора (33).

19) День смерти Янная Александра (21). Какъ передаетъ Флавій, Яннай передъ своей кончиной былъ увѣренъ, что фарисеи послѣ смерти его отомстятъ ему за его жестокость (Древности XII 15, 5). Вѣроятно, день смерти его былъ сдѣланъ полупраздничнымъ днемъ, если и не во время царствованія его супруги, то позже, такъ какъ родъ Хасмонеевъ скоро заслужилъ своими дѣяніями всеобщую ненависть.

20) Дни воспоминанія о жертвоприношеніяхъ дровами—15 Аба (11). Изъ сообщенной съ варіантами мотивировки дня воспоминанія о жертвоприношеніяхъ дровами 15 Аба слѣдуетъ, что какой-то еврейскій царь запретилъ однажды послѣднее и что нѣкоторыя семьи отказались подчиниться этому распоряженію; на память объ этомъ установленъ день воспоминанія. Царь этотъ былъ, повидимому, Александръ Яннай, если судить по его саддукейской нетерпимости.

21) Упраздненіе обычая употреблять имя Бога въ оффиціальныхъ документахъ при обнародованіи года правленія первосвященниковъ, 3. Тишри (16). Талмудъ (Рошъ га-Шана 18 b) и послѣ него схолія мотивируютъ установленіе этого дня воспоминанія слѣдующимъ образомъ: при опредѣленіи числа называли въ документахъ имя правящаго первосвященника и число лѣтъ правленія съ прибавленіемъ имени Бога, какъ напримѣръ, בשנת כך וכך ליוחנן כהן גדול לאל עליון. Такое злоупотребленіе именемъ Бога законоучители считали святотатствомъ, а потому его запретили. И день, въ который послѣдовало это постановленіе, опредѣлили памятнымъ.

D. Дни воспоминанія изъ римской эпохи.

Только небольшое число дней этой эпохи записано въ сравненіи съ большимъ количествомъ побѣдныхъ дней изъ сирійскаго времени. Но и эти немногіе дни свидѣтельствуютъ о живомъ участіи представителей іудаизма и націи въ счастливыхъ событіяхъ этого времени. День смерти Ирода также относится къ этой группѣ, такъ какъ его ненавидѣли, какъ приверженца Рима.

22) День смерти Ирода—2 Шебатъ (25).

23) Вѣсть о смерти императора Кая Калигулы и неприведеніе въ исполненіе указа о постановкѣ въ храмѣ императорской статуи—22 Шебатъ (26).

24) Прекращеніе платежа податей римлянамъ—25 Сивана (9).

25) Изгнаніе римлянъ изъ Іудеи и Іерусалима—17 Элула (14). Этотъ день воспоминанія причинилъ критикамъ много хлопотъ и вызвалъ удивительнѣйшія объясненія, а между тѣмъ тутъ рѣчь идетъ буквально объ изгнаніи римлянъ изъ Іерусалима. Шестого Элула войско Агриппы положило оружіе предъ вождями зелотовъ Элеазаромъ бенъ-Ананіи и Менахемомъ; римскій гарнизонъ подъ командой Метиніуса продолжалъ еще нѣкоторое время борьбу—какъ долго, источникъ не объясняетъ—пока и онъ вынужденъ былъ сдаться (Флавій, Іуд. войны II. 17, 8 до 10). Къ 17 Элула въ Іерусалимѣ и собственной Іудеѣ не было уже ни одного римлянина. Этому весьма важному событію и посвященъ день воспоминанія.

26-27) Есть два дня относящіеся, повидимому, къ римской эпохѣ, а именно 16 Адара, въ воспоминаніе о началѣ сооруженія стѣнъ Іерусалима (32), ихъ

освященія 7 Элула (13). Эти дни должны быть относимы исключительно ко времени, когда сооруженіе стѣнъ считалось достопамятнымъ, такъ какъ этимъ днямъ придавали высшее значеніе прекращеніемъ оффиціальнаго траура.

28) День возстановленія собственнаго правосудія—24 Абъ (12), а по указанію Талмуда—въ мѣсяцѣ Тебетъ (Баба Батра 115 b). Въ Талмудѣ приведенъ мотивъ, а схолія имъ воспользовалась, но неудачно связываетъ его съ другимъ событіемъ. Она повѣствуетъ: во время греческаго деспотизма іудеямъ было навязано отправленіе правосудія по чужимъ законамъ; саддукеи ввели поэтому разнообразные законы о наслѣдствѣ и вслѣдствіе этого установили день воспоминанія.

E. Хронологически неизвѣстные дни воспоминанія.

29) Удивительное появленіе дождя послѣ продолжительной засухи, 26 Адаръ (34). Іерусалимскій Талмудъ (Таанитъ III, p. 66 b) и схолія приводятъ этотъ день въ связь съ исторіей Хони га-Меагель, который молилъ Бога о ниспосланіи дождя и молитва котораго была услышана. Появленіе дождя послѣ засухи видно изъ слѣдующаго.

30) Два дня въ воспоминаніе о совершенной публичной процессіи при молитвахъ о ниспосланіи дождя, 8 и 9 Адаръ (28). Относительно этихъ дней отсутствуетъ даже въ схоліи мотивъ, были ли услышаны молитвы. Она находитъ лишь страннымъ то, что игра на тромбонахъ сопровождала молитвы о дождѣ два дня подрядъ, и приходитъ къ заключенію, что оба дня введены въ разное время.

31) Два дня Пуримъ—14 и 15 Адаръ (31). По имѣющимся во II книгѣ Маккавеевъ даннымъ (15, 36) можно заключить, что эти дни начали праздновать позже, что день Никанора, 13 Адаръ, введенъ днемъ раньше дня Мардохея. Это замѣчаніе отсутствуетъ въ I книгѣ Маккавеевъ при упоминаніи о днѣ Никанора (7, 48-49). Отсюда слѣдуетъ, что во время составленія этой книги еще не праздновали Пуримъ, иначе авторъ ея не упускалъ бы изъ виду этого обстоятельства. Итакъ, праздникъ Пуримъ установленъ въ промежуткѣ времени составленія первой и второй книги Маккавеевъ. Первая появилась, вѣроятно, во время отпаденія хасмонейскихъ первосвященниковъ отъ фарисейства, такъ какъ она рекомендуетъ точное исполненіе закона первыхъ Маккавеевъ, выставляя его образцомъ, слѣдовательно это было, вѣроятно, при Аристовулѣ или Іоаннѣ Александрѣ.

F. Дни воспоминанія времени разсѣянія.

32) День Траяна—12 Адаръ (29).

33) Конецъ преслѣдованія Адріаномъ—29 Адаръ (35).

34) Малая пасха, 14 Іяръ (4).

35) Освященіе стѣнъ Іерусалима при Нехеміи (т. III стр. 93—97).

Вотъ побудительныя причины установленія дней воспоминанія. Я не стѣснялся пользоваться историческимъ календаремъ, заключающимся въ Мегилатъ-Таанитъ, какъ источникомъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія. Объясненіе о времени, въ которое достопамятные дни собирались и записывались, даетъ самъ Талмудъ. Иниціаторомъ этого собиранія былъ тотъ Элеазаръ б.-Ананіи,

который за нѣкоторыя дѣйствія получилъ огромную извѣстность. Богатые воспоминаніями полупраздники соблюдались еще въ третьемъ столѣтіи христіанской эры, какъ видно изъ Таанитъ II. 13, стр. 15 и Рошъ-Гашана p. 18 b. Только въ четвертомъ столѣтіи начали отличать дни Пурима и освященія храма отъ прочихъ; тѣ должны быть всегда соблюдаемы, эти же упразднены.

2.

Происхожденіе септуагинты и письмо Аристея.

I. Септуагинта.

Мое мнѣніе о времени составленія такъ называемой септуагинты и о побужденіи, которому она обязана своимъ происхожденіемъ, вообще такъ сильно уклоняется отъ понятія, которое существовало по этому вопросу во времена Скалигера, Ричарда Симона, Гумферія Годи и Франкеля („Предварительное изученіе LXX"), что мнѣ неизбѣжно приходится подробно объяснить это. Особенно двѣ точки зрѣнія должны быть доказаны въ точности: 1) что септуагинта возникла именно по желанію одного лагида; 2) что этотъ лагидъ былъ не Птоломей II съ прозвищемъ Филадельфусъ, а VI съ прозвищемъ Филометоръ; слѣдовательно, происхожденіе LXX относится не къ началу третьяго, а къ срединѣ второго столѣтія до-христіанской эры. Я поэтому принужденъ отстаивать это съ двухъ сторонъ; во-первыхъ противъ неискоренимаго положенія, что Филадельфусъ былъ воспріемникомъ септуагинты, и затѣмъ противъ утвержденія Франкеля, что септуагинта естественно возникла изъ переводовъ перикоповъ въ синагогахъ. Послѣ этого краткаго введенія я приступаю къ защитѣ перваго тезиса: Пятикнижіе было переведено на греческій языкъ по желанію одного лагида. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующіе моменты:

1) Хотя имѣется полное основаніе считать объясненіе Аристея о происхожденіи LXX фикціей, вѣрнѣе тенденціознымъ сочиненіемъ, и лишать его всякаго историческаго значенія, такъ какъ письмо Аристея могло возникнуть около 20 послѣ христіанской эры, однако какое либо фактическое основаніе должно было ему служить исходной точкой. Если бы LXX не возникла нѣкоторымъ образомъ по желанію свыше и постепенными работами александрійскихъ метаргумовъ, какъ это утверждаетъ Франкель въ „Предварительномъ изученіи", то едва ли пришло бы какому-нибудь писателю на умъ не только придумать главный фактъ, но и предлагать его такимъ читателямъ, которые прежде всего имѣли право считать это фантазіей. Арамейскій таргумъ Пятикнижія у палестинцевъ и вавилонцевъ еще пользовался высшимъ уваженіемъ, чѣмъ LXX, и однако никому не пришло на умъ прославлять его происхожденіе помпой королевскаго мецената. Только сирійскіе христіане приписывали происхожденіе канонизованнаго въ ихъ церкви пешито почти такимъ же образомъ королю Абгору изъ Эдессы, который будто бы приглашалъ для этой цѣли переводчиковъ изъ Іудеи (Bar Hebraeus Praef. къ своему Horreum mysteriorum и Scholia къ псал. X); но это, очевидно, искаженная копія съ письма Аристея. Вѣроятнѣе всего то, что авторъ письма Аристея пользовался циркулировавшимъ среди египетскихъ іудеевъ преданіемъ о греческомъ переводѣ, многократно его при-

крашивалъ и отличался особенной изобрѣтательностью въ собственныхъ именахъ, оставленныхъ преданіемъ его произволу.

2) Филонъ, которому преданіе Аристея было вполнѣ ясно, прибавляетъ, что египетскіе іудеи еще при немъ ежегодно праздновали на островѣ Фаросъ день окончанія LXX (Vita Mosis II. 7 M I. 140). Никто вправѣ не станетъ отрицать, что Филонъ достовѣрный свидѣтель событій своего времени. Если такимъ образомъ у александрійскихъ іудеевъ такъ живо воспоминаніе о переводѣ, то его окончаніе или передача должны были послѣдовать въ опредѣленный день. Если же допустить, что переводъ возникъ отъ постепеннаго перевода въ синагогахъ, то не было бы никакой побудительной причины ни для введенія памятнаго дня, ни для его торжественнаго празднованія.

3) Это предположеніе подтверждается и съ другой стороны. Одно, какъ мы увидимъ, весьма важное палестинское извѣстіе, относящееся къ этому вопросу, разсказываетъ, что въ Іудеѣ считали день появленія греческаго перевода несчастнымъ, подобно тому дню, въ который божество было замѣнено золотымъ тельцемъ, потому что смыслъ Торы не можетъ быть съ достаточной точностью передаваемъ на другомъ языкѣ. Вслѣдствіе важнаго значенія этого аргумента я привожу это мѣсто цѣликомъ: מעשה בהמשה זקנים שכתבו לתלמי המלך את התורה יונית והיה היום קשה לישראל כיום שנעשה בו העגל שלא היתה התורה יכולה להתרגם כל צרכה. (Massechet Sepher Thora ed. Kirchheim I, Soferim I, 7). Я считаю это извѣстіе весьма древнимъ, а потому и историческимъ. Оно происходитъ отъ древней борайты. Оно древнее, потому что находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ апоѳеозомъ септуагинты, которую р. Іуда б.-Ілаи, во второй половинѣ второго христіанскаго столѣтія, позаимствовалъ, очевидно, въ Александріи изъ легенды Аристея; (Мегила 9; ср. Предварительное изученіе Франкеля 27). Разъ авторитетомъ Іуды признано удивительное происхожденіе LXX, никто не осмѣлится открывать въ немъ недостатки; слѣдовательно, то извѣстіе древнѣе р. Іуды. Не подозрѣвая противорѣчія, обѣ реляціи о происхожденіи LXX, осуждающія и превозносящія, находятся въ этомъ источникѣ въ тѣсной связи между собой. Далѣе слѣдуетъ принять во вниманіе, что, согласно тому извѣстію, въ немъ работали *пять переводчиковъ*, число которое въ сравненіи съ 72 переводчиками преданія Аристея безспорно можетъ быть признано историческимъ. Число семьдесятъ два возникло, очевидно, изъ предположенія о существованіи двѣнадцати колѣнъ, изъ которыхъ каждое посылало по шести переводчиковъ. Здѣсь преданіе обнаруживается во всей своей нелѣпости, и авторъ письма Аристея былъ настолько несообразителенъ или такъ мало разсчитывалъ на критику, что приводитъ имена всѣхъ семидесяти двухъ переводчиковъ съ указаніемъ колѣнъ, къ которымъ они принадлежали. Пять переводчиковъ скорѣе соотвѣтствуетъ истинѣ, потому что Пятикнижіе могло, можно даже сказать, должно было имѣть при раздачѣ работы пять сотрудниковъ. Кромѣ того, текстъ септуагинты, вопреки многократнымъ передѣлкамъ, показываетъ намъ пять различныхъ переводчиковъ. Франкель въ своемъ сочиненіи (Вліяніе палестинской экзегетики на александрійскую герменевтику) приходитъ къ окончательному рѣшенію по этому вопросу, приводя подробнѣйшія доказательства, что пять человѣкъ, разно одаренныхъ способностями и знаніемъ еврейскаго языка, работали надъ греческимъ переводомъ Пятикнижія. Наконецъ, нельзя не принять во вниманіе, что благочестивые евреи Палестины, судя по направленію, какое тамъ приняла духовная жизнь,

должны были считать переводъ Торы національнымъ несчастьемъ, и лишь позже, гораздо позже, когда стали замѣчать огромное вліяніе, произведенное греческой Библіей на распространеніе іудейскаго ученія среди язычниковъ, можно было съ нею помириться и признать ее возникшей чудомъ. Если извѣстіе въ древней борайтѣ, вслѣдствіе приведенныхъ трехъ обстоятельствъ, именно противорѣчія съ письмомъ Аристея, числа пяти герменевтиковъ и отвращенія въ Іудеѣ къ переводу, имѣетъ историческій характеръ, то и четвертый моментъ долженъ имѣть огромное значеніе, т. е. что день появленія перевода считался въ Іудеѣ несчастнымъ. Содержащееся въ позднѣйшемъ сочиненіи замѣчаніе, основанное, повидимому, на преданіи, опредѣляетъ этотъ день, между прочими dies nefasti, восьмымъ Тебетъ (Halachot Gedolot Ta'anit, напечатано въ концѣ Мегилатъ-Таанитъ).

Если эти моменты явно говорятъ въ пользу того, что окончаніе септуагинты послѣдовало вслѣдствіе побужденія свыше и главнымъ образомъ, какъ это оказалось частью изъ предыдущаго, частью еще окажется изъ послѣдующаго, участіемъ одного изъ египетскихъ государей, то прежде всего возникаетъ вопросъ, который изъ лагидовъ принималъ въ этомъ участіе. По свидѣтельству автора письма Аристея и тѣхъ, которые были послѣ него, какъ Филонъ, Псевдо-Аристовулъ, Флавій и большинство отцевъ церкви, это былъ Птоломей Филадельфусъ, который, желая пополнить свою библіотеку, побуждалъ къ переводу Пятикнижія, по мнѣнію отцевъ церкви всего ветхаго завѣта. Но въ дѣйствительности достойно вниманія то, что критики, справедливо отвергая все письмо Аристея, считая его миѳомъ, все еще на основаніи же этого миѳическаго источника Аристея, утверждаютъ фактъ возникновенія LXX во время Филадельфуса! Но въ то время, какъ нѣтъ ни малѣйшаго доказательства ни юдофильства этого короля, ни вообще благопріятнаго такому предпріятію времени, упускаютъ изъ виду другого короля, благоволеніе котораго къ іудеямъ и его знакомство съ іудаизмомъ документально подтверждаются исторически. Съ этимъ фактомъ происходитъ такая же метаморфоза, какъ съ дружбой Антонина къ Р. Іудѣ; тщательно ища среди Антониновъ юдофильскаго императора, они упускаютъ изъ виду Александра Северуса, благосклонность котораго къ іудеямъ констатирована. Поэтому я выставляю второй тезисъ. Септуагинта была переведена по побужденію Птоломея Филометора. Слѣдующія основанія дѣлаютъ этотъ тезисъ несомнѣннымъ.

1) Филометоръ былъ горячимъ приверженцемъ іудеевъ, потому что они дружно его поддерживали въ его войнахъ противъ селевкидовъ и его брата Фискона. Не только Флавій разсказываетъ, что онъ назначилъ своими полководцами обоихъ іудейскихъ священниковъ Оніаса и Дозитеоса и предоставилъ имъ управленіе своимъ государствомъ, но и юдофобъ Апіонъ подтверждаетъ это въ своемъ пасквилѣ противъ іудеевъ (Iosephus contra Apionem II. 5).

2) Филометоръ съ живѣйшимъ участіемъ выслушивалъ религіозный споръ между іудеями и самаритянами Александріи по вопросу о святости храма въ Іерусалимѣ или на Гаризимѣ, откуда именно и вытекаетъ его участіе въ религіозныхъ спорахъ іудеевъ.

3) Филометоръ разрѣшилъ сооруженіе храма Оніаса въ своемъ государствѣ.

4) Въ первомъ посланіи изъ Іерусалима къ египетскимъ іудеямъ священникъ *Іуда Аристовулъ* называется учителемъ короля. Итакъ этотъ іудей

могъ быть учителемъ только Птоломея VI Филометора. Только этотъ король могъ интересоваться книгой, за содержаніе которой іудеи въ Палестинѣ жертвовали собою.

Сообразуясь со всѣми моментами, придемъ къ заключенію, что только книга Аристея высказывается за возникновеніе септуагинты при Филадельфусѣ, равно какъ Филонъ и Флавій, находившіеся подъ вліяніемъ преданія Аристея и отцевъ церкви, сохранившихъ и прикрашивавшихъ это преданіе по побужденіямъ догматическаго свойства. За Филометора же говоритъ весь духъ его времени.

3.

Іудейско-эллинистическая литература.

Въ результатѣ перевода Библіи на греческій языкъ явилось новое литературное направленіе, называемое *эллинистическимъ*. Оно, если даже исключить сочиненія Филона, достаточно содержательно и оставило весьма замѣтный слѣдъ. Любовь многихъ язычниковъ къ іудаизму и христіанству (т. е. іудаизму въ другой формѣ) вызвана именно этой литературой. Произведенія этой литературы мы будемъ распредѣлять по *мѣсту ихъ нахожденія*, по ихъ *содержанію* и *формѣ*.

I. Сохранившіеся у Александра Полигистера отрывки историческихъ или поэтическихъ обработокъ библейскаго матеріала:

1) Историческіе отрывки *Эвполема, Дмитрія, Арта Яна, Клеодома* или *Мальха* и *Аристея*.

2) Отрывки драмы поэта *Езекіеля*.

3) „ стихотвореній, описывающихъ Авраама, Іосифа и Іерусалимъ, *Филона* Старшаго.

4) „ героической поэмы Теодота, изображающей похищеніе Дины и сраженіе сыновей Якова съ сихемлянами.

Большинство этихъ отрывковъ приведено въ Praeparatio Evangelica IX. 17—39 Эвзебія, частью въ Stromata I Клеменса Александра и собрано въ Fragmenta historicorum graecorum III. 207—230 Миллера.

II. Апокрифическія сказанія, писанныя чисто греческимъ слогомъ, но съ библейскимъ колоритомъ:

1) Книга Премудрости.

2) Вторая книга Маккавеевъ.

3) Третья книга Маккавеевъ.

4) Добавленіе къ книгѣ Эсеири.

Остальные апокрифы, въ родѣ письма Беруха, письма Іереміи и Сусанны въ такой же степени не заслуживаютъ вниманія, какъ и „Юдиѳь“ и „Тобіасъ“, потому что совершенно неизвѣстно, греческій ли это оригиналъ или переводы. То же самое относится и къ такъ называемымъ *псалмамъ Соломона*.

III. Къ поэтическимъ произведеніямъ примыкаютъ также *псевдо-эпиграфическія* стихотворенія другихъ еврейскихъ поэтовъ, изъ которыхъ наиболѣе значительны по своему объему и качеству:

1) *Еврейскія стихотворенія Сивиллы*.

2) *Псевдо-Фокилида*.

IV. Псевдо-эпиграфическія сочиненія въ прозѣ:

1) *Псевдо-Гекатей* изъ Абдеры, историческое и поэтическое произведеніе.

2) *Псевдо-Аристей* или посланіе Аристея къ Ѳилократу de lege divino.

3) Четвертая *книга Маккавеевъ*, касающая господства разума или *псевдо-Іосифъ*.

4) *Псевдо-Аристовулъ*, философское сочиненіе со стихами.

Трудно точно опредѣлить *возрастъ* всѣхъ этихъ частью полныхъ, частью отрывками сохранившихся сочиненій, такъ какъ только два изъ нихъ снабжены хронологическими указаніями, да и тѣ дошли до насъ искаженными такими противорѣчіями, что неизвѣстно, принадлежатъ ли эти стихотворенія къ третьему или второму вѣку до Р. Х. Для класса I можно, по крайней мѣрѣ, установить хронологически Terminus ad quem; какъ-разъ эти отрывки сохранились у Александра Полигистера, а о немъ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, что онъ жилъ вольноотпущенникомъ въ Римѣ во времена Суллы, между 82 и 60 гг. (сравни Fragm. hist. Graecc. III. p. 206 и сл. Мюллера). Эти сочиненія во всякомъ случаѣ составлены не позже перваго столѣтія до Р. Х.; для остальныхъ нельзя установить даже такихъ узкихъ хронологическихъ рамокъ. Возрастъ послѣднихъ трехъ группъ можно установить только по указаніямъ, которыя выдаютъ извѣстные хронологическіе моменты или факты, или же по выдержкамъ изъ нихъ, встрѣчаемымъ въ болѣе позднихъ сочиненіяхъ. Вспомогательнымъ средствомъ для опредѣленія приблизительной хронологіи можетъ послужить и направленіе большинства изъ этихъ произведеній, носящихъ, какъ это будетъ доказано, апологетическій или полемическій характеръ, или же представляющихъ смѣсь того и другого. Само собой, названные авторы, частью анонимные, частью псевдонимные, были евреями и усердными приверженцами своего ученія. Апологія своей вѣры, если она проявляется въ сочиненіи, указываетъ само собой на предшествовавшія нападки на нее. Если возможно хронологически опредѣлить послѣднія, то для апологическаго сочиненія можно установить Terminus a quo. Напротивъ, изслѣдованія отношеній отдѣльныхъ сочиненій къ переводу септуагинты, которыя я самъ устанавливалъ въ прежнихъ изданіяхъ, не имѣютъ, какъ я теперь въ этомъ убѣдился, никакого основанія. Не говоря уже о времени возникновенія единственно вѣрнаго въ данномъ случаѣ греческаго перевода Пятикнижія, а также о томъ, пользовался ли этотъ переводъ каноническимъ авторитетомъ въ глазахъ позднѣйшихъ *писателей*, рабски придерживавшихся его фразеологіи,—слѣдуетъ признать, что этотъ хронологическій моментъ въ самомъ лучшемъ случаѣ могъ бы дать для сочиненій, служащихъ предметомъ сравненія, только то, что само собой разумѣется, а именно, что такого рода сочиненія относятся къ періоду послѣ возникновенія LXX.—Исторически доказана только литературная дѣятельность египетскихъ или, вѣрнѣе, александрійскихъ евреевъ во времена Птоломея VII (Эвергета II); на 38 году царствованія его, младшій Сирахъ переселился въ Египетъ и нашелъ уже у александрійскихъ евреевъ своего рода литературу. О болѣе древнихъ временахъ мы не имѣемъ никакихъ памятниковъ. Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, мы приступимъ къ хронологическому изслѣдованію сочиненій приведенной выше іудейско-эллинистической литературы, и

начнемъ съ двухъ писателей, извѣстныхъ по имени и представляющихъ, повидимому, хронологическіе моменты, именно съ *Эвполема* и *Дмитрія*.

1) *Эвполемъ*. У Клеменса Александрійскаго сохранилось хронологическое указаніе объ іудейско-эллинистическомъ писателѣ Эвполемѣ, которое на первый взглядъ кажется настолько сомнительнымъ и противорѣчивымъ, что изслѣдователи до сихъ поръ тщетно старались выяснить его. Указаніе гласитъ (Stromata I. 21): „съ того времени, какъ Моисей вывелъ евреевъ изъ Египта, до указаннаго срока, прошло 2580 лѣтъ“. Во всякомъ случаѣ безразлично, какой способъ счисленія примѣнялъ Эвполемъ, чтобы отъ Адама, или отъ сотворенія міра, до 5-го года царствованія царя Дмитрія, насчитать 5149 лѣтъ и отъ выселенія евреевъ до того же года 2850 лѣтъ. Это указаніе не можетъ быть принято во вниманіе при изслѣдованіи. Трудность заключается въ томъ, что писатель не указываетъ, считалъ ли онъ до 5-го года царствованія Дмитрія I *Сотэра*, или же сына его, Дмитрія II *Никатора*. Первый царствовалъ отъ ноября 162-го года до августа 150 года. Начало царствованія второго неизвѣстно въ точности. Для этого опредѣленія существуетъ только одинъ источникъ—первая книга Маккавеевъ (10, 67): „и въ 165 году (по эрѣ Селевкидовъ) сынъ Дмитрія прибылъ съ Крита въ страну своихъ отцовъ“. (Ассиро-Вавилонія); это соотвѣтствуетъ году 148/177. Пятый годъ царствованія Дмитрія I падаетъ на 158/157, царствованіе же второго—на 144/143 или 169 по эрѣ Селевкидовъ. Къ тому же окажется еще противорѣчіе, если добываться совпаденія 5-го года съ 12-мъ одного изъ Птоломеевъ. Если подразумѣвать подъ нимъ Птоломея VI Филометора, царствованіе котораго началось въ 181 году, то 12-й годъ его царствованія приходится на 170-й годъ. Это лишено всякаго основанія. Такимъ образомъ рѣчь, должно быть, идетъ о его братѣ Птоломеѣ VII (Эвергетъ II Фисконъ), который совмѣстно съ Филометоромъ царствовалъ съ 170 года. Правда, 12-й годъ его царствованія приблизительно совпадаетъ съ 5 годомъ Дмитрія I, совершенно точно, собственно говоря, съ 6-ымъ годомъ.

Если пятый годъ царствованія Дмитрія II, вслѣдствіе его важности для палестинскихъ евреевъ, какъ и для евреевъ другихъ странъ, послужилъ исходнымъ пунктомъ, то это еще не значитъ, что онъ писалъ именно въ этомъ 169, по эрѣ Селевкидовъ = 143 до Р. Х.; онъ съ тѣмъ же успѣхомъ могъ написать свою книгу 10 или 20-ю годами позже. Болѣе того, онъ долженъ былъ писать позже, такъ какъ для того, чтобы совершенно точно опредѣлить время, онъ счелъ своимъ долгомъ сдѣлать къ указаннымъ имъ цифрамъ добавку, что тогда царствовалъ именно такой-то Птоломей. Такая точность со стороны современника была бы излишней роскошью. Кромѣ того, этотъ Птоломей, должно быть, уже успѣлъ умереть къ тому времени, потому что Эвполемъ въ противномъ случаѣ выражался бы иначе. Такъ какъ Птоломей Фисконъ умеръ въ 118 г. до Р. Х., то, слѣдовательно, Эвполемъ *могъ писать только позже*. Весьма вѣроятно, что Эвполему было извѣстно посланіе къ египетскимъ евреямъ, относящееся къ 124 г. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что *Эвполемъ жилъ въ Египтѣ во времена Птоломеевъ*, ибо иначе, зачѣмъ сталъ бы онъ упоминать о Птоломеѣ? Но для александрійскихъ и египетскихъ читателей, которымъ ничего не было извѣстно о какомъ-то давно умершемъ царѣ Дмитріи, необходимо сдѣлать это примѣчаніе, чтобы ознакомить ихъ съ нимъ. Заключеніе Фрайденталя, будто сочиненіе Эвполема составлено не въ Египтѣ и собственно не въ Сиріи, потому что въ первомъ

случаѣ онъ не сталъ бы опредѣлять время по сирійскимъ, а во-вторыхъ по царямъ—невѣрно. Эвполемъ долженъ былъ воспользоваться годами царствованія египетскаго царя, какъ хронологической датой, вслѣдствіе ея важности и извѣстности египетскимъ читателямъ. Такимъ образомъ, онъ, несомнѣнно, былъ египетскимъ, или александрійскимъ евреемъ.—Онъ писалъ варварскимъ греческимъ языкомъ.

Сочиненіе Эвполема о еврейскихъ царяхъ (какъ, кажется, и о пророкахъ) имѣло своей цѣлью *апологію*, потому что онъ прославляетъ въ немъ Моисея, какъ мудреца и изобрѣтателя азбуки, которую финикіяне будто бы переняли отъ евреевъ, а греки отъ финикіянъ. Особенно онъ восхваляетъ царя Соломона, сообщаетъ его подложную корреспонденцію съ царемъ египетскимъ Іафресомъ и царемъ Тиромъ и подробно описываетъ сооруженіе храма Соломонова. Къ чему это? Это возможно объяснить только апологетическими цѣлями его; апологія эта, какъ кажется, направлена противъ какого-то греческаго писателя, который всѣхъ евреевъ вмѣстѣ взятыхъ изобразилъ, какъ невѣжественныхъ варваровъ. Намъ ничего неизвѣстно о какомъ-нибудь антисемитскомъ писателѣ до *Аполлонія Молона*, который бы такъ унижалъ еврейскую древность. Послѣдній выставлялъ въ своемъ сочиненіи Моисея волшебникомъ и обманщикомъ, усматривалъ въ его законахъ безчеловѣчность и безбожіе и считалъ евреевъ самымъ ограниченнымъ и глупымъ изъ варварскихъ народовъ, который не сможетъ внести ни малѣйшаго вклада въ дѣло улучшенія жизни. (Jos. c. Apionem II. 14). Возражая ему, Эвполемъ и отмѣчаетъ, что Моисей изобрѣлъ азбуку, которой пользуются греки, что Соломонъ выстроилъ великолѣпный храмъ и послалъ золотую колонну царю тирскому. Всѣ встрѣчающіеся тамъ преувеличенія и анахронизмы находятъ объясненіе въ апологетическомъ характерѣ сочиненій. Эвполемъ писалъ, такимъ образомъ, для греческихъ писателей и писалъ, очевидно, послѣ *Аполлонія Молона*, котораго Александръ Полигистеръ также приводитъ въ цитатахъ. Раньше уже указано, что Флавій считалъ какъ Эвполема, такъ и хронолога Дмитрія, языческими писателями, хотя оба выказываютъ огромное познаніе по библейской исторіи (c. Apion. I. 23).

2) *Дмитрій*. Его сочиненія содержатъ хронологическія указанія относительно іудейскихъ и, вѣроятно, израильскихъ царей. Онъ также приводитъ хронологическія указанія, полныя неясностей и противорѣчій. Трудно опредѣлить характеръ сочиненій Дмитрія. Они даютъ мелочно-точную хронологію годовъ жизни патріарховъ и вычисляютъ годы жизни потомковъ іакова и Моисея съ точностью до мѣсяца, также точно они указываютъ въ годахъ и мѣсяцахъ время отъ изгнанія десяти колѣнъ Іуды до Птоломея. Въ этомъ, однакожъ, также проявляется тенденція.

3) Нельзя за то ошибиться относительно апологетическаго характера сочиненій третьяго писателя *Артапана*, работавшаго по древней исторіи евреевъ. Моисей выставленъ у него героемъ, побѣдившимъ эѳіоповъ. Мало того, Моисей не только ввелъ государственный распорядокъ въ Египтѣ, но и училъ людей многому полезному, и изобрѣлъ кораблестроеніе, машины, египетское оружіе, водопроводы и даже философію. Это очевидная тенденція, направленная противъ хулителей еврейскихъ патріарховъ и законодателей, въ особенности, *противъ Аполлонія Молона*.

4) *Езекіель*, драматургъ, отъ драмы котораго сохранились значительные

отрывки у Александра Полигистера и Эвзебія. Содержаніе его сочиненія не даетъ никакихъ указаній о времени его составленія. Поэтому о нихъ можно сказать только то, что онъ писалъ до Александра Полигистера.

5) Поэтъ Теодотъ былъ навѣрно старше двухъ предшествовавшихъ писателей. Онъ восхваляетъ Сихемъ, называетъ его священнымъ городомъ и передаетъ по Пятикнижію исторію, связанную съ именемъ Сихема. Онъ явно старается выдвинуть Сихемъ и храмъ на горѣ Гаризимъ за счетъ іерусалимскаго святилища; его стихотворенія носятъ безусловно апологетическій характеръ. Очевидно, Теодотъ былъ безспорно самаритяниномъ и въ своихъ стихахъ старался прославить свтилище хутянъ въ пику его хулителямъ. Отсюда можно установить время его дѣятельности. Храмъ на горѣ Гаризимъ былъ разрушенъ Гирканомъ I раньше 112 г., и съ тѣхъ поръ больше не отстраивался. Слѣдовательно, Теодотъ писалъ, должно быть, до этого времени, но онъ старался выдвинуть преимущества сихемскаго святилища передъ греческими писателями. Судя по этому, онъ писалъ въ то время, когда между самаритянами и евреями возгорѣлся споръ по поводу того, Сихемъ или Іерусалимъ имѣетъ большее право претендовать на святость. Споръ этотъ восходилъ до Птоломея VI Филометора. Такимъ образомъ сочиненія Теодота относится къ серединѣ II вѣка.

6) Тоже самое слѣдуетъ сказать и о писателѣ-прозаикѣ, отрывокъ изъ котораго Эвзебій приводитъ изъ цитатъ Полигистера, называя его *Эвполемомъ*. Фрейденталь неоспоримыми доводами установилъ, что этотъ отрывокъ не можетъ принадлежать, какъ раньше полагали, Эвполему, но обязанъ своимъ происхожденіемъ какому то самаритянину. Этотъ отрывокъ называетъ гору Гаризимъ „горой Господнею“ и прибавляетъ, что на ней стоялъ храмъ. Авторъ, самаритянинъ, хотя и восхваляетъ познанія Авраама, которыя отъ него перешли къ вавилонянамъ, склоненъ, однако, косвеннно прославлять самаритянскій храмъ на горѣ Гаризимъ.

7) Немногіе неясные стихи, приводимые Эвзебіемъ (гл. 20 с. 421; 24, 430), и приписываемые Филону, прославляютъ Іерусалимъ и его богатство водой. Быть можетъ, они представляютъ поэтическое возраженіе Ѳеодотову панегирику Сихема. Флавій называетъ этого Филона *„старшимъ“* (с. Apionem I. 23), считая его, какъ и Дмитрія и Эвполема, греческимъ писателемъ, который только немного грѣшилъ противъ истины (библейскаго разсказа). Этотъ „старшій“ Филонъ, если онъ дѣйствительно полемизируетъ съ Ѳеодотомъ, должно быть, тоже писалъ во время Филометора. Судя по этому, онъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ писателямъ эллинистическо-іудейской литературы.

8) Ничтожный отрывокъ о происхожденіи Іова, приведенный въ цитатахъ подъ именемъ *Аристея* или *Аристая*, не *даетъ* вслѣдствіе своей ничтожности и незамысловатости содержанія никакой точки опоры для опредѣленія времени его возникновенія. Единственное отступленіе отъ книги Іова въ этомъ отрывкѣ то, что здѣсь друзья Іова представлены властителями: Элифасъ—*царемъ* тайманитовъ, Бильдадъ—*тираномъ* савхейцовъ (שוחי) и Зафаръ—*царемъ* минейцевъ. Имѣло ли и это сочиненіе панегирическую тенденцію?

Для приводимыхъ до сихъ поръ произведеній можно было указать, по крайней мѣрѣ, самый поздній срокъ, а именно, что они писаны не позже второй половины I столѣтія до Р. Х.

Для остальныхъ нельзя установить даже terminus ad quem, и намъ, какъ сказано, прійдется обратиться къ предположеніямъ; однако, хронологію нѣкоторыхъ изъ нихъ можно установить приблизительно.

9) *Псевдо-Гекатай.* Отъ него сохранилось нѣсколько отрывковъ. Еще въ III столѣтіи въ обращеніи было сочиненіе, въ подлинности котораго сомнѣвался уже Ереній Филонъ изъ Библоса (Origenes contra Celsum I. 15). Это сочиненіе цитируется также Флавіемъ (с. Apionem I. 12), который приводитъ изъ него большой отрывокъ о переселеніи евреевъ въ Египетъ во времена Птоломея I, о страданіяхъ евреевъ подъ владычествомъ персовъ, о стойкости евреевъ, объ Іерусалимѣ, о храмѣ и богослуженіи. Въ этой же книгѣ содержится то, что приведено у Флавія по поводу отношенія Александра Великаго къ евреямъ (тамъ же II. 4). К. Мюллеръ не безъ основанія отрицаетъ подлинность этого сочиненія, руководствуясь, главнымъ образомъ, результатами сравненія мнѣнія Діодора о настоящемъ Гекатаѣ. Эти отрывки приведены въ Fragm. hist. Graec. II, с. 385, 393 и сл.

10) Слѣдующимъ въ ряду эллинистически-іудейскихъ писателей является авторъ части третьей книги сивиллиныхъ стиховъ. Сивиллины стихи вообще появились со времени римскаго господства. Въ настоящее время всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что, по крайней мѣрѣ, стихи 45—92 третьей книги, возвѣщающіе наступленіе мессіанскаго времени. относятся ко времени стараго тріумвирата и волшебной власти Клеопатры надъ Антоніемъ, т. е. ко времени битвы при Акціумѣ (31), когда Антоній на половину уже порвалъ съ Октавіаномъ (смотри примѣчаніе Фридлиба и Александра къ ихъ изданію сивиллиныхъ стиховъ; они вполнѣ основательно предполагаютъ, что первый отрывокъ начала сивиллиныхъ стиховъ относится къ третьей книгѣ).

11) *Псевдо-Фокилидъ.* Профессоръ Яковъ Бернай издалъ великолѣпную и полную монографію относительно дошедшаго до насъ подъ именемъ Фокилида стихотворенія (Программа еврейско-теологической семинаріи 1856 г.). Онъ неопровержимо доказалъ, что авторъ поэмы былъ евреемъ, и что онъ по указаніямъ Пятикнижія составилъ и въ стихахъ описалъ эпоху іудаизма, съ одной стороны избѣгая даже ничтожнѣйшей полемики съ язычествомъ. а съ другой, не упоминая совершенно о ритуальныхъ предписаніяхъ Пятикнижія. Бернай не указываетъ времени составленія стихотворенія, потому что въ послѣднемъ нѣтъ никакихъ указаній для этого. Она относится къ періоду послѣ Птоломея Филометора, приблизительно отъ 150 до Р. Х. и 70 послѣ.

12) За этимъ слѣдуетъ письмо псевдо-Аристея относительно времени возникновенія LXX. Это одна изъ немногихъ книгъ іудейско-эллинистической литературы, которая сохранилась полностью; это сочиненіе составлено несомнѣнно во времена императора Тиверія.

13) Книга *Премудрости*—Sapienta. Полемическая тенденція этой книги ясна, но относительно времени ея составленія существуетъ много неясностей. Критика уже отклонила предположеніе, будто она принадлежитъ перу Соломона или Зерубавеля, Сираха или Филона, и остановилась на довольно неопредѣленномъ заключеніи, что анонимный авторъ ея жилъ во времена Птоломеевъ. Эвальдъ успокаивается на этомъ предположеніи (III. 554); Целлеръ склоненъ отнести время ея возникновенія къ еще болѣе раннему періоду. (Исторія греческой философіи III. 2. стр. 582). Вильямъ Дж. Динъ ограничиваетъ время ея составленія 217—145 г., исходя, впрочемъ, изъ ложныхъ допущеній (текстъ и

комментаріи къ the book of visdom 1881 p. 32). При этомъ онъ упускаетъ изъ виду, что „премудрость Соломонова“ возстаетъ не только противъ идолопоклонства, но и рѣзко нападаетъ на обоготвореніе людей и особенно властителей. Слѣдовательно, онъ знакомъ уже съ обожествленіемъ римскихъ императоровъ и, какъ кажется, намекаетъ также на безумныя притязанія на божественность Калигулы. Нѣкоторые находили въ книгѣ Премудрости слѣды ессейскаго ученія и очень скоро рѣшили, что авторъ ея принадлежитъ къ египетскимъ терапевтамъ (Эйхгорнъ, Гефрэреръ и Дэйне, а въ новѣйшее время также и Целлеръ). Но прежде всего здѣсь можно найти слѣды христіанства. Это не значитъ. однако жъ, что авторъ ея былъ христіаниномъ. Слѣдуетъ скорѣе допустить, что христіанскіе переписчики исказили ее и внесли въ нее свою догматику. Во всякомъ случаѣ книга Премудрости является прекраснымъ твореніемъ александрійско-іудейскаго духа, появившимся въ свѣтъ непосредственно послѣ гоненій, доставшихся на долю александрійской общины во времена Калигулы, и имѣвшимъ своей цѣлью поддержать приниженныхъ евреевъ и устыдить язычниковъ ихъ порочностью. *Авторъ ея былъ, во всякомъ случаѣ, болѣе поэтомъ, чѣмъ философомъ.*

14) Съ еще большей достовѣрностью можно сказать, что третья книга *Маккаеевъ* относится къ тому же времени. Эвальдъ догадался, что она сочинена во времена Ирода и, по его мнѣнію, книга должна была представить пророческую для Кая историческую картину (Исторія народа израильскаго III стр. 535—538) и оказывается лишь отрывкомъ болѣе обширнаго историческаго труда. Заключеніе это является, понятно, результатомъ своеобразнаго обращенія Эвальда съ историческими матеріалами. Третья книга Маккавеевъ отличается ярко выраженной тенденціей поднимать вѣру въ Бога, въ страдающихъ александрійскихъ евреяхъ и карать вѣроотступниковъ своего времени. Для этого онъ приводитъ вымышленный, но аналогичный разсказъ изъ временъ Филопатора. Отнятіе у евреевъ гражданскихъ правъ, заставлявшее ихъ больше всего страдать во время управленія Калигулы, послѣдовало далеко раньше (**2**, 20—22), и они, оставшись вѣрными своей религіи, спаслись отъ нужды и опасности, благодаря чуду со слонами (**6**, 19—57; **7**, 1—7). Болѣе трехсотъ изъ нихъ, чтобы сохранить свои гражданскія права, перешли, однакожъ, въ язычество, но впослѣдствіи были выданы царемъ ихъ бывшимъ единовѣрцамъ для наказанія и умерщвлены (**2**, 23; **7**, 8—10). Въ этой апокрифической книгѣ рѣчь идетъ во всякомъ случаѣ о фактѣ, имѣвшемъ мѣсто въ управленіи Фискона, который велѣлъ натравить пьяныхъ слоновъ на обнаженныхъ и связанныхъ евреевъ, а звѣри бросились на зрителей (у Флавія аріопет II. 5). Апокрифъ позаимствовалъ даже то обстоятельство, что александрійскіе евреи постановили праздновать этотъ день спасенія, какъ торжественный день воспоминанія, такъ какъ уже раньше было установлено трехдневное празднованіе въ память объ этомъ спасеніи.

Но авторъ умышленно перенесъ это событіе ко временамъ Филопатора, вмѣсто того, чтобы исторически вѣрно отнести его ко временамъ Фискона; онъ хотѣлъ притянуть сюда оскверненіе іерусалимскаго храма и выставить поводомъ для преднамѣренныхъ попытокъ преслѣдованія евреевъ то, что Филопаторъ, прибывъ послѣ побѣды у іудейской границы въ Іерусалимъ, хотѣлъ войти въ Святая святыхъ и, получивъ отпоръ, выместилъ свой гнѣвъ на египетскихъ евреяхъ. Это не могло бы относиться ко времени Фискона, который,

какъ это должно было быть извѣстно ученымъ среди александрійскихъ евреевъ, не предпринималъ никакихъ походовъ въ Сирію. Но Филопаторъ какъ-разъ подходилъ къ этой роли, и это, быть можетъ, и было причиной, по которой сюда притянули попытку осквернения храма, чтобы получить параллель для произведеннаго по повелѣнію Калигулы осквернения храма. Словомъ, этотъ апокрифъ представляетъ собою греческую книгу Эсѳири и, какъ и еврейская, имѣетъ цѣлью выставить утѣшеніемъ для настоящаго времени чудесное спасеніе въ прошломъ. Вотъ почему можно довольно точно установить годъ и время года возникновения этой книги: приказъ Калигулы воздвигнуть ему статую въ святилищѣ послѣдовалъ только осенью 40 года послѣ Р. Х. Печальную вѣсть объ этомъ предполагавшемся осквернении александрійскіе послы съ Филономъ во главѣ узнали только зимою, когда они находились въ Римѣ. До александрійской общины вѣсть эта дошла приблизительно въ тоже время. Такъ какъ книга начинается съ осквернения храма, (авторъ ея долженъ былъ уже знать о происшествіи въ Іерусалимѣ) слѣдовательно, она могла быть составлена не раннѣе зимы 40 года. Ни одинъ серьезный изслѣдователь не можетъ отрицать, что вся книга есть просто апокрифъ или тенденціозное сочиненіе; это признаютъ даже ортодоксальные изагогисты (Кейль). Тѣмъ не менѣе Динъ отстаиваетъ истинность этой книги и предполагаетъ, что книга Премудрости также могла быть составлена къ этому времени. Но всякій, имѣющій глаза, не можетъ не признать, что третья книга Маккавеевъ въ цѣломъ и отдѣльные эпизоды ея изображаетъ бѣдствія александрійской эпохи въ царствованіе Калигулы и подъ управленіемъ Флакка. Цѣль ея, въ особенности молитва первосвященника Элеазара, (6, 1—14) возбудить стойкость въ вѣрѣ.

15) Во второй книгѣ Маккавеевъ сказано, что она представляетъ извлеченіе изъ болѣе обширнаго труда по исторіи Маккавеевъ нѣкоего Язона изъ Кирены. Кажется, что дѣйствительно существовало подобное произведеніе, которое должно было содержать составленную по источникамъ исторію происшествій не только въ Іудеѣ, но и въ Антіохіи, Птолемаидѣ и въ Сиріи, вообще во времена Маккавеевъ. Трудно рѣшить, содержалъ ли первоисточникъ текстъ длинныхъ молитвъ, а также легенды о чудесахъ и покровительствѣ ангеловъ въ минуты опасности. Во всякомъ случаѣ это мало вѣроятно. Съ такимъ же сомнѣніемъ слѣдуетъ отнестись и къ догматической части этой книги, которая часто, пускаясь даже въ полемику съ отрицателями, высказываетъ свою вѣру въ воскресенье. Она еще моложе четвертой книги Маккавеевъ, ибо та также не знаетъ книги Эсѳири и передаваемаго тамъ разсказа. Въ молитвѣ, влагаемой въ уста благочестиваго Элеазара, послѣдній вспоминаетъ о старыхъ случаяхъ чуднаго заступничества Господа за свой народъ, приводитъ чудеса изъ книги Даніила и упоминаетъ также о чудесномъ спасеніи пророка Іоны (6, 6—8). Почему она не упоминаетъ также о спасеніи всего народа во времена Эсѳири? О немъ должно было быть упомянуто тѣмъ скорѣе, что исторія его представляетъ поразительное сходство съ содержаніемъ второй книги Маккавеевъ. Авторъ четвертой книги Маккавеевъ навѣрно не зналъ ни о книгѣ Эсѳири, ни о праздникѣ Пуримъ, хотя послѣдній былъ принятъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ поселились евреи. Второй книгѣ Маккавеевъ, напротивъ, этотъ праздникъ извѣстенъ.

16) *Четвертая книга Маккавеевъ.* Авторъ ея проповѣдывалъ и писалъ

только Sapientia. Послѣдняя относится къ первому послѣ приказа Калигулы о постановкѣ ему статуи (41-42 г.). Кажется, будто онъ, проповѣдуя о разумной воли, основанной на религіи, хотѣлъ выступить противъ теоріи апостола Павла, по которой человѣкъ безъ особеннаго чудеснаго предопредѣленія не въ состояніи бороться противъ плоти, вождѣленій и вытекающаго отсюда порока. Тѣло, плоть является не только вмѣстилищемъ порока, но и виновникомъ всѣхъ его проявленій, какъ нарушеніе святости брака, развратъ, непріязнь, гнѣвъ и т. д. (Галат. 5, 19 сл.). Непреодолимое противорѣчіе существуетъ разъ навсегда въ человѣческой природѣ. „Ибо плоть желаетъ противнаго духу, а духъ—противнаго плоти. Они другъ другу противятся, такъ что вы не то дѣлаете, что хотѣли бы“ (т. же, 19). Вслѣдствіе своей тѣлесности, человѣкъ не можетъ дѣлать ничего хорошаго и богоугоднаго, что вытекало бы изъ одной его доброй воли или нравственнаго душевнаго предрасположенія. Правда, Богъ далъ законы, которые должны руководить и укрѣплять человѣческую волю къ добру. Но Павелъ отрицаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ нравственную силу закона. „Ибо мы знаемъ, что законъ духовенъ, а я плотенъ, преданъ грѣху. Ибо не понимаю, что дѣлаю, потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю. Ибо знаю, что не живетъ во мнѣ, то есть, въ плоти моей, доброе; потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Ибо по внутреннему человѣку, нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ я вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающаго меня плѣнникомъ закона грѣховнаго“ (Римл. 7, 14—23). Этимъ Павелъ подчеркиваетъ необходимость христіанскаго ученія о благостынѣ. Законъ привелъ только къ тому, что увеличилась порочность, а совершенныя несознательно преступленія разсматриваются, какъ вольныя согрѣшенія... „Но я не иначе узналъ грѣхъ, какъ посредствомъ закона, ибо я не понималъ бы и пожеланія, если бы законъ не говорилъ: не пожелай!“ (Рим. 7, 7).

Основная идея четвертой книги Маккавеевъ представляетъ полную противоположность этого ученія. Она изслѣдуетъ вопросъ, является ли разумная, проникнутая религіозностью воля властелиномъ душевныхъ движеній (вступленіе) и путемъ разныхъ доводовъ приходитъ къ заключенію, что воля эта можетъ управлять всѣми страстями человѣка не только внутри, но и внѣ. Человѣкъ, будь это мужчина или слабовольная женщина, имѣетъ возможность обуздать свои вождѣленія или плотскія страсти (с. 16). Центромъ тяжести проповѣди является Богомъ данный законъ. Онъ назѣрно можетъ обуздать человѣческія или плотскія наклонности (стр. 3). Книга доказываетъ это особенно фактами изъ еврейской исторіи. Іосифъ побѣдилъ страсть, Давидъ превозмогъ жгучую жажду и во имя Господа вылилъ воду, которая должна была освѣжить его. Іаковъ, идеалъ премудрости, поборолъ вспыльчивость, Даніилъ и друзья его во имя закона пожертвовали своей любовью къ жизни. Не говоря уже о блестящихъ примѣрахъ мучениковъ времени Маккавеевъ—старца Элеазара, семи молодыхъ братьевъ и ихъ матери. Значеніе этой проповѣди еще болѣе усиливается, если принять во вниманіе то, что она направлена противъ нарушителей, или вѣрнѣе *нарушителя* закона, противъ того утвержденія, будто ни нравственная природа человѣка, ни разумная воля, основанная на религіи или законѣ, не въ состояніи оказать сопротивленіе плотскимъ его побужденіямъ. Проповѣдь обращена къ исповѣдующимъ еврейскую религію, которые высоко цѣнили священное Писаніе, и пытается доказать по этимъ и

другимъ примѣрамъ, что нелѣпо утверждать, что человѣкъ не въ состояніи сдерживать себя, что воля его недостаточно сильна, чтобы совладать съ требованіями тѣла. Нужно обратить вниманіе на слѣдующее. Павелъ утверждалъ, будто только запретъ въ десяти заповѣдяхъ, „не прелюбодѣйствуй“, вызвалъ впервые прелюбодѣяніе и сдѣлалъ его сознательнымъ, такъ что оно не можетъ быть теперь подавлено ни природною совѣстью, ни предписаніями религіи. Нашъ проповѣдникъ выводитъ отсюда противоположное заключеніе (с. 3 нач.); законъ гласитъ: „не пожелай жены ближняго“. Но такъ какъ законъ предписываетъ воздерживаться отъ всякихъ вождѣленій, то тѣмъ самымъ онъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что разумная воля въ состояніи обуздывать вождѣленія. Нужно упомянуть еще о толкованіяхъ по поводу созданія человѣка: „когда Богъ создалъ человѣка и украсилъ его разумомъ и самостоятельностью, то, хотя онъ и снабдилъ его *душевными движеніями и нравственными устоями*, но духъ сдѣлалъ главою. Послѣднему онъ далъ законъ, руководствуясь которымъ тотъ можетъ править разумно, справедливо, благодушно и мужественно“.

Развѣ это не прямая противоположность ученію Павла? По этой теоріи Богъ снабдилъ душу человѣка на ряду со страстями и способностью подавлять ихъ и кромѣ того въ поддержку даровалъ ему еще законъ. По ученію Павла, напротивъ, плоть такъ слаба, что она совершенно не въ состояніи возвыситься до нравственной свободы, и законъ не только не оказываетъ ей поддержки, но дѣлаетъ ее еще болѣе непокорной.—Если проповѣдь представляетъ полемику противъ Павла, то останавливаетъ на себя вниманіе обращенное къ слушателямъ воззваніе: „о, израильтяне, сѣмени Авраамова, повинуйтесь этому закону и признайте, что разумная, основанная на законѣ воля, царитъ въ васъ“. Павелъ утверждаетъ, будто Авраамъ сталъ праведнымъ не благодаря *закону*, а благодаря *вѣрѣ*. Если эта проповѣдь направлена противъ враждебныхъ закону проповѣдей Павла, то изъ нея можно добыть указанія относительно трехъ важныхъ моментовъ: 1) проповѣдь эта должаа была быть произнесена въ Малой Азіи, Македоніи или Греціи въ пятидесятыхъ годахъ, во время успѣшной дѣятельности Павла, когда тотъ все болѣе открыто обнаруживалъ свое презрѣніе къ закону. 2) Она должна была быть, произнесена въ одномъ изъ мѣстъ, гдѣ Павелъ пользовался успѣхомъ: въ Антіохіи, Эфесѣ, Филиппахъ или Коринѳѣ, но во всякомъ случаѣ не въ Александріи; ее нельзя слѣдовательно отнести къ собственно александрійско-іудейской литературѣ. 3) Отсюда слѣдуетъ, что вѣрные закону евреи боролись съ апостоломъ также и духовнымъ оружіемъ.

Кромѣ этой проповѣди, которая была произнесена, вѣроятно, во время празднества освященія храма, сохранились еще двѣ, приписываемыя Филону: Philonis sine praeparatione въ Sampson oratio и Philonis de Jona oratio. Обѣ онѣ были первоначально писаны по-гречески, переведены затѣмъ на армянскій языкъ, армянинъ *Аухерѣ* перевелъ ихъ на латинскій (Венеція 1826). Онѣ перепечатаны въ рихтеровскомъ изданіи Philonis opera omnia (т. III). Содержаніе ихъ не содержитъ никакихъ указаній для опредѣленія времени ихъ возникновенія. Эти проповѣди обязаны своимъ происхожденіемъ, навѣрно, не Филону, хотя и носятъ слѣды его аллегорической манеры выражаться. Также трудно опредѣлить ихъ тенденцію. Точно также сомнительно, чтобы онѣ принадлежали проповѣднику изъ четвертой книги Маккавеевъ. Кромѣ того, Аухеръ сооб-

щаетъ отрывокъ изъ одной проповѣди подъ заглавіемъ Philonis de Jona и какой-то анонимъ прибавилъ къ этому Sermo II, дающее еще меньше указаній для хронологіи.

17) Добавленія къ книгѣ Эсѳири представляютъ собою въ сущности самостоятельныя произведенія, найденныя Іеронимомъ отдѣльно отъ главной книги.

18) Предполагаемый еврейскій перипатетикъ *Аристовулъ* и его сочиненія. Аристовулъ, какъ мнимый представитель аристотелева ученія въ іудействѣ, считается исторической личностью, жившей во времена Птоломеевъ, ознакомившей ихъ съ іудаизмомъ и посвятившей одному изъ нихъ свое сочиненіе о еврействѣ. Нѣкоторые, правда, сомнѣваютея въ его существованіи; тѣмъ не менѣе многіе видные писатели все еще признаютъ его историческимъ авторомъ, представляющимъ извѣстную ступень въ исторіи развитія эллинистическо-іудейской философіи.

Сочиненіе, приписываемое Аристовулу, расположено по извѣстной системѣ. Оно утверждаетъ, во-первыхъ, что наиболѣе глубокое содержаніе философіи и особенно понятіе о Богѣ заимствовано отъ іудаизма. Дальнѣйшей ея тенденціей было ослабить приводившіяся часто указанія на слѣды антропоморфизма въ Пятикнижіи. Поэтому то царь и спрашиваетъ: почему въ немъ идетъ рѣчь о членахъ господнихъ. Кажется, что греческіе писатели приводили это возраженіе противъ Пятикнижія. Авторъ сочиненія утверждаетъ, будто наиболѣе глубокомыслящіе философы и писатели не только заимствовали у Моисея, но и удивлялись его изложенію. Только людямъ, лишеннымъ фантазіи и познаній и придерживающимся буквы Писанія, кажется, будто Моисй не далъ ничего замѣчательнаго. Манера, съ которой Аристовулъ въ своемъ сочиненіи излагаетъ антропоморфизмы или придаетъ имъ аллегорическую форму, не свидѣтельствуетъ во всякомъ случаѣ о фантазіи; точно также въ слогѣ обнаруживается тяжеловѣсность и безпомощность философской терминологіи. Вступленіе начинается съ того, что поучаетъ царя, какъ понимать содержаніе Пятикнижія. Но безъ доказательствъ авторъ предупреждаетъ, что въ кажущемся обманчивомъ словѣ часто кроется очень глубокій смыслъ. „Предупреждаю тебя, говоритъ Аристовулъ въ своемъ сочиненіи царю, чтобы ты понималъ выраженія въ высшемъ ихъ смыслѣ, чтобы ты усвоилъ должное понятіе о Богѣ и чтобы у тебя не было лживаго и человѣкоподобнаго представленія о немъ, ибо нашъ законодатель часто связываетъ съ простымъ словомъ философское содержаніе и разсужденіе высшаго порядка". Вмѣсто того, чтобы дать доказательство необходимости высшаго пониманія антропоморфизма, авторъ дѣлаетъ поворотъ и ссылается на преклоненіе философовъ и поэтовъ передъ мудростью Моисея и божественнымъ духомъ и на заимствованія изъ его ученія.

Послѣ этого авторъ приступаетъ къ тремъ антропоморфическимъ терминамъ: *„Десница Бога"*, *„Стояніе Бога"* и *„Сошествіе Бога"*. Первый, терминъ вполнѣ понятенъ. „Десница" обозначаетъ „могущество"; этотъ оборотъ встрѣчатся и въ обыденной рѣчи. Второй терминъ требуетъ уже нѣкоторыхъ объясненій и толкованій: „Стояніе" означаетъ установленный Богомъ прочный порядокъ въ природѣ; небо никогда не станетъ землей и обратно, животныя и растенія остаются все тѣ же,—все, такимъ образомъ, остается неизмѣннымъ и само содержитъ себя.

Еще болѣе туманнымъ оказывается объясненіе третьяго термина. Сошествіе Господа на гору—по Писанію—свершилось, дабы всѣ могли увѣриться въ могуществѣ Бога: „ибо это сошествіе очевидно и его можно, сохраняя прежнее понятіе о Богѣ, объяснять слѣдующимъ образомъ. Въ св. Писаніи разсказывается, будто гора стояла въ огнѣ, ибо Господь спустился на нее, слышны были трубные звуки, и безъ горючаго матеріала появился огонь. Такъ какъ собралось не меньше ста міріадъ народу, не считая несовершеннолѣтнихъ, и обложили гору со всѣхъ сторонъ на разстояніи не менѣе 5 дней пути, то огонь со всѣхъ мѣстъ, гдѣ кто-нибудь изъ нихъ расположился, былъ виденъ всѣмъ. Такимъ образомъ это сошествіе не совершилось на одномъ мѣстѣ, ибо Богъ вездѣсущъ. Сила огня, который все уничтожаетъ, была такъ чудесна, что онъ горѣлъ безъ матеріала и ничего не уничтожалъ; развѣ это не доказываетъ, что въ немъ присутствовала божественная сила? Всѣ растенія на той горѣ, несмотря на то, что онѣ очень горючи, не были уничтожены, напротивъ того, огонь не коснулся ни одной былинки. Съ появленіемъ сверкавшаго огня послышались чудеснымъ образомъ трубные звуки; въ то же время никто не замѣтилъ ни инструментовъ, ни кого бы то ни было изъ производившихъ эти звуки, но все это произошло по Божьему повелѣнію. Отсюда очевидно, что сошествіе совершилось; зрители совершенно явственно видѣли даже мелочи, въ то время, какъ огонь не горѣлъ и звуки неслись безъ помощи людей или инструментовъ; ибо Господь безъ всякихъ человѣческихъ средствъ можетъ во всемъ проявлять свое могущество".

Это объясненіе ни въ коемъ случаѣ нельзя назвать аллегорическимъ изложеніемъ; оно имѣетъ цѣлью совершенно устранить антропоморфическіе разсказы о Богѣ. Это изложеніе не представляетъ ни малѣйшаго сходства съ манерой Филона и его предшественниковъ безпрестанно прибѣгать къ аллегоріямъ. Другая цитата, сохранившаяся у Эвзебія и представляющая своего рода тропологическое разъясненіе, еще менѣе проникнута аллегорическимъ характеромъ. Эвзебій не сообщаетъ ея начала, такъ что неизвѣстно къ чему она относится. Однако въ сочиненіи Аристовула должны были встрѣчаться аллегорическія объясненія, которыя, быть можетъ, только вслѣдствіе своей незначительности не приводятся у отцевъ церкви. На высмѣиваніе Цельзомъ аллегорическаго нелѣпаго толкованія закона Оригинъ возражаетъ, что этотъ врагъ христіанъ, повидимому, говоритъ о произведеніяхъ Филона или о еще болѣе раннихъ, какъ Аристовула.

Въ этомъ сочиненіи, вѣроятно, идетъ рѣчь также о томъ, что Эвзебій изъ Анатоліи позаимствовалъ у Аристовула разъясненіе о праздникѣ „Пасхи", который долженъ совпадать съ тѣмъ временемъ, когда не только солнце, но и луна проходитъ часть равноденствія весны. Это должно было служить доказательствомъ тому, что одинъ изъ главныхъ праздниковъ закономъ согласованъ съ астрономическимъ ходомъ.

Нечего говорить, что фальсификація выглядываетъ изъ каждой строки этого сочиненія. Писатель, утверждающій, что греческіе поэты и философы позаимствовали свои мысли изъ законовъ Моисея и въ доказательство осмѣливающійся отстаивать мнѣніе, что часть Пятикнижія была переведена на греческій языкъ еще до Александра Македонскаго и до владычества персовъ, такой писатель долженъ быть разсматриваемъ какъ фальсификаторъ, словамъ котораго нельзя придать никакой вѣры. Можно ли ему повѣрить, что Птоломей

съ такимъ вниманіемъ изучилъ Пятикнижіе, что антропоморфизмы въ немъ заставили его обратиться къ автору съ вопросами? Не обнаруживаетъ ли авторъ своей фальсификаціи тѣмъ, что съ одной стороны онъ извѣщаетъ короля о переводѣ Пятикнижія помощью Дмитрія Фалереуса, а съ другой стороны доводитъ до его свѣдѣнія, что этотъ переводъ состоялся „при королѣ, твоемъ предшественникѣ, имѣвшемъ прозвище Филадельфусъ?“ Долженъ ли онъ былъ ознакомить съ этими подробностями того, кто прекрасно зналъ исторію возникновенія перевода? Такой пріемъ можно назвать только литературнымъ хвастовствомъ, ибо авторъ имѣлъ въ виду не короля, а читающую публику, предъ которой ему хотѣлось обрисовать египетскаго государя, какъ человѣка, интересовавшагося полнымъ греческимъ переводомъ.

Изъ всего изложеннаго видно, что существовало сочиненіе, состоявшее изъ двухъ книгъ подъ именемъ автора *Аристовула* или *Агатовулъ*, которымъ пользовались отцы церкви. Авторъ выдавалъ себя за учителя короля Птоломея VI Фалереуса, которому онъ и посвятилъ свое произведеніе, обращенное къ нему во второмъ лицѣ. Какъ видно, авторъ выдавалъ себя также за приверженца школы аристотелевской философіи. Онъ утверждаетъ, что греческіе философы Платонъ, Пиѳагоръ и даже Сократъ болѣе или менѣе черпали изъ свода законовъ Моисея. Онъ утверждаетъ даже, что и греческіе поэты кое-что изъ него позаимствовали. Всѣ эти мыслители и поэты могли черпать изъ свода законовъ Моисея потому, что онъ очень рано, еще задолго до появленія греческаго перевода Пятикнижія при Птоломеѣ Филадельфусѣ и Дмитріѣ Фалереусѣ, былъ переведенъ другими. Это Моисеево законодательство было поэтому признано носителями греческаго духовнаго міра возвышеннымъ, святымъ и божественнымъ. Оно и въ дѣйствительности такъ. Хотя въ немъ встрѣчаются выраженія, воплощающія Бога въ человѣкѣ, но подъ буквальнымъ значеніемъ нужно искать кое-чего высшаго. Чтобы исключить антропоморфизмы, сочиненіе примѣняетъ изложеніе въ переносномъ смыслѣ. Въ немъ содержалось еще кое-что о праздникѣ „Пасхи“ и о времени, съ которымъ онъ совпадаетъ.

Сдѣлавъ обзоръ всей области эллинской литературы и исключивъ произведенія, обращенныя къ собственнымъ соплеменникамъ, какъ книги Маккавеевъ II, III, IV, то окажется, что прочія распадаются на два разряда и относятся къ разнымъ періодамъ. Старѣйшіе жители, какъ Эвполемъ, Артамонъ, а также Псевдо-Гекатай преслѣдуютъ исключительно апологетическую задачу. Они берутъ іудаизмъ и его исторію подъ свое покровительство, прославляютъ древность іудейскаго народа, самъ народъ и его ученіе, законъ, законодателя Моисея. Они, очевидно, отражаютъ нападки на іудаизмъ и поношенія его. Второй разрядъ выступаетъ съ полемическими твореніями противъ язычества и его безнравственности. Послѣднее особенно удается сивилламъ и sapientia. Въ срединѣ стоятъ Псевдо-Аристей и Псевдо-Фокилидъ; у нихъ болѣе скрытъ полемическій моментъ. Филонъ же принадлежитъ къ боевымъ полемистамъ. Псевдо-Аристовулъ стремится еще при этомъ лишить грековъ ихъ главнаго преимущества, ихъ мудрости, и возвратить его іудейству, у котораго они будто позаимствовали лучшее его достояніе. Видно, что полемика противъ язычества, перешедшая изъ Александріи, началась лишь во время владычества римлянъ надъ Египтомъ; къ этому времени относятся всѣ вполнѣ сохранившіяся сочиненія. Пока государство Птоломеевъ, въ которомъ язычество считалось господствующей религіей, было еще самостоятельно, іудейскіе писатели старались избѣгать нападенія на него.

4.

Іудейскіе Этнархи или Алабархи въ Александріи.

Въ послѣднее время вопросъ объ алабархахъ многократно разрабатывался, но не достигъ еще удовлетворительнаго разрѣшенія. Доказано явно, что жившіе въ Египтѣ и Александріи евреи имѣли своего рода начальника, которому предоставлены были три разныя функціи: *административная, судейская и торгово-политическая*. Этотъ начальникъ назывался этнархомъ или генархомъ. Оба эти названія означаютъ, что во главѣ народа стоялъ почетный человѣкъ, отвѣтственный передъ государемъ. Эта должность возникла только во времена Августа и исправлявшій ее назывался алабархомъ. Возникаетъ вопросъ: тождественны ли оба титула, или нѣтъ, и что означаетъ послѣдній? Если остановиться на двухъ мѣстахъ, гдѣ Флавій говоритъ объ алабархахъ, то получится впечатлѣніе, что это былъ родъ княжескаго достоинства, въ которое алабархъ былъ возведенъ.

Евреи Александріи имѣли еще до Августа соплеменника во главѣ, управлявшаго ихъ административными, судейскими и торгово-полицейскими дѣлами; онъ былъ этнархомъ или генархомъ, т. е. руководилъ народомъ собственнаго племени. Августъ постановилъ, чтобы кромѣ этого была еще учреждена еврейская герузія, коллегія. Это было для евреевъ знакомъ благоволенія и привилегіей, ибо имъ разрѣшено было имѣть магистратъ съ собственнымъ управленіемъ и правосудіемъ. Для нихъ было чрезвычайно важно сохраненіе собственнаго правосудія и, вообще, нѣкотораго независимаго положенія, такъ какъ сущность іудаизма тѣсно связана съ его религіозной, юридической и административной стороной. Такъ, напримѣръ, при приглашеніи въ судъ могло произойти нарушеніе субботы, на что при Августѣ жаловались малоазіятскіе и киренейскіе евреи. Разъ александрійская община имѣла теперь своего собственнаго судью, именно этнарха, тогда какъ греки въ Египтѣ были подчинены назначенному императоромъ juridiens Alexandriae, римлянину, то ея члены не были вынуждены нарушать законы своей религіи. Въ грамотѣ Клавдій отмѣчаетъ, что Августъ оставилъ евреямъ Александріи ихъ привилегіи. Послѣднія состояли изъ двухъ пунктовъ: изъ равноправія съ остальными греками и изъ автономіи въ смыслѣ права имѣть собственнаго этнарха, такъ какъ Августъ настаивалъ на сохраненіи за ними ихъ закона и ничего не хотѣлъ знать о примѣненіи принудительныхъ мѣръ для нарушенія религіи. Это право Юлій Цезарь имъ раньше утвердилъ, и Флавій увѣряетъ, (contra Apionem II. 4), что онъ въ память и для подражанія велѣлъ свой приказъ вырѣзать на колоннѣ. Этотъ моментъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, служа въ вопросѣ объ алабархахъ рѣшительнымъ доказательствомъ. Нельзя вдоволь повторять, что въ привилегіяхъ александрійскихъ и вообще египетскихъ евреевъ значилось непремѣнно и право имѣть собственнаго юридическаго и полуполитическаго главу. этнарха, фактическое существованіе котораго при Августѣ доказано Страбономъ. Совершенно маловажно, что со временъ Тиберія не представлено доказательствъ о продолженіи существованія этнарховъ. Такъ какъ эдиктъ Клавдія отмѣчаетъ, что Августъ не нарушалъ привилегіи александрійскихъ общинъ,—

къ которымъ относится также и продолженіе существованія этнархіи, и что только Кай Калигула, его предшественникъ, ихъ нарушилъ, то отъ этого само собою слѣдуетъ, что при Тиберіи не могло наступить въ этомъ отношеніи никакой перемѣны. Но еще больше свидѣтельствуетъ объ этомъ чрезвычайно интересная и неоспоримая въ подлинности грамота, отмѣчающая, что Августъ не препятствовалъ продолженію существованія этнарховъ и приказалъ впослѣдствіи, чтобы впредь привилегіи евреевъ уважались. Къ этимъ „прежнимъ привилегіямъ" относится также, какъ это сама грамота отмѣчаетъ, и этнархія; слѣдовательно, продолженіе существованія этнарховъ при Клавдіи во всякомъ случаѣ не можетъ быть оспариваемо. Но объ этомъ титулѣ со временъ Клавдія больше не слышали, а упоминается только объ „алабархѣ". Клавдій освободилъ алабарха Александра Лизимаха, котораго Кай заключилъ въ темницу. Во времена Клавдія былъ алабархъ Дмитрій, женатый на сестрѣ Агриппы II. При Клавдіи былъ также алабархъ Александръ, другъ императора. Такимъ образомъ онъ, какъ и Дмитрій былъ этнархомъ. Вопросъ о тождествѣ обоихъ титуловъ этимъ окончательно рѣшенъ: алабархи, во времена Клавдія, по крайней мѣрѣ, были вмѣстѣ съ тѣмъ и этнархами.

Алабархи, должно быть, пользовались княжескимъ положеніемъ не только при Клавдіи, но и во второмъ столѣтіи послѣ христіанской эры. Алабархи во времена Августа и послѣ него были вмѣстѣ съ тѣмъ этнархами, или генархами. Какъ таковые они имѣли родъ верховной власти надъ общинами и были архонтами почти самостоятельной общины, управляли общественными дѣлами, исполняли судейскія обязанности, слѣдили за исполненіемъ торговыхъ договоровъ и императорскихъ указовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Страбонъ.

Если не подлежитъ сомнѣнію, что алабархи правили восточной частью Египта, называвшейся *Аравіей*, къ которой принадлежалъ и Геліополисъ, то слѣдуетъ также признать, что верховное управленіе этой области было въ рукахъ евреевъ, потому что нееврейскіе арабархи или алабархи изъ первыхъ временъ императоровъ намъ вовсе неизвѣстны. Это достоинство—этнархія или арабархія—должно быть перешло по наслѣдству къ ихъ потомкамъ, арабархамъ *Александру* и *Дмитрію*.

Не трудно догадаться, какой Птоломей возвелъ еврея въ такое достоинство и предоставилъ такую должность. Это былъ никто другой, какъ *Птоломей VI Филометоръ*, о которомъ Флавій сообщаетъ (contra Apionem II. 15): онъ и его жена Клеопатра довѣрили все свое государство *Оніасу* и *Досиѳею* и назначили ихъ стратегами при всей своей арміи (contra Apionem II. 5). Этотъ фактъ допускаетъ даже злорѣчивый юдофобъ Апіонъ. Время, когда Оніасъ и Досиѳей оказали услуги императорской четѣ, и когда первый одинъ выступилъ въ защиту Клеопатры, можно хронологически и вполнѣ точно опредѣлить. Оба брата, Филометоръ и Фисконъ, царствовали совмѣстно съ 170/169 до 165/164. Затѣмъ старшій братъ былъ удаленъ младшимъ, путешествовалъ въ жалкомъ нарядѣ въ Римъ и сенатомъ былъ вновь водворенъ въ свое государство. Тогда еврейскіе полководцы ничего не сдѣлали для Филометора. Оніасъ былъ еще слишкомъ молодъ и незначителенъ. Но римлянамъ угодно было тогда совершить раздѣлъ египетскаго государства и Фисконъ получилъ Кирену съ наименованіемъ королевства, которое было отдѣлено отъ Египта. Но онъ остался недовольнымъ этимъ дѣленіемъ, требовалъ присоединенія еще Кипра и часто

осаждалъ сенатъ своими требованіями. Хотя Римъ, чтобы ослабить Египетъ, присудилъ ему право на Кипръ, но Филометоръ ему этого острова не уступалъ. Въ 154 году, когда консулъ Квинтъ Опиміусъ выступилъ въ походъ, Фисконъ еще разъ былъ въ Римѣ, чтобы пожаловаться на своего брата, и сенатъ вновь присудилъ ему Кипръ и потребовалъ отъ союзниковъ оказать ему поддержку. военной силой (Полибіусъ 33, 5 ср. Clinton Fasti hellenic III стр. 387). Но Филометоръ и на этотъ разъ мало вниманія обратилъ на рѣшеніе сената. Въ это время вспыхнула война между братьями. Филометоръ выставилъ огромное войско и могъ сильно стѣснять своего брата (Diodor Excerpta 31, 33 ed. Wesseling II. 588). Тогда, въ эту вторую братскую войну, Оніасъ и Досиѳей оказали большія услуги. Они были главнокомандующими всей арміей Филометора. Въ 151/150 Филометоръ отправился въ Сирію, чтобы принять сторону Александра Баласа противъ Дмитрія (книга Маккавеевъ X, 57). Онъ тогда, должно быть, мнилъ себя въ совершенной безопасности, надѣясь на свое военное могущество. Война между Филометоромъ и Фискономъ предшествовала такимъ образомъ этому начинанію, вѣроятно между 154 и 150. До своей смерти (146) Филометоръ былъ оставленъ въ покоѣ своимъ братомъ. О событіяхъ послѣ его смерти источники очень скудны и отчасти противорѣчивы и поэтому нельзя точно опредѣлить, какое участіе Оніасъ въ нихъ принималъ. Юстинъ (35, 5) говоритъ, что будто послѣ смерти Филометора его брату Фискону были предложены черезъ пословъ государство и вдова его брата, королева Клеопатра, его невѣстка и сестра. Такимъ образомъ Фисконъ достигъ царства не мирнымъ путемъ. Это самое подтверждаетъ и Флавій, указывая, что послѣ смерти Филометора возгорѣлась въ Александріи гражданская война, такъ какъ Фисконъ хотѣлъ силой овладѣть Египтомъ, вытѣснить Клеопатру и ея сыновей, и что Оніасъ для нея велъ войну противъ Фискона, сохранивъ ей ту же вѣрность, которую онъ раньше оказывалъ Филометору.

Оніасъ сыгралъ видную роль въ событіяхъ, происходившихъ въ Египтѣ и Александріи, оказавъ сперва свои услуги Филометору и его супругѣ, а затѣмъ ей одной. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ указаніи, дѣлаемомъ Флавіемъ относительно враждебнаго отношенія Оніаса къ Фискону въ сказаніи о натравливаніи Фисономъ слоновъ на связанныхъ іудеевъ Александріи. По этому сказанію, Фисконъ и имѣлъ намѣреніе въ то время, когда Оніасъ владѣлъ еще Александріей, вступить въ борьбу съ войскомъ, находившимся подъ командой Оніаса. Для какой цѣли Онiасъ собралъ войско, когда отъ 146—132 существовали, повидимому, сносныя отношенія между Фисономъ и Клеопатрой между братомъ и сестрой, супругомъ и супругой? Это сказаніе во всякомъ случаѣ достовѣрно, какъ это доказано уже Весселингомъ, такъ какъ фаворитка Фискона, Ирена, о которой въ немъ идетъ рѣчь, упомянутый также Дидоромъ. Этотъ Онiасъ, воинственно выступившій за Филометора и Клеопатру и затѣмъ за нее одну, былъ, безъ сомнѣнія, тотъ сынъ первосвященника, Онiасъ IV, который вслѣдствіе неудачъ отца своего, еще молодымъ бѣжалъ въ Египетъ и Филометоромъ былъ назначенъ на почетную должность. Псевдо-корреспонденція между Онiасомъ и Филометоромъ по поводу сооруженія храма Онiасъ также указываетъ на то, что этотъ Онiасъ, соорудившій его, счастливо велъ тоже войны для короля (Флавій XIII 3, 1). Итакъ, сынъ первосвященника Онiасъ оказалъ существенныя услуги Филометору и его супругѣ Клеопатрѣ. За дочь этой Клеопатры сыновья Онiаса, Хелкія и Ананія, дружно выступили противъ ея

сына Латуруса (Латиросъ), когда тотъ намѣревался свергнуть ее съ престола около 107 (тамъ же XIII **10**, 4). Эти два сына Ониаса были королевой Клеопатрой также любимы, какъ ихъ отецъ ея родителями. Тутъ у насъ есть достаточно доказательствъ, что Ониасъ и его сыновья пользовались у Филометора, его супруги и ихъ дочери большимъ благоволеніемъ, что они вели для нихъ войны и были имъ назначены главнокомандующими.

Имѣются, однакожъ, еще болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о положеніи Ониаса при этой царской четѣ. Филометоръ уступилъ ему геліополитанскій округъ, гдѣ онъ построилъ замокъ и храмъ Ониаса (Іуд. войны VII. 10, 3). Постройку замка для военныхъ цѣлей король ввѣряетъ только такому подданному, къ которому онъ питаетъ большое довѣріе, и который пользуется его особымъ благоволеніемъ. Въ укрѣпленномъ замкѣ необходимо содержать для защиты его военный гарнизонъ. И уже изъ этого обстоятельства слѣдуетъ, что Ониасъ, строитель храма, пользовался большимъ почетомъ у короля Филометора и, должо быть, получилъ военную автономію. Въ этомъ округѣ жили евреи, а также священники и левиты (Флавій XIII, **3**, 3). Вся *территорія*, не только городъ, гдѣ находился храмъ, называлась Ониономъ. Въ этой мѣстности, вѣроятно, жили много евреевъ. *Войско Ониаса,* которое стало враждебно держаться противъ Фискона, наврядъ ли состояло изъ грековъ и египтянъ, но, по всей вѣроятности, изъ іудеевъ. Еще во времена Юлія Цезаря эту область занимало воинственное населеніе. Для освобожденія Юлія Цезаря отъ стѣсненнаго положенія въ Александріи наступавшее черезъ эту территорію союзное войско должно было вести переговоры въ примирительномъ духѣ съ іудеями, потому тому что послѣдніе своей численностью и воинственнымъ видомъ угрожали оказать прохожденію этого войска сопротивленіе (Древн. XIV. 8, 1; Іуд. войны I. 9, 4). Благодаря лишь убѣжденіямъ Антипатра и ссылкѣ на волю короля Гиркана II, они склонились въ пользу Цезаря. Что эти іудеи изъ области Ониона были воинственны и вѣрны Клеопатрѣ, дочери Филометора—доказываетъ также Страбонъ (Флавій XIII. 10, 4). Большая часть египтянъ, посланная Клеопатрой младшей въ Кипръ для борьбы съ ея мятежнымъ сыномъ Латуромъ, перешла на его сторону, но вѣрны ей остались лишь „іудеи изъ Ониона", потому что ихъ соплеменники и единовѣрцы Гелкій и Ананій пользовались большимъ довѣріемъ королевы.

Подведемъ теперь итоги. Въ мѣстности Онионъ, гдѣ Ониасомъ IV были построены замокъ и іудейскій храмъ, жили воинственные евреи въ царствованіе Филометора, его супруги Клеопатры, Клеопатры младшей и даже Цезаря. Эта мѣстность называлась *геліополитанскимъ округомъ,* принадлежавшимъ къ аравійской части Египта. Такимъ образомъ іудеи этого округа пользовались собственной военной организаціей. Само собою понятно, что только еврей, вслѣдствіе нахожденія тамъ храма, могъ имѣть надъ округомъ политическую и военную власть, потому что язычникъ, грекъ или египтянинъ могъ бы каждую минуту вторгаться во внутреннія дѣла области. Кто имѣлъ сначала верховную власть надъ этимъ еврейскимъ округомъ? Безъ сомнѣнья никто иной какъ Ониасъ, учредитель этой еврейской общины. Онъ оказалъ королевской четѣ довольно услугъ, состоявъ также полководцемъ. Вполнѣ понятно, что именно онъ получилъ титулъ арабарха и владѣлъ этимъ арабско-еврейскимъ округомъ. Этотъ титулъ былъ связанъ съ фактическимъ владѣніемъ и управленіемъ областью. Его сыновья Хелкія и Ананія тоже пользовались благоволеніемъ младшей Клеопатры и были ея стратегами. И они, безъ сомнѣнья, были арабархами надъ геліополитанскимъ или арабскимъ округомъ. Во времена Цезаря евреи этого округа также были еще самостоятельны и воинственны; слѣдовательно, во главѣ ихъ долженъ былъ стоять еврей, носившій тогда, безъ сомнѣнія, титулъ *арабарха.* И такъ какъ онъ въ качествѣ таковаго съ подчиненнымъ ему войскомъ изъ Ониона или египетской Аравіи оказывалъ услуги Цезарю, то послѣдній утвердилъ александрійскимъ евреямъ ихъ привилегіи, по которымъ имъ предоставлено было право имѣть собственнаго верховнаго главу, этнарха. Всѣ эти арабархи или этнархи были, безъ сомнѣнія, потомками Ониаса.

Остановимся еще на указаніи Флавія, сообщающаго (contra Apionem II. 15), что египетскіе короли довѣрили александрійскимъ евреямъ за ихъ вѣрность охрану рѣки и что римляне эту привилегію имъ утвердили. Не подлежитъ сомнѣнію, что александрійскимъ евреямъ была поручена охрана Нила и моря, и это право было даровано имъ царями. Какими царями? Судя по предыдущему, это могли быть только Филометоръ и Клеопатра старшая и младшая, ибо нѣтъ никакихъ указаній на признаки благорасположенія къ евреямъ первыхъ пяти Птоломеевъ. Птоломей VII Фисконъ былъ ярымъ врагомъ евреевъ, точно такъ же, какъ сынъ его Птоломей VIII Латуръ. Слѣдующіе Птоломеи отъ 81 г. до вторженія римлянъ боролись со старческимъ маразмомъ, враждовали другъ съ другомъ и не имѣли никакихъ сношеній съ евреями. Такимъ образомъ, остается только Филометоръ, жена его и младшая Клеопатра. Кто-то изъ нихъ, довѣрилъ евреямъ этотъ важный постъ, разсчитывая на ихъ вѣрность. Расчитывали ли они, однакожъ, на вѣрность всѣхъ александрійскихъ евреевъ? Здѣсь мы опять таки находимъ указаніе на Ониаса. Онъ и его сыновья и проявили замѣчательную вѣрность къ названнымъ властителямъ. Въ награду послѣдніе дали ему разрѣшеніе построить храмъ на территоріи, пользовавшейся особыми правами, и поручили ему также надзоръ надъ Ниломъ и надъ моремъ съ правомъ взиманія пошлинъ за предметы привоза и вывоза. Цари, т. е. Филометоръ и обѣ Клеопатры, передали этотъ важный и доходный постъ въ награду за вѣрность александрійскимъ евреямъ, т. е. Ониасу и его потомкамъ. Вотъ почему арабархи были первыми не только по знатности, но и по богатству. Надзоръ этотъ, безъ сомнѣнія, представлялъ очень доходную статью. Еще въ IV столѣтіи портовые сборы въ области Aegiptus и Augustomnica, т. е. въ Дельтѣ и въ сѣверо-западномъ Египтѣ, въ Плюзіумѣ, Казіусѣ, Остракинѣ и Ринокорурѣ назывались vectigal Arabarchiae (кодексъ Theodosianus IV. 12, 9). Въ эдиктѣ Юстиніана отъ 559 г. чиновникъ, предназначенный для собиранія императорскаго фиска, называется алабархомъ.

Какъ попало къ евреямъ это имя? Что общаго могъ имѣть таможенный сборъ на морѣ и на Нилѣ, относившійся къ фиску, съ арабскимъ округомъ Египта? Очевиднно, только то, что еврейскіе начальники арабской области, или арабархи, одновременно были главными сборщиками таможенныхъ налоговъ. Итакъ, арабархія совмѣщала одновременно три должностныя функціи: *политическое государство въ округѣ Геліополиса,* гдѣ былъ расположенъ Ониономъ; *городскую, общинную и судебную власть* надъ жителями Александріи и, правда, только случайно связанный съ этимъ, *надзоръ надъ портомъ.* Тѣ же цари, которые даровали Ониасу первыя привиллегіи, передали ему и послѣднюю. Должности эти, очевидно, были наслѣдственными въ родѣ потомковъ первосвященника Ониаса. Нигдѣ нѣтъ рѣчи о выборахъ арабарха или этнарха.

Разсмотримъ детальнѣе приведенное у Флавія краткое свидѣтельство. Порученный александрійскимъ евреямъ надзоръ надъ Ниломъ и моремъ былъ дарованъ имъ царями, которые нашли ихъ достойными. Что александрійскіе евреи и арабархи были преданы царямъ—слѣдуетъ болѣе чѣмъ изъ одного источника. Евреи, жившіе на территоріи Оніона, стали на сторону Цезаря, когда тотъ былъ стѣсненъ въ Александріи. Правда, нѣтъ наглядныхъ доказательствъ тому, что египетскіе евреи оказывали услуги Августу, но это легко доказать тѣмъ, что онъ оставилъ арабарховъ, которые были нужны евреямъ для ихъ религіозныхъ обрядностей, въ ихъ должности и даже даровалъ имъ общинное управленіе. Косвеннымъ образомъ это доказывается также недовольствіемъ послѣдней Клеопатры на евреевъ за то, что они стали на сторону Августа когда, послѣ пораженія Антонія при Акіумѣ, Александрія была взята (contra Apionem II. 5). Вражда ея къ евреямъ объясняется именно тѣмъ, что они были на сторонѣ ея противника—Августа. Въ пользу этого говоритъ также другое свидѣтельство. Антонія II, мать императора Клавдія, племянница Августа отъ сестры его Октавіи и Антонія и невѣстка Августа (она была супругой Друза, сына Ливіи, родившагося отъ брака ея съ Августомъ), теща императора Тиверія, — настолько довѣряла алабарху Александру, что сдѣлала его управляющимъ своимъ имуществомъ (Древн. XIX. 15, 1). Это имущество состояло, должно быть, изъ помѣстій, расположенныхъ въ Египтѣ, иначе жившій въ Александріи алабархъ не могъ бы ими управлять. Земли эти въ Египтѣ составляли часть того имущества, которымъ Августъ надѣлилъ дочерей Антонія отъ Октавіи, обѣихъ Антоній изъ наслѣдства Антонія (Діонъ Касій 1, 15). Эти дружескія отношенія рода алабарховъ съ императорскимъ домомъ завязались, вѣроятно, еще при жизни Августа, ибо, внѣ сомнѣнія, Августъ поручилъ управленіе землями Антонія въ Египтѣ арабарху, должно быть еще отцу Александра Лизимаху. Вотъ почему императоръ Клавдій, сынъ Антонія, былъ друженъ съ Александромъ. Сынъ Александра, *Тиверій Александръ*, который отрекся отъ іудейства и сталъ вполнѣ римляниномъ, былъ назначенъ императоромъ Клавдіемъ управителемъ Іудеи; впослѣдствіи Неронъ назначилъ его военнымъ префектомъ Египта. Онъ носилъ принятое имя *Юлія* (надпись отъ 26 сентября 68 г. царств. Гальбы). Судя по этому, онъ былъ принятъ въ Gens Юлія, т. е. въ императорскую семью, какъ и царь Агриппа I, точно также носившій имя Юлія. Тиверій Александръ, должно быть, былъ усыновленъ еще императоромъ Тиверіемъ, ибо, какъ это доказываетъ Ренье, онъ имѣлъ право носить имя Тиверія Юлія, но такъ какъ во времена императора Тиверія онъ былъ еще очень молодъ и не могъ оказать ему никакихъ услугъ, за которыя его можно было бы почтить усыновленіемъ, то, должно быть, еще отецъ его, Александръ, былъ усыновленъ этимъ императоромъ. Умалчиваніе объ этомъ Флавія не можетъ служить доказательствомъ противнаго, ибо сына Тиверія Александра, точно также, какъ царя Агриппу, онъ не называетъ Юліемъ. Іудейскій царственный родъ и египетская семья арабарха были такимъ образомъ приняты въ Gens Юлія. Императоръ Клавдій былъ одновременно друженъ съ Агриппой и съ арабархомъ Александромъ. Остановимся на нѣкоторое время на личности Тиверія Юлія Александра; онъ также носилъ титулъ арабарха, какъ это можно судить по одному насмѣшливому намеку Ювенала въ сатирѣ (I. 127—131), гдѣ онъ изображаетъ день знатнаго римлянина, который между другими праздными занятіями разглядываетъ почетныя статуи, воздвигнутыя на форумѣ Аполлона:

atque triumphales, inter quas ausus habere
nescio quis titulos Aegiptius atque Arabarches,
cujus ad effigiem non tantum mejere fas est.

Очевидно, онъ намекаетъ на какого-то египетскаго арабарха, почетная статуя котораго на ряду съ другими была выставлена на форумѣ. Андрей *Альсія* (1517) вѣрно указалъ на Тиверія Александра, и указаніямъ его послѣдовали Леонъ Ренье и Люмброзо. Дѣло въ томъ, что Тиверій Юлій сдѣлалъ замѣчательную карьеру. Послѣ того, какъ онъ отрекся отъ іудейства и перешелъ къ римскому культу, Клавдій назначилъ его управителемъ Іудеи (46—48 г.). Въ 63 г. онъ, какъ „доблестный римскій всадникъ", участвовалъ въ походѣ на парѳянъ и (66 г.) былъ назначенъ Нерономъ префектомъ Египта; это было рѣдкимъ проявленіемъ милости, ибо по распоряженію Августа туземцы не могли стоять во главѣ управленія Египтомъ. По его наущенію (69), египетскіе легіоны провозгласили Веспасіана императоромъ, за что послѣдній и Титъ выказали ему признательность. Тиверій Александръ, какъ доказываетъ Ренье, участвовалъ въ осадѣ Іерусалима не какъ предводитель легіона, но какъ praefectus praetorio. Это было крупнымъ отличіемъ. Веспасіанъ, во всякомъ случаѣ, могъ сдѣлать его сенаторомъ, но суевѣріе римлянъ препятствовало допущенію александрійца въ сенатъ, которое, по какому-то сказанію, неминуемо должно было повлечь за собою гибель Рима. Такъ какъ Тиверій Александръ оказалъ чрезвычайныя услуги роду Флавіевъ и не могъ быть вознагражденъ имъ по заслугамъ, то послѣдній разрѣшилъ ему принять участіе въ тріумфѣ надъ Іудеей, покоренію которой онъ способствовалъ, и воздвигнуть себѣ тріумфальную статую. Римскаго же сатирика сердило то, что египтянинъ, къ тому же еще арабархъ, получилъ почетное мѣсто на форумѣ. Какъ дальше говоритъ Ренье, сынъ Тиверія Александра, по имени Юлій Александръ, былъ во время парѳянской войны полководцемъ (117) и Consul suffectus. Встрѣчается и позднѣйшій потомокъ ихъ—*Юлій Юліанъ Александръ*. Тиверій Александръ, сынъ арабарха Александра, назывался такимъ образомъ, по достовѣрному результату даннаго изслѣдованія, также арабархомъ. Возможно, что этотъ титулъ былъ выбитъ на его статуѣ. Но едва ли онъ былъ арабархомъ въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. повелителемъ арабскаго округа или начальникомъ гавани; еще менѣе этотъ его титулъ могъ обозначать представителя еврейско-александрійской общины. Гораздо вѣроятнѣе, что это былъ только почетный титулъ, принадлежавшій ему, какъ потомку семьи арабарховъ. Итакъ, если мы наткнемся на арабарха по имени *Юлія*, то мы не можемъ не согласиться, что и онъ принадлежалъ къ этой семьѣ. Послѣ алабарха Александра Лизимаха, называютъ алабарха Дмитрія, какъ занимавшаго первое мѣсто по рожденію и богатству. Онъ былъ женатъ на Маріамнѣ, второй дочери Агриппы I, ибо она была равна ему по происхожденію. Онъ же, хотя и не былъ сыномъ, но все-таки близкимъ родственникомъ арабарха Александра и былъ принятъ въ Gens Юлія. Сынъ отъ этого обрака назывался *Агриппиномъ*. Флавій обѣщалъ разсказать кое-что о немъ, какъ и о другихъ внукахъ Агриппы, но не выполнилъ своего обѣщанія. Не подлежитъ сомнѣнію, что и онъ во время послѣдней борьбы съ римлянами былъ тоже арабархомъ. По закрытіи храма Оніаса, происшедшемъ нѣкоторое время спустя послѣ паденія еврейскаго государства, пала одна изъ привилегій арабархіи, ибо центромъ оніонской общины, которой управляли арабархи, былъ все-таки храмъ Оніаса.

Когда его закрыли, то оніонская община прекратила свое существованіе. Такимъ образомъ, въ родѣ бывшихъ арабарховъ осталась только этнархія въ Александрійской области и право взиманія портовыхъ налоговъ. Терминъ арабархъ сталъ только титуломъ. Такъ какъ члены дома арабарховъ отличались преданностью по отношенію къ римлянамъ и были приняты въ императорскую семью, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ совершенно слились съ римлянами и, по примѣру Тиверія Александра, отреклись отъ іудаизма. Если намъ случится натолкнуться на лицо, носящее имя арабарха, не пользующагося правомъ взиманія пошлинъ и несомнѣннымъ язычникомъ, то это явленіе нисколько не должно насъ удивлять. Титулъ этотъ великолѣпно могъ носить какой-нибудь потомокъ еврейскаго дома арабарховъ, который перешелъ въ язычество или, какъ говорили тогда, сталъ convesus מומר, какъ это говорится въ третьей книгѣ Маккавеевъ.

Всѣ затрудненія до послѣдняго, затемнявшія вопросъ объ арабархахъ, можно считать устраненными, если исходить изъ вѣрныхъ допущеній и выводить изъ нихъ само собой вытекающія послѣдствія. Эти допущенія слѣдующія: алабархъ есть ни что иное, какъ арабархъ; арабархія означала извѣстнаго рода господство надъ Египтомъ или, вѣрнѣе, надъ геліополитанскимъ округомъ, въ которомъ жили только евреи. Отсюда вытекаютъ слѣдующіе достовѣрные выводы:

1) *Арабархи были только въ Египтѣ.* Вотъ почему, если мы найдемъ надпись вродѣ (corp. inscr. Graec. III. № 4267). „Обѣтъ алабарха Мавзола Посейдону“, то мы имѣемъ право утверждать, что этотъ Мавзолъ родомъ изъ Египта, а алабархъ означаетъ испорченное въ разговорной рѣчи слово арабархъ.

2) Собственно *арабархами* назывались сначала *фактическіе управители* расположенной въ геліополитанскомъ округѣ еврейской общины Оніонъ, центромъ которой служилъ посѣщаемый египетскими евреями храмъ.

3) Арабархи были *Оніадами,* т. е. потомками первосвященническаго сына Оніаса IV, который построилъ храмъ, создалъ общину и снабдилъ ее, какъ военный округъ, цитаделью.

4) Само собой разумѣется, что арабархи были евреями; тѣхъ же которыхъ мы знаемъ за язычниковъ, нужно разсматривать, какъ потомковъ Оніадовъ, перешедшихъ въ язычество.

5) Оніады и арабархи получили отъ нѣкоторыхъ Птоломеевъ право надзора за гаванью Александріи и устьями Нила, и императоры подтвердили это право. Вотъ почему портовой сборъ назывался vectigal Arabarchiarum—пошлина арабарховъ—до времени послѣднихъ императоровъ.

6) Арабархи были первыми и наиболѣе видными членами александрійской общины и вели одновременно разныя ея дѣла, были архонтами, этнархами или генархами. Правда, этнархія или арабархія означаетъ совсѣмъ не одно и то же, а совершенно различныя функціи и званія; но, такъ какъ и то, и другое было соединено въ лицѣ члена дома Оніаса, то они въ обиходѣ стали обозначать одно и то же.

7) Такъ какъ арабархи или александрійскіе этнархи были главными надсмотрщиками надъ портовыми сборами, то они имѣли возможность собрать большія богатства, и считались самыми богатыми изъ александрійскихъ евреевъ.

8) Вслѣдствіе своего богатства и важныхъ должностей, занимаемыхъ ими, они пользовались вліяніемъ и внѣ своей общины. Императоры принимали членовъ ихъ въ свою семью, а іудейскій царскій домъ породнился съ ними посредствомъ браковъ.

9) Съ гибелью храма Оніаса и оніонской общины (73) пало могущество арабарховъ, но если слово „арабархъ“ попадается еще позднѣе, то оно обозначаетъ лишь титулъ или же въ лучшемъ случаѣ человѣка, пользовавшагося привилегіей сбора гаванныхъ пошлинъ. Эта должность была, вѣроятно, предоставляема императорами дальнѣйшимъ потомкамъ Оніаса, какъ испытаннымъ друзьямъ Рима и знатокамъ таможеннаго дѣла, дававшаго въ ихъ рукахъ большіе доходы казнѣ.

Выводы эти вполнѣ совпадаютъ со всѣми изслѣдованіями, дающими понятіе объ арабархахъ, этнархахъ и о дѣятельности лицъ, носившихъ это званіе.

Обратимся теперь къ хронологически-послѣдовательному изложенію. Основателемъ арабархіи или этнархіи былъ несомнѣнно Оніасъ IV, сынъ первосвященника, въ молодости еще переселившійся въ Египетъ; около 154 года онъ оказывалъ услуги Филометору и Клеопатрѣ, былъ возведенъ въ санъ стратега и основалъ храмъ Оніаса и общину Оніонъ. Эти учрежденія являются основой арабархіи. Еще въ 146 г. онъ въ качествѣ воина помогалъ Клеопатрѣ.

Носителями достигнутыхъ ихъ отцомъ должностей и сановъ были сыновья его, Ананія и Хелькія, которые въ 107 г. также дѣйствовали въ пользу Клеопатры, дочери Филометора и Клеопатры, какъ отецъ ихъ въ пользу ея родителей.

Съ этого времени до 59 г. втеченіе двухъ поколѣній нѣтъ никакихъ свѣдѣній относительно этнархіи и арабархіи, но что послѣдняя существовала, слѣдуетъ изъ не прекратившейся военной дѣятельности общины Оніонъ. Въ 59 году Цицеронъ дѣлаетъ намеки на арабархію. Въ своемъ письмѣ къ другу своему Аттику, онъ надсмѣхается надъ Помпеемъ, ставшимъ его врагомъ, (Epistolae ad Atticum II. 17 a. u. c. 695—59) и называетъ его дважды, намекая на ничтожнаго царя эмесскаго, Sampsiceramus (Sampsigeramus). Разъ онъ называетъ Помпея арабархомъ; velim e Theophane expiscere, quonam in me animo sit Arabarches. Всегда считаютъ это наименованіе прозвищемъ, которое Цицеронъ далъ своему тогдашнему противнику. Поводъ къ этому наименованію лежитъ въ тогдашнихъ происшествіяхъ; какъ-разъ въ этомъ году Юлій Цезарь и Помпей добились того, что сенатъ призналъ незаконнаго сына Латура *Птоломея Діонисія* или *Авлета* царемъ. Сдѣлали они это за 6000 талантовъ. (Sueton Caesar 54): ut qui (Caesar) uni Ptolemaeo prope sex millia talentorum suo Pompeiique nomine attulerit (относительно хронологіи смотри Clinton fasti hell. III. ad. an. 60 и p. 393). Судя по этому, Помпей обогатился благодаря Египту; вотъ почему Цицеронъ далъ ему прозвище арабарха. Слѣдовательно, въ Египтѣ въ 59 г. былъ арабархъ, считавшійся богачемъ и, быть можетъ, подозрѣвавшійся въ томъ, что онъ злоупотреблялъ своей должностью въ цѣляхъ обогащенія.

Только Римъ могъ поддерживать недостойнаго царя Діонисія или Авлета. По смерти его, въ 51 г., управленіе перешло въ руки послѣдней знаменитой Клеопатры и она ознаменовала его убійствомъ одного изъ своихъ братьевъ и одной сестры. Она была ярымъ врагомъ евреевъ и едва ли она предоставила жившимъ въ ея время арабархамъ власть и почетъ. Во всякомъ случаѣ, пока властвовалъ Юлій Цезарь (48—44) она ничего не могла съ ними подѣлать

именно потому, что евреи Оніона оказывали ему услуги. Еврейскимъ военнымъ округомъ само собой долженъ былъ командовать еврейскій вождь; слѣдовательно, и во времена Клеопатры долженъ былъ существовать арабархъ. Но, когда Цезарь былъ убитъ, а Антоній подпалъ волшебнымъ чарамъ Клеопатры, (41—31), она, безъ сомнѣнія, если и не отняла у арабарха власть совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ ограничила его.

Послѣ побѣды Октавіана надъ Антоніемъ, значеніе еврейскаго арабарха снова возвысилось. Оставивъ арабарху право взиманія портовыхъ сборовъ, Октавіанъ утвердилъ высокое его положеніе въ александрійской общинѣ. Во время долгаго царствованія Августа умерло по меньшей мѣрѣ два этнарха, имя одного изъ которыхъ можно еще указать. Въ 24 году жилъ одинъ этнархъ, о которомъ упоминаетъ Страбонъ. Онъ, должно быть, носилъ имя *Никаноръ*. Дѣло въ томъ, что, какъ сообщаютъ талмудическіе источники, одинъ человѣкъ изъ Александріи, при постройкѣ храма Ирода, пожертвовалъ двухстворчатыя двери изъ коринескаго свинца и привезъ ихъ изъ Александріи въ Іерусалимъ. Эти позолоченныя двери, не уступали по стоимости и золотымъ. Дверь, ведшая изъ перваго двора (женскаго) во внутрь храма, была названа, по имени ея жертвователя, дверью Никанора (שער ניקנור). Съ этими дверями связаны сказанія о томъ, какъ онѣ чудеснымъ образомъ были спасены во время кораблекрушенія и доставлены въ Іерусалимъ. Судя по этому, можно считать несомнѣннымъ, что нѣкто Никаноръ пожертвовалъ храму эти драгоцѣнныя двери. Онъ, должно быть, былъ чрезвычайно богатъ, также богатъ, какъ и арабархъ Александръ Лизимахъ, который позднѣе велѣлъ отдѣлать двери этого храма серебромъ и золотомъ, но только арабархи могли обладать такими сокровищами. Вотъ почему можно считать установленнымъ, что во время постройки храма Ирода жилъ арабархъ Никаноръ. Постройка храма началась въ 20 году, на 18 году царствованія Ирода; значитъ—Никаноръ жилъ тогда и должно быть 4 года до этого; именно про него Страбонъ сообщаетъ, что онъ носилъ княжескій санъ и обладалъ извѣстной властью. Онъ умеръ въ царствованіе Августа, обнародовавшаго послѣ этого постановленіе объ александрійскихъ евреяхъ. Другой былъ, быть можетъ, Лизимахъ, отецъ Александра. Этотъ Александръ былъ арабархомъ, должно быть, во времена Тиверія и ему во всякомъ случаѣ могло быть къ тому времени 40 лѣтъ. Онъ управлялъ имуществомъ младшей Антоніи. Младшій сынъ его Тиверій Александръ, въ возрастѣ, по крайней мѣрѣ, около 30 лѣтъ, былъ прокураторомъ Іудеи отъ 46 до 48 г. Старшаго сына Марка еще Агриппа помолвилъ со своей дочерью, очевидно, до 44 г.—года смерти этого царя, и Марку должно было быть по меньшей мѣрѣ двадцать лѣтъ. Его самаго, а не только его второго сына Тиверія, императоръ Тиверій принялъ въ Cens Юлія.

Этотъ арабархъ Александръ еще во времена Тиверія обладалъ крупными богатствами, ибо, когда Агриппа I былъ еще частнымъ человѣкомъ и авантюристомъ и за годъ до смерти Тиверія по уши въ долгахъ прибылъ въ Римъ (36), то Александръ снабдилъ его значительными суммами, чтобы онъ имѣлъ возможность вести образъ жизни, подобающій принцу. О немъ Флавій сообщаетъ, что онъ велѣлъ богато разукрасить двери храма золотомъ и серебромъ, что свидѣтельствуетъ какъ о его богатствѣ, такъ и о его привязанности къ іерусалимскому храму. Какъ уже было доказано, Александръ сдѣлалъ эти украшенія, должно быть, уже въ первые годы царствованія Тиверія. Онъ даже

во времена Августа могъ еще быть арабархомъ, ибо, если мы пріймемъ, что онъ жилъ въ 50 г. по Р. Х. (въ тотъ годъ, когда Дмитрій былъ уже арабархомъ), то онъ долженъ былъ, если ему было только 60 лѣтъ, родиться въ 10 г. до Р. Х. и двадцати лѣтъ отъ роду, еще до смерти Августа (14 по Р. Х) стать арабархомъ. Такимъ образомъ мы могли отмѣтить во времена Августа: до Никанора отъ 24—10 до Р. Х. и Лизимаха отъ X до Р. Х. до 10→13 по Р. Х. Флавій упоминаетъ еще объ одномъ арабархѣ *Дмитріи*, который былъ женатъ на второй дочери Агриппы I—Маріамнѣ. Такъ какъ эта Маріамна имѣла при смерти своего отца (44) 10 лѣтъ отъ роду (род. слѣд. 34) и отказала намѣченному отцомъ ея жениху Архелаю, сыну Хелькіи, прежде чѣмъ стать невѣстой Дмитрія, то ей при проявленіи своей самостоятельности было по меньшій мѣрѣ 15 лѣтъ. Бракъ ея съ арабархомъ Дмитріемъ состоялся, слѣдовательно, около 50 г.; Флавій также относитъ этотъ бракъ къ 54 году, т. е. ко времени смерти Клавдія (Древн. XX 7, 3). Дмитрій, слѣдовательно, могъ быть непосредственнымъ преемникомъ Александра. Хотя Флавій не указываетъ на ихъ родство между собой, но, такъ какъ они оба занимали, по его описанію, первое мѣсто среди александрійскихъ евреевъ по знатности и богатству, то и Дмитрій также, должно быть, происходилъ отъ арабарховъ и принадлежалъ къ первосвященническому роду Оніадовъ.

Отъ времени Нерона и несчастнаго исхода іудейско-римской войны не сохранилось никакихъ указаній относительно дальнѣйшаго существованія арабархіи. Въ источникахъ, говорящихъ о возстаніи александрійскихъ евреевъ противъ грековъ и избіеніи первыхъ, устроенномъ ихъ единоплеменникомъ Тиверіемъ Юліемъ Александромъ, тогдашнимъ префектомъ Египта (Іудейск. войны II 18, 8), нигдѣ не говорится о вмѣшательствѣ и защитѣ арабарха. Въ своемъ повѣствованіи о происшествіяхъ, связанныхъ съ разрушеніемъ Іерусалима, когда бѣжавшіе въ Египетъ зелоты продолжали тамъ войну съ римлянами, Флавій разсказываетъ, что знатнѣйшіе члены іудейско-александрійской герузіи рѣшили въ цѣляхъ собственной безопасности уничтожить зелотовъ (тамъ же VII, 10, 1). Подъ ними можно, конечно, подразумѣвать арабарха или этнарха и его родственниковъ; но это не обязательно. Однако, во время войны съ Адріаномъ упоминается имя одного еврейскаго вождя, въ которомъ можно видѣть потомка арабарха Александра (до нѣкоторой степени гадательно). Достовѣрное преданіе, связанное со стихомъ (Левитъ 26, 19) „Я сломлю гордыню вашего могущества“, относитъ его къ двумъ властителямъ—къ *Паппусу* и Юліану Александру (или александрійцу) и ихъ товарищамъ, которые представляли знать и гордость Израиля и были сломлены (Сифра въ отдѣлѣ Bechukatai IV) אחרים אומרים (ושברתי גאון עזכם) אלו הגאים שהם גאונם של ישראל כגון פפוס (בן יהודה) ולוליינוס אלכסנדרי וחביריו. Юліанъ Александръ напоминаетъ съ перваго взгляда арабарха Александра и Юлія Александра, младшаго полководца въ войскѣ Траяна, который во время возстанія парѳянъ и евреевъ, въ тылу императора, отдалъ совмѣстно съ Эруціемъ Кларомъ приказъ сжечь Селевкію. Этотъ Юлій Александръ, по предположенію Ренье, происходилъ отъ вѣроотступника Тиверія Юлія Александра, и одинъ изъ его потомковъ назывался Юліемъ Юліаномъ Александромъ. Юліанъ Александръ, должно быть, также происходилъ изъ рода арабарховъ, какъ и Юлій Александръ. Вотъ почему этотъ Юліанъ Александръ называется великимъ и знатнымъ, гордостью Израиля. Этотъ Юліанъ встрѣчается вмѣстѣ съ Паппусомъ, хотя и безъ фамиліи Александръ, въ разсказѣ

очевидца о томъ, какъ евреи во времена Іошуи бенъ-Хананія вздумали строить храмъ. Оба они поставили мѣняльные столы отъ Акко до Антіохіи, чтобы собирать деньги для постройки храма (Cenesis Rabba I. 64) הושיבו פפוס ולוליאנוס טרפיזין מעכו ועד אנטוכיא. Это случилось въ началѣ царствованія Адріана, когда онъ сдѣлалъ евреямъ уступки. Вообще доказано, что Паппусъ и Юліанъ, которыхъ всегда называютъ вмѣстѣ (иногда въ обратномъ порядкѣ—Юліанъ и Паппусъ) жили во времена Траяна и Адріана. Что въ этомъ столѣтіи въ Египтѣ еще существовалъ арабархъ, לברכים, который, какъ это передается въ преувеличенномъ видѣ, велъ всѣ дѣла, слѣдуетъ изъ интереснаго свѣдѣнія, которое уже выше было приведено. Это свѣдѣніе относится ко второй половинѣ второго вѣка, и говоритъ объ арабархахъ тогдашняго времени. Очевидно, что тогда существовалъ еще еврейскій арабархъ, несомнѣнно родственникъ Юліана Александра. Но другая вѣтвь этой семьи успѣла уже отпасть отъ іудейства и слиться съ римлянами. Къ числу этихъ принадлежитъ Юлій Александръ временъ Траяна, потомокъ его Юлій Юліанъ Александръ, даже Птоломей, сынъ его Апполоній и внукъ Юлій Птоломей, которые приведены въ одной надписи, но хронологію которыхъ нельзя установить. Они могутъ быть потомками Тиверія Юлія Александра. Такимъ образомъ, среди потомковъ арабарховъ или оніадовъ существовала языческая и еврейская линія. Отсюда и вытекаетъ интересный фактъ, что въ то время, когда языческій потомокъ семьи арабарховъ сражался при Траянѣ съ евреями въ союзѣ съ парѳянами, другой потомокъ того же рода Юліанъ Александръ вступался за своихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ при Траянѣ и Адріанѣ.

Арабархія своимъ возникновеніемъ обязана особенному положенію египетскихъ евреевъ при царѣ Филометорѣ, или вѣрнѣе, антагонизму между царственнымъ домомъ Птоломеевъ и Селевкидами. Антіохъ Епифанъ лишилъ первосвященника Оніаса III его сана, быть можетъ, казнилъ его и назначалъ первосвященниками недостойныхъ. Этотъ Оніасъ былъ противникомъ Селевкидовъ и сторонникомъ Птоломеевъ,—вотъ почему Филометоръ хорошо относился къ сыну его Оніасу IV и назначилъ его арабархомъ.

5.

Религіозные споры между евреями и самаритянами въ Александріи.

Разсказъ Флавія о полемикѣ относительно святости храма въ Іерусалимѣ и на горѣ Гаризимѣ, веденной между евреями и самаритянами передъ Филометоромъ (Древн. XIII 3, 4), я считаю по существу достовѣрнымъ. Въ пользу этого предложенія говорятъ завѣдомо историческія имена двухъ самаритянскихъ мудрецовъ Сабая и Ѳеодосія, которые представляли воззрѣнія своей секты. Имена эти встрѣчаются также и въ агадической литературѣ, допускающей, конечно, анахронизмъ и признающей ихъ основателями самаритянства. Имя Сабай полностью удержалось въ этихъ источникахъ. Ѳеодосій же, превращенный восточнымъ нарѣчіемъ въ Досифея, является подъ именемъ Достая Эти имена полностью сохранились въ Tanchuma (Vajescheb 40b) את דוכתאי ואת בר ינאי כביא ולמדו אותם (הכותים) בכתב. (Титулъ רבי и имя отца Достая нужно зачеркнуть, какъ невѣрныя поправки по памяти несвѣдущихъ переписчиковъ

Ср. Ялкутъ II. къ „цари“ 234; въ Pirké di R.-Elieser c. 38 изъ Достая вышло זכריה). Съ этимъ Достаемъ, Досифеемъ или Ѳеодосіемъ можно, пожалуй, связать происхожденіе *Досифеевъ* у Епифанія и Достани у арабскихъ писателей (ср. De Sacy Chrestomathie arabe II. 210 и Кирхгейма: Introductio in librum talmudicum de Samaritanis 25 и слѣд.) Сабаяне Епифанія, какъ самаритянская секта, получили, быть можетъ, свое названіе отъ Сабая. Основа разсказа Флавія о религіозномъ спорѣ сохранилась также въ Tarich'ѣ Абульфатаха и приводится въ связи съ переводомъ 70 толковниковъ. (Ср. Paulus Repertarium I. 124). Дѣйствительно, взятый подъ свою защиту Филометоромъ греческій переводъ еще сильнѣе воспламенилъ вражду между самаритянами и евреями и возбудилъ страсти. Для самаритянъ дѣло шло о томъ, чтобы спасти честь своего храма на Гаризимѣ. Какъ у Флавія, такъ и у Абулфатаха *Кибла* является внѣшней причиной спора, и у послѣдняго пребываніе святости историческихъ и пророческихъ писаній приводится только для того, чтобы опровергнуть ссылки евреевъ на эти сочиненія. Само собой разумѣется, указанія Флавія на торжественную клятву, что побѣжденные будутъ казнены, и что въ концѣ сторонники Ѳеодосія и Сабая погибли, представляютъ только хвастливыя прославленія александрійскихъ евреевъ. Еще болѣе сказочными являются эти споры въ изображеніи Абульфатаха, гдѣ миѳическій Эліазаръ, заимствованный изъ сказанія оби Аристеѣ, является защитникомъ евреевъ. Только одинъ пунктъ въ изображеніи Абульфатаха можно считать вѣрнымъ: это то, что у самаритянъ также сохранилось преданіе о публичномъ диспутѣ между евреями и самаритянами при дворѣ (פלטמה) Птоломея. Все остальное — имена дѣйствующихъ лицъ, способъ доказательствъ и благопріятный для самаритянъ исходъ спора является слѣдствіемъ партійнаго описанія съ цѣлью восполненія пробѣловъ преданія или, быть можетъ, съ цѣлью свести другіе спорные пункты между самаритянами и евреями на эту полемику. Должно быть, изъ этой полемики появились самаритянскія произведенія Ѳеодота и Эвполема-самаритянина.

6.

Хронологія войны Гиркана I съ Антіохомъ Сидетомъ и историческіе седьмые годы.

Годъ смерти Симона, начало царствованія Гиркана I, начало послѣдовавшей за этимъ осады Іерусалима Антіохомъ Сидетомъ и, наконецъ, время заключенія мира представляютъ хронологическія затрудненія при изслѣдованіи источниковъ. Симонъ убитъ въ мѣсяцѣ שבט 177 Sel. (Книга Мак. 14, 16) т. е. въ февралѣ или мартѣ 35 до Р. Х. Немедленно послѣ этого Гирканъ принялъ бразды правленія и осадилъ убійцу своего отца Птоломея, но онъ вынужденъ былъ снять осаду, потому что она слишкомъ затянулась и наступилъ *седьмой годъ*. (Древн. XIII, 8, 1). Такъ какъ Антіохъ Сидетъ въ 138 г. наслѣдовалъ своему плѣнному брату, то четвертымъ годомъ его царствованія является 135 г., онъ же является первымъ годомъ царствованія Гиркана. Это, должно быть, былъ седьмой годъ, начавшійся еще въ Tischri 136 г., слѣдовательно 136—135 былъ седьмой годъ. Осада Іерусалима продолжалась еще послѣ появленія плеядъ т. е. до Marcheschwan (Окт.), и заключеніе мира послѣдовало только послѣ

праздника кущей, т. е. послѣ Tischri (Сент. Окт.) Но въ какомъ году это случилось—неизвѣстно. Еще другой седьмой годъ связываетъ Флавій съ временемъ занятія Іерусалима *Иродомъ* и Сосіемъ. При этомъ Флавій отмѣчаетъ, что на время осады пришелся одинъ сельмой годъ (XIV, 16, 2). Какой-то седьмой годъ указанъ въ книгѣ Маккавеевъ, какъ приходящійся на 150 г. Сел. (8, 49 и 53), но всѣ эти хронологическія указанія не совпадаютъ и спеціалисты вслѣдствіе этого расходятся относительно указанія срока седьмого года. Къ этому нужно присоединить еще четвертое указаніе: талмудическіе источники разсказываютъ, что храмъ былъ разрушенъ на исходѣ седьмого года (מוצאי שביעית), т. е., что предшествовавшій разрушенію 68—69 г. былъ седьмымъ годомъ. Такъ какъ по указаніямъ невозможно точно установить сроки седьмыхъ годовъ, то нужно искать вѣрныхъ указаній въ другихъ источникахъ. Шюрреръ, думаемъ, совершенно правъ, находя, что вопреки предположенію многихъ хронологовъ, 40-41 годъ былъ не седьмымъ. Дѣло въ томъ, что въ этомъ году (10), въ которомъ Калигула велѣлъ поставить статую въ храмѣ, евреи съ отчаянія сначала оставили землю невоздѣланной, но поздней осенью, или въ началѣ зимы нѣсколько успокоились и приступили къ обработкѣ полей (тамъ же XVIII. 8, 3, Іуд. войны II. 10, 5). Въ виду же того, что поля фактически были обработаны, то изъ этого слѣдуетъ, что осень 40 г. не могла приходиться на седьмой годъ. Таково мнѣніе Шюррера (Курсъ новой исторіи стр. 17, № 13). Но можно прибавить къ тому еще одинъ существенный доводъ. Существуетъ преданіе объ Агриппѣ, будто онъ, по предписанію закона, торжественно читалъ изъ Пятикнижія при исходѣ седьмого года. Здѣсь рѣчь можетъ быть только объ *Агриппѣ I*, ибо сынъ его Агриппа II не былъ въ сущности царемъ іудейскимъ, такъ что онъ не имѣлъ права совершать это торжественное чтеніе. Кромѣ того его не признаютъ сторонникомъ закона и исполнителемъ всѣхъ предписываемыхъ имъ обязанностей. Напротивъ того вѣрность Агриппы I закону особенно подчеркивается Флавіемъ. Агриппа I былъ царемъ іудейскимъ съ января 41 г., года смерти Калигулы, до 44 г. Задолго до смерти Калигулы и еще во время смѣны царей онъ былъ въ Римѣ и вернулся въ Іудею только втеченіи 41 г., осыпанный почестями. Слѣдовательно, онъ не могъ осенью 41 г. торжественно заканчивать седьмой годъ, а могъ сдѣлать это только въ Tischri 42 г. Онъ не дожилъ до другого седьмого года; слѣдовательно, седьмой годъ долженъ былъ пасть на 41-42. Этотъ доводъ неопровержимъ.

Слѣдовательно, по Р. Х. Tischri 41-й, 48, 55, 62, 69 были седьмой годъ. Судя по этому, годъ разрушенія Іерусалима былъ седьмымъ годомъ. Такимъ образомъ, обычно принятое преданіе, которое указываетъ на 68 годъ, какъ на таковой, не достовѣрно и не можетъ быть принято за исходную точку при исчисленіи. Обратно Tischri 41-й, 27, 13 и 6 по Р. Х. были седьмымъ годомъ.

Рекомендуется, во избѣжаніе путаницы, сохранять при переходѣ къ до-христіанской эрѣ тотъ годъ на который приходится три четверти седьмого года. Такимъ образомъ, седьмой годъ христіанской эры былъ 7-мъ годомъ; слѣдовательно, первый годъ до-христіанской эры былъ такимъ же. Такими же были годы 8-й, 15, 22, 29, 36. Годъ 36 или Tischri 37 былъ также годомъ прощенія. И такъ, хронологическія указанія Флавія относительно года завоеванія Іерусалима Иродомъ содержатъ двоякаго рода противорѣчія. Онъ указываетъ на этотъ годъ, какъ 1) на годъ консульства *М. Агриппы* и *Конинія*, т. е. римскій

717 годъ=37, какъ 2) на послѣдній годъ 185, олимпіады=37. Эти цифры Флавій заимствовалъ, должно быть, изъ исторіи Николая изъ Дамаска, указанія котораго, какъ современника и друга Ирода, должны быть хронологически важными. 3) онъ указываетъ, что съ года завоеванія Іерусалима Помпеемъ до завоеванія его Иродомъ прошло 27 лѣтъ, т. е. начиная съ 63 до 37 г. и включая этотъ послѣдній, прошло 27 лѣтъ. Всѣ эти хронологическія указанія совпадаютъ, за исключеніемъ указанія на седьмой годъ, ибо во всякомъ случаѣ не 37 является таковымъ, а какъ мы уже упомянули 36. Седьмой годъ начался только съ осени 27 года. Судя по этому, во время осады, которая захватила весну и часть лѣта, не могъ еще вслѣдствіе седьмого года и по причинѣ нахожденія полей подъ паромъ произойти недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и голодъ. Въ другомъ указаніи онъ также впадаетъ въ противорѣчіе. Именно, онъ разсказываетъ, что послѣ завоеванія Іерусалима въ странѣ появилась страшная нужда; земля по причинѣ седьмого года не была обработана, потому что было запрещено сѣять въ этотъ годъ (XV. 1, 2). Но время посѣва является поздняя осень. Итакъ, седьмой годъ начался только нѣсколько мѣсяцевъ послѣ завоеванія Іерусалима, т. е. осенью 37 г. и продолжался до осени 36 г. Вѣрно, слѣдовательно, что завоеваніе Іерусалима произошло лѣтомъ 37 г., но невѣрно указаніе, будто голодъ во время осады еще увеличился по причинѣ седьмого года. Если 36 г. до Р. Х. былъ седьмымъ годомъ, то таковымъ же является 134, а не 135. Если осадныя дѣйствія Гиркана I противъ Птоломея продолжались до седьмого года (134), то они должны были продолжаться до *втораго* года царствованія Гиркана, но тогда война Антіоха I съ Гирканомъ не могла происходить въ *первый* годъ царствованія Гиркана. При этомъ хронологическомъ указаніи Флавій также впалъ въ заблужденіе, какъ и тогда, когда онъ старался подогнать къ этому факту послѣдній годъ олимпіады, если только это число не является опиской. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ усмотрѣть изъ этого, что Флавій дурно былъ освѣдомленъ относительно этого года, ибо онъ дважды указываетъ его ошибочно. Но его указанія, будто Антіохъ Сидетъ началъ войну съ Гирканомъ въ 135 г., должно быть, вѣрно, ибо для этого онъ указываетъ двѣ одинаковыя даты—первый годъ Гиркана и четвертый Антіоха, т. е. 135 г., и осада Іерусалима могла тянуться самое большее до осени 134 г., а не 133 г., какъ это обыкновенно принято считать.

Напротивъ, то указаніе въ книгѣ Маккавеевъ, будто 150 г. Сел.=162 былъ седьмымъ годомъ, по нашему вычисленію совершенно вѣрно и подтверждаетъ это вычисленіе. Если 150 г. Сел. былъ седьмымъ годомъ, то 1487 г. Сел. былъ такимъ же; 1437 г.—150=1337, что раздѣленное на 7 даетъ въ остаткѣ 0. Это совпадаетъ съ указаніями Маймонида, будто 1436 г. Сел. является *шестымъ* годомъ семилѣтнаго цикла (Письма въ Respp.): ולפי השבון זה היה שנה זו שהיא שנה (אלף) ששׁ ושׁבעים וארבע מאות לשׁטרות עשׂית בשׁבוע Итакъ, 1436 г. Сел. является шестымъ годомъ, а 1487=1176 христіанской эры седьмымъ годомъ. Напротивъ того, неосновательно упомянутое Маймонидомъ преданіе гаоновъ или Р. Гая, будто 1486 г. Сел.=1175 г. былъ седьмымъ годомъ. Таблица седьмыхъ годовъ Цукермана, основанная на этихъ неправильныхъ предположеніяхъ, оказывается недостовѣрной (Прогр. евр. теол. семинар. 1857 стр. 43 и слѣд.). Эта таблица устанавливаетъ седьмые годы годомъ раньше, чѣмъ они были.

7.

Еврейскія посольства въ Римѣ и документы въ пользу евреевъ.

I. Посольства.

Первая книга Маккавеевъ и придерживавшійся ея Флавій разсказываютъ о трехъ великихъ хасмонейскихъ вождяхъ—Іудѣ, Іонатанѣ и Симонѣ, какъ о лицахъ, вступившихъ въ союзъ съ римлянами съ цѣлью обезпечить свои завоеванія отъ притязаній сирійцевъ и частью, чтобы укрѣпить за собой другія выгоды. Подробно повѣствуется о посольствахъ во времена Іуды (книга Мак. 8, 17—32; Древн. XII. 10, 6); во времена Іонатана (книга Мак. 12, 1 и слѣд. Флавій тамъ же XIII. 5, 8); во времена *Симона* (книга Мак. 14, 24; 15, 15). Историческая достовѣрность этихъ посольствъ и ихъ успѣховъ подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію, хотя подробности подкрѣплены документальными данными и приводимыми именами. Римляне не могли никоимъ образомъ заключать съ Іудой, являющимся въ концѣ концовъ только счастливымъ гвереліяскимъ вождемъ, военный союзъ, независимо отъ союза дружбы. Вотъ почему посольство временъ Іонатана также становится сомнительнымъ; краткое посланіе его къ римлянамъ намекаетъ на раннѣе заключенный военный союзъ. Еще болѣе сомнительнымъ кажется отчетъ объ этомъ посольствѣ, потому что оно якобы отправлялось и въ Спарту, чтобы возобновить со спартанцами, „братьями евреевъ", братскій союзъ. Посольству въ Спарту источникъ посвящаетъ подробное описаніе, а съ одновременнымъ посольствомъ онъ раздѣлывается въ немногихъ словахъ. Чрезвычайно дружественное отвѣтное посланіе изъ Спарты приводится дословно (14, 20 и слѣд.) въ то время, какъ антиграфъ къ Іонатану изъ Рима отсутствуетъ. Родственныя отношенія евреевъ и спартанцевъ являются слабой стороной книги Маккавеевъ. Если источники, начиная со Спарты, вымышлены и, слѣдовательно, извѣстіе о посольствѣ въ Спарту недостовѣрно, то тѣсно связанный съ этимъ разсказъ о посольствѣ въ Римъ во времена Іонатана не можетъ вызвать особеннаго довѣрія. Къ этому присоединяется еще одно затрудненіе; разсказъ о посольствѣ Симона въ Римъ не упоминаетъ о происходившихъ тамъ переговорахъ, не говоритъ о возобновленіи дружбы и военнаго союза, а просто сухо разсказываетъ, что Симонъ отправилъ Нуменія въ Римъ заключить союзъ. Еще болѣе странно, что приведено извѣстіе, которое Нуменій и его товарищи привезли изъ Рима, но которое не адресовано непосредственно Симону или еврейскому народу, а Птоломею и другимъ князьямъ, городамъ и островамъ, чтобы сообщить имъ о возобновленіи Симономъ союза. Почему книга Маккавеевъ не сообщаетъ адресованнаго Симону извѣщенія? Циркулярное посланіе изъ Рима вызываетъ новыя сомнѣнія, во главѣ ихъ лежитъ имя консула Люція. Флавій сообщаетъ извѣщеніе римскаго сената первосвященнику, Гиркану, въ которомъ идетъ рѣчь о посольствѣ евреевъ въ Римъ (Древн. XIV 8, 5) Флавій передаетъ объ этомъ извѣщеніи такъ, какъ будто бы Юлій Цезарь составилъ его для Гиркана II. Но всѣ спеціалисты смотрятъ на это, какъ на ошибку. Это извѣщеніе, является ли оно достовѣрнымъ или нѣтъ, относятъ къ Гиркану I. Такимъ образомъ, какъ въ извѣщеніи Симону, такъ и въ извѣщеніи Гиркану I фигурируетъ какой-то Левкій. Чтобы не было никакихъ сомнѣній въ ихъ тождественности, оба они говорятъ о тяжеломъ золотомъ щитѣ, который еврейскіе посланники привезли, какъ знакъ дружбы, въ Римъ. Итакъ, Симонъ будто бы отправилъ пословъ съ золотымъ щитомъ, изъ коихъ одинъ назывался *Нуменій бенъ-Антіохъ*. Въ числѣ пословъ, которыхъ (по Флавію) Гирканъ отправилъ туда же съ золотымъ щитомъ, встрѣчается также человѣкъ по имени Нуменій бенъ-Антіохъ. Итакъ, существуютъ подозрѣнія относительно достовѣрноти этихъ посольскихъ извѣщеній, а потому достовѣрность извѣстій о посольствѣ подлежатъ сомнѣнію.

Въ новѣйшее время эти извѣщенія, которыя Флавій приводитъ изъ другихъ источниковъ, привлекали вниманіе первостепенныхъ изслѣдователей. *Ф. Ритшель* и *Т. Момзенъ* подвергли ихъ критическому изслѣдованію съ цѣлью по возможности дополнить недостающіе годы консульствъ во второмъ столѣтіи до Р. Х. *Людвигъ Мендельсонъ* посвятилъ имъ подробное и основательное изслѣдованіе въ журналѣ Acta societatis philologicae Lips. 1875 т. V. Здѣсь вниманіе направлено главнымъ образомъ на имена римскихъ сановниковъ, которые названы въ этихъ источникахъ, а еврейская исторія затронута только по пути.

Мы перешли бы скромныя границы примѣчанія, если бы мы пожелали прослѣдить обширную и не всегда ясную аргументацію Мендельсона съ цѣлью критически разсмотрѣть ея выводы. Здѣсь можно указать только на самое существенное въ ней.

Я никоимъ образомъ не могу согласиться съ предположеніемъ Мендельсона, будто Senatusconsulti, или, какъ иначе называются извѣщенія въ первой книгѣ Маккавеевъ, сплошь достовѣрны. Существуютъ слишкомъ вѣскіе доводы противъ извѣщеній, отнесенныхъ ко времени Іуды и Іонатана. Что касается самаго факта отправки посольствъ, то ихъ нужно подтвердить другими источниками, при желаніи смотрѣть на нихъ, какъ на достовѣрные. Іустинъ или Трои Помпей говоритъ о союзѣ евреевъ съ римлянами и относитъ его ко времени Дмитрія. „Когда евреи отложились отъ Дмитрія и искали дружбы съ Римомъ, то они первые изъ всѣхъ восточныхъ народовъ добились свободы, ибо римляне охотно соглашались на то, что отъ нихъ не зависѣло" (**36**, 3). Изъ начала главы мы можемъ заключить, о какомъ Дмитріи идетъ рѣчь,—это Дмитрій Никаторъ. Первый союзъ съ римлянами относится, слѣдовательно, ко времени Симона. Далѣе, вторая книга Маккавеевъ (**4**, 11) сообщаетъ при случаѣ, что *Эвполемъ*, сынъ Іоанна, прославился тѣмъ, что выполнилъ посольское порученіе относительно союза съ римлянами. Это свѣдѣніе, хотя оно поставлено безъ всякой задней цѣли и указываетъ о какомъ Эвполемѣ идетъ рѣчь, однако, представляетъ малую цѣнность, ибо и здѣсь рѣчь идетъ о военномъ союзѣ. Кромѣ того, остается невыясненнымъ время, когда еврей былъ еврейскимъ посломъ въ Римѣ. Наконецъ, въ извѣщеніи, которое народъ отправилъ Симону въ признаніе его заслугъ передъ отечествомъ и вѣрой, особенно выдвигается слѣдующее обстоятельство: Симонъ постарался о томъ, чтобы римляне приняли евреевъ въ качествѣ друзей и союзниковъ и предупредительно обращались съ посольствомъ (книга Маккав. **14**, 40). Какъ рѣзко отличается этотъ скромный тонъ отъ тѣхъ описаній, по которымъ евреи представлены стоящими наравнѣ съ римлянами. Это извѣщеніе съ чувствомъ удовлетворенія отмѣчаетъ, что дѣло дошло до того, что можно было заключить соглашеніе съ римлянами и что посламъ Симона въ Римѣ былъ оказанъ радушный пріемъ. Въ тоже время, по другому документу, еще Іуда Маккавей заключилъ тѣсный союзъ съ Римомъ, по которому римляне были обязаны оказывать евреямъ въ слу-

чаѣ войны союзническую поддержку. Мы покуда остановимся на Симонѣ. Онъ намѣренъ былъ обратиться къ римлянамъ съ предложеніемъ заключить союзъ,такъ какъ онъ купилъ и отстоялъ независимость Іудеи отъ царей Дмитрія II и Антіоха Сидета. Симонъ былъ несомнѣнно первымъ, который въ сознаніи слабости своего политическаго положенія хотѣлъ опереться на Римъ, и народъ отнесъ этотъ поступокъ къ его многочисленнымъ заслугамъ, ибо этимъ онъ возвелъ его на степень самостоятельнаго народа. Гавань Яффы представляла для Іудеи жизненную важность, если не въ отношеніи судоходства, то въ отношеніи экспорта и импорта. Поэтому хасмонейскіе правители чеканили на своихъ монетахъ изображеніе якоря. Фактически Іудея владѣла этой гаванью во времена Симона, ибо Антіохъ Сидетъ требовалъ сдачи Яффы и защищавшей ее Газары, и когда Симонъ отказалъ ему въ этомъ, то возгорѣлась война. Въ числѣ мирныхъ условій, которыя тотъ же Антіохъ навязалъ Гиркану I, было также требованіе, чтобы Іудея платила пошлину съ товаровъ, входящихъ и выходящихъ изъ Яффы (Древн, XIII 8. 3). Всѣ три указанныя извѣщенія или Senatusconsulti гарантируютъ Іудеѣ *свободный портъ*. Всѣ три они никоимъ образомъ, не могутъ относиться къ одному и тому же царствованію Симона или Гиркана I. Они, слѣдовательно, должны быть распредѣлены между ними. Senatusconsulti, въ которыхъ опредѣленно указанъ царь Антіохъ, относятся несомнѣнно ко времени Гиркана I. Слѣдовательно, то извѣщеніе, въ которомъ упоминается о послѣ Нуменіи и доставленіи золотого щита, нужно отнести ко времени Симона, какъ это и предполагаютъ Ритшель и Мендельсонъ.—Senatusconsulta у Флавія (XIV. 8, 5), которое адресовано Іудеѣ или Симону лично, точнѣе опредѣляетъ предметъ просьбы. Еврейскіе послы потребовали свободы порта и признанія своей самостоятельности. Слѣдовательно, они отъ имени Симона или государства просили признанія за ними права собственности на Яффу, и Сенатъ подтвердилъ его имъ. Напротивъ того, Senatusconsulta въ книгѣ Маккавеевъ, (**15**, 15 и слѣд.), которое въ интересахъ Симона адресовано римскимъ союзникамъ, не упоминаетъ о свободной гавани и говоритъ только о томъ, чтобы римскіе союзники не причиняли евреямъ зла, не воевали съ ними и не оказывали никакой помощи ихъ врагамъ. Ритшель и Мендельсонъ относятъ эти одновременныя Senatusconsulti къ 615 римскому—139 г.. но это не строго доказано.

Если эти senatusconsulti относятся ко времени Симона, то обѣ другія (Флавій XIII. 9, 2 и такъ назыв. *пергамскіе* XIV. 10, 22) нужно отнесть само собой ко времени Гиркана I, ибо за то короткое время, которое Симонъ прожилъ послѣ изданія раньше названнаго Senatusconsulta, если мы даже пріймемъ 139 г., онъ отъ 139 до 135 г. ни въ коемъ случаѣ не могъ дважды отправлять въ Римъ посольства по одному и тому же поводу. Да онъ и не нуждался въ этомъ, такъ какъ фактически онъ владѣлъ Яффой и Газарой послѣ того, какъ его сыновья побѣдили полководца Антіоха Сидета Кандебая. Но Гирканъ I долженъ былъ по тому же поводу обратиться съ просьбой въ Римъ, ибо онъ, согласно мирному договору съ Антіохомъ Сидетомъ, долженъ былъ сдать Яффу; но, такъ какъ для страны являлось настоятельной потребностью владѣть ими, по крайней мѣрѣ, совладѣтельствовать портовымъ городомъ, то ему пришлось черезъ своихъ пословъ искать въ Римѣ подтвержденія этого права ссылками на предшествовавшія Senatusconsulti. Когда онъ отправилъ это посольство? Флавій совершенно вѣрно относитъ его къ періоду послѣ пораженія Антіоха Сидета въ Парѳіи. (Древн. XIII 8, 4, гдѣ говорится объ этомъ

пораженіи; 9, 2 о посольствѣ). Смыслъ Senatusconsulti также указываетъ на это же время. Вотъ почему посольство и Senatusconsulta могутъ относиться только къ періоду послѣ 128 г., года пораженія Антіоха Сидета, ибо отъ заключенія мирнаго договора съ этимъ царемъ до его пораженія Гирканъ жилъ съ нимъ въ мирѣ; онъ сопровождалъ его съ войсками въ походъ противъ парѳянъ. Вотъ почему Мендельсонъ не правъ, относя эти Senatusconsulti къ 133 году. *Кай Фанній, сынъ Марка,* который фигурируетъ въ этомъ извѣщеніи, родился только въ 174 г. и въ 122 г. сталъ консуломъ, какъ *Момзенъ* самъ доказалъ. Значитъ, онъ только послѣ 128 г. могъ сдѣлаться преторомъ, какъ онъ названъ въ этомъ Senatusconsulti. Римъ, слѣдовательно, устами Фаннія подтвердилъ права Гиркана на Яффу и Газару (ср. XIV. 10, 6), потому что право собственности евреевъ на Яффу было, согласно извѣщенію, признано со стороны римлянъ, и Гирканъ фактически завладѣлъ ими, какъ это разсказываетъ Флавій. Если въ такъ называемыхъ пергамскихъ сообщеніяхъ (тамъ же XIV. 10, 22) передается снова о посольствѣ Гиркана въ Римъ и о вторичномъ подтвержденіи его права на портъ посредствомъ Senatusconsulta, то это ни въ коемъ случаѣ не можетъ относиться ко времени Антіоха Сидета, который, если даже и дожилъ до 126 г., пересталъ существовать для политическаго міра съ 128 г. Сверхъ того, въ этомъ источникѣ совершено опредѣленно идетъ рѣчь о другомъ Антіохѣ, именно Антіохѣ, сынѣ Антіоха. Подъ этимъ именемъ можно подразумѣвать только *Антіоха Кизикена,* сына Антіоха Сидета, который самъ царствовалъ отъ 113 до 110 г. Этотъ Антіохъ разорилъ Іудею и помогалъ Самаріи противъ Гиркана (**10**, 1-2). Очевидно, въ пергамскомъ извѣщеніи идетъ рѣчь объ этомъ насиліи; тамъ же указано, что этотъ Антіохъ поставилъ въ Яффѣ гарнизонъ. Судя по этому, эти происшествія—второе посольство Гиркана въ Римѣ и касающееся этого Senatusconsulta относятся къ періоду между 113 и 110 годами. Мендельсонъ относитъ ихъ къ 133 г., вопреки категорическому указанію въ Senatusconsulta, что оно направлено противъ Антіоха, сына Антіоха, т. е. Антіоха Кизикена.

Изъ четырехъ Senatusconsulti, которыя Флавій считаетъ добытыми усиліями еврейскихъ посольствъ, самымъ старшимъ, является то, которое было адресовано Симону (Древн, XIV. 8, 2). Его послами были *Александръ*, сынъ Язона, *Нуменій*, сынъ Антіоха и *Александръ*, сынъ Доротея. Предположеніе Флавія, что оно будто было составлено въ пользу Гиркана II, ошибочно.—Второе адресовано Гиркану I (XIII. 9, 2); при этомъ фигурировали *Симонъ* сынъ Досифея, *Аполлоній* сынъ Александра и *Діадоръ* сынъ Язона. Это Senatusconsulta относится ко времени послѣ 128 г.—Третье въ хронологическомъ порядкѣ также адресовано этому Гиркану, но позднѣе между 113 и 110 г. Во второй депутаціи изъ участниковъ перваго посольства фигурировалъ только Аполлоній сынъ Александра и съ нимъ еще четверо, которые раньше не были названы. Четвертое извѣщеніе адресовано Гиркану второму по настояніямъ пословъ *Лизимаха* сына Павзанія, *Александра* сына Ѳеодора, *Патрокла* сына Херея и *Іонатана* сына Аная. (Т. же 10, 10). Изъ этихъ пословъ Александра и Лизимаха Гирканъ II отправлялъ и съ другими порученіями. Имена посланниковъ могутъ служить указаніями при критическомъ изслѣдованіи.

II. Извѣщенія, благопріятныя для евреевъ.

Какъ оказывается, Флавій не на подлежащемъ мѣстѣ упомянулъ о двухъ извѣщеніяхъ (1 и 3). Въ XIV Книгѣ (10) онъ приводитъ массу извѣщеній, приказовъ и Senatusconsulti, главнымъ образомъ изъ временъ Цезаря, но даетъ ихъ въ такомъ безпорядкѣ и частями такъ отрывочно, что историки сомнѣваются въ возможности привести ихъ въ порядокъ, хронологически установить факты и воспользоваться ими, какъ достовѣрнымъ историческимъ матеріаломъ. Причина этой путаницы заключается въ обстоятельствахъ жизни Флавія. Во время своего пребыванія въ Римѣ онъ получилъ отъ своихъ друзей, имѣвшихъ доступъ въ архивы, документы переписанные со вторыхъ и третьихъ рукъ. Онъ очень дорожилъ этими документами не столько въ интересахъ исторической науки, сколько въ видахъ аналогіи. Онъ желалъ наглядно доказать друзьямъ и врагамъ евреевъ, что послѣднимъ покровительствовали римскіе властители, начиная съ Юлія Цезаря и другихъ консуловъ и консуляровъ. Само собой онъ долженъ былъ пользоваться услугами переписчиковъ, извлекавшихъ для него эти документы изъ архивовъ, доставлявшихъ ему списки таковыхъ не по порядку, безъ всякой послѣдовательности и частью даже не полностью списанными. Флавій долженъ былъ бы, конечно, привести эти копіи въ порядокъ, какъ по содержанію, такъ и по хронологіи, но для этого у него не хватило критическаго чутья. Онъ судилъ только по первому впечатлѣнію; вотъ почему онъ отнесъ извѣщенія временъ Симона и Гиркана I къ исторіи Гиркана II. Онъ, быть можетъ, позволилъ себѣ даже не безъ умысла нѣкоторую мистификацію. Онъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы собрать возможно больше доказательствъ тому, что Цезарь и его друзья издавали благопріятныя для евреевъ законоположенія. Вотъ почему онъ относилъ ко времени Гиркана II и тѣ изъ документовъ, которые были составлены задолго до этого, такъ какъ Юлій Цезарь и сенатъ утвердили его въ должности этнарха евреевъ. Другой ошибкой Флавія является то, что онъ велѣлъ перевести на греческій языкъ извѣщенія, написанныя по-латыни; при этомъ были неизбѣжны искаженія оффиціальнаго стиля.—Людвигъ Мендельсонъ (въ указанномъ выше трактатѣ) освѣтилъ эти неясно переданныя извѣщенія и привелъ ихъ въ хронологическій порядокъ. Начатая имъ хронологическая таблица: Epimetrum II. Romanorum cum Iudaeis commercium publicum complectens, будетъ здѣсь приведена.—Но такъ. какъ я не согласенъ со всѣми его выводами, то я долженъ оправдать свои пункты разногласія, хотя я охотно сознаюсь, что безъ его трактата не могъ бы сдѣлать этого.

Обзоръ извѣщеній.

		Древн. XIV. 10 §	Дата
1)	Отчетъ о публичныхъ переговорахъ въ Эфесѣ относительно освобожденія малоазіатскихъ евреевъ отъ воинскаго набора по причинѣ ихъ религіознаго убѣжденія и заключенія консула *Л. Лентула* въ этомъ духѣ	19	19 сент. 49 Ante
2)	Краткій отчетъ о предварительномъ совѣщаніи по этому поводу вербовщиковъ солдатъ	18	Та же дата
3)	Краткій эдиктъ консула Лентула, предназначенный для опубликованія и касающійся освобожденія евреевъ отъ военной службы.	16	Та же дата

		Древн. XIV. 10 §	Дата
4)	Посланіе *Тита Амплія Бальба* эфескому магистрату съ указаніями на то, что по его представленію консулъ Лентулъ согласился на это освобожденіе и что важные римскіе сановники *Люцій Антоній* и *Фанній* подтвердили эдиктъ	13	49 20 сен.
5)	Рѣшеніе *Люція Антонія* сообщенное магистрату города *Сардъ* относительно того, что евреямъ этого города разрѣшено составлять законныя сборища и имѣть собственное судопроизводство	17	Должно быть 49
6)	Извѣщеніе начальству острова *Делоса* о томъ, что согласно эдикту консула Лентула евреи освобождены отъ военной службы	14	Май 48 г.
7)	Эдиктъ *Юлія Цезаря* въ пользу Гиркана II и посланіе къ Сидонянамъ, чтобы они на мѣдной доскѣ латинскими и греческими надписями опубликовали милости, дарованныя Гиркану.	2	Около іюля 47 г.
8)	Тотъ же эдиктъ, касающійся разрѣшенія возобновить стѣны Іерусалима и системы налоговъ . . .	5	Г. же дата
9)	Senatusconsulta, въ которомъ Гиркану и странѣ оказаны нѣкоторыя милости: a) система налоговъ и облегченія для седьмого года, b) освобожденіе отъ воинской повинности, обязательства давать зимнія квартиры и уплаты контрибуціи; c) система налоговъ въ Яффѣ; d) права собственности на земли въ равнинѣ Іезреель, Лиддѣ и другихъ территоріяхъ, которыя нѣкогда принадлежали Іудеѣ; e) почести, оказанныя Гиркану и его посламъ въ Римѣ; f) согласіе сената на просьбы Гиркана	6	До декабря 47 г.
10)	Публичное извѣщеніе Цезаря и сената объ ихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Гирканомъ, о подтвержденіи его правъ и о декретѣ, по которому это извѣщеніе должно быть опубликовано на мѣдной доскѣ на двухъ языкахъ, при томъ не только въ Капитоліи, но и въ Сидоніи, въ Тирѣ и Аскалонѣ	3—4	Та же дата
11)	Выговоръ, сдѣланный проконсуломъ гражданамъ Паріума по поводу ихъ враждебности къ еврейскимъ согражданамъ, проявившейся въ ихъ отношеніяхъ къ публичнымъ собраніямъ и сборамъ на храмъ . . .	8	Должно быть начало 45
12)	Увѣщаніе проконсула *Публія Сервилія*, обращенное къ магистрату *Милета* относительно непрепятствованія евреямъ въ исполненіи ихъ религіозныхъ обрядовъ	21	46—45
13)	Отвѣтное посланіе Лаодикеянъ, проконсулу Азіи съ обѣщаніемъ слѣдовать его увѣщаніямъ и не мѣшать евреямъ въ исполненіи обрядовъ ихъ религіи . . .	20	45—45
14)	Рѣшеніе гражданъ *Сарда*, въ отвѣтъ на просьбу евреевъ, дароватъ имъ свободу вѣроисповѣданія, отвести мѣсто подъ молитвенный домъ и даже озаботиться о допущеніи соотвѣтственной ихъ ритуалу пищи	24	46—45
15)	Рѣшеніе гражданъ *Галикарнаса* не мѣшать евреямъ въ исполненіи обрядностей ихъ религіи, такъ какъ римляне даровали имъ это право.	23	Февраль 46—45
16)	Посланіе Цезаря сенату съ просьбой, въ благодарность Гиркану и еврейскому народу за выказанную привязанность къ римлянамъ, даровать имъ разныя льготы.	7	Февраль 44 г. ?
17)	Удостовѣреніе двѣнадцати квесторовъ въ томъ, что сенатъ, по предложенію Цезаря, принялъ Senatusconsulta въ пользу евреевъ, сдѣлавъ это даже до фев-		

		Древн. XIV. 10 §	Дата
	ральскихъ *Идъ*, но что оно не было положено въ казнохранилище, а консулы *Долабелла* и *Маркъ Антоній* уклонились отъ заготовленія въ двухъ экземплярахъ соотвѣтствующихъ досокъ.	10	11 апѣля 44 г.
18)	Разрѣшеніе консула Долабеллы, объявленное по просьбѣ *Гиркана* гражданамъ города Эфеса и другихъ малоазіатскихъ городовъ черезъ посланника Александра, сына Ѳеодора, освободить евреевъ отъ воинской повинности, позволить имъ отправлять религіозныя обрядности, устраивать союзы и собирать пожертвованія на храмъ	12	Январь 43 г.
19)	Эдиктъ магистрата *Эфеса*, послѣдовавшій вслѣдствіе просьбы евреевъ, обращенной къ проконсулу *Юнію Бруту*, и данное имъ послѣднимъ разрѣшеніе безнаказанно соблюдать субботу и другія религіозныя обрядности	23	Конецъ марта 42 г.

8

Отпаденіе Гиркана I отъ фарисейства.

Кромѣ свѣдѣній, которыя Флавій почерпалъ главнымъ образомъ изъ иностранныхъ источниковъ, отъ исторической литературы временъ послѣднихъ хасмонеевъ почти ничего не сохранилось. Интересно то, что Талмудъ сохранилъ для насъ отрывокъ значительнаго историческаго сочиненія, который сможетъ послужить Флавію оправданіемъ и представляетъ одновременно примѣръ еврейскаго историческаго стиля того времени. Отрывокъ гласитъ слѣдующее (Kidduschin 66 a):

(מעשה ב) ינאי המלך שהלך לכוחלית שבמדבר וכיבש שם ששים כרכים ובחזרתו היה שמח שמחה גדולה וקרא לכל חכמי ישראל . אמר להם אבותינו היו אוכלים מלוחים בזמן שהיו עסוקים בבניין בית המקדש אף אנו נאכל מלוחים זכר לאבותינו . והעלו מלוחים על שולחנות של זהב ואכלו . היה שם איש אחד בליעל ואלעזר בן פועירה שמו . ויאמר אלעזר בן פועירה לינאי המלך . ינאי המלך לבם של פרושים עליך . ומה אעשה ? הקם להן בציץ שבין עיניך . הקים להם בציץ שבין עיניו . היה שם זקן אחד ויהודה בן גרידים שמו . ויאמר יהודה בן גדידים לינאי המלך רב לך כתר מלכות הנח כתר כהונה לזרעו של אהרון . שהיו אומרים אמו נשבית במודיעים . ויבוקש הדבר ולא נמצא . ויבדלו חכמי ישראל בועם . ויאמר אלעזר בן פועירה לינאי המלך: ינאי המלך הדיוט שבישראל כך הוא דינו ואתה הוא מלך וכהן גדול כך הוא דינך ? ומה אעשה ? אם אתה שומע לעצתי רומסם — ותיצן הרעה על ידי אלעזר בן פועירה ויהרגו כל חכמי ישראל והיה העולם משתומם עד שבא שמעון בן שטח והחזיר התורה ליושנה.

Этотъ разсказъ передаетъ, правда, аморай, жившій въ 4-омъ столѣтіи, но онъ безусловно древнѣе и составляетъ часть полнаго историческаго произведенія. Древнееврейскій историческій стиль цѣликомъ живетъ въ немъ, стиль, который не встрѣчается болѣе въ талмудическсй литературѣ. Такое изложеніе не могло сохраниться въ чистомъ видѣ въ устной передачѣ. Правда, здѣсь въ концѣ Іоаннъ Гирканъ смѣшивается съ Іонатаномъ, Яннай съ Александромъ, но эта путаница могла произойти по винѣ цитирующаго. Слово הקים имѣетъ здѣсь оригинальное значеніе—подвергать испытанію, если только выраженіе это не искажено. Повѣствованіе Флавія объ этомъ случаѣ (Древн. XIII 10, 5—6) совпадаетъ въ главнѣйшихъ чертахъ съ этимъ отрывкомъ. И въ его редакціи разрывъ начался во время пиршества. Фарисеи предъявили Гиркану требованіе сложить съ себя санъ первосвященника, ибо мать его во время Антіоха Эпифана была взята въ плѣнъ. Флавій расходится съ нимъ только въ собственныхъ именахъ; въ его редакціи *Элеазаръ* былъ фарисеемъ, а возбудившій ссору совѣтникъ былъ саддукей *Іонатанъ*. Темное мѣсто въ отрывкѣ: „простой сынъ Израиля могъ бы пользоваться подобнымъ правомъ, и царь Израиля долженъ пользоваться только этимъ правомъ“—объясняется соотвѣтствующимъ мѣстомъ у Флавія. Гирканъ былъ разгнѣванъ тѣмъ, что оскорбитель чести его матери былъ приговоренъ фарисейскимъ синедріономъ не къ смертной казни, а къ сравнительно легкому наказанію плетьми и тюремному заключенію. Въ этихъ разногласіяхъ нельзя опредѣлить съ точностью, на чьей сторонѣ правда, но изъ ихъ совпаденій можно съ увѣренностью сказать, что обѣ редакціи вытекаютъ изъ одного и того же источника, Если бы можно было вѣрить Флавію въ томъ, что онъ до сочиненія книги „О еврейской войнѣ“ написалъ для евреевъ варварскихъ странъ, т. е. Вавилоніи и Парѳіи, исторію на еврейскомъ языкѣ (Prooem. къ евр. войнамъ I, 1), то не трудно было бы допустить, что этотъ отрывокъ сохранился изъ его іудейской исторіи, писанной на еврейскомъ языкѣ. Но Флавій нерѣдко проявляетъ полное незнаніе еврейскаго языка. Элеазаръ, который по обоимъ источникамъ далъ первый толчокъ къ разрыву Гиркана съ фарисеями, быть можетъ, тожественъ съ тѣмъ *Элеазаромъ бенъ-Пахура*, о которомъ очень достовѣрный источникъ говоритъ, будто онъ со своимъ братомъ Іудой во времена Гиркана десятаго пытался насильно захватить власть (Jerus. Sota. стр 24 a. и слѣд.) משבא אלעזר בן פחורה ויהודה בן פחורה היו נוטלין גותן בורוץ. Чтеніе имени отца Элеазара колеблется между פחורה и פחורה, быть можетъ гласило: פועירה. Оба источника также расходятся въ вопросѣ о томъ, какъ Гирканъ держалъ себя по отношенію къ фарисеямъ послѣ своего разрыва съ ними; оба они, какъ кажется, смѣшали первоначальные факты съ позднѣйшими происшествіями. По этому отрывку Гирканъ будто бы велѣлъ казнить фарисеевъ. Эта фраза противорѣчитъ выраженію: ויבדלו חכמי ישראל בועם. Флавій ничего не знаетъ о кровавыхъ преслѣдованіяхъ фарисеевъ Гирканомъ, но онъ за то приводитъ другой фактъ, будто Гирканъ запретилъ исполнять фарисейскіе обряды и наказывалъ за нарушеніе запрещенія (Древн. XIII 16, 2) Это собственно сводится почти къ тому же ибо фарисеи несомнѣнно пренебрегли этимъ запрещеніемъ и должны были поэтому подвергаться назначеннымъ Гирканомъ наказаніямъ. Возможно, однако, что выраженіе ויהרגו כל חכמי ישראל относится не къ Гиркану, а къ Александру Яннаю, который дѣйствительно велѣлъ казнить фарисеевъ.

Здѣсь умѣстно обратиться къ распоряженіямъ Гиркана, къ которымъ принадлежитъ и такъ называемыя זוגות и исправить при этомъ ошибочное пониманіе этого факта. Мишна передаетъ, что первосвященникъ Іохананъ (Гирканъ) отмѣнилъ постановленіе о полученіи десятины и въ его время никто не долженъ былъ заботиться объ этомъ при уборкѣ хлѣба (Sota IX, 11): יוחנן כהן גדול העביר את הודיות המעשר... וכימיו אין אדם צריך לשאול על הדמאי Это указываетъ, очевидно, на то, что распоряженіе его было такое категорическое, что не могло быть никакихъ толковъ относительно взиманія десятины. Съ этимъ совпадаетъ выраженіе въ Tosefta (т. же. XIII) וכטל (וידוי l.) גזר על הוראי אף הוא (יוחנן כ״ג)

את הדמאי. Разсказъ, который тамъ приведенъ, указываетъ также на то, что вслѣдствіе распоряженія Гиркана не было никакихъ сомнѣній въ сборѣ десятины. Какія распоряженія онъ сдѣлалъ? Тамъ же въ Jerus. и Maasser Scheni (конецъ), по этому поводу сказано בימיו אין אדם צריך לשאול על הדמאי: שהיו עמיד זוגות Смыслъ тутъ таковъ, что даже самый резностный фарисей могъ, не задумываясь, покупать у перваго встрѣчнаго хлѣбъ, такъ какъ приставленные для этого левиты изъ собственныхъ интересовъ заботились о тщательномъ исполненіи предписанія. Слѣдовательно, во времена Гиркана не было основанія заботиться о хлѣбѣ, съ котораго еще не была снята десятина.

9.

Три секты.

О такъ называемыхъ трехъ сектахъ, а именно о фарисеяхъ, саддукеяхъ и ессеяхъ, существуетъ огромная литература, а между тѣмъ, несмотря на всѣ понесенные изслѣдователями труды, основныя особенности и отличія этихъ сектъ еще недостаточно извѣстны. Главная причина этой недостаточной изслѣдованности лежитъ, несомнѣнно, въ томъ, что секты разсматривали съ точки зрѣнія догматической и къ нимъ примѣняли масштабъ, существующій для церковныхъ ересей. Тутъ, прежде всего, виновенъ Флавій. Съ его легкой руки саддукеи отождествлялись съ караимами, съ допущеніемъ лишь маленькой разницы, ессеи—съ гностическими энкратитами. Фарисеи же—кто ихъ не знаетъ? Это были ханжи, обманщики, разгуливавшіе въ своихъ молитвенныхъ ремняхъ и облаченіяхъ по улицамъ Іерусалима и съ напускной набожностью закатывавшіе глаза. Если прибавить къ нимъ секты галлилеянъ, зелотовъ, иродіанъ, самаритянъ съ ихъ подсектами, то получится полный списокъ еретиковъ, какъ онъ приведенъ у Эвзебія и Эпифана, и достаточный матеріалъ для сужденія о разрозненности еврейства въ дохристіанскій періодъ. Но для того, кто съ подобнымъ масштабомъ подходитъ къ разсмотрѣнію эпохи расцвѣта этихъ сектъ, эпоха эта остается книгой за семью печатями. Фарисеи также мало имѣютъ общаго съ послѣдователями Лойолы, какъ и со стоиками, съ которыми такъ охотно сравниваетъ ихъ Флавій (Vita I.) Также хромаетъ сравненіе саддукеевъ съ караимами и ессеевъ съ пиѳагорійцами или съ монахами-аскетами. Мы здѣсь также будемъ придерживаться первоисточниковъ, которые могутъ дать намъ лучшее разъясненіе относительно этихъ сектъ или, вѣрнѣе, партій въ связи съ исторіей этой эпохи. Въ новѣйшее время къ этому присоединилось еще одно заблужденіе относительно саддукеевъ. А. Гейгеръ, который никогда не отличался вѣрностью историческаго чутья, пришелъ къ скороспѣлому заключенію, будто саддукеи происходятъ отъ священническаго рода בני צדוק, но не смогъ привести ни одного выдерживающаго критику довода. Это и привело его къ искаженію смысла нѣкоторыхъ мѣстъ въ св. Писаніи. Странно, что серьезные изслѣдователи послѣдовали за нимъ по этому невѣрному пути, хотя его задушевный другъ Г. Шоръ вѣскими данными доказалъ несостоятельность его опредѣленія (Ср. Chaluz. стр. 76).

I. Характеристика саддукейства и фарисейства.

Мы попытаемся сначала вывести различіе между фарисеями и саддукеями изъ факторовъ того времени, которымъ они обязаны своимъ происхожденіемъ

и прослѣдимъ ихъ даже въ крайнихъ ихъ проявленіяхъ. Если въ данномъ случаѣ, какъ и въ отношеніи всего послѣ-хасмонейскаго періода, Флавій признается главнымъ источникомъ, то все-таки необходимо прибѣгнуть и къ другому источнику Талмуду, заслуживающему по объективности своей полнаго довѣрія. Флавій указываетъ на слѣдующія различія между фарисеями и саддукеями:

1) Фарисеи принимали за основу большинство проявленій человѣческой жизни εἱμαρμένη, а саддукеи отрицали ее. По этому слову и по тому какъ часто его объясняютъ, видно, что историку стоило много труда подыскать подходящее понятіе для оригинальнаго еврейскаго выраженія, и что онъ съ радостью схватился за болѣе или менѣе подходящее выраженіе изъ эллинскаго міра идей.

Вотъ почему, принимая это слово въ его ходячемъ значеніи въ послѣаристотелевское время, мы сдѣлаемъ ошибку, предполагая, что фарисеи были фаталистами, а ихъ противники отрицали предопредѣленіе. Самъ Флавій избѣгъ этой ошибки и категорически связываетъ εἱμαρμένη съ понятіемъ о Богѣ. (Войны II, 8, 14) Если мы освободимъ эту мысль отъ ея эллинской формы, чему часто обязываетъ критику способъ изложенія Флавія, и отыщемъ соотвѣтствующее еврейское выраженіе,то разногласіе выступитъ въ совершенно иномъ свѣтѣ. Разногласіе касается именно величины объема и границы божественнаго воздѣйствія на человѣческіе поступки, или же отношенія человѣческой свободы къ предопредѣленію. Фарисеи смотрѣли на всѣ свои поступки, какъ на велѣнія Бога, отъ котораго зависитъ все. Саддукеи, напротивъ, утверждали, что счастье и несчастье суть послѣдствія собственныхъ поступковъ, а божественное предопредѣленіе не имѣетъ на это никакого вліянія. Это предположеніе яснѣе развивалъ Флавій въ своей книгѣ „Древности“ XVIII. 1, 3. Оттолосокъ фарисейскаго воззрѣнія находится въ одномъ талмудическомъ мѣстѣ, гласящемъ, что всякое постигающее человѣка событіе въ рукахъ Бога, за исключеніемъ религіозно-нравственныхъ поступковъ. הכל בידי שמים חוץ מיראת שמים Мнѣніе это, высказываемое также и болѣе поздними писателями, красной нитью проходитъ по всему отражающему фарисейство Талмуду. Совершенно немыслимо, однакожъ, чтобы главное различіе, поставленное Флавіемъ на первомъ планѣ, вертѣлось вокругъ отвлеченныхъ понятій, или чтобы саддукеи вообще отрицали божественное провидѣніе. Мнѣ кажется поэтому, что различіе имѣло опредѣленное политическое значеніе. Точно также, какъ хассидеи, истинные отцы „перушимъ“, выражались: „да будетъ проклятъ тотъ, кто обращается за помощью къ плоти и крови и сердцемъ отворачивается отъ Бога“, и фарисеи всегда питали отвращеніе ко вступленію въ дипломатическія сношенія съ язычниками. Противъ этой государственной мудрости сначала выставили фарисейскій принципъ, по которому всякая удача, равно какъ и всякая неудача, зависитъ только отъ Бога, а дѣйствія человѣка нисколько тому не способствуютъ. И въ самомъ дѣлѣ, политическій союзъ съ язычниками можно было скорѣе считать вреднымъ, чѣмъ полезнымъ для существованія іудейства. Поэтому фарисейство не выставляло новой теоріи, и примѣняло лишь къ духу своего времени старое воззрѣніе пророковъ и псалмопѣвца, „что воинскій конь безполезенъ для побѣды и огромною арміей нельзя спасти себя отъ смерти, но что Богъ охраняетъ своихъ вѣрныхъ, чтобы спасти ихъ жизнь отъ смерти“.

Такимъ тенденціямъ было, конечно, чуждо воззрѣніе саддукеевъ,

этихъ богатыхъ или разбогатѣвшихъ борцовъ, посѣдѣвшихъ въ бояхъ съ сирійцами. Что богатая іудейская аристократія была носительницей саддукизма Флавій часто повторяетъ (Древн. XVIII. 1, 4). Эта аристократія поэтому избѣгала смѣшиваться посредствомъ брака внѣ своего круга (Іуд. войны II. 8, 14). Даже весьма ранній источникъ—Аботъ де Р. Натанъ имѣетъ уже распространенное свѣдѣніе, что саддукеи принадлежали къ богатому классу и за столомъ употребляли серебряную и золотую утварь, и Флавій также указываетъ, что саддукеи за свои подвиги въ войнахъ были одарены хасмонейскими полководцами почестями и богатствами и что одно ихъ имя внушало ужасъ врагамъ Іудеи (Древн. XIII. 16, 2). Такимъ закаленнымъ воинамъ и дипломатамъ должно было, понятно, казаться дѣтскимъ фарисейское воззрѣніе, въ силу котораго необходимо смотрѣть на Бога, какъ на руководителя боевъ, и отказываться отъ пользованія благопріятными обстоятельствами посредствомъ дипломатическихъ сношеній съ сосѣдними государствами. Поэтому главное различіе между фарисействомъ и саддукизмомъ было сначала практически-политическимъ, но съ теченіемъ времени стало принимать теоретическую окраску и родъ метафизической формулировки.

2) Вторымъ различіемъ Флавій приводитъ возмездіе и наказаніе послѣ смерти; но историкъ здѣсь работалъ еще болѣе по греческому шаблону, причемъ онъ былъ несправедливъ относительно саддукеевъ. Этотъ догматическій спорный пунктъ онъ понимаетъ такъ, какъ будто бы фарисеи, допуская загробное возмездіе, вмѣстѣ съ тѣмъ признаютъ безсмертіе души, тогда какъ ихъ противники съ отрицаніемъ загробнаго возмездія ушли также отъ бренности души (Іуд. войны II. 8, 14). Однако, изъ другого мѣста извѣстно только одно, что саддукеи отрицали возмездіе послѣ смерти. Талмудическіе и евангелическіе источники говорятъ только о томъ, что саддукеи отрицали воскресенье мертвыхъ (Синедринъ 16, 4) צדוקין אומרין אין תחיית המתים מן התורה (Маркъ **12**, 12) Все эсхатологическое различіе между фарисействомъ и саддукизмомъ ограничивается лишь догмой о воскресеніи мертвыхъ для полученія возмездія или наказанія, что допускается первымъ и отрицается вторымъ, но эта догма нисколько не затрагиваетъ ученія о безсмертіи души. Такимъ образомъ нѣтъ надежнаго основанія клеймить саддукеевъ догматическими матеріалистами или, ссылаясь на Дѣянія Апостоловъ, полагать, что они отрицали существованія ангеловъ и духовъ. (**23**, 8). Эта эсхатологическая теорія тѣсно связана съ провиденціальной и является ея слѣдствіемъ. Такъ какъ фарисейство допустило несоотвѣтствіе между нравственнымъ дѣйствіемъ человѣка и его судьбой, — въ первомъ онъ свободенъ, во второмъ онъ находится въ зависимости отъ воли Божьей, — то ему необходима была компенсація для спасенія божественной справедливости, потому что изъ опыта достаточно извѣстно, что благочестивые страдаютъ отъ горькой судьбы, тогда какъ грѣшные пользуются всѣми благами міра. Воскресенье мертвыхъ должно было въ такомъ случаѣ изгладить это рѣзкое несоотвѣтствіе. Саддукизмъ же, допуская самоопредѣленіе человѣка и ставя его судьбу въ зависимость отъ собственныхъ его дѣйствій, этимъ самымъ уже признаетъ возмездіе и наказаніе на этомъ свѣтѣ и не нуждается, слѣдовательно, въ воскресеніе мертвыхъ.

3) Третьимъ различіемъ Флавій называетъ обязательность законовъ, несодержащихся въ священномъ Писаніи и отрицаемыхъ саддукеями. (Древности XIII. 10, 6). Не придавая никакой цѣны преданію, они не считали нужнымъ

полагаться на авторитеты въ толкованіи священнаго Писанія; напротивъ, ученики ставили себѣ въ заслугу спорить съ учителями, когда они не сходились во мнѣніяхъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, хотя Флавій этого ясно не доказывалъ, что ересь возникла лишь во время Іонатана, (тамъ же 5. 9), и что оппозиція саддукеевъ не относится къ до-маккавеевскому времени. До этого времени отъ прикосновенія съ эллинизмомъ могло сбразоваться антіудейская партія, но не *средняя партія*, которая стояла бы нѣкоторымъ образомъ въ серединѣ между хасидеями и эллинистами. Къ этому присоединяется еще то, что первая книга Маккавеевъ ни словомъ не обмолвилась о саддукеяхъ и что Талмудъ и Флавій относятъ возникновеніе натянутости между саддукеями и ихъ противниками лишь ко времени Гиркана. И такъ, все клонится къ тому, что эта оппозиція образовалась лишь при хасмонеяхъ и пустила корни во время религіозной распри; словомъ, только рѣшительное противодѣйствіе антинаціональному іудейскому эллинизму могло вызвать къ жизни опозиціонную партію, готовую протестовать противъ слишкомъ рѣзкихъ преувеличеній. Грубыя нападки на іудейство со стороны эллинистовъ и сирійскаго царя послужили къ созданію фарисейства, равно и ученія ессеевъ; безмѣрность же освобожденной отъ давленія набожности упрочила ученіе саддукеевъ, которое, въ свою очередь, дала пищу фарисейству. Такія колебанія и реакціи такъ часто уже повторялись въ исторіи народовъ, что могутъ быть разсматриваемы какъ историческая аксіома. Сирійское преслѣдованіе іудейства привело къ тому, что правовѣрные начали дорожить каждымъ обычаемъ, каждымъ религіознымъ обрядомъ, и все то, что прежде было дѣломъ совѣсти отдѣльныхъ лицъ, сдѣлалось нормой для всѣхъ. Мученичество не только усиливаетъ привязанность къ религіи, но и увеличиваетъ кругъ религіозныхъ обрядовъ. И отступничество эллинистовъ много тому способствовало: чтобы не быть причисленными къ вѣроотступникамъ многіе старались все ярче афишировать свою связь съ религіозными обрядами. Такимъ образомъ, ученіе фарисеевъ было не болѣе какъ энергическая реакція противъ отступничества отъ закона и обряда и придавало силу закона всему, что отличалось отпечаткомъ религіознаго. И іудейство, основанное на отправленіи религіозныхъ обрядовъ, представляло въ данномъ случаѣ широкое поле. Примѣромъ могутъ служить обряды, связанные съ храмомъ. Святыня, охраняемая особыми законами о чистотѣ левитовъ, стала послѣ того, какъ была осквернена сирійцами, зеницей ока націи, подлежащей строжайшей охранѣ отъ малѣйшей возможности осквернѣнія. Такъ какъ отъ народа нельзя было ожидать тщательнаго соблюденія законовъ о чистотѣ, то установился обычай, чтобы послѣ праздниковъ подвергались очищенію всѣ сосуды храма, которые могли быть въ нечистыхъ рукахъ. (Хагига, конецъ): כל הכלים שהיו במקדש טעונין טבילה И когда мелочность дошла до того, что разъ принялись за очищеніе золотаго свѣтильника, то саддукеи со смѣхомъ говорили: „фарисеи когда нибудь подвергнутъ еще очищенію и солнечный шаръ“ (Tosefta Chagiga, Jerus. т. же). Хотя не доказано, что этотъ случай относится къ первому времени раскола, однако онъ освѣщаетъ тѣ различныя точки зрѣнія, изъ которыхъ каждая секта исходила при сужденіи о законности религіознаго постановленія. Фарисеи старались путемъ строжайшаго соблюденія религіозныхъ обрядовъ препятствовать повторенію такихъ явленій вѣроотступничества, какъ эллинизмъ. Саддукеи же отличались нѣкоторой умѣренностью, будучи не мѣ-

нѣе привязанными къ іудейству, и, ища опору своимъ воззрѣніямъ въ буквѣ св. Писанія, стали съ своей стороны заботиться объ установленіи принципа и кстати ссылаться на законоположенія Пятикнижія. Они поэтому превозносили этотъ принципъ въ такомъ обширномъ размѣрѣ, что часто, вымышляя одно слѣдствіе за другимъ, говорили въ пользу еще большаго отягощенія. Крайне строги были саддукеи именно въ толкованіи уголовныхъ законовъ по Пятикнижію, какъ Флавій о нихъ сообщаетъ (Древн. XX. 9, 1). Однако, и у саддукеевъ нужно допустить постепенное усовершенствованіе своей системы; они не сразу выводили слѣдствія изъ первыхъ посылокъ, и образовавшаяся въ ихъ средѣ секта бетусеевъ продолжали ихъ работу и послѣдовательно усовершенствовали ихъ ученіе. Много фактовъ касательно внутренняго развитія секты саддукеевъ обнаруживались бы, если бы можно было изслѣдовать разницу между саддукеями и бетусеями [1]). Бетусеи безспорно происходятъ отъ *Бетоса*, переселившагося изъ Александріи (Древн. XV. 9, 3). Онъ былъ родоначальникомъ многихъ первосвященниковъ (тамъ же XIX 6, 2). Этотъ Бетосъ, вѣроятно, привезъ изъ своей родины Александріи толкованіе священнаго Писанія, уклоняющееся отъ палестинскихъ школъ, имѣвшее соприкосновеніе, но не совсѣмъ совпадавшее съ ученіемъ саддукеевъ. Однако, талмудическій текстъ не даетъ возможности установить различіе между фарисеями и бетусеями. Въ Талмудѣ обѣ родственныя секты до того смѣшаны, что кажутся тождественными. Если мы пока согласимся что ביתוסים и צדוקים тождественны, то можно будетъ отмѣтить одиннадцать различій между фарисеями и саддукеями, извѣстныхъ изъ хроники Мегилатъ Таанитъ, обоихъ Талмудовъ и схоліи къ Мегилатъ Таанитъ и относящихся частью къ юридическимъ, частью къ ритуальнымъ вопросамъ.

A. Юридическія различія.

a) Компенсаціи тѣлесныхъ поврежденій. Саддукеи (бетусеи) толковали постановленіе „око за око, зубъ за зубъ“ въ буквальномъ смыслѣ. Это различіе упоминается въ Талмудѣ не ясно; только схолія къ Мегилатъ Таанитъ его приводитъ. Однако, пространное обоснованіе противоположнаго мнѣнія, которое Талмудъ (Baba Kama 53 b) такъ старательно превозноситъ, также доказываетъ, что оно имѣло своихъ противниковъ, и что упомянутая схолія черпала изъ историческаго источника.

b) Уголовное производство о свидѣтеляхъ, изобличенныхъ въ лжесвидѣтельствѣ. По мнѣнію саддукеевъ, къ смертной казни приговариваются только такіе свидѣтели, благодаря которымъ уже совершено судебное убійство; по

[1]) Тѣ различія, о которыхъ упоминается въ спорѣ между р. Іохананомъ б.-Заккай и однимъ саддукеемъ, должны быть отнесены къ позднѣйшему времени, потому что при его жизни оппозиція вновь пробудилась, находя сильную опору въ лицѣ саддукейскаго первосвященника Анана б.-Анана. Я не могу согласиться съ мнѣніемъ д-ра Перлеса, допускающаго прежнее отождествленіе бетусеевъ съ ессеями и ссылающагося на значащееся въ одномъ кодексѣ בית סיין какъ будто бетусеи равны בובלי שחרית (Revue des études juives P. III, 119) Этотъ выводъ произвольный, тогда какъ совершенно ясно наименованіе секты по основателю *Бетосъ* ביתוס. Нѣтъ также примѣра, чтобы ессеи занимались сюжетами галахи; ихъ удѣломъ была агада или мистика.

мнѣнію же фарисеевъ за одно лишь умышленное лжесвидѣтельство (Mischna Maccot I. 8.) Тосефта Синедринъ стр. 6 выражается ביתוסים вмѣсто צדוקים.

c) Право наслѣдства. Когда завѣщатель оставляетъ только дочь, но въ тоже время осталась также дочь умершаго до смерти завѣщателя сына, то, по мнѣнію фарисеевъ, наслѣдство переходитъ къ внучкѣ, исключая дочь отъ участія въ немъ. По мнѣнію же саддукеевъ, наслѣдница отца дѣлится въ этомъ случаѣ съ внучкой (Jerus. Baba Batra 8, 1; Babli 115 b, Мегилатъ Таанитъ V. 2). И здѣсь Тосефта (Jadaim, конецъ) выражается ביתוסים. Р. Симсонъ (ר"ש) читалъ צדוקים въ комментаріи къ Jadaim 4, 7.

d) Возлагаемая саддукеями отвѣтственость на хозяевъ за причиненныя ихъ рабами поврежденія. (Jadaim 4, 7). — Схолія къ Мегилатъ Таанитъ представляетъ также различіе относительно доказательства по обвиненію новобрачной въ отсутствіи признаковъ дѣвственности (Второзакон. 22, 13—19). По мнѣнію саддукеевъ, выраженіе: ופרשו השמלה нужно толковать въ буквальномъ смыслѣ; по мнѣнію же фарисеевъ—это выраженіе должно имѣть фигуральное значеніе (с. 4). Однако, это положеніе невѣрно, потому что и танаитъ р. Эліезеръ б.-Іакобъ толкуетъ это доказательство въ буквальномъ смыслѣ: (Siphrè № 237; Ketubot 45; Jerus. тоже стр. 23 e), не приписывая этого толкованія саддукеямъ. Точно также представляется невѣрнымъ и другое указаніе той же схоліи, что саддукеи настаивали на буквальномъ исполненіи обряда плеванія въ лицо въ случаѣ отказа шурина вступить съ невѣсткой въ левиратскій бракъ (тамъ же). Ни въ Siphré, ни въ Талмудѣ (Jebamot 106 b) нѣтъ намека но то, чтобы саддукеи въ этомъ пунктѣ держались особаго мнѣнія.

B. Ритуальныя различія.

e) Относительно опредѣленія наступленія дня праздника Пасхи и Пятидесятницы саддукеи (бетусеи) толковали согласно буквѣ закона, что пятидесятница должна совпадать съ воскреснымъ днемъ: שהיו ביתוסין אומרין עצרת אחר השבת (Menachot 65 a; Мегилатъ Таанитъ I, 2). Съ этимъ связано другое разнорѣчіе въ вопросѣ о томъ, можно ли скашивать въ субботу свѣжіе снопы, назначаемые для первородной жертвы, сотоящей въ хлѣбѣ, въ день послѣ Пасхи. Саддукеи считаютъ религіознымъ проступкомъ скашиваніе въ субботу даже для цѣлей жертвоприношенія.

f) О свойствѣ ежедневнаго жертвоприношенія. Ученіе саддукеевъ отрицаетъ его національный характеръ. т. е. что оно не должно быть производимо при участіи всей націи, а должно быть оно предоставлено благочестію отдѣльныхъ лицъ, озабочивающихся о потребномъ количествѣ жертвъ для храма; (Menachot 65 a; схолія къ Мегилатъ Таанитъ I. 1) Когда мнѣніе фарисеевъ о національномъ характерѣ жертвъ одержало верхъ, то сборъ храмовой подати (שקלים) для ежедневныхъ жертвъ производился съ такимъ же шумомъ, какъ и при другихъ спорныхъ вопросахъ, какъ напр. при скашиваніи омера, водочерпаніи. Три раза въ годъ ко времени наступленія трехъ главныхъ праздниковъ сборъ храмовой подати производился при соблюденіи извѣстныхъ формальностей (Schekalim 3, 1. 3), чтобы возбудить вниманіе оппозиціи: כדי לעשות פומבי לדבר, Jerus. Schekalim I. 1.

g) Возліяніе воды на жертвенникъ во время праздника кущей, ניסוך המים. Изъ-за этого обряда, которому ученіе саддукеевъ оказывало такое рѣши-

тельное сопротивленіе, произошелъ разрывъ между саддукейскимъ царемъ Александромъ Яннаемъ и фарисеями.

h) Украшеніе жертвенника въ послѣдній день праздника кущей ивовыми вѣтвями, когда день совпадалъ съ субботой—обрядъ, связанный съ предыдущимъ и котораго саддукеи (бетусеи) не признавали (Joma 43 b). Но отнюдь нельзя заключить, что бетусеи сопротивлялись только этому обряду съ вѣтвями; это было скорѣе слѣдствіемъ отверженія обрядности вообще.

i) Способъ употребленія ѳиміама въ Святая святыхъ въ день отпущенія грѣховъ. Саддукеи вопреки буквальному смыслу св. Писанія (Левит. **16**, 3), утверждали, что положеніе ѳиміама на уголь должно послѣдовать прежде, чѣмъ войти въ Святая святыхъ; фарисеи же постановили, чтобы воспламененіе ѳиміама произошло внутри (Joma 19 b).

k) Рѣшеніе вопроса о томъ, назначены ли для жертвенника (мнѣніе фарисеевъ) или для священника (мнѣніе саддукеевъ) прибавляемыя къ добровольнымъ кровянымъ жертвамъ таковыя же, состоящія въ хлѣбѣ (схолія къ Мегилатъ Таанитъ VIII 3): כנפי שהיו צדוקין אוכלין מנחת בהמה.

l) При приготовленіи очистительной золы отъ красной коровы саддукеи были строже фарисеевъ, требуя отъ священнослужителя полной левитской чистоты, тогда какъ фарисеи допускали нѣкоторое облегченіе (Para 3. 7). Этимъ исчерпываются различія между фарисеями и саддукеями относительно толкованія закона,

m) И въ вопросахъ толкованія закона о менструаціи саддукеи расходятся съ фарисеями. (Nidd. V 2).

Не слѣдуетъ, однакожъ, отсюда заключить, что исчисленные выше спорные пункты были единственные; борьба распространялась безъ сомнѣнія еще и на другія законоположенія, о которыхъ до насъ не дошли никакія свѣдѣнія. Саддукеи были совершенно противъ строгости въ отношеніи левитской чистоты, какъ видно изъ вышеприведенной остроты: „фарисеи подвергнутъ еще левитскому очищенію солнечный шаръ". Такимъ же образомъ саддукеи относились съ насмѣшками къ введенному позже постановленію, по которому прикосновеніе къ каноническимъ произведеніямъ оскверняетъ руки, отчего священныя книги менѣе уважались, чѣмъ свѣтскія, не подлежавшія этому опредѣленію. (Jadaim IV, 6). Возражая на допущенное фарисеями облегченіе, по которому водяная струя, впущенная изъ нечистаго сосуда въ чистый, не оскверняетъ послѣдняго, саддукеи иронически упрекнули ихъ въ безразсудствѣ: אומרים צדוקים קובלים אנו עליכם פרושים שאתם מטהרים את הנצוק (г. же 7). Вообще саддукеи любили ироническ возражать на мнѣнія обоихъ противниковъ ad absurdum. Въ такой же формѣ излагаютъ евангелисты возраженіе саддукеевъ противъ теоріи о воскресеніи мертвыхъ, влагая имъ въ уста разительный примѣръ, быть можетъ, взятый изъ жизни, о женщинѣ, левиратскимъ бракомъ сочетавшейся съ семью братьями подрядъ и остающейся въ невѣдѣніи, съ которымъ изъ нихъ она при воскресеніи мертвыхъ будетъ продолжать супружескую жизнь. Но было бы ошибочно заключить на основаніи приведенныхъ примѣровъ, что саддукеи отвергли всѣ традиціонные законы. Напротивъ, полагаютъ, что они признавали нѣкоторыя традиціи. Нужно принять за правило, что такія традиціонныя опредѣленія, которыя саддукеями не оспаривались, считаются неоспоримыми, библейски обоснованными и недопускающими никакой еретической оппозиціи (Horajot 4 a). Это основное правило примѣняется

къ сужденію о дѣйствительной оппозиціи противъ рѣшенія синедріона (זקן ממרא). Лишь тотъ признается мятежнымъ оппонентомъ, кто въ спорныхъ вопросахъ сопротивляется большинству, сопротивляющійся же общепринятому и ученіемъ саддукеевъ признанному закону нисколько не подлежитъ опредѣленному за этотъ проступокъ наказанію (Sinhedrin 88 b). Какъ ни странно звучитъ это различіе, оно оправдывается обстоятельствами времени. Постановленія о мятежной оппозиціи одного члена синедріона вытекаютъ, на мой взглядъ, изъ отношенія саддукеевъ къ большинству и въ этомъ имѣютъ дѣйствительную почву. Процессуальное производство и опредѣленіе наказаній объясняются фактическими данными, и примѣненныя синедріономъ въ такихъ случаяхъ нормы образовали впослѣдствіи законы. Возвращаясь вновь къ саддукеямъ, намъ станетъ очевиднымъ, что дѣйствія противъ нихъ, когда они въ качествѣ членовъ синедріона составили оппозиціонную партію и дали своей оппозиціи практическія послѣдствія, служили для галахъ основаніемъ ереси. А такъ какъ не представлялось случаевъ оппозиціи противъ ясно выраженныхъ библейскихъ законовъ или признанныхъ традиціонныхъ толкованій, то не было надобности въ установленіи для этого какихъ-либо нормъ, и можно поэтому установить правило, что только такія законоположенія должны быть отнесены къ категоріи наказаній за еретическую оппозицію, которыя носили спорный характеръ, т. е. составляли различіе между ученіемъ фарисеевъ и ученіемъ саддукеевъ. Отсюда слѣдуетъ, что саддукеи признавали извѣстные традиціонные законы, вѣроятно такіе, которые окружены ореломъ древности, какъ, напр., наложеніе филактерій вокругъ руки и головы, употребляемое въ приведенной мишнѣ въ видѣ образца законовъ, не отвергнутыхъ, повидимому, саддукеями.

Какъ согласовалось это признаніе традиціонныхъ законоположеній съ саддукейскимъ принципомъ, по которому только библейски обоснованное считается дѣйствительнымъ,—за недостаткомъ свѣдѣній нельзя изслѣдовать. Однако, караимы представляютъ полную аналогію, и они, какъ извѣстно, сохранили такія традиціи, которыя не грѣшатъ противъ буквальнаго значенія писанныхъ законовъ.

Какъ дальнѣйшее основное различіе, можетъ быть указано еще то, что фарисеи были *просты, нравственны, скромны, нерасположены къ роскоши* (Древн. XVIII. 1, 3). Далѣе они проявляли *братскія отношенія* къ другимъ (Іуд. войны II. 8, 14); саддукеи же были *нелюбезны, отталкивающіе*. Это различіе объясняется ихъ различнымъ общественнымъ положеніемъ. Саддукеи отличались аристократическимъ высокомѣріемъ, фарисеи—демократическими добродѣтелями, основанными на религіи. Эти три основныя различія между ученіемъ фарисеевъ и ученіемъ саддукеевъ — разнообразныя понятія о божественномъ воздѣйствіи на судьбы людей, о возмездіи и наказаніи послѣ смерти и о дѣйствительности соферическихъ законоположеній — достаточны, чтобы по историческому положенію узнать ихъ взаимныя отношенія. У фарисеевъ преобладала *религіозная точка зрѣнія;* сохраненіе іудейства было ихъ главной заботой и согласно этому они судили о тѣхъ политическихъ мѣропріятіяхъ, которыя, по ихъ мнѣнію, должны быть вполнѣ подчинены религіознымъ интересамъ. Ихъ масштабомъ политики была религія и таковой они считали все, что признано въ народѣ религіознымъ, безразлично, происходитъ ли это съ древнихъ временъ или недавно введено. Саддукеи, напротивъ, исходили изъ чисто *политической точки зрѣнія;* сохраненіе *іудейскаго государства* было ихъ главной заботой,

религія же имѣла незначительное вліяніе на государственныя дѣла. Авторитетомъ у нихъ пользовались лишь тѣ религіозныя постановленія, которыя согласовались съ библейскимъ законодательствомъ или признавались весьма древними источниками. Какъ саддукеи, исходя изъ политическаго принципа, перешли на религіозную почву, отвергая нѣкоторыя постановленія и считая ихъ религіозными, точно также и фарисеи перешли съ религіознаго принципа на политическій. Они постепенно становились врагами царской власти, религіозными республиканцами (галилейцами) и въ своей послѣдней стадіи образовали политическій зелотизмъ. Происхожденіе именъ פרושים и צדוקים разрабатывалось научно съ большой тщательностью. По зрѣломъ взвѣшиваніи высказанныхъ по этому поводу противоположныхъ взглядовъ и мнѣній, слѣдуетъ придти къ заключенію, что фарисеи получили свое названіе отъ ихъ главной функціи, выражавшейся въ толкованіи закона, т. е. отъ глагола פרש „объяснять, толковать“. Названіе צדוקים происходитъ, вѣроятно, отъ собственнаго имени одного оппонента противъ фарисеевъ, какъ ביתוסים отъ Бетосъ, основателя секты.

Въ царствованіе Саломеи-Александры, когда фарисеи одержали верхъ, саддукеи, повидимому, стушевались, прекративъ, по мнѣнію Флавія, свои оппозиціонныя стремленія изъ-за приверженности массы къ ихъ противникамъ. (Древн. XVIII. 1, 4).

II. Характеристика ессеевъ.

О значеніи ессеевъ (Іуд. войны II. 8; Древн. XVIII. 1, 5) господствуетъ даже въ научномъ мірѣ такая огромная путаница, что долго еще истинѣ трудно будетъ проложить себѣ дорогу. Въ то время какъ фарисеевъ ставили на весьма низкую ступень, ессеевъ превозносили до небесъ, и у обоихъ упускали изъ виду то историческое основаніе, въ силу котораго они, придерживаясь различныхъ направленій, являлись защитниками одного и того же воззрѣнія. Виновниками указываемой нами путаницы можно назвать, съ одной стороны, Флавія, а съ другой—приписываемую Филону книгу о терапевтахъ или „богомольцахъ“, давшую изслѣдователямъ поводъ идеализировать ессеевъ. Критическое изслѣдованіе исторіи сперва должно будетъ принять, что ессеизмъ съ своими особенностями, какъ и фарисейство и саддукизмъ, вѣроятно, глубоко укоренился въ условіяхъ іудейско-исторической жизни и не могъ вырасти изъ чужаго воззрѣнія въ родѣ новопиѳагорской школы или ученія египетскихъ жрецовъ. Къ счастью, меня избавляетъ отъ представленія обстоятельныхъ доказательствъ всесторонняя прекрасная работа покойнаго д-ра Захарія Франкля объ ессеяхъ, которые, по приводимымъ авторомъ реальнымъ фактамъ изъ іудейской исторіи, были никто иные какъ застывшіе въ своей послѣдовательности хасидеи и поэтому не такъ далеко отстали отъ фарисеевъ, чтобы ихъ можно было считать самостоятельной сектой, а не маленькой вѣтвью фарисейства. Монографію Франкля объ ессеизмѣ я считаю исчерпывающей вопросъ и нахожу лишь нужнымъ прибавить слѣдующія замѣчанія:

1) Прежде всего необходимо ознакомиться съ сущностью такъ называемыхъ терапевтовъ, которыхъ на основаніи сочиненій Филона считали тѣми же ессеями, но только теоретическими, въ противоположность практическимъ. Терапевты, или вѣрнѣе, свѣдѣнія о нихъ, вводили изслѣдователей въ заблужденіе и приводили къ ложнымъ результатамъ даже компетентнаго критика Целлера, который въ третьемъ томѣ своей „Исторіи греческой философіи“ объясняетъ возникновеніе этой аскетической секты извѣстной стадіей развитія

греческой философіи. Но я считаю книгу о терапевтахъ, вызвавшую столько замѣшательствъ, кругомъ поддѣльной: читая ее, не трудно догадаться, что это произведеніе *христіанина*, имѣвшаго тенденцію составить панегирику по адресу аскетической монашеской жизни и авторитетомъ Филона констатировать ея древнее происхожденіе. Эвзебій, цитирующій это произведеніе, считалъ терапевтовъ христіанами. Доказательства поддѣльности такъ ясны для внимательнаго читателя сочиненія de vita contemplativa sive de supplicum virtutibus, что для критика достаточна только ссылка на это произведеніе, чтобы убѣдиться въ правильности рѣшенія этого вопроса. И отрывокъ объ „ессеяхъ“ у Эвзебія Praepar. evangelica VIII 11 c. 379, будто принадлежащій перу Филона, поддѣланъ. Все изображенное въ этомъ отрывкѣ противорѣчитъ изложенному въ сочиненіи de vita contemplativa.

2) Особенности ессеевъ не совсѣмъ достаточно опредѣляются свѣдѣніями о встрѣчающихся въ Талмудѣ חסידים or חסידים הראשונים, равно и о выступающихъ во времена Маккавеевъ „ассидеевъ“. Для этого необходимо также принять во вниманіе и сущность назиреевъ. Назиреевъ было въ эпоху послѣ изгнанія большое количество (I книга Маккавеевъ 3, 49; Tosefta Nasir 4; Babli Berachot 48 a). Характеромъ своимъ они, однакожъ, значительно отличались отъ назиреевъ библейскаго времени; они были назиреями всю жизнь: נזיר עולם (Nasir 4 a). Мишна предполагаетъ существованіе таковыхъ безъ дальнихъ околичностей, и главный моментъ въ назирействѣ, связанный у библейскихъ назиреевъ съ отращеніемъ волосъ, отступаетъ у тѣхъ все болѣе назадъ, теряя почти всякое значеніе (тамъ же). Напротивъ, у остающихся на всю жизнь назиреями на первомъ планѣ все болѣе выступаетъ левитское предохраненіе отъ осквернения (т. же). Такимъ образомъ, ессеи были такими назиреями, которые въ своей частной жизни стремились изображать собою высшую духовную іерархію.

3) Особенностями назирейской жизни, къ которой стремились ессеи, слѣдуетъ, на мой взглядъ, объяснить нѣкоторыя ихъ эксцентричности. Чтобы не быть оскверненными отъ прикосновенія съ другими, не соблюдавшими въ такой высокой степени левитской чистоты, они должны были удалиться отъ общества и образовать изолированный орденъ, чтобы въ уединеніи могли жить священнической святостью. Уединеніе повело къ коммунистическимъ побужденіямъ, чему способствовалъ нравственный принципъ, что хасидъ не долженъ владѣть собственностью, а считать все принадлежащимъ обществу. שלי שלך ושלך שלך חסיד. Строгое воздержаніе отъ левитски нечистаго прикосновенія должно было повести ессеевъ къ избѣжанію женскаго пола и вступленія въ бракъ. Не потому, что они считали женскій полъ развратнымъ и невѣрнымъ, какъ Флавій объясняетъ это явленіе, очевидно, благодаря своему несчастному опыту, а потому что женскій полъ представляетъ источникъ продолжительной нечистоты отъ мѣсячнаго очищенія, родовъ и другихъ случаевъ. Если бы ессеи хотѣли вести совмѣстную жизнь съ женщинами, то ихъ священная жизнь разстроилась бы отъ прикосновенія съ ними или ихъ платьями и утварью. Безбрачіе ессеевъ было такимъ образомъ не принципомъ, а слѣдствіемъ строгаго соблюденія чистоты. Тѣмъ же стремленіемъ къ назирейски-священнической чистотѣ объясняется также ежедневное купаніе ессеевъ для очищенія отъ поллюцій (טבילת קרי).

4) Легко допустить, что упоминаемые въ Талмудѣ купающіеся по утрамъ טובלי שחרית тождественны съ ессеями.

5) Независимо отъ строгаго соблюденія левитской чистоты отшельнической жизнью, ежедневнаго купанья, общаго стола, коммунистическаго союза и безбрачія, ессеи отличались еще одной стороной — врачеваніемъ. Сторона эта недостаточно, однакожъ, изучена. Ихъ врачеваніе имѣло магическое и, можетъ быть, магнетическое свойство; на это указываетъ Флавій (Іуд. войны II. 8, 6).

6) Еще одно различіе замѣчается между ессеями и фарисеями, по крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ фазисѣ ихъ развитія, — это то, что ессеи, въ интересахъ охраненія своей левитской чистоты, не приносили жертвъ въ храмѣ, а заставляли другихъ жертвовать за себя. Они, такимъ образомъ, недовѣрчиво относились къ фарисейскимъ законамъ о святости, т. е. о чистотѣ и нечистотѣ.

7) Вербовка прозелитовъ ессеями была слѣдствіемъ ихъ безбрачія; уклоненіе же отъ присяги объясняется ихъ чрезмѣрной религіозностью и боязнью упомянуть при произнесеніи клятвы имя Бога. Что же касается обѣта каждаго вступающаго относительно храненія въ тайнѣ ихъ ученія и названія ангеловъ, то это остается пока неразгаданнымъ явленіемъ.

10.

Симонъ бенъ Шетахъ, Александръ Янай и Саломея-Александра.

1) Въ Талмудѣ ясно указывается, что Симонъ бенъ-Шетахъ, игравшій въ свое время весьма важную роль, былъ братомъ королевы Саломеи и, слѣдовательно, шуриномъ короля Александра (Babli Berachot 48 a): ינאי מלכא ומלכתא איתתיה לשמעון בן שטח אחוה. То же самое подтверждается въ мидрашѣ къ Коелету (стр. 102c къ V. V. 12) и въ Genesis Rabba c. 91; только въ Genesis Rabba это мѣсто нѣсколько искажено. Въ Jerus. Berachot V стр. 11 b; Nasir II. стр. 54 b, слово אחתיה, т. е. „сестра" Симона бенъ-Шетаха, отсутствуетъ, а изъ всего разсказа сохранился только отрывокъ, не имѣющій никакого смысла. Если къ этому прибавить еще, что во время своего царствованія (Іуд. войны I. 5, 2) Саломея, носила только титулъ королевы, но всю свою власть уступила фарисеямъ, то свѣдѣніе о томъ, что она была сестрой Симона б.-Шетаха, получаетъ большое вѣроятіе. Интересны позднѣйшія свѣдѣнія о томъ, что время Саломеи называлось по имени королевы и Симона б.-Шетаха: (Siphra къ Bechukothai начало; b. Taanit стр. 23a, здѣсь отсутствуетъ имя королевы, но сохранилось въ Tosafot къ Sabbat 16 b. Не безынтересно и послѣднее мѣсто, доказывающее, насколько Александра соглашалась съ постановленіями фарисеевъ. Подъ חכמים подразумѣвался тамъ Симонъ б. Шетахъ, объявившій оскверненной металлическую утварь и послѣ переплавки.

2) Сообщеніе Флавія о первомъ поводѣ къ разрыву между Александромъ и фарисеями освѣщается свѣдѣніемъ изъ Талмуда, сообщающимъ также объ этомъ событіи, не упоминая имени короля. Ближайшее сравненіе обѣихъ реляцій не оставляетъ никакого сомнѣнія, что здѣсь говорится объ одномъ и томъ же событіи. Флавій сообщаетъ: однажды, когда Александръ во время праздника кущей стоялъ у алтаря, народъ бросалъ въ него лимоноподобные плоды (Древн. XIII. 13, 5). Талмудическій источникъ разсказываетъ: когда

одинъ саддукей, стоя у алтаря во время праздника кущей, вылилъ освященную воду не на алтарь, а къ его ногамъ, то весь присутствовавшій народъ бросалъ въ него праздничные плоды (אתרוגים) (Sukka 48b). Доказательствомъ, что Александръ, по крайней мѣрѣ наружно, долгое время жилъ съ фарисеями въ согласіи, служитъ то обстоятельство, что лишь впослѣдствіи суровость его заставила фарисеевъ большими массами выселиться и оставаться въ изгнаніи до смерти царя. (Древн. XIII. 14, 2; Іуд. войны I. 4, 6). Среди этихъ бѣглецовъ былъ также Іуда б.-Табай, жившій въ Александріи. Такимъ образомъ виднѣйшіе, фарисеи во время первой половины царствованія Александра остались въ странѣ, что едва ли было бы возможно, если бы Александръ тотчасъ при вступленіи своемъ на престолъ объявилъ себя послѣдователемъ ученія саддукеевъ и при своемъ суровомъ характерѣ началъ бы преслѣдованіе фарисеевъ.

11.

Постановленія Іуды Бенъ-Табая и Симона Бенъ-Шетаха.

Одна старая борайта содержитъ три постановленія названныхъ авторитетовъ (תקנות): обезпеченіе назначенной женѣ суммы съ имущества ея мужа, устройство школъ и, наконецъ, законное уравненіе утвари стекляной и металлической относительно нечистоты левитской (Jerus. Ketubot VIII въ концѣ). Хотя здѣсь упоминается только имя Симона бенъ-Шетаха, но не подлежитъ сомнѣнію, что и Іуда бенъ-Табай тутъ участвовалъ; въ послѣднемъ постановленіи ясно названо его имя. Изслѣдуемъ сперва это послѣднее, потому что оно заключаетъ въ себѣ культурно-историческій моментъ. Въ то время, какъ одинъ аморай четвертаго вѣка считаетъ постановленіе о стекляныхъ товарахъ исходящимъ отъ авторитетозъ, жившихъ до Маккавеевъ, другой приписываетъ его Іудѣ бенъ-Табаю. Это противорѣчіе нѣкоторые пытаются объяснить тѣмъ. что постановленіе, конечно, было издано раньше, но такъ какъ оно пришло въ забвеніе, то Іуда б.- Табай (и Симонъ б.-Шетахъ) опять его освѣжилъ. Попытка не совсѣмъ удачная! Вавилонскій Талмудъ, имѣвшій объ этомъ постановленіи менѣе точныя свѣдѣнія, принимаетъ за борайту приведенное тѣмъ аморасмъ свѣдѣніе и зарегистрировываетъ его какъ историческій фактъ. (Sabbat 14 b, 17 b.). По другому свѣдѣнію, это постановленіе введено за 80 лѣтъ до разрушенія храма. Принимая въ соображеніе политическія условія, вызвавшія это постановленіе, слѣдуетъ придти къ безошибочному заключенію, что оно не можетъ быть до-хасмонейскимъ. Уравненіе стекляныхъ и металлическихъ произведеній закономъ заставляетъ предполагать ихъ частое употребленіе. Такимъ образомъ, ихъ можно было находить въ каждомъ мало-мальски зажиточномъ хозяйствѣ. Во время Іосе б.-Іоэзера, т. е. въ періодъ до-хасмонейскій Іудея безусловно не достигла еще такой высокой степени благосостоянія, чтобы роскошь стекла сдѣлалась заурядной. Это стало возможно только въ эпоху послѣ хасмонеевъ, когда военная добыча, спокойное занятіе земледѣліемъ, цвѣтущая промышленность и оживленная вывозная торговля подняли благосостояніе страны. Когда Іудея впослѣдствіи была истощена римлянами, стекло стало такимъ рѣдкимъ предметомъ въ хозяйствѣ, что вошло въ пословицу: кто хочетъ терять свое состояніе, долженъ снабжать свое хозяйство стекляной утварью. Этимъ можетъ быть оправдываемо предположеніе, что Іуда

бенъ-Табай вмѣстѣ съ Симономъ бенъ-Шетахъ ввели постановленіе относительно стеклянаго производства. Обратимся теперь къ существующему указанію на то, что когда въ постановленіяхъ упоминается одинъ изъ обоихъ членовъ синедріона—участіе другого предполагается само собою. Такъ, напр., опредѣленіе, по которому оскверненная металлическая утварь послѣ переплавки сохраняетъ свое оскверненное свойство, вавилонскій Талмудъ относитъ къ одному Симону б.-Шетахъ (14 b, 17 b), а Іерусалимскій (Sabbat I стр. 3 d) утверждаетъ, что оно исходитъ отъ него и Іуды б.-Табая. Это касается случая въ домѣ царицы Саломеи-Александры въ день свадьбы ея сына. Второе постановленіе о школьномъ дѣлѣ не менѣе важно въ культурно-историческомъ отношеніи. Интересовавшійся историческими воспоминаніями вавилонянинъ Рабъ сохранилъ также одно воспоминаніе о постепенномъ усовершенствованіи школьнаго дѣла. Онъ передаетъ: первоначально, т. е. именно въ библейское время, обученіе юношества было предоставлено отцу, причемъ пренебрегали тѣми мальчиками, которые были сиротами, или отецъ которыхъ былъ идіотомъ. Впослѣдствіи учредили въ Іерусалимѣ родъ высшаго учебнаго заведенія; затѣмъ въ каждомъ большомъ городѣ, образовавшемъ центръ маленькаго кружка, основаны школы, что именно относится ко времени Симона б.-Шетахъ, и продолжалось до всеобщаго введенія школъ первосвященникомъ Іошуа б.-Гамали за нѣсколько лѣтъ до паденія государства. И такъ, учрежденныя Симономъ б.- Шетахомъ школы ограничивались лишь главными городами. И первый пунктъ касающійся Ketuba, испыталъ въ нѣкоторомъ родѣ историческое развитіе. Опредѣленіе объ обязанности мужа уплатить разведенной женѣ извѣстную сумму, безъ сомнѣнія, весьма древнее и направлено противъ преобладанія разводовъ. Борайта, передающая эти свѣдѣнія, находится въ Бабли (Ketubot 82 b) и Іерушалма (с. VIII въ концѣ), почти въ одной редакціи съ незначительными лишь измѣненіями. И не подлежитъ сомнѣнію, что долговая запись для жены и вообще названіе כתובה существуетъ лишь со времени Симона.

Другія постановленія, безспорно относящіяся къ этому времени, хотя съ неувѣренностью приписываются Іудѣ б.-Табаю и Симону б.- Шетаху, безсомнѣнно имъ принадлежатъ, такъ какъ оба члена синедріона должны были предпринять радикальную реставрацію духовной жизни евреевъ. Постановленія о торжественномъ празднованіи антисаддукейскихъ религіозныхъ опредѣленій, безъ сомнѣнія, исходили отъ нихъ, причемъ имѣлось въ виду дискредитировать ученіе саддукеевъ въ общественномъ мнѣніи. О такой демонстраціи, о казни одного ложно изобличеннаго въ убійствѣ обвинителя, говоритъ Іуда б.-Табай собственными словами: что съ этимъ намѣреніемъ онъ велѣлъ привести приговоръ въ исполненіе: כדי להוציא מלבן של צדוקים (Makkot 5, 6). Такого же свойства было пышное празднованіе при жатвѣ колосьевъ для жертвъ омера (קצירת עומר Makkot 5, 6), далѣе при обрядахъ рыжей коровы (Para 3, 7), въ особенности при водочерпаніи для либаціи во время праздника кущей, наконецъ, при сборѣ полусекелей для нуждъ храма (Schekalim 3, 3). Схолія къ М. Т. точно замѣчаетъ, что обязанность доставлять денежную помощь въ полусекеля для всеобщихъ жертвъ введена лишь послѣ побѣды надъ саддукеями. Это замѣчаніе, безспорно, чисто историческое. И такъ, лишь послѣ побѣды надъ саддукеями, т. е. при Александрѣ, было установлено это предписаніе. На улучшеніе отправленія правосудія Іуда б.-Табай и его товарищи, повидимому, также обратили большое вниманіе. На это наводитъ сентенція Симона

въ Аботѣ (1, 6) „Испытывай свидѣтелей много разъ“ הוה מרבה לחקור העדים и рѣшеніе его сына, настаивавшаго, согласно состоявшему о немъ приговору, на томъ, чтобы его повели на мѣсто казни, не смотря на отказъ свидѣтелей отъ данныхъ ими противъ него показаній. Не нужно упускать изъ виду выраженія, употребленнаго сыномъ Симона при этомъ случаѣ: „Когда ты“ сказалъ онъ отцу, „хочешь устроить благо Израиля, не пощади моей жизни“; (Jerys. Sinhedrin I. 5, стр. 23 b). Очевидно, что сентенція Симона, быть осторожнымъ при допросѣ свидѣтелей съ цѣлью предупрежденія возможности изъ вопросовъ судьи придать своей лжи видъ правды, относится къ этому печальному случаю судебнаго убійства, совершеннаго надъ его сыномъ. Изъ этого можно заключить, что распространеніе допроса свидѣтелей на ближайшія обстоятельства, называемое въ талмудической процессуальной терминологіи בדיקות (Sinhedr. 40 a), введено Симономъ б.-Шетахъ и его товарищами. На этомъ отчасти основана тенденція книги „Сусаны“, чтобы дѣлать очевидной необходимость строгаго допроса свидѣтелей.

И народное празднество во время дровяннаго праздника (יום של קרבן עצים), считающееся наиболѣе веселымъ, было антисаддукейской демонстраціей и возникло въ то же время. Талмудическіе источники не знаютъ, однако, точно повода къ этому народному празднику. Хотя нѣкоторые по справедливости относятъ этотъ праздникъ къ прекращенію запрета доставлять въ храмъ дрова (выраженіе שלא יעלו ישראל לרגל должно быть истолковано именно въ этомъ смыслѣ); но отъ кого исходило это запрещеніе, въ этомъ талмудическіе источники противорѣчивы. Іерус. относитъ это къ Іеровеаму I (Іерус. Таанитъ IV. 6 стр. 68). Тосефта (с. 3) и схолія къ М. Т. (с. 5), напротивъ, показываютъ, что запрещеніе жертвовать дровами исходятъ отъ царей Греціи, והושיבו מלכי יון פרוסטאות על הדרכים, но это неисторически невѣрно. Вавилонскій Талмудъ высказывается совершенно неопредѣленно о династіи, отъ которой исходило это запрещеніе; онъ просто замѣняетъ ее словомъ „царствованіе“: (Taanit 28 a), Упущеніе династіи ни въ какомъ случаѣ не произошло по винѣ цензора, потому что это самое упущеніе сдѣлано и въ нецензурованномъ изданіи. Но всѣ приведенные въ этомъ мѣстѣ факты могутъ получить свою историческую достовѣрность, если отнесемъ это запрещеніе къ Александру Янаю, который въ своей ненависти къ фарисейству дошелъ до того, что рѣшился запретить священные обычаи, какъ жертвованіе дровъ для алтаря. При этомъ нѣкоторыя набожныя въ фарисейскомъ духѣ семейства, привыкшія ежегодно доставлять дрова, рѣшились даже привозить свои пожертвованія въ Іерусалимъ контрабаднымъ путемъ. Когда запрещеніе вмѣстѣ съ царствованіемъ Александра пришло къ концу и старый обычай вновь былъ допущенъ, то особенно важный день, 15 Аба, для доставленія дровъ могъ получить высшее значеніе и быть возведенъ въ народный праздникъ. Народное празднество съ танцами молодыхъ дѣвушекъ и состязаніемъ въ пѣніи могло имѣть еще другой поводъ. Народныя празднества рѣдко сохраняютъ съ исторической точностью свой первоначальный характеръ.

12.

Братская война между Гирканомъ и Аристовуломъ.

Свѣдѣнія о братской войнѣ и ея послѣдствіяхъ краснорѣчивѣйшимъ образомъ показываютъ, что талмудическія реляціи сослужили Флавію пре-

краснѣйшую службу. Въ главныхъ моментахъ Флавій и Талмудъ согласны именно въ томъ, что Гирканъ былъ осаждающимъ, а Аристовулъ осажденнымъ (Sota конецъ, Menachot 64 b), только въ одномъ параллельномъ мѣстѣ (Baba Kama 82b) замѣчается ошибка переписчика הורקנוס מבפנים. Далѣе они согласуются въ томъ, что осаждающіе за большія деньги доставляли въ храмъ скотъ для жертвъ и что скотъ этотъ былъ по стѣнѣ поднимаемъ вверхъ.

Отсюда же начинается разногласіе, побудительная причина къ которому весьма понятно. Талмудическое сообщеніе гласитъ, что осаждающіе, по совѣту одного старца, свѣдущаго въ греческой мудрости, велѣли за деньги поднять на верхъ, вмѣсто скота для жертвъ, свинью. Флавій сильно нападаетъ на гирканистовъ, описывая измѣну осаждающихъ, но, повидимому, стѣсняясь читателей-язычниковъ, нѣсколько воздержанъ въ сбоихъ фактическихъ сообщеніяхъ. Онъ ничего не упоминаетъ о свиньѣ, а говоритъ лишь о томъ, что осаждающіе взяли деньги, не доставивъ скота для жертвъ. Но это было бы въ крайнемъ случаѣ обычнымъ мошенничествомъ, ничуть не измѣной святынѣ. Флавій, очевидно, избѣгаетъ давать римлянамъ пищу для смѣха и издѣвательства надъ евреями за ихъ воздержаніе отъ свинаго мяса. Талмудъ же прямо называетъ вещи настоящимъ ихъ именемъ.

13.

Шемая и Авталіонъ.

Старая ошибка, будто оба синедриста Шемая и Авталіонъ были прозелитами, основана, безъ сомнѣнія, на ложномъ пониманіи одного выраженія, которое себѣ позволилъ относительно ихъ болѣе поздній ученый Акабій б. Магалалелъ. Ихъ синедріальное достоинство говоритъ рѣшительно противъ этого, такъ какъ къ такой должности прозелиты врядъ ли допускались.

Остается еще объяснить отношеніе Шемаи и Авталія къ именуемымъ Флавіемъ фарисеямъ Самеасу и Полліону (Древ. XIV. 9, 4; XV. I, 1 и т. же 10 4). Какъ въ послѣднемъ мѣстѣ, безспорно, можетъ быть рѣчь только о Гилелѣ и Шемаѣ, точно также въ обоихъ первыхъ мѣстахъ нужно подразумѣвать Шемая и Авталіонъ. Хронологическій канонъ, по которому Гилель за сто лѣтъ до разрушенія храма состоялъ предсѣдателемъ синедріона, т. е. около 30, не долженъ быть нарушенъ, точно также не слѣдуетъ касаться ряда его трехъ преемниковъ: Симона I, Гамаліила I (הזקן) и Симона II, принимавшаго дѣятельное участіе въ войнѣ противъ римлянъ при Неронѣ. Флавій, писавшій свои сочиненія въ Римѣ, вдали отъ общенія съ людьми, сохранившими традиціи, смѣшивалъ учителей съ учениками, но сохранилъ, однако, слабое воспоминаніе, что Самеасъ, т. е. Шемая, былъ ученикомъ Полліона, т. е. Авталіона. Равнозвучіе שמעיה и שמאי ввело его въ заблужденіе. Тождество этихъ именъ признаетъ также Флавій. Итакъ, Шемая и Авталіонъ были избавлены Иродомъ отъ изгнанія, хотя первый раньше высказался противъ него, потому что оба совѣтовали іерусалимцамъ открыть ему ворота. О процессѣ Ирода за произвольную казнь Іезекіи имѣются также свѣдѣнія въ Талмудѣ (Sinhedrin 19 a), но вмѣсто שמעון בן שטח нужно читать שמעיה. Такъ какъ Симонъ б.- Шетахъ жилъ при Янаѣ, и при этомъ случаѣ рѣчь идетъ именно о послѣднемъ, то писцы замѣнили имя Шемая Шимономъ. Но подъ этимъ Янаемъ нужно

подразумѣвать не Александра, а Гиркана II. Вавилоняне называли также царей дома Ирода янаями (Cp. Pesachim 57 a), но тутъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть рѣчь о Хасмонеяхъ и объ Агриппѣ I, такъ какъ они сами были первосвященниками.

14.

I. Гилель.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Гилель привезъ съ собою изъ Вавилона генеалогическое преданіе, до того неизвѣстное въ Іудеѣ. Историческая мишна о десяти различныхъ классахъ, вернувшихся изъ вавилонскаго изгнанія, ясно доказываетъ, что Гилель это преданіе привезъ съ собой и его можно узнать по халдейскому выраженію: הלל שנה עשרה יותבין עלו מבבל כהני לוי׳ וישראלי זרי תרורי מטורי וכו׳ (Jebamot 37 a, Kidduschin 75 a). Въ другомъ мѣстѣ эти слова приняли еврейское окончаніе (Jebamot 85 a): כותים גרים תרורים.

Гилель могъ, конечно, привезти изъ Вавилона традицію о семейной чистотѣ, къ которой тамъ относились съ чрезвычайной строгостью. Впрочемъ, онъ отводитъ больше мѣста толкованію традиціи. Свѣдѣнія объ этомъ не вполнѣ сохранились. Въ одномъ источникѣ ему приписываютъ три толкованія священнаго Писанія (Jerus. Pesachim VI стр. 33 a): ...על ג׳ דברים עלה הלל מבבל והסכים וקבל הלכה (ורדש[1]. Одно касается рѣшенія священника о прокаженныхъ. Второй пунктъ касается устраненія противорѣчія по вопросу о томъ, какой породы животныя требуются для пасхальной жертвы. Третій пунктъ касается противорѣчія относительно продолжительности праздника Mazzot. Послѣдній пунктъ приводится въ такомъ же видѣ и Sifra (къ Tasria Perek 9 конецъ) и Тосефтой Negaim I, но съ другимъ заключеніемъ. Впрочемъ, пунктъ этотъ приписывается въ Sifra (къ Emor 12) не Гилелю, а другому автору, жившему во второмъ столѣтіи по-христіанской эры (срав. Mechilta къ Bo 8, 8 и 17). Если бъ этотъ пунктъ дѣйствительно происходилъ отъ Гилеля, то было бы при этомъ упомянуто его имя. И относительно второго пункта авторство Гилеля окажется сомнительнымъ, если сравнить Babli Pesachim стр. 70 b. Такимъ образомъ, остается только первый пунктъ, несомнѣнно исходящій отъ Гилеля.

Другія галахи не передаются отъ имени Гилеля. Приводимая въ Baba Mezia галаха о взиманіи процентовъ не происходитъ отъ него, иначе не отсутствовалъ бы эпитетъ: הזקן; она происходитъ скорѣе отъ Гилеля, брата патріарха Іегуды II изъ 3-го столѣтія.

Семь толковательныхъ правилъ съ ихъ терминологіей, введенныхъ Гилелемъ и перечисленныхъ въ 3 мѣстахъ не вполнѣ согласно Prooemium къ

[1]) Вмѣсто והסכים ורדש я бы, впрочемъ, читалъ ורדש ולא הסכימו: законоучители не были согласны съ его толкованіемъ, пока онъ не сослался на полученную традицію: וקבל הלכה Точно такъ было при его рѣшеніи вопроса о пасхальной жертвѣ въ субботу, принятомъ лишь тогда, когда онъ сослался на традицію. Впрочемъ, выраженіе: על זה עלה הלל מבבל ошибочно, какъ будто эта интерпретація связана съ счастливой случайностью, что Гилель переселился изъ Вавилона въ Іерусалимъ. Оно отнюдь не такъ важно. Выраженіе заимствовано изъ случая съ пасхальной жертвой, причемъ приводятся слова: מי גרם לכם שאעלה מבבל.

Sifre, окончаніе; Tosefta Sinhedr. VII, окончаніе и Abot de R. Nathan c. 37). правильно привелъ Абраамъ б.-Давидъ, а именно: 1) קל וחומר; 2) גזירה שוה; 3) בנין אב (приведено впрочемъ въ видѣ בנה אב); 4) שני כתובים (т. е. המכחישים זה את זה); 5) כלל ופרט; 6) כיוצא בו ממקום אחר; 7) דבר הלמד מענינו. Удивительнымъ образомъ недостаетъ היקש—формула, примѣненная Гилелемъ при разрѣшеніи вопроса о пасхальной жертвѣ въ субботу (Tosefta Pesachim IV и Jerus. 33 a). Однако, это правило тождественно כיוצא בו ממקום אחר, что означаетъ то же самое, что аналогія.

Гилелъ, повидимому, привезъ съ собою изъ Вавилона вычисленіе синодальнаго мѣсяца, состоящаго изъ 29 дней 12 часовъ 40 минутъ съ дробью. Въ Талмудѣ (Rosch ha-Schana 25 a) Р. Гамаліилъ II передаетъ это вычисленіе. Если принять эту традицію въ ея буквальномъ значеніи, то она должна происходить отъ Р. Гамаліила I. Однако, откуда онъ одинъ досталъ такое точное вычисленіе, о которомъ его современники ничего не узнали? Выраженіе מכית אבי אבא, повидимому, скорѣе относится къ Гилелю и означаетъ: „отъ моего предка“. Гилель, должно быть, привезъ это вычисленіе изъ Вавилона, гдѣ впервые были введены солнечные часы по высотѣ полюса и дѣленіе дня на часы (Herodot 2, 109), и гдѣ также были знакомы съ астрономическими вычисленіями.

Знакомство съ астрономической продолжительностью мѣсяца привело къ тому, что исчисленіе это примѣнялось въ домѣ патріарховъ, не сообразуясь съ оптическимъ наблюденіемъ первой полосы молодого мѣсяца. Достойно вниманія, что Маръ-Самуэль, хваставшій столь же точнымъ знаніемъ астрономическихъ небесныхъ путей, какъ улицъ своего родного города, и собиравшійся выработать на много лѣтъ впередъ полный календарь о продолжительности мѣсяца и о високосныхъ годахъ, происходилъ также, какъ и Гилелъ, изъ Вавилоніи. Гилелъ II, установившій полный календарь, должно быть, имѣлъ астрономическія традиціи изъ дома патріарховъ, положенныя имъ въ основу его вычисленій.

II. Раббанъ Гамаліилъ I.

Прекращеніе горнаго огня для объявленія начала мѣсяца совпадаетъ, безъ сомнѣнья, со временемъ возраставшаго озлобленія самаритянъ противъ іудеевъ еще до разрушенія храма и связано съ событіями при Куманѣ. На это указываетъ прежде всего одно мѣсто въ Мишнѣ (Рошъ га-Шана II) בראשונה היה משיאין משואות משקלקלו הכותים התקינו שיהו שלוחין יוצאין. Хотя въ Іерушалми указано, будто Рабби, т. е. редакторъ Мишны, уничтожилъ эти огненные знаки: מי בטל את המשואות? רבי בטל את המשואות, однако, это указаніе, безъ сомнѣнья, основано на ложномъ толкованіи текста, потому что сама Мишна говоритъ о прекращеніи огней, какъ о чемъ то давно уже до того состоявшемся: בראשונה. Точно также совершенно немыслимо, чтобы горные огни продолжались еще послѣ большой войны при Веспасіанѣ и даже еще послѣ истребительной войны при Адріанѣ до временъ Рабби, такъ какъ огни эти могли бы быть истолкованы какъ сигналы къ возстанію; притомъ-же Іерусалимъ, откуда ожидался первый сигналъ, больше не существовалъ при Адріанѣ и подъ именемъ Aelia Capitolina былъ евреямъ недоступенъ. Надо полагать, что на ряду съ именемъ רבי упущено еще одно имя, что подтверждаетъ и З. Франкель (Предисловіе къ комментарію Іерушалма X). Нужно это мѣсто безусловно дополнить именемъ

רבן גמליאל הזקן и притомъ משקלקלו הכותים, потому что выраженіе указываетъ на вспыхнувшую вражду самаритянъ и усиливавшуюся при Куманѣ, какъ Флавій сообщаетъ въ своемъ описаніи этихъ событій (Древ. XX. 6, 11). Вражда самаритянъ усилилась изъ-за признанія императоромъ Клавдіемъ евреевъ правыми въ спорѣ съ ними и повелѣнія казнить самаритянскихъ пословъ. Въ это время Раббанъ Гамаліилъ I могъ еще дѣйствовать, такъ какъ онъ жилъ при Агриппѣ I. (B. Pesachim 88 b). Къ этому Р. Гамаліилу нужно относить и прочія установленія, которыя приводятся въ одномъ мѣстѣ Іерушалмы въ связи съ прекращеніемъ горныхъ огней: המשואות. Это слабое указаніе на разсылку вѣстовыхъ для оповѣщенія иноземныхъ общинъ о видимости первой лунной полосы еще до прибытія свидѣтелей—доказываетъ, что ихъ авторъ придавалъ больше значенія астрономическому вычисленію синодальнаго луннаго теченія, чѣмъ показаніямъ свидѣтелей. Авторъ, т.-е. Гамаліилъ, установилъ, такимъ образомъ, начало мѣсяца по вычисленію, независимо отъ показаній свидѣтелей. Астрономически-синодальное вычисленіе считалось традиціей въ домѣ тетрарховъ.

Относительно станціонныхъ огней въ Тосефтѣ имѣется еще одно указаніе, которое отсутствуетъ въ Мишнѣ, но необходимо должно быть дополнено, именно בתבור. Необходимо также сдѣланное Р. Симономъ б. Элеазаръ дополненіе. Но при этомъ нужно читать: אף הרים מכוור וגדר т. е. и Махерусъ и Годоръ были сигнальными станціями. Иначе сигнальные огни съ этой стороны можно было видѣть не съ горы Гавронъ (חוורן).—Но послѣднюю станцію Талмудъ отожествляетъ съ בירם, расположеннымъ, по указанію Талмуда, совсѣмъ недалеко отъ Пумбадиты. т. е. вблизи Евфрата. Названіе, вѣроятно, происходитъ отъ храма Бельтиса, сооруженнаго на этой высотѣ.

15.

Война Вара.

Вспыхнувшія въ первомъ году послѣ смерти Ирода возмущенія во всѣхъ частяхъ Іудеи и жестокость, съ которой императорскій легатъ Квинтилій ихъ подавлялъ, Флавій отмѣчаетъ какъ особенно несчастный періодъ въ еврейской исторіи и ставитъ его рядомъ съ войнами при Антіохѣ-Эпифанѣ, Помпеѣ и Титѣ. Во время всѣхъ этихъ бѣдствій архивы и родословни были уничтожены, и оставшіеся въ живыхъ священники были принуждены составлять новыя родословныя записи (противъ Аріона 1, 7) Событія при Варѣ отмѣчаются, такимъ образомъ, какъ самостоятельная война. Этимъ прямо объясняется слѣдующее мѣсто въ Seder Olam Rabba (конецъ a): מפולמוס של אסורוס עד פולמוס של אספסינוס פ׳ שנים. Подъ этимъ подразумѣвается война Вара и искаженное по винѣ невѣжественныхъ переписчиковъ имя должно вмѣсто אסורוס אנטונינוס быть исправлено въ ורוס или אורוס. Время тоже соотвѣтствуетъ: вмѣсто 74 лѣтъ отъ смерти Ирода до разрушенія храма принято круглое число 80 лѣтъ, точно также какъ протекшія со дня смерти Агриппы I до того же событія 27 лѣтъ, отмѣчаются въ талмудическихъ источникахъ круглою цифрою въ 40 лѣтъ. Такимъ образомъ, содержащееся въ Seder Olam свѣдѣніе оказывается совершенно вѣрнымъ. Если допустить, что война Вара началась за 80 лѣтъ до разрушенія храма, то полу-

чимъ точное понятіе объ эпохѣ синедріона восьмидесятыхъ годовъ (רבנן של שמונים שנה); это были законоучители обѣихъ школъ, Гилелъ и Шемая, дѣйствовавшіе послѣ смерти своихъ вождей. Къ нимъ относятся именно извѣстныя постановленія относительно левитской чистоты (Sabbat 15a Aboda Sara 8b) Эти свѣдѣнія подтверждаетъ также P. Ioce, авторъ Seder Olam: טובאה על ארץ העמים (ועל כלי זכוכית). Такимъ образомъ, строгое постановленіе, запрещающее эмиграцію изъ Святой земли, относится ко времени послѣ смерти Ирода, такъ что тотъ, кто находится за предѣлами Святой земли, считается левитски нечистымъ: טומאת ארץ העמים.

Эта сообщенная танаитомъ традиція, по которой за 80 (или 74) лѣтъ до разрушенія храма путешествія за границу объявлены были оскверняющими, имѣетъ весьма важное значеніе для внутренней исторіи. Оно достовѣрнѣе другой, приписывающей это постановленіе Ioce б. Іоэзеръ и его товарищамъ, павшимъ во время Маккавеевъ (Sabbat. 14 b). Оно происходитъ отъ аморая четвертаго вѣка, какъ видно изъ Jerus. (тамъ же стр. 3 b): אר׳ זעירא בר אבינא בשם ר׳ ירמיה יוסף בן יועזר...גזרו טומאה על ארץ העמים ועל כלי זכוכית. Оба Талмуда были освѣдомлены еще о томъ, что это постановленіе перешло въ болѣе позднюю эпоху. Объясненіе противорѣчія тѣмъ, что постановленіе это было позже только возобновлено—плохое средство для выхода изъ затрудненія. Третья традиція указываетъ, что оно было введено съ согласія обѣихъ школъ Гилела и Шемаи (Ierус. т. же 3 c.) ואלו הן שגזרו בית הלל ובית שמאי על פיתן של גוים....ועל הלכות בעל קרי ועל הלכות ארץ העמים. Тутъ перечень не вѣренъ, такъ какъ онъ связанъ съ ложнымъ предположеніемъ, будто эти и другія постановленія относятся къ такъ называемымъ 18 запретамъ (י״ח דבר). Впрочемъ, перечень этотъ противорѣчитъ преданію о древнемъ происхожденіи постановленія объ эмиграціи и подтверждаетъ приведенную Р. Измаилъ б. Ioce традицію, по которой упомянутое постановленіе лишь позже объявлено гилелитами и шамаитами, такъ какъ въ періодъ 74 лѣтъ эти школы были плодовиты разными постановленіями, въ особенности же относительно законовъ о левитской чистотѣ.

Поводъ, послужившій къ такому мѣропріятію, объясняется наступившими послѣ смерти Ирода тревожными обстоятельствами, которыя Флавій и талмудическая традиція называютъ войною Вара. Возстаніе охватило всю страну. Возможно допустить что въ это время усилилась эмиграція изъ Палестины въ мѣстности, гдѣ господствовали спокойствіе и безопасность, какъ то: въ Сирію, Египетъ, Малую Азію. Такія переселенія могли довести страну до опустошенія и въ предупрежденіе этого зла объявлено было постановленіе о томъ, что каждый,приходящій въ соприкосновеніе съ зарубежными землями, считается левитски нечистымъ и для участія, напр. въ пасхальной жертвѣ обязанъ подвергаться очисткѣ... Что это мѣропріятіе было направлено исключительно противъ переселенія, доказываютъ два ограничительныхъ закона. Къ отправляющимся изъ Вавилона, т. е. изъ страны парѳянъ, прямо въ Палестину, мѣра эта не примѣнялась; прямой путь къ границѣ Палестины считался чистымъ (Tosefta Milot 18, 3); мѣстности граничившія съ Палестиной, хотя населенныя язычниками, тоже были объявлены чистыми (тамъ же 3). Напротивъ, Сирія признававшаяся почти священной землей, все же считалась въ отношеніи переселенія зарубежной территоріей, хотя нѣкоторые пункты (Tosefta Kelim I, 1, 5; b. Gittin 8a) у самой границы Палестины пользовались исключеніемъ. (Мишна Milot 18, 7.) Изъ этихъ ограничительныхъ законовъ слѣдуетъ несомнѣнно, что это постановленіе

объ эмиграціи имѣло своей единственной задачей парализованіе переселенія. Вавилонъ не былъ включенъ потому, что считался или второй родиной, или не былъ для эмигрантовъ столь заманчивъ.

Мѣра эта не оказалась, однакоже, достаточно способной для пріостановленія переселенія. Поэтому издано было постановленіе о томъ, чтобы посланный эмигрантомъ своей оставшейся въ Палестинѣ женѣ разводъ черезъ свидѣтелей имѣлъ бы законную силу лишь тогда, когда свидѣтель въ состояніи будетъ доказать, что онъ присутствовалъ при составленіи развода. Это мѣропріятіе издано первоначально для лицъ, переселившихся въ приморскія страны (מדינת הים), т. е. въ Малую Азію и, вѣроятно, также на греческіе острова и въ Грецію (Gittin, начало, особенно стр. 34 b)

Еще характерное для того времени, хотя довольно странное постановленіе оба Талмуда приписываютъ названнымъ школамъ, а именно: оскверненіе посредствомъ прикосновенія къ священнымъ книгамъ. (J· Sabbat 3 c והכפר בית שמאי ובית הלל גזרו מטמאין את הידים ויהדים именно съ присовокупленіемъ). Этой традиціи противопоставляютъ другую, по которой левитское оскверненіе отъ немытыхъ рукъ уже установлено главами этихъ школъ (הלל ושמאי גזרו טומאה על הידים; Ierус. הלל ושמאי גזרו על טהרת ידים. Первое замѣчаніе допускаетъ, однако, что постановленіе относительно священныхъ книгъ происходитъ только отъ ихъ преемниковъ. Нельзя допустить, что это постановленіе издано одновременно съ постановленіемъ о 18 запретахъ (י״ח דברים), такъ какъ послѣднее, безъ сомнѣнія, послѣдовало во время продолжительной борьбы противъ римлянъ и принадлежитъ только шамаитамъ, находясь въ противорѣчіи съ ученіемъ гилелитовъ. Первое постановленіе существовало далеко раньше, что подтверждается сдѣланнымъ саддукеями Р. Іоханану б. Заккаю запросомъ съ указаніемъ нелѣпости подобнаго постановленія. (Мишна Jadaim, конецъ) אומרין צדוקים קיבלנו אנו עליכם פרושים שאתם אומרים כתבי הקדש מטמאין את הידים אמר ר׳ יוחנן בן זכאי וכי אין לנו על הפרושים אלא זו בלבד. Споръ между саддукеями и названнымъ представителемъ фарисейства происходилъ, вѣроятно, во время первосвященника *Анана б. Анана*, храбро выступившаго въ защиту ученія саддукеевъ и функціонировавшаго въ 60 году post. Итакъ, въ то время постановленіе относительно священныхъ книгъ было уже введено, т. е. 6 лѣтъ до начала войны.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ согласиться съ обоими Талмудами, что обѣ школы одновременно издали постановленіе, относящееся къ оскверненію посредствомъ эмиграціи и прикосновенія къ священнымъ книгамъ (טומאת ארץ העמים и טומאת כתבי קדש), а также цѣлый рядъ строгихъ правилъ относительно левитской чистоты, думая такими мѣропріятіями спасти пошатнувшуюся государственность, или же подражать ессеямъ въ ихъ буквоѣдствѣ. Всѣ эти опредѣленія относятся, по всей вѣрятности, ко времени войны Вара или къ году смерти Ирода. Гилель и Шемая въ это время, должно быть, уже отошли въ вѣчность, такъ какъ упомянутыя левитскія опредѣленія, за исключеніемъ оскверненія рукъ (ידים), въ этихъ источникахъ не ссылаются на самихъ представителей школъ, а на ихъ учениковъ; слѣдовательно, они скоро скончались послѣ смерти Ирода. Тотъ самый Р. Ioce, получившій традицію объ установленіи мѣропріятія относительно оскверненія эмиграціей (טומאת ארץ העמים) высказывается объ ихъ ученикахъ слѣдующимъ образомъ: такъ какъ они не пользовались достойно назидательнымъ сношеніемъ съ своими учителями, поэтому обнаружилось такое разногласіе относительно религіозныхъ законоопре-

дѣленій, которое вызвало расколъ и распаденіе на два противоположныхъ лагеря. Здѣсь рѣчь идетъ о фанатикахъ фарисеяхъ, которые изъ ненависти къ Ироду пустились въ интриги съ женами и честолюбцами при дворѣ Ирода и, прельщая ихъ властью и могуществомъ, составляли заговоры на его жизнь; между ними были также фарисейскіе учителя, подстрекавшіе своихъ питомцевъ для того, чтобы тѣ уничтожили римскій орелъ въ храмѣ. Это были мечтатели, плохо судившіе о дѣйствительной жизни и наивно полагавшіе, что строгими левитскими законами имъ удастся возстановить религіозный и нравственный порядокъ, расшатанный неудачнымъ правленіемъ Ирода. Въ числѣ этихъ законовъ не встрѣчается значащійся среди 18 запретовъ (י"ח דבר) законъ о язычникахъ или объ изолированіи себя отъ язычниковъ; этотъ законъ установленъ позже шамаитами.

Пунктъ, относящійся къ левитскому осквернению священныхъ книгъ, весьма важенъ для исторіи и, въ особенности, для заключенія канона. Необходимо принять въ соображеніе основаніе этого страннаго мѣропріятія. Р. Іохананъ б.-Заккай, запрошенный саддукеями по поводу этой нелѣпости, оправдывалъ ее тѣмъ, что именно, вслѣдствіе высокой цѣнности своей, эти книги изъяты изъ употребленія. Воспрещеніе частаго прикосновенія къ священнымъ книгамъ имѣло ту цѣль, чтобы кожа, на которой онѣ написаны, не употреблялась при верховой ѣздѣ для сѣдла. (Tosefta Jadaim, конецъ).

Нельзя упустить изъ виду, что эта мѣра могла быть установлена только въ интересахъ гагіографовъ, потому что свитки Пятикнижія и пророковъ, давно уже принадлежавшіе къ публичному богослуженію, навѣрное никогда не были осквернены, скорѣе считались священными и неприкосновенными. Гагіографы, напротивъ, которые, за исключеніемъ книги Эсѳирь, не читались въ синагогахъ, не имѣли этого значенія, и какому-нибудь всаднику могло придти на мысль по недостатку сѣдла замѣнить его кожаными свертками, исписанными гагіографами. Да, въ сущности, выраженіе כתבי קדש означаетъ только гагіографы. Срав. Jerus Sabbat XVI стр. 16 b. בין תורה לנביאים לכתבי קודש מציילין אותן מפני הדליקה Такимъ образомъ, это не касается Пятикнижія и пророковъ (ср. Гретцъ, Соломоновскіе Проповѣдники стр. 160). Какъ для Пятикнижія было въ употребленіи собственное наименованіе תורה, такъ и для пророковъ было обозначеніе כפרים; слѣдовательно терминъ כתבי קדש употреблялся только для *гагіографовъ*. Поэтому постановленіе относительно осквернения отъ прикосновенія къ „священнымъ книгамъ“ и установлено было первоначально только для этой третьей части Библіи. Лишь впослѣдствіи, когда мало-по-малу гагіографы начали пользоваться ореоломъ святости, мѣру эту распространяли и на Пятикнижіе и на Пророки.

Такимъ образомъ, можно допустить, что во время *войны Вара* (въ 4-3 стол. до-христіанской эры), когда издано было постановленіе объ осквернении „священныхъ“ книгъ, состоялось также совѣщаніе объ установленіи гагіографическаго канона. Тогдашнія власти, вѣроятно, сомнѣвались въ святости большинства гагіографическихъ книгъ и потому охраняли ихъ отъ профанаціи. Большинство изъ нихъ были древняго происхожденія или же принадлежали перу общепризнанныхъ писателей, какъ напр. псалмы Давида, притчи Соломона. плачъ Іереміи. Руѳь временъ Судей, Трехкнижіе Хроники, Эзры и Нехемія, И для Іова не было сдѣлано исключенія. Въ одномъ лишь сомнѣвались, заслуживаютъ ли значенія святости также Пѣсня пѣсней и Когелетъ. Этотъ вопросъ остался открытымъ и былъ разрѣшенъ лишь впослѣдствіи.

То, что гагіографическій канонъ былъ установленъ лишь послѣ смерти Ирода, имѣетъ особенно важное значеніе для окончательной редакціи псалтыря. Какъ только было опредѣлено, что эта книга дѣйствуетъ оскверняюще, она всецѣло подлежала исключенію изъ употребленія или была уже исключена. Хотя нельзя не признать вещественнаго и хронологическаго безпорядка въ послѣдовательности размѣщенія псалмовъ, тѣмъ не менѣе существуютъ два момента, убѣждающіе въ томъ, что псалмы были подвергнуты особой редакціи.

Псаломъ первый, помѣщенный въ началѣ, безспорно относится къ новымъ и никакой идейной связи не имѣетъ съ псалмомъ вторымъ. Но они помѣщены не только рядомъ, но соединены вмѣстѣ какъ нѣчто цѣльное (срав. Гретцъ, комментарій къ псалмамъ). Какъ могли ихъ соединить? Псаломъ 1-й опредѣляетъ важность Торы, а 2-й заключаетъ въ себѣ объясненія касательно Мессіи. Редакторы поэтому намѣренно помѣстили эти два псалма въ началѣ, чтобы выразить альфу и омегу іудейства, *мысль о Торѣ и надежду на Мессію*. Семь псалмовъ, изъ которыхъ въ храмѣ обыкновенно пѣли ежедневно по одному въ недѣлю (24, 48, 81, 82, 92, 93, 94), имѣли первоначально надписи для опредѣленія дня. Въ греческомъ текстѣ пять изъ нихъ имѣютъ еще надпись дня, въ еврейскомъ осталась только надпись дня субботняго псалма (ср. коммент. стр. 55). Такъ какъ надписи къ псалму не относятся, то онѣ, вѣроятно, были позже прибавлены при редакціонномъ пересмотрѣ. Однако, выборъ этихъ ежедневныхъ псалмовъ оказывается страннымъ: большая часть изъ нихъ не написаны въ видѣ гимна, соотвѣтствующаго богослуженію въ храмѣ. Такъ пс. 94 представляетъ собою скорѣе плачевный псаломъ по поводу насилія; пс. 82 содержитъ въ себѣ рѣзкое порицаніе недостойныхъ судей. Даже субботній пс. 92 является смиренной жалобой на земное блаженство грѣшниковъ, заканчивающейся указаніемъ на то, что счастье ихъ не будетъ долговѣчное. Аналогію представляетъ мотивъ этого поразительнаго выбора. Въ промежуточные дни праздника кущей во время богослуженія пѣли стихи изъ плачевнаго псалма 94, потому что намекаютъ на насиліе со стороны чужеземнаго владычества (а также стихи изъ другихъ псалмовъ, содержащіе порицаніе грѣшниковъ, какъ изъ псалма 50, 82). Срав. Sukka 55 a и объясненіе Раши.

Безпрерывныя насилія испытала нація, отъ имени которой горюютъ псалмы, со стороны Рима, когда послѣ смерти Ирода намѣстники притѣсняли народъ въ интересахъ защиты приверженцевъ римлянъ. Слѣдовательно, плачевный псаломъ 94 и другіе подобные псалмы избраны прямо ради ихъ намековъ на римское владычество. Нельзя, правда, допустить, что этотъ выборъ состоялся во время Ирода, когда онъ вновь отстроилъ храмъ и ввелъ тамъ богослуженіе. Онъ едва ли согласился бы на подобныя выходки противъ своихъ покровителей-римлянъ, а еще менѣе можно допустить, что выборъ направленъ былъ противъ его жестокаго правленія. Легко понять, что только послѣ смерти Ирода левиты могли пѣть такіе тенденціозные псалмы. Отсюда слѣдуетъ что прибавленныя къ семи псалмамъ отмѣтки дней могли быть сдѣланы по случаю войны Вара и послѣдовавшаго затѣмъ угнетенія со стороны прокураторовъ,—другими словами, до римскаго владычества собираніе и редактированіе псалтыря не состоялось. Связь ясна. Издавая строгія предписанія относительно соблюденія левитской чистоты, ученики обѣихъ школъ, считали ихъ

дѣйствительными средствами для устраненія извѣстныхъ золъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принимали мѣры противъ профанаціи гагіографическихъ книгъ, объявивъ таковыя при прикосновеніи оскверняющими. Наступила необходимость установить, какія книги должны считаться священными. Это и вызвало работу по сгруппированію псалмовъ, снабженныхъ также надписями о дняхъ. Въ началѣ псалтыря помѣстили два псалма, выражающіе высокое значеніе Торы и надежду на Мессію. Все это послѣдовало именно въ то время, когда въ предупрежденіе выселенія изданъ было постановленіе о томъ, что пребываніе внѣ предѣловъ Святой земли левитски оскверняетъ; это произошло по приблизительному вычисленію за 80 лѣтъ до разрушенія храма или точнѣе во время войны Вара, т. е. послѣ смерти Ирода.—При редактированіи псалтыря, само собою понятно, были помѣщены, если не всѣ отмѣтки, какъ надпись объ инструментахъ, объ управленіи хоромъ, обозначеніе מזמור и שיר для указанія историческаго повода къ составленію ряда псалмовъ, то во всякомъ случаѣ формула „аллилуя" въ началѣ и „славословіе" въ концѣ четырехъ псалмовъ. Эти отмѣтки הללויה и ואמר כל העם אמן помѣщены единственно для общественнаго богослуженія. Отмѣтки эти указываютъ, какъ община должна отвѣчать на приглашеніе совершающаго богослуженіе. Въ 3 книгѣ Маккавеевъ сообщается, что община, бывало, вторитъ гимну возгласомъ „аллилуя".

Впрочемъ, не всѣмъ книгамъ, причисляющимся теперь къ гагіографамъ, повидимому, предоставлено было сразу каноническое достоинство. Сначала считали нужнымъ охранять отъ профанаціи тѣ книги, которыя были нѣкоторымъ образомъ сходны съ пророческими или такія, авторы которыхъ, по общему мнѣнію, были вдохновлены святымъ духомъ (ברוח הקדש נאמרו); именно, псалмы, большая часть которыхъ приписывается Давиду,—котораго Филонъ, напр. называетъ пророкомъ—далѣе Руѳь, которая имѣетъ внѣшнее сходство съ книгой Судей, и Трехкнижіе Хроники-Эзры-Нехеміи, какъ продолженіе книги Царей, а также книга Эсѳири. Эти книги, вѣроятно, расходились во множествѣ экземпляровъ. Остальные гагіографы были включены лишь послѣ, какъ нѣкто, имѣвшій гагіографическую книгу, обратился съ вопросомъ, не оскверняетъ ли и она рукъ. Вотъ почему по вопросу о канонизаціи Пѣсни пѣсней и Когелетъ мнѣнія школъ расходились. Притчи Сираха первоначально были, вѣроятно, признаны гагіографическими, потому что ихъ много читали и даже ссылались на нихъ какъ на דברי קבלה, т. е. считали равными по происхожденію съ другими. Лишь впослѣдствіи Сирахъ и другія подобныя книги были исключены изъ канона гагіографовъ (Tosefta Jadaim כפרי (כפר) בן סירא וכל כפרים שנכתבו מכאן ואילך אינן מטמאין את הידים...Наконецъ, установили, что только такія книги принадлежатъ канону, которыя сочинены во времена пророковъ, потому что предполагали, что въ то время святой духъ витали и вдохновлялъ авторовъ; съ вымираніемъ же послѣднихъ трехъ пророковъ святой духъ пересталъ вдохновлять, а потому появившіяся послѣ этого произведенія Сираха и другія не должны считаться священными. Къ другимъ произведеніямъ причисляются, вѣроятно, по крайней мѣрѣ по-еврейски написанная первая книга Маккавеевъ и, можетъ быть, также Сусана (тоже написанная по-еврейски и сочиненная до разрушенія храма).

Итакъ, изложеніе наше показываетъ, что послѣ смерти Ирода установлены:

1) Мѣропріятіе противъ переселенія за-границу;

2) Опредѣленіе формулировки при посылкѣ развода изъ за-границы;

3) Канонизація гагіографовъ и совѣщаніе относительно книгъ Когелета и Пѣснь пѣсней;

4) Редакція псалтыря;

5) Введеніе предназначенныхъ для отдѣльныхъ дней псалмовъ, исполняемыхъ хоромъ левитовъ въ храмѣ.

16.

Выборные или смѣняемые первосвященники во время Ирода и послѣ него.

Иродъ осквернялъ всѣ святыни Іудейскаго народа, а первосвященниковъ лишилъ сана и деморализировалъ. Не пожелавъ или не имѣвъ возможности предоставить достоинство первосвященника послѣднему хасмонею, онъ назначилъ священнослужителя изъ другой линіи. Такимъ образомъ, Иродъ ввелъ выборное начало для первосвященниковъ. При этихъ выборахъ соблюдали личные интересы и политику. Позже право производства выборовъ передано было прокураторамъ, руководствовавшимся не столько интересами страны, сколько корыстными своими видами. Послѣдовательный порядокъ смѣняемыхъ первосвященниковъ имѣетъ большое значеніе для исторіи этого времени и еще болѣе для хронологіи; вотъ почему онъ здѣсь будетъ критически освѣщенъ. Такихъ первосвященниковъ должно было быть всего 28; между тѣмъ, если опредѣлить въ точности число первосвященниковъ, время назначенія и смѣщенія которыхъ во времена Ирода, Архелая, ряда первыхъ управителей, Агриппы I, Ирода II и Агриппы II *Флавій* приводитъ съ обозначеніемъ именъ, то получится только 27. Очевидно, недостаетъ одного имени. Его то прежде всего и нужно розыскать. Первосвященниковъ, которые дважды занимали этотъ постъ, мы должны считать только одинъ разъ, иначе ихъ вышло бы 29 и даже больше, ибо Ананель во времена Ирода и Іоазоръ во времена этого же царя и Архелая дважды исполняли первосвященническія обязанности. Въ глаза бросается еще слѣдующій разсказъ Флавія: о томъ, что когда въ послѣдній годъ управленія *Феликса* вспыхнуло возстаніе въ Цезареѣ, Агриппа II назначилъ первосвященникомъ *Измаила фіаби*, причемъ Флавій не упоминаетъ имени его предшественника, какъ онъ всегда это дѣлалъ. 59 годъ былъ послѣднимъ годомъ управленія Феликса. Измаилъ, значитъ, сталъ первосвященникомъ къ этому времени. Но въ такомъ случаѣ первосвященникъ, занимавшій этотъ постъ, по *Флавію*, до него, именно Аннанія, сынъ *Небедая*, котораго еще Иродъ II назначилъ по смерти Агриппа I (до 48 г.), долженъ былъ исполнять эти обязанности болѣе 10 лѣтъ (47—59), что совершенно недопустимо, ибо, по крайней мѣрѣ, въ 48 году уже исполнялъ эту обязанность какой-то Измаилъ. Кромѣ того, въ политикѣ властителей изъ дома Ирода придерживались системы не оставлять слишкомъ долго одного и того же первосвященника на своемъ посту. Вотъ почему многіе изъ нихъ исполняли свои обязанности только втеченіе одного года. Это обстоятельство и отсутствіе имени одного первосвященника заставляетъ насъ предположить пропускъ одного имени между Ананіемъ б.-Небедая и Измаиломъ б.-*фіаби*.

Число выборныхъ первосвященниковъ по талмудическимъ первоисточникамъ превосходитъ 50 человѣкъ; дѣло въ томъ, что они выбирались во все время существованія второго храма отъ 80 до 85 г.

Такъ какъ число первосвященниковъ со времени возвращенія изъ изгнанія доходитъ только до 12, (отъ Іошуа б.-Іоцадока до Язона), а съ прибавленіемъ двухъ назначенныхъ сирійскими царями Менелая и Алкима 14, хасмонейскихъ же первосвященниковъ, начиная съ Іонатана до Антигона и Аристовула, было всего 9, а съ Іудой Маккавеемъ, который исполнялъ нѣкоторое время эти обязанности—10, то всего вмѣстѣ мы получимъ 24. Итакъ, смѣняемыхъ первосвященниковъ остается болѣе 50 человѣкъ. Число 80, должно быть, представляетъ искаженное 60—ס вмѣсто ס. Жаль, что въ Sifre не сохранились имена первосвященниковъ за время существованія второго храма, иначе они могли бы служить намъ для провѣрки. Талмудическіе источники не безъ основанія отмѣчаютъ, что эти первосвященники добивались своего сана путемъ подкупа. Вотъ почему избиравшіе ихъ часто назначали новыхъ въ разсчетѣ получить снова крупныя деньги.

Іосифъ во многихъ мѣстахъ говоритъ о первосвященникѣ Ананіи, о его богатствѣ, почетѣ и вліяніи, не указывая времени, когда онъ исполнялъ свои обязанности. Флавій, сообщая о томъ, что Агриппа II передъ пріѣздомъ правителя Альбина, предпослѣдняго до Флора, смѣстилъ первосвященника Ананія б.-Анана и назначилъ на его мѣсто Іошую б.-Дамная, продолжаетъ: „Первосвященникъ Ананія съ каждымъ днемъ все болѣе пріобрѣталъ вліяніе, и граждане почтили его любовью и уваженіемъ. Онъ очень ловко умѣлъ собирать капиталы и подарками склонилъ на свою сторону Альбина и первосвященника". Слѣдовательно, существовалъ видный первосвященникъ Ананія во время исполненія этихъ обязанностей Іошуей б.-Дамнаемъ. Это значитъ, что Ананія раньше былъ первосвященникомъ. Далѣе Іосифъ описываетъ кровавые раздоры между сверженнымъ первосвященникомъ Іошуей б.-Гамаліиломъ и продолжаетъ: „Ананія превосходилъ всѣхъ богатствомъ и склонялъ на свою сторону всѣхъ тѣхъ, которые готовы были брать взятки." Раньше Флавій разсказываетъ, что сикарійцы поймали писца, служившаго у начальника храма Элеазара и, заковавъ, увели его съ собой. Этотъ Элеазаръ былъ, какъ передаютъ, сыномъ Ананіи. Вотъ почему сикарійцы обратились къ нему съ тѣмъ, чтобы онъ заставилъ управителя Альбина освободить изъ тюрьмы 10 ихъ товарищей, и обѣщали подъ этимъ условіемъ освободить плѣннаго писаря. Отсюда слѣдуетъ, что до Іошуи б.-Дамная существовалъ первосвященникъ Ананія, но непосредственно до него мѣсто это было занято, точно также, какъ послѣ него и до Измаила б.- Фіаби, ибо до него никто не исправлялъ этой должности болѣе чѣмъ годъ или два; отъ 60 до 63 *Измаилъ, Іосифъ, Каби, Ананъ б.-Ананъ* и *Іошуа б.-Дамнай*. Этотъ Ананія долженъ былъ дѣйствовать, слѣдовательно, до Измаила б.-Фіаби, и онъ то, должно быть, дополняетъ число 23; но онъ не можетъ быть тождественъ съ Ананіей бенъ-Небедаемъ, какъ это предполагаютъ хронологи со времени Ушера, ибо въ такомъ случаѣ не доставало бы 28 первосвященника, и по прежнему не было бы выяснено, какимъ образомъ Агриппа II далъ ему исполнять эти обязанности такъ долго, болѣе 10 лѣтъ.

Кромѣ того, мы можемъ заключить изъ отдѣльныхъ мѣстъ въ Талмудѣ, что этотъ Ананія не тождественъ съ сыномъ Небедая. Раньше мы видѣли, что Флавій отмѣчаетъ чрезвычайное богатство этого Ананіи, которымъ онъ превосходилъ всѣхъ остальныхъ первосвященниковъ. Въ талмудическихъ источникахъ изображается чрезвычайное богатство первосвященника; они передаютъ, что мать Измаила б.-Фіаби велѣла приготовить своему сыну для исполненія обязанностей въ день искупленія полотняную одежду стоимости въ 100 минъ, мать же Элеазара б.-Харсома приготовила одежду стоимости въ 20.000. Какъ бы преувеличенъ этотъ разсказъ ни былъ, въ основѣ его все таки лежитъ зерно исторической истины, ибо Мишна передаетъ за фактъ, что первосвященники въ день искупленія переодѣвались въ дорогія одежды пелузійской и индійской работы. Дѣйствительно, изъ linum pelusiacum изготовляли роскошныя одѣянія, а еще болѣе роскошныя изъ linum indicum. Такія мѣста въ Мишнѣ всегда обязаны своимъ происхожденіемъ историческимъ фактамъ. Слѣдовательно, нѣкогда существовалъ первосвященникъ, настолько богатый, что могъ позволить себѣ роскошь, носить утромъ пелузійскую, а послѣ обѣда индійскую одежду; такимъ могъ быть только богачъ первосвященникъ Элеазаръ б.-Харсомъ или Ананія. Богатство Элеазара представлено въ видѣ еще болѣе неумѣренной гиперболы—онъ якобы владѣлъ тысячью городами въ царскихъ горахъ и тысячью судами на морѣ. Если мы сведемъ это число до минимума, то онъ все-таки могъ назвать своей собственностью городъ или деревню въ царскихъ горахъ и владѣть нѣсколькими купеческими судами на морѣ.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ два независимыхъ сообщенія о какомъ-то чрезвычайно богатомъ первосвященникѣ; только одинъ источникъ называетъ его Ананіемъ, а второй Элеазаромъ. Быть можетъ ихъ можно связать? Припомнимъ, что Ананій имѣетъ сына, по имени Элеазара. Очень часто случалось, что сыну давали имя по дѣду, такимъ образомъ, первосвященникъ Ананія можетъ быть сыномъ Элеазара, и талмудическіе источники могли забыть его имя и подставить вмѣсто его имени имя его отца. Если этотъ богатый первосвященникъ снаряжалъ суда, какъ можно предполагать, для товарнаго транспорта, то этимъ мы выяснили бы, почему Іосифъ разсказываетъ объ Ананіи, что тотъ обладалъ большой ловкостью въ пріобрѣтеніи богатствъ. Талмудическій источникъ могъ бы намъ также доказать, какимъ способомъ этотъ первосвященникъ такъ разбогатѣлъ. У насъ не остается больше никакого выбора; намъ во что бы то ни стало нужно отыскать первосвященника, который бы дополнилъ число 28 и который исправлялъ бы эти обязанности послѣ Ананіи (или Іоханана) б.-Небедая и до Измаила, т. е. отъ 48 до 60 г. Есть первосвященникъ, который по двумъ различнымъ источникамъ изображается очень богатымъ человѣкомъ, но мы можемъ указать мѣсто только для одного,—слѣдовательно, мы должны связать эти оба имени. Такимъ образомъ, мы можемъ съ извѣстной исторической достовѣрностью предположить, что первосвященникъ, которымъ мы должны пополнить число и пропускъ, назывался *Ананія б.-Элеазаръ*. Его то Агриппа II, должно быть, назначилъ и смѣстилъ.

Но вообще нельзя допустить, чтобы Агриппа позволилъ сыну Небедая исполнять эту обязанность нѣсколько лѣтъ подъ рядъ. Флавій разсказываетъ, что во время голода, совпавшаго съ пребываніемъ царицы Елены въ Іерусалимѣ, обязанность первосвященника исполнялъ Измаилъ. Но мы знаемъ только первосвященника Измаила со вторымъ именемъ б. Фіаби; слѣдовательно, отъ 46 до 48 г. существовалъ первосвященникъ съ этимъ именемъ. Слѣдуетъ намъ, однакожъ, еще болѣе ограничить этотъ срокъ. Въ пятый годъ своего царствованія Клавдій послѣ смерти Агриппы I (44 г.) предоставилъ Ироду I право распоряжаться первосвященническими привилегіями и назначать первосвященниковъ. Иродъ тотчасъ воспользовался этимъ правомъ, смѣстилъ Элеонея б.-

Кантера и назначилъ Іосифа б.-Камеи (Камитъ). Это могло произойти въ 45—46 г. Затѣмъ онъ смѣстилъ послѣдняго и назначилъ на его мѣсто Ананію (или Іоханана) б.-Небедая отъ 46—47 г. Послѣ этого Иродъ II (48) умеръ. Но такъ какъ во время управленія Тиверія Александра (46—48 г.) въ Іерусалимѣ былъ голодъ и тогда же исполнялъ обязанности первосвященника *Измаилъ*, то отсюда вытекаетъ, что Измаилъ б.-фіаби былъ въ 48 г. назначенъ первосвященникомъ и даже, какъ можно предположить, Агриппой II, который по смерти своего дяди получилъ право назначенія первосвященниковъ. Это былъ первый первосвященникъ, назначенный имъ. Само собой, онъ для этого долженъ былъ смѣстить первосвященника Ананія б.-Небедая; слѣдовательно, этотъ послѣдній исполнялъ свои обязанности не 10 лѣтъ, а самое большее 2 года. Флавій категорически заявляетъ, однакожъ, что Агриппа позже, во время управленія Феликса (69—61 г.) назначилъ Измаила первосвященникомъ, должно быть, уже во второй разъ. Въ промежуточное время постъ этотъ занималъ богачъ Ананія или Элеазаръ б.-Харсомъ или, вѣрнѣе, Ананія б.-Элеазаръ. Флавій, вслѣдствіе какого-нибудь заблужденія, не упоминаетъ этихъ двухъ первосвященниковъ.

Порядокъ преемственности первосвященниковъ можно было бы точнѣе установить, если бы удалось, по крайней мѣрѣ, установить сроки службы управителей, которые, начиная со смерти Агриппы I (44) до взрыва еврейской революціи (66), представляли въ Іудеѣ Римъ и императоровъ. Но въ этомъ случаѣ мы также можемъ идти только путемъ комбинаціи—вотъ почему различно устанавливаются сроки службы нѣкоторыхъ управителей. Комбинаціи эти вытекаютъ изъ хронологическихъ контекстовъ, и если Флавій хронологически устанавливаетъ какой-нибудь фактъ и непосредственно при этомъ разсказываетъ о назначеніи или смѣщеніи первосвященника или управителя, то эти событія считаются одновременными. Но такое предположеніе не вполнѣ достовѣрно, потому что остается невыясненнымъ, имѣлъ ли Флавій въ виду эту одновременность; еще больше сомнѣній вызываетъ вопросъ, черпалъ ли этотъ историкъ, котораго обвиняютъ въ очень многихъ хронологическихъ ошибкахъ, встрѣчающіяся у него хронологическія совпаденія двухъ фактовъ изъ надежнаго источника, или же онъ ихъ только объединялъ. Другихъ источниковъ для хронологическихъ установленій очень мало, а источникъ, къ которому обыкновенно обращаются, желая точно установить время службы двухъ управителей, не ясенъ; я говорю о Дѣяніяхъ Апостоловъ. Нужно пріобщить къ дѣлу другіе хронологическія указанія, чтобы имѣть возможность точно установить хронологическій порядокъ смѣны управителей и тѣмъ самымъ первосвященниковъ. Правда, это критическое сравненіе или сопоставленіе выставляетъ указаніе Флавія въ благопріятномъ свѣтѣ. Намъ извѣстны только начало и конецъ второго ряда управителей,—первому изъ этого ряда *Куспію фаду* было поручено послѣ смерти Агриппы I управленіе приблизительно лѣтомъ 44 г. а послѣдній *Гессій Флоръ* занималъ этотъ постъ только два года и лишился его при взрывѣ революціи лѣтомъ 66 года, (Древн. XIX. 9, 1 и XX II, 1); значитъ, за 20 лѣтъ отъ 44 до 64 г. было шесть управителей и на каждаго изъ нихъ приходилось приблизительно по 3 года. Первые двое, Фадъ и Тиверій Александръ, не занимали этого поста даже столь непродолжительное время. Согласно сопоставленію Флавія (XX. 5, 2), будто Куманъ былъ преемникомъ Александра, а Иродъ II умеръ въ восьмой годъ царствованія Клавдія, мы должны

предположить, что Тиверій Александръ управлялъ только до 48 г. Низверженіе Фада связано, должно быть, съ вызваннымъ имъ въ Іерусалимѣ движеніемъ по поводу Pontificalia. Фадъ требовалъ, чтобы первосвященническія одѣянія по окончаніи обрядностей, исполняемыхъ священниками, передавались обратно римской стражѣ въ Антоніи, какъ это было во времена первыхъ управителей. Это требованіе вызвало въ Іерусалимѣ такое волненіе, что намѣстникъ сирійскій *Кассій Лонгинъ* лично прибылъ въ Іерусалимъ съ цѣлью подавить начавшееся броженіе (тамъ же XV. 11, 4 XX. 1, 1). Это происшествіе нужно отнести, во всякомъ случаѣ, къ 44—45 г. послѣ смерти Агриппы I. По просьбѣ еврейскихъ пословъ, и согласно представленію Агриппы II, Клавдій рѣшилъ дѣло въ пользу евреевъ, поручилъ его Ироду II и составилъ по этому поводу особое извѣщеніе. Это извѣщеніе содержитъ нѣсколько датъ, которыя, впрочемъ, не соотвѣтствуютъ другъ другу. Наиболѣе достовѣрной датой въ немъ является пятый трибунатъ Клавдія, т. е. 45 г.; значитъ, въ 45 г. Клавдій лишилъ управителей права назначать первосвященниковъ и надзирать за ними. Вотъ почему Фадъ, должно быть, вслѣдствіе своего вмѣшательства, былъ отозванъ и вмѣсто него былъ назначенъ Тиверій Александръ. Поэтому мы и предполагаемъ, что первый занималъ этотъ постъ только въ 44—45 гг., остальные три или четыре года отъ 45—48 г. выпадаютъ на долю послѣдняго.

Отозваніе Тиверія Александра и замѣна его Вентидіемъ Куманомъ, связаны, должно быть, съ дворцовыми интригами, которыя нуждаются еще въ освѣщеніи. Тацитъ категорически заявляетъ, что Куманъ одновременно съ Феликсомъ былъ назначенъ управителемъ одной части еврейской области. Событія при Куманѣ становятся гораздо болѣе ясными, если въ основу ихъ положить соперничество двухъ управителей; но свѣдѣнія Тацита нуждаются еще въ подтвержденіи. Если провинція была раздѣлена, то на долю Кумана не могла выпасть Галилея, а на долю Феликса Самарія, а наоборотъ. Не говоря уже о томъ, что первый получилъ бы въ такомъ случаѣ управленіе надъ двумя областями, расположенными въ разныхъ мѣстностяхъ и вдобавокъ разграниченными областью, управляемой его соперникомъ. Возникшія при Куманѣ распри между самарянами и галилеянами показываютъ, что онъ сталъ на сторону самаритянъ, въ то время, когда Феликсъ былъ на сторонѣ галилеянъ. Флавій разсказываетъ (Іуд. войны II. 12,4—5), что жалоба евреевъ, на убійство нѣсколькихъ галилеянъ самаритянами осталась безъ всякихъ послѣдствій, но за то какъ только Куманъ услышалъ, что по отношенію къ самаритянамъ были предприняты нѣкоторыя репрессіи, онъ тотчасъ же вызвалъ когорту изъ Цезареи, чтобы прійти имъ на помощь. Онъ даже снарядилъ самаритянъ къ бою (Древн. XX 6, I). Отсюда можно съ увѣренностью заключить, что Самарія входила въ область, управлявшуюся Куманомъ, которому Галилея была совершенно чужда. Причина, по нашему мнѣнію, довольно ясная; Тацитъ, должно быть, перепуталъ области въ провинціи Іудеи. Изъ положенія дѣлъ вытекаетъ скорѣе то, что, если дѣйствительно произошелъ раздѣлъ, то обѣ сосѣднія области—Іудея и Самарія—были соединены вмѣстѣ и отданы Куману, а лежащая на сѣверѣ Галилея была отдана Феликсу. Флавій также указываетъ на раздѣленіе страны, говоря, что по низверженіи Кумана Феликсъ былъ назначенъ управителемъ Галилеи, Самаріи и Персіи (Іуд. войны II. 125). Значитъ, до него Куманъ управлялъ не всѣми областями. На дѣлѣ оказывается, что все сообщенное Флавіемъ о событіяхъ въ управленіи Кума-

на можетъ быть объяснено ожесточенной ненавистью обоихъ управителей другъ къ другу. Далѣе Тацитъ отмѣчаетъ слѣдующее: „вслѣдствіе этого (т. е. вслѣдствіе вражды между Куманомъ и *Феликсомъ*) происходили грабежи, освобожденіе изъ тюремъ грабителей, раздоры, нерѣдко и побоища, а добыча доставалась управителямъ". Сначала послѣдніе радовались этому, но вскорѣ, когда усиливавшаяся деморализація потребовала вмѣшательства военной силы, появились случаи убійства солдатъ. Если бы *Умидій Квадратъ*, намѣстникъ сирійскій, не вмѣшался въ это дѣло, то въ провинціи возгорѣлась бы война.

Такимъ образомъ, убійства прибывшихъ на праздники въ Іерусалимъ галилеянъ и всѣ вытекавшія отсюда послѣдствія объясняются непріязненными отношеніями обоихъ управителей. Куманъ не обратилъ вниманія на жалобы относительно нарушенія общественнаго порядка. Онъ отъ души сочувствовалъ нападеніямъ на галилеянъ, которые были подчинены его противнику. Галилеяне послѣ этого должны были прибѣгнуть къ самопомощи и, по ихъ настоянію, вождь зелотовъ Элеазаръ бенъ-Динай выступилъ противъ самаритянъ. Куманъ въ свою очередь подстрекалъ самаритянъ и направлялъ ихъ, чтобы „они вредили подданымъ его врага". Галилеяне во главѣ съ бенъ-Динаемъ (и Александромъ) сожгли нѣсколько самаритянскихъ деревень на границѣ Акрабатены. Въ отвѣтъ на это Куманъ вызвалъ римскихъ солдатъ, и завязался бой, во время котораго, хотя евреи и были разбиты на голову, погибло, понятно, не мало и римскихъ солдатъ. Вотъ что Тацитъ хотѣлъ сказать своимъ: quum arma militum interjecissent, caesi milites. Потому именно Квадратъ, разслѣдовавшій этотъ споръ, велѣлъ казнить взятыхъ въ плѣнъ евреевъ (числомъ 18, по Іуд. войн.), такъ какъ онъ усматривалъ въ этомъ вызовъ, брошенный величію римскаго государства,—(по „Древн." онъ велѣлъ ихъ распять). Но Квадратъ не пожелалъ за своей отвѣтственностью разрѣшить этотъ споръ и передалъ его на усмотрѣніе императора. Почему это? Потому что дѣло въ послѣдней инстанціи шло не о галилеянахъ и самаритянахъ, а о двухъ враждебно относившихся другъ къ другу управителяхъ, изъ коихъ каждый имѣлъ покровителей при дворѣ. Куманъ вынужденъ былъ явиться въ Римъ, и даже въ качествѣ обвиняемаго. Итакъ, въ процессѣ, для разрѣшенія котораго императору пришлось засѣдать въ судѣ, рѣчь шла, въ сущности, о томъ, кто изъ обоихъ управителей является моральнымъ виновникомъ побоища и послѣдовавшей гибели римскихъ солдатъ. Оба они прилагали всяческія усилія, чтобы добиться благопріятныхъ для себя результатовъ. Въ интересахъ Кумана и самаритянъ дѣйствовало нѣсколько императорскихъ вольноотпущенниковъ; противъ нихъ же дѣйствовала, по настоятельному представленію Агриппы, императрица *Агриппина*. Друзьями и совѣтниками Клавдія были Нарцисъ, Палласъ и др. Здѣсь мы можемъ усмотрѣть группировку по партіямъ при дворѣ. Агриппина была въ близкихъ отношеніяхъ съ Палласомъ, ихъ обвиняли даже въ тайной связи (Тацитъ и Діонъ Кассій); Палласъ же былъ братомъ *Феликса*. Вотъ почему Агриппина и Палласъ старались объ оправданіи *Феликса* и объ обвинительномъ для Кумана приговорѣ. Другіе императорскіе вольноотпущенники и фавориты дѣйствовали въ пользу Кумана. Тацитъ тоже именно такъ описываетъ это. Первымъ удалось одержать побѣду, и приговоръ былъ очень суровъ. Куманъ былъ отправленъ въ ссылку (Тацитъ и Іосифъ), самарятинскіе послы были казнены, а военный трибунъ Целеръ, который, должно быть, по приказу Кумана, неистовствовалъ среди евреевъ, былъ въ оковахъ

посланъ въ Іерусалимъ, гдѣ ему публично отрубили голову. Палласъ, такимъ образомъ, выбилъ изъ позицій другихъ фаворитовъ, своихъ противниковъ, и побѣда эта была евреямъ на руку. Феликсъ былъ не только оправданъ, но и назначенъ управителемъ всей Іудеи и всѣхъ ея областей—правда, какъ кажется, по просьбѣ еврейскихъ уполномоченныхъ. Такое условіе, повидимому, было заключено между императрицей, Палласомъ и Агриппой.

Обратимся къ началу этого происшествія. Куманъ и Феликсъ одновременно добивались управительства надъ Палестиной,—оно было, очевидно, очень доходно. Оба они имѣли своихъ покровителей; за послѣдняго работалъ его братъ, а за Кумана одинъ или нѣсколько фаворитовъ императора, которые позже на судѣ выступали въ защиту его. Клавдій по слабохарактерности не хотѣлъ оказать предпочтенія одному передъ другимъ; вотъ почему онъ вынесъ примирительное рѣшеніе, согласно которому провинція Іудея (какъ ее называетъ Тацитъ) должна была быть подѣлена, хотя до тѣхъ поръ она всегда представляла одно цѣлое и была подчинена одному управителю. Назначеніе обоихъ послѣдовало, согласно указаніямъ Іосифа, въ 48 г. Въ этомъ году погибла Мессалина, и Агриппина пустила въ ходъ свои интриги, желая стать императрицей. Наиболѣе серьезную поддержку ей оказалъ Палласъ (Tacitus Annal 12, 2). Желаніе дать императору новую супругу и повелительницу сдѣлалось для Клавдіевыхъ вольноотпущенниковъ предметомъ самыхъ своекорыстныхъ стремленій (Tacitus ibid 12, 1). Хитрость Палласа и Агриппины увѣнчалась успѣхомъ. Но Палласъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ не своекорыстно; онъ, какъ сказано, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Агриппиной. Онъ также желалъ видѣть своего брата возведеннымъ въ санъ управителя Іудеи, и Агриппина серьезно поддерживала его. Какъ только было вынесено рѣшеніе назначить для Іудеи двухъ управителей, Тиверію Александру, который управлялъ всѣми областями Іудеи, пришлось уйти. Мы можемъ предположить поэтому, что его смѣщеніе и назначеніе Кумана управителемъ Іудеи и Самаріи, а Феликса—Галилеи, послѣдовало послѣ насильственной смерти Мессалины, осенью 48 г.—Итакъ Тиверій Александръ исправлялъ свои обязанности съ 45 до конца 48 г.

Іосифъ только намекаетъ на то, сколько времени оба противника совмѣстно управляли страной. Онъ приводитъ, какъ сравнительно одновременныя событія, два факта: Клавдій послалъ Феликса управлять Іудеей и подарилъ Агриппѣ по окончаніи 12 года своего царствованія тетрархію Филиппа (въ „Іуд. войны" онъ отмѣчаетъ, что Феликсу были подчинены всѣ области, т. е. что онѣ были снова возсоединены). Мы уже видѣли раньше, что между Агриппиной, Палласомъ, царемъ Агриппой и еврейскими делегатами состоялось соглашеніе, имѣвшее цѣлью добиться осужденія Кумана и назначенія Феликса единоличнымъ управителемъ провинціи Іудеи. И то, и другое удалось. Но Агриппа тоже не могъ остаться съ пустыми руками; его также необходимо было вознаградить, чтобы этимъ дать лишнее удовлетвореніе евреямъ. Если говорятъ: Клавдій подарилъ, то этимъ хотятъ сказать, что Агриппина въ союзѣ съ Палласомъ добилась своего. Вотъ почему оба эти факта, награжденіе Агриппы крупной тетрархіей (и царскимъ титуломъ) и назначеніе Феликса единоличнымъ управителемъ, тѣсно связаны между собою. Оба они являются результатами дѣятельности однихъ и тѣхъ же лицъ. Такъ какъ Агриппа получилъ свою тетрархію несомнѣнно въ 53 г., то и назначеніе *Феликса* должно было состояться

къ тому же времени. Судя по этому, онъ сдѣлался единоличнымъ управителемъ въ 53 г. Итакъ, Куманъ, могъ управлять только до этого времени, отъ 49—53. Правда, Тацитъ приводитъ исторію *Феликса* среди происшествій 52 г. Но это только такъ кажется. Онъ разсказываетъ, собственно, только о наградахъ, выпавшихъ въ этомъ году на долю Палласа (12, 53) и прибавляетъ къ этому некрасивую исторію своего брата *Феликса* (ibid. 54): et non frater ejus, cognomento Felix, pari moderatione agebat. Исторія эта, какъ и его столкновенія съ Куманомъ, относится къ предшествовавшему періоду, осужденіе же Кумана могло произойти только позднѣе. О преемникѣ Феликса Тацитъ въ этомъ мѣстѣ не упоминаетъ вовсе. Можно, слѣдовательно, принять съ большой вѣроятностью, что Куманъ управлялъ одновременно съ Феликсомъ отъ 49—53 г. и что Феликсъ получилъ право единоличнаго управленія въ 53 г.

Относительно продолжительности службы этого развратнаго управителя мнѣнія расходятся. Такъ какъ имя его и его преемника Феста встрѣчается въ „Дѣяніяхъ Апостоловъ“, а отъ этого зависитъ также хронологическое установленіе времени пребыванія апостола Павла въ Іерусалимѣ и суда надъ нимъ, его заключенія и, наконецъ, его прибытія въ Римъ, то богословы удѣляютъ чрезвычайно много времени этимъ двумъ управителямъ. Настоящему вопросу посвящены многотомные трактаты. Визелеръ особенно старался освѣтить этотъ спорный вопросъ (хронологія апостольскаго періода въ его комментаріи къ посланію къ Галатамъ и др. статьяхъ). Новѣйшіе изслѣдователи періода составленія Новаго Завѣта *Ренанъ, Кеймъ, Гольцманъ* и *Гаузратъ* и новѣйшіе изслѣдователи императорскаго періода *Леманъ* (Клавдій и Неронъ) и, Германъ *Шиллеръ*, понятно, въ своихъ сочиненіяхъ заново принялись за эти хронологическія изысканія. Заключенія всѣхъ изслѣдователей относительно срока службы Феликса разнятся на 4 года. Леманъ относитъ конецъ его къ 58 г., другіе же къ 61 г. Большинство придерживается однако 60 г. Такъ какъ *Флавій* не даетъ никакихъ хронологическихъ указаній относительно этого, то всѣ эти разсужденія являются не болѣе, какъ предположеніями. Шюреръ чистосердечно признается (Исторія періода составленія Н. З. 308), что достовѣрное обозначеніе времени замѣны Феликса *Фестомъ* невозможно. Тѣмъ не менѣе онъ пытается, руководствуясь „Дѣяніями Апостоловъ“, доказать вѣроятность 60 г., какъ года смѣщенія Феликса и начала управленія *Феста*. Но съ этимъ источникомъ мы ничего не можемъ сдѣлать. Онъ содержитъ исключительно миѳическія и тенденціозныя свѣдѣнія относительно послѣдняго пребыванія Павла въ Іерусалимѣ. Откуда могъ бы составитель „Дѣяній Апостоловъ“ достать секретное посланіе начальника Лисія къ Феликсу, касающееся Павла?.. (**23**, 26 сл.) Павелъ, по преданію, два года сидѣлъ въ цезарейской тюрьмѣ въ управленіе Феликса, и только Фестъ отправилъ его въ Римъ (**24**, 27; **27**, 1 сл.). Неужели онъ сидѣлъ такъ долго? Влагаемое въ уста Павла обращеніе къ Феликсу: „зная, что ты многіе годы справедливо судишь народъ сей, я тѣмъ свободнѣе буду защищать свое дѣло“ (24, 10) имѣетъ также весьма малое значеніе для исторіи. Время послѣдняго путешествія Павла въ Іерусалимъ не выяснено съ достаточной вѣрностью. Значитъ, при установленіи времени управленія Феликса, мы можемъ пользоваться единственно указаніями Флавія, а изъ нихъ нельзя вывести ни одной точной даты.

Предположеніе Лемана, будто Феликсъ былъ отозванъ уже въ 58 г., потому что братъ его Палласъ въ этомъ году впалъ въ немилость у Нерона,

невѣрно, такъ какъ, по сообщенію Тацита, немилость постигла его уже въ 55 г. Доказательство Шиллера, основывающееся на посылкѣ въ Римъ Феликсомъ нѣсколькихъ плѣнныхъ священниковъ и на освобожденіи при помощи Флавія въ 63 г., не выдерживаетъ критики. Флавій разсказываетъ, будто *Феликсъ* по совершенно незначительному поводу отправилъ нѣсколько священниковъ, друзей автора, на судъ Нерона въ Римъ, и что онъ на 26 году жизни, слѣдовательно, въ 63 году поѣхалъ въ Римъ, узналъ, что они изъ брезгливости питались только плодами и не хотѣли принимать другой пищи (Vita 3). Если, возражаетъ Шиллеръ Леману, Феликсъ потерялъ свою должность въ 58 году, то названные священники должны были быть отправлены въ Римъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ году, и было бы по меньшей мѣрѣ страннымъ, еслибы Флавій промедлилъ цѣлыхъ 5—6 лѣтъ съ ходатайствомъ объ ихъ освобожденіи. Его слова, наоборотъ, заставляютъ предполагать противное, а именно, что онъ съ самаго начала имѣлъ въ виду ихъ освобожденіе и, особенно, старался ускорить его, когда узналъ объ ихъ бѣдственномъ образѣ жизни, но, чтобы получить такого рода свѣдѣнія, не нужно было ждать 4 или 5 лѣтъ. Это свѣдѣніе Флавій могъ бы получить въ теченіе одного года, а такъ какъ онъ только въ 63 г. отправился въ Римъ съ цѣлью освободить ихъ, то онъ должны были быть отправлены Феликсомъ не позже 62 г. Слѣдовательно, еще въ этомъ году онъ долженъ былъ быть управителемъ, но онъ никакъ не могъ фактически исполнять обязанности еще въ этомъ году. Случай съ заключенными священниками, вообще, чрезвычайно оригиналенъ. Ихъ, во всякомъ случаѣ, должны были обвинять въ политическомъ преступленіи, ибо по пустякамъ Феликсъ не отправилъ бы ихъ на судъ въ Римъ закованными. Нужно предполагать, что они были чрезвычайно религіозными людьми или принадлежали къ числу законоучителей, ибо не желали ничего вкушать, кромѣ полевыхъ плодовъ. Если бы они принимали участіе въ возстаніи, то Феликсу не зачѣмъ было посылать ихъ къ императору для оправданія или осужденія, ибо онъ имѣлъ возможность казнить ихъ своею властью. Слѣдуетъ полагать, что они, какъ ревностные фарисеи, высказывались въ своихъ рѣчахъ или докладахъ въ непріятномъ для римлянъ духѣ. Возможно, что они возбудили надежды касательно пришествія Мессіи. Какъ бы то ни было, они считались политическими преступниками.

Такимъ образомъ, было опасно выступать въ пользу заключенныхъ, чтобы самому не быть запутаннымъ въ дѣло. Вотъ почему Флавій не осмѣлился принимать мѣры къ ихъ освобожденію до того времени, пока онъ не узналъ, что Поппея Сабина стала фактически императрицей и что она питала пристрастіе къ іудаизму. Поппея сдѣлалась императрицей лѣтомъ 62 г., и только, ставъ твердой ногой въ Палатіумѣ, она, какъ умная женщина, начала проявлять свою приверженность къ іудейству. Быть можетъ, это было извѣстно только посвященнымъ евреямъ въ Римѣ, и они дали знать объ этомъ въ Іерусалимъ. Подъ покровительствомъ императрицы Флавій могъ рѣшиться выступить въ защиту арестованныхъ за какое нибудь политически подозрительное выраженіе священниковъ, участь которыхъ стала ему особенно близка, когда онъ узналъ, что они изъ чрезмѣрнаго религіознаго усердія истязали себя въ тюрьмѣ. Такъ какъ Поппея сдѣлалась императрицей лѣтомъ 62 г., то Іосифъ отправился въ Римъ только лѣтомъ послѣ наступленія благопріятнаго для плаванія времени года. Такимъ образомъ, этотъ аргументъ не

можетъ служить достаточнымъ указаніемъ на большую или меньшую продолжительность управленія Феликса.

Остается намъ установить время отозванія Феликса по совершенно инымъ источникамъ. Мы можемъ считать вполнѣ достовѣрнымъ то, что переименованіе Цезареи Филиппи въ Неронію произошло въ 61 г., ибо на это указываютъ даты на монетахъ. Флавій относитъ этотъ фактъ къ происшествіямъ временъ управителя Альбина. Мы нашли, что его указанія на одновременные факты подтверждаются. Этотъ же фактъ совпалъ съ наступленіемъ совершеннолѣтія Флавія; значитъ, у него были безусловно вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ времени. Отсюда вытекаетъ неопровержимый выводъ, что Альбинъ уже въ 61 г. былъ управителемъ; такъ какъ до него эти обязанности исполнялъ Фестъ, то Феликсъ никоимъ образомъ не могъ управлять до 61 г., даже не до 60 г., ибо вѣдь между Феликсомъ и Альбиномъ долженъ былъ остаться промежутокъ для Феста. Значитъ, для перваго мы можемъ установить самое большее 59 г., какъ конечный срокъ. Тогда, во всякомъ случаѣ, Фестъ могъ управлять отъ 59 до 61 г.

Быть можетъ, найдутся и другія доказательства, подтверждающія, что конецъ управленія Феликса падаетъ на 59 г. Іосифъ совершенно опредѣленно говоритъ, что посольство цезарейскихъ іудеевъ отправляется въ Римъ съ жалобой на Феликса за совершенное имъ въ этомъ городѣ кровопролитіе (Древн. XX, 8, 7—9). Несомнѣнно, что Феликсъ былъ отозванъ за это преступленіе, и что на его мѣсто назначенъ былъ Фестъ. Но кто собственно вызвалъ его паденіе? Во времена Клавдія ко всѣмъ государственнымъ дѣламъ примѣнялась поговорка: cherchez la femme. Феликсъ былъ назначенъ по милости Агриппины, потому что онъ былъ братомъ ея друга. Она, должно быть, поддерживала его еще послѣ немилости, постигшей Палласа, но весной 59 г. Агриппина была убита собственнымъ сыномъ. Такъ пала послѣдняя поддержка Феликса. Со смертью Агриппины заря счастья занялась для Поппеи. Указаніе Тацита не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Поппея подстрекала своего честолюбиваго Нерона къ матереубійству, Агриппина была убита въ мартѣ 59 г., вотъ почему Поппеѣ ничего не стоило свергнуть ставленника Агриппины Феликса, лишь только она услышала объ его участіи въ дѣлѣ кровополитія, грабежа и лишенія свободы цезарейскихъ евреевъ. Вѣдь она же свергла Альбина и сдѣлала Гессія Флора управителемъ. Точно также она могла вліять и на паденіе Феликса и на изгнаніе Феста. Когда Феликсъ былъ отозванъ, цезарейцы осмѣлились принести на него жалобу, быть можетъ, расчитывая на благорасположеніе Поппеи, но здѣсь на карту были поставлены интересы Рима, которые требовали, чтобы Цезарея, до нѣкоторой степени римская столица Іудеи и мѣста стоянки римскихъ когортъ, была предоставлена въ распоряженіе вѣрныхъ Риму язычниковъ, а не евреевъ.

Въ этомъ смыслѣ Цезарь дѣйствовалъ въ интересахъ Рима. Іосифъ, правда, говоритъ, будто Палласъ покровительствовалъ своему брату, но это невѣрно, ибо Палласъ уже тогда былъ въ немилости. Вдохновителями Цезаря слѣдуетъ считать государственнаго мужа Сенеку и опекуна Нерона Софронія Буръ—praefectus praetorio. Іосифъ заявляетъ, что именно воспитателю Нерона и секретарю его удалось уговорить его подписать неблагопріятный для цезарейскихъ евреевъ декретъ. Неронъ, дѣйствительно, очень мало интересовался государственными дѣлами, и министры легко могли воспользоваться помощью

этихъ лицъ, чтобы добиться отъ Нерона этого декрета. Сенека былъ отъявленнымъ врагомъ еврейскаго народа, онъ называетъ ихъ sceleratissima gens. Онъ, навѣрняка, тайно требовалъ ограниченія въ правахъ цезарейскихъ евреевъ по сравненію съ сирійцами. Вліяніе Поппеи тогда еще не было настолько сильнымъ, чтобы дѣйствовать въ пользу евреевъ, даже вопреки римскимъ интересамъ, какъ это случилось позже. Она только что добилась устраненія препятствовавшей ей связи съ Цезаремъ императрицы-матери. Если Нерона удалось склонить къ тому, чтобы онъ не призналъ равноправія цезарейскихъ евреевъ, а, наоборотъ, поставилъ ихъ въ худшія условія по сравненію съ сирійцами, то Феликса, собственно, нельзя было судить за его поведеніе въ томъ же духѣ въ Цезареѣ. Въ этомъ также проявляется своеобразность Неронова управленія. Феликсъ былъ отставленъ Нерономъ за свое поведеніе въ Цезареѣ и все таки не былъ наказанъ. Отозваніе Феликса стоитъ, во всякомъ случаѣ, въ связи со смертью Агриппины и съ побѣдой надъ нею Поппеи. Эти происшествія относятся къ 59 году. При назначеніи управителей Феликса, Феста, Альбина и Флора женщины при дворѣ дѣйствовали за кулисами. Гораздо легче установить по достигнутымъ результатамъ сроки службы послѣднихъ управителей. Фестъ, должно быть, былъ посланъ въ 59 г. на мѣсто Феликса, ибо, какъ мы уже видѣли, Альбинъ исполнялъ свои обязанности уже съ 61 г. и смерть Феста относится, повидимому, къ тому же году. Изъ разсказа Іосифъ относительно появленія юродиваго Іисуса б.-Ананіи на праздникѣ кущей въ управленіе Альбина (4 года до начала войны, 7 лѣтъ и 5 м. до разрушенія Іерусалима), слѣдуетъ только то, что Альбинъ уже въ 62 или въ 63 г. былъ управителемъ (Шюреръ) но, отнюдь не слѣдуетъ то, что онъ тогда только впервые началъ исполнять эти обязанности. Онъ, должно быть, уже въ 61 г. сталъ управителемъ сейчасъ послѣ смерти Феста. Такъ какъ Гессій Флоръ въ 64 г. былъ посланъ въ Іудею, то, судя по этому, Альбинъ управлялъ отъ 61 до 64 г.

Послѣдовательный рядъ управителей послѣ этихъ разъясненій принимаетъ хронологически совершенно иной видъ, чѣмъ Шюреръ и другіе историки представляютъ его.

1) Куспій Фадъ	44—45
2) Тиверій Александръ	45—48
3) Куманъ надъ Іудеей и Феликсъ надъ Галиліей	49—53
4) Феликсъ самъ надъ обѣими областями	53—79
5) Фестъ	59—61
6) Альбинъ	61—64
7) Гессій Флоръ	64—66

Установивши возможно болѣе точно хронологію управителей, можно съ большей опредѣленностью установить хронологію первосвященниковъ послѣднихъ двухъ столѣтій, которая у Іосифа находится въ еще худшемъ состояніи. Какъ уже раньше было сказано, Іосифъ опустилъ годы назначенія и смѣщенія нѣкоторыхъ первосвященниковъ. Недостаетъ *Измаила Фіаби* и извѣстнаго своимъ богатствомъ и вліяніемъ *Ананія* (или Элеазаръ б. *Харсомъ*). Первый, должно быть, исправлялъ свои обязанности еще въ 48 г. во время великаго голода и въ управленіе Тиверія Александра. Назначенный Иродомъ II Ананія б.-Небедая, послѣдовавшій Іосифу Камиту, ни въ какомъ случаѣ не исправлялъ своихъ обязанностей 10 лѣтъ, а самое большее 2 года. Изма-

илъ, слѣдовательно, былъ первосвященникомъ въ 48 г. Если, какъ кажется, Агриппа въ послѣдній годъ управленія Феликса (59 г.) назначилъ первосвященника по имени Измаила Фабія, то онъ его, должно быть, назначилъ во второй разъ. Въ промежутокъ между этими двумя назначеніями первосвященникомъ долженъ былъ быть кто нибудь другой. Флавій разсказываетъ, что, вслѣдствіе вражды между галилеянами и самаритянами, въ послѣдній годъ управленія Кумана Умидій Квадратъ отправилъ Іонатана, Ананія и сына послѣдняго, начальника храма Анана, въ Римъ (Іуд. войны II. 12, 6 „Древности" XX 6, 2). Флавій подверждаетъ свои указанія. Онъ разсказываетъ, что Квадратъ отправилъ въ Римъ людей первосвященника Ананіи и начальника храма Анана. Между тѣмъ, Іонатанъ также долженъ былъ принадлежать къ этому посольству, ибо самъ Флавій въ другомъ мѣстѣ (его же 8, 5) разсказываетъ, что тотъ Іонатанъ просилъ императора назначить Феликса управителемъ. Значитъ, мы можемъ вывести изъ передаваемаго самимъ Флавіемъ сообщенія, что не первосвященникъ Ананія былъ посланъ въ Римъ, а только люди изъ рода Ананіи съ первосвященникомъ Іонатаномъ. Отсюда, во всякомъ случаѣ, вытекаетъ то, что во время этого посольства, т. е. въ 53 г. въ послѣднемъ году управленія Кумана, первосвященникомъ былъ Іонатанъ или Ананія. Какъ кажется, рѣдко первосвященникъ на дѣйствительной службѣ покидалъ Іерусалимъ, такъ какъ онъ былъ представителемъ храма. Но если это все точно случалось, то на его мѣсто немедленно назначался другой. Такъ какъ Флавій въ разсказѣ объ этомъ посольствѣ умалчиваетъ о томъ, что на мѣсто Іонатана, посланнаго фактически въ Римъ, былъ назначенъ другой, то кажется, что не онъ, а Ананія былъ тогда первосвященникомъ. Изъ этого слѣдуетъ также, что его сынъ Ананъ, начальникъ храма и нѣкоторые члены его рода были посланы въ Римъ. Ананія, очевидно также, тогда былъ оффиціальнымъ лицомъ. Отсюда можно заключить, что этотъ Ананія, чрезвычайный богачъ, въ 53 г. былъ первосвященникомъ, но Іонатанъ также незадолго до этого долженъ былъ исполнять эти обязанности, ибо онъ былъ назначенъ главою посольства. Этотъ Іонатанъ, должно быть, былъ сыномъ Анана, который былъ назначенъ первосвященникомъ раньше во времена Виталія. Мы могли бы, значитъ, послѣ Измаила б.-*фіаби*, неправлявшаго свои обязанности въ 48 г. ввести до 53 г. двухъ первосвященниковъ: Іонатана и богача Ананія (Элеазаръ б.-Харсомъ). Въ послѣдній годъ управленія *феликса* почти одновременно съ событіями въ Цезареѣ (58—59 г.) Агриппа II назначилъ первосвященникомъ Измаила (XX, 88), значитъ; онъ назначилъ его вторично. Если бы даже за него этихъ обязанностей не исполнялъ другой, то мы имѣли бы все-таки отъ конца 48—59 въ теченіе 10—11 лѣтъ четырехъ первосвященниковъ: Измаила, Іонатана, Ананію и вторично Измаила. Такимъ образомъ, на долю каждаго пришлось бы не болѣе двухъ лѣтъ для исполненія обязанностей.

Измаилу послѣдовалъ *Іосифъ* сынъ Симона, изъ семьи קמחית, который разъ уже исполнялъ эти обязанности до Ананія б.-Небедая (XX 5, 2). Причиной этой смѣны было то, что Измаилъ отправился въ Римъ, посланный съ цѣлью предложить Нерону разрѣшить споръ относительно сооруженія высокой стѣны во дворѣ храма. Такъ какъ первосвященникъ не имѣлъ права выѣзда изъ Іерусалима, то на его мѣсто долженъ былъ быть назначенъ кто-нибудь другой. Это произошло въ управленіе Феста, т. е. въ 60 г., ибо еще

до пріѣзда Альбина, послѣ смерти Феста, Агриппа назначилъ новаго первосвященника Анана б.-Анана, того самаго, который оказался саддукеемъ (т. же 9, 1) Это было въ 61 г. Вслѣдствіе жалобъ на саддукейскаго первосвященника Агриппа смѣстилъ его послѣ трехмѣсячной службы и назначилъ его преемникомъ Іисуса б.-Дамная. Послѣдній также началъ исполнять свои обязанности въ 61 г. Еще въ управленіе Альбина Агриппа замѣнилъ его Іисусомъ бенъ Гамалой. (Гамаліилъ, т. же 9, 4). Это относится къ 63 г., когда онъ строилъ Неронію. Послѣдній первосвященникъ по назначенію отъ дома Иродовъ *Маттіасъ* б.-Теофилъ былъ назначенъ въ началѣ революціи, т. е въ 66 г. Слѣдовательно, его два предшественника, Іисусъ б.-Дамнай и Іисусъ б.-Гамала, исправляли свои обязанности отъ 61—66 г.г., или вѣрнѣе, съ конца 61 до начала 66 года, точнѣе только отъ 62 до 65 г. Такимъ образомъ, на каждаго изъ нихъ приходится приблизительно около 2 лѣтъ.

Талмудическіе источники содержатъ нѣсколько драгоцѣнныхъ преданій относительно нѣкоторыхъ первосвященниковъ,—преданій, которыя дополняютъ и разъясняютъ разсказъ Флавія. Особенно любопытна жалоба на дѣйствія четырехъ первосвященническихъ родовъ, рисующая намъ деморализацію ихъ во времена второго ряда управителей. Флавій называетъ двухъ членовъ дома Кантерасъ-Симона и Эліоная, но перваго онъ называетъ сыномъ Боэтоса, который будто бы вмѣстѣ со своими двумя братьями и своимъ отцомъ носилъ этотъ санъ (Древн. XIX 6, 2). Онъ подразумѣвалъ родоначальника Боэтоса, къ семьѣ котораго принадлежала вторая Маріамна, супруга Ирода. Отца этой Маріамны Флавій въ трехъ мѣстахъ называетъ Симономъ б.-Боэтоса (XV 9, 3, XVII 4, 2; XVШ 5, 1). Въ четвертомъ мѣстѣ, именно тамъ, гдѣ онъ говоритъ о Симонѣ Кантерасѣ и о его двухъ братьяхъ первосвященникахъ, онъ впадаетъ въ противорѣчіе, утверждая, что Маріамна II была дочерью Боэтоса, и что этотъ Боэтосъ былъ назначенъ Иродомъ въ первосвященники. Двухъ сыновей этого Боэтоса Флавій называетъ *Іоазаромъ* и *Элеазаромъ* (XVII 6, 4; XIII, 1). Въ первомъ случаѣ онъ называетъ Іоазара братомъ Маріамны II, слѣдовательно, сыномъ Симона Боэтоса. Съ этимъ совпадаетъ указаніе во второмъ случаѣ, будто Іоазаръ былъ сыномъ Боэтоса, т. е. Симона б.-Боэтоса и братомъ Элеазара. Значитъ, онъ всегда говоритъ о Симонѣ Боэтосѣ, а не о Боэтосѣ, какъ объ отцѣ Маріамны. Очевидно, что въ тѣхъ пяти случаяхъ, гдѣ Флавій говоритъ объ этомъ родѣ, онъ съ точностью указываетъ, что Симонъ былъ первымъ первосвященникомъ изъ дома Боэтоса и отцомъ Маріамны. Судя по этому, родоначальникъ Боэтосъ изъ Александріи никогда не былъ первосвященникомъ. Слѣдовательно, указаніе въ томъ мѣстѣ, гдѣ Симонъ Кантерасъ говоритъ о первосвященничествѣ отца и трехъ его сыновей, является ошибочнымъ. Кромѣ того, эта генеалогія страдаетъ еще другими серьезными противорѣчіями. Если Боэтосъ и его три сына были первосвященниками, то двое изъ нихъ должны были носить имя Симона, именно Симонъ временъ Ирода и Симонъ Кантерасъ временъ Агриппы II. Слѣдовательно, у Боэтоса было бы 4 сына—2 Симона, Іоазаръ и Элеазаръ.

Генеалогія рода Боэтоса (XIX 6, 2) вслѣдствіе противорѣчій является совершенно необоснованной. Первосвященникомъ не былъ родоначальникъ Боэтосъ, а сынъ его Симонъ, дочерью котораго была Маріамна II. Его два сына, Іоазаръ и Элеазаръ, также были первосвященниками. Симонъ Кантерасъ напротивъ, не происходитъ изъ дома Кантераса, а является членомъ особаго

первосвященническаго рода. Кантерасъ, о которомъ упоминается въ талмудическихъ источникахъ на ряду съ родомъ Боэтоса.

Изъ этихъ двухъ родовъ родъ Боэтоса далъ трехъ первосвященниковъ (во времена Ирода и Архелая), родъ Кантераса—двухъ. Родъ Анана далъ 6 первосвященниковъ. По случаю выборовъ саддукейскаго первосвященника Анана б.-Анана, Іосифъ замѣчаетъ (XX 9, 1), что Ананъ-отецъ и его 5 сыновей носили этотъ санъ. Эти пять сыновей были: 1) Элеазаръ, 2) Іонатанъ, 3) его братъ Теофилъ, 4) еще одинъ братъ Матіасъ и наконецъ 5) Ананъ б.-Ананъ. Такъ какъ не было никакого иного первосвященника по имени Ананъ, какъ только тотъ, котораго Квириній назначилъ послѣ смѣщенія Іоазара (XIII 2, 1), то этотъ бенъ-Сетъ является родоначальникомъ пяти сыновей изъ дома Анана, Греческое имя Теофилъ, общее многимъ Ананидамъ, также указываетъ на иноземное происхожденіе, какъ и Боэтосъ. Было два первосвященника, отцы которыхъ носили имя Теофилъ: Матѳей б.-Теофилъ I временъ Ирода и Матѳей б.-Теофилъ временъ возстанія. О послѣднемъ Флавій говоритъ, что онъ принадлежалъ къ дому Боэтоса (Іуд. войны V. 13, 1). Если Матѳей происходитъ изъ дома Боэтоса, то этого же происхожденія былъ также несомнѣнно и его тезка Матѳей б.-Теофила. Если это предположеніе вѣрно, то Ананиды также принадлежали къ дому Боэтоса. Въ пользу этого предположенія говоритъ еще то обстоятельство, что жалобщикъ сѣтуетъ на домъ Боэтоса, такъ какъ послѣдніе члены его, Іоазаръ и Элеазаръ, были смѣщены незадолго до смерти Ирода. Значитъ, ко времени разрушенія храма родъ Боэтоса угасъ, если не предположить, что его продолженіемъ служила линія Теофилъ.

Жалобщикъ упрекаетъ родъ Фіаби въ испорченности на ряду съ родами Боэтоса, Анана и Кантераса. Это относится къ Измаилу Фіаби II, который дважды былъ первосвященникомъ. Напротивъ того, древній Фіаби, исправлявшій эти обязанности во времена первыхъ управителей, былъ, должно быть, доблестнымъ первосвященникомъ, ибо Талмудъ упоминаетъ о немъ съ похвалою.

I. Маттіа б.-Теофилъ I.

Флавій разсказываетъ (Древн. XVII 6, 4), что во время исполненія этимъ первосвященникомъ своихъ обязанностей, въ управленіе Ирода, родственнику его пришлось въ день искупленія замѣнять его, потому что самъ онъ въ ночь искупленія осквернился. Замѣщавшій его первосвященникъ носилъ имя Іосифа Эллема. По странной случайности это ничтожное происшествіе сохранилось въ талмудическомъ преданіи съ мельчайшими подробностями. Тамъ сказано, что Іосифъ, сынъ Эллема изъ Сепфориса, вынужденъ былъ замѣщать священника, ибо тотъ осквернился. Онъ спросилъ царя, на чей счетъ приносятся первосвященнику пожертвованія въ этотъ день, и царь отвѣтилъ на это, что онъ долженъ удовольствоваться честью хотъ разъ исполнять обязанности въ святая святыхъ. Изъ этого отвѣта Іосифъ б.-Эллемъ могъ понять, что ему никогда не удастся получить санъ первосвященника. Преданіе объ этомъ совершенно ничтожномъ происшествіи сохранилось именно потому, что съ того времени вошло въ обычай подготовлять второго по сану послѣ первосвященника (Сегана) къ исполненію обазанностей въ день искупленія, также какъ и дѣйствительнаго первосвященника, чтобы имѣть наготовѣ очистившагося левита, для совершенія требъ въ этотъ важный день.

Характеренъ для этого времени сохранившійся въ Талмудѣ діалогъ между

Іосифомъ б.-Эллемъ и царемъ, который хотя и не стенографически точенъ, но по содержанію можетъ быть признанъ исторически вѣрнымъ. Царь, который представленъ говорящимъ съ нимъ, былъ Иродъ, въ управленіе котораго произошла эта замѣна. Іосифъ б.-Эллемъ намекалъ ему, что, такъ какъ онъ уже однажды исполнялъ обязанности первосвященника, то ему желательно бы остаться на этомъ посту. Иродъ, уразумѣвши хорошо этотъ намекъ, далъ ему понять, что онъ долженъ удовольствоваться однимъ этимъ разомъ. Отсюда Флавій заключилъ, что онъ никогда не будетъ назначенъ первосвященникомъ. Въ этомъ мы узнаемъ характерную черту первосвященниковъ - выскочекъ —честолюбіе. Іосифъ б.-Эллемъ готовъ былъ вытѣснить своего собственнаго родственника изъ его должности. Иродъ, самъ выскочка, возбуждалъ и поддерживалъ это честолюбіе во всѣхъ окружавшихъ его.

II. Симонъ б.-Камитъ.

Въ талмудической литературѣ сохранилось преданіе еще объ одномъ изъ смѣняемыхъ первосвященниковъ, которое нуждается въ подтвержденіи прежде, чѣмъ быть использовано въ цѣляхъ исторіи. Оно встрѣчается въ нѣсколькихъ мѣстахъ, а именно: въ Tosefta Joma, (IV конецъ), въ Іерус. (т. же) Babli Joma стр. 47a) и Midrasch'ѣ къ Leviticus 20.

Во всѣхъ этихъ источникахъ рѣчь идетъ объ однихъ и тѣхъ же происшествіяхъ и объ одномъ и томъ же лицѣ. Фамилія трехъ первосвященниковъ קמחית. Эти трое были: Симонъ Камитъ временъ управленія Валерія Грата (17—18 по Р. Х.), Іосифъ Камитъ временъ Ирода, Іосифъ Камитъ II, сынъ перваго—въ управленіе Агриппы II. Такъ какъ Симонъ Камитъ былъ назначенъ Валеріемъ Гратомъ и исполнялъ свои обязанности не больше года (Древн. XVIII 2, 2), то только этотъ ставленникъ Тиверія могъ быть тѣмъ лицомъ, съ которымъ первосвященникъ имѣлъ разговоръ въ вечеръ передъ днемъ искупленія и который считалъ себя настолько оскверненнымъ его слюной, что его брату пришлось замѣнять его въ день искупленія.

О чемъ могъ первосвященникъ говорить съ римскимъ управителемъ наканунѣ дня искупленія? За семь дней до этого праздника каждый первосвященникъ долженъ былъ проводить въ храмовой залѣ, отрекшись отъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ и исполняя обряды очищенія. Значитъ, онъ не имѣлъ права въ теченіе этого времени отлучаться, а тѣмъ менѣе въ вечеръ передъ праздникомъ. Значитъ, должно было быть немаловажное дѣло, которое могло заставить Симона Камита покинуть храмъ и въ день приготовленія къ празднику отправиться къ управителю, чтобы вести съ нимъ переговоры.

Нѣтъ никакихъ указаній на жестокости и насмѣшки, которыя Валерій Гратъ позволялъ бы себѣ по отношенію къ евреямъ, и которыя первосвященникъ захотѣлъ бы предовратить. Только его замѣститель *Понтій Пилатъ* ввелъ въ Іудеѣ систему издѣвательства и ограбленій. Какъ разъ къ этому времени относится разсказъ Тацита о томъ, что провинціи Сирія и Іудея настолько чувствовали себя обремененными тяжестью налоговъ, что осмѣлились просить объ облегченіи. Просьбы такого рода, обращенныя къ императору, подлежали сначала, по установленному порядку, разсмотрѣнію управителя. Если Валерій Гратъ прибылъ въ Іерусалимъ—а судя по разсказамъ онъ долженъ былъ быть тамъ—то необходимо было, чтобы первосвященникъ, въ качествѣ представителя народа, сдѣлалъ ему визитъ и просилъ бы его предста-

тельства въ дѣлѣ объ уменьшеніи налоговъ. Вотъ почему могло случиться, что первосвященникъ Симонъ Камитъ покинулъ храмъ въ день приготовленія ко дню искупленія и имѣлъ разговоръ съ управителемъ.

III. Симонъ Кантерасъ.

Относительно первосвященника Симона, къ имени котораго всегда прибавляется эпитетъ הצדיק, въ талмудической литературѣ замѣчается такая путаница, что всѣ свѣдѣнія о немъ не имѣютъ никакой цѣны для исторіи. Но эту путаницу нетрудно устранить, и тогда указанія источниковъ получаютъ извѣстное историческое значеніе. Въ Талмудахъ упоминается первосвященникъ Симонъ Праведный, встрѣчавшій Александра Великаго, и сынъ котораго построилъ храмъ Оніаса въ Египтѣ. Этотъ *Симонъ Праведный* жилъ, слѣдовательно, въ началѣ македонскаго господства. Талмудическая литература знаетъ еще одного первосвященника Симона Праведнаго, который жилъ во времена Калигулы и услышалъ голосъ, возвѣщавшій, что этотъ императоръ погибъ и что тѣмъ самымъ его декретъ о воздвиженіи статуи въ храмѣ уничтоженъ. Встрѣчающееся въ источникахъ имя גיים גולקרס, сокращенное גסקלגוס и искаженное קגלגם есть ничто иное, какъ *Кай Калигула*. Если какой то Симонъ праведный исполнялъ обязанности первосвященника во времена этого императора, то это не могъ быть древній Симонъ justus. Могъ ли талмудическій источникъ допустить анахронизмъ болѣе, чѣмъ на 300 лѣтъ. На первый взглядъ это какъ будто бы и такъ, ибо, какъ въ Ierus. Joma 43 a. b., такъ и въ Babli Menachot 109 b., гдѣ говорится о первосвященникѣ, жившемъ не задолго до разрушенія храма, и по смерти котораго прекратились знаменія божьей благодати, прибавлено, что потомки его начали постройку храма Оніаса.

Правда, нельзя считать источники свободными отъ извѣстной хронологической путаницы, въ особенности оба вышеуказанные—но не Тосефту—но необходимо признать, что этой путаницей мы обязаны смѣшенію именъ двухъ первосвященниковъ, пользовавшихся эпитетомъ „Праведный“.

Источники совершенно опредѣленно и вѣрно указываютъ, что за нѣсколько десятковъ лѣтъ до разрушенія храма первосвященникомъ былъ нѣкто, носившій то же прозвище, какъ и Симонъ Justus временъ македонскаго владычества.

Въ обоихъ Талмудахъ указано, что за сорокъ лѣтъ до разрушенія храма прекратились нѣкоторые знаки милости божьей и произошло неблагопріятное предзнаменованіе, которое ставятъ въ связь съ р. Іоханан б.-Заккай. Это прекращеніе знаковъ милости относится ко времени послѣ года смерти первосвященника Симона Праведнаго. Талмудисты ни въ коемъ случаѣ не могли запутаться въ хронологіи, чтобы древняго Симона justus'а до-Маккавейскаго времени и Р. Іоханана б.-Заккая, котораго сами они относятъ ко времени разрушенія храма, считать современниками.

Флавій отмѣчаетъ набожное настроеніе и смиренное поведеніе царя Агриппы I послѣ жалкой гибели императора Калигулы, вступленія на престолъ Клавдія и возвращенія своего въ Іудею царемъ. По этому поводу онъ говоритъ слѣдующее: „такъ какъ Агриппа чрезвычайно почиталъ Бога, то онъ лишилъ Теофила, сына Анана, первосвященническаго сана и ввѣрилъ этотъ санъ Симону, сына Боэтоса, носившему имя Кантераса (Древности XIX. 6, 2). Этотъ Симонъ Кантерасъ пользовался, надо полагать, репутаціей чрезвычайно

набожнаго человѣка и соотвѣтствовалъ религіознымъ воззрѣніямъ царя. Онъ былъ назначенъ первосвященникомъ сейчасъ по возвращеніи Агриппы, т. е. въ 41 г. по Р. Х. Между его назначеніемъ и разрушеніемъ храма прошло только 29 лѣтъ, а не 40, но въ Талмудѣ часто встрѣчаются такія невѣрныя цифры. Значитъ, нужно предположить, что талмудическіе источники подъ שמעון הצדיק подразумѣваютъ Симона Кантераса, который исполнялъ свои обязанности во времена Агриппы I. Если онъ жилъ въ это время, то, должно быть, ему послышался голосъ въ Святая-Святыхъ, возвѣщавшій объ убійствѣ Калигулы (24 января 41 г.). Это извѣстіе о голосѣ основано, очевидно, на преданіи. Извѣстіе о голосѣ дочери, возвѣщавшемъ кончину Калигулы, кажется сомнительнымъ именно благодаря тому обстоятельству, что первосвященникъ Симонъ и его предшественникъ услышали его какъ разъ въ день кончины Калигулы. Смерть эта послѣдовала зимою, а первосвященникъ входилъ въ Святая Святыхъ только въ день искупленія. Замѣчаніе, будто тяжелыя ворота внутренняго храма въ это время, т. е. за 40 лѣтъ до разрушенія храма, однажды сами собою растворились, что R. Jochanan ben-Sakkai столковалъ, какъ дурное предзнаменованіе, хронологически не вѣрно. Дѣло въ томъ, что Флавій также разсказываетъ объ этомъ происшествіи, считая это предзнаменованіе однимъ изъ тѣхъ, которыя предвѣщали гибель храма, и относя его къ періоду до-революціи и до начала войны. Но какъ бы ни были ложны и хронологически неточны эти источники, они все таки указываютъ на второго первосвященника по имени Симона Праведнаго. Они относятъ неблагопріятныя предзнаменованія ко времени за 40 лѣтъ до разрушенія храма и частью ко времени послѣ смерти первосвященника Симона. Въ обоихъ хронологическихъ указаніяхъ рѣчь идетъ о послѣднихъ десятилѣтіяхъ существованія еврейскаго государства. Эти десятилѣтія и въ другихъ мѣстахъ въ суммѣ также даютъ около сорока лѣтъ. Якобы за 40 лѣтъ до разрушенія храма евреи лишены были права имѣть свой уголовный судъ. Фактъ самъ по себѣ вѣренъ, не вѣрны лишь хронологическія указанія, ибо только послѣ смерти Агриппы I Іудея перешла снова на положеніе римской провинціи. Управители второго ряда получили политическую власть въ странѣ и представляли послѣднюю инстанцію для наложенія тяжелыхъ наказаній. Вотъ почему эти 40 лѣтъ нужно свести на 26. Это обозначаетъ только слѣдующее: со смерти послѣдняго царя іудейскаго (ибо Агриппа II, собственно говоря, не былъ царемъ іудейскимъ) или со времени потери послѣдней политической независимости, или со смертью благочестиваго первосвященника Симона—положеніе Іудеи все болѣе и болѣе ухудшалось.

Есть еще возможность разсмотрѣть по частямъ талмудическое преданіе о происшествіяхъ за 40-лѣтній періодъ, или, что тоже самое, о происшествіяхъ со времени смерти Симона Праведнаго. Здѣсь сплетаются историческіе и миѳическіе элементы. Чрезвычайно вѣрно замѣчено и съ полнымъ пониманіемъ указано, что со смертью преданнаго націи царя Агриппы I, современника Симона Кантераса, началась печальная эпоха, закончившаяся сожженіемъ Іерусалима и гибелью цѣлаго народа. Заносчивость поселившихся въ Палестинѣ грековъ и полугрековъ по отношенію къ еврейскому населенію, система опеки, звѣрства и грабительскіе инстинкты управителей Феликса, Кумана и, особенно, Гессія Флора, необдуманно поднятыя зелотами возстанія, дикій патріотизмъ сикарійцевъ, который въ своей ненависти къ римлянамъ тайно поражалъ смер-

тоноснымъ оружіемъ правыхъ и виновныхъ и наполнялъ сердца всѣхъ опасеніемъ и страхомъ, фальшивые пророки и лжемессіи, которые старались использовать угнетенное положеніе народа для необдуманныхъ попытокъ къ освобожденію и давали управителямъ поводъ и предлогъ для кровавыхъ звѣрствъ, —все это омрачило души въ послѣднія десятилѣтія отъ смерти Агриппы до взрыва революціи, которую несносное положеніе сдѣлало необходимостью. Боязливые люди въ это время въ каждомъ необычномъ явленіи, которое въ другое время прошло бы незамѣченнымъ, усматривали неблагопріятное предзнаменованіе. Такія происшествія оставались въ памяти, искажались и передавались въ изукрашенномъ видѣ. Въ Талмудахъ и у Флавія приводится цѣлый рядъ подобныхъ явленій, изъ коихъ лишь часть могла, быть можетъ, произойти въ дѣйствительности, а все остальное является продуктомъ фантазіи.

Ихъ относятъ или къ періоду между смертью Агриппы I, т. е. къ эпохѣ отъ потери послѣднихъ признаковъ самостоятельности до разрушенія храма, или же этотъ періодъ начинаютъ со смерти первосвященника Симона Праведнаго. И то, и другое обозначаетъ тотъ же Terminus a quo. Ошибка здѣсь заключается только въ томъ, что для полученія круглаго числа 40 лѣтъ періодъ былъ слишкомъ удлиненъ. Итакъ мы можемъ принять за вѣрное, что подъ Симономъ Праведнымъ подразумѣвается никто иной, какъ первосвященникъ Симонъ Кантерасъ, исправлявшій эти обязанности во времена Агриппы I. Но такъ какъ существовалъ еще одинъ болѣе древній Симонъ Кантерасъ, то преданія спутали происшествія временъ каждаго изъ нихъ, быть можетъ, потому, что считали ихъ обоихъ однимъ лицомъ или потому, что желали отнести ad vocem одного изъ нихъ все то, что могло бы имѣть отношеніе къ другому.

Результаты нашего изслѣдованія можно резюмировать слѣдующимъ образомъ. Былъ во времена Агриппы I благочестивый первосвященникъ по имени Симонъ, котораго современники прозвали „набожнымъ“ или „праведнымъ“ также какъ и Симона временъ македонскаго владычества. Въ это время пришелъ страшно оскорбительный приказъ Калигулы, и благочестивый Симонъ успокоилъ на смерть перепуганный народъ. Когда опасность миновала и Агриппа I вернулся изъ Рима въ Іудею, то онъ назначилъ этого Симона первосвященникомъ. Это и былъ Симонъ Кантерасъ. Такъ какъ преемники его не могли сравняться съ нимъ въ благочестіи, то потомки всѣ дурныя предзнаменованія, явившіяся послѣ его смерти, объясняли этою смертью, какъ будто онъ своимъ благочестіемъ сумѣлъ бы защитить народъ и предовратить бѣдствіе. Въ виду же того, что и онъ носилъ то же имя, что и Симонъ justus древній, то его и смѣшивали съ нимъ.

IV. Ананъ б.-Ананъ.

Въ талмудической литературѣ сохранилось преданіе о первосвященникѣ-саддукеѣ времени существованія храма. О немъ разсказываютъ, что онъ, согласно саддукейскому или боэтосскому толкованію закона, зашелъ въ день искупленія въ Святая Святыхъ съ заженной уже кадильницей, между тѣмъ, какъ по фарисейскимъ взглядамъ ее нужно было зажечь только въ Святая-Святыхъ. Выйдя оттуда, онъ хвасталъ передъ своимъ отцомъ тѣмъ, что отважился провести въ жизнь саддукейскіе вѣроученіе, чего никогда не осмѣлились бы сдѣлать другіе, раздѣлявшіе саддукейскіе взгляды. Но три дня

спустя онъ умеръ. Этотъ случай былъ такъ необыченъ, что мало-по-малу стали слагаться сказанія о смерти этого первосвященника. Существуетъ подобный же разсказъ о первосвященникѣ-саддукеѣ, гдѣ дѣло идетъ объ обрядахъ при приготовленіи золы отъ рыжей коровы. Этого первосвященника, участвовавшаго въ упомянутомъ обрядѣ, также предохраняли отъ осквернения и держали семь дней взаперти, какъ и передъ днемъ искупленія. Но саддукеи хотѣли, чтобы и тутъ были соблюдены обряды еще болѣе строгаго очищенія. Одинъ первосвященникъ позволилъ себѣ при этомъ дѣйствовать согласно саддукейскому ученію. Но Р. Іоханан б.-Заккай помѣшалъ ему въ этомъ, поранивъ ему ухо, чтобы сдѣлать его непригоднымъ къ исполненію обязанностей. Этотъ первосвященникъ угрожалъ ему, говоря, что онъ, когда будетъ имѣть время, отмститъ за это. „Да, если ты будешь имѣть время для этого“, возразилъ ему тотъ. И спустя три дня этого первосвященника опустили якобы въ могилу.

Есть возможность установить имя и время управленія этого саддукейскаго первосвященника. Нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что въ обоихъ разсказахъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же лицѣ; іерусалимскій Талмудъ прямо признаетъ тождественность первосвященника, который открыто проводилъ въ жизнь саддукейское вѣроученіе въ день искупленія, съ тѣмъ, который точно также поступилъ по отношенію къ золѣ отъ рыжей коровы. Флавій подтверждаетъ разсказъ талмудическихъ источниковъ о томъ, что позднѣйшіе саддукеи не позволяли себѣ никогда настаивать на своихъ, ведущихъ къ расколу, ученіяхъ. Онъ передаетъ слѣдующее: „Сами они (саддукеи) почти ничего не дѣлаютъ самостоятельно. Даже при достиженіи власти они подчиняются указаніямъ фарисеевъ, хотя и дѣлаютъ это неохотно и борятся сами съ собой; дѣло въ томъ, что, въ противномъ случаѣ, народъ не сталъ бы ихъ терпѣть“. Значитъ, саддукеи, по окончаніи схватокъ во времена саддукейскихъ властителей, не осмѣливались открыто осуществлять свои теоріи. Необходимо было, слѣдовательно, особое мужество со стороны первосвященника, если онъ хотѣлъ оказать сопротивленіе фарисейскимъ ученіямъ; такимъ мужествомъ обладалъ исключительно первосвященникъ *Ананъ сынъ Анана*, носившій этотъ санъ незадолго до начала революціи.

Именно о немъ Флавій совершенно опредѣленно говоритъ, что онъ въ качествѣ первосвященника пытался проводить въ жизнь саддукейское вѣроученіе. Онъ былъ очень смѣлъ и отваженъ. Когда царь Агриппа II назначилъ его первосвященникомъ по смерти управителя Феста и до прибытія его преемника Альбина въ Іудею, то онъ позволилъ себѣ устроить судилище изъ саддукейскихъ судей, которое обвиняло и приговаривало къ побитію камнями тѣхъ, которыхъ фарисейскіе судьи по своему гуманному толкованію законовъ оставляли въ живыхъ. Флавій говоритъ только о судебныхъ приговорахъ въ саддукейскомъ духѣ. Но можно себѣ представить, что, если Ананъ примѣнялъ въ этой области саддукейскія строгости, то тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ проводить въ жизнь саддукейскія ученія о тѣхъ обрядностяхъ, которыя выпадали на долю первосвященника; значитъ, и о ношеніи кадильницы въ день искупленія и добываніи золы отъ рыжей коровы. Флавій, писавшій для грековъ и римлянъ, избѣгалъ, должно быть, въ своемъ разсказѣ о саддукеѣ Ананѣ всего того, что могло оказаться непонятнымъ для его читателей. Итакъ, Ананъ сынъ Анана и есть тотъ первосвященникъ, который вступилъ

въ открытую борьбу съ фарисействомъ и хвасталъ тѣмъ, что его единомышленники изъ страха никогда не позволяли себѣ этого. Правда, сказаніе о кончинѣ этого саддукейскаго первосвященника не подходитъ сюда, ибо Ананъ жилъ еще нѣсколько лѣтъ и погибъ только во время революціи. Однако, нѣкоторыя черты этого сказанія, именно касающіяся кончины саддукейскаго первосвященника, также можно отнести къ Анану.

Флавій дальше разсказываетъ объ этомъ первосвященникѣ, будто онъ исправлялъ свои обязанности въ продолженіи только трехъ мѣсяцевъ. И это потому, что Агриппа смѣстилъ его по жалобѣ наиболѣе уважаемыхъ мужей Іерусалимскихъ и особенно тѣхъ, которые требовали точнаго исполненія предписаній закона (Торы). Эти три мѣсяца въ сказаніи сократились, повидимому до трехъ дней, а смѣщеніе превратилось въ смерть. Позднѣйшая плачевная гибель Анана дала поводъ къ другому преданію о смерти этого саддукейскаго первосвященника. Ананъ вмѣстѣ со своимъ единомышленникомъ Іошуа бенъ-Гамала былъ убитъ послѣ вторженія союзниковъ зелотовъ-идумейцевъ,—убитъ, какъ противникъ революціи и сторонникъ Рима, и обнаженный трупъ его былъ выброшенъ на съѣденіе псамъ (Іуд. войны IV. 4, 2). Подобный же конецъ постигъ саддукейскаго первосвященника, и, по разсказу вавилонскаго Талмуда, трупъ его былъ брошенъ въ грязь. Сказаніе, слѣдовательно, сохранило многія подробности о трагической кончинѣ этого отважнаго саддукейскаго первосвященника Анана; только оно, какъ всѣ преданія вообще, ускорило его кончину, послѣдовавшую лишь черезъ восемь лѣтъ послѣ его смѣщенія, и срокъ этотъ, по туманной ассоціаціи съ тремя мѣсяцами его управленія, превратило въ три дня.

Все, что въ талмудическихъ преданіяхъ говорится о первосвященникѣ, который смѣло осуществлялъ саддукейскія теоріи при обрядностяхъ дня искупленія и при сожженіи рыжей коровы, относится несомнѣнно къ *Анану*, младшему изъ пяти сыновей Анана старшаго. Его трехмѣсячное отправленіе обязанностей первосвященника совпадаетъ съ промежуткомъ между смертью управителя Феста и прибытіемъ его преемника Альбина, и такъ какъ онъ въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ долженъ былъ выступать въ день искупленія, то они выпадаютъ на осень 61 года до Р. Хр. Только съ этого времени и, прибавимъ мы, вслѣдствіе саддукейскихъ демонстрацій Анана, былъ установленъ обычай брать съ первосвященника клятву въ томъ, что онъ ничего не будетъ измѣнять въ обрядностяхъ дня искупленія противъ того, что предписываетъ Мишна. Это значитъ, что только за десять лѣтъ до разрушенія храма была введена эта клятва. Предписанія Мишны объ особенностяхъ обрядовъ въ храмѣ (въ Joma, Succa, Tamid и Middot), вообще, относятся къ послѣднему времени существованія храма. Эту клятву, слѣдовательно, могли давать только четыре первосвященника, занимавшіе этотъ постъ въ теченіе указанныхъ 10 лѣтъ: *Іошуа б.-Дамнай, Іошуа б.-Гамала* (Гамаліилъ), Матѳій б.-Теофилъ II и, быть можетъ, еще выбранный народомъ во время революціи Пинхасъ б.-Самуилъ изъ Афты.

V. Матѳій б.-Теофилъ II.

Въ талмудическомъ преданіи сохранились слова безымяннаго первосвященника, историческое значеніе которыхъ не трудно опредѣлить. По обычаю, каждый первосвященникъ, нося кадильницу въ Святая-Святыхъ въ день искупленія, произносилъ тамъ молитву. Эта молитва должна была быть короткой, чтобы ожидавшій въ храмѣ народъ не опасался за благополучіе замѣшкавшагося первосвященника. При этомъ Тосефта и оба Талмуда передаютъ слѣдующее: какой-то первосвященникъ дольше обыкновеннаго задержался въ Святая-Святыхъ, и когда его стали разспрашивать о причинѣ, онъ отвѣтилъ: „Я молился за вашъ храмъ, дабы онъ не былъ разрушенъ“. Это выраженіе намъ кажется страннымъ. Почему за „вашъ“ только храмъ? Развѣ святилище не принадлежало ему также, какъ и остальному народу? Почему это вдругъ вздумалось первосвященнику помолиться о сохраненіи храма? Очевидно, тогда уже существовало вѣроятіе гибели храма, что указываетъ на эпоху борьбы съ Римомъ. Друзья мира съ самаго начала выставляли доводомъ противъ войны и революціи то, что сохраненіе храма при этомъ ставится на карту. Предпослѣдній первосвященникъ Матѳій сынъ Теофила II (изъ рода Боэтоса) принадлежалъ къ числу сторонниковъ Рима. Во время террора, который установился въ Іерусалимѣ по отношенію ко всѣмъ умѣреннымъ со времени паденія галилейскихъ крѣпостей и перехода Флавія въ лагерь римлянъ, онъ былъ смѣщенъ (Іуд. войны III, 3, 7). Одинъ изъ сыновей его бѣжалъ къ римлянамъ. Позднѣе онъ съ другими аристократами первосвященническихъ родовъ затѣялъ интригу; они рѣшили пригласить дикаго Баръ-Гіору въ Іерусалимъ, чтобы натравить его на зелотовъ, вызвать такимъ образомъ, чрезмѣрной анархіей и междоусобіями контръ-революцію и открыть ворота римлянамъ. Немного погодя Матѳій былъ наказанъ за это смертью тѣмъ же Симономъ, котораго онъ самъ приглашалъ (т. же IV. 9, 11; V. 13, 1). Матѳій, такимъ образомъ, былъ врагомъ зелотовъ и многихъ первосвященниковъ, которые принадлежали къ нимъ. Еще осенью 67 г. онъ былъ первосвященникомъ и, какъ таковой, выступалъ въ день искупленія. Теперь представьте себѣ слѣдующее. Напряженіе въ этомъ году, когда Галилея послѣ отчаянной борьбы была завоевана, достигла крайнихъ предѣловъ. Самое ничтожное отклоненіе отъ обычнаго порядка дѣйствовало возбуждающе. И вотъ, первосвященникъ остается долго, слишкомъ даже долго, въ Святая-Святыхъ. Что же тамъ можетъ происходить? Священники рѣшаютъ, хотя противъ предписаній закона, войти въ Святая-Святыхъ, чтобы узнать, что случилось съ первосвященникомъ. Они встрѣчаютъ его уже выходящимъ оттуда и торопливо освѣдомляются, почему онъ такъ долго оставался въ Святая-Святыхъ. „Я молился о сохраненіи вашего храма. Или это вамъ непріятно?“ Подобная рѣчь въ устахъ первосвященника, занимавшаго эту должность въ то время, звучитъ весьма правдоподобно; она содержитъ упрекъ, обозначаетъ слѣдующее: „Храмъ неминуемо долженъ погибнуть вслѣдствіе вашего поведенія; вотъ почему я искренно молилъ Бога предотвратить близкую катастрофу“. У жившаго раньше первосвященника, а тѣмъ менѣе у Симона Праведнаго (на котораго намекаютъ взятыя въ скобки слова въ Іерус.), не могло быть основанія думать о гибели храма или выражаться: „за вашъ храмъ“. Поэтому мы съ большой вѣроятностью можемъ предположить, что талмудическій разсказъ о первосвященникѣ, который дольше обыкновеннаго пребывалъ въ Святая-Святыхъ въ день искупленія и далъ рѣзкій отвѣтъ, относится къ предпослѣднему первосвященнику Матѳію, сыну Теофила, который носилъ это званіе уже во время революціи. Вскорѣ послѣ этого, этотъ первосвященникъ, какъ уже указано раньше, былъ смѣщенъ священнической коллегіей за свои враждебныя зелотамъ воззрѣнія и на

его мѣсто былъ избранъ Пинхасъ, сынъ Самуила изъ Афты, послѣдній первосвященникъ.

Хронологическая таблица выборныхъ первосвященниковъ.

	Имя	Время	Выбраны	Источники
1.	*Ананель* Вавилонскій . .	37-36 доР.Х.	Иродъ I	Флавій Древн. XV. 2. 4
2.	*Аристовулъ*	35	„	тамъ же 3, 1
	Ананель	во 2-й разъ	„	тамъ же 3, 3
3.	*Іошуа*, сынъ Фабеса (Фіаби?)	?	„	Флавій XV. 9, 3
4.	*Симонъ*, сынъ Боэтоса (Александрійскій)	24	„	тамъ же, XVII. 4, 2
5.	*Матѳій*, сынъ Теофила I изъ Сепфориса	5	„	тамъ же XVII. 4, 2
6.	*Іоазаръ*, сынъ Симѳна бенъ Боэтоса	4	„	тамъ же 6, 4
7.	*Элеазаръ*, братъ Іоазара .	3?	Архелай	тамъ же 13, 1. 2, 1
8.	*Іошуа*, сынъ Сіѐ (Сетъ?). .	?		тамъ же
	Іоазаръ во второй разъ .	?		XVIII. 1, 1.
9.	*Ананъ*, сынъ Сета, родоначальникъ ананитовъ . . .	6послѣР.Х.	Квириній	тамъ же 2, 1; XX. 9, 1
10.	*Измаилъ*, сынъ Фабія I . .	15	Валер. Гратъ	XVIII, 2, 2
11.	*Элеазаръ*, сынъ Анана . .	16	„	тамъ же
12.	*Симонъ*, сынъ Камита I. .	17	„	тамъ же
13.	*Іосифъ Кайфа*, (зять Анана, сынъ Сета?)	18	„	Еван. Іоанна 18, 13.
14.	*Іонатанъ*, сынъ Анана . .	36	Вителій	XVIII. 4, 3
15.	*Теофилъ*, сынъ Анана . .	37	„	тамъ же 5, 3
16.	*Симонъ Кантерасъ*, сынъ Боэтоса	41	Агриппа I	XIX. 6, 2
17.	*Матѳій*, сынъ Анана . .	42—43	„	Древн. XIX, 6, 4.
18.	*Эліонай*, (сынъ Симона) Кантерасъ	43	„	т. же 8, 1 (XX. 1, 3)
19.	*Іосифъ Камитъ*	45	Иродъ	тамъ же XX.1, 3; 5, 2
20.	*Ананія*, (Іохананъ) сынъ Небедая	46—47	Агриппа II	XX. 5, 2
21.	*Измаилъ*, сынъ Фіаби . .	48	„	тамъ же 8, 8
	Іонатанъ, сынъ Анана, второй разъ	до 53	„	XX, 8, 8
22.	*Ананій*, сынъ Элеазара (Харсомъ)	—	„	Выше 322
	Измаилъ, сынъ Фіаби, второй разъ	59	„	„ 332
23.	*Іосифъ*, сынъ Симона Камита	60	„	XX. 8, 11
24.	*Ананъ*, сынъ Анана . . .	61. 3 мѣс.	„	тамъ же 9, 1
25.	*Іошуа*, сынъ Дамная . . .	61	„	тамъ же 9, 4
26.	*Іошуа*, сынъ Гамалiила (Гамала)	63	„	тамъ же 9, 7
27.	*Матѳій*, сынъ Теофила II .	66—67	„	тамъ же 10, 1
28.	*Пинхасъ*, сынъ Самуила . .	67-68 до 70	„	Іуд. войны IV. 3, 8

17.

Предмѣстье Бецета.

Положеніе части города или квартала Безеты въ Іерусалимѣ представляетъ лучше всего опредѣленное топографическое мѣсто Іерусалима. Тѣмъ не менѣе, взгляды на нее такъ расходятся, что едва ли найдется нѣсколько видныхъ топографовъ, изслѣдовавшихъ этотъ вопросъ, мнѣнія которыхъ бы совпадали во всѣхъ пунктахъ. Очень наглядную картину расположенія Бецеты и другихъ топографическихъ точекъ Іерусалима представляетъ отличная карта Х. Циммермана, въ приложеніи къ дающему описаніе его сочиненію: „Карты и планы къ топографіи древняго Іерусалима“, (Базель 1876). Имѣется 3 Terrainкарты; четвертая же, подъ заглавіемъ: „Реставрированные планы древняго города Іерусалима“, представляетъ 14 различныхъ топографическихъ чертежей Іерусалима, набросанныхъ 14 писателями, изъ коихъ большинство было знакомо со святымъ городомъ по собственнымъ наблюденіямъ. Начиная съ *Робинзона*, который въ 1841 г. впервые внесъ научный порядокъ въ эту область археологіи, списокъ этотъ кончается *Конрадомъ Шикомъ*, жившимъ въ Іерусалимѣ въ качествѣ строителя и въ 1876 г. составившимъ планъ, съ которымъ Циммерманъ вполнѣ соглашается. Среди этихъ топографовъ, которые производили изслѣдованія также и по вопросу о положеніи Бецеты, фигурируютъ французы графъ де-*Вогюэ* и генералъ де-*Сольси*, англичане *Вильямсъ*, *Фергьюсонъ* и *Уорренъ*, одинъ изъ трехъ инженеровъ, которыхъ общество Palestine Exploration fund отправило въ Палестину и снабдило богатыми средствами для изслѣдованія Святой Земли; далѣе идутъ нѣмцы *Шульцъ*, *Зеппъ*, *Менке*, котораго библейскій атласъ Палестины всѣмъ извѣстенъ наряду съ картой Киперта, Титъ *Тоблэръ*, доставившій столько матеріала для даннаго очерка, *Фуреръ*, швейцарскій священникъ, пѣшкомъ исходившій вдоль и поперекъ всю Святую Землю, и много другихъ, которые будутъ упомянуты далѣе въ этомъ изслѣдованіи. Относительно настоящаго топографическаго пункта они всѣ расходятся. Разница въ результатахъ изслѣдованія о положеніи Бецеты объясняется, правда, догматическими интересами. Іисусъ былъ распятъ на Голгоѳѣ и (Іоаннъ **19**, 41) погребенъ въ гробницѣ Іосифа Аримаѳейскаго невдалекѣ отъ Голгоѳы. Эта гробница должна была быть высѣченной, во всякомъ случаѣ, внѣ города. Внутри Іерусалима нельзя было устраивать могилъ, ибо это повлекло бы за собою осквернѳніе левитовъ. Церковная традиція, тѣмъ не менѣе, подыскала для могилы Іисуса мѣсто внутри нынѣшняго Іерусалима и воздвигла недалеко отъ іафетскихъ воротъ и возвышенія, которое всѣ считаютъ верхнимъ городомъ, надгробную церковь. Во времена Іисуса кварталъ Бецета былъ уже населенъ; слѣдовательно, мѣста для могилъ должны были лежатъ и внѣ этого предмѣстья. Католическіе топографы были чрезвычайно заинтересованы, да и теперь заинтересованы въ томъ, чтобы отыскать мѣсто для Бецеты возможно ближе къ древнему Іерусалиму и чтобы, такимъ образомъ, мѣсто надгробной церкви очутилось внутри нынѣшняго города. Протестанскіе топографы, начиная съ Робинзона, ополчились противъ такого взгляда, и споръ этотъ еще не разрѣшенъ. На составленныхъ Циммерманомъ планахъ можно по положенію Бецеты тотчасъ опредѣлить, принадлежитъ ли авторъ его къ католической или протестантской религіи. Всѣ топографическіе планы, въ которыхъ Бецета расположена вблизи стѣны, опоясывающей эту часть города, такъ, что на сѣверо-за-

падѣ она ближе къ городу, чѣмъ на сѣверо-востокѣ, исходятъ отъ католиковъ и такъ расположены, что на востокѣ остается для Голгоѳы мѣсто внѣ Іерусалима; тѣ же, въ которыхъ проведена дуга съ востока на западъ и внутри этого пространства помѣщена Бецета, обязаны своимъ происхожденіемъ протестантамъ.

Разногласія относительно другихъ пунктовъ также бросаются въ глаза. Большинство топографовъ полностью отождествляютъ Бецету съ новымъ городомъ. Только Зеппъ раздѣляетъ ихъ и вставляетъ между ними Акру, или нижній городъ. *Менке, Каспари, Фуреръ и Тоблеръ* отводятъ малое пространство для предмѣстія и города, а большее для новаго города и Бецеты. Тоблеръ точнѣе отдѣляетъ маленькое *старое предмѣстье* на югѣ, а къ сѣверу, отъ него—большее *новое* предмѣстье или Бецету. Большинство топографовъ не обращаетъ больше никакого вниманія на различія въ расположеніи Бецеты, только Левинъ (на планахъ Циммермана—карта № 6) отличаетъ верхнюю Бецету отъ нижней. Первую онъ располагаетъ западнѣе, а вторую—восточнѣе. Шульцъ (т. же № 3) отличаетъ новую Бецету отъ холма Бецеты,—для послѣдняго онъ находитъ мѣсто южнѣе новаго города. Еще одинъ поводъ для разногласій представляетъ положеніе сѣверной стѣны, окружающей Бецету. Большинство располагаетъ ее такимъ образомъ, что между стѣной и царскими могилами или могилою (памятникомъ) Елены, тождественность которыхъ доказывается основательными розысканіями Робинзона, остается значительный промежутокъ. Но даже у него остается нѣкоторое пространство между стѣною и надгробнымъ памятникомъ Елены. Только *Вильямъ* (№ 2), *Фергьюсонъ* (№ 5) и *Труппъ* (№ 6) доводятъ сѣверную стѣну Бецеты чуть не до самаго памятника. *Шульцъ* (№ 3) располагаетъ царскія могилы внутри этой стѣны. Замѣчательно то, что всѣ эти топографы основывали свои планы Іерусалима на указаніяхъ Флавія—значитъ, каждый изъ нихъ нашелъ что-либо иное въ этомъ источникѣ, ибо другого источника у нихъ не было. Источника, который могъ бы положить конецъ всѣмъ этимъ разногласіямъ, они не дали. Мы же намѣрены обратиться именно къ этому источнику и сравнить его съ указаніями Флавія; надѣемся, что не останется никакихъ разногласій относительно расположенія Бецеты, новаго города или предмѣстья, и относительно расположенія сѣверной, или третьей стѣны.

Обратимся сначала къ сохранившимся у Флавія указаніямъ. Въ одномъ мѣстѣ (Іуд. войны V 5, 8), гдѣ говорится о трехъ укрѣпленныхъ пунктахъ въ Іерусалимѣ, о храмѣ Антоніи и дворцѣ Ирода въ верхнемъ городѣ, онъ прибавляетъ: „холмъ Безета лежалъ отдѣльно отъ Антоніи, какъ я уже сказалъ, и хотя онъ, какъ самое высокое изъ всѣхъ укрѣпленій, лежалъ съ одной стороны новаго города, онъ только съ сѣвера заслонялъ свѣтъ по направленію къ храму“ (или заслонялъ съ сѣвера видъ на храмъ). Здѣсь мы имѣли два точныхъ указанія, а именно: холмъ Безета былъ очень высокъ—выше храма и Антоніи и расположенъ въ одной части новаго города. Въ другомъ мѣстѣ (т.же V. 12,2) Флавій описываетъ протяженіе осадной стѣны. Онъ говоритъ, будто Титъ велѣлъ ее протянуть съ мѣста ассирійскаго лагеря, гдѣ была расположена его главная квартира, до нижняго новаго города, и оттуда черезъ Кедронскую долину продолжить и до Масличной горы, потомъ сдѣлать поворотъ на югъ и обхватить гору. Значитъ, здѣсь рѣчь идетъ о нижнемъ новомъ городѣ, который велъ къ Масличной горѣ и даже черезъ долину Кедронъ. Очевидно, здѣсь

говорится о сѣверной части Іерусалима, ибо Флавій описываетъ далѣе протяженіе осадной стороны, какъ она дѣлала поворотъ на западъ, а оттуда на сѣверъ и тянулась до деревни Ἐρεβίντων οἶκος и за нею, огибая памятникъ Ирода, съ востока опять соприкасалась съ тѣмъ мѣстомъ, откуда она была начата. Слѣдовательно, она начиналась съ сѣверо-востока. Въ этомъ направленіи, значитъ, долженъ былъ быть расположенъ и Нижній новый городъ. Но въ такомъ случаѣ Кедронская долина и Масличная гора должны были также лежать на сѣверо-востокѣ? Это кажется страннымъ, но это даетъ намъ нить для оріентировки. Отмѣтимъ также упомянутую выше деревню. Третье важное мѣсто у Флавія (тамъ же V. 4, 2) требуетъ особаго уразумѣнія; оно гласитъ: „эта стѣна именно третья, которая начиналась отъ такъ называемой Капской башни, проходитъ мимо памятника Елены и примыкаетъ къ старой стѣнѣ Кедрона, ею то Агриппа окружилъ ново-пристроенный городъ, который до того времени былъ беззащитенъ. Такъ какъ онъ (городъ) увеличился по количеству народонаселенія, то онъ мало-по-малу переросъ (старую) ограду. Присоединивъ къ городу расположенную къ сѣверу отъ храма мѣстность вблизи холма, они (жители) вскорѣ пошли дальше и стали застраивать кругомъ сѣверный холмъ, который называется Бецетой и лежитъ напротивъ Антоніи, но отдѣляется отъ нея глубокой долиной.... На туземномъ языкѣ новоотстроенная часть города была названа Бецетой, что на греческомъ языкѣ означаетъ „Новый городъ“. Такъ какъ они (жители) были здѣсь беззащитны, то отецъ теперешняго царя началъ строить названную выше стѣну“. Къ этому Флавій добавляетъ, что Агриппѣ окончить эту стѣну помѣшалъ Клавдій, и что городъ былъ бы неприступенъ, если бы стѣна была также закончена, какъ ее начали. Изъ этого описанія слѣдуетъ нѣсколько выводовъ относительно Бецеты: 1) высокій холмъ называется Бецетой, 2) онъ былъ расположенъ противъ Антоніи (которая лежала къ сѣверо-западу отъ храма), 3) сначала была застроена и присоединена къ городу мѣстность, расположенная къ сѣверу отъ храма наискось подъ холмомъ, и послѣ этого самъ холмъ былъ заселенъ во всѣхъ частяхъ. Значитъ, двѣ разныя части города были построены въ разное время. Сначала была застроена мѣстность надъ холмомъ Бецетой къ сѣверу отъ храма, а потомъ самъ холмъ противъ Антоніи, значитъ—къ сѣверо-западу отъ храма. 4) Третья стѣна окружала новоотстроенный городъ съ сѣвера. Это описаніе дополняется слѣдующимъ мѣстомъ (Древн. XIX. 7, 2): „Агриппа на общественный счетъ укрѣпилъ стѣны Іерусалима, которыя были расположены противъ новаго города, частями увеличивая ихъ, частями возвышая“. Флавій здѣсь говоритъ, что намѣстникъ Марсъ помѣшалъ Агриппѣ въ завершеніи своихъ сооруженій. Это собственно должно указывать на то, что до начинанія Агриппы новый городъ былъ окруженъ чѣмъ-то въ родѣ стѣны, которая, однако, не была ни высока, ни широка. Флавій сообщаетъ этотъ фактъ въ „Древн.“, въ которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе подтверждать свои прежнія указанія, потому что позже ему представлялись лучшіе источники или болѣе вѣрныя свѣдѣнія. Онъ такимъ образомъ подтверждаетъ свое сообщеніе въ „Іуд. войн.“, что новопристроенный городъ до Агриппы былъ совершенно беззащитенъ. И вотъ мы имѣемъ свидѣтельство, что новая часть города раньше уже была окружена стѣной, правда, узкою, низкою и недостаточною для обороны.

Сопоставленіе всего указаннаго даетъ возможность набросить слѣдующую картину возникновенія и положенія новой части города. Существовалъ

холмъ по имени Бецета, который вышиной переходилъ всѣ высокіе пункты въ Іерусалимѣ. Онъ лежалъ напротивъ Антоніи (прежней Барисъ), т. е. къ сѣверо-западу отъ храма. Когда народонаселеніе въ Іерусалимѣ увеличилось и не хватало больше мѣста внутри старой стѣны, то мѣстность къ сѣверу отъ храма стала постепенно покрываться жилищами, и затѣмъ эта часть была присоединена къ городу; но присоединить къ городу—значитъ окружить одной оградой. Это выраженіе обозначаетъ то самое, что Флавій въ другомъ мѣстѣ выражаетъ категорически, а именно, что эта новая часть города еще до Агриппы была окружена своего рода стѣной. Эта часть города была расположена подъ холмомъ Бецетой. Эта новоотстроенная часть также съ теченіемъ времени стала недостаточной; скоро самъ холмъ Бецета также покрылся жилищами. Это значитъ, что сначала были отстроены низкія расположенныя части къ сѣверу отъ храма, потому что холмистая часть храма была слишкомъ неудобна для жилищъ, но нужда заставила застроить и эту мѣстность. Когда и она была отстроена, получились два квартала: болѣе древній, низко расположенный новый городъ, и другой, выше расположенный, ново-отстроенный холмъ Бецета. Кажется, что вся эта часть безъ различія называлась новымъ городомъ и только; если желали точнѣе опредѣлить мѣстность, ниже-расположенную часть называли новымъ городомъ, а выше расположенную—Бецетой. Флавій самъ разсказываетъ, что Цестій сжегъ Бецету и новый городъ. Въ другомъ мѣстѣ Флавій обѣ части называетъ сѣверными кварталами города, которые Титъ, какъ и Цестій, велѣлъ разрушить по взятіи третьей стѣны.

Евангелисты совершенно вѣрно указываютъ расположенія обѣихъ мѣстностей *Бетъ-Фаге и Виѳаніи*, именно около Масличной горы. Правда, также подъ Масличной горой подразумѣвали только растянутый хребетъ на востокѣ Іерусалима по ту сторону долины Кедрона; нужно было искать какое-нибудь мѣсто для упомянутыхъ деревень въ этомъ направленіи и сдѣлать невѣроятное допущеніе, будто Іисусъ и другіе паломники ежедневно совершали одинъ и тотъ же затруднительный путь изъ Виѳаніи и Бетъ-Фаге на вершинахъ Масличной горы или даже еще далѣе съ востока, сначала внизъ по долинѣ, затѣмъ къ городу, а ночью совершали затруднительное путешествіе обратно. Это хотя разъ посѣтилъ эту мѣстность пойметъ, что ежедневное восхожденіе на Масличную гору не представляетъ пріятной прогулки. Но мы нашли, что склонъ на сѣверо-западѣ Іерусалима, гдѣ былъ расположенъ холмъ Бецета, также назывался Масличной горой. Если обѣ деревни лежали въ этомъ направленіи, то путь оттуда къ сѣвернымъ предмѣстьямъ и обратно не былъ особенно далекъ и затруднителенъ. Значитъ, нужно оставить планъ, по которому Виѳанія и Бетъ-Фаге были расположены на востокѣ отъ Іерусалима и на большомъ разстояніи отъ него.

Къ тому же результату приводитъ и другое свидѣтельство. Мы нашли, что въ Виѳаніи были рынки; рынки же служатъ для того, чтобы заманивать покупателей, и должны быть расположены такъ, чтобы доступъ къ нимъ не представлялъ неудобствъ. Существуетъ талмудическое указаніе, что на Масличной горѣ стояли два кедра, подъ которыми были выстроены рынки. Подъ однимъ изъ этихъ кедровъ находилось четыре помѣщенія для продажи жертвенныхъ животныхъ. И въ одномъ изъ этихъ помѣщеній продавались голуби для жертвоприношеній въ храмѣ. Значитъ, на Масличной горѣ существовалъ рынокъ или лавки. Развѣ можно предположить, что желавшіе купить что-нибудь вздумали совершать затруднительный путь на Масличную гору на востокѣ? Значитъ, эти кедры и рынки могли существовать только на сѣверо-востокѣ Іерусалима, около Виѳаніи или въ ней самой. Въ Бецетѣ и въ новомъ городѣ также былъ рынокъ, гдѣ продавалась шерсть, металлическіе сосуды и платье. Если въ Мишнѣ говорится о рынкѣ торговцевъ шерстяными матеріями и голубями въ Іерусалимѣ, то подъ этимъ подразумѣвается предмѣстье Іерусалима. Внутреннія части города, верхній и нижній городъ, представляли кварталы, гдѣ жили благородныя семейства и богачи. Здѣсь были расположены дворцы, ратуша, архивъ и пр. На узкихъ улицахъ города жили, напротивъ, ремесленники и торговцы. Далѣе, къ сѣверу, лежали рынки для птицъ и скота, удовлетворявшіе потребностямъ жертвоприношенія. Значитъ, рынки деревни Виѳаніи должны были быть расположены на сѣверѣ внѣ предѣловъ Бецеты; тамъ свободнаго мѣста хватало на цѣлыя стада скота, который, особенно во времена праздниковъ, предназначался въ продажу.

Мы можемъ принять за достовѣрное слѣдующіе выводы: предмѣстье Бецета состояло изъ двухъ кварталовъ—новаго города, расположеннаго у подножія высокаго холма Бецеты и застроеннаго раньше, и собственно Бецеты, расположенной на холмѣ. Оба они лежали въ мѣстности, расположенной къ сѣверу отъ храма—новый городъ болѣе къ востоку, а Бецета болѣе на западъ. Послѣднее предмѣстье было окружено стѣной только Агриппой I, но подозрительный римскій дворъ не далъ закончить ее. Между тѣмъ ограда эта должна была быть все-таки законченной. Оба предмѣстья занимали довольно значительное пространство, около шести стадій; оба они въ послѣднее время составляли часть Іерусалима и считались священными, хотя и не въ одинаковой степени. Новый городъ былъ въ этомъ отношеніи сравнимъ съ старымъ городомъ; на Бецету же жители остальныхъ частей не смотрѣли, какъ на священный кварталъ. Мѣста для погребенія или пещерныя могилы не могли быть помѣщены ни въ одномъ изъ нихъ, потому что въ такомъ случаѣ міряне не могли вкушать тамъ отъ пожертвованнаго. Отсюда слѣдуетъ, что Голгоѳа или могила, въ которой былъ погребенъ Іисусъ, лежала далеко за этими предмѣстьями. Мѣстность, въ которой лежали оба предмѣстья, называлась Масличной горой. Такъ называлась даже мѣстность, лежавшая за предѣлами ихъ. Здѣсь были расположены деревни или предмѣстья *Бетъ-Фаге* и *Виѳанія* (Бетъ-Гине); лежали онѣ къ сѣверу отъ Безеты. Сѣверная стѣна, окружавшая новый кварталъ города, проходила мимо Бетъ-Фаге. Въ Виѳаніи были рынки, гдѣ обыкновенно покупали жертвенныхъ животныхъ. Здѣсь синедріонъ, желая освободиться отъ своихъ законодательныхъ функцій, расположился одно время, приблизительно за сорокъ лѣтъ до разрушенія храма, въ одномъ изъ рынковъ Виѳаніи.

Если число 40 и не вѣрно исторически, то самъ фактъ выселенія Синедріона не подлежитъ никакому сомнѣнію. Это преданіе совпадаетъ, должно быть, съ другимъ сообщеніемъ въ Іерушалмѣ (Синедринъ I начало VII стр. 24 b.) будто еще до 40 г., считая отъ разрушенія храма назадъ, у еврейскаго народа было отнято право налагать тяжкія наказанія. Если бы это „до“ могло бы продолжаться до сверженія съ престола Архелая и до начала управленія прокураторовъ, то свѣдѣніе это можно было бы считать достовѣрнымъ, ибо въ полномочія управителей входило также право налагать тяжкія наказанія (Іуд. войны II. 8. 1). Церковныя преданія объ аппеляціи къ Пилату еврейскаго суда въ процессѣ Іисуса и о сдачѣ на руки римскому офицеру Павла, равно и сообщеніе

Флавія, будто фарисеи жаловались управителю Альбину на злоупотребленіе саддукейскаго первосвященника Анана своимъ правомъ налагать тяжкія наказанія, могли бы подтвердить это. Но во время Агриппы I это право должно было бы быть опять возстановлено in integrum,и только послѣ смерти его надзоръ надъ правосудіемъ опять перешелъ въ руки управителей второго ряда. Право наложенія тяжкихъ наказаній не принадлежало больше великому синедріону. Всякій болѣе значительный городъ получилъ вмѣсто этого судилище изъ 23 членовъ (Синедринъ I, Тосефотъ задаетъ этотъ вопросъ и оставляетъ его безъ отвѣта), но въ самомъ Іерусалимѣ все-таки, кажется, великій синедріонъ служилъ также и судебной уголовной инстанціей. Какъ кажется, онъ и во времена управителей пользовался правомъ назначенія тяжкихъ наказаній, только смертные приговоры должны были идти на утвержденіе къ управителямъ. Это слѣдуетъ уже изъ того обстоятельства, что саддукейскій первосвященникъ Ананъ обвинялся не въ томъ, что онъ выносилъ смертные приговоры вообще, но въ томъ, что онъ приводилъ ихъ въ исполненіе, безъ разрѣшенія управителей. Можно все-таки сохранить выясненіе вавилонскимъ Талмудомъ причинъ выселенія, какъ слѣдствіе частыхъ убійствъ, и нежеланія судить обвиняемыхъ. Существуютъ категорическія указанія, что съ выступленіемъ предводителя сикарійцевъ Элеазара б. Диная и его товарища, были отмѣнены искупительныя жертвы за убійства, виновники которыхъ не были узнаны (Sota IX. 9) Онъ выступилъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти. Агриппы I. Считается, что съ этого времени началась деморализація народа въ высшихъ его слояхъ, слѣдствіемъ чего прекратились проявленія знаковъ милости божьей. Слѣдовательно, можно согласиться съ тѣмъ, что къ этому времени самъ синедріонъ прекратилъ свои функціи, не желая разбирать дѣлъ объ убійствахъ.

Но это положеніе продолжалось только до начала революціи, ибо съ того времени, которое на монетахъ обозначено „временемъ избавленія Израиля“, все это было опять возстановлено—синедріонъ снова пользовался правомъ налагать тяжкія наказанія и по закону наказалъ смертью черезъ сожженіе развратную дочь одного Аронида (Синедр. VII. 2 отсюда слѣдуетъ, что это случилось послѣ революціи) Тогда-то, должно быть, синедріонъ покинулъ рынки Виѳаніи. Во главѣ его стоялъ Симонъ б. Гамаліилъ I, который игралъ извѣстную роль во время революціи и войны.

18.

Пребываніе адіабенской царицы въ Іерусалимѣ.

Обращеніе адіабенской царицы *Елены*, или вѣрнѣе, ея путешествіе въ Іерусалимъ и пребываніе тамъ, до сихъ поръ хронологически не установлены съ точностью. Тѣмъ не менѣе, событіе это даетъ возможность установить хронологически другіе факты, относящіеся къ еврейской исторіи и къ новозавѣтному періоду. Н. Брюлль, правда, произвелъ самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдованіе данныхъ объ адіабенскомъ царскомъ родѣ, но какъ разъ такого существеннаго пункта, какъ путешествіе Елены въ Іерусалимъ, онъ не касался. Къ тому же онъ въ отношеніи хронологіи исходилъ изъ недоказанныхъ положеній. Такъ онъ принялъ и положилъ въ основу своего .разсчета сообщеніе Флавія, будто адіабенскій царь властвовалъ 24 года, но обстоятельство это является подозрительнымъ уже по самому своему существу. Нумизматическіе выводы его, которыми онъ пользовался для установленія хронологіи адіабенцевъ. не настолько критически провѣрены, чтобы ихъ можно было принять за исходные моменты. Англичанинъ *Линдей* пытался по надписямъ на парѳянскихъ монетахъ установить исторію парѳянъ, или вѣрнѣе двѣнадцати парѳянскихъ царей, но *Эгли* справедливо замѣчаетъ, что Линдей слишкомъ много полагается на выводы *Ломпперье*, а они ни въ коемъ случаѣ не отличаются критической достовѣрностью. Зачастую хронологическіе моменты устанавливаются отрицательнымъ путемъ, какъ, напримѣръ, соображеніемъ, что тотъ или иной парѳянскій царь не могъ жить въ такое то время, ибо отъ него не сохранилось монетъ чеканки того времени. Случайныя открытія легко могли бы поколебать хронологическіе выводы,—значитъ, по однимъ указаніямъ нумизматики нельзя установить исторію адіабенскаго царскаго рода. Приходится, конечно, пользоваться менѣе сомнительными источниками. Въ распоряженіи Флавія были надежныя свѣдѣнія объ исторіи адіабенскихъ прозелитовъ, доставленныя ему, вѣроятно, родственниками царя Монабоза, которые въ Іерусалимѣ во время войны съ римлянами храбро сражались съ врагами и, какъ плѣнники, встрѣчались съ нимъ въ Римѣ. Впрочемъ, его сообщеніе, будто Изатъ царствовалъ 24 г. и оставилъ 24 сыновей и столько же дочерей, немного стоитъ, хотя онъ, быть можетъ, почерпнулъ его изъ того же источника. Цифра 24 дѣлаетъ его подозрительнымъ, но другія сообщенія его же, касающіяся адіабенской еврейской исторіи, разъ достовѣрность ихъ критически не оспаривается, можно считать исторически вѣрными и цѣнными для изслѣдованія.

Флавій въ двухъ мѣстахъ говоритъ, что во время пребыванія царицы Елены въ Іерусалимѣ господствовалъ страшный голодъ, унесшій въ могилу многихъ жителей. Въ одномъ изъ этихъ мѣстъ онъ, безъ всякихъ хронологическихъ указаній, передаетъ, что царица отправила своихъ людей частью въ Александрію для закупки ржи, частью въ Кипръ для закупки фиников. Въ другомъ мѣстѣ онъ указываетъ время, хотя и не опредѣленно, но съ приведеніемъ правильнаго основанія: онъ именно говоритъ, что во время управленія Тиверія Александра въ Іудеѣ былъ страшный голодъ, и Елена велѣла закупить въ Египтѣ хлѣбъ для раздачи. Этотъ хронологическій моментъ можно болѣе или менѣе установить благодаря указанію Флавія на то, что преемникомъ Тиверія Александра былъ Куманъ, а Иродъ II умеръ на восьмомъ году царствованія Клавдія, т. е. между 31 января 48 года и 30 января 49 г. Судя по этому, голодъ въ Іудеѣ можно отнести къ 46—48 г., когда Елена находилась уже въ Іерусалимѣ. Но это время можно установить еще точнѣе другимъ путемъ.

Въ третьемъ мѣстѣ Флавій говоритъ о томъ же голодѣ и приблизительно указываетъ время, не упоминая при этомъ о благотворительности царицы; „не задолго до этой войны (съ римлянами) въ управленіе Клавдія, когда у насъ Измаилъ былъ первосвященникомъ, и голодъ охватилъ нашу землю“ и т. д. Въ этомъ указаніи на первый взглядъ кроется хронологическое противорѣчіе, ибо первосвященникъ Измаилъ, какъ передаетъ Флавій, получилъ свой санъ отъ Агриппы II въ царствованіе Нерона и въ управленіе Феликса около 59—60 г. Правда, существовалъ еще одинъ первосвященникъ по имени Измаилъ и съ прозвищемъ Фіаби или Фаби, но, очевидно, не о немъ здѣсь идетъ рѣчь, ибо онъ, по крайней мѣрѣ, за 30 лѣтъ до этого, въ началѣ царствованія Тиверія

исполнялъ свою обязанность. Это противорѣчіе, однако, легко устранимо, ибо Измаилъ I дважды былъ первосвященникомъ.

Установлено, значитъ, что въ 43 г., въ бытность Измаила первосвященникомъ, Елена была уже въ Іерусалимѣ. Но въ которомъ году она попала туда? Когда,собственно, послѣдовало обращеніе адіабенскаго царскаго дома? Флавій относитъ ихъ исторію ко времени управленія Фада въ 44—45 г. Н. Брюлль относитъ восшествіе Изата на престолъ къ 35 г. ибо онъ считаетъ достовѣрнымъ 24-лѣтній срокъ его управленія и относитъ смерть его къ 10 г. Между тѣмъ, какъ это уже было указано, упомянутое число подлежитъ сомнѣнію. Достовѣрно только то, что Изатъ уже въ 48 г. былъ царемъ, такъ какъ парѳянскій царь *Артабанъ*, вслѣдствіе интригъ при своемъ дворѣ, бѣжалъ къ Изату и, согласно сохранившимся надписямъ, умеръ уже въ 41 году. Въ 43 г. царствовалъ *Варданъ*, послѣ того, какъ онъ помирился предварительно съ своимъ братомъ Готарзомъ. Этотъ Варданъ, отправляясь на завоеваніе Арменіи, стоявшей подъ защитой римлянъ, предлагалъ Изату вмѣстѣ съ нимъ напасть на римлянъ, но послѣдній отказался участвовать въ этомъ дѣлѣ. Онъ ссылался на то, что его мать съ пятью несовершеннолѣтними сыновьями пребываетъ въ Іерусалимѣ и что опасно ему, поэтому, связываться съ римлянами въ то время, какъ его родственники живутъ въ подвластной римлянамъ странѣ. Тацитъ разсказываетъ, что Варданъ напалъ бы на Арменію, если бы его не удерживалъ легатъ Вибій Марсъ, угрожавшій ему войной. Марсъ въ 42—44 г. былъ легатомъ въ Сиріи, ибо сейчасъ послѣ смерти Агриппы I Клавдій устранилъ его отъ управленія Сиріей изъ уваженія къ памяти покойнаго еврейскаго царя, который часто просилъ объ отозваніи его врага Марса. Предполагавшееся нападеніе Вардана на Арменію и предложеніе Изату помогать ему относится, значитъ, только ко времени намѣстничества Марса въ Сиріи, т. е. къ 42—44 г. или вѣрнѣе, 43—44 г., ибо Варданъ только въ 49 г. помирился съ братомъ своимъ Готарзомъ и сталъ неоспоримымъ властителемъ Парѳіи. Значитъ, уже тогда Елена со своими 5-ю внуками была въ Іерусалимѣ. Отсюда слѣдуетъ, что въ Іерусалимъ она прибыла не позже 43 года. Война между Изатомъ, арабскимъ царемъ Абіей и парѳянскимъ царемъ Вологезомъ началась, во всякомъ случаѣ, только послѣ поѣздки Елены въ Іерусалимъ. Въ Мишнѣ (Назиръ III.6) указано, будто Елена дала обѣщаніе семь лѣтъ соблюдать назирейскій обѣтъ, если сынъ ея благополучно возвратится съ войны, а послѣ счастливаго исхода войны она сдержала обѣщаніе и по истеченіи семи лѣтъ отправилась въ Палестину. Но указаніе это ни въ коемъ случаѣ не можетъ относиться къ данной войнѣ, если преданіе, вообще, со всѣми его подробностями, достовѣрно, ибо цифры дѣлаютъ его сомнительнымъ. Талмудическія преданія приписываютъ ей сыновей, между тѣмъ, какъ Флавію извѣстно только о 5-ти внукахъ и къ тому же еще несовершеннолѣтнихъ. Другіе источники говорятъ даже о семи ученыхъ сыновьяхъ. Этого преданія, значитъ, совсѣмъ нельзя принять въ разсчетъ для установленія хронологіи. Значитъ, мы можемъ принять за достовѣрное, что въ 43 г. Елена была уже въ Іерусалимѣ и что она находилась тамъ и во время свирѣпствовавшаго въ 48 г. голода. Слѣдуетъ вообще отмѣтить, что Елена оставалась въ Іерусалимѣ до смерти Изата и, судя по этому, жила еще во времена Агриппы I.

19.

Политическій зелотизмъ школы Шамая.

Раздѣляемое многими мнѣніе, будто шамаиты были зелотами, не принадлежитъ, правда, къ числу тѣхъ истинъ, которыя можно подтвердить опредѣленными и точными ссылками, тѣмъ не менѣе, оно является болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ нѣкоторыя предположенія, основанныя на буквальномъ смыслѣ какого-нибудь легендарнаго указанія. Поддерживая поэтому оспариваемое положеніе, вполнѣ соотвѣтствующее, на мой взглядъ, всѣмъ талмудическимъ преданіямъ о родѣ Шамая, постараюсь привести доказательства, которыя, какъ полагаю, покажутся убѣдительнымъ всякому, умѣющему читать въ историческихъ источникахъ между строкъ.

1) Зелоты Іуда б.-Ципори и Матѳій б.-Марголъ, или Маргалотъ, которые въ своихъ школахъ подстрекали молодежь противъ римскаго орла, помѣщеннаго на фронтонѣ храма, были фарисеями, толкователями закона (Древн. XVII. 6, 2—4; Іуд. в. I. 33, 2-3).Принадлежали ли они къ гилелитамъ, къ тѣмъ проповѣдникамъ мира, которые равнодушно выслушивали личныя и политическія оскорбленія, или же къ отчаяннымъ шамаитамъ, всякими насильственными мѣрами,проводившими въ жизнь свои взгляды? Или, быть можетъ, допустить существованіе третьяго разряда фарисеевъ, чтобы только не стать на реальную почву при разсмотрѣніи историческихъ обстоятельствъ? Даже въ словахъ Флавія, упоминающаго, что оба агитатора-фарисея чрезвычайно строго относились къ исполненію праотцовскихъ завѣтовъ (Іуд. войны I с.), можно узнать шамаитовъ. Шамаиты были большею частью отягчавшими законъ ригористами. Къ числу ихъ принадлежатъ и эти агитаторы.

2) Зелотское направленіе части фарисеевъ еще болѣе опредѣленно выясняется изъ одного сообщенія Флавія, значенія котораго онъ самъ не понималъ. Флавій передаетъ слѣдующее: Иродъ, который весь народъ заставилъ поклясться въ вѣрности и жестоко наказывалъ сопротивлявшихся, изъ уваженія къ Полліону, не наказалъ такъ сурово, какъ остальныхъ, Полліона и Самеаса и большинство ихъ приверженцевъ за ихъ отказъ дать клятву. (Древн. XV. 10, 4). Въ другомъ мѣстѣ. (тамъ же XVII. 2—4) онъ сообщаетъ, что болѣе 6000 фарисеевъ, отказавшихся принести клятву, были наказаны денежными штрафами. Эти денежные штрафы уплатила за нихъ сочувствовавшая имъ жена Ферора. Въ началѣ этого разсказа Флавій отмѣчаетъ, что эти 6000 фарисеевъ составляли особый классъ, чрезвычайно строго соблюдавшій отцовскіе законы. Уже по этому описанію можно узнать тотъ особый классъ фарисеевъ, который еще болѣе щепетильно относился къ закону. Зелотское ихъ направленіе ярко рисуется въ слѣдующихъ словахъ: „они называются фарисеями, они какъ только могли противодѣйствовали царямъ; они изъ-за угла и открыто рѣшили вести съ ними войну и вредить имъ“. (т. е. царямъ и императорамъ). Это означаетъ ни что иное, какъ то, что часть фарисеевъ, тогда около 6000, были зелотами, оказывали серьезное сопротивленіе царямъ и императорамъ, отказывалась присягать Ироду и были за это подвергнуты наказанію. То, что Флавій разсказываетъ еще о фарисеяхъ, можетъ относиться только къ шамаитамъ. Стоявшія близко ко двору женщины симпатизировали имъ; къ ихъ числу принадлежали жена и теща Ферора. Эти женщины симпатизировали имъ, потому что вѣрили, что они, вслѣдствіе своей строгой набожности, пользовались

расположеніемъ Бога и могли предсказывать будущее. Нѣкоторые изъ этихъ фарисеевъ разсказали женѣ Ферора небылицу, будто Иродъ и его потомки погибнутъ, а власть перейдетъ къ ней и ея дѣтямъ. Вотъ почему она изъ своихъ средствъ уплатила наложенные на нихъ штрафы. Они заводили, интриги также и съ другими придворными. Евнуху Багоасу, любимцу Ирода, они обѣщали мужскую силу, дѣтей и царство. Правда, не всѣ 6000 фарисеевъ занимались плутнями; виновными оказались лишь немногіе, которые и были казнены Иродомъ. Но и продѣлки послѣднихъ объясняются главнымъ образомъ ихъ лютой ненавистью къ Ироду, т. е. побужденіями политическаго зелотизма.

Насколько мы знакомы со школой Гилела и ея ученіями, мы приходимъ къ безошибочному заключенію, что послѣдователи ея ни въ коемъ случаѣ не могли затѣять такую недостойную игру,—слѣдовательно, въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ только о приверженцахъ Шамая.

3) Въ числѣ основателей партіи зелотовъ Флавій называетъ фарисея Саддука (Др. XVIII. 1, 1), который вмѣстѣ съ *Іудой Гавланитомъ* или галилеяниномъ изъ Гамалы удерживалъ народъ отъ уплаты налоговъ.

4) Флавій разсказываетъ о зелотахъ, будто они строже всѣхъ соблюдали святость субботы, между тѣмъ они сражались по субботамъ и въ субботу же неистовымъ натискомъ заставили отступить войска Цестія (Іуд. в. II. 19, 2) Какая школа ввела строгіе законы, касающіеся субботы? Шамаиты! Ср. первый отдѣлъ трактата Sabbat. Строгость ихъ доходила до того, что они не позволяли давать пожертвованія по субботамъ даже при обрученіи сиротъ и запрещали произносить молитвы за выздоровленіе больного.

5) Нужно сказать еще нѣсколько словъ относительно веденія войны въ субботу. По Флавію (Древн. XIV. 4, 2) и Діону Кассію (37, 16) Помпей смогъ такъ легко взять Іерусалимъ, потому что осажденные по субботнимъ днямъ не защищались. Казуистическое толкованіе, будто въ субботу разрѣшается оборона, все же другое запрещается, которымъ Флавій пытается объяснить поведеніе осажденныхъ, кажется вымышленнымъ. Царь Агриппа II, среди причинъ добровольнаго подчиненія Іудеи Риму, указываетъ также на то, что евреи не были бы въ состояніи энергично вести войну съ римлянами, такъ какъ они, строго соблюдая субботу, не могли бы даже прикасаться къ оружію, какъ это съ ними уже случилось во времена Помпея (Іуд. в. II. 16, 4). Такъ мало еще тогда знали о разрѣшеніи воевать по субботамъ.

Только зелоты покончили съ этой щепетильностью и, не задумываясь, сражались по субботамъ, какъ и въ будніе дни, Поступали же они такъ потому, что по шамаитскимъ правиламъ считали разрѣшенными всякаго рода сраженія, какъ наступательныя, такъ и оборонительныя. Это обстоятельство можетъ подтвердить шамаизмъ зелотовъ или зелотизмъ шамаитовъ. Но если въ первой книгѣ Маккавеевъ сказано (2, 41), что *Матѳій* и его друзья рѣшили сражаться по субботамъ, то это рѣшеніе относится только къ крайнимъ случаямъ самозащиты.

Зелотизмъ шамаитовъ или то, что послѣдніе изъ ненависти къ иродіанцамъ и римлянамъ примкнули къ религіознымъ патріотамъ, можно считать достаточно доказаннымъ на основаніи приведенныхъ данныхъ.

20.

Филонъ и его сочиненія.

Изъ біографіи Филона, этой владѣтельной особы, намъ едва ли извѣстно самое необходимое. Хронологически годы его рожденія и смерти не могутъ быть установлены даже по его сочиненіямъ, ибо только одно изъ нихъ Legatio ad Cajum представляетъ для этого нѣкоторое, хотя и недостаточное, указаніе, но и это сочиненіе не отличается должной обоснованностью, какъ и многія другія произведенія, послужившія не совсѣмъ серьезнымъ критикамъ матеріаломъ для опредѣленія развитія Филонова духа и его авторской дѣятельности. Достовѣрность вращающихся подъ именемъ Филона сочиненій до сихъ поръ еще недостаточно изслѣдована. Ограничимся, поэтому, нѣкоторыми краткими свѣдѣніями.

Къ Opera omnia Филона въ настоящее время относятъ, кромѣ давно извѣстныхъ, различныя сочиненія, розысканныя только къ началу настоящаго столѣтія.

1) Маленькій очеркъ de Festo Cophini.

2) Нѣсколько большій очеркъ de parentibus colendis. Оба изданы впервые Ангеломъ Майо въ 1818 г.

3) Состоящее изъ немногихъ главъ сочиненіе de Deo или de tribus angelis Abraamo apparentibus.

4) Два тома de providentia.

5) de animalibus или de ratione quam habere etiam bruta animalia dicebat Alexander.

6) Quaestiones et solutiones, а именно:

a) 4 книги Quaestiones in Genesin и

b) 2 книги in Exodum

7) Рѣчь или проповѣдь о Симонѣ, Oratio in Sampson sine praeparatione.

8) Проповѣдь о Іонѣ, Philonis de Jona.

21.

Поведеніе гилелитовъ во время войны съ римлянами.

Шамаиты, вѣрные своему ученію, вели себя во всемъ подобно зелотамъ. Относительно ихъ теоретическихъ противниковъ, приверженцевъ школы Гилела, можно смѣло сказать, что они не стояли за насильственныя мѣры и вооруженный отпоръ, хотя не менѣе другихъ испытывали тяжесть римскаго ига. Историческія данныя доказываютъ, что гилелиты, слѣдуя принципамъ своего учителя, считали основаніемъ своей жизни миръ, спокойствіе и порядокъ. Эти данныя указываютъ, что гилелиты были противъ рѣшенія отложиться, и что нѣкоторые изъ нихъ даже поплатились за это жизнью. Причина ихъ антипатіи къ этому рѣшенію не указана. Сцена въ храмѣ передъ воротами Никанора, когда шла рѣчь о введеніи жертвоприношенія въ честь императора, поможетъ намъ выяснить разницу между обѣими школами. По совѣту Элеазара, служившіе священники сдѣлали первый шагъ къ революціи. Тогда выступили законники изъ среды фарисеевъ, указали на опасность этого шага, назвали его на-

рушеніемъ законовъ и обращали вниманіе на то, что издревле принимались жертвы и дары на храмъ (Іуд. в. II 17. 3). Въ этихъ увѣщаніяхъ законниковъ слышатся мирные напѣвы гилелитовъ. Къ числу выдающихся фарисеевъ, высказавшихся противъ отложенія, навѣрное принадлежалъ *Іохананъ б.-Закай,* а онъ былъ *гилелитъ*. Посмотримъ же, какъ представитель гилелитовъ велъ себя во время этой войны. Агадическій комментарій Abot di Rabi Natan сохранилъ для насъ весьма цѣнный отрывокъ, который мы можемъ считать безусловно достовѣрнымъ. Когда Веспасіанъ приблизился къ Іерусалиму, раби Іохананъ обратился къ учителямъ Іерусалима со слѣдующими словами: „почему вы не хотите разрушить этотъ городъ и сжечь храмъ? Вѣдь врагъ требуетъ отъ васъ только одной стрѣлы или копья и склоненъ прекратить осаду". Они отвѣтили: „мы побѣдимъ его такъ же, какъ и его предшественниковъ". Но Веспасіанъ имѣлъ своихъ людей на стѣнахъ Іерусалима, которые давали ему знать о каждомъ происшествіи, описывали его, вкладывали письма въ стрѣлу и бросали черезъ стѣну. Между прочимъ, они донесли Веспасіану, что раби Іохананъ принадлежитъ къ сторонникамъ императора, что онъ воодушевленъ мирными побужденіями и что въ этомъ духѣ онъ и бесѣдуетъ съ жителями Іерусалима. Нечего говорить, что въ словахъ р. Іоханана слышится эхо рѣчей Агриппы и Флавія.

Еврейское имя *воинствующихъ зелотовъ* (קנאים) встрѣчается только въ упомянутомъ отрывкѣ. Такимъ образомъ, мы обязаны Abot di Rabi Natan двумя интересными отрывками, касающимися войны съ римлянами, тѣмъ болѣе цѣнными, что сообщенія Флавія объ этой эпохѣ, какъ всѣмъ извѣстно, далеко небезпристрастны. Флавій не обмолвился ни однимъ словомъ о предателяхъ въ Іерусалимѣ, которые сообщали римскому полководцу все происходившее въ осажденной столицѣ.

Іохананъ б.-Закай, *вождь гилелитовъ,* принадлежалъ, очевидно, къ сторонникамъ мира, какъ и всѣ послѣдователи этой школы.

22.

Своеобразная перепись во время существованія второго храма.

Талмудическая литература передаетъ, и это подтверждаетъ также Флавій, что однажды въ Іерусалимѣ была назначена перепись путемъ подсчета ягнятъ, какъ пасхальныхъ жертвъ. Причина, вызвавшая эту перепись, насколько мнѣ извѣстна, еще не была изслѣдована. Между тѣмъ изслѣдованіе это могло бы дать интересные результаты. Въ Талмудѣ (Pesachim. стр. 64. 6.) говорится: „никогда еще въ Іерусалимѣ во время пасхальнаго жертвоприношенія не было задавлено ни одного человѣка; одинъ только разъ, во времена *Гилела*, это случилось съ какимъ-то старцемъ, и поэтому эта Пасха была названа *Пасхой давки*"! Непосредственно послѣ этого передается слѣдующее: „царь Агриппа однажды пожелалъ узнать число сыновъ Израиля и велѣлъ первосвященнику въ день пасхальнаго жертвоприношенія потребовать для себя отъ каждаго пасхальнаго ягненка по ножкѣ. Оказалось всего 60 міріадъ паръ ножекъ, и въ каждой пасхальной жертвѣ принимало участіе, по крайней мѣрѣ, 10 человѣкъ, не говоря о нечистыхъ и отсутствовавшихъ. Эта Пасха также получила особое

имя". Преданіе это извлечено изъ Тосефты (Pesachim IV). Здѣсь встрѣчаются еще нѣсколько варіантовъ. Агриппа поручилъ произвести перепись посредствомъ ножекъ пасхальныхъ жертвъ не первосвященнику, а священникамъ. Подъ конецъ тамъ говорится: „храмовая гора не могла вмѣстить такой массы народа, и Пасха эта была названа Пасхой давки". То же самое сообщеніе встрѣчается и въ Midrasch'ѣ къ Трени (въ началѣ сейчасъ послѣ введенія) безъ указанія имени. Послѣ этого приводится то же извѣстіе объ удавленіи старца на Пасху, какъ и вышеприведенное въ Талмудѣ, но безъ добавленія, будто оно произошло во времена Гилела.

Сообщенія Флавія (Іуд. войны VI, 9, 3) служатъ подтвержденіемъ какъ факта назначенія переписи, такъ и повода для производства таковой. Флавій разсказываетъ слѣдующее: „римскій легатъ въ Сиріи рѣшился однажды представить императору Нерону, относившемуся съ презрѣніемъ къ еврейскому народу, какъ къ крайне малочисленному, свѣдѣнія о точномъ количествѣ еврейскаго народонаселенія и попросилъ священниковъ пересчитать народъ, если это только окажется удобнымъ. Во время предстоявшаго праздника Пасхи было принесено въ жертву 25 міріадъ (или 27 міріадъ) и еще 6500 жертвъ, и на каждаго принесеннаго въ жертву ягненка приходилось не менѣе 10 человѣкъ. Исчисленіе дало, слѣдовательно, цифру въ 2.700.000 человѣкъ, за исключеніемъ нечистыхъ, которые не имѣли права участвовать въ жертвоприношеніяхъ". Такимъ образомъ, оказывается, что легатъ Цестій Галлъ назначилъ переписку. Это сообщеніе ничуть не противорѣчитъ указаніямъ талмудическаго источника, по которымъ иниціатива переписи приписывается Агриппѣ. И дѣйствительно, самъ легатъ едва-ли вступилъ въ непосредственныя сношенія со священниками и, надо полагать, передалъ имъ это порученіе при посредствѣ царя Агриппы II.

Если мы тщательно разсмотримъ сообщеніе Флавія, то придемъ къ слѣдующему существенному выводу. Цестій пожелалъ результатами переписи убѣдить императора Нерона въ томъ, что еврейскій народъ далеко не такъ достоинъ презрѣнія по своей малочисленности, какъ это ему представляли его придворные. Онъ, значитъ, хотѣлъ подтвердить фактами, что Іудея въ состояніи выставить значительное число мужчинъ и что вслѣдствіе этого ее не слѣдуетъ раздражать. Чтобы добиться такого результата, нужно было позаботиться о томъ, чтобы къ предстоявшей Пасхѣ, къ которой пріурочена была перепись, принимало участіе въ жертвоприношеніяхъ какъ можно больше людей. Должно быть, самъ Цестій Галлъ, царь Агриппа, священники и всѣ прочіе представители власти принимали мѣры къ привлеченію на праздникъ огромной части населенія. Мы, конечно, не сомнѣваемся, что талмудическіе источники и Флавій говорятъ объ одной и той же переписи, произведенной на Пасху.

Изъ этихъ источниковъ (собственно, изъ этихъ двухъ источниковъ, ибо всѣ талмудическіе источники вытекаютъ изъ одного и того же преданія и разсматривать ихъ можно какъ варіанты) видно, что къ пасхальному жертвоприношенію стекалась масса народа, что храмовая гора едва могла ихъ всѣхъ вмѣстить. Само собой рѣчь шла о политической демонстраціи, о томъ, чтобы доказать императору въ Римѣ, что Іудея имѣетъ многочисленное населеніе и что внѣ страны существуетъ много почитателей Іерусалима и храма, которымъ участь святилища не можетъ быть безразлична. Дѣломъ чести, значитъ, вѣр-

нѣе долгомъ, считалось тогда не оставаться вдали отъ этого празднованія и способствовать этимъ спасенію страны и народа. На эту Пасху много евреевъ, по словамъ Флавія, прибыло также изъ-за границы. Отсюда слѣдуетъ, что не во всякомъ празднованіи Пасхи принимало участіе столько народу, какъ въ этомъ, которое должно было быть использовано, какъ политическая демонстрація. Значитъ, можно предположить, что всякій набожный или политически развитой еврей, которому не препятствовала его оскверненность или что-либо иное, принималъ участіе въ упомянутомъ праздновании Пасхи. Вотъ почему тогда была давка, вызвавшая нѣсколько случаевъ удавленія людей, и по этой причинѣ памятный всѣмъ праздникъ былъ названъ Пасхой давки. Собственно по дословному смыслу, выходитъ, что, по крайней мѣрѣ, нѣсколько человѣкъ было удавлено. Сообщеніе, будто одинъ старецъ только погибъ при этомъ, невѣрно.

Такимъ образомъ, устраняется первое цитированное по Талмуду преданіе, будто во время Гилела произведена была подобная перепись. Къ этому тогда не было никакого повода. Одинъ только разъ во времена Цестія Галла и Агриппы происходило празднованіе Пасхи съ такимъ количествомъ участниковъ, ни раньше, ни позже этого. Преданіе о Гилелѣ обязано своимъ происхожденіемъ тому факту, что Гилелъ достигъ своего сана разрѣшеніемъ какого-то вопроса относительно Пасхи, при чемъ онъ долженъ былъ выдержать диспутъ. Вотъ почему источникъ предполагаетъ, что это празднованіе Пасхи привлекло такъ много участниковъ, что оно было названо Пасхой давки. Не нужно далѣе доказывать, что это преданіе недостовѣрно и что Пасха давки относится ко времени Агриппы или Цестія Галла. Благодаря этому, мы можемъ также установить и годъ этой Пасхи и переписи. Именно Флавій разсказываетъ о праздникѣ Пасхи, когда Цестій Галлъ былъ въ Іерусалимѣ, и когда произошла серьезная народная демонстрація. Это свѣдѣніе очень важно для нашей задачи,—вотъ почему мы должны его освѣтить. Флавій разсказываетъ тамъ же (II. 14. 3) о возмутительномъ гнетѣ, проявленномъ послѣднимъ римскимъ прокураторомъ въ Іудеѣ *Гессіемъ Флоромъ*, на страшныя притѣсненія котораго никто не осмѣливался жаловаться его начальнику—намѣстнику Цестію Галлу. Но однажды на праздникѣ Пасхи, когда Цестій Галлъ находился въ Іерусалимѣ, народъ въ количествѣ не менѣе *30 миріадъ* (3.000.000) обратился къ нему съ просьбой сжалиться надъ нимъ и избавить страну отъ такого бича, какъ Гессій Флоръ. Цестій Галлъ обѣщалъ свою помощь въ будущемъ.

Изъ этого сообщенія мы можемъ вывести, что Цестій Галлъ однажды присутствовалъ въ Іерусалимѣ на праздникѣ Пасхи, когда совершалось пасхальное жертвоприношеніе. Это пребываніе легата Сиріи въ еврейской столицѣ рѣзко бросается въ глаза. Обыкновенно только управители ежегодно во время празднованія Пасхи являлись въ Іерусалимъ съ отрядомъ солдатъ изъ Цезареи, чтобы предупреждать безпорядки и подавлять смуты. Но появленіе въ Іерусалимѣ намѣстителя императора, высшаго должностнаго лица во всѣхъ сирійскихъ провинціяхъ, среди которыхъ Іудея занимала далеко не первое мѣсто, представлялось фактомъ необычайнымъ. На этотъ разъ, должно быть, оказались особыя побудительныя причины, по которымъ легатъ Цестій Галлъ прибылъ въ іудейскую столицу. Въ вышеприведенномъ описаніи не сказано, что онъ отправился туда по порученію императора для ознакомленія съ начинавшимся народнымъ броженіемъ и для обузданія смутьяновъ. Напротивъ, мы установили, что Неронъ не придавалъ серьезнаго значенія сопротивленіямъ евреискаго народа и не могъ изъ за этого приказать легату отправиться къ очагу революціи. Но для насъ ясно что побудило Цестія Галла поѣхать въ Іерусалимъ. Онъ отправился туда по собственной иниціативѣ, желая лично ознакомиться съ настроеніемъ жителей и, главнымъ образомъ, собрать точныя свѣдѣнія о численности народонаселенія, чтобы имѣть возможность сдѣлать объ этомъ докладъ императору. Нѣтъ сомнѣнія, что пребываніе Цестія Галла въ Іерусалимѣ во время Пасхи находилось въ тѣсной связи съ переписью помощью пасхальныхъ жертвъ-ягнятъ. 3 милліона людей обступили римскаго легата и стали умолять его, чтобъ онъ освободилъ Іудею отъ ея бича—Гессія Флора. Никоимъ образомъ въ Іерусалимѣ въ обыкновенное время не могло быть такой массы народа. Но эта толпа просителей и состояла изъ явившихся на праздникъ Пасхи лицъ; сюда вошли жители Іерусалима, еврейскихъ городовъ и сосѣднихъ странъ, сирійцы и, быть можетъ, вавилоняне. Цестій Галлъ явился въ Іерусалимъ изъ-за Гессія Флора, который съ неслыханной жестокостью тиранилъ страну и столицу.

Отмѣтимъ, что Флавій относитъ его пребываніе въ Іерусалимѣ къ празднику Пасхѣ года начала революціи, т. е. къ 66 г. Такимъ образомъ, мы получаемъ полную картину положенія вещей въ Іудеѣ прежде чѣмъ народъ взялся за оружіе, чтобы завоевать себѣ свободу или погибнуть.

Уроженецъ Клазомены Гессій Флоръ, достойная Нерона креатура, былъ женатъ на подругѣ императрицы Поппеи; онъ въ теченіе двухъ лѣтъ преслѣдовалъ еврейскій народъ и внушалъ всѣмъ такой страхъ, что никто не отваживался жаловаться на него въ Римѣ императору или въ Антіохіи легату. Терпѣніе народа, наконецъ, лопнуло. Тайно начала образовываться революціонная партія, которая все готова была поставить на карту, чтобы только избавиться отъ римскаго ига. Номинальный царь Агриппа II и сторонники Рима, къ которымъ принадлежали также и правившіе первосвященники, узнавъ о готовящемся во всей странѣ мятежѣ и о желаніи іудеевъ отложиться отъ Рима, сдѣлали или должны были сдѣлать представленіе легату объ удаленіи Гессія Флора, указывая на ожидавшійся, въ противномъ случаѣ, взрывъ. Цестій Галлъ не отважился, однакожъ, отставить безъ дальнѣйшихъ околичностей кровожаднаго управителя, который былъ назначенъ самимъ императоромъ и принадлежалъ къ числу его любимцевъ. Онъ, конечно, описалъ Нерону положеніе вещей въ Іудеѣ въ томъ смыслѣ, что каждую минуту можетъ вспыхнуть возстаніе, если не будетъ отозванъ Гессій Флоръ. Но императоръ слишкомъ ненавидѣлъ іудеевъ и не обратилъ вниманія на всѣ высказанныя легатомъ опасенія. Это и заставило Цестія Галла войти въ соглашеніе съ царемъ Агриппой и первосвященниками относительно производства народной переписи, для того, чтобы цифрами констатировать силу сопротивленія іудейскаго народа. Ближайшій праздникъ Пасхи долженъ былъ это выяснить. Согласно существовавшему обычаю, въ силу котораго предъ наступленіемъ праздника Пасхи разсылались общинамъ циркуляры, глава синедріона и на этотъ разъ издалъ энциклику для общинъ Іудеи и пограничныхъ странъ, въ которой указывалось на необходимость прибытія въ Іерусалимъ возможно большаго числа паломниковъ, такъ какъ отъ этого зависитъ спасеніе Іудеи.

Это приказаніе было исполнено. Въ Іерусалимъ прибыла огромная масса народа. 250000 (или 270000) пасхальныхъ ягнятъ было принесено въ жертву, что свидѣтельствовало о наличности 2.500.000 (или 2.700.000) участниковъ.

Цестій Галлъ для этой цѣли самъ пріѣхалъ въ Іерусалимъ. Это была *Пасха давки*, ибо всѣ палатки не могли помѣститься на храмовой горѣ и несчастные случаи съ людьми были неизбѣжны. Эти 2.700.000 или круглымъ счетомъ 3.000.000, о которыхъ упоминаетъ Флавій, окружили Цестія Галла и стали громко выражать свои жалобы, настаивая на отозваніи Гессія Флора. Это была внушительная народная демонстрація, но Цестій Галлъ не могъ собственной властью отрѣшить прокуратора отъ должности. Вооруженный статистическими данными, онъ рѣшился этимъ средствомъ убѣдить императора въ необходимости отозванія Гессія Флора, а до того ограничился обѣщаніемъ расположить прокуратора въ пользу народа.

Если бы Неронъ внялъ представленіямъ своего легата, то катастрофа была бы отвращена отъ Іерусалима и храма. Къ несчастью, Неронъ подлилъ только масло въ огонь. Не успѣлъ онъ еще получить донесенія отъ Цестія Галла, какъ споръ о правѣ гражданства въ Цезареѣ, возникшій между іудеями. и язычниками, былъ имъ рѣшенъ въ пользу послѣднихъ. Вслѣдствіе этого возгоралась въ этомъ городѣ ожесточенная борьба въ мѣсяцѣ, слѣдующимъ за Пасхой давки. Гессій Флоръ еще больше раздувалъ огонь мятежа, чтобы подавленіемъ его оправдываться противъ обвиненій Цестія Галла. Итакъ, народная перепись посредствомъ пасхальныхъ ягнятъ состоялась въ году революціи (66) въ мѣсяцѣ до начала борьбы въ Цезареѣ, вызвавшей возстаніе въ Іерусалимѣ Это была послѣдняя мирная демонстрація противъ Рима.

23.

Первый шагъ къ войнѣ противъ римлянъ.

Флавій сообщаетъ (Іуд. войны II. 17, 2), что прекращеніе жертвоприношенія для императора, къ чему Элеазаръ б.-Ананія склонилъ священниковъ, было первымъ шагомъ къ войнѣ. Онъ прибавляетъ, что стоявшіе во главѣ духовенства пастыри изъ выдающихся фарисеевъ въ одномъ собраніи передъ Никанорскими воротами въ храмѣ, отсовѣтоваяи отъ подобнаго шага, приводивъ много вѣскихъ причинъ въ пользу своего взгляда, но руководимые Элеазаромъ революціонеры не обращали на это никакого вниманія.

Воспоминаніе объ этомъ печальномъ происшествіи сохранилось и въ талмудической литературѣ и связано съ личностью, которая своимъ поведеніемъ, повидимому, содѣйствовала расширенію движенія. Р. *Іосе*, законоучитель и истолкователь историческихъ традицій, говоря объ одномъ религіозномъ обычаѣ, указываетъ на *Захарія б.-Абкула*, прибавляя, что скромность послѣдняго дала поводъ къ разрушенію храма (Тосефта, Саббатъ XVII. 6). Какъ могла эта уважаемая личность способствовать такому великому несчастью? Какъ могла скромность этого человѣка вызвать нѣчто подобное? Въ одной легендѣ приводится его имя въ связи съ прекращеніемъ жертвоприношенія для императора. Эта легенда, трактующая о Камцѣ Баръ-Камцѣ, существуетъ въ двухъ реляціяхъ, относящихся отчасти и къ Захарію. Въ первой (Babli. Gittin 56 a) разсказывается: „Нѣкій Баръ-Камца, оскорбленный однимъ іерусалимцемъ, по ошибкѣ приглашеннымъ на пиръ, донесъ, что іудеи замышляютъ отложиться отъ императора, въ удостовѣреніе чего указалъ на рѣшеніе прекратить жертвоприношеніе для императора, и тутъ же самъ нанесъ животному несущественный вредъ, съ цѣлью сдѣлать его непригоднымъ для жертвы. Хотя нѣкоторые совѣтовали, въ интересахъ мира, принести въ жертву поврежденное животное, но Захарій высказался не только отрицательно, но и сопротивлялся тому, чтобы наказать смертью доносчика, что повлекло за собою отмѣну жертвоприношенія для императора и привело къ разрушенію храма“. Въ Палестинѣ сохранилась слѣдующая легенда: „Бенъ-Камца донесъ прокуратору объ измѣнѣ іудеевъ и въ доказательство привелъ отказъ въ жертвоприношеніи, сославшись и на то, что присутствовавшій на пиру Захарій остался равнодушнымъ, когда ему нанесено было оскорбленіе“.

Изъ этихъ легендарныхъ реляцій явствуетъ, что Захарій такъ или иначе прикосновененъ къ отмѣнѣ жертвоприношеній для императора.

О Захаріи упоминаетъ также Флавій, отмѣчающій его рядомъ съ *Элеазаромъ б.-Симономъ*, главой іерусалимскихъ зелотовъ, какъ вождя послѣднихъ и священника. Оба они приглашали идумеевъ оказать помощь имъ и ихъ партіи противъ начинаній Анана и противо-революціонной партіи. Такимъ образомъ, Захарій принадлежалъ къ зелотамъ.

24.

Іудейскія монеты во время послѣ изгнанія.

Изслѣдованіе іудейскихъ монетъ, начатое въ незначительныхъ размѣрахъ, образуетъ въ настоящее время довольно обширную литературу. Найденныя монеты съ еврейскими и древне-еврейскими (самаритянски-финикійскими) надписями, въ числѣ которыхъ были также перечеканенныя императорскія монеты, возбуждали сначала только любопытство, а нынѣ представляютъ предметъ серьезнаго изслѣдованія. Около 30 лѣтъ тому назадъ de Saulcy, собиравшій въ Палестинѣ много такихъ монетъ, первый положилъ начало ихъ изученію, и съ тѣхъ поръ этотъ нумизматическій и связанный съ нимъ историческій матеріалъ многократно освѣщался въ большихъ очеркахъ и монографіяхъ, разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ настоящее время въ іудейской нумизматикѣ выдѣляются четыре разряда:

1) *Монеты Симона Маккавея.*

2) *Монеты Маккавейскихъ князей или царей.*

3) *Монеты эпохи войны противъ римлянъ при Веспасіанѣ и Титѣ* или монеты *перваго возстанія*, первой революціи,

4) *Монеты времени войны при Адріанѣ* или *второго возстанія*, второй революціи, или *монеты Баръ-Кохбы,*

I. Относительно прекрасно вычеканенныхъ серебряныхъ монетъ съ надписью ירושלים הקדושה (вар. קדשה) на одной сторонѣ и שקל ישראל или הצי השקל на другой—господствуетъ почти единогласное мнѣніе о времени ихъ происхожденія и о личности, ихъ выпускавшей. Онѣ приписываются почти всѣми *Симону Маккавею,* несмотря на отсутствіе на нихъ его имени и титула. Всѣ онѣ имѣютъ на одной сторонѣ эмблему, миндальный цвѣтъ (символъ аронскаго священничества) и на другой—сосудъ съ маленькой рукояткой по обѣимъ сторо-

намъ и сверху обозначеніе года, гласящее שנה א, שנה ב, שנה ג и שנה ד (сокращеніе שנת), т. е. онѣ отчеканены въ теченіе 5 лѣтъ (Madden стр. 67). Такъ какъ право на чеканку монетъ Симонъ получилъ отъ Антіоха Сидета въ 173 году (Маккав. I. 15, 6) и, безъ сомнѣнья, воспользовался этимъ правомъ еще въ томъ же году, то будемъ имѣть отъ него монеты его послѣдняго пятилѣтняго правленія отъ 173 до 177 (139—135). Возможно, что годъ его оффиціальнаго правленія начался уже въ 172 (по I кн. Маккав. 14, 27; срав. Мерцбахеръ въ журналѣ для нумизматики, изд. Саллэ V. 312), но полная верховная власть не была ему еще предоставлена. Что сирійскіе цари, предоставляя еврейскому народу и гасмонейскимъ князьямъ всѣ права и вольности, все еще сохранили за собою право на верховную власть, доказываетъ ихъ отношеніе къ Гиркану I. Возраженіе, сдѣланное противъ этихъ монетъ-Симона, въ особенности de Saulcy, не выдерживаетъ критики. Отсутствіе имени и титула Симона въ надписяхъ, на подобіе его преемниковъ, доказываетъ только его скромность. Монеты напоминаютъ лишь о томъ, что Іерусалимъ остается святымъ, и ни въ какомъ случаѣ не будетъ допущено, какъ при Антіохѣ Епифанѣ, оскверненіе и поруганіе его. Своимъ именемъ и достоинствомъ, какъ князь и первосвященникъ, Симонъ блистать не хотѣлъ.

Очень сомнительными оказываются четыре мѣдныя монеты съ надписью לגאולת ציון на одной сторонѣ и שנת ארבע на другой, а на двухъ изъ нихъ еще חצי и רבי׳ע, которыя de Saulcy всецѣло приписываетъ Симону Маккавею. Эмблемы на нихъ весьма странныя. На двухъ экземплярахъ (парижскій монетный кабинетъ) изображены на одной сторонѣ два лулова (миртовыя вѣтви) и одинъ эсрогъ (райское яблоко) на другой. На другихъ изображены на одной сторонѣ также два лулова, въ серединѣ одинъ маленькій эсрогъ, а на другой сторонѣ одна пальма съ маленькими корзинами. Другія же имѣютъ одинъ луловъ и два эсрога. Наконецъ, одинъ экземпляръ стертый, а на другой сторонѣ имѣется совершенно непонятныя эмблемы (Madden, стр. 71).

II. Монеты маккавейскихъ князей, потомковъ Симона, отъ Гиркана I (יוחנן) до Антигона (מתתיה), отчасти вполнѣ еврейскія, частью еврейскія и греческія, всѣ совершенно ясны и понятны. Остается разбирать еще одинъ единственный пунктъ. Монеты-Гиркана распадаютъ на двѣ группы: одна носитъ слѣды легенды יהוחנן הכהן הגדל ראש חבר היהודים (или היהדים) (Madden, стр. 80 № 25—30); другая соотвѣтствуетъ легендѣ יוהנן הכהן הגדל וחבר היהודים (т. же стр. 76, № 1—24). Монеты-Аристовула (съ еврейскимъ именемъ יהודה) связаны съ той же легендой, что и вторая группа монетъ-Гиркана: וחבר היהודים (также יהודה כהן גדל (גדול) (только одно имѣетъ варіацію חבר היהודים (безъ соединительнаго ו), а другія החבר היהודים (стр. 82). Слово ראש отсутствуетъ. Точно также на монетахъ Александра Яная (евр. יהונתן) недостаетъ этого слова. Легенда гласитъ сплошь: הכהן (вар. יתן) יהונתן הגדל וחבר היהודים (M. стр. 88). Только на монетахъ, на которыхъ онъ фигурируетъ не какъ первосвященникъ, а въ качествѣ царя, отсутствуетъ прибавленіе וחבר и значится יהונתן המלך и ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ (тамъ же стр. 85, № 1—3, стр. 90, № 3). На монетахъ Антигона читаемъ болѣе или менѣе ясно מתתיה הכהן הגדל חבר היהודים безъ титула въ еврейской и съ титуломъ царя въ греческой надписи (тамъ же стр. 100).

Если подъ חבר היהודים разумѣется сенатъ или синедріонъ, то легенда на монетахъ Гиркана понятна. ראש חבר היהודים означаетъ: глава и предсѣдательствующій большаго синедріона. Отсутствіе этого прибавленія и просто וחבר היהודים означаетъ, что Гирканъ велѣлъ отчеканить монеты и отъ имени синедріона. Нѣтъ достаточнаго основанія предположить, чтобы первосвященникъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдательствующимъ высокаго совѣта или синедріона; учрежденіе это имѣло законодательный и законотолковательный характеръ, и члены его должны были обладать вполнѣ точными свѣдѣніями о законахъ и традиціяхъ Пятикнижія, такъ какъ гражданскіе законы и судебныя правила сливались съ религіознымъ элементомъ или изъ него вытекали. Такихъ свѣдѣній у первосвященника быть не могло, поэтому въ его лицѣ сосредоточилась только исполнительная власть. Во главѣ синедріона стоялъ президентъ съ титуломъ נשיא или два представителя, изъ которыхъ второй носилъ титулъ אב בית דין. До Гиркана должности эти занимали фарисеи, т. е. толкователи закона. Гирканъ не былъ въ началѣ главою совѣта. Лишь тогда, когда онъ разошелся съ фарисеями и призвалъ въ синедріонъ саддукеевъ, онъ, повидимому, принялъ на себя также функціи предсѣдательствующаго и поэтому велѣлъ чеканить монеты съ надписью ראש חבר היהודים. Его преемники уже не носили этого титула. Аристовулъ и Александръ Янай были воинственно настроены и мало вниманія обращали на внутренніе порядки. Возможно, что послѣдній во время распри съ фарисеями состоялъ и главой саддукейскаго синедріона и на монетахъ тоже носилъ титулъ ראש חבר היהודים. Но эти монеты вѣроятно, затерялись, и происхожденіе его монетъ безъ титула должно быть отнесено ко времени его примиренія съ фарисеями, когда онъ вновь призвалъ къ своему двору Симона б.-Шетаха. Такимъ образомъ, обозначеніе כהן גדל ראש חבר היהודים и חבר היהודים имѣетъ болѣе глубокое основаніе. Кромѣ этого пункта, монеты маккавейскихъ князей ясны и не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній.

III. За то третій разрядъ является чрезвычайно сомнительнымъ. Сомнѣнія эти настолько велики, что нѣкоторые нумизматики совсѣмъ не признаютъ этого разряда, и всѣ экземпляры, не относящіеся ко времени Маккавеевыхъ, считаютъ монетами Баръ-Кохбы.

Сомнительныя монеты третьяго разряда образуютъ три класса:

a) Такъ называемые *экземпляры-Элеазара*, такіе которые въ легендѣ болѣе или менѣе правильно имѣютъ названіе אלעזר הכוהן (или הכהן).

b) Такъ называемые *экземпляры-Симона*, которые въ свою очередь распадаютъ на двѣ части, именно на такіе, которые связаны съ легендами שמעון נשיא ישראל, и на тѣ, которые носятъ одно лишь имя שמעון, съ типами которыхъ встрѣчаются часто

c) *Экземпляры-луловъ*, имѣющіе одинъ общій типъ, *ритуально праздничный* букетъ, именно болѣе длинную *вѣтвь* въ серединѣ, какъ *пальма*,, и по сторонамъ двѣ меньшія вѣтви, какъ фигуры *мирты* и *ивовой вѣтви*, всѣ три въ одномъ сосудѣ и—чтобы еще яснѣе изобразить символъ праздничнаго букета —влѣво отъ сосуда представлена фигура *лимона* или *эсрогъ* (אתרוג). На другой сторонѣ эти же монеты имѣютъ типъ *портала*. Легенды объ этихъ экземплярахъ различны (ср. таблицу).

IV. Четвертый разрядъ долженъ быть признанъ безспорнымъ. При различіи типовъ и легендъ, разрядъ этотъ сплошь носитъ имя שמעון и отчасти שמע. Право относить этотъ разрядъ ко второй революціи нумизматики выводятъ изъ того обстоятельства, что нѣкоторые экземпляры въ чеканкѣ снабжены болѣе или менѣе ясно именами императоровъ, царствовавшихъ послѣ разрушенія

храма, а на большинствѣ изъ нихъ имѣется имя *Траяна* латинскими и греческими буквами. На нѣкоторыхъ изображены также головы императоровъ. Такимъ образомъ ясно, что это императорскія монеты эпохи послѣ разрушенія, перечеканенныя еврейскимъ штемпелемъ съ собственными типами. Слѣдовательно, онѣ могутъ быть монетами только Баръ-Кохбы. Такъ гласитъ заключительный выводъ, что монеты Симона сплошь относятся ко времени Баръ-Кохбы. Предположеніе д-ра Мерцбахера, отчасти принятое Мадденомъ, что только перечеканенныя императорскія монеты относятся къ этому времени, а экземпляры-Симона безъ признаковъ перечеканки принадлежатъ къ третьему разряду, опровергается нумизматикомъ ф.-Саллэ, директоромъ берлинскаго монетнаго кабинета, приводящимъ слѣдующее соображеніе: (Журналъ для нумизматики V. стр. 113): „Въ древней нумизматикѣ не было примѣра и невозможно, чтобы монеты, совершенно равныя по стилю и сходныя до замѣны, имѣли промежутокъ въ 60 лѣтъ". Поэтому всѣ луловъ-монеты должны относиться къ эпохѣ Баръ-Кохбы, такъ какъ онѣ отчасти носятъ имя „Симонъ". Ф.-Саллэ поэтому согласенъ съ de Saulcy въ томъ, что всѣ монеты, не отчеканенныя Маккавеями, относятся къ четвертому разряду. Монетъ первой революціи вовсе нѣтъ. Доказательство тому, что Баръ-Кохба дѣйствительно велѣлъ чеканить монеты, приводится изъ талмудической литературы, которая упоминаетъ о מטבע של בן כוזיבא или מעות כוזביות. Таково положеніе нумизматическаго вопроса.

Но этой сильной сторонѣ вопроса можно противопоставить слѣдующія крайне ослабляющія соображенія.

1) Имя Баръ-Кохбы не значится ни на одномъ изъ экземпляровъ этого разряда, а имя это не должно было бы отсутствовать, если бы чеканка принадлежала герою второго возстанія. Гипотеза, что его имя было „Симонъ", ни на чемъ не основана.

2) *Монеты-Элеазара* еще менѣе могутъ происходить отъ этого времени, такъ какъ совершенно неизвѣстна личность съ именемъ Элеазара, которая играла бы такую значительную роль и въ честь которой чеканились монеты. Гипотеза de Saulcy, допускающаго, что тутъ идетъ рѣчь о р. Элеазарѣ изъ Модина, какъ о родственникѣ Баръ-Кохбы, не имѣетъ подъ собой почвы и основательно опровергается всѣми прочими нумизматиками. Р. Элеазаръ изъ Модина (ר' אלעזר המודעי) былъ человѣкъ набожный, который во время осады Бетары молился, покрывъ себя мѣшкомъ и осыпавъ пепломъ. Онъ былъ агадистомъ, т. е. проповѣдникомъ во вкусѣ того времени, и съ именемъ его менѣе всего можетъ быть связана чеканка монетъ. Его образъ дѣйствій при паденіи Бетары показываетъ, что онъ не могъ быть причастнымъ къ какимъ-либо политическимъ или воинственнымъ событіямъ.

3) Если бы монеты-Симона eo ipso были монетами Баръ-Кохбы, т. е. всѣ имѣли бы легенду שמעון, то онѣ должны были бы быть названы въ талмудической литературѣ מטבע של שמעון, מעות ירושלמיות, т. е, монеты, на которыхъ можно было бы читать чеканку Іерусалимъ (ירושלם). Но они назывались כוזביות, а не שמעוניות.

Итакъ, если изъ второй революціи намъ неизвѣстны ни Симонъ, ни Элеазаръ, какъ лица, игравшія выдающуюся роль, то въ исторіи первой революціи не нужно долго разыскивать героевъ съ такимъ значеніемъ и съ такими именами. Личности „священниковъ" Симона б.-Гамаліила и Элеазара б.-Симона напрашиваются сами собой. Они занимали тогда высокое положеніе. Первый,

какъ потомокъ Гилела, носилъ титулъ „Наси" и пользовался, по Флавію, огромнымъ вѣсомъ во время войны; послѣдній былъ казначеемъ и признаннымъ вождемъ. Къ этой легендѣ שמעון נשיא ישראל и אלעזר הכהן подходятъ на столько, что, еслибы не было перечеканенныхъ императорскихъ монетъ съ именемъ „Симонъ", ни одинъ нумизматикъ не сомнѣвался бы въ принадлежности всѣхъ экземпляровъ Симона и Элеазара къ первой революціи.

Такимъ образомъ, изслѣдованіе монетъ, принадлежащихъ къ послѣднимъ двумъ разрядамъ, наталкивается на неразрѣшимую загадку. Монеты-Симона, а также другія, сходныя съ ними по стилю, не могли быть отчеканенными во время перваго возстанія, такъ какъ частичная перечеканка на императорскія монеты указываетъ на монеты, выпущенныя послѣ *Траяна*. Но онѣ тѣмъ менѣе могутъ происходить отъ второй революціи, потому что изъ исторіи неизвѣстенъ вождь подъ именемъ Симона или Элеазара.

Чтобы выйти изъ этой запутанной диллемы, нужно искать другой исходной точки.

Монеты-луловъ[1]) должны устранить хронологическое сомнѣнье. Какъ уже указано, этотъ разрядъ состоитъ изъ сходныхъ типовъ, но легенды на монетахъ различны. Типъ изображаетъ, безъ сомнѣнья, праздничный букетъ. На другой сторонѣ имѣются начертанія портала или колонады, четыре колонады съ разными украшеніями сверху. Но эти начертанія не на всѣхъ экземплярахъ одинаково отчеканены, а представляютъ нѣкоторое различіе въ формѣ. Еще большее различіе замѣчается въ легендахъ на монетахъ луловъ. Одинъ экземпляръ имѣетъ ясно на сторонѣ лулова слова: *„первый годъ освобожденія Израиля"* (שנת אחת לגאלת ישראל) и на сторонѣ портала у обѣихъ сторонъ колоннъ слово *„Іерусалимъ"* (ירושלם), но безъ собственнаго имени. Напротивъ, на нѣкоторыхъ экземплярахъ находимъ на сторонѣ лулова легенду: *„второй годъ свободы Израиля"* (שב לחר ישראל) и на сторонѣ портала прежде названное слово „Іерусалимъ" и также безъ всякаго собственнаго имени. Еще другіе экземпляры имѣютъ на сторонѣ портала болѣе или менѣе ясно начертанное имя *„Симонъ"* вмѣсто „Іерусалимъ". Наконецъ, третій или четвертый разрядъ имѣетъ на сторонѣ лулова слова *„свобода Іерусалима"* (вполнѣ לחרות ירושלם), но безъ года чеканки, а на сторонѣ портала имя „Симонъ".

Сомнѣніе въ хронологической точности этого разряда монетъ, возбуждаетъ то обстоятельство, что на нѣсколькихъ экземплярахъ попадаются также слѣды императорской головы или греческихъ буквъ, на одномъ окончаніи NOC и на другомъ совершенно ясно значится греческими буквами сокращеніе словъ Titus Flavius Vespasianus. Эти экземпляры оказываются перечеканенными на римскія императорскія монеты Веспасіана, Домиціана или *Траяна*.

Чтобы разобраться въ этой путаницѣ, нужно прежде всего изслѣдовать значеніе типовъ, такъ какъ такіе типы, которымъ общи всѣ монеты-луловъ, т. е. праздничный букетъ и порталъ, довольно поразительны и должны имѣть какое-либо отношеніе къ извѣстнымъ событіямъ. Ближайшее значеніе праздничнаго букета указано нумизматиками. Типъ этихъ символовъ—эсрогъ и луловъ—напоминаетъ іудеямъ праздникъ кущей (Мадденъ). Нужно еще прибавить, что они изображены въ такомъ видѣ, какъ ихъ держали при пѣніи псалма „Hallel": луловъ въ *правой* и эсрогъ въ *львой* рукѣ. Но относительно изобра-

[1]) Мозе Алашкаръ видѣлъ такую монету въ началѣ 16-столѣтія (Responsa № 74).

женія лулова нумизматики не обратили вниманія на одну мелочь. Луловъ съ принадлежащими къ нему двумя вѣточками помѣщенъ на всѣхъ экземплярахъ въ изящномъ хранилищѣ, имѣющимъ форму плетенной корзинки. Это, очевидно, украшеніе. Что собственно означаетъ подобное украшеніе или хранилище? Талмудъ даетъ надлежащее объясненіе.

По традиціи, существовавшей, по словамъ р. Меера, въ срединѣ второго вѣка, знатные жители Іерусалима хранили свой праздничный букетъ въ золотой корзинкѣ; пучекъ изъ пальмы, мирты и ивы, по ритуальнымъ законамъ, долженъ быть связанъ снизу. Противъ утвержденія, что связывающая тесьма должна быть изъ волокна растенія, р. Мееръ ссылается на фактъ, что знатные іерусалимцы не обращали на это вниманія и вмѣсто перевязки прибѣгали къ золотой корзинкѣ. Его галахскій противникъ признаетъ фактъ, но полагаетъ, что пучекъ внутри корзинки былъ перевязанъ волокнистой тесьмой. При этомъ нужно замѣтить, что р. Мееръ, ученикъ р. Акивы, вѣроятно получилъ отъ послѣдняго преданія объ обычаяхъ и нравахъ въ Іерусалимѣ, такъ какъ при паденіи Іерусалима онъ находился въ преклонномъ возрастѣ.

Разсмотримъ всесторонне значеніе традиціи о золотой корзинкѣ для лулова. При жизни р. Меера этотъ обычай не былъ въ употребленіи; онъ существовалъ раньше, во времена процвѣтанія Іерусалима, да только тамъ, но ничуть не въ другихъ мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, въ одномъ Іерусалимѣ праздничный букетъ украшался пышнымъ убранствомъ; его держали въ рукахъ не только въ храмѣ и въ молитвенномъ домѣ при пѣніи псалма „Hallel“, но его не выпускали изъ рукъ въ продолженіи цѣлаго дня. Въ Талмудѣ имѣются по этому поводу точныя указанія. Богатые и знатные іерусалимцы украшали праздничный букетъ золотой корзинкой въ знакъ особеннаго торжества; они могли себѣ позволить подобную роскошь.

Присматриваясь къ хранилищу праздничнаго букета, изображаемому на типѣ монеты-луловъ, мы ясно видимъ, что оно представляетъ собою по внѣшнему виду именно эту корзинку. Она была снабжена ножкой или рукояткой для держанія и имѣла два или три надрѣза. Пучекъ лулова былъ изображенъ или отчеканенъ на этихъ монетахъ точно такъ, какъ знатные іерусалимцы его держали и украшали. Не подлежитъ сомнѣнію, что экземпляры монетъ-лулова могли быть отчеканены только во время существованія Іерусалима, такъ какъ обычай помѣщать праздничный букетъ въ корзинку послѣ не практиковался и чеканщику не могло прійти на мысль изобразить пучекъ въ этой формѣ, тѣмъ болѣе, что при Баръ-Кохбѣ эта форма не попадалась, что явствуетъ изъ того, что жившій въ то время р. Мееръ ссылался на обычай прежняго времени, который въ его время не соблюдался. Нельзя также не согласиться съ тѣмъ, что хранилище лулова на типѣ монетъ служитъ только украшеніемъ и таковымъ оно могло быть, если оно въ дѣйствительности представлялось въ видѣ корзиннаго плетенія. Я останавливаюсь на этомъ обстоятельствѣ, потому что оно образуетъ центръ тяжести для хронологическаго опредѣленія монетъ луловъ.

Посмотримъ теперь оборотную сторону этихъ медалей. На нихъ ясно только изображеніе портала съ двумя колоннами на каждой сторонѣ. Насколько нумизматики согласны относительно пучка съ плодомъ на его лѣвой сторонѣ, настолько они расходятся во взглядахъ своихъ на этотъ типъ. Перецъ Байеръ считаетъ порталъ изображеніемъ мавзолея, сооруженнаго

Симономъ Маккавеемъ (или правильнѣе его сыномъ) въ Модинѣ въ память семейства Хасмонеевъ. Это объясненіе справедливо отвергнуто, такъ какъ на большинствѣ экземпляровъ этого разряда значится „Іерусалимъ“. Принимали это изображеніе также за фигуру скиніи завѣта, но это еще менѣе правдоподобно, такъ какъ въ періодъ послѣ изгнанія скинія завѣта и ея изображеніе были неизвѣстны. Другіе нумизматики усматривали въ этомъ типѣ изображеніе храма или вратъ храма (Кавединъ, Мерцбахеръ). Однако, и это толкованіе не вѣрно, потому что у входа въ храмъ Ирода не было никакихъ колоннъ, и принять эту фигуру за врата невозможно, уже въ виду того, что отверстіе было загромождено въ три ряда поставленными украшеніями. Мерцбахеръ поэтому обозначаетъ эмблему *закрытыми вратами*. Но закрытыя врата вѣдь не могутъ служить входомъ и поэтому не могутъ изображать вратъ храма. Что же собственно изображаетъ сторона портала на этихъ монетахъ-луловъ?

Вспомнимъ, что другая сторона изображаетъ праздничный букетъ и при томъ еще съ украшеніемъ на пучкѣ, какъ это вѣрно происходило въ жизни. Какое болѣе глубокое значеніе имѣетъ типъ портала? Онъ ужъ слишкомъ уклоняется отъ эмблемъ, встрѣчающихся на большинствѣ экземпляровъ іудейскихъ монетъ. Пальмовое дерево, или пальмовой листъ, равно какъ и виноградное дерево на однихъ представляетъ символъ еврейскаго народа, другіе типы изображаютъ священничество. Но что означаетъ чеканка праздничнаго букета на монетахъ? Она просто на просто напоминаетъ о праздникѣ кущей и о времени этого праздника. Отправленіе этого праздника совершалось двоякими ритуальными символами: букетомъ изъ четырехъ сортовъ растеній (ארבע מינים) и наскоро построеннымъ праздничнымъ шалашемъ (סוכה); чтобы изобразить этотъ праздникъ типически, нужно его отождествлять съ обѣихъ сторонъ, не только букетомъ, но и *праздничнымъ шалашемъ*. Такимъ образомъ порталъ изображаетъ фасадъ изящнаго шалаша, построеннаго богатымъ евреемъ.

Такіе изящно построенные праздничные шалаши съ колоннами дѣйствительно встрѣчались. Въ талмудической литературѣ говорится о подобныхъ шалашахъ, состоящихъ изъ колонны, и рѣшено что эти колонны могутъ быть признаны стѣнами, образующими требующіеся для праздника кущей шалаши. Примѣръ, безъ сомнѣнья, взятъ изъ дѣйствительности. Богачъ могъ слегка покрыть листьями открытую галлерею въ вестибюлѣ своего дома и пользоваться ею какъ шалашемъ. Объ адіабенской королевѣ Еленѣ, прибывшей въ 43 году (post) съ своими внуками въ Іерусалимъ, сообщается, что она велѣла построить для себя очень высокій праздничный шалашъ. Такой праздничный шалашъ съ фасадомъ изъ колоннъ, какимъ пользовались знатные евреи въ Іерусалимѣ, вѣрно служилъ образцомъ для типа монетъ этого разряда.

Слѣдуетъ еще остановиться на другой мелочи, игнорируемой нумизматиками, но имѣющей извѣстное значеніе. Въ углубленіи портала помѣщенъ на большинствѣ экземпляровъ полувѣнецъ изъ маленькихъ прутиковъ, на которомъ замѣтны три шнура съ такими же шариками, посрединѣ меньше, чѣмъ сверху и снизу. Эти шарообразные шнуры также могутъ быть только украшеніемъ; объясненіе это находитъ себѣ подтвержденіе въ талмудической литературѣ. Существовалъ именно обычай украшать шалашъ миндалемъ, орѣхами, виноградомъ или вѣнками изъ колосьевъ Этотъ обычай технически назывался נוי הסוכה, *„украшеніемъ шалаша“*. Ритуальный законъ опредѣляетъ,

что такое украшеніе, разъ оно составляетъ убранство шалаша, должно быть использовано до исхода праздника. Полувѣникъ и шнуры съ маленькими кружечками или шариками у портала на монетахъ должны быть разсматриваемы какъ украшеніе шалаша. Порталъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть принятъ, за колонны храма: это изображеніе шалаша знатнаго іудея. и вмѣстѣ съ луловомъ напоминаетъ о праздникѣ кущей.

Эти символы праздника имѣютъ еще болѣе глубокое значеніе, несомнѣнно связанное съ типомъ монетъ. Праздничный букетъ напоминаетъ радость, какъ гласитъ въ Торѣ: „Берите плодъ дерева Адоръ и пальмовыя вѣтви etc. и радуйтесь передъ Господомъ". Вторая книга Маккавеевъ разсказываетъ сообразно съ легендой, что при освященіи храма Маккавеями въ знакъ радости махали при пѣніи гимновъ пальмовыми вѣтвями и праздничными букетами. Если луловъ символизируетъ радостное настроеніе, то шалашъ напоминаетъ объ охранѣ Богомъ своего народа. Гласитъ же ясно законъ, устанавливающій для евреевъ обязательное пребываніе въ шалашахъ въ праздникъ кущей, что это должно служить напоминаніемъ о томъ, какъ Богъ охранялъ предковъ въ пустынѣ. Стихъ Іешаи **6**, 17 וסוכה תהיה צל יומם מחרב וג׳ еще болѣе уясняетъ эту мысль. Впослѣдствіи образовалось повѣрье, что сукка предохраняетъ отъ всякаго зла и даже демоновъ. Такимъ образомъ, при чеканкѣ монетъ намѣренно была изображена эта эмблема, которая должна живо представлять радость по поводу всего добытаго трудомъ и упованіе на охрану Божью для своего народа.

Типы означаютъ, такимъ образомъ, душевное настроеніе, а легенды указываютъ на факты и время, къ которымъ относятся эти настроенія: *„Первый годъ спасенія Израиля"*, *„второй годъ свободы Израиля"* и выражаютъ въ возможной краткости богатое историческое содержаніе, именно изъ того времени, когда Іерусалимъ еще существовалъ

Изъ монетъ-луловъ, насколько извѣстно, имѣется четыре разряда Всѣ эти разряды, подраздѣленія и экземпляры, вѣроятно, происходятъ отъ первой революціи; нѣтъ никакихъ данныхъ для опроверженія этого предположенія. Даже тѣ экземпляры съ греческими буквами N O или N O C, указывающіе на перечеканку ихъ на императорскія монеты, не могутъ служить опроверженіемъ, такъ какъ эти буквы составляютъ остатокъ имени N E P Ω N O C и экземпляры могли быть перечеканены на монеты Нерона. Неясные слѣды императорской головы могутъ также относиться къ Нерону, и при этомъ легко заключить, что монеты-луловъ перечеканены на римскія. Только одинъ экземпляръ, имѣющій ясные слѣды имени Titus Flavius Vespasianus (IV № 3), само собою понятно, не можетъ относиться къ первой революціи. Однако, такъ какъ несомнѣнно, что монеты-луловъ указываютъ на существованіе Іерусалима, то это единственное исключеніе не можетъ ослабить силу приведенныхъ доказательствъ. Названный экземпляръ можетъ оказаться поддѣльнымъ, т. е. изготовленнымъ фальшивомонетчикомъ, чтобы возвысить цѣну своего производства. Производство фальшивыхъ монетъ, какъ извѣстно, было въ Италіи очень распространено.

Тѣ экземпляры монетъ-луловъ, на которыхъ имѣется лишь надпись שנת אחת לגאלת ישראל и שב לחר ישראל съ ירושלם (Фиг. I. II), безъ сомнѣнья, относятся къ первой революціи. Но тѣ разряды, на которыхъ значится שב לחר ירושלם (или вполнѣ לחרות) и вмѣсто ירושלם имя שמעון, не должны быть

отнесены къ монетамъ Симона, безспорно отчеканеныхъ во время послѣ *Траяна,*

Изслѣдуемъ всесторонне монеты Симона. Многіе экземпляры носятъ рядомъ съ надписью שנת אחת לגאלת ישראל болѣе или менѣе ясно имя שמעון נשיא ישראל и большинство нумизматиковъ относятъ ихъ къ *Симону бенъ-Гамаліила, наси синедріона,* занимавшему выдающееся положеніе во время первой революціи. Большая часть экземпляровъ съ этимъ титуломъ, насколько они извѣстны, имѣетъ эмблемой или *пальмовое дерево* и *виноградный листъ*, или *пальмовую вѣтвь и лиру*. Только одинъ экземпляръ имѣетъ вмѣсто этихъ символовъ вѣнокъ и легенду שמעון נשיא ישראל и на другой сторонѣ урну съ двумя ручками и вокругъ нея легенду שנת אחת לגאלת ישראל (у Маддена стр. 203, № 7). Въ Берлинскомъ кабинетѣ хранится экземпляръ монеты, имѣющій эти самые типы, но различную легенду: вокругъ урны שב לח ישראל и внутри вѣнка только имя שמעון безъ эпитета נשיא, (у Маддена стр. 244, № 39). Если сходство типовъ двухъ или нѣсколькихъ монетъ указываетъ на одно и то же время и на одну и ту же чеканку, то раньше названная монета должна быть отчеканена этимъ же Симономъ, несмотря на отсутствіе эпитета. Отсюда слѣдуетъ, что нѣкоторыя монеты, имѣющія только одно имя Симона, могутъ принадлежать тоже Симону, князю Израиля. По неизвѣстной намъ причинѣ титулъ могъ быть упущенъ.

Другимъ доказательствомъ, что שמעון тождественъ съ שמעון נשיא ישראל, могутъ служить, такъ называемыя *монеты-Элеазара*. Есть именно экземпляры, имѣющіе на одной сторонѣ ясную надпись אלעזר הכוהן, или буквы отчеканены слѣва на право והכה רזעלא (ошибка чеканщика), и на другой сторонѣ שנת אחת לגאלת ישראל. Неподдѣльность этихъ монетъ не оспаривается ни однимъ нумизматикомъ. Слѣдовательно, одинъ священникъ Элеазаръ въ первомъ году освобожденія (т. е. отъ римлянъ) отчеканилъ монеты. Этотъ Элеазаръ, по всей вѣроятности, былъ Элеазаромъ, сыномъ Симона. которому ввѣрены были отобранная добыча и военная касса при бѣгствѣ римлянъ и ихъ вождя Цестія Галла, и въ рукахъ которыхъ вообще находилось тогда управленіе государственными финансами. Если въ началѣ, при выборѣ начальниковъ, Элеазаръ былъ обойденъ, то все же онъ, какъ управляющій государственными финансами, постепенно достигъ верховной власти въ Іерусалимѣ. Другой Элеазаръ, причастный по положенію своему къ чеканкѣ монетъ, намъ неизвѣстенъ. Объ Элеазарѣ б.-Ананіи, подавшемъ поводъ къ возстанію. не можетъ быть рѣчи, такъ какъ впослѣдствіи онъ не игралъ никакой роли. Гипотеза de Saulcy, что подъ этимъ Элеазаромъ нужно подразумѣвать упоминаемаго въ талмудической литературѣ Элеазара изъ Модина (ר׳ אלאזר המודעי), какъ указано выше, совершенно неосновательна. Такимъ образомъ, пока не найдены экземпляры съ признакомъ перечеканки во времена Веспасіяна или послѣ него, нужно допустить, что монеты Элеазара относятся къ первому возстанію. Ихъ неподдѣльность подтверждается уже тѣмъ, что самаритянско-іудейская буква ז не имѣется ни на одной другой монетѣ, слѣдовательно, поддѣлки никакой быть не можетъ.

Итакъ, если эти монеты Элеазара неподдѣльны и отчеканены до Веспасіана, то и монета, имѣющая на одной сторонѣ имя Элеазара вокругъ вазы и на другой מע, т. е. שמעון, внутри вѣнка (Маддень стр. 201, № 5) и по типу своему вполнѣ соотвѣтствуетъ экземпляру съ ясно начертанной на

немъ легендой שמעון נשיא ישראל, также неподдѣльна и относится къ тому же времени. Этимъ доказывается, по крайней мѣрѣ, что нѣсколько монетъ, на которыхъ значится имя „Симонъ" и безъ эпитета נשיא, тоже принадлежатъ Симону бенъ Гамаліилу. Слѣдовательно, разряды, имѣющіе эмблемой праздничный букетъ и шалашъ и вмѣсто ירושלם имя „Симонъ" (фиг. III-V), могли быть отчеканены до паденія Іерусалима и принадлежать этому самому Симону. Титулъ נשיא упущенъ на нихъ лишь случайно.

Резюмируя наши указанія, мы приходимъ къ заключенію, что монеты-луловъ, т. е. такія, типы которыхъ составляютъ *праздничный букетъ* и *фасадъ шалаша* рядомъ съ извѣстными украшеніями, должны быть признаны неподдѣльными, ибо никакому фальшивомонетчику не могло придти на мысль снабдить низъ лулова корзинообразнымъ хранилищемъ. Очевидно, что монеты эти могли быть отчеканены только до разрушенія Іерусалима, когда такое украшеніе букетовъ практиковалось знатными іерусалимцами и могло служить образчикомъ для чеканки.

Повторяемъ: происхожденіе этихъ монетъ не можетъ относиться къ эпохѣ послѣ разрушенія, потому что употребленіе такого украшенія не встрѣчалось болѣе въ жизни и осталось лишь воспоминаніемъ по традиціи.

Легенды на монетахъ-луловъ съ обозначеніемъ года чеканки ведутъ къ историческимъ событіямъ во время отложенія отъ Рима при Неронѣ, равно какъ и типы: *праздничный букетъ* и *фасадъ сукки* изображаютъ настроеніе этого времени. Прежде всего необходимо отличить понятія לגאלת и להרות. Первое означаетъ *„освобожденіе"*, т. е. начало сверженія чужеземнаго ига; להרות же означаетъ *„свободу"* т. е. пользованіе достигнутымъ освобожденіемъ, какъ дальнѣйшей стадіей отвоеванной независимости. Къ לגאלת относится שנת אחת и къ להרות число שנת ב׳ или ג׳ и т. д. Не найдено ни одной монеты, которая имѣла бы легенду שנת ב׳ לגאלת, или שנת א׳ להרות. Экземпляръ монеты-луловъ, имѣющій надпись שנת אחת לגאלת ישראל, вѣроятно, былъ отчеканенъ въ первую стадію отложенія отъ Рима (Фиг. 1), какъ разъ ко времени праздника кущей, на что именно указываютъ типы. Хронологически это вполнѣ согласуется съ историческими событіями въ началѣ революціи, какъ Флавій объ этомъ сообщаетъ. Во время дровяннаго праздника, въ 15 день мѣсяца Абъ, стоявшій въ Акрѣ римскій батальонъ, подъ начальствомъ трибуна *Метилія*, и войска Агриппы, подъ предводительствомъ вавилонянина *Филиппа*, сильно тѣснимые зелотами, принуждены были окапываться въ замкѣ Ирода на верхнемъ рынкѣ. Шестаго Горпіаіоса, т. е. 6-го Элула, зелоты разрѣшили отряду Филиппа отступить, и продолжали бой противъ римскаго батальона. Послѣдній капитулировалъ и былъ изрубленъ всецѣло, не исключая и Метилія. Съ этого времени іерусалимцы чувствовали себя освобожденными отъ чужеземнаго владычества. Хотя мѣсяцъ и день этой побѣды не указаны Флавіемъ, но памятный свитокъ побѣдныхъ дней (Megilat Taanit) кратко отмѣчаетъ: *„17 Элула римляне въ Іерусалимѣ и Іудеѣ были устранены."* Радость по поводу этой побѣды была такъ велика, что всѣ жители весьма значительнаго города Лиды отправились въ Іерусалимъ на праздникъ кущей. Восторгъ былъ всеобщій. Лишь послѣ этой побѣды можно было приступить къ отчеканиванію собственныхъ монетъ. Легенда совершенно ясна. *Въ первомъ году освобожденія „Израиля" и „Іерусалима"* выражаетъ понятіе о томъ, что священнѣе всего, что служитъ предметомъ почитанія для всей націи. Но какіе

типы избрать для новыхъ монетъ? Такъ какъ чеканка началась, вѣроятно, незадолго предъ наступленіемъ *праздника Кущей*, то было кстати примѣненіе символовъ этого праздника. Вотъ почему появилось изображеніе *лулова, шалаша* подъ видомъ колоннъ, праздничнаго букета съ разными украшеніями. Пучекъ лулова долженъ былъ изображать вмѣстѣ съ тѣмъ и радость по поводу одержанной побѣды и освобожденія отъ римлянъ. Эти моменты, безъ сомнѣнья, имѣли въ виду тѣ, которые чеканкою монетъ рѣшились увѣковѣчить эпоху освобожденія.

Кому собственно принадлежала иниціатива чеканки? Отмѣчено, что монета перваго года не носила никакого имени. Это отсутствіе имени доказываетъ, что монеты были отчеканены въ то время, когда ни одна изъ выдающихся личностей, содѣйствовавшихъ отложенію отъ Рима, не достигла еще авторитетнаго положенія. Это былъ медовый мѣсяцъ молодой свободы. Синедріонъ съ Симономъ бенъ-Гамаліиломъ во главѣ не пользовался среди приверженцевъ Ирода никакой политической властью. Этимъ объясняется анонимность на монетахъ-луловъ перваго года.

Въ теченіе 66 года вождь зелотовъ Элеазаръ Бенъ-Симонъ, благодаря своей популярности и служебному положенію, какъ государственнаго казначея, достигъ верховной власти въ Іерусалимѣ. Поэтому выпущенныя въ то время монеты были уже отчеканены отъ его имени: *„священникъ Элеазаръ"* и „первый годъ освобожденія Израиля".

Но въ этомъ же самомъ году власть перешла и къ синедріону, гдѣ предсѣдательствующимъ состоялъ Симонъ бенъ-Гамаліиль. Этотъ Симонъ, по свидѣтельству своего противника Флавія, былъ благороднаго происхожденія, какъ правнукъ Гилела, происходившаго изъ царскаго дома Давида. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, отличался такимъ умомъ и проницательностью, что успѣлъ бы значительно улучшить жалкое положеніе государственныхъ дѣлъ, если бы могъ сохранить за собою власть. Принадлежа къ фарисейской партіи, какъ замѣчаетъ Флавій, или же состоя ея главой, какъ мы утверждаемъ, онъ имѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ въ народѣ, большинство котораго было предано ученію этой партіи, (что Флавіемъ во многихъ мѣстахъ особенно отмѣчается). Само собою разумѣется, что имя Симона, какъ представителя націи, должно было фигурировать при чеканкѣ. Скоро, однако, условія перемѣнились, и мы не имѣемъ никакихъ точекъ опоры, чтобы судить о внутреннихъ событіяхъ, вызвавшихъ эту перемѣну. Достовѣрно лишь то, что вслѣдствіе этой перемѣны были отчеканены и монеты съ легендой: *„первый годъ освобожденія Израиля"* съ именемъ „ Симона, князя Израиля". Всѣ экземпляры съ именемъ и титуломъ שמעון נשיא ישראל имѣютъ число שנת אחת.

Но пышный титулъ князя Израиля оказался несовмѣстимымъ съ убѣжденіями зелотовъ, исповѣдывавшихъ демократическій принципъ равенства и самоуправленія. Симонъ былъ собственно *главой синедріона* (נשיא בית דין הגדול). Признать его княземъ всего Израиля—значитъ подчиниться верховной власти. Такое признаніе тѣмъ болѣе не могло послѣдовать въ то время, когда, по утвержденію Флавія, трусость и измѣна правящихъ классовъ были причинами паденія Галилеи и когда ненависть зелотовъ къ еврейской знати особенно обострилась. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется, какъ слѣдуетъ полагать, удаленіе съ монетъ титула נשיא ישראל, который былъ замѣненъ просто именемъ שמעון. О другомъ Симонѣ не можетъ быть рѣчи

такъ какъ Симонъ баръ-Гіора, прибывшій въ Іерусалимъ лишь въ третьемъ году возстанія, не могъ фигурировать на этихъ монетахъ.

Наступаетъ начало второго года, т. е. мѣсяцъ Тишри и праздникъ кущей (октябрь 67). Къ этому времени относятся только экземпляры монетъ, имѣющіе легенду: *„Второй годъ свободы Израиля“*. Типы на обоихъ экземплярахъ почти одинаковы; отличаются они лишь тѣмъ что нѣкоторые имѣютъ легенду *„Іерусалимъ“*, а на другихъ значится имя *„Симонъ“*, это различіе-конечно, странное; причина, вѣроятно, лежитъ въ возникшемъ тогда партій, номъ раздорѣ. Зелоты въ Іерусалимѣ, приписывавшіе пораженіе Галилеи измѣнѣ аристократовъ, отрѣшили всѣхъ представителей знати и духовенства отъ должностей, замѣнивъ ихъ лицами изъ своей среды. Даже первосвященники Матеія, сына Теофила, они лишили сана и возложили это достоинство на другого, по жребію избраннаго, простого священника, Пинхаса, сына Самуила изъ городка Апты. Аристократія вознегодовала. Назначенный для защиты города бывшій первосвященникъ Ананъ, сынъ Анана, особенно возмущался такой мнимой наглостью и святотатствомъ со стороны демократическихъ зелотовъ. И Симонъ бенъ-Гамаліилъ былъ возмущенъ послѣдовавшимъ переворотомъ и измѣненіемъ существовавшаго порядка. Въ народныхъ собраніяхъ онъ призывалъ слушателей къ сопротивленію „губителямъ свободы“ и „осквернителямъ святыни“. Само собою понятно, что отъ этого произошелъ разрывъ между зелотами и ихъ главой Элеазаромъ бенъ-Симономъ съ одной стороны и Симономъ бенъ-Гамаліиломъ съ другой. Зелоты стали дѣйствовать противъ своихъ противниковъ терроромъ,очистивъ синедріонъ отъ антизелотскихъ членовъ и назначивъ на ихъ мѣста 70 человѣкъ изъ народа.Флавій не опредѣляетъ мѣсяца, въ который состоялась эта перемѣна, именно избраніе новаго первосвященника. Это избраніе предпринято было, вѣроятно, для отправленія священнодѣйствія въ день отпущенія грѣховъ, чтобы устранить первосвященника, назначеннаго ненавистнымъ царемъ Агриппой, считавшагося всѣми римскимъ ставленникомъ. Такимъ образомъ, разрывъ между зелотами и Симономъ бенъ- Гамаліиломъ могъ послѣдовать въ мѣсяцѣ Тишри, когда именно наступаетъ праздникъ кущей. Зелоты, недовольные его агитаторской пропагандой, отчеканивали монеты тѣхъ же типовъ и эмблемъ, которые раньше носили его имя, но упустили его, чтобы демонстрировать свое отреченіе отъ него. При дальнѣйшихъ событіяхъ имя его дѣйствительно больше не упоминается, Флавій указываетъ на отрѣшеніе его отъ должности, замѣчая: Этотъ Симонъ былъ бы въ состояніи улучшить жалкое положеніе. Не встрѣчается также ни одна монета больше съ именемъ Симона отъ второго года.

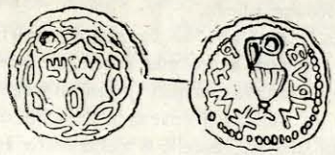
Начиная съ второго года, мы не встрѣчаемъ лица, которое признавалось бы представителемъ народа и отъ имени котораго могла бы быть произведена чеканка.Осенью 67 года въ Іерусалимъ прибылъ Іоаннъ изъ Гисхалы, имѣвшій за собою большую партію, но соперничавшій съ Элеазаремъ бенъ-Симономъ. Въ третьемъ году къ нимъ присоединился еще Симонъ бенъ-Гіора, а такъ какъ каждый изъ этихъ вождей претендовалъ на главенство, то ни одинъ изъ нихъ не допускалъ бы чеканки монетъ отъ имени соперника. Только въ первомъ году монеты чеканились отъ имени двухъ,сначала Элеазара и затѣмъ Симона бенъ-Гамаліила.

Возможно, что анонимные экземпляры монетъ, на которыхъ имѣется надпись שנת שתים и שנת שלוש (Мадденъ 206 № 11,12), выпущены во время

первой революціи, какъ это и допускаютъ многіе нумизматики, именно въ то время, когда во главѣ народа не стояло еще лицо, облаченное полною властью, и когда три вождя зелотовъ пользовались вліяніемъ только среди своихъ сторонниковъ. Изображенные на нихъ типы, виноградный листъ и діэтическая ваза, нерѣдко встрѣчаются на еврейскихъ монетахъ.Странна лишь легенда חרות ציון вмѣсто „Іерусалимъ“ Сіонъ употребляется въ талмудической литературѣ только метафорически и поэтически. Д-ръ Мерцбахеръ также указываетъ на подобный экземпляръ, имѣющій ясную надпись שנת ארבע и буквы הר, въ неподдѣльность котораго онъ однако сомнѣвается. Есть, конечно, экземпляры монетъ съ числомъ שנת ארבע и съ легендой לגאלת ציון (Мад. стр. 71, № 1—5). Нумизматики приписываютъ ихъ Симону Маккавею. Но странна на нихъ не только надпись ציון, но и לגאלת, употреблявшаяся только въ *первомъ году*, такъ какъ это означаетъ начало освобожденія. Кромѣ того, два экземпляра этого разряда имѣютъ странный типъ: *два пучка лулова*, что вызываетъ относительно ихъ неподдѣльности большое сомнѣніе.

IV. Многочисленныя монеты-Симона, безъ эпитета נשיא ישראל, которыя вслѣдствіе тѣсной связи своей съ Элеазаремъ, или по типу лулова, указываютъ на Симона бенъ-Гамаліеля, должны быть, конечно, отнесены ко времени Адріана, такъ какъ многія изъ нихъ представляютъ перечеканку на императорскія монеты Траяна и другихъ императоровъ, царствовавшихъ послѣ разрушенія Іерусалима. Фактъ неоспоримъ. Но вопросъ въ томъ, имѣемъ ли мы полное основаніе называть ихъ *монетами Баръ-Кохбы*, или относить ихъ ко *второй революціи*. Монеты, говорящіе противъ этого положенія, уже нами отмѣчены. Теперь остается выяснить, къ какому времени можетъ относиться тотъ разрядъ монетъ, которыя имѣютъ на одной сторонѣ имя שמעון и на другой легенду לחרות ירושלים, безъ обозначенія года, или שב לחרות ישראל? Такъ какъ совершенно неизвѣстно назывался ли Баръ-Кохба „Симономъ“, то является вопросъ, какая же другая выдающаяся личность подъ именемъ „Симонъ“ могла играть такую доминирующую роль во время послѣ Траяна, чтобы фигурировать на монетахъ?

Прежде всего я долженъ остановиться на одномъ явленіи, способномъ поколебать гипотезу о Баръ-Кохбѣ. Многіе экземпляры именно имѣютъ слово שמע вмѣсто שמעון, и послѣднее, повидимому, не составляетъ сокращенія слово שמעון, такъ какъ на чеканкѣ имѣется достаточно мѣста для помѣщенія буквъ ון и еще нѣкоторыхъ (у Мад. глава X № 14, 15, 31 (?) 32, 33, 34, 35, 36).



ש מ
ע

שב לחר ישא
(ישראל)

De Saulcy и бросилась въ глаза это странная легенда. Онъ замѣчаетъ (Melange de Numism. 1877, стр. 89): „Не было основанія сократить имя Schemaum Паппосомъ, которые въ началѣ царствованія Адріана признавались корифеями.

такъ какъ на монетахъ есть довольно мѣсто для прибавленія буквъ Wow и Nun". De Saulcy, поэтому, и пытается объяснить слово שמע, какъ начало фразы: *„Внемли, Израиль"* (שמע ישראל). Однако,какое отношеніе имѣетъ чеканка монетъ къ этому символу вѣры? Очевидно, что שמע такое же собственное имя, какъ שמעון. На такъ называемыхъ монетахъ-Симона встрѣчаются, такимъ образомъ, *два имени.* Слѣдовательно, гипотеза о Баръ-Кохбѣ этимъ поколеблена. Остается только отыскать двухъ доминировавшихъ во время послѣ-Траяна еврейскихъ вождей, къ которымъ лучше подходили бы легенды монетъ и отчасти также типы, чѣмъ къ Баръ-Кохбѣ.

Такіе вожди, *два брата*, играли въ царствованіе Адріана выдающуюся роль и пользовались у евреевъ большимъ почетомъ. Это были *Юліанъ* и *Паппосъ*. О нихъ сообщается слѣдующее:

1). Ихъ считали *великими, гордостью Израиля:* שהם גאונם של ישראל כגון פפוס ולוליינוס אלכסנדרי. Замѣтимъ, между прочимъ, что слово אלכסנדרי могло быть собственнымъ именемъ: *Юліанъ Александръ*. Это означаетъ во всякомъ случаѣ его происхожденіе изъ Александріи. Источникъ этого сообщенія (Siphrâ) старъ, составленъ около 2—3 десятилѣтій послѣ адріановской войны.

2). Юліанъ и Паппосъ, попавши въ плѣнъ въ Лаодикею, были приговорены къ смерти, но гибель судьи спасла ихъ. Въ память этого событія введенъ *Траяновъ день* (יום טוריינוס), 12 Адаръ. День ихъ спасенія имѣлъ, слѣдовательно, для народа важное значеніе.

3). Во время реставраціи храма Паппосъ и Юліанъ устроили мѣняльныя лавки отъ Акка до Антіохіи и снабжали возвращавшихся изъ Вавилоніи золотомъ, серебромъ и всѣмъ необходимымъ הושיבו פפוס ולוליאנוס טרפיזין מעכו עד אנטוכיא והיו מספקין לעולי גולה כסף וזהב וכל צרכם. Эти лавки были ими устроены съ цѣлью обмѣнять иностранныя монеты на туземныя и, кромѣ того, они содержали вавилонскихъ евреевъ (עולי גולה), принимавшихъ участіе въ постройкѣ храма.

4). Во время гоненій за вѣру ихъ заставляли пить для вида либаціонное вино, т. е., воду изъ цвѣтного стакана, но они этого не сдѣлали לוליינוס ופופס אחיו שנתנו להם מים בכלי זכוכית צבועה ולא קבלו מהן. Тутъ о нихъ говорится, какъ о *братьяхъ*.

5). Они были потомъ казнены, и введенный раньше въ ихъ честь Траяновъ день, за смертью этихъ братьевъ, былъ опять упраздненъ יום שנהרג לוליינוס ופפוס בטל יום טיריון.

6). Ихъ называютъ *лидейскими мучениками,* и, по выраженію Талмуда, имъ отведено въ раю особое мѣсто.

По приведеннымъ указаніямъ не трудно составить біографическій очеркъ этихъ двухъ братьевъ. Прежде всего считается установленнымъ, что Юліанъ-Александръ и его братъ Паппосъ играли *роль вождей.* Разсказъ о томъ, что они были приговорены къ смерти и спаслись, относится, безъ сомнѣнья, къ судьбѣ *Квіета*, отозваннаго Адріаномъ и казненнаго въ пути. Юліанъ и Паппосъ, попавшіе въ плѣнъ въ Лаодикею, вѣроятно, принимали участіе въ войнѣ Квіета, т. е., въ возстаніи, вспыхнувшемъ въ Палестинѣ при Траянѣ, При реставраціи храма оба брата играли наиболѣе видную роль, какъ личнымъ содѣйствіемъ, такъ и собираніемъ пожертвованій.

Вездѣ мы встрѣчаемъ греческія имена обоихъ братьевъ. Но намъ извѣстно также, что одинъ изъ нихъ носилъ и еврейское имя *Шемая*. Одинъ источникъ приводитъ слѣдующій мотивъ превращенія Траянова дня въ день траура: „Потому что Юліанъ и Паппосъ были казнены" בטל יום טיריון מפני יום שנהרג לוליינוס ופפוס. Другой же источникъ говоритъ о томъ же: „Потому что казнили Шемаю и его брата „בטליה בטליה הואיל שנהרגו שמעיה ואחיו. Тождество Шемаи съ Юліаномъ (или Паппосомъ) ясно и признано также Деренбургомъ. Итакъ, одинъ изъ нихъ *рядомъ съ греческимъ носилъ и еврейское имя* שמעיה. Отсюда слѣдуетъ заключить, что и другой имѣлъ еврейское имя. Какое? Правильному рѣшенію этого вопроса поможетъ—если я не ошибаюсь—достойная вниманія традиція.

Самуилъ младшій, эта высокопочитаемая своими современниками, а также патріархомъ Р. Гамаліиломъ, личность, которую называли вторымъ Гилеломъ, высказалъ передъ своей смертью нѣчто въ родѣ пророчества, смыслъ котораго не былъ тогда совсѣмъ понятенъ. Это изреченіе гласитъ: *„Симонъ и Измаилъ погибнутъ, остальной народъ обреченъ на разгромленіе и наступятъ великія бѣдствія"*. Почему же современники не понимали того, что намъ такъ легко понятно? Потому что намъ извѣстны событія: бѣдствія въ войнахъ Квіета и Адріана, мученическая смерть многихъ законоучителей, а также кончина *Симона,* и *Измаила*, считающихся первыми изъ десяти мучениковъ. Это изреченіе умирающаго Самуила младшаго кажется намъ предостереженіемъ, а современникамъ оно показалось мрачнымъ пророчествомъ, потому что оно было высказано въ спокойное время, когда ничто не предвѣщало о страшной катастрофѣ. Виновниками этого ужаснаго бѣдствія Самуилъ назвалъ двухъ мужей: *Симона* и *Измаила*. Эти имена, какъ извѣстно, встрѣчаются среди мучениковъ, но въ позднѣйшее время не знали точно, кто они были. Ихъ пытались отождествлять съ Симономъ бенъ-Гамаліиломъ и Измаиломъ бенъ-Элисы, сыномъ первосвященника. Старѣйшіе хронологи высказались, однакожъ, противъ этого. Симонъ бенъ-Гамаліилъ рѣшительно не принадлежитъ къ десяти мученикамъ, потому что послѣдніе погибли только во время Адріана, тогда какъ онъ дѣйствовалъ во время перваго возстанія; точно также и Измаилъ бенъ-Элисы не можетъ быть причисленъ къ десяти мученикамъ ужъ потому, что онъ былъ патріархомъ во время послѣ Адріана. Такимъ образомъ, Симонъ и Измаилъ, открывающіе рядъ мучениковъ, являются, безъ сомнѣнья, тѣми агитаторами, дѣятельность которыхъ вызвала мрачное предсказаніе мирно настроеннаго Самуила младшаго. Агитаторами же были именно Юліанъ и Паппосъ, игравшіе въ началѣ царствованія Адріана роль вождей. שמעיה и ישמעאל по значенію своему одинаковы: שמע-יה и ישמע-אל. Часто эти имена даже смѣшиваются. И если одинъ изъ нихъ, Юліанъ или Папосъ, носилъ еврейское имя שמעיה, то другой, навѣрное, назывался שמעון.

Однако, оставимъ эту комбинацію. Неоспоримо, вѣдь, то, что одинъ изъ обоихъ вождей рядомъ съ греческимъ именемъ носилъ еврейское имя שמעיה. Возможно, что это имя было вычеканено на нѣсколькихъ экземплярахъ, такъ называемыхъ монетъ-Симона въ видѣ именно сокращеннаго שמעה. Полное имя שמעיה не могло быть отчеканено, такъ какъ считалось преступленіемъ писать *имя Бога* יה, допускаемое только въ священномъ писаніи. Ясно, что на монетахъ могло фигурировать имя *Шемая—Юліанъ* (или Паппосъ), тѣмъ болѣе, что оба брата пользовались въ народѣ *высокимъ почетомъ, были богаты и собирали пожертвованія въ пользу сооруженія храма.*

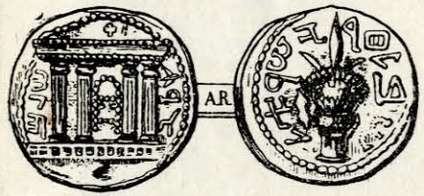
Итакъ, разсматриваемыя монеты могли быть отчеканены Юліаномъ и

Они перечеканили также римскія монеты съ императорскими головами и легендами. Большинство этихъ перечеканенныхъ экземпляровъ были монеты Траяна.

Эта чеканка монетъ продолжалась только два года. Монеты второго года имѣли число ש״ב и съ измѣненной легендой לחרות ישראל вмѣсто לחרות ירושלם. Можетъ быть, когда-нибудь найдутъ причину этого измѣненія. Ни въ какомъ случаѣ, однакожъ, этотъ разрядъ, за отсутствіемъ всякихъ доказательствъ, не долженъ быть названъ монетами Баръ-Кохбы. Звѣзды на нѣкоторыхъ экземплярахъ-луловъ не имѣютъ значенія путеводной звѣзды, такъ какъ на другихъ экземплярахъ встрѣчается вмѣсто нея фигура въ видѣ креста. Едва ли можно ихъ назвать *монетами времени возстанія,* потому что они были отчеканены въ мирное время вслѣдствіе даннаго Адріаномъ разрѣшенія. Были, конечно, монеты Баръ-Кохбы, или, вѣрнѣе, *монеты Баръ-Козибы,* встрѣчавшіяся еще во второмъ столѣтіи. *Намъ, однакожъ, понынѣ неизвѣстны никакіе образцы этихъ монетъ.*

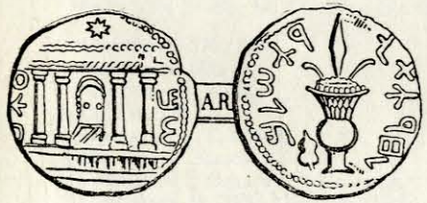
I.

II.

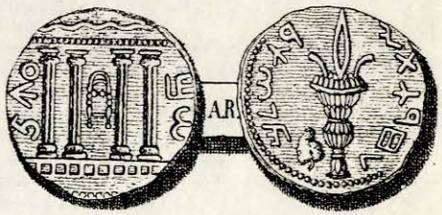


III.

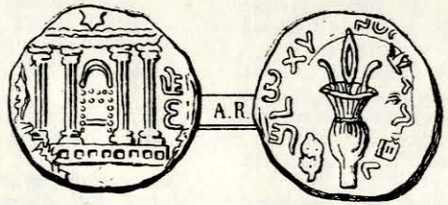
IV.



V



VI.



УКАЗАТЕЛЬ

Ab-Bet-Din 102.
Абила 331, 397.
„ Лизанія 237.
Абилена 255, 329.
Абинерглъ 302.
Абія 303.
Августъ 138, 152, 160, 167, 171, 183, 185, 190.
Августиняне 268.
Авталіонъ 124, 142, 145, 146, 154, 157.
Агада 176.
Агаобулъ 301.
Агриппа I. 235—267.
Агриппа II. 319 и слѣд
Агриппа 170 и слѣд.
Агриппина 329 и слѣд.
Агриппія см. Антедонъ.
Адида 17.
Адіабена 301, 339, 344.
Адора 19, 55.
Адрамитій 121.
Азинай 272.
Азоръ 16.
Аинъ 398.
Аккаронъ см. Экронъ.
Акко см. Птоломаида.
Акра 4, 6, 9, 15, 42, 47, 90, 113, 153, 164.
Акрабатена 328, 389.
Акрабатина 390.
Акрополь см. Акра.
Акціады 164.
Алабархъ см. Арабархъ.
Александръ Баласъ 12—15.
Александръ I, Янай 87, 90 и слѣд.
Александръ II, 113, 122, 126, 127.
Александръ Великій 21.
Александръ, вождь зелотовъ, 324.
Александръ Зебина 52.
Александръ Киренскій 425.
Александръ Лизимахъ 236, 249, 256.
Александръ Полигисторъ 241.
Александръ, сынъ Ирода, 172, 191.
Александръ, сынъ Ѳеодора, 135, 138.
Александръ Тиберій Юлій см. Александръ Лизимахъ.
Александра, дочь Аристовула II, 127.
Александра, дочь Гиркана II, 113, 138, 149, 163.
Александра, царица, см. Саломея Ал.
Александрійскіе евреи 21, 125, 130, 160, 245, 248, 256, 263, 353.
Александріонъ 99, 109, 117, 122, 330.
Алексъ 183, 185.
Алитиръ 369.
Алкимъ 4, 5, 10, 23, 25.
Аллегорія 286.
Альбинъ 334, 337.
Аматъ 93, 95.
Амбивій Маркъ 200.
Аменофисъ 29.
Аммаусъ см. Эммаусъ.
Аммоцъ не далеко отъ Іерусалима 417.
Амній Титъ 128.
Амрамъ 268.
Ананъ I, 196.
Ананъ II, 334, 362, 375, 394.
Ананъ бенъ-Іонатанъ 356.
Ананель 147, 149, 166.
Ананія 302.
Ананія бенъ-Небедай 269.
Ананія, сынъ Оніаса IV, 57, 53, 93.
Ананія, бенъ-Цадукъ 350.
Ананія, первосвященникъ, 322, 329, 344.
Андрей 33.
Андромахъ 166.
Андроникъ 35.
Анилай 272.
Аннибалъ 268.
Аппона 192.
Антедонъ 93, 123, 165.
Антеніонъ 152.
Антигонъ, сынъ Гиркана I, 57, 87, 89.
Антигонъ II, 120, 127, 129, 137, 139—145, 151.
Антіохія 16, 271, 308, 313, 352.
Антіохъ, сынъ Александра Баласа, 16.
Антіохъ VI Сидетъ 43, 46, 50, 52.
Антіохъ VIII, 52. 91.
Антіохъ IX, 52, 56, 91.
Антіохъ X, 98.
Антіохъ Комагенскій 263, 267.
Антіохъ изъ Антіохіи 352.
Антіохъ Азіатикъ 110.
Антіохъ Эвкеръ 96.
Антіохъ Евсевій 98.
Антипа Иродъ 176, 185, 203, 210, 234, 236, 238.
Антипа, иродіанинъ 390
Антипатрисъ (Кафарсаба) 98, 165, 354.
Антипатръ, отецъ Ирода, 113, 116, 122, 126, 128—135.
Антипатръ, сынъ Ирода, 144, 173, 174, 183.
Антипатръ, сынъ Язона, 44.
Антоній, тріумвиръ, 138, 141, 142, 146, 152, 153, 160.
Антоній Люцій 128.

Антонія 233, 236.
Антонія см. Акра.
Апамея 121.
Апеллесъ 251.
Апіонъ 242, 251, 298.
Аполлоній 53, 56.
Аполлоній Даосъ 14.
Аполлосъ 317.
Апостолы 221, 306.
Арабархъ 28, 130, 161, 256.
Аракена см. Мезена.
Аракъ Спазину 302.
Арбела 141, 143.
Аргобъ (Рагаба) 99.
Архелай, сынъ Ирода, 185 190.
Архелай Юлій 262, 321.
Архелаида 190.
Архонты 171.
Арета Филэллинъ 98, 114, 122, 189, 234.
Арета Филодемъ 272.
Аретуза 120.
Аримаѳія см. Раматаимъ.
Аристей 33, 280.
Аристовулъ I. 57, 87.
Аристовулъ II. 100, 109, 112, 113, 120, 125, 127.
Аристовулъ III. 149.
Аристовулъ, братъ Агриппы I, 236, 254, 267.
Аристовулъ, сынъ Ирода, 173.
Арменія 273.
Артабанъ 273, 303.
Артапанъ 264.
Аскалонъ 14, 165.
Асофонъ 92.
Асоха 92.
Асфаръ 8.
Атласъ см. Енохъ.
Атронгъ 188.
Атталъ 12.
Ауранитъ см. Гауранъ.
Афта 392.
Ахіабъ 163, 183.
Ацицъ 321.
Ацотъ 14, 120, 123, 185, 191, 389.
Аѳины 274.
Баба бенъ Бута 146, 194.
Багоасъ 174.
Бакхидъ 4, 8, 10—12.
Банъ.
Барисъ см. Акра.
Барнаба см. Варнава.
Барцафарнъ 139.
Баръ-Гіора, см. Симонъ баръ-Гіора.
Баскама 19.
Бассъ, намѣстникъ Египта, 245.
Бассъ, намѣстникъ Іудеи.
Батанея (Басанъ) 165, 202, 367.
Батира 147, 367.
Безбрачіе 68, 73, 213.
Безимотъ 397.
Беліаръ 152.
Бенъ-Калба Сабуа 404.
Бенъ-Цицитъ 404.
Бетанія см. Виѳанія.
Бетзанъ (Бетъ-Шеанъ)18, 58, 120, 352.
Бетомъ 97.
Бетъ-Агла 11.
Бетъ-Белтинъ 330.
Бетъ-Губринъ 397.
Бетъ-Зайда см. Юлія.
Бетъ-Лехемъ (Виолеемъ)389.
Бетъ-Маонъ 364, 371.
Бетъ-Нимринъ 396.
Бетъ-Фаге 387.
Бетъ-Харанъ см. Ливіада.
Бетъ-Хоніо см. Храмъ Оніаса.
Бетъ-Хоронъ 9.
Бетъ-Цуръ 9, 12, 17.
Бетъ-Элъ 9.
Бецета 266, 355, 387, 521—526.
Библосъ 165.
Бира см. Акра.
Благотворительность 82, 83, 260.
Бней-Амри 8.
Бней-Баба 145, 146, 163.
Бней-Батира 147.
Боязнь клятвы 69, 167, 214.
Богохульство 227.
Боэтосъ, основатель секты боэтусеевъ 66.
Боэтосъ, родоначальникъ первосвященниковъ 166.
Брутъ 137.
Бурръ 333.
Вавилонія 272.
Вавилоняне-евреи 147, 157, 367.
Варъ 187, 367, 493—496.
Варнава 305, 313
Варъ Квинтилій 175, 187, 189.
Великая Идумея 398.
Великое судилище см. Синедріонъ.
Вентидій 141.
Вереника, дочь Агриппы I, 256, 262, 321, 342, 346, 379.
Вереника, дочь Саломеи, 173, 236.
Вереника, мать Агриппы I, 236.
Верхній городъ см. Сіонъ.
Веспасіанъ 378, 382.
Вителлій, Императоръ 400.
Вителлій, намѣстникъ, 234.
Виѳанія 224, 325.
Война съ Варомъ 187, 493—498.
Вольноотпущенные см. Либертины.
Вольные отряды 351.
Ворота храма 169.
Восемнадцать постановленій 360.
Воскресеніе 219, 311.
Габара 366, 373, 380.
Габата 110.
Габаотъ 355.

Габиніополисъ 123.
Габиній 118, 122, 126.
Гадара 93, 120, 161.
Газара 9, 41, 47, 51, 53, 123.
Газа 17, 93, 120, 123.
Галадитисъ 96.
Галайстъ 110.
Галилея 202, 211, 362, 384.
Галлъ 338, 354—357, 377.
Гальба 400.
Гамала 99, 365, 367, 384, 395.
Гамаліилъ I. 259, 265, 330.
Гаризимъ 35, 36, 54, 382.
Гауланитисъ 96, 368.
Гагіографы 199, 266.
Галлелъ 81.
Гаматъ 16.
Ганнибалъ см. Аннибалъ.
Гауранъ 165, 329, 330.
Геена (адъ) 219.
Гемелъ 166.
Генархъ 25.
Генисаретъ 363.
Гераза 99.
Гекатей 264, 265.
Геликонъ 251.
Гинея 328.
Гисхала 364, 377, 385.
Гиксы 29.
Гилелъ 154—159, 192, 212.
Гилелиты см. школа Гилела.
Гиппикосъ 388, 415.
Гиппосъ 120, 161.
Гирканіонъ 99, 109.
Гирканъ I. 47—87, 99, 113.
Гирканъ II. 100, 111—140, 148, 153.
Гіерозила 240.
Глафира 172, 190.
Голгоѳа 228.
Голодъ 8, 166, 304.
Голодъ въ Іерусалимѣ 410, 412.
Горіонъ бенъ-Никомедъ 350.
Гофна 135.
Грапта 305, 399.
Гратъ Валерій 200, 202.
Гратъ 188.
Гробница Давида 52, 54.
Гробница Елены, см. Мавзолей.
Груфина 330.
Дабаритта 372.
Давида потомки 78, 154.
Давида сынъ 208.
Дагонъ см. Докъ.
Дамаскъ 16, 165, 272, 308, 312, 359.
Даніила книга, 199.
Дарій 349.
Декаполисъ 120.
Декуманы 379.
Деллій 149.
Делосъ 128.
Дельта 22, 245.
Діалектъ галилейскій 212.
Діогенъ 95, 97, 109.
Діодоръ 53.
Діодотъ Трифонъ 16—18.
Діонъ (Діосполисъ) 99, 120.
Дмитрій I. 4, 8, 9, 12, 13, 14.
Дмитрій II. 14, 15, 16, 23, 40, 43, 52.
Дмитрій, арабархъ, 321.
Дмитрій, историкъ, 263.
Дмитрій Фалерійскій 33.
Дни поминовенія или полупраздники 40. 42, 54, 58, 95, 102, 105, 184, 360.
Дни суда 82.
Докъ 48.
Долабелла 135, 136.
Долезъ 396.
Домиціанъ 426.
Дора 47, 120, 123, 261.
Дороѳей 269.
Дорида 144.
Дортъ 328.
Досиѳей 23, 24.
Досиѳей, ораторъ, 128.
Достай см. Ѳеодосій.
Древности Флавія 426.
Друзилла 262, 321, 331.
Друзъ 235.
Дѣло о колдовствѣ 108.
Еврейская поэзія 60.
Еврейскій сборъ 422.
Еврейскій языкъ 60.
Еврейско-греческая литература 34, 263, 264, 275—300.
Египетъ 20—38, 41, 55, 160, 161, 238, 251, 263—265.
Езекія 132.
Елена 270, 301, 304, 305.
Енохъ 37.
Ессеи 61, 67—74, 182, 208, 209, 232, 306.
Жертвоприношеніе за императора 161, 348.
Заклинанія 72, 220, 232,
Законодательство 75, 156.
Замарисъ 147, 166.
Замега 54.
Захарія бенъ-Амфикалосъ 348, 391.
Захарія бенъ-Барухъ 394.
Захарія бенъ-Кабутаръ 336.
Зебина см. Александръ.
Зелоты 189, 195, 343, 348.
Земледѣліе 83.
Землетрясеніе 152.
Зенонъ Котиласъ 50, 93.
Значеніе Израиля 284, 292.
Зоилъ 91, 92.
Идумеи 55, 56, 143, 147, 166, 176.
Идумея 54.
Изатъ 301—304.
Измаилъ Фіаби 202, 332, 334.

Измѣненіе именъ 260.
Изображеніе императоровъ 204, 234, 246.
Илія 46, 206, 207.
Имя Бога 70, 72, 294, 323.
Ирена 38.
Иродъ I. 132—154, 160—184.
Иродъ II. 262, 267—269.
Иродъ Венъ-Міаръ 366.
Иродъ, сынъ Ирода I. 185.
Исидоръ 244, 252.
Историки 61, 425—427.
Итабріонъ см. Таборъ.
Италія 201, 272.
Итурея 59, 89, 165.
Іегуда венъ-Гедидимъ 86.
Іезекіиля книга 361.
Іерихонъ 9, 11, 123, 144, 149, 150, 161.
Іерусалимъ 15, 18, 26, 50, 60, 114, 118, 129, 143, 144, 145, 257, 266, 271, 276, 307, 319, 338, 339, 385.
Іисусъ изъ Назарета 211—228.
Іисуса ученики 231.
Іоазаръ венъ-Номикосъ 375.
Іоазаръ, первосвященникъ, 177, 186, 190.
Іоаннъ апостолъ 308.
Іоаннъ венъ-Соза 390.
Іоаннъ ессей 361.
Іоаннъ изъ Гисхалы 365, 371, 373, 385.
Іоаннъ Креститель 209, 210, 213, 214.
Іовъ 193, 265.
Іонатанъ Апфусъ (Хафусъ, Маккавей) 6, 8, 11—20.
Іонатанъ венъ-Авесаломъ 18.
Іонатанъ венъ-Ананъ 233, 259, 329, 332.
Іонатанъ венъ-Узіель 193.
Іонатанъ, депутатъ Синедріона, 375.
Іонатанъ, зелотъ, 424.
Іонатанъ, садукей, 85.
Іоппе (Яффа) 14, 17, 42, 47, 51, 53, 56, 120, 129, 354.
Іорданъ 209.
Іосифъ Аримаоейскій 224.
„ братъ Ирода 140, 141, 144.
„ изъ Гамалы 368, 384.
„ венъ-Эллемъ 175.
„ венъ-Матоій, см. I. Флавій
„ венъ-Симонъ 361.
„ венъ-Горіонъ 361.
„ отецъ Іисуса 211.
„ шуринъ Ирода 150.
„ Флавій 201, 228, 368—383.
„ сынъ Менная 138.
„ Камитъ 269, 334.
Іосе венъ-Іохананъ 5.
Іосе венъ Іоэзеръ 5.
Іотапата 364, 380—382.
Іохананъ б. Небедай см. Ананія б. Небедай.
„ венъ-га-Хоранитъ 193.
„ „ Закай 323, 325, 335.
„ Маккавей 6, 8.
Іоцадакъ 44.
Іошуа венъ-Ананъ
Іошуа венъ-Гамала 335.
Іошуа венъ-Дамнай 335.
Іошуа венъ-Перахія 56, 64, 84.
Іошуа Фіаби 166.
Іояривъ 13, 41, 78.
Іошуа венъ-Сапфія 366.
Іояда 13.
Іошуа Сетъ 190.
Іуда Маккавей 3—8, 13, 19.
Іуда Аристовулъ 29, 55.
Іуда венъ-Халфаи 16.
Іуда венъ-Яиръ 421.
Іуда ессей 90.
Іуда венъ-Іонатанъ 350.
Іуда венъ-Пахура 83.
Іуда венъ-Сарифаи 176.
Іуда венъ-Табай 97, 101, 102, 107 108.
Іуда, основатель партіи зелотовъ, 189, 192, 195, 270.
Іуда Искаріотъ 226.
Іудео-христіане 231, 317—319.
Кай Цезарь 200.
Каіафа 202, 226, 233.
Калигула 235, 246, 251—255, 313.
Каллимандръ 57.
Кандакія 305.
Каноиъ св. Писанія 197—199, 361.
Капеллъ 366.
Капернаумъ 216, 364.
Капитонъ 253.
Каръ 174.
Кассій Лонгинъ 127, 134—137, 269.
Кафарсаба см. Антипатрисъ.
Квиринъ 192, 195, 196.
Кендебай 47.
Кесарея см. Цезарея.
Кетуба 103.
Кефаръ-Ханина 363.
Кефаръ-Цемахъ см. Самега.
Кефасъ, Кифа см. Петръ.
Кипросъ, городъ, 165, 354.
Кипросъ, жена Агриппы I, 236.
Киренаика 21, 24, 171, 172, 271.
Киренскіе евреи 271.
Кифариса (Кипросъ), жена Антипатра 132.
Клавдій 255, 256, 268, 270, 322, 329.
Классы левитовъ 336.
Клейтъ 376.
Клеопатра, дочь Птоломея VI, 57, 92, 93.
Клеопатра, жена Птоломея VI и VII, 37.
Клеопатра, жительница Іерусалима, 185.
Клеопатра, послѣдняя 136, 142, 149, 151, 152, 160.
Клеопатра, сирійская, 52, 53.
Когелетъ 177—183, 198, 199, 361.
Коллегія священниковъ 79.
Компзе венъ-Компзе 366.
Конопій 192, 199.

Корбанъ см. Храмовая казна.
Коринеъ 274.
Корнелій 269.
Костобаръ 145, 163.
Котиласъ см. Зенонъ
Котисъ 267.
Красъ, 125, 127.
Криспъ 376.
Ктезифонъ 273
Культъ осла 239—241.
Куманъ 327—329.
Купающіеся по утрамъ см. Ессеи.
Куреніе ѳиміама 66, 80.
Лагосъ 30.
Лампо 244.
Лаодикея 121, 131.
Латуръ см. Птоломей VIII.
Левитская чистота 65, 67, 193.
Левиты, 107, 336.
Лентулъ 128.
Леонтополисъ 26.
Либертины 120, 271.
Ливія 191, 203.
Ливіада 114, 203.
Лида 17, 129, 135, 354.
Лизаній, сынъ Птоломея, 139, 151.
Лизимахъ 240, 298.
Лизимахъ, сынъ Павзанія, 138.
Логосъ 295—297.
Лонгинъ см. Кассій.
Луцусъ 424.
Лѣтописи 61.
Мавзолей въ Модинѣ 60.
„ Елены 305.
Магдала см. Тарихея.
Магдалина см. Марія М.
Маккавеи см. Хасмонеи.
Маккавеи, книга I. 360.
„ „ II. 265.
„ „ III. 248, 265.
„ „ IV. 316, 317.
Малхъ 379.
Малтака 185, 200.
Манассія 361.
Манеоонъ 29.
Мареша или Мариса 55, 56.
Маріамна I. 138, 140, 144, 149, 150, 154, 162.
Маріамна II. 165, 175.
Маріамна башня 388.
Маріамна, дочь Агриппы, 252, 321.
Маріонъ 137.
Марія Магдалина 217.
Марія, мать Іисуса, 211.
Маркъ 262.
Марсъ Вибій 268.
Мароа 335.
Масада 140, 143, 151, 350.
Матай (Нитай) изъ Арбелы 64, 84.
Матаоія царь, см. Антигонъ II.
Матаоія венъ-Авесаломъ 16.
Матаоія венъ-Симонъ Пселлосъ 20.
Матаоія, сынъ Симона Хасмонея 39.
Матоій венъ-Ананъ 259.
„ „ Маргалотъ 176.
„ „ Ѳеофилъ I. 175, 177.
„ „ „ II. 336.
Махеръ (Machwar) 99, 109, 125, 330.
Махерасъ 143.
Малихъ 123, 135, 136, 137.
Маоусаилъ 37.
Мегасаръ 409.
Мегилатъ таанитъ 361.
„ бетъ хасмонаимъ 350.
„ хасидимъ 74.
Медаба 8, 54, 114.
Мезена 302.
Менахемъ ессей 159.
Менахемъ, предводитель сикаріевъ, 324, 343—350.
Менелай 4, 6, 10, 23, 28.
Мессія (Машіахъ) 46, 152, 206—208, 229, 277, 310.
Метилія 343, 350.
Методы толкованія 156.
Милетъ 131.
Миріамъ см. Марія.
Миріамъ изъ Переи 412 .
Митридатъ I, 7.
Митридатъ Понтійскій 113.
Михмасъ 12
Модинъ или Модимъ 19, 60.
Моисей 29, 71.
Моло или Молонъ. 121, 239, 240.
Монеты 46, 58, 88, 99, 101, 122, 140, 351, 357, 359, 336
Монобазъ I. 301, 302.
„ II. 304, 305, 340.
„ 354.
Моца см. Аммоцъ.
Муціанъ 378.
Наара 190.
Набатеи 8, 54.
Нагардея (Наарда) 106, 148, 272
Назареи 231, 232, 307—312.
Назаретъ 211, 216.
Назиреи 4, 67.
Наказаніе за клевету 86.
Нарбата 341, 354.
Наси 75, 101.
Неаполитанъ 345.
Небесное царство 71, 208.
Неронія 338.
Неронъ 333, 334, 339, 340, 378.
Нетины см. рабы храма.
Нетира 381.
Нетофа 9.
Нигеръ 354.
Низибисъ 106, 273.
Никаноръ 382.

Никаноръ, арабархъ 161, 169.
Никодемъ бенъ-Горіонъ 404.
Николай Дамасскій 147, 166, 171, 241.
Никополисъ 165.
Ново-еврейскій языкъ 60.
Ной 261.
Нуменій 44.
Обеда 96.
Обособленіе отъ язычниковъ 359, 360.
Образцовый свитокъ Пятикнижія 82.
Община 82.
Община еврейская въ Римѣ 120.
Общность имущества 69, 231, 306.
Обычаи религіозные 63.
Огненные сигналы 330.
Одержимый злымъ духомъ 72, 220, 262
Одура 6, 11.
Озарсифъ 29.
Олимпійскія игры 165.
Ониасъ см. Менелай.
Ониасъ III. 21, 23, 27.
Ониасъ IV. 23—28, 41, 57.
Ониасовъ храмъ 26, 27.
Онионъ 26, 28, 57, 129.
Орелъ римскій въ храмѣ 170, 176.
Орфей 275.
Освобожденіе евреевъ отъ воинской повинности 128, 129, 130, 135.
Освященіе храма Ирода 170.
Освященіе стѣнъ Іерусалима 265.
Оскорбленіе величества 86.
Откровеніе 297.
Отонъ 401.
Офла 387, 404, 414.
Павелъ 305, 307, 309—319, 332.
Пакоръ 139.
Палласъ 331.
Пальмира 302.
Панія 185.
Папій 144.
Парій 131.
Парушимъ см. Фарисеи.
Пасха 157, 339.
Пахуры сыновья 83, 86.
Пелла 99, 120.
Первосвященническія фамиліи 322, 391.
Пергамъ 121.
Перея 202, 238.
Пессимизмъ 180.
Петроній 253, 255.
Петръ 216, 222, 231, 308, 318.
Пилатъ 203, 204, 227, 233.
Пинхасъ бенъ-Клузотъ 390.
Пиратонъ 9.
Питолай 123, 125, 127.
Плацидъ 379, 385.
Плѣнные евреи въ Римѣ 120.
Подушная подать 9, 196.
Полемонъ 267, 321.
Полліонъ см. Авталіонъ.
Полупрозелиты 125, 301.
Полшекеля для храма 106.
Помпей 115—120, 126—128,
Поппея 334, 369.
Посидоній 239.
Посольство въ Римъ 44, 53, 56.
Постройки Ирода 164—170.
Праздникъ возліянія воды 104.
Праздникъ корзинъ или первосборныхъ плодовъ 257.
Праздникъ освященія храма см. Ханука.
Праздникъ приношенія дровъ 105, 394.
Присяга 167, 174.
Прозелитизмъ 73, 301, 305.
Прозелиты 76, 194, 201, 300, 301.
Прокураторы 191, 192, 268.
Проповѣдь 34, 176, 286, 317.
Пророкъ 297.
Пророкъ изъ Египта 326, 332.
Просболъ 158.
Псалмы 61, 80, 81, 85, 104, 199, 257.
Псевдо-Мессія 225, 326, 333.
Псевдо-Орфей и Псевдо-Софоклъ см. Орфей.
Псевдо-Фокилидъ 278, 279.
Птоломаида 14, 15, 18, 92, 93, 110.
Птоломей I, 21.
„ II, Филадельфъ, 33, 280—282.
„ VI, Филометоръ 14, 15, 21, 23, 24, 25, 28, 29, 30, 37.
„ VII, Эвергетъ II. 37, 38, 52.
„ VIII, Латуръ, 57, 58, 92, 93.
„ бенъ-Хавувъ 48, 50.
„ сынъ Меная 109, 127, 137.
„ братъ Николая Дамасскаго 166.
Пуримъ 125.
Пѣснь пѣсней 361.
Пятикнижіе 82
Разводъ 103, 194, 197.
Раматаимъ 15.
Рафія 93, 123.
Религіозныя тягости 4, 193, 194, 359, 360.
Республиканцы 117.
Римскіе евреи 121.
Родословныя записи 75, 78, 147.
Руфъ 188.
Руфъ Анній 200.
Рума 381.
Саббаи 35.
Сабинъ 187—189.
Саганъ 10.
Садукеи (Цадукеи) 62, 65—67, 74, 85, 86, 94, 95, 109, 113 334, 335.
Саломея Александра 90, 91, 94, 99—111.
Саломея, сестра Ирода, 150, 163, 172, 173, 174, 183, 185, 191.
Самарія 54, 56—58, 120, 123, 161, 164.
Самаряне 34 — 37, 53, 328 — 330, 358, 382.

Самсигерамъ 267.
Санъ первосвященника 13, 40, 75, 78, 79, 175, 190, 196, 202, 268, 269.
Сарамалла 143, 148.
Сарды 128, 131.
Сарона 152.
Сартаба см. Александріонъ.
Сатурнинъ 201.
Саулъ или Савлъ см. Павелъ.
Свитокъ дней поминовенія 361.
Св. духъ 71, 208.
Священные послы 106.
Себаста 164, 262.
Селина Клеопатра 110.
Селевкія у Меромскаго озера 97, 368.
Селевкія на Тигрѣ 273.
Семилампадный свѣтильникъ 272.
Сепфорисъ 141, 143, 179, 203, 355, 364, 368, 377.
Сеянъ 201, 204, 233, 238.
Сибма 114.
Сивилла, еврейская 152, 153, 275,—278.
Сидетъ см. Антіохъ С.
Сикаріи 324, 325, 327, 333, 337, 349, 350, 389, 390.
Силасъ 259, 354, 389,
Силонъ 141, 143.
Симонъ бенъ-Боэтосъ 166, 175.
Симонъ бенъ Шетахъ 91, 94, 95, 101—103, 107—109.
Симонъ бенъ-Гамаліилъ I. 325, 339, 358, 359, 362, 365, 374, 392, 394.
Симонъ бенъ-Катла 390, 393.
Симонъ бенъ-Саулъ 353.
Симонъ бенъ-Эфронъ 391, 404.
Симонъ, вождь зелотовъ, 270.
Симонъ изъ Гисхалы 373.
Симонъ Камитъ 202.
Симонъ Кантерасъ 253, 258.
Симонъ Кипрянинъ 321, 326.
Симонъ Маккавей 11, 16—19, 38—48.
Симонъ, рабъ Ирода, 188.
Симонъ I, сынъ Гилела, 193.
Симонъ, сынъ Досиѳея, 53.
Симонъ, фарисей 258.
Симонъ баръ-Гіора 354, 355, 389, 390, 398—400, 404, 407, 414, 419, 420.
Синагоги 81 — въ Александріи 22, 23, 244,—въ Іерусалимѣ 271—въ Малой-Азіи 131.
Синедріонъ въ Галилеѣ 370.
Синедріонъ 75, 76, 86, 94, 95, 101, 123, 159, 169, 271, 325, 358, 362, 394.
Сирахъ младшій 264.
Сирійскіе евреи 272.
Сіонъ 387, 415.
Сконосъ 407.
Скавръ 115, 116, 122.
Скитополисъ см. Бетзанъ.
Смерть на крестѣ 228.
Согемъ 379.
Соемъ 154, 162.
Соганъ 99.
Созій 144.
Соломонъ 72, 78, 198.
Соль изъ Мертваго Моря 9.
Сорегъ 10.
Соферимъ 4, 63, 64.
Софоклъ 275.
Стефанъ 307.
Страбонъ 241, 242.
Стратонова башня 90, 120, см. Цезарея.
Субботный годъ 50, 129, 158, 258.
Судоустройство 76, 77.
Сѣченіе 84.
Таборъ 330, 384.
Тайное искусство 69, 70.
Тамна 9, 135, 389.
Тарихея 127, 364, 373, 383.
Теодозій 35.
Теодоръ 93, 99.
Теодотъ (Теодозій), 36.
Теофилъ, первосвященникъ, 234.
Теофилъ, писатель, 264.
Тетрархи 139.
Теуда см. Ѳевда.
Тефиллинъ (филактеріи) 84, 281.
Тефтаи 409.
Тиверіада 203, 267, 363, 366, 373, 376.
Тиверій Александръ 247, 269, 270, 346, 353, 402, 406, 413.
Тиверій, Императоръ, 200, 233, 237.
Тигранъ изъ Арменіи, 98, 110.
Тигранъ, внукъ Ирода, 191.
Титій Маркъ 172.
Титъ 379, 385, 406 — 409, 413 — 420, 422, 423, 425.
Толомаи 268.
Тора 82, 281, 282.
Траллесъ 178.
Трапеза любви 308.
Трахонитъ 165.
Триполисъ 165.
Трифонъ 269.
Тріумвиратъ 152.
Тріумфъ надъ Іудеей 419 — 420.
Уголовный судъ 77, 191.
Улата 166.
Устные законы 63—66, 75, 124, 156, 299.
Фадъ 268, 269.
Фазаель, башня, 165, 388.
Фазаель, братъ Ирода, 132, 139, 165.
Фазаель, сынъ Ирода, 185.
Фазаелись 165, 191.
Фазирона сыновья 11.
Фаліонъ 116.
Фаранъ 398.
Фаратонъ см. Пиратонъ
Фарисеи 62—65, 72—74, 84—87, 94—97, 109, 113, 167, 174, 176, 254.

Фаросъ 30.
Феликсъ 321. 327, 329, 331, 332.
Фероръ 172 – 175.
Фестъ. 333.
Филадельфія 120, 268.
Филиппонъ 127.
Филиппъ изъ Румы 381
Филиппъ изъ Батиры 349, 350, 367.
Филиппъ, сынъ Ирода, 185, 202, 203.
Филонъ 236, 248 – 251, 263, 287—300.
Филонъ старшій 36.
Фисковъ см. Птоломей VII.
Фіаби 166.
Флаккъ, намѣстникъ Египта, 243 – 245.
Фраатъ 148.
Флаккъ. Норбанъ, намѣстникъ М.-Азіи. 121—122.
Флоръ 337 – 343. 351.
Фронтонъ 413. 416.
Фульвія 201.
Хабулонъ 354.
Хагира 409.
Ханука (праздникъ освящ. храма) 55, 81
Харакена, см. Мезена.
Харакъ-Спазину см. Аракъ-С.
Харесъ изъ Гамалы 368. 384. 385.
Хасидеи 4, 7, 61.
Хасидейскій свитокъ 74.
Хафената 17.
Хевронъ 54. 55. 398. 400.
Хелкія 254, 259. 334
Хелкія, сынъ Ониаса IV. 57. 58, 92.
Херемонъ 240
Хиліазмъ 230.
Хоразинъ 216, 220, 221, 364
Хоронаимъ 114.
Хоръ левитовъ 80.
Храмовая казна 106, 204.
Хрестусъ 272, 317.
Христіане изъ язычниковъ 313—319.
Христіанство 203—232, 305—319.
Цабедей 16.
Цадокъ (Садокъ) 65.
Цадокъ зелотъ 195.
Цевуимъ 64.
Цезарея приморская 164, 332. 333. 340, 341, 351.
Цезарея филиппійская 203.
Цезарь Секстъ 132 – 134.
Цезарь Юлій 126 – 131, 134.
Цензъ 192. 195. 195.
Цереаль 382. 400. 413.
Цецина 422.
Цоаръ 99, 114.
Шамай 159. 192.
Шевна 154.
Шемая 124. 133. 142. 145. 154, 157.
Школы 103. 335.
„ Гилела. Шамая 160, 193 – 199, 260, 359, 350.
Эбіониты см. Іудео-христіане.
Эвергетъ II Фисконъ, см. Итоломей VII.
Эвкеръ см. Антіохъ Эв.
Эвполемъ, еврей, 263.
Эвполемъ, самарянинъ, 36.
Экзорцизмъ см. Заклинанія.
Экронъ 14.
Элеазаръ 33.
Элеазаръ бенъ-Ананія 344. 348. 350, 360, 361.
Элеазаръ бенъ-Ананъ 202.
Элеазаръ бенъ-Динаи 253. 324. 328. 332.
Элеазаръ бенъ-Пахура (Попра) 83. 85.
Элеазаръ бенъ Самеа 381.
Элеазаръ бенъ-Симонъ 357, 461, 390, 391, 404.
Элеазаръ бенъ-Яиръ 324. 350, 422
Элеазаръ, галилеянинъ, 303.
Элеазаръ изъ Махеруса 471.
Элеазаръ, священникъ, 126.
Элеазаръ, сынъ Симона Боэтоса, 190.
Элимеи 271.
Эліонай 259.
Эллинисты 4. 5, 8, 11, 12, 17, 18, 23 41, 42.
Эмаусъ 9, 123, 135, 363, 339, 397.
Энгади 68, 389.
Энафродитъ 426.
Эникратъ 57.
Эпифанъ 253, 321.
Эсеиръ, книга, 264
Этнархъ, Гирканъ. 119.
Этнархъ въ Александріи 25.
Этнархъ въ Дамаскѣ 272 ,312.
Эфраимскія горы 9.
Эфраимская область 15.
Эфесъ 128, 137, 170.
Юлія 203.
Юстъ 366. 375, 379, 425 – 427.
Яворъ 389, 395.
Язонъ Киренскій 265.
Яковъ бенъ-Соза 390.
Яковъ, вождь зелотовъ, 270.
Яковъ, родственникъ Іисуса, 214, 231, 308.
Ямнія 120, 185, 191. 253, 389.
Янай, см. Александръ.
Яфія или Яфа 381.
Ѳевда 269.
Ѳеодектъ 264. 282
Ѳеодосій 120 121.
Ѳеопемптъ 232.

55528/4

Оглавленіе.

Эпоха маккавеевъ и иродіанъ.

Глава I.

Іонатанъ. Положеніе евреевъ послѣ смерти героя Іуды Маккавея. Партіи: хасидеи, эллинисты и хасмонеи. Іонатанъ, вождь Хасмонеевъ. Партизанская война противъ Бакхида. Смерть первосвященника Алкима. Перемиріе между Іонатаномъ и Бакхидомъ. Іонатанъ, вождь народа. Споръ изъ-за обладанія сирійскимъ престоломъ доставляетъ Іонатану санъ первосвященника. Его осторожная политика, плѣнъ и смерть. 1—20

Глава II.

Евреи въ Александріи. Еврейская колонія въ Египтѣ и Киренаикѣ. Эмиграція изъ Іудеи въ Египетъ. Внутреннее устройство александрійской общины. Царь Филометоръ, покровитель евреевъ. Еврейскіе полководцы Ониасъ и Досиоей. Храмъ Ониаса. Переводъ Пятикнижія на греческій языкъ (septuaginta). Синагогальная проповѣдь. Еврейско-александрійская литература. Споръ іудеевъ и самаритянъ въ Александріи. Самаритянинъ Теодотъ и еврей Филонъ Старшій. Царь Итоломей VII. Фисконъ вергетъ II и евреи. . . . . 20—38

Глава III.

Симонъ. Іудея становится независимой. Уничтоженіе дани и сирійскаго лѣтосчисленія въ Іудеѣ. Союзъ Симона съ римлянами. Разрушеніе Акры и уничтоженіе послѣднихъ эллинистовъ. Іудейскія монеты. Несогласіе между Симономъ и сирійскимъ царемъ. Полководецъ сирійскаго царя Кендебай побѣжденъ. Симонъ падаетъ жертвой коварнаго убійства. . . . . 38—48

Глава IV.

Іоаннъ Гирканъ. Высшій пунктъ могущества Іудеи. Борьба Гиркана противъ сирійскаго царя Антіоха Сидета. Осада Іерусалима. Миръ на невыгодныхъ условіяхъ. Война съ парѳянами. Гирканъ въ войскѣ Антіоха. Гирканъ пріобрѣтаетъ разныя преимущества. Счастливые походы противъ самаритянъ и идумеевъ. Расширеніе предѣловъ Іудеи. Идумеи вынуждены принять іудаизмъ. Разрушеніе самаритянскаго храма на горѣ Гаризимъ и Самаріи. . . . . 49—59

Глава V.

Іоаннъ Гирканъ. Внутреннее положеніе Іудеи. Литература. Образованіе партій; фарисеи, цадукеи и ессеи. Организація Великаго Синедріона. Предсѣдатели его: Іошуа бенъ-Перахія и Нитай изъ Арбелы. Функціи Великаго и Малаго Синедріона. Богослуженіе въ храмѣ. Приказанія Гиркана. Натянутыя отношенія между Гирканомъ и фарисеями. Смерть Гиркана. . . . . 59 – 87

Глава VI.

Преемники Гиркана: Аристовулъ I, Александръ Янай. Характеръ Аристовула. Его любимый братъ Антигонъ. Завоеваніе въ Итурею. Разсказы о причинѣ смерти Антигона. Характеръ Александра Яная и его страсть къ войнѣ. Его борьба съ приморскими городами и египетскимъ принцемъ Латуромъ. Египетская царица Клеопатра и еврейскіе полководцы Хелькій и Ананій. Завоеваніе Александра у Іордана и Средиземнаго моря. Отношеніе Александра къ фарисеямъ. Симонъ бенъ-Шетахъ. Разрывъ Александра съ фарисеями. Возстаніе противъ него. Его завоеваніе въ странѣ моавитянъ и галадитянъ и пораженіе въ борьбѣ съ царемъ набатеевъ. Возстаніе фарисеевъ. Измѣна. Жестокое отношеніе Александра къ фарисеямъ. Эмиграція фарисеевъ. Военныя дѣйствія Александра, его смерть и завѣщаніе. . . . 87—100

Глава VII.

Саломея-Александра. Ея отношеніе къ враждующимъ партіямъ. Могущество фарисеевъ. Новый составъ Синедріона. Іуда бенъ-Табай и Симонъ бенъ-Шетахъ. Учрежденія и указы. Народное просвѣщеніе. Антицадукейскіе праздники. Храмовой налогъ и храмовая казна. Ненависть къ цадукеямъ. Казнь вліятельнаго предводителя цадукеевъ, Діогена. Опасное изгнаніе цадукеевъ. Политическое спокойствіе. Болѣзнь и смерть Саломеи. . . . . 100—111

Глава VIII.

Гирканъ II. Аристовулъ II. Борьба братьевъ изъ-за престола. Мирный договоръ между враждующими братьями. Отношеніе Аристовула къ партіямъ. Идумей Антипатръ. Слабость Гиркана. Арабскій царь Арета осаждаетъ Іерусалимъ. Ессей Хоній (Онiасъ). Вмѣшательство римлянъ. Взятіе Іерусалима Помпеемъ. Уменьшеніе владѣній Іудеи. Евреи въ Римѣ; ихъ вліяніе. Обвиненіе пропретора Флакка въ присвоеніи денегъ, пожертвованныхъ мало-азіатскими общинами храму. Рѣчь Цицерона противъ евреевъ. Ослабленіе власти Синедріона. Предсѣдатели Синедріона—Шемая и Авталіонъ. Насильственная смерть Аристовула и его сына Александра. Вліяніе Антипатра усиливается. Юлій Цезарь даруетъ евреямъ льготы. Сыновья Антипатра Фазаель и Иродъ. Иродъ передъ судомъ. Насильственныя мѣры Кассія въ Іудеѣ. Заговоръ противъ дома идумеевъ. Еврейскій полководецъ Малихъ. Отравленіе Антипатра. Месть Ирода. Пароянне въ Іудеѣ. Антигонъ становится царемъ. . . . . 111—140

Глава IX.

Антигонъ и Иродъ. Слабохарактерность Антигона и энергія Ирода. Трехлѣтняя война за обладаніе престоломъ. Взятіе Іерусалима Иродомъ и Созіемъ. Иродъ —царь. Проскрипціи и конфискаціи. Ходъ иродіанской политики. Прекращеніе наслѣдственности сана первосвященника. Смерть первосвященника Аристовула. Дворцовыя интриги. Война съ Набатеями. Землетрясеніе. Смерть послѣдняго хасмонея. Гилель-предсѣдатель Синедріона. Его традиціонная система. Ессей Менахемъ и суровый фарисей Шамай. Школа Гилела и школа Шамая. Счастье Ирода. Казнь Маріамны. Любовь Ирода къ роскоши и строительству. Постройка храма. Семейное несчастье Ирода. Казнь его сыновей: Александра и Аристовула. Интриги Антипатра. Фарисеи при Иродѣ. Разрушеніе римскаго орла. Книга Когелетъ. Казнь Антипатра и смерть Ирода.140—184

Глава X.

Архелай и первые римскіе намѣстники. Семья Ирода. Раздѣленіе Іудеи. Возстаніе противъ Архелая. Сабинъ и Варъ. Предводители-удальцы. Іуда Галилеянинъ. Утвержденіе завѣщанія Ирода. Архелай дѣлается этнархомъ. Его краткое правленіе. Его изгнаніе. Іудея становится римской провинціей. Намѣстники. Возмущеніе противъ ценза. Школы Гилела и Шамая. Іуда Галилеянинъ основатель партіи зелотовъ. Тяжесть податей. Новыя враждебныя дѣйствія самаритянъ. Изгнаніе евреевъ изъ Рима при Тиверіи. Тетрархи. Постройка города Тиверіады. Враждебное отношеніе намѣстника Понтія Пилата и благосклонное—Вителія. 184—204

Глава XI.

Мессіанскія ожиданія и начало христіанства. Мессіанское напряженіе въ умахъ. Различныя представленія объ ожидаемомъ Мессіи. Царство небесное эссеевъ. Іоаннъ, его дѣятельность, заключеніе въ темницу. Іисусъ продолжаетъ дѣло Іоанна. Исторія его рожденія. Его дѣятельность, отношеніе къ іудаизму и партіямъ. Его чудесное исцѣленіе больныхъ и изгнаніе имъ демоновъ. Его тайное выступленіе въ качествѣ Мессіи. Путешествіе въ Іудею. Обвиненіе и осужденіе. Первая христіанская община и ея представители; эбіониты. Удаленіе Пилата изъ Іудеи. Намѣстникъ Сиріи, Вителій, доброжелательно настроенъ къ Іудеямъ. 205—234

Глава XII.

Агриппа I. Иродъ II. Характеръ, жизнь и положеніе Агриппы. Зависть александрійскихъ грековъ къ евреямъ. Враждебная евреямъ литература. Врагъ евреевъ Апіонъ. Возстаніе грековъ въ Александріи противъ евреевъ. Намѣстникъ Флаккъ. Споръ изъ-за равноправія евреевъ въ Александріи. Третья книга Маккавеевъ. Еврейское посольство. Филонъ. Обращеніе Калигулы съ еврейскимъ посольствомъ. Приказаніе Калигулы поставить его изображеніе въ храмѣ. Смерть Калигулы освобождаетъ евреевъ отъ опасности. Могущество Агриппы при Клавдіи. Его правленіе. Гамалінлъ Старшій и его предписанія. Литература. Смерть Агриппы. Намѣстники. Иродъ II. Лжемессія Оевда. Тиверій. Тиверій Александръ. Смерть Ирода II. . 235—270.

Послѣдніе годы Іерусалима.

Глава XIII.

Распространеніе еврейскаго племени и еврейскаго ученія. Распространеніе евреевъ въ римской имперіи и въ Парѳіи. Еврейское разбойничье государство въ Нагардеѣ. Предубѣжденія язычниковъ противъ еврейства. Нападки еврейскихъ писателей на язычество. Еврейскія Сивиллины книги. Противо-языческая литература. Книга Аристея. Книга Премудрости. Аллегористы. Направленіе и философская система Филона. Прозелиты. Адіабенскій царскій домъ. Елена, царица-прозелитка. Апостолъ Павелъ. . . . . 270—319

Глава XIV.

Агриппа II и начало войны. Возбужденное настроеніе. Распространеніе упадка нравовъ. Агриппа II. Его характеръ. Послѣдніе первосвященники. Зелоты и сикаріи. Элеазаръ бенъ-Динай. Споръ съ самаритянами. Столкновенія въ Цезареѣ. Намѣстники. Безмѣр-

ная дерзость Флора. Возстаніе въ Цезареѣ. Кровавая баня въ Іерусалимѣ. Мирная и революціонная партіи. Предводитель зелотовъ Элеазаръ бенъ-Хананія. Вождь сикаріевъ Менахемъ. Возстаніе и побѣда. Рѣзня между евреями и язычниками. Второе пораженіе римлянъ. Настроеніе въ Іерусалимѣ и Іудеѣ. Синедріонъ и его предсѣдатель Симонъ бенъ-Гамаліилъ. Избраніе намѣстниковъ и полководцевъ. Поведеніе Синедріона. 419—362.

Глава XV.

Галилейская война. Свойства почвы и населеніе Галилеи. Возстаніе въ Галилеѣ. Іоаннъ изъ Гисхалы и Юстъ изъ Тиверіады. Іосифъ Флавій, его юность и характеръ. Его дѣятельность въ качествѣ правителя Галилеи. Начало галилейской войны. Разрушеніе Габары. Битвы и гибель Іотапаты. Іосифъ переходитъ къ римлянамъ. Паденіе Тарихеи. Безчеловѣчное отношеніе Веспасіана къ іудейскимъ плѣннымъ.. Осада и паденіе Гамалы и взятіе горы Таворъ. Сдача Гисхалы. Іоаннъ изъ Гисхалы убѣгаетъ въ Іерусалимъ. . . . . 362—386

Глава XVI.

Паденіе іудейскаго государства. Галилейскіе бѣглецы въ Іерусалимѣ. Столица, ея населеніе и укрѣпленіе. Броженіе. Терроръ. Идумеи. Вожди Элеазаръ бенъ-Симонъ, Іоаннъ изъ Гисхалы и Симонъ баръ-Гіора. Раздоры между вождями. Покореніе Іудеи послѣ трехъ походовъ. Цареубійство въ римской имперіи. Веспасіанъ провозглашается съ помощью іудеевъ императоромъ. Титъ осаждаетъ Іерусалимъ. Упорное сопротивленіе. Голодъ. Паденіе замка Антоніи. Пожаръ въ храмѣ. Разрушеніе города. Число павшихъ. . . . . 385—415.

Глава XVII.

Печальныя послѣдствія войны. Плѣнные и ихъ страданія. Бой звѣрей. Безчеловѣчность Тита. Ненависть къ евреямъ со стороны антіохійцевъ. Тріумфъ императора по случаю паденія Іудеи. Конецъ Симона баръ-Гіора и Іоанна изъ Гисхалы. Монеты по случаю побѣды надъ Іудеей. Тріумфальная арка Тита. Іудейскій фискъ. Паденіе послѣднихъ крѣпостей: Геродіума, Мазады и Махера. Возстаніе зелотовъ въ Александріи и Киренахъ, Конецъ Оніасова храма. Послѣдній зелотъ. Конецъ Вереники и Агриппы. Іосифъ Флавій и его сочиненія. . . . . 415—427

Примѣчанія.

1. Хроника постовъ или Megilat-Taanit, какъ достовѣрный источникъ . 429
A. День воспоминанія, относящійся къ до-маккавейскому періоду . 431
B. Дни воспоминанія, относящіеся къ періоду Хасмонеевъ . . 432
C. Дни воспоминанія о борьбѣ съ саддукеями . . . 433
D. Дни воспоминанія изъ римской эпохи 435
E. Хронологически неизвѣстные дни воспоминанія . . . 536
F. Дни воспоминанія времени разсѣянія . . . 436
2. Происхожденіе септуагинты и письмо Аристея. . . . 437
3. Іудейско-эллинистическая литература. 440

4. Іудейскіе Этнархи или Алабархи въ Александріи. . . . 453
5. Религіозные споры между евреями и самаритянами въ Александріи . 464
6. Хронологія войны Гиркана I съ Антіохомъ Сидетомъ и историческіе седьмые годы. 465
7. Еврейскія посольства въ Римѣ и документы въ пользу евреевъ . 468
8. Отпаденіе Гиркана I отъ фарисейства. 474
9. Три секты 476
I. Характеристика саддукейства и фарисейства . . 476
A. Юридическія различія 480
B. Ритуальныя различія 481
II. Характеристика есеевъ 484
10. Симонъ бенъ-Шетахъ, Александръ Янай и Саломея-Александра . 486
11. Постановленія Іуды бенъ-Табая и Симона бенъ-Шетаха . 487
12. Братская война между Гирканомъ и Аристовуломъ. . . 489
13. Шемая и Авталіонъ 490
14. I. Гилелъ 491
II. Рабанъ Гамаліилъ 495
15. Война Вара 493
16. Выборные или смѣняемые первосвященники во время Ирода и послѣ него 499
I. Матаѳій бенъ-Теофилъ I 512
II. Симонъ бенъ-Камитъ 513
III. Симонъ Кантерасъ 514
IV. Ананъ бенъ-Ананъ 516
V. Матаѳій бенъ-Теофилъ II 518
Хронологическая таблица выборныхъ первосвященниковъ . 520
17 Предмѣстье Бецета 521
18. Пребываніе адіабенской царицы въ Іерусалимѣ . . . 526
19. Политическій зелотизмъ школы Шамая. 529
20. Филонъ и его сочиненія 531
21. Поведеніе гилелитовъ во время войны съ римлянами. . . „
22. Своеобразная перепись во время существованія второго храма. 532
23. Первый шагъ къ войнѣ противъ римлянъ 536
24. Іудейскія монеты во время послѣ изгнанія. 537
Указатель 555
Оглавленіе.

ПОГРѢШНОСТИ и ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
63	9 снизу	опастностей	опасностей
121	2 „	повода подозрительной и клеветнической части еврейскаго народа	повода мнительному и клеветническому еврейскому народу.
127	6 „	Его отецъ Птоломей	Птоломей
171	13 „	Должы	должны
245	11 сверху	Энудій	Эводіонъ
262	4 снизу	Великаго	Старшаго
330	19 сверху	Махерусъ	отъ Махеруса
402	1 „	Александра Тиверія	Тиверія Александра